

Алексей Меняйлов

КАТАРСИС

ПОДНОГОТНАЯ ЛЮБВИ

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ

На переплете помещена репродукция с фрагмента картины
Р. ван дер Вейдена «Страшный суд» (1443 г.)

Посвящается Гале

Меняйлов Алексей Александрович

М50 Катарсис: Подноготная любви. Психоаналитическая эпопея. — М.: 1997. — 640 стр. с илл.

В мировой культуре присутствует ряд «проклятых» вопросов. Скажем, каким способом клинический импотент Гитлер вел обильную «половую» жизнь? Почему миллионы женщин объяснялись ему в страстной любви? Почему столь многие авторы оболгали супружескую жизнь Льва Толстого, в сущности, оплевав великого писателя? Почему так мало известно об интимной жизни Сталина? Какие стороны своей жизни во все века скрывают экстрасенсы-целители, скажем, тот же Гришка Распутин? Есть ли у человека *половинка*, как ее встретить и распознать? В чем принципиальное отличие *половинки* от *партнера*?

Оригинальный, поражающий воображение своими результатами метод психотерапии помогает найти ответы на эти и другие вопросы. Метод прост, доступен каждому и упоминается даже в Библии (у пророка Даниила).

В книге доступно изложен психоанализ *половинок* (П. и его Возлюбленной) — принципиально новые результаты психологической науки.

Книга увлекательна, написана хорошим языком. Она адресована широкому кругу читателей: от старшекласников до профессиональных психотерапевтов. Но главные ее читатели — те, кто еще не успел совершить непоправимых ошибок в своей семейной жизни.

ББК 88.6

Половая близость никогда не приносит пользы; довольно того, если она не повредит.

Этикур

«Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой — мне; он пасет между лилиями...»

«О, как прекрасны ноги твои... округление бедр твоих... живот твой... чрево твое... два сосца твои... Как ты прекрасна, как привлекательна, возлюбленная, твоей милотвидностью!.. И груди твои... груди твои...»

Библия, Песнь Песней 6:3; 7:2-9

Я предпочел бы найти одно причинное объяснение, нежели приобрести себе персидский престол.

Демокрит

Вводная глава.

И В ГОРАХ ТОЖЕ!

Женщину — *изнасиловать*, что, казалось бы, с точки зрения обычного человека, может быть естественнее для бандита?!

Но нет. Здесь, в этой части Средней Азии, бандиты поступали не так. Изнасиловать? Отрезать груди и бросить собакам — вот что здесь предпочитали делать.

С мужчинами, в силу физиологических особенностей, естественно, поступали иначе, но непременно — с вывертами.

Но Ал об этом не задумывался, — а не напрасно ли? — когда ночью на одной из азиатских станций ждал поезд на Самарканд — древнейший во всей Средней Азии город. Тамерлан, жестокий и кровавый завоеватель средневековой Азии, Железный Хромой (его так называли, потому что одна нога у него была железная), как и Наполеон, Гитлер или Сталин, мечтал покорить весь мир, и потому заново отстроил уже тогда древний Самарканд под будущую столицу. Город, судя по сохранившимся мечетям, медресе и дворцам, строился так, чтобы ошеломлять своей грандиозностью всякого в него входящего, даже много повидавшего на своем пути путника. Такие циклопические постройки во все века воздвигались на костях погибших от истощения строителей, но Восток жалости, похоже, не знал никогда.

Прежде, всего несколько лет назад, в этих местах было многолюдно от туристов, но сейчас, в смутное время то затухающих, то вновь разгорающихся гражданских войн, когда даже брат убивал брата, обеспечить безопасность приезжего с европейской внешностью стало невозможно, и теперь человек, по внешнему виду и по поведению в этих краях чужой — явление не только редчайшее, но, главное, привлекающее к себе пристальное внимание.

Ал, той самой европейской внешности человек, сидел в гулком, с высокими потолками, зале ожидания вокзала. Очертания рядов изломанных сидений казались еще более причудливыми от сумрака: с некоторых пор перегоревшие лампы здесь заменять перестали, а может быть, просто после того, как начали останавливаться заводы, ламп больше купить было негде. Поезд, если расписание здесь еще что-то значило, должен был отправиться далеко за полночь, оставалось еще часа

два, и поэтому Ал, чтобы скоротать время, достал из рюкзака книгу и, сев в самом освещенном месте, пытался читать. Но гулкая тишина тревожила, и на всякий необычный звук он подымал голову.

Одевались здесь люди неразлично, и, прежде всего, одинаковыми у них были шапочки — черные, шитые белым узором тибетейки. Поэтому Ал сразу же обратил внимание на человека с костистым лицом, на котором тибетейка была темно-зеленая, бархатная и без шитья. Да и одежда у него была более облегающая, чем у других обитателей ночного вокзала.

«Горец», — почему-то решил Ал. Так впоследствии и оказалось: да, с Кавказа, из тех, кого сюда, в Азию, депортировал Сталин. Ал опустил глаза и вновь попытался сосредоточиться на книге. Гулкие шаги человека в темно-зеленой тибетейке то приближались, то удалялись, потом приблизилась вновь — и неожиданно стихли. Ал поднял голову и увидел надвинувшееся на него костистое лицо, лишенное, казалось, не только глаз, но и самой жизни. Ал непроизвольно подобрался так, как его учили на тренировках по каратэ.

— Вы, случайно, спортом не занимались? — на неожиданно чистом русском языке спросил незнакомец, по-прежнему взглядом не встречаясь с Алом.

— Занимался, — кивнул Ал и медленно уложил книгу в клапан рюкзака, чтобы полностью освободить руки, единственное, как ему в тот момент казалось, его оружие. — Да, занимался.

— Каким? — незнакомец как будто высматривал что-то за его спиной. Алу очень хотелось обернуться, но он сдержался: этот прием он знал.

— Борьбой, — и Ал характерным для борцов движением повел плечами. — Потом немножко каратэ. Но бросил: после борьбы каратэ скучновато. А вот борьба — совсем другое дело.

— Заметно, — с хлесткой как удар ноткой уважительной лести в голосе сказал незнакомец. — С первого взгляда.

По костистому мертвенно-неподвижному лицу незнакомца неуловимо скользнуло некое подобие улыбки: он не столько увидел, сколько почувствовал, что Ал удар лести не заблокировал, пропустил — расслабился.

— Почему? — спросил Ал, улыбнувшись: всякий раз ему было приятно слышать восхищенную оценку ширины своих борцовских плеч.

— Плечи. Да — плечи. И вообще... Вы еще, верно, и офицер?

— Запаса. А вы?

Ал присматривался к незнакомцу, стараясь угадать, чем тот занимается. Он был ровесник Ала, лет ему, наверно, было около 35-ти, может несколько меньше.

— Прапорщик, — сказал человек с костистым лицом.

— Сверхсрочник?

— Да. Войска особого назначения. И куда нас только не десантировали! Были и такие места, о которых газетчики до сих пор еще не вынюхали.

— Теперь мне понятно, почему вы так чисто говорите по-русски. Армия. Очень интересно, — надеясь услышать больше, ободрил незнакомца Ал.

Действительно, всякий человек — это интересно. Кроме того, тот, кто рассказывает о себе, начинает видеть в собеседнике *человека*, нечто отличающееся от вещи, которую можно по своему произволу только употреблять, начинает видеть нечто значимое, а потому рассказывающий менее опасен. Ал слушал про подвиги человека с костистым лицом, но — странное дело! — доверчивее становился сам — и напрасно. Хотя, как могло быть иначе: негде ему было прежде изучить азиатскую душу.

— Но все это в прошлом, — криво усмехнулся собеседник, и Алу на мгновение открылись черные провалы зрачков незнакомца.

— А теперь чем занимаетесь? После того, как уволились из армии?

— Я? — лицо незнакомца стало и вовсе недвижимым и он, очевидно, желая сменить тему, представился: — Джамшед.

— Очень приятно. Ал.

— Откуда?

— Из Москвы.

— Ого! Так издалека? Какие-нибудь дела? В наше время гость оттуда — большая редкость. Люди сейчас боятся, всего боятся, значит, только дела — и серьезные — могут... — Джамшед, не договорив, многозначительно замолчал.

— Да нет, никаких дел. Все проще. Как раз именно потому, что — редкость, я и приехал. Тут у вас, судя по газетам, творится такое, что не сегодня-завтра границы перекроют — и навсегда, и со Средней Азией уже не познакомишься. А мне в ваших местах бывать не приходится. Вот и решил приехать. Посмотреть. А что касается до дел, то я... Я — писатель, и...

Джамшед непроизвольно поднял руку, как бы останавливая Ала: он явно не поверил. Дескать, не надо сочинять — правила игры я знаю...

Некоторое время Джамшед молчал, опять как будто что-то высматривая за спиной Ала. Наконец, лицо его исказила ехидная усмешка.

— Значит, любите путешествовать?

Ал пожал плечами.

Когда писатель (а так ли уж важно, что до публикации первой книги Ала тогда оставалось еще шестнадцать месяцев?) переезжает с места на место, он развлекается или что делает? Как объяснить далекому от творчества человеку, что если хотя бы раз впасть в соблазн и не последовать внутреннему движению души, пусть порой странному, то душа черствеет, и ничего стоящего на бумаге уже не получается? Путешествуя, в какой из плоскостей реальности находится писатель? И когда он поймет, зачем так поступил? И чем обогатился? Но Ал всего этого объяснять не стал даже и пытаться, а начал рассказывать, что иной раз просто полезно поменять место работы, поменять окружение, остаться одному, чтобы не было рядом знакомых и, главное, всех тех, кто почему-то возомнил себя в его жизни советчиком... И вообще, смутные вре-

мена — благословение в смысле неожиданных ситуаций. И, соответственно, прозрений... Что, собственно, единственно интересно. Действительно, что в этой жизни может быть интересней, чем прозрение?.. Да, Джемшад, в этих местах нет никого... Нет, жены нет... Почему?.. (Почему? Ну, не рассказывать же ему, едрена корень, что одна жена предала и развелась, вторая, на удивление, поступила так же, хотя повода для развода он ни малейшего не подавал. И чего им, бабам, только не хватает?) Почему? Наверное, невеста моя еще не родилась... Нет, здесь нет не только родственников, но и знакомых... Опасно?.. Я не боюсь... Почему? Так... Нет, не секрет... Серьезно, не боюсь — и все!..

— А вообще-то, — закончил Ал, — ищу такое место для работы, чтобы было тихо, чтобы никто не мешал, над головой не топали. Я уже жил так — в здешних горах. Но теперь решил поменять место. Сколько жил? Месяц. Один жил. В брошенном лесничестве. Дом — две комнаты. Даже стекла в окнах сохранились. В полчасе ходьбы медведь жил... В пещере. Нормально... Теперь вот потянуло еще куда-нибудь... Какое-нибудь тихое место...

— Есть такое место! — на костистом лице профессионального убийцы появилось выражение, которое он бы хотел, чтобы воспринимали как улыбку. — Такое место есть.

— Правда? — восторженно улыбнулся Ал. — Где?

— Тоже в горах. Я как раз туда. Хотите вместе поедем?

— Едем, — взялся за лямки рюкзака Ал.

Селение, по-местному — кишлак, действительно, было в горах, причем, как впоследствии выяснилось, всего в нескольких километрах от границы с соседней республикой, в которой взаимная резня между коммунистами и националистами достигла такого ожесточения, что поразала даже истомленное воображение газетчиков. Вырезали целые семьи, детей в том числе, только за то, что человек был не свой, пусть даже ни во что не вмешивающимся обывателем.

В горах граница прозрачна, для всякого рода банд — в особенности. Ал про это свойство гор знал и, возможно, никогда бы не согласился поехать к границе так близко, если бы знал, куда его везли... Если бы знал.

Но почему он, казалось бы, опытный и неглупый человек, так легко доверился?..

Из окна машины Ал смотрел на приближающиеся, все выше вздымающиеся горы, и время от времени поглядывал на шофера, пытаясь понять, почему тот так дорого с них запросил. И почему Джемшад даже не стал торговаться? Почему водитель не хотел ехать в эту сторону?

— Настанет лето — все выгорит, — обернулся к Алу Джемшад.

— Жаль...

— А сейчас — весна. Красиво.

Трава на склонах была того особенно приятного цвета, который бывает только в горах и притом только ранней весной, когда множество красных маков в предгорьях уже отцвели, а в горах целые поля их издали кажутся красивыми, как бы в дымке, красноватыми пятнами.

— Жаль — не жаль, — сказал Джемшад, — а сгорит. В этой жизни всем рано или поздно приходится сгорать...

Есть люди, правильней сказать — индивиды, рядом с которыми другие начинают чахнуть, обезволиваться, трава и та, кажется, начинает вянуть. Они, эти индивиды, о насилии, смерти, трупах не просто говорят — разлагающейся плотью они галлюцинируют. Бессознательно. Это их глубинное стремление к смерти как зараза передается другим, причем скрыто, как сейчас порой говорят, психоэнергетически. Среди прочего, эта их способность влиять на окружающих проявляется в том, что у оказавшихся рядом отключается критическое мышление, отключается настолько, что жертвы даже не замечают, что уже попали под чужое влияние. Эти убийцы всего живого порой таковыми себя не осознают, потому что это в их подсознании. Они искренне удивляются своему «успеху» и тому, что люди выполняют их желания, часто даже невысказанные. Этих властителей умов можно распознать по всему: по манере держаться и интонациям речи, по выбираемым словам, по мечтам и желаниям, роду занятий, но, прежде всего, по доверчивому поведению оказавшихся с ними рядом. Их, этих индивидов, в разных системах знаний называют по-разному: подавляющими индивидами, антисоциальными личностями, некрофилами. Последнее слово греческое: некротос — мертвый, филоэ — любить. Поскольку этот термин уже «занят» другими исследователями, то к более полному определению его содержания мы позднее еще вернемся.

— Выгорит. Живого не останется ничего. Все будет серое и коричневое, как те камни... Мертвое и серое... И только ночью из-под кустов миндала будут выползать кобры... Поохотиться. Видите, как много кустов? И под каждым — нора. В этих местах очень много кобр. Вам надо об этом написать.

— В тех горах, откуда я сейчас, — сказал Ал, — кобр не было. Были гюрзы. И гремучие змеи. Но гремучек было мало. Ближайшая жила от меня далеко — шагах в тридцати. Да и то — через ручей.

— Сай гремучке не помеха, — одними губами сказал Джемшад.

Кишлак, к которому они подъехали, теснился в небольшой долине между горами, а нужный дом стоял с краю, от сая (горной речки) метрах в двадцати.

Джемшад ждали, и неприметного вида хозяин дома оказал ему все возможное на Востоке почтение. Напряженная, как после удара, красивая хозяйка лет тридцати, быстро расстелила на полу дастархан и, поставив посередине блюдо с пловом, стала раскладывать вокруг него лепешки. Один за другим стали появляться мужчины, которые после ритуала приветствия молча садились на ковры вокруг расстеленного дастархана. Чем больше собиралось этих внешне неразличимых людей, тем больше происходящее начинало Алу не нравиться. В особенности не нравилось ему их раболепное отношение к хозяину дома.

Перед тем, как все опустили руки в общее блюдо с пловом, Джемшад прочел на арабском суру из Корана. «Бис милла», — эхом отозвались все и начали есть. Молча, запивая плов водкой. После еды один

из неразличимых, заливаясь идиотическим, болезненным смешком, достал пластину прессованной сушеной травы ядовито-зеленого цвета.

— А теперь покурим, — усмехнувшись, посмотрел на Ала Джамшед. Он раскрошил кусок поданной ему пластины, достал две сигареты, вытряхнул из них табак и стал набивать оставшиеся трубочки папирсной бумаги ядовито-зеленым крошевом.

Ал не понял, удивился, но вида не подал.

— Табачок, — усмехнулся Джамшед. — Хороший. Тот, что Сталин любил. «Герцеговина Флор», — и подмигнул.

Тот, с идиотическим смешком (учитель местной школы, как его чуть позднее очень и очень почтительно представили Алу), захихикал. Тень скользнула по лицам и остальных. По-русски здесь явно понимали все.

Все, кроме Ала и главаря (хозяина дома), как по команде, тоже стали готовить себе «сигареты».

— Я не курю, — твердо отказался Ал. — И не надо упрашивать — бесполезно. Да это и не «Герцеговина Флор».

Когда задымила первая «сигарета», Ал пересел поближе к приоткрытому окну. И даже, делая вдох, наклонился к проему. На такого рода сборище он оказался впервые, поэтому, даже не пытаясь скрыть свое все возрастающее удивление, он между вдохами все время обращивался на меняющихся на глазах людей. Они становились хуже, чем пьяные — как будто расползались бесформенными кучами, превращаясь в нелюдей, в совершенное ничто. И это им, похоже, нравилось.

Дымки от сигарет тянулись вверх, и закручиваясь под потолком гаденькими жгутиками, втягивались в верхнюю часть раскрытой створки окна. Навстречу в нижнюю часть тянуло свежим воздухом, которым и пытался дышать Ал. Но, несмотря на эту предосторожность, ему вдруг стало казаться, что ковров в комнате стало как будто больше и что они как будто стали ярче, а потом даже и воздух в комнате стал закручиваться. Все нехорошо и опасно поплыло...

То ли снаружи дома, то ли внутри кто-то визжал... Какие-то непонятные голоса то вливались, то выплывали из сознания. А рядом в ухо гнусаво бубнили, путая падежи и вместо «она» все время говоря «он» про какую-то «черненькую», которой много, сколько хочешь, и что сбить можно замечательно и очень выгодно... Да, бубнил голос, все надежно, все куплено, сбой в цепочке невозможен, а госбезопасность — а госбезопасность и в спокойные-то времена в эти места не рисковала сунуться, а сейчас тем более... Да и товар сейчас уже не как прежде на теле, в мешочках, да тайком, а отправляют в любые концы фурами, под овощами, а там сотни килограммов — выгодно!.. Так что он, Ал, не ошибся, значит, судьба: попал в самое то место, самое ему нужное. Ищущий находит. И хорошо, что сам не курит, — их главный тоже нет, — птицу видно по полету, а потому и связь, которую он ищет, будет особенно крепкой и выгодной. Связь... Хорошо-о-о... О?... О-о-о-о...

— Брось прикидываться, — отчетливо услышал Ал. — Я тебя сразу раскусил. Еще на вокзале. Да ты такой же, как я!..

«Что? — сквозь полузабытые вяло выстраивалась мысль Ала. — Кажется, он меня на вокзале за кого-то другого принял. За „гонца“?.. Или рангом повыше? А может, по плечам, за рэкетира не у дел?.. Что же делать? А? Плохо-то как... Пло-охо-о-о-о... О?... О-о-о-о-о...»

— А хочешь, мы тебе из города бабу — городскую! — привезем? Какую хочешь? Хочешь вашу, русскую? А хочешь — нашу? Из кишлака? Тебе какую нужно? Чтобы что делала?.. Или тебе, такому мощному, одной мало? Ты скажи — мы сделаем! Мы все можем!

— Наши, точно, лучше, — вплыл в сознание другой голос. — Русские говорят, что наши грязные, потому что не моются. Не так. Наоборот. Это русские грязные, поэтому им приходится все время мыться. А нам не надо. И наши — лучше. Это чувствовать надо. Чувствовать! Как запах. Попробуй нашу! Хочешь?!

В это время за окном раздался истошный вопль, напоминающий не то предсмертный крик, не то истерические взвизгивания бездарной актриски, взявшейся изображать страстную близость.

— А!.. И-а!.. Иа!.. а!.. а!.. а! — была весна, и это был ишак.

— Можно и такую, — голос был совершенно серьезен, — и так будет орать, и как хочешь будет орать. Что скажем, то и будет делать.

Ал, наверное, отказывался, но что говорил, он сам не понимал или не слышал. Потом, как-то вдруг, из ниоткуда, надвинулся глаз человека с костистым лицом:

— Рустам-ака, — сказал он, видимо, указывая на главаря, — все может. Рустам-ака — это все. Или ты еще не понял?

Но Ал уже понял все. И если что еще оставалось непонятным, так это то, каким образом отсюда ему удастся выбраться. Живым. Он один, а этих — вон сколько. Но самое опасное — совсем трезвый, полностью себя контролирующий, главарь...

Голова у Ала вдруг разом прояснилась, и сквозь плывущий и как бы мерцающий воздух он будто заглянул в душу человека с костистым лицом, будто проник в него — и понял, почему тот так старательно прятал глаза свои от Ала: расползшаяся по душе смерть пыталась остаться незаметной. Смерть всегда пытается остаться незаметной, в особенности для тех, кто хотел бы понять, что есть что в этой жизни. Впрочем, незаметной лишь до времени...

Неожиданно Джамшед откинулся назад, на спину, глаза его обесмыслились и нос заострился, как у трупа.

— Не выключай свет, Ал! — одними бескровными губами просипел он. — Не выключай свет! Не выключай, я тебя умоляю!

— Почему?

— Боюсь! Боюсь! Страшно мне!.. Видишь на потолке яйца? Это змей их отложил. Змей! Страшно! Боюсь! Мамочка, как страшно! О-о-о!.. Видишь яйца?

Ал посмотрел на потолок, а потом в обесмыслившиеся глаза Джамшеда. Змей был. Но в нем, в Джамшеде.

— Нет на потолке ничего.

— Боюсь! Страшно! Приползет за своими яйцами, вдруг на меня

упадет? И — за горло! Боюсь! Ведь у змея — яйца... — задыхаясь от ужаса, катался по полу и хрипел Джамшед.

— А что это наш гость ни в чем нас не поддерживает?— раздалось знакомое идиотическое подхихикивание учителя. — Не выпьет, не покурит с нами, ни чего другого... Русский — и не пьет? Как это может быть, чтобы русский?.. — И опять идиотически захихикал и, казалось, что смех его, придавливая, наваливался даже из его раскосых глаз...

Появились еще лица и еще...

— А в самом деле, почему? Выпей! Выпей! Покури, русский!

«Началось...» — вздохнул Ал. А вздохнул потому, что не рассказывать же им, обкуренным, про то, что для него, наоборот, чем меньше в жизни неестественностей, тем больше полнота радости жизни. Но не ответить вовсе было невозможно:

— Мне нельзя: лечить не смогу.

— Ты — врач? Врач чего? Лечишь чего?

— Психотерапевт. Людей лечу. 70 % болезней — от психики. Вместо того, чтобы, скажем, операцию сделать — достаточно с человеком поговорить. Это и есть — психотерапевт.

— Психотерапевт?.. А где на таких учат?

— В университетах. Но не во всех. В вашем республиканском, скорее всего, — нет. А в московском — да. Или — в медицинском. А потом два года ординатуры, — неизвестное для кишлачных слово «ординатура» должно было подействовать завораживающе.

— А ты где учился?

— В университете, — подчеркнуто ровным голосом, чтобы бандиты не догадались об обмане, сказал Ал. Обман же состоял в том, что ни в каком специальном учебном заведении психологии и психотерапии Ал не учился. Высшее образование у него было, но другое, техническое. Разумеется, волею судьбы став писателем, он прочел труды и Фрейда, и Юнга, и Фромма, и Адлера, и Берна, и Бехтерева, и Хаббарда, и Карен Хорни, и Ганнушкина — всех и не перечислишь. Словом, всех в глазах публики авторитетных, но друг с другом не согласных и не согласующихся психологов и психотерапевтов. А потому теория — часто лишь теория, к практике она может не иметь никакого отношения. Практическая же психотерапевтическая подготовка у Ала к тому времени ограничивалась двумя-тремя часами беседы с практикующим психотерапевтом, который и разъяснил Алу основы поразительного метода, который как прекрасный цветок иногда распускался во всех народах и во все эпохи, хотя и под разными названиями. Скажем, свою версию этого метода Стивен Хеллер в своей книге «Монстры и волшебные палочки» называет «перестройкой бессознательного». Живший задолго до Стивена Хеллера Лев Толстой, описывая этот метод в своей гениальной «Смерти Ивана Ильича», и вовсе никак его не называет, что наводит на некоторые размышления. Но, повторяем, названий этому до странности мало распространенному среди населения методу существует, очевидно, множество. Пара часов пояснений, пусть даже к гениально простому методу — это, согласитесь, немного, и поэтому иг-

ра Ала с бандитами может показаться чрезмерно рискованной, неоправданно опасной. Действительно, представьте себе, что бы эти люди, вернее нелюди, сделали бы с Алом, окажись он несостоятельным как врачеватель? Что бы они сделали с человеком, который случайно оказался в горах и где за него некому заступиться? Представили? Ну так тем более интересен метод, овладев которым всего за пару часов, человек не робеет даже в незнакомых горах, среди банды выродков, делающих деньги на чужой смерти.

— Столичный университет — самое лучшее в этом смысле учебное заведение, — продолжал импровизировать Ал, — его я и закончил. Так что, если владеть правильными методами, можно вылечить, по меньшей мере, 95 % заболеваний. В особенности, у женщин.

— Женщин? — оживился главарь.

Распознав в голосе главаря особую нотку, все лежавшие и сидевшие на полу немедленно притихли. Только один лежавший навзничь остановиться не мог и что-то тихо бубнил.

— Женщин?.. Значит, лечишь женщин!..

«Жена!— вдруг вспомнил Ал. — Сжавшаяся, как будто под ударом... И потому в постели у них, явно, трудности...»

Действительно, жена у главаря была конституционально чувствительна к психоэнергетическим травмам, которых в таком окружении она, очевидно, получила множество. Но ее же можно вылечить! Прямо сейчас! Это же возможность вывернуться, и какая возможность!!

— Да, лечу. Вот у вас — жена. В ней есть что подлечить. Кое-что.

— Кое-что? О... Откуда ты знаешь? — подозрительно спросил главарь. — Знаешь... Но откуда?

Ал пожал плечами.

— Так вот, чтобы иметь возможность помогать таким, как она, мне надо быть внутренне неоскверненным. Никакой водки и никаких наркотиков. Так что, я ничего ни пить, ни курить не буду. Ничего — чтобы и ее здоровье было беспорочным. Кстати, даже если я всего 15 минут с ней позанимаюсь, вы сразу же почувствуете, что она... э-э-э... изменилась. Но мне нужно, чтобы в комнате никого не было. Будут мешать.

— Они сейчас выйдут, — медленно, отчетливо проговаривая слова, произнес главарь, и коротко приказал на непонятном Алу языке.

Комната немедленно опустела. Последним вышел сам главарь.

— Надо раздеваться? — войдя, тихо спросила жена главаря и, легко дотронувшись до верхней пуговицы красивого халата, расстегнула ее.

Бархатно нежный голос, быстрый женственный взгляд темных карих глаз, такой, по которому одному уже можно было догадаться о ее природной, но до сих пор подавляемой, страстности, маняще нежные ресницы, скромно опущенная голова и великолепная фигура, мягкая, струящаяся в плавных переходах, но в руках такого мужа податливая явно не столько от движения внутреннего огня, сколько от особенностей обращения с ней, — вот какой женщиной безуспешно пытался овладеть главарь! Такая наверняка заставила бы сжаться не одно христи-

анское сердце. Если бы, конечно, глазам счастливица судьба даровала возможность хоть раз ее увидеть. А грудь! Самое главное — это была роскошная грудь, и верхняя пуговица халата уже была расстегнута.

— Надо раздеваться? — вновь, покорно опустив манящие ресницы, спросила она и дотронулась до следующей на груди пуговицы. Бархатно-карие глаза искали согласного взгляда Ала.

— Не надо, — слотнув комок в горле, сказал Ал. — Ложитесь так.

Женщина, не застегнувшись, послушно скользнула на постель и, приоткрыв губы, посмотрела на Ала.

— Так. Глаза закройте... Хорошо. Расслабьтесь... Чтобы нигде в теле не было напряжения... Так... У вас ноги напряжены. Расслабьте их, не напрягайте.

Женщина послушно чуть раздвинула ноги.

— Так... Руки... Осмотрите — внутренним взором — их внимательно... Хорошо... Теперь лицо... Нет ли где зажимов... Так. А теперь скажите: откуда вы так хорошо знаете русский?

— А он меня сюда из города взял. А пока у отца жила — училась. Техникум закончила. Русский.

— Понятно. Хорошо... У каждого человека его проблемы в подсознании отображаются в виде геометрических форм, то есть виден некий предмет. Сейчас вы свои проблемы и увидите. Итак, что вас беспокоит больше всего? В виде чего это? И где?

Жена главаря чуть нахмурилась, как будто всматриваясь:

— Цилиндры, — сказала она, — черные цилиндры.

— В какой части тела?

— На шее. И как бы чуть вверх на затылок, сзади, — и атаманша показала на затылок.

— Так. А из чего сделаны эти цилиндры? Меня интересует только ваше ощущение. Вы меня понимаете? Только ощущение.

— Железные, — сказала атаманша.

— А что они от вас хотят — эти черные цилиндры?

— Что хотят?... Наверное, лишают сил... И голова начинает болеть.

Вы знаете, у меня очень часто болит голова... Все время...

— А эти черные цилиндры влияют на ваши взаимоотношения с мужем?

— Влияют... Влияют, да еще как!

— В худшую сторону?

Жена главаря вздохнула.

— А давно существуют ваши цилиндры? Именно цилиндры? Ваше ощущение? Первая цифра, которая приходит в голову.

— Девять лет.

— А кто — по ощущению — «сделал» вам эти цилиндры? Мужчина или женщина?

— Мужчина.

— Вы знаете кто?

— Знаю. Муж.

— А помните ситуацию, в которой они появились?

— Помню. Он тогда бензопровод в руке держал. От автомобиля. И меня — бензопроводом...

— Так... И с того момента и появились эти черные цилиндры? Которые так влияют на ваши с мужем взаимоотношения?

— Да.

— А он вас часто бьет?

— Нет. Тот случай был единственный. Он меня любит. Прощение потом просил. Подарки дарил.

— Ощущение: от его просьб простить цилиндры уменьшились?

— Нет.

— Так. Ощущение: нужны вам эти цилиндры?

— Нет. У меня от них постоянно голова болит.

— А когда особенно?

— Когда он приближается. Даже с лаской. И я сразу ничего не хочу. И он не может получить от меня чего хотел бы...

«Та-а-ак... — подумал Ал, — не все, оказывается, может Рустам-ака...»

— Так. Теперь давайте рассмотрим эти цилиндры повнимательней. Сколько их?

— Много. Сосчитать трудно. Снаружи головы, но некоторые проникают и внутрь.

— Так. Дальше.

— Одни толстые, — атаманша, не открывая глаз, показала какие, — другие совсем тоненькие. Но зато они длиннее.

— Так. Как вы будете от них избавляться? Выкинуть их? Или что?

— Не знаю.

— Знаете. Рассматривайте их внимательно, наблюдайте, как они исчезают.

Жена главаря некоторое время молчала. Потом с сожалением вздохнула.

— Нет, не исчезают. Остаются на месте.

— Так... Вы как сами скажете, ваш муж достоин прощения? За этот удар?

— Прощения? Я его простила.

Ал понимал: чтобы доказать ей обратное, понадобится много времени. Простить-то она мужа в определенном (логическом) смысле простила — иначе, согласитесь, уж совсем нестерпимо с мужчиной ложиться в постель. Но, если бы она его действительно *простила*, то искажающих ее естество цилиндров не было бы. С женщиной Ал, по обыкновению, спорить не стал, а просто продолжил:

— Вы сказали, он вас любит... Опять-таки — не бьет.

— Не бьет. — Атаманша вздохнула.

— Врача до вас допустил. Уже за одно это он достоин прощения.

— Да, достоин, — опять вздохнула атаманша. — А вы знаете, цилиндры посветлели!

— Очень хорошо. Продолжайте наблюдать, как они исчезают.

— Все, — чуть помедлив, сказала атаманша. И высокая ее грудь колыхнулась от вдоха облегчения. — Исчезли.

— Прекрасно, — сказал Ал. — Что и должно было произойти. Какое ощущение в теле? Что изменилось в лучшую сторону?

— Легко стало. И свободно. Как будто даже легче стало дышать. И тепло. Тепло по всему телу. Особенно в ногах.

Ал посмотрел на ее ноги, а потом не удержался — и на все ее томное и как будто приглашающее тело. Две верхние пуговицы на халате по-прежнему были расстегнуты. Рядом никого не было.

— А отношение к мужу — ощущение — изменится?

— Да.

— А улыбаться вам хочется?

— Нет.

— вспомните что-нибудь приятное. Вам где-нибудь когда-нибудь было *очень* хорошо?

— Да, — улыбнулась лежащая женщина. — В доме у отца.

— Все. Открывайте глаза.

Жена главаря открыла глаза, медленно встала, еще, видимо, не совсем веря, что с ней произошли какие-то изменения.

— Все, — сказал Ал. — На сегодня все.

Женщина вышла. Ал ждал, что произойдет дальше. Было тихо. Прошло, наверное, с полчаса. Наконец, в проеме двери появился главарь.

— *Вели-икий таби-иб!!* — восхищенно сказал он. Лицо его лоснилось от удовольствия.

— Пустяки, — скромно сказал Ал. Сдержался, не добавил, что это всего лишь первое начальное упражнение психокатарсиса. Ну, да для обрезанного и это праздник.

— Я сейчас тебе еще одну женщину приведу, — с поклоном сказал главарь.

Другая женщина оказалась женой Джамшеда, человека с костистым лицом. В каком родстве она была к главарю Ал так до конца и не понял — что-то вроде невестки.

— *Ненавижу русских!..* — войдя, раздельно сказала она настолько почувствованным тоном, что от него содрогнулся бы даже приговоренный к смерти. И опять, когда Ал предложил ей лечь, и спросил, что ее беспокоит, она повторила: — *Ненавижу русских!..*

— Сколько вам лет? — спросил Ал.

— Двадцать девять...

Постепенно она разговорилась. Оказалось, что отец у нее, как и муж, чеченец — мусульманин, алкоголик и наркоман, а мать — русская, которая мужа своего ни в грош не ставила и могла, к примеру, совершенно неожиданно уехать на несколько месяцев к себе, в Рязанскую, кажется, губернию, уехать без разрешения мужа, что по местным понятиям было чем-то совершенно немислимим.

— Мне всегда было отца жалко, — говорила невестка. — Сколько себя помню, я всегда хотела быть отцу женой...

— Женой?

— Да. А почему нет?

— А мать, получается, мешала? Занимала место, по праву принадлежащее не ей, а вам?

— Да.

— А вы внешне похожи на мать?

— Не-е-ет! — с омерзением содрогнулась невестка. — Хотя, конечно, как можно совсем не быть похожей на мать? Я маленького роста — а она еще меньше.

— А нос, наверное, у нее острый? — Ал с усилием отвел взгляд от острого кончика ее носа. (Чтобы она не поняла источника его знаний.)

— Откуда вы знаете?! Да, острый...

— А губы тонкие, в ниточку?

— Поразительно! Вы и это знаете! Откуда?!

— Так. Расслабьтесь. Расслабьтесь-расслабьтесь! Так... Какой вам вспоминается случай, связанный с вашей *главной* проблемой?

Произошло это тринадцать лет назад, когда ей только исполнилось шестнадцать. В тот день надо было идти работать на огород, а мать накануне не только оттолкнула мужа, но и вообще отказалась работать в огороде. И тогда дочка решила доказать, что мамка — сука, доказать не только себе, но и, наконец, отцу, и для этого решила обработать весь огород одна. В результате переутомила. Надорвалась. И на том ощущении зафиксировалась. И с тех пор у нее вот уже тринадцать лет апатия и плохо сгибается в локте левая рука. В геометрических же образах — на ее локтевой сустав налипла темная вязкая жидкость и мешает руке двигаться.

— *Ненавижу русских!..* — вибрирующим от ненависти голосом закончила она.

Работать с ней было намного труднее, чем с женой главаря. Невестка была напряжена, расслабиться не могла, и жидкость, которая лишала сустав подвижности вот уже тринадцать лет, стекать упорно не желала. Время шло, и уже дважды в дверь заглядывал муж, Джамшед. Во взгляде его не было и тени симпатии к Алу. И хотя Ал сидел в двух метрах от лежавшей на постели женщины и даже подчеркнуто на нее не смотрел, Джамшеду, похоже, мерещилось нечто невообразимое.

— А ваш отец стал употреблять наркотики до того, как познакомился с вашей матерью, или после?

— Конечно — до. В наших местах до свадьбы все этим занимаются. А когда отец женит, то должны бросить. Отец сказал — и бросают. А мой отец против воли родителей женился — на русской — и бросить не смог.

— А матери нравилось, что отец употреблял наркотики?

— Нет, конечно. Сколько раз она ему говорила бросить, а он — никак.

— А вы как к этому относились?

— Я жалела его. Подходила и гладила.

— А вам нравится, что ваш муж этим ходит на отца?

— Нет, конечно! Сколько раз я ему говорила бросить, а он — нет. Может быть, вы поможете?

— Посмотрим... А ваш муж меньше употребляет, чем отец?

— Столько же, — презрительно хмыкнула невестка. — Слабый он. Да и вообще, что он может?..

«Попробуй он бросить — она ж его загрызет», — подумал Ал и спросил:

— А деньги? Зарабатывать?

— Деньги — может. Да что с того?..

— Но ведь очень может быть, — помолчав, продолжал Ал, — что вашему отцу ни с кем так хорошо не было, как с вашей матерью. Ведь выбрал же ее он?

— Да, — вздохнула невестка главаря. — Он. — И заплакала.

— Выбирал ее, а не вас, и вы не жена его, а — дочка. Что тоже, между прочим, совсем неплохо. У вас могут быть свои интересные взаимоотношения с отцом. Удовлетворяющие.

— Да, — всхлипнула жена человека с костистым мертвенно-неподвижным лицом. — Да... Удовлетворяющие...

— В таком случае, *вся эта проблема, вы понимаете, надумана!*

Ал еще заканчивал фразу, как дверь неожиданно распахнулась, и на пороге возник Джамшед.

— Да!! — и жалобно добавил: — Я больше не могу так.

Услышав голос мужа, его жена вскочила с постели, извиняясь, снизу вверх улыбнулась Алу и, твердой походкой подошла к мужу, что-то сказала на своем языке. Тон, очевидно, был тот же, каким ее мать-сука разговаривала с ее хорошим отцом-наркоманом. У Джамшеда вид и вовсе стал как у нашкодившего школьника. Потом она повернулась к Алу:

— А вы знаете, — ласково сказала она, — а ведь у меня *стекло*. Прямо вниз. По пальцам. Значит, точно — левая теперь будет как правая. — И вышла, с удивлением рассматривая свою обретшую подвижность руку.

— Послушай, научи! — снизу вверх заглядывая в глаза Алу, проговорил Джамшед. — Давно мечтаю научиться исцелять.

— Разве?

— Да. Чувствую в себе такое призвание.

— Ты знаешь... Ведь у меня нет времени.

— Ты не подумай, что я не учился. Я учился!

— Где?

— В университете.

— На кого?

— На учителя истории. Да только со второго курса ушел. Тошно мне там стало.

— Не получится, наверное, Джамшед.

— У меня получится! Я знаю. Мне один мулла говорил. Сказал, есть во мне что-то от Аллаха.

Ал пожал плечами.

— Да что хочешь тебе сделаю. Деньги, вижу, тебя не интересуют — так я по горам много хожу. Раскопки делаю. Сам! Такие места нахожу! Тебе — все покажу! Монеты старинные можно выкопать. Черепа! Да что там — целые скелеты! Змей вместе будем ловить. Их будем *убивать!*

— Нет, — твердо сказал Ал. — Я тебя учить не буду.

— Почему?

— Слишком агрессивен. Не получится.

— А-а-а!.. Алексей-акя! — приторно улыбаясь, мелкими шажочками вошел в комнату главаря. — Вам чего-нибудь не хватает? Может быть, вы бы чего-нибудь хотели? — Ал понял, что и невестка тоже успела кое-что рассказать.

Дальше... Дальше Ала усадили во главе стола — на самое почетное место.

Он сидел во главе стола-дастархана, неудобно, по-азиатски подобрав под себя ноги, и его просили сказать духовное наставление. Вы представляете?! Горы, логово, да еще в стране, где родственники-мусульмане почитали за величайший нравственный подвиг зарезать своего, если он становился христианином, там, где перед едой, молясь, по-арабски наизусть могли прочесть суру, просили его, русского христианина, сказать духовное наставление!!

Вот уж точно — по Евангелию: *«Будет проповедано по всему лицу земли!»*

Разумеется, уже здесь можно было бы сказать: да, благ психокатарсис! Но это лишь начало приключений.

Потом... Потом Ал, пресытившись приторным восточным гостеприимством, ушел в горы работать над двумя давно задуманными рассказами. И очень плодотворно провел там две недели. Но жил он на краю окруженного горами огромного макового поля, не понимая его опасности. Ведь Ал к своим 35 годам ухитрился не знать, что из маковой соломки изготавливается очень выгодный для торговцев смертью наркотик — опиум. И через две недели там его ночью захватила другая банда, на этот раз пришлых, чужих, которые не знали, что Рустам-ака распорядился во всех окрестных кишлаках, чтобы Алу были *все условия*. Во второй было все совершенно иначе. Лечить было некого. Они хотели развлечься, да немедленно — поиграть, надругаться. Но и тут помог психокатарсис, впрочем, другой его уровень. Для Ала же это было острое... удовольствие, что ли? — ночная погоня, под ногами невидимые в темноте кобры, неожиданные повороты событий...

Но воевать и даже *выживать* — дело не столь уж хитрое, поэтому, минуя эту ступень психокатарсиса, мы сразу переходим к еще более высокому его уровню. Многие, ох как многие пребывают в заблуждении, что в брачных (интимных) предпочтениях существует лишь *одна*, якобы всеми вожденная, вершина — взаимопонимание. Но это не так. В действительности, вершин две. Причем многим кажется, что штурмуют они одну, и о том, подбирая слышанные ими когда-то слова и фразы, рассказывают, но на самом деле упорно, не отдавая себе отчета, карабкаются, срываясь вновь и вновь, на вершину другую, противоположащую.

Как у кукол с вывернутыми назад головами, в зрачках их глаз отражается склон первой вершины, и, доверяя глазам, они верят, что они точно там, но в действительности телом они льнут к неровностям совсем другого, ими не замечаемого склона — противоположного.

Казалось бы, что может быть проще: всего лишь надо осмыслить, что в эротических предпочтениях мужчин и женщин вершин не одна,

а *две*, и вот оно — переосмысление жизни и ее победное освоение. Но так ли уж все просто?..

Продолжение авантюрного сюжета еще будет (да еще какое!), будут еще и экскурсии в эротические тайны (да еще какие!), но прежде, чтобы обогащение души шло *психокатарсически*, необходимо осмыслить несколько терминов. Благодарная, надо сказать, работа ума!

На последних страницах книги есть словарь новых терминов и переосмысленных понятий. Если сомневаетесь в значении употребляемого в тексте слова, то очень полезно в словарь заглянуть. Текст сразу же приобретает дополнительную глубину.

Часть первая

ПРОСТРАНСТВО ПСИХОКАТАРСИСА

Глава первая.
А ПОМНИШЬ?

Дороги и близки сердцу те люди, которым
можно сказать: «А помнишь?»

Таня Кузминская-Берс

В. *(Ласково снизу вверх заглядывая ему в глаза):* А помнишь, как мы с тобой в первый раз встретились?

П.: Еще бы! Конечно, помню!

В.: А в чем я была тогда одета, помнишь?

П.: М-м-м-м... Что-то очень красивое... В серый свитер, который так тебе идет, и...

В.: Ничего ты не помнишь! На мне было вот это самое вишневое платье.

П.: Ах, да-да-да... Конечно! Я просто оговорился... Вот это вишневое платье. Очень хорошо помню.

В.: Помнишь! Так я тебе и поверила! А вот на тебе была коричневая рубашка. И синяя куртка.

П.: Разве? Ужас! Старая, заслуженная куртка. Заслуженней не придумаешь. Ее надо было бы выкинуть еще лет пять назад. Или десять.

В.: Не надо выкидывать! Давай ее сохраним. Как память!

П. *(Он попытался не улыбнуться, чтобы она не заметила, как ему приятно это слышать, и попытался поверить, что не улыбнуться ему удалось.):* Хорошо, раз тебе так хочется... Вообще-то мне все равно, в чем ты тогда была. Разве дело в одежде? Я ничего, кроме твоих глаз, не заметил. Ну, может быть, еще нос.

В.: И что же ты там такого в них разглядел?

П.: Что тебе приятно на меня смотреть.

В.: Неужели?

П.: Да.

В.: А еще что?

П.: Глаза твои сильнее всего меня поразили не при первой встрече, а при второй, когда в коридорчике столкнулись, тогда, на Хаббардовских курсах.

В.: А там что разглядел?

П.: Что ты допытываешься? Я тебе уже рассказывал!

В.: Ну и что? Мне приятно послушать. Почему бы тебе и не рассказать? Ты же — *писатель!*

П.: Писатель. А ты — читатель. Только читают-то не ушами. Рассказывать — это совсем другой дар. *Рассказчика*. А я — *писатель*. Пишу то есть. *Писатели* очень часто рассказывать и не умеют... А история нашей с тобой встречи (да и всего вслед за ней происшедшего!) удивительна настолько, что хоть сейчас — за пишущую машинку.

В.: Не надо! Только не *сейчас!*

П.: Нет сыйч-час!!.. А в коридорчике... В общем-то поразило то же самое, что и в первый раз на семинаре. Странные, очень странные глаза. Глаза человека, попавшего в беду, и одновременно — ребенка. Да, обиженного ребенка, который почему-то ждет помощи *от меня*... Знаешь, когда женщине за тридцать, а взгляд по-прежнему доверчиво-детский — это... Это... Словом, за этим стоит что-то особенное... Это — душа. Я сейчас, возможно, рационализирую, домисливаю причины моих чувств, но... Но взгляд, действительно, был детский, с поселившейся в нем болью; болью, явно вторгшейся *извне*. Ты тогда, на занятиях, шла не одна, женщину какую-то, помню, вперед пропустила, всего-то и было у нас секунды две — что я мог тебе успеть сказать?..

В.: Ты мне сказал: *здравствуй*.

П.: Да? Значит, так и было. Да, только и было — мгновение, но это-то оказалось достаточно, чтобы понять, что ты будешь моей... Во всяком случае, в постели.

В.: Какой ты, однако, опытный! С женщинами!

П.: Опытность здесь ни причем. Случалось, считывал мысли у некоторых. Раз даже у шестилетней девочки биографию предков до третьего колена считал, если не до четвертого. Но то был редчайший случай. Да и проверить была возможность... А тут... Женщина? Ребенок?..

В.: И поэтому ты запаниковал? Ты во вторую нашу встречу так паниковал, так паниковал, что мне даже неудобно было.

П.: А как было не паниковать? Мы тогда на перерыв вышли, спустились на первый этаж и только на диван сели, так ты сразу свой странный рисунок, пейзаж с березкой, достала и показываешь, вот, дескать, таким ты меня представляешь. И тут тебя понесло! Дескать, какое тебе в оккультизме прочат большое будущее, про экстрасенсорику, про всякие твои сверхспособности, и прочее, и прочее...

В.: Да! А ты...

П.: Да! А теперь представь состояние человека, христианина, более того, христианского писателя, несколько лет проработавшего переводчиком богословской литературы, а потому богослова, который, если и не разбирается в оккультизме, то, во всяком случае, на этот счет не заблуждается — и вдруг женщина, которая ему по-настоящему понравилась, сообщает, что она оккультистка... Да еще *большое будущее*... Да еще и с чего начинается — с рисунка!..

В.: Не знаю, что со мной тогда случилось. Вообще-то я об оккультизме довольно уже давно никому не рассказываю (стыжусь, что ли?), а тут с

тобой меня... прямо как распирало — дай ему *все* скажу! Просто удивительно! Я себя не узнавала! Ну и, естественно, про оккультизм тоже...

П.: А мое тогда состояние представляешь? Плюс исполненные болью глаза, но при этом — *детские!* Что было делать?.. Свои убеждения высказывать? В противовес оккультным? Или уйти?.. Или молчать?.. Запаникуешь! Вот я с тобой о своих убеждениях даже и не заикался аж целых полтора месяца!

В.: Да, так и было. То есть ты, конечно, со мной спорил, не соглашался... И я видела: *что-то не то... Не как у всех*...

П.: Если и спорил, то весьма иносказательно. А потом... Потом после первой твоей на диване лекции (с демонстрациями!) о том, какая ты вся из себя оккультистка, и притом даже среди них необыкновенная, я тебя взялся проводить...

В.: Да, ты хотел остаться заниматься еще на одну пару, на этом хаббардовском «Общенин для одитора», но мне надо было идти, и ты тут же сказал, что тоже уходишь, только собраться надо. И пошел переодеваться. А в дверях...

П.: А в дверях, уже почти на улице, я спросил: а можно тебя проводить? А ты сказала...

В.: «*Ты это уже делаешь*».

П.: А на следующий день ты мне позвонила по телефону и говоришь, что всю ночь из-за меня не спала, плакала, и тебе необходимо «*по делу*» со мной встретиться. Представляешь, что я должен был подумать?! Некая сверхоккультистка из-за меня не спит, плачет — *что бы это значило?* И что это: *по делу?* Какое может быть у оккультисток дело? Я насторожился и спрашиваю: «В метро тебя устроит?»

В.: И что же я сказала?

П.: Ты сказала: «Да, устроит». Я: «Ветка метро у нас одна, концы только противоположные, давай тогда встретимся посередине». Ты сказала: «Давай». Я говорю: «Где?» Ты говоришь: «На „Проспекте Мира»». Я говорю: «Хорошо». А сам про себя думаю: ничего себе середина! Насколько ближе к себе назначила! К тебе только четверть пути, ко мне — все три. Я даже и не подумал, что ты уже целый план разработала!

В.: Скажешь тоже! Никакого плана. Я и не думала.

П.: А зачем — *думать?* Ты очень, как выясняется, целостно *делала!* Что я не знаю, что в очень ответственные моменты женщины не *думают?* Если бы ты все прорабатывала только на логическом уровне и наперед для себя решила, куда ты меня поведешь, и мне об этом сказала, я бы наверняка не пошел. А так, очень нейтрально: на лавочке в метро — поговорить. *По делу*. Хорошо, встретились. Ты мне: давай наверх поднимемся. Хорошо, поднимемся, почему бы и не подняться? А потом чувствую, по твоему шагу, что ты не просто так прогуливаешься, а весьма целенаправленно *ведешь*. Ну да ты чувствительная, сразу мысль мою прочитала и говоришь: «А ты бывал когда-нибудь в камере папы Карло?» Я: «Что-о-о?!» Ты: «Я тебе сейчас ее покажу». Я так и обмер, ну, думаю, *началось*. А ты дальше продолжаешь: «Только ты не *пугайся*, в этой камерке *ничего нет!*» У меня аж ноги ватными ста-

ли. Как это, спрашиваю, *ничего нет?* «Мебели, — отвечаешь, — нет, даже сидеть не на чем». Час от часу не легче! Что, думаю, там такое? Какой такой *Карло*? Тот, который Буратино из полена вырезал? И длинный нос ему сделал? Или главарь какой-нибудь банды, *папа Карло*?.. Банда! И кто бы мог подумать... Кто бы мог подумать...

В.: Что?

П.: Кто бы мог подумать, что я тогда как в воду глядел? Разве мог я в тот момент предположить, что я, чуть ли не через десять лет после того, как оставил оперативную сыскную работу, вдруг столкнусь с самым серьезным в своей практике преступлением?! Причем, преступлением по масштабам невиданным. Столкнусь и им займусь... И, причем, *как* на него выйду?! Снимая психо-энергетические травмы! И с кого?! Со своей *половинки*! Генетико-ритмическую сочетаемость с которой, как оказалось, можно математически рассчитать! Расчет показал, что *половинка* — это невозможно! А если невозможно ее существование, то тем более невозможно с ней встреча. Если, конечно, в этой жизни существование и встречи — явления не более чем статистические. Удивительно все это. Да... Но прежде чем я сумел осмыслить генетические и биоритмические аспекты бытия *половинок*, была просто — возлюбленная. Декодируя, дезомбируя, снимая психоэнергетические травмы с которой, я и вышел на материал о величайшем из преступлений в истории человечества... Да, возлюбленная... Нет, лучше с большой буквы: Возлюбленная! Ты ведь, все-таки, с *большой* буквы.

В.: Помнишь, как в «Мастере и Маргарите»? Она ему сшила из черного бархата шапочку, а на ней вышила одну только букву: «М» — Мастер. И я тебе тоже сошью. Ведь ты же издал книгу рассказов про Понтия Пилата?

П.: Было такое дело. Правда, *тогда*, при первой встрече, она еще не была издана.

В.: Как они мне тогда понравились! Но как ты все-таки долго не давал мне рукопись почитать!

П.: Не хотел бравировать перед тобой, что писатель... Писатель — это еще, к несчастью, и мифологема. Облик, одежда, манера, фасон бороды и даже мысли, которые писателям приписывают... И еще — обязательная с ними любовная история. А я не хотел, чтобы ты встречалась со мной как с некой мифологемой.

В.: Меня пожалел?

П.: Себя. А, кстати, как я тогда, при первой встрече, представился? Кем?

В.: Психотерапевтом.

П.: Хорошо.

В.: Тогда я тебе вышью не «М», а «П» — Психотерапевт. А можно оставить и «М» — Мой любимый Психотерапевт, Мастер. Спасший меня Мастер. Мастер Психотерапевт. Смотри сколько возможно уровней! И сколько заглавных букв.

П.: Тогда, для симметрии, придется сшить еще одну шапочку и вышить: «В» — Возлюбленная. И будут эти две буквы рядом: «В» и «П».

В.: Мне бы одну сшить...

П.: Сошьешь. Когда-нибудь. Год уже жду. Через год исполнится — два. Скоро это войдет в привычку. Ждать и верить.

В.: Я правда сошью. Правда-правда. Ты не беспокойся.

П.: А я и не беспокоюсь. Я ко времени отношусь философски. То ли есть оно, то ли его нет. И часто оно, похоже, закольцовывается. И ты сквозь него — на другой виток.

В.: Как Мастер. Помнишь, как они с Маргаритой на лошадях — в вечности?

П.: Разве такое было?

В.: Было. Последние главы — помнишь?

П.: Я имею в виду — у нас?

В.: У нас было лучше. А правда, странно, что так много из того, что с нами приключилось, как будто уже описано прежде: в том же «Мастере и Маргарите»? Скажем, весь этот волшебный флер?.. Книга про Понтия Пилата, писатель, рукопись, *он* и *она*, и самые главные вопросы бытия...

П.: А женщина — ведьма. Или в современной терминологии — оккультистка, которой даже среди оккультистов прочили большое будущее... А насчет флера... Помнишь, где встречались Мастер и Маргарита? Как и мы, в *московской (!) полуподвальной (!)* квартире. Он тогда выиграл по лотерейному билету, снял квартиру, в окно которой, проходя к Мастеру, носком туфельки и стучала Маргарита. И в твоей «каморке папы Карло» пол тоже ниже уровня асфальта. И в той же самой Москве все и происходит. Только в комнате у Мастера была печка, в которой он сжег свой роман про Понтия Пилата...

В.: Так и в каморке тоже есть! Ты что не понял? Вот тот выступающий угол у дальней от окна стены — это и есть печка. Естественно, отопление теперь центральное, но печку не снесли, только отверстия замуровали, а сверху обоями заклеили. Так что и печка совпадает. И про Понтия Пилата, когда первый раз в каморку пришли, было только в рукописи... Да и не разрозненные это рассказы, я сразу поняла, они связаны, своеобразный роман...

П.: Да, совпадений много... Даже, может быть, *подозрительно* много. Многие писатели брались за Понтия Пилата, но далеко не все из них — русские, а тем более — москвичи. И тем более в полуподвальной квартире. Плюс ведьма, начало любви с ней, с того времени, когда существенная часть романа уже завершена... Первый, заметь, в его — и его! — жизни роман! Поневоле начинаешь представлять, что писатель, настоящий, я имею в виду, может сквозь годы заглянуть в будущее, в другой виток уходящей в вечности спирали, в чью-нибудь каморку, и описать то, о чем для себя ему остается только мечтать... Заглянул, но *всю* красоту описать постеснялся. Решился взять только отдельные детали... Или наоборот: взял основное, прочие же штрихи укрыла дымка будущего... И эти скачущие в вечности кони... Странные все-таки эти люди — писатели. Как будто грезы, как будто в сознании лишь какие-то силуэты — но потом проходят десятилетия и все исполняется. Взять

того же Толстого: он сначала, во многом списывая свою Наташу с Тани Берс, и придумал ее несчастную любовь к негодяю Анатолию, — а уж *потом* Таня Берс действительно очень гадко влюбилась, и звали его даже не Анатолием, а именно *Анатолем*. Или еще: «Крейцерову сонату», где жена изменяет с музыкантом, дрянным человеком, Толстой написал *до того*, как его жена стала вытворять безобразия с Танеевым, профессором музыки. И ведь что поразительно: характерная черта, через которую Толстой передает характер музыкантишки — «развитый зад», — и действительно, профессор Танеев, как оказалось, не знал ни одной женщины, был гомосексуалистом, и не каким-нибудь, а именно *толстым*. Но это проза, темная сторона бытия, Толстой, как и Булгаков, не мог не искать в будущем и чего-то прекрасного. А действительно, почему бы и самому Льву Николаевичу при таких его пространственно-временных способностях также не заглянуть в «каморку папы Карло»? Конечно, увиденное он неизбежно должен был отобразить иначе, чем Булгаков. Булгакова, телесно закандаленного всепроникающим железным занавесом коммунистической империи, кроме вопросов души и духа беспокоили еще и осязаемые преграды, — отсюда в каморке он разглядел и стены, и полуподвальное расположение комнат, и печь, пригодную для сжигания рукописей. Толстой же осязаемым пространством скован не был, конкретные формы во взаимоотношениях двоих для него были как бы ничто, поэтому мы и наше конкретное бытие в его творчестве отобразились в самом главном — в судьбах его любимейших героев. Своеобразной мечте. Как бы грезе. А жизнь иногда даже прекрасней, чем грезы... Да, странно — что грезы, странно — что исполняются, и странные эти люди — писатели... И вообще все люди — странные. Где они живут, в каком мире? Или мирах?

В.: Милый, как мне хорошо с тобой!..

П.: Да, но тогда, когда я впервые шел с тобой в твою каморку, я даже и представить себе не мог, во что я впутываюсь. Порог какой истории я перешагиваю. Думал: каморка — пусть будет каморка. Может бандитская, а может — и нет. От азиатских бандитов, помнится, ушел. Сначала из одной банды, потом из другой. А во второй, ух, и круто же было! Потом какая-то каморка! Ладно, думаю, пойдём в каморку. И, помню, отшутился. Говорю, раз каморка, то есть на холсте и очаг, а над огнем, часом, нет ли вертела? На котором меня изжарят? Ты рассмеялась. Я: а за холстом, часом, нет ли какой дверцы к сокровищам? Заросшей паутиной?

В.: Да-да, там есть. В подвал. Только я туда никогда не лазила. Дом-то старинный... А вдруг там и взаправду — сокровища?! Вот было бы смешно, правда?

П.: Смеяться — ты и тогда смеялась, но все равно в твоём смехе чувствовалось беспокойство. Как, мол, восприму эту твою странно пустую комнату, с полом ниже уровня мостовой. В квартире, в которой нет даже ванной. Да... Но всего этого я тогда не знал, и мне представлялось нечто из книжки про Буратино и папу Карло: подвал и глухой низкий ход вниз, к *зияющей неизвестности*.

Если *он* бежит по дороге со скоростью 9 км в час, а *она* — со скоростью 4, то его раздражает, что она *словно сонная*, а ее раздражает, что он как *всегда* препротивно *мельтешит*. Ничего не изменится, даже если он подхватит ее на руки: ее будет раздражать его частое дыхание, а его — что она уселась и ноги свесила. В постели то же несоответствие — как следствие, они будут грызться от разочарования, точно так же, как грызутся и все наши соседи, в чем мы можем убедиться, присмотревшись к их жизни.

Постель, кстати говоря, всегда стоит там же, где бегут с разной скоростью: в симболе «пути» вообще умещается все. Да, на этой дороге, к несчастью, слишком уж часто *он* и *она* из любой наугад выбранной супружеской пары — биоритмически друг другу явно не соответствуют, а следовательно, не *половинки*. А если не *половинки*, то чужие, в сущности, друг для друга люди — *партнеры*. Чужие, чуждые, а потому друг друга не понимающие, словно разговаривают на разных языках, — и даже враждебные. Что, скажете, в жизни разве не так?

Да и сможете ли вы вспомнить того, кто пытался, а тем более смог дать отчетливое определение, что это такое — *половинки*? Интересная, согласитесь, и важная проблема.

Книга эта о любви, о возможности существования *половинки*, поэтому даже психотерапевтические приключения среди азиатских бандитов суть материал для проникновения на тот уровень сознания, который позволяет решить важнейшую из всех существующих практических задач. Да-да, важность не преувеличена, ибо еще Шекспир сказал:

«Одна Джульетта важнее всех философий мира!»

Лев Толстой настолько был не согласен, как полагают толстоведы, только с художественным методом Шекспира, что на полях собрания его сочинений оставил множество пометок ругательного характера. Но на фразе о Джульетте Лев Николаевич споткнулся, что-то написал на полях, зачеркнул, вновь написал и вновь зачеркнул, и, наконец, после нескольких таких попыток оставил бессмертное:

«Похоже, случайная удача».

Самому Льву Николаевичу в этом удача не сопутствовала. 48 лет брачной жизни он прожил с *партнером (партнершей)* — подобно окружающим его индивидам. Почему ему не повезло? Почему «не везет» всем прочим?

Ответить на этот вопрос можно лишь в одном случае, если сравнить узловые события жизни и особенности психики реализовавшихся (!) *половинок* с психикой и духом окружающего их населения. Все, как говорится, познается в сравнении.

На феномен *половинки*, оказывается, можно взглянуть естественно-научно, то есть построить математическую модель соответствия, что в

науке есть высший из аргументов. Да не пугается читатель этих слов — расчет прост и доступен каждому. Параметров для расчета несколько и, прежде чем ознакомиться с методикой расчета, надо осмыслить сущность нескольких из этих параметров.

Соединение с *половинкой*, как мы увидим из дальнейшего, — в судьбе некоторых людей удача отнюдь не случайная. Как оказалось, вполне закономерная. А потому, возможно, доступная каждому, кому прискучили *партнеры*. По-настоящему прискучили. Подсознательно.

Этапы общения с *партнером* описаны в литературе (художественной, научной и т. д.) вдоль и поперек — знакомство, ухаживание, выяснение, кто кого больше «любит», «счастливый» брак, развод или похороны. А о *половинке* не написано ничего, разве что встречаются некоторые догадки, скажем, у гениального Льва Толстого.

Как узнать *половинку*? *Похожа* она или не *похожа*? Почему, скажем, она не стала *половинкой* прежде? Чем она занималась вместо того, чтобы идти навстречу самой себе?

Если *половинка* — женщина, то только расспросами не обойтись: *слова* женщины в прямом смысле почти ничего не означают, даже если она, рассказывая о своей жизни, пытается быть предельно искренней. Одному французскому писателю удалось красиво и точно выразить эту особенность женщин. Он сказал приблизительно так:

«Размышляя над речью женщины, можно по ее словам выяснить только одно: кто по профессии были ее любовники».

Так как же узнать, что реально происходило с ней? Без психокатарсиса это невозможно. Но **без психокатарсиса**, как выясняется, **невозможно** не только рассмотрение прошлого (а в прошлом каждого человека заключено и его настоящее, и его будущее), но и **формирование половинки, а, следовательно, и история их любви**. Отсюда и название книги.

Это еще не знакомство с понятием *половинки*. Это еще только постановка задачи.

Итак, как мы уже сказали, на пути к *половинке* лежат любые неадекватности сознания, в частности, — *неврозы*.

Глава третья.

НЕВРОЗ

— Скажите, разбираться в женщинах — полезно это или нет? — об­ратился П. к начинающим и, помолчав, сам же и ответил: — Полезно. — И, вздохнув, добавил: — И насланительно!

Есть понятия, обозначающие некоторые жизненные феномены, не понимая которых, невозможно разобраться не только в дамах, но и вообще в закономерностях жизни. «Невроз». Это понятие описывает феномен, царствующий в тайной жизни всякой женщины и, в частности, той, которая вас в настоящее время привлекает.

Работники сыска, желая поймать убийцу, часто устраивают засаду на месте преступления. Об этой практике знают все — от мала до велика, и преступник в том числе. Следовательно, в месте засады, казалось бы, он появляться не должен. В таком случае, почему же засады столь часто приносят успех? Почему сексуальный маньяк закапывает трупы изнасилованных и убитых (а часто и наоборот: сперва убитых, а уж затем изнасилованных) им женщин *в одной и той же* клумбе? Ведь логическое же мышление подсказывает, что лучше не появляться там, где тебя — а это известно наверняка — ждут.

Но это — логика, сознание, здравый смысл. Но у людей есть еще смысл нездравый, если вообще его можно назвать смыслом. Это — *подсознание*. Или, что то же самое, *бессознательное*. Вернее, некоторая его часть. Итак, **невроз** — *это не контролируемый сознанием возврат в особую, случившуюся прежде, ситуацию*.

Люди, а женщины в особенности, раз уж мы осмелились называть вещи своими именами, «преступны», хотя бы в том особом смысле, что вновь и вновь возвращаются в ситуации, которые их некогда потрясли. Вы помните случай с атаманшей: когда к ней подходил ее муж-бандит, пусть даже с самыми *нежными* намерениями, она немедленно «проваливалась» в прошлое, когда после удара автомобильным бензопроводом она корчилась от боли. А поскольку главарь подходил к ней регулярно, то жизнь для нее превратилась в непрерывную головную боль. Это, согласитесь, кошмар. Для нее. Но каково же и ему, бандиту, если женщина, которая ему нравится, которую он предпочитает, вместо того, чтобы млеть от удовольствия, сжимается от боли? Таким образом, **невроз** — *это еще и боль*.

Не все мужчины — дельцы наркобизнеса, но каждый оказывается рядом с женщиной. И она на мужчину как-то реагирует. И всякий раз, выучившийся логическому мышлению мужчина удивляется: почему столь странным образом? И в этом смысле всякий из нас, мужчин, оказывается в шкуре того азиатского неудачника. Почему так происходит? (Мы имеем в виду не сам факт реакции, а именно странные, неадекватные, непонятные ее формы.) Отсюда, **невроз** — *это еще и неадекватное поведение*.

Человек — как мужчина, так и женщина — устроен таким образом, что некоторые события жизни запоминаются не только на уровне логическом, но и на уровне эмоциональном (подсознательном) и здесь отзываются болью. Боль — состояние неестественное, от которого можно освободиться правильным усилием ума, поэтому сознание, стремящееся к своему здоровью и к здоровью тела, всячески напоминает человеку об этой болезни непрерывным на боли сосредоточением. Это очень верное поведение организма, но люди естественное течение дел выучились извращать. В большинстве случаев, а правильной сказать, практически во всех, люди не освобождают себя от неврозов (цилиндры не исчезают, вязкая жидкость с локтевого сустава не стекает, камень из груди не выпадает), а к ним *приспосабливаются*. На практике это проявляется в том, что у атаманши от близости мужа-бандита хоть

и начинает болеть голова, но дети рождаются, а его невестка *ненавидит русских*. Иными словами, и жена главаря с ее частыми головными болями, и его невестка с плохо действующей левой рукой так бы и пребывали: одна в судорогах боли от удара бензопроводом, а другая — на огороде, так бы они и мучились, если бы в их самодовольном мусульманском мире не появился Психотерапевт и не подсказал естественный способ выхода из невроза. Таким образом, **невроз** — это еще и повод от него освободиться.

Невроз, как мы уже видели и основательней убедимся несколько позднее, приводит к потере сил, или, корректнее, приводит к как бы визуально наблюдаемой деформации энергетического поля. Следовательно, **невроз** — это спровоцированная внешними причинами фиксация искажения энергетического поля человека. (Мы считаем, что пространство /поле/ образов человека мы имеем право называть энергетическим хотя бы уже потому, что всякий, видящий «предмет», может сказать, сколько процентов энергии он «пережигает».) Сейчас для наших целей несущественна природа «видимых» (кавычки потому, что эти образы можно наблюдать не только с открытыми, но и с закрытыми глазами) образов; для дальнейшего постижения достаточно, что всякий человек — *всякий!* — может наблюдать это искажение непосредственно, без всякой подготовки. В чем можно убедиться, предложив закрыть глаза вашей соседке.

Сообразительный читатель, верно, уже обратил внимание, что невестка, хоть и ненавидела свою мать (а потому и всех русских), тем не менее, была вылитая она, и поступала со своим мужем точно так же, как мать — со своим. Кроме того, она в точности повторила брачную судьбу своей матери, которая предпочла наркомана всем прочим. Научные исследования показывают, что, погибни ее муж, она бы вновь вышла замуж только за агрессивного наркомана, пусть из всех претендентов наиболее тупого и сексуально ущербного, но, главное, *агрессивного наркомана*. Точно так же дочка военного делает все, чтобы выйти замуж за военного, а попова дочка — за попа. Поскольку на словах, на логическом уровне, они до брака декларировали, что ищут себе в мужа человека умного, благородного, честного, доброго, то внешне поведение данных женщин напоминает невротическое. Так оно и есть, только это не невроз ситуации, а невроз характера. Но в научной и иной литературе психологическое основание подобного рода поведения носит название не невроза, а *комплекса*. С точки зрения исцеления — а мы сейчас приступим к обучению читателя технологии исцелений — *комплекс от невроза* принципиально не отличается: и то, и другое ведет к неадекватному поведению, и то, и другое имеет границы, работать же можно с «предметами» любой формы. Мы не осмеливаемся быть дерзкими настолько, чтобы изменять признанную научную терминологию, поэтому под *комплексом* будем понимать тот вывих сознания, который возник не одномоментно, а на протяжении продолжительного времени, скажем, всего детства. Желание дочери выйти замуж за отца и, отсюда, ненависть к матери, как к более удачливой сопернице, свойст-

венно практически каждой женщине и носит название комплекса Эдипа (или комплекса Электры, см. «Орестею» Софокла и труды Фрейда).

Освобождение от неврозов (иначе — кодировок, психоэнергетических травм), комплексов и т. п. — естественное стремление здорового организма. К тому существуют естественные пути. Однако люди, привыкшие воспринимать мир только как муштру, т. е. как подавление прочих при одних обстоятельствах и подчинение подавлению — при других, выработали приемы, освобождающие не от причин неврозов, но лишь от внешних проявлений (симптомов). Например, к атаманше приближается ее супруг и сладким голосом, *особенно улыбаясь*, говорит: «Пора». У нее немедленно начинает болеть голова, и возникает сильнейшее желание убежать, уползти, закопаться, зарыться, закрыться, забросаться, чтобы он ни в коем случае не нашел и не дотронулся. Но она твердо помнит слова муллы о том, что Аллах не хочет, чтобы жена сопротивлялась мужу. Она делает над собой усилие... и детей у них уже шесть или семь. Многократное повторение подобных волевых усилий приводит к тому, что женщина муштрой выучивает себя действовать вне зависимости от своей головной боли. И если бы атаманша от рождения не была столь женственно слаба, а была бы более похожа на окружающих нас мужеподобных женщин, то ей бы и в голову не пришло признаться, что у нее с головой что-то не в порядке. Атаманше повезло. Теперь, быть может, всякий раз, ложась в постель, она, атаманша, возможно, будет вспоминать оказавшегося в их доме христианина.

Если верить Библии, то весь мир погряз в заблуждениях и уродствах мышления. Мышление, вымуштрованное на ложное понимание окружающего, подменило мышление истинное, адекватное, данное Богом. Это уродство настолько прогрессировало, что один из естественнейших способов мышления (освобождение от неврозов), большинством людей остается не востребуемым. Дело дошло до того, что из обычного языка исчезли даже подходящие слова для описания здорового процесса самоосвобождения. Но истина неистребима, и проявилось это в появлении слов, которые поначалу воспринимались как научные, а теперь уже во всех более или менее культурных слоях населения привычны настолько, что не вызывают ужаса. К примеру, «невроз» или «психотерапия». «Невроз» — мы уже разобрали. *Психо* — это душа, *терапия* — врачевание.

Здесь необходимо сделать некоторое отступление. Книга эта предназначена, прежде всего, для юношества, т. е. обращена не к «богатым», которых Козьма Прутков метко окрестил «колбасой — чем бы ни начинили в молодости, то они всю жизнь и носят». Юношество же обилием жизненных ошибок еще не принуждено их (эти ошибки) отстаивать и даже обожествлять. Потому некоторые молодые духом еще не отказали себе в праве задумываться. Ту же самую мысль Христос выразил в несколько иных словах: «*Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное*» (Мф. 5:3). Для тех, кто задумывался над страницами Священного Писания, комментарии излишни.

ТЕЛО ПАМЯТИ

Методы восстановления привычки мыслить естественным способом разнообразны. Разнообразны, среди прочего, и по необходимому для их освоения количеству времени. Психоанализу, например, требуются годы и даже десятилетия не только для того, чтобы разрешить проблемы, сходные с проблемами невестки главаря, но, главное, для обучения. Долго. Мы понимаем нетерпение молодости и ее стремление в кратчайшие сроки овладеть практическими навыками психотерапии настолько, чтобы, как минимум, не была страшна ни одна из азиатских банд, поэтому, минуя сравнительное рассмотрение различных приемов восстановления естественного (адекватного) мышления, мы сразу переходим к изучению метода *психокатарсиса*. Катарсис (гр. *katharsis*) — очищение.

Чрезвычайно важно осознать, что *психокатарсис* — это, прежде всего, *самокатарсис*.

И если, как мы видели, атаманша и невестка освобождались от мешающих им предметов *в присутствии* нашего Психотерапевта, то только потому, что это был их первый на пути психокатарсиса шаг. Какова дальнейшая в этом смысле судьба атаманши и невестки неизвестно, а вот Возлюбленная (в нашей истории любви она и есть — *половинка*) в тот же (!) вечер после «исповеди» на первом их свидании, вернувшись домой, перед сном *одна* самостоятельно (!) вытщила из своего позвоночника *молоток*. Таким образом, ясно, что психокатарсис — это *самокатарсис*, а обучение ему может занимать в определенных случаях буквально несколько минут. А ведь, согласитесь, заманчиво пусть не за несколько минут, а за несколько часов, стать врачевателем столь значительным, что по сравнению с ним многие современные общепризнанные маги, целители и врачи — совершенное ничто. Заманчиво? Да.

Психокатарсис, как и все естественное, прост и включает в себя всего четыре этапа:

1. Вхождение в *измененное состояние* (о том, что это такое, будет рассказано в главе «Двигаемся дальше»).

2. Концентрация на деформированном участке *тела памяти* (см. ниже).

3. Вздох облегчения после освобождения энергетического поля от деформации.

4. Выход из измененного состояния.

Или, выражаясь засушено-специализированным языком:

1. Самодиагностика.

2. Самооценка состояния.

3. Самокоррекция.

Но прежде чем приступить к обучению перечисленным этапам, мы обсудим новое понятие — «тело памяти».

Физическое тело — это понятно. Его можно ощутить, его можно пощупать, его можно увидеть и даже взвесить. Словом, это *физическая реальность*.

Скажите, а психика человека — реальность? Если человек реален, то его психика — тоже. Отсюда неудивительно, что с первой же попытки и атаманша, и невестка, и Возлюбленная *увидели* в себе соответственно: черные цилиндры, нечто тягучее на локтевом суставе и камень в груди. Но самое, быть может, неожиданное для обыденного сознания заключается в том, что тело памяти (другого человека!) может видеть и психотерапевт (с маленькой буквы, т. е. любой человек). Для этого требуется лишь некоторый навык, опыт — и не более того; никаких специальных упражнений не требуется. Таким образом, тело памяти обладает сходными с физическим телом свойствами — его можно видеть и рассматривать.

Тело памяти имеет вес. Спросите любого, видевшего в своем теле памяти какой-либо предмет, сколько тот предмет весит, и вес точно определят. В граммах или килограммах.

Тело памяти можно даже пощупать. От пояснений воздерживаемся, поскольку это приходит с опытом и, что самое главное, — само.

Как и физическое, тело памяти обменивается с пространством энергией — вам безошибочно скажут, сколько сил отнимает камень в груди — например, процентов 50 или 80.

Как вы сможете удостовериться на собственной практике, тело памяти с телом физическим может и не совпадать. Если вы помните, черные цилиндры лишь частично были погружены в череп атаманши, большая же их часть находилась вне. Итак, физическое тело отличается от тела памяти лишь большей отчетливостью поверхности раздела с внешней средой.

Итак, тело памяти, будучи реальным, обладает, в смысле внешнего его восприятия, почти теми же свойствами, что и тело физическое.

В последующих главах мы рассмотрим понятие «тело сознания» («тело мировоззрения»), — понятие более широкое, чем «тело памяти». Внешне эти тела похожи и отличаются тем, что образы тела сознания спровоцированы не извне, а возникают в результате только внутренней умственной деятельности самого человека. Это фундаментальное отличие проявляется во множестве следствий. Следствия мы обсудим позднее, после того, как научим читателя уверенно себя чувствовать даже в плену у банды азиатов. Или европейцев.

Представленные понятия могут у некоторых читателей ассоциироваться с восточными моделями строения человека, в частности, индуистскими или теософскими; на самом же деле, они не тождественны.

Термин «тело памяти» нами ниоткуда не позаимствован, — хотя сомнительно, что он оригинален. В силу естественности метода пси-

хокатарсиса многие люди как бы заново его открывают и, соответственно, пространству образов деформаций давали *свое* название. Поскольку нам неизвестны все эти названия, то мы просто вынуждены дать *свое*.

Как читатель, видимо, заметил, формализованного определения тела памяти мы не дали. Все как бы предоставляется интуитивному восприятию. Это сделано осознанно. Вы имеете право на интуицию и на рассмотрение самого себя.

Описываемые в этой книге феномены, могут быть объяснены также и с точки зрения ставшей в последнее время признанной «право-левополушарной» теории. По этой теории человек обладает двумя системами мышления, каждая из которых связана с одним из двух полушарий мозга. Левое полушарие специализируется на словесных построениях, числах, аналитическом мышлении и линейно-цифровых рассуждениях. Правое полушарие специализируется на пространственности, визуальной образности, воображении, цветовых ритмах, кинестатических переживаниях и творчестве. К этому выводу можно прийти, изучая людей с пораженным в результате травм или инсульта тем или иным полушарием — одни утрачивают логику, другие — образное мышление. Поскольку полушария относительно независимы, то чисто логически (функция левого полушария) решить проблемы правого невозможно. Или почти невозможно. Отсюда все системы психотерапии (а их более 250) направлены на преодоление проблем, возникших при восприятии жизни именно правым полушарием. Итак, танцевальная ли психотерапия, самопознание ли посредством рисунков, одитинг ли по Хаббарду, драматические или какие иные потуги, открытый ли по гипнотический транс в присутствии эстрадного гипнотизера — все основанные на этих подходах результаты связаны с особенностями функционирования правого полушария. Психокатарсис — не исключение. А в чем преимущество именно психокатарсиса, вы увидите далее.

Глава пятая.

КАМЕНЬ С ДУШИ

Теперь мы приступаем к изучению второго и третьего этапов техники лечебного психокатарсиса: т. е. обсуждению стадии концентрации на объекте и, в случае необходимости, освобождению от него (первый этап мы рассмотрим чуть ниже). Освобождение внешне проявляется немедленно — часто в виде глубокого вздоха облегчения. «Как будто камень с души свалился», — говорят в народе и не без основания: чрезвычайно часто в груди («на душе») лежит камень.

Итак, мы в «каморке папы Карло», в комнате, где совершенно нет мебели, и только у дальней от двери стены, справа от окна, стоят два табурета, взятых с кухни без спроса у соседки. Окно высокое, но подо-

конник разве что не на уровне асфальта, и потому оно занавешено чем-то вроде простыни. На полу горят три тонюсенькие церковные свечки, отбрасывающие на стены обаятельные своей причудливостью волны теплого света, и поэтому комната кажется родной и давно знакомой, как любимая с детства сказка. С сердцем В., как только она увидела П., случилось нечто особенное, нечто иное и большее, чем влюбление с первого взгляда, хотя В. и не отдает себе еще в этом отчета. Она нежна и вежлива (в наше время редкое среди женщин качество!). Да, она нежна, вежлива и привлекательна — Возлюбленная Психотерапевта. Это их после знакомства первое свидание.

И еще: обратите, пожалуйста, внимание на то, что реплики Психотерапевта почти всегда построены в форме вопроса. Конечно, чувствуются некоторые интонации, свойственные для допросов, но это осознаваемый П. недостаток, идущий от его сыскного прошлого. Впрочем, не так все однозначно: не стоит забывать, что перед П. стояла подсобная задача угадать из всего многочисленного населения планеты одну — свою *половинку*.

В.: А *это* не больно?

П.: Нет, конечно. Сама-то как чувствуешь — могу я тебя обидеть?

В.: Ты — нет.

П.: А откуда такая уверенность?

В.: Так...

П.: Ну и прекрасно. Тогда прислоняйся к стене и закрывай глаза.

В.: Закрыла.

П.: Сейчас мы обратимся к твоим внутренним ощущениям. Как ты скажешь: тебе удобней *это* делать с открытыми глазами или с закрытыми?

В.: С закрытыми.

П.: Обрати внимание на свои ноги. Что надо сделать, чтобы им было удобно?

В. (*Чуть раздвигает ноги*): Все — хорошо, удобно.

П.: Где — на уровне тела — твоя *основная* проблема?

В.: ...В груди.

П.: А она в виде чего?

В.: Она?.. Это... Это — камень.

П.: А сколько он весит, этот камень? Меня интересует внутреннее ощущение.

В.: Тяжелый.

П.: А все-таки, сколько?

В.: Килограммов десять.

П.: А какой он? Опиши. Какие у него края?

В.: Неровный. И края острые.

П.: Однородный? Он по составу однородный или есть какие вкрапления? Слоистость? Или еще что-нибудь?

В.: Однородный.

П.: А он притягивает к себе твою энергию?
 В.: Нет.
 П.: Он тебе нужен, этот камень? Он — *твой*, или тебе чужд?
 В.: Чужд.
 П.: Мешает?
 В.: Да.
 П.: Скажи, а давно у тебя этот камень?
 В.: Давно.
 П.: Сколько лет?
 В.: Десять.
 П.: Тебе его кто-то подложил?
 В.: Да.
 П.: Мужчина или женщина? Ощущение?
 В.: Женщина.
 П.: То есть, это полностью чуждый тебе камень, и ты хочешь от него избавиться, я правильно понял?
 В.: Да.
 П.: Как от него избавиться?
 В.: Выбросить.
 П.: Прекрасно. А через какое место ты его выбросишь?
 В.: Отсюда. (*Возлюбленная показывает на ямочку у основания шеи.*)
 П.: Прекрасно. Будешь делать?
 В.: ...Не получается.
 П.: А почему? Что-нибудь мешает? Где-то держит? Посмотри внимательно.
 В.: Держит. Сбоку веревочкой привязан.
 П.: А как от нее освободиться?
 В.: Перерезать.
 П.: Так. Будешь перерезать?
 В.: Уже. (*Глубокий вздох облегчения, как будто с души свалился камень килограммов эдак в десять.*)
 П.: Камень?
 В.: Вышел.
 П.: И где он? Ты его видишь?
 В.: Нет. Выбросила в форточку.
 (*Далее следует процедура освобождения от другой наиболее значимой для Возлюбленной проблемы, возраст которой — пять лет. Предмет оказался в голове, и Возлюбленная избавилась от него опять через ямочку у основания шеи.*)
 ...П.: Какое ощущение в голове?
 В.: Очень хорошо. Приятно. Вроде как голова посвежела.
 П.: А в груди?
 В.: Хорошо. Тепло. Спокойно.
 П.: Будем заканчивать?
 В.: Да.
 П.: Можешь открывать глаза.

Итак, реплики Психотерапевта почти всегда были сформулированы строго в виде вопросов. **Приказов не было совсем.** В этом величайший принцип психокатарсиса. Психокатарсис, в сущности, как мы уже сказали, есть *самокатарсис*. «*Само*» потому, что всякий человек имеет право желать для себя лучшего и иной раз именно так и поступает. Только *он* знает, что для него оптимальней всего: перерезать веревочку, перегрызть ее или пережечь. Только *сам* обремененный ношей знает, через какую часть тела лучше всего избавиться от ненужного. Поэтому позволить человеку *самому* справиться со своими проблемами — это величайшее по отношению к нему благо. В этом психокатарсис. Остается только пожалеть, что многочисленные школы психотерапии лишают людей этого естественного и наилучшего пути. Во время психокатарсиса непременно задействовано подсознание, та громада человеческого творческого естества, которая редко отображается в виде слов и понятий в так называемом сознании (логическом мышлении). Рассмотрение «каменей» и «веревочек» — это не просто так. Это верстовые столбы на пути овладения собой, возможность поиска и подбора вариантов.

Но общение Психотерапевта посредством вопросов имеет еще один уровень глубины: таким путем уменьшается возможность *кодирования*. Код — это *словесный* приказ, который зафиксирован еще и в подсознании (в теле памяти, т. е. от него *невозможно* освободиться путем чисто логического размышления); бессознательно и беззаветно выполняя этот приказ, человек совершает любое число неадекватных поступков. Посторонние объекты тела памяти *не могут* быть подвергнуты критическому анализу общебытовым логическим мышлением. Прежде всего потому, что попадают они в тело памяти, минуя это логическое (критическое) мышление. **Подсознание наиболее доступно для кодирования, когда логическое мышление отключено — когда человек без сознания, под наркозом, в состоянии опьянения, под воздействием энергетического поля подавляющего индивида.** В вводной главе («И в горах тоже!») мы уже говорили, что подавляющие индивиды способны энергетически отключать критическое мышление вообще (ниже мы рассмотрим это подробнее. — *Прим. авт.*), а в оценке действий самого источника подавления — в особенности, поэтому каждое его (индивида) слово обретает силу кода. Каждый из нас несет в себе хотя бы «горчичное зерно» греха, что проявляется в поле большей или меньшей подавляющей силы. Отсюда, словесная помощь в психокатарсисе желательна не в виде директивных распоряжений, а в форме вопросов. Это, как полагают, уменьшает возможность кодирования. Уменьшает, но не гарантирует. Если взявшийся «помочь» — яркий подавляющий индивид, то он кодирует одним своим желанием. К счастью для Возлюбленной (а она в силу своей сверхчувствительности распознала это сразу), наш П. практически не подавляет.

И еще: помните, Психотерапевт спросил Возлюбленную, сколько лет назад появился тот камень? А потом, кто его «удружил» — мужчи-

на или женщина, помните? Для собственно излечения ни вопросы, ни ответы на них нужны не были. Для освобождения от деформаций энергетического поля и получения вдоха облегчения в них нужды нет. В классически простом варианте психокатарсиса все решается анонимно, достаточно сконцентрироваться на предмете, в данном случае на камне, а затем подсказать и сознанию и подсознанию, что оно может, *если хочет*, от этой деформации избавиться. Не отвернуться от проблемы, как поступают утратившие естественное мышление, а решить ее. На языке образов тела памяти решение проблемы — это обрезать веревочку и выбросить камень через ямочку у основания шеи и далее — в форточку.

Зачем же в таком случае эти «когда» да «кто»? Все очень просто: это была слабость Психотерапевта — ему так страстно хотелось побольше узнать (подсмотреть?) о приглянувшейся ему женщине, милой и вежливой. А подсознание — это единственная область женского естества, где о женщине можно узнать нечто достойное здорового размышления. И что же он узнал? Очень много. Во всяком случае, достаточно, чтобы это знание породило вздох облегчения у самого Психотерапевта. Но об этом после.

Мы не будем здесь обсуждать, правильно ли он поступил или нет, но в камерке Психотерапевт хотя бы отчасти сохранил верность основному принципу психокатарсиса (что это, прежде всего, *самокатарсис*), чего нельзя сказать о его поведении с бандитскими женами. Там он не выяснял, какая проблема наиболее значима, не спрашивал у подсознания бандитских жен, стоит ли вообще быть милой с бандитом, — он, Ал, просто шел на результат, на некое подобие чудотворства: оживить плохо действующую руку и прекратить головные боли. В его общении с бандитскими женами, наверно, можно разглядеть и другие несовершенства. Но не торопитесь его осуждать: еще не известно, как бы поступили *вы*, оказавшись впервые в логове азиатских торговцев смертью.

В дальнейшем будут, как вы сможете убедиться, и некоторые другие отклонения (к примеру, от того же принципа кратчайшего пути). Но что делать? Прежде всего, мы хотим рассказать про эту удивительнейшую историю любви, показать, ничего не приукрашивая, как все это происходило на самом деле, поэтому сеансы психокатарсиса воспроизведены стенографически точно. Нам кажется, что вы, дорогой читатель, достойны знать правду, достойны возможности поразмышлять и способны отделить пшеницу от плевел.

Глава шестая.

ДВИГАЕМСЯ ДАЛЬШЕ

Из условных четырех этапов лечебного психокатарсиса мы рассмотрели второй и третий и теперь, прежде чем обратиться к последнему, четвертому, вполне логично рассмотреть первый — собственно начало работы.

Читатель, верно, обратил внимание, что во всех приведенных примерах лечебного психокатарсиса освобождающий себя человек работал с закрытыми глазами? Но закрывать глаза вовсе не обязательно. Можно работать и с открытыми. И даже на ходу, когда вы после работы через парк возвращаетесь домой. На деревья наткаться не будете. Это проверено. Объясняется это тем, что человек во время психокатарсиса, в отличие от состояния гипнотического транса, полностью владеет своим критическим мышлением.

Таким образом, психокатарсисом можно заниматься чуть ли не в любом положении — сидя, лежа, на ходу. Но сидеть все-таки удобней, чем стоять. Лежать же удобней, чем сидеть, но лежание ассоциируется со сном. И если Ал в доме у главаря женщин укладывал на спину, то это вынужденно: в кишлаках если сидят, то на полу, скрестив под собою ноги. Возлюбленная, помните, сидела.

В обществе, среди прочих суеверий, бытует устоявшееся представление, *как* должен происходить сеанс психотерапии. Поскольку нарушение стереотипов требует дополнительных сил и часто приводит клиентов в состояние гипнотического транса (следствие переутомления от размышлений), то ниже мы приведем некоторые советы, как начать сеанс психокатарсиса в рамках, приемлемых для обыденного сознания. Тем более, что к предпочтению такой позы — сидеть с закрытыми глазами — есть некоторое основание.

Разум человека принято подразделять на сознание и подсознание. Сознание — это та область разума, движения в которой человек пытается выразить словами. Сознание — это область логического мышления, которое, среди прочего, может достаточно адекватно описать полученное внушение. Но чаще сознание внушения *рационализует*, т. е. пытается представить невротическую неадекватность поведения как якобы обоснованную некой реальной необходимостью. Рационализации даже часто выдают за логически обоснованную истину. Логическое мышление — это то, что, как утверждают женщины со слезой обиды в голосе, у них есть. Подсознание — все остальное, что можно отнести к области разума. Подсознание, как мы уже говорили, есть местопребывание неврозов. Невротическая нелогичность подсказывает атаманше при появлении мужа сжаться от боли и прижать руки к вискам. Сознание (а в случае атаманши, возможно, другое внушение) подсказывает, что на особенно кривую улыбку главаря надо послушно кивнуть. В результате возникает компромисс: дети рождаются, а голова болит.

Подсознательное желание атаманши убежать от мужа подавляется неким другим внушением или усилием рациональной воли, но словесно свой выбор и свое дурное самочувствие она совершенно искренне объясняет причинами, с действительными не имеющими ничего общего. Например, голова болит, потому что плохие: климат, погода, соседи, правительство, времена, и т. п. Эти порождения ума и называются заблуждениями или *рационализацией* (от лат. ratio — ум, расчет, мера). Логическое мышление в подобных случаях оказывает своему об-

ладателю дурную услугу: вместо того, чтобы помочь от внушений освободиться, начинают воздвигаться логические оправдания, к действительности отношения не имеющие.

От заблуждений лучше всего избавляться. Но *только* логическими перепостроениями от них не избавиться, потому что чаще всего в их основании — неврозы, психоэнергетические внушения, местопребывание же последних — сфера не логическая.

Как же вернуться к действительности? Простейший для начинающего способ — прикрыть глаза, чтобы не быть связанным с внешними объектами. Парадоксально? Но это так. Внешние объекты практически все «завязаны» с рационализациями, и их, объектов, присутствие «отбрасывает» разум в область ложных фантазий.

Итак, глаза закрыты. Это состояние специалисты обозначают термином, которое вызывает у несведущих обывателей судороги ужаса — *транс*. Если же перевести этот галлицизм на более удобопонятный язык, то это всего лишь *измененное состояние*. Измененных состояний возможно множество, но нас интересует лишь то, которое хотя, к несчастью, и непривычно, но в котором человек полностью собой владеет, ясно и адекватно мыслит, творческие его способности расширены. Мы его назовем *рабочим*.

Излишнее напряжение не на пользу. Оно отнимает силы, которым можно было бы найти более достойное применение. Спросите того, кому вы собрались помочь, в наилучшем ли для психокатарсической работы положении его тело. Спросите, *где то*, что мешает ему принять наилучшее положение. Нужно ли ему *это*.

Но лучше один раз самостоятельно сделать, чем десять раз прочесть. Начните с простого. Возьмите даму, желательно смешливую (они с большей готовностью расслабляются), усадите в удобное кресло и спросите, *что и где*.

Бывает, что дама засмущается и не ответит. Не разочаровывайтесь: просто *что* оказалось в пикантном месте, такое случается. Если у вас от юношеской пылкости не задрожит голос, то предложите ей все-таки ответить. Если задрожал — возьмите другую даму. С *что* в другом месте.

Если же дама уверенно заявит, что *ничего не видит* — это серьезно. Женщины в состоянии простить мужчине все что угодно, кроме неумения их расслабить. Попытайтесь пойти этой женщине навстречу. Или возьмите другую даму.

Глава седьмая.

СТАДИЯ ЧЕТВЕРТАЯ — И ПОСЛЕДНЯЯ

Четвертая и последняя стадия психокатарсиса — возвращение из измененного состояния.

Чтобы правильно понимать основополагающие принципы выхода из измененного состояния, необходимо иметь в виду, что человек, за-

нимающийся психокатарсисом, находится как бы *одновременно* в двух системах мышления. Во-первых, полноценно функционирует сознание (критическое мышление), человек анализирует происходящее и вне, и внутри себя; во-вторых, он сконцентрирован на внутренних ощущениях, то есть, находится в неких областях подсознания. В рамках право-левополушарной концепции это означает, что задействованы оба полушария мозга. Это состояние ума мы называем измененным, по той лишь причине, что оно не привычно, — хотя и естественно.

Особенность этого состояния заключается в том, что неправильный из него выход в некоторых курьезных ситуациях может привести к продолжительным (до нескольких дней) отрицательным эмоциям. Например, однажды женщина тридцати шести лет не успела в присутствии нашего Психотерапевта сконцентрироваться на сухом березовом полене в левом бедре — довольно, надо сказать, печальном полене, — как началось сильное землетрясение. Землетрясение, имеется в виду, не в ее сознании, а в буквальном смысле: в квартире, где они сидели, сдвинулась мебель, а люстра, похоже, решила и вовсе переселиться на пол. Сеанс был, разумеется, прерван — все жильцы срочно выбирались из своих квартир. Продолжить женщина впоследствии отказалась. Почему?

Наиболее вероятное объяснение заключается в том, что ее подсознание зафиксировалось на моменте выхода. А он был для нее неприятен. С одной стороны, концентрация на сухом березовом полене означала (на эмоциональном уровне) возвращение в некую неприятную, возможно, даже болезненную для нее ситуацию. С другой стороны, она испугалась ходящей ходуном мебели. На этом страхе и зафиксировалась. Отсюда, всякое напоминание о возобновлении лечебного психокатарсиса возвращало ее в состояние страха при землетрясении и одновременной невротической боли из давно ушедшего в прошлое случая.

Таким образом, очевидно, что безграмотный выход неприемлем даже для начинающего. Нормальный выход из измененного состояния не должен сопровождаться фиксациями на отрицательном и фиксациями вообще.

При правильно проведенном выходе гарантируется хорошее настроение работающего, хотя бы уже потому, что он получил освобождение от ненужного бремени.

Классический выход таков:

П.: Милая, ты сегодня не устала? Силы еще поработать есть?

В.: Нет, на сегодня хватит.

П.: Хорошо. Хочешь подвести итог сегодняшней работе?

В.: Да... Ты знаешь, стало лучше. Легкость во всем теле, приятное ощущение в руках и ногах. В голове светло. Радостно. Улыбаюсь, так, что остановиться не могу. (*Вся сияет.*)

П.: Открываешь глаза?

В.: Да.

НЕКРОФИЛИЯ

Это классический выход, когда устранение искажений зримо проявилось во вздохе облегчения. Однако, не всегда удается достичь достаточно положительных результатов, часто из-за недостатка времени и сил. Но даже если времени было достаточно, то все равно мусора психических травм в теле памяти любого человека множество и очиститься от них за один сеанс невозможно. Может случиться так, что человек настолько устанет от работы с собой, что не может самостоятельно сделать выход на уровне эмоциональной приподнятости. Человек, работая с какой-либо травмой прошлого, вдруг осознает, что *больше не может*, работать прекращает, и на этой отрицательной эмоции фиксируется, подчас на несколько дней. Из двух зол меньшее предпочтительней, поэтому обстоятельства вынуждают иной раз сказать так (причем, директивным тоном):

П.: А теперь представьте себя в каком-нибудь очень приятном для вас месте. Там, где вам очень хорошо. Так... Открывайте глаза.

Это насилие над личностью, к которому прибегают медики любого мировоззрения. Это можно осуждать как нарушение высоких принципов. Но как бы на месте Ала поступили вы, если бы над вами заходил потолок, если бы жизнь ваша зависела от чувств атаманши, если бы было жизненно необходимо, чтобы всякий, на нее в тот момент взглянувший, понял: да, ей стало заметно лучше. Но мы и не скрываем — это, в каком-то смысле, нарушение принципов психокатарсиса.

А теперь вернемся к тому случаю, когда во время сеанса началось землетрясение. Как оптимальней всего было в том случае поступить? Задать вопрос типа: «Не считаете ли вы, что бояться землетрясений не самое адекватное в данной ситуации поведение?» — бессмысленно хотя бы уже потому, что столь сложное переплетение слов опоздает, человек раньше испугается звона рухнувшего шкафа с посудой.

Поскольку человек, овладевший логикой психокатарсиса, в идеале ориентируется в окружающей действительности лучше, чем все остальные, то в *исключительных* случаях брать ответственность он должен (может) на себя. Это — *вынужденно директивный метод*:

«Вас не беспокоит то, что сейчас происходит с вашей квартирой. Мы спокойно продолжаем работать».

«У вас сейчас невероятный прилив сил. Настолько сильный, что вы спокойно, открыв глаза, поднимаете рухнувший на нас потолок, и мы выходим».

«Спокойно, тетка!! Все путем!»

Словом, психокатарсис — это не твердолобое следование неким в кабинетной тиши сформулированным принципам, а *творчество*. Это творческое отношение к жизни вообще. Доводить до абсурда пусть даже весьма привлекательно звучащие принципы мы никому не советуем.

Дорогой друг! Читая нижеследующие натуралистические, а потому отвратительные описания, не забывайте, что основная цель нашей книги — рассмотрение прекраснейшего из феноменов — *половинки*. Но окружающий нас мир сер и даже почти черен, хотя и пытается обмануть, предстать белым. Выдать себя за нечто иное — прекрасное. Потому и полезны разоблачения. Для этого в некоторых рассуждениях и необходим натурализм описаний — для полноты осмысления происходящего. Перетерпите его, пожалуйста!

Итак, что это была за женщина, которая «удружила» В. камень в грудь? К какому типу она относилась? К тому же самому, что и главарь бандитов, автор проникающих в череп цилиндров. К тому же самому, что и Джемшед, которому без особого труда удалось увлечь Ала в горный кишлак. Про Джемшеда мы уже знаем, что он убивал в прямом смысле. Его способность подавлять критическое мышление (подавляющий индивид) также можно рассматривать как частичное умерщвление человека, а именно, его воли (т. е. его личности). Это есть именно умерщвление, в чем можно убедиться, рассматривая обессиливающие деформации тела памяти: камни в груди, черные цилиндры и т. п. Иными словами, этого типа люди одержимы страстью превратить любого оказавшегося под их властью человека в *неличность*, марионетку, *труп*. Такими они им больше *нравятся*.

Э. Фромм определяет некрофилию (*некрос* — мертвый, *филио* — любить, т. е. влечение к мертвечине или страсть к смерти, уничтожению, разложению) как «страстное влечение ко всему мертвому, разлагающемуся, гниющему, нездоровому. Это страсть делать живое неживым, разрушать во имя одного лишь разрушения. Это повышенный интерес ко всему чисто механическому. Это стремление расчленять живые структуры» (Fromm E. The anatomy of human destructiveness).

Таким образом, у современных психологов этот термин описывает круг феноменов более широкий, чем осязаемая «любовь» к буквальным трупам.

В наиболее эффектных формах эта «любовь» наблюдается среди некоторых работников моргов. Оставаясь во время ночных дежурств в мертвецкой наедине с трупами, они выбирают приглянувшиеся им мертвые тела, часто молодых девушек, и с ними совокупляются. При этом иногда соблюдаются канонические приемы: перед коитусом ласкают у трупа соски, гениталии, шею и т. д. Новшества же вполне определенные: перед *главным* могут со всей силой впиться зубами между ягодицами, ввести трубку в мочевой пузырь трупа и выпить остатки уже гниющей мочи (не морщитесь, среди ваших знакомых есть склонные к такого рода удовольствиям, просто с вами, как еще не с трупом,

они не считают необходимым быть откровенными), а выпив мочи, возбуждаются настолько, что нечеловеческим усилием проникают, наконец, в до судорог холодное, в условиях морга, тело. Наконец, еще большее удовольствие они получают, когда, перевернув неподатливый труп девушки, совершают над ней акт содомии.

И вот здесь, похоже, и заключается основная странность: почему *такая* неестественность, почему именно акт содомии (совокупление в анальное отверстие), а не общепринятые формы соития?

Далеко не всякому яркому некрофилу выпадает такая редкостная удача — пристроиться работать в морге. Многим приходится каким-либо образом приспособливаться к своим влечениям иначе. Некоторые по ночам приходят на кладбище и, отыскав свежую могилу, вырывают труп; наладившись же им, затем его еще и расчленяют. Другие трусливы настолько, что боятся пойти ночью на кладбище — ночью так страшно! — и потому свое **влечение к мертвечине сублимируют, то есть желаемые буквальные поступки заменяют символическими**. Что это значит? Это значит, что совокупляться могут и с живым, но непременно в гробу. Или требуют просто рабского повиновения. Роль мертвого тела может выполнять даже, скажем, государство, родина, которую, чтобы получить интимное удовлетворение, необходимо умертвить, разрушить или уничтожить хотя бы тем, что больше ее не видеть.

Родину в качестве замещающего объекта для расчленения выбрал яркий некрофил, оставивший заметный след в истории, — Адольф Гитлер. Существует множество исторических трудов, в которых описывается поведение Гитлера в период, когда союзные войска вступили на территорию Германии, и из этих трудов — даже не психологов — отчетливо видно, что приказы и распоряжения Гитлера не имели никакого практического смысла для обороны Германии, а было одно лишь изготовление из своего фатерлянда разлагающегося трупа. Это и уничтожение городов, и уничтожение водопроводов, и сжигание магистратурных списков тех немцев, которые нуждались в помощи по старости. Впрочем, Гитлер свои, скрывающиеся за высокопарными словами, внутренние побуждения однажды скрыть не смог. Раз он проговорился: «Если Германия не может себя защитить, то немцы не имеют права на существование». Достаточно подробно об этом пишет Фромм в книге «А. Гитлер: клинический случай некрофилии».

Истинный некрофил характеризуется не столько количеством уничтоженного (к тому необходимы соответствующие объективные возможности, но они могут и не случиться), сколько, прежде всего, силой *некрополю*, характером энергетического воздействия на окружающих. И здесь для исследования последствий пребывания в некрополе более удобны женщины — они более чувствительны и у них слабее контролирующая рациональная воля.

Известно, что Адольф Гитлер был импотентом, но, несмотря на это, у него было огромное количество женщин.

Судя по внешнему рисунку поведения фюрера, Фромм пришел к выводу, что Адольфа Гитлера привлекали два типа женщин. Вернее,

он строил с женщинами два типа взаимоотношений. Одних он не уважал и несколько с ними не считался. К этому типу, полагает Фромм, относилась, например, его любовница, Ева Браун, с которой он вступил в брак за несколько часов до своего самоубийства. Эта, прежде достаточно здоровая женщина, покончила с жизнью вместе и одновременно с новобрачным. Не надо заблуждаться, что за этим самоубийством скрыты некие возвышенные стремления типа «любовь до гроба» или «во всем быть рядом с тем, кому трудно». На самом деле зафиксированы, по крайней мере, две ее попытки покончить с собой еще в те времена, когда Гитлер физически уничтожил не себя, а окружающих. В первый раз она стреляла в сердце, причем от выстрела даже потолок был забрызган кровью, но пуля в сердце не попала, и Ева Браун выжила.

Были и другой тип женщин. Они преимущественно принадлежали к высшему свету или были профессиональными актрисами. Перед ними Гитлер заметно робел и, не стесняясь присутствующих, унижался как мог. Рената Мюллер (вскоре покончившая жизнь самоубийством) после интимной близости с фюрером рассказывала, что, оставшись с ней наедине, Адольф встал перед ней на четвереньки и стал требовать, чтобы она его била и пинала. От каждого удара он приходил в волнение все больше и больше, и все убедительнее и убедительнее кричал, что он *ничтожество*, что он *ни на что не годится*.

Итак, к какому бы типу ни относились попавшие в зону энергетического влияния Адольфа Гитлера женщины (ползал ли он перед ними на четвереньках сам или заставлял ползать их), они *неизменно* впоследствии кончали жизнь самоубийством или, как Ева Браун, во всяком случае, пытались это сделать.

(Интересно, что многие приближенные Гитлера /в т. ч. охранники/ были гомосексуалистами и, в отличие от остальных, обращались к фюреру попросту — на «ты». Некоторые из ближайшего окружения любимца Германии были бисексуалами, т. е. им, в сущности, *все равно: мужчине или женщине*. И это понятно: как пишет Адлер, для авторитарного индивида существуют только два пола — те, *которые ему* подчиняются, и те, *которым* подчиняется он.)

Энергетическое воздействие ярких некрофилов вообще и Гитлера в частности проявляется двояко. Во-первых, от непосредственной близости с некрофилом появляется влечение к смерти, подавляется воля к *самостоятельным* поступкам и затухает критическое мышление. Это страшно, но от этого можно избавиться: можно просто отойти подальше или уехать. От второй компоненты воздействия так просто не избавиться. Близость с некрофилом оставляет в теле памяти психоэнергетическую травму, которая служит кодом, приказом к последующему самоубийству. Что и исполняли те женщины, которые допускали близость с фюрером. (Нечто похожее произошло с женой главаря азиатского наркобизнеса, когда у нее появились черные цилиндры. Удар бензопроводом — это не просто физическая боль, это фиксация в своем теле памяти особого в тот момент состояния психики главаря, это — психоэнергетическая травма. Гитлер мог обойтись и без бензопровода.)

Итак, **некрофил** — это индивид, который проявляет себя в поступках или, хотя бы, в стремлениях, и, что самое опасное, проявляет себя в энергетике. (Стремление к уничтожению окружающих или стремление к уничтожению самого себя — по сути одно и то же, отличие лишь в объекте приложения влечения.) Последнее самое опасное, потому что проявить себя как убийца некрофил может и побояться, и вынужден будет сдержаться, а вот состояние своей души им не контролируется, что через энергетическое воздействие и провоцирует неврозы у большинства окружающих. Это так хотя бы уже потому, что понятие «невроз» или любой другой термин, обозначающий искажение психоэнергетического поля, известно и осмыслено (а это уже некоторая защита) лишь незначительной частью населения.

Некрофила распознать можно по-разному, в том числе и по его специфической мимике. Вы, наверное, не раз встречали людей, которые все время как бы принохиваются (вариант — брезгливое выражение). Это, как пишет Фромм, они и есть. Те самые некрофилы. К чему только они принохиваются?

Некрофил, служитель морга, как вы помните, вводил в мочевого пузыря трупа молодой девушки трубочку и высасывал гниющую уже мочу, от чего так возбуждался, что, наслаждаясь, совершал акт содомии (случай фактический, приведен Фроммом, который использовал материалы уголовного дела). Этот случай не только типичен, но и характерен. Дело в том, что у некрофилов особое отношение к пищеварительному процессу вообще, а к процессам выделения — в особенности.

Процесс пищеварения для них — это процесс расчленения и уничтожения еще недавно *живых* растений и плоти *трупов* животных. Отсюда — *результаты* пищеварения для них есть верх совершенства, а отверстия, это совершенство выделяющее — нечто сакральное. Некрофилы бывают разных типов и, среди прочего, различаются по наличию или отсутствию сексуальной энергии. Если сексуальная энергия есть, то он/она будут возбуждаться от одного вида испражнений или от облизывания партнеру *всех* отверстий выделения. (Любителей этого больше, чем может показаться. Такой секс, конечно, своеобразен, но бежать от всего этого надо сломя голову, пока эти любители не начали вас еще большим числом психоэнергетических травм!) Другой вариант — когда у некрофила сексуальная энергия резко снижена. Тогда вопросам пищеварения (заниматься-то человеку, у которого главная эрогенная зона — анус, больше нечем!) и вовсе придается религиозный статус.

Да, в Писании, действительно, сказано, что тело всякого человека — потенциальный храм Святого Духа, и осквернять его дурными видами пищи — грех. Подобное осквернение (продуктами гниения, ядами, канцерогенами и т. п.) есть ступени самоубийства, поэтому Богу, Который есть Жизнедатель, оно столь же неприемлемо, как и всякому *биофилу* (*биос* — жизнь, *филео* — любить). Можно выразиться и иначе: раз осквернение как вид самоубийства Богу неприемлемо, то оно неприемлемо всякому истинно любящему жизнь. Он будет есть не то, к чему

приучили себя окружающие, а то, что полезно. Для некрофилов же внутренняя сущность ритуала питания, естественно, иная, чем у человека Божия. Вегетарианцем был пророк Даниил (Дан. 1), но вегетарианцем был и Гитлер. Форма — одна, сущность — противоположная, что распознается по множеству прочих деталей способа существования этих двух типов людей. (Скажем, рядом с биофилом его жена расцветет, а рядом с некрофилом если и не покончит жизнь самоубийством, то, во всяком случае, зачахнет.) Об этом полезно поразмышлять, сравнивая, скажем, того же Гитлера и пророка Даниила.

К чему же принохиваются некрофилы? Да-да, вот именно к этому: к самому совершенному из выделений. Принохиваются они и брезгливо морщатся не только вблизи переполненных общественных уборных, что, казалось бы, естественно, но и в местах поистине неожиданных, скажем, в продовольственном магазине, музее или церкви. И это понятно: если запаха, как признака присутствия *этого*, нет, то любимой массой можно галлюцинировать — и тоже принохиваться. Несколько смазанное выражение принохивания (некоторые бы это назвали высокомерной брезгливостью) заметно на фотографиях любимца Германии — Гитлера. Возможно, местом съемок парадного портрета главы государства, действительно, был выбран общественный туалет, но, скорее нет: не во всякую уборную может поместиться вся необходимая осветительная аппаратура. А то, что на лице кумира Германии выражение смазано — так ведь это все-таки парадный портрет, можно и попозировать.

Все время находиться в любимом месте — там, где выделяются испражнения, — некрофилу может помешать необходимость зарабатывать деньги или запрещающие внушения, полученные в детстве. Поэтому атмосферу любимого места приходится имитировать путем внутреннего перевоплощения (перенесением астрального тела?), что и отражается в специфическом выражении лица, с годами фиксирующемся недвусмысленной сеткой морщин («привычное выражение»). Часто некрофилы настолько совершенствуются в управлении выражением своего лица, что гримаса принохивания проявляется на их лице только когда они остаются наедине с собой. Но и в этом случае привыкшего к двойной жизни выдают специфические морщины искателя любимейшего из запахов.

Некрофилов также можно распознать по состоянию их комнаты, а женщин — кухни. Вы, наверное, обратили внимание, что у женщин, которые вкусно готовить не умеют, на кухне редко убрано, беспорядок страшный, грязь по стенам накапливается годами, раковина вечно переполнена невытой посудой, или же — наоборот, везде *стерильная* чистота. Противоположность кажущаяся. Грязь — это попытка создать желанную среду помойки, а стерильная чистота — это результат борьбы с привычной галлюцинацией на нечистоты. На кухне же у здоровой женщины *достаточно* убрано для того, чтобы и готовить, и жить. Она не проедает плешь ни мужу, ни детям за естественные последствия их пребывания на земле и, в частности, на кухне. Она, *биофилка*, живет, готовит и убирает для того, чтобы *жить*. Да и готовить она тоже умеет.

Почему знать о некрофилах важно? Стоит ли вспоминать в этой жизни о чем-либо еще, кроме прекрасного?

Представьте себе некий собирательный образ симпатичного молодого человека, которому выпал жребий родиться от матери — яркой некрофилки, а отца существенно менее подавляющего. Это тип толстовского Пьера, самого Толстого и, если угодно, во многом нашего П. Естественно, он (наш гипотетический молодой человек) отличается от ребенка, родившегося от внутренне благородных родителей, и отличается во многих отношениях. Во-первых, в среднем, по предметам, где требуется сообразительность, он учится хуже, чем мог бы (подавлено логическое мышление), да и здоровье его существенно слабее, чем могло бы быть, слабее из-за многочисленных психоэнергетических травм, которыми мать его начинала от зачатия. Потом он, беспомощный, лежал перед ней на столе, пока она его пеленала и внушала: «Не шевелись!» Забитое еще с младенчества тело памяти болеть будет всю жизнь, и в определенных ситуациях отнимать сил особенно много. Ребенок вырастает вялым и малоподвижным, может быть, позднее он сверхкомпенсирует это усиленными занятиями спортом (Лев Николаевич *одной рукой* подымал пятипудовую гирию), а может всю жизнь будет «не шевелиться». Детство, школа, взбучки от матери-некрофилки за плохие отметки, которые он получал по ее же вине, из-за ее состояния души и духа. Затем отрочество и юность с неудачами, которых могло и не быть. Наступает пора жениться. Научные изыскания выявили, что сын и в интимной жизни остается верен своей матери, вернее, именно в интимной жизни сын особенно верен своей матери — в жены себе выбирает непременно такую же некрофилку, как и мать. На уровне же логическом он может, повторяя чужие фразы, твердо полагать, что стремится к счастью. Он женится, полный радужных надежд не повторять в своей семейной жизни ничего из того, что он видел в детстве. Но к удивлению своему, он вскоре обнаруживает, что женщина, которой он восхищался, пока она была невестой и которая поначалу совсем не была похожа на его мать (в наиболее отвратительных своих привычках), вдруг превратилась в такую же зануду. Да, не осознавший себя биофильный сын некрофилки (навсегда биологическое сыновство, но не духовное) в смысле семейном жить будет непременно плохо, потому что с женой (некрофильной) он ни о чем не сможет договориться. (Это одна из особенностей некрофилов: с ними ни о чем договориться невозможно, потому что для некрофила существует только собственное «я», а все остальные, даже муж, или жена, или дети, существуют исключительно для того, чтобы выполнять его, некрофила, желания.) Он непременно подчинится жене, пусть даже в неявной форме, потому что мужчина-некрофил хоть как-то может противостоять своим чувствам, опираясь на свое логическое мышление. Некрофилы еще имеют и неприятное свойство размножаться — производить себе подобных. Вот и у нашего гипотетического биофила с некрофильной матерью и женой родится ребенок, которого на глазах отца будут уродовать воплями и ненужными клизмами (проникновение в сакральные отвер-

стия выделения). Нашему молодому человеку будет жалко младенца, он будет пытаться договориться с женой — безуспешно, и вынужденно подчинится. А как иначе? Единственная форма сотрудничества биофила с некрофилом — подчиниться последнему, потому что с *биофилом*-то договориться можно, чем некрофилы и пользуются. Рождаются еще дети. Они подрастают, их здоровье и ум деградируют. Сам же биофил работает все больше и больше, чтобы в семье было все, а у жены-некрофилки, как следствие, появляется все больше и больше времени. Она ему начинает изменять. Но изменяет она ему совсем не потому, что он плох или хуже других как *мужчина*, или потому, что глуп — нет, она ему *изменяет просто потому, что она — некрофилка*, то есть стремится *уничтожить* все: благополучие, спокойствие, достоинство — не только его, *ненавистного*, но и свое, по возможности, тоже. (Если ту же мысль попытаться выразить богословским языком, то следует вспомнить седьмую заповедь Десятизаповедей: «Не прелюбодействуй»). Для биофила верность — естественное блаженное состояние. Для некрофила же прелюбодействовать — кайф!

Бытует мнение, что, составляя любовный треугольник, ведущая сторона пытается компенсировать в дополнительной связи то, что недополучила в браке. И действительно, при анализе любого отдельно взятого треугольника при определенных умственных усилиях можно выявить некий у супруга недостаток, требующий компенсации: слаб интеллект, незначительно социальное положение, недостаточен рост, избыточен вес, легковесен и т. п. Однако, анализ *множества* любовных треугольников в жизни одного человека показывает, что компенсируют, похоже, все подряд, или, что то же самое, — ничего. Отсюда измены — явно *самоценны и самоцельны*, просто потому, что *измены*, это просто следствие стремления ко греху. Грех же есть смерть, и мы вновь возвращаемся к понятию «некрофилия».

Итак, некрофильная жена нашего молодого человека, не сформировавшись как личность, живет, просто выполняя ранее полученные внушения. Возможен вариант, что ей некогда было внушено таким же, как она, некрофилом, что брак *один* — и на всю жизнь. Если такое внушение есть — то она безусловно верна или, во всяком случае, изменяя, ни за что не допустит развода. Но ее тело памяти может такого внушения в себе и не носить. Если так, то повод развестись находится. Наш же молодой человек через некоторое время вступает в очередной брак с очередной женщиной, совсем внешне на первую не похожей. Скажем, притомился от истерик — выбрал непоколебимо сдержанную. Но поразительно — история в точности повторяется вновь, с той лишь разницей, что вместо заросших грязью стен на кухне там устанавливается ошарашивающая гостей стерильная чистота. Выбрав женщину с другим темпераментом, он, тем не менее, остался верен своей матери в главном — гримаса принюхивания характерна и для новой жены. Этот цикл браков может повторяться бесчисленное число раз, пока молодой человек вдруг резко не сойдет с круга: сопьется, станет холостяком или, наоборот, стиснув зубы, будет доживать свой век с матерью своих

детей, стараясь не думать, что в семье могут быть какие-то красивые, добрые отношения; возможен и другой вариант: ознакомиться с закономерностями эволюции носителей некрофилии. Если он эту концепцию воспримет, то у него появляется возможность уже не бездумно, а по молитве принять себе в дар биофилку.

Поскольку способность *понимать* — дар, который мало кто соглашается принять, то типичная судьба находит свое завершение в старости, отягощенной женой, болезнями (которых с биофильной женщиной не было бы) и горестным созерцанием несчастной семейной жизни своего сына, которому (удивительно!) также попала не удачная жена.

Уже хотя бы из этого примера, узнаваемого в судьбах многих, видно, что говорить *только* о приторно-прекрасном есть опасное заблуждение, которым упиваются любители дамских журналов, но в которое не впадали люди, им противоположные, — скажем, библейские пророки.

Зеркальная судьба реализуется и у многих женщин. Первый муж — алкоголик. Она «горько» плачет, устраивает ему сцены, погромы, всенародные судилища и хладнокровные истерики. Наконец, она, сообщив всем, что это «во имя детей, которым нужен нормальный отец», расходится с ним и выходит замуж за другого. Через некоторое время она всем сообщает, что и этот, сукин сын, ее, несчастную, обманул: опять, мерзавец, алкоголиком оказался. У нее было десять претендентов, предложивших ей руку и сердце, из них девять непьющих, пьющий же — только один, самый тупой, уродливый, для которого все вокруг — дерьмо. Но наша героиня из десятирех выйдет *именно за него*, всем сообщив, что он самый *интересный*, и только несчастная его судьба не позволяет никому, кроме нее, в этом убедитьсяся. Спустя некоторое время она, прокляв всех алкоголиков вместе взятых, опять «прозревает», разводится, а затем вновь из десяти новых претендентов, из которых девять убежденные трезвенники, она выберет самого *интересного*.

Этот цикл тоже может повториться бесчисленное число раз как в судьбе самого человека, так и в судьбе его потомства (помните невестку главы-аря, одновременно дочь и жену наркомана?), до тех пор, пока человек не задумается и не изменит способ принятия решений. (Интересно, что слово «покаяние» в исходном своем значении — «изменить мышление».) Облегчающие к тому условия — это знания вообще, но прежде всего размышление о том, какой же жизни достоин созданный «по образу и подобию *Божью*» человек.

Некрофилы умеют воевать, в особенности завоевывать. Не умея *созидать*, они нуждаются в рабах, которые бы их обслуживали. А рабы тем эффективней трудятся, чем более они уверены, что занятие их значимо. Они ждут внушений, украшенных вселенскими символами, отсюда не удивительно, что **некрофилы создали целую культуру, из которой следует, что они, некрофилы (на деле не способные более ни на что, как только внушать), крайне необходимы для выживания человечества.** Отсюда и столь обширный класс начальников, которые

ничего не умеют делать, кроме как доказывать, что без них все развалится. И когда в коридорах учреждений посмеиваются, что дело движется не *благодаря* всякого рода начальству, а *вопреки* ему, то там недалеко от истины.

Психологи говорят, что актер — это не профессия, а диагноз. Действительно, после подмостков сцены, на которой актер перевоплощался, — безразлично в кого, в Ромео, Отелло или Гитлера со Сталиным, — он возвращается в ту жизнь, которую позволяет себе создать сам. Всякий нормальный человек, сталкивавшийся с частной жизнью актеров, приходит к выводу о ее ненормальности. «Садо-мазохизм, — констатируют психиатры и уточняют: — Эксгибиционизм». От себя же мы добавим, что садо-мазохизм и эксгибиционизм (навязчивое стремление демонстрировать себя и часто — свои половые органы), почти синонимы, смягченные обозначения близких симптомов уже известного нам явления — некрофилии. Извращения существуют не сами по себе, не изолированно от остальных событий жизни — они проявление болезненного состояния души. Сами же о себе актеры, в особенности более других признанные, говорят, что они *упиваются* самым наибольшим из удовольствий — *властью* над людьми. В их силах *заставить* зал чувствовать все, чего пожелают: радость, жалость, стыд, унижение, страх, гадливость... Власть над людьми — вот главное удовольствие актера, даже играющего так называемые «возвышенные образы».

Каким же образом им удается, выражаясь языком Станиславского, добиваться того, чтобы им *верили*? А все тем же самым, что и Джемшеду, когда он соврал, что «спокойное место есть» — подсознательным психо-энергетическим. В мемуарной литературе подчас можно найти воспоминания о «великих» актерах, которым удавалось «создать образ» без единой реплики, а «одним лишь жестом», «мановением руки» заставить зал взорваться восторженными аплодисментами. Якобы *одним* лишь жестом. Самым великим актерам вообще ничего не надо делать — все и так впадают рядом с ними в состояние безудержного восторга.

Не всем актерам это удается, из чего следует, что понятие «актер» — диагноз вероятностный, т. е. яркие некрофилы среди них не все, но процентное их в этой профессии содержание выше, чем в среднем по населению. Одни оказались притянутыми к этой профессии под влиянием некрофилогенной культуры, высот «профессионализма» достичь не в силах, и, устав слушать обличения в «бездарности», могут сменить род занятий.

Итак, некрофилы некоторые профессии предпочитают, поскольку определенные виды занятий позволяют им не только обеспечивать себя материально, но и психически самовыразиться, получить должность, под видом исполнения которой они обретают желанную власть над людьми. Это, например, как мы уже сказали, — актеры. Это — военные: люди, которые профессионально облекли свое стремление к смерти в своеобразную ее форму — муштру, превращая и своих подчиненных, и себя в некий лишенный общения с Богом винтик огромного механиз-

ма. А коль скоро многие военные — некрофилы, то нечего и удивляться тому, что среди них при доступности женщин столь часты случаи половых извращений, скажем, гомосексуализма. Гомосексуализм в Библии осуждается не за оригинальность способа, а за то, что это проявление *нежити*, некрофилии, греха. Осуждается некрофилия, а гомосексуализм — лишь одна из ее форм.

С военных удобно начать изучение привычной гримасы принюхивания. Удобней всего это делать, когда военный (желательно, старший офицер) погружен в собственные мысли и перестает замечать окружающих — при этом наигранные выражения исчезают, и открывается его истинное лицо. Военные ратуют за дисциплину, то есть со страстью создают иерархические системы, в которых наиболее полно проявляются их садо-мазохистские потребности: с одной стороны, перед начальством он ничто, полное г..., с другой, с подчиненным — всемогущий господин, по своему произволу могущий надругаться или возвысить нижестоящего, который в этот момент есть г...

Тут, пожалуй, есть смысл вспомнить, что лучший военный Второй Мировой войны, фюрер Адольф Гитлер, во время Первой Мировой был рядовым, затем ефрейтором и характеризовался как исполнительный, дисциплинированный солдат, его награждали за отвагу в бою. Так вот, поучительно знать, что будущий кумир германского народа — не только черни, но и военных, врачей, актеров и так называемых ученых — во время Первой Мировой войны был исключен из списков на присвоение очередного звания, как отмечено в документах тех лет, из-за *высокомерного* отношения к товарищам и *раболепства* перед начальством (Фромм).

Но не только военные тяготеют к созданию иерархий. Это еще и администраторы всех родов и видов, т. е. отдающие приказания и приказание получающие. То, что начальники *не могут* ничего создать, — не секрет, наблюдения же за особенностями их поведения в быту, в частности в сексе, еще более расширяют наши познания о некрофилии.

Прежде, чем мы продолжим перечень профессий, наиболее предпочитаемых некрофилами, — а почему выявить эти профессии чрезвычайно важно, будет ясно из дальнейшего, — следует выяснить, сколько же их, некрофилов, среди нас. Некрофилов можно разделить на ярких и неярких. Яркие и проявляют себя ярко: в убийствах, расчленениях, сексуальных контактах с собственно испражнениями и с системами, с испражнениями связанными; проявляют себя в патологическом стремлении к власти, в бурном интересе к вестям о расчленении тел, в идолопоклонстве металлическим (т. е. мертвым) конструкциям вообще, а к ажурным и геометрически «правильным» — в особенности, и т. п. Людей, проявляющих признаки *яркой* некрофилии, по цитируемым у Фромма исследованиям, до 15 %. По некоторым другим косвенным данным — их треть. По оценке Хаббарда, ярких некрофилов (угнетателей ближних), которых он называет по американской традиции — антисоциальными личностями — 20 %. Это — «неподающиеся», их бесполезно лечить психотерапевтически, во-первых, потому, что они по-

просту измениться не в состоянии, ведь желание и готовность улучшить себя — это достаточно большой плод души, а, во-вторых, работая с ними, одиторы, как замечено, от обессиливания попросту начинают болеть, а потому помочь не в силах.

20 %! Это очень много. Это — **каждый пятый!** А раз каждый пятый, то это значит, что если вы оказались в толпе, на митинге или в автобусе в час пик, то к вам непременно прижимается хотя бы один яркий некрофил. Минимум один! Если же вы из середины автобуса пробирались к выходу, то к вам их прикоснулось несколько. Но не следует заблуждаться, что богатые, которые в автобусах не ездят и демонстративно пользуются всем тем, что позволяет им казаться «независимыми», лучше ограждены от омертвляющего поля некрофилов. Вовсе нет. Как раз-то среди них, среди богатых, ярких некрофилов больше всего. И среди тех, кто добивается близости с ними — тоже. Скажем, супруга: только самая яркая некрофилка сможет победить конкуренток в борьбе за возможность растративать его деньги. (Это, разумеется, упрощение. Деньги — аргумент, преимущественно, логического мышления. На самом деле «самая яркая» оказывается рядом с богачом еще до того, как у него впервые появились по-настоящему большие деньги. А большие деньги, очевидно, появляются лишь у определенного типа людей — у того, кто может других заставить /в прямом смысле/ на себя работать, и у того, кто в состоянии заставить партнеров поверить, что предлагаемое им распределение доходов справедливо. Это «умение заставить» женщинами легко подсознательно распознается и определенным их типом особенно ценится. Да, теми самими, кто может *заставить* конкуренток потесниться.)

20 %! Это значит, что в вашей жизни к вам прижимались сотни ярких некрофилов, каждый из которых в состоянии нанести вам (и нанес!) психоэнергетические травмы. Возлюбленная из светлой части нашего повествования из-за своей сверхчувствительности получала травмы разве что не от всех встречных и поперечных некрофилов, и на работе тоже. Ее психоэнергетические травмы связаны преимущественно с людьми внешними, чаще случайными.

А вот у нашего Психотерапевта иначе. У него, судя по сумме данных, к подавляющим индивидам относятся *и мать, и мать матери, и жена дяди*. Дядя П. (брат матери) в выборе себе жены должен был остаться верен своей матери и сестре — он и остался: его жена, похоже, по мощности болезненного влияния превосходила их обеих. И вот дядя, участник двух войн, защищавший Родину на фронте с первых дней войны с немецкими некрофилами, а спустя четыре с лишним года бравший Берлин, вернувшийся с войны живым и невредимым, всего в пятьдесят лет умер в постели ночью от разрыва сердца. Разумеется, сказались и война, и трудное детство, но, очевидно, что при прочих равных условиях, окажись он неверным своей матери и сестре и женись на женщине, которая бы ему не изменяла и в силу черноты души не наносила травм, то жил бы он и дольше, и иначе. Кстати, и наш Психотерапевт в 36 лет из-за травмы, полученной от жены дяди, оказался на

границы смерти: неделю не ел и не спал, и за эти несколько дней посидел, пока не прибег к психокатарсической помощи (эту ожившую травму он получил, когда ему было 6 лет). Подобную многолетнюю, в данном случае в 30 лет, отсрочку в проявлении невроза Фрейд называл *латенцией*. Действительно, часто до первого особо разрушительного проявления стародавнего невроза могут пройти десятки лет. В сущности, латенция детских неврозов — явление настолько распространенное, что можно, видимо, принять ее как обязательную форму эволюции детских травм.

Итак, **всякому человеку для обретения полноты здоровья необходимо освободиться от всех травм, когда б они ни были получены.**

Из четырех женщин ближайшего окружения нашего Психотерапевта (бабушка, мать, сестра и жена дяди) три — яркие некрофилки. Соответственно, брак с яркой некрофилкой для П. был неизбежен. Что и произошло. Затем развод (по ее инициативе) — и новый брак, естественно, тоже, как впоследствии выяснилось, с некрофилкой. Менее истеричной, но более яркой, скорее даже ярчайшей. Желание понять причины неудачных браков привело его к изучению психокатарсиса. Поиски познания истины (а ее познание делает человека независимым) подавляющие женщины не прощают — развелась с будущим П. и вторая. Теперь психокатарсис открывал путь к биофильной спутнице. Но о том, как, почему и каким образом стало возможно это сближение, несколько позже.

Все приведенные выше соображения необходимы единственно для того, чтобы обратить внимание читателя на *количество* присутствующих в нашей жизни ярких некрофилов. Их много. **20 %!!!** И вновь обратите внимание: **20 %!!!** В свое время Ал, изучая по книгам проявления некрофилии вообще и в сексе в частности, на цифровое значение внимания не обратил и воспринял явление некрофилии как некий курьез, как редкое заболевание, свойственное преимущественно главам правительств и обитателям моргов и психиатрических лечебниц*. Каково же было его удивление, когда он все чаще и чаще стал замечать

* Этим он продемонстрировал свойство людей, даже читая книгу специалиста, подчиняться авторитету анонимному, негласному — неизвестному (конформизм). Действительно, именно так называемое общественное мнение «полагает», что некрофилия — это заболевание, которое проявляется в отклоняющемся поведении только одного рода — в совокуплении с трупами. Однако, прошел уже не один десяток лет, как психологи, начиная с Мигеля де Унамуну, расширили понятие «некрофилия» до целого комплекса психологических феноменов деструктивной личности вообще. В сущности, можно говорить, что в прежнем значении непосредственной «любви» к трупам этот термин со времен Мигеля де Унамуну не употребляется. Справедливости же ради надо заметить, что в современном смысле термин «некрофилия» ввел в употребление, как это ни покажется на первый взгляд странным, не Мигель де Унамуну, а товарищ Ленин. (Это исторический факт, что Ленина *вдруг* начинал «любить» и поклоняться всякий (!), кто оказывался в поле его влияния. Те же, кому повезло, кто рядом с пролетарским вождем не оказывался, чувств первых не понимали. Так ли уж случайно, что именно некрофил Ленин обогатил язык

симптомы яркой некрофилии то у одного знакомого, то у другого. Чем более человек был «социально значим», то есть, если он был военным, актером или руководителем любого ранга, тем больше была вероятность обнаружить у него, как у подавляющего индивида, симптомы яркой некрофилии. Естественно, эти наблюдения обусловили вывод о том, что некоторые профессии представлены в большинстве своем яркими некрофилами. Да, целые профессии. И это не удивительно — **20 %!!!** Некрофилы участвуют, наверное, во всех видах деятельности, но есть профессии, где их содержание существенно выше, чем в среднем по населению.

Теперь мы расширим перечень профессий, некрофилами особо облюбленных, перечень чрезвычайно важный для осмысления закономерностей окружающего мира.

Мы привыкли слышать от садо-мазохистов (актеров, администраторов, жрецов верноподданных идеологий), что врач — это благороднейшая из профессий, а потому представители этой профессии — наиболее близкие к совершенству люди. Действительно, всякий врач, получая диплом, дает клятву Гиппократу в том, что он будет с любовью служить обратившимся к нему за помощью. Если подобного рода клятвам верить, то остается только удивляться, почему после посещения поликлиники остается в душе какой-то странный осадок, который при психокатарсическом рассмотрении оказывается конгломератом психоэнергетических травм. Но и без опыта лечебного психокатарсиса всякий способный к обобщениям человек, узнав, что появился очередной маньяк, расчленяющий тела своих жертв, внутренне уже догадывается, что, если это произошло не в пролетарском районе, то, вероятнее всего, маньяк по профессии — врач. Читая газетные отчеты о судебном над ним процессе, не удивляешься, что еще до того, как ему пришлось по душе эта «благороднейшая из специальностей», он отличался повышенной жестокостью, тягой к актерству, и речи его были *убедительны*. Что естественно, ведь все эти свойства взаимосвязаны. То, что среди врачей доля ярких некрофилов существенно больше, чем в среднем по населению, соглашается всякий медик, хоть немного проработавший в медицинском коллективе. Сомневаются в этом обычно люди, к этой среде внешние, то есть те, которые врачам выгодны: от них зависят заработки врачей.

Врачи — тип несколько иной, чем актеры: в отличие от актеров они не склонны афишировать постыдные ненормальности своей профес-

таким словом?) Ярчайшие же труды по исследованию некрофилии написал Эрих Фромм. В начале своей научной деятельности в школе психоанализа Фромм противопоставлял идеям Фрейда воззрения, основанные на модном в тот период понятии «инстинкт самосохранения». К счастью, каждый будущий психоаналитик, по установленному Фрейдом порядку, сам проходил курс психоаналитического лечения, в результате которого хотя бы отчасти освобождался от неадекватности мышления. Через эту процедуру прошел и Эрих Фромм, после чего и обогатил человечество трудами по некрофилии.

сиональной и интимной жизни и с большим, чем актеры, *трепетом* относятся к процессам пищеварения и испражнениям (или — в инверсированной форме — *цинично*).

Следующая специальность, о которой мы привыкли слышать, что она исключительна по своему благородству — это профессия учителя. Случаи патологического садизма учителей по отношению к детям настолько часты, что начинаешь догадываться, что большинство учителей *такие*, просто до времени себя не проявляют. Есть учителя, которые наоборот *слишком* много говорят о достоинстве ученика, высоких идеях и т. п. Это то же самое, только наоборот, все по тому же принципу инверсии, который подробнее мы обсудим позже. «Лучше» всех организуют «учебный процесс», как известно, иезуиты.

Иезуиты — это монашеский орден, самый, как они утверждали, христианский, который в истории отличился тем, что не осталось ни одного преступления, подлости или гнусности, к которой они не прибегли для достижения светской власти, а тем самым и власти над умами. Известные слова «цель оправдывает средства» — это их лозунг. Естественно, кто как не такого сорта люди успешнее других смогут калеными гвоздями фиксировать в телах памяти учащихся «знания», которые по первому требованию будут отчеканены? Такого рода обучение, действительно, должно приводить — и приводит — к воспитанию великих актеров, модных врачей, и иезуитов-учителей. Способностью давать такого рода воспитание надо бы стыдиться, а нет, в некрофилогенной культуре этим чванятся. Гитлер не скрывал, что именно у иезуитов выучился многому.

Л. Н. Толстой, великий интуитивист и образованнейший мыслитель, предвосхитивший знания своего века на десятки лет, в свое время оставил университет не потому, что не хотел учиться, а, наоборот, именно потому, что учиться хотел, но только *по-настоящему* — и оказался прав. Не умея объяснить причин своей антипатии, Л. Н. Толстой неприемлил и модных врачей, и учителей толпы, и приводящих в восторг публику актеров.

Елена Уайт, величайшая из женщин-писательниц, на пути познания тоже продвигалась семимильными шагами самообразования и разве что не в первой молодости перестала заблуждаться относительно модных врачей, актеров и учителей...

— Как?! — может возмутиться кое-кто из учительского корпуса. — Вы назвали самые лучшие из профессий! И пытаетесь нам доказать, что всё, во что верят все — наоборот! Что носители наиболее почитаемых профессий опасные, отвратительные люди. Может быть, вы осмелились и художников в этот список зачислить?

— А как вы догадались?

— А?.. Э-э... Но какие же, в таком случае, остаются профессии? Разве еще остались не охаянные?!

Профессий (по справочнику) тысячи и даже десятки тысяч. Истинная их ценность определяется исключительно тем, выбрана ли она человеком по велению сердца, в смысле абсолютной, вселенской гармо-

нии. На словах с таким определением ценности профессии согласны все. Но почему же, в таком случае, всеобщим оказалось мнение, что из десятков тысяч профессий ценны лишь десяток-другой? И притом те, которые облюбовали яркие некрофилы? Тот из читателей, кто сможет ответить на этот вопрос с использованием категорий «подавляющий индивид», «внушение», «гипнабельность толпы», с одной стороны, сразу же окажется на пороге удивительных открытий относительно реальных закономерностей мира, а с другой, он окажется явно не среди большинства. И то и другое заманчиво.

Да, подавляющие индивиды и прежде всего яркие, отличаются тем, что хотят доминировать, властвовать над окружающими не только административно, но и на уровне сознания, хотят чтобы их уважали, еще лучше — боялись, совсем хорошо — боготворили, чтобы их значимость *восхищались*. И они себя меняют так, чтобы смочь к этому окружающим *принудить*.

Когда вы идете к врачу, скажите, почему вы его боитесь? Загляните в тело памяти, и вы найдете в нем полученные от врачей психоэнергетические травмы. А травма возникает потому, что нанесший ее медик — убийца, пока еще себя полностью не реализовавший. Во время учебы ему нравилось бывать в анатомичке и расчленять трупы. Он бы и вас расчленил, если бы за это не следовало уголовное наказание, поэтому, чтобы вас умертвить, ему приходится ограничиваться ненужными для вашего здоровья мучительными процедурами и вместо психотерапевтического безболезненного лечения рекомендовать хирургическое или медикаментозное (наркотическое) вмешательство.

А почему дети так не любят школу? Почему они, еще не отказавшиеся от непосредственного восприятия, так панически боятся учителей? Не потому ли, что выбравший профессию учителя руководствовался неосознанным стремлением быть в центре, мечтал быть объектом восхищения, пусть хотя бы детей, безоговорочно его слушающихся? Подыгрывая такого рода типам, окружающие считают хорошим учителем того, кого дети слушаются, боятся, ходят по струнке — не будем повторяться насчет обесиливающих психоэнергетических травм, которыми дети вынуждены расплачиваться и которые оборачиваются тяжелейшими невротами в будущем.

Итак, эти несколько «избранных» специальностей у всех на слуху не потому, что они более для нашей жизни значимы, не потому, что они действительно таковы, но лишь потому, что нас на психоэнергетическом уровне в это *заставляют* верить. Ту же самую мысль можно выразить иначе: поскольку некоторые профессии открывают перед некрофилами более широкие возможности **доминирования над людьми** (военная служба, медицина, психиатрия, психотерапия, педагогика, административная работа и т. п.) или же дают возможность больше соприкоснуться с испражнениями (врачи-урологи и проктологи, золотари — чистильщики уборных, гомосексуалисты), то непременно они будут почитаться как *интересные* не только среди собственно ярких некрофилов, но и среди гипнабельных людей. Во всяком случае, как бы

само собой получится, что о ярких некрофилах (преступниках, правителях, художниках, чемпионах, гомосексуалистах, актерах) не смогут не говорить. Чтобы убедиться в этом, загляните в любую газету — о ком там пишут.

Какие же профессии остаются? Их много. Тысячи. Скажем, любые ремесленники. Интересно, что древнегреческие философы и столь же древние пророки Божьи в своей оценке ценности профессий расходились. Древнегреческие философы считали, что свободному гражданину не пристало и даже позорно что-либо создавать собственными руками. Но это философы. А вот Иисус был плотником. Будущий пророк и апостол Павел, учившийся в самой лучшей теологической школе того времени, освоил ремесло делателя палаток. Став апостолом, Павел во время своих миссионерских путешествий этим ремеслом подрабатывал. («После сего Павел, оставив Афины, пришел в Коринф... и нашед... Акилу... и Прискилу, жену его... пришел к ним, и, по одинаковости ремесла, остался у них и работал: ибо ремеслом их было делание палаток» /Деян. 18:1-3/.) Казалось бы, странно: ремеслу — и в теологических школах, но так было заведено в школах пророков со времен их основателя, пророка Ильи. На то была воля Божья. Ведь Создатель живого — биофил.

Ну, а почему, в таком случае, греческие признанные философы, а вслед за ними и греческое общество не справились с распознаванием ценности созидательного труда? Очень просто: среди хороших ремесленников — тех, кто мог сделать что-либо стоящее, — было недостаточно некрофилов (их суммарное некрополе достаточно слабо), чтобы *принудить* к этому мнению население. А вот учителя, наименее признанные греческие философы, которые, как на подбор, подобно жителям уничтоженного Содома, все сплошь были гомиками (примечательный факт!), принудить внимающее, готовое раболепствовать население к почитанию себя смогли.

Учительство — феномен не только сферы естественных или гуманитарных знаний, но и сферы «духовной». Вы помните, кто был инициатором распятия Христа? Да, это были *признанные духовные учителя* народа израильского, священники и книжники. Во-первых, они были *признанные*, во-вторых — *духовные*, в третьих — *учителя*. Меняются времена, но не люди, и израильтяне тех лет, по сути, не отличаются от любого другого народа современности. Учителя по-прежнему ценятся признанные.

Гитлер, хотя подобно фараонам древности любил циклопические постройки, как созидатель был бездарен. Но как разрушитель и как руководитель — успешен. Когда молодым его призвали в армию, он оказался образцовым солдатом, очень исполнительным. Он настолько полюбил мундир, что не снимал его вплоть до полноты самовыражения — самоубийства. Но Гитлер не всегда дополнял собой только мундир. Был период, когда он подвизался художником. Себя он, очевидно, считал художником очень хорошим, работал много, но платили ему только за копирование чужих работ. Но почему солдафон, садист, убийца

и импотент Гитлер из множества специальностей выбрал образ жизни художника, пренебрег такими специальностями как актер (у него были блестящие к тому дарования!), врач (он занимался оккультизмом и магией, следовательно, способами воздействия на самочувствие человека владел), учитель (он им стал позднее)? Как и во времена Гитлера, в наше время художник не профессия и даже не увлечение — это символ. Это символ заведомого над всеми превознесения, символ приобщения к высшим «духовным» сферам, «просветления», а потому превосходства над другими. Любая мазня — черная ли точка на чистом холсте или красный квадрат, — если это делалось определенного сорта людьми, — для конвульсирующей от восторга публики становится проникновением в иные миры, эзотерическим откровением и познанием Вселенной. А разве можно спорить с публикой, которая хочет быть восторженной?

Некрофилия проявляется в любой без исключения сфере бытия, будь то сновидения или судьбы. Если рассматривать только одну сторону судьбы — профессиональные занятия, то схемы достаточно типичны. Возьмем, к примеру, среду военных. Она, дочка военного, выходит замуж за военного. Но прежде поступает в высшее учебное заведение, учится на химика. Работает несколько лет руками, но, по ее словам, не получает «внутреннего удовлетворения». Затем бросает свое ремесло и становится воспитателем детского сада, после чего заявляет, что «нашла» себя. Сына, как и отца и мужа, воспитывает как будущего военного, он им и становится. Это конкретная жизненная судьба. Но она типична.

Другой подвариант того же самого. Она — дочка офицера и алкоголика, возможно, не гомика. Закончив школу, поступает на актерско-режиссерский факультет. Однако «не сложилось», и она выбрала новую профессию, тоже «неожиданную» — учителя. Замуж за военного не пошла, а вышла за... медика, психотерапевта. Когда он проявляет хоть малейшее непослушание, она тут же грозит одеть ему на голову сковородку: не нравится ему это, видимо, только на логическом уровне. Он, хотя и не военный, но, тем не менее, глубоко убежден, что целый ряд психологических открытий, опубликованных еще до его рождения, на самом деле сделаны им, и поэтому он, чтобы его идеи у него не украли (как он подозревает — *для обретения власти над миром*), старательно изъясняется намеками и недомолвками. Как психотерапевта его очень ценят многие модные врачи, а клиенты видят в нем еще и духовного учителя. Тоже конкретная судьба. И тоже типична.

С точки зрения познания о некрофилии, неожиданностей ни в его судьбе (мать тоже учительница), ни в судьбе его жены не было. Как и в судьбе дочки офицера из первого примера.

У некрофилов характерны и сновидения. Эта тема для большой диссертации, поэтому в примерах ограничимся. *Уважаемая хозяйка* литературного салона однажды поделилась с нашим П.

— Да, — сказала она, — сегодня, например, мне снился удивительнейший сон! На моих глазах расчленили женщину, вернее, молодую

девушку! Сначала ей отрезали одну руку, потом, не торопясь, другую... Ногу... И так дальше... Что бы это могло значить?

П., решившись, спросил:

— Извините, а вам иной раз испражнения, пардон, не снятся?

Уважаемая хозяйка рассмеялась.

— А как же! И даже в разных видах! Один сон, на удивление, следует меня разве что не с самого детства. Почти что на эту самую тему.

— А какой?

— Иду я по туалету. Большой такой туалет, *величественный*, как здание Университета. Да и вообще похоже, что происходит это все в Университете. Вернее, иду я даже не по туалету, а по *анфиладе* туалетов. В каждой из кабинок — по человеку, и... ха-ха!

— Что?..

— Занимаются *этим самым делом*... За которым пришли. Двери, разумеется, прикрыты, но... видно. Так вот, прохожу я по этой бесконечной анфиладе, а затем попадаю в такой величественный зал, где заседает... заседает правительство! Да-да! Ни больше и ни меньше! Само правительство!..

Что ж, общность испражнений и правительственных мужей доказывать не надо. Не удивляет, надеюсь, читателя и частое повторение слова *величественный* и геометрическая правильность анфилад туалетов и кабинок.

Это был пример русского некрофилического сна. А теперь приведем немецкий из работы Эриха Фромма «Адольф Гитлер. Клинический случай некрофилии» (в книге: Fromm E. The anatomy of human destructiveness), ученого, который после прихода к власти нацистов вынужден был эмигрировать из Австрии в Соединенные Штаты. Сон следующий:

«Я сижу в уборной: у меня понос. Испражнения из моего тела выходят с ужасающей силой, как будто взрываются бомбы, которые могут разрушить дом. Я хочу помыться, но, когда пытаюсь пустить воду, обнаруживаю, что ванна уже наполнена грязной водой: я вижу, что вместе с нечистотами в ней плавают отрезанные рука и нога».

Сновидение, как пишет Э. Фромм, принадлежит ярко выраженному некрофилу и является одним из серии подобных снов. Будучи спрошен психоаналитиком, какие чувства он испытывал во сне по поводу происшедших событий, он сказал, что ситуация его не напугала, но что ему было неловко пересказывать этот сон.

Неловко... Если это было неловко человеку XX века, так тем более неловко пересказывать все подробности своих снов женщине-дворянке XIX века, получившей домашнее воспитание и образование, а потому в семье пытавшейся играть роль создания трогательного, ранимого и нежного. А уж тем более ей неловко записывать подробности снов в дневник, зная наверняка, что дневник ее непременно будут читать не только дети и внуки, но и все интересующиеся психологией искусства, как всегда читают мемуары тех, кому посчастливилось оказаться рядом с великим писателем.

Вот такой сон описала жена Льва Толстого, Софья Андреевна, в своем дневнике 14 января 1863 года (первый год после свадьбы):

«Я сегодня видела такой неприятный сон. Пришли к нам в какой-то огромный сад наши ясенские деревенские девушки и бабы, а одеты они все как барыни. Выходят откуда-то одна за другой, последняя вышла А., в черном шелковом платье. Я с ней заговорила, и такая меня злость взяла, что я откуда-то достала ее ребеночка и стала рвать его на клочки. И ноги, голову — все оторвала, а сама в страшном бешенстве. Пришел Левочка, я говорю ему, что меня в Сибирь сошлют, а он собрал ноги, руки, все части и говорит, что ничего, это кукла...»

Сон достаточно типичен. Не удивительны и оценки этого сна самой сновидицей («неприятный») — ведь венчаясь 23 сентября 1862 года с уже тогда прославленным писателем, она прекрасно осознавала, что и написанное ею будет привлекать всеобщее внимание. Поэтому, разумеется, сознаться в письменных документах в своем одобрительном отношении к расчленениям и чрезвычайной заинтересованности к экскрементам она не могла. Однако домашние ее не могли этого интереса не заметить.

В частности, ее дочь Татьяна (Т. Л. Сухотина-Толстая) в своих «Воспоминаниях» отметила, что даже в тех немногих случаях, когда при всем разнообразии вкусов в какой-либо ситуации радовались уже все домашние, мать же, Софья Андреевна, все равно находила повод посчитать себя несчастной и обиженной. Она же, дочь Татьяна, также записала высказанное отцом, Львом Николаевичем, наблюдение, что жена его оживляется только тогда, когда у кого-нибудь в семье болезнь или расстройство желудка. Состояние же абсолютного счастья, как заметил Лев Николаевич, у Софьи Андреевны, очевидно, наступит лишь тогда, когда дом будет охвачен всеобщим поносом.

Не следует заблуждаться, что эти черты характера развились у Софьи от совместного проживания ее с графом Львом Николаевичем Толстым. Все это проявлялось у нее и до ее замужества. К рассмотрению этих многочисленных и отчетливых проявлений мы вернемся несколько позднее.

Вообще говоря, обостренный интерес к испражнениям есть вернейший признак (как то показали клинические наблюдения) деструктивного состояния души, поэтому все виднейшие психоаналитики мира пытались в рамках своих концепций этот интерес объяснить. Скажем, Фрейд, который во главу угла ставил либидозное (так ли уж любовное?) влечение, считал, что развитие человека, то есть смена его интересов есть следствие последовательной смены эrogenных зон, раздражение которых доставляет приятное удовольствие. Зоны следующие: область рта и губ (оральная возбудимость), область анального отверстия (анальная) и гениталии (генитальная). Зона, от раздражения которой человек получает наибольшее удовольствие, по Фрейду, определяет характер и поведение человека во всех сферах жизни. Оральная младенческая возбудимость (главное — материнская грудь или соска) сменяется анальной (процесс испражнения становится центральным

событием дня) и, наконец, генитальной (начинают работать половые органы). Генитальная возбудимость есть, по Фрейдю, высшая точка развития человека и признак душевного здоровья, а отклонения связаны с задержкой развития на предыдущих стадиях. Остановка развития на стадии анальной возбудимости приводит к формированию так называемого *анально-накопительского характера*, что проявляется не только в затягивании процессов дефекации (испражнения), но и в жадности, страсти накопительства, влечении к власти, деструктивности, гомосексуализме, садизме и т. п. Таким образом, интерес к испражнениям, рассмотрение их как центр и суть бытия есть лишь следствие досадного недоразвития организма. И, естественно, если человеку анально-накопительского типа характера станет плохо, то стоит что-нибудь сломать или попить мочи, и ему становится легче.

Адлер придерживался более традиционной у мыслителей того времени точки зрения, что в основе всего — властолюбие, и потому пришел к выводу, что стремление к доминированию над ближними, а в перспективе — над всем миром есть злокачественная сверхкомпенсация чувства неуверенности, ощущения своей неполноценности. Чувство же неполноценности появляется в результате подавления ребенка родителями, это чувство невозможно ничем утолить, но только приглушить. В детстве это возможно только когда рядом оказывается мать, причем в подчиненном положении. Но занятые матери устают развлекать своих чад, им ведь надо заниматься и собой, поэтому ребенок, чтобы завладеть вниманием матери, выучивается совершать поступки более эффективные, в смысле привлечения ее внимания, чем плач и крики — он выучивается калечиться или перемазываться испражнениями. Только в таком случае мать, как по мановению волшебной палочки, оказывается рядом. Таким образом, испражнения приобретают смысл чего-то могущественного, властвующего над окружающим миром, значащего, несущего чувство успокоения, чего-то особо ценного. Своеобразное лекарство от всех бед. Отсюда, всякий человек, не изживший чувства неполноценности, стремится к сверхкомпенсации в материальном мире, т. е. к административной власти, к деньгам как символу власти, к чудотворному магизму и к дерьму (буквальному) как фундаментальному символу этого мышления, а символически — ко всяким нравственно-грязным ситуациям.

Фромм не соглашается ни с Фрейдом, ни с Адлером. По Фрейдю, *если* у человека главная эрогенная зона — анальное отверстие, то *поэтому* его влекут специфические способы полового удовлетворения, деструктивность, садизм и т. п. По Адлеру, *если* мать подавляет ребенка, то *поэтому* он, начав сопротивляться ей, впоследствии остановиться не в состоянии и превращает в дерьмо все вокруг. По Фромму же человек *внутренне таков, он деструктивен, поэтому* у него стремление к власти, к подчинению, к испражнениям, ему хочется достичь умопомрачения, подольше посидеть в туалете, перемазаться в испражнениях, кого-нибудь расчленив и стать гомосексуалистом. Все это уже следствия, следствия состояния души, не более чем проявления внутренней сущности.

По нашему мнению, теоретические построения Фромма полнее охватывают феномены деструктивного поведения людей и ценностей человеческих сообществ.

Феномен некрофилии Фромм в своих трудах рассматривает на примерах Гитлера, Сталина, Геббельса, что явно путь самый простой: Гитлер, которым так восхищалась немецкая нация, после поражения во Второй Мировой войне растерял большинство своих соратников. Действительно, в традициях какой культуры принято восхвалять грабителей, разоривших собственную страну?

Но не все яркие некрофилы при жизни проигрывают. Поэтому и после смерти они остаются несомненными объектами восхищения. Многие — и Софья Андреевна Толстая (урожденная Берс) в том числе.

Образ мышления некрофилов отличается от мышления биофилов: удовольствие некрофилы получают не только от искажения языка (матерщина, слащавое бляение дамских изданий, канцелярит), но и от искажения правильной мысли (не путать с парадоксами!). Так во всем, поэтому их принципы, в конечном счете, можно свести к следованию или преступлению заповедей Десятилетия. Для биофила религия — это общение с Богом, Истиной, следование Ей, жизнь праведности, *естественным образом* не противоречащая заповедям: не кради, не убий, не прелюбодействуй, не ври, не завидуй — и остальным. У некрофилов иначе. Они могут быть нерелигиозны, но так бывает далеко не всегда. Даже, наоборот. Яркий некрофил религиозен чаще, чем неяркий, поскольку религия подсознательно извращается им в *отрицание жизни* или в способ возвышения *над* ближними: дескать, вы убогие, не познали, что я познал... Он получает повод внутренне перевоплотиться в нечто более значительное, чем все окружающие. Об этой психологической технике мы поговорим позднее.

Так вот, если некрофил религиозен — то он получает удовольствие не только от унижения окружающих, но и от *искажения Божьей заповеди*. Некий, очень болезненного вида тощий индивид, которого можно было бы назвать сектантом, если бы вся его секта не ограничивалась им и его приятелем, самовыразился блестяще: «Исполнение заповеди Божьей именно в том и состоит, чтобы ее нарушить». В этом — удовольствие. Некрофилическое. Таких «тощих» среди верующих гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. Вспомните пыточные камеры инквизиторов, ложь иезуитов и нравы, бытующие в женских монастырях, о которых даже католические историки не могут не сказать, что они по разврату превосходили публичные дома.

Для корректности дальнейших рассуждений есть смысл договориться о значении терминов. Слова-синонимы по смыслу далеко не тождественны, оттенки — различны. Мы попытаемся разъяснить оттенки употребляемых в нашем тексте не вполне синонимичных терминов.

Некрофилы — термин указывает на свойство этого типа людей хотя бы что-нибудь, но «любить» (*филео*). Хотя к чему-то они да тянутся. И это *что-то* — разрушение, вечное небытие, смерть (*некрос*).

Подавляющие индивиды — обращает внимание читателя на то их свойство, что в межличностном общении они стремятся подавить, энергетически подмять волю и разум собеседника или собеседников. Поскольку в межличностном общении значимы не логические построения, а лишь психоэнергетическое подавление, то подавляющие индивиды не скупаются на сколь угодно сладкие и правильные слова. После общения с ними необходимо не забыть методами психокатарсиса освободиться от психоэнергетических травм. В некоторых системах психологии вместо «подавляющего индивида» прижилось иное сочетание — «подавляющие личности». Нам же кажется, что «личность» — это чрезмерное преувеличение, даже если речь идет о ком-то общепризнанном.

Антисоциальные индивиды — указывает на истинное, хотя и скрываемое (часто подсознательное), отношение некрофилов к обществу как общности индивидуальностей, а также к роли этих людей в обществе как целом. Не только Гитлер как властитель общества, социума, был антисоциален. Ярко антисоциален каждый десятый и даже пятый.

Подонки (происходит от слова «дно»: «придонки» или «чернь») — неоднородность населения не одно тысячелетие привлекает внимание мыслителей. В трудах писателей античной культуры, культуры, которую по глубине философской мысли — причем ясно выраженной — так и не смогли превзойти последующие века, интерес к неоднородности населения выражен отчетливо. Некрофилы, как правило, при деньгах, а ту их часть, у которых денег нет, называли «подонками» или «чернью». Обеспеченные некрофилы эту «чернь» презирали. Подонки, напротив, презирали обеспеченных. Часто «подонков» отождествляют с «народом», потому что они (вспомните зазывал, нищих и коммунистических вождей), точно так же, как и князя, в состоянии население за собой увлечь. Механизм тот же — энергетический. Отсюда необходимо разделение смыслов термина «народ», коих, как минимум, два. К этому выводу мы неизбежно приходим, размышляя над текстом Евангелия. С одной стороны «первосвященники и начальники» не решались открыто схватить Иисуса, «потому что боялись **народа**» (Лук. 22:2), а с другой стороны, в той же главе (Лук. 22:47) написано: «Когда Он еще говорил это, появился **народ**, а впереди шел один из двенадцати, называемый Иуда, и он подошел к Иисусу, чтобы поцеловать Его». Тут, очевидно, речь идет о совершенно ином народе, не о том, которого боялись священники и начальники. Далее в 23:33-35 Лука пишет: «И пришли они на место называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону. Иисус же говорил: Прости им, ибо не знают, что делают. И делили одежды Его, бросая жребий. И стоял **народ** и смотрел». Поскольку на казнь, очевидно, пришел весь город, то тут под словом «народ» подразумеваются люди обычные, то есть некрофилы не настолько яркие, чтобы открыто проявлять потаенные глубины сердца и при свидетелях требовать казни Христа. Иными словами, это были некрофилы *жухлые*, которых первосвященники и начальники боялись, основная часть любого народа, жизнь которых — *стоять и смотреть*. Это все, что им обычно, кроме работы, позволяет

ся. Некрофилы яркие, то есть та самая «чернь», «подонки» — ярче жухлых, они в состоянии добровольно и с радостью прийти и арестовать Христа, они — неизменная составляющая любого общества, любой исторической эпохи. Термин «подонки» подчеркивает ту сторону феномена некрофилии, что подавляющие индивиды далеко не всегда стремятся занять доминирующее положение в казенных иерархиях. Есть род некрофилов, которым достаточно быть в грязи.

Начальники — это слово тоже указывает на определенную сторону некрофилии. «И стоял народ и смотрел. Насмехались же вместе с ними и начальники...» (Лук. 23:35). Библейские авторы, похоже, неплохо разбирались в феномене некрофилии. Или умели наблюдать.

Император — это слово, по сравнению со словом «начальники», несет в себе существенно больший заряд сарказма. В Библии символ дракона указывает на способность сатаны принимать форму государственной системы. Во главе ее, разумеется, стоит, *человек*, начальник над начальниками — император. Император Тиберий, утвердивший на должность наместника Иудеи Понтия Пилата (того, который казнил Христа), был гомосексуалистом и развлекался резней ни в чем не повинных людей. Император Нерон, по приказу которого среди многих прочих был казнен и апостол Павел, уже к тридцати своим годам вынужден был прибегать к невероятным ухищрениям, чтобы возбудиться — и, похоже, безуспешно. Гитлер тоже из той же компании. О Тамерлане и Сталине мы уже упоминали. О половой ущербности Наполеона еще скажем. Словом, императорам несть числа, но все они какие-то одинаковенькие, шаблонные, как будто с одного клише отпечатанные. Разумеется, перед летописцами все они ломали разного рода комедии, рационализируя свою страсть к убийствам. Также они пытались скрыть свою неспособность в той области жизни, в которой труднее всего быть лжецом, но и тех крох истины, которые достались историкам, достаточно, чтобы сказать: да, это были действительно *императоры*.

Император отнюдь не противоположность черни, в особенности в нравственном отношении. Чернь упивалась казнями аристократов, но полагала, что обожает Тиберия за, якобы, справедливость; после самоубийства Нерона народ о нем вспоминал не одно десятилетие как о прекрасном человеке; за Тамерланом шли убивать плотной стеной и добровольно; Гитлера и Сталина боготворили, и толпы преклоняющихся текли нескончаемыми полноводными реками; а Наполеону благие побуждения со слезой умиления приписывали даже те народы, которых он утопил в крови.

Справедливости ради стоит заметить, что император — профессия редкая. Если уж говорить об императорах, то тем более надо вспомнить о представителях несколько более распространенной профессии — **трупорезчиках**. Это те, которые подготавливают трупы к последнему их целованию родственниками: вырезают быстро загнивающие внутренности и т. п. Трупорезчиками, как и императорами, становятся по призванию: им *это* нравится. Императоры и трупорезчики — это почти одно и то же. Только инструменты и форма одежды разные.

Садо-мазохисты — термин емкий и употребляется в тексте для того, чтобы подчеркнуть распространенность и многоликость сексуально окрашенной некрофилии. Вряд ли найдется хоть один обыватель, который бы не знал, что для получения сексуального удовольствия садисту нужно *мучить*, а мазохисту — *мучиться*. Однако распространено заблуждение, что садо-мазохизм столь редко в жизни встречается, что существует преимущественно в репортажах газетчиков. Также распространено мнение, что бывают либо садисты, либо мазохисты. В изложении газетчиков именно так и получается. Только убогое состояние интеллекта публики позволяет такого типа газетчикам оставаться популярными. Но это не повод считать, что эти два удовольствия — садо и мазо — существуют независимо друг от друга. Наоборот! Одно без другого не существует! Грозный на службе майор — дома абсолютное ничтожество и пустое место, половик для ног и прихотей жены. Повелитель Европы Гитлер, подписав для подобоострастных подчиненных очередной приказ об уничтожении миллионов людей, вечером становился на четвереньки перед актрисой и говорил, что он дрянь; о руководящих способностях гомосексуалистов повторяться не будем. Итак, термин «садо-мазо» — указание на сексуальную сторону жизни подчинивших себя некрофилии, а кроме того, на всеобщую распространенность и всеобъемлемость явления любви к разрушению.

Авторитарный человек — наиболее широкое понятие, полностью совпадающее с общепринятым значением этого слова. Такой человек не только любит командовать, но и подчиняться. Этот термин более указывает на поведение индивидов вне постели: на производстве, в политике, на стадионе, в магазине и храме, на приеме у врача.

Говнюки — некоторые могут посчитать этот термин исключительно народным, другие, наоборот, — научным. Мы придерживаемся последнего мнения. Верность же народного слова о великих мира сего говорит о том, что нет необходимости быть книжным человеком, чтобы догадаться о сути происходящего вокруг. Что касается термина как такового, то его не чурался и сам Лев Толстой. Чтобы в этом убедиться, достаточно заглянуть, скажем, в его рассказ «Свечка».

Признанные — особое в этой книге слово. Оно указывает на относительность знания, а главное, на относительность выбора людьми авторитетов. Познание о некрофилии даже при лишь интуитивном постижении противоположного начала неминуемо должно привести к переоценке существующих авторитетов. Понять, что превознесенные народом и чернью индивиды — артисты, правители, учителя и прочие говнюки — стали **признанными** только потому, что они некрофилы, не сложно; сложнее переоценить ближайшее свое окружение. Это не просто: после пятнадцати лет восхваления перед всеми своими знакомыми своей жены (как Толстой) признаться, что поклонялся злу, обману, лжи. А если некрофилка — мать? Или — брат? Итак, *признанные* — один из центральных в последующем тексте терминов. Ожидается, что всякий раз, когда читатель будет встречаться с ним в тексте, у него будет возникать желание перепроверить, а так ли уж на самом деле достой-

ны **признанные толпою** признания от мудрых. А может быть, феномен «признания» — лишь следствие психоэнергетического принуждения?

Проститутки. Небезызвестный Отто Вейнингер, 23-летний доктор философии, который застрелился после того, как написал свою известнейшую монографию о ничтожестве женщин «Пол и характер», пришел к выводу, что из двух основных женских типов: мать и проститутка — самый привлекательный последний, проститутка. Ведь именно они, по Вейнингеру, хоть как-то замечают мужчин. «Матерям» — так тем замечать попросту *нечем*. (Классическую «мать» интересует только власть, и ребенок ей нужен исключительно как объект полного подчинения. Поэтому мужчина «матери» нужен *только* для однократного участия в производстве ребенка.) Проститутки, действительно, подражают элементарным женским функциям. Но, как говорится, не приведи Господи с ними расслабиться — психоэнергетическая травма обеспечена. А если не расслабиться — то какое же *это* удовольствие? Достаточно заработать древнейшей профессией могут только те, кто в условиях значительной конкуренции в состоянии внушить, что им есть за что платить, что их услуга наиболее ценная. Таким образом, ценность проститутки определяется силой ее некрополя. Следовательно, те женщины, о которых внушено, что они самые-рассамые *женщины*, как это ни парадоксально, самые, в области секса, бездарные. Этот парадокс, возможно, останется недоступен для понимания большинства. Чтобы этот парадокс освоить, необходимо рассмотреть, перечувствовать, вобрать принцип противоположный. Этот принцип можно назвать биофилией. Его можно назвать творчеством. Можно — истиной. А можно — и жизнью вечной.

Отто Вейнингер ошибся: его «мать» вовсе не противоположность «проститутки». Это две роли, присущие женщинам одного типа характера, по Фрейдю — анально-накопительского. Вейнингерова «мать», родив ребенка, обретает убедительный повод получать содержание, которое более стабильно, чем заработки проститутки. К тому же, свое отвращение к здоровому мужчине она может прикрыть жалобами на усталость от домашних хлопот, из которых следует, что муж сам же во всем и виноват. Если он настолько глуп, что или начинает сам самоотверженно ворочать по хозяйству, или нанимает для этого прислугу, то «мать», стремясь сохранить свое положение «переутомленной», воспитывает своего ребенка беспомощным. Если этого недостаточно, то «матери» обычно втравливают своего ребенка в такого рода неприятности (наркомания, увечья), разрешая которые, она действительно тратит все свои силы; и она *не может*, предпочитая пробавляться онанизмом или иными анальными развлечениями.

А с какой легкостью «проститутки» превращаются в «матерей», и обратно — из «матерей» в «проститутки»! «Проститутки» более динамичны, чем «матери», поэтому неудивительно, что жизнь обитательниц публичных домов привлекала внимание всех значительных писателей. Вспомните хотя бы «Преступление и наказание» Достоевского, «Яму» Куприна, «Воскресение» Толстого.

Что у «проституток-матерей» не отнять, так это умения, подавив критическое мышление, вызывать сильнейшие эмоции (скажем, тот же Лев Толстой у кровати своей первой проститутки — в отличие от других — платной, в публичный дом его привели братья — разрыдался), и мы утверждаем, что **страстно влюбляются только в проституток**.

Глава девятая.

СТРАСТНАЯ ЛЮБОВЬ, КОТОРУЮ ТАК НЕ ЛЮБИЛ ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Есть вещи, которые становятся понятны только с возрастом. Ничего особенного делать не надо, необходимо просто физиологически сформироваться. Ребенку, скажем девочке, страстно баюкающей свою любимую куклу, сложно объяснить, что в одно прекрасное утро она проснется, и вдруг, неожиданно, без всяких переходов, поймет, что детство уже кончилось и что кукла, которая еще вчера заполняла для нее весь мир, всего лишь только кукла и не более того. И что отныне ей станут интересны только те вещи, которые она прежде, морща носик и с особой интонацией в голосе, называла «взрослыми». А есть познания, которые приходят только с жизненным опытом.

Гений отличается от современников, кроме прочего, еще и тем, что он *видит* больше, и многие вопросы понимает глубже, чем окружающие люди. И вряд ли когда-нибудь его смогут понять многие. Сколько бы публика ни повторяла имени Христова, — Он знал наперед: Истина так и останется для большинства непонятой. Толстой ставил перед собой существование более скромные задачи, чем Христос, но, тем не менее, и они были столь значительны, что оказались недоступны для обывателей.

Из серьезных исследований о Толстом мы узнаем, что он был чуть ли не *единственным* в мировой литературе писателем, который выступил против страстной любви! И действительно, уже этот достигнутый гением уровень познания жизни не может не вызвать к его выдающимся романам и даже просто их сюжетам исключительного интереса.

Мало кто из читателей «Войны и мира» знает, что Л. Н. Толстой начинал это замечательное произведение как роман о декабристах, книгу о людях, которые, как он верил, в 1825 году совершили исторический поступок, за что потом расплачивались бесконечными годами каторги в рудниках. Да, Толстой собирался писать о 1825 годе, но «Война и мир» оканчивается событиями памятного 1812 года, и только в эпилоге, незначительном по объему, он показывает своих любимых героев в 1820 году. Отказался ли Толстой от своего замысла? Никоим образом! Не отказался, потому что гения волновали не столько внешние события 1825 года, сколько события внутренние, становление душ тех, кто смог решиться на героический поступок на Сенатской площади, *на протест против подавления одного человека другим*.

Да, дворяне — высшее сословие (и потому, как многим кажется, избранныки судьбы), — после Сенатской площади пошли разве что не добровольно в рудники, но, что еще поразительней, их жены, которым царь подсказывал от мужей отречься, последовали все-таки вслед за ними в Сибирь. За предательство своих мужей царь сулил женщинам оставить их жить в красивом городе Санкт-Петербурге, оставить с сохранением всех прав, — а что женщинам, согласитесь, еще нужно? — но от тех, кому перед Богом обещали быть верны в любых трудностях, отреклись не все. Многие, но не все.

Итак, замужем за некоторыми из декабристов оказались женщины не совсем обыкновенные, точнее, совершенно необыкновенные: они сохранили верность мужьям и, несмотря на трудности, отправились за ними, чтобы хоть как-то облегчить их участь.

Вполне естественно, что всякого мужчину интересует, какова же та редкая женщина, которая не предает? Если нет возможности полюбоваться на такую в собственной жизни, то хочется хотя бы представить или почитать о такой в умной книге.

В «Войне и мире» есть героиня, которая у разных читателей вызывает самые противоречивые оценки: одни, и их большинство, считают ее взбалмошным существом, которая, да, была, непонятно почему, симпатичной в юности, но потом, выйдя замуж за Пьера — и почему ей такое счастье, такого мужика? — совершенно «опустилась»: только муж да дети ее и интересуют. Муж, дети и опять муж, словом, ничего от женщины, достойной поклонения. Да и вообще — несколько шлюховата: то Борис, то Пьер, то князь Андрей, то Анатолий, потом опять Пьер..

Другие воспринимают Наташу Ростову совершенно иначе: милая она и прекрасная.

У Толстого любимый герой, безусловно, Пьер: в первой молодости — толстяк и неуклюжий, по-юношески наивен, и потому им управляет любая оказавшаяся рядом гадина; неудачным был первый брак с Элен, с этим расчетливым, холодным и развратным чудовищем, которому поклонялись все мужчины Петербургского света. Но вот Пьер, — граф и добряк, который прошел через ужасы французского плена и много в тех страданиях осмысливший — в конце «Войны и мира» был награжден наивысшим из земных благ — хорошей и преданной женой, Наташей Ростовою.

Пьер — это сокровенный Лев Николаевич, поэтому, в сущности, так одаривая своего любимого Пьера, Толстой, в мечте, награждал себя. В мечте, потому что у него самого, женившегося по страстной любви, семейная жизнь сложилась несчастливо. Когда гений, осознавая несправедливость владения имуществом, которое он не только не наживал, но и предкам его оно досталось несправедливо, решил раздать это имущество бедным (своеобразная Сенатская площадь с последующей Сибирью), жена ему в этом (в Сибирь) не последовала, воспротивилась, отравляя впоследствии существование не одно десятилетие. Любила ли она его? Многие, утверждающие «да», доказывают это, в том числе, тем, что она не могла заснуть, не прочтя все, написанное вели-

ким писателем за день. Утверждающие «нет», рассказывают, как жена каждодневно унижала своего мужа. То, что Софья Андреевна издевалась над мужем, соглашаются все исследователи, но ей симпатизирующие утверждают, что началось это в последние год-два жизни Льва Николаевича, когда с ее стороны началось откровенное хулиганство, когда она ломала вещи, имитировала бесконечные самоубийства и повсюду разносила скабрзную выдумку, что Лев Николаевич — гомосексуалист. Этим же исследователям нравится утверждать, что это Лев Николаевич свел жену с ума своими идеями.

Нет, издеваться Софья Андреевна любила еще до замужества (подробнее об этом в следующих главах); соответственно, этим занималась не только в последний год земного существования мужа, но и всю свою 48-летнюю с ним жизнь. В первый период супружества она беспрестанно обвиняла мужа в развратности и развращенности, что, по ее мнению, следовало из его желаний иметь детей, а ведь она — ведь все же видят, она не скрывает — и без детей, несмотря на обилие прислуги, так обременена, так обременена... Да и не здорова... Гинекологически... Устала... А он — постель, дети! Сволочь развратная! Она же возвышенное существо, и никакие мужчины ей не нужны. *Она так несчастна...*

Если Софья Андреевна в первый период своего супружества всех поражала демонстрациями своей болезненности, то во второй, наоборот, поражала демонстрациями своего неумного здоровья (скачки на лошадях и т. п.) и ее как всегда принародными заявлениями, что Лев Николаевич уже старик, а она молодая, ей так хочется мужчину, ей так хочется мужчину, так хочется... *Она так несчастна...* Вот так. Много — виноват он, мало — тоже он! Он, он! А, главное, виноват!! Казалось бы, между «много» и «мало» должен был быть период когда «как раз». И достаточно долгий период. Но его нет! Как тут не вспомнить (даже без снов с расчленениями и бурных чувств по поводу испражнений) об Отто Вейнингере с его «матерью» и «проституткой»!

Толстой не смирился с таким обращением жены и после 48 лет супружества, в 1910 году, без всего ушел из дому. Но он был стар и обессилен таким супружеством, поэтому простуды не перенес и умер на железнодорожной станции, не успев уйти далеко от ставшего ему ненавистным дома.

«Войну и мир» Толстой писал уже опытным (как мужчина) человеком: начал работать над романом, когда ему было тридцать четыре года, в первый год после свадьбы, а закончил воспевать Наташу спустя пять лет — в 40. (Совпадение или закономерность — это решать читателю, но нашему Психотерапевту в начале нашей истории примерно столько же — каморка папы Карло случилась у него в 36. Интересное совпадение, если это всего лишь совпадение, а не закономерность!)

Достоино размышления также и то, что Толстой взялся за поиск образа достойной Пьера женщины — женщины, готовой, оставив все, следовать за мужем вплоть до сибирских рудников — уже вскоре после свадьбы, хотя до буквальных измен жены (об этом тоже позже) оставались годы и годы. Взаялся за поиски *подсознательно*, потому что на

словах Толстой всячески хвалил и свой брак, и повенчанную с ним жену. Он что, предугадывал будущее?

История жизни Наташи Ростовской — по Толстому — такова. Впервые на страницах романа мы встречаем ее тринадцатилетней девочкой. Она темноглаза, темноволоса, очень подвижна и непосредственна, всеобщая любимица не только в семье, но и среди дальней родни. Впервые мы ее застаем с куклой в оранжерее московского дома: она просит молодого человека, своего двоюродного брата Бориса, в то время жившего в их доме, прежде поцеловать куклу (она только что подсмотрела, как с ее братом целовалась двоюродная сестра Соня), а после того, как он просьбу исполнил, она требует, чтобы он поцеловал и ее. Далее следует непереносимое после первого в жизни поцелуя объяснение в любви и клятва в верности *на всю жизнь*. Однако далее мы узнаем, что Наташа последовательно влюбляется в Пьера (будущего ее супруга), в учителя танцев и других.

И вот *первый* Наташин бал. Это, действительно, событие: она надевает «взрослое» платье! На этом балу Пьер, тогда еще женатый на красавице и чудовище Элен, направляет к Наташе, заботу о которой он добровольно взял на себя, своего душевного друга князя Андрея. Князь Андрей, тридцатилетний вдовец, сумел разглядеть в Наташе удивительную душу, и его разочарование женщинами как рукой сняло. Наташа в князя Андрея влюбляется. (Это и понятно: Пьер занят безнадежно, а Наташино сердце явно ищет высоких образцов одухотворенности и чувства.) Все психологически достоверно и в этой любовной истории Наташи, даже то, что Толстой избрал именно Пьера, будущего ее мужа, чтобы направить к ней своего друга, князя Андрея — у друзей много общего. Здесь для читателя открывается простор для размышления: а возникло бы у Наташи чувство к Андрею, если бы его направил к ней не Пьер, *будущий*, которому она всегда особенным образом доверяла, а кто-нибудь другой?)

Взаимное чувство Наташи и князя Андрея, однако, встречает препятствие: отец князя Андрея, старый князь Болконский категорически против породнения с семейством Ростовых. Князь Андрей уважает своего отца чрезвычайно, и поэтому влюбленные решают отложить свадьбу на год — если уж через год отец не смирится, то они обвенчаются без его благословения. После помолвки князь Андрей уезжает за границу долечивать рану, полученную в сражении, когда, подхватив знамя из рук сраженного знаменосца, он исключительно личным мужеством (так во все времена было принято объяснять подобные феномены) остановил бегущих русских солдат и повел их в наступление.

Итак, впереди у юной Наташи целый год. Она непосредственна, поэтому даже и не пытается скрывать свою тоску и непонимание, почему она должна пропадать *целый* год, пропадать, когда должна *любить*. Этим чувством Наташа живет, и вот уже подходит к концу годовой срок. Все семейство Ростовых в ожидании возвращения князя Андрея перебирается в Москву. В усадьбе остается только мать. И тут с Наташей происходит странный, на первый взгляд, любовный вираж,

на основании которого столь многие читатели «Войны и мира» приходят к выводу, что Наташа — дура и шлюха. Тем самым, они утрачивают для себя не только весь глубинный смысл самого романа, но и всю особенность подсознательного восприятия людей Толстым. (Подсознательного, потому что всякий большой художник непременно работает в *измененном состоянии*, он не считает себя обязанным ограничиваться обычным бытовым безмыслием.) Не уразумев, что произошло между Анатодем и Наташей, они не в силах понять, почему же именно Наташа, и только она, есть тот идеал женщины, который высмотрел в этом мире сорокалетний, ко времени завершения романа, гений.

Сразу же по приезде в Москву Наташа с отцом и сестрой идет в театр. В соседней ложе сидит чудовище красавица* Элен.

Отец Наташи, которого она боготворит, а следовательно, доверяет всякому его слову, сообщает, что Элен — хороша. Как вы думаете, поверила ли Наташа? Разве можно не поверить тому, кому доверяешь?

То, что Наташа боготворит своего отца, в тексте романа нигде прямо не сказано, однако полагать, что великий психолог Лев Николаевич Толстой не заметил, что всякая здоровая женщина выделяет своего отца настолько, что его облик определяет всю ее последующую жизнь, было бы уж совсем несправедливо. Отец Наташи был симпатичный человек, но рациональная воля** его была слаба. Проявлялось — по роману — это, в частности, и в том, что он, даже понимая, что тот образ жизни, к которому он привык (охоты, балы и прочее), совершенно ему не по средствам, оказался не в силах тот самый образ жизни изменить и тем самым своих детей разорил. Винават отец перед Наташей еще и тем, что свою чувствительность он не смог ограничить мировоззрением, которое оберегло бы его самого, а тем самым и его детей, от влияния подобных Элен женщин. Почему, ведь как *отец* чувствительной дочери старый граф *обязан* был это сделать?

Люди не ограничены только пространством своего физического тела. Простейшее тому доказательство — то, что многие матери за тысячи

* Кто из поэтов не подмечал, что «красавицы» как-то особенно в семейном отношении неблагополучны, да и дети их часто хронические инвалиды? Понимают это так: уродилась красивая, поэтому несчастлива. Все есть: поклонение, власть, для самовыражения кроме себя самой ничего не надо. Но ведь можно рассудить и иначе: есть тип некрофилов (актерского типа), для которых важно, чтобы восхищались именно их внешностью — все и восхищаются. Главный их порок прописан на лице, и именно его оформление (выражение лица, тонус кожи) именуется «красотой». Таким образом, данный индивид — некрофил особого типа, и поэтому все восхищены его внешностью, дружбы в семье нет, дети — уроды. Маска «принюживания» (брезгливости) — не единственная маска некрофилов. Пример мужчины с постоянно кукольно-сладенько-благобразным лицом — патологический садист Сталин. Таким образом, «красавица» красива только для тех, кто позволяет ей себя поработать.

** Воля бывает рациональной и иррациональной. Иррациональная воля — это выполнение *подсознательных* установок и внушений. Рациональная воля — это сила к исполнению *осмысленных*, адекватных обстоятельствам намерений.

километров чувствуют, когда с их ребенком приключается беда. Мать чувствует, или, что то же самое, ребенок за тысячи километров на нее воздействует. В современной терминологии среда, посредством которой передается это и другие воздействия, называется энергетическим полем. Чувствительные люди воспринимают это поле обостренной прочим, а предрасположенные еще и попадают под его подавляющее влияние, если, наученные многочисленными несчастиями, не выработали способов защиты от агрессивных устремлений окружающих.

Что такое *предрасположение*? Как уже было сказано, поведение любого некрофила, в конечном счете, есть проявление неудержимого влечения к своеобразному удовольствию — к нарушению заповедей Десятилетия (Закона Божьего). Рассмотрим заповедь «не кради» в приложении к красавице Элен, отцу Наташи (графу Ростову) и судьбе самой Наташи.

Главным влечением отца Элен князя Василия была страсть к обогащению. Это качество Элен унаследовала и с помощью отца женила на себе Пьера с одной единственной целью — завладеть его состоянием. Как и всякая «красавица», она достаточно цинична и без обиняков заявляет прозревшему со временем супругу, что готова с ним развестись, если его деньги станут ее. Поведение ее достаточно прозрачно, тем более что всему великосветскому обществу известно неприглядное поведение ее отца князя Василия во время кончины отца Пьера, старого графа Безухова. Тогда князь Василий пытался, подменив завещание, обобрать Пьера и нажиться сам. Все это не могло не быть известным отцу Наташи графу Ростову. Для всякого нравственного человека, то есть, не преступающего среди прочих и заповеди «не кради», Элен — урод, но для отца Наташи, растратчика приданого своих дочерей, она — *хороша*. Осознай отец Наташи свою неверность Богу, исповедуй Ему свой грех и покайся перед дочерью — и тех несчастий, которые вскоре произошли в жизни чудной и милой Наташи Ростовской, могло и не произойти. Наташин грех, как это ни парадоксально, — безоглядное доверие родителям.

Однако все произошло так, как не могло не произойти. Отец Наташи был чувствительным человеком, в особенности к ворам, а Элен — была так называемым *подавляющим индивидом*, то есть человеком, который способен энергетически подавлять волю и критическое мышление других людей и превращать их в свои орудия. Толстой об этом говорит в художественной форме в самых первых главах — Элен была центром кружка молодежи.

Может быть, поэтому, как некоторые полагают, Пьеру дарована внешность силача, он большой и толстый — писатель тем подсказывает, что необходима большая внутренняя сила, чтобы, попав под влияние Элен и даже женившись на ней, тем не менее, суметь объективно оценить это чудовище и, в конце концов, стать тем Пьером, который нам так нравится. И если сильный Пьер не сразу смог разобраться в Элен, в *подавляющих*, то Наташе, видимо, это также было не просто.

Итак, Наташа Ростова. В театре, в толпе (а в толпе мы все несколько иные, наше критическое мышление ослаблено суммарным некропо-

лем столпившихся вокруг людей), отец Наташи, чувствительный, но слабый и поддающийся под влияния человек, рекомендует дочери подавляющую Элен. Наташа относится к отцу, как к отцу, и потому переходит в соседнюю ложу, к Элен, где сама как чрезвычайно чувствительный человек (да еще семнадцати лет) непроизвольно оказывается под энергетическим воздействием гадины. Это, как мы говорили, приводит к дополнительному ослаблению и организма, и критического мышления. Она невольно — сама того не желая — отдает себя волнам некрополя и начинает «копировать» скрываемую сущность внешне соблюдающей приличия Элен. Иными словами, Наташа стала неким подобием Элен, *как бы Элен*.

Элен, как и всякая воровка, развратна и неженственна (это сочетание кажется странным только на первый взгляд — оно закономерно, развратник в любви бездарен). Она развратна настолько, что несколько лет назад достоянием петербургского света стала история ее интимной связи с Анатодем, своим собственным братом. Инициатором отношений, как обычно и бывает, была сама Элен. Усилиями родственников их разъединили, историю замяли. Энергетически поработанная юная Наташа должна была проявить сокрытые для внешних хотения Элен.

Теперь представьте себе ложу театра, Наташу, непосредственную, чувствительную, всего семнадцати лет; Наташу, выросшую в семье, в которой она не видела зла, во всяком случае, в откровенной форме; Наташу, привыкшую в вопросах добра и зла полагаться на мнение своих родителей; Наташу, чье лицо, к счастью, не того типа, который *принято* называть красивым, но на котором отражена красота нравственная, лицо, к тому же, одухотворенное верностью своему жениху, князю Андрею, пусть и не суженому от Бога; Наташу, только что вернувшуюся из усадьбы, от естественной жизни природы, и еще не привыкшую к городу, а тем более к столице, — теперь она вынуждена смотреть на сцену театра, уставленную крашеными досками, которые есть, якобы, сад, и вынуждена слушать французскую садо-мазохистку с эксгибиционистским оттенком, то есть признанную актрису, которой аплодирует весь петербургский свет, а рядом — похотливое создание, в уме совокупляющееся в том числе и с собственным братом и обладающее оглушающе мощной отрицательной энергией, подавляющее все или почти все естество милой девушки.

Все происшедшее дальше Наташа изменить не могла — все происходило закономерно и как бы помимо ее воли.

Начинается опера. Внимание присутствующих сосредоточивается на крашенных досках. Но когда все смолкает, посреди действия входит, тем привлекая к себе всеобщее внимание, Анатоде, брат Элен. О том, что он плоть от плоти своей сестры, в первую очередь в смысле нравственном, читатели догадываются сразу. Проявляется это во всем: это чувствуется и в том, что он, пренебрегая слушающими, входит во время действия, точнее сказать, употребляет присутствующих для того, чтобы почувствовать себя в центре внимания; это чувствуется и в его

осанке, походке, словом, во всем; и чем дальше идет повествование, тем больше мы узнаем в нем не столько его сестру Элен, сколько некий *тип* безнравственного человека, научившегося и привыкшего подавлять волю оказавшихся в сфере влияния его порочной энергии.

Жаждающие внимания и поклонения часто пронизательны, это выработывается практикой: надо уметь сразу различать слабые стороны человека, чтобы, зацепившись, навязать ему свою волю. Анатоде взглянул на Наташу, узнал в ней доверчивого человека, и еще — может, не осознавая — не столько Наташу, сколько свою любовницу — сестру Элен. И он захотел ее (Элен или Наташу?). Наташа встретила взглядом с Анатодем, конечно же, никак не предполагая, что смотрит на мир уже не своими добрыми глазами, а взором женщины, которая только что овладела ее волей и подавила критическое мышление. «Элен» смотрела на «своего» брата, и возникающее у нее в груди чувство посчитала влюбленностью. В самом деле, разве могут молоденькие девушки иначе назвать *любое, какое бы то ни было* возникающее у них в груди *чувство* к человеку противоположного пола? А тем более, если это чувство — *восхищение*, которое в некрофилогенной культуре считается наиболее важным?

Это — травма, и отныне Наташа все видела иными глазами: крашенные доски на сцене казались прекрасным садом, драматическая опера — обогащающим душу действием, а французская садо-мазохистка с эксгибиционистским оттенком — чем-то возвышенным.

Далее Наташа и Анатоде несколько раз встречались на людях, при этом, как можно догадаться из описаний Толстого, Наташа полностью утрачивала некоторые свойства, которые в здравом уме, то есть полностью себя контролируя как личность, она бы никогда не захотела утратить — она утрачивала стремление следовать определенным нравственным принципам.

Потом было тайное письмо, был составлен план ее похищения из дома с целью скрыться за границей. Предполагалось даже фальшивое венчание — Анатоде был уже прежде женат, и тоже тайно, но он, разумеется, скрывал это. Было приготовлено все: шуба, тройка лошадей, вино. Однако судьба пощадила Наташу: родные прознали про готовящийся побег и в самый последний момент Наташа была спасена от, изящно выражаясь, некоторых неприятностей. И тут происходит то, что родные никогда от Наташи не ожидали, да и читатель тоже. Наташа кричит, нет, визжит, что все ее не любят, не хотят ее счастья, и вообще — она всех ненавидит, ненавидит, ненавидит!

Такие слова! И от кого? От Наташи!!

Хорошо, мы с вами теперь понимаем, что визжала не Наташа, а визжали Элен и Анатоде, или, в нашей с вами терминологии, Наташа телом памяти, замусоренным некими *предметами* от Элен и Анатодея. Но читатель непроницательный этого не чувствует и приходит к выводу, что это Наташа дура и гадина.

Наташу спасает Пьер. Он сообщает, что Анатоде женат, и тут — видимо, во многом благодаря собственно присутствию Пьера, а его воз-

действие прямо противоположно воздействию Элен и Анатоля — Наташа вдруг начинает осознавать, что с ней произошло что-то дурное, нехорошее. Но от долгой болезни, в результате которой она чуть не умерла, уже ни родные, ни Пьер ее не могли уберечь. Свадьба расстроилась, князь Андрей Наташу стал презирать, от нее удалился, и только искал случая вызвать Анатоля на дуэль и убить его.

Что же происходит с Наташей дальше?

По счастью, от болезни она оправляется, и, пользуясь выражением Льва Толстого, — правда, высказанным по поводу другого в жизни Наташи эпизода, — встает «с обновленной нравственной физиономией». Что это так, очевидно и из дальнейших ее поступков.

Начинается Отечественная война 1812 года. Бородинское сражение столь кровопролитно, что после первого же его дня доселе непобедимые французы более не в силах наступать. Тем не менее, спасти Москву от захвата ее французами не удается. Москвичи спешно оставляют город, настолько заботясь о своем имуществе, что для раненых из госпиталей, в том числе и для офицеров, повозок не достает. (Малоизвестный факт: при сдаче Москвы Наполеону в ней было оставлено 23,5 тысячи русских, раненных в Бородинском сражении, которые большей частью сгорели заживо во время пожара столицы.) Ростовы покидали родной город среди последних. Спешно увязывались многочисленные возы, взятые из родовых поместий. Для раненых, по мнению домашних Наташи — и отца, и матери, и Сони, и всех прочих — места нет. И тут Наташа, может быть впервые, сделала то, на что обычно не решается абсолютное большинство девушек: она, в *хорошем* смысле, восстала против авторитета родителей (отец — вор, но, как все кругом это называют, добряк и широкая «барская» натура) и уговорила, умолила и выстыдила своих родителей бросить драгоценную обстановку графского дома и отдать телеги под раненых. Да, именно восстала, поскольку тот тайный побег с Анатодем, как это на первый взгляд ни парадоксально, был не восстанием против воли родителей, а, наоборот, высшим проявлением преданности им, именно, следованием их образу мыслей, тому образу мыслей, в котором для раненых в веренице повозок со скарбом места не остается.

Наташа еще не знала, что судьба распорядилась так, что вместе с ними ехал и раненный в низ живота князь Андрей. Не знала она, не знал и он, и они долго ехали из оставляемой французам столице всего в нескольких шагах друг от друга. Но они встретились. Наташа просила прощения — за что? — она просила прощение за нечаянную неверность и была прощена. Она не отходила от постели тяжело раненного князя. Но все-таки он умер.

Дальше? А дальше суженого своего Наташа все-таки обрела, суженого истинного, которого предчувствовала, начиная от первого своего влюбления еще в детстве. Пьер всегда, даже когда Наташа была еще маленькой, любовался ею. Наташе не мог простить ее «измены» князь Андрей, не могут этого сделать и большинство современных читателей, но Пьер, добряк, а потому умница, много читающий человек, по-

хоже, этого даже и не заметил. Но понимание того, что у Наташи с Анатодем было не более чем несчастье, — завоевание не только ума очень образованного, но прежде всего обретшего «нравственную физиономию», — ему достаточно было просто *воспринять* Наташу, *какая она*, и он понял, что *простить* было нечего. Для добряка и умницы она была прекраснейшим человеком на земле.

Судьба участников этого «многоугольника» следующая: Анатолю во время Бородинского сражения ампутировали ногу, и он впоследствии умирает. Князь Андрей, как мы уже сказали, умирает, успев Наташу «простить». Общеизвестная красавица Элен решает развестись с Пьером и выйти замуж сразу за двоих, для чего она духовно «прозревает» и обретает истинную по своей душе религию, и притом самую массовую — католицизм. Но, не успев оформить со всеми этими мужчинами связи, она умирает от модной в то время болезни, освободив тем самым Пьера. Пьер становится сектантом в высоком смысле этого слова, то есть пытается мыслить самостоятельно, *не как все*, мужает, наблюдая жизнь и размышляя; между ним и Наташей возникают, наконец, те взаимоотношения, к которым они были предызбраны от начала — и женятся в 1813 году. В последний раз мы их видим в 1820-м окруженными детьми — Наташа вся в муже, Пьер все больше умнеет. До событий, породивших слово «декабристы», остается около пяти лет, но проницательный читатель уже догадывается, что декабристами будут не только Пьер, но и воспитывающийся рядом с ними сын князя Андрея от первого брака, юный князь Николай Андреевич. Соответственно, та женщина, которая оставит все удобства жизни ради того, чтобы облегчить участь мужа в Сибири, — это нежная и милая, но многими не понимаемая Наташа.

Достоин ли будущий специалист по психокатарсису общения с гениальным текстом Л. Толстого? Нам кажется, что достоин. Некто однажды спросил Толстого, о чем его роман. На это Толстой ответил, что если бы он мог рассказать содержание кратко, то так бы и поступил, а не стал бы столь много сил тратить на работу над целой книгой. В этих словах заключена большая мудрость. Действительно, человеческий понятийный язык хоть и богат, но по сравнению с необъятностью жизни, человека и Вездесущего Бога ограничен. И именно поэтому художественный *образ*, в особенности, если он создан тем, кому предназначено их создавать, будет нести в себе глубины, недоступные языку понятийному. А глубина восприятия — это как раз и есть то, чего достоин психотерапевт. (Психотерапевт не в смысле ежемесячно оплачиваемой специальности, не в смысле строки из единого перечня профессий, а в ином — высоком.)

Что же касается того эпизода с Наташей, где крашенные доски и тряпки стали ею восприниматься как красота жизни, то это последние несколько десятков страниц второго тома «Войны и мира». Очень рекомендуем.

И последнее: со слов критиков мы узнаем, что в художественной литературе Л. Толстой чуть ли не единственный значительный писа-

тель, который выступил против страстной (безумной) любви, а именно так можно — и следует — называть «любовь» Наташи к Анатолию. (Второй образ — страсть Анны Карениной к безнравственному Вронскому. Ничего кроме горя, причем многим, детям Анны прежде всего, эта страсть не принесла.) Толстой не был разрушителем, следовательно, выступая *против*, он пытался **утвердить**, хотя бы в себе самом, **некую иную любовь, более высокую**. Как мужчину, его, безусловно, более волновали женские образы, чем мужские (его Пьер сказал, что главная страсть его жизни — женщины), — и у писателя для поиска впереди были десятилетия. И можно не сомневаться, что больше всего он размышлял, погружаясь в глубины своего сердца, постигая свою любимицу — Наташу Ростову.

Ту самую, с которой в жизни он так и не соединился.

Верил ли он, что *такая* женщина существует?

Или ее *видел*?

Он, уже женатый человек?

Женщины Толстого чувствительны. Часто, чтобы *видеть*, им даже не нужно *смотреть*. Кити объяснялась в любви с Левиным длинными фразами, не произнося слов, а лишь чертя мелком на карточном столе одни их начальные буквы. Левин делал то же самое, и они понимали друг друга. (Этот момент отнюдь не автобиографический, как может сложиться впечатление после прочтения мемуаров Софьи Андреевны, жены Толстого, и ее сестры. Они обе написали, что именно таким образом Лев Николаевич и делал предложение Соне. Но написали они об этом спустя много лет, после прочтения «Анны Карениной», а *непосредственно после* объяснения записал один лишь Лев Николаевич, и смысл был тот, что Соня его понять не смогла. Это была несбывшаяся мечта его жизни — чтобы женщина понимала его с полуслова. Что до воспоминаний сестер Берс, так у женщин всегда так: проходит время, и они вспоминают то, чего не было, и рассказывают о том, чего хотелось бы, чтобы случилось.) Долли, сестра Кити, тоже чувствительна, она наперед знала, кто за кого выйдет замуж, даже тогда, когда к тому не было никаких внешних признаков. И даже отрицательная Анна Каренина чувствовала больше, чем видела.

Так и Наташа. Она *знала* на много лет вперед про то, что предполагаемый между Соней и братом Николаем брак не состоится. (Считывала незыблемый настрой матери, пусть даже невысказанным пожеланиям которой сын был не в состоянии перечить?) Наташа и воспринимала людей особенно, и даже особенно их описывала. Скажем, еще девочкой она говорила, что Пьер — он темно-синий с красным, квадратный. Это развитое ассоциативно-образное мышление. Как и у нашей Возлюбленной, столь, как читатель впоследствии убедится, на Наташу похожей.

Мы симпатизируем Наташе с момента ее перед нами появления. Почему так? Есть ли к тому основание? Или мы, угадав в тексте Толстого присутствие созвучной нашей душе особенной ноты восприятия мира, смотрим на юную Наташу глазами Льва Николаевича, который

знал конец от начала? Скорее последнее: вначале Наташа ничем не отличается от своих сверстниц, которые ни у нас, ни у Льва Николаевича теплых чувств не вызывают. Наташа ничему не научилась ни с Друбецким, ни с князем Андреем, ни с Анатодем. Она как Элен, как Анна Каренина, как, в конце концов, мать Наташи — графиня Ростова — подобно многим другим могла ничему не научиться вплоть до самой своей смерти. Но тогда бы *Наташи* не было.

Только с «обновлением нравственной физиономии» Наташа перестала быть женщиной, каких много.

Глава десятая.

ГИТЛЕР И ЕГО ЖЕНЩИНЫ

Есть на свете такая страна — Германия. Все ее жители слышали о Гете, Вагнере, Бахе и немецкой философии, а потому считают себя культурным явлением планетарного масштаба.

По соседству с этой страной культурных людей, в Австрии, 20 апреля 1889 года родился человек, тоже немец. Его считали сначала талантливым, а потом и вовсе гениальным. Он защищал Родину, писал картины, работал над книгами, которые бурно распродавались, вносил ценные усовершенствования в конструкции различных автомобильных двигателей, под его руководством возводились небывалых размеров постройки, в стране, когда он стал ее правителем, не стало безработицы.

Он обладал и паранормальными способностями: пронизательно, граничащей с чтением мыслей, и способностью предвидеть будущее, что люди определенного склада ума считали и считают несомненными признаками Божьего человека.

Этот человек был очень галантен с дамами: всегда целовал им ручки и в их присутствии никогда не позволял не только себе, но и всем присутствовавшим не то что сальностей, но и даже *слов*, хоть как-то связанных с генитальной темой. Женщины, которые, как в прежние тысячелетия, так и сейчас, говорили, что любят все только хорошее, ставили своим мужьям в пример этого неутомимого труженика. Обоснованность своих слов немецкие женщины доказывали известным женским свойством тонко чувствовать.

Да, женщины были слабостью этого человека. Весь Берлин обсуждал справедливо то или несправедливо, чтобы пенсия на его детей от нескольких неофициальных жен выплачивалась из средств государства, а не из его собственных. Приходили к выводу, что справедливо. В конце концов, может же человек, столь много сделавший для фатерлянда, иметь слабости? И разве великий человек может хоть в чем-то быть не великим?

Многие женщины Германии свою мечту об интимности с ним объясняли якобы желанием родить от него ребенка. И столько о предло-

жении с ним близости писали ему писем, что ему не хватило бы и самой жизни, чтобы их все прочесть.

Но все-таки многих он осчастливил. Да, у этого человека было множество женщин — сотни, и даже тысячи. И они могли рассказать о своей с этим необыкновенным человеком близости, прежде всего потому, что он их не убивал.

Он убивал других: немцев, французов, чехов, словаков, поляков, русских, евреев, цыган, украинцев, узбеков, эстонцев — список огромен. Таких массовых убийств в истории человечества еще не было — десятки миллионов людей. В лучшем случае их по его приказу расстреливали, но часто сначала долго везли в вагонах, прежде чем, вдоволь наиздевавшись, отравить в газовых камерах. Младенцев возили редко, чаще просто брали за ножки, и, размахнувшись, разбивали головки об угол ближайшего строения.

О подробностях его жизни сохранилось множество свидетельств: он не только сам часто сдавал анализы, но и следил, чтобы это делали и подчиненные. Поэтому, если ниже в тексте вы встретите, что он сильно ревновал свою секретаршу к офицеру, в крови которого не нашли мужских гормонов, то и это подтверждено документально.

Объем свидетельств огромен, огромно и число исследований, особенно академических, — их число перевалило за десятки тысяч. Мы не хотим повторяться: за фактическими данными интересующихся отсылаем к специальным работам — библиография огромна.

Наша цель — порассуждать над такими фактами из жизни этого человека, которые скрыть трудно и которые позволяют снимать маску с ему подобных. Наша цель — научить видеть и анализировать всякого, кто не хотел бы иметь ребенка от такого, как Гитлер, ничтожества.

При этом мы вынуждены называть вещи своими именами. Это требует определенного мужества, потому что мы знаем, что подобный диалект вызывал неприязнь не только у Гитлера и его женщин, но и во все времена и во всяких народах был неприемлем для им подобных.

Действительно, практика показывает, что про *это* не говорят или особенные извращения, или их прислуга. Пример — разнообразные секты. При всей противоположности их религиозных учений в немногом они сходятся: надо быть преданным иерархии, в особенности верхушке, и об *этом* — ни-ни! И это не случайно: безумие проявляется, прежде всего, в постели, и познание о реальностях так называемой половой жизни — часто начало выхода из-под болезненной зависимости от вожаков сект, которые нередко разрастаются до размеров государственных религий.

Гитлер вступил в брак с Евой фон Браун за 40 часов до своего с новобрачной самоубийства. Первоначальный план был таков: принять яд, а затем каждому выдернуть чеку из мощной гранаты, так чтобы после взрыва в бункере от тел ничего не осталось. Но потом план изменили: фрау Гитлер приняла капсулу с цианистым калием, а Гитлер

выстрелил себе в рот из «Вальтера» калибра 7,65 мм. Через 10 минут их, согласно предсмертному приказу, верные сподвижники облили бензином и подожгли. От тел сохранились только внутренние полости. Тело Гитлера смогли идентифицировать только по зубным протезам.

Итак, *Гитлеру было очень важно, чтобы его с супругой тела никто из медиков не осматривал.*

На то были причины.

После падения Берлина в квартире Евы фон Браун, в шкафчике, представители союзников обнаружили не только большое количество таблеток, которые, как все знали, Гитлер много поглощал, но и горы противозачаточных средств. Они-то зачем?

Станный, казалось бы, вопрос: зачем? А зачем бывают нужны противозачаточные средства? Конечно же, скажет обыватель, чтобы не забеременеть. Раз были такие средства, следовательно, Ева Браун, которая всегда была верна своему Адольфу, не хотела или ей было не позволено забеременеть.

Типичная мысль и характерный вывод. И, несмотря на его обыденность, он интересен, — но единственно потому, что Адольф Гитлер был *клиническим импотентом* — он был монохордом (в результате операции удалено одно яичко). Более того, у Евы Браун после болезненной гинекологической операции влагалище было слишком маленького размера для нормального секса! Детей у нее быть не могло! Она долго после операции лечилась, и как только ее личный гинеколог во всеулышанье объявил о полном выздоровлении пациентки, он тут же погиб в автомобильной катастрофе.

Почему он погиб? Это очевидно: те, кто знают то, что другим знать не следует, подозрительно часто гибли, и именно, по тем временам, в автомобильных катастрофах.

Но почему знания гинеколога об особенностях влагалища Евы Браун представляли для третьего рейха опасность? Почему было необходимо молчание гинеколога? Ведь если бы выздоровление действительно было полным, то что его смертью было скрывать? Очевидно, что насчет *полного* излечения он слукавил. (Ева Браун обгорела сверху, но не сторела полностью, внутренние полости, как мы уже упомянули, сохранились.) На слова о *полном* выздоровлении наверняка был приказ, который гинеколог и выполнил. Но все равно был убит по той же самой причине, почему для обозрения прислуги выкладывались противозачаточные средства и почему Гитлер перед смертью так заботился, чтобы тела его и его жены не осмотрели медики. О его импотенции никто не должен был знать наверняка.

Итак, *Гитлер тщательно скрывал свою генитальную несостоятельность.*

Но о ней все-таки знали — и даже многие. Или, во всяком случае, догадывались. Сохранилось письмо Евы Браун к одной своей подруге, в котором она сообщает, что *ничего от Адольфа как от мужчины не получает*. Кто знает, сколько было написано писем с подобного рода содержанием и сколько их могло уцелеть в государстве тотальной слежки? Очевидно, что сохранилось их меньше, чем было написано.

Но многие женщины перед самоубийством *рассказывали*, что Адольф как мужчина — бессилён. И некоторые из тех, *которым* об этом рассказывали, впоследствии написали мемуары. Но до падения третьего рейха все они хранили молчание.

В шкафчике же выкладывались противозачаточные средства, о которых прислуга, несмотря на произнесенный, видимо, весьма строгим голосом приказ именно в этот шкафчик не заглядывать, несомненно, знала. А то, что знает женская прислуга, знают их сердечные знакомые, прикинувшиеся дворниками журналисты, соседи и случайные попутчики — словом, знает вся столица, а уж провинция тем более.

Итак, *Гитлер старательно создавал образ сексуального гиганта.*

И еще: *Гитлер снисходил даже до прислуги.*

А если Гитлер для создания перед населением Германии образа сексуально сильного мужчины не упускал из виду даже прислугу, то сколь большие он, очевидно, тратил усилия, чтобы заручиться необходимым свидетельством врача!

Действительно, это так. С Рождества 1936 года Гитлера пользовал оккультист Теодор Морелль — он был непомерно жирный, близорукий, не курил, и, будучи специалистом-венерологом, содержал частную клинику. Что же получал типичный ипохондрик Гитлер от Морелля? Около 150 таблеток в неделю, кроме того, примерно 10 подкожных инъекций. Самое интересное, что среди них были тестикулярные экстракты молодых быков («Тестовирон»). Считается, что они усиливают половую потенцию. Но зачем подобные инъекции *клиническому импотенту*? Ведь повысить можно только то, что, пусть в незначительной степени, но есть?

Значит, эти инъекции были инструментом воздействия на оккультиста. Гитлер прекрасно умел управлять людьми. Те, которые попросту, трудностей не составляли: достаточно было приказать или даже просто мысленно пожелать, и они спешили выполнять то, о чем «сами догадались». (Было бы очень странно, если бы Гитлер этого своего свойства не *осознавал*, ведь он был посвященным сразу нескольких оккультных братств Германии.) Но с врачом-венерологом, которого много лет в учебных заведениях заставляли тренировать критическое мышление, нужно было использовать другую технику. Нужно было дополнительно дать материал для анализа — интеллектуального. Причем из исключительно медицинской, а лучше — медикаментозной области. Таким людям может быть недостаточно только услышать или почувствовать — надо *увидеть*. И Морелль увидел. Более того — он сам своими собственными руками делал инъекции «Тестовирона»! И он шел рассказывать о противозачаточных средствах в шкаф... извините, что фюрер вполне нормален, просто перегруженность государственными делами утомляет и *снижает*, а потому вот сегодня, да и третьего дня делал великому человеку инъекции «Тестовирона», из чего следует, что он мужчина и т. п...

Разумеется, этот способ воздействия на жирного оккультиста непременно был подкреплен и психоэнергетически. Один из приемов

ошеломляющего гипноза заключается в следующем: защитное критическое мышление деструктурируют совершенно неожиданным поступком. Можно, конечно, неожиданно вытащить из кармана кобру, но это требует расходов на ненужные, в сущности, аксессуары; обычно просто нагло врут, причем по поводу вещей, собеседнику известных. Скажем, задержанный с поличным аферист заявляет, что всю свою жизнь руководствуется заповедями Божьими, а импотент — что не далее, как этой ночью он совокуплялся аж с тремя дамами. Человеку трудно поверить, что можно *так* врать, он пытается найти происходящему более сложное объяснение, логическое мышление перегружается, отключается — и человек вполне готов ко внушению. Гитлер часто принародно скрещивал руки так, что закрывал обеими ладонями область паха. Так обычно поступают импотенты. Газетчики это заметили, и во времена, когда в Германии полностью была преодолена безработица, широко была распространена шутка, что «это единственный неработающий член третьего рейха». Морелль, как врач, не мог не понимать (хотя бы по характерному жесту) обоснованности этого анекдота. Но вот Гитлер, перед которым у оккультиста подгибаются колени, прежде пожаловавшись, что справляется только с двумя женщинами, заявляет, что нужды третьего рейха требуют его участия и в судьбе третьей, а потому необходима инъекция «Тестовирона»! Морелль изумлен, потрясен, пытается понять, что происходит, и уже более не способен осознавать психоэнергетического внедрения — и полная преданность Морелля обеспечена. И он шел рассказывать о противозачаточных средствах в шкаф... — ох, опять! — что фюрер вполне нормален, просто перегруженность государственными делами утомляет и снижает, а потому вот сегодня, да и третьего дня делал великому человеку инъекции «Тестовирона», и т. п...

Итак, о «Тестовироне», в сущности, *разглашать было приказано.*

Столь существенные усилия Гитлеру приходилось прилагать потому, что ему не просто приходилось *создавать* о себе мнение, но у части населения *перестраивать* уже сложившееся. Той самой, которая смеялась над анекдотом о «единственном неработающем... третьем рейхе».

Обилие таблеток и инъекций не было секретом (!) для других врачей. Они предупреждали, что такое их количество обычно неминуемо ведет к разрушению организма (в частности, к снижению потенции). Но Гитлер не слушал их советов, объясняя их проявлением профессиональной зависти — и в удовольствии медленного самоубийства себе не отказывал. Не надо подозревать столь феноменально начитанного человека (как у всякого патологического маньяка, у него была феноменальная память) в неспособности понять, что он делает. Просто ему это *правилось*. И самоубийство, и — в особенности — импотенция. Этот парадокс вполне разрешим.

Психологически все достоверно: и сегодня десятки и сотни тысяч молодых людей колются анаболиками для наращивания мускульной массы, прекрасно зная, что за якобы силу и мощь они расплачиваются здоровьем и потенцией. Итак, мужчины, выбирая между способностью

привлекать и подавлять женщин и способностью к генитальному способу доставить ей удовольствие, предпочитают первое — властвовать.

А что женщины? Что выбирают они? На Востоке, в частности, во Вьетнаме, «любящая» женщина стремится доставить своему мужчине «удовольствие», собственноручно готовя ему опийные шарики для курения. Все участвующие прекрасно знают, что курение опиума приводит не только к немедленному снижению потенции, но и к хронической импотенции вообще. И к преждевременной смерти. Но «любящим» женщинам *нравится* именно *такой* мужчина: он послушно принимает из ее рук смерть, ей *хорошо*, когда он почти *не может*, и ей приятно думать, что *никогда не сможет и впоследствии*. Но кое-что он все-таки может: если он уничтожает в себе жизнь, то в нем возрастает смерть. А возросшим в нем некрополем и наслаждается научившаяся готовить опийные шарики *женщина*.

Таким образом, и колющиеся анаболиками, и *женщины* с Востока делают один и тот же выбор: биополу они предпочитают некрополе. *Женщина* даже в близости выбирает смерть, выбирают ее и мужчины.

Если это так, если это общий принцип существования населения, то импотент Гитлер — именно потому, что состояние его психики привело его к импотенции (главная эрогенная зона — анус) — должен был пользоваться у женщин успехом. Да, пользовался. И каким!

Ежедневно Гитлер получал огромное количество писем откровенного, иногда даже неприлично обнаженного содержания. Со всех сторон Германии ему слали вышитые (часто свастикой) подушки, к которым обычно прилагались фотографии. Во время публичных выступлений Гитлера женщины рыдали от восторга и со всех сторон протягивали к нему руки, надеясь на чудо — случайное рукопожатие «величайшего из немцев».

Эмиль Морис, личный шофер фюрера, вспоминал, что молоденькие девушки 15-16 лет бросались под машины, чтобы получить рану и удостоиться прикосновения обожаемого вождя.

Однако от восторга женщины на выступлениях Гитлера не только рыдали. Человек, работавший в Мюнхене во времена Гитлера, рассказывал Эрне Ханфштенгль, что после речей, произнесенных фюрером, много мест, на которых сидели дамы, нуждались в уборке. Женщины больше не могли владеть собой и в восторге опорожняли свои мочевые пузыри. Характерная деталь: *первый ряд бывал уделан весь*.

Набожные католички, осеняя себя крестными знаменами, производили при этом имя Адольфа Гитлера. Сохранилось множество свидетельств о том, что немецкие фрау в постели с мужьями, достигая состояния наивысшего возбуждения, в экстазе начинали выкрикивать имя Адольфа Гитлера.

Германия вся принадлежала фюреру, соответственно, ему принадлежали и все женщины. (Можно и наоборот: все немки принадлежали Гитлеру, соответственно, ему принадлежала и вся Германия.) Впрочем, к чести немецкого народа (десятки миллионов людей), надо сказать, что нашлось несколько женщин, которые, заявив, что Адольф —

ничтожество и мразь, покинули зону гитлерщины. Мы не говорим про евреев: если бы их не уничтожали, большинство остались бы (многие и остались) — они бежали, просто спасая свои жизни. Мы говорим только про немок.

Но какого типа женщин из всего их множества выбирал себе Гитлер? Каких женщин он считал лучшими из лучших? Были разные: с титулами и без, немки и иностранки, но преимущественно *актрисы*. Исследования их тайной жизни показали, что как актрисы они были вполне типичны и в постели — проститутки, мучительные девственницы и лесбиянки. Верная Адольфу до конца Ева фон Браун была трагедисткой (переодевалась мужчиной и им себя представляла), и, как вспоминают, когда она работала фотомоделлю, любила принимать позы женщины-вамп.

Ева фон Браун, как следует из одного только ее имени, «благородного» происхождения. Гитлер кроме актрис вообще предпочитал аристократок и не только отечественных. Была у него даже дочка пэра Англии. (Отец, конечно, не император, но все же.) Мать назвала ее Юнити — в честь *актрисы*, которую *обожала*, и Валькирией — в честь дев войны. Сестры, английские аристократки, учились жизни активно: среди прочего, когда они вонзали себе в руку перочинный нож, боль следовало переносить, не показывая никаких эмоций. Любимой в семье была следующая история. Некий молодой человек из хорошей семьи, студент-медик, подвесил над кроватью своей подружки замерзшую человеческую руку так, чтобы девица, когда потянется включить свет, обязательно наткнулась на холодную как лед конечность. Все с нетерпением ждали воплей девушки, но так как время шло и никто не кричал, пошли посмотреть, что происходит: леди сидела в кровати и *ела эту руку!*

Нам кажется, что достаточно описывать характер Юнити, можно не продолжать; кому интересны подробности той, к которой так болезненно ревновала Ева фон Браун, пусть разыщет соответствующие публикации. Единственно стоит упомянуть, что эта английская аристократка после интимной близости с фюрером *осталась девственницей* — ее-то осмотреть, как мы увидим ниже, у медиков возможность была еще при ее жизни. (Из одного только этого факта можно убедиться, что Гитлера в женщинах интересовали отнюдь не гениталии.) Она себя убила, и исследователи дошли до такой степени маразма, что причину ее самоубийства объясняют взаимоотношениями между Англией и Германией. Гитлер говорил, что он только немцев и англичан признает истинными арийцами и потому народами, достойными управлять всем миром. Но когда в 1939 году Англия объявила, что она считает себя в состоянии войны с Германией, Юнити Мидфорд, не медля, пошла в Английский парк (Германия) и пустила себе две (!) пули в висок. (А почему бы не вернуться домой и не переосмыслить свои убеждения, или хотя бы уехать в третью, нейтральную, страну? Так ли уж очевидно, что причина самоубийства в политических феноменах?) Одна пуля прошла навывлет, а другая застряла в мозге. Дочь пэра отвезли домой в Англию, где после операции она прожила еще девять лет. Ко-

гда ей принесли фотокарточку Гитлера с дарственной надписью и нацистский значок, то фото она порвала, а значок проглотила.

И еще: ее сестра проявляла склонность не к гитлершине, а к сталинщине, и даже в Испании воевала с фашистами. Исходя из чего, многие исследователи считают, что сестры разные.

Да, вот таких женщин из миллионов ему себя предлагавших выбирал Гитлер.

Но чем же они занимались с «лучшим из мужчин Германии», когда оставались с ним наедине? Некоторые из случайных «любовниц» вспоминали, что им приходилось до утра просто сидеть и наблюдать, как перед ними рисовался «великий труженик» «благодетель» фюрер. Но так было далеко не всегда. Гитлер предпочитал дрожащими руками раздевать женщину сам (Еву фон Браун, например, это раздражало), и до постели они не добирались, а падали на пол (Ева фон Браун это нравилось, она говорила, что на полу ее любимый, которому она, как и Юнити Мидфорд, была верна всю свою жизнь, *выглядит более эротично*), потом предлагал даме сесть над его лицом на корточки и после созерцания анального отверстия (что его приводило в восторг), требовал, чтобы она сначала на его лицо помочилась, а потом и дефекировала. О том, что происходило потом, мемуарные свидетельства еще не обнаружены: видимо, начиналось что-то настолько неприличное, что рассказывать дальше женщинам мешала присущая дамам стыдливость. Кто знает, шел ли фюрер умываться сразу, или возможно, еще какое-то время лежал, наслаждаясь; может быть, пальчики его дам нежно размазывали драгоценное «миро» по лбу мыслителя, и он и снаружи становился коричневым... А может быть, они начинали целоваться?.. А спали они потом вместе помывшись или нет? Что было потом такого, о чем стыдятся рассказать женщины?

У Гитлера партнерш было много, большинство более одной ночи не задерживались, и поскольку их число было существенно большим, чем необходимо для сплетен о его сексуальной неводержанности, то можно предположить, что он их менял, видимо, разыскивая идеал (?). Чем же одна женщина могла быть *лучше* другой? Что верховному жрецу государственной религии немецкой нации было важно? Оформление краев анального отверстия? Их чистота? Или собственно *предугадывание* того, что оттуда полезет, ведь о Гитлере известно, что он обладал паранормальными способностями прозревать будущее? Что ему нравилось? Качество продукта? Может, консистенция? Запах? Скорость истечения (вываливания)? Количество? А может быть, тембр голоса партнерши, когда она, дефекируя ему на физиономию, говорила о том, как она его страстно любит? Какой он, дескать, потрясающий любовник? В смысле как *мужчина*? А он что ей в этот момент отвечал? *Чавкал* ли он при этом? Или вел себя прилично, как за столом?

За столом Гитлер вел себя весьма галантно, по окончании обеда он целовал ручки всех присутствовавших дам и для каждой находил особенный комплимент. Так что, наверное, и на полу он, *эротичный*, оставался джентльменом.

Хотя, может быть, и нет — *чавкал*. Очень часто подобного рода люди весь день играют роли, и только наедине с близкой по духу могут, наконец, стать самими собой.

Качество «продукта» Гитлера, несомненно, интересовало. Он внимательно следил, чем питается его Патшерль — так он, ласкаясь, называл свою будущую фрау. Часто он ее кормил с рук, приговаривая при этом: «Этот кусочек тебе пойдет на пользу». Он знал толк в продуктах (ведь он был сведущ в оккультных науках), и кусочки для Евы были заботой не только о ней, но и о себе.

Ева фон Браун он изменял. Что было причиной? Запоры? Что, в таком случае, его побуждало к ней вернуться? Приступ у нее дизентерии? Весть о новом заграничном слабительном средстве?

Сам у себя, кстати говоря, Гитлер запоры не терпел и любил себе ставить клизмы. Собственноручно. Георгий Хлебников, автор книги «Интимная жизнь Гитлера», ссылаясь на западных исследователей, утверждает, что немецкий мыслитель любил рассматривать свои испражнения и их обнюхивать. Впрочем, тому не нужны свидетельства — достаточно рассмотреть на парадных фотографиях главы правительства типично некрофильское выражение (брезгливо принохивается).

Только не надо думать, что Гитлер в жизни был грязной скотиной! Напротив, он был очень чистоплотен. Более того, считают, что он страдал *рунофобией* — чрезвычайной, даже болезненной чистоплотностью: мылся он при благоприятных условиях по два раза в день, раз в день мыл голову, брился два раза в день, рубашки менял четыре раза в день, регулярно чистил зубы и полоскал рот после каждого приема пищи и т. п. Он очень следил за чистотой речи — никому из присутствовавших не позволял не то что сальностей, но даже и слов из половой сферы общения людей — культурный, одним словом, человек. Страсть же к дефекированию на лицо он своим «милым» объяснял тем, что для того, чтобы иметь право на высшую власть, нужно максимально унизиться — известный оккультный принцип. («Чтобы достичь власти, необходимо пройти через крайние унижения»; «умереть человеком, чтобы воскреснуть сверхчеловеком»). Таким образом, *окультист* — это некогда человек типично авторитарного мышления, которому преступлениями против нравственности удалось раскатать маятник садомазохизма. Маятник не может находиться только в правом или только в левом положении, поэтому от услужливого лакея (*мазо*) всегда можно ожидать поползновений на должность начальника лагеря смерти (*садо*); всемогущий маг зависим от шлюхи-«любовницы», а всякий диктатор, способный повелевать толпой, чтобы не растерять тех сподвижников, которые хоть чуть-чуть сохранили способность к критическому мышлению, всегда что-нибудь от них из своей интимной жизни скрывает. *Вожак* может себе позволить вести нравственно-чистую жизнь только на публике, иначе душа его не будет помойкой, и на него перестанут взирать с восторгом и обожанием. Этот закон маятника присущ не исключительно оккультизму, но вообще любым проявлениям садомазохизма: чтобы оказаться в правом положении, надо прежде ока-

заться в левом. Немало популярных авторов утверждает, что Ева Браун была просто тихой забитой девушкой, жертвой, которой все помыкали. Утверждается это на том основании, что Еву фон Браун оскорбляли и унижали жены разве что не всех сподвижников Гитлера, обызвая ее «простой продавщицей» и т. п. На основании этих *дневных* оскорблений делается вывод, что она была игрушкой и в руках Гитлера. Вовсе нет! Из того, что *днем* ей были нужны оскорбления, следует только то, что фазу садизма будущая фрау Гитлер «отрабатывала» по *ночам!*)

Стоит ли, однако, верить *словам* Гитлера своим «возлюбленным», что он *прежде* покрывается испражнениями, а уж *потом* обретает силу служить фатерлянду? Слова — далеко не дела, но и по делам подчас невозможно составить здравого о людях суждения, потому что неизвестны их побуждения. Но есть прием более тонкий — можно подмечать, **как присутствие того или иного человека меняет оказавшихся с ним рядом.** И то, во что рядом с Гитлером обращались *люди*, вполне раскрывает *его* душу. Но и дела Гитлера достаточно характерны: он любил фотографировать своих дам снизу, только зад и, так сказать, его сокровенную сущность, опять-таки объясняя столь необычный ракурс требованиями конспирации, дескать, никто не узнает, кто запечатлен, если фотография случайно попадет в чужие руки. Эти объяснения женщинам, видимо, казались вполне разумными. Нам же кажется, что этот особый ракурс противоречит его объяснению о необходимости на него дефектировать по причине высоких духовных устремлений (служение Родине). Опыт наблюдений за людьми показывает, что определенного сорта люди *сначала* не в состоянии сопротивляться своему влечению к испражнениям, *а уж потом* восторженно знакомятся с формулировками оккультистов. Так было и в жизни Гитлера: хотя он еще в молодости узнал об оккультизме от своего кузена, но еще до того он был авторитетным лидером ребячьих игр. Да, это действительно так: будущий *копрофил* (любитель испражнений) распознается по степени оказываемого ему послушания членами семьи и дворовыми друзьями. (Инверсированная форма — их часто бьют.) Так что Гитлер и относительно причин, побуждавших его потреблять испражнения, — врал. Или выражаясь изящнее, будучи, что называется, прирожденным актером, *играл роль.*

Таким образом, складывается следующая картина: импотент, копрофил, брат двух патологических идиотов (остальные братья и сестры умерли в младенчестве), садист и убийца успешно играет роль сверхмужчины и мыслителя, становится главой государства и весьма успешно им управляет. В него, судя по одному только числу к нему писем, страстно влюблены *миллионы женщин.* Вопрос заключается в следующем: *что их притягивало — его копрофилическая сущность или та роль сверхмужчины, которую он играл?*

Разумеется, все эти миллионы дружно скажут, что были обмануты. Что им *казалось*, что это настоящий *мужчина.* Но так ли это? Ведь известно, что осознать и выразить свои истинные намерения редко кому удается.

У Гитлера было много секретарш — и все сплошь были в него влюблены, настолько, что ради него отказались от супружества. Но однажды свою ему верность нарушили ради одного офицера. Этот человек, по всеобщему дамскому мнению, был просто красавец-мужчина. Да, да, это в его крови не нашли мужских гормонов! Характерна проницательность женского коллектива: вряд ли они знали о том, что Гитлер монохорд, а уж тем более не могли быть знакомы с результатами анализа крови этого офицера, но и его и Гитлера они выгодно выделили из числа остальных представителей мужской половины человечества!

Действительно, практика показывает, что женщина, желающая стать графиней, графа узнает даже переодетым, и будет провоцировать его ее соблазнить. Для той, кто видит себя женой пастора, значимы только те молодые люди, кто в состоянии, закончив семинарию, взобраться на кафедру и довести паству до состояния восторга. И так далее. Из этой разборчивости дам следует, что миллионы женщин в своих на Гитлера притязаниях *вовсе не были жертвами словесного обмана:* они угадывали возможность исполнения своих тайных желаний, их подсознательная мечта — яркий копрофил. Действительно, несмотря на разнообразие форм извращений дам Гитлера — лесбиянки, травести, неженщины, мучительные девственницы, шлюхи с невероятным количеством любовников, словом, самые обычные, если судить по их фотографиям, женщины — все эти дамы явно были бессильны построить взаимоотношения с одним генитального типа мужчиной. Им было *нечем.*

Как бы эту мысль выразил последователь Фрейда? Подобное стремится к подобному, поэтому женщину генитального типа может заинтересовать такой же мужчина. Но если женщина относится к анально-накопительскому типу (фригидна), то все, что связано с гениталиями, ее раздражает (в инверсированной форме — ежедневно меняет партнеров), в лучшем случае, она это *терпит.* Ей подсознательная мечта — партнер анального (садо-мазохистского) типа.

Можно ли его выявить без каких-нибудь мистико-энергетических толкований? Можно. В этом-то и заключается одно из важнейших открытий Фрейда! Индивид анально-накопительского типа мыслит взаимоотношения с индивидом противоположного пола как смену ряда положений, в которых то один другого подавляет, то наоборот. В любом случае, это власть одного и подчинение другого. Это еще называют **авторитарным мышлением.** Это вовсе не умозрительный вывод кабинетных психологов, а результат клинических наблюдений, в частности, психотерапевтического лечения. Генитального типа личность к власти не рвется, в том числе и потому, что иначе в постели не сможет получить того типа удовольствия, которое его интересует. Таким образом, стоило импотенту и копрофилу Гитлеру начать говорить (а мысли его иначе как авторитарными назвать невозможно), как ассоциативное подсознание женщин анально-накопительского типа немедленно реагировало: *свой! Хороший!*

Подсознание женщины обмануть невозможно, это столь же верно, как и невозможно спутать людей, мыслящих авторитарно, с теми, ко-

му насилие чуждо. Трудно себе представить, что Гитлер смог бы найти общий язык с Христом или апостолом Павлом после его, Павла, обращения. Проститутка из Капернаума, после покаяния омывшая Христу ноги (Лук. 7:37, 38), могла заинтересоваться Гитлером, пока зарабатывала себе на жизнь древнейшей профессией, но Гитлеру не удалось бы ее заговорить после того, как она в полной мере стала понимать смысл воплощения Иисуса Христа. (Соответственно, она перестала понимать *адольфиков.*)

Итак, миллионы немок, влюбляясь в Гитлера, тем демонстрировали свою сокровенную тайну, что они с мужчинами на искреннюю генитальную эотику неспособны! Только на анальную, пусть под генитальную и стилизованную. Имитация эотики, даже с применением половых органов, может ввести в заблуждение только *не могущего* не заблуждаться — умеющий здраво мыслить изнемог бы слушать тупизмы копрофилки, еще не дойдя до спальни.

Но это немки, что с них возьмешь, ведь солдафонство германской нации — давным-давно притча во языцех. Немецкий юмор вообще ни с каким другим не спутаешь. А как обстоит дело, скажем, в Соединенных Штатах Америки? Сексологи по результатам анонимных опросов составили следующую статистику: 40 % опрошенных американок признались, что они полностью фригидны и во время близости *ничего* не чувствуют; 45 % заявили, что они далеко не при всякой близости с мужчиной испытывают оргазм; и лишь 15 % заявили, что испытывают наслаждение *всякий раз*. Казалось бы, самая неблагоприятная группа — первая, 40-процентная (честь и хвала этим честным женщинам!). Однако... Скажите, а к какому типу отнесет себя, скажем, женщина, у которой несмотря на то, что она мастурбирует до двадцати раз на день, клитор и влагалище *абсолютно* нечувствительны? Какую это зону она стимулирует своими периодическими судорожными движениями скрещенных ног? Неужели догадались? Да, хотя она явно не генитального типа, она отнесет себя к «благополучным» 15 %, потому что даже в постели с мужчиной она все равно занимается анальной мастурбацией. Скажите, а к какому типу отнесет себя минетчица, которая, жадно приносясь к желательным чуждым половым органам партнера, *всякий раз* во время любимого якобы орального процесса якобы оргазмирует? А что, удивится она, разве это не оргазм, ведь то, что я испытываю, в точности совпадает с описаниями учебников по сексологии? (Да, учебники бывают толстые, а бывают — нет, но, в любом случае, труд так называемых ученых оплачивает кто-нибудь из императоров /президент Академии наук, царь, финдиректор/, или же автор существует на выручку, полученную от продажи книг массовому читателю, но как бы то ни было, всегда платят авторитарно мыслящие индивиды, и они не потерпят, чтобы их разоблачали. Так что, учебники *признанных* — не способ постижения жизни. Таких же, как Л. Толстой, которых интересуют не деньги, а истина сама по себе — единицы, и их почти не читают.) Разве это не оргазм — ведь ощущение сначала возрастает, а по достижении максимума — спадает. Да, и эта минетчица с опухшими

губами (и это при том, что ныне забытый клитор она себе разработала еще в младших классах школы!), несомненно, отнесет себя к «благополучным». Здесь есть соблазн отнести минет к разряду оральной (по Фрейд) сексуальности, дескать, в губах эрогенные зоны, самые для нее чувствительные, да и психически она как бы сосет материнскую грудь. Но это не так. Дайте этой даме пососать морковку или подогретый фаллоимитатор — будет ли у нее «возрастать ощущение»? Нет. А ведь рецепторы губ никуда не девались. Отсюда следует, что такое столь многочисленное приносящее женское сестричество, как минетчицы, не только не генитального типа, но и не орального. Итак, остается анальный тип, или, более корректно, некрофилический. К ним же, видимо, относится и та часть женщин, которые в имитации генитальных взаимоотношений заходят дальше остальных, но для которых характерные ритмические движения партнера не более чем мерно раскачивающееся кадило специалиста по наведению транс. Продолжать, наверное, нет смысла, кто понять может, тот понял. Сколько же их, генитально оргазмирующих в этих 15 %? Сущий, видимо, пустяк, что-нибудь вроде 0,38 %.

Остается разобрать последний тип женщин, которые, как заявляют, оргазмируют, но далеко не всегда (их, если помните, 45 %). Этот тип очевидно можно разделить на два подтипа. Большинству женщин трудно прямо признаться в своей неспособности, поэтому даже свою фригидность им удается использовать для «овиноватинья» мужчины. Обычная схема такова: партнеру заявляют, что она когда-то оргазм испытывала — один... нет, два раза... пожалуй, даже три — и если она с *ним* ничего особенного не чувствует, — так только из-за *его* неспособности. Виноват — он, он, он!! Типично некрофилическое поведение, тем более убедительное, что стоит женщине соврать раз-другой, как она уже сама начинает в свою ложь свято верить. Второй очевидный подтип — это те дамы, которые, действительно, как и энтузиастки национал-социалистического движения, могут обгадиться и заявить, что это и есть истинное удовольствие, но для этого им надо оказаться на первом ряду перед вибрирующим на трибуне фюрером. Или оказаться с ним на одном ковре. Естественно, что такого типа дама может испытать свое некрофилическое удовольствие даже не со всяким эсэсовским палачом. Отсюда и ее самоотнесение к 45 процентам оргазмирующих не всегда и не со всяким. В 45-процентный тип генитальные женщины не входят, потому что, как следует из всей этой книги, они, раз оказавшись с генитальным мужчиной, уже никогда с ним не расстанутся; обретя опыт оргазма, они уже не позволяют себе оказаться с анальным мужчиной.

Итак, из всего вышесказанного следует, что и американки недалеко ушли от немок, и если в Америке еще нет диктатора, то только потому, что в Америке провинциально все: не только вкусы, интересы и искусство, но даже и вожди — мелочь. А главное — одного штампованного уровня подавления, поэтому можно выбирать себе вождя по территориальному или «культурному» признаку. Но диктатор будет: судя по

интимной жизни американок, они уже готовы его принять и им восхититься.

Таким образом, почитательницы Гитлера отнюдь не были жертвами обмана, что, якобы, их на самом деле влекло к «настоящему мужчине, умному, благородному и красивому»; но, наоборот, они сами страстно помогали Гитлеру обмануть других, еще *сомневающихся*.

Действительно, население можно условно разделить на две категории: те, которые пойдут за Гитлером при *любых* о нем сведениях (организатор лагерей смерти, копрофил, или, наоборот, «примерный семьянин» — не важно), а есть такие жухлые, которое бы и пошли за фюрером, но полностью забыться им мешают позывы расхохотаться при воспоминании о «единственном неработающем ... третьего рейха». Первые помогают одурочить вторых.

Толпа сама выбирает, какими баснями ее нужно кормить. Скажем, в *России*, в последнее десятилетие XX века ходила следующая легенда, объясняющая невероятную популярность Гитлера у женщин. Легенда гласит, что у Гитлера был уникальный половой орган, на кончике которого было двенадцать крупных бородавок, поэтому Гитлер, цитируем, «так продирает *этим* даму, что она после больше уже ни на одного мужчину смотреть не могла». Можно не сомневаться, что, приди Гитлер к власти в России конца XX века, нашлись бы и врачи, и масса женщин, которые своими глазами видели уникальный прибор и даже бы сосчитали количество бородавок. Народ бы его любил не меньше Сталина.

Распознать некрофила (копрофила, гомосексуалиста и т. д.) можно не только по авторитарному мышлению (пусть даже скрываемому образом), но и по его ревности, причем в самых неподходящих ситуациях. Ева Браун очень мучилась от ревности к другим дамам, в особенности, к аристократке Юнити Мидфорд. Гитлер тоже был страстно ревнив. Именно указывая на его ревность, многие писатели утверждают, что он был всего-навсего импотентом, а в остальном нормальным человеком. Ведь есть же поговорка «если не ревнует, значит не любит»! Да, соглашались, Гитлер был женственный, и по телосложению, и по полному отсутствию волос на теле. А до утраты тестисов? Может, это последствия посещения заразных публичных домов? (Распространена легенда о том, что причина столь мощного воздействия Гитлера на людей — аномальные возможности отмирающего от сифилиса мозга. Ту же болезнь приписывали и Наполеону, и Ленину и многим другим диктаторам. Приятная для публики по ряду причин легенда. Например, следствие из нее — то, что человеческая мерзость есть результат химических отклонений — ген там перекосило, или от вируса не уберется, — а вовсе не результат нравственного выбора.)

Вообще говоря, женское телосложение формируется не *после* посещения борделей, а в детстве и юности, по единственной причине: нехватке мужских гормонов. Но нарушение обмена веществ — проблема явно не генетическая, а психосоматическая. (Это следует из практики психокатарсиса.) Импотенция — результат развития еще детских стрем-

лений быть авторитарным лидером в ребячьих играх. Именно развитие способности к власти сделало Гитлера, как то *чувствовали* немецкие женщины, сверхмужчиной и мыслителем, словом, — гением.

(Здесь нет сарказма. Всякое слово, несущее отчетливо-одобрительную эмоцию, неизбежно обретает два значения, причем противоположных. Одно духу толпы соответствует, другое — нет. Гений, в понятии *толпы* и ее идеологов, — это тот, вокруг которого спланивается нация, которому стоит лишь *взглянуть*, — и сопротивление противника сломлено, все всё сразу поняли, только стучат каблуки бегущих выполнять приказания. Такие гении служат отечеству, топя в крови соседние народы, и истязая внутренних врагов. Это — Тамерлан, Наполеон, Гитлер, Сталин, Петр I, Тиберий — несть им числа. Но есть гении и другого духа: в лучшем случае их не замечают, как Иисуса, пока Он жил в Капернауме, в худшем — распинают, и, хотя они и владеют Истиной, ученикам их порой не хватает и трех с половиной лет, чтобы понять их идеи, как не хватило этого времени будущим апостолам Христа. Иисус властен над вечностью, а в гениальности Гитлера не сомневались лишь до поражения его войск в Сталинградском сражении. Еще через три года, после его выстрела в рот из «Вальтера» его и вовсе признали за бесноватого, чего, однако, не случилось бы, не истеки его армии в России кровью.)

Насчет ревности заинтересованные лица прививают следующую логику: средние люди ревнуют, у средних людей рождаются дети, дети могут рождаться только от любви, следовательно, ревность есть чувство, присущее *любовным* взаимоотношениям.

Эта логика создана ради неизбежных из нее следствий.

Следствие первое: среди гомосексуалистов нередки случаи убийств из ревности за измену партнера, следовательно, то, что происходит среди гомиков, есть любовь.

Следствие второе: то, чем занимался ревнивец Гитлер на ковре, было особой формой *сексуальных* (любовных) взаимоотношений.

Но так ли уж обязательно отдаваться под власть этой логике?! Ведь можно мыслить и иначе.

Предположим, человек ищет *половинку*. Но вот женщина, которая до сих пор была рядом с ним, занялась каким-нибудь скрытым копрофилом (скрытым в том смысле, что требует, чтобы она на него гадилась лишь в символической форме). Что тут ревновать, наоборот, *радоваться* можно, что освободился от очередного наваждения! Мне нужно — *половинку*! А ревность? Не понимаю, о чем это вы говорите...

Таким образом, причина и следствие меняются местами: раз гомики и копрофилы вызывают друг у друга чувства (ревность и т. п.), схожие с теми, что бытуют у средних жителей, то из этого следует, что «средний», на самом деле, есть хоть и *жухлый*, но все равно некрофил. Несвободный от гомосексуальности (анальной «сексуальности»), хотя до поры и подавленной. О чем, собственно, и свидетельствуют психоаналитические исследования. Из того, что столь многие прекрасно знают, что такое ревность, мы вновь приходим к осознанию распростра-

ненности анально-накопительского бытия, готовности населения принять диктатора (или стать чиновником или алкоголиком) и неспособности даже понять, что это такое — *половинка*.

Таким образом, из того, что Гитлер ревновал, следует только то, что у него были гомосексуальные влечения (помните тип его охранников?), в лучшем случае подавленные.

Итак, Гитлер в наше время признан бесноватым, но только потому, что проиграл под Сталинградом. А не будь Сталинграда, Гитлер по примеру одного из своих предшественников (Гитлер считал себя, в частности, реинкарнацией императора Тиберия — того самого, чиновник которого, Понтий Пилат, распял Иисуса; Тиберий получил власть по усыновлению и, в свою очередь, усыновил следующего императора) усыновил бы какого-нибудь мерзавца, тот бы, приняв власть, «вспомнил», что мать его в тот достопамятный день за девять месяцев до его рождения была, действительно, близка с Адольфом, дефектирующие «возлюбленные» Гитлера до самой смерти хранили бы молчание, и в истории Гитлер остался бы для женщин образцом мужественности. Как уже остались национальными героями многие ему подобные. Или «святым Божьим человеком» — тоже высокоценяемая копрофилами форма властвования над людьми.

Женщины льнули к Гитлеру всегда, еще даже до того, как заработали печи лагерей смерти Дахау, Освенцима, Майданека; это женщины не дали ему покончить жизнь самоубийством, когда он отсиживал девять месяцев в тюрьме, — и это был не единственный случай.

Но и мужчины, пренебреженные своими фрау, от них не отставали: они строились в колонны и организовывали лагеря смерти. Первые пленные немцы даже под конвоем смотрели на конвоиров свысока. Им понадобилось как следует поморозиться в русских снегах, чтобы сникнуть и, подымая дрожащие руки, жалобно кричать: «Гитлер капут!» Характерная фраза! Для них прекратить убивать означало не сдачу в плен, не прозрение, — а смерть Гитлера! Самое последнее для них дело. Вспомните хотя бы кадры кинохроники: десятки тысяч мужчин, марширующие в геометрически правильных колоннах, единым духом одновременно вскидывающие руку с ревом «Хайль Гитлер!».

Рейх кончился на следующий день после того, как их фюрер, подобно тому, как всю жизнь произвольно прикрывал ладонями область паха, в своем последнем бункере, пряча гениталии свои и своей фрау навсегда, приказал и ее, и себя сжечь. Уже на следующий день не стало ни СС, ни всего остального, и восточные немцы, «прозрев», стали рьяно строить новое общество. Сталинское.

Скорее всего, они ничего не поняли и по поводу своих фрау. Ведь то, что эти благообразные женщины предпочитали мужьям Гитлера, можно осмыслить. Эти женщины не были непорочными жертвами; подобно тому, как желающая стать графиней, узнавшая графа даже передетым, не может считаться им соблазненной. Из разборчивости женщин следует, что в Гитлере они угадывали возможность исполнения своих тайных желаний. Те тайные вождения, которые с мужьями

они во всей полноте удовлетворить не могли. Те вождения, которые для них значимы более чем все остальное, — иначе бы они ради Гитлера не пренебрегали мужьями и не слали на смерть своих детей. Какое же скрываемое женщинами влечение так их гложет, что они, пренебрегая всем, готовы следовать за ним? Причем влечение это не каких-то *сомнительных* женщин, а практически всего женского населения, ведь преклонялась перед фюрером вся Германия, поэтому достаточно корректно можно говорить о *женщине* вообще, о некоем собирательном образе.

А перед этой *женщиной* Гитлер открывал возможность сделать то, что большинство людей позволяют делать только в символической форме — *нагадить мужчине на голову*. Тем уничтожая мысль, слово, а потому единственную для себя преграду к безумию, трансу, экстазу, восторгу, трупному запаху.

Итак, из того, что практически все женское население Германии своим мужьям предпочло Гитлера, следует, что для женщины, в отличие от половинки, мужчина значим в той и только той мере, в которой он позволяет ей на себя навалиться. (О символических — «навалиться» можно не только фекалии, но и ложные обвинения, противоречащие здравому смыслу обязанности и многое другое — и инверсированных формах этого процесса мы упомянем в одной из следующих глав.)

Но и это не самое глубинное желание. Шесть из семи «возлюбленных» Гитлера (навалили на фюрера больше, чем случайные «любовницы») покончили жизнь самоубийством, но этим список не ограничивается. Застрелился, наконец, и обосранный разве что не с головы до ног фюрер. Могилы убитых гитлеровцев, будь они собраны в одном месте, тянулись бы на сотни, если не тысячи километров. Их наиболее глубинное вождение было — смерть. Это — *некрофилия*.

Но Гитлер, как и смерть, бытует в разных образах, и пуля из «Вальтера», и бензиновая кремация еще далеко не полное его уничтожение. Гитлер свою Еву называл *возлюбленной* — так ее называют до сих пор тысячи исследователей. Она, не успевая читать столько, сколько читал ее будущий супруг, решила, как она говорила, быть просто *женщиной* — и сейчас так называют ей подобных. Он назвался ее *мужем* — разве он не был идеалом немок? Разве они не мечтали выйти замуж по страстной любви? На ковре Гитлер Еве казался более *эротическим*, и она нисколько не сомневалась, что возникающее в ней перед дефекацией возбуждение *любовное*. И другие женщины Гитлера так же называли возникающее в них возбуждение, потому что они в точности то же чувствовали и к другим своим мужчинам, только послабее. Разве не те же слова используются и для описания «увлечений» Гитлера авторами из многих стран, — и это потому, что весь мир водим одним духом!

Страстно любимый Гитлер уже тем победил планету, что лишь один писатель — Лев Толстой — осудил страстную любовь. Удивительно, насколько в быту Гитлер похож на Наполеона (да и на Петра I тоже), но, при множестве поношений Гитлера, опять-таки один только Лев Николаевич обличил Наполеона как «самонадеянное ничтожество» (ПСС,

т. 48, стр. 60-61). Но в мировой науке мнение Льва Николаевича считается нонсенсом по той причине, что мало кто из мировых авторитетов (за исключением нескольких русских писателей и историков) так считает. Да и насчет русских авторов тоже заблуждаться не стоит: для них Петр I, который издевался над людьми даже после того, как сажал их на кол и они уже агонизировали, — гений, потому что, в отличие от Наполеона и Гитлера, *свой*. Что уж тут говорить об их восприятии идеи ложности страстной любви!

Да, Гитлер победил мир, хотя сам был рабом. В сущности, ничтожеством, дерьмом, и не только снаружи. Дерьмо победило мир, что следует хотя бы из того, какие свои поступки люди описывают с помощью слов: *гений, любовь, эротичный, женщина, мужчина*.

Гитлер обладал самыми привлекательными из женщин, в том числе и первой красавицей Европы — Ольгой Чеховой. Сам Гитлер был пределом мечтаний женщин не только немецкого народа, но и других: англичанок, русских, евреек... Так и говорят: *он любил и был любим*. Но эти напольные (половые?) упражнения — не единственные возможные взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Как мы говорили в самом начале, вершин все-таки две — хотя другая людям практически неизвестна. Так пусть они об этом хотя бы почитают.

Глава одиннадцатая.

ОТЕЦ НАРОДОВ

«И почему твоя книга мне понравилась? Задница у меня болит, вот почему. Все ее лизжут, совсем гладкая стала».

И. В. Сталин — Виктору Некрасову по поводу присуждения ему Сталинской премии за роман «В окопах Сталинграда», в котором автор, вопреки сложившейся практике, имя Сталина не прославлял.

Девочка 3,5 лет — отцу:

— Ты мне больше не отец.

— Что это значит — я не твой отец?!

— Ты мне больше не отец, — повторила она. — Сталин мой отец. Это он дает мне все, что у меня есть.

Типичные, судя по множеству источников, слова середины XX века.

Те из читателей, которые интуитивно уже поняли, что императоры, вне зависимости от эпохи и проповедуемых ими теорий, в основе своей психологически идентичны, те, кого «чернуха» утомила, могут эту главу пропустить. Она написана для тех, кому нужны дополнительные под-

робности для большей стройности в осмыслении феномена некрофилического характера.

Многолетний Национальный Герой Советского Союза Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сосо, Коба, Чижиков, Иванович, Сталин — истинная фамилия Джугоев, русифицированная в начале XIX века от армянской Джугоян) был человеком. У него была одна здоровая рука (вторая, левая — сухая, короче правой и в локте почти не сгибалась) и одна здоровая нога (на второй, как следует из протоколов полиции, два пальца, второй и третий, были сросшимися; были и другие отклонения). Здоровье остальных его органов в лучшем случае проблематично. В целом же Вождь был недомерком — не больше 160 сантиметров ростом. Фотографии и картины, на которых Сталин выше своих сподвижников, не должны вводить в заблуждение — просто лучшие коммунисты, как на подбор, оказались еще более низкорослыми. Что же касается патологических отклонений психики, то первым Сталину диагноз «паранойя» поставил выдающийся невропатолог Владимир Михайлович Бехтерев. Побеседовав во Сталиным в Кремле в декабре 1927 года, Бехтерев заявил своим коллегам, что у Вождя «типичный случай тяжелой паранойи». Вскоре Бехтерев умер при таинственных обстоятельствах. Еще раз диагноз паранойи был поставлен Сталину кремлевскими врачами Д. Д. Плетневым и Л. Г. Левиным. Позже Плетнев умер в концентрационном лагере, а Левин был убит. Впрочем, справедливости ради надо заметить, что многие обладатели медицинских дипломов доказывали, что у вождя нравственной болезни быть не может.

Иосиф Виссарионович Джугашвили не только был человеком, но у него была мать, и, предположительно, отец. Однако уже по поводу родителей перед биографами и историками возникает целый ряд неясностей. Оказалось, что исследовать личную жизнь Гитлера значительно проще, чем Сталина: отчасти потому, что в Германии, захваченной союзными войсками, заинтересованные в сохранении мифа о Гитлере оказались не у власти, то были открыты сразу все архивы с документами об относительно многих моментах жизни фюрера, а еще потому, что свидетели детства и молодости Адольфа не успели умереть от старости. Кроме того, Гитлер, в отличие от Сталина, женщинами интересовался, и даже очень многими, и, как человек намного более гуманный, чем Сталин, их не убивал. А вот Иосиф Виссарионович не просто убивал свидетелей своей старости, зрелости, молодости, юности и детства — он их уничтожал. Тотально. Вместе со всеми их родственниками. И их архивами. Под предлогом сбора биографических сведений для обширной книги о Сталине (которая так и не была написана) сотрудниками НКВД были изъяты из *всех* архивов *все* найденные ими документы, которые хоть как-то касались Отца народов. Документы, как и свидетели, исчезли. Но биографии Сталина публиковались. Судя по тому, что в них была переврана даже дата его рождения, на основании биографий, изданных в сталинское и постсталинское время, можно говорить не о том, кем он был на самом деле, а только о том, кем он хотел казаться. Ему хотелось, чтобы о нем думали, что он родился,

что в 1879 году, что у него есть мать — Екатерина, что она хорошая и он ее поэтому очень любит, есть отец — Виссарион (зарезали, когда Сосо было 11 лет), и что, следовательно, он, Сталин — грузин, и даже фамилия у него грузинская. Ему хотелось, чтобы все верили, что он способен жениться и иметь детей от разных женщин. Все эти утверждения, судя, хотя бы, по перевранной дате рождения, нуждаются в проверке.

Кроме того, по поводу вдохновителя небывалой в истории человечества горы трупов возникает множество до сих пор толком не ответченных вопросов. Скажем, почему его, издавшего в апреле 1935 года указ, в соответствии с которым дети в возрасте от *двенадцати* лет могли быть арестованы и подвергнуты наказанию (включая смертную казнь) наравне со взрослыми — количество жертв исчисляется сотнями тысяч и даже миллионами, на деле же коммунисты пытали даже десятилетних, — все со слезами умиления величали «Великим Другом детей»? Почему его, столь неприкрыто праздновавшего труса в первые недели войны, удостоили звания Маршала, а затем и Генералиссимуса? Когда в то время еще юная Светлана Аллилуева (предположительно, его дочь) отказалась танцевать с пьяными стариками (ближайшее окружение Генералиссимуса), он схватил ее за волосы, дернул и втащил-таки в круг, то почему столь откровенного негодяя миллионы с радостным замиранием сердца считали чуть ли не богом? Почему вдохновителя столь страшного геноцида русского и других численно меньших народов называли «Великим интернационалистом»? Почему человека, санкционировавшего разгром генетики и кибернетики ученые всех национальностей с высоты своих ученых степеней величали «Корифеем науки»? Почему он боготворившую его мать в глаза называл «старой шлюхой»? Почему столь странно шла Великая Отечественная война (заблаговременное уничтожение Сталиным командного состава армии, 5 миллионов советских пленных только на начальном этапе войны, но потом блистательное взятие Берлина)? Действительно ли Сталин, как его воодушевленно величали журналисты — «Величайший гений всех времен и народов»?

В рамках данной книги рассматривать целесообразность тех или иных политических поступков многолетнего главы Советского Союза мы не будем, по той причине, что для их оценки мы неизбежно будем вынуждены дискутировать о многом, в частности о том, что есть *истинное* благо государства. Это, в свою очередь, неизбежно потребует разбора различных точек зрения на *истинные* нужды отдельно взятого человека — скажем, так уж ли необходимо ему для счастья содержать бюрократический аппарат по сбору налогов, инквизицию и т. п. Априори можно сказать, что этих точек зрения окажется минимум три: редкая оральная, распространенная анально-накопительская и экзотическая генитальная. Именно экзотическая, что подтверждается статистически: в абсолютном большинстве своем немцы были воодушевлены Гитлером, пассивным педерастом и любителем женщин, а русские и прочие оказавшиеся внутри границ Советского Союза народы — из-

бегающим женщин Сталиным и т. п.; а вот у не совпадающей со взглядами вождей точки зрения Льва Толстого («не участвуйте в их злых делах!») защитников мало — единицы. Оценивать политические события — работа неблагодарная еще отчасти и потому, что, несмотря ни на какие объемы монографий и сборников, полнота данных никогда не достигается, чем, видимо, и объясняется, почему многочисленные исследования о политических событиях XX столетия подсознанием внимательных читателей воспринимаются как невнятное бормотание, нередко откровенно бессвязное. Как видите, хлопот с рассмотрением политической деятельности так называемых исторических личностей много.

Более экономный путь к осмыслению происшедшего с Россией и целым рядом других стран в XX веке — это исследование личной (семейной) жизни вождя, оценка которой, сделанная на основании нравственно верного чутья, может открыть путь к адекватной оценке государственной (архитектурной, идеологической, религиозно-нравственной и т. п.) деятельности Хозяина Кремля. С подобным подходом мы встречаемся и в Библии, где в Евангелии от Матфея записаны Слова, произнесенные лично Иисусом: «Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые» (Мф. 7:18).

Анализ семьи Сталина начнем с его матери. Многим достаточно один раз взглянуть на ее фотографию, чтобы сделать вывод — *она святая*. Да, действительно, типичное монашеское выражение лица, устремленный ввысь взгляд, беззубый рот и острый нос. Не мудрено, что в соответствии с этим поверхностным впечатлением о матери Сталина повсюду пишут, что она была весьма набожна, причем настолько, что хотела, чтобы боготворимый ею сын стал священником, и даже когда он стал Вождем и перед ним в три погребели склонялся всякий чиновник, она все равно считала, что он не оправдал ее высоких ожиданий. В святость ей вменяли и вменяют даже то, что когда сын, став «Другом пионеров», для проживания подарил ей дворец, то в нем она выбрала самую темную и *грязную* комнатку.

Но, не обращая внимание на ее внешность «святой», не только сын, но и муж называли ее шлюхой (грязной?) — и, очевидно, было за что. Тот, кто осведомлен о постельно-ковровой жизни дам с внешностью канонизированных святых, нисколько не удивляется подобному соединению предпочтений — набожности и распутства. Боготворение сына — тоже одна из сторон ее нравственного уродства: этим обычно страдают женщины анально-накопительского типа, которые, будучи психонергетически не порабощены своим супругом, являются в семье диктаторами — расстилаясь перед сыном, целуя ему ноги и все прочее, она тем воплощает подсознательное желание измыться над мужем, дескать, гляди, что бы ты мог иметь, будь ты способен завоевать мою «любовь». Впрочем, и муж ее, Виссарион был под стать жене, избивал он свою супругу разве что не каждый день.

Простого ума авторы и читатели видят в этих каждодневных избиваниях неоспоримое свидетельство того, что Виссарион был семейным деспотом, волевым главой семьи. Возможно, и он, нанося удары, сам

тешился такой мыслью. Однако, давайте разберемся: не тот ли по-настоящему в семье лидер, чье мнение при возникновении разногласий побеждает? Да, именно тот. Примеров из жизни родителей Сталина можно привести множество, но ограничимся одним: когда решалось будущее юного Сосо, Виссарион настаивал, чтобы тот стал, как и он, обувщиком, а вот мать настаивала, чтобы сын стал священником. Так вот, победила мать, и восьмилетнего Сосо отдали в духовное (государственной религии) училище, а впоследствии и в семинарию. Лидером в семье была все-таки мать (как и семьях родителей Гитлера, Ленина, Наполеона и т. п.), и все поступки мужа вполне объясняются подсознательными потребностями самой Екатерины (Кетеван). Впрочем, о том, кто кого «ведет», можно легко догадаться, даже просто взглянув на фотографию Виссариона — так, шпана мелкотравчатая, кабацкий поножовщик, клоун местного масштаба. Человек, годящийся разве что быть на посылках: покачать садо-мазохистский маятник перед сном, или женитьбой прикрыть чужой грех (как о том есть достаточные свидетельства). Есть сведения, что и Кето (Кетеван) бивала своего мужа. Для завершения характеристики Виссариона добавим, что он не захотел оставаться свободным ремесленником в маленьком городке Гори, а перековался в пролетарии: он оставил семью бедствовать в Гори, а сам нанялся в Тифлисе на обувную фабрику.

Данные, как уже было сказано, о семье детства Сталина достаточно скудные, и представленные выводы могут показаться сомнительными, поэтому анализ структуры психики матери Сосо можно, разумеется, провести, изучая обстоятельства жизни и характер *других женщин* — тех, которых, повзрослев, выбирал и одобрял Сталин. В особенности, когда действительно была возможность *выбирать*.

Когда Сталин был в полной власти и когда почти любая жительница страны Советов почла бы за счастье ублажит любую прихоть Хозяина, Великий Кормчий из многих и многих женщин своему (?) сыну Василию выбрал Екатерину Тимошенко (Василий зарегистрировал с ней брак, так и не оформив развода с предыдущей своей женой, Бурдонской.) Новая жена Василия была несомненной садисткой. Она могла по три-четыре дня не кормить детей Василия от предыдущего брака и жестоко наказывать повара, если он относил наверх детям хотя бы морковку. Окружающих, кроме хамства, дочь маршала Тимошенко поражала своей предприимчивостью: в оккупированной Германии она активно собирала «трофеи» — антиквариат, фарфор и т. п., который позднее сноровисто спускала через московские комиссионки. Когда ей, жене командующего Московским округом ПВО, преподнесли двух поросят, она их не зажарила, а, откормив при солдатской столовой в двух огромных хряков, по частям распродала. (Сталин, когда узнал об этом случае, был в абсолютном восторге!) Разнообразна ли была интимная жизнь Тимошенко?.. Разве не понятно? Ярчайший анально-накопительский характер!

Следующая женщина — Светлана Аллилуева, дочь Надежды Аллилуевой, второй жены Сталина, в детстве часто бывала счастлива. Со-

хранилась ее фотография на коленях у Сталина. Выражение ее лица все называют счастливым. На другой фотографии, где она запечатлена на коленях у Берия, кровавого палача и отъявленного мерзавца, выражение ее лица в точности то же — счастливое. Девочка выросла. Получила диплом кандидата наук. В 1962 году приняла крещение в одном из московских храмов. В эмиграции родившуюся там дочь Ольгу натамшь била кулаком в лицо и избивала ногами. При отъезде из России бросила двоих детей. Как же она, вернувшись через 18 лет на некоторое время в Россию, над ними глумилась! Мы не будем на этом останавливаться — об этом много написано в специальной литературе. Даже в Америке Светлану Аллилуеву считали потаскушкой, хотя она трижды юридически оформляла свои «половые» взаимоотношения с мужчинами. При репатриации в Россию она отказалась от предложенной ей одной (в обход нуждающихся фронтовиков и неустroенных реабилитированных жертв сталинщины) великим демократом М. С. Горбачевым четырехкомнатной квартиры — предпочла жить по гостиницам. Но вовсе не из высоких соображений (от лимузина с персональным шофером она не отказалась!), а потому, что ей *так* больше нравилось. Это — определенный стиль. Целостный. В него вполне вписывается не только любовь к помещениям, по стилю максимально приближенным к общественным туалетам, но и определенный тип отношений с мужчинами, и избиение официанток (было и такое во время ее полуторагодового пребывания в России!), и избиение и издевательства над детьми. Когда она через полтора года во второй раз эмигрировала в Соединенные Штаты, оставшиеся родственники вздохнули с облегчением. (Что и говорить, в России после смерти Хозяина Светлане Аллилуевой было плохо — она не ощущала того же напора счастья, что на коленях «папочку» или палача Лаврентия Берия. Зато этот ослепляющий психоэнергетический напор она нашла в Америке. Тщательно скрываемые государственные секреты о местонахождении центра мировой гегемонии можно выведать не только по состоянию влагалищ женщин, рожденных в американском подданстве, но и по вновь обретенному счастью жительниц бывшей Сталинской империи, эмигрировавших в Соединенные Штаты.)

Четвертая в нашем анализе женщина из ближайшего окружения Отца народов — его вторая жена Надежда Аллилуева. Поговаривают, что она не покончила с собой, а ее собственноручно убил Сталин, когда вскрылась «история» с ее сокурсником. До этого были и другие «истории», скажем, с тем же предположительным первым «сыном» Сталина Яковом. Но что удивляться? Сталин с ней как с женщиной не жил (он был на 22 года ее старше), и месяцами она была предоставлена самой себе. Что удивляться, что многократно уходившая от Сталина женщина, дочь *профессионального революционера*, обладала тем же характером, что и ее дочь-эмигрантка?

И главное свидетельство об исключительной анальности Надежды Аллилуевой: как пишут все те, кто оказался способен писать, что, несмотря на вдруг появляющееся в ее натуре *нечто* очень грубое, *ее все*

любили. Что за этим стоит, читатель мог разобраться на примере Гитлера. Те же, кому для обобщения этого материала оказалось недостаточно, могут расширить свои познания в следующей части этой книги на примере обожаемой детьми и потомками копрофилке и любительнице гомосексуалистов Софье Андреевне Толстой.

Таким образом, женщины Сталина все до одной оказались относящимися к одному типу — яркому анально-накопительскому с преобладающим садистским радикалом. И хотя Сталин женщин, в отличие от Гитлера, избегал, однако характер неполовых (нековровых?) взаимоотношений с ними у него был тот же, что и у фюрера. На одних Сталин, как и Гитлер, орал, топал ногами и поносил последними словами, а перед другими, наоборот, унижался. Светлана Аллилуева вспоминает об одной странной игре, в которую Сталин ее, ребенка, заставлял играть. Она не имела права ничего *попросить*, она должна была *приказывать*. Она — Хозяйка, властно приказывала, и Сталин с наслаждением исполнял.

От таких игр до копрофилии — один шаг. Но испражнялись ли на Сталина его жены буквально или только символически, мы обсудим чуть позднее, а сейчас обратим внимание на то, что при всех различиях, впрочем незначительных, коммуниста Сталина и копрофила Гитлера общего у них было очень много. Но и об этом чуть позже.

Итак, женщины, которых выбирал Сталин, были склонны, как и их дочери, к такого рода взаимоотношениям с мужчинами, в результате которых иной раз появляются незаконнорожденные дети. И это — не результат случайности или неосторожного поведения, а, напротив, это — программируемая ситуация, в которой такого рода дама получает множество психологических выигрышей: она претерпевает побои, ей кричат, что она совокупляется вообще со всеми встречаемыми (из чего подобного рода дама делает вывод, что она интересна *всем*, она — Властелин мира!); она получает возможность с наслаждением наблюдать корчи ревности у номинального супруга, который, кстати, подсознательно именно для того вступил с ней в брак, чтобы почаще в этих корчах оказываться; и, наконец, главное — приятна *сама грязь* периодически создаваемых ею за пределами семьи половых ситуаций (символически — самая грязная комната дворца!). Из одной только однотипности близких Сталину женщин со всей очевидностью следует, что и его мать Кетеван была такой же, как и те женщины, которых он позднее предпочитал — шлюхой садистского типа. И то, что и ее муж, и ее единственный сын в глаза ее так называли, можно рассматривать как подтверждение правильности проведенного нами психологического анализа.

Такого рода женщины стараются выбирать мужчин типа Гитлера — говнюков, которых при стечении обстоятельств толпа возвеличивает до ранга национальных героев. Но чаще из-за конкуренции или из-за недораскачивания садо-мазохистского маятника они остаются или бандитами-шестерками, или просто спиваются, в пьяном состоянии укладываться предпочитая в каком-нибудь месте погрязнее. Они ревнивы (ревность, как уже было сказано, чувство далеко не генитальное, хотя

и рационализируется с применением синонимов детородных органов), и дети от них рождаются далеко не всегда, хотя у их жен они есть. Были ссимулированы дети и клиническим импотентом Гитлером, и отцом матери Сталина — довольно известным грабителем. Мужа матери Сталина зарезали в кабаке во время пьяной драки, что несомненно свидетельствует об общности характеров отца и мужа боз-Кето (так все ее звали в Гори, «боз» — по-грузински «шлюха», а Кето — сокращенное от Кетеван). Общность характеров мужчин предполагает общность основных черт характера матерей — в частности, их склонность к внебрачному деторождению. Сведений о нравственности поведения матери Виссариона, естественно, ввиду ее социальной незначительности и типичности, не сохранилось, но знаменателен тот факт, что часть односельчан считали Виссариона при его русифицированной *армянской* фамилии Джугоев *осетином*. Факт примечательный, в особенности если не забывать, что в селе все про всех все знают. В этом смешении национальностей интересно все. И прежде всего то, что только *часть*. Была, надо полагать, и другая часть, которая считала его по национальности тем, кем он и должен был быть, если бы его биологический отец совпадал с официальным. Таким образом, психологически достоверны те свидетельства, из которых следует, что отец Виссариона, который дал ему фамилию Джугоев (на грузинский манер Джугашвили — по национальности матери — Иосиф переделал ее позднее, когда ему не удалось добиться присвоения ему фамилии Адельханов, по его предполагаемому биологическому отцу, на которого он, повзрослев, стал похож как две капли воды), его биологическим отцом не является. Стоит ли говорить, что, возможно, Виссарион и сам не знал, кто по национальности «его» сын Иосиф. У различных исследователей по этому поводу есть разночтения. Одни доказывают, что Сталин является сыном русского путешественника Пржевальского, другие — сыном соседа-армянина, деспотичного заводчика и купца Адельханова, у которого Кетеван подрабатывала уборщицей, а третьи — сыном осетина Джугоева. Нам же это не интересно — кто знает, может быть, Сталин — сын их троих вместе, а может и еще кто-то вложил в дело его появления на свет свои силы. Вполне закономерно, что Отец народов был сыном многих национальностей.

Нам же важно то, что много пьющий, болезненный до гнилости Сталин, должен был походить на своего отца, но отнюдь не потому, что тот был *биологическим* его родителем. Также становится понятным, на каком основании Сталин, глумясь над своей женой Надеждой Аллилуевой, называл ее шлюхой. Это происходило вовсе не потому, что Сталин подражал своему отцу, как то утверждают не совсем осведомленные западные психоаналитики, а потому, что выбрал в жены, как то обычно и бывает, копию своей матери. Кстати, она, как и мать, была дочерью грабителя и вора, или, употребляя модный в те времена эвфемизм, — *профессионального революционера*. Видимо, а, вернее, очевидно, что и со своей первой женой Сталин был вынужден применять тот же эпитет.

Чтобы придать исследованию линии мужчин в этой череде браков законченность, остается рассмотреть так называемых сыновей Сталина, Якова и Василия, и его, Сталина, «внуков». Оба «сына» Сталина были одинаково слабого здоровья (болезни внутренних органов), оба военные, и так далее, с той лишь небольшой разницей, что один, Яков, кончил жизнь самоубийством в фашистском концлагере, спровоцировав охранника на выстрел в упор (это была уже вторая попытка, первый раз он стрелялся самостоятельно в 18 лет); второй же, Василий, пошел более традиционным для его семьи путем и спился. Он умер спустя два с половиной месяца после того, как вышел из тюрьмы, где отсидел восемь лет за многократные хищения государственного имущества (в особо крупных размерах).

Теперь «внуки». Первый внук назван в честь Отца народов — Иосифом. Он достиг больших высот в научной иерархии (доктор наук), хотя звания «Корифея науки» ему еще не присвоили. Он — «модный доктор», хирург — режет, то есть. Или, иными словами, делает операции, которые те, кто ничего не знает о психокатарсисе, его возможностях и результатах, считают необходимыми. Вернее, *не хотят* знать, потому что психокатарсис, будучи естественным способом мышления, доступен всякому и, в общем-то, не требует никакого специального образования. Пациенты «модного доктора», как об этом повсюду пишут, его просто *боготворят*.

Другое «яблочко» упало недалеко и от яблоньки, и от первого яблочка. Он — известный режиссер театра. Кто такой режиссер? Название профессии образовано от французского слова, означающего «управлять». Иными словами, режиссер — начальник над актерами (актер, как вы помните, не профессия, а диагноз, что доказывается хотя бы тем, что они, как правило, аутичны, неуправляемы обычными людьми), умеющий подавлять их волю настолько, что они начинают действовать слаженно. Характерные, что и говорить, специальности выбрали себе «внуки»... Как же все-таки однозначно устроена жизнь на этой падшей планете... Если в нее, разумеется, не вмешивается Христос. Третье яблочко уж совсем типичное — парень умер молодым от наркотиков.

Таким образом, из анализа нескольких поколений мужчин и женщин выясняется со всей очевидностью, что семья детства товарища Сталина такова: мать — шлюха садистского типа, отец неизвестен или, во всяком случае, имея основания сомневаться в своем отцовстве, сына знать не желает. Что и говорить — классические родители маньяка из кровавых фильмов и книг. Вряд ли многочисленные авторы произведений подобного рода знали, что советский диктатор именно такого происхождения (публикации стали появляться только в самом конце XX века) — Сталин пытался скрыть свое прошлое за горами трупов и тотальной ложью официозных биографий. Так поступал и Гитлер, и многие ему подобные — а потому мы в очередной раз сталкиваемся с тем, что так называемые фантазии намного более достоверны, чем так называемые документы и научные исследования (скажем, дипломированными учеными коммунистической эпохи).

Кстати, проясняя садистскую натуру матери Сталина, мы получаем возможность объяснить, почему Кетеван так настойчиво хотела, чтобы Сосо оказался в духовном училище, а впоследствии и семинарии. Религиозное чувство у Сосо ни в каком смысле не присутствовало, и знакомство с библейскими текстами в лучшем случае было скучно, а в худшем — мучительно. В этом и объяснение: Сосо, который еще при жизни Виссариона (до 11 лет!) хватался за нож и грозил зарезать «отца», естественно, становился неуправляемым и для матери. Скрытый смысл «управления» обычно состоит в возможности над сыном поиздеваться. Теряя возможность издеваться над сыном в прямом смысле, Кетеван придумала способ делать это чужими руками (так впоследствии поступал и ее сын!). Сосо в семинарии страдал, тем доставляя удовольствие своей матери. О мучительности пребывания в духовных учреждениях государственной религиозности Сталин говорил впоследствии часто. Однако причину он называл так духовную, а психологическую — иезуитский способ обучения, всеобщая слежка и доносительство, принудительные молитвы, негласный надзор и досмотр личных вещей семинаристов и т. п. Что ж, и это тоже инструмент садистского воздействия. Однако воспитание есть воспитание, оно действует на всех равным образом и порой оно не просто оставляет след, но и определяет все будущее человека, — помимо целого ряда профессиональных революционеров семинария, в которой учился Сталин, выпестовала не одного фанатичного священника.

И здесь, ввиду неприятия возвышенных принципов бытия, до копрофилии один шаг. Конечно, привычки Сталина предоставляли ему больше, чем у Гитлера, возможности удовлетворять свои копрофильские потребности не буквальным способом, а символическим. Например, Сталин курил. Много. Нам не известны образы, бытующие в разных частях света, но в центральной России курильщики, описывая ощущения во рту утром, нередко говорят: «Во рту как будто кошки насрали». Это и есть один из психологических выигрышей курильщиков.

Впрочем, этого ощущения Сталину могло и не хватать, и, возможно, удовлетворял он свои желания и буквальным образом. Рассмотрим доступные в наше время факты.

Сталин, как мы уже говорили, не только не оставлял свидетелей, но и созидал о себе легенду. Уничтожал он настолько тотально, что сохранились сведения *только об одном его любовнике* — начальнике его личной охраны, венгерском еврее К. В. Паукере (как это понимать — как антисемитизм или как интернационализм?!). К. В. Паукера Сталин тоже уничтожил — его расстреляли в 1937-м. Остальные доказательства — заставлял подчиненных-мужчин танцевать друг с другом, болезненная паранойя — неоспоримые доказательства только для специалистов-психиатров и практикующих психологов, поэтому в интересах рядового читателя мы для доказательства гомосексуальных и копрофильских склонностей «Друга детей» вынуждены прибегнуть к методу аналогий. Сравнивать Сталина будем, разумеется, с Гитлером.

— У Гитлера было множество женщин, семь основных, шесть из них покончили жизнь самоубийством — процент значительный. У Сталина, который женщин избегал, объясняя это якобы преданностью делу коммунистической партии, было только *две* жены, но они *обе* умерли не своей смертью. Первая, Екатерина Сванидзе (многие из ее родственников походили с ума, остальные почти все расстреляны), умерла, как полагают, от брюшного тифа — болезни, с которой люди с неослабленным здоровьем справляются. Ослабляет же человека его же собственный скверный характер и дурное, в психоэнергетическом смысле, окружение. Вторая жена Сталина, Надежда Аллилуева, умерла совсем откровенным способом — она застрелилась.

Люди, встречавшиеся со Сталиным в разные периоды его жизни и любящие изъясняться эвфемизмами, особенно подчеркивают, что Сталин женщинами не интересовался. Если бы он предпочитал услуги только женщин, то покончивших с собой дам было бы значительно больше. То, что мужчины из ближайшего окружения Сталина застрелились не все, отчасти объясняется тем, что их прежде успевали расстрелять.

— У Гитлера двое братьев умерли во младенчестве, двое были патологическими идиотами, и только он, *любимый*, стал фюрером многих европейских народов. У Сталина тоже оба брата умерли и он тоже, *любимый*, остался один — любимец советских народов.

— Гитлер очень эмоционально относился к гомосексуалистам (уничтожил их около полумиллиона), Сталин тоже издал беспрецедентно жестокие указы на их счет. Занятно, что сделали это два диктатора почти одновременно.

— И тот, и другой любимец народов были антисемитами.

— И тот, и другой были параноиками.

— Неограниченная их власть поддерживалась разве что не беспредельным обожанием масс.

— Сталин был более внимателен к «своим» детям, чем Гитлер: если стерильный Гитлер ограничивался только их материальным содержанием (через партийную кассу), то Сталин не только гораздо свободнее распоряжался государственными деньгами, но и лично «своих» детей избивал, нередко ногами.

— Оба были достаточно скромны в одежде и личных расходах: и тот, и другой ограничивались минимальным количеством дворцов.

— И тот, и другой были великолепными, талантливыми актерами.

— У Гитлера охранники были гомиками и обращались к фюреру на «ты», и у Сталина К. В. Паукер был начальником охраны.

— У обоих матери были набожны в смысле государственной религиозности.

— И у Гитлера, и у Сталина разговоры о межполовых взаимоотношениях вызывали раздражение вплоть до буйства.

Были и отличия. Гитлер был вегетарианцем и не курил. Сталин же напивался как свинья, ел все и очень много курил. Гитлер на фотографиях часто принохивается, у Сталина же на фотографиях то выражение невинного агнца, которое почти всегда появляется у людей, когда

они собираются соврать. Гитлер был экспансивен и несдержан в своих движениях, Сталин же, напротив, был сдержан и расчетлив. Сталин не прикрывал по гитлеровскому образцу область паха характерным жестом импотентов всего-навсего потому что это было физически невозможно: левая его рука была сухая и короткая (он бы просто не достал). Кроме того, Сталин старательно скрывал свой дефект отработанными искусными позами. Таким образом, отсутствие характерного жеста импотентов у зрелого Сталина не может служить доказательством его способности к совокуплению с женщинами. Гитлер был немцем, Сталин по матери — грузином, родились они в разные месяцы и в разные годы восточного календаря. О том, что на Гитлера мочились и дефектировали, сведений сохранилось предостаточно; о Сталине прямых свидетельств до сих пор не опубликовано.

Сомнительно, что мы когда-либо узнаем, что делал Сталин, оставаясь наедине с унитазом. Маловероятно и то, что когда спецархивы госбезопасности будут, наконец, рассекречены, там можно будет обнаружить записи признаний подследственных, какие они оказывали Сталину специфические услуги. Действительно, какая, вы думаете, могла быть реакция у следователя НКВД, если допрашиваемый вдруг сообщал, что он какал — и не раз! — на горячо любимого вождя пролетариата? Всякий следователь-коммунист должен был вскочить, выхватить револьвер и застрелить подлеца. А потом и сам застрелиться, потому что надо быть уж законченным тупицей, чтобы не понимать, что с такими знаниями ему, следователю, долго не жить. Впрочем, если следователь знал за собой подсознательную способность вытеснять из памяти неприятные события, то мог и не застрелиться. И забыть навсегда.

С другой стороны, мог ли кто из допрашиваемых рваться поделиться тайной? Нужно быть последним идиотом, чтобы не понимать, что в те времена следователь, во-первых, отказался бы в услышанное верить, несмотря на какие бы то ни было неоспоримые доказательства, а во-вторых, хотя бы во имя спасения своей шкуры просто был бы вынужден застрелить допрашиваемого, чтобы тот ни в коем случае не выдал, что и следователь теперь знает тайну Великого интернационалиста. Но так уж устроены люди, даже стремящиеся к смерти, что процесс своей кончины они затягивают и немедленному расстрелу предпочитают любые страдания, не говоря уж о простой отсидке в следственной тюрьме. Вот и получается — если они существовали, ковровые «любовники» Сталина, то должны были молчать даже под дулами винтовок на расстрельном полигоне...

И все-таки *всех* расстрелять Сталину не удалось. Он был начитан, но с психоанализом познакомиться не удосужился, иначе бы расстрелял бы вообще всех, с кем разговаривал. Ведь в рамках психоанализа описывается один психический механизм неадекватного устранения душевного дискомфорта, который особенно часто наблюдался у Сталина. Речь идет о *проекции*. Сущность этого процесса заключается в том, что человек, сохраняя свое идеализированное *я*, начинает неизбежно верить, что совершил некоторые не согласующиеся с идеалом по-

ступки вовсе не он, а кто-то другой, чаще всего враг. Например, если А. хочет убить В., но считает убийство безнравственным, но все же от желания убить не отказывается, то он без всякого на то основания начинает обвинять В. в подготовке на него, А., покушения. Примеров такого рода *проекции* в исследованиях о Сталине несть числа. Скажем, именно Сталин защищал идею явки Ленина на суд Временного правительства в 1917 году — и это исторический факт! — но, тем не менее, позднее Сталин в этом не признавался, а обвинял в этом Бухарина (расстреляли). Другой пример, особенно пикантен тем, что Сталин, вдохновитель тайно заключенного аморального пакта Риббентропа-Молотова, расстрелял Тухачевского за *сговор с нацистами*. Тухачевского, виновного в чем угодно, но только не в связях с Гитлером!

Итак, зная о существовании психического механизма *проекции* и о том, что Сталин был способен многократно многим людям врать, даже, по-видимому, не отдавая себе отчет в своей нечестности, зная также и то, что у разных народов любовь к испражнениям, очевидно, удовлетворяется вождями разными способами, можно по-новому, то есть противоположно, осмыслить слова Иосифа Виссарионовича, Друга пионеров, ради которого дети предавали своих родителей, Корифея науки, который уничтожил многие отрасли знания, Великого интернационалиста, который в братских могилах объединил представителей множества народов, Продолжателя дела Ленина и прочая, прочая, прочая, сказанные им Виктору Некрасову по поводу присуждения ему *Сталинской* премии за роман «В окопах Сталинграда»:

«И почему твоя книга мне понравилась? Задница у меня болит, вот почему. Все ее лизжут, совсем гладкая стала».

Глава двенадцатая.

ДЕТИ МОИ! ЖЕНЩИНЫ ПАХНУТ!

Противоположность Гитлеру есть.

Но как ее *увидеть*, если все с восхищением взирают в одном направлении, а обращение (оборачивание) есть большой, а потому и редкий плод души?

Правильно, поскольку все окружающие нас предметы невротически «привязывают» нас к некрофилогенным рационализациям, глаза придется прикрыть. И тем перейти в *измененное состояние*, в котором другое все, в том числе и восприятие.

Начнем с простого — с запахов.

Гитлер по многу раз в день мылся — душистым мылом. Четыре раза в день менял рубашки — ароматизированные. И овладевал человеческими душами.

Итак, вас пытается соблазнить женщина анально-накопительского типа — некрофилка, «проститутка», «признанная». Прикройте глаза и «посмотрите»: готовясь к нападению, она употребит духи?

Да!

И это не случайно.

Проводились психологические исследования: как мужчины по запаху воспринимают женщин и чем такое восприятие отличается от обыденного. Сначала молодым особям с мужскими половыми признаками предлагали выбрать себе подружку, пользуясь зрительными рецепторами. Оказалось, что милую юноши себе выбирали, руководствуясь исключительно бытующими в рекламных проспектах стандартами: *она* со вкусом одета, у нее длинные ноги, блондинка и т. п. (О том, какая из «эрогенных зон» была у нее самая главная, можно догадаться по тому, что Ева Браун тоже была фотомоделью.) Затем молодым людям глаза завязывали и предлагали выбрать себе подружку по запаху. (Претендентки от духов были предварительно отмыты.) Стиль одежды для людей с завязанными глазами неважен — сами понимаете, что есть что-то на претендентке, что нет — все равно, цвет волос также оказался несущественным; а вот ноги тех, кого предпочли нюхающие, вдруг оказались, наоборот, полные и короткие. (Для тех, кто не разбирается, поясняем, что такой тип ног — признак эмоциональности, которую часто отождествляют с сексуальностью; здесь есть некоторая взаимосвязь, хотя и не прямая.)

Таким образом, совершенно очевидно, что от индивидов анально-накопительского типа запах будет один, а от людей генитального типа — совершенно иной. Понятия *анальный запах*, *генитальный запах* вовсе не основываются на специфике «аромата» от соответствующих органам типов испражнений, а основываются на классификации людей по Фрейду.

Анальный тип — это тип дегенеративный, это болезненная остановка на одном из этапов развития — таких людей множество. Люди, достигшие высшего уровня развития (преодолели все промежуточные стадии), — генитальные. Таких совершенных людей, по Фрейду, очень мало. Анальный тип — это неестественность, причем любая; генитальный же, напротив, — совершенство, проявляющееся во всем.

Подобное тянется к подобному, и миллионы женщин льнули к Гитлеру, посылая ему надушенные подушечки. Дело, разумеется, не в духах, а в неестественности запаха — Ева Браун была страстная курильщица (табак — своеобразные духи). Можно себе представить и такую некрофилку, которая будет много и часто мыться, стремясь к стерильной чистоте, и не пользоваться никакими препаратами, но запах от нее все равно будет неестественным, потому что неестественно состояние ее души — анально-накопительское.

Очевидно, что разные неестественные (негенитальные) запахи привлекают разные типы мужчин-анальщиков, что позволяет женщинам, подбирая сорт табака или духов (или оставляя свой собственный), отгонять ненужные ей категории мужчин, а желанный тип, наоборот, привлекать.

Генитальный запах — это запах здоровья — душевного, прежде всего. Никакими химическими препаратами его не воспроизвести. Поэто-

му, естественно, генитального типа мужчины и женщины, дорожа общением только с себе подобными (противоположностью Гитлера) не будут ни перемазываться в испражнениях, ни курить, ни пользоваться духами и т. п.

Вот вам и *измененное состояние*. В нем все наоборот, чем принято считать в некрофилогенной культуре. В частности, в нем возможно переосмысление того, что «хорошие» духи придают женщине шарм женственности.

Да, **таков парадокс выживания биофила в этом царстве искаженных некрофилами понятий: для того, чтобы видеть, надо покрепче завязать себе глаза.**

Сейчас мы будем рассматривать мир с той точки зрения, с которой отчетливо *видно*, что женщина, разбившая алавастровый сосуд с миром (духами) и помазавшая Иисуса к погребению, не только поддержала Его, явив на деле (в отличие от обывателей и даже будущих апостолов) веру в пророчества Иисуса о Его близкой крестной смерти, но и оказала услугу сама себе. Верю она изменилась духовно, а следовательно, и душевно и телесно (изменился *ее* запах, да и ее перестали интересовать мужчины, которых можно привлечь неестественным запахом духов). Иными словами, она перестала быть *партнершей*, и превратилась в потенциальную *половинку*. Духи ей были больше не нужны.

Согласитесь, тема «пророк как *мужчина*» или «пророк в сексе» — тема не избитая, если вообще кто-либо когда-либо эту тему подымал. Пророк Соломон, как персонаж своей же собственной Песни Песней, воспринимается исключением, только подтверждающим правило. Да, по счастью Провидение не лишило нас возможности порассуждать и о пророках в сексе. О разных пророках, в том числе и об Иеремии.

В Библии, в «Откровении», есть интереснейший символ, который означает «смещение», смещение истины с заблуждением. Впервые это слово встречается на страницах Священных Писаний, когда повествуется о строительстве Вавилонской башни. Тогда люди впервые во всеуслышание заявили, что они *сами*, без Божьего участия в состоянии обрести спасение. В те времена, после достопамятной гибели мира от потопа, люди страшились повторения бедствия и надеялись спастись тем, что построят себе башню до неба и «сделают себе имя» (Быт. 11:4). Для их же духовного, и не только духовного, здоровья Господь вынужден был не допустить их дальнейшего погружения в самообман. Он *смешал* языки строителей Вавилонской башни, и они перестали понимать друг друга. Название башни обрело значимость символа.

«Откровение» Иоанна Богослова, любимого ученика Христа, было написано в те времена, когда буквальный город Вавилон уже не существовал и несколько веков лежал в руинах. Но, тем не менее, в «Откровении», когда Иоанн Богослов описывает грядущие времена, он говорит о Вавилоне как о городе существующем, сильном и могущественном, Вавилоне, который, подобно великой блуднице (символ церковной организации, но отступившей, ложной) попытается, пользуясь своим положением признанной государственной религии, извратить и тем

уничтожить дело Божие на этой земле. Вавилон (буквальный: и город, и империя, столицей которой он был) некогда действительно взял в плен народ Божий, произошло это лет за шестьсот до воплощения Христа, и вот в это-то интереснейшее время и жил пророк Иеремия. Время было жестокое, но пророк был человеком мужественным, выносливым и, судя по стилю его книги, сильным. Книга Иеремии уникальна среди прочих библейских книг — в ней одной пророк не только открывает истину Божью, но и много пишет о себе и о своей жизни. А согласитесь, ведь это так интересно — личная жизнь пророка! И он Святым Духом ее для нас описал.

По мнению богословов, Бог призвал Иеремию, когда тому было лет 18-20, когда он только-только становился мужчиной. Представляете, насколько интересно было жить человеку, еще от юности верно *понимающему жизнь*! Да еще, как верно Божию, знающему и будущее! Да, пророк Иеремия еще за сорок лет до первого разрушения величественного Иерусалимского Храма и самого Иерусалима начал пророчествовать о нашествии буквального Вавилона, открывать собратьям, что ради того, чтобы народу выжить телесно, а Церкви — духовно, необходимо противостоять Вавилону не телесно, с мечом, как того хотели многие, а с ним сосуществовать, противясь духовно, поскольку такова воля Божья. (В сказанном — аллегория, но говорим мы сейчас, прежде всего, о буквальных событиях.)

Не только Иеремия предсказывал вторжение Вавилона — предсказывали нашествие и пророк Михей, и Амос, и даже Исаия, пророческое служение которого оборвалось с его гибелью лет за семьдесят до начала служения Иеремии. О событиях Вавилонского плена, а главное, о тех пророческих вестях, которые в это время посылал Господь, пишет и пророк Иезекииль, и пророк Даниил. Рассказывается об этом времени и в книгах Царств, и в книгах Паралипоменон, и, в какой-то степени, в книге Эсфирь. Вавилон, как мы видим — это серьезно, поэтому нам в Библии и предоставлена возможность изучить то время всесторонне. Авторы перечисленных книг, безусловно, были интересными людьми. Но даже и среди них Иеремия выделялся своей динамичностью. Характерно, что Иисуса Христа его современники сравнивали именно с пророком Иеремией. Помните тот знаменитый случай, когда «*Иисус спрашивал учеников Своих: за кого почитаете Меня? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию...*» (Мф. 16:14). Из многих пророков отнюдь не случайно выделяли этих трех. Народ, люди некнижные и большей частью не имеющие прямого общения с Богом, уже тогда воспринимали древних пророков и самого Христа исключительно с точки зрения темперамента. Эти же три пророка выделяются из прочих именно своей динамичностью: чрезвычайно активен и решителен был пророк Илия, Иоанн Креститель не робел перед властителями, и никакие обстоятельства его не смущали; жизнь же пророка Иеремии и вовсе напоминает приключенческий фильм. С пророками именно такого темперамента сравнивали современники Иисуса из Назарета, и хотя бы уже из этого можно догадать-

ся, что Христос уж никак не мог быть тем квелым астеником, преуспевшим в деле *умерщвления плоти*, каким его принуждают воспринимать признанные государственные формы христианства. Христос был динамичен, как и Иеремия, таким Его описывает и евангелист Марк: всегда подвижен, решителен, сделав одно, *немедленно* приступает к следующему этапу созидания. Так что и в этом *признанные* как всегда...

В древности люди сравнивали Иисуса с Иеремией, в наше же время — наоборот, богословы сравнивают Иеремию с Иисусом.

Но мы отвлеклись. Тема, которую мы обсуждаем — женщины и их запахи, пророки и эротика, Дух Божий и секс, Бог и жизнь, то есть как раз та самая тема, которая совершенно неприемлема для «христиан» некрофильского склада.

Обращали ли вы внимание на те образы, на тот изобразительный материал, который использует пророк для обличения и научения своих современников?

«Я насыщал их, а они толпами ходили в дома блудниц. Это — откормленные кони, каждый из них ржет на жену другого» (Иер. 5:7, 8).

«На всяком высоком холме и под всяким ветвистым деревом ты блудничала» (Иер. 2:20).

«Посмотри на поведение твое в долине, познай, что делала ты, резвая верблюдица, рыщущая по путям твоим? Привыкшую к пустыне дикую ослицу, в страсти души своей глотающую воздух, кто может удержат? Все, ищущие ее, не утомятся (искать ее): в ее месяце (течки) они найдут ее» (Иер. 2:23, 24).

Но за образами Иеремии можно все-таки признать некоторую эротическую скромность по сравнению с образами, рисуемыми пророком Иезекиилем или в «Песне Песней» Соломона (см. Библию)! Там образы еще более откровенные. Обращение пророка Иеремии к эротическим образам невозможно объяснить несдержанностью, проистекавшей из-за его холостого положения. Этим, скорее можно объяснить его сдержанность! Пророк же Иезекииль, современник пророка Иеремии, женат был, причем жену свою он называл не иначе как *«утехой очей»* (Иез. 24:16). Образы же его еще более «разнузданны», чем у пророка Иеремии, но несравнимо более скромные, чем у пророка Соломона. Соломон с числом своих гаремных дам несколько переизлиществовал: у него было триста жен и семьсот наложниц — они его и погубили. Погубили и обессилили. Они, то есть триста и семьсот, а не одна, Суламита. Суламита была возлюбленной, и очень может быть, что та самая *одна единственная половинка*. Ее он и воспел в неповторимой «Песни Песней».

Таким образом, выбор эротического изобразительного материала пророками не был компенсацией их супружеского одиночества, а просто следствием мужского здоровья. Интересное было для них интересно, этими образами они мыслили, живя и наслаждаясь в Боге.

Иеремия же, как мы уже заметили, был холост.

«И было ко мне слово Господне: не бери себе жены, и пусть не будет у тебя ни сыновей, ни дочерей на месте сем».

«Ибо так говорит Господь о сыновьях и дочерях, которые родятся на месте сем, и о матерях их, которые родят их, которые произведут их на сей земле: тяжкими смертями умрут они и не будут оплаканы, или похоронены; будут навозом на поверхности земли, мечем и голодом будут истреблены, и трупы их будут пищею птицам небесным и зверям земным» (Иер. 16).

Из этих слов видно, что одиночество пророка Иеремии отнюдь не было вызвано необходимостью его «чистоты» (за «чистоту» люди с отягощенной психикой выдают отказ помогать предназначенной от Бога *половинке* в высоком смысле этого слова), но определялось конкретно-историческими условиями его служения. Времена для Иудеи были действительно трудными. Одна за другой накатывались волны вражеских войск, убийства, грабежи, да и сама осада Иерусалима, которую в пророческом своем служении должен был пережить Иеремия, была столь невыносимой, что, как написано, нежные матери ели своих детей, а на глазах отцов умирали от голода их сыновья. Послушавшись Господа, пророк уберется от этих мук отцов. Но даже если бы родившихся у Иеремии детей удалось уберечь, то их ожидала бы нелегкая судьба сирот, потому что умер Иеремия насильственной смертью. Судьба детей нелюбимого и не признаваемого в народе пророка.

Испокон веков в народе Израильском, как, впрочем, и у других народов, семья и дети считались величайшим благословением. *«Нехорошо быть человеку одному»*, — говорит Господь (Быт. 2:18). Отсюда и обостренный интерес современников пророка к подробностям его половой жизни, интерес, который, как видно из многих текстов Библии, Господь не обличал, но использовал как врата к разуму еще окончательно не утративших надежды на спасение людей. Как раз из особенностей половой жизни пророка, его одиночества и бездетности, люди могли сделать вывод, насколько серьезной была опасность разрушения Иерусалима. Эротическая одаренность пророка, и при этом его одиночество в тот данный конкретный период истории усиливало проникновенность вести Божьей, и его пророческое служение становилось более эффективным. Беда была у порога, служение было серьезным, дети были обречены на смерть, судьба вдовы была горька — потому и заповедь: *«не бери себе жены»*. Но эта была весть Иеремии *лично*, но отнюдь не людям всех времен и народов, не всем служителям и даже не всем пророкам. Пророк Иезекииль, современник, как мы уже сказали, Иеремии, был женат на *«отраде очей»*. Любил и Соломон, и пророк Осия, и апостол Петр — словом несть числа славным библейским именам. Божьи люди были здоровые люди, отнюдь не некрофилы, и им было чем заинтересовать женщину.

Это, как мы уже сказали, понятно всем хотя бы на уровне подсознания. Свидетельство тому — распространенность сюжета о шлюхе на охоте за человеком Божьим как эротическим объектом.

Несмотря на эротические образы в своей книге, пророку Иеремии некоторые тонкости взаимоотношений с женщинами были неизвест-

ны. В чем нельзя заподозрить ни Иезекииля, ни других пророков, ни тем более Соломона. Как там у него в «Песне Песней»?

*Этот стан твой похож на пальму,
и груди твои на виноградные кисти.
Подумал я: влез бы я на пальму,
ухватился бы за ветви ее;
и груди твои были бы вместо кистей винограда,
и запах...*

Нет! Нет! Нет!! Расслабляться не будем! А чтобы легче было обратиться, представьте себе нечто противоположное от приятного: современных церковноприходских «ревнителей чистоты» с некрофилически поджатыми губами. У них строго: духовное — это духовное, а о сексе ни-ни! Что тут может быть общего: Бог и Любовь? Тем более у «истинно верующих». Таких, как они? Какое такое: «запах», «влезу я на пальму»?!! Это что получается: пророка можно по запаху отличить?

Хорошо, эти церковные придурки не дотягивают даже до уровня признанности, но что тогда монахи? Ведь в былые времена их признание было разве что не всеобщим — до 5 % населения некоторых русских городов составляли монахи.

Но нет, не будем о них распространяться. Не будем обсуждать выражение их лиц — оно достаточно отчетливо и красноречиво на лицах и современных монахов. Цель монахов и современных, и прежних — *умерщвление плоти*, они испытывают особенное притяжение к расчлененным трупам своих предшественников, так называемым *мощам* — вывод здесь очевиден. А что же касается до их молитвы...

«Ты же не проси за этот народ и не возноси за них молитвы и прошения; ибо я не услышу, когда они будут взывать ко Мне в бедствии своем» (Иер. 11:14).

«И сказал мне Господь: ты не молись о народе сем во благо ему» (Иер. 14:11).

Не всякая молитва — молитва. Даже у пророка. Что уж тут говорить про монахов госрелигий, для которых созданная Богом для мужчины женщина — осквернение, а прижимание губами к трупу — очищение! Нет, мы не против монашества, наоборот, считаем это установление полезным, потому что отток семени этого типа людей, безусловно, должен оздоравливать нацию. Другое дело, что мы не считаем для себя возможным поддаваться внушению, что монашество есть нечто, особо угодное Христу-Жизнедателю.

Эти монахи, а что до пророков, людей Божьих, то это были крепкие мужчины, не прогибались, потому и был у них такой изобразительный материал для проповедей. Им, здоровым, не было нужды оправдываться перед женщинами и изобретать оправдательные теории о «нечистоте» половых взаимоотношений. Мужчину и женщину сотворил Бог. Он есть любовь. В Нем нет нечистоты, а, следовательно, не может быть нечистоты в Его творениях. А сотворены были именно *двое*.

Практика неудачных, но стабильных браков среди полагающих себя верующими породила мнение, что дурные супруги даются для того, чтобы в испытаниях с ними возрастать быстрее, потому что «достать» может только жена. Поэтому за дурную жену, за тяжкие с ней горести следует благодарить не самого себя, а Бога. Но Бог через своих пророков говорит нам нечто противоположное. О браке апостол Павел говорит: *«Не преклоняйтесь под чужое ярмо (супружества. — Прим. авт.) с неверными. Ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света со тьмою?»* (2 Кор. 6:14). *«Добродетельная жена — венец для мужа своего; а позорная — как гниль в костях его»* (Пр. 12:4). *«Кто нашел добрую жену, тот нашел благо и получил благодать от Господа»* (Пр. 18:22). *«Разумная жена — от Господа»* (Пр. 19:14). Нет смысла умножать число высказываний. К возрастанию в Боге приводит соприкосновение не со злом, а с добром. Противостоять злу у нас всегда есть неограниченные возможности, даже не выходя из дома, поэтому, естественно, Бог желает, чтобы хотя бы в семье верные имели особые возможности для возрастания и в том помогали друг другу.

Все остальные мнения противоположны Божьим. Еще язычник Сократ, объясняя редкостную сварливость своей жены Ксантиппы, предположил, что ее сварливость («как гниль в костях») ему же и на пользу. Не обольщайтесь: это не более чем видимость мудрости, и как бы ни были признаны богословы, эту видимость внушающие, — здесь не более, чем нечаянное признание своей несостоятельности. Но такова власть греха: они еще и пытаются представить свою несостоятельность как особое избранничество Божие — экую, оказывается, мощь духовного развития они в состоянии развить, коли Бог допустил в их жизни такое испытание!

Лицемерие и лукавство мышления пророкам были чужды во всем, потому и в области секса искали они и находили себе таких же, с точки зрения энергетика, здоровых женщин, которые, естественно, одни только и могли стать *«отрадой очей»*. Как такую женщину найти — вопрос другой. Но это тоже вопрос психокатарсиса.

То, что в Библии феерическая генитальная эротика, груди и запах соединены, не случайно. Очевиднее всего это следует из современной практики психокатарсиса. Отсюда следует также и то, что результаты психокатарсиса можно фиксировать не только по характерному вздоху облегчения при освобождении от травмы, но и по изменению запаха. А также и по тому, отказался клиент от, пардон, «благовоний» или нет.

Принципиально важно то, что занятие психокатарсисом, стенограмма которого приведена ниже, произошло *прежде* осмысления рассмотренного библейского взгляда на взаимоотношения *двоих*.

В.: Что ты смеешься?

П.: Так... Пародию вспомнил. Не помню чья и на чьи стихи.

В.: А что там?

П. (*С особым выражением*): Та что справа грудь — та левая!
Та, что слева грудь — та правая!
И может не по праву я
То целую эту — левую,
То целую эту — правую...

В. (*Смеется*): Однако ты вспоминаешь!..

П.: Послушай, у меня такое ощущение, что твои груди в последние дни перестали расти. А за предыдущую неделю так выросли!

В.: А что, так заметно?

П.: Да! Очень.

В.: Ну и хорошо, что перестали. А то столько хлопот с ними появилось. Раньше можно было ходить *так*, а теперь нужны... дополнительные детали туалета. Опять же стирать больше...

П.: Ну и что? Зато смотреть приятно. Впечатляет.

В.: Шутишь! Впечатление бывает обманчиво. Просто бедра шире плеч, поэтому *они* такими и кажутся... впечатляющими...

П.: Кажутся? Ничего не кажутся! Такие и есть! То целую эту — левую, то...

В.: Ой! О! Щекотно! Борода!

П.: М-м-м...

В.: Ой!

П.: Не понимаешь ты своего счастья! Плоские американки какие деньги тратят большие, чтобы фигуру сделать женской. Операции делают, мешочки с силиконовой жидкостью себе вживляют...

В.: Что?

П.: «Силиконовые прелести» называются. Делают операцию, надрез под каждой грудью, вставляют пластиковый мешочек с силиконовой жидкостью, двести грамм. На ощупь упругий. Между прочим, популярная в Америке операция — сотни тысяч женщин каждый год. И так каждый год. А тебе груди без операции, без надреза, и — бесплатно. А вот американки...

В.: Это их американские трудности. Деньги есть — ума не надо!

П.: А твои почему перестали расти? Ведь прекрасному границ быть не должно!

В.: Ой ли?

П.: Точно-точно! Может быть, груди твои нежные на что-нибудь обиделись? И поэтому хорошесть перестали?

В.: А такое возможно? Чтобы *они* обиделись?

П.: А почему бы нет? Сейчас проверим. Закрой глаза!

В.: Нет! *Не надо!* Только не это! Еще больше — *не надо!*

П.: Почему же это не надо? Чего ты?

В.: Того! Хлопот не оберешься!

П.: Да ты не бойся. Мы только проверим: есть ли какая обида. Если обида есть, то она влияет не только на форму груди, но и на здоровье. А потом, откуда ты знаешь, чего ты хочешь? Уж кому как не тебе понимать, что женщины вообще не имеют ни малейшего представления, чего же им на самом деле хочется. Их, имею в виду, подсознанию.

Закрывай глаза! Так. Молодец! Умничка ты моя. А теперь скажи мне, пожалуйста, твоей груди нанесена какая-нибудь обида?.. Где она? Осмотри внимательно свое тело: где она, и в виде чего? Где?

В.: ...В груди.

П.: А в виде чего?

В.: Пластинка.

П.: Пластинка... А какой она формы?

В.: Я же сказала: пластинка. От проигрывателя.

П.: Ага! Теперь понял. Круглая пластинка. Черная... А давно она там?

В.: Давно...

П.: Можешь определить сколько?

В.: Нет.

П.: Месяцы? Годы? Десятки лет? Меня интересует исключительно ощущение: сколько? Хотя бы порядок величин.

В.: Скорее, последнее. Десятки.

П.: Так... Вот видишь, я как чувствовал, что есть какая-то травма. И она не позволяла груди вырасти такой, какой бы она хотела быть. А выросла в последнюю неделю без снятия этой грампластинки обиды потому, что мы множество неврозозов развязали, хоть и по другим поводам. Общее состояние улучшилось, противостояние черной пластинке увеличилось — вот грудь и похорошела!.. Так... Хорошо... А теперь скажи мне, пожалуйста, что-нибудь более раннее, что-нибудь *до* этой пластинки есть? Пластинка ведь эта на что-нибудь опирается?

В.: Опирается. На ось. На которой эта пластинка крутится.

П.: А какого она происхождения? Более раннего?

В.: Да...

П.: Хорошо. А что-нибудь еще более раннее, каким-нибудь образом обижавшее твою грудь, есть? Посмотри внимательно.

В.: М-м-м-м... Да там целый граммофон. Старинный, как из музея. Детское что-то...

П.: А он тебе нужен, граммофон этот?

В.: Нет.

П.: Будешь от него избавляться?

В.: Все. Уже избавилась.

П.: Значит, она теперь у тебя вырастет такой, какой ей хочется? И ничего этому не будет мешать?

В.: Да. Ничего не будет мешать. Как мне хорошо с тобой, милый!..

Здесь стенограмма беседы прерывается по понятным причинам скромности. Да и с точки зрения лечебной (в упрощенном понимании этого слова) они, в сущности, в тот день закончили. Продолжили они через два дня, когда обрисовался (буквально!) результат. Обратите внимание, что через два дня, а не через неделю, и не через месяц! Можно сказать: *только* через два дня, а можно наоборот — *целых* два дня. *Только* — потому, что, согласитесь, два дня срок небольшой, чтобы форма груди стала еще прекрасней, причем прекрасней заметно. А *целых*, потому что наши герои не виделись *целых два дня*: она была на работе. Ее

график работы: сутки дежурит, три — дома. Да, специальность у нашей героини самая что ни на есть малоизвестная, и большинство населения даже и не замечает существования носителей такой непризнанной специальности — оператора больших вычислительных машин. Но мы-то теперь знаем тайну признанности и непризнанности профессий и ценность людей, непризнанные профессии выбирающих.

...П.: Смотри-ка! А они у тебя опять расти начали!

В.: А что, так заметно?

П.: Заметно. М-м-м-м...

В.: Ой! Борода! М-м-м... Ой!.. Я тоже заметила.

П.: М-м-м... Ух, как здорово! А ведь у нее запах даже изменился. То есть аромат! Ароматная стала! Даже более того — благоуханная...

В.: Ты хочешь сказать, что раньше она пахла хуже?

П.: Хуже? Я этого не говорил. И не хочу сказать! Тоже прекрасно пахла. Только сейчас и вовсе бесподобно!

В.: Разве?

П.: Кокетничаешь?

В.: Я?!?! Как ты мог такое про меня подумать? Ой!

П.: М-м-м... Точно тебе говорю: бесподобное стало благоухание.

В.: Тебе нравится?

П.: Спрашиваешь! М-м-м-м...

В.: Ой! Ох, как хорошо... М-м-м-м...

П.: Похоже, что они у тебя не только опять расти начали, но и, похоже, чувствительность увеличилась!

В.: М-м-м... Похоже, что так. М-м-м... Тебе это нравится?

П.: Бесподобно.

В.: Тогда я очень рада. М-м-м...

П.: Представляешь, а всего-то навсего черная пластинка и старинный граммофон!

В.: Смешно! Ой! М-м-м...

*Этот стан твой похож на пальму,
и груди твои на виноградные кисти.
Подумал я: влез бы я на пальму,
ухватился бы за ветви ее;
и груди твои были бы вместо кистей винограда,
и запах от поздрей твоих, как от яблоков...
Как ты прекрасна, как привлекательна, возлюбленная,
твоею миловидностью...*

Дети! Женщины — штука порой бесполезная.

Но они пахнут.

А запах, или аромат, а тем более благоухание женщины не последнее дело в осмыслении мира начинающими знатоками психокатарсиса.

*«Как ты прекрасна,
как привлекательна,
возлюбленная,
твоею миловидностью...»*

Глава тринадцатая.

КОМБИНАЦИИ ЭРОСА

или ЧЕМ ЛЮБОВЬ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ЛЮБВИ

Теперь, пользуясь данными, которые без особых усилий может проверить всякий освоивший начала психокатарсиса, а потому получивший возможность более здраво судить об истинных мотивах человеческих поступков, мы приступим к составлению схемы всех возможных между мужчинами и женщинами эротических комбинаций.

Любовных судеб (в смысле выбора партнера/партнеров и закономерностей эволюции взаимоотношений с ними) отнюдь не бесконечное множество — их всего несколько типов. У схожих людей схожи даже любовные судьбы, и именно поэтому мы можем друг у друга учиться.

«Один день человека научившегося длиннее самого долгого века человека невежественного», — так наставлял учеников наиболее почитаемый Сенекой философ Посидоний. Так же и в сексе: разные люди достигают разных глубин (или вершин) наслаждения.

Графические приемы в постижении мира облегчают восприятие, позволяют сравнивать, а следовательно, и объемней мыслить. Именно поэтому графические методы могут и должны применяться, прежде всего, к проблемам взаимоотношений *двоих*, ведь эрос для относительно здоровой части населения нашей планеты весьма значимая форма существования.

Для осмысления сферы бытия, чрезвычайно важной и интересной, полезно выявить не только типичные любовные судьбы, но и их переплетение, рассмотреть вершины «запутанных» «любовных треугольников» и даже многоугольников, для чего, кроме уже известных нам понятий некрофилии и биофилии, необходимо обсудить понятие, обозначающее промежуточное между этими крайними формами состояние.

Для изучения в полном объеме феномена биофилии мы отсылаем нашего читателя к Библии (не к признанным толкователям, а именно к первоисточнику). Скажем только, что биофил — отнюдь не «жизнелюб». В массовом понимании «жизнелюб» — это любитель доступных женщин: на лице его всегда улыбка довольства, всегда — и когда обманывает он, и когда наставляют рога ему. Эдакий «жизнелюб» ценит вино и вообще любой другой дурман. Напротив, биофил — это жизнедатель. Как по отношению к окружающим, так и по отношению к самому себе. Следовательно, наисовершеннейший, крайний по шкале биофилии характер — у Христа. Христос — воплощение Божие, Сын Человеческий, явивший образец адекватного восприятия жизни и идеал взаимоотношений между людьми. Графическим символом биофилического начала мы выбрали солнце.

Символ этот не абстрактен, он часто появляется в системе подсознательных образов людей, и от этого, разумеется, несколько утрачивает свой возвышенный смысл. Скажем, он часто появляется в «пейзажах» Возлюбленной (работать можно не только с образами *внутри* те-

ла памяти, но и с окружающим «пейзажем»: скажем, превратить за-пустение в сад; но об этом после) и соотносится он в ее любящем под-сознании не только со Христом, но и с нашим Психотерапевтом, кото-рый, правда, в ее «пейзажах» не собственно солнце, а некое надежное основание, отражающее Его лучи — *теплая* надежная стена, каждая пес-чинка которой искрится солнцем. (Интересно, что одна очень хоро-шая, но запутавшаяся девушка, достаточно биофильного склада, на под-сознательном уровне тоже воспринимала его в виде солнца — далекого, за морем, как бы отстраненного, обособленного, — а вот своего приноживающегося жениха, за которого она впоследствии-таки вы-шла замуж, — в виде серой угнетающей стены, которую не обойти, че-рез которую не перебраться — она давит, на *свободу* не отпускает.)

Феномен некрофилии можно начать изучать не сходя с места, — он на нашей планете проявляется повсюду. В библейской терминологии крайняя на нашей схеме точка — это некогда высшее среди ангелов существо, некогда осеняющий херувим, который, будучи отражением Божьей славы, по предоставленной ему безграничной свободе выбора, свободой своей злоупотребил, внутренне переродился в существо с ха-рактером, противоположным Божьему. Смерть — естественное следст-вие *им же самим* порожденного принципа. Смерть — неперенное за-вершение его, как павшего существа, развития. Смерть, как в нем сам-ом, так и в тех, кто «полубил» его. Это — некрофилия.

некрофилия

биофилия

Графический символ этого начала — черное солнце. Этот символ выбран уже из подсознательных образов Психотерапевта. В частности, при работе «в пейзаже» с сильнейшей психоэнергетической травмой черное солнце символизировало подавляющего индивида (его мать), у которой на словах было одно, а в поступках и определяющих их под-сознательных движениях нечто совершенно противоположное. Ины-ми словами, черное солнце — символ лицемерия, но лицемерия такого, которое приводит к психоэнергетическим травмам и, как завершение эволюции — к смерти.

В реальном человеке сталкиваются оба этих начала. Апостол Па-вел, один из тех, кто принял дар биофилии, так говорит о еще присут-ствующем в нем стремлении к смерти:

«...Я плотян, продан греху. Ибо не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... Но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий

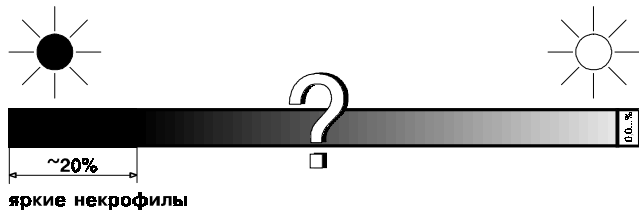
меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! Кто избавит меня от смерти?» (Рим. 7:14).

Эти слова принадлежат апостолу, избранному ко служению Самим Христом, оригинальному писателю, постигавшему жизнь среди мно-гочисленных смертельных опасностей, путешественнику, миссионеру, пророку, получившему познания в некрофильском национально-го-сударственном богословии «у ног» признаннейшего богослова того вре-мени — Гамалиила. Еще он был счастливым семьянином в том смысле, что после призвания его к апостольскому служению некрофильной жене своей он стал настолько неприятен, что она выгнала его из дома.

Апостол Павел, как и прочие пророки, могут быть причислены к той небольшой группе людей (их доли процента), которые в психо-энергетическом смысле графически могут быть отображены в схеме, как область, наиболее близко примыкающая к точке «светлого солн-ца». Это — первая область справа. Это — люди, которые духовно воз-росли настолько, что уже ничто не в силах перетянуть их левее.

Соображения симметрии подсказывают, что некая подобная область должна существовать вблизи точки «черного солнца». Действительно, по Писанию (взять, хотя бы, случай фараона), существует некая груп-па людей, которые в своем отвержении созерцания (т. е. рассмотрения с наслаждением) действительности настолько разобидели себя со Свя-тым Духом, что престушили ту грань, за которой покаяние уже невоз-можно. Отображение этих людей на схеме — первая область в крайнем левом положении.

Тестирование показывает, что около 15-20 % населения проявляют свойства ярких некрофилов. Их подсознательные устремления явно направлены на убийство и самоубийство, у них особые отношения с системой пищеварения, органами выделения и с испражнениями, у них специфические мечты, специфические сны, и у них особенные «культурные» потребности. С точки же зрения состояния души и ду-ха, то есть способности к нанесению психоэнергетических травм, это наиболее опасная категория населения. По Хаббарду (а мы вспомина-ем Хаббарда не из-за исключительности его системы, на оригиналь-ность элементов которой он и не претендует, мы его вспоминаем лишь потому, что созданная им организация случайным — в каком-то смы-сле — образом оказалась местом встречи Возлюбленной и Психотерапев-та, и, в общем-то, может служить достаточно точной моделью остальных 250 школ психотерапии), так вот, по Хаббарду, антисоциальные инди-виды не случайно отвергают идею самоулучшения и психотерапию как инструмент этого самоулучшения. Подсознательное желание всякого антисоциального индивида (социопата) — отравить существование со-циуму — ближайшим, близким и дальним, — и если к этому еще допол-нительно подстегивают кодировки (а внушения, искажающие тело па-мяти, обязательно злы), то тем лучше: это ценности, от которых они себе избавиться не позволят. И в этом смысле, избавиться от сорных пред-метов они *попросту не способны*. Ярким некрофилам мы отводим вторую, более обширную область, примыкающую к точке «черного солнца».

Казалось бы, из соображений симметрии к точке «белого солнца» также должна примыкать область в 15-20 % яркой биофилии. Однако отношение к возможности существования этой области у нас двойственное. С одной стороны, слова «яркая биофилия» могут создать впечатление о приобщенности (в высоком смысле слова) этой достаточно многочисленной группы людей ко Христу. Однако в Библии совершенно отчетливо говорится, что таковых отнюдь не 15-20 %, а существенно меньше.

Однажды наш П. попросил двенадцатилетнюю дочку Возлюбленной ответить (не думая), сколько на белом свете в процентном отношении людей хороших, причем настолько, что их можно назвать Божьими. Дочка, которая, как и мама, Библии к тому времени в руки еще не брала, а знакомство с миром религиозных организаций ограничила психоэнергетической травмой, которую она получила от священника государственной религии, когда ее в 3,5 года мама отвела «креститься», ответила:

— 0,38 %.

Это была шутка, к тому же, прежде чем ответить, ребенок задумался. Да, но шутка такого рода, про которые говорят, что в них есть доля истины.

Каково же на самом деле их процентное содержание? Может ли нам помочь в определении хотя бы порядка величин Священное Писание?

Среди многомиллионного (по оценке богословов) населения допотопного мира нашлось лишь восемь душ, которые доверились Богу не на словах, а на деле, в поступках. Они доверились Ему настолько, что во исполнение Божьей заповеди взойшли для спасения в ковчег. Остальные, надо полагать, заповедь ко спасению восприняли, якобы, «духовно», вслед Господу не пошли и в волнах потопа погибли во всех смыслах.

3,5 года проповедовал Иисус в густонаселенных районах Галилеи и Иудеи, но только 120 душ из многих миллионов доверились Господу настолько, чтобы по заповеди Иисуса день Пятидесятницы провести в Иерусалиме. Доверившиеся Иисусу в течение десяти дней после Восшествия Его на небо «единодушно пребывали в молитве и молении» (Деян. 1:14) и в результате следования Его заповеди получили в день Пятидесятницы дар Святого Духа.

«Но Сын Человеческий придет найдет ли веру на земле?» (Лук. 18:8) — насколько не заблуждается Слово со страниц Священного Писания о времени Второго Своего пришествия.

Таким образом, исчисляя, будь то времена Ноя, Моисея, Христа и иных пророков, тех немногих, которые смирились исполнять заповеди Иисуса без некрофильских искажений, мы приходим к выводу, что оценочное значение доли ярких биофилов от всего населения в 0,38 % существенно завышено.

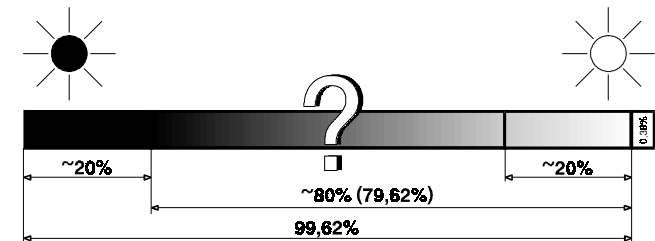
Однако из уважения к детям вообще и к дочке Возлюбленной в особенности, мы эту цифру на схемах оставляем, причем исключительно для того, чтобы обратить внимание читателя к библейским истинам.

Эти 0,38 % от всего населения планеты мы будем называть *биофилами в высоком смысле слова (яркими биофилами)*. Те же 20 % от всего населения, которые менее всех прочих способны (именно способны, а не склонны) к психоэнергетическому подавлению ближних и самих себя, мы будем называть *биофилами в широком смысле слова*.

Мы осознаем некоторую эклектичность наших схем, которая заключается в том, что мы пытаемся соединить богословский, психоэнергетический и статистически-опросные подходы, однако, поскольку все эти методы — суть движение к одной и той же истине, а на данном этапе исследований нас интересует не столько количественная оценка, сколько качественное осмысление, то для составления *принципиальной* схемы комбинаций эроса мы считаем наш подход достаточно корректным.

Итак, руководствуясь стремлением исключительно качественно оценить основные зоны нашей схемы, мы выделяем слева 20%-ную зону яркой некрофилии, а справа — 0,38%-ную зону яркой биофилии. Последнюю мы графически представляем несколько более обширной, чем ее цифровое значение, тем подчеркивая особую значимость этой зоны для жизни (биос) на нашей земле, а также и то, что выбранное число значение завышено.

Теперь наша цель — обозначить среднюю зону.

Физический смысл срединной зоны ясен, затруднение составляет лишь выбор подходящего термина для ее обозначения. Физический смысл таков: люди, попадающие в эту зону, а их большинство населения — 79,62 %, при опросах в состоянии скрыть, что их *основное* влечение — к смерти. Но влечение есть, они стремятся, в частности, к власти (т. е. к подавлению окружающих), но поскольку их некрополе слабее, чем у некрофилов ярких, то принудить окружающих к подчинению они не в состоянии и вынуждены подчиняться сами. Они не в состоя-

нии стать ни императорами, ни добычливыми проститутками, их не выбирают ни королевами красоты, ни чем-либо подобным. Именно их, средних, опасались в своих планах наложить на Христа руки первосвященники и начальники. Но это они стояли и смотрели, как признанные иудейского народа распинали Его, Безвинного. Средние, в отличие от биофилов, не самостоятельны. Вернее, их самостоятельность кажущаяся. Они попадают в неосознаваемую зависимость от вождей, рационализируя свое холуйско-лакейское состояние формулой «я — как все». Но именно из их числа после Его воскресения через покаяние стали присоединяться к апостолам новые ученики.

Итак, как их имя? «Средние»? Слишком нейтрально. «Нейтральные»? Не совсем верно. Нейтральность только кажущаяся: не вырази они своего молчаливого согласия, первосвященники не решились бы распять Господа. «Воспитуемые»? По-лагерному. «Нелюди»? Фантастично. «Обычные» — хоть и привычно, но отсутствует та особая наглядность, тот определенный, в сущности, отвратительный образ, который должен возникать перед взором читателя, когда в тексте он будет встречать искомое нами слово.

Может — «жухлый некрофил»? Или просто — «жухлый»?

У всякого человека свои ассоциации по поводу каждого слова. Нашему П. тоже есть что вспомнить. Однажды знакомый психиатр, захлебываясь от восторга, рассказывал, как бурлил медицинский персонал психиатрической лечебницы, в которой он пять дней в неделю ожидал наступления пенсионного возраста:

— Представляете, — возбужденно говорил психиатр, — привезли *настоящего* шизофреника! Яркого! Так ведь со всех отделений врачи сбежались! Посмотреть! Ведь в наше время стоящего нет ничего, даже настоящие, *сочные* шизофреники перевелись! А то как же? Лекарствами затравлены, замордованы диспансерами, — *жухлые*, одним словом, смотреть не на что! Вот и сбежались!

Так и некрофилы. Они замордовали друг друга, они запугали самих себя угрозой тюрьмы, конфискацией имущества, они замуштрованы школой, родителями, которые сами замордовались покупать новые вещи взамен испорченных. Где уж тут выскочить на улицу, сорвать с себя одежду, чтобы не мешала когтям, завизжать, зарычать так, что жертва содрогнется от звукового удара и окончательно утратит волю к сопротивлению — и прыгнув ей на плечи, подмять, впиться, рвать и комкать!! Редко кто решается на такой вожделенный апофеоз — на глазах у всех, и кровь от расчленяемого тела перемешивается с кишками и испражнениями жертвы! Редко, но решаются — и газетчики разносят эту весть по всей планете. И все, как те психиатры, бросаются смаковать!

Да, решаются редко. Какое уж тут самовыражение! Убивать — и то приходится втихомолку, не на виду, а это уже совсем не то удовольствие! *Жухлость* одним словом.

Приведенный подсознательный образ обывателя вряд ли прорывается на уровень его сознания. Если позволить такому образу прорваться на уровень логического мышления, осознать самого себя, то придет-

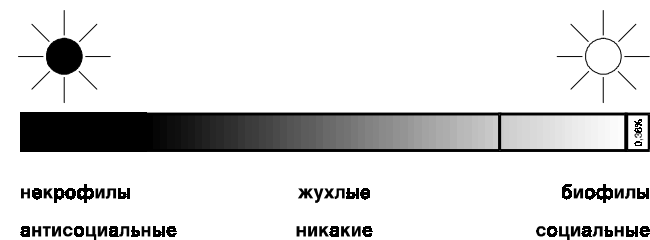
ся безоговорочно признаться в собственной несчастью, хотя бы уже из-за невозможности полного самовыражения. На осознание способны единицы.

Есть еще один достаточно приемлемый синоним «жухлого» — «никакой».

— Как это «никакой»? — возмутятся 79,62 % населения. — Никакой — он и есть *никакой*. Без интересов и без запросов. А у нас и интересы есть! И не какие-нибудь завалящие, *а как у всех*. Передачи по телевизору мы тоже смотрим, как и все, и не без индивидуальных особенностей мы, как же без них-то, без особенностей, *ведь они есть у всех*...

Но вы поймите и нас, дорогие мои *никакие с индивидуальными особенностями*, ведь как-то вас обозначить надо? Лучше осмысленно обозначить, так что, — извините за научный термин — *жухлые*...

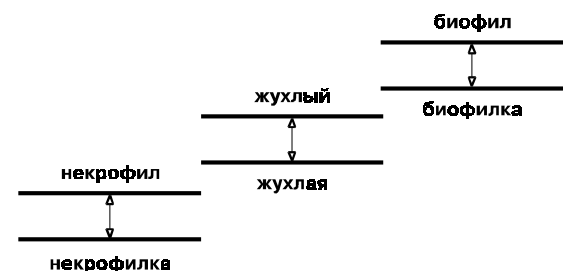
Итак:

Прямая, на самом деле, есть соединение дискретных отрезков — уровней некрофильности (биофильности), которые все и определяют, в том числе и эротические судьбы:

Эротическая комбинация непременно подразумевает двоих:

Каждый из обозначенных дискретных уровней теоретически может образовывать комбинацию с любым другим уровнем, в том числе и сам с собой. Скажем, может образоваться комбинация «некрофилка — некрофилка». Такая комбинация называется лесбийской связью, но рассмотрение подобных пар мы предоставляем энтузиазму читателей. В такого рода связях мы не чувствуем себя достаточно компетентными.

Рассмотрим гетеросексуальные пары. Начнем с комбинации «**некрофил — биофилка** (в широком смысле)». В нашей книге подробно рассматриваются две таких комбинации. Одна — нашей будущей Возлюбленной с ее, как она его называла, «дорогим экстрасенсом» (современный аналог Гришки Распутина). Другую мы уже рассмотрели на примере взаимоотношений Наташи Ростовской с мерзавцем Анатолом Курагиным.

Литературное обобщение, в особенности гения, отнюдь не выдумка, но напротив — психологическая сверхправда, некая общая для многих сущность. Как вы помните, яркий некрофил Анатолий при содействии близкой ему по духу и по плоти Элен энергетически поработил Наташу Ростовую, которая, попав в такое положение, в силу неопытности поначалу оценила боль от травмы как «чувство»: последствие пространственной близости с носителем некрополя приняла за проявление самого прекрасного, что есть на свете, — любви. Однако, прелестная (по тексту не красавица) Наташа, вместо того, чтобы, как логично было бы ожидать, от любви расцвести, придавленная некрополем и грузом травм, эволюционировала вполне закономерно: утратила способность критически мыслить, возненавидела родных, заболела не только психически, но и физически. Но — а в том-то и сущность биофилии и особая прелесть Наташи — в результате она, очевидно, и из этой истории выбралась с «обновленной нравственной физиономией». Подробности этой истории мы вновь советуем изучать по первоисточнику, к гению по поводу психологической достоверности событий у нас нет ни малейших претензий.

Толстой не описал интимные взаимоотношения Наташи и Анатолия по той простой причине, что их не было, а еще потому, что для 60-х годов XIX века это было бы чересчур смело, поэтому мы, изучая тип во всей полноте его эволюции, вынуждены этот пробел восполнить. Если бы близким Наташи не удалось проявить бдительности и воспрепятствовать похищению Наташи, она после бешеной скачки на тройке с пьяными седоками венчалась бы с уже состоящим в церковном браке Анатолом. Их интимные взаимоотношения, как типичные для некрофила и биофилки, сказывались бы следующим шаблонным образом.

Поскольку Наташа чувствительна чрезвычайно, конструктивна, умеет подлаживаться, и к тому же женщина, то в скором времени она по поведенческим стереотипам чрезвычайно уподобилась бы своему мерзавцу «мужу», не потому, что стала бы ему подражать сознательно, а потому, что ее бессознательное постепенно бы заковывали в ржавое железо чуждого ей духа (если бы она закрыла глаза, она бы «увидела» свои «цепи» сделанными, возможно, из ржавого железа). Учитывая ее

искренность, можно заранее предположить, что злой дух проявлялся бы в ее поступках, гораздо более ярких, чем у самого Анатолия. Там, где Анатолий, контролируя себя, смог бы ввести в заблуждение окружающих, Наташа обмануть бы не сумела. Близость с Анатолом привела бы ее к уровню озлобления еще большему, чем тот, которого она достигла к моменту похищения — визжа на родных, что она их *ненавидит*, что они ее тоже *ненавидят* и *не могут понять*. Индуцированная на Наташу злоба в силу своей абсолютности обратилась бы и на сам источник этой злобы. Это — ссоры. Но противостояние между мужем и женой непременно возникало бы еще и из-за нравственных разногласий, как это ни странно. Таким образом, между ярким некрофилом и биофилом возникает *многоуровневое* противостояние: на уровне логическом яркий некрофил оскорблен враждебными по отношению к нему поступками, причем поступками, странно похожими на его собственные желания, а на уровне бессознательном он будет задыхаться от обличений совести. Биофил же, в силу неопытности, пытаясь понять странное свое поведение, интеллектуально перегружается, что еще больше, на некоторое время, погружает его рядом с ярким некрофилом в состояние гипнотического транса.

Злоба, которая проявилась бы в Наташе, внутренне ей не присуща. Внутренне, во всяком случае, по описаниям Толстого, она биофилка, и, как следствие, в этом направлении и продолжает развиваться. Анатолий же, напротив, оставался таким, каков был, а если и эволюционировал, то к усилению своих разрушительных тенденций, т. е. к смерти, и это разнонаправленное их движение уже само по себе должно было вызывать взаимное разочарование. Нравственно более высокий уровень Наташи кроме ненависти вызывал бы у него чувство, ему неприятное, болезненное — обличение совести. Впрочем, он так и не посмел бы признаться даже самому себе, что ему плохо еще и из-за обличений совести, а доказал бы Наташе, что во всем виновата она. Так же и Наташа вряд ли смогла бы на логическом уровне объяснить свою боль и дальше демонстрации женской логики дело бы не пошло.

Что же касается постельных взаимоотношений, то непрерывное напряжение, происходящее, во-первых, от дневных разногласий, во-вторых, как следствие подавленности Наташи некрофилческой энергией Анатолия, и, в-третьих, как подсознательная самозащита от угрозы психоэнергетических травм, не позволили бы ей расслабиться и получить хотя бы минимальное эротическое удовольствие. Напротив, было бы чувство восхищения, продолжительность которого целиком и полностью определялось бы силой ее критического мышления. Эротическое же наслаждение, которое она могла бы получить с биофилом, не говоря уж про свою *половинку*, для нее невозможно, как мы уже сказали, в силу внутренней напряженности. Расслабление же невозможно в силу хотя бы инстинкта самосохранения от травм — обмануть который некрофилы обычно пытаются всеми возможными способами: от объяснений в любви до сетований на несчастную судьбу и просьб пожалеть. Но даже если бы Наташе поначалу удавалось в какой-то мере расслаб-

латься, то психоэнергетические травмы, умножающиеся после каждой близости, все больше и больше бы деформировали ее энергетическое поле, или, что то же самое, истощали здоровье. Не имеет значение, как бы это проявлялось: в головных ли болях, как у атаманши, или еще каким-либо образом, но жизнь бы у нее не сложилась.

Наташа, по Толстому, не религиозна, во всяком случае, в общепринятом национал-государственном понимании этого слова, но из всех деталей образа очевидно, что она приближается к биофилии в высоком смысле этого слова, отсюда маловероятно, что *она* была бы инициатором развода с Анатолом, даже если бы и убедилась в его неверности. Почему? Потому что слишком долго не исчезала бы надежда, что, наконец, все наладится.

Анатоль, среди прочего, ее еще бы и презирал и считал недотепой, уже хотя бы за то, что она не может *принудить* окружающих себе поклоняться.

Как мы уже упоминали прежде, болезненную зависимость от враждебного, подчас случайного принимающегося индивида и ее восприятие принято называть страстной любовью. «Любовное» притяжение, возникающее к подавляющим индивидам вообще и к профессиональным гипнотизерам в частности, изучалось не только умозрительно, но и экспериментально. До Фрейда этим занимались Бине и Фере. Оказалось, что в феномене страстного влюбления доведенной до гипнотического транса пациентки личность гипнотизера для нее не имеет никакого значения. (Эксперименты проводились в те времена, когда все считали, что женщины не способны гипнотизировать, поэтому объектами экспериментов по межполовому общению выбирали их.) Оказалось, что если гипнотизер своим влиянием отключает критическое мышление подвергающейся эксперименту женщине, то в постгипнотическом состоянии она не обязательно начинает объясняться в страстной любви именно ему, но *любому*, кто, пока она была в трансе, первым до нее дотронулся: желательно, до участков обнаженной кожи.

Но этим открытием экспериментаторы не ограничились. Гипнотизер подавлял критическое мышление у очередной женщины, и до ее обнаженных рук *одновременно дотрагивались сразу двое* ассистентов: один за левую, другой — за правую. Состояние особого влечения возникло у нее *сразу к обоим*, женщина оказывалась в состоянии как бы раздвоенности. Каждая половина ее тянулась только к одному из ассистентов, и женщина противилась, когда левый ассистент пытался взять ее за правую руку, а правый — за левую.

Можно ли ожидать, что стихийный гипнотизер типа Анатоля сможет понять, что многочисленные в него влюбления вплоть до обожения связаны отнюдь не с развитостью его как личности, не с его внешностью, умом и не с чем иным достойным внимания? Практика показывает, что и образованные профессиональные психотерапевты (гипнотизеры) не в состоянии преодолеть собственный нарциссизм (самолюбование) и приписывают страстные в себя влюбления своей исключительности, и притом нравственной. Дефект мышления, не позволяю-

щий гипнотизерам осознавать элементарные вещи, называется *нарциссизмом*. Был такой в древней мифологии персонаж — Нарцисс. Он влюбился в собственное отражение в зеркале воды и исчах, любуясь собой. Кстати, Нарцисс не был непроходимо глуп: он понимал, что изображение в воде — его.

Эксперименты Бине и Фере ныне уже почти забыты и выведены из научного оборота. Но присутствует, например, такое понятие, как «стокгольмский синдром». Оно появилось в шестидесятых годах XX века после одного неудачного ограбления банка в Стокгольме. Тогда грабители захватили заложников, грозились их убить. Когда же грабители поняли, что окружены и им не выбраться, они решили сдаться властям. Без сопротивления. Что же сделали заложники? Они, взявшись за руки, окружили несопротивлявшихся бандитов, тем защищая их от полицейских! Странное поведение, если упускать из виду феномен гипноза. Картина всякий раз повторяется и при других террористических актах: после шока заложники, над которыми как только ни издевались, начинают приписывать бандитам самые возвышенные чувства: борьбу за мир, за счастье детей и т. п. Психологи топчутся на месте, не решаясь дать определение иное, чем «у заложников возникает некое *подобие* любви».

Аналогию можно продолжить и на примере только-только начинающих употреблять наркотики. Девушки-наркоманки говорят, что у них появляется ощущение счастья и того, что *они любят всех* — им хочется прикоснуться к каждому. Иными словами, в состоянии наркотического опьянения, когда мышление деструктурируется даже больше, чем во время шока при попадании в заложники, они готовы выполнять волю всякого, кто пожелает, и, не зная по опыту своей семьи иных чувств, кроме авторитарных, называют это состояние счастьем. («Есть ли что-нибудь счастливей национал-социалистического собрания?» — А. Гитлер.)

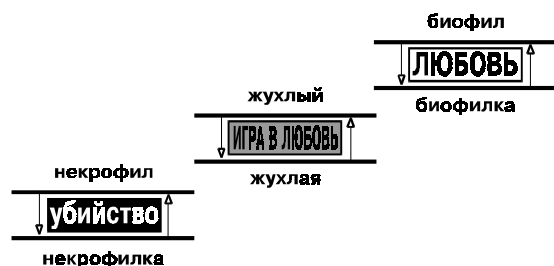
Продолжительность страстной «любви» (синонимы: любовь до гробовой доски, смертельная любовь, безумная любовь, лакейская любовь, холуйская любовь, романтическая, возвышенная, анальная любовь) определяется силой подавляющего некрополя нарцисса, интеллектуальной силой влюбленного и нравственным его чутьем. Не все в состоянии изжить в себе влечение к страстной «любви». Наташа смогла.

Свою любимую героиню Толстой наделил тем же ценнейшим свойством, которым обладал сам — способностью меняться. Наташа эволюционировала в сторону биофилии, что, в частности, проявлялось в изменении типа мужчин, которые оказывались с ней рядом, и что, в конечном счете, привело ее к счастливому союзу с Пьером. У Наташи Ростовской было четыре увлечения, они закономерны, и со временем к их анализу мы еще вернемся,

Таким образом, несостоявшийся союз Наташи и Анатоля («биофилка — яркий некрофил») был исходно обречен из-за внутреннего конфликта между жизнью и смертью. Они **не были ровней** в смысле направления развития.

Люди давно подметили большую стабильность союзов, в которых супруги — ровня, и потому к составлению такого рода пар добросовестные свахи и стремятся. Обывательское мышление в этой области не поднимается выше равенства материальных накоплений, возраста и, в лучшем случае, социального положения, тем не менее, в идее равенства рациональное зерно есть. Но даже тщательно подобранные пары (подобранные родными, или же достигшие брачного возраста индивиды делают это сами), все равно часто распадаются, поскольку не всегда соблюдается принцип психологической совместимости (в частности, муж мало напоминает отца, или, что еще более важно, у партнеров разная сила некрополя). Не всякая пара, демонстрирующая свою стабильность, психологически совместима, но примеры совместимости, очевидно, искать следует именно среди пар устойчивых.

Возможны три типа комбинации *равных*:

«Жухлый — жухлая» («никакой — никакая»). Вы никогда не задумывались, почему такие симпатичные молодые люди с до автоматизма выверенными нежно-любовными движениями после некоторого периода совместной жизни вдруг оба заявляют, что *никогда, собственно, и не любили своего партнера*? А чем же, в таком случае, на самом деле были эти страстные объяснения друг другу в любви, волнующие свидания, тайные взгляды, преисполненные «неизъяснимого наслаждения», цветы, да и все прочие положенные аксессуары?

Раньше других признаться себе в истинном положении вещей (отсутствии *настоящего*) решаются женщины. Вряд ли это от большей природной женской прозорливости, просто женщины в развитии опережают мужчин, не только в созревании, но и в увядании, и потому *вынуждены* делать выводы раньше.

— Какая любовь? *Игра!* — кривит рот женщина и начинает искать, с кем бы изменить своему супругу.

Культура в разных странах отличается одна от другой, но сущность феномена неизменна, отличия лишь количественные: прежде чем развестись, в семью в Чехословакии *играют* 6 лет, а в США — 11. Мы несколько не сомневаемся, что зарабатывающие на воспевании Соединенных Штатов — территории, где преобладают протестантские формы массовой религиозности — объясняют более долгую перед разво-

дом игру *нравственной высотой* своих сограждан, но мы не считаем себя обязанными верить всему, что исходит от «поэтов». Для нас лишние 5 лет — скорее проявление более изощренного лицемерия, свидетельство развитости рациональной воли, ложного терпения или даже долготерпения, но дурного. Такого рода долготерпение может и вызывает восторги у самих участников игр, нам же, наоборот, напоминает сценку из жизни очень религиозных алкоголиков.

Двое, он и она, сидят друг напротив друга, оба смотрят в наполненные водкой стаканы, оба знают, что осквернение храма Святого Духа (тела) водкой — грех, и надо бы бросить пить и можно без особого труда это сделать (оба знают, что они не хуже тех, которые бросили пить до них и после них бросят), тем не менее, очень похоже вздыхают и чокаются со словами:

— Это наш крест... водка, — и перекрестясь, выпивают.

Так и в дурном браке, кто 6 лет выпивает, кто — 11, тем гордится и готов платить, чтобы все это было воспето поэтами.

У жухлых есть сексуальные повадки. Но повадки проще наблюдать, чем описывать. Игра она и есть игра: одни актеры конституционально, от рождения, несколько более даровиты, другие менее, но и те и эти шесть или одиннадцать лет не решаются себе признаться, что их эротическая комбинация более всего напоминает известную комбинацию из трех пальцев. Статистически это наиболее распространенный вид комбинаций.

Такого рода «любовь» порой называют торгашеской, потому что перед вступлением в брак участвующие высчитывают: *а что с этого будут иметь?* Она получает питание, одежду, власть над детьми и возможность в воскресенье пройтись по бульвару с высоко поднятой головой — еще бы, *замужняя* женщина! Он получает возможность отождествлять себя с «сыном» (упиваться надеждой, что сын достигнет тех целей, которые сам достичь не смог), регулярное питание и постель. И оба супруга получают воспроизведение атмосферы семьи детства, главное преимущество которой — что все решено помимо участвующих.

«Некрофил — некрофилка». Следующую любовную комбинацию из левой части схемы мы обозначили словом «убийство». Несомненно, что два оказавшихся вместе некрофила разного пола как-то друг к другу относятся. Поскольку у каждого партнер подавляющий, то они могут оба страстно друг в друга влюбиться. До умопомрачения. Но кроме большей или меньшей затаенной к партнеру злобы, некрофилы в любовь еще и *играют*, иначе первое же «любовное» свидание закончилось бы обюдным убийством (редко сбывающийся идеал). Им не остается ничего другого, как подражать привычным для «жухлых» штампам: дарить цветы, делать предложение, становиться на колени, говорить о своей великой любви. Именно этим занималась со своими будущими мужьями Элен, тем же по инерции был занят и Анатолий, когда готовился совершить по отношению к Наташе подлость — тайком увезти ее из дому. Анатолий болезненно метался по комнате, демон-

стрируя, насколько он воспарил над спивающимися своими друзьями тем, какая великая осенила его любовь, и с удовольствием *принимал от них советы, как в его, Анатоля, положении поступали другие*. Это и есть игра. Пример с Наташей в данном случае не совсем корректен, потому что Наташа к некрофилам не относится.

В отличие от жухлых, у ярких некоторые свойства проявляются сильнее. Их охватывают чувства, подобные тем, что охватывали вождя немецкого народа Адольфа Гитлера, когда он ползал на четвереньках перед признанной тем же народом артисткой Ренатой Мюллер и требовал, чтобы она ему надавала пинков, и признавался ей со всей возможной для него искренностью, что он ничтожество и ни на что не способен. Эта пара *признанных* хотя и покончила жизнь самоубийством в разное время, но очевидно, что один другому на психоэнергетическом уровне в этом помог. Это и есть убийство. Это — страстная любовь, только в отличие от «жухлого варианта» мотив убийства выражен ярче.

Можно привести и литературный образ. Скажем, Антония и Клеопатры из одноименной трагедии Шекспира. Она — царица Египта, изучающая на заключенных виды агоний от различных ядов, он — один из триумвиров после убийства Юлия Цезаря. По своим способностям военачальника Антоний мог бы стать вторым императором Римской Империи после Цезаря, но рядом с язвительной, мстительной и ревнивой Клеопатрой он полностью утратил волю и жизненную силу. Все это они называют страстной любовью, никто вокруг в этом не сомневается, и они благополучно, не приемля жизни, кончают с собой: он — упав на меч, она — приложив к руке змею.

Однако Антонию и Клеопатре далеко до идеала некрофилической «любви»: после первых объятий умирают они далеко не сразу. Убийца всех времен и народов Адольф Гитлер к этому идеалу гораздо ближе, что следует хотя бы из того, что актриса Рената Мюллер, страстно влюбленная в своего фюрера, покончила с собой после первой же с ним ночи. Но ведь сам Гитлер остался жив! Что скверно: абсолютный идеал достигается лишь тогда, когда оба «возлюбленных» умирают, причем после первой же близости. Подготовительные к соитию слова не важны — главное, они следуют охватившему их влечению к смерти. В идеале гибнут оба.

И в мировой литературе пример такой любви есть! Не удивляйтесь — это Ромео и Джульетта! Да-да! Кто, как не они — символ прекрасной любви в некрофилогенной культуре!

Установившийся взгляд на сущность их взаимоотношений следующий: в 13-15 лет двое молодых людей противостали духу убийства, переполнявшего оба их враждующих семейства, и полюбили друг друга непорочной, как само небо, неземной любовью, но, в результате интриг и стечения роковых обстоятельств, убили себя, тем подтвердив надмирность своих чувств. Можно ожидать, что найдутся начитанные в литературоведческой литературе люди, которые не согласятся, что взаимоотношения Ромео и Джульетты есть квинтэссенция некрофи-

лии: дескать, когда Ромео закалывал себя рядом со спящей Джульеттой, в которой он угадал труп, то это была *просто* ошибка. Нет, не просто.

Можно не вдаваться в обсуждение того, ввиду каких особенностей его психики Ромео вместо живого человека померещился труп, достаточно просто упомянуть, что каждый человек водим или духом истины, или духом заблуждения (убийства), а которым из них был водим Ромео, недвусмысленно следует из того, что *он ошибся* — на самом деле Джульетта была жива-здорова. (Вспомним заповеди: «не убий» подразумевает уважительное отношение не только к чужой жизни, но и к своей.) Тем же духом явно была водима и Джульетта, которая совершила один провоцирующий поступок за другим.

Таким образом, оба они были плоть от плоти своих семейств, они все те же Монтекки и Капулетти, что видно из того, что они друг друга убили. Да, они дети, но дети, как правило, меняют лишь формы греха, по сути оставаясь верными своим родителям — Ромео и Джульетта доказали это обоюдным убийством. Вот если бы у них выросли психически уравновешенные дети с неавторитарным мышлением, то только тогда можно было бы говорить, что ни Ромео, ни Джульетта не являются единосборцами от своих враждующих семейств. Как раз-то дети враждующих несовместимых семейств могут влюбиться друг в друга и притом страстно.

Вот так. Вызывающий всеобщий восторг мировой символ прекрасной любви на поверку оказался некрофилическим — и это не случайно. Как не случайно и то, что женская половина Германии признала Гитлера восхитительным героем-любовником. А он такой и есть — в определенном смысле. Гитлер — это выросший Ромео. Чтобы убедить, что это так, достаточно сравнить описание чувств в трагедии Шекспира с описанием переживаний Гитлера по отношению к объекту своей первой любви: будущей вдове полковника, а в девичестве — фройляйн Стефани.

Однако Гитлер и Ромео — некрофилы ярчайшие и как бы в обыденной жизни не типичные.

Не все некрофилы получают от окружающих поклонение и возможность проявить себя в полной мере, но Гитлеру и его милой Ренате Мюллер, перед которой он ползал на карачках, благоговеющий немецкий народ это сделать позволил. Гитлер проявил себя более чем в 50 миллионах трупов и невероятных пространствах изуродованной земли, и лишь затем сделал труп и из самого себя. Его «возлюбленная», по сути, продельвала то же самое, но иначе, по-женски, заворачивая любителей фильмов, заставляя их переживать так, как *она* того хочет, понимать жизнь так, как *ее* в свое время «научили». Она-таки народ научила и лишь затем покончила с собой, то есть полностью самовыразилась.

Обычный же некрофил, тот, с которым вы сотрудничаете на работе, который прижимается к вам в метро и, возможно, улыбается вам с соседней подушки, не может себе всего этого позволить, не только по-

тому, что взоры обожающей толпы направлены к более ярким, чем он, но и просто из трусости. Вот если бы ему создали условия...

Изучающих историю поражает то однообразие метаморфоз, которые происходили с двенадцатью первыми императорами Римской империи, когда они дорывались до власти, то есть с теми, кому «создавали условия». Не все они были импотентами, подобно Нерону, которому уже к тридцати годам приходилось прибегать к невероятным усилиям и ухищрениям, чтобы хоть что-то изобразить. Напротив, император Тиберий, при котором был распят Христос, был активен, как гласит легенда, и под семьдесят — он был гомосексуалистом или, вернее, бисексуалом, многое о его проделках сохранила история, но втягивал ли он *через поздри* мочу своих возлюбленных юношей, как это нередко бывало (и бывает?) в жизни индивидов императорского типа, — свидетельств не сохранилось. Очень может быть, потому и не сохранилось, что современные Тиберию историки, получая о том свидетельств, не могли в это поверить: как такое может быть, чтобы *император* — и такое? И у кого? У *случайного* мальчишки? Восхищенные сенаторы признали Тиберия божественным.

Что касается собственно интимных взаимоотношений, то некрофилы сексуально несостоятельны отчасти еще и потому, что они попросту бездарны. Но у них есть способность внушить (энергетически принудить) признание своей божественности во всех отношениях, и в половой в том числе. В известных экспериментах XIX века выяснилось, что в гипнотическом трансе рядом с подавляющим индивидом женщины сомнамбулического типа начинали выделять имитирующие коитус движения и подчас доходили до оргазма, или, скорее, его имитации. Причем в этих телодвижениях угадывалась реализация подавленных инцестуальных желаний. (К примеру, они могли «работать» с грандиозным по размерам пенисом. Это — проявление грез 5-летнего возраста. Маленькая девочка, подсмотрев особенности строения тела отца, сравнивает размеры этих «особенностей» со своим маленьким тельцем — и на всю жизнь запоминает *соотношение*.) Но если всю эту последовательность движений, включая последующее утверждение дамы, что она, *действительно, была* в интимной близости с индуктором некрополя, несмотря на уверения в обратном многих присутствовавших при этом наблюдателей, назвать простым, но отчетливым словом, то это — просто детский онанизм (некрофилический). Итак, в идеале, «половой акт» в любовной комбинации «некрофил — некрофилка» проходит в виде сеанса обоюдного онанизма («мягкий» вариант некросекса), в котором физиологический контакт не обязателен. Но провести сеанс онанизма без непосредственного телесного контакта доступно не всякому некрофилу — может не хватить силы некрополя. Большой их части приходится прибегать к дополнительным ухищрениям. Среди прочего и раздражать так называемые эрогенные зоны. Но и это опять-таки не всем из них доступно — отсюда и один из типов фригидности, когда нет ни некрофилического экстаза, ни счастья биофильной близости. Поэтому не удивляйтесь, когда видите девушку сомнамбуличе-

ского типа с воспаленным болезненным взором, с некрофилически поджатыми губами, исхудавшую, или напряженную, или обрюзгшую, которая, несмотря ни на что, с восторгом хвастается подружкам своим принохивающимся импотентом.

Изучать повадки некрофилических пар затруднительно, поскольку они избегают психотерапевтов и психологов, во всяком случае, неподдающихся. Они довольны собой разве что не беспредельно, и что-либо в себе улучшать они не считают нужным. Изучать приходится уже последствия их так называемой жизнедеятельности: оказывая помощь их обезволенным или аутичным детям.

Если же по недосмотру или недомыслию некрофилическая пара допустила до себя человека, который может указать Того, Кто может помочь, или, увлекшись, допустили освобождение от некоторых травм, то дальнейшие сеансы ими немедленно прекращаются. Если пациента, у которого долгие годы была парализована рука, в течение минуты вылечили, и рука стала действовать, то не стоит удивляться, что через несколько дней этот пациент заявит, что в психотерапевтические методы он *не верит*. Этот вариант встречается настолько часто, что к этому быстро привыкаешь.

Впрочем, некрофилы могут стремиться к некрофилическому, так называемому, целительству. Здесь на подсознательном уровне самое для них привлекательное — это возможность в результате «исцеления» одной болезни получить новую болезнь в виде новой психоэнергетической травмы и тем самым еще на шаг приблизиться к смерти.

То же стремление, очевидно, определяет выбор и при поиске эротического партнера. Ценность партнера, по сути, определяется его способностью вводить в состояние кайфа, восторга опьянения, наносить травмы, и, в итоге, доводить до холуйского состояния. Это в особенности справедливо для тех некрофилов, у которых удовольствие от *самоубийства* преобладает над удовольствием убивать *других*, которые главным объектом убийства выбирают не ближнего, а себя.

Для некрофилов величественность убедительна в любой форме, величественным же воспринимается только унижающий всех вокруг яркий некрофил. Впрочем, на ранних этапах становления или в случае неудач чисто сексуальных, некрофил может оказаться рядом с жухлой, и даже с биофилкой, но... В конце концов — разве не все повторяют: когда тебя понимают, в этом *что-то есть!*

Третий вид союза равных — «**биофил — биофилка**». Такие пары есть, хотя для населения они кажутся чем-то неестественным, непризнанным, нетипичным, а потому неубедительным, даже в среде тех, кто с профессиональным шиком научился перелистывать Библию. Подтверждение тому — популярные богословские толкования «Песни Песней» Соломона. (Мы ее уже цитировали: груди, пальмы и так далее.) Расскажем коротко о содержании этой книги, расположенной как раз в сердцевине канонической Библии. Он — царь этой страны, и — прекрасен. Она — молода и прекрасна, в своей семье любима, пасет овец. Действующих лиц в песне более, чем двое, есть еще хор друзей и хор под-

ружек, поэтому понять русский синодальный перевод, в котором слова всех участвующих лиц идут без разделений, сплошным текстом, — трудно. Иными словами: реплики действующих лиц в переводах, так же как и на иврите, никак графически не разделены. Но подлинник иной. Во-первых, «Песня Песней» произведение поэтическое, поэтому изменение размера стиха, его ритма (коих на Востоке в несколько раз больше, чем у народов северных, в частности, у русского), с легкостью позволяет различить слова одного персонажа от слов другого. Во-вторых, отчетливости восприятия способствуют особенности окончаний слов в еврейском языке, по которым ясно, кто в данный момент говорит: мужчина или женщина. Поэтому в древнееврейском подлиннике не было необходимости как-либо дополнительно (скажем, графически) выделять пол говорящего — все и так было сразу понятно. К сожалению, читатели переводов этого ясного понимания лишены, а переводчики православного синодального перевода никак не позаботились как-либо графически выделить личность говорящего, так что для человека в чтении малоопытного прекрасный текст «Песни Песней» малопонятен.

Итак, Он и Она, Царь и его Возлюбленная... И оба они биофилы... Что тут можно добавить? Чтобы понимать — надо пережить, хотя понимающих мало: дар высокой биофилии принимает только один из тысяч и, может быть, даже миллионов. Но так же, как человек, ничего не слышав о Христе, черпая лишь из родовой памяти, лишь сухо догадывается о Его существовании, о смысле Его на нашей мятежной планете служения, точно так же человек лишь отчасти может догадаться, какой красоты цветок расцвел у чистой души девушки и пророка Соломона. **Да, сверхнаслаждение в эросе появляется тогда и только тогда, когда двое, и он и она, вложат свои руки в ладонь Божию.** И Соломон, и Суламита — оба протянули руки и насладились прекраснейшим из цветков.

Судьба Соломона отличалась от судеб прочих царей тем, что Сам Бог говорил с ним и прорек:

«Проси, что дать тебе».

«И сказал Соломон: ...Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что — зло... И благоугодно было Господу, что Соломон просил этого.

И сказал ему Бог: „За то, что ты просил этого, и не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе душ врагов твоих, но просил себе разума, чтобы судить, вот я сделаю по слову твоему. Вот я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе. И то чего ты не просил, Я дам тебе...”» (3 Цар. 3:5-13).

И естественно:

«Этот стан твой похож на пальму, и груди твои на виноградные кисти. Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее; и груди твои были бы вместо кистей винограда...» (Песн. Песн. 7:8, 9).

Этого мудрый Соломон не просил, но среди прочего и это даровал ему Бог, ибо «сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:27). Он создал

мужчину и женщину. И, очевидно, биофилу Соломону Бог подарил такую же, как он — биофилку. Естественно, что Соломон воспел ее груди. А остальное? Может, постеснялся?

«Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой — мне; он пасет между лилиями» (Песн. Песн. 6:3).

Работа пастуха известна — хлопотная; овец влечет куда-то, — и пастуху забота: за ними то туда, то сюда, то туда, то сюда... А вот что такое лилии? Для поверхностного читателя соблазн: *буквальные* лилии. А как в тексте?

«Живот твой, круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино; чрево твоё ворох пшеницы, обставленный лилиями...» (Песн. Песн. 7:3). Именно между этими «лилиями» он и «пасет».

Однако некрофилического склада богословом понимание «Песни Песней» как шедевра лирики именно любовно-эротической чуждо. Богословы, признанные иудейским народом, то есть те, которых Иисус осудил за казарменно-солдафонское перетолковывание Писаний, немало положили сил, чтобы исказить Божье учение. В частности, те самые толкования, которые осудил Иисус, распявшие его иудеи позднее объединили в книгу под названием «Талмуд». Несколько позднее те же национал-признанные богословы самовыразились отчетливо: Царь из «Песни Песней» — это символ Господа-Иеговы и одновременно народа Божьего, то есть еврейского, а Возлюбленная — это та, которую многие столетия ожидали и Господь, и еврейский народ — это Талмуд!! В таком случае, груди Возлюбленной Соломона, надо полагать, есть символ какой-нибудь талмудической главы, скажем о беззаветном почитании раввинов. Еще бы: их две — правая и левая... Двойное почитание: как учителя и как *еврея*... Но что же тогда лилии?..

Богословы, признанные другими народами, возможно, ничего не зная про еврейские толкования, тем не менее, с еврейскими созвучны: не об эротике, дескать, речь в Песне Песней, это «духовная» аллегория. Царь — это символ Христа, а Возлюбленная — это символ чистой его общенациональной церковной организации — их, разумеется. Лилии, надо полагать, тоже символ — баранов, которых признанные *пасут*.

Мы не будем спорить ни с иудейскими богословами, ни с иными национал-признанными. Более того, мы догадываемся, что взаимоотношения этих богословов со своими супругами таковы, и такая «любовь» их на брачном ложе ожидает, что не хочется воспевать ни ее стана, ни ее грудей, ни тем более лилий — потому и толкуют «Песню Песней» «духовно». Что поделаешь, каждому свое, признанные богословы в своих женах получили то, что заслуживают, биофилки же созвучны душе и телу только биофила.

Итак, мы рассмотрели несколько комбинаций эроса: «некрофил — некрофилка», «жухлый — жухлая», «биофил — биофилка», а на примере Наташи Ростовской и Анатоля — «биофилка (в широком смысле слова) — некрофил». Мы отказались, ввиду отсутствия опыта, обсуждать комбинации «некрофил — некрофил» (гомики, «голубые») и «некрофилка — некрофилка» (лесбиянки, «розовые»), но чисто интуитивно

но предполагаем, что тот тип читателя, к которому мы, собственно, и обращаемся, о психоэнергетических прелестях подобных комбинаций догадывается.

Нам еще осталось рассмотреть комбинации: **«некрофил — жухлая»** и **«жухлый — некрофилка»**.

В первом варианте, «некрофил — жухлая», все, во многом, происходит так же, как и у Наташи с Анатолом: поначалу страсть, маниакальное (возбужденно-восторженно-воспаленное) состояние, отключение критического мышления, ненависть к тем, кто предлагает осмыслить происходящее, с той лишь разницей — принципиальнейшей! — что в Наташе была та жилочка, которая приводит к «обновлению нравственной физиономии», а жухлые в себе таким «жилочкам» появляться не позволяют. В результате мужчину в такой паре совесть не обличает, что снижает уровень раздрожения и агрессивности («равнодушие»), он просто презрительно относится к «недотепе», которая не может вызвать ни восхищения и уважения у него, ни страстной любви у других. Женщина же в такой паре после завершения периода страсти и, как следствие, начала болезней, чувствует себя очень спокойно (апатично, тупо), потому что тот орган, который может предупредить об опасности и подсказать путь к полноценной жизни, подавлен вплоть до полного уничтожения. Она просто выполняет приказания (в том числе, устраивает ему истерики, только когда ему это нужно для компенсации его к подчиненным садизма), словом, «сходит по нему с ума», влюблена, «ошалела от счастья». (Однако «спокойствие» возможно лишь до определенного уровня силы некрополя — выше начинаются острые боли от заболваний внутренних органов, вырождение детей, преследование за уголовные преступления. Избиения от него ее счастья не нарушают.)

Если дамы идут на образование подобных союзов, нисколько не сомневаясь (а *чем* ей сомневаться?), то *он* вступает в брак только в том случае, если ему это выгодно. Например, подходит день выпуска из престижного военного училища, и новоиспеченных лейтенантов вот-вот должны разослать по дальним «точкам», вокруг которых в радиусе ста километров только медведицы и подчиненные солдаты. Необходимо срочно жениться, да так, чтобы она была согласна с ним ехать. Мечта — ярконекрофильная красавица. Но в окрестностях подходящих по возрасту «ярких» претенденток ограниченное число, кроме того, конкуренцию составляют местные бандиты — яркие предпочитают их. В результате многие лейтенанты вынуждены жениться на том, что остается — на жухлых. Подобные ситуации встречаются и в среде священнослужителей: как будущему ортодоксальному священнику, так и будущему протестантскому пастору прихода не дадут, если он хотя бы за сутки до назначения не обзаведется супругой. Как у лейтенантов, так и у этого типа священнослужителей семьи и дети неотличимо похожи. Так что, женщины несколько ошибаются, когда говорят, что по-настоящему большую любовь может себе позволить только очень богатая женщина. Дело не только в размерах приданого.

Итак, комбинация «некрофил — жухлая» оказалась в одной комнате. Она счастлива, как Наташа с Анатолом, он — спокойно улыбается. Поводов для ревности нет: такого, как его супруга, «добра» он найдет много где угодно. Она выкрутасничает только по заказу, а состояние униженности рядом с супругом компенсирует садистской властью над детьми — и называется это *воспитанием*. Дети, естественно, вырастают с авторитарным умом (Толстой называл такого рода ум кастрированным), — они будущие дисциплинированные солдаты и офицеры армий Наполеона, Гитлера и иже с ними. Во все века именно таких тупых исполнителей называли добропорядочными гражданами, защитниками Родины (которые, если и будут на территории противника брать за ножки младенцев и разбивать им головы об углы строений, то не по собственному почину, а только выполняя приказ), добрыми прихожанами (если, конечно, они вдруг не родятся свыше), примерными семьянинами и т. п.

Разумеется, *он* (некрофил) тоскует по некогда в прошлом случившейся в его жизни большой любви, но с супругой не разводится из-за детей и удобства мертвенно устоявшихся привычек, а если и канализирует нереализованные потребности в холуйстве, то делает это со шлюхами или за стаканом водки в обществе себе подобных. Литературный пример — Стива Облонский и его жена Долли: она прощает ему измены, рождает от него детей, которые будут, по понятиям некрофилогенной культуры, приличными людьми.

Как мы уже сказали, женщины в таких комбинациях тупы беспредельно. Но перехитрить их невозможно, потому что они «понимают» только внушения, причем от своего вождя. Способность женщины на интриги говорит о том, что она относится к другой комбинации, в которой муж более порядочен, чем она. Интриганки никогда не бывают счастливы, это столь очевидно, что в бульварных видах искусства (кино, театр, журналы), чтобы вызвать у потребителей желание отождествить себя с «хорошей» героиней, ее делают беспробудно тупой, изъясняющейся исключительно междометиями и короткими фразами. Тем бульварное искусство и отличается от высокого, что у Толстого Наташа глупа обоснованно: она живет в одном доме с вором. Выйдя из-под его влияния, а тем более, оказавшись рядом с биофилом, женщина интеллектуально воспаряет. В бульварном искусстве все необоснованно: даже мать Иисуса во всех экранизациях изъясняется междометиями как экстатичная истеричка, что невозможно хотя бы потому, что она замужем за Иосифом, человеком Божьим, а, следовательно, мудрым и недавающим. Отсюда, мать Иисуса не могла быть нездоровой, невыносливой и неумной.

Совершенно иная картина наблюдается в семьях при противоположной полярности: **«жухлый — некрофилка»**. Таких браков существенно больше, потому что под венец в наше время мужчину можно отвести только в энергетической узде. Итак, *она*, если *его* не замучит в браке до смерти и не разведется, будет вечно демонстрировать свое недовольство и непрерывно шпынять своего супруга. Он же будет только вздыхать. Свой над мужем садизм она вынуждена компенсировать на

детях в виде мазохистских импульсов по отношению к одному из них — мальчику, если таковой имеется (скажем, становится перед ним на колени и целовать ему ноги). Такие мальчики вырастают с совершенно определенными чертами характера — ярконекрофилическими. Именно «необъяснимое» обожание матери и является, по мнению Фромма, важнейшим из известных ему корней деструктивного характера. (Фромм признает, что, возможно, есть еще более важные, но он их не выявил.) Мы бы продолжили мысль Фромма: фактором развития некрофилии является сама психика матери, способной в семье доминировать, садо-мазохизм прививается ребенку еще на внутриутробной стадии развития. Сиротство такого мальчика полностью не спасет.

Именно в семьях типа «жухлый — некрофилка» воспитывались и Гитлер, и Наполеон — предводители воспитанников семей «некрофил — жухлая». Свидетельства об отцах Гитлера и Наполеона однотипны: полностью под каблуком жены, оба средней руки чиновники, безынициативны. Матери — напротив, были весьма активны, и, не стесняясь, компенсировали свои садистские по отношению к мужу импульсы мазохистскими по отношению к сыновьям.

Самоубийства молодых женщин — явление не частое: по статистике, на одно серьезное намерение приходится десять имитаций, цель которых — обрести над кем-то власть. Поэтому действительное самоубийство от страстной любви — свидетельство о характере объекта страсти не менее верное, чем его восторги по поводу испражнений или характерные сны. Подобно тому, как после общения с Гитлером многие женщины стрелялись, покончила жизнь самоубийством и одна из любовниц *любимого сына* Софьи Андреевны, Андрея, — княжна Елена Гуриели. Уже по одному толку имени сына — Софья Андреевна назвала его в честь своего отца, Андреев в роду Льва Николаевича не было — можно догадаться, что этот сын был у не способной понять мужа Софьи Андреевны любимцем. Ввиду чего и стал, естественно, среди братьев наиболее отпетым негодяем. Это проявлялось, разумеется, не только в том, что застрелилась Елена Гуриели, но и в том, что он вообще отличался в своей семье жестокостью, хамством, бесстыдством, с которым он влезал в долги, а затем требовал у отца еще и еще денег на карточную игру; отличался он и тем, что *женщины* сходили по нему с ума (побеждали в конкуренции, преимущественно, дочери генералов, но были и блудливые жены губернаторов; можно также вспомнить, что та же женщина, что выделила в интимном смысле дурно пахнущего Гришку Распутина, приблизила к себе и Андрея Толстого — это была великая княжна Ольга Николаевна Романова, старшая дочь последнего российского императора). Неудивительно, что такой человек быстро стал высокопоставленным чиновником министерства внутренних дел, успешным предпринимателем, и был представлен к награде за храбрость в русско-японской войне 1905 года. Позднее мы еще вернемся к Андрею Львовичу Толстому и особенностям характера нелюбимой дочери Софьи Андреевны, Маши, а сейчас только обратим внимание, что Лев Николаевич был полностью устранен от воспита-

ния этого своего сына, который был полностью предан матери даже в ее самые подлые минуты жизни, ненавидел отца, был чужд его образу жизни и учению, но церковные обряды государственной религии не пропускал, регулярно причащался; после ранней смерти сына Софья Андреевна говорила, что *не знает, как жить дальше*.

Таким образом, по одному только деструктивному характеру любимого сына можно воссоздать не только истинный характер матери (даже ничего не зная про ее сны о расчленении младенцев и страсти к результатам дефекации), но и узнать, что отец его не был главой семьи, был более *жухлым* или биофилом. Это так — какие бы ругательства ему, а себе оды она, расхваливая и возвеличивая себя, ни сочиняла в своем дневнике. Семьи такого рода все одинаковы.

Да, вот такая оказывается при ближайшем рассмотрении царствующая на нашей планете «*любовь*». Это, оказывается, когда лижут бьющую руку, и чем сильнее бьют — с тем большим *восторгом* лижут.

Остается только удивляться нахальству стадионных евангелистов, которые внушают толпе, утратившей от скопления себе подобных какое бы то ни было критическое мышление, что Божья любовь — это нечто особенное, невообразимое, сладкое, отголосок которой достиг всякого, кто в молодости *любил*. Дескать, переходите в наше стадо, мы будем вам пастырями и научим любви Божьей. Какое нахальство!

Согласно Библии, людей, желающих (согласных) знать Бога, во все века бывало ничтожно мало, а раз так, раз люди не знают Бога, то *они не могут знать и что такое любовь*, в том числе и эротическая, поскольку любовь — истинная! — исходит от Бога. Не могут познать, какие бы собственные усилия для этого ни прикладывали. Под слово «любовь» признанные проповедники неизменно подлаживают свой опыт, а он некрофилический. И их стадо — именно стадо с авторитарными (пусть скрытыми) взаимоотношениями и соответствующим сексом. Некрофилическим.

Словом, все наоборот, как только и может быть в мире, в котором прародители — *павшие* Адам и Ева.

Но надежда есть! Есть и любовь, возможно и эротическое наслаждение, причем такой силы, что ради него одного стоит стать христианином.

Однако вернемся к некрофилам ярким и жухлым и комбинациям их друг с другом. Итак, брачный союз «некрофил — жухлая» при прочих равных условиях (социальное равенство, соответствие темпераментов и т. п.) несравнимо более устойчив, чем союз некрофила с биофилой (в высоком смысле слова), по той простой причине, что с жухлой некрофил не мучается от обличений совести. Обличение совести приемлемо для человека развивающегося: перед ним открывают новую ступень — более высокую. Для человека же погибшего обличение совести болезненно, а о силе боли мы можем судить по тому, что Христа распяли. Ведь Христа, по большому счету, за то и убили, что возникла рядом с Ним мысль: «*А стоит ли жить так, как живут все? И почему я — как все?*»

Рядом с жухлыми такие мысли возникают редко, совесть безжизненна, и уже за одно это жухлым некрофилами могут быть благодарными. А еще жухлые хороши тем, что их можно бить, не обязательно в прямом смысле, а они тебя, вместо того, чтобы под зад коленом, будут обожать, восхищаться, а молотить будут друг друга.

Что же касается собственно генитальных упражнений, то некрофил хотя и бездарен, поскольку не умеет ни расслабить, ни многое чего другого *не может*, но приспособился тем, что энергетически кодирует на восхищение собой вообще и как любовником, в частности. Жалко, конечно, обездоленного сексом жухлого: внушенный восторг, разумеется, *не то*, но чересчур жалостью не увлекайтесь и не забывайте, что «жухлый» — это все-таки некрофил, и не приведи Господи, чтобы судьба дала ему возможность самовыразиться полностью, наступив на горло нашей с вами жизни.

Такого рода взаимоотношения, когда партнер оглушает, ограничивает, сужает сознание и, в общем-то, ничего не в состоянии дать, кроме болезненного галлюцинирования, миража взаимоотношений, подозрительно похожи на взаимоотношения наркотиков и наркомана. Казалось бы, наркоман сам делает себе инъекцию, да похваливает и собой кичится, но невозможно не заметить, с какой скоростью он деградирует и перестает быть хозяином своих желаний. Однако бросать он не хочет, для него, как показывают исследования, зелье — это способ самоубийства, самоубийства *медленного*, поскольку на более простой и быстрый у него не хватает ни решимости, ни храбрости. Так и яркий некрофил, скалящийся с соседней подушки, — для жухлого, в конечном счете, тот же способ медленного самоубийства. Жухлый тянется к некросу (смерти), не стоит на месте, и — подобно алкоголику, который окончательно теряет интеллект, половые способности и волю, — жухлый или жухлая на одной простыне с некрофилом постепенно утрачивает все то же самое (тело памяти, сознания, душу вообще).

Инициатором разрыва брачной комбинации «некрофил — жухлая» может быть и сам яркий некрофил — скажем, в ситуации, когда он взобрался по иерархической лестнице достаточно высоко, все перед ним стоят на четвереньках, а ему не перед кем. В таком случае он будет искать себе женщину того же типа, которых находил себе фюрер, чтобы, впадая перед ней в нужное ему мазохистское состояние, соблюсти привычный баланс «садо-мазо». Это распространенная жизненная схема чиновников, военных и начальников во всех иерархиях.

Причина, почему деятели искусств, чей садо-мазохизм проявляется, прежде всего, в эксгибиционизме, предпочитают в своем «творчестве» страстную любовь торгашески-бюргерской, проста. Актер только тогда в состоянии заставить зрителя «верить» в создаваемый им образ, когда обладает достаточной силой некрополем или, как выражаются с претензией на изящность, обладает талантом. Признаннейшие из актеров, естественно, к жухлым не относятся. Соответственно, для ярких игра в любовь «жухлый — жухлая» попросту недоступна, это будет неубедительно. Отстаивая свое «я», они обречены внушать своими сце-

ническими образами, что во взаимоотношениях двоих единственно приемлемый вариант — страстная холуйская любовь. Торгашески-бюргерская любовь в их исполнении смешна и отвратительна не потому, что она смешней и отвратительней любви страстной, а потому, что по незнанию «игры» смешна и отвратительна их игра. Таким образом, пытаясь постичь жизнь через те виды искусства, в которых участвуют актеры, мы обречены на внушение, что наилучший вид взаимоотношений — это садо-мазохистская болезненная зависимость. Другого ничего они сыграть не умеют. (Отсюда два следствия: во-первых, здоровый человек фильмами и театром не увлекается, а во-вторых, закономерно то, что всякий фильм о Христе вызывает ощущение фальши: ни Христа, ни апостолов *убедительно* сыграть невозможно.)

Нам еще осталось рассмотреть три гипотетических комбинации, когда один из партнеров относится к биофилам в высоком смысле слова. Гипотетические же они потому, что принципиально невозможны. Бог устами апостола Павла заповедует: *«Не преклоняйтесь под чужое ярмо (не вступайте в брак) с неверными. Ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света со тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным? Какая совместимость храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живого, как сказал Бог: „вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут моим народом. И потому выйдете из среды их и отделитесь, говорит Господь и не прикасайтесь к нечистому, и я приму вас; и буду вам Отцем, и вы будете моими сынами и дочерьми, говорит Господь Вседержитель”»* (2 Кор. 6:14-18).

Для сформировавшегося биофила союз с ярким некрофилом или даже с некрофилом жухлым попросту невозможен, потому что ярмо будет тереть шею. А выражаясь проще: тоска зеленая с этими некрофилами, за шмотками гоняться, плохие фильмы смотреть, напиваться да поклоняться какому-нибудь садо-мазохисту — разве это не тоска?

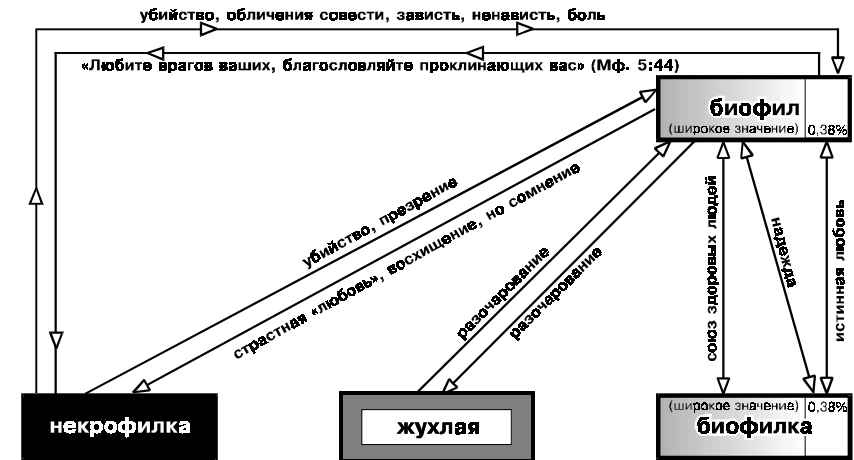
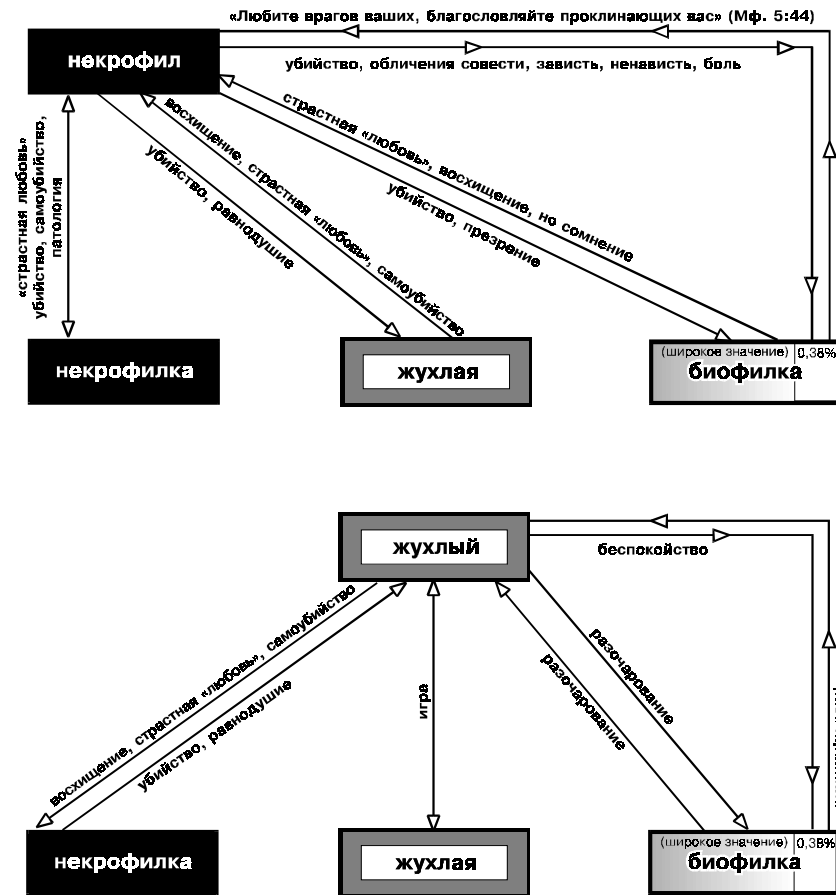
Термин «биофил» мы договорились употреблять в двух смыслах: первый — смысл высокий, единение со Христом, второй — широкий, он обозначает всего лишь наименее давящие 20 % населения. Разумеется, с ними недостижим тот уровень наслаждения (и эротического тоже), который возможен с *половинкой*. Но, положив руку на сердце, скажите, можете ли вы назвать кого-нибудь из своих знакомых, кто доверился Богу настолько, что позволил Ему соединить себя с другой по-настоящему биофильной *половинкой*?

Что же касается эроса с биофилом/биофилкой (в широком смысле слова), то жухлому или жухлой он будет ну чрезвычайно-а-айно приятен, хотя если не будет отдан соответствующий приказ кем-либо из отдающих приказы, то жухлый так и не решится признаться себе, что ему *хорошо*. Если союз с биофилом состоится, и если не поступит внушения извне (мама, папа, руководитель секты, авторитетная подруга), что союз этот — трагическая ошибка, то он будет достаточно стабилен.

Еще одной причиной развала союза «биофил(ка) — жухлая(ый)» может быть вторжение яркого некрофила, которому взбрело в голову

повеличаться, подлечиться и поубивать, и он захотел поиметь именно эту данную биофилку. Продолжительность существования новой комбинации зависит от потребностей пользователя и врожденного здоровья биофила, насколько долго он (она) сможет представлять товарную ценность для овладевшего им яркого некрофила, ведь все в биофиле: здоровье, тонус, силы, ум и т. п. будет истощаться по мере умножения психоэнергетических травм.

Поскольку не существует принципиальной разницы в закономерностях развития «некрофил — жухлая» от комбинации «некрофилка — жухлый», то мы переходим к составлению сводной схемы:

Внимательный читатель, наверное, обратил внимание, что биофилы (в высоком смысле слова) занимают в схеме особенное место не только своим предельно правым положением. Они, и это главное, не составляют — да и не могут — брачных союзов с представителями других групп*. Это, естественно, не потому, что так советовал Моисей или апостол Павел, а потому, что им хочется иметь жизнь и жизнь с избытком. *Им хочется любить! Им хочется, чтобы их любили!*

От них, биофилов в высоком смысле, стрелка, обозначающая комбинацию эроса, идет только в сторону себе подобному. Разумеется, некое эмоциональное отношение к остальным категориям населения у них есть (что и отражено в схеме), но оно к так называемым *сильным чувствам* не относится. К ним же они есть — и от жухлых, и от ярких. Причем, от ярких прежде всего: яркие завидуют не жухлым, а только биофилам. Но, как мы уже видели в случае со страдающей проституткой, сей сладкий корень не про них.

Одним меняться свойственно, другим — нет. Нас, разумеется, интересует возрастание в высоком смысле слова, биофильном. Вместе с эволюцией души человека меняются и его эротические предпочтения. Как бы убедительно ни воспевали поэты — садо-мазохисты — стерильно чистую (рупофобия) семнадцатилетнюю барышню (которую любой специалист отнес бы просто к анально-накопительскому типу), это не более чем разоблачение скрываемого ими основополагающего свойства характера. Реальность, детские внутрисемейные любовные переживания

* Напомним, что биофил (в высоком смысле слова) — это состояние не врожденное, но дарованное Богом в дар любящим Его («рождение свыше»). До этого, конечно, человек мог «наломать дров», обессиливаясь в несчастных браках, и именно освобождение от «железа» предыдущей жизни, постижение закономерностей своих несчастий и помогает обезопасить себя от подобных ошибок в будущем.

ния порождают комплекс Эдипа (Электры). *Внесемейные* «любовные» притяжения до супружества возникают во множестве, но запоминаются не все — только те, которые каким-либо образом были связаны с травмами буквальными или психоэнергетическими. «Первая любовь», как почти немедленно выясняется в процессе лечебного психокатарсиса, отличается от предыдущих и последующих, прежде всего, тем, что это была первая достаточной силы психоэнергетическая травма от лица противоположного пола. Остальные же влюбления для разных категорий нашей схемы имеют разный смысл и разную продолжительность самообмана. Скажем, для некрофила ценность любовного треугольника во многом — это просто факт измены как таковой, причиняющей боль другому человеку, это острое наслаждение от уничтожения ближнего. Для жухлого, ввиду большого разнообразия вариантов — некрофилка, жухлая, биофилка, — возникает большая возможность запутаться, если он, конечно, не меняет женщин таким образом, что знакомые даже не в состоянии заметить смены объекта: так похожи друг на друга эти дамы. Несформировавшийся биофил, как и прочие, подвержен влечениям, но от хорошего к лучшему он движется не по прямой. Но этот маршрут вполне закономерен. Он-то нас в этой книге более всего и интересует.

Мы не знаем, какие были любовные увлечения у Наташи Ростовой, когда ей было пять лет, или когда ей было десять, но они были, хотя она сама вряд ли смогла бы их в подробностях вспомнить. На страницах «Войны и мира» мы встречаем Наташу уже взрослой невестой 13-ти лет. Нам, правда, сообщается, что несколько раньше Наташа была влюблена в Пьера, тогда еще не того Пьера, к которому мы проникаемся уважением, а двадцатилетнего мальчишку, хоть и одаренного, но все-таки не более чем мальчишку, не научившегося противостоять желаниям некрофилов. Была тринадцатилетняя Наташа влюблена и в учителя танцев и, кажется, еще в кого-то. При нашей с ней встрече она как раз клялась в любви *на всю жизнь* Борису Друбецкому — единственному в тот момент молодому человеку, имеющему в их дом доступ, ничтожеству, но в будущем достаточно успешному, услужливому и корыстному карьеристу, *жухлому*. Позднее, кажется, еще в первом томе, чуткая и впечатлительная Наташа влюбляется в князя Андрея, несравненно более значимого и знатного, чем жухлый Борис.

Князь Андрей по множеству в тексте на его счет возвышающих эпитетов поверхностным читателем воспринимается как герой положительный. А как иначе может оценить обыденный читатель, воспитанный в лжепатриотических традициях советской школы, поступок князя Андрея, когда тот в заграничном походе подхватил из рук убитого знаменосца упавшее знамя и одним только своим присутствием остановил, повернул и увлек за собой в панике бежавший русский полк, повел солдат навстречу смерти? Обыденный читатель обречен воспринимать этот поступок как проявление благородного, достойного восхищения характера. Если же подумать, то очевидно, что сам факт того, что князь Андрей *смог* увлечь бегущих людей за собой *на смерть*, разо-

блачает в нем способность к энергетическому подавлению. Толстой так прямо князя Андрея и характеризует: единственное его стремление, доминирующее над всеми остальными его желаниями — это стремление возвыситься над людьми, достичь славы!

Итак, после жухло-подавляющего Бориса, способного поклонами и угадыванием желаний начальства забраться довольно высоко по иерархической лестнице военного ведомства, Наташа фиксируется на объекте еще более подавляющем — князе Андрее, которому внутри иерархий тесно: он может быть только первым. Восприимчивая, чувствительная Наташа идентифицирует свою фиксацию как любовь, князь Андрей делает предложение, получает согласие и от самой Наташи, и от ее родителей, и далее разворачивается весь признанный ритуал любовных взаимоотношений: улыбки, признания, клятвы, мечты о том, как они будут счастливы, когда поженятся, когда начнут жить вместе, когда появится первый ребенок и т. п. С князем Андреем Наташа это делает с восторгом большим, чем могла бы это делать с Борисом, что закономерно в силу психоэнергетических свойств первого. Однако свадьбе состояться суждено не было, и Толстому нужен был всего лишь повод, чтобы этот брак расстроить. Повод изложен во втором и третьем томах — «измена» Наташи и гибель князя Андрея от раны в низ живота.

Далее был театр с крашеными досками, долженствующими изображать сад, в котором гуляла французская садо-мазохистка, была с мраморной кожей улыбающаяся гадина Элен, был подонок Анатолий, который лишь завершил начатое объединившимися воедино силами зла — так была навязана Наташе «безумная любовь», страсть, или, попросту, болезненная фиксация на травме с рабско-господским рационализированием, та самая страстная любовь, которую подсознательно так не любил Л. Толстой. Но, как говорит Писание, «*для чистого все чисто*» и, переболев свое несчастье, Наташа, не без помощи Пьера, поднялась с «обновленной нравственной физиономией». «Обновленная нравственная физиономия» означает победу над самой собой, победу нравственную: Наташа решила не просто больше не попадать в болезненную ситуацию, но вообще сказать злу — *нет!* Очень может быть, что эта ее «любовная» история была необходимым катализатором (ускорителем развития) ее души, иначе она, возможно, до уровня сочетания с Пьером не доросла бы и к сорока своим годам, — возраст не лучший, чтобы подарить любимому человеку первого своего ребенка.

В каком смысле слова Наташа была биофилкой — в широком или высоком, сказать трудно: и чтобы решить этот вопрос, не надо отождествлять Наташу с ее прототипом, сестрой жены писателя — Таней Берс.

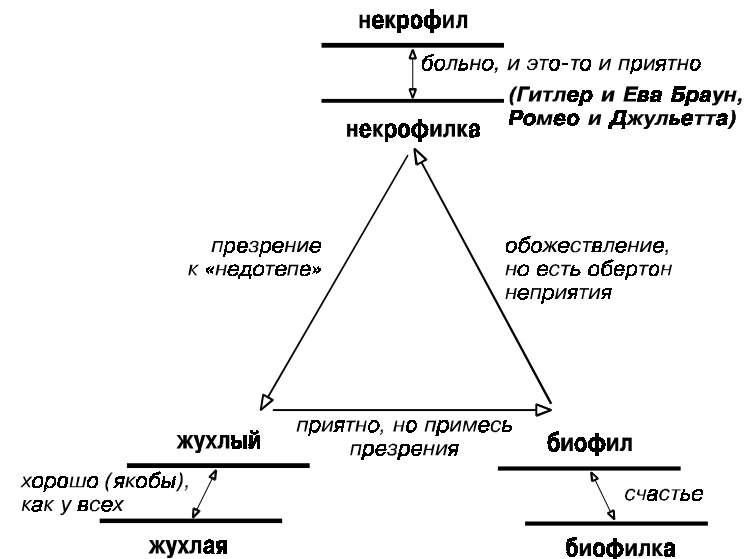
Наташа — это литературный образ, созданный гением, психологическая сверхправда в том числе и его собственной души. Мы уже высказывали мысль, что Наташа могла быть как бы взята из будущего. Но также возможно, что Толстой из глубин своей родовой памяти (т. е. биологически запечатленной в нем коллективной памяти предыдущих поколений, умение пользоваться которой и есть одно из качеств гени-

ального писателя) извлек и описал душу девушки, биофилки в высоком смысле этого слова, которая одна только и могла быть для него спутницей на избранном им трудном пути. Наташа — нечто существующее, существовавшее или могущее существовать в будущем — бытие ее реально и серьезно. Таня же Берс не более чем плоть — темперамент и психотип — плоть, облекающая возрастающую душу. То, что Наташа не совсем Таня, следует хотя бы уже из того, что Лев Николаевич несколько изменил порядок типов влюблений, реализовавшихся в жизни Тани — и изменил гениально. Но к этому мы еще вернемся — в соответствующей главе. Таня Берс — это тоже очень серьезно.

Динамика смены типов «любковых» увлечений девушки, развивающейся в сторону биофилии, нам кажется не случайной. На первом этапе постижения за любовь принимается просто «игра» — подражание только что увиденным поцелуям: губы Бориса целовали прежде губы куклы, и лишь потом ее. Но игра забывается легко, помнятся лишь травмы. На втором этапе за любовь принимается состояние энергетической подавленности. Это состояние сродни наркотическому опьянению и поэтому требует увеличения доз. Вполне естественно, что от барахла Бориса через «лидера» князя Андрея Наташа добралась до подонка Анатоля. Доза была почти максимальной — Наташа оказалась на грани смерти. Кризис подтолкнул Наташу к поиску благословений в духе, нравственная «физиономия» ее обновилась, и ей был дарован Пьер. К рассмотрению судеб участников — самой Наташи, Пьера, Анатоля, их «прототипов», князя Андрея — мы еще вернемся. Ведь даже в судьбе той же Наташи неясные моменты еще остались. Да, в тот момент, когда Анатолий ее впервые увидел, он восхотел не столько ее, Наташу, сколько свою сестру Элен, которая в данный момент стала «хозяйкином» («наездником») души Наташи. Но этот случай нетипичен или, лучше сказать, ограниченно типичен. Однако, некрофилам, хотя их и тянет к себе подобным, но противоположного пола, тем не менее, биофилки на определенной стадии эротической судьбы нужны. Зачем? Вот к этому-то мы в свое время тоже вернемся.

В начале главы мы говорили о том, что графическое представление всех возможных комбинаций эроса чрезвычайно полезно для осознания, а, следовательно, восприятия закономерностей окружающего мира, причем полезно настолько, что может даже положительно повлиять на судьбу биофильного, т. е. способного к изменению в лучшую сторону, человека. Но еще более полезно сравнить две схемы, систематизирующие одну и ту же группу феноменов.

Если вы, уважаемый сторонник психокатарсиса, хотите, чтобы изложенный материал закрепился в более глубоких слоях вашего сознания, то предлагаем вам *вслух* сформулировать те новшества, которые отличают эту схему от предыдущих. Также сформулируйте, какая из схем удачнее для обучения, или, может быть, они все равноценны? Как бы вы графически изобразили материал, изложенный выше, а также как бы вы организовали в пределах этих схем ваш эротический опыт?

А теперь, какое же отношение этот углубленный взгляд на сексуальное поведение людей имеет к собственно феномену *лечебного* психокатарсиса? Какая от этих знаний польза? А она в том, что для тех, кто способен к психокатарсису более глубокому, чем жена азиатского бандита, открываются пути к формам общения с противоположным полом совершенно удивительные. Очевидно, что теперь некая Наташа сможет, если не раньше вложить свою ладонь в ладонь своего Пьера, то, во всяком случае, значительно быстрее преодолеть неприятность с каким-нибудь Анатодем. «Вычислить», узнать Анатоля ей тоже поможет именно психокатарсис.

Польза очевидна.

Следствий множество.

Но есть одно, которое настолько скандально, что мы считаем необходимым выделить для него пусть и очень коротенькую, но отдельную главу.

Итак:

Глава четырнадцатая.

ОПЯТЬ ПОСТЕЛЬ!

«Как часто нужно иметь женщину?» — спросили одного мудреца далекой древности.

«Всякий раз, когда вы хотите обессилиться», — отвечал признанный философ. И слова его повторяются в веках.

«Дурная женщина обессиливает», — эта мысль в античной литературе встречается чаще, чем в современной. Одни, обладающие школьным умом, в состоянии воспринять совет как приказ, принять его *на веру*. Другие же обладают так называемым греческим (древнегреческим) умом, то есть пытаются во всем найти внутренние связи и причины происходящего. На веру они все подряд не принимают, тем ограждая себя от заблуждений, хотя порой впопыхах не успевают осмыслить и дельный совет.

Между тем все достаточно просто. С женщиной пытаешься расслабиться, чтобы быть «одна плоть», как это и было задумано Создателем. С индуктором некрополя соединиться воедино возможно только в смерти, но, к несчастью, расслабить хоть отчасти, пусть в ничтожной степени, удастся даже очень дурной женщине. В этот-то момент она и отрицает, уничижает, убивает, наносит психоэнергетическую травму, деформирующую энергетическое поле, на уровне тел памяти появляется мусор, что субъективно воспринимается как обессиливание.

— *А разве может быть иначе? Разве может женщина не обессилить?* — удивится нормальный мужчина. Удивился бы и наш Психотерапевт — до встречи с Возлюбленной. И это после опыта двух браков, не считая легких увлечений. — А как же иначе? Естественное... э-э-э... следствие.

Вот в том-то и несчастье, что *естественное*. Некрофилок — тьма, они так привычны, что воспринимаются как нечто единственно возможное, а обессиливание от близости с ними — как естественное следствие.

«А разве может быть иначе?» — уже один только этот недоуменный вопрос несет в себе обилие информации о бедственном состоянии нашего мира. Это и несостоявшиеся судьбы мужчин, которые, при любом числе случившихся в их жизни партнерш, были обречены только на обслуживание некрофилок. Это и реалистичная оценка числа некрофилок, будь то ярких или жухлых, с которыми только устаешь, но обречен верить, что это было *удовольствие*. Это и духовное состояние самих мужчин, которые даже не понимают, что мимо прошла та, особенная и единственная, а еще — носительница духа биофилии.

Исследования ученых показали, что продолжительность полового акта в среднем колеблется от 2 до 10 минут — и это не удивительно. С некрофилькой вообще лучше всего «не донести».

Однако, попробуй, не донеси — и вовсе со свету сживут. Так мужики и существуют: или давай обессиливайся, или со свету сживут, что, по сути, это одно и то же, и не знаешь, что хуже.

Полезно знать, что некроз (омертвление, обессиливание) от близости с обычной женщиной наступает совершенно независимо от тех слов, которые она в *процессе* произносит, или той роли, которую она разыгрывает. «Проститутка» (в психоэнергетическом смысле, т. е. убийца, император, уважаемая женщина) может в лепешку под тобой растрепаться — так тем хуже: единственное следствие — травма будет более болезненная. В этом ее удовольствие: чем больше ей удастся мужчину

расслабить (на самом же деле — деструктурировать сознание), тем опаснее будет внедренный в тело памяти предмет, и тем большую будет он впоследствии пережигать энергию. И кто знает, как долго — может быть, всю жизнь. Так что, если вы хоть немного чувствительный человек, то лучше объяснений в любви у некаявшейся новобрачной не заказывайте.

Итак, дурная женщина обессиливает, начинает неврозами, утягивает к смерти, не только физической, но и духовной. В таком случае от биофильки следует ожидать нечто противоположного: она расслабляет, не деструктурируя сознания; освобождает от неврозов, подставляет плечо, рядом с ней укрепляется здоровье и обретается жизнь вечная.

Представим себе, уважаемый читатель, биофильку в постели. Она лежит нежная, расслабленная, теплая, и ждет вас как самый важный в жизни подарок. (Обратите внимание: *не подарочек*, а подарок.) Вы, наконец, освободились от того интереснейшего дела, которое у вас, как у биофила, спорилось в руках, вы с наслаждением приняли душ, с наслаждением, но нисколько не медля: ведь вас тянет к ней, вам придают силы теплые воспоминания о той невероятной нежности послушания и предугадывания ваших желаний, в которую вы привыкли, но не пресытились погружаться в вашей супружеской постели.

Вы еще только легли, еще лежите плечом к плечу с ней, взявшись за руки, но вы уже близки друг к другу, как при самых нежных объятиях. Состояние духа, души и тела соответствующие. Вы рассказываете о том, что произошло с вами за день, и ей очень приятно вас слушать. А потом рассказывает и жалуется она. «*Выкинь все это из головы!*» — наконец, говорите вы ей, а она вам, — и сорные предметы из тела памяти исчезают. Она, облегченно вздохнув, с улыбкой прикасается к вашему плечу ладонью.

Вы только вслушайтесь в музыку этой фразы! Фразы, навсегда занявшей достойное место в словарях устойчивых выражений: *выкинь все это из головы!* В голове тела памяти, во лбу — мусор забот, но таких забот, которые переросли разумные размеры, которые тяготят более, чем они того достойны. *Выкинь все это из головы!* И из вас, из расслабленных, эти предметы выметаются, как сор. Что это, как не техника лечебного психокатарсиса?!

Она, биофилька, и без того великолепна как любовница, а тут вы еще освободили ее от последнего флера напряжения.

Но мы не будем описывать все то, что с вами, биофильный коллега, как следствие этой волшебной фразы, начинает вытворять ваша биофильная возлюбленная, потому что это было бы уж совсем жестоко по отношению к тем из читателей, которые еще не покаются и, возможно, не сделают этого никогда. И это не на 2 и даже не на 10 минут, уже хотя бы потому, что это всегда творчество, полное неожиданных открытий.

Упражнения по «выбрасыванию из головы» мусора тела памяти приводят к тому, что ваше подсознание привыкает с собой работать самостоятельно, и со временем освобождение от мешающих предметов происходит *просто от их созерцания*. Следовательно, со временем для

самоочистки достаточно просто глубокое расслабление (при необходимости и без него), причем неважно, чем вы будете при этом заниматься: эросом или только к нему готовиться. *Эрос* — это и есть *психокатарсис*, это когда ты, брат, наполняешься силами, когда женщина тебя расширяет, когда ты освобождаешься от неврозов и возрастаешь в жизнь физическую, душевную и духовную, и жизнь эта приходит в избытке. Для нее — тоже.

Но если половой акт — это психокатарсис, то в таком случае и психокатарсис — это, в определенном смысле, половой акт, взаимопроникновение *половинок*, то есть для биофила психокатарсис — это высокое и высочайшее наслаждение. Да, вот такой парадокс!

Но у психокатарсиса есть и еще большие глубины.

Глава пятнадцатая.

КОГДА ГЕРОИНЯ СТАНОВИТСЯ ГЕРОИНЕЙ или ГДЕ ОБИТАЮТ СКАЗОЧНЫЕ ПРИНЦЕССЫ?

Самое слабое у мужчин место — женщины.

Вернее, проблема — не женщины, проблема — найти *одну единственную женщину*.

Проблема состоит в том, *как* на этой планете обыденности, искореженной старыми руслами рек разочарований, найти ту единственную, которая только и может подарить то, что в силах подарить лишь сказочная принцесса.

Как найти, а главное, *каким* или *какой* надо быть, чтобы найти свою *половинку*?

Человечество никогда полностью не утрачивало истины о том, что здоровому мужчине наилучшим образом может подойти *только одна* женщина. Знание об этом очищалось веками в легендах всех народов мира, оно прорывается робкой улыбкой надежды в песнях поэтов, воспевающих протянутые друг другу руки. Забытое древнее знание о существовании Единственной (*половинки*) слышится в «любовном» шепоте двоих, в его признании ей, что она — единственная. Слова, которые она уже не раз слышала от других; да и он, если сейчас и искренен, то позднее, непременно, то же самое повторит еще несколькими. Да и поэт, чувствуете, воспекает совсем не ту, которая сейчас с ним.

Знание о *половинке* действительно древнее, и уходит оно ко временам сотворения мира.

Адаму посчастливилось, среди прочего, еще и потому, что выбирать ему не приходилось — женщина рядом была единственная, она уже от рождения, по способу, месту и времени своего появления изначально предназначалась именно ему, Адаму. В тексте Писаний подчеркивается не только духовное единство Адама и Евы (они впервые почувствовали тепло друг друга тогда, когда доверялись Богу), но и биологическое, биоэнергетическое (в форме повествования о ребре Адама) соот-

ветствие, и как раз это соответствие поддается научному анализу и математическому моделированию.

Попытки создать достаточно простую методику математического расчета наилучшего соответствия *двоих* предпринимались и прежде — и их было множество. Это и понятно: опоэтизировать можно все что угодно — и ошибиться. Ошибиться, даже не попадая под влияние некрополя особой силы, а как бы самостоятельно. Математические же методы ограждают от чересчур поспешных выводов — и потому так ценятся в естественных науках. Нашему П. методами психокатарсиса удалось решить проблему своей *половинки* — и убедиться в правильности выбора не только по силе чувства и проникновения. Но психокатарсиса более высокого уровня, чем мы до сих пор описывали. Ниже (правда, не в этой главе), впервые в мировой литературе, дается уникальная математическая схема расчета биоэнергетического соответствия *двоих*. Биоэнергетическое соответствие не единственное, что необходимо для счастья, и это тоже в математической модели учитывается. Но описанием доступной всем методики мы займемся несколько позднее, поскольку полное понимание схемы требует еще некоторых предварительных разъяснений. Кроме освоения техники лечебного психокатарсиса желательно большее осмысление тех царящих в этой жизни принципов, бессознательно руководствуясь которыми, мужчины выбирают женщин, а женщины — мужчин. Этим мы сейчас и займемся.

— А из чего выбирать-то, — может поморщиться даже не знакомый с обстоятельствами интимной жизни Гитлера или ему подобных читатель, — выбирать из чего? Все бабы одинаковые! (Вариант: все мужики одинаковые!) Да и чем больше выбираешь, тем больше затем разочаровываешься! Скажете, не так? Посмотрите повнимательнее на ту, — скептик еще больше кривится, — которая сейчас рядом с вами и называет себя вашей женой, — спорить не будете. Разве у вас по отношению к ней никогда не было чувства разочарования?

Мы согласны, что «все они — одинаковые». Одинаковые, в особенности, если «общаться», как это водится, только с первыми попавшимися женщинами, да и перепробовать их ограниченное число, скажем, всего только одну тысячу. Но голос Адама, различимый за сотни поколений, подсказывает, что Единственная есть, и она — плоть от плоти вашей.

Это — серьезно.

Но прежде решим вопросы литературные. Во всякой сказке, мечте или легенде о половинке доброй улыбкой отчетливо проступает, что *она* — особенная, и ни на кого из остальных приземленных жителей Каперны (а там, у Грина, все женщины глупы, практичны и мясисты) не похожа.

Она — чиста. Она — красива, но не той, внешней *общепризнанной* красотой, которая не обогащает душу оказавшегося рядом. Лев Толстой это, насчет такой красоты, тоже понимал. Женских персонажей в его произведениях достаточно много, одни получше, другие похуже, но мечта одна — Наташа Ростова. Она чиста. Ее нельзя назвать логич-

ной — до брака она объясняется больше междометиями. Ее нельзя назвать внешне красивой в том смысле, в каком привыкли употреблять это слово обыватели. Впрочем, как говорится, некоторая несимметричность Наташиного лица нисколько не умаляла ее ценности и внешней тоже. Она чувствительна к подсознательным движениям души ближнего, т. е., среди прочего, может почувствовать чужую боль как свою.

Чувствительность Наташи, ее наивность (в хорошем, высоком смысле слова), открытость, соединенная со стремлением познать этот мир во всем многообразии его добра (но за добро по неопытности подчас принимается и зло), приводит героиню Толстого к «любовным» неприятностям наподобие тех, которые были у Наташи с Анатодем, у Пьера — с Элен, а у Кити — с Вронским. Но горести для героев (но не для проходящих персонажей) лишь повод встать и распрямиться вновь «с обновленной нравственной физиономией» и с высоко поднятой головой.

Мы говорили о сказках. Сказка, как твердо верит обыватель, — выдумка, а потому не более чем развлечение. Как всегда у обывателей, все в точности до наоборот: сказка — это наивысшая из возможных правд, это правда психологическая, общее в бытии многих душ. Лишь немногие авторские сочинения достигают высот сказки. Одно из таких — знаменитая трагедия Софокла «Эдип» (кстати, тоже лишь переработка уже существовавшего мифа). Отцу будущего царя Эдипа предсказывают, что он умрет от руки сына. Отец, царь города Фивы, пытается обмануть судьбу и велит своему слуге отнести сына в горы и там его умертвить. Слуга повиновался, но лишь отчасти: сына в горы отнес, но не умертвил, а оставил в горах, в надежде, что тот умрет сам. Эдипа находит семья пастухов и передает его на воспитание в семью бездетного царя города Коринфа. Проходит время, мальчик превращается в мужчину. От оракула он узнает, что ему суждено умертвить своего отца. Эдип тоже решает обмануть судьбу. Он уходит из Коринфа, из своего, как ему кажется, отчего дома, странствовать. Однажды он встречает на пути колесницу с седым старцем, царем города Фивы, возвращающимся от Дельфийского оракула, который вновь ему подтвердил неизбежность смерти от руки собственного сына. Возница, раздосадованный неповоротливостью идущего впереди горца, не торопящегося уступить дорогу, оскорбляет его ударом кнута. Добавляет и старец. Эдип вспылил, и посох свой обращает в оружие. Но от руки его гибнет не возница, а сидящий в колеснице старец. Осиротевший Эдип продолжает свой путь к городу Фивы, не подозревая, что именно в нем он и родился. Путь его долог, околен, и когда он, наконец, его достигает, то над городом уже висит проклятие: Сфинкс захватила власть, живет вне города, собирает с города дань: ежегодно пожирает несколько не то юношей, не то девушек и собирается делать это до тех пор, пока кто-нибудь не разгадает ее загадку. Вдовствующая царица (мать Эдипа) объявила награду: отгадавший загадку и тем освободивший город от кровавой повинности, получает ее, царицу, в жены и царство в придачу. Эдип побеждает Сфинкс и женится на матери. У них рождаются дети. Город Фивы весь сотрясается от обрушивающихся на него несча-

стий — это месть богинь судьбы за кровосмешение. Долго не может понять царь Эдип, за что страдает подвластный ему город, пока это ему не разъясняет прорицатель. Царь вспоминает убитого на пустынной дороге старца, ужасается отцеубийству, кровосмешению, выкалывает себе глаза и с дочерью, рожденной от своей матери, уходит в изгнание.

Почитающие Софокла как автора гениальных трагедий отнюдь не настаивают на том, что именно в Фивах захватила власть Сфинкс, умерщвляющая юношей. Очень может быть, что вообще не было никакой Сфинкс и ни один из царей Фив глаз себе не выкалывал. Но от этого трагедия «Эдип» не становится пустой выдумкой, а остается, наоборот, величайшей правдой — психологической. Да, действительно, между сыном и матерью чувства отнюдь не только возвышенные, как то столетиями внушают официозные идеологи и верноподданные бого-словы. Как учит современная психологическая наука, сексуальное влечение проявляется у детей уже в первые годы их жизни и вполне естественно, что у мальчиков оно направлено на единственный, а потому наиболее с первых мгновений существования привлекательный объект противоположного пола — мать. Впоследствии, как показывают наблюдения, если у выросшего мальчика есть возможность выбора, то **он остается верен своей матери, то есть берет в жены девушку, более других ее напоминающую.**

К отцу у него отношение двойственное. С одной стороны, сыновья привязанность и восхищение, а с другой — бессознательная ненависть к сопернику в борьбе за постель матери, причем к противнику побеждающему, который, в конечном счете, всегда с матерью уходит в спальню, ненависть, которая проявляется в желании убрать соперника с пути, т. е. отца убить. Две противоположно направленные эмоции по отношению к отцу вкупе со всеми остальными по отношению к родителям чувствами порождают комплекс психики, который в науке получил название *комплекса Эдипа*.

Симметричный комплекс, в центре которого стоит не сын, а дочь, всецело преданная отцу (Эдип, как вы, верно, обратили внимание, ушел со своей дочерью) и скрытно ненавидящая мать (в «Орестее» того же Софокла героиня убивает мать, но только не своими руками, а побудив к тому брата), получил название *комплекса Электры* (часто и его называют комплексом Эдипа). С его проявлением мы столкнулись в самом начале, когда оказалось, что явно подавляющая невестка бандита *ненавидела русских*, потому что хотела быть женой отца, а мать, сука, ей мешала. «Верность» отцу проявлялась еще и в том, что мужу своему невестка, руководствуясь бессознательными влечениями, никогда не позволит отказаться от наркотиков, потому что и ее обожаемый папочка был наркоманом. Таким образом, в реальной семье между детьми и родителями (а также между только детьми и между только родителями) властвуют чувства отнюдь не любви и не трогательной взаимопомощи, как в то хочется верить, а некие иные, в которых люди большей частью боятся себе признаться.

Величайшая психологическая правда о скрытой сущности взаимо-

отношений между детьми и родителями, а впоследствии и между супругами, открывает пути к познанию Истины. Отвергая (на словах) властвующие над нами силы комплексов Эдипа и Электры, люди уподобляются отцу Эдипа, пытавшемуся обмануть судьбу. Нет, судьбу отцу Эдипа обмануть не удалось, он все равно погиб от руки сына, он только лишил себя счастья отцовства. Античный писатель Софокл во весь голос возвестил об истине в своей трагедии «Эдип», глупцы же, ничего не поняв, объявили «Эдипа» выдумкой.

Величайшая психологическая правда живет и в сказках, и в творениях поэтов, которым удавалось воспарить до уровня высокой сказки. Сверхправду о взаимоотношениях двоих тоже легче найти в народных сказках, чем в рассуждениях философов, ведь в сказках говорит подсознание, а философы пытаются ограничить себя понятийным мышлением. В сказках *он* ищет *ее*. Она — особенная и единственная, и далеко не первая попавшаяся — ее надо долго искать. «Сказки — это выдумки», — говорят люди и поэтому выбирают жену из тех, кто подвернулся под руку. В тех же местах, где жену бьют бензопроводом от автомобиля, мать для своих детей выбирают не сами, а повинуются выбору родителей. Азиаты в делах продолжения рода подсчитывают исключительно деньги, так что бензопроводом — это закономерно. Главарию можно понять: а с какой стати эта женщина сопротивляется, когда он, *после того*, хочет покрепче заснуть? О какой такой *единственной* говорят эти необрезанные? «Все бабы одинаковые. Я проверял».

Итак, первая сверхправда та, что *она* — единственная. Вторая сверхправда та, что *ее* надо искать. Третья — что на этот подвиг способен только принц.

Множество трудностей приходится преодолеть принцу, прежде чем он *ее* находит. Какая *она* по сказкам? Она — невинна, и в свои семнадцать лет у нее представления ребенка. Она много лет ждет *его* одного. Она красива. Грациозна. У нее красивые глаза. Волосы ее напоминают волну. У нее гибкий стан. Она нежна. И, собственно, все. Первое, что бросается в глаза, — у нее нет интеллекта. Характера тоже. «Вот уж точно, не люблю женщин с характером, — сказал Лермонтов. — Их ли это дело?» Можно ли считать мнение Лермонтова достойным серьезного внимания — ведь когда у мужчины множество женщин и он продолжает увеличивать их число, то это всего лишь означает, что у него не было *одной*? Впрочем, в одном с Лермонтовым можно согласиться: если женщина случайна, если она *партнерша*, то, чтобы от тоски не завывать волком, необходимо, чтобы у нее не было ни того, что называют характером, ни того, что называют интеллектом.

Насчет интеллекта: женщины пытаются сделать вид, что они — мужчины, для чего вынуждены пользоваться обрывками размышлений какого-нибудь представителя противоположного им пола — мысль эта настолько проста, что понятна даже женщинам (ее, в частности, приводит основательница женской психологии, *женщина* Карен Хорни). Но даже пытаясь сделать вид, что они — женщины, они все равно вынуждены заимствовать то, что принято называть логическим мышле-

нием. Но обрывки — это не целое. Целое же должно соответствовать индивидуальному внутреннему строю. И если женщины в интеллектуальном смысле представляют собой то, что собой представляют, то это говорит лишь о том, что ни одна из них не нашла *своего* мужчины. Ни один принц не вышел на ее поиски, и она тоже не стала принцессой, чтобы отправиться на поиски самой. Вместо этого она просто сначала вышла на охоту (брачную), а потом — замуж (охотно), теперь пытается воспитывать детей и грызется с мужем-партнером. В лучшем случае, на радость Отто Вейнингеру, — она проститутка.

Таким образом, следующая сверхправда из сказок как обобщения жизни, состоит в том, что женщина редко становится принцессой, а только лишь женой, и проявляется это, прежде всего, в том состоянии женского ума, которое мы наблюдаем повсеместно и во всех социальных слоях. И то, что женщины этого не замечают, лишний раз подтверждает вышесказанное.

Сказки, как и все остальное, бывают разной степени глубины. Сверхсказкой в таком случае, очевидно, будет такая сказка, в которой принцесса не становится женой *чужого*, а непременно Возлюбленной. Она находит своего принца, и благородство ее души начинает проявляться, прежде всего, в состоянии ее ума. Для обычной женщины дважды два может быть чем угодно, как мы все это каждый день наблюдаем, а вот у принцессы дважды два непременно будет четыре.

Итак, принцесса сверхсказки отличается от сказочной неженским мышлением. Не женским, но и не мужским.

«Дух, душа, тело», — говорит Библия о строении человека, и нам такое деление кажется весьма достоверным. Более достоверным, чем множественное расчленение человека восточными философиями. Травмы тела памяти мы относим к болезням души, хотя неврозы отличаются от прочих болезней только способом их приобретения. Есть душевные болезни, порожденные самим человеком, его разрывом с Истиной; и самая страшная из них, наиболее фундаментальная, вплоть до болезни духа — некрофилия. Некрофилия уродует тело и душу, но начинается в искаженном, больном духе. Отсюда, **принцесса начнет осваивать этот мир со здоровья духа.**

Для большей объемности поясним вышесказанное об особенностях состояния ума принцессы на материале заповедей Десятилетия. В принципе, можно использовать любой материал, но удобнее тот, к которому уже обращались, — помните про заповеди «не убий» и «не прелюбодействуй»?

Есть любопытный курьез в истории религии, который знать не только интересно, но попросту необходимо для того, чтобы иметь более систематизированное представление о сущности человеческой цивилизации — о людях вообще и о принцессах, в частности.

Библию пытаются читать повсюду — но по-разному готовы ее понимать. Есть множество других на разных языках трудов, о которых веруют, что они священные книги. «Коран — это по-арабски», — мудро заметил некто, и это действительно так. Всякий мусульманин вам ска-

жет, что *истинный пророк* Махамат (это более правильное произношение имени основателя ислама Магомета) всегда говорил, что библейских пророков признает. Более того, именно в Библии, у Моисея, мусульмане находят предсказания о пришествии Пророка, что подтверждает для них и истинность Библии, и истинность Махамата. Да, скажут они вам, мы признаем всех пророков Библии и величайшего из них — Ису (Христа). Слова этих пророков верны, потому и признаем. Пророк Махамат, скажут вам, лишь продолжил дело Божье. Да, скажут вам, раз мы верим Исе, то верим и Его словам. Иса сказал, что выше Его, как Сына, никого быть не может. Это все так. Но! Махамат выше. Да, Иса сказал, что *о дне и часе* конца света, то есть о Втором пришествии и начале суда *«никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один»* (Мф. 24:36). Да, в той же главе Иса сказал: не верьте лжепророкам, которые будут называть срок конца — не от истины они. Все так — подтвердит любой исламский богослов, — все правильно. Но! Мы от отцов наших знаем, что Махамат — Пророк истинный, а потому и слово его истинно. Махамат сказал, что суд придет в пятницу, а потому всякий правоверный будет вслед за Пророком отделять (святить) этот день и чтить его в ожидании исполнения воли Божьей. В этом истинное смирение («ислам» по-арабски — смирение). Чтить же пятницу, скажут вам, необходимо, ибо самим Богом заповедано: *«Помни день субботний, чтобы святить его. Шесть дней работай, и делай всякие дела твои; а день седьмый — суббота Господу Богу Твоему...»* (Исх. 20:8-10). Да, скажут вам, это изречено свыше, заповедь же Божья неизменна, ибо истинно сказал пророк Иса Христос: *«...доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все»* (Мф. 5:18). А почему *субботу* святить будем, но *в пятницу*, так сказал Махамат. А тех, кто не был согласен с такой логикой, он убивал.

(Прежде чем продолжить, проделаем несложное умственное упражнение: десять человек, из них один биофил, один яркий некрофил, остальные восемь — жухлые. Биофил *верует* вследствие своего общения с Богом; некрофил *религиозен* также, но по другой причине — общенность к высоким учениям для него есть способ почувствовать себя более значительным; остальные восемь существование неведомого Бога *не отрицают*. Убеждения биофила, в том числе и религиозные, не совпадают с убеждениями некрофила. Вопрос: за кем пойдут гипнотические жухлые? Чьи убеждения: биофила (который никого не понуждает) или некрофила (который делает это шутя) станут национал-государственными? Правильно. Таким образом, феномен государственной религии как системы убеждений разоблачает себя уже одним только фактом своей *общепризнанности*.)

Нет, не согласятся другие, «суббота» должна быть в воскресенье! Аргументация у них не оригинальная — такая же, по сути, как и у мусульман.

Почему воскресенье (в системе времяисчисления времен Христа — первый день недели), а не второй день, не третий, не четвертый? Бого-словы самой массовой из государственно-христианских церквей — ка-

толической — утверждают, что, да, действительно, Христос в Писаниях нигде не заповедовал изменять день поклонения. Но! В том-то, говорят они, и проявляется сила и власть католической Церкви, что святость седьмого дня *волею Церкви* была перенесена на день первый. Богословы других национальных, называющих себя христианскими, церквей (православной, лютеранской и т. п.), не желающие ни подчиняться диктату папы римского, ни, наоборот, восстановить субботу, глухо намекают на существование некоего евангельского основания для нарушения заповеди о субботе.

Что до библейского основания, то назначена, кажется, даже денежная премия тому, кто сможет в Библии это основание отыскать. Но «священнослужители» разных конфессий, тратящие массу времени, чтобы взыскать пожертвования на нужды своих приходов приемами часто совершенно бесчестными, а потому явно в этой премии заинтересованные, никак в Библии это основание отыскать не могут. Поэтому вынуждены учить «субботе в воскресенье» *так*, без основания. Им, похоже, просто нравится *учить*. А паства — *верует*. Им, похоже, тоже просто нравится впадать в состояние, которое они называют *верой*.

Надо понимать отношение якобы религиозного некрофила к заповеди Божьей. Некрофилы любят иерархию, некрофилы любят приказывать и получать приказания, пусть даже в скрытой форме психоневрологических кодировок. Эти приказы могут быть в форме заповедей, и их может быть даже десять. Но от заповедей Божьих, от Десятисловия, они непременно должны отличаться хотя бы иотой, хотя бы одной измененной черточкой. Вполне достаточно изменить одну заповедь, чтобы обесмыслить весь Закон Божий, потому что он отнюдь не набор из десяти запретов. Об этом учили Христос и апостолы. И вот здесь-то некрофилы получают двойное наслаждение: во-первых, они умерщвляют Закон, а вместе с ним и Бога в себе, и себя в Нем, во-вторых, они получают систему правил, основание для построения авторитарной садо-мазохистской иерархии. В этом — удовольствие для некрофила. Для одурачивания жухлых всегда будет придумано некое «но». (Некрофил, не нуждающийся для достижения своих целей прибегать к фальшивой религиозности, проще и естественней: он просто прелюбодействует и убивает, не скрывая, что это для него — кайф.)

Христос говорил, что недопустимо изменить даже черточку в начертании Десятисловаго Закона. Но таковы люди, что получают они удовольствие именно от осквернения.

Библейского основания полагать, что суббота должна быть не в субботу — нет. Закон — это Слово, Слово же есть Христос. Христос говорил о неизменности Закона, что естественно, поскольку Он, как Сущий от начала, Сам же и начертал его на Синае за много веков до Своего воплощения. Позднее Он подтвердил незыблемость Закона в словах, записанных в знаменитой 24-й главе Евангелия от Матфея, главе, пророчествующей не только о грядущих событиях Суда, но и о пришествии лжепророков. *«Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою, или в субботу»* (Мф. 24:20). Итак, поскольку пророчество о

бегстве касалось падения Иерусалима, случившемся в 70 г. по Р. Х., то, очевидно, суббота для учеников Христа и через сорок лет оставалась субботой и притом *в субботу*. Суббота оставалась по-прежнему днем покоя для женщин, которые отложили, как написано, все приготовления к погребению распятого и снятого со креста Спасителя до воскресенья, первого дня недели. «Тогда некто именем Иосиф, член совета, человек добрый и правдивый, не участвовавший в совете (на котором приговорили Христа к смерти) и в деле их, из Аримафеи, города Иудейского, ожидавший также Царствия Божия, пришел к Пилату и просил тела Иисусова; и сняв Его, обвил плащаницею и положил Его во гробе, высеченном в скале, где еще не был положен. День тот был пятница, и наступала суббота. Последовали также и женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи, и смотрели гроб, и как полагалось Тело Его; Возвратившись же приготовили благовония и масти; и в субботу остались в покое по заповеди» (Лук. 23:50-56). Святое дело — похоронить Господа, отдать Ему последнюю почесть, тем более что на мысль о важности достойного погребения их мог навести пример Марии, сестры Лазаря, которая, плача, умыла ноги своему Господу, отерла их волосами и умастила голову и ноги Его драгоценным миром. О ней Господь сказал, что где бы ни было проповедано Евангелие, там непременно воспомнано будет и о Марии (Иоан. 12:3, Матф. 26:6-13, Марк 14:3-9). Удивительное дело! При проповеди Евангелия можно забыть рассказать о Петре, об Иоанне и о любом другом из апостолов, но вот о Марии, как предсказал Иисус, поведать не забудут. Почему? Не потому, что она отдала драгоценное миро — многие жертвовали Иисусу свое имущество; не потому, что она была женщиной — их также было достаточно среди учеников Христа; не потому, что она была сестрой Лазаря — кто из родственников воскресенных Христом остался в памяти поколений? — но Мария первая из учеников Сына Человеческого поняла заповедь Иисуса *буквально*, с тем смыслом, с каким она и была произнесена: «...должно Мне пострадать». Она поверила и умастила Его миром, ибо миро в те времена было неотъемлемым атрибутом погребения. Она не стала выдавать свои греховные желания за, якобы, аллегорическое, «духовное» понимание слов Спасителя. Для нее смерть Христа была всем: горем и спасением, нищетой и богатством мира, приготовлением Его ко гробу, для нее суббота была *в субботу*. И потому она — героиня и, в особом смысле, принцесса.

Погребение Господа должно было совершиться, и к нему необходимо было умастить Тело Его, но женщины, как Он учил, не пренебрегли и заповедью. И они в субботу, как впоследствии и апостолы, «остались в покое по заповеди» (Лук. 23:56).

«Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его: тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто в городе, выходи из него; и кто в окрестностях, не входи в него, потому что это дни отмщения, да исполнится все написанное» (Лук. 21:20-22). При осаде Иерусалима, когда войска Тита, вскоре провозглашенного в Риме императором, на короткое время сняли осаду и

отошли, христиане последовали заповеди Христовой, ушли из города — и не погибли. Сотни тысяч преданных национальной религии — иудаизму — погибли, а спасшееся непризнаваемое меньшинство — продолжило дело своего Господа. Так не погибнет и всякий, для кого исполнение заповедей — естественное следствие общения с Духом Святым.

«Правильно, — говорят иные, — мы согласны с Господом. Еще бы нам с Ним быть несогласными! Ведь мы не хотим погибнуть, как погибли те, кто, не вняв заповеди Божьей, остался в Иерусалиме во время осады, кто понапрасну выстаивал на коленях в «молитвах» Господу, вместо того, чтобы *последовать за Ним!* Они погибли — и это закономерно. Мы же согласны с Ним и верим, что чтим Его заповеди. *Но!* Святыми мы должны быть не в один какой-то день недели, а все семь дней. Для греха мы будем покоиться, все семь дней покоиться, а потому заповедь для нас устарела — никакого особенного дня у нас не будет. Почему? Мы же вам ясно сказали: *Но!*»

Однако, для богослужений последователи такого оригинального, как им кажется, образа мысли, несмотря на свои слова, день все-таки выделяют. Среду, например. И их не смущает, что согласно сему образу мышления, получается, что раз апостолы и Христос от начала заповеданный день недели выделяли, значит в остальные дни святостью не отличались. Это не оригинально. Именно в этом, в несвятости Создателя, и пытается уверить нас дьявол.

Таким образом, если христианско-католическая суббота в воскресенье — это по-латински; христианско-православная суббота в воскресенье — это по-гречески; мусульманская суббота в пятницу — это по-арабски; то среда — это, скорее, по-американски. Все это один и тот же феномен иерархии; государственная религия — частный случай.

Но есть еще одна национальная форма «религиозности», которая может показаться апофеозом богопослушания — это еврейская национальная форма. «Кто любит Меня, тот исполнит заповеди Мои», — успел сказать Иисус Галилеянин, прежде чем Его распяли якобы соблюдающие субботу *в субботу*. Христа убили за то, что Он не вписывался в те некрофилические *толкования* Священных Писаний, которые разработали *признанные* богословы еврейского народа.

Знаменитый Фрейд, верующий в несуществование Бога, после изучения подсознания своих богатых клиентов (богатые — чаще других подавляющие) — лютеран, иудеев, католиков, — пришел к выводу, что монотеизм на самом деле есть на подсознательном уровне страх перед кастрирующим отцом. Мышление же логическое протестует против разрушительных влечений комплекса Эдипа и комплекса кастрации (об этом комплексе подробно будет рассказано в главе «Комплекс кастрации у женщин»), поэтому поклонение и преклонение перед буквальным отцом на логическом уровне (только на логическом) замещается на некую приемлемую сознанием фикцию, на преклонение абсолютному авторитету, несуществующему высшему существу — Богу. У нас нет никаких фактических данных, позволяющих возразить Фрейду относительно подсознательных побуждений его многочисленных па-

циентов. Вполне возможно, что у его *признанных* пациентов корень их якобы религиозности — именно в этом. (Признанные, напоминаем, это те, которые умеют принуждать прежде всего психоэнергетически, считая себя высшим сословием — интеллектуальным, духовным и т. п.)

У Христа же Отец кастрирующим не был, радость Его не в искажении заповедей. Это проявляется в особом образе мышления Сына Человеческого, весьма отличающемся от образа мышления абсолютного большинства Его современников. Его образ мышления — неискаженный и неискажающий! — мы условно обозначим «суббота в *субботу*». Именно этот воплощенный принцип мышления и делает Иисуса Тем, Кто Он есть. «Я есмь», — сказал Он, и это так. Тем же принципом мышления руководствовались и апостолы, и именно принятием этого принципа апостолы становились героями. Таковы апостолы, таковы и ветхозаветные пророки, книги которых Христос назвал богодухновенными. Именно таков был принцип мышления у Марии из Вифании, сестры Лазаря, о которой Иисус сказал, что вспомнано будет о ней повсюду, где бы ни было проповедано Евангелие. Она не пожалела драгоценного мира, чтобы помазать Иисуса к погребению, но Иуда и еще не обратившиеся ученики ее осудили. Много раз они слышали от Учителя о Его страданиях, но в их мечтах представляли картины воцарения Иисуса в Иерусалиме — и они перетолковывали, т. е. искажали, Его слова. Они хотели быть министрами, они хотели попить весь мир — и что им было миро из алавастрового сосуда?

Неизвестно как они называли это свое перетолковывание слов Христа о мученической смерти — аллегорическим или духовным, скорее последним — но им не доставалось ничего и ни в каком смысле. Первой, доверившейся до конца, была сестра воскресшего Лазаря из Вифании — Мария.

Да, Мария из Вифании отнюдь не сказочная героиня, но она не единственная женщина, которая смогла разобраться с Божьей заповедью. «*Последовали также и женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи, и смотрели гроб, и как полагалось Тело Его; возвратившись же приготовили благовония и масти; и в субботу остались в покое по заповеди*» (Лук. 23:55, 56). Это — сверхсказка!! Это — сверхправда!!

Сейчас мы вам рассказываем еще об одной женщине. Она родилась без малого две тысячи лет спустя после евангельских событий. Она не похожа на сестру Лазаря. Так получилось, что будущая Возлюбленная лишь в тридцать три года взяла в руки даже не Библию, а лишь катехизис той религии, признанные «отцы» которой внушают, что суббота — в воскресенье, и, *найдя там заповеди Божьи*, «неожиданно», как это говорится в самых добрых сказках, обнаружила, что суббота должна быть *в субботу*!! И вот с этого-то все и началось!

Суббота в *субботу* — не отвлеченный богословский принцип. Это не просто *тот* день. Это принцип мышления. Нелукавого. Это принцип практического сотрудничества с Богом. Это уже больше, нежели сказочная принцесса — героиня обладает интеллектом большим, чем у окружающего населения.

Мы изучаем феномен *половинок*, которые, как мы постулировали, совпадают биоэнергоритмически, что можно рассмотреть еще и естественнонаучно. Кроме 90-минутного ритма смены активности правого и левого полушарий мозга, кроме годового ритма и ритма двенадцатилетнего (мы и это рассчитаем, но чуть позднее, — и расчет этот приведет к поразительным результатам) существует еще один — недельный. Так вот: совпадение с ним в важнейшей его точке — субботе — в феномене *половинок* — базовое. Поскольку именно это и **только это** совпадение предполагает, что обе потенциальные половинки отвергли все некрофильские искажения Божьего принципа, что они Богу не предпочли обманы этого мира — пусть даже и убедительные, — что они **уже** с Богом. А ведь *половинок не от Бога не бывает — это Его дар любящим Его*. Это то, что **не наследуется от рождения, а принимается (или отвергается) свободной волей**. С этого-то ритма все и начинается! В том числе, как вы убедитесь, **сексуальная революция!!!**

Глава шестнадцатая.

ВЕСЫ И ОФИЦЕРСКИЕ ДОЧКИ

... В.: А он мне сразу: бух — *предложение!* Замуж! И все, что у него есть, говорит, бери, твое, дескать. Хороший старичок...

П.: А я!.. А я!.. А в меня... А в меня тоже все время влюблялись! Но все время одни и те же! Например, дочери офицеров. Прямо наваждение какое-то! Если где-нибудь на горизонте замаячит офицерская дочь — все! Считай, уже размечталась и скоро в любви объясняться будет.

В.: А тебе нра-а-авится, что женщины тебе *первые* в любви объясняются!

П.: А что? Приятно. Тебе же приятно, что тот старичок о тебе размечтался.

В.: Но я же ведь никак неотреагировала.

П.: И я... не реагировал. Во всяком случае, не всегда. А потом, ты не представляешь, какие они все одинаковые, эти офицерские дочери!.. Скучно же! После второй-третьей все на одно лицо.

В.: А еще какие... какого типа в тебя влюблялись?

П.: Разные-разные, голубые и красные. Шучу-шучу. «Влюблялись» — это не совсем корректное слово. Скорее подходит слово «размечтаться». Отличие принципиальное. Размечтаться — это нет болезненной зависимости. Поэтому, не получив предмета, меня то есть, легко и быстро успокаивались. От невротической же влюбленности так легко не откажешься... Я, собственно, до встречи с тобой, как мы стали во всей этой железной канители травм разбираться, не мог понять, почему меня так моментально забывали. Обидно даже. В кино — такие страсти, с ума сходят, всю жизнь помнят, а я что, недостойн? Глупо, но когда *не понимаешь*, даже глупость может надолго отравить существование... Да... Так вот, по моему поводу очень даже часто размечтовывали... размеч-

тыва... размечтой... — слова-то даже такого нет! — в общем, *как бы* влюблялись, кроме офицерских дочек, еще Весы и старшие сестры. Точно-точно! Девять из десяти были Весами.

В.: Как раз мой случай: Весы и старшая сестра.

П.: Ты — совсем другое дело.

В.: Сочиняешь. Я — такая же, как все. Сочинитель.

П.: Это ты — сочинитель. Что я, старших сестер не видел?! Или Весов?! Оно конечно, у Весов есть нечто общее: пока-а-а они в равновесии придут... Кстати, по гороскопам женщины-Весы — самые красивые женщины из всего Зодиакального круга. Знаешь?

В.: Знаю. Гурман.

П.: А что я? Они все сами.

В.: «Не виноватая я!» Сочиняй!

П.: Не смейся. Правда. А потом, надо бы еще разобраться: в каком это смысле Весы — самые красивые? Может...

В.: Ага! Женщины бывают *или* красивые, *или* умные. Это вспомнил?

П.: Нет.

В.: Лукавишь?

П.: Нет. Во-первых, женщины чаще всего бывают *и* некрасивые, *и* глупые, а, во-вторых, если нечто такое и пришло на ум, то для меня это уже не главное. Я, все-таки, смотрю по-научному. Или стараюсь смотреть. А Весы...

В.: С Весами все понятно: ты — Водолей. Об их взаимном притяжении во всех астрологических пособиях говорится. А вот почему — старшие сестры?

П.: А это тоже какая-то закономерность. Только в этом клубке столько разных концов, что даже не знаю, с которого начинать распутывать. Начало, естественно, в семье. У матери моей детей двое: я и сестра. Сестра моя — *старшая сестра*. Но ведь и моя мать тоже *старшая сестра*, и у нее тоже только один брат. Кстати, и у моей сестры тоже двое детей: старшая — девочка, младший ребенок — сын.

В.: Цепочка получается.

П.: Совершенно верно. Мать моя в точности воспроизвела семью своей матери, а моя сестра — своей, или, что то же самое, — бабушки. Неслучайность этого «совпадения» можно даже рассчитать математически. Вероятность того, что первым ребенком будет девочка, а не мальчик — $1/2$. Вероятность того, что *случайным* образом и у бабушки, и у матери, и у сестры родятся первыми девочки, равняется $1/2 \times 1/2 \times 1/2 = 1/8$. Обе мои бывшие жены тоже *старшие сестры*, причем из двух детей. Это еще $1/4$.

В.: Я тоже — старшая.

П.: Еще $1/2$. Итак, $1/8 \times 1/4 \times 1/2 = 1/64$. Обе мои жены первыми родили девочек. Это $1/2 \times 1/2 \times 1/64 = 1/256$.

В.: У меня — дочка.

П.: $1/512$. Будем продолжать? Девушка (у которой, помнишь, рассказывал, подсознательный образ: я — солнце за морем, а жених — серая стена) — тоже старшая из двух детей. Это $1/1024$. Потом...

В.: Не надо. Боюсь как бы слишком много не получилось. Все понятно. Никакой случайности. Закономерность.

П.: Да. Из этой закономерности следует многое и не только давным-давно известное, что-де люди непроизвольно, но всеми силами стремятся воспроизвести семью детства. Что проявляется даже в том, что половая принадлежность родившегося ребенка явление отнюдь не статистическое, как о том пишут в учебниках, а результат реализации психических установок... Отсюда следует, что то ли я выбирал, то ли меня выбирали — не знаю. Только старшие сестры — не случайность.

В.: А чем старшие сестры отличаются от прочих?

П.: Помнишь «Укрощение строптивой» Шекспира?

В.: Помню. А там о чем?

П.: Хочешь сказать, что не знаешь?

В.: Кино смотрела, а книгу — нет. У Шекспира-то о чем?

П.: Мы с тобой еще почитаем. Вслух прочту. Там старшая дочь — злыдня, а младшая — якобы милашка, женихи вокруг нее так и вьются. А старшей никак не могут дурака найти, чтобы взял. А может, никак не влюбится. Я Шекспира только потому вспомнил, что давно замечено: характер у старших сестер иной, чем у младших.

В.: А почему?

П.: Дело, разумеется, не в том, что — *сестра*, а в том, что *старшая*. Считается, что сначала он, старший ребенок, чувствует себя центром вселенной — он так живет по той простой причине, что все вокруг него скажут: соску поднести, игрушку подать, с рук не спускают. Но вдруг катастрофа: рождается другой ребенок — и все разом меняется. Теперь все скажут вокруг этого нового, неизвестно откуда взявшегося, ребенка. Теперь центр вселенной — он. А старший? Он же ничего не понимает! Он же ничего плохого не сделал, чтобы все так вдруг его разом предали и перестали замечать. Он же ни в чем не провинился! А кто, с его точки зрения, виноват? С чьего появления все началось? Естественно, что с того маленького красного уродца. Который украл папу и маму. Естественно, что к этому новенькому — ненависть, ярость, злость. А ненависть обладает тем свойством, что для нее все равно, на ком тренироваться — на случайном ли прохожем или на родном брате. Злость в старшем тренируется дольше, потому и достигает большей зрелости и более заметна, чем у младшего... Это, конечно, при прочих равных условиях, как в случае с двумя сестрами в «Укрощении строптивой». А когда брат и сестра... Я не знаю: я никогда этим вопросом не занимался. Хотя интересно... Но и так понятно, что если брат младший и сестра чувствует себя брошенной, то это может стать важнейшим психологическим конфликтом, и все остальные события жизни будут восприниматься постольку, поскольку они связаны с «разборкой» с братом. Скажем, меня выбирали в качестве заместителя брата, заинтересовывали, а потом, когда я раскрывался, — казнили. Их ко мне «любовь» была на самом деле ненависть, «сильное чувство».

В.: Но *ты* у меня с братом никоим образом не ассоциируешься.

П.: И прекрасно. Может быть, никаких казней не будет.

В.: Не знаю, я своего младшего брата всегда очень любила. Так хорошо стало, когда его принесли: появилось, с кем повозиться. Играли вместе. Я и сейчас его люблю. Он мне, может быть, ближе всех на свете.

П.: А тебе что, ни разу из-за него не попадало? Набедокурит он, но с маленького что возьмешь — мать злость на тебе срывает. Бывало такое?

В.: Как не бывать? Бывало. И сколько раз. Но *брат*-то тут при чем?

П.: Так, значит, рассуждаешь?.. Редкий, однако, способ мышления! Прямо-таки не верится! То есть, ты на него не обижалась?

В.: Нет, я его очень любила.

П.: Так... Хотя... Странно... Впрочем, тебе уже шесть лет было, когда он родился, но... Но... Что-то я очень сомневаюсь, чтобы у тебя к нему, когда он у тебя мать отнял, не было *совершенно никаких* отрицательных чувств. Скорее всего, ты о них воспоминания просто вытеснила.

В.: Ничего я не вытесняла! У меня прекрасные с ним были отношения. Он вырос — кто меня одевал? С дочкой одна осталась, он что-нибудь купит то ей, то мне. Если бы не он, она бы фруктов вообще не видела.

П.: То, что ты это все ценишь — прекрасно. Но это ничего не меняет. Вытеснение в том и состоит, что на логическом уровне человек ничего не помнит. А поступает, руководствуясь неосознанным, оставшимся в подсознании... Хотя, кто знает, может, и не было у тебя отрицательных чувств... А может, сейчас исчезли. Ведь, если вспомнить то же самое «Укрощение строптивой», то, в конце концов, именно старшая переменялась и стала покорной женой. А младшая как была балованным ребенком, так, выйдя замуж, женщиной в психологическом смысле стать не сумела.

В.: Как в жизни: редко кто меняется.

П.: Редко — не значит *никто*.

В.: Да... Так говоришь, старшие сестры, они же офицерские дочки?..

П.: Да. Офицерские дочки — кто? Правильно: все, во всяком случае, которых до сих пор встречал, яркие садо-мазо. Подавляющие, если можно их так назвать, *натуры*. Отличаются, разве, только тем, насколько та или иная выучилась свой садо-мазохизм от окружающих скрывать.

В.: А почему они такие?

П.: Причин — море. Наследственность. Ближайшая и — вплоть до Адама. Дети, которые во дворе. Среда. Родителей — и энергетика, и формы поведения. У дочки кумир — папа, а тот себя как ведет? На работе — царь и бог, с подчиненными творит, что хочет. А придет домой — наоборот, абсолютное ничтожество, жена ноги об него вытирает.

В.: Что военные так живут, я тоже замечала. И почему только так получается?

П.: А это и есть некрофилия. Он — добровольное звено иерархии. Звено цепи — с двух сторон скован. У папы всего лишь два положения: или он сверху, или — снизу, или приказывает, или — подчиняется. А близости общения нет. Такой стиль общения ему нравился и прежде, а

со временем от подчинения и властвования и вовсе получает сверхудовольствие. Но, непременно, и от того, и от другого вместе. Садо и мазо одно без другого не бывает... Это я тебе что-то вроде бихевиористского объяснения дал, на самом же деле все сложнее.

В.: Я понимаю, что сложнее. И так, офицерские...

П.: Или им подобные: дочки больших начальников, партийных работников, на худой конец, бригадиров. Я, помню, вижу: пялятся на меня одна в Доме кино, глаз не отрывает, я к ней подхожу и спрашиваю: у вас отец, случайно, не партийный работник? У нее аж челюсть отстегнулась: *откуда вы знаете?* Закономерность очевидная: дочь опередившего в иерархической конкуренции. Следовательно, подавляющего. И сама подавляющая.

В.: Так, если по-твоему, дочь всегда стремится в мужчине увидеть отца, то получается, что дочки подавляющих в тебе подавляющего и видели?

П.: *Как бы*. Они *себя* видели. Я, как и ты — зеркало. Тебя очень разной видят даже наипризнаннейшие специалисты, меня — тоже. Посредник в наркобизнесе во мне разглядел посредника того же уровня, жмот — жмота. Кого во мне только не узнавали! И еврея, гордость нации, и типичного былинного русского богатыря, и молдаванина, и даже — типичного представителя Клуба Любителей Пива. Хотя пиво я последний раз пил лет, наверное, десять назад. А один пастор, который не последнюю роль сыграл в той подлости, что меня в Церкви ни за что на замечание поставили, разглядел, что я жене изменяю.

В.: Это когда тебя от церкви отлучили?

П.: Нет, до того. Отлучение — подлость была еще большая, там другие действовали. Тоже попереки «Церковного руководства». Ведь как положено? Если человека обвиняют, так его самого надо спросить, правду говорят или врут? Нет, не спросили. Отлучили и даже в известность не поставили, что отлучение состоялось! Я, правда, в той общине за три года, может, раза четыре появился, но они знали и телефон мой, и адрес, и то, что мне в соседней общине поручили вести субботнюю школу! Да плевать мне на их отлучение: меня тут же в другой общине приняли. Но сейчас я не про отлучение. Сначала было замечание, тоже безосновательное. Там главный, в отличие от меня... Ты знаешь, что женщины обожают мне свои секреты исповедовать?

В.: Это уж точно. На себе испытала.

П.: Так вот, этот пастор, тайную пессию которого я знаю, и которая мне кое-чего о нем рассказывала, пальцем в небо угадал мою жене неверность. Которой я, естественно, не изменял, но изменяла она мне. Да и развелась потом. Внимательно-внимательно так на меня посмотрел, пока не убедился, что *увидел* — и начинает строить свою речь так: дескать, как вы относитесь к исполнению заповеди: «не прелюбодействуй»? Ну и так далее в том же духе. А я, между прочим, ни в одном браке не изменял.

В.: А пастор в городке, куда ты хочешь на лето меня отвезти, которого за воровство выгнали, наверное, тебя за вора считал?

П.: Пастор Жорик? Нет, с пастором Жориком мы практически не общались. Мы друг другу не понравились сразу. Как, впрочем, и членам его общины. А вот им пастор Жорик нравился. И если бы они не уличили его в торговле продуктами из гуманитарной помощи, которую он должен был раздавать бесплатно, он бы, верно, по церковной иерархической лестнице до сих пор вверх карабкался.

В.: Точно. Взять хотя бы его беспардонность. После того, как за руку взяли, уехать на другой конец страны и опять устроиться работать в Церковь! Пастором!

П.: Это не беспардонность, это уровень следующий, это — наглость. И ориентирование в реальных закономерностях существования церковной иерархии. Но интересно не столько то, что он *опять* решил обеспечить себя материально способом, ему уже известным, сколько то, что его *взяли!* Взяли поперек совершенно отчетливых на сей счет инструкций «Церковного порядка», — должно быть переводное письмо! Представляешь, приезжает в Сибирь неизвестно кто и его тут же берут пастором. *Поверили!* Такой Жорик, что мог заставить поверить! А может, *своего* угадали. Как-никак — *иерархия!* И выше бы забрался, если бы те, которые на ту самую гуманитарную помощь жертвовали, не принудили церковное руководство вора разыскать.

В.: Хоть разыскали. Хоть какая-то справедливость.

П.: Да. Но из того, что я Жорику не понравился, кстати, может следовать, что он меня оценил верно: что я не такой как он.

В.: А что былое вспоминать? Буквально вчера Конкордия, трясясь от злости, визжала, что ты злобный, злобный, злобный!!!

П.: Она, к счастью, рядовой член общины. Пока. Потому, что в Церкви без году неделя. А вот когда несколько раз на меня визжали церковные начальники, то потом объясняли причину своей ко мне антипатии совсем иным. Тем, *что для работы в Церкви я не подхожу.*

В.: Почему?

П.: Очень просто. Во время коммунистического режима все без исключения церкви, даже так называемые катакомбные, подпольные, которые заявляли, что государство их контролировать не в силах, — все были под колпаком Комитета госбезопасности. Слышала об этом?

В.: Слышала что-то. А каким образом контролировали?

П.: Самым простым: *во главе* церковей ставили *своих людей.* Это же маятник садо-мазохизма! Если человек — мразь, подхалим, друга за грошь продаст, то он вполне справится с ролью руководителя. Любого ранга: от руководителя общины до руководителя Церкви в республике. И наоборот, если церковная община на самом деле построена не на божественном основании, а на принципах авторитаризма, то она *сама* главным выберет подхалима из подхалимов. Скрытого. С инверсированным поведением. А они всегда фискалы, и этим их свойством КГБ всегда пользовалось. Ведь чаще всего наушников вербовали из уже состоявшихся начальников. Начальник и наушник психологически один и тот же тип.

В.: Как же они могли? Совмещать? И *такое?*

П.: Да так и могли. Как Иуда мог. Годы ходил у Христа в учениках, а потом предал. Мог же он в Гефсиманском саду подойти к Нему и *поцеловать?! Мог же он, задумав предательство, позволить Учителю омыть себе ноги? А во время вечери принимать знаки уважения: хлеб из Его рук принимать, возлежать рядом? Мог!* Люди все что хочешь выучились совмещать. Признанные в особенности.

В.: А что они в церквях делали? Эти... Как их?..

П.: Агенты КГБ? А что прикажут, то и делали. Изящно выражаясь, ставили органы в известность о том, что происходит в общинах. Кто чем живет, кто чем дышит. Что им члены Церкви доверительно рассказывают. Мне один пастор рассказывал, как его КГБ вербовал. Вызвали, говорят: *ты во главе Церкви какой республики хочешь быть?* Выбирай. Мы все можем! Мы видим, что ты парень способный, тебе и наверху быть. Будьешь большим пастырем. Ты только с нами сотрудничай. И делай, что скажем... Вот такая, как выясняется, скрываемая жизнь верхушки иерархии.

В.: А что этот пастор? Наверное, не согласился, раз тебе рассказывал?

П.: Не согласился. Но изящным способом. Его за это даже не посадили. Вывернулся. Пришел домой и пошел по соседям всем рассказывать, куда вызывали, зачем и что спрашивали. Естественно, что его больше не вызывали! Что можно иметь общего с человеком, который язык за зубами держать не умеет? Даже ради своего же счастья?!

В.: Молодец! Вот молодец!

П.: Вот он-то, кстати, посмотрел на меня и говорит: «С тобой, вижу, можно честно! Никому не рассказывал, столько лет молчу — а тебе, *вижу*, можно». И стал рассказывать. Про деятельность КГБ в церкви. Он знал так много, так много мне рассказал и объяснил, что я потом, когда из его дома вышел, оглядываясь, все боялся пулю в спину от какого-нибудь пастора получить. Ушел в заброшенное лесничество и там все записал. Кстати говоря, это сотрудничество касается не только высшего звена Церкви, что, казалось бы, естественно, но и руководителей местных общин. Там духовные учителя тоже назначались или по указанию КГБ, или с его одобрения. *Духовные* учителя...

В.: Слов нет!..

П.: Конечно, периодически видя отражение своей физиономии в стеклах комитетовских дверей, проповедовать с кафедры про Суд Божий трудно. Надо искать какое-то решение. Психологическое же приспособление заключалось в том, что эти агенты на логическом уровне вынуждены были убедить себя, что это их холуйство на самом деле есть не прислуживание, а, наоборот, высочайший нравственный подвиг. Что это — самопожертвование, самоотречение, отказ от себя во имя людей...

В.: Что-то это зловоние мне целительский Центр напоминает. И вообще, такое ощущение, что судьбы у нас симметричные — только названия разные. У меня это называлось Центром биоэнергетического целительства. Ты книги богословские переводил, а я импотентов лечила. Но, в сущности, одно и то же. На удивление.

П.: Естественно. Одна порода. На уровне логическом они не могут себе позволить думать иначе, что без их «самопожертвенного» акта Церковь при коммунистах не выжила бы. Время-то какое было... Иными словами, Церковь держится на фундаменте *их* подвига.

В.: Неужели? Вот глупость-то!

П.: А что? В результате они могут, забравшись на церковную кафедру, совершенно серьезно проповедовать о смирении перед Богом, доверии Богу во Святом Духе. И никакой клоунады. Выполнение распоряжений перепачканных офицеров КГБ — нравственный подвиг.

В.: А Иуда — лучший из двенадцати учеников.

П.: Да, вечный характер. Предавая Христа, он, как ему рационализировалось, тем исполнял предреченное пророками, а следовательно, совершал акт высшего послушания Богу.

В.: Ужасно. Как там в Библии? «Горе тому, *через кого* придут в мир искушения?» Есть там такое?

П.: Есть. И весьма близко к тексту. Ты у меня уже почти богослов. Я сам не помню точно, кажется «... горе тому человеку, через которого соблазн приходит...»

В.: И как они не понимают?

П.: А в твоём Центре, что, понимают? Ты же им пыталась объяснить!

В.: Там ученые, артисты, политики, — всего лишь. А тут — *богословы*... Впрочем...

П.: ...это одно и то же. Не понимают и не поймут. Такие люди, такая направленность души. Но что бы они ни вытворяли, дело Божье все равно не остановить. Ни пасторам, ни епископам, ни даже папе римскому — признанному из *признанных*.

В.: Агентов-то этих, наверное, как только КГБ разогнали, вышибли?

П.: Что ты! Все на своих местах остались. Они же *признанные*. Они те, кого религиозная толпа считает замечательными проповедниками. Осененными, просветленными, убеленными и обращенными. Кто их вышибет — они же гипнотизеры! Но даже если кто и ушел по старости, опять-таки на *церковную* пенсию, то детки их остались. Плоть от плоти. Теперь евангелизацией занимаются.

В.: Они?

П.: А то кто же? Кому как не им, с точки зрения иерархии, быть евангелистами? Именно после их выступлений больше всего фамилий «новообращенных» вносится в списки. Помню, одного замореекееанского приноживающегося проповедника, ну о-очень популярного, так он себе в помощники выбрал не кого-нибудь, а одного из этих агентов КГБ. Я этого деятеля давно наблюдал. Стали его на кафедру выпускать — все, за немногим исключением, в полном восторге. Я попытался было пару раз поспорить, дескать, что он говорит, ведь это же явная логическая бессмыслица, сеанс гипноза, стилизованный под проповедь! Как же на меня женщины завизжали! Слюной брызжут, дескать, ничего ты не понимаешь, *от него Святой Дух исходит!* Ладно, спорить перестал. А между тем, финны, видя бедственное экономическое положение

рушащейся Империи, решили кому-нибудь помочь. Естественно, выбрали его, Л. Ф. Он в Финляндию с приятелем отправился. Там им автомобиль подарили, нагрузили его шмотками и Библиями для раздачи. Эти друзья вернулись, но денег за проданный автомобиль — а тогда это были большие деньги! — показалось мало, и Л. Ф. ловят на том, что он дареными для раздачи Библиями торгует. Ловят, он отбалтывается, дескать, стоял с пачкой Библий на книжном рынке и просто спрашивал: сколько они могут стоить. Иерархия счастлива была поверить. Но это не единственный случай, когда его на воровстве ловили. Один пресвитер его за руку поймал, когда тот у него на книжном складе книги крал. Спрашивает: «Ты что, друг, делаешь?» А тот: «А что? Я для того, чтобы подарить»... У того же пресвитера история с этим Л. Ф. вышла. На проповеди-сеансе он видит: бабульки плачут. А этот пресвитер никак не может понять: почему? Вроде, Л. Ф. ничего особенного не говорит, пустяки какие-то общеизвестные. О пище и питании, кажется. А публика в слезах восторга. Спрашивать стал: чего, дескать, плачете?

В.: Ну и что?

П.: Да ничего. Посмотрели как на идиота бездуховного.

В.: А что с этим пресвитером?

П.: Сняли, конечно. Правда, позднее. Таких прозрений ни в одной авторитарной секте не прощают. Вмешательство начальства было минимальное — хватило энтузиазма низов. Кстати, это тот самый пресвитер, который психокатарсис изобрел. То есть, *как бы* изобрел. Еще в детстве. Сон ему снился: ворона его мучает. И так из ночи в ночь. Так он что придумал? *Днем* придумывал, как эту ворону уничтожить — подстрелить, сжечь, — а ночью, во сне, это и происходило. Кстати, он изобрел еще ребенком, что от проблемы даже точки не должно оставаться — иначе вновь вырастет.

В.: Молодец! Как все, однако, целостно в этом мире!

П.: Да. Жаль, я с его идеями поздно познакомился. Когда к тому же самому другим путем подобрался. Более долгим. Да... Но я прервался. Начал-то про этого воришку Л. Ф., про историю с машиной. Потом его приятель начинает требовать честного дележа денег за машину — по ровну. Отказ. Драка, с битьем стекол, мордобоем и воплями: «Чтоб у тебя ребенок коростой покрылся!» Словом, дело опять доходит до церковного совета, но исключают не Л. Ф., а того, другого, что попорядочней. А Л. Ф. рукополагают в сан. Дальше — больше. Как лучшего из лучших, отправляют его на учебу в Америку, за церковный счет, разумеется, и он добивается, чтобы разве что не голодающая церковь оплатила перелет за океан еще и его жены и двоих детей. Руководство иерархии, *естественно*...

В.: Понятно.

П.: Через полгода он присылает на восьми страницах письмо, все в цитатах из Библии, что, находясь в Штатах, он *прозрел* и ему *свыше открылось*, что место его здесь, что только *он* может помочь определенному контингенту американцев обрести Христа, и он меняет граждан-

ство. Порученное же служение, естественно, оставляет. О компенсации затраченных на него средств, естественно, и не заикается. Церковная публика читает это письмо, копирует, женщины умиляются. Правда, чуть позже выяснилось, что квартиру свою он еще *до того*, до отъезда за церковный счет, пристроил... И тут, про просветление, тоже вранье. Вранье, в которое все верят. А начнешь говорить, как на самом деле, так...

В.: Понятно.

П.: В Америке его, как и у нас, на руках носят, но он почему-то ссорится с начальством, ему перестают платить пасторское содержание, и тут он *внезапно прозревает*, оставляет христианство и переходит в иудаизм на еще более высокооплачиваемую работу. Теперь учит евреев, как надо жить. Тут, в Москве, заодно и выясняется, что он — агент КГБ. Стукач, попросту. У меня не зря опыт сыскальной работы — свои каналы есть, а тут еще его загадочный друг подвернулся, который все подробности про его с КГБ сотрудничество рассказал... Но самое интересное, что, несмотря на все это, та публика, которая на евангельских кампаниях от его «духовности» входила в транс, до сих пор ни во что не хочет верить, а только повторяют: «Л. Ф. себя еще покажет! Еще как покажет!» Словом, очень все это напоминает историю с Учителем Мирзой, про которого его ученики и пациенты *не могли поверить*, что он, убив человека, поступил нехорошо!

В.: Да...

В.: Так вот этот-то самый Л. Ф. и был самым популярным человеком на евангельской кампании! Что закономерно, как закономерно и то, что самого популярного телепроповедника Штатов сфотографировали, когда он расплачивался с проституткой. Пастор Жорик, не добейся жертвователи его удаления, тоже мог бы быть результативным евангелистом. Собственно, можно предсказать, что если историки когда-нибудь займутся изучением евангельских кампаний в посткоммунистическую эпоху, то выяснится, что лучшие евангелисты — бывшие агенты КГБ и их детки. А самые малоуспешные — те, которые, наоборот, честь свою не роняли. Словом, в церковных иерархиях наверху одни и те же. По причине, естественно, своей особенной «духовности», о которой можно сделать вывод по тому, что именно у них, когда они евангелизируют, наилучший в штуках *результат*. Куда там до них Христу. Да Он просто жалок в своем дилетантском проповедовании: всего 120 человек за 3,5 года работы. 3,5 года! А тут у деток — сотни, тысячи людей — и всего за несколько часов говорения в микрофон! И все это называется — «*служение Богу*», «*души приведены ко Христу*», «*дело Божье*», «*жизнь во Святом Духе*»... Так что, архивы КГБ еще пригодятся для научных изысканий.

В.: И это такая твоя *адвентистская* Церковь?!!

П.: Да, моя. А что, думаешь, Православная Церковь лучше? Патриарх-то, между прочим, в номенклатуру Политбюро ЦК КПСС входил, то есть, его кандидатуру на Политбюро атеистической организации утверждали! Весь Синод и высшие иерархи — агенты, чьи клички и гонорары также хорошо известны. Так было во всех церквях, во всех

деноминациях. И есть. Те же самые закономерности проявляются вообще в *любой* иерархии. Где один под другим — и наоборот. А что, сам КГБ разве не то же самое? Не та же самая Иерархия? Не та же ли самая Государственная Церковь? Те же некрофилы, гипнотизеры и нюхачи. И чем выше, тем к испражнениям ближе... А народ в восторге — *духовность!* Способ существования на выбравшей грех планете. И, насколько я знаю, своему верховному духовному под зад пинка дали только мусульмане. Муфтию. Не помню только, в котором из направлений. А у всех остальных — на месте.

В.: Понятно.

П.: Да, чуть не забыл! Этот Л. Ф. еще и исцелял! Внешне все честь по чести — слова обращения к Богу, дескать, мы в смиреннии пред *Тобой Господи*, яви *Свою* милость, если *Твоя* воля, восстанови прибегающего к *Твоему* милосердию!.. И у Л. Ф. исцелялись. Я не знаю, как офицеры госбезопасности относились к тому, что *их* люди как-то очень быстро обращаются в чудотворцев. Может, ржали над тем в курилках, а может, наоборот, будучи атеистами, все равно, как подручные Мирзы проникались ощущением, что *и они приобщены к «великому космическому делу»*. Не знаю, но интересно, каким образом это свойство агентов КГБ исцелять фиксировалось в их учетных карточках! Какой графой? «Стал сотрудничать с такого-то, исцелять начал с такого-то, первая успешная евангельская кампания тогда-то».

В.: Жаль, что я всего этого раньше не знала.

П.: Я тоже не знал. Это я сейчас могу такие обобщения делать. Да и то с твоей помощью. Но и раньше, еще до встречи с тобой, оказалось, что агенты КГБ для меня род особый. Я раньше пофамильно не знал, кто есть кто, кто агент, а кто — нет. Но замечал, что одним из начальства (очень немногим) я нравился, а другим — напротив, необъяснимое раздражение. И не знал почему, ведь, казалось бы, на словах они одно и то же учение исповедуют. А теперь, когда стал писателем, люди сами приходят и рассказывают, кто какие тайны знает. А уж про контроль КГБ над Церковью прежде всего. Кто, когда и при каких условиях был завербован. Я знаю несколько человек, которые эти материалы собирают. И в результате всех этих рассказов вдруг выявляется совершенно четкая закономерность: *кого к наушничеству принудить не смогли, тем я нравлюсь, а тем, кто сотрудничать хотел — тем нет.*

В.: Хотел?

П.: Именно *хотел*. Потому что, кто не хотел, легко мог отвертеться. Как тот пастор, который ходил по соседям. Способ-то достаточно общеизвестный. Духовный учитель — это не только социальное положение, но, прежде всего, психологическое состояние. Человек отождествляет себя со вселенной, все остальные — букашки, внизу мельтешащие. Если к этому прибавить мнение о себе как о принесенной плотской жертве, *кровавом трупе*, ради служения поправшем в коридорах КГБ элементарную человеческую порядочность, то это — скачок в гипнотических способностях. А это — способ решения проблем подчинения прежде всего кого-то из домашних. Скажем, способ угодить жене. Отклю-

чая ей критическое мышление, тем создавать ощущение *уверенности*. Уверенности в будущем, в верности избранного пути, в верности выбора супруга. Ей будет *хорошо*, как царице — рядом с Гришкой Распутиным. Как немкам на национал-социалистических собраниях. Угодить жене, причем анального типа... Скажем, детей делает, но как мужчина несостоятелен — что делать? Зато взамен — чувство уверенности! Энергетический алкоголизм. Да-да, все, в смысле целей, обычно проще, чем может показаться. Поэтому сотрудничество с КГБ — это выигрыш, прежде всего, психологический, мощный импульс садо-мазохистскому маятнику, а уж проявления — следствие. Скажем, способность быть «духовным» вождем. Так вот, повторяю, собрав достаточный объем информации, я обнаружил интереснейшую закономерность: меня на дух не переносят те служители Церкви, которые или сами были агентами, или их отцы ими были, или воры. Посмотрят эдак на меня внимательно, ну прямо как тот блудливый пастор, и заявляют, что я для работы в Церкви не годюсь. Ну совсем!

В.: *Так это они сами не годятся!*

П.: Так это-то и есть самое интересное! Ведь сами себя на логическом уровне они совершенно искренне оценивают, как наиболее фундаментальную часть Церкви, и может даже создаться впечатление, что они здравую себя оценку вытеснили настолько, что извлечь ее и сформулировать не способны. Но не так это!! Встречаясь с человеком-зеркалом, на суд над собой они, оказывается, вполне способны! Как в твоём Центре.

В.: Да, *это* они могут. Это точно.

П.: Ведь до каких форм идиотизма доходило! К примеру, заказали мне перевод одной очень важной для Церкви книги. Перевод взял посмотреть человек, на сотрудничество с КГБ не согласившийся, образование гуманитарное, практически филологическое, богословская степень наивысшая. Прочел и говорит: удивительный перевод! Уникальный. И в первую очередь с точки зрения *адекватности* перевода. Смысл передан поразительно точно. Обрати внимание: адекватности! Потом в руки перевод берет кэгебист с точно такой же наивысшей богословской степенью, но только без светского образования, в том числе и филологического. И заявляет, что перевод во всем вроде бы ничего-о-о, но только чего-то не хвата-а-а-ет. «Недовыражен», говорит, смысл подлинника. Иными словами, неадекватен. Видишь ли, в обиходе у переводчиков в ходу, по сути, только два параметра качества перевода: адекватность и литературность языка. Оценка текста как биофильного или некрофильного отсутствует. То есть она где-то, в каких-то умных академических статьях, возможно, и предлагается, но в среде переводчиков не в ходу. И в адвентистской Церкви тоже. Что, кстати, вполне закономерно, если вспомнить, какой организацией подбирался, или, во всяком случае, одобрялся командный состав Церкви... Психология вообще как лженаука подается... А между тем это, безусловно, самая важная характеристика текста! Естественно, если некрофил берет в руки текст биофила, то он подсознательно чувствует: что-то *«не то»*. Если

биофильный текст — авторский, то некрофил издательскому совету (владеющему только двумя характеристиками: литературность и адекватность) внушит, что хромает содержание, а если это перевод труда признанного иерархией богослова, то некрофил его отвергнет по якобы причине недостаточной его литературности, либо неадекватности. Кэгебист, о котором рассказываю, все-таки был достаточно опытен — столько лет на плаву! — и не рискнул обвинить меня в создании текста недостаточно *литературного*. Он был бы попросту смешон. Поэтому, естественно, вынужденно оставалось объяснить «не то» неадекватностью. Что и было проделано. Итак, что в итоге получилось? Два прямо противоположных отзыва об адекватности — одно от кэгебиста, другое от специалиста. Как ты думаешь, чье мнение победило в *христианской* церкви? Специалиста, но не кэгебиста, или неспециалиста, но наушника? Богословские корочки, повторяю, одинаковые.

В.: Если я правильно поняла, специалист более биофилен?

П.: Несомненно.

В.: Тогда человека от КГБ. Его мнение *показалось более убедительным*.

П.: Правильно. Так и случилось. И ни один из церковной иерархии против и не прокукарекал. И это в эпоху *после* развала КГБ! Когда у церковных агентов уже появилась возможность действовать самостоятельно. Но самостоятельность от КГБ не означает самостоятельности от некрофилии.

П.: А что было дальше?

В.: А дальше эту книгу дали переводить другому, более, видимо, благонадежному, но он сделал перевод настолько кошмарный, на русском языке таком ломаном, что пришлось отдать третьему. А третий, то есть, третья русским попросту не владеет. Я узнаю это дело — иду к агенту. Во время богослужения дело было. Он как раз закончил проповедь, духовное, так сказать, наставление. Все расходятся довольные, как и вообще все зомби после *сеанса*. Агенту, естественно, почести, восхищение от подчиненных и паствы. Словом, все как в пророчествах. Подхожу я к этому агенту и говорю: слышал, вы дали книгу — назвал имя — переводить. Она не справится, не в силах справиться, хотя бы уже потому, что у нее с русским языком нелады. *Этого* дара у нее нет. Может быть, вы дадите мне мой перевод обратно, я пересмотрю, поправлю, может, действительно что проглядел? Ведь колоссальные деньги напрасно растрачиваются. Да и время уходит. А агент мне говорит: сделать ничего невозможно, у *вас* не получится. Смысл текста — э-э-э... — *недовыражен*. Тут мне, как тебе среди целителей, эмоции его передались, и я говорю: тогда *вам* перевод этой дамы понаравится, ведь «встанем на наши ноги» для вас верх довыраженности!

В.: Что-что?

П.: «Встанем на наши ноги!» Предположим: «Встанем на наши ноги и поприветствуем наших гостей».

В.: Глупость какая.

П.: Правильно! Для тебя, как для здорового человека — глупость. Потому что для человека с неотключенным критическим мышлением

сразу же возникают два вопроса: «А что, разве в церкви принято становиться на *чужие* ноги?» Принято, поэтому сейчас необходимо специально оговорить — сегодня становимся только на свои? Или второй вопрос: «Что, разве принято становиться на *голову*? Или — на уши?»

В.: Смешно.

П.: Смешно. Потому что для недурманенных это попросту не по-русски. По-русски просто: «Встанем, поприветствуем...» Так самое интересное заключается в том, *какая* у кэгэбиста была реакция! Стал красным, как перезревший помидор на помойке, затрясся! Трясется-то трясется, но знает, что могут увидеть. Глаза бегают — не привык, что перед ним не на четвереньках. Потом взял себя в руки, косится по сторонам — заметили или нет. Но самое интересное даже не в том, *какая* была реакция, а в том, что она *была*. А раз *была*, следовательно, человек прекрасно понимает, пусть подсознательно, что он делает. Иными словами — сознательно «своими ногами» глумится. Но это глумление не просто удовлетворение некрофильских потребностей! Раз это продельвается на богослужении, с кафедры, во время проповеди — это *кощунство*.

В.: Это может подсознательно делаться.

П.: В данном случае это даже не важно: сознательно, подсознательно, бессознательно или еще как иначе. Главное, он все *моментально* понял. Я не думаю, чтобы он не знал, что «встать на *свои ноги*» это идиотизм в смысловом и стилистическом смысле. Полагать, что столь значительный церковный функционер дошел до *такой степени идиотизма*, было бы уж совсем несправедливо. Конечно, признанными специалистами становятся вовсе не специалисты, а *признанные*, но этот, все-таки, некоторые правила игры соблюдает. Но «вставать на свои ноги» мне кажется идиотизмом особого рода. Рядовому пастору принять и повторить эти «свои ноги» — как расписаться в абсолютном, беспрекословном, бездумном подчинении: мозги отключил, смотрю с обожанием на «старшего брата» и несу ту ахинею, которую он в меня вложил. А тот наблюдает: примет — не примет? Принял — свой, *предан*, не раздумывает, *не сомневается*. Это как контракт с КГБ: подписал, запачкался, следующий шаг уже легче. Великолепный способ контроля за подчиненными: повторяет — под колпаком, нет — нет, надо думать, как от него избавиться... А знаешь, как избавлялись?

В.: Как?

П.: Когда в КГБ было принято решение, что «красный помидор» отныне должен стать самым главным и самым духовным в СССР христианином-адвентистом, он немедленно подчинился и развернул кипучую деятельность. В некоторых районах было просто: достаточно было договориться с областным церковным руководителем, и все, прежде отдававшиеся под его начало, автоматически становились красными. Благо образ мышления менять было не надо. Но не везде так было. Не везде была эта стадная преданность начальству, — кстати говоря, в Библии напрямую запрещенная. В некоторые общины этому «красному помидору» — или попросту «красному» — приходилось приезжать лично или присылать своих эмиссаров. Разговор бывал, разумеется,

недолгий. Дескать, так мол и так, вставать отныне будете на свои ноги, а деньги, соответственно, пересылать нам. А еще мы вам повелеваем верить, что чем больше вы нам их перешлете, тем больше у вас шансов на спасение, *ибо сказано*: «доброхотно жертвующего любит Бог!» И тут оказывалось, что общины во мнениях разделялись. Только часть «вставала на свои ноги» и начинала славословить Бога за «открытый им новый свет». Другая часть не соглашалась. Случалось, за «красным» шла лишь меньшая часть общины. А большая — а хорошие, видать, были общины! — посылала его куда подальше. И вот тогда вмешивались власти. Большую часть общины лишали регистрации — а раньше за проповедь вне церковного здания полагалась тюрьма, лишение регистрации было своеобразным удушением — а отобранное у большей части общины здание передавали меньшей части, чтобы было где «встав на ноги», сдавать пожертвования. А отказавшихся — кого куда...

В.: Откуда ты все это знаешь?!

П.: Дело нехитрое. Люди рассказывают. Да и книги уже на эту тему публикуют. Держал в руках изданную в Америке переписку изгоняемых с Генеральной конференцией — руководством Всемирной Церкви адвентистов. «Что такое творится?! — писали. — Ведь вашим именем все делается!» И подробности: разгром, вражда, разделение, силовая помощь властей...

В.: А Генеральная конференция?

П.: А те тоже поддерживали «красного». Что, вообще говоря, наводит на размышления. Как такое может быть, что у КГБ, цель которого — мировая революция и повсеместное уничтожение состоятельных классов, то есть, американского среднего класса в первую очередь, — в точности то же мышление, что и у «христианской» малой церкви, центр которой недалеко от Вашингтона?! Кто у кого «под колпаком»? А может быть, обе эти централизованные организации «под колпаком» у какой-то третьей?..

В.: Словом, кругом обман.

П.: Да. Только попасться на него могут лишь те, кто этого хочет. Можно не путешествовать и не знать, что происходило в недалеком прошлом в других частях страны. Можно не владеть английским, чтобы познакомиться с опубликованными документами. Но авторитарное мышление: «ты начальник, я — дурак» ни «красному», ни его приспешникам не спрятать. Оно проявляется во всем: в стиле жизни, психике деток — а они у них кто вор, кто эмигрант, кто церковный начальник, психологически это все одно и то же, — проявляется в стиле речи, уроковании языка... Словом, своего они добились: иерархия вставала-таки «на свои ноги», и по несколько раз за богослужение: «встанем на свои ноги и помолимся...» Словом, всякий, подчинивший себя некрополю, восторгается не только самим источником, но и его эманациями — исковерканное русское слово кажется красивее, привлекательней, *убедительнее*. Вот так. А кто сохраняет верность чистоте языка, тот, следовательно, уже «не то». «Недовыраженный»... Ни один некрофил не в состоянии сопротивляться влечению распространить свое влияние на

весь мир, в эффективности этого своего влияния он хочет удостовериться, причем, желательно, на каких-то материальных объектах, поэтому, естественно, те каналы публикации церковной литературы, которые он контролирует, он постарается пропитать тем же духом «своих ног»... Одним словом, ту чрезвычайно важную книгу выпустили. Аж через три года после того, как я закончил перевод, но выпустили. Но не просто так, а в два этапа: отпечатали несколько сотен экземпляров, и вдруг выяснилось, что многие в ней места «довыражены» с точностью до наоборот! Представляешь? Проще это называется — ересь. И это в результате такой долгой работы! Две с лишним недели думали, что делать...

В.: И?

П.: Допечатали. Переделывать не стали — оставили в том же виде. Думаешь, этому кэгибисту по шапке? Ничего подобного — все так же произошло, как и с Л. Ф. Почести, восторги — любимое некрофильское чувство. А насчет книги... Вот уж точно, если здоровому человеку ей пользоваться по прямому назначению и невозможно, то объектом изучения для историков и психологов она быть вполне может. Скажем, для изучения некрофилии. В ней, выражаясь языком того кэгибиста, все «довыражено». Это не просто плохо сработанный текст. Это нечто большее. Дело в том, что люди, обыкновенные, я имею в виду, реагируют не столько на содержание, его они могут не понять или недопонять, сколько на стиль. Это так! Для женщин неважно, кто и о чем писал книгу; главное, чтобы в тексте почаще встречались слова: «нежно», «мило», «хороший», «истинная любовь», «возвышенное чувство»... Есть, конечно, и более тонкие читатели. Скажем, как Лев Толстой. В его время все восторгалось Шекспиром как непревзойденным гением, и как только свой восторг ни объясняли: и афористичностью языка, и мастерством сюжета, и особой духовностью, и так далее. Один лишь Лев Николаевич считал Шекспира бездарем и поносил его по малейшему поводу, даже написав на эту тему пространную статью. Льва Николаевича современники сочли оригиналом, а его оценку Шекспира — причудой гения, нисколько не подозревая, что мысль Льва Николаевича «поддержат» в будущем такие авторитетные деятели, как... Гитлер и Сталин.

В.: Неужели?

П.: Поддержат в переносном, разумеется, смысле. Естественно, они высказали противоположное Толстому мнение, чем и доказали правоту Толстого. Казалось бы, и фашисты, и коммунисты поносили друг друга, воевали друг с другом, и из этого, якобы, следовало, что они разные. Но удивительное дело! И в Германии, и в Советском Союзе 30-х годов самым почитаемым, приемлемым и «духовным» драматургом был... Шекспир! Его ставили во всех театрах, верный вождем народ шел валом, благоволило и руководство. У Шекспира много религиозных фраз, но это неважно, — и атеистам, и фашистам Шекспир был созвучен именно на *подсознательном уровне*. А Толстому — нет! Это — в стиле. И так во всем. В том числе и в книге богословского жанра. Даже будь в той книге, о которой я рассказываю, с богословием

все в порядке, если стиль ее с некрофильским душком, то, естественно, что склонных к биофилии, то есть как раз тех, ради кого Слово и воплотилось в Иисуса из Назарета, этот текст отпугнет. И наоборот, этот душок привлечет в Церковь публику противоположную, тяготеющую к некрофилии, которая, пусть на логическом уровне не умея некрофильский стиль определить, все равно *почувствует* нечто *свое, родное*. «Довыраженное»!! Поэтому правы те мудрые люди, которые говорят, что кэгибщина будет сказываться на жизни Церкви еще долго, не одно десятилетие. И не важно, что вымрут собственно те, которые с доносами в руках протоптали на коврах в известные кабинеты дорожки. И дело даже не в том, что останутся их детки, которых отцы усадили в Церкви на самые выигрышные и для кармана, и для путешествий, и для гордости местечки. И не в том, что уже родились внуки и внучки, любимая игра которых — вытолкать всех остальных детей из песочницы; поведение этих деток для специалиста — открытая книга, в смысле распознавания тайн характеров плотских родителей. Вся система подбора кадров, я имею в виду пасторов, десятилетиями контролировалась. Как ни крути, но главное условие заключалось в том, чтобы человек мог «довыразить». Поэтому они вполне искренно — на логическом уровне — будут выкорчевывать, где удастся, все то в церковном издательском деле, в чем почувствуют «не то». И как они это будут называть, — «довыражение» или очищение, убеждение или просветление — не важно. Одни последствия их контроля над издательской деятельностью Церкви — на десятилетия.

В.: Тебя никто не будет слушать. Не только агенты, но и те, кто под их энергетическим контролем — тоже.

П.: Я знаю. И никому, кто с полуслова не понимает, ничего доказывать и не пытаюсь. Бесполезно. Что предсказано, то и исполняется. Предсказывалось, что «звезды», то есть кумиры церковные, в представлении паствы наидуховнейшие «пастыри», непосредственно перед Пришествием будут падать. А какие могут быть звезды у необращенных? Открываешь периодические издания Церкви — портреты некрофилов. Классические выражения губ. На тех же фотографиях — паства, взирающая на них с комсомольским задором. Кроме портретов — стиль. Канцелярит. Кроме стиля — содержание. Начинаешь в церковных изданиях читать про психологию и психиатрию — диву даешься, слово в слово мысли из целительских изданий. Толстого поносят. Намеки на то, что «не судите кэгибистов — не судимы будете». Для подобного рода материалов издания открыты всегда, а вот когда мою повесть «Чужие» стали в одном из них печатать с продолжением, то реакция была бурная. Тот же самый агент «со своими ногами» распорядился, чтобы публикацию прекратили, дескать, *народу* не нравится.

В.: Народу? Как так? Ко мне столько же подходили, хвалили. Говорили, насколько, прочтя повесть, они стали доброжелательней к людям относиться. Как так?

П.: А так. У подавляющих всегда — «народ». Без конкретных имен, чтобы нельзя было проверить. И чтобы значительнее звучало. Этому

даже в Хаббард-центре учат. У Хаббарда, правда, не «подавляющие», а «антисоциальные» в соответствии с американской школой психологии. В те годы предпочитали термин «антисоциальные».

В.: Так ведь это же одно и то же?

П.: В общем-то да. Просто дань уважения к вложившим свой труд. Так вот, мне редактор того издания рассказал: пришел тот агент и приказал, чтобы публикацию прекратили, потому что *народ требует*. Представляешь, какой скандал? Четыре выпуска уже напечатали, или даже пять, а потом приказ: *прекратить*. И редактор прекратил.

В.: И даже не сопротивлялся?

П.: Может быть, и сопротивлялся. Но не настолько, чтобы об этом кому-либо стало известно. Мартини Лютеры у нас что-то не проявляются. Все тихо. То есть оно, конечно, когда вдруг найдется правдолюбец и ничего не останется сделать иного, как пнуть кэغبиста под зад, найдется чрезвычайное множество людей, которые добавят...

В.: Многие как раз из *его* людей!

П.: Это всенепреренно. Возможно даже, собственные детки. Подавляющих только так и провожают. Некогда восторженная толпа из фазы «мазо» в «садо» переходит легко. Трупы убитых римских императоров толпа нередко скидывала в Тибр. И тут же «мазо» по отношению к следующему... «Императоры» об этом знают и с толпой потому особенно не церемонятся. Встают им не только на ноги, но и на голову. Так было, соответственно, и будет... А что до запрещений публиковать... И это в истории Церкви уже было. Да только кто ее хочет знать, эту историю? И напрасно — себя обделяют. В свое время, когда Елена Уайт* написала свою великолепнейшую книгу «Путь ко Христу», в Церкви ее публиковать не стала.

В.: Почему?

П.: Из-за иерархии. Знала, что посекут, изрежут, изуродуют купюрами. А такие вещи, как кромсать чужие произведения, можно делать, только прикрываясь формулой «народ требует». А народу, как известно, по вкусу только то, что на пользу императору церковной иерархии. Я, разумеется, не могу знать, *как* это делается в коридорах церковных иерархий. Наверное, про «Путь ко Христу» решили, что, дескать, бездуховная, не может принести пользы в деле евангелизации страждущего населения планеты.

В.: *Не может?* Ведь чудесная книга!

П.: А вот именно потому, что чудесная, иерархию она и не устраивала. *Не то. Недовыражено*. Словом, опубликовала она свою книгу не в церковном, а в частном издательстве, за что я Богу и благодарен. В

* Елена Уайт (1827–1915) — христианская писательница. Ее отличает отчетливое неавторитарное мышление — следствие, среди прочего, образования, полученного вне существующих педагогических иерархий. Ее труды опубликованы на десятках языков мира. Доступные русские так называемые переводы ее книг не передают красоту стиля и глубину мысли Елены Уайт, подчас даже смысл изменен на противоположный, поэтому советуем читать ее в подлиннике.

смысле, что опубликовала. Так вот, церковная иерархия с тех пор приспособилась: переиздает «Путь...» миллионными тиражами.

В.: Памятник убиенным пророкам.

П.: Точно. *«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: „если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков“; таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков...»* Это от Матфея 23 глава. Такое запоминается. Типичная история: противостояние предыдущему поколению рационализируют как духовное прозрение. Забитым отцами пророкам ставят памятники, и их книги ставят на почетную полку. А нового пророка — тем более, Самого Христа — отвергают. Как в точности и отцы. Когда Андрей Первозванный и Иоанн Богослов пошли за Иисусом, то их привлек Его Дух, или, если угодно, как проявление Духа — стиль Иисуса. Он им в момент встречи никакой проповеди не читал и ни одного так называемого чуда не показал (первое было после — в Кане Галилейской) — а они пошли. А фарисеи — нет. Иисус что-то «невыразил». Только вот, если бы Иисус «довыразил», то фарисеи бы пошли, а вот Андрей с Иоанном — нет. Так и церковная иерархия времен Елены Уайт: хотя формально к содержанию «Пути ко Христу» придраться невозможно, все вроде бы так, *но...* Но что интересно, этот факт из истории, чрезвычайно важный для осмысления Церкви как реальности, в Церкви разве что не засекречен! Я опрашивал многих выпускников семинарии — не знают! То, что Елену Уайт церковная иерархия сослала в Австралию, чтобы не мешала «проповедовать Евангелие» — знают многие, а вот историю «Пути ко Христу» — не знает никто. Во всяком случае, когда я спрашивал. Сейчас, правда, есть об этом публикация в специальном журнале для пасторов, а тогда — не знал никто. Даже не все магистры. В такого рода подборе материала для преподавания есть нечто закономерное.

В.: Естественно. Преподавательский состав связан с издательским делом?

П.: Связан. Напрямую.

В.: Ну так?.. Продолжай мысль.

П.: Так... Во времена Елены Уайт иерархия печатала очень много... И если ей не нравился внутренний дух того, что писала Елена Уайт о живой связи со Христом, то, соответственно, иерархии нравились труды законнических... *«Что было, то и будет, и нет ничего нового под солнцем»*, то... История повторяется?..

В.: Ты же мне только что сам сказал, что статьям, поднявшимся на дрожжах целительского способа мышления, путь в церковные издания открыт. А целительское мышление...

П.: Оно же и законническое!! Оно же и авторитарное! Все сходится!! Естественно, все в Церкви как бы благополучно: богослужения, кафедры пасторы призывают к покаянию, народ «молится» и жертвует на «евангелизацию»... Пасторы благословляют браки, которые ни-

чем не отличаются от браков нецерковных. Церковной публике все это приемлемо. Богу же...

В.: Понятно!

П.: А куда мне или тебе в их игры играть. Прежде всего, не смогу сказать «встанем на наши ноги» так, чтобы все разом провалились в чувство восхищения, дескать, *какая духовность!* Это, помнится, гипнотизер Мессинг однажды вышел через проходную КГБ, в то время еще НКВД, показав часовому вместо пропуска пустую бумажку. И более того — выходил он *на спор* с ответственным сотрудником НКВД, который *специально* позвонил на контрольно-пропускной пункт, чтобы там были особенно бдительны.

В.: И все равно прошел?

П.: Разумеется. Так что, церковные гипнотизеры могут спокойно призывать к покаянию и даже обличать других гипнотизеров как агентов сатаны — собранная *ими* паства их и останется.

В.: Это как «белые» маги обличают «черных»: дескать, черные от сатаны, поработают волю, а мы вас *предупреждаем*, им не верьте, вы *нам* верьте!

П.: Правильно! Некрофилам все равно, что показывать, хоть пустую бумажку вместо пропуска, хоть яйца на потолке — все равно паства исполнится нужной эмоцией восхищения. А вот если ты или я предложим *встать на свои ноги*, то нас только высмеют.

В.: Я так рада, так рада, что ты спокойно к этому относишься! И ни с кем не споришь! Я-то теперь тоже не спорю. Хотя раньше пыталась. Но объяснять некоторые вещи — бесполезно. Кому дано — сам поймет.

П.: При чем с полуслова. А доказывать — это уж точно, бесполезно. Как Гитлеру про ущербность Шекспира.

В.: Да.

П.: Так что теперь это исторический факт, что официальная церковная иерархия эпохи кэзэбщины во всех уголках громаднейшей на планете империи из недели в неделю, в субботу, громыхнув каблуками вычищенных до армейского блеска ботинок, вставала на свои ноги и требовала того же и от безмолвствующей паствы. И невозможно было никого в иерархии убедить, что не должно осквернять богослужения сквернословием. Я знаю кандидата филологических наук, которая попробовала — плюнула. Теперь, правда, власть переменилась, «ноги» уйдут, но появится что-нибудь такое же. Вернее уже появилось — стиль стадионных евангелистов. «Мы имеем преимущество... Я имел преимущество... Ты имел особое преимущество иметь возможность...» Как говорится, новые времена — новые песни.

В.: Это точно. Обличие они менять умеют. Или даже — любят.

П.: А насчет выбора... Могу тебя познакомить с еще одним фактом из истории российского адвентизма. Опять из посткоммунистической эпохи. Свобода настала или несвобода — это неважно, главное, власти не препятствуют публиковать церковную литературу. Но официальное церковное издательство стало издавать до смешного только переводных авторов, да и то исключительно «избранного народа» — амери-

канского. Для пасторской иерархии, которая привыкла вставлять «на свои ноги» и никогда в собрание сочинений Толстого не заглядывала, это, возможно, и верх духовности. Но, вообще говоря, на родине Льва Николаевича, где его достаточно многие читали, это все выглядит достаточно гнусно. Хорошо, решают издать какого-нибудь русскоязычного. Пишущих адвентистов достаточно много, поэтому, чтобы из них выбрать, собирают комиссию из самых-рассамых «духовных» «старших братьев». Те начинают выбирать. Наконец, одного выбрали, остальных, соответственно, — вон. Выбранный О. С. — фигура заметная: за политику в лагере сидел, затем степень магистра богословия получил, преподаватель семинарии. Журналисты при всей своей ненависти к сектантам уважительной интонации интервью с ним публиковали разве что не во всех газетах. Про церковные периодические издания я уж не говорю. Студенты богословского отделения, восторженно закатывая глаза, называли его не иначе как: *ересиарх...* Словом, святой, гений, герой духовного поприща. Только вот небольшая случилась незадача... Года через полтора после публикации его книги к ректору приводят трех в совершенной депрессии семинаристок, которые признаются, что когда они к ересиарху приходили на консультацию по христианской философии и риторике (его предметы) то он запирает дверь и, расстегнув ширинку, вытаскивал... Словом, это эксгибиционизм называется. Когда маньяк получает удовольствие от вида испуганной до столбняка жертвы и на нее онанирует. А она потом с омерзением бежит отмывать кофточку, руки... Все это семинаристки ректору и рассказывают... Скандал! После такого в любом светском учебном заведении времен социализма такого бы пинка дали, что ускорения хватило бы улицу перелететь. Но дальше все развивалось по той же самой схеме, что и с Л. Ф., воришкой-иудеем. О. С. объясняет ректору и совету, что ничего не было, дескать, милые студентки его, брата во Христе, не поняли, неверно истолковали его отеческое к ним участие. Словом, еще при этом как бы и покаялся, дескать, слишком много сердца вкладывает в единоверцев, неосторожен от злых помыслов окружающих, — словом, его оставляют в преподавателях. Далее происходит следующее. О. С. и прежде довлел к православию (специфические обороты речи, терминология, отношение к браку и т. п.), а тут и вовсе организовал в семинарии конспиративный кружок по изучению трудов отцов православно-католической Церкви. Характерная деталь! Когда О. С. сам был студентом университета, он уже организовывал одну конспиративную организацию — ультрамарксистскую! Представляешь? В стране с коммунистической государственной верой организовать марксистский кружок с целью захвата государственной власти!

В.: Да?..

П.: Одним словом, он в своем университетском городе организовал не просто несколько человек для ругани правительства, но создал и подчинил себе достаточно разветвленную организацию с филиалами в разных городах, и в столицах тоже. Конспирация, все как положено: шнурки якобы завязывали, чтобы посмотреть, нет ли слезки, и так

далее. КГБ, однако, не дремало, молодцов повязали. О. С. как организатору дали больше остальных — семь лет. Для 1970 года еще немного. Тем более, человеку, который на суде цитировал Ленина целыми страницами... Он, правда, не досидел до конца, выпустили.

В.: Почему?

П.: По бумагам формулировка всегда бывает одна и та же: в связи с осознанием... исправлением... ударный труд... и так далее. Но на практике, как пишет Солженицын, за всю историю ГУЛАГа не было ни одного случая амнистии политического без того, чтобы он не согласился на сотрудничество с органами... Но сейчас я не про это. Психологический тип — умение организовывать, подчинять, но в оригинальной форме — конспиративной. Так поступал, пока был атеистом; потом, став христианином, устроился работать в секте (как бы в подполье!), а когда настали времена свободы слова, и усилиями газетчиков к всем и всяческим сектам привыкли, и О. С. из-за этого утратил возможность чувствовать себя исключительным, он организовал ячейку внутри (!) адвентизма! Словом, все осталось на своих местах — он во главе подпольщиков. На этот раз — православных. В православной стране!

В.: А зачем это ему?

П.: Не знаю. Но можно пофантазировать. Для эксгибициониста в его манипуляциях с собственными половыми органами важны не столько сами органы, сколько реакция женщины — ее ужас. Абсолютное подчинение, умерщвление более глубокое, чем ее восторг перед ним как преподавателем. Предположим, он вытаскивает свое «хозяйство» в тамбуре какой-нибудь электрички и показывает его издавшей виды тетке. Та не испугается и, кто знает, может быть, посмеется. Или, наоборот, предложит ее проводить домой. Реакция же семнадцатилетней студентки, да, тем более, *духовной* семинарии, которая верит, что как люди учат, так и живут, будет совершенно иная. Ужас при виде манипуляций магистра богословия со своим половым органом будет, видимо, максимально возможным. А это и есть истинная цель гурмана! Ради такого удовольствия можно годами притворяться. Когда к сектам привычки не было, удовольствие можно было получить сходное. В особенности, в каком-нибудь маленьком заштатном православном городке скажи, что ты сектант, — так улица немедленно опустеет. А тем более, можешь себе представить реакцию какой-нибудь студентки, когда ей предлагали вступить в антиправительственную марксистскую организацию! И это в 70-м году!

В.: Представляю. Кошмар.

П.: А у него, небось, на штанах мокрое пятно появлялось. Иным словами, эксгибиционизм этого преподавателя христианской философии явно не вдруг сформировался. Это еще прежде юности зародилось... Да... На чем мы остановились?.. А! О кружке по изучению отцов православия и католицизма. В итоге, спустя два года этот гражданин объявляет о присоединении к Православной церкви. Дескать, все годы, которые получал зарплату в адвентизме, он, цитирую, «как бы имел в виду, что он православный». Что, вообще говоря, справедливо: доста-

точно посмотреть на стилистику его книги, лингвистику и явно авторитарное мышление... Словом, перешел, и его с распростертыми объятьями приняли. Само собой событие: не просто какая-то бабулька перебежала в очередной раз, а магистр богословия, преподаватель семинарии! Да еще четырех студентов увел за собой, которые твердят, что обвинения в эксгибиционизме — навет на *учителя*... Но и до «обращения» он пользовался большой популярностью и вне церкви: лекции читать приглашали разве что не во все высшие учебные заведения. Удивительно! *Сектанта* — и приглашали!

В.: Не менее удивительно, что ему удалось создать марксистскую подпольную организацию в марксистской стране.

П.: Приятно слышать! Конечно. Все это не удивительно, а закономерно. Важно не *что* говорится, а *кто* говорит. И люди никогда не ошибаются, выбирая созвучный им дух. Я на первой же страницеopusов этого О. С. сломался и больше читать не мог. Но с точки «старших братьев» это наилучшее, что есть в российской адвентистской церкви. Естественно, что если им нравятся тексты О. С. или тот диалект, на котором при переводе извратили ту книгу об основах адвентистского вероучения, то вполне естественно, что им не нравится Толстой, не нравятся другие здоровые люди, и совершенно нет ничего стеснительного в том, чтобы прервать публикацию моей повести на середине. Этот О. С. отнюдь не случайная личность, и вовсе не «вдруг» сошедший с ума, чем, наверное, оправдывают странные результаты своей работы члены той комиссии. Это сейчас студенты говорят, что ничего интересного в лекциях О. С. не было: всякий раз, в сущности, сводилось к одному и тому же, дескать, скукота. Сейчас они просто не позволяют себе вспомнить, как все в восторге закатывали глаза, сладко произнося: «*ересарх*»... Да, кстати о студентах! Именно эта искренность забывания, именно эта неспособность вспомнить свои недавние слова и убеждения есть, как замечено историками, та черта, которая отличала гитлеровских гауляйтеров. Именно за это их нравственное свойство Гитлер и его ближайшее окружение прощали гауляйтерам любые преступления. «Любые» — это я увлекся. Слишком сильно сказано. Им, разумеется, не прощали неверность руководству, даже малейшую, не прощали вплоть до чисток, а вот за хищения в каких бы то ни было размерах разве что легко журили: не попадайтесь, дескать. Точно такие же порядки и в семинарии, где преподают О. С., «красный помидор» и другие. Когда два студента богословского факультета, изготовив липовые документы, по ним продали чужой дом, а полученные деньги — как я слышал — пропили по европейским пивнухам, их, когда они, обезденежив, вернулись в семинарию доучиваться на пасторов, как и перед тем О. С., тоже простили. Более того, ограбленных покупателей — тоже членов Церкви, между прочим! — руководство семинарии отфутовывало всеми силами, с той энергичностью, с которой обычно действуют подельщики в бандах. Но покупателям управу все-таки найти удалось. Ох, и противно же пересказывать гнусные подробности «покаяния» этих двоих! Не буду! О. С., хотя бы, вопреки троем свидетелям

отпирался до конца. А преподавательский коллектив вел себя так же, как и в случае с эксгибиционистом О. С. Дескать, да, мы учим и проповедуем, что покаяния сплошь и рядом иудины, истинные же редки и непременно индивидуальны. Но в вашем случае, дорогие наши липачи-семинаристы, будущие вы наши ненаглядные богословы, мы готовы верить в повальное ваше покаяние. А потому мы повально готовы верить в повальное ваше покаяние, что наш педагогический опыт показывает, что именно из таких липачей и вырастают пастыри, любимые стадами баранов. Именно тех баранов, которые нас устраивают. И которых мы устраиваем. Которые приходят нами восхищаться и рвутся нас содержать, и при этом веруют, что они творят Божье дело, а не соучаствуют в осквернении святыни. Хорошие бараны. Да и стадо растущее. В особенности, после визитов заокеанских приноживающихся стадионных зазывал. Таким баранам внуши: «Не судите, не судимы будете,» — они и будут это бесцельно повторять только в нужные нам моменты и только в нужном нам смысле. Тем не только не мешая нам в достижении наших целей, но, напротив, нас ограждая.

В.: Стокгольмский синдром.

П.: Точно. А промежуточное звено — соответствующего типа пасторы. Которых и подбирают самые «духовные» пастыри пастырей: «красный помидор», онанирующий эксгибиционист и им угодные. Но у «красных» бывают и «проколы». Редко-редко кто-то из студентов-богословов все-таки начинает мыслить. Представляешь?! Самостоятельно! И тогда в семинарии начинаются чистки. С удалением неугодных. Но вычищают, разумеется, не воров и не эксгибиционистов.

В.: Система гауляйтеров. Гитлеровских.

П.: Да. Один к одному. Чистки для одних, покрывание других. Во имя, разумеется, высоких целей. Гитлеровцы тоже, между прочим, строили новый мир. Более нравственный. Чистый. С копрофилом во главе. А этот копрофил тоже написал своеобразное «Церковное руководство» — «Майн кампф». Для народа написал. Руководство, которое сам выполнять не собирался. Но гауляйтеры прилежно изучали. Как добросовестные семинаристы «Церковное руководство» изучают — с тем, чтобы, выучив, красть. И забывать. Как в той самой семинарии студенты, *когда потребовалось*, разом забыли, как закатывали глаза, сладко произнося: «ересиарх», «совесть Церкви»... **Никаких ошибок нет — все целостно!** Это только может показаться, что воришка-иудей, адвентист-кэгэбист и православный эксгибиционист разного типа люди. По словесам они точно разные. Но не по базовому свойству своего характера. Одна и та же публика в адвентистских общинах умилилась от исходящего от них всех «Духа Святого», визжа на редких несогласных. Всех их троих с удовольствием принимает и так называемая неверующая публика. И для православных с иудеями они совершенно органичны. Как вообще для любого носителя авторитарного мышления. Потому что все это суть авторитарные секты, и совершенно неважно, что некоторые из них по приказу того или иного императора разрослись до размеров государственных религий. Так что *все целостно*. И

вопли той старшей дьякониссы, что от воришки-иудея Дух Святой исходит; и брезгливо-приноживающееся выражение американского адвентистского евангелиста, который не ошибается, выбирая себе помощников, и так результативен; и результаты работы комиссии «старших братьев» по выявлению «духовных» авторов; и проворовавшийся пастор Жорик; и студенты эти; и то, что сместили начавшего что-то соображать пресвитера, еще ребенком изобретшего психокатарсис; и то, что меня поперек всех и всяческих правил отлучили; и весь этот гнусно-канцеляритный стиль церковных изданий, язык начальников и подхалимов, который «старшим братьям» единственно и приемлем; и смысл статей, в которых поносят Толстого, но дают трибуну людям цельительского мышления; и что «Церковное руководство» — всего лишь бумажка, которую так же не соблюдают, как нацисты когда-то «Майн кампф»... Все целостно! А смена обличий с иерархо-адвентистской на православную или иудейскую, или обратно — это не изменение. Ох, уж эта братия! Казалось бы, коммунистическая Империя рухнула, произошло то, на что не смели надеяться даже в самых смелых мечтах, объявили свободу — поступай по совести! Вмешательство госбезопасности в дела деноминаций прекратилось. Казалось бы, агенты КГБ должны теперь уйти и на их место должны встать *другие*. Психологически другие. Но вместо этого из-за океана толпой ломанулись вместо лучших из лучших — признанные из признанных. Все это называлось помощью русским в познании Христа. И начались эти стадионные кампании, на которых царил Л. Ф. и тот, который выбрал его в помощники и немедленно снюхался и с остальными такими же. Собранные в толпы люди послушно вставали, когда проповедник распоряжался встать, и садились, когда сесть позволяли, совершать крещение отправлялись гурьбой, принимая за Дух Святой поселившийся в них голос, не послушаться которого невозможно. Естественно, что усилиями приноживающихся проповедников численность Церкви по местам выросла в десятки раз. Как же мне было стыдно тебя в это сообщество в первый раз вести! Тем более, при всех твоих экстрасенсорных способностях и умении самостоятельно сделать вывод. Но вести пришлось, потому как больше некуда...

В.: Но ведь и там есть люди. С которыми ты, например, дружишь.

П.: Естественно. Даже с тех же компаний. Некоторые же воспринимали евангелистов *только* на логическом уровне, а здесь все было правильно... Но сколько людей способны воспринимать только логический уровень? Один из тысячи? А остальные 999?.. Да... Ну а дальше, после евангельской кампании все развивалось закономерно. Больше половины проявивших столь «горячее» религиозное рвение на стадионе после отъезда приноживавшегося проповедника, не получая более пьянящего некрополя нужной интенсивности, богослужения посещать перестали и вернулись к прежней жизни. Однако, «загорелись» вновь после того, как через год нюхач приехал вновь, все они вдруг нашли время прийти и с одинаковой специфической интонацией в голосе заговорили об *обновлении духовной жизни*. После отъезда опять разошлись.

Через год с приходом евангелиста цикл повторился вновь. В точности. Вторая половина, с более устойчивыми кодировками, проявляла себя не менее закономерным образом. В частности, предпочитали одних слушателей Церкви другим. В большем фаворе, разумеется, оказались те, рядом с которыми их семейные больше болели и раньше умирали. Не выдерживали, так сказать, *напора проповеди Евангелия*. А топтали тех, которые, напротив, некрофилам не нравились... Словом, жизнь просчитывается, и, как это ни грустно, ох, как просчитывается... Но просчитать другого легче, чем себя. «*Вникай в себя и в учение*», — завещал апостол Павел Тимофею. Я понимаю, что это, наверное, самое в жизни интересное. Но *как* себя познать? Субъективно мы всегда оцениваем себя на «отлично». Как же *в себя* вникнуть? Только один путь и остается: оценить тех, кому нравишься, а кому — нет. «*По плодам узнаете их*». И себя самого тоже. «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты». Ты — моя, мы вместе, всем моим церковным друзьям, которых я уважаю и которые не унижутся до лукавства, ты понравилась. Иерархии же ты не понравилась, она тебе тоже. Мне кажется, что если бы мы с тобой поменялись местами, то эти агенты, ряженые в протестантизме, и тебя, точно так же, как и меня, отлучили бы, отлучили бы, а я бы не ужился с этими под иконами целителями. Да, плоды наши с тобой одинаковые... И один из них тот, что пасшиеся в КГБ князья Церкви и их детки на дух меня не переносят. И прекрасно. Эти духовные и буквальные детки кэзбистов для меня своеобразные дочки офицеров. И те, и другие узнают во мне папаш, только дочки офицеров, которые убеждены, что садо-мазо — это прекрасно, хотят замуж, а детки князей, на уровне логики зная, что садо-мазо «Бог не велит», реагируют иначе.

В.: Вот, значит, какой путь постижения...

П.: А как иначе? Другого пути нет. Отсюда естественно, что ради самопознания приходится постигать других. А это значит, приходится срывать маски. Скажем, меня отторгает церковная иерархия. Я им чужд. А почему? Волны какого поля циркулируют внутри данного сообщества? Сами-то они говорят, что *истинные*, Богом посланные, Его представители на земле, а раз так, то что они коллективом порешат, то и истина. А усомнишься в их святости, так они тут же: не судите, да не судимы будете...

В.: Сами-то суждение навязывают, внушают, хотя бы, о своем посланничестве — а чем это не суждение? — а начинаешь мыслить от них самостоятельно...

П.: Так тут же: не судите и не судимы будете! Вырвали фразу из контекста, а там...

В.: Там, наверное, речь о духе суждений, об основании к размышлению, о цели...

П.: Ты у меня просто природный богослов! Вторая Елена Уайт! Счастье мое! Конечно, ты права... Так вот, о суждениях... Для самопознания чрезвычайно важно, чтобы мне было *интересно* познавать тех, кто оказался со мной в соприкосновении.

В.: Иными словами — ближнего.

П.: Да. Сорвал маску, а под ней или воришка-иудей, или адвентист-кэзбист, или православный эксгибиционист. Те, кому эти господа были органичны, отвергли счастье. С хорошим человеком сблизился — тоже счастье.

В.: Милый...

П.: А осознание, что ты — *зеркало*, — большое в жизни подспорье. Помнишь, я тебе рассказывал, как я в Азии в одну банду попал, а потом в другую? Помнишь, что оптовик наркоты меня тоже за оптовика принял?

В.: Помню.

П.: Самое ценное, что за своего принимают профессионалы. Остается только поддакивать и можно учиться. Путешествовать по всем социальным слоям. Это же бесценно. Да и безопасно. Убийца, профессионал я имею в виду, принимает меня за опасного, меня, как убийцу боится — а я в безопасности. Если же бандит — трус, то и меня за труса принимает. Но стоит мне сохранить присутствие духа — он пугается того, что я, как ожидалось, не бегу, и бежит сам. Я опять в безопасности. Можно путешествовать по самым рискованным местам.

В.: Опасная философия. Очень! Аж страшно становится.

П.: Ничего опасного. Проверено практикой. Из самых-самых ситуаций выпутывался? Выпутывался. Настолько рискованных, что совершенно спокойно мог оказаться главным действующим лицом на своих же собственных похоронах.

В.: *Очень* опасная философия. Лучше ничего такого мне не говори.

П.: Если такая опасная, то что же ты так сладко улыбаешься?

В.: Я улыбаюсь?

П.: Ну а кто же? Я что ли?

В.: Да, ты-то как раз и улыбаешься.

П.: А почему бы и нет? Ведь для писателя это же необозримые возможности! Женщины, оказавшиеся рядом, непроизвольно расслабляются и исповедуют все, даже самое тайное. Мудрые — так те сами на контакт идут. Как тот пастор, который по соседям ходил с интимными подробностями из жизни КГБ. А гад, как бы ни научился собою владеть, все равно проговаривается, давая оценку, как ему кажется, меня.

В.: Ты что, опять собрался куда-то ехать?

П.: Да куда ж я от тебя, такой милой, денусь? Пришпиленный к юбке. Хотя...

В.: Езжай. Я с самого начала, как только с тобой познакомилась, знала, что *будет* какая-то поездка. Куда-то ты *должен* уехать. Расставание серьезное.

П.: Ну и замечательно. Ты же понимаешь...

В.: Понимаю. Я как раз и есть та самая — *понимающая*. Знаешь что это такое?

П.: Что?

В.: Это как на эстраде. Была такая юмореска. Чем дура отличается от умной. Умная приходит в отдел учета и распределения жилплоща-

ди, жить ей негде, а ей говорят: *понимаете*, есть сейчас еще более нуждающиеся, они нуждаются больше вас, их надо раньше поселить. Умная говорит: *понимаю*, и уходит ни с чем. А дура требует, требует, ничего понимать не хочет, и получает квартиру. Дурой быть выгодно.

В.: Ты огорчаешься, что ты *такая*? Как есть?

П.: Нет. Я привыкла. Поэтому у меня собственности — только каморка. Пустая.

В.: И я не огорчаюсь. Наоборот, счастлив. А что с дурой делать — ни порассуждать, ни поговорить, ни, тем более, помолиться. Да и в сексе — ноль, как бы рьяно ноги ни задирали.

В.: *Велик и могуча русский языка*... Писатель.

П.: Зато выразился ясно и определенно. Скажи, а это ты сама придумала термин «человек-зеркало» или у кого-нибудь подхватила?

В.: Сама.

П.: Ты — чудо! А еще прибедняешься. Насчет своих умственных способностей. А знаешь, мне кажется, что Христос, как и мы, был зеркалом. Вернее, разумеется, мы, как Он. Вспомнить, хотя бы, как Его преследовали начальники и священники. Да, национал-священники — это всегда явление мрачное. Не случайно древние пророки — тот же Исаия, Иеремия — в первую очередь обличали князей и священников. Естественно — подавляющие. Со всеми рогами и копытами в виде груза мусора прошлого и сжигающих страстей. На практике народ идет именно за ними, и только за ними. Какая уж там Истина! Естественно, столкнись такой с человеком-зеркалом, будь даже он, как Христос, от политики далек, все равно разглядит в нем человека, рвущегося на престол. Человека, в условиях Римской Империи для народа опасного. Фарисей, как некрофилы-государственники, сами себя обрекли на то, чтобы разглядеть в Христе узурпатора. И разглядели. А разглядев, первосвященник неизбежно должен был проговориться: дескать, лучше, чтобы один человек погиб, но нации было бы лучше. Что евангелистами и записано. Мне объяснение, что начальники распяли Христа только за то, что Он — Истина, всегда казались неотчетливым. Оно, конечно, так, Истину всегда распинают, и такое впечатление, что только за то, что Истина, но это так, если смотреть с о-очень большого расстояния. Если же сблизить, то неясно. Монстры какие-то эти священники. А они честно, во всяком случае, на логическом уровне, боролись со злом. Но *только* на логическом... На подсознательном же...

В.: Распяли.

П.: Да, распяли... По той же схеме и народ ко Христу относился. В глубине души они были едины в желании скинуть оккупантов, римлян, причем эта страсть была явно болезненная, поскольку по тем временам быть в составе достаточно стабильной империи, которая была терпима в национальном и религиозном отношении, было выгодно с точек зрения и военной, и экономической, и культурной и, наверное, с каких-то еще. Естественно, что одержимые страстью собственной государственности, страстью противопоставления себя прочему миру, оказавшись пространственно рядом со Христом-зеркалом, они совершен-

но определенно *чувствовали*, что Он пришел организовать восстание против Рима. Если бы они *так* не чувствовали, то за Ним бы не ходили часами и днями, а относились бы к Нему как к аттракциону: занятно, интересно, ново, но через десять минут становится скучно. Если бы их действительно интересовала Истина, хотя бы в самой глубине души, то они не отошли бы вовсе, как Андрей Первозванный или Иоанн-богослов. Но Истина их не интересовала, и Христу приходилось часами доказывать, что Он — не они, что Он — это Он, что Он — **Я Есмь**. Удавалось это Ему с большим трудом. Естественно: ведь Он же *неубедителен!* Так что Его популярность непременно была кратковременной, следствием недоразумения, отсутствием подавления, Его зеркальности, ввиду чего каждый националист принимал Его за себе подобного. Потому и льнул... Две тысячи лет прошло, а что изменилось? Чуть менее человек подавляет, чуть больше у него площадь зеркала — так он уже не в силах доказать, что он не верблюд. Размечтаются о нем, а потом, наконец, догадавшись, что ошиблись, быстренько разбегаются. Как от меня дочки офицеров. Всегда одно и то же: разобравшись, что я ни в садо, ни в мазо играю вяло, разочаровывались и уходили.

В.: Со своими офицерами они же тоже, случается, разводятся.

П.: Разводятся. Причин множество. Садо-мазо все-таки требует смены партнеров. По темпераменту не сошлись. Встретился некрофил еще более яркий. В другом месте предлагают платить больше. Но это с *офицерами*. Я-то не офицер. И если эти офицерские дочки меня интересуют, то только с точки зрения самопознания: как это *меня* характеризует? *Почему именно эта категория дам* так активно свои объяснения в любви на уши мне натягивает?

В.: *Велик и могуча*...

П.: Так точнее мысль передается. В особенности уровень эмоционального отношения. Потому что это все не любовь, а *ля-ля*, и именно *натягивают*.

В.: Никак не привыкну к твоему *языку*.

П.: Ничего, привыкнешь. Я же к офицерским дочкам привык.

В.: И мне, похоже, тоже надо привыкать. Помню, в церковь пришли, только я в сторону загляделась, сразу же эта Зося *притерлась* и...

П.: Ого-го-го! Поздравляю! Велик и могуча. Сразу чувствуется живость мысли. С вами, мадам, весьма интересно разговаривать. Весьма!

В.: А как так случилось, что ты обратил внимание, что именно офицерские?..

П.: Очень просто: составил список...

В.: Все ясно. Пушкин. Александр Сергеевич. Он тоже, помнится, составил *список*...

П.: И не он один. Очень может статься, что всякий умеющий писать мужчина составляет *список*. Только каждый, видимо, с разными целями. Одни собой полюбоваться. А другие — себя понять. Самопознание можно начинать с любого края, и эротический из них не самый скучный. Я список осо-обенный составил. Там было все, что был в состоянии вспомнить: рост, дата рождения, имя (сложнее всего вспом-

нить), образование, специальность, род деятельности отца и так далее. И вот тогда-то и выяснилось, что разными дамы только казались. Они были: Весы, старшие сестры и офицерские дочки. Старшие сестры — это вопрос достаточно для меня открытый. Офицерские дочки — это ненависть. Ведь любовь, по Ленину, это предпочтение одного перед многими. Ко «многим» равнодушные, *интересен* же самый ненавистный. Например, для Джульетты — Ромео. Некая неизбежность судьбы, которую *мне* надо перешагнуть. Как ненависть церковной иерархии. А Весы... *Весы — это притяжение.*

Глава семнадцатая.

ЖИВ ГОСПОДЬ!

Сейчас мы, перевоплотившись на время в сваху (поэтому да прочтет читатель некоторую профессиональную циничность речи, свойственную лицам этой древней профессии!), попытаемся подсчитать статистическую вероятность существования идеальной невесты для нашего П. Да-да, это та самая, давно обещанная глава!

Итак, приступаем.

Он и *Она* должны соответствовать друг другу. Духовное родство душ, безусловно, важнее всего остального, но сомнительно, что кто-нибудь не согласится, что и физиологическая совместимость — благо-словение. Причем очень приятное. С этого-то приятного мы и начнем.

Существует несколько подходов к наблюдению, изучению, описанию и анализу психофизиологических различий людей и один из них носит название астрологии. При множестве несовершенств и изъянов, присущих философии правоверных астрологов, превративших эту область знания, как целое, в нечто совершенно неприемлемое, существуют факты, которые опровергнуть невозможно. Один из таких фактов — определенное биоритмическое сходство людей, рожденных в одно время. И, действительно, было бы, пожалуй, уж очень странно, если бы зародившееся и развивающееся при одинаковых условиях не имело ничего между собой общего. И наоборот, было бы странно, если бы зародившееся в *разных* условиях и в разных же условиях развивавшееся, ничем друг от друга не отличалось. Отсюда, люди, рожденные в одно время года (в ныне распространенной терминологии — под одним знаком Зодиака) имеют между собой нечто сходное.

Люди предпочитают одно другому — это очевидно. Следовательно, наряду со многими другими причинами взаимного предпочтения двоих, существует и взаимное притяжение принадлежащих к определенным парам знаков Зодиака. Наш Психотерапевт — Водолей, и как бы он ни расходился с баснословными описаниями характеров, вернее, темпераментов, приводимых даже в солидных изданиях по астрологии, совершенно точно, что абсолютное большинство женщин, желавших его общества, как о том и говорится в астрологических руково-

дствах, родились под знаком Весов. Большинство — это не статистические 8 % (1/12), а все 90 %. Эти Весы были очень разные, друг на друга не похожие, но непременно — Весы. После Весов чаще других у нашего протеже, уже Водолея, но еще не Психотерапевта, были дамы из других знаков воздушного тригона — Водолейки и Близнецы, но это все было совершенное «не то». Чистота эксперимента обеспечивалась тем, что в процессе перебора вариантов наш протеже с астрологией знаком не был. Как и всякий, живший при коммунистическом режиме.

Итак — Весы. Это 1/12 часть женщин.

Хорошим свахам и ученым издавна известно, что тот брак более благополучен, в котором женщина относится к мужу, как к мужчине, т. е. его мнение в спорных вопросах для нее приоритетно. В науке считается, что это доверие естественней всего достижимо — в силу ассоциативности женского мышления — в том и только том случае, когда муж напоминает отца.

Научная психология полагает, что если у мужа профессия такая же, как была у отца супруги, то это уже хорошо и, как следует из статистики, способствует стабильности семьи, а вероятность того, что у женщины возникнет ощущение «счастья», увеличивается. Речь, действительно, может идти лишь о вероятности, потому что на выбор профессии часто влияют внешние обстоятельства: скажем, человек получил 25 лет сталинских лагерей, вышел, учиться поздно, и он вынужден работать землекопом, полученной в лагере специальности, ему чуждой, жениться же еще хочется. Женщина, как и хотела, выйдет замуж за землекопа, но возникнут трения, потому что в душе он доцент кафедры филологии. Обращаем внимание, что речь сейчас идет о реально случающихся выборах, а не про редчайшие случаи встреч *половинки*. Нам чисто интуитивно кажется, что предназначенная для того землекопа свыше *половинка* будет той же, что и до заключения его в лагере. (Пока мы не рассматриваем вопрос, сможет ли он ее найти и как вообще это можно сделать.) Отсюда следует, что есть нечто более важное, чем род занятий, которым человек зарабатывает на жизнь, и это — его духовно-ритмо-биологические свойства. Они, собственно, и являются предметом изучения как научной психологии, так и феноменологической астрологии, поскольку ритмо-биологические свойства определяются условиями рождения, в том числе и временем рождения. Итак, корректней говорить не столько об определенном роде занятий, сколько о *склонности* к определенному роду занятий; склонности, возможно, не реализовавшейся.

Психотерапевт наш — Водолей и Петух (родился в год Петуха), следовательно, отец невесты также должен быть Водолеем и Петухом. Вероятность этого совпадения — $1/12 \times 1/12 = 1/144$. То есть, только у одной из 144 женщин отец одновременно и Водолей, и Петух. Желательно, чтобы совпадал еще и день месяца. Большая степень совпадения биологических свойств случается, когда совпадает число магическое. (Да не пугает это слово читателя! Слово «магия» — столь в наше время многозначное, что может обозначать все что угодно! В данном контек-

сте оно всего лишь указывает на существование ритма с периодичностью не только в 12 месяцев или 12 лет, но и в 9 суток. Отсюда, люди, родившиеся 2, 11, и 20 февраля схожи между собой более, чем родившиеся в том же месяце, но в другие дни.)

У нашего Психотерапевта магическое число — 2. Вероятность совпадения знака, года, да еще и магического числа нашего протеже со знаком, годом и магическим числом отца предполагаемой невесты: $1/144 \times 1/9 = 1/1.296$. Если же полученное число помножить на значение вероятности, что сама невеста — Веса, то есть на $1/12$, то получится: $1/1.296 \times 1/12 = 1/15.552$.

А теперь представьте: мыслимое ли это дело — перезнакомиться с 15.552 претендентками в невесты? При такой малой величине вероятности всякая нормальная сваха тут же бы от клиента отказалась, но *наша* сваха не простая, а золотая и не только с математическими способностями.

Далее, желательно, чтобы *Он* и *Она* подходили и по возрасту. Разница по нашему, свахиному, мнению не должна превышать 7 лет, в чем мы совпадаем с современными научными выводами. Примем средний возраст продолжительности жизни за 70 лет. $7/70 = 1/10$.

$$1/15.552 \times 1/10 = 1/155.520$$

Мы рассчитываем вероятность существования невесты не просто среди женщин, а среди людей. Ученые сообщают, что люди делятся на мужчин и женщин. Следовательно, вероятность того, что невеста — женского пола, а не какого-нибудь иного — $1/2$.

$$1/2 \times 1/155.520 = 1/311.040 \text{ (Страсти-то какие! А?!)}$$

У мужчин есть вкус. Да-да! Пусть это вас не удивляет!

Представим, что «некондиция» среди женщин составляет всего-навсего 20 %. Появляется коэффициент $4/5$.

Наш Психотерапевт, что называется, уродился. В связи с этим, есть у него некоторые трудности с приобретением одежды максимального размера — в смысле роста и ширины плеч — не всегда такие есть даже в хороших магазинах. Но это не единственная особенность больших людей. Они еще предпочитают женщин миниатюрных. И ничего с этим поделаться не могут. Очень может быть, что это нечто биологическое. Но небольшого роста женщины часто властолюбивы. Это их свойство часто объясняют тем, что низкорослые свой комплекс неполноценности связывают (рационализируют) с недостаточным числом сантиметров, хотят быть выше, значительнее, и это стремление символически переносят на все стороны жизни. Женщина с такими особенностями психики нам не подходит: по нашему разумению, П. — мужик ничего и достойн лучшего. Поэтому будем искать невысокую, но такую, которая субъективно воспринимает себя как среднюю. Средний женский рост на географической территории нашей истории любви — 164 см. Вероятность того, что рост женщины ниже среднего — $1/2$. Вероятность существования не властолюбивой, а милой, скажем, ростом 160: $1/100 \div 1/10.000$. Но мы будем непомерно щедры и ограничимся $1/4$. Нас же интересует рост не выше 160-ти, и знаменатель коэффициента

$1/4$ следовало бы заменить на больший; но мы можем себе позволить некоторую щедрость.

$$1/4 \times 4/5 \times 1/311.040 = 1/1.555.200$$

Привередлив наш Психотерапевт и в смысле темперамента женщин. Здесь, как следует из его ограниченного опыта наблюдений, зодиакальный знак все не определяет. Основных типов темперамента — четыре, следовательно, новый коэффициент — $1/4$. На практике может интересоваться лишь узкий спектр одного из темпераментов, скажем, одна десятая его часть ($1/4 \times 1/10 = 1/40$), особенности которого наш П. если не понимает, то, во всяком случае, чувствует. Он ведь, добрый молодец, изучил среди прочего и физиогномику и даже под страхом смерти не станет засматриваться на некоторых (большинство, 99 %) представительниц женского пола. Не будем углубляться в эту тему, просто возьмем коэффициент $1/6$, хотя совершенно обоснованно он мог бы быть и меньше. Но что мелочиться? Мы уже пренебрегли коэффициентом роста (на самом деле рост Возлюбленной 159, но когда составлялся этот расчет, она назвала цифру 160), *коэффициентом милovidности* и рядом других, которые смогут понять лишь специалисты. И без того получается:

$$1/6 \times 1/1.555.200 = 1/9.331.200$$

Наш П. прекрасно осознает, что ему нужна *москвичка*, потому что он сам — москвич. Москвички не хуже и не лучше других, провинциалок или иных, просто москвички *другие*.

Но в Москве-то всего только 8.000.000 населения. А у нас $1/9.311.200!$ Значит, нет и одной на всю Москву? Дело затрудняется еще и тем, что 8.000.000 — цифра завышенная, потому что в нее включены переселенцы первого поколения. А нам нужна, если не коренная (в третьем поколении) москвичка, то хотя бы в Москве родившаяся.

Что же получается?! Неужто и одной подходящей на всю Москву нет? Неужели в этом месте расчет на существование *половинки* перешел в расчет ее несуществования??!

Перспектива, надо признаться, даже еще более мрачная. Люди еще делятся на три типа по преимущественному способу восприятия мира. Они делятся на типы:

— *визуальный* («Я вижу, ты хорошо выглядишь»),

— *аудиальный* («Я слышала, что у тебя со здоровьем все в порядке»),

— *кинестатический* («Я чувствую, ты хорошо себя чувствуешь»).

Это не только способ восприятия мира *внешнего*, но и способ передачи своего *внутреннего*. Поэтому люди, относящиеся к различным типам, друг друга почти не понимают (слепой не поймет глухого). Что их друг от друга и отталкивает.

Наш Психотерапевт относится к визуальному типу, его Возлюбленная — тоже. Вероятность того, что и наша невеста тоже, примерно $1/3$.

$$1/9.331.200 \times 1/3 = 1/27.993.600$$

Из одного только этого значения видно, что нет москвички, подходящей просто биоэнергоритмически, нет даже $1/10$ от нее (с учетом неучтенных коэффициентов).

Каков может быть физический смысл полученного значения? Может, он в том, что одна все-таки есть, но она единственная на весь спектр возрастов? Тогда напрашивается вопрос: а с какой стати она должна родиться именно в год, наиболее подходящий для нашего Психотерапевта?

Хорошо. Предположим одна все-таки есть. В таком случае так и хочется горестно воскликнуть с акцентом южного горца:

— Вай-вай-вай!!! Как найти такой женщин, в такой большой город!

Хоть ложись и помирай — жизни ведь не хватит, чтобы весь город обойти и каждой в лицо хоть на полминуты заглянуть! (В часе — 60 минут, по полминуты на каждую — 120 человек в час. В день, если не хочешь угореть — не более 500. В год — 20 тысяч. За 50 лет — миллион. Нужно 8 жизней! А если ты ненароком в лица приезжих, некоренных, заглядывал?)

Вай-вай-вай!

Но предположим, что все-таки одна есть...

Стоп. Извините, дорогие читатели, что голову морочим. Одна есть. И, между прочим, та самая Возлюбленная. (Она — Весы; отец — Водолей, Петух, 2; внешность — кондиционная; рост — 159, но воспитывалась в таком районе /заводском/, где такой рост — средний; темперамент — сангвинический; тип — визуальный; родилась в Москве и, сами понимаете, не мужчина.)

Но мы не будем ограничиваться физиологией. Женское тело для того, кто *может* — это прекрасно, но ведь начали мы с того, что важнее всего в человеке Дух.

Но раньше Духа, обсудив тело, хотелось бы обсудить и сознание. А в нашей терминологии — *тело* сознания. Вы не сочтите автора за сексуального-ого-го! маньяка, раз, говоря о женщине, он все — *тело* да *тело*, — но согласитесь, что если встретит человек свою *половинку*, что по математическим расчетам, мы увидели, почти невозможно, то в самом деле отношение к сексу кардинальным образом меняется.

Но ближе к телу. Естественно, к телу сознания. Рассуждения о нем в практике «любовных» ухаживаний часто некорректны: люди легко впадают в соблазн рационализации, то есть, некий призрак внутреннего притяжения пытаются объяснить в терминах совпадения взглядов. К примеру, в живописи ему нравится Веласкес, — и она тоже заявляет, что от Веласкеса без ума. А женщины, знаете ли, такие животные, которые, если хотят понравиться, могут отречься — только на время и только на словах — от всего, что угодно, и полюбить не только Веласкеса, но и полярного кенгуру. А делают это они по той простой практической сметке, что мужичка на этом прощще простого расслабить, дескать, какое родство душ, какое совпадение взглядов! Ну, прямо само Небо предначертало ему ее содержать и выслушивать истерики! Присмотритесь, и вы увидите это повсеместно, с той лишь разницей, что мало кто из мужчин в состоянии отличить Веласкеса от крепдешина. Но выход люди нашли: они обмирают оттого, что нравится им один и тот же сорт... п-п-пива!! Впрочем, это не обязательно пиво. Может быть и

коньяк. Это для тех, кто попроще, а для тех, кто с претензией — некрофилические книги: ярко некрофилические или умеренно некрофилические. Или принадлежность к религиозному течению — яркому или жухлому в смысле садо-мазохистских вариаций на тему обертонных забытой Истины.

[Если в этой на самом деле серьезнейшей главе перейти к отчетливому и недвусмысленному стилю армейских донесений, то в жизни за любовью к одному сорту пива или одному некрофилическому мышлению писателю просматривается общий принцип подбора партнеров (не *половинок*): **люди объединяются по принципу общности наиболее приемлемого для них способа самоубийства.** Да, оба партнера в устойчивой паре в восторг впадают всегда от одного и того же индуктора некрополя! Они также предпочитают одни и те же положения (или химические соединения), которые позволяют полнее подпасть под уже имеющуюся некрополе.

— Тебе нравится этот артист (гипнотизер, ритм, проповедник, ансамбль, ресторан, пиво и т. п.)?

— О, да! Очень! Я просто тащусь!

— Я тоже! Как мы с тобой похожи! Я сразу это почувствовал(а)!

Естественно, что как только вразрез с выбранным способом умирания жизнь вынуждает что-нибудь создать (ухаживать за младенцем, написать книгу), тут же возникает напряженность, затем она перерастает в конфликт, и так вплоть до разрыва и развода.

Но оставим четкий солдатский стиль и вернемся к легкому.]

Да, игра мужчины и женщины в сравнение форм тел сознания — путь общепринятый и соблазнительный, но слишком часто обманчивый, а потому бессмысленный. Поэтому, моделируя Психотерапевту невесту, мы усилием воли минуем ее тело сознания. (Мысль эта чрезвычайно важная. Но здесь мы несколько забегаем вперед. Чуть позднее мы поговорим о том, что человека можно условно разложить на ряд тел — условно! — и крайние из них — это тело духа и тело плоти. Все же остальные, как промежуточные, — вторичны, неизбежно эволюционируют до состояния гармонии с телами духа и плоти. В каждый же данный момент времени содержание этих тел может оказаться случайным в силу внушений и рационализирующих заблуждений. Между тем, люди радуются совпадению именно второстепенного: дескать, нравится то и то, пиво и Веласкес, кофе и крепдешин. Но мы эту ошибку стараемся не совершить.)

Но прежде чем перейти к телу духа и все-таки отчасти к телу сознания, окончательно уясним, что П. и В. теоретически никак не могли не только встретиться, но и даже существовать. Одновременно попытаемся признать ограниченность человеческих суждений вообще и наших с вами в частности.

Удивительно! — но Возлюбленная и Психотерапевт все-таки существуют! Причем, Возлюбленная биоритмо-энерго-психически *единственная* взаимодополняющая *половинка* для Психотерапевта, а он, соответственно, для нее. Да, действительно, даже маловероятное событие

произойти может, и это закон — теоретический. Но автор слишком долго занимался естественными науками, чтобы не заметить, не удивиться и не попытаться выявить «физический смысл» в факте *существования* этой пары. Просто биологического *существования*. Но мало того: они еще и встретились — вот что интересно!! Пожалуй, последнее и есть самое интересное: как могло произойти, что эти двое, для которых «суббота в *субботу*», еще и встретились? Мы даем читателю некоторое время поразмыслить над этим вопросом.

Итак, мы пренебрегли (в хорошем смысле, и без того результат достаточно эффектен) многими параметрами биологического и психического свойства и переходим к параметрам духовно-нравственным, которые являются следствием самовоспитания, или, если выразиться корректней, плодами Боговоспитания. В самом деле, поскольку в нашем мире идет великая борьба между Христом и сатаной, то мы, как существа несравненно более слабые, хотим мы того или не хотим, в конечном счете, не более чем парусник, гонимый тем или иным ветром. А самовоспитание на деле — это созидание характера как отклик на Силу или силу. В терминах некрофилии и биофилии мы говорили о том же самом и приглашали в этом убедиться читателя методами психокатарсиса. Не всякий, называющий себя Христовым, таков на самом деле и это очень важно для нашего расчета. *«Кто любит Меня, тот исполнит заповеди мои»*, — сказал Христос своим двенадцати лучшим ученикам, из которых одиннадцать после своего предательства в Гефсимании обратились и остались верны Ему до смерти.

Биологические квазиполовинки (*как бы* половинки) могут оказываться по разные стороны рождения свыше. Вероятность образования из двух биофилов пары, при простом переборе вариантов, при общем их ничтожном содержании ничтожна в квадрате. Если предположить, что биофил (в высоком смысле слова) один на тысячу (0,38 % — величина явно завышенная!), то вероятность совмещения двоих при множестве всевозможных комбинаций будет одна миллионная. (Это не конкретный расчет, а только образ для упрощения восприятия — автор отнюдь не пытается определить, кто рожден свыше, а кто нет.) Если же опираться на статистику евангельских кампаний, на которых, как минимум догматически, проповедуется принцип «суббота в субботу», то получится более реалистичная цифра в одну стомиллионную.

В таком случае, если Психотерапевт и Возлюбленная — биофилы по духу, и она для него уже от рождения на земле *единственная*, биологически и психически, единственная в его народе (москвичи — своеобразный этнос), то усугубляющий дело дополнительный коэффициент в 1/1.000.000 означает, что их на нашей планете пространственное совмещение попросту невозможно (одна миллионная часть москвички — это невозможно). Можно иначе:

$1/28.000.000 \times 1/1.000.000 = 1/28.000.000.000.000$ — это, согласитесь, почти ноль. Да и не живет на Земле столько народу.

Но поскольку наша пара все-таки существуют, то этому должно быть какое-то объяснение.

Из представленных выше оценочных вычислений следует, что или биологически Единственной было уделено особое внимание в области духа, и только благодаря этому она смогла достигнуть уровня «суббота в *субботу*» (что, мягко выражаясь, противоречит библейскому принципу равных возможностей), или же Божье Провидение, предзная, что эта душа «сама» достигнет духовного уровня «суббота в *субботу*», вмешалась в ее биоритмику (через день и месяц рождения, например) и не только ее, но в биоритмику ее родителей (отец — Водолей, Петух, 2; мать — тоже Весы, что чрезвычайно важно; кстати, еще один неучтенный коэффициент 1/12 и т. п.).

«Но! — воскликнет досужий читатель. — Зачем так сложно? Ведь проще вмешаться в биологическое рождение самого П.!»

Что же, все может быть, и как раз в определении того, в ком же проявилось наибольшее вмешательство, мы и признаем свою беспомощность. Человек не всегда в силах постигнуть, *что* было причиной событий: вмешался ли Бог, вмешались ли злые люди, или мы пожалели то, что посеяли. Множество бед и невзгод человек пожинает исключительно как следствие *самовоспитания*, и, соответственно, собственных поступков, но справедливо и то, что Господь через Свое Провидение не оставляет нас наедине с силами зла. Да, отвратительны и пытаются быть страшны те уроды, которые получили вождеденное признание людей — императоры, целители, лжеучителя (лжепророки и прочие академики), но что они по сравнению с Богом?

Иоанн Богослов, любимый ученик Иисуса Христа записал:

«И после сего видел я четырех Ангелов, стоящих на четырех углах земли, держащих четыре ветра (символ войн и раздоров. — Прим. авт.) земли, чтобы не дул ветер ни на землю, ни на море (суть люди и народы — см. Иоан. 17:15), ни на какое дерево (символ государства). И видел я иного Ангела, восходящего от востока солнца и имеющего печать Бога живого. И воскликнул он громким голосом к четырем Ангелам, которым дано вредить (в менее поэтическом переводе — позволено снять защиту, которую они осуществляют) земле и морю, говоря: „Не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревьям, доколе не положим печати на челах рабов Бога нашего“» (Откр. 7:1-3).

Так что куда им против Бога и даже Его Ангела! Спасет всякого, кто на то даст согласие, как бы ни кодировали и что бы ни пытались сделать с психикой призванного! Бог иной раз вмешивается, и действие Руки Его — красиво! И это можно не только увидеть, но и математически рассчитать.

Прежде чем мы уточним цифровое значение «несуществования» Возлюбленной, хотелось бы рассеять возможное сомнение в романтичности расчета как такового. Может показаться, что цифры — субстанция холодная, а потому как смеют они появляться, когда речь заходит о взаимоотношениях двоих?! Безусловно, цифра она цифра и есть. Но за этими цифрами взаимного соответствия такие чудные возможности! В конце концов, тот же секс!!! Да и все остальное тоже!!

Наш П., к несчастью, не всегда был христианином, да к тому же еще дважды проходил через обряды бракосочетания и последующего за ним развода и потому — к сожалению! — кое-что видел. Поскольку будущий Психотерапевт не ухаживал, а предоставлял это занятие женщинам, сам же только выбирал, то, естественно, что претендентки были не только активны, но и некоторым было что предложить. Пока наш будущий Психотерапевт не разобрался в особенностях своей психики, он удивлялся тому, почему ему все время попадались экземпляры прямо-таки коллекционные. Целительницы (энергетические), забивающие окружающих, если не до смерти, то до страстной любви, с генитально-сексуальной точки зрения — барахло, но их принято выделять и ими вынуждены восхищаться. Скажем, был даже экземпляр со способностями, о которых древнеиндийские трактаты сообщают, что встречаются они у одной на несколько тысяч женщин. Если особенное ее умение разрабатывается искусственно, то на это уходили долгие годы специальных тренировок. Естественно, что подобные экземпляры ценились и предназначались они царям. Кто понимает, о чем речь, тому не стоит более объяснять, а кто нет, то нет смысла понапрасну распалать воображение. После того, как Возлюбленной помогли найти *своего* Психотерапевта, он бы никогда обо всех этих *экземплярах* и не вспомнил. Вспоминаем же *мы*, да и то только потому, чтобы подтвердить перед читателем обоснованность некоторых его экспертных оценок того уровня наслаждения, который возможен единственно между соединившимися *половинками*. Но даже и до встречи с Возлюбленной к воспетому индийцами экземпляру он относился как к карусели: посмотришь — все визжат от восторга, а заберешься сам — на третьем круге уже начинает тошнить.

Если исключить этот древнеиндийский идеал и говорить исключительно об эротическом впечатлении, то наибольшее произвела, скорее всего, та, **ранг** которой был наибольший. (**Ранг** — это величина, обратная вероятности. Вероятность, скажем, — $1/144$, соответственно, ранг — 144 .) Ранг той дамы по сравнению с прочими был наивысший (отец — Водолей, Петух, магическое число отличалось только на единицу, да и она не дотянула до Весов всего 5 дней — но это формально: родилась она недоношенной, родись она в срок, была бы Весами — и т. п.). Но и ее ранг, естественно, на много порядков уступает рангу Возлюбленной. Комментарии тут излишни.

Остается только добавить, что астрологический и психологический аналог матери П. (Близнец) произвел на него впечатление не большее, чем все остальные индивиды женского пола, ранг которых незначителен. Это был ничемный союз. **Из этого, в частности, следует, что в паре гармоничность или квазигармоничность взаимоотношений определяет женщина**, именно ее психологическое состояние. Похожее мнение высказывала Елена Уайт, у которой, правда, эротический опыт ограничивался одним только мужем, и это совпадение мнений приятно.

Так что, из этого принципа, доведенного до логического завершения, следует, что без Бога, или, что то же самое, без своей *половинки*, это самое дело — барахло, бесполезная трата времени.

Люди же — хлебом их не корми — дай им только давящий их восторг выразить. Хочется им еще и поверить в здоровую обоснованность своего восторга. Выигрыш — иллюзия удачи в жизни, но только иллюзия. Естественно, однажды в себе это заблуждение распознав, начинаешь не только на чужие восторги смотреть косо, но и на свои собственные. А со временем и вовсе появляется соблазн сомневаться вообще во всем. Так вот тут-то как раз и приходят на помощь цифры и математические модели. Если значение вероятности биолого-психологической сочетаемости двух особей человеческой популяции по приведенной выше методике не превышает $1/10.000$, то о каком вообще даже подобии наслаждения можно говорить? Если вообще применимо это слово — *наслаждение*. Да, жестокая правда заключается в том, что некрофилам доступен лишь суррогат наслаждения, будь они жухлые, как большинство в популяции, или достаточно яркие.

В самом деле, какой реальный выбор есть у среднего нормального человека? Если человек — это она, то выбор ограничивается несколькими десятками мужчин, которые не поленились с ней познакомиться. Если у нее выбор был больше, то она, скорее всего, шлюха и некрофилка, и не то что человек Божий, но просто умный мужчина с ней не станет связываться. Каков бы ни был его ранг, вряд ли он сможет удовлетворить ее потребности в семье и «счастье». По той простой причине, что выше «игры» в семью она подняться не может. Но демонстрации душевного благополучия и довольства не в состоянии обмануть даже среднего наблюдателя.

Если это — он, то закономерности те же, то есть выбор ограничен несколькими десятками претенденток. Если больше, то он, скорее всего, алкоголик, бизнесмен, профессионал по контактам, служитель государственной церкви или морга.

Таким образом, ранг совместимости в реальных супружеских парах редко превышает 10.000 . Но пусть это будет не 10.000 , а 100.000 или даже $1.000.000$ — не жалко — что это по сравнению с $28.000.000.000.000$? (Напоминаем, число занижено.)

Нет смысла далее доказывать исключительность описываемой в данной книге ситуации, кто понял — тот понял. Словом, мужики, рекомендуем найти свою *половинку* и себя не обманывать. Обращаюсь я, разумеется, к юным и начинающим, возможно, будущим психотерапевтам (в особенном для их возлюбленных смысле этого слова), еще не женатым, потому что уже женатые будут из последних сил цепляться за веру, что все у них в порядке, хорошо и возвышенно, а если позволят себе «прозреть», то только тогда, когда *вдруг* выяснится, что жена ему изменяет. Или, как Толстой, великий психолог, зомбированный своей 18-летней невестой, и после того 15 лет восхвалявший свой брак с ней, вдруг опомнится и признается, что в сущности *ничего хорошего* в браке *и не было*.

Начинающие психотерапевты! Не уподобляйтесь окружающим вообще и раннему Толстому, в частности. Найдите свою *половинку* с помощью психокатарсиса в высоком смысле.

Человек — существо целостное, потому духовное соответствие двоих настолько же важнее врожденного конституционально-психологического, насколько в серебряной тетрадрахме, которую будущий апостол Петр, вынув изо рта рыбы, отдал на Храм, орел важнее решки. Или наоборот — насколько решка важнее орла.

Присущий этой книге образ мышления не может не раздражать обширнейшие классы населения. Как всегда, посмотревшись в зеркало, пеняют не на отразившуюся физиономию, а на нечто второстепенное: стиль, слог, архитектонику, отдельные слова.

Книги вообще бывают двух типов:

- для утешения;
- для постижения.

Первых много. Достаточно. И более того. Ведь тому, кого обидел начальник и кому не на ком сорваться, так нравится читать про Робин Гуда, издевающегося над богатыми. Подобные книги и писать проще. А главное — продавать.

Но есть и такие люди, которым «для утешения» недостаточно. Которые, встречаясь, улыбаются друг другу и освещающему эту жизнь Свету.

Возлюбленная улыбается.

Остальным же отвечаем: если к чему мы и призываем, то вовсе не к тому, чтобы обращаться к картотекам брачных контор. Не надо эти конторы обижать.

Часть вторая

МЕТОД ТОЛСТОГО

...Дело было на сенокосе. Косили Толстой и Алехин. «Алехин (далее цитата из А. Шкарвана. — Прим. авт.) упрекал Толстого, зачем он живет со своей женой, говорил, что ему надо ее оставить, что он должен ее оставить, что этого требует от него Евангелие и этого ждут от него люди».

Тут А. Шкарван прибавляет: «Отметим, что так, более или менее, думали все русские толстовцы, начиная с красного папы Черткова и до последней переписчицы. Толстой защищался от алехинских нападков как только мог, до тех пор, пока не переполнилась его чаша терпения, и он, у которого в жилах текла не вода, заревев, поднял косу и хотел зарубить своего противника».

Толстой не зарубил Алехина, бросил косу, упал ниц на землю и заплакал...

(Из книги В. Шкловского «Лев Толстой».)

Глава восемнадцатая.

Я — ЧЕСТНАЯ ЖЕНЩИНА

Эти слова Софья Андреевна Толстая (урожденная Берс) повторять любила всегда, и в последний год тоже, когда, наконец, добила своего мужа.

Многие оставили свои воспоминания о последних месяцах жизни Льва Николаевича, хотя не все решались достаточно откровенно передать подробности бушевавшего в семье великого писателя конфликта.

Суть его, как полагают, в следующем. После начала активных религиозных исканий начала 80-х годов Лев Николаевич пришел к заключению, что если он, действительно, гений, как о том многие говорят, если он, действительно, не более чем связующее звено между Богом и людьми (гений, в античном понимании этого слова, — человек, отличающийся от людей обыкновенных большей к Небу близостью) и потому не имеет права брать за свои произведения деньги. Тем более что деньги эти явно были не на пользу его детям. Договориться с Софьей Андреевной удалось, но с условием, что право собственности на произведения, написанные до 1881 года, остаются за ней. Так и решились. Однако из-под пера великого писателя появлялись все новые и новые произведения, которые публиковались во многих странах и потому обещали поистине колоссальные гонорары. Софья Андреевна пыталась всеми правдами и неправдами этими гонорарами завладеть, но встретила сопротивление мужа. Более того, чтобы снизить цены на свои книги и тем сделать их доступными для простого народа, Лев Николаевич в издательских делах заручился помощью своего последователя и друга Владимира Григорьевича Черткова. Естественно, что Софья Андреевна тут же забыла свое прежнее к нему, Черткову, благорасположение и себя показала. В доме развернулась яростная борьба с волей писателя за право получать за публикацию произведений, и даже дневников, деньги. В эту борьбу оказалось втянуто и имя В. Г. Черткова...

Ниже приводятся выдержки из дневника Александра Борисовича Гольденвейзера с включенными им позднее документами и письмами других лиц. Гольденвейзер — композитор, друг Льва Николаевича. Софья Андреевна называла Александра Борисовича шпионом.

При ознакомлении с документами следует всегда иметь в виду, что Софья Андреевна отнюдь не была *безвольной* истеричкой. Наоборот, многих поражало ее самообладание и умение взять себя в руки в нужный момент.

Особенности орфографии приводимых ниже документов сохранены.

1910 год.

7 июня. ...Л. Н. утром сказал Софье Андреевне, что он просит, чтобы черкеса в Ясной больше не было. Слово за слово, началась истерика и т. д.

Софья Андреевна положительно доведет Л. Н-ча до болезни, если не до смерти...

8 июня. ...Александра Львовна жаловалась, что Софья Андреевна беспрестанно входит к Л. Н-чу и не дает ему покоя своими разговорами. Он даже не выдержал и сказал:

— Как мне избавиться от тебя?..

25 июня. ...Они рассказали мне, что Софья Андреевна последние дни находится в ужасном состоянии: бьется в истерике, бросается на пол, грозит самоубийством. Она ни на шаг не отходит от Л. Н-ча и кричит:

— Я его от Черткова отважу, я от него не отстану!..

...Нынче утром Софья Андреевна стояла со стклянкой опиума в руках и все твердила:

— Только один глоточек!..

26 июня. ...Говорит, что когда она ему не стала нужна, как любовница, он ее возненавидел, что только когда он умрет, издания его сочинений будут ей приносить доход, так как обыкновенно, когда писатель умирает, начинают усиленно покупать и читать его произведения...

...Написала Андрею Львовичу записку: «Умираю по вине Черткова. Отмсти за смерть матери, убей Черткова!..»

...Представилась, что лишилась языка и стала писать записки... Софья Андреевна сразу забыла, что у нее отнялся язык, стала кричать и бранить Филиппа, говоря:

— Он отъелся тут! Только умеет, что с блюд таскать!..

...разделась, начала стонать. Л. Н-чу всю ночь не дала спать...

...Вчера утром она билась на полу в библиотеке наверху со стклянкой опиума у рта и кричала:

— Я глотнула, я глотнула, еще глоточек и все кончено!

Л. Н. старался изо всех своих старых сил поднять ее с пола. Александра Львовна закричала, что не берет на себя ответственности и зовет Татьяну Львовну и Сергея Львовича.

Тогда Софья Андреевна сразу встала и сказала:

— Мне бы кофейку, кофейку попить!..

...Л. Н. очень плакал и во время одного из припадков Софьи Андреевны сказал ей:

— Я на коленях готов умолять тебя прекратить все это!

27 июня. ...Александра Львовна и я рассказали Чертковым про все, что совершается в Ясной, и повергли их этими рассказами в ужас...

...Л. Н. сказал мне:

— Так тяжело, так тяжело! Она в ужасном состоянии: у нее потеряно всякое нравственное чувство — стыд, жалость, правдивость. Она может говорить о чем-нибудь совершенно противоположном тому, что было, и утверждать, что все лжецы и говорят неправду. Я стараюсь с ней говорить ласково и кратко, но вижу, что ничего не берет...

3 июля. ...стояла на балконе и подслушивала...

7 июля. ...и что она умрет.

Александра Львовна сказала ей:

— Ты-то не умрешь, а отца ты через месяц уморишь, если будешь продолжать.

— Он душевно давно для меня умер, а телесно мне все равно...

8 июля. ...Л. Н. ходил нынче ночью к Софье Андреевне, говорил ей, что всегда любил и любит ее, целовал ей руки. Софья Андреевна всем об этом рассказывает...

15 июля. ...Софья Андреевна опять пошла к нему и на коленях умоляла его, чтобы он отдал ей ключ от дневников. Он сказал ей, что не может сделать и этого, и что не изменит того решения, о котором написал ей. Л. Н. вышел после этого разговора измученный, тер грудь рукой, сердце у него страшно колотилось.

Он пошел в сад. Когда он проходил мимо окна Софьи Андреевны, она закричала ему, что выпила всю стклянку опиума. Л. Н. в ужасе побежал к ней наверх. Когда он пришел, она сказала, что обманула его и ничего не пила... Л. Н. шел весь в слезах...

19 июля. ... — Я знаю, — сказала Софья Андреевна, — вы все здесь сообщники моего убийства...

20 июля. ...Никитин и Россолимо заехали утром в Телятинки...

...Вот диагноз болезни Софьи Андреевны, данный Россолимо: «Дегенеративная двойственная конституция: *паранойяльная* и истерическая, с преобладанием первой. В данный момент эпизодическое обострение».

...Россолимо сказал Александре Львовне, что он поражен «слабумием» Софьи Андреевны. Он не мог опомниться и все повторял:

— У такого великого человека такая жена!..

19 июля. ...Елизавета Валериановна рассказывает, что Лев Львович сказал ей, что *он* скажет Россолимо «последнее слово».

— Напрасно вы приехали лечить мать — она совершенно здорова, а вот отец выжил из ума, и его надо лечить — (т. е. объявить сумасшедшим).

21 июля. ...Мы уехали, и я уверен, что после нашего отъезда была опять сцена...

25 июля. ...Уезжая, она спохватилась, что что-то забыла, побежала к себе и вернулась, держа в руке стклянку с опиумом, со словами: «вот мое спасение!..»

26 июля. ...Александра Львовна сказала мне, что Андрей Львович ей говорил, что у мамы ее истерики — единственное орудие против Л. Н-ча, и что отлично, что она его применяет, — что ей таким образом всегда удавалось добиться всего, чего ей нужно...

27 июля. ...Когда Александра Львовна вышла от Л. Н-ча, Андрей Львович попался ей на встречу и спросил:

— Зачем ты там торчала с своим сумасшедшим старикашкой-отцом?..

...Л. Н. ахал.

Он спросил:

— Неужели ты думаешь, что Илюша тоже с ними заодно?..

Из письма Черткова В. Г. от 11 августа: ...Сначала Софья Андреевна избегала открыто высказывать это свое намерение и только иногда случайно проговаривалась. Но с течением времени, убедившись в поддержке со стороны сыновей ваших: Льва, Андрея и Михаила Львовичей, она стала в этом отношении держать себя откровеннее и дошла наконец до того...

...держа в руках рукопись вашего неоконченного рассказа «Фальшивый купон», говорила: «За этот рассказ мы получим сто тысяч чистоганом!..»

3 августа. ...Софья Андреевна сказала Варваре Михайловне, что написала ему (Мооду) ответ, в котором говорит, что Л. Н-ча нечего слушать, что он окончательно «выжил из ума», что правда дороже всего, и высказывает ему также свой *теперешний взгляд* на отношения Л. Н-ча и Черткова...

...Екатерину Васильевну, которая стала жаловаться мне, что Софья Андреевна совершенно невозможна, что надо принять меры, что дети должны это прекратить. Екатерина Васильевна рассказывает, что Софья Андреевна при всех, даже при маленьких детях (Бирюковы, Володя — сын Ильи Львовича), вслух говорят совершенно непристойные вещи о Л. Н-че...

[Здесь следует сделать некоторое отступление. Обвинения Софьи Андреевны своего мужа в гомосексуализме не случайны. Возможны всего два варианта: или у Софьи Андреевны было основание обвинять Льва Николаевича на основании *его* поведения, или же *она сама* была детерминирована на галлюцинации такого рода, поскольку, несомненно, относилась к анально-накопительскому типу. В молодые годы Лев Николаевич, подобно своим сверстникам, не был образцом целомуд-

рия, но в патологических сексуальных наклонностях замечен не был. Более того, из постоянных жалоб Софьи Андреевны на чрезмерное, по ее мнению, сексуальное к ней внимание со стороны Льва Николаевича видно, что Толстой был нормален. В браке Лев Николаевич жене не изменял. Однако с некоторых пор Софья Андреевна повсюду заявляла, что муж ее — гомосексуалист. И вообще — недостойный человек. Ближе к климактерическому периоду в жизни Софьи Андреевны появился другой мужчина, которому она объяснялась в любви, которого она во всех смыслах, и прежде всего в нравственном, ставила выше Льва Николаевича — профессор музыки Танеев. А вот он-то как раз и был гомосексуалистом (ныне достаточно общеизвестный факт, но Софья Андреевна, судя по всему, так этого и не узнала.) Поразительно! Здоровым женщиной Софья Андреевна пренебрегает, всячески унижает его, в глазах окружающих особенно, а идеалом мужчины выбирает — *гомосексуалиста!* Такие совпадения случайными быть не могут. Разбираться начнем с рассмотрения того, почему именно мужчина с патологическими отклонениями стал для жены великого писателя вожделенным объектом. Почему, по ощущениям, ей, как женщине, с гомосексуалистом лучше, чем со здоровым мужчиной? Причина, как и всегда, во многом коренится в детстве. Дочь, если у нее есть возможность выбирать, выбирает отца. У отца Софьи отклонения тоже были. Когда ему, молодому *врачу*, исполнилось 25, от него родила женщина 52 лет, мать Ивана Тургенева. (Да-да, того самого. Который все годы своего продолжительного писательства воспевал женщин только одного типа: в классификации З. Фрейда — анально-накопительского. Но и без романов Тургенева известно, что мать его была патологически жестока. Удивительное переплетение судеб, правда?) В те времена в высшем обществе считалось нормальным, чтобы на 27 лет старше был мужчина, но никак не женщина. Обратное соотношение — свидетельство отклонения от нормы. Прежде всего, в психике. Для 24-летнего молодого человека и 30-летняя женщина — древняя старуха, а уж пятидесятилетняя и вовсе труп. Ценность — для определенной категории индивидов. Все сходится: врач по призванию (позднее стал «модным доктором»), женщины соответствующие (и мать Тургенева, и мать Софьи Андреевны), следовательно, дочь на психологическом уровне непременно понесет на себе проклятие извращенных вкусов отца. Что и произошло: Софья Андреевна, забыв, что у нее семья, со здоровыми влечениями муж, дети, забыв про свою маску любящей матери, верной жены, надежной подруги млеет рядом с гомиком. Долго, годами, и во многом осмысленно. Это — некрофилия.

(Кстати, силу Танеева можно косвенно оценить по поведению старшей дочери Толстого, Тани, которая в дневнике записала, что в то время, когда Танеев музицировал /т. е. наблюдая ритмическое вбивание им клавиш в рояль/, она, Таня, входила в полнейший экстаз, полностью себя забывала, полностью теряла рассудок.)

Профессор-гомосексуалист был особенно «близок» к дому Льва Николаевича в 1886-1888 годах. Позднее, когда он несколько отдалился,

45-летняя Софья Андреевна ездила к нему сама. Поведение ее было скандальным: новый мужчина для нее был *все*, муж — *ничего*. Этого она скрывать не пыталась, да это было и невозможно: все происходило на глазах множества свидетелей. Вешалась она на него долго, но до коитуса дело не дошло, на основании чего толстоведа пришли к заключению, что эта любовная история со стороны Софьи Андреевны была не более чем легким флиртом, и «добродетельная» мать детей великого писателя, дескать, в ней взяла верх над *женщиной*. Из «высоких», по-видимому, соображений замалчивается, что для того, чтобы женщине соблазнить гомосексуалиста, неимоверных усилий может оказаться недостаточно. Ведь, в конце концов, ни Еве Браун, ни Юнити Мидфорд так и не удалось «соблазнить» Гитлера. Но можно ли их считать непорочными женщинами?

Знала ли Софья Андреевна истинную причину безответности (в некотором смысле — ведь у них была «дружба»!) своей «любви»? Если не знала, то неудача с Танеевым означала для нее необходимость признать свою несостоятельность как женщины, что никакая женщина сделать не в силах. В подобных случаях обычно поступают следующим образом: из сознания вытесняются все факты, которые подводят к печальному выводу, а тому, что вытеснить не позволяют окружающие, дается новая, пусть даже глупейшая, интерпретация. Дескать, я — *честная женщина*, любящая жена, только искала возвышенного чувства к нравственной, не оскверненной половым влечением, душе и т. п. Ломать эту комедию, соответственно, обречены до последних своих дней. Так поступила и Софья Андреевна. С этим ясно. Но вот почему в здоровом Льве Николаевиче ей мерещился гомосексуалист? Может быть, это было следствие близости с подавляющим энергетическим полем профессора? А может, это вообще естественно для женщины, которая еще в первой молодости во снах расчленила младенца, во всем видела только дурную сторону и по-настоящему возбуждалась только тогда, когда в доме у кого-нибудь был понос. Кстати, из этого подсознательного влечения к расчленению младенцев и бурного интереса к испражнениям есть целый ряд следствий. Это и признание гомика за идеал мужчины, а здорового мужчины, наоборот, за извращенца. Это и беспрестанные имитации самоубийств и неспособность сотрудничать с мужем. Из всего этого неизбежно следует, что дети, в особенности сыновья, с детства находящиеся под действием ее гипнотического воздействия, будут абсолютно преданы своей матери, будут оправдывать любой или почти любой ее поступок, как бы глупо и безнравственно ни звучали их оправдания. Из этого следует, что подпавшие под контроль ее некрополя будут хулить всякого, кто пытается выйти из-под энергетического контроля их повелительницы. Обращенный в сторону биофилии мужчина, оказавшийся под действием этого некрополя, то будет объясняться ей в страстной любви, то в минуты прояснения ума будет поражаться: как он мог оказаться со столь чуждой ему женщиной? Которая разрушает, но во всем обвиняет других и бредит анальным «сексом».]

Из письма Елизаветы Ивановны Чертковой:

«3 августа 1910 г.

Графиня!

Не могу уехать из здешних мест, не выразив Вам всего моего удивления и возмущения по поводу тех гнусных обвинений, которые Вы распространяете против моего сына.

Никогда мне в голову не приходила возможность слышать подобные клеветы из Ваших уст. Удивляюсь также, как это сыновья Ваши не указали Вам, до какой степени Вы поступаете оскорбительно для всей семьи Вашей, одновременно обливая грязью и их отца.

Что касается моего сына, то я хорошо знаю, что ничего из этого не может ни задеть, ни повредить ему. Все, кто знают его, знают благородство его характера, его искренность, правдивость, самоотречение, безупречную нравственность и порядочность во всех отношениях. Подобные клеветы не могут бросить ни малейшей тени на его честное имя, а только падают обратно на тех, которые изобретают и распространяют их...

...но поведение Ваше по отношению к моему сыну настолько несправедливо, жестоко и зло, что я как мать его, не могла удержаться от того, чтобы не обратиться к Вашему сердцу, к Вашей совести и попросить Вас опомниться. Вырвите, графиня, из Вашей души это злое, безумно-чудовищное чувство, причиняющее столько страдания не только сыну моему и Вашему мужу, но и всем окружающим Вас и прикасающимся с Вами в соприкосновение. Злое чувство это многим причиняет страдание, но вредит только Вам одной, заглушая и покрывая грязью...»

2 сентября. ...Софья Андреевна приглашала духовенство и отслужила в своей комнате молебен с водосвятием; священник кропил также все комнаты святой водой. Она священнику тоже рассказала все, что она говорит о Л. Н-че...

Из письма Софьи Андреевны к В. Г. Черткову:

«11-18 сентября 1910, Кочеты — Ясная Поляна. ...Поднялась у меня гордость... за свое положение честной женщины, бабушки 25 внуков. А главное, я вдруг поняла, почему Л. Н. относится ко мне недобро, сухо, чуждо, чего никогда не было, и это убивает меня. Вы *внушаете* ему, что от такой жены надо бежать, или стреляться. И вы *первый* в моей жизни осмелились сделать эту несправедливость...»

1 октября 1910 г. Ясная Поляна, 11 ч. ночи. ...В отсутствие Л. Н-ча Софья Андреевна сняла портреты... сначала собиралась уничтожить. Однако потом, очевидно, опасаясь рассердить Л. Н-ча, повесила перед его приездом портреты снова, но на другие места.

Вернувшись в Ясную, Л. Н. сначала не обратил внимания на эту перемену, а потом, заметив ее, спросил Илью Васильевича, где портреты, и, увидав их на других местах, повесил все снова на прежнее место.

В воскресенье Софья Андреевна, войдя к нему, увидела портрет Владимира Григорьевича на старом месте и впала в иступление.

На вопрос ее, зачем он это сделал, Л. Н. сказал ей, что просит ее предоставить ему свободу в его комнате.

Софья Андреевна раздражалась все больше и больше и в конце концов изорвала портрет Черткова в мелкие куски...

...Когда Л. Н. вернулся с прогулки и лег у себя, Софья Андреевна стреляла еще раз, но Л. Н. хотя и слышал, но очевидно догадался, что это комедия, и не вышел...

...В отношении к Софье Андреевне Л. Н. стал более тверд и очень спокоен. Он все больше молчит. Да и вообще он мало говорит. Когда при нем начинаешь о чем-нибудь говорить или рассказывать ему что-нибудь, даже интересное, из текущих событий, чувствуешь, что это идет мимо него, что он только из деликатной учтивости старается слушать и иногда спрашивает, а на самом деле он далек от этого. Это его настроение напоминает мне так удивительно описанное им предсмертное состояние князя Андрея в «Войне и Мире»...

Из письма О. К. Толстой: «4-го октября 1910 г. ...узнала, что вчера Л. Н. был болен, обморок, — и что вызывали доктора...»

Из письма А. К. Чертковой к Гольденвейзерам:

«8 октября 1910, Ясенки, Тульской губ. Нам рассказывали, что его обмороки (о которых я сообщала) сопровождалась ужасными конвульсиями, особенно в ногах, происходившими от закупорки сосудов при остановке кровообращения и могли, говорит доктор из Тулы, кончиться вдруг кровоизлиянием и смертью или параличом. Говорят, вид припадка был ужасный и повторялся пять раз в продолжение от 6 до 12 ночи...»

13 октября 1910, Ясная Поляна. За Софьей Андреевной Гольденвейзер записал следующие слова: «...я хочу поскорее кончить издание и пустить его в продажу; уж тогда у меня никто не сможет его отнять. Но Л. Н. может сделать так, что завещает все права Черткову и умрет... Мы возьмем, конечно, верх, докажем его обмороки и слабоумие...

...А если я его спрошу, оставит ли он мне мои права на мое издание, он мне наверное скажет, что ничего не обещает. Так что же спрашивать? Да что говорить! Опию много, на тридцать травлений хватит; я никому не скажу, а просто отравлюсь...

Из дневника Льва Толстого.

«...Все так же мучительно. Жизнь здесь, в Ясной Поляне, вполне отравлена. Куда ни выйду — стыд и страдание...»

Из письма В. Г. Черткова к Досеву:

19 октября 1910 г. «...Когда же станут общеизвестны истинные условия семейной и домашней жизни Л. Н-ча, то к непосредственной убедительности его слов в глазах человечества присоединится еще и подвиг его жизни, запечатлевший на деле то, что он выражал словами...»

Из письма Л. Н-ча к Александре Львовне из Шамардина:

«...Главное, чтобы они поняли и постарались внушить ей, что мне с этим подглядыванием, подслушиванием, вечными укоризнами, распоряжением мною, как вздумается, вечным контролем, напускной ненавистью к самому близкому и нужному мне человеку, с этой явной ненавистью ко мне и притворством любви, — что такая жизнь мне неприятна, а прямо невозможна, что если кому-нибудь топиться, то уж никак не ей, а мне, что желаю одного — свободы от нее, от этой лжи, притворства и злобы, которой проникнуто все ее существо...»

4 ноября. ...— Варечка, пусть ему напишут, что я топилась!..

...старцу Иосифу было Синодом предписано ехать в Астапово. Он по немощи отказался. Тогда командировали игумена...

...Я открыл форточку и сказал:

— Скончался.

Все сняли шапки.

Было 6 часов 5 минут утра...

7 декабря. ...мы отправились на могилу Л. Н-ча.

Там встретили Софью Андреевну и Татьяну Львовну. Мы пошли с ними в дом. Мне хотелось побывать еще раз в доме Л. Н-ча...

...Она дрожащим, прерывающимся голосом стала говорить:

...— Александр Борисович, если бы вы знали, что я переживаю! Это ужасные ночи!.. Как я могла дойти до такого ослепления?! Ведь я его убила!..

...Я понял весь ужас ее душевного состояния. Я знал, что в эту минуту она была вполне искренна, и мне было глубоко ее жаль, жаль ее больную страдающую душу. Я знаю, что несмотря на все ужасные слова, которые она говорила и без сомнения будет говорить и впредь, ей должно быть мучительно тяжело, хотя бы, когда она остается наедине с собою...

Выйдя через маленькую гостиную в канцелярию, я не выдержал и долго плакал, сидя там один в углу...

С тех пор я не был в Ясно-Полянском доме.

Глава девятнадцатая.

АНАТОЛЬ

Всякий образ (персонаж) в творчестве большого художника, а уж тем более такого, как Лев Николаевич, не случаен — он необходим для постижения жизни. Потому и прибегают к помощи образа, что для осмысления даже ближайших к мыслителю форм жизни понятийного языка оказывается недостаточно. Удобство художественного произведения для постижения бытия через жизнь автора также и в том, что женщина в нем может означать мужчину, а мужчина — женщину из ближайшего его окружения.

Анатоль был глуп. Но, странное дело, мы, читая, этого не замечаем! Про брата Анатоля, князя Ипполита, Л. Толстой тоже написал, что тот глуп, и, наблюдая за поведением Ипполита, *мы* соглашаемся. Но начатые и не законченные фразы, не к месту произнесенные слова дипломата и идиота Ипполита в великосветском обществе неприязни не вызывают. Более того, Ипполит — любимец женщин этого круга.

Про Элен Л. Толстой также написал, что она глупа, но в светском обществе она признана как умница. О ее глупости догадывается только Пьер и читатель, в особенности в том месте, где Элен принимает истинную для себя религию — католическую, чтобы развестись с Пьером и выйти при живом муже замуж вновь, причем сразу за двоих.

Но, что глуп Анатоль — этого мы не видим. Наоборот, Анатоль практичен, умеет обмануть Пьера (сцена попойки с медведем), привлечь внимание женщин и, что называется, умеет повеселиться. Анатоль умеет не потеряться даже в очень трудных для его чести ситуациях, например, когда Пьер мощными своими руками трясет его, да так, что отлетают от мундира пуговицы, и обличает его как мерзавца. Анатоль дипломатичен настолько, что в армии в состоянии получить любое назначение, и получает от начальства командировку на удивление вовремя, чтобы не встретиться с князем Андреем, ищущим вызвать его на дуэль. И с деньгами Анатоль прекрасно устранивается, что безусловно публикой признается за свидетельство наличия ума.

И между тем, Анатоль — глуп.

Глупым же он нам не кажется потому, что сравниваем мы его с собой и окружающими нас людьми.

Кроме того, что Анатоль якобы умен, он еще и якобы способен на сильное любовное чувство. Причем, самое интересное заключается в том, что никто из персонажей романа «Война и мир» не усомнился, что чувство Анатоля к Наташе сильное, и что это — любовь. Ему говорили (Долохов), что он, воруя Наташу, поступает глупо, потому что может последовать уголовная ответственность за двоеженство, ему говорили (Пьер), что он мерзавец, потому что не думает ни о чувствах Наташи, ни о ее судьбе, но никто не усомнился, что чувство Анатоля было — любовь. И притом сильная. А раз сильная, то безнравственные его поступки как бы оправданы. Анатоль бы и сам, верно, очень удивился, если бы кто усомнился, что чувство его не благородно. И не стал бы слушать.

«Лицо Пьера, и прежде бледное, исказилось бешенством. Он схватил своей большой рукой Анатоля за воротник мундира и стал трясти из стороны в сторону до тех пор, пока лицо Анатоля не приняло достаточное выражение испуга...

— Вы не можете понять наконец, что, кроме вашего удовольствия, есть счастье, спокойствие других людей, что вы губите целую жизнь из того, что вам хочется веселиться. Забавляйтесь с женщинами, подобными моей супруге, — с этими вы в своем праве, они знают, чего вы хотите от них, они вооружены против вас тем же опытом разврата; но

обещать девушке жениться на ней... обмануть, украсть... Как вы не понимаете, что это так же подло, как прибить старика или ребенка!»

Да, Анатоля любили, или, во всяком случае, так называли свое чувство многие замужние дамы, которые состояли с ним в связи. Для них тоже было несомненно, что в объятия Анатоля их могло привести только сильное и красивое чувство. У него была даже связь с собственной сестрой Элен, которую тоже многие впоследствии страстно «любили», связь, наделавшая достаточно шуму в свете. А что кроме большой любви, как то называют окружающие, могло привести его к такому поступку?

Итак, вокруг Анатоля никто не усомнился, что Анатоль любил. Но этот факт, никаким особенным образом Толстым не обыгранный, автора не удивлял. И в этом нет ничего удивительного. Еще прежде, лет за пятнадцать до Анатоля, когда Толстой только создавал свои первые произведения, он писал, что чем *менее* какое-либо чувство *похоже*, тем более оно истинно. А потом, буквально через несколько страниц, желая, чтобы эта глубокая мысль укрепилась в сознании читателя, написал приблизительно следующее: «И вновь я повторяю, что чем *менее* чувство *похоже*, тем более оно истинно».

Что происходило с самой Наташей, и каково происхождение ее (рядом с Элен) «любви», мы уже разбирали. Мы также предложили исследовать методами психокатарсиса схожие истории в судьбе любой женщины — они все достаточно однотипны. То, что никто не смог усомниться в том, что переживания Анатоля есть любовь, тоже понятно: с одной стороны сами любви не пережили, с другой — что бы Анатоль ни делал, все убедительно (весомо, железно). Здесь все понятно, но вот *почему сходил с ума сам Анатоль?*

Может создаться впечатление, что истории с замужними и незамужними, полные «приключений», Анатолю поднадоели изрядно и захотелось чего-то свеженького, чистого, наивного. Такая оценка общепринята, но...

Да, подавление и уничтожение для некрофила самоценно (перспектива интимности не интересна — *приятен процесс растления*), но только ли эта возможность привлекала его в Наташе? Ведь Анатоль получал еще и то, о чем мы можем угадать, присматриваясь к поведению Наташи. В глазах Наташи Анатоль был добр (а разве сочла бы его таковым Элен?), он был красив красотою праведности, он был умен, он был благороден и снисходил к ней, Наташе, с высоты прекрасной, величественной и непорочной своей души. Ну, ни дать ни взять — сатана, некогда осеняющий херувим, декларирующий причины, почему именно он и только он должен занимать во Вселенной более высокое положение, чем Сын Божий!

Толстой верил в Сына Божьего, но, похоже, не верил в сатану, и все же не Анатоль был тем центральным воплощением зла, против которого Толстой боролся своим даром. В романе есть еще одно описание «большой любви» к прекрасному, по мнению толпы, человеку. Вторая глава третьего тома. Император Наполеон, завоеватель почти всей Европы, кумир не только своей французской молодежи, но, что парадок-

сально, и молодежи стран завоеванных, прибыл к реке Неман, т. е. к границе с Россией, лично наблюдать начало той великой военной кампании, после которой он останется без армии. Великий Наполеон, после правления которого средний рост французов уменьшился на два с половиной сантиметра (в армию, прежде всего, забирали высокорослых — гренадерами) присел на берегу. Рядом стоял полк польских улан, которые, увидев рядом великого человека, пришли в такое любовное неистовство, что пожелали сделать своему императору приятное тем, что пересекут Неман не по переправе, которая была всего лишь в полуверсте ниже по течению, но здесь, на этом самом месте, немедленно и вплавь. Этого страстно хотели все, начиная от новобранцев и кончая седым полковником. И они, пришпорив коней, бросились в холодную и опасную воду. Тонули кони, тонули и люди. Сорок человек польских улан погибли совершенно напрасно, но император французский Наполеон был доволен и приказал причислить седого полковника-поляка к когорте чести.

Много горя, смертей и пожаров принес на русскую землю Наполеон, но, что удивительно, в земле русской было множество людей, и молодых и не очень, которые искренно восторгались Наполеоном, пытаясь объяснить свое чувство тем, что Наполеон — гений, человек, который из полнейшего ничтожества, из маленького капрала стал властелином разве что не половины мира, доказав другим признанным, но коронованным особам, что они ничто по сравнению с ним, некогда маленьким человеком. «Для него, — пишет Толстой о Наполеоне, — было не ново убеждение в том, что присутствие его на всех концах мира, от Африки до степей Московии, одинаково поражает и повергает людей в безумие самозабвения» («Война и мир», 3 том, 2 глава). На Руси восторгались Наполеоном до его вторжения, видимо, не в силах были сопротивляться этому наваливающемуся чувству восторженности и во время грабительского вторжения, поскольку восторгались им и годы спустя, десятки лет спустя, восторгались до тех пор, пока непосредственные носители восторга большей частью не поумирали, и Лев Николаевич Толстой не опубликовал свой роман «Война и мир». Да, многие, в особенности пытающиеся мыслить профессора, писали трактаты о том, что Наполеон на самом деле — ничтожество, неумеха и дурак, весь успех которого объяснялся исключительно болезненностью человеческого рода, но то ли потому, что в этих работах не доставало нужного духа, то ли потому, что профессорские книги никто не читает, Наполеоном восхищаться продолжали еще шестьдесят лет после его кровавого вторжения на Русь. А вот после «Войны и мира» все как-то разом рассеялось. Нет, люди не изменились, к несчастью, но вот *данной формой* воплощения того, чему после наступления Царства Божия вообще никто восторгаться не будет, люди восторгаться перестали.

(Что может в этой жизни сделать писатель? На что повлиять? Изменить он не может ничего, но повлиять на *формы* — да. Наполеон перед Толстым пал. Во всяком случае, в России. Спиритизм только-только входил в моду, и Толстой лишь слегка его коснулся в своих

произведениях, но и этого оказалось достаточно, чтобы и эта форма не имела того влияния на русский народ, как на Западе. Затронул Толстой и проблему целительства, но только в православной форме. Это — «Отец Сергий», к этому произведению мы чуть позже вернемся. «Ваша борьба с правительством, — писал Толстой, обращаясь к революционерам, — есть борьба двух паразитов на здоровом теле <народа>...» (ПСС, т. 36, стр. 308). При Толстом-художнике коммунизм еще не успел поднять голову настолько, чтобы Толстой обратил на него более пристальное внимание. Не успел. Жаль. Но все формы зла невозможно охватить не то что в одной книге, но и даже в собрании сочинений.)

Характерная деталь: умом к числу бонапартистов Анатолий не относится. Может быть, по той же причине, почему сам Анатолий с развратными женщинами был «в своем праве»: он нисколько не заблуждался по поводу состояния души того, кем восхищается толпа. Бонапартистами «от ума» в начале повествования были любимые герои Толстого — князь Андрей и Пьер. Князь Андрей погиб явно уже другим человеком, и мы отчетливо видим, как развеивается одурь поклонения у нашего наивного поначалу Пьера. Анатолий относится скорее к тем, кто бросился бы в реку, чтобы сделать приятное предмету своего обожания. Совершенно неожиданно для себя бы бросился.

Итак, если главный враг Толстого-художника был «великий человек» *император* Наполеон, то в чем же тогда художественная необходимость Анатолия? Ведь, в сущности, Анатолий — щенок по сравнению с императором, и хотя относительно него и не заблуждался, все равно энергетически (нравственно, т. е., безнравственно) — щенок. Но, тем не менее, Анатолий нужен, поскольку в нем мы узнаем Наполеона, а в Наполеоне — щенка Анатолия, который готов пойти на все, даже на риск уголовного наказания за двоеженство, чтобы хоть ненадолго, хотя бы на несколько недель почувствовать себя «великим», подобно убогому Наполеону; человеком, великим хотя бы в глазах обманутой Наташи. И это искреннее чувство Анатолия к Наташе, действительно, — любовь. Спросите удава, любит ли он кроликов, которых пожирает, и он ответит искренно: да, любит.

Анатолий не в силах удовлетворить пожирающее его влечение, это принципиально невозможно, и эта невозможность отравляет существование и Анатолия, и подобных ему. Перед *императором* Наполеоном будут пресмыкаться, будут называть это холуйское чувство раздавленности, состояние «совершенного ничто» — любовью, но никогда ему, как и Анатолию, не узнать, ни что такое настоящая любовь женщины-половинки (а только это истинная любовь), ни, даже, что такое — уважение друга. Жаль Анатолия. Бедняга... Жа... А ведь в этом чувстве «жаль» к непотребному человеку, чувстве, возникающем от общения с толстовским текстом, сияние художественного гения Льва Николаевича!

Действительно, когда Анатолию на Бородинском поле ампутировали ногу и он безостановочно кричит — нам его жалко, а вот когда после другого сражения скромному капитану Тушину, явно к ярким некрофилам не относящемуся, трупяге и скромнику, отрезают еще более важ-

ную часть тела — руку, в нас чувство жалости, во всяком случае, того рода, которое возникает к Анатолю, не появляется. В этом-то и заключается гениальность Толстого-психолога. Капитан Тушин, работяга и герой, которого не замечают, энергетически не манипулирует чувствами окружающих, он не в состоянии заставить их ни собой восхищаться, ни *жалеть*. Такова правда жизни, что некрофилы чаще всего «работают» с нами на двух волнах — или это Наполеоны, которыми, не умея сопротивляться, мы восхищаемся, либо это «бедняжечки», «Божьи сироты», и мы их жалеем. И, странное дело, удушает нас к ним жалость *безо всякой на то объективной причины*. Можно даже предположить, что из любых двоих, которых в средние века сжигала инквизиция, толпа не заметила того, который следовал всем сердцем за Иисусом, что и засвидетельствовал своей смертью, но если и рыдала, то только над тем, кто сам на эту казнь напросился и кто принюхивался, даже обложенный вязанками хвороста.

Им выгодно, чтобы мы их жалели. Мы расслабляемся и получаем психоэнергетическую травму, определяющую нашу от них зависимость.

«Работа на жалость» в некрофилах укоренена на подсознательном уровне; некрофил не упускает своего, даже когда ему ампутировали ногу. Он — некрофил.

У Анатоля был, как некоторые полагают, прототип. На самом же деле их было даже два. Вторую болезненную «любовь» Тани Берс (сестры Софьи Андреевны) так и звали — Анатолю. Он был очень молод, его половые «победы» еще только начинались, он чувствовал себя неуверенно, и ему, чтобы эту уверенность обрести, требовалось абсолютное обожание объекта. Этим объектом и стала Таня, которая, безо всякого на то основания, возмнила, что эротические поплзновения Анатоля свидетельствовали о его способности оценить ее как личность. Анатоля из Ясной Лев Николаевич выставил лично.

Второй из жизни Тани прототип, который, как и Анатолю, был в связи с цыганкой — брат Льва Николаевича, Сергей Николаевич. Он был третьей, наиболее болезненной «любовью» Тани Берс, болезненной настолько, что на этот раз Таня даже пыталась покончить жизнь самоубийством. Он с ней поступил подлее всех предыдущих. Однажды Лев Николаевич спал в Пирогове во флигеле, потом записал: «У Сережи с Таней что-то было — я вижу по признакам, и мне это очень неприятно. Ничего, кроме горя, и горя всем, от этого не будет. А добра не будет ни в каком случае». Доброжелательно настроенный к Сергею Николаевичу А. А. Фет упомянул в воспоминаниях, что брат великого писателя страдал болезненной мизантропией (человеконенавистничеством). Он обещал Тане Берс (прототипу Наташи Ростовой) на ней жениться, хотя сам был женат, пусть даже и невенчан. Он даже, как уверял, хотел от жены вырваться, но, как уверял, не смог. Невенчаной женой Сергея Николаевича была цыганка, которую он выкупил из хора и которая с цыганским табором была разобщена пространственно, но не душевно. Последнее очень важно. Подобно тому, как одни люди более подавляющие, чем другие, так, естественно, и несхожи и целые

народы. Цыгане, в особенности из табора, — народ особый, они полностью отказались от созидательного труда и профессионально посвятили себя актерству, попрошайничеству, жульничеству — всем тем занятиям, успех в которых основывается на гипнотическом воздействии, то есть, на их, цыган, способности к подавлению. Веками в цыганских таборах шел отбор: те, кому жизнь за счет других была внутренне не приемлема, с табором порывали и ассимилировались с окружающими народами. Те же, кому порядки табора были органичны, приемлемы, — продолжали род и сохраняли нацию. Отсюда, можно не сомневаться, что *артистка цыганского хора* в состоянии страстно в себя влюбить, страстно вплоть до полного некроза объекта. Естественно, что рядом с такой дамой мужчина время от времени будет чувствовать себя неуверенным, подавленным, униженным, иногда ему будет хотеться, чтобы не он ею все время восхищался, а, хотя бы иногда, и им кто-то (принцип садо-мазохистского мятника). Таким образом, цыганка была полной противоположностью нашей Тани, но в борьбе за мизантропа Сергея Николаевича победила, естественно, дама более подавляющая. Так, в сущности, почти всегда и бывает. В конечном счете, некрофил-мужчина, справившись рядом с биофилкой со своими проблемами (в том числе и с половыми), непременно вновь окажется подле близкой ему по духу некрофилки. Что и произошло в действительности между Сергеем Николаевичем, Таней Берс и артисткой цыганского хора.

Но были ли Анатолю и Сергей Николаевич действительно прототипами — в прямом смысле? Бытует мнение, что художник, творя, работать без прототипов не в состоянии. Очень увлекалась выявлением прототипов Софья Андреевна, ей почему-то это очень нравилось, может быть, потому, что в живописи и рисовании она была не более чем копиистом. Софью Андреевну противоречия не затрудняли, она их просто старалась не замечать, видимо и в данном случае она бы не затруднилась не обратить внимания на тот факт, что Лев Николаевич, создавая образ Наташи Ростовской, рассказал о ее увлечении Анатолю *еще до того, как Таня Берс с Анатолю — реальным! — познакомилась!* Да, Лев Николаевич описал все это раньше, и уже тогда Анатолю в романе был Анатолю. История же с Сергеем Николаевичем, любителем цыганок, произошла и того позже.

Что это — предвиденье гения? А может, происшедшее попросту *типично* для пар подобной полярности и случайно только совпадение имен?

Как бы то ни было, размышления о взаимоотношениях Наташи и Анатоля были для Льва Николаевича прежде всего попыткой решить свои собственные проблемы. Попыткой выявить скрытый стержень происходящего у, якобы, литературных образов, а понять смысл, изменить «картинку» («пейзаж»), тем подготавливая *себя* к решению своих проблем в физическом мире.

Не только мизантропы выбирают свою мать, но мизантропы — в особенности. О матери Сергея и Льва Николаевичей известно мало, разве только то, что замуж она вышла поздно, в 32 года, муж ее был младше ее, страдала она болезненным комплексом неполноценности

(рассказывала сказки детям *только в темноте* и не позволила, чтобы сохранилось хотя бы одно ее изображение); как следствие того, она стала тем, что публика (толстоведы) называет яркой натурой. Яркой в каком смысле? Документы обманчивы, воспоминания — тем более, однако, почти всегда восстановить облик матери можно, во всяком случае, в смысле выбора в основной нравственной альтернативе «некрофил — биофил». Сделать это можно по особенностям жизни ее дочери и по тем женщинам, которых себе выбирали ее сыновья. А Николаевичи выбрали женщин совершенно одностипных, хотя по второстепенным признакам и несхожих. Один выбрал себе певичку цыганского хора, другой рано умер от чахотки на руках проститутки, которую выкупил из публичного дома, третий — умер, так и не выбрав себе женщины, а четвертый выбрал — Софью Андреевну, женщину, по отношению к которой многие (современники и потомки) не могут сопротивляться чувству восхищения: как любящей матью, идеальной хозяйкой дома и замечательной женой. Всякий, кто позволил себе понять принцип некрофилии, скажет, что в компании *таких* женщин не хватает только монахини какой-нибудь из государственных религий. Самое интересное, что в этой компании монашка была. Это единственная сестра своих братьев — Мария Николаевна. Муж, живя с ней, спился, она с ним развелась, от одного из своих увлечений за границей прижила ребенка, которого скрывала. Словом, шлюха международного масштаба. Блудила она даже с Иваном Тургеневым, тем показывая общность своего характера с его патологически жестокой матерью. Составившись, ушла в монастырь.

Таня же Берс в компании подобных женщин явно не вписывалась, и была, в сущности, обречена на то, что ни Сергей Николаевич ее не выберет, ни Лев Николаевич. Предпочтение будет отдано некрофилам: цыганке, проститутке или Софье Андреевне.

Итак, некрофилам биофилы нужны не надолго, а для каких-то целей. Не по большому счету, не для вечного супружества, но для удовлетворения неких потребностей. Нужны именно некрофилам, а не наоборот, потому что инициаторы взаимоотношений именно некрофилы: поработают — они, они же эти отношения, как правило, и разрывают, когда более в них не нуждаются.

Итак, что же некрофил хочет получить от биофила? Всеобъемлюще ответить на этот вопрос без систематических изысканий целого коллектива исследователей вряд ли удастся, но некоторые общие закономерности судеб наших Психотерапевта и Возлюбленной отчетливо видны. Если наш Психотерапевт, еще не став таковым, лишал некрофилок фригидности (в том числе, и имевших прежде обширный сексуальный опыт) способом, если можно так выразиться, *непосредственным*, то Возлюбленная, прежде чем ею стала, лечила некрофилов от импотенции иначе, почти что одним своим присутствием. Разобраться, как она это делала, по-может — удивительно, правда? — художественный гений Льва Толстого.

Если, действительно, Лев Николаевич в борьбе с человеческим холодством использовал, как пояснительный материал, образ Анатоля,

то проблемы Наполеона и Анатоля должны совпадать. У Наполеона была наирастипичнейшая жена властителя — Жозефина, мать шестерых детей от разных любовников. В точности такие же по характеру и по своему влиянию на мужей жены были и у прочих *императоров*: у погибшего от перепоев Александра Македонского (которым помыкала шлюха), у причисленного к лику святых последнего императора российского Николая II (обычно депрессивная, жена его оживлялась только при ампутациях — она была практикующей хирургической медсестрой), у Ирода Антипы, того самого, который «с удовольствием» (Мк. 6:20) слушал проповеди Иоанна Крестителя, его обличения в сожительстве его, Ирода, с женой брата, но разорвать связь с Иродиадой не смог (очевидно, не хотела она), и по ее наущению приказал признаваемого им за пророка человека казнить, и т. д. и т. п. Женщины этого типа своей прихотью, но по чьему-либо наущению (российская императрица — Гришки Распутина) ставили и низвергали министров, женщинами этого типа восхищались современники и потомки, мужа же с ними играли роль некоей унижаемой прислуги, хотя для страны были императорами. Та же Жозефина любила повторять своему низкорослому супругу:

— У моего маленького такой *маленький-маленький*...

И этой фразой и собственно отношением к своему мужу-повелителю мира принято объяснять раннюю импотенцию гипнотизера Наполеона. Мы не знаем, что говорила своему супругу-гипнотизеру Зигмунду Фрейду его жена, но он тоже в том же возрасте (40-41 год) стал импотентом. А блистательнейший во всей плеяде гипнотизеров магнетизер Месмер и вовсе таким был от начала.

Итак, Анатолю, по всей видимости, угадал в Наташе возможность хотя бы некоторое время получать то, что он не мог надеяться получить от себе подобных — обезмысленное безусловное восхищение. В сущности, он, хотя бы на подсознательном уровне, догадывался, что его любовницы — барахло. Они, по всей видимости, тоже насчет него не заблуждались, и у них не всегда хватало терпения разыгрывать друг перед другом достаточной силы восхищение. Психогенная импотенция, равно как и фригидность, как следует из практики психоанализа, уходит корнями в комплекс Эдипа, в детские взаимоотношения с отцом и матерью. Некрофил живет не в настоящем и не в будущем, он живет, вообще говоря, в прошлом, в области же эротики — с матерью или отцом. Реальный же партнер взрослой жизни проигрывает отцу с матерью отсутствием безусловной любви. А без этого *ничего не получается*. Нет *умершего* прошлого. Оглуленный же некрополем биофил, заблуждаясь относительно сущности его употребляющего некрофила, наилучшим образом имитирует либидозное поле детства. Некрофил, раз испытал оргазм или, хотя бы, обнаружив у себя эрекцию, может добиваться этого вновь, подсознательно возвращаясь к умершему первому — а потому самому яркому — опыту неанального удовольствия. Все это очень напоминает онанизм, поэтому не вызвать омерзения может только у партнера подобного себе — некрофила (садо-мазохиста),

да и то такого, который не позволил себе вышесказанное перевести на логический уровень. Как можно заниматься онанизмом в присутствии партнера другого пола, отнюдь не тема нашего исследования — но так есть. Надо только научиться *видеть*. Если же называть вещи своими именами, то два некрофила, жухлые в том числе, именно этим друг с другом в постели и занимаются — онанизмом. Биофил же (в широком смысле) для онанизма не нужен, поскольку в его присутствии нет помрачения ума и отношения с ним не переходят даже в жухлую форму садо-мазохизма. Исползованному биофилу и окружающим внушают, что виноват в ухудшении отношений именно он, и за ненадобностью вышвыривают.

Инверсированное проявление импотенции — приапизм (в первоначальном, уже несколько устаревшем смысле этого слова: это когда не опускается). Тоже психическое заболевание, тоже форма лишения нормальных половых взаимоотношений. Какого происхождения подобная «активность» можно догадаться хотя бы по преимущественным маршрутам распространения СПИДа. Повышенное поражение страшной язвой гомосексуалистов объясняется тем, что они совершают коитусы в среднем *в четыре раза чаще*, чем сторонники более традиционных форм. Кроме того, они менее разборчивы в выборе партнеров. И импотентов, и приапистов на самом деле интересует только анальный «секс». Женщина их возбуждает в той и только той мере, в какой она напоминает прелести заднего прохода. Иными словами, чем дерьмовей женщина, тем на больший успех (страстная «любовь») она может рассчитывать у мужчин. (Но только у тех мужчин, у которых еще есть собственное здоровье. У тех же, у кого его нет, механизм временного восстановления потенции иной — через паразитирование на другом живом организме: не на том, кто вызывает страстную любовь, но на источающем жизнь.)

Медицинский термин «приапизм» произошел от имени античного божества — Приапа, сына богини любви Афродиты и бога специфического веселья и наркомании — Вакха. Афродита изменяла своему первому мужу, да и Вакх, похоже, никогда даже и не слышал слова «*половинка*». Он менял партнерш, не замечая того, что они меняются. В этом апофеоз некрофилии: чем меньше в партнере замечаешь личности, тем менее он *живой*, его как бы нет, он — *мертв*, труп. Апофеоз — даже не спросить имени. Очень распространенный сюжет восточных сказок. Он, Алладин, идет по запутанным улочкам города, вдруг открывается в стене дверка, Алладина туда вводят, в бассейне плещутся веселые девушки, его раздевают... и т. д. Найти эту дверку он в дальнейшем не в состоянии. В русской «любовной» поэзии он просыпается с похмельной головой, смотрит на незнакомую голову рядом на подушке и силится вспомнить имя. «Окультуренный» вариант — любовь с первого взгляда.

«Без Вакха Афродита грустна», — подмечали древние тот факт, что без некоторого одурманивания то, что в толпе принято называть «любовью», *не идет*. А когда достаточно одурманишься, то тогда уже все равно, *кто*. А это — самое лучшее.

Правда, в отличие от своего бога, многие некрофилы (и яркие, и жухлые), как показывают исследования, остаются верны своим некрофильным женам, но только потому, что не уверены, *получится* у них что-нибудь с другой или нет. Или выразимся иначе: то, каким образом у них получается с женой, они бы не хотели, чтобы стало известно хотя бы еще одной даме. Потому что — стыдно. По сути, они замерли на уровне импотенции, на том уровне, когда начинают искать невызревшего биофила (в широком смысле слова, себя не осмыслившего), чтобы уподобиться своему богу и впасть в болезненный приапизм. Очевидно, что психика и дух при таком изменении не меняются. Человек остается тем же. Да, действительно, тождественность при близком рассмотрении психологии ярких импотентов и дешевых бабников (властителей гаремов, «Анатолей») поражает. К осознанию этой тождественности можно прийти только через непосредственное наблюдение, потому что бытующие «теории» только своим невысоким уровнем и смогли завоевать признание широкой публики. Скажем, теория компенсации. Весьма вероятно, что теория эта — создание женского ума. При изучении «любвных треугольников» часто выясняется, что женщины сплошь и рядом изменяют своим, если не идеальным, то, во всяком случае, верным и здоровым супругам с импотентами. Не умея объяснить свое влечение, дамы объявляют своих избранников светлыми, чистыми людьми и рационализируют свое сожителство сразу с двумя мужчинами поисками возвышенной любви. Но такого преклонения от женщин достаиваются не только импотенты или бабники, но и прочие извращенцы. Жена Толстого много лет пыталась согрешить с гомиком Танеевым и свою неудачу лечь с ним в постель Льву Николаевичу объясняла тем, что ее влекла «чистая, возвышенная любовь».

Многолетние попытки Софьи Андреевны не привели к оздоровлению половой сферы у Танеева. *Не получилось*. А вот у нашего Психотерапевта и Возлюбленной, до того, как они таковыми стали, *получалось*. Что интересно и важно!

Что же происходило с некрофилками, «осчастливленными» будущим П.? Эволюционировали они до зевоты однотипно. Эйфория от вновь обретенного навыка рассеивалась быстро и сменялась неудовлетворенностью в умопомрачении. После неуклюжего повода к расставанию (разводу) и самого развода они однообразно впадали в женский вариант приапизма (не по генитальному типу, а по анальному, хотя и с манипулированием гениталиями), что, как мы уже сказали, то же самое, что и некрофилческая фригидность. Конец приапическим увеселениям с однотипной кратковременной остановкой на страстную любовь наступал только как следствие потребности удовлетворить еще неудовлетворенные потребности: иметь постоянный источник материального содержания, воспроизвести мир «семьи», виденный в детстве, страх перед венерическими заболеваниями и т. п. Находили они партнера, естественно, на этот раз уже себе подобного. Словом, изменение акцентов с анального на генитальный было лишь временным.

Это из опыта П. А что В.? Что ее Центр биоэнергетического целительства, в котором она, если вы помните, лечила импотентов? И не только клиентов, но и того, кто в Центре всем заправлял. Да-да, главный целитель — источник, так сказать, здоровья для клиентов, — тоже импотент, что, однако, не мешало ему установить в Центре порядки, напоминающие гаремные. Возможно, после того, как В. «владельца гарема» вылечила от импотенции (как она предполагает, временно), он в этот период некогда платонический (гитлеровского типа) гарем превратил в буквальный. Однако и это сомнительно, ведь «владелец гарема» к тому времени сорокалетний рубеж уже преодолел.

Если наша гипотеза о причине интереса некрофилов к биофилам верна, то тогда появляется возможность объяснить «целительский» успех будущей Возлюбленной без феномена эмоционально-стрессового «лечения». Уважительное отношение, переходящее в подавляющей атмосфере Центра (директора банка, «владельца гарема») в достаточно обезмысленное восхищение, поражало клиентов; восхищение, переходящее в безусловное, бережный массаж спины (кстати говоря, психоэнергетические травмы половой сферы обнаруживаются в области поясницы), сниженный уровень подавления, злоба к клиенту не большая, чем индуцированная прочими сотрудниками Центра, — все это позволяло импотенту рядом с будущей В. *догадаться*, что он не законченное барахло, а если дерьмо, то не абсолютное. Следовательно, он что-то *может*. Он — потент. С психического уровня эта догадка переходила на физический, и человек становился пригоден к женитьбе.

За подобные догадки люди держатся. Держатся крепко, держатся вопреки очевидному и, порой, вопреки возможности выжить. И это обособление от действительности и позволяет перейти к другой форме импотенции — приапизму. И его онанистическим подвидом. Как, скажем, групповщине (среди умопомрачающих индивидов), практикуемой в целительстве.

Кроме того, классический прием в целительстве заключается в том, что целитель создает мыслеформу больного органа. Если у клиента болят почки, то создается мыслеформа *здоровой* почки. При этом предполагается, что целитель с этим больным органом работает, изменяет баланс энергий, дурную энергию отсасывает, а здоровую, наоборот, вливает. По этой методике учили работать и будущую Возлюбленную. Следовательно, когда она работала с импотентами, то представлять ей приходилось *здоровый* орган. А что, скажите, должно произойти со *здоровой* женщиной, когда она представляет мужской соответствующий орган, да еще *здоровый*? Да, она возбуждается. Естественно, что для целителя — директора банка или какого иного явного или тайного мага — это новый опыт. Прежде все оказывавшиеся рядом с ним женщины не возбуждались, а впадали в транс, забывались или влюблялись до умопомрачения; словом, все что угодно, но только не возбуждались. Разумеется, оказавшись впервые рядом с возбужденной женщиной, маг вдруг обнаружит, что его вялый орган примет пусть слабое, но подобие создаваемой мыслеформы. Именно этим механизмом можно объяснить,

почему многочисленные попытки других целителей вылечить «владельца гарема» оказались безуспешными, а нашей героине это удалось.

Анатоль был глуп. Но мы, читая, этого не замечаем. Анатолий производит впечатление справляющегося с этой жизнью, и это впечатление настолько яркое, что начинает казаться, что *он* хозяин этой жизни. По внешним атрибутам он, как и «владелец гарема», неутомимый любовник, отнюдь не страдающий от комплекса неполноценности. Анатолий изображен так, как он того хотел бы, чтобы его воспринимали — почти что идиолом для поклонения. Но мы мыслью проникаем в истинную сущность вещей и вместе с Толстым постигаем, что Анатолий — глуп.

А еще Анатолий нуждался в услугах обманутой биофилки, поскольку на генитальные взаимоотношения был попросту неспособен.

Читающий — да разумеет.

Глава двадцатая.

ТАК КОГО ЖЕ ЛЮБИЛ ЛЕВ ТОЛСТОЙ?

Лев Толстой женился в 34 года, прожил с женой, не изменяя, 48 лет, из которых тридцать три последних года мечтал от нее сбежать. Жена Соня (детское прозвище — «фуфела») бежать никуда не собиралась, наоборот, чувствовала себя в имении Толстого полновластной хозяйкой, контролировала все, вплоть до часов работы великого писателя. Дело доходило до того, что Лев Николаевич не имел права, чтобы сосредоточиться, закрывать дверь в кабинет, потому что Соне хотелось видеть то, чем он занимается. Писателю по роду работы необходимо, чтобы новые впечатления не рассеивали внимание и, в особенности, необходимо, чтобы не менялась в кабинете обстановка, но Соня могла без согласия мужа снять висевший в кабинете портрет и заменить его другим, а то и вовсе ворваться и разорвать его в клочья.

Свою многолетнюю мечту сбежать Лев Толстой воплотил только в 82 года. Ночью (ночью!) он тихо разбудил верных ему в доме людей, стараясь не шуметь, они собрались и почти без вещей крадучись ушли из усадьбы. Толстой хотел убежать куда-нибудь далеко-далеко, так, чтобы супруга его там найти не могла, и для этого он со спутниками менял поезда (на каждой узловой станции заново брали билеты) и всячески старался оставаться незаметным. Однако организм Толстого не выдержал — все-таки 48 лет совместной жизни с некрофилкой! — и величайший из писателей простудился и умер на станции Астапово.

Как могло случиться, что величайший писатель-психолог мог жениться на *такой* женщине? Можно было бы еще понять, если бы женился он, скажем, лет в 19 или в 22, но в 34! Казалось бы, к этому возрасту, кроме глубоких познаний о противоречивости человеческого естества и лживости высказываемых мнений, могло бы прийти и самообладание. Как он мог ввести в свой дом *такую* женщину, да и любил ли он ее? А если не любил Соню, то, в таком случае, кого?

У Сони было еще две сестры: Лиза (старше Сони на год) и Таня (младше Сони на три года). Толстой еще задолго до женитьбы был вхож в этот дом. Однажды он сказал своей сестре Марии:

— Машенька, семья Берс мне особенно симпатична, и, если бы я когда-нибудь женился, то только в их семье.

Мария Николаевна такое умонастроение брата одобрила и обратила внимание его на старшую, Лизу:

— Прекрасная жена будет, такая солидная, серьезная, и как хорошо воспитана! — высказала свое мнение будущая монашка, спавшая не только с И. Тургеневым.

Разговор их подхватили, донесли до Лизы и уверили ее, что граф ее обожает и собирается жениться. Лиза, прежде равнодушная, размечталась и за графа идти замуж собралась. Она стала подолгу сидеть перед зеркалами, изменила прическу. По этому поводу Соня, в то время влюбленная в Поливанова, как могла издевалась над своей старшей сестрой и среди прочего говорила, что нежности, в которые та пустилась, ей не к лицу.

Лев Толстой записал в дневнике 22 сентября 1861 года: «Лиза Берс искушает меня; но это не будет. — Один расчет недостаточен, а чувства нет».

Из этой записи мы, между прочим, узнаем, что в свои 34 года писатель, выделявшийся психологизмом своих произведений, так же, как и жеманные девицы того времени, считал, что самые важные в жизни взаимоотношения должны строиться на *чувстве*. Оставалось только дожидаться, когда *чувство* это ему *сделают*.

Как мы уже знаем, кроме Лизы в семье Берс были еще две невесты: Соня и Таня. Это были два совершенно разных человека. Можно сказать, прямо противоположных, хотя и воспитывались в одинаковых условиях, по одним и тем же книгам, и манер от них ожидали одних и тех же. Мужчины, которые начинали рассматривать Таню как объект своих вожделений, оставались спокойными, те же, которые выбирали Соню, влюблялись страстно (то, что в женщину страстно влюбляются, — ее позор!!!) — с хватанием в отчаянии за голову, с ощущением себя рядом с ней недостойными, с рыданиями, сочинениями стихов и т. п. Реакции на ухаживания у Сони и Тани в одном и том же возрасте были также различны. Когда осмелевший молодой человек взял Таню за руку, она не посмела ее отдернуть, боясь его обидеть. Соня же не только отдернула, но и брезгливо (морщась?) стала вытирать руку платочком, отчего молодой человек, почувствовав всю свою ничтожность, в отчаянии схватился за голову. В одной и той же ситуации Таня (будущий прообраз Наташи Ростовской, если вообще можно говорить о прообразе) находила повод для радости, а Соня — повод почувствовать себя несчастной. Словом, характеры достаточно целостные, чтобы предсказать с достаточной степенью точности, у которой из двух сестер будут сны о расчленении младенцев; кто будет возбуждаться от вида испражнений; у кого будет страстное влечение отправиться в больницу целовать у больных гнойные язвы (было и такое!); и краткосрочная потребность (ввиду определенных психологических трудностей) в

биофильном мужчине; и невозможность с такого рода мужчиной ужиться; и даже стремление первенствовать во всем, даже по пустякам, а уж тем более, среди сестер в деле замужества.

На что особенно обращает внимание в своих воспоминаниях Таня (а она хорошим языком написала книгу «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»), так это на то, что в присутствии Льва Николаевича все становилось жизнерадостней, оживленней, и у всех появлялось желание справиться со своими проблемами. Это чрезвычайно важное свойство биофилов уже тогда, до свадьбы с Соней, было Льву Николаевичу присуще. С возрастом это его свойство только усилилось.

Еще Льва Николаевича легко обманывали, он об этом знал, но гипнабельным себя признавать, чтобы от болезненных зависимостей защититься, не сумел. (Он говорил, что воспринимает людей *особенно, физически*, но склонен был видеть в этом только одну сторону, считая это преимуществом.) Раз взялся Лев Николаевич (уже после свадьбы) вырашивать каких-то уж совсем особенных свиней японской породы (очень он восхищался выражением их, как он говорил, *лица!*), нанял человека за ними ухаживать, а тот их всех переморил. Не по недосмотру или небрежности, а осознанно, потому что *правилось убивать*. Этот человек потом хвастал, как изощренно он этих свиней «сделал». Лев Николаевич же ничего не понял и считал, что свиньи передохли из-за хвори, но не понял не потому, что медленно соображал, а потому, что яркий некрофил простодушному (гипнабельному) Толстому *мог внушить, что хотел...* Скажем, внушить своему нанимателю чувство, что, несмотря на то, что свиньидохнут, — все хорошо.

Таких примеров множество. Даже в старости Лев Николаевич не изменился. Личный его врач и последователь Д. П. Маковицкий в дневнике записал:

«24 июля 1909 г. Когда бывал Чертков, Л. Н. бывал в возбужденном состоянии, как бы несвободный, загипнотизированный, такой возбужденно-невменяемый почти, как сам Владимир Григорьевич».

Итак, влюбленная в Поливанова Соня, увидев, что старшая сестра «нежничает» с Львом Николаевичем, и похоже первая (какое нахальство — первая!) выйдет замуж, вдруг тоже обратила свое внимание на графа. Лиза возмутилась было, что у нее отбивают жениха, но было уже поздно: Лев Николаевич сделал Соне предложение, которое и было немедленно принято. «Сделала» она Льву Николаевичу чувство быстро чрезвычайно — через четыре недели он оказался даже повенчанным. Была у него попытка вырваться, но Соня прикинулась несчастной — дескать, ее 18-летняя жизнь кончилась, — навалилась и родня Сони, — и она вышла победительницей: из сестер первая вышла замуж, доказав тем свою принадлежность к «императорам».

Толстой все события, связанные с женщинами, записывал в дневник. Первая запись о Соне (видимо, тогда она впервые за него взялась) была сделана 23 августа 1862 года: «Ночевал у Берсов. Ребенок! Похоже! А путаница большая. О, коли бы выбраться на ясное и честное кресло!.. Я боюсь себя: что ежели и это желание любви, а не любовь? Я стараюсь

глядеть только на ее слабые стороны и все-таки оно. Ребенок! Похоже».

16 сентября — предложение.

23 сентября — свадьба.

В период жениховства все было похоже: цветы, подарки, объяснения, из которых следовало, что жених рядом с невестой *чувствовал себя недостойным*. Он ей объяснялся в любви и объяснял свое *чувство* неким родовым влечением. Заметьте! «Похоже», — записал в дневнике писатель, тот самый, который еще лет десять назад в одном из своих произведений сказал, что чем более «похожи» проявления каких-либо чувств, тем более они ложны. Но вряд ли бы в те недели и даже в ближайшие годы Лев Николаевич смог бы поверить, что, спустя 48 лет, он тайком от жены ночью с верными людьми выберется из своего родового имения, а через несколько дней умрет на станции Астапово. Но вот такую смерть описать художественно он, видимо, смог бы во всех деталях уже тогда, в августе-сентябре 1862 года.

Но в доме Берсов была еще дружба со свояченицей, то есть с сестрой невесты, тогда еще пятнадцатилетней Таней. Здесь царил взаимопонимание: он повышал настроение ей, она — повышала настроение ему. Дружба, лишь отчасти сохраненная для нас временем в их оживленной переписке, продолжалась на протяжении последующих пяти лет до замужества Тани. Он был для нее всем: учителем, другом, советчиком и даже врачом. Да, это может показаться странным, но Лев Николаевич, который во всех своих произведениях утверждал, что в болезни люди выздоравливают *не благодаря* врачам, но *вопреки* им, для Тани, для милой своей свояченицы, был еще и врачом. Ее исцеляло уже само его присутствие. Это заметил и описал отец Тани, сам по профессии медик (письмо от 25 января 1867 года):

«Беда только та, что с ней очень трудно ладить. Она верит только одному доктору в мире: это — Л. Н. Толстому, который совершенно ее избаловал, а сам, бедный, измучился со своим романом».

Да, действительно, в это время Лев Николаевич работал над «Войной и миром». Многие из домашних Толстого узнавали в персонажах себя, и это вызывало у них оживление. При первом чтении выяснилось, что любимейший герой Толстого — Пьер (а, в сущности, он — если не сам Лев Николаевич, то его о себе мечта, ведь невозможно же писателю не отождествлять душу лучшего из своих героев со своей) не понравился никому, в том числе и Соне, а понравился *одной только Тане*. «Люблю таких», — записала она.

Угадать с первых страниц романа большую душу Пьера — тоже надо иметь сердце, ведь вначале поступки Пьера целиком и полностью определялись вождельениями тех подлецов, которые обладали достаточной силой некрополем, чтобы подавить критическое мышление Пьера. *Угадать удалось одной Тане*.

А теперь — любимейшая героиня. Лев Николаевич начал писать «Войну и мир» вскоре после свадьбы, еще в те времена, когда на логическом уровне его жило убеждение, что жизнь его семейная удалась, а сцены, которые жена устраивать ему начала уже с первой недели их

супружеской жизни, он терпеть еще мог. Казалось бы, счастливейший из смертных, новобрачный, который, правда, себя считал своей невесты недостойным, который полагал, что овладел ей именно он, счастливец, — а счастливец потому, что молодая жена говорит ему слова о любви и целует ему руки, его же убеждение в том, что он любит именно ее, как будто каленым гвоздем вбито в основание черепа, — казалось бы, подобный счастливец не может не воспевать в главной своей героине — супругу Сонечку, Соню, Софью Андреевну.

Однако главной героиней становится не она, Соня, а ее сестра Таня. Воспевается как лучшая из женщин почему-то не жена, а свояченица. Как это можно совместить с его собственной супруге объяснениями в любви и лишь братским общением с Таней?

«Все что разумно, то бессильно; все, что безумно, то творчески производительно», — сказал Толстой как раз в период ласкового созерцания образа Наташи. Позднее, 26 марта 1870 года, он записал эту фразу в дневник и далее пояснил: «Это значит — другими словами, что то, что есть сама сущность жизни, непостижимо разумом».

Следует уточнить: его, Льва Николаевича, разумом непостижимо. И не потому, что глуповат, а потому, что поддался искушению поселить рядом носителя злой воли.

Величайшие произведения создаются отнюдь не сознанием, а *подсознанием*, — эта мысль уже привычна в современной культуре, понимал это и Лев Толстой. Иными словами, сознанием и чувствами пользуются для того, чтобы написать не имеющие ценности литературные поделки и чтобы вступать в торгашеский брак (тип «игра»), а подсознанием — чтобы написать такие произведения, как «Война и мир», или вступить с женщиной во взаимоотношения совсем иного рода. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Пьер (Толстой) влюбленный в Наташу (Таню), женится на подавляющей личности Элен (Софье), мучается от отсутствия чего бы то ни было с ней общего и, наконец, после смерти Элен и «обновления нравственной физиономии» все-таки с Наташей соединяется. Пьер умнее Толстого, во всяком случае в том отношении, что 15 лет своей жене в любви не объясняется и находит в себе мужество признаться, что это была ошибка, глупость, соблазн, несчастье, которое есть следствие дурного состояния души. Толстой стал прозревать (на логическом уровне) приблизительно на 15-м году семейной жизни. Но только спустя 22 года, в 1884 году, Лев Николаевич впервые собрал мешок и вышел в сторону Тулы. До Тулы 10 верст, и с полдороги Толстой повернул назад.

Обращаясь к своему сознанию и, как он того ждал, к обретенным *чувствам*, Толстой «узнает», что до безумия любит ту, от которой не он первый сходит с ума. Уединяясь же с пером в руках и входя в особое творческое (*измененное*) состояние, он узнавал, что биофил, подобный Пьеру, достоин на своем жизненном пути соединиться с биофилкой, подобной Наташе, а некрофилке (Элен) лучше всего умереть. Но это только в особом, *измененном*, творческом состоянии... (Не зря впоследствии Соня не позволяла ему закрывать дверь в кабинете: интуи-

тивно она понимала, что *ей* это не на пользу! Лучше сказать, он молился, потому что писание — был его способ приобщения к истине.)

Впрочем, это еще вопрос, которое из состояний сознания следует считать *измененным*, — то, в котором мы находимся постоянно и не можем верно оценить происходящее вокруг, или то особенное, творческое, в котором создаются «выдуманные» произведения, подобные «Войне и миру», и передвигаются, если на то есть воля Божья, горы. То, в котором ищущий в состоянии максимально близко приблизиться к пониманию, что же с ним происходит реально, и какая из женщин на самом деле *его*.

Однако Пьер в результате психоэнергетической нахлобучки оказался, с благословения жреца госрелигии, повенчанным с Элен, избавиться от которой можно было только с ее смертью, в чем ей, смерти, Лев Толстой и не препятствовал. В своей эволюции к смерти Элен проходит стадию обращения в для нее еще более истинную и государственную, чем православие, религию — католическую, и, наконец, умирает от неопасной болезни, кажется, инфлюэнцы. Наташа также оказывается после смерти князя Андрея свободной и, наконец, обретает свое счастье под гостеприимной крышей биофила Пьера, который в противоположном от Элен движении проходит через стадию чисто понятого *сектантства* в форме масонства, которое он, естественно, тоже перерастает. (И это все *до* религиозных исканий самого Толстого!)

Так что же прототип Наташи? Какова *ее* судьба? И в какой степени *ее* судьба совпадает с судьбой Наташи?

Да, Анатолий был, фамилия его была Шостак, он был русский, но звали его *Анатолем*, то есть именем подчеркнуто нерусским, что указывает на отсутствие самобытности, поскольку *подражающий* формам чужой культуры не может быть самобытным, а следовательно, и высоко нравственным. *Анатоль* Курагин был таким же. Но если в судьбе Наташи Анатолий был высшей точкой череды болезненных зависимостей, после которой она обрела «обновленную нравственную физиономию», то не так было у Тани.

Замуж-таки Таня вышла, но в возрасте 20 лет, то есть в возрасте, для девушки, по понятиям того времени, для вступления в брак достаточно почтенном. Вышла она после нескольких бурных романов, за своего двоюродного брата Сашу Кузминского, который был Таниной «первой любовью» (правда, романтично, как в бульварном романе?). Вышла, как уверяла, не из расчета, а потому что бывшее чувство «стало оживать». Из этих слов очевидно, что Таня во всех своих несчастьях отдавалась чувствам одного и того же рода и, отдаваясь *тем же* чувствам, которые и прежде составили несчастье ее жизни, вышла замуж, жила с мужем, рожала детей, некоторых схоронила, схоронила, наконец, и своего мужа, а потом умерла и сама. Но все это было после. Прежде была надежда, были возможности, свобода и «непохожие» взаимоотношения между ней и Львом Николаевичем.

Когда Толстой работал над первыми томами «Войны и мира» и когда публиковал их, Таня, с которой Лев Николаевич списывал целые страницы, замужем еще не была, поэтому Кузминский попадает в

роман под именем Бориса, тоже близкого родственника. Действительно, Наташин первый поцелуй был с ним, была и кукла, но в романе Борис такую женщину, как Наташа, разумеется, не получает.

Итак, первый роман Тани — с двоюродным братом Кузминским. Затем она в себе обнаруживает *еще более сильное чувство*, на этот раз к подленькому Анатолию, и решает, что на этот раз *это* и есть *настоящее*. Интересно, что — так же, как и Наташа — Таня хочет выйти замуж за обоих. (Учитывая чувствительность Тани, это может означать существование двух психоэнергетических травм.) Сила чувства Тани к хлыщу Анатолию скорее все-таки напоминает чувство Наташи к князю Андрею, чем к Анатолию Курагину. Но, тем не менее, и такой силы «любовь», по мнению Толстого-родственника, была ужасна — Лев Николаевич хватался за голову и переубеждал Таню, пользуясь тем, что *она относилась к нему как ко второму отцу*. (Письмо Тани от 25 ноября 1865 года: «...Искренна я с тобой всегда и прежде была, и теперь буду... Ты мне и *лучший друг, и второй отец*, и всегда это так будет, и я тебя очень, очень люблю, и где бы я ни жила и ни была, это никогда измениться не может».) Переубедить он ее отчасти смог и Анатолия из Ясной Поляны выпроводил. Восприимчивая Таня несколько пришла в себя, повеселела, но тут на нее навалилось чувство еще большее, и, как вы уже догадываетесь, последний источник чувства (Сергей Николаевич) поступил с Таней подлее всех предыдущих. Но поступил он с ней так не потому, как объяснили бы это современные девицы, что *просто* она позволяла, а позволяла потому, что *просто* сильно любила, и потому он мог позволить себе все. Вовсе нет. Он просто был подонок, говнюк. Сильным, побуждающим к страстной любви некрополем обладают лишь люди с определенной нравственностью.

Влюбилась Таня, как и Наташа, рядом с Элен (простите, с Соней!!!), потому что Соня вообще во многом определяла Танины воззрения на жизнь. Таня так до конца и не смогла изжить почитания Сони как главной подруги. Близость с Соней подготавливала (отрицала) интеллект Тани к страстной любви. А объектом был — как бы вы думали, кто? Впрочем, вы уже знаете — брат Льва Николаевича, Сергей Николаевич. Как и своей женой Соней, Лев Николаевич братом своим восторгался — и не удивительно: как Соня отличалась от своей сестры Тани, так и Сергей от Льва. Лев же вообще объявлял лучшими людьми тех, рядом с которыми впадал в гипнотический транс: Соню — как лучшую из женщин, Черткова — как лучшего из друзей, Сергея Николаевича — как лучшего из братьев. Пытаясь объяснить свое восхищение братом-мизантропом, Лев Николаевич, не найдя в нем качеств положительных, договорился до того, что причиной восхищения Сергеем Николаевичем назвал... исключительный его эгоизм. Мысль, абстрактно-логически совершенно правильная, но не приведшая Льва Николаевича к «обновлению нравственной физиономии», и он позволил себе восхищаться братом и дальше. В отношениях с братом Льва Николаевича не могли защитить даже его профессиональные знания. 20 октября 1896 года он записал в дневнике:

«В художественном произведении главное душа автора. От этого из средних произведений женские лучше, интересней. Женщина нет-нет, да и прорвется, выскажет самое тайное души — они и нужны, видишь, что она истинно любит, хоть и притворяется, что любит другое. Когда автор пишет, мы — читатели — прикладываем ухо к его груди и слушаем и говорим: дышите. Если есть хрипы, они скажутся. И женщина не умеет скрывать. А мужчины выучатся литературным приемам и его уже не увидишь из-за его манеры, только и знаешь, что он глуп, а что у него за душой — не увидишь».

Именно такой стиль был у «красного папы» В. Г. Черткова, чьи письма о ненасилии можно читать, только делая насилие (над собой), и, в сущности, такой же стиль был и у Сергея Николаевича.

Итак, положение: по закону того времени венчать брата и сестру уже существующей супружеской пары было запрещено, позволялось только по особому разрешению церковных властей. Прекратить эту связь Таня была не в силах, все определял болезненный человеконенавистник. Но Сергей Николаевич не посчитал необходимым это сделать. Он выбирал. Дело в том, что как раз в то время, как Сергей Николаевич ухаживал за Таней, объясняясь ей в любви и делал ей предложение, свою сожительницу Машу, певичку из цыганского хора, с которой он незаконно жил уже пятнадцать лет, он забрюхатил четвертым ребенком. Выбирал, с кем остаться, он долго, мучительно долго — мучительно, естественно, прежде всего, для Тани — и выбрал, разумеется, цыганку. Таня, наша жизнерадостная Таня, которая, в отличие от своей сестры Сони, всегда во всем находила хорошие стороны и повод порадоваться жизни, пропитанная духом Сергея Николаевича, поступила так же, как поступали и все без исключения любовницы некрофила Гитлера: она совершила попытку самоубийства — отравилась. К счастью, все вовремя открылось, ей успели дать противоядие, но она очень долго после этого болела. И на этот раз спас ее не кто иной, как Лев Николаевич, вернее, больную спасло ее отношение к нему как ко второму отцу. Доверие тому, что на этой земле есть ради чего жить. Вера в неисчерпанность жизни.

Теперь Таня, по понятиям того времени, была «с прошлым», то есть, как существо достаточно совестливое и стыдливое, она не могла себе представить, что в этой жизни на что-то необыкновенное в супружестве может еще рассчитывать. За ней начинает ухаживать овдовевший пожилой Дьяков (но не старше Сергея Николаевича!). Дьяков был другом Льва Николаевича, а известно, что мужчины в такого рода дружбе сходятся по родству душ. Однако Тане то, что она испытывала к Дьякову, ни в коей мере не напоминало чувств, которые она испытывала прежде к Кузминскому, Анатолию, Сергею Николаевичу. Она не догадывалась (Соня не сказала, не приказала), что возможны и другие чувства, и Дьякову отказала. Она решает выйти замуж за Кузминского, объявив, что прежнее к нему чувство у нее вновь проснулось. Что она и делает после того, как Лев Николаевич (!) находит священника, который соглашается венчать брата и сестру.

Судьба порой берется подсказать нечто важное, для непокаявшейся души очень болезненное, даже в день венчания: на сельской дороге встретились два экипажа, и в обоих сидели готовившиеся вступить в брак, которым пришлось похлопотать, чтобы найти священников, которые бы согласились незаконно их венчать. В одном экипаже ехала Таня с братом Кузминским, который, пока Таня переходила из рук в руки, коротал время с замужней графиней, а в другой Сергей Николаевич со своей певичкой. И Таня и Сергей Николаевич одновременно выглянули из окон экипажей и — узнали друг друга. Эта символическая встреча потрясла их обоих. Стала ли она для Тани дополнительной психоэнергетической травмой, неизвестно, но и предыдущих ей вполне хватило для того, чтобы она, прежде не мыслившая, как можно обидеть человека найти словом, и в силу своей чувствительности умевшая в общении найти верные слова и верную интонацию, та самая Таня, так напоминающая нашу Наташу, могла сказать своему мужу, Саше Кузминскому, что самая сильная у нее любовь была (а следовательно, есть) с Сергеем Николаевичем. Обвенчавшись с Кузминским, она с ним жила, пока он, наконец, не скончался.

Но, несмотря на множество схожих деталей, судьба Тани судьбу Наташи Ростовской лишь напоминает. Наташе хватило нравственных сил, чтобы разобраться в своих взаимоотношениях с людьми и мужчинами. Она обратила повороты своей судьбы в ступени, по которым она взбиралась все выше и выше — и в борьбе с Богом победила саму себя. Танины же любовные истории неотличимы одна от другой и разнятся лишь силой «чувства». Наташа победила еще и потому, что победителем был и ее Пьер. Чего нельзя сказать о Танином супруге. Но если Лев Николаевич не смог *сознанием* понять, кем же для него могла бы стать Таня, то это понятно: он, как ему казалось, занимался вопросами вселенской значимости. Но почему же сама Таня не смогла понять, кем для нее мог стать Лев Николаевич? Ведь именно женщины упорно внушают друг другу, что кто, как не они, являются знатоками любовных взаимоотношений? Почему они оба столь одинаково не смогли разобраться в достаточно простой ситуации? Для решения которой достаточно критического мышления средней силы? Было ли это следствием того, что они оба, безусловно, находились под влиянием одного и того же человека — Сони? Или на самом деле женщина, когда речь заходит не о болезненных зависимостях, а о светлом, о встрече *половинок*, самостоятельно не может ничего? Или, наоборот, не может мужчина? Или не могут ни те, ни другие, но только Господь? Тогда что же Таня? С кем она советовалась? Кого называла своим *другом*? Кто контролировал ее разум? Кто все время был рядом с Таней и дома, и в Ясной Поляне? Кому снились расчленения младенцев? Кто возбуждался при виде испражнений? Кого Таня называла любимой сестрой и любезным другом? Со всей очевидностью выяснить все детали возможно было методами психокатарсиса только при жизни самой Тани. Но и со смертью Тани возможность полностью не утрачена.

Можно обратиться к подсознанию самого Льва Николаевича, благо он позволил себе записывать так называемые фантазии, самое, как выясняется, ценное и единственно достоверное в человеке. Роман говорит сам за себя: Пьер — это сам Толстой, Наташа — *как бы* Таня; Пьера контролировала Элен, Наташу тоже зомбировала признанная красавица и умница (на самом деле тупица) Элен-Соня.

Но кто же такая Наташа, если Таня только *как бы*? Кто она, если Таня не более чем прототип, и списана с нее лишь плотская ее составляющая — то, что она *обворожительна*, эмоционально-подвижна, жизнелюбка и воспринимает жизнь не только общепринятыми способами, но и иными, теми, которые в наше время называются экстрасенсорными. У Тани же взяты особенности речи (одни эмоции и никакого смысла) и некоторые случаи из биографии. Но по плоти ли Наташа — *Наташа*? Откуда Толстой взял не реализовавшиеся в жизни Тани движение души, возрастание до таких высот, которых не достигли остальные героини «Войны и мира»?

Спустя много лет после завершения работы над романом Софья Андреевна заявила, что Лев Николаевич взял Таню, взял ее, Соню, перемешал, и получилась Наташа. Действительно, Наташа не есть просто Таня, даже в самую лучшую пору ее жизни, но нечто гораздо более прекрасное. А поскольку Софья Андреевна была непоколебимо уверена, что она, Софья, есть само совершенство, то, следовательно, Наташа есть Таня, дополненная ею, Софьей. Многие исследователи в это поверили. Мнения Софьи, не понимавшей своего мужа, вообще до странности для литературоведов авторитетны, в особенности так было после смерти Льва Николаевича и до ее смерти в 1919 году, когда признание ее как специалиста в области биографии, характера и образа мышления Льва Николаевича достигло апогея. Ее признали *ведущим* специалистом. Логического к тому основания — нет.

Писатель может написать только то, что может написать. На бумаге могут воплотиться только те образы, которые в состоянии вместить его душа. Скажем, Достоевский был великим художником всяческих садо-мазохистских извивов человеческой души, но положительного героя он создать так и не смог. Не нашлось в его душе такого уголка, из которого здоровые биофильные герои могли появиться. А вот у Толстого появились. В конечном счете, всякий литературный герой, будь то мужчина или женщина, — это, прежде всего, *сам* автор, *его* душа во всей своей нищете или богатстве. *Наташа* — это сам Толстой, и это естественно. Но одновременно Наташа — это Наташа, жизнь ее самостоятельна, самобытна и не *от мира сего* (Иоан. 18:36). Таня же — лишь прототип, а Толстой — лишь автор, и кто знает этих гениев, не заглядывал ли он, созерцая Наташу, в будущее? К тем, у кого *получается*...

Лев Николаевич с женой Софьей Андреевной жил плохо, гадко. Работа над «Войной и миром», пребывание в той области разума, которая оказалась вне контроля тех, кто хотел бы вообще всегда ближних контролировать, работа в том же пространстве сознания, в котором работали, освобождаясь, П. и В., и такая работа Льва Николаевича над

собственным освобождением не могла не принести плодов прозрения. Снести такое Софья Андреевна была не в силах, и обычная враждебность, естественно, усилилась. Начались ссоры; некоторые часто гостившая в их доме Таня описала в своих воспоминаниях. Как и положено некрофилу, Соня в столкновениях оставалась более невозмутимой или, правильней сказать, в выражении своей ненависти более мертвенно-неподвижной. Чувствительный же и непосредственный Лев Николаевич индуцированную на него злобу проявлял, как у людей подобного рода и бывает, активно, открыто. Он мог схватить поднос с кофейником и чашками и разбить об пол, сорвать со стены барометр и тоже — об пол. Странно, если бы было иначе: ведь в такие минуты человеку в особой мере отключали контролирующее сознание. А у фуфелы-Софочки все было в порядке.

Годы шли, Лев Николаевич обучался противостоять злу, что проявлялось в большей сдержанности, а вот прекрасно умеющая владеть собой Соня (а это умение собой владеть отмечают все наблюдавшие ее врачи) распускалась все больше и больше — с определенной целью. Естественно, поскольку самообладание Льва Николаевича означало независимость, то, чтобы увлечь его в нужное ей состояние, Софье Андреевне требовались большие усилия. Она кричала, визжала и каталась по полу, стреляла под дверями, «шутила», что выпила смертельную дозу опиума, рассказывала про свою «чистую» любовь к Танееву; она грезилась, что дом охватывает понос и рвалась в больницы целовать гноящиеся язвы у умирающих...

Так Лев Николаевич прожил 48 лет, до тех пор, пока ночью с верными ему людьми из дома не сбежал, однако, с тем только, чтобы через несколько дней умереть на небольшой, случайной, в общем-то, на его жизненном пути железнодорожной станции Астапово. Но умереть свободным, хотя бы напоследок полной грудью вздохнув воздуха свободы, ему не удалось. Вопреки его воле Софочка настигла его и там. Но не с тем, чтобы просить прощения, и если уж покаяться, то не как апостолы, но как Иуда...

Помните запись Льва Николаевича в дневнике?

«Лиза Берс искушает меня; но этого не будет. — Один расчет недостаточен, а чувства нет».

Он хотел чувства — он его получил, он искал долго, но в самом главном оказался выразителем духа даже не времени, а всей истории планеты после грехопадения. И это тем более обидно, что рядом была другая девушка, которая относилась ко Льву Николаевичу как к учителю, врачу, другу, *как к отцу*, и о котором писала: «Один только Левочка и понимает меня». И которую он воспел в своем великом романе.

Дело сделано, жизнь прожита и остается только уповать на Воскресение. Почему так случилось? Могло ли быть иначе? Скажем, если бы человек, который к моменту своей женитьбы уже более десяти лет писал на нравственные и психологические темы, выбирал в притягивавшей его семье (не Таня ли его притягивала?) не, как водится, между

расчетом и «чувством», а вспомнил, что есть еще нечто иное, третье — дух, вера. Та самая вера, особое состояние ума, о которой в Новом Завете написано: «*Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом*» (Евр. 11:1). И не в этом ли пренебрежении верой уже тогда было заложено основание его, Льва Николаевича, религиозным метаниям накануне смерти?

Соня врывалась. Соня вечно была недовольна. Соня грезила всеобщим поносом и возней в этом поносе. Соня визжала. Соня заставляла под угрозой самоубийства делать что ей хочется, она угрожала повеситься, отравиться морфием, броситься под поезд, утопиться. И даже имитировала все это. Соня даже определяла, кого из своих знакомых этот несносно добрый граф, который отказался от слуг, собственности и обслуживал себя сам, имел или не имел права видеть. И она чувствовала моральное на то право. Еще бы! Ведь Лев Николаевич, величайший художник, был отлучен от государственной церковности, а она, Соня — нет. И это естественно! Она была предана и государству, и приемлемой для *подавляющего большинства* религии. Она даже регулярно посещала то, что в этой системе церковности называется богослужением и предписанные обряды исполняла.

И еще одна деталь. В те времена у всех на слуху был один феномен. Оказалось, что помещикам, которые обирали своих крестьян, в своих поместьях вовсе не обязательно иметь врачей. Достаточно было дать болевшим крестьянам какое-нибудь лекарство — и те выздоравливали. «Какое-нибудь» называется плацебо, то есть пустышка, обман, подкрашенная водичка или порошок соды. При этом достаточно сказать, что он, крестьянин, непременно выздоровеет — и он в большинстве случаев выздоравливал. Разумеется, те, которым подобное лечение не удавалось, не могли признаться в собственной «неполноценности» и придумывали тому феномену разнообразные объяснения. Но у некоторых помещиков или у их жен это получалось. И занимались они этим с удовольствием. Получалось это и у Сони. Крестьяне из Ясной Поляны, да и из более дальних мест предпочитали не ходить в город к врачам, а предпочитали обращаться к «своей».

— Уж лучше вы нас, — говорили они, обращаясь к Софье Андреевне, зная, что *помогает*.

То есть — вы не поверите! — выражаясь современным языком, Соня, Софочка, Софья Андреевна — была биоэнергетиком, биотерапевтом, астротерапевтом, биоэнергосуггестологом, или попросту — народным целителем!!!

Глава двадцать первая.

НЕИЗВЕСТНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ТОЛСТОГО

Все бытующие мнения о Софье Андреевне можно свести, в сущности, к трем основным.

1. Софья Андреевна — ангел-хранитель Льва Николаевича, что следует из того, что она была верная жена (в чужой постели ее никогда не заставляли), близкая мужу душа (Лев Николаевич ей объяснялся в любви: не мог же он — он! — ошибаться в ее необыкновенности; что же касается его высказываний о том, что Софочка — нравственный урод, так это не более чем слова, сказанные в запальчивости), добродетельная мать (у нее не умерло до совершеннолетия восемь человек детей и было шестнадцать беременностей), идеальная хранительница очага (если бы не она, Лев Николаевич раздал бы все голодающим, и сыновьям было бы невозможно подбирать лошадей в масть; что же касается того, что ее накопительские усилия оказались напрасными, — все равно семья была ограблена большевиками, — так это историческая случайность, и детям, которым пришлось из-за революции самим зарабатывать, от наследования принципам отца /неприученности к труду/ пришлось сложнее — *случайно*). К этому растиражированному мнению — «верная жена, близкая мужу душа, добродетельная мать и хранительница очага» — довлеют преимущественно женщины, свободно чувствующие себя в иерархиях, и плохо ухоженные женатые мужчины, — словом, большинство населения.

2. Софья Андреевна — исчадие ада, и правильно к концу жизни сказал про нее Лев Николаевич, что ее, мягко выражаясь, *проделки*, вовсе не следствие болезни, а проявление нравственной нечистоты. Этого мнения придерживаются лишь немногие, знавшие семейство Толстых. Среди них Гольденвейзер (его воспоминания, в отличие от воспоминаний тех, у кого Софья Андреевна предстает как образец нравственной женщины, не переиздавались с 1923 года), Феокритова (ее воспоминания о том, что она видела, живя в доме Льва Николаевича, до сих пор не выпускают из стен архивов), Чертков (а его книги о Толстом вы разве можете где-нибудь купить?) и вообще все толстовцы.

3. Софья Андреевна не была ангелом (а кто из живущих ангел?), но она была выдающейся женщиной по сравнению с окружающими (переписывала работы мужа, писала сама /пусть и против мужа/, была художницей — разве не сам Лев Николаевич насчитал у нее 19 талантов?), а если в чем и отставала от мужа, так это *естественно* — ведь муж у нее был *гением*, разве за такой женщиной угнаться? Это мнение высказывают люди начитанные, которые даже на вопрос, идет дождь или нет, постараются ответить уклончиво. А уж если речь пойдет о вопросах нравственных, то готовы на время рассуждений подушку... В сущности, по особенностям своего мышления они ближе или даже совпадают с первой группой.

Защитники Софьи Андреевны свидетельство Гольденвейзера устраняют «легко»: дескать, у него взгляд предвзятый, односторонний и вообще не согласующийся с мнениями детей Льва Николаевича, его внуков, да и самой жены. И вообще все это — *мнения*... Мнение вообще есть нечто эфемерное... *Хорошая* была Софья Андреевна, а вот Лев Николаевич на словах проповедовал одно, а договориться с женой не мог. Сам такую ее воспитал, нехор-р-роший человек. Подумаешь, не-

видаль: какашками она восторгалась, а не идеями мужа! Сколько женщин так живут!

Грустно огорчать корпус толстоведов, но не сообщить, что мы обнаружили и цифровые свидетельства нравственной нечистоты Софочки, мы не можем. Из них следует не только то, что Софья Андреевна — дрянь, но и то, что на Льва Николаевича на удивление упорно многие клеветают. Мы постараемся этим клеветам положить конец!

Дети выдают секреты своих родителей. Нет, не словесно, а образом своей жизни. Рассматривая особенности их судеб, можно выявить подсознательные или даже скрываемые вожеления родителей. Чаще матерей, ведь именно они, как известно, оказывают на ребенка влияние большее, чем отец. На практике отец лишь дает фамилию, определяет словарный запас своих детей и то ремесло, с которого они начинают зарабатывать на жизнь. Да, еще, разумеется, генетические особенности: внешность, рост, тип телосложения.

Если детей в семье много, то это удача для исследователя: ведь среди них есть особенные, заведомо отличающиеся от остальных — любимый ребенок, нелюбимый ребенок, забытый ребенок, а также старший и младший.

У Софьи Андреевны было шестнадцать беременностей, родилось тринадцать детей, четверо умерли во младенчестве, один (последний) в семилетнем возрасте, а восьмерым удалось пережить свое совершенное детство. Вот они:

Сергей Львович (1863—1947), умер в возрасте 84 лет.

Татьяна Львовна (1864—1950), умерла в возрасте 86 лет.

Илья Львович (1866—1933), умер в возрасте 67 лет.

Лев Львович (1869—1945), умер в возрасте 76 лет.

Марья Львовна (1871—1906), умерла в возрасте 35 лет.

Петя (1872), не прожил и 1 года.

Николенька (1874—1875), жил несколько месяцев.

Варенька, родилась и умерла 13 (1) ноября 1875 года.

Андрей Львович (1877—1916), умер в возрасте 38 лет.

Михаил Львович (1879—1944), умер в возрасте 65 лет.

Алеша (1881—1885), прожил 4 года.

Александра Львовна (1884—1979), умерла в возрасте 95 лет.

Ваничка (1888—1895), не дожил до 7 лет.

По продолжительности жизни из девяти детей выделяются трое: Александра — 95 лет, Марья — 35 лет и Андрей — 38 лет. Чем же они отличаются от остальных детей и друг от друга?

Оказывается, что Александра — *единственный ребенок, которого грудью Софья Андреевна не кормила!*

Марья — была *самым нелюбимым* ребенком Софьи Андреевны!

Андрей — был *самым любимым* ребенком Софьи Андреевны!

Вот это результат! Оказывается, что для того, чтобы ребенку быть здоровым, ему необходимо только одно — быть от своей «любящей, добродетельной матери» подальше!

Оказывается, что для того, чтобы ребенку умереть быстро, необходимо, чтобы мать ему уделяла большее, чем другим детям, внимание! При этом неважно: «боготворит» ли она его, как Андрея, или по всякому поводу шпыняет, как Машу. Но, в сущности, ничего удивительного в этом нет: не важно, какая на лице некрофила сетка морщин — «любви» или «ненависти», излучаемое им некрополе все равно остается орудием умерщвления.

Менее других внимания, как мы уже говорили, достается от матери старшему ребенку — для нее более привлекателен младенец, но отнюдь не потому, что некрофилка заботится о *его* нуждах, а потому, что он более беспомощен и ей сопротивляться не может. Напротив, для отца старший ребенок наиболее привлекателен, потому что мужчина-мыслитель прежде всего ищет *собеседника*, личность, независимо мыслящую. Сколько же жил старший ребенок Льва Николаевича и Софьи Андреевны — Сергей?

Он жил 84 года, то есть *дольше* всех остальных пяти своих *братьев!* И это несмотря на то, что жизнь его сложилась тяжелее прочих его братьев: в результате катастрофы ему ампутировали ногу, и он единственный из сыновей остался в коммунистической России.

Таким образом, мы, рассмотрев судьбу уже четвертого ребенка, вновь приходим к выводу, что чем меньше ребенок в младенчестве общался с Софьей Андреевной, тем дольше он жил. Сергею особенно повезло: во-первых, он родился у юной еще Софьи Андреевны, которая как некрофил еще только матерела; во-вторых, уже на следующий год родилась сестра Таня, которая и приняла на себя «любовь» матери.

Пренебреженные Софьей Андреевной дети отличались от остальных еще и характером: в 1910 году, когда отец ночью бежал из дома, только Сергей и Александра нашли в себе мужество осудить мать за ее над отцом издевательства. Сергей Львович тогда сказал Софье Андреевне: «Если ты считаешь себя больной, то тебе надо лечиться, если же ты считаешь себя здоровой, то тебе надо опомниться и иначе себя вести. Если ты будешь продолжать так же мучить отца, то мы соберем семейный совет, вызовем врачей, устроим тебя от ведения дел по изданию и от хозяйства и заставим разъехаться с отцом». Софья Андреевна, разумеется, «успокоилась». Но не изменилась.

Остальные дети более открыто приняли сторону матери и поносили отца вслух. Особенно усердствовал маменькин сынок Андрей Львович. Мы не верим в *случайные* совпадения, но когда мать умирала в 1919 году, рядом оказались вовсе не «любящие» мамочку детки — их не было, разумеется, по очень «уважительным» причинам — рядом, помогая матери, оказались все те же Сергей и Александра.

Был еще один особенный ребенок, Ваничка, который был вынужден умереть в шесть лет. Чем он отличался от остальных детей? *Он был самым любимым ребенком Льва Николаевича.* Несложно догадаться, что если Софья Андреевна во всем мужу перечила, то ее «сладкие» по отношению к младшенькому Ваничке чувства могли оказаться разве только более некрофиличными. И ребенок умер, не дожив до семи лет.

Лев Николаевич даже Сергея считал обладателем кастрированного, как у матери, ума. И только в Ваничке Лев Николаевич сразу угадал носителя такого же, как у него самого, мышления — и, к сожалению, этого от жены не скрыл. Действительно, Ваничка был удивительным ребенком — он *видел* жизнь и имел мужество ее оценивать. Необычайность его интеллекта замечали все. Разве мог ребенок с ненавистным матери неавторитарным мышлением рядом с ней выжить?

Впрочем, можно не обращаться к анализу *чувств* отца (и, как следствие, у матери противоположных), а обратиться с сухим цифрам. Почти все дети Льва Николаевича были *младшими* не более двух лет (до рождения следующего ребенка), Ваничка же был *младшеньким* (наибольшее со стороны матери внимание) более всех других — *шесть лет!* Софья Андреевна, разумеется, горько над его гробиком плакала. Очень убедительно убивалась. А какие трогательные слова по поводу смерти «любимого Ванички» записала она в книге о себе! Противно цитировать. Тем более что эти ее слова часто приводят почитающие Софью Андреевну как верную жену и любящую мать.

Следующий особенный (в смысле внимания матери) ребенок, который был дольше других младшеньким (пять лет) была Маша, та самая Маша, которая умерла раньше других — в 35. Как не хочется умирать в 35 лет! (Ненависть Софьи Андреевны к Маше объясняют послеродовым воспалением роженицы. Обязаны ли мы верить в подобное объяснение?)

Нужны ли еще какие цифры? Мудрые и даже просто умные все поняли еще на полпути, а глупцам (в том смысле, в каком это слово употребляется Соломоном) все без пользы.

Впрочем, можно было бы порассуждать и о на первый взгляд странной последовательности смертей маленьких детей — Пети, Николеньки и Вареньки. Почему-то маленькие дети у Софочки взялись умирать подряд именно после рождения нелюбимой Маши (Марии Львовны). Но именно здесь все отчетливо закономерно: Софья Андреевна их вынашивала, одержимая ненавистью к своей дочери. Не каждый ребенок способен перенести столь сильное некрополе. Вот они быстро и умерли. После трех смертей подряд родился Андрей, который потому, видимо, и стал любимым, что всей своей садо-мазохистской жизнью показал, что вынашивали его в некрополе более сильным, чем Софье Андреевне был обычно присущ. Он его принял, не воспротивился и стал воплощением скрываемых женщиной, истово верующей в государственную религию, пороков: крал, играл в карты, убивал, изменял, не пропускал православных «богослужений», узнавал, что из-за него кончали жизнь самоубийством и т. д. и т. п.

Итак, у «идеальной матери, верной жены и честной женщины» (загляните в толстенную Книгу отзывов выставки «150 лет со дня рождения Софьи Андреевны Толстой» — и вы эти слова найдете на каждой странице!), как в то, сами не зная почему, начинали верить не только дети и внуки, но и большинство оказывавшихся в доме Толстых знакомых, **дети умирали тем быстрее, чем больше она уделяла им своей**

«любви», выживали же ею заброшенные — они же выросли наиболее нравственно здоровыми.

Итак, первыми умерли как ненавистные Ваничка и Маша, так и любимец Софьи Андреевны и блудливых женщин Андрей. (Умерших младенцев, как не успевших проявить свой характер, мы из рассуждения исключаем.)

В толстоведении повсеместно считается, что дети Толстого свои дурные черты, например, страсть к картам, унаследовали от отца: ведь не Софья же Андреевна в них играла, а Лев Николаевич (в молодости)! В карты, вообще говоря, играют по-разному. Одни из корысти — и всегда выигрывают, *это не сложно*. Другим нравится *сам процесс* — его маятниковая периодичность: то при выигрыше достигается положение «императора», когда проигравший партнер корчитесь от ощущения собственного ничтожества, от бессильной злобы, то в противофазе достигается ощущение полного своего ничтожества — когда осанку «императора» принимает выигравший партнер. Именно ввиду психологических особенностей этих положений определенному типу людей играть *приятно*. Это канализирование (воплощение) садо-мазохистских потребностей — унаследованных или приобретенных. Дети Софьи Андреевны выигрывали и тут же проигрывали огромные суммы — и требовали от родителей денег на уплату долгов, что причиняло боль отцу и несло желанные попреки от милой мамочки. Ярче всего эта страсть проявилась в характере маменькиного сынка Андрея, того самого, к которому Льву Николаевичу в доступе полностью было отказано. И наоборот: Сергею, единственному воспитаннику отца, *карты были скучны*. Таким образом, наличие страсти к картам, как и прочих садо-мазохистских воспалений у молодого Льва Николаевича и преданных Софье Андреевне детей, говорит лишь о том, что **Софья Андреевна была тождественна по основным чертам характера матери Льва Николаевича**. Что и привело к некоторой общности занятий детей этого сорта дам: Льва Николаевича, его братьев и его сыновей.

Лев Николаевич жил в доме, полученном по наследству от предков и его хозяйственными трудами и литературными заработками благоустроенном, но в нем не находилось уголка, в котором он мог бы почувствовать себя хозяином и в который бы не врвалась со злобными истериками «верная жена». В этом доме жило много народу: супруга, ее дети и внуки, но не было ни одного человека (после смерти Ванички), который мог бы Льва Николаевича понять. Лев Николаевич мучился от одиночества, страдал очень...

Это наказание, но за какое такое страшное преступление?

Преступление же состояло в том, что Лев Николаевич не только *позволил себе страстно влюбиться*, не только позволил невесте и ее родне увлечь себя в брак с женщиной, в которую вообще влюбляются, но и родил от нее детей. Неужели он не знал, что его дети будут не *его*? Сомнительно, чтобы он не знал этого *вообще*, ведь еще в самые первые годы своего брака он, работая над «Войной и миром», Пьера в браке с

Элен оставил бездетным, а ее и вовсе вскоре умертвил. Так что, хотя бы в *измененном состоянии*, Лев Николаевич *знал и понимал*.

И потому в том и заключается самое страшное преступление Льва Толстого, что для сожительства, содержания и рождения детей он выбрал себе женщину вовсе не генитального типа (иначе все дети его были бы как Ваничка, лучше даже, и не умерли), а анально-накопительского. Да и не любовь это была вовсе, а приступ некрофилии.

Лев Николаевич в «Крейцеровой сонате» глумился над музыкантом, главная характерологическая черта которого была — *развитый зад*, да и в понятийной речи гениальный писатель наверняка осуждал гомосексуалистов за противоестественность взаимоотношений, но разве сам он поступал лучше? От гомиков хотя бы не рождаются ни дети, от «любви» к которым убивают себя окружающие, ни от этих детей внуки, носители авторитарного мышления и продолжатели дела отцов. А от Толстого рождались, и потому тот подвид некрофилического секса, который он выбрал, — страстная любовь — сто крат хуже гомосексуализма.

— И что теперь? — может не согласиться кто-то из читающих. — Как же вступать в брак? С кем в постель ложиться? Ведь кругом одни некрофилки, пусть, в лучшем случае, и жухлые. Оставшиеся 0,38 %? Полноте, таких столь мало, что человечество вымрет!

Когда Лев Николаевич мучительно искал причину случившегося с ним семейного несчастья, одним из тупиковых решений был призыв к всеобщему девству, невступлению в брак. Многочисленные оппоненты Льва Николаевича над ним потешались и для словесного выражения своей с Львом Николаевичем противоположности ничего более умного не смогли придумать, как возразить, что в таком случае люди вымрут. Неужели, дескать, ему не жаль человечества?

На это Лев Николаевич отвечал: «А для чего оно должно жить-то, *такое* человечество?»

Наказание Льва Николаевича заключалось не только в горестном созерцании состояния своих детей и их жалких судеб — браки со шлюхами, успешное чиновничество, военные награды, страсть к картежничеству, анальность (кастрированность) умов. Наказание заключалось еще и в том, что Лев Николаевич поставил себя в затруднительное положение и как проповедник. Трудно обличать государственную церковь, социалистов-революционеров и столь же авторитарный царизм, если не затрагивать **основание, их производящее, — размножение от женщин анально-накопительского типа**. Ведь это именно их дети формируют сталинщину, гитлерщину и прочие государственные религии. И не случайно, что во всех этих системах есть культ некрофилической матери — какое тысячелетие ни возьми. Свидетели — иконы Астарт, Ашер, Кибел, Артемид, также и современные. Не отличался от культов прошлого, как показала история, и атеистический режим. И возвеличивал он не только трактористок-ударниц и парашютисток с актрисами, но и таких дам, как Софья Андреевна. Это получалось не намеренно, а *естественно*, произвольно. Бесполезно разоблачать государст-

венные авторитарные веры, если не затрагивать основания: срубленные головы дракона вновь отрастут на сохраняющейся шее.

Да, конечно, из художественных произведений Льва Николаевича («Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», «Отец Сергей» и другие) следует, что страстная любовь есть зло. Но в письмах Толстого к своим детям и в публицистических произведениях — словом, на уровне понятийном — отношение уже явно двойственное, противоречивое, нерешительное. Как и сами его десятилетние потуги уйти от жены. Что это, как не наказание для человека, который мечтал целостно мыслить?! Ведь именно приближение к целостному мышлению и давало его уму возможность опереться на землю обеими ногами, а что это для биофила, как не удовольствие? Как может мышление быть целостным, если человек бросал курить семь лет, а уходил от жены не одно десятилетие? Разве не он до глубокой старости любил впадать в транс от ритмичной музыки (в последние годы все-таки освободился и от этого), и называл Софью — *любимой*, Черткова — *лучшим другом*, а брата Сергея — *самым близким человеком*? Что же он в таком случае огорчался *последствиям* своих преступных предпочтений — дурным судьбам своих детей?

Мы уже рассказывали о жизни Андрея — кумира матери, которого она *почувствовала* от рождения, назвав в честь своего отца — *модного доктора* (!). Теперь желательнее рассмотреть особенности психики самой *нелюбимой* дочери Софьи Андреевны — Маши.

Все три дочери Софьи Андреевны — Таня, Маша и Александра — были и остались, прежде всего, мамиными дочками, хотя и вели себя неодинаково — в мелочах.

Тождественность материнскому мышлению следует отнюдь не из одного только утверждения Льва Николаевича о кастрированности умов *всех* своих детей (кроме Ванички). Это проявилось также и в том, что *все дочери*, видя неприятие Львом Николаевичем авторитарной государственной религии, тем не менее, пожелали умереть, как и не добившая их мать, по православному обряду. Это вернейший признак — авторитарного, магического мышления. Также характерно и то, что на троих дочерей Софьи Андреевны приходится всего только *одна* внучка! Разве это не преданность подсознательной ненависти матери к детям? Как бы инверсированно и по-актерски даровито в этом отношении она не представлялась?!

Дочери были похожи — в главном (бездетность, смерть по православному обряду, садо-мазохистские отношения с мужчинами, ненависть к матери при ее жизни и т. д.), но нелюбимая выделялась. Мы не знаем, на какие документы опирался французский подданный, медик Сергей Михайлович Толстой (может быть, это были только семейные предания?), но он поставил Маше диагноз — *mania anglicana*. Каковы характерные особенности поведения людей с таким диагнозом? Прежде всего, подобный человек делает вовсе не то, что *ему* выгодно и даже не то, что *он* хочет, а то, что от него требуют. Он также принимает

облик того человека, во власть которого он отдался. [Это экспериментально доказано еще в XVIII веке, еще в те времена, когда гипноз назывался «животным магнетизмом». Подобно тому, как кусок железа при прикосновении к нему постоянного магнита намагничивался и тем уподоблялся индуктору поля, так и человек, отдавшийся во власть гипнотизера (вольно или полувольно), становился как бы его копией. После знаменитых докладов 1784 года целых двух комиссий, назначенных по приказу Людовика XVI, в которых опыты по магнетизерству осуждались, центр подобных упражнений переместился в Великобританию (Брейд), и для конспирации «животный магнетизм» стали называть «гипнотизмом» или «гипнозом». Но и в Англии основной феномен гипноза — исчезновение личности гипнотизируемого и появление в нем индивидуальных черт гипнотизера — естественно, сохранился. Целителями они себя стали называть уже в следующих поколениях — в конце XIX века. В эпоху дохристианскую они называли себя магами.] Механизм возникновения *mania anglicana* (а в терминах нашей книги просто гипнабельности) прозрачен и формируется в детстве: что бы нелюбимый ребенок ни сделал — *все* плохо, за все следует наказание в виде, как минимум, энергетического удара. В результате затравленный, запуганный ребенок полностью отказывается от своей воли и, спасаясь от боли, начинает *угадывать* настрой карающей матери и, как следствие этого настроя, те поступки, которые могут вызвать несколько меньший ее гнев. *Слова* матери не имеют значения, потому что такого рода матери всегда врут. Но даже если вдруг они и захотят сказать правду, то ввиду нецелостности мышления, в основании которого стоит нереальная самооценка и разнообразнейшие восторги, все равно получится вранье. Совершенствование этого свойства угадывать и делает его экстрасенсом (в современной популярной терминологии), а неизбежно сопутствующее отсутствие воли — игрушкой в руках некрофилов. Что отнюдь не делает самого ребенка подавляющим.

Mania anglicana Маши Толстой проявилась, среди прочего, в том, что пока она была в семье детства, то, спасаясь от ненавистной матери рядом с отцом, она свою «любовь» к матери проявляла в инверсированной форме — делая все наоборот, чем та от нее требовала. Тем, как ей казалось от рассмотрения *поступков*, которые она совершала, искренне следовала учению своего отца. Люди иного, чем у Льва Николаевича, ума именно такой ее и воспринимали, еще бы: она вела простой суровый образ жизни без роскоши, «работала сельскохозяйственными работами», помогала отцу. Но стоило ей выйти замуж за Н. Л. Оболенского, совершенно противоположного отцу человека, она вытребовала свою долю наследства, от которой ранее во всеуслышанье отказалась, и свой новый дом стала обставлять максимально роскошно. На основании этого поверхностные наблюдатели делают вывод, что образ ее мыслей полностью изменился. Но это не так. В обоих случаях она оставалась истинно маменькиной дочкой. Сам Лев Николаевич *никогда Машу своей последовательницей не считал.*

Маша Толстая много и беспрестанно влюблялась. Причем в людей, совершенно ей чуждых (явно не в аналогов отца, скорее, в аналогов своего младшего брата Андрея, или попросту — в дрянных людей), поэтому Льву Николаевичу, уже более-менее научившемуся разбираться в людях, все время приходилось отговаривать ее от болезненных браков. Про внешность Маши говорили, что она «не очень красива», из чего можно сделать вывод, что она была «красива, но не очень». На самом же деле внешне она относилась к тому типу женщин, про который откровенные люди говорят — «без слез не взглянешь». Тем не менее, в Машу страстно влюблялись десятки мужчин, причем беспрестанно (даже когда она была якобы «толстовкой»). Из одних только этих многочисленных влюблений можно догадаться, что по направлению ума, сердца и духа она была мамина. (В Машину сестру Таню тоже страстно влюблялось десятки мужчин, а Александра и вовсе во время I Мировой войны была удостоена звания *полковника* и награждена тремя Георгиевскими крестами за храбрость. Последнее, кстати, и является причиной, из-за которой *сама* она не влюблялась. Подход здесь следующий: известен следующий вид травм военного времени — солдат, оказавшийся в опасной ситуации, хочет позвать на помощь, но не может. Замечено, что после этого он становится гипнабельным: если же трагический эпизод вновь прорабатывается на уровне ассоциативно-образного мышления, гипнабельность пропадает. Александра не была труслива — *потому* страстно и не влюблялась!)

Была ли Маша счастлива? А может ли быть счастливой женщина не просто авторитарная, но способ существования которой — принимать облик того, рядом с кем она оказалась? Мало того, находясь в зависимости от мужа, она не смогла компенсироваться во влюбленности на своих детях: ни одна из ее беременностей не привела к рождению ребенка. Умерла Мария Львовна рано — в 35 лет. Что и говорить, преступен тот отец, который позволяет себе рожать дочерей от женщин, подобных Софье Андреевне.

А ведь как невинно все начиналось! Всего лишь с восторга перед чистой-чистой невестой Сонечкой! В которую столь многие восторженно влюблялись. А что это за излюбленное в народе чувство — *восторг*?

Скажите, а что могут так любить некрофилы — яркие и жухлые? Восторг — то состояние, в которое некрофилы впадают перед другими некрофилами: актерами, императорами и прочими танеевами. **Это — предсмертное состояние!** Естественно, достигается восторг не только с помощью химикатов наркотического действия, как то практикуют малочувствительные говнюки, но и психоэнергетически. Но каковы бы ни были приемы, желанное для обывателя состояние — предсмертное. А какое другое состояние может быть излюбленным у некрофилов?!!

Индивиды иерархо-магического мышления, которые всеми правдами и неправдами добиваются признания оправданности своего присутствия при агониях как можно большего числа сограждан — врачиреаниматоры, священники — для деструктурирования *своей* защитной логической оболочки и, как следствие, увеличения ее проницаемости

для некрополя, для усиления своего анального удовольствия (кайф, восторг) рядом с агонизирующими, придумали хитрый психологический прием: неизбежное для умирающего состояние восторга они определяют не как естественный этап отмирания организма, а перетолковывают примерно так: восторг — это высшее насладительное состояние, самое прекрасное из всех возможных, которое появляется в том числе и перед смертью, потому что труп видит *тот* свет, который прекрасен, им и восторгается. А раз так, то восторгайтесь, восторгайтесь, обыватели, и при вашей якобы жизни. Нам ваш восторг в удовольствие. Как при агонии вам подобных.

Послушно восторгался перед Софьей Андреевной и Лев Николаевич. И ладно он был бы *как все*, но ведь это был человек, который хоть лишь к концу жизни, но понял, что недостижение женщиной интеллектуального уровня мужа, в частности, Софьей Андреевной — его, Льва Николаевича, — вовсе не следствие половых, генетических или социальных причин, а следствие всего лишь нравственного выбора. И чем ближе к концу жизни был Лев Николаевич, тем отчетливей он это начинал понимать — и высказывать. Но явно генитальная мысль эта, как можно судить по публикуемой о семействе Толстых литературе, совершенно недоступна тысячам исследователей, развлекающимся или зарабатывающим на творчестве непонятого гения.

Так что, начиналось все у Льва Николаевича, как и у многих, мило: с восторгов. А закончилось тоже гнусно: судьбами дочерей — такими же, как и у многих.

Но и брачные судьбы сыновей легкого чувства не вызывают. К примеру, можно рассказать об Илье Толстом. Его последняя жена Надя была теософкой, корыстной и вульгарной. Наученная каким-то индусом, она своего болеющего мужа заставляла следовать вегетарианской диете (полноценной ли?), из которой были исключены даже яйца, жиры и соль. Она готовила отвратительные настои из экзотических трав и заставляла мужа их пить. Сама же принципиально питалась молоком, апельсинами и не брезговала ни индейкой, ни рыбой. Она все время пилила своего мужа, рассуждала о возвышенности своей души, а в комнатах было невообразимо грязно. Эта Надя, несмотря на близость смерти мужа, уехала в Нью-Йорк, оставив Илью на руках у Александры Львовны.

Вот как описывает его смерть врач-реаниматор Сергей Михайлович Толстой (опираясь на записи своей тети Александры Львовны):

«...Предчувствуя его конец, Саша вошла в его комнату, зажгла лампу в изголовье и стала читать молитвы. Он стонал, в груди клочкотало. Вдруг он коснулся иссохшей рукой лба, потом его рука опустилась на грудь. Сестра закончила за него знамение креста. Он широко раскрыл свои большие, глубокие, синие глаза. На лице его выразилось такое удивление, такой восторг, казалось, он увидел что-то такое, что было недоступно простым людям». (С. М. Толстой. «Дети Толстого».)

Можно сказать несколько слов и о внуках. Скажем, о том же С. М. Толстом, из книги которого мы только что привели выдержку. Во Фран-

ции подобно своему прадеду (отцу Софьи Андреевны) он, выучившись, стал модным доктором. Свою бабушку Софью он считал если не ангелом-хранителем своего мужа, то, несомненно, верной женой, заботливой матерью и хранительницей семьи. Общаясь со своими дядями и тетями, он кастрированности ума у них не заметил, напротив, считал их очень талантливыми, необыкновенными. Именно поэтому, как ему казалось, деда Льва Николаевича в его оценках детей и жены называл несправедливым. В качестве доказательства одаренности детей Софьи Андреевны и их независимого мышления С. М. Толстой приводит в пример, разумеется... Андрея! Тем более что Андрей Львович более других детей был огражден матерью от какого бы то ни было влияния отца.

«Он (Андрей) очень любил мать, которая его обожала и прощала ему все. Он любил отца, но боялся его: это не мешало ему с самых юных лет отстаивать свои взгляды. Так в тринадцать лет во время обеда отец ему сказал, что нехорошо пить слишком крепкий кофе. Андрей отвернулся, не говоря ни слова, а философ Н. Н. Страхов, сидевший за столом, заметил, что это для его же блага. „Нельзя же делать все, что говорит папá“, — возразил Андрей». (С. М. Толстой. «Дети Толстого».)

Занятно. Но не скрывающему свою антипатию к деду С. М. Толстому надо все-таки отдать должное: хотя бы невероятную жестокость Андрея он не отнес к чертам, унаследованным им от Льва Николаевича. А мог бы, ведь заботу Льва Николаевича о своих дочерях, для которых он не желал замужества с чуждыми им людьми, С. М. Толстой, намекая на то, что слышал имя Фрейда, трактует как усилия ревнивца, желающего поиметь своих дочерей самому!

Совершенно закономерно, что человек с таким интеллектом, не только был модным французским доктором и истовым православным, но и возглавил во Франции «Общество друзей Толстого». Нелишне вспомнить, что кастрированного ума полковник Александра Львовна возглавляла в Америке Толстовский фонд, а в России Софья Андреевна после смерти мужа была признанным экспертом по его философии! Стоит ли удивляться, что толстовцы (способные понимать идеи Толстого) и эти «толстовские» общества, и все российские музеи в честь гениального писателя обходят десятой дорогой!

Итак, Лев Николаевич — преступник. Его обвиняют, что, хотя он в соответствии со своей нравственно-философской системой призывал к любви и непротивлению злу *насилием*, сам, тем не менее, никоим образом навстречу Софье Андреевне не шел, плохо ее воспитал, давил и ее, и своих детей, средства отдавал нуждающимся, словом, именно по его вине супруги не могли договориться. (А потому, дескать, мысли и идеи его — пустое.) Но с копрофилками *договориться* невозможно — это медицинский факт, им можно только приказывать и *внушать*. Лев Николаевич не обладал к тому способностями — слава Богу! — и виноват совершенно в противоположном: что слишком много Софье Андреевне позволял над собой вытворять и от этого, среди прочего, рождались дети. С *такими* судьбами. И с *таким* умом (кастрированным или, что

то же самое, — обыденным, авторитарным). Не в его силах было повлиять на своих детей, но в его власти было выбрать для них другую мать. Генитальную, верную, здоровую.

Побег до станции Астапово надо было совершить еще в августе 1862 года, до венчания. Лев Николаевич этого не сделал, и в этом его величайшее жизненное преступление.

Глава двадцать вторая.

ВАНИЧКА БЫЛ ПЯТЫМ

Ваничка вообще был обречен на умерщвление. Именно он. Мальчик. И притом, обречен еще до рождения и даже до зачатья. И вот почему.

У матери Софьи Андреевны — Любови Александровны — было *тринадцать* детей, из них *восемь* пережили свое совершеннолетие, а *пять* умерли еще в детстве. Всякая женщина, которая некрофиличнее своего супруга, — *ведет*, и потому неизбежно воспроизводит семью не его, а *своего* детства. Воспроизводит (или, во всяком случае, пытается) и дух семьи, и число детей, для чего не стесняется никаких методов. Если у матери было, скажем, тринадцать детей, то пока у некрофиличной дочери их не будет ровно тринадцать, комфортно она себя чувствовать не будет. У Софьи Андреевны Ваничка был *тринадцатым* ребенком, поэтому после его рождения Софья Андреевна, которой удалось всем вокруг внушить, даже самому Льву Николаевичу, что именно он, ее муж-писатель — похотливая гнида с гениталиями! — был инициатором такого большого числа (13) детей, рожать, разумеется, прекратила. Но Ваничка, к несчастью, был живым. Он был *девятым* живым ребенком, до *пяти* умерших детей не хватало одного, и это лишало Софью Андреевну душевного комфорта. Поэтому ради того, чтобы «идеальная мать» могла это чувство душевного комфорта обрести, один из живых детей должен был быть умерщвлен.

Задача для всякой женщины при обыденном течении дел несложная и, как показывает практика, всегда выполнимая.

Но почему бы не умертвить, скажем, нелюбимую Александру? А вот Александра для душевного комфорта матери была обязана выжить! Дело в том, что Александра была *третьей* ее девочкой — а ровно столько было дочерей у матери Софьи Андреевны. Так что, «любящая мамочка» никак не могла свою дочурку «случайно» заспать или «случайно» утопить в корыте — *не могла*. Более того, она, чтобы сохранить нужное число дочерей, пошла даже на то, что не стала необходимой ей третью дочь кормить своим молоком — и та выросла здоровой. (Только не говорите, что Софья Андреевна *подсознательно* не знала о свойствах своего молочка! Не смешите!) Жертва для Софьи Андреевны была в том, что здоровье дочери означало также меньшую ее от мамочки психологическую зависимость.

Итак, *лишним* был Ваничка.

Да и «работать» легче с маленьким, с младшеньким, последним.

Но вот незадача: он хоть и испробовал маменькиного молочка, но как назло оказался еще и способен на ненавистное матери неавторитарное мышление, следствием чего всегда бывает здоровье. *А может быть, потому у него и было такое мышление, что он яснее других в семье чувствовал и понимал, что его убивают, убивают психоэнергетически, а от этого защита одна — критическое мышление...* У остальных детей не было такой детерминированности: убьют или не убьют — зависело от минутных капризов «хранительницы дома».

Итак, убиение пятого, самого трудного ребенка.

Вот уж где Софье Андреевне помогла ее предусмотрительность!

Ей на помощь пришел целый город со своими нездоровыми условиями жизни: Ваничка все ж таки умер — от инфекционной болезни, после которой в тот год хоронили детей только в Москве. Схоронили и Ваничку. Не окажись семья Толстых в Москве, Ваничке пришлось бы умирать другой смертью: в воде, от удушья, от отравления... Но в городе его смерть казалась естественнее.

Софью Андреевну вообще тянуло в Москву. Как к Танееву. Это не просто образ сравнения. Тот же, прежде всего, механизм притяжения: как и рядом с «музыкантом», уровень некрополя в столице всегда выше, чем где бы то ни было, ведь всякая столица — толпа проституток, начальников, штабных, модных врачей, учителей, точнее место их скученного проживания. Софью Андреевну вообще всегда тянуло прочь из Ясной Поляны, и дело было не только в более здоровых условиях проживания для ее детей и потому сложностями с умерщвлением неизбежного тринадцатого. Ей также была важна и власть над детьми. Естественные условия существования способствуют укреплению независимого мышления (как, скажем, у Льва Николаевича и прочих гениев), и уничтожить его можно только так называемым университетским (иезуитским) образованием, основанном на внушениях. Давно известен факт, что так называемое «образование» ведет к усвоению не столько знаний в данной области науки, сколько бытующих в ней предубеждений и суеверий. Науку и вообще знания человечества (и свои тоже) продвигали вперед всегда только самоучки. Это знание столь доступно, оно столь на поверхности, что используется для составления предсказаний. Скажем, тот же знаменитый Шерток сказал, что психология в XX столетии топчется на месте и прорыв вперед будет совершен непрофессионалом. Разрушительность «университетского» образования замечена давно, успехи самоучек тоже, и, видимо, отчасти этими соображениями руководствовался Лев Николаевич, оставшая Университет с многочисленными старательными и не очень старательными студентами, равно канувшими в безвестность. Казалось бы та мать, у которой, как у Софьи Андреевны (все-таки, жена Толстого!) была возможность осмыслить оба подхода к принципам образования и которая, действительно, *любящая* (не анальная), должна мечтать о том, чтобы ее ребенок (в особенности — сын) и близко не оказывался с городами вообще, а с университетскими в особенности. Если она мечтает, чтобы

ФАРФОРОВАЯ КУКЛА

ее ребенок стал гением, рядом с которым полной грудью дышали бы ему подобные личности. Именно об этом мечтал Лев Николаевич.

Но не такие были желания у Софьи Андреевны!

Некастрированность мышления детей для Софьи Андреевны означала их самостоятельность, адекватность суждений, а следовательно, реальную оценку ими матери и, как следствие, выход их из-под ее контроля. Задавить их как личностей можно было только путем раскачивания маятника садо-мазохизма любимыми способами — лишением общения с отцом, перемещением в зону с повышенным уровнем некрополя (столицу), извращением способов адекватного мышления («дать образование»), чтобы они оставались гипнабельными для всяких некрофилов вообще и для нее в частности.

И Софья Андреевна засобиравалась в Москву. Лев Николаевич сопротивлялся. Он так активно защищал право на жизнь и для себя, и для своих детей, что переезд с первой попытки Софьи Андреевны не состоялся. Но вот Софье Андреевне осталось родить еще только двух детей, из которых один должен был умереть. Силы Софьи Андреевны были распылены на многочисленных кастрированного ума детей, поэтому в деле достижения ее планов насчет рожания и рыданий над детским гробиком мог помочь только большой город. Она увеличила напор — и Лев Николаевич сдался. Переезд состоялся.

А там для ее Машеньки — многочисленные страстные любви, для остальных ее повзрослевших детей — университетское образование со всеми вытекающими отсюда последствиями, но зато для набожной Софьи Андреевны — безутешное горе над гробиком Ваночки и всеобщее восхищение перед ее подвигом «идеальной матери».

Можно представить чувства отца, потерявшего, по сути, единственного *своего* ребенка! Отца, собственными руками помогшего своей жене привезти его в умерщвляющий город!..

Ужасно.

Не обратить внимание на то, что в результате смерти Ваночки у Софьи Андреевны *в точности как у ее матери* стало *восемь* живых (в точности *трое* девочек и в точности *пять* мальчиков) и *пять* умерших в детстве детей, могут только те, кто очень не хочет этого замечать.

Нет, мы не подозреваем, что имеющих власть над умами населения толстоведов вызывал некий конкретный партийный бонза и под угрозой прекращения выплаты ежемесячного содержания приказывал выставлять Софью Андреевну «идеальной женой, любящей матерью и т. п.», а Льва Николаевича, сопротивлявшегося переезду в столицу, — мракобесом, человеконенавистником, насильником и губителем жены и детей, а его тягу к жизни на природе — дурного тона оригинальничаньем, не соответствующим вкусам благоволящего к гитлерщине и сталинщине пролетариата. Нет, дело, разумеется, не в конкретном бонзе, хотя бы уже потому, что «идеальной самопожертвенной женой и хранительницей семейного очага» Софья Андреевна была признана в России не только коммунистической, но и православной. Да и по всему миру тоже так считается. **Здесь чувствуется анонимный кукловод.**

Менее чем через год после своей свадьбы Лев Николаевич написал Тане Берс такое письмо: «23 марта. Я(сная). Вот она (Соня. — *Прим. авт.*) начала писать и вдруг перестала, потому что не может. И, знаешь ли, отчего, милая Таня. С ней случилось странное, а со мной еще более странное приключение. — Ты знаешь сама, что она всегда была, как и все мы, сделана из плоти и крови и пользовалась всеми выгодами и невыгодами такого состояния: она дышала, была тепла, иногда горяча, дышала, сморкалась (еще как громко) и т. д.; главное же владела всеми своими членами, которые, как то — руки и ноги, могли принимать различные положения; одним словом, она была телесная, как все мы. Вдруг 21 марта 1863 года в 10 часов пополудни с ней и со мной случилось это необыкновенное событие. Таня! Я знаю, что ты всегда ее любила (теперь известно, какое она возбудит в тебе чувство), — я знаю, что во мне ты принимала участие, я знаю твою рассудительность, твой верный взгляд на важные дела жизни и твою любовь к родителям (приготовь их и сообщи им), я пишу тебе все, как было.

В тот день я встал рано, много ходил и ездил. Мы вместе пообедали, завтракали, читали (она еще могла читать). И я был спокоен и счастлив. В 10 часов я простился с тетенькой (она все была, как всегда, и обещала придти) и лег один спать. Я слышал, как она отворила дверь, дышала, раздевалась, все сквозь сон... Я услышал, что она выходит из-за ширм и подходит к постели. Я открыл глаза... И увидел Соню, но не ту Соню, которую мы с тобой знали, — ее, Соню, — *фарфоровую!* Из того самого фарфора, о котором спорили твои родители. Знаешь ли ты эти фарфоровые куколки с открытыми холодными плечами, шеей и руками, сложенными спереди, но сделанными из одного куска с телом, с черными выкрашенными волосами, подделанными крупными волнами, и на которых черная краска стерлась на вершинах, и с выпуклыми фарфоровыми глазами, тоже выкрашенными черным на оконечностях в слишком широко, и с складками рубашки крепкими и фарфоровыми из одного куска. Точно такая была Соня, я тронул ее за руку, — она была гладкая, приятная на ощупь, и холодная, фарфоровая. Я думал, что я сплю, встряхнулся, но она была все такая же и неподвижно стояла передо мной. Я сказал: ты фарфоровая? Она, не открывая рта (рот как был сложен уголками и вымазан ярким кармином, так и остался), отвечала: да, я фарфоровая. У меня пробежал по спине мороз, я поглядел на ее ноги: они тоже были фарфоровые и стояли (можешь представить себе мой ужас) на фарфоровой, из одного куска с нею дощечке, изображающей землю и выкрашенной зеленой краской в виде травы. Около ее левой ноги, немного выше колена и сзади был фарфоровый столбик, выкрашенный коричневой краской и изображающий, должно быть, пень. И он был из одного куска с нею. Я понял, что без этого столбика она бы не могла держаться, и мне стало так грустно, как ты

можешь себе вообразить, — ты, которая любила ее. Я все не верил себе, стал звать ее, она не могла двинуться без столбика с земли и раскачивалась только чуть-чуть совсем с землей, чтобы упасть ко мне. Я слышал, как доньшко фарфоровое постукивало об пол. Я стал трогать ее, — вся гладкая, приятная и холодная фарфоровая. Я попробовал поднять ее руку — нельзя. Я попробовал пропустить палец, хоть ноготь между ее локтем и боком — нельзя. Там была преграда из одной фарфоровой массы, которую делают у Ауэтбаха и из которой делают соусники. Все было сделано только для наружного вида. Я стал рассматривать рубашку — снизу и сверху все было из одного куска с телом. Я ближе стал смотреть и заметил, что снизу один кусок складки отбит и видно коричневое. На макушке краска немного сошла, и белое стало. Краска с губ слезла в одном месте, и от плеча был отбит кусочек. Но все было так хорошо, натурально, что это была все та же наша Соня. И рубашка, та, которую я знал, с кружевцом, и черный пучок волос сзади, но фарфоровый, и тонкие милые руки, и глаза большие, и губы — все было похоже, но фарфоровое. И ямочка на подбородке, и косточки перед плечами. Я был в ужасном положении, я не знал, что сказать, что делать, что подумать, а она была и рада бы помочь мне, но что могло сделать фарфоровое существо. Глаза полузакрытые, и ресницы, и брови — все было как живое издали. Она не смотрела на меня, а через меня на свою постель; ей, видно, хотелось лечь, и она все раскачивалась. Я совсем потерялся, схватил ее и хотел перенести на постель. Пальцы мои не вдавливались в ее холодное фарфоровое тело, и, что еще больше поразило меня, она сделалась легкой, как стекляночка. И вдруг она как будто вся исчезла и сделалась маленькою, меньше моей ладони, и все точно такую же. Я схватил подушку, поставил ее на угол, ударил кулаком в другой угол и положил ее туда, потом я взял ее чепчик ночной, сложил его вчетверо и покрыл ее до головы. Она лежала там все точно такую же. Я потушил свечку и уложил у себя под бородою. Вдруг я услышал ее голос из угла подушки: «Лева, отчего я стала фарфоровая?» Я не знал, что ответить. Она опять сказала: «Это ничего, что я фарфоровая?» Я не хотел огорчать ее и сказал, что ничего. Я опять ощупал ее в темноте, — она была такая же холодная и фарфоровая. И брюшко у ней было такое же, как у живой, конусом кверху, немножко ненатуральное для фарфоровой куклы. — Я испытал странное чувство. Мне вдруг стало приятно, что она такая, и я перестал удивляться, — мне все показалось натурально. Я ее вынимал, перекладывал из одной руки в другую, клал под голову. Ей все было хорошо. Мы заснули. Утром я встал и ушел, не оглядываясь на нее. Мне так было страшно все вчерашнее. Когда я пришел к завтраку, она была опять такая же, как всегда. Я не напоминал ей об вчерашнем, боясь огорчить ее и тетеньку. Я никому, кроме тебя, еще не сообщал об этом. Я думал, что все прошло, но во все эти дни, всякий раз, как мы остаемся одни, повторяется то же самое. Она вдруг делается маленькою и фарфоровою. Как при других, так все по-прежнему. Она не тяготеет этим, и я тоже. Признаться откровенно, как ни странно это, я рад этому, и, несмотря на то, что она фарфоровая, мы очень счастливы.

Пишу же я тебе об этом, милая Таня, только затем, чтобы ты приготовила родителей к этому известию и узнала бы через папá у медиков: что означает этот случай, и не вредно ли это для будущего ребенка. Теперь мы одни, и она сидит у меня за галстуком, и я чувствую, как ее маленький острый носик врезывается мне в шею. Вчера она осталась одна. Я вошел в комнату и увидел, что Дора (собачка) затащила ее в угол, играет с ней и чуть не разбила ее. Я высек Дору и положил Соню в жилетный карман и унес в кабинет. Теперь, впрочем, я заказал, и нынче мне привезли из Тулы деревянную коробочку с застежкой, обитую снаружи сафьяном, а внутри малиновым бархатом с сделанным для нее местом, так что она ровно локтями, головою и спиной укладывается в него и не может уже разбиться. Сверху я еще прикрываю замшей.

Я писал это письмо, как вдруг случилось ужасное несчастье. Она стояла на столе, Н. П. толкнула, проходя, она упала и отбила ногу выше колена с пеньком. Алексей говорит, что можно заклеить белилами с яичным белком. Не знают ли рецепта в Москве. Пришли пожалуйста».

Это загадочное письмо после его первой же публикации наделало много шума. Им заинтересовались психоаналитики, исследователи и биографы. Мнения разделились, разумеется, в соответствии с личным опытом исследователя (типом женщин, с которыми они соглашались на интимность) и глубиной его, этого опыта, осмысления.

Н. Н. Гусев пишет, что «здесь под формою шутки скрывается изображение действительности, действительного душевного состояния, пережитого тогда Софьей Андреевной и больно отозвавшегося тогда в душе Льва Николаевича». «Это письмо — письменный след глубочайшего переживания Льва Николаевича в его взаимоотношениях с Софьей Андреевной в первый период его брака с ней. Каждому известно, что во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной такой период, когда его спутница жизни представляется ему, хотя на время, недодушевленной, „фарфоровой“, совсем не столь редкое явление. Каждый женатый переживал то же, что и Л. Н. Толстой. Разница лишь в интенсивности переживания и ощущения отчужденности, потери или превращения в „фарфоровую“ жены каждым. Ясно, у Льва Николаевича, как у гения художественных образов, это свойственное каждому мужчине в любви к женщине переживание вылилось в соответствующую по диапазону эпически-художественную форму».

В. И. Срезневскому же кажется *странным*, что в семейную драму можно посвящать *постороннего* юного (!) адресата, и он не соглашается с мнением Н. Н. Гусева, «усматривающего в письме Льва Николаевича зародыш будущей семейной драмы Толстого... Первый период брака Толстого не был омрачен ни одной тучкой, отношения супругов были безоблачные, и такая шутка в письме Т. А. Кузминской вполне вероятна».

А что посоветовали бы мы с высоты опыта психокатарсиса? Мы бы тому, кто *увидел* фарфоровую куклу, посоветовали спросить себя: а что

ОТЕЦ СЕРГИЙ

надо с этой куклой сделать, чтобы было *лучше*, чтобы он вообще мог *жить*? И посоветовали бы довериться подсознанию: если разбить — то разбить. Если утопить — то утопить. Мы бы посоветовали спрашивать себя, что сделать не с *Софьей*, а именно с *куклой*. Ведь Софьей на бытовом уровне мышления, мы нисколько не сомневаемся, можно только восторгаться. Если бы у человека мышление было чистым, по типу «дважды два четыре», то мы бы посоветовали пойти гораздо дальше и спросить, что надо сделать с *куклой* такого, что бы одобрил Христос. И не удивляться неожиданности, нетривиальности решения.

У образов, как известно, есть свойство в дальнейшем реализовываться. Жаль, Толстой не мог услышать нашего совета.

А ведь с принципом работы с мыслеформами он был знаком. Во всяком случае, под старость. В чем можно убедиться, прочитав «Смерть Ивана Ильича». Знал, но посмеялся.

Спустя тридцать четыре года, 15 января 1897 года Л. Толстой записал в дневнике:

«Почти всю ночь не спал. Проснулся от того, что видел во сне все то же оскорбление. Сердце болит... Думал, и особенно больно и нехорошо то, что после того, как я всем Божеским: служением Богу жизнью, раздачей имения, уходом из семьи, пожертвовал для того, чтобы не нарушить любовь, — вместо этой любви должен присутствовать при унижении сумасшествия... (Поведение Софьи. — Прим. авт.) Мои страдания — доказательство того, как я мало живу жизнью служения Богу... Буду бороться».

Здравые суждения в тексте дневника есть. Но, к сожалению, не только они. Чтобы была любовь, надо отказаться от любви — это странная мысль. Странная, разумеется, только для человека с неповрежденным телом сознания, мировоззрения и духа. Чтобы была полноценная любовь между мужчиной и женщиной, необходимо отказаться от «любви» болезненной, страстной, и тогда будет все, прежде всего, будет возможность подарить счастье своей *половинке*. С этим утверждением мы не можем не согласиться. Но у Толстого все наоборот. Чтобы сохранить взаимоотношения с Софьей, которые он по недоразумению называет любовью, он отказался от Божеского, от Любви. И чувствуется в его записи некоторый оттенок обиженности:

Как так, отказался от Божеского — и никакой за это от Софочки награды — одни истерики, угрозы самоубийства, измены. Как такое могло случиться? Ведь отказался от того, что повсюду объявлено самым главным для человека — от Божеского!! Да и сам признаю: главное. И отказался! И почему ничего не получается?! Я купил жертвой — мне должны. Должен даже Он, про Которого я всегда говорю — Главное.

Что и говорить, мышление явно не «дважды два четыре». Остается только удивляться, что после сорока восьми лет сборов, через 48 лет после первой брачной ночи, после которой он записал в дневнике: «Не она», — он из дома все-таки ушел. Вот только было ли это воплощением принципа «суббота в субботу»?!

«Я разуверился в Евангелии за четыре месяца до своей смерти», — слова Толстого, записанные его личным врачом Душаном Маковицким, поражают!

Фантазия это или способность гения прозревать будущее?

В каком смысле *разуверился*? Есть ли основание полагать, что когда-то *верил*? Какого рода была эта вера?

Можно рассуждать так. Сам факт того, что человек смог в Евангелии *разувериться*, позволяет сделать определенные выводы. Разувериться в Евангелии в состоянии не все. Например, этого не в состоянии сделать ни сатана, ни увлеченные дьяволом ангелы: они Бога видели, они знают, Кто Есть Христос, и, зная Его, разувериться не в силах. Другое дело, что жить по законам Божиим они не хотят. Следовательно, разувериться может только тот, для кого Бог был не более чем умственным построением, построением, быть может, возведенным на фундаменте гипнотического внушения. Разувериться в Боге, Который Един только и производит в душе единственно значимые в этой жизни изменения, может только тот, кто Богу никогда не *доверялся*.

С другой стороны, Лев Николаевич признавал своим только то, что он напечатал. А от того, что за ним записывали, и от писем отказывался — чего только в письме не напишешь по слабости?! Скажем, 9 августа 1909 года по почте было получено письмо, судя по штемпелю, со станции Урюпинской:

«Милостивый государь Лев Николаевич! К глубокому нашему сожалению, ходят слухи, что вы, проездом по Балашово-Харьковской железной дороге выдали жандармерии ехавших с вами в одном вагоне троих пассажиров, которые были арестованы, и им теперь грозит смертная казнь. Мы просим вас опровергнуть или же подтвердить этот слух корреспонденцией в газете „Современное слово“».

На конверте Лев Николаевич написал: «Выдал и получил за это вознаграждение 500 рублей».

Красиво построенный ответ. Тем более от человека, который прилично в это время отказался от гонорара в *миллион* рублей золотом за свое собрание сочинений. Отказался, чтобы издания его произведений были дешевле. Во фразе: «Я разуверился в Евангелии...» красота не меньшая, хотя и несколько более мрачноватая. Определенно, это причуда художника, поскольку до самого конца признаков подсознательного разочарования Толстого *во Христе* не было.

В произведениях Льва Николаевича, особенно поздних, отчетливо борются два начала: художник и проповедник (художественное и логическое — если не разные функции соответствующих полушарий мозга, то, во всяком случае, — разные акценты). Толстой-художник почти безупречен, то есть, в художественном изображении судьбы героя обстоятельства и повороты его жизни следуют из предыдущих законо-

мерно, — настолько закономерно, что могут служить учебником по психологии. Но в сфере деятельности Толстого-художника беспрестанно вторгается Толстой-проповедник, который, несмотря на некоторые удивительной глубины осмысления, Толстому-художнику противостоит. В результате, детали судьбы человека, ее эпизоды сменяли друг друга закономерно, но *толкования* некоторых деталей были неточны и ошибочны*, в особенности, как только выходили за пределы явлений чисто психологических. Преклонение перед величием гения (а гений он уже хотя бы потому, что от общения именно с его текстами удивительным образом проясняется в голове, начинаешь ощущать изумительную мощь мысли, а потому хочется навести порядок в собственных убеждениях и собственной жизни, а главное — появляется ощущение, что верный путь есть и он доступен) — гения, глубже других заглянувшего в глубины нашей жизни, — Истину заслонять не должно.

Льву Толстому было уже более семидесяти лет, когда он написал своего знаменитого «Отца Сергия». Написано это произведение было в тот долгий период, во время которого писатель во многих своих произведениях усердно искал объяснения, почему он мог оказаться в браке с женщиной, столь ему по устремлениям чуждой. Он искал ту силу, которая принудила его оказаться с ней. *Ego* метод был с пером в руках, только так он постигал закономерности этой жизни.

В «Отце Сергии» — судьба иеромонаха (то есть монаха не простого, а еще и священника — он имел право отправлять в храме богослужение), который стал, как и Софья Андреевна, целителем, чудотворцем, и еще при жизни народом был признан святым. Признан еще до того, как пал.

Будущий отец Сергей, князь Степан Касатский (Стива) по рождению к высшим придворным кругам не принадлежал, но всячески туда стремился. Князь был одарен от природы: он был высок, красив, страстен, и всякий, оказавшийся рядом с ним, чувствовал нечто такое, после чего приходил к выводу, что князь Касатский — породистый, родовитый, «достойный», попирающий остальных человек. Стива умел добиваться первенства во всем. Раз заметив за собой ошибку во французском, он выучил его настолько, что стал на нем изъясняться не хуже, чем на родном. Возжелав овладеть науками, он преуспел и в этом, став в военном корпусе, где он в то время учился, первым. И так во всем.

Стива Касатский был страстен и, в силу этого, Государя тоже обожал страстно. Страстно до полного самоумаления, настолько, насколько на то способны лишь те, кто всем своим естеством поглощены страстью быть *выше всех* и чувствуют к тому способности.

* Например, когда Толстой пишет, что выражение лица Долохова в то время, как его, тяжело раненного, везли после проигранной Пьеру дуэли, было восторженным, — это верная деталь; неверно же толкование, что происходило это из-за того, что Долохов вспоминал свою мать. Нет, Долохов был восторжен единственно потому, что находился он между жизнью и смертью, а думать он при этом мог о чем угодно, хоть о Петре Великом.

По окончании корпуса князь поставил себе целью взобраться еще выше, то есть быть принятым в придворных кругах. Этому он мог достичь только женитьбой на девушке, которая принадлежала к этому кругу уже в силу рождения. Такую девушку Касатский себе выбрал, стал ухаживать за ней, даже страстно влюбился и, к удивлению своему, легко добился победы. Стива боготворил свой предмет, наверное, не менее, чем Государя, считая ее образцом чистоты, возвышенности и невинности. Ей это было приятно, она желала выйти за него замуж и для достижения этой цели ей оставалось только рассказать своему жениху, что она уже не девушка, а некогда была любовницей Государя.

И рассказала.

Удара жених не перенес. После объяснения он вышел из сада уже не женихом.

Что делать, Касатский не знал. Он привык всегда быть победителем, быть выше всех, или, во всяком случае, привык, поставив себе цель, со временем побеждать. А что сейчас? Если бы любовником его возвышенной, такой, в которую можно страстно влюбиться, невесты был бы обыкновенный человек, Касатский нашел бы повод вызвать его на дуэль и убить. Но любовником был сам обожаемый Государь, над которым взять верх невозможно — невозможно ни убить, ни превзойти «благородством» генетического происхождения. Но Касатского еще до корпуса учили, что есть иная сфера, в которой одни более значительны, чем другие. И Стива Касатский, князь, военный, оскорбленный жених, становится на этот единственный для себя путь — уходит в монастырь.

Из всех возможных форм монашества Стива Касатский выбрал форму, признанную публикой наивысшей, наитруднейшей, наидуховнейшей: он выбрал старчество, разумеется. Признанное мнение и мнение признанных о старчестве таково: человек должен полностью отказаться от своей воли и довериться Богу. За волю Божью признается воля монаха-старца, старца не по возрасту, а только по тому, что он сам некогда «отказался от своей воли» и беспрекословно выполнял пожелания другого старца. Этот вид монашества *признан* как *наиболее* достойный и привлекающий внимание. Следовательно, именно в этой среде, столь напоминающей армейскую, следует ожидать массовых чудес и исцелений. Равно как подсиживаний и блудодеяний.

История старчества на Руси начинается с XVIII века и связана с именем Паисия Величковского. Старчество, как полагают, существовало и прежде, и было бы странно, если бы не существовало: распространено оно было и в других государствах православной веры. Но, по каким-то причинам, на Руси в прежние времена старчество не прижилось. Когда же Паисий Величковский, подражая другим, решил это старчество ввести, то монахи — то есть те, кто худо-бедно, но с текстом Евангелий знакомы были — воспротивились. Утвердилось же старчество по вмешательству простого народа, то есть тех, кто с Евангелием знаком не был, да и не испытывал желания с ним познакомиться. Этой части населения старчество пришлось по вкусу и, как водится во всех национально-государственных религиях, уже в следующем поколении

утвердилось настолько, что противостоявшие ему прежде богословы уже искали умственных построений, оправдывающих старчество. Делалось это чтобы сохранить свое положение богословов государственной религии.

Аргументация богоугодности старчества государственниками подбирается, разумеется, из трупной тематики. Скажем, приводится рассказ о послушнике, который не исполнил некоего послушания, возложенного на него старцем, ушел из прежнего своего монастыря умерщвлять плоть свою в другое место. После долгих и, как утверждают, великих подвигов он сподобился, наконец, претерпеть истязания и мученическую смерть. Когда же церковь хоронила тело его, почитая за святого, то вдруг при возгласе диакона: «Оглашенные, изыдите!» — гроб с лежащим в нем телом мученика сорвался с места и вылетел из храма. (Все это православные и католики рассказывают очень серьезно!) Труп вернули обратно, но его опять выбросило. Также и в третий раз. И лишь после того, как старец позволил труп не исполнять его повеление, тело удалось похоронить. Комментарии, очевидно, излишни.

Почему Стива выбрал старчество? Весьма вероятно, что не только потому, что это была наиболее *признанная* форма и вхождение в нее очевидней означало первенство. Весьма вероятно, что эта форма жизни была для князя и военного просто ближе: в армии тоже всякий нижестоящий отказывается от своей воли и исполняет волю вышестоящего начальника с надеждой в будущем стать таким же признанным начальником, для которого чужая воля будет уничтожена его собственной. Надо также учитывать, что князь Касатский жил в те времена, когда государственно-православная форма религиозности для населения была обязательна, царь носил военный мундир, считался помазанником Божиим, он отдавал приказания нижестоящим, а те, в свою очередь, своим подчиненным, и, следовательно, все это для них было воплощением воли Божьей. Касатский и в монастыре не мог не ощутить того удовольствия, которое испытывает на военной службе всякий человек, физически с ней справляющийся и не обладающий, хотя бы в незначительной степени, даром сомнения.

Итак, Касатский был пострижен в монахи и принял имя отца Сергия. На монашеском поприще отец Сергий, как и везде, преуспел, то есть достиг всего, чего, по мнению церковного руководства, мог достичь монах: был замечен, признан и повышен — его перевели, с одобрения его духовного отца, в монастырь поближе к столице. Здесь во время службы на отца Сергия приезжие дамы указывали пальцем, восхищались его внешностью, а также тем духом *значительности*, который всегда сопровождал князя и который от монашеских упражнений чувствительно для дам усилился. Дамы им любовались, и отец Сергий замечал, что это было ему приятно.

После одного скандального поступка отца Сергия его не понизили, а, наоборот, он получил благословение на отшельничество. Он поселился один в пещере, где тут же, за тонкой дощатой дверью, был недавно погребен труп его предшественника.

Год за годом отец Сергий умерщвлял свою плоть, отказываясь от различных видов пищи, прежде всего здоровой, и, наконец, стал довольствоваться одним черным хлебом. На шестом году такой жизни произошел случай, который окончательно прославил отца Сергия. В ближайшем городке жила богатая вдова, которая проводила время, совершая поступки, привлекавшие внимание всего города. Одним словом, она относилась к тому достаточно распространенному типу шлюх, которые в недавнюю атеистическую эпоху, не веря ни в Бога, ни в черта, привлекали внимание не только определенного рода поведением, но и угрозами уйти в монастырь, что закономерно, поскольку, несмотря на обилие восхитительных приключений, не могут не замечать своей в сексе генитальной бездарности. Долговечней же выделяться не в толпе, но в кажущемся одиночестве. Однажды эта веселая и богатая вдова отправилась с поклонниками кататься на лошадях и на пари решила провести ночь с отцом Сергием. Из текста «Отца Сергия» не очевидно, что она под этим подразумевала, но при желании можно понять и так, что речь шла *лишь о пребывании под одной крышей*.

Отец Сергий, как всегда, молился, когда в окно постучала веселая вдова. Отец Сергий выглянул, и тут произошло то, что весьма ценится у садо-мазохистски настроенной части населения: *они сразу узнали друг друга*. А узнали они друг друга в том смысле, что она ему очень понравилась, он немедленно ее захотел, она это поняла и почувствовала, что и она его хочет. Он тоже увидел, что он ей понравился с первого взгляда, она его захотела и поняла, что и он ее хочет. Но, как обыкновенно принято в подобных случаях, они стали вести себя так, как будто друг друга не *узнали*.

Веселая вдова, после того как монах ее впустил и ушел в другое отделение своей пещеры (к трупу), разделась, оголила грудь, сняла чулки и платье и стала умолять монаха ей помочь, потому что она вся промокла, простудилась и у нее жар. Это был прекрасный повод для стонов как бы умирающей (отец Сергий явно был не первый некрофил, которого она *узнала*, и дело свое знала хорошо), прекрасный еще и потому, что сопровождающие стоны слова призывали отца Сергия к милосердию к страждущей больной, а еще потому, что веселой вдове было внутренне *приятно* поверить, что она больна и умирает.

Отец Сергий вспомнил, как в аналогичных ситуациях поступали его предшественники — признанные государственниками святые. Они в таких случаях еще с большим азартом начинали умерщвлять свою плоть, в частности — жечь. Отец Сергий положил руку на стекло лампы — но *ему* это не помогло. Тогда отец Сергий взял топор, положил на чурбак указательный палец — и отчленил его. Не подобрав отскокившего пальца, — части, как говорит Библия, храма Святого Духа, осквернить и разрушать который есть преступление против Бога (1 Кор. 3:16, 17), — он вошел к ней, к «умирающей». Бледный вид его окончательно ее пленил. Выскочив посмотреть на валявшийся в трухе палец, она испытала сильное чувство. Вскоре она приняла решение стать подобной отцу Сергию, одновременно при этом в очередной раз поразив

город и привлекая к себе внимание — постриглась малым постригом.

Она, естественно, не пожелала стать добродетельной хозяйкой, не захотела стать хорошей женой, то есть такой, которая, в противоположность существующим женам, во всем помогала бы своему супругу и укрепляла бы его здоровой энергетикой — здесь ввести в заблуждение сложно, — но она решила, *как* и отец Сергей, умерщвлять плоть. «*Как*» — очень важное указание, потому что так поступила бы каждая, воспринявшая кодирующую травму от яркого некрофила в расе.

Это чудесное, как признали в городе, обращение веселой вдовы, как полагали, к Богу привычно привлекло внимание к ней, но и к отцу Сергию тоже. Как следствие, к нему пришла женщина с больным ребенком, с просьбой исцелить. Как следует из текста, отец Сергей исцелять (на понятном уровне) и не помышлял, и помочь всячески отказывался. Действительно ли он *логически* не думал, что довольно-таки неправдоподобно, или боялся опростоволоситься, или врал, — не так важно. Главное, женщина в своих просьбах не отступала. А вот то, что святой отец якобы не помышлял, а женщина не отступала — детали, обсуждения достойные.

Отец Сергей, который поставил перед собой цель достичь наивысших высот монашеского подвига и, тем самым, стать выше даже Государя, не мог не быть начитан в житийной литературе и непременно знал, что исцеления чудотворные в системе националверы есть наивернейшее подтверждение признанности святого Богом, а потому *не мог не желать* способности исцелять и для себя. Не мог не желать — следовательно, желал. Женщины народец ушлый, особенно в тех случаях, когда им что-то нужно. Они не станут тратить много времени на просьбы, если наперед чувствуют, что объект не поступит так, как это ему внутренне присуще. Ушлый народец не разменивается на восприятие того, что объект *думает*, но воспринимает только то, что объект *хочет*. Женщина с больным ребенком стояла перед человеком, который обладал теми способностями, которые делали его признанным везде: в корпусе, при оценке познаний в науках, в высшем свете, среди дам, в монастыре. Такими, если это не муж, большинство женщин не могут не восхищаться и таких не могут не слушаться. Отец Сергей, успешно уподоблявшийся персонажам житийной литературы, исцелить отказывался, но — странное, казалось бы, дело! — женщина не отступала. И отец Сергей как бы вынужден был согласиться на то, на что якобы согласен не был: он исцелил ребенка. А почему бы и не поверить отцу Сергию: стать целителем он, действительно, не *думал*. Читал, мечтал, примерялся — но не *думал*.

Исцеление привлекло еще большее внимание к отцу Сергию, он стал исцелять все чаще и чаще, и ему было приятно, что о нем знают и в городе, знает и Сам *Государь*, и даже за границей тоже о нем знают.

Прошло более двадцати лет с тех пор, как Стива Касатский, красавец и развратник, стал монахом, старцем, признанным праведником, пустынножителем, целителем и умертвителем еще и своей плоти. Однажды он служил в своей пещере всенощную для узкого круга богатых и — ноги дали слабину — пошатнулся.

Но он не оставил службы и продолжал ее. Только слабым голосом. «Совсем как у святых», — залюбовался собой отец Сергей, продолжая петь.

«Батюшки, святой!» — залюбовавшись, захлебнулась «неизвестно» откуда пришедшей мыслью прислуживавшая ему барыня, в полной уверенности, что эта мысль — ее.

«Святой!!!» — залюбовавшись, ахнул стоявший рядом купец, который приехал поклониться отцу Сергию более чем за две тысячи километров. И отказаться от этой догадки он, по-видимому, был более не в силах никогда.

После службы купец бухнулся перед отцом Сергием на колени и, высокопарно изъясняясь, стал умолять «святого» исцелить болящую дочь — неврастеничку, по определению врачей. Настала ночь, и отец привел дочь, которая не выходила из дому при дневном свете. Отец Сергей осмотрел тело стоявшей перед ним 22-летней девушки и понял, что она чувственна и слабоумна. Отец Сергей отметил, что кожа у нее белая, по-женски припухлая фигура и большая грудь. Угодник также заметил и чувство, с которым он смотрел на чадо, приведенное для исцеления.

Девушка посмотрела на него.

— Как твое имя? — спросил он.

— Мария, — ответила она.

— Ты будешь здорова, — сказал чудотворец. — Молись.

— А что молиться? Я уже молилась, — сказала Мария. И улыбнулась.

— А вы мне во сне снились, — сказала Мария, — и наложили на меня руку вот так, — и положила руку угодника себе на грудь. Отец Сергей не сопротивлялся и отдался ей.

Утром, ожидая того, что придет отец девушки и вся история откроется, известный и признанный православный угодник переоделся в еще прежде приготовленную одежду и бежал.

Прежде, когда отец Сергей совершил первое свое исцеление, он перед тем, как сообщить больному, что тот будет здоров, молился. Прошли годы. Отец Сергей по-прежнему вел предписанный монахам образ жизни и возрастал в том, что в этой системе госрелигиозности считается святостью. Соответственно, как и у признанных святых прежних веков, возрастала и его исцеляющая сила. И отцу Сергию уже не было нужды молиться — все получалось и так. Со знатными посетителями, как принято, он совершал молитвословие, которое среди его собратьев по духу отождествляется с молитвой, — но, в общем-то, совершать молитвословие, чтобы структурировать сознание жертвы, нужды не было, и отец Сергей просто сообщал человеку, что тот будет здоров — и этого, он знал по опыту, было достаточно.

Поразительно, с какой гениальной прозорливостью Толстой подобрал для отца Сергия ту женщину, с которой угодник после двадцати лет умерщвления плоти, «пал». Или, точнее сказать, проявил себя. Для целителя-вульгарис, то есть обыкновенного, как для всякого некрофила, более привлекательно тело *мертвое*, оно его больше возбуждает, а

если такового в наличии нет, но вожаделенное желание есть, то *большая* женщина есть уже некоторое приближение к идеалу, нечто среднее между трупом и физически здоровой женщиной. Здоровую женщину можно захотеть, в особенности если она, подобно веселой вдове, грамотно разыгрывает роль умирающей, но с таким желанием справиться несложно, можно пойти распить бутылочку или отрубить палец — и успокоиться. Но влечению к больному, в перспективе разлагающемуся телу некрофил сопротивляться не в силах — он поддается. Что и произошло с отцом Сергием. Поразительно только, с какой ошеломляющей быстротой он себя проявил. Поразительно, потому что для обыкновенного, не изодренного грешника женщина — она и есть женщина, ничего особенного, можно встать и спокойно отойти, даже если одиночество уже приелось. И нечего палец отрубать ни на руке, ни еще где-нибудь. Но отец Сергий, что и говорить, индивид житийный.

С потрясающей гениальностью отображен также и метод, которым слабоумная и чувственная девушка «соблазнила» того, который сам хотел ее соблазнить. А как удостовериться, что именно его желание определило ее действия? Очень просто: по тончайшим деталям образа, благо гениальный художник одарил нас ими рукою щедрой. То, что ее поступки определялись *его* мыслями, очевидно, хотя бы, уже из того, что даже здоровые женщины во время всенощной, как мы видели, подхватывали невысказанные желания угодника как свои и послушно их исполняли — что уж говорить про девушку молодую, да еще слабоумную, то есть такую, которая не в состоянии оградить себя от энергетической агрессии силою целостного логического мышления. Естественно, что похотливое желание угодника закогтило ее.

Она же поступила с ним милосердней: дала ему возможность не угрызаться совесью хотя бы на логическом уровне, послушно разыграв партию соблазнительницы, как бы инициатора прелюбодеяния. В своем послушании она задела самую звучащую струну отца Сергия — гордость.

— А вы мне во сне снились, — сказала ему она.

Это сильное слово для всякого, кому приятно, что о нем знают в ближайшем городе, знает сам Государь, знают в Европе.

— А вы мне во сне снились, — сказала ему *она (женщина)*. — И наложили на меня руку вот так, — и положила руку отца Сергия себе на грудь. (Здесь мастерство Толстого-художника потрясает: себе на грудь она руку угодника *положила* — писатель употребил слово с нейтральным оттенком, оно просто описывает происходящее с точки зрения стороннего нейтрального наблюдателя. Сама же девушка употребила другое слово, с совершенно иным оттенком: *наложили*. *Наложить* можно *на себя* руки, и это будет обозначать самоубийство. Жандармы могут *наложить* руки на писателя, который пытается разобраться в происходящем, — и это будет означать, что правду в очередной раз попытались уничтожить. То же — *убийство*. *Наложить* — это насилие, и девушка с ослабленным логическим мышлением не случайно употребила именно это слово. Она уже не владела ситуацией, она была *вынуждена* гово-

рить то, что от нее требовалось, и свое отношение к насилию угодника могла только обозначить и только через стилистику. Присмотритесь — именно так в жизни и происходит!)

— Мария, ты дьявол, — сказал отец Сергий.

— Ну, авось ничего, — сказала она и, обхватив рукою угодника и чудотворца-целителя, села с ним на лавку, где он обычно спал.

Порой и знания (это на уровне логического мышления) являются причиной поступков, поэтому признанный в народе и в православной иерархии за святого отец Сергий после столь очевидного падения почувствовал нужду, которую счел очередной потребностью в очередном покаянии — ведь это рекомендуется во всех монастырских наставлениях, — и на логическом уровне определил себе поведение, по народно-монашеским представлениям сопровождающее покаяние. Отец Сергий сбросил гордую монашескую рясу, одел давно приговоренное крестьянское платье и потихоньку ушел из скита. Лежа в поле, переодетый угодник пытался делать то, что прежде считал молитвой, но не мог: как выразил его состояние духа Толстой-художник, *Бога не было*. Потом отец Сергий заснул, и приснился ему сон — как он впоследствии определил себе — от Бога (которого, как вы помните, *не было*): пришел Ангел и «прорек» пойти учиться у Пашеньки.

Пашенька была знакомая детства отца Сергия, девочка, которая была *жалкой* уже тогда. Когда Пашенька подросла, она со свойственной женщинам определенного рода разборчивостью подобрала себе такого мужа, который не только пропил ее приданое, но и все, что заработал прежде, и оставил без средств к существованию не только ее саму, но и детей. Пашенька стала еще более жалкой. Дочь Пашеньки выбрала себе точно такого же мужа, как ее отец, или он стал таким же, как ее отец, в атмосфере, которую создавали в доме мать с дочерью, то есть он тоже спился и даже дошел до того, что, как монах-отшельник, с людьми вместе не мог даже есть. Кормила их всех *жалкая* Пашенька, которая зарабатывала, как и положено *жалкой*, — некрофилической специальностью: учительствовала. Ничего странного в этом нет, более того, вполне закономерно и следует из определяющего жизнь садо-мазохистов принципа маятника: военный на службе вершит судьбами подчиненных, но дома, перед женой, или перед начальством мордобоец трансформируется в совершенное ничтожество; врач, поклявшийся спасать людей, оказывается на скамье подсудимых за многочисленные изнасилования и расчленения жертв; протестантский служка дома сквернословит — на работе же изъясняется на чрезмерно стерильном языке; признанный в народе и в церкви угодник на поверку оказывается гомосексуалистом; а жалкая Пашенька, вокруг которой все гибнет, занимается учительством.

Отец Сергий Пашеньку разыскал, и та его «научила» — он стал бродягой. (Заметьте: не работать пошел, не стал душой наслаждаться за каким-нибудь созидательным делом, ведь созидательной души человек легко обучается всякому ремеслу, — а стал бродягой!) Как следует из текста «Отца Сергия», не только Стива Касатский, но и Толстой-

проповедник счел сию закономерную смену вывесок за преобразующее глубинное покаяние и, несомненно, весьма удивился бы, обнаружив в списке излюбленных некрофилами профессий кроме императора, военного, целителя, учителя, монаха, трупорезчика еще и бродягу.

Через восемь месяцев полиция задержала Стиву Касатского за беспаспортность. На вопросы, кто он, бывший угодник не отвечал, а только говорил, что он раб Божий, за что был судим и сослан в Сибирь. Там, как следует из текста, живет и поныне, работая у мужика на заимке на посылках, учит детей и ходит за больными.

Для Толстого-проповедника, судя по разбросанным в тексте оценочным высказываниям, отец Сергей после нескольких десятков лет ложной религиозности наконец-то обрел покаяние и от эксгибиционизма (самовыпячивания) скитского жития затерялся среди людей и тем самым исполнил волю Божью. Так говорит Толстой-проповедник, но согласен ли с ним Толстой-художник?

Что есть, в сущности, лакей? «Поддай», «принеси», «пошел вон» — вот, в сущности, и все, что от лакея требуется уметь. С такими нехитрыми обязанностями в состоянии справиться человек, даже полностью лишенный способности к созиданию, т. е. яркий некрофил. В пользу значительного содержания ярких некрофилов среди лакеев говорит тот факт, что барыни той эпохи были убеждены, что лакей должен производить впечатление *внушительное*. Такое ощущение могли внушить барыням только подавляющие некрофилы, которые на такую работу соглашались, из чего следует, что ярким некрофилам роль лакеев на определенном этапе их овладения миром весьма желательна. Что касается изнеженных бездельниц (барынь), то их зависимость закономерна, нужда в лакеях очевидна, но были ли нужны некрофилы на сибирских заимках? Видимо, да, потому что в услужении надолго остаются только некрофилы. Сомнительно, чтобы работник, у которого все спорится в руках, задержался бы у хозяина дольше, чем на один сезон, — ему по плечу свое собственное хозяйство. Тем более в Сибири, где земля не меряна, — отрезай себе, сколько хочешь. Это не жадность, это — психологическая свобода. Таким образом, окажись в Сибири биофил, он бы в кратчайшие сроки стал хозяином, или кузнецом, или, как Иисус из Назарета, плотником. Или, как граф Толстой, сапожных дел мастером. Но не лакеем. И не батраком. Быть лакеем в Сибири — это удел князей, военных, целителей, бродяг, учителей, так называемых «Божьих угодников» и любителей выгрести испражнения — то есть всех тех профессионалов, ипостаси которых последовательно и выбирал отец Сергей.

Таким образом, Толстой-проповедник (посредственный) оказался в противоречии с Толстым-художником (гением). По Толстому-проповеднику, отец Сергей «одолев» ступень князя, военного, иеромонаха, все-таки обратиться к Богу смог, в чем читатель, по замыслу Толстого, должен удостовериться по новой «смирненной» роли отца Сергея — «поддай-принеси». Но Толстой-художник вновь, в который раз, оказался победителем — отец Сергей остался целостным индивидом, он не стал ни плотником, как Иисус, ни стал он шить палатки, как

апостол Павел, а каким был, таким и остался, что и видно из очередной его роли «поддай, прими, пошел вон».

Отец Сергей, меняясь, оставался прежним. Софья Андреевна не менялась даже так. Почему она не стала более масштабным чудотворцем и остановилась на уровне плацебо? Ей, видимо, это было не с руки. Не всякой мегере интересно реализовываться именно в целительстве, подобно тому, как далеко не всякий дипломированный «народный целитель» берется кому-либо «помогать». К тому же, Софья Андреевна вполне себя реализовывала в семье. Здесь ей удалось создать наиболее комфортную для себя среду. Все 38 детей и внуков, которые были в сфере ее влияния, выросли бездельниками и научились только требовать. Ни один из них в отца и деда не пошел — для Льва Николаевича *своих* в доме не было. Они проигрывались в карты и подбирали лошадей в мать. А на это нужны были *деньги*... Которые сами зарабатывать не могли, но требовали их с Льва Николаевича. Он же видел, что деньги детям только в проклятие, хотел детей выручить, но «выручала» их всегда, давая на пропой, карты и разврат, Софья Андреевна. «Верная» жена, «хорошая» хозяйка, «любящая» мать... Чем, судя по записям в книге отзывов на выставке в ее честь, и восхищаются (бессознательно) приходящие и уходящие поколения.

Все вышеприведенное рассуждение основано на том предположении, что в тексте гениального «Отца Сергея» заключена вся полнота информации о персонаже. Тем и ценно всякое произведение искусства, что его можно обсуждать, исходя из предположения, что о герое там рассказано достаточно. Но все обстоит иначе, когда мы рассматриваем реального человека. *И да будет ваше суждение здраво.*

Глава двадцать пятая.

ЕДИНСТВЕННОЕ НЕЗАВЕРШЕННОЕ ДЕЛО ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА

Лев Николаевич в конце жизни говорил, что теперь уже может спокойно умереть, потому что изложил на бумаге все, что в этой жизни намеревался написать.

За исключением одного.

Максим Горький, пролетарский писатель, в гениальность которого верили по всей планете, *но только при его жизни* (умел заставить, певец революции!), Льва Николаевича *естественно* считал насильником, Софью Андреевну же боготворил, о чем и написал большую статью.

В ней, в частности, он описывает угрозу Льва Николаевича, что он-де перед смертью скажет о женщинах такое, *тако-о-ое*... Но только перед самой смертью, стоя одной ногой в могиле, дескать, скажу, и хлопну крышкой гроба!

Что же Лев Николаевич, в своих произведениях по поводу женщин предельно откровенный, просто *скандально* откровенный, мог *еще* о

них сказать? Что? Что из его личной жизни, которую в последний ее период фиксировали на бумаге одновременно разве что не по пять человек, могло остаться неизвестным?

Скажите, а когда за Львом Николаевичем и женщиной запирались двери так плотно, что никто из всепроникающих мемуаристов не мог ничего выведать?

Разумеется, только в спальне. И притом ночью.

Что же там могло происходить такого, *тако-о-ого?!..*

Как ни удивительно, но при всей громадности, прямо-таки необъятности литературы о Толстом, ничего на сей счет вразумительного не написано. Упомянут, похихикают — и все. С благоверной, хи-хи, разобратся хотел? Причем же, в таком случае, хи-хи, «женщины», множественное число?..

А ведь то, что собирался сказать Учитель, имеет для познающей части человечества большое значение, — иначе бы Лев Николаевич не намеревался об *этом* написать. И он бы исполнил свое намерение, если бы не особые обстоятельства его смерти, точнее, гибели: он бежал, ночью, без шапки, стараясь оторваться от преследующей жены, своры журналистов и старцев, простудился и перед кончиной на станции Астапово несколько дней был в полубессознательном состоянии.

Со времени его смерти прошло вот уже почти сто лет, многие и многие тысячи мужчин и женщин верили и веруют, что они любимого своего автора *понимают*, но среди них до сих пор не нашлось ни одного, который бы единственное незавершенное дело этого замечательно-го человека довел бы до конца.

Но не вечно тому быть!

«Вычислить» тайну, которую Лев Николаевич соглашался открыть только стоя одной ногой в могиле, с одной стороны, весьма просто, а с другой — может показаться, что невероятно трудно.

Просто, потому что к области тайны спальни можно приблизиться довольно близко методом «от противного». В жизни существует ограниченное число возможностей, преимущественно две, невозможный вариант отбрасывается.

Трудно же потому, что для применения метода аналогий, чтобы с уверенностью реконструировать *подробности*, у объекта со Львом Николаевичем должно быть достаточно много общего. Теоретически это возможно — подходит всякий, у кого тот же, что и у великого писателя склад души, что, среди прочего, должно проявляться в схожих внешних событиях жизни. Раз возможно теоретически, то, тем более, возможно практически.

Что ж, благословясь, приступим.

Итак, она закрывает и запирает двери спальни. Последующее развитие событий возможно на двух уровнях: слов или поступков. Лев Николаевич худо-бедно, но к концу жизни понял, что слова у женщин — ложь, даже когда они хотят быть предельно искренны. Вряд ли он хотел поведать об их *словах*. Следовательно, остаются поступки. Возможных путей развития событий *наедине* только два: может последо-

вать генитальная нежность, а могут начаться противоестественности. О нежности, разумеется, речи быть не может: Лев Николаевич ждал ее от своей Сонечки, начиная с первой брачной ночи (дневниковое: «Не она!..»), но не дождался. Вместо этого, начиная с первой брачной ночи и на протяжении последующих 48 лет, были сплошные выкрутасы и унижения, стержень которых тот, что она *чистая-чистая* и ничего *генитального* ей не нужно. Согласны, у любой женщины ярко выраженного анально-накопительского типа генитальное вызывает только раздражение. Но что же она, в таком случае, вытворяла эдакого с анусом, раз абсолютно послушный ее воле Лев Николаевич по ее, в сущности, вызову к ней в спальню являлся регулярно? (Насчет того, кому принадлежала волевая инициатива уединения в спальне, заблуждаться не следует: когда женщина *не хочет*, чтобы мужчина пришел, он *никогда не придет*. Помните, деда Щукаря и его бессмертное: *сучка не захочет, кобель не вскочит?* Это нерушимый закон. Если бы Соня хотела, чтобы муж не приходил, то как-то так получилось бы, что он не пришел бы уже на следующую ночь после так называемой первой брачной. Это правило особенно справедливо для семьи Толстых, в которой гипнабельный муж был скандально *ведомый*.)

Итак, смысл постели — в анальном времяпрепровождении. Но постель одна, а анусов, согласитесь, два. Который же из них был задействован в извращениях, ради которых гипнабельный Лев Николаевич, многократно клявшийся никогда больше в постели с Софьей Андреевной не оказываться, вдруг неожиданно срывался и как одержимый мчался под дверь ее спальни мазохистски унижаться, и которого «чистая-чистая» Соня после завершения ожидаемой от него обязательной программы впускала?

Очевидно, анус был не Софьи Андреевны, по той, хотя бы, «технической» причине, что дети у нее все-таки рождались.

Это физиологическое обоснование. А есть и психологическое. Дело в том, что сплошь и рядом женщины, устав ждать от мужчины инициативы, первыми предлагают поиметь ее в задний проход. Это достаточно типично — и у мужчин не может вызвать удивления. Веди себя женщины Толстого только таким образом, у него не было бы повода для восклицаний:

«Такое, *тако-о-ое!!!*»

В смысле характера это далеко не худшая часть женщин, у этого типа деструктивные импульсы преимущественно направлены на самих себя. Софья же Андреевна была явно иного психологического типа. Во всяком случае, с не давящим Львом Николаевичем реализовать *этот вариант* ей было невозможно. Другое дело, скажем, с Танеевым... А вот со Львом Николаевичем Софья Андреевна явно всегда находилась в садистской фазе.

Следовательно, Софья Андреевна вовлекала мужа в постель для манипуляций с его анусом. *Таки-и-их* манипуляций, что Лев Николаевич мог решиться написать о них, только уже захлопывая за собой крышку гроба. На анус Льва Николаевича указывает также тот факт,

что Софья Андреевна явно необоснованно обвиняла мужа в гомосексуальном сожительстве с Чертковым. Лев Николаевич стар, Чертков же намного его моложе, к тому же холост, так что двух мнений о том, на чью пассивную роль намекала Софья Андреевна, быть не может.

Конечно, вину за такие обвинения мужа можно свалить на фантомы сознания самой Софьи Андреевны: дескать, пожила графинюшка на свете, шестьдесят седьмой годочек уже, слушала-слушала разговоры про любовь да про нежности, но наконец утвердилась, все, шабаш, меня не обманешь, я-то знаю, что только тогда человеку по-настоящему *хорошо*, когда *оттуда ползет*, или, соответственно, *туда тихаю*т. Муж-то мой, граф, мог оставить удовольствие собачьего повиновения моим капризам только для справления удовольствия еще большего. Того же рода. А большее — *это*... Когда *тихаю*т. Что-то побольше.

Рассуждение достаточно правдоподобное. Однако, учитывая то, что все поступки и действия и слова Софьи Андреевны были направлены только на одно — унижить, задеть мужа, отравить ему существование, — сомнительно, чтобы она могла удовольствоваться тем ничтожным уровнем его боли, которую могли вызвать ее *общетеоретические* фантазии. По-настоящему задеть мужа могла только конкретика — тайная, скрывающаяся. Слова Софьи Андреевны небеспочвенны, — хотя, как всегда у женщин, далеки от корректности: Лев Николаевич ни в коей мере гомосексуалистом не был. Свидетельство тому — все стороны деятельности Льва Николаевича, его психический склад и даже то, что современные гомосексуалисты с удовольствием читают Шекспира и Достоевского, а Толстого на дух не переносят. Пожалуй, вполне достаточно одного только свидетельства ассоциативного мышления Софьи Андреевны: **ее муж был духовно противоположен «музыканту» Табееву!**

Как же все это совместить — анус задействован, а гомосексуалистом не был?

А вы прежде никогда не обращали внимания, что у «верной жены, идеальной матери и хранительницы дома» в психике невероятно много общего с «идеальным мужчиной» Гитлером?

И действительно, общих черт собирается целый список.

— К Гитлеру тянулся целый лес рук влюбленных в него женщин; в Софью Андреевну также влюблялся разве что не всякий оказывавшийся с ней рядом, начиная от слабоумного мальчика 14 лет, кончая солидным профессором (см. воспоминания Т. А. Кузминской-Берс).

— Гитлер мог убедить кого угодно в чем угодно; Софье Андреевне тоже без труда удалось заставить всех вокруг веровать в любую ахию, которая была ей выгодна, в особенности, в те причинно-следственные связи странностей ее семейной жизни со Львом Николаевичем. Причем, заставила веровать не только гостей типа Максима Горького, детей, внуков и т. д., но и потомков, армаду исследователей, представляющих себя литературоведами и толстоведами.

— У Гитлера с лица не сходило типичное выражение «принюхивания» к «субстанции в любимом состоянии»; чтобы Софья Андреевна

могла почувствовать себя совершенно счастливой, необходимо было, чтобы весь дом был охвачен всеобщим поносом (см. воспоминания Татьяны Львовны Толстой).

— Гитлер страдал рупофобией, что, в частности, проявлялось в преследовании тех из его окружения, кто заговаривал на генитальную тему; Софья Андреевна тоже вся из себя была «чистая-чистая», писала антитолстовские романы со стерильными героинями, а Льва Николаевича на основании фраз и даже слов из его произведений попрекала за, по ее мировидению, похотливость, «грязную» генитальность.

— Кто из них, Гитлер или Софья Андреевна, был более ревнив, определить не беремся, но оба в этом смысле были выдающимися индивидами.

— И Гитлер, и Софья Андреевна вполне вписывались в государственную религиозность. Материалов на тему магизма их мышления наберется на обширные трактаты.

— *Неавторитарное* мышление Льва Николаевича приводило Софью Андреевну в состояние иступления, и вся ее жизнь была посвящена тому, чтобы известить мужа; Гитлер много преуспел в строительстве «лагерей смерти», куда попадали всего лишь за одно преступление — неспособность к садо-мазохистской преданности лично фюреру.

— Гитлера признали национальным героем Германии, а Софью Андреевну — гордостью земли русской и мировой цивилизации вообще. В выборе кумиров народы не ошибаются.

И если Гитлера признали бесноватым, но только после того, как ему на просторах России быстренько сорганизовали Сталинград, то Софье Андреевне до сих пор — вот уже почти сто лет! — удавалось пользоваться незамутненным поклонением потомков. Ей бы тоже не повредил «Сталинград», сущность которого в срывании масок — тем являются тайные дела и истинные мотивы поступков. И это, разумеется, не считая того «Сталинграда», который ее и ей подобных ждет на Страшном Суде, на котором вообще души всех будут как на ладони. Не вечно Льву Николаевичу ходить обовранным да оболганным.

Но это уже детали. При столь многих совпадениях вкупе с обвинениями Льва Николаевича в гомосексуализме очевидно, что Толстому навязывали роль почти что Евы Браун! Да-да! Ни больше и ни меньше, хотя возможны и варианты в смысле техники исполнения, которые мы тоже обсудим.

Итак, в общих чертах постельные (ковровые?) вкусы копрофилки Софьи Андреевны ясны. Остается рассмотреть некоторые нюансы — психологические и «технические». Скажем, было ли взаимодействие нюхательных рецепторов (носа) и вкусовых (языка) Софьи Андреевны с анусом великого художника контактным или бесконтактным (зеркальным)? Очевидно, было контактным. Своими беспочвенными «обличениями» мужа в наслаждении «пр-р-роникновенными» гомосексуальными утехами она явила свой общий с мужем опыт. *Придумать* она бы не смогла. Не дотумкала бы. Она была явной копеисткой.

Во всем. Начиная с числа и половой принадлежности детей, кончая художничеством.

А насчет наслаждений... Наслаждался ли великий писатель, когда женин язык лез ему в ж...? Наслаждался. *Наслаждался.*

Только вот вопрос: почему?

Ответ — в гипнабельности Льва Николаевича. Если он утрачивал собственную волю *вблизи* с Софьей Андреевной (и ей подобными), то можно себе представить, что с ним происходило, если расстояние между физическими телами сокращалось *до близости объятий!* (Помните, на национал-социалистических собраниях с участием Гитлера первый ряд кресел бывал уделан *весь*, а задние не все?) Происходило обычное при гипнотических трансах явление: от Льва Николаевича как от духовной личности ничего не оставалось: ее желание становилось *его* желанием, ее «наслаждение» — *его* «наслаждением». Поэтому, когда Софья Андреевна задирала великому писателю ноги и с возделением вонзала в его анус свернутый в трубочку язык, то она как копрофилка при этом достигала наибольшего удовольствия — и Лев Николаевич — отраженно — тоже. Только это было *не его* наслаждение! Потому-то он не одно десятилетие и рвался из постели своей *партнерши*, как из братской могилы...

Бежать! Бежать!! *Бе-жа-а-а-ать!!!.*

А перед этим сказать, сказать *все*, крикнуть на весь мир правду и — хлопнуть крышкой гроба!..

Лев Николаевич мыслил слишком масштабно, чтобы его могло волновать одно только разоблачение своей «благоверной» или всех бывших у него *партнерш*, и даже всех женщин вообще; его помыслом могло быть, по меньшей мере, выявление тех гнусных оснований окружающей нас жизни, супружества в том числе, опираясь на которые, удерживается существующий бесчеловечный порядок вещей. Правда о женщинах, описание их благоговейного поведения с «эротичными» Гитлерами и прочими «музыкантами», с одной стороны, и ненависть к носителям противоположного (биофильного) начала — с другой, — лишь ступень к более высокой цели.

Женщины — лишь материал.

Разумеется, не одна только Софья Андреевна. Всякого мужчину вообще обычно интересует только один тип женщины. Меняются только имена.

Восстановить тот уровень подробностей, который Лев Николаевич намеревался задействовать в повествовании о том типе женщин, с которым «имел счастье» знакомства до брака (охи да вздохи, ласки да сказки, на кресле, или на столе, или на краю постели предпочитала «любить» дама, их имена в конце концов) невозможно. Но можно приблизиться: ибо не изменились ни женщины, ни их вкусы. Для этого достаточно обратиться к опыту любого мужчины, который по психическим параметрам максимально к Льву Николаевичу приближен. Психические параметры отражаются в узловых событиях жизни, отличающих его от окружающего населения.

Например, такие события, качества и параметры:

— отлучение от авторитарной секты (государственная религия как частный случай)*;

— писательская деятельность (нежелание общаться на уровне внушений вынуждает к этому способу быть услышанным);

— аллергическое отношение к стилю жизни, приятному для индивидов гомосексуального (анально-накопительского) склада: педерастов, церковного, да и любого другого начальства, признанных писателей, актеров и музыкантов и т. п.;

— обвальное самообразование (отрицание университетского образования как основанного на внушениях, отрицание суеверий);

— исход из города на природу;

— неверность женщин ради «музыкантов»;

— опыт брака с яркой некрофилкой типа Софьи Андреевны (набожной «целительницей»-энтузиасткой, не зарабатывающей своим «даром» денег) и, самое главное, смутное неприятие этого брака с последующим осмыслением происходящего;

— способность к весьма качественному ручному ремеслу;

— мускульная сила существенно выше средней;

— особенности интуитивных представлений о характере Божьем (об этом в следующей главе);

— русский из Центральной России, т. е. не «Наполеон с Корсики, завоевавший восторженный Париж» (подробнее о феномене *приезжих* — в главах «Что рассказала жена брата» и «Шестерня от матери»);

— абсолютная верность в браке.

Если провести статистический анализ (перемножить все вероятности), то может статься, что кандидатов для изучения «полового» опыта Льва Николаевича весьма ограниченное число. И, действительно, писателей много лишь в абсолютном смысле, доля же их среди населения ничтожна, в особенности в России. В писательской среде считается, что измена женщине, с которой живешь, есть необходимая форма добывания новых переживаний для очередного романа — какая уж тут может быть верность! Круг сужается. Многие из писателей физическую деятельность (ремесленничество) лишь имитируют, а потому слабы, что сводит количество претендентов к единицам, если не к долям единицы. Если же обратить внимание на то, что отлучение от церкви (тем более, с вывертами) — экзотика, то здесь мы переходим уже к расчету *несуществования* интересующего нас объекта.

«Несуществование» уже было. В случае с нашими *половинками*. Но существуют и наши *половинки*, существует и субъект, удовлетворяющий вышеприведенному списку качеств. Это наш П.!

* Кстати, так ли уж принципиально отличие секты от государственной религии? Известен следующий анекдот из жизни Толстого. Один православный архиерей стал Льву Николаевичу доказывать, что *католическая* Церковь — самая массовая и мощная религиозная организация в мире! — есть самая опасная секта, как раз потому, что самая большая. Лев Николаевич *понял* и с тех пор *православную* церковь тоже стал называть сектой... *Понял* ли архиерей? Сомнительно. Ведь он же — *архиерей!*

Как и в случае с существованием *не могущих сосуществовать* половин, это есть лишь повод задуматься о глубинных причинно-следственных связях нашего мира.

А что «половой» опыт? Об этом в соответствующей главе. В другой части книги.

Глава двадцать шестая.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ ПЬЕРА

В 1906 году Толстой написал статью «О значении русской революции» (напечатана в издательстве «Посредник», выпуск немедленно конфискован царским правительством, коммунистический режим также сделал все возможное, чтобы до читателя она не дошла). В ней среди прочего сказано:

«Но как, каким образом могут разумные существа — люди подчиняться такому удивительному, противному разуму... внушению?»

Ответ на этот вопрос тот, что подлежат гипнозу, внушению не только дети, душевно больные и идиоты, но и все люди в той мере, в которой ослабляется у них религиозное сознание, то есть сознание своего отношения к тому высшему существу, от которого зависит их существование».

Не все знают, что слово «идиот» греческого происхождения. Означает оно — «необученный, не осмысливший себя (и свое место в мире)». В частности, это слово употребил апостол Павел в одном из посланий к верующим в Коринфе: «Если зайдут в ваше собрание идиоты...» Невозможно представить, что Лев Николаевич, в совершенстве владевший древнегреческим языком, в обыденной речи мог употреблять слово «идиот» только в обыденно-ругательном смысле, а не хотя бы отчасти в евангельском. Отсюда, если приведенные слова Толстого изложить в терминах нашей книги, то его мысль будет звучать приблизительно так:

«Тот человек более подвержен разрушающим его гипнотическим внушениям (деформациям поля ассоциативно-образного мышления), у которого искажена оболочка защищающего его логически-цифрового мышления, что напрямую связано с взаимоотношениями этого человека с Богом, с их полнотой».

Чуть ниже в той же статье гипнабельного Льва Николаевича мы читаем:

«Нельзя немножко в одном отступить, а в другом удержать закон Бога. Ясно, что если в одно чем-нибудь закон Божий может быть заменен законом человеческим, то закон Бога уже не закон высший, всегда обязательный; а если он не такой, то и нет его».

Таким образом, состояние зависимости от какого-либо некрофила (скажем, от Софьи Андреевны) есть такое состояние души, причину которого адекватней всего описать нарушением даже не всего Закона, а од-

ной из Божьих заповедей. Только которой из десяти в большей степени?

В рамках описательной и экспериментальной психологии показано, что мощнейший усилитель гипнабельности — *страх*. Именно после первого боя (пережитой бомбежки, артподготовки), рядом с первыми трупами товарищей прежде достаточно безалаберные новобранцы становятся, что называется «дисциплинированными бойцами», вплоть до того, что по приказу (далеко не всегда словесному) заслоняют своего мерзавца-командира своим телом от пуль («стокгольмский синдром» — когда жертвы заслоняли от полиции сдающихся грабителей банка).

Итак, страх, гипнабельность и некая Божья заповедь...

Ответ можно найти у пророка Иеремии: страх — следствие нарушения *первой* заповеди Десятисловия: «*Да не будет у тебя других богов пред лицем Моим*» (Исх. 20:2).

Речь здесь, разумеется, не о том, что человека будут одолевать страхи оттого только, что он ошибется в произношении имени Божьего или как-либо ошибется, изображая своего Господа для поклонения (что вообще впрямую запрещено уже второй заповедью), а о том, что неверное на творческом ассоциативно-образном уровне мышления представление Божества на самом деле означает пусть неосознаваемую, но связь с противоположным Богу началом (некротом), ему уподобление и послушное рабство.

Любая область понятийного мышления есть или повторение выдолбленных уроков, или *производная* подсознания, обслуживающая его истинные или ложные потребности. Если подсознание хочет самоуничтожиться, или пройти в этом направлении некоторую часть пути, то есть придти в состояние восторга, то для этого в логически-цифровой защитной оболочке мышления будут проделаны особо проницаемые для внешних некрополей участки (человек отдастся «заблуждениям»). Желанный размер этих участков определяется той амплитудой садомазохистского маятника, который задан родителями индивида и его последующей персональной работой души. Таким образом, неверное понятийное представление о Боге есть психический аналог алкогольных возлияний: чем дальше человек от правильного представления о Боге, тем больше страх, и, как следствие, тем больший он испытывает кайф в присутствии любого из некрофилов.

Это мысль очень важна. Бог в Библии представлен очень отчетливо, но на удивление по-разному его согласны понимать. С точки зрения чисто интеллектуальной несложно понять, когда, в среду или в четверг, должна быть суббота, но поскольку логически-цифровой уровень независимо функционирует лишь у ничтожной части населения, а у остальных от подсознания зависим, вторичен, то человек **позволяет** себе ту степень целостности защитного мышления, которая обеспечивает ему желанную степень энергетического опьянения.

Сказанное справедливо не только относительно теологических взглядов, но и относительно остальных воззрений: человек бессознательно поддерживает приятный для себя уровень страха. Это привычно-приятное состояние страха (как следствие, кайфа) достигается и в брач-

ных предпочтениях — выбирается тип партнера с уровнем некрополя, обеспечивающим требуемый уровень страха (восторга, умопомрачения, кайфа, уважения).

Если человек отдает себя во власть страха полностью, то для душевного равновесия он должен безраздельно отдать себя во власть какого-нибудь индуктора мощного некрополя — стать его холуем (эзэсовцем, старцем), — по возможности оказаться в строю или толпе и не иметь о Боге ни малейшего представления (полностью исказить его облик), тем разрушив мешающее умопомрачению здание логического осмысления мира. (Эта мысль уже обсуждалась при рассмотрении другого материала — в главе «Гитлер и его женщины», когда разбирались причины, почему *женщины* при дефектировании /буквальном и символическом/ целят мужчине именно в голову: голова — символ защищающего логического мышления.)

Существуют, по сути, только два мнения о характере Божьем. Одни люди (большинство) по прочтении Ветхого Завета непоколебимо уверены, что Бог есть некое подобие строгого отца, справедливость которого проявляется не только в том, что он защищает, благословляет и дарует, но и *карает* провинившегося; так и Бог карает или Своей Рукой, или посылает карающего Ангела (верное, доведенное до идиотического автоматизма, Свое орудие). Такого мнения придерживались католики (энтузиасты инквизиции), атеисты (изобретатели массовых репрессий), фашисты-эзотерики (конструкторы газовых камер в лагерях уничтожения).

Но есть носители и другого мнения: Бог есть свет и нет в Нем никакой тьмы — *так они Его ощущают*. Что же касается текстов ветхозаветных пророков, из которых, якобы, следует жестокость и человекоубийство Бога, то надо просто внимательней читать. Одно дело Бог *делает*, другое — *допускает*. Бог не желал воцарения Саула, первого израильского царя, и говорил об этом народу через пророков, но народ израильский хотел быть похожим на окружающие народы («*быть как все*») и царя требовал. Увещания не возымели действия, и Бог прорек: *делайте, как знаете, но не удивляйтесь последствиям, закономерно следующим за поступком, продиктованным стадным желанием быть как все*. Да, Господь сказал: *делайте*. По форме можно воспринять как повеление — но только при большом подсознательном желании. В действительности же — *допущение*. Предоставление народу возможности учиться на результатах своей независимой (от принципов любви) деятельности. И так вся Библия. Бог нигде не показан человекоубийцей. Да и не может — по той простой причине, что Он не таков. Бог есть любовь.

Спор о том, каков на самом деле характер Божий, продолжается со времени более раннего, чем то, к которому относятся наиболее древние из сохранившихся пророческих книг, составляющих Священное Писание. Спор будет, очевидно, продолжаться вплоть до Второго Пришествия Христа. Дело, конечно же, не в том, достаточно или недостаточно внятно написано Писание, а в противоположности изначальных постулатов мировосприятия двух несовместимых друг с другом типов людей, которые определяются тем Высшим Существом, с которым у

данного человека состоялось подсознательное общение. Приверженцы (на богословском языке — *поклоняющиеся*) противоположных начал несовместимы подсознательно, каково бы ни было состояние их понятийно-цифрового мышления.

Лев Толстой считал — и поколебать его в этом было невозможно, — что Бог есть совокупность совершенств и в Нем, как и у Христа, нет и тени человекоубийцы. Лев Николаевич, не будучи изобретательным на уровне понятийно-цифрового мышления, *поверил (!) в государственно-религиозное толкование, что в Ветхом завете Бог есть среди прочего и убийца*, и эту часть Библии как источник мудрости отверг. Наши В. и П. тоже считают, что Бог не человекоубийца, однако в толкованиях более раскованы и Ветхий Завет (который Христос освятил лично, сказав, что *все* Писание богодухновенно) как подспорье в обретении мудрости *весь* и принимают. Некоторые несовпадения в понятийных построениях с Львом Николаевичем их с ним не разоблачают по той, хотя бы, простой причине, что понятийный уровень вообще людей мало характеризует. Более того, позволь наши В. и П. себе такую слабость — вопреки Библии, но по традициям иерархохристианства уверовать, что Бог Ветхого Завета человекоубийца, — они бы тоже, как Лев Николаевич ограничили себя только Новым Заветом. И так, не разоблачает, поэтому они, В. и П., произведения Толстого читают, обсуждают и перечитывают.

Не разделяет их со Львом Николаевичем и то, что, в отличие от них, великий писатель не понял (или ему как гипнабельному каким-то внушением было запрещено понимать) триединство Божие. А вот с противниками Льва Николаевича — государственниками, хотя формально и исповедующими триединство, но возводящими насилие и убийства людей в ранг религиозной добродетели, — В. и П. не по дороге.

Итак, Лев Николаевич был гипнабелен (что было следствием его не совсем верного представления о Боге — а что это так, он сам писал в процитированной выше статье «О значении русской революции», — а также следствием пренебрежения им некими другими заповедями Божьими), чем отчасти и объясняется его 48-летнее *такое* супружество.

Гипнабельность основывается на страхе, из чего, среди прочего, следует, что Лев Николаевич что такое страх очень хорошо знал. Действительно ли это так?

Нередко о Льве Николаевиче пишут, что в бытность его в Севастополе артиллерийским офицером его любимым развлечением было проскользнуть перед жерлом орудия *уже после того*, как запалили фитиль и после взрыва пороха в стволе ядро должно было вот-вот вылететь. Сколь многие авторы из этого делают вывод, что Лев Николаевич был отважен и даже бесстрашен! Это не так. Да, действительно, Лев Николаевич был храбрым, отважным офицером. Но не бесстрашным.

Для человека, которому страх полностью чужд, *страх не существует* — и человек занимается тем, что ему интересно. Интересным же может быть только то, что существует, скажем, природа. Страх отнюдь не всегда проявляется в хрестоматийной форме — в виде дрожащего

тела на дне бастионной траншеи, — но и в *инверсированной* форме — напряженного порыва подхватывающего упавшее знамя и увлекающего за собой солдат на смерть. И *прямые*, и *инверсированные* страстно влюбляются и страстно любимы. Для тех, кто не понял принципа садо-мазохистского маятника, кажется естественным, что женщины повально влюбляются в тех, кто в бою подхватил упавшее знамя, но то, что те же женщины столь же страстно влюбляются в тех, кто на поле боя был замечен в постыдном поведении (испачканные штаны), кажется чем-то вопиюще несуразным. А ведь никакого противоречия нет. И видеть в этом парадоксальность женской природы может только идиот (и в религиозном смысле слова тоже).

Проскальзывать перед жерлом орудия можно как ради удовольствия восторга, для якобы проверки себя и своей смелости, как то приписывают Льву Николаевичу, так и в попытке от страха (от гипнабельности) избавиться.

Страшно не столько известное, сколько *неизвестное, нечто прячущееся за собственными неясными очертаниями*. Таково свойство не только предметов осязаемых, но и смерти тоже. А побывав рядом с ней, ощутил ее, осязал, вот она уже и понятна — а потому неинтересна. В том и отличие двух разных точек созерцания смерти, что для некрофила этот процесс — самоценный, непрерывный, и потому смерть никогда не утрачивает для него интересности, а для биофила рассмотрение — *инструмент*, инструмент освобождения. Для биофила (жизнелюба) созерцать по-настоящему интересно только различные формы жизни, страх же — осознается это или нет — пережигает силы, энергия уходит, и остается меньше сил для любимого занятия. Поэтому он и стремится от страха избавиться.

Лев Николаевич еще в бытность свою офицером в отличие от большинства воспринимал страх как некое чужеродное в себе тело. То что это так, а не наоборот, можно судить по тем преобразованиям души — и только по ним, — которые со Львом Николаевичем со временем произошли.

Пьер (мечта Толстого о самом себе; работа с собой «в пейзаже») тоже боялся — и Лев Николаевич не скрывает этого его свойства; как следствие, Пьером манипулирует и подонок Анатолий, и будущий национальный герой и не меньший, а похоже, даже больший нравственный урод Долохов (одним из его удовольствий было пристрелить из пистолета лошадь ямщика).

Лев Николаевич еще не стал автором статей о непротивлении злу *насилием* (во всяком случае, не сформулировал свое мироощущение на понятийном уровне), но еще за пятнадцать лет до начала религиозных исканий на его ассоциативно-образном уровне мышления Пьер, телесно присутствуя на генеральном сражении с французами, в смертоубийстве не участвовал.

А почему вообще Пьер оказался на Бородинском поле? Как образованный и начитанный человек он не мог не понимать, что бой не развлечение, он понимал, что будет только мешать и отвлекать, но, тем не

менее, на поле боя оказался и для оправдания своего там присутствия прикидывался разве что не дурачком. Поклоняющиеся Софье Андреевне толстоведы говорят, что Пьер оказался у Бородина потому, что Толстому, якобы, понадобилось именно глазами Пьера показать народные массы в своем противостоянии чужеземному захватчику, которые в едином порыве... — и т. д. и т. п. Но Толстой, к счастью, не толстовед, не литературовед и не структуралист. Он — гениальный *писатель*, ищущий разрешения основных жизненных вопросов! И на Бородине понадобилось быть *Пьеру!*

Зачем? Видимо, ему должно было там быть, чтобы приобрести тот опыт, который нигде в ином месте приобретен быть не мог — ни в беседах с Каратаевым, ни во французском плену, ни во время расстрела русских пленных французскими гренадерами.

При расстреле все было понятно и зримо: противостоящие стороны были врагами, *чужими*, одеты по-разному и даже говорили на непонятном друг для друга языке. А вот на Бородинском поле врагов не было! То есть, они были, все те же французы, но для артиллеристов, на чьей батарее находился Пьер, врагов *как бы не было*, потому что видел их только руководивший стрельбой офицер, да и то через подзорную трубку. Эдаких маленьких человечков, сливающихся в сплошную безликую массу.

Что же тогда мог видеть Пьер, который *сидел*, да еще позади артиллерийских позиций, подальше, чтобы не мешать и не оглохнуть от орудийных залпов? Дергающихся по непонятному для него закону одинаково одетых людей, повторяющих свои движения вновь и вновь: накатить орудие, выстрел, накатить... выстрел.. и опять накатить... И все разнообразие такой жизни заключалось только в том, что время от времени кто-то из солдат падал замертво и не двигался, или еще сколько-то полз, пытаясь запихнуть обратно в себя вываливающиеся кишки. *Врага не было*, а было только подчиненное непонятно чьей воле слаженное движение людей у орудий, однообразное до тех пор, пока они не затихали в побуревшей от крови пыли. И не случайно время для Пьера остановилось: происходящее приобрело значимость символа: **в служении смерти нет жизни!** Смерть оказалась такой же бессмыслицей, как и суета этих согнанных в военную толпу людей. То, что бессмысленно, то не существует. Нету смерти, нету ее! *He-my!*..

А раз ее нет, то остается одна только вечная жизнь!!

Вернувшись после сражения в Москву, Пьер, как это обычно бывает после больших открытий, еще некоторое время воспаленно метался во власти старых принципов: с пистолетом, не замечая даже, что Наташа зовет его из окна кареты. Эти метания — психологическая деталь весьма достоверная: ни одно переосмысление жизни не приводит к немедленному изменению вещественных форм жизни. Но уже в плену Пьер перестал замечать телесную смерть окружающих его людей — а что страшного в изменении состояния *тела?* — и вот мы уже видим Пьера, на которого удивленно смотрят и пленные, и французские часовые, а Пьер хохочет и не может остановиться, но только спрашивает: «Кто, кто может запереть мою бессмертную душу?!..» Для него уже не

существует французских часовых, которые по своей прихоти могут наставить ружье на незнакомого и не сделавшего им ничего дурного человека и выстрелить. Нет их!! Потому что нет страха!

Первопричина значимости Анатолей, Долоховых и прочих Элен в жизни Пьера — страх. Поклонение Наполеону — а ведь в начале романа именно Пьер активней остальных его защищает — тоже. Освобождение от страха возможно только при водительстве Божьем, но при всей духовности этого события оно всегда принимает некие конкретные формы. К сожалению, лишь единицы принимают это водительство. Ведь по роману на Бородинском поле только Пьер стал *Пьером*, а все остальные какими были, такими и остались. Они шли туда убивать, влившись и растворившись в толпах, которые красиво называют полками и батальонами, но все равно это суть толпы. Их всех туда привели *другие люди*, начальники, некрофилы. И только Пьер пришел на свое генеральное сражение *один и по доброй воле — во всяком случае, ни один некрофил его туда не вел*. Но, в конечном счете, человек водим или одним духом, или ему противоположным, вне зависимости, осознается это или нет. Пьер не был с теми, на чьих глазах перед боем кадили ладаном нанятые специально для этого разряженные в одежду с блестками люди. Для них он был точно неверующим. Он был странен, он был *не такой, как все*, и на него эти *все* оглядывались. И, тем не менее, именно Пьер вышел из этого сражения победителем. Ведь Наполеоны, Кутузовы и Александры I не побеждают никогда, а только тот, кто внутренне уже никогда не окажется в строю — с ружьем или без!

Не только Бородино есть генеральное сражение — таковым на самом деле является вся наша жизнь! И на этом сражении время от времени среди гор трупов победителем остается какой-нибудь Пьер. (Пьер — это Пьеро! Иванушка-дурачок русских сказок, которого все обманывают, но который в конце получает от жизни все самое лучшее. Ни одно из имен героев Толстого не случайно.)

Из практики психокатарсиса очевидно, что построенные человеком образы обладают свойством со временем исполняться. Пьер — это мечта Толстого о самом себе. Да, Пьер оказался в плену из-за того, что вздумал идти по пути насилия и купил для покушения на Наполеона пистолет. Можно было обойтись и без плена. Тем более, что покидавшая оставляемую французам Москву Наташа подзывала его к себе, и в карете место нашлось бы и для него. В крайнем случае Наташа, только что пожертвовавшая своим приданым ради раненых, пошла бы рядом, пешком, — если нужно. Но Пьер в последний раз позволил, чтобы в нем победило влечение к удовольствию восторга, он решил отдаться умопомрачению страха при покушении на убийство, страсти уподобления императору Наполеону и толпе прочих императоров. **И из этой вакханалии смерти, из этого ее торжества, из горы трупов — уже реализовавшихся и только еще будущих, — почувствовав, наконец, истинный смысл смерти, явившей свой злобный оскал на этот раз уже без маски обычного для нее обмана, — он вышел победителем с «обновленной нравственной физиономией», выбрав раз и навсегда не**

смерть в ее множестве разнообразно-однообразных анальных форм, а победу над смертью — жизнь вечную, мир, покой и радость.

Толстой знал, что такое страх — а кто из людей не знает, что это такое?! — и искал случаев им насладиться, зримым чему проявлением были его объяснения в любви своей партнерше даже на 48 году супружеской жизни (см. главу «Я — честная женщина!»). И только за несколько недель до своего побега он успокоился и, как заметили домашние, *стал к Софье Андреевне относиться ровно*. А потом ушел. Пусть ночью. Пусть стараясь не шуметь. Пусть потеряв даже шапку. Но все равно, пусть стариком, но он, как и Пьер в своем генеральном сражении, победил и телесно.

Вскоре Лев Николаевич умер. На безвестной до тех дней станции Астапово. Но смерть — не конечная станция для тех, кто победил в генеральном сражении, для них смерть — это так, безделица, пустяк, полустанок, у семафора которого, да, останавливаются все и без того медленные пассажирские поезда, но курьерские, не замедляя хода, проносятся мимо.

Генеральное сражение — не начало движения, и, тем более, не конец, а точка отсчета, с которой восхождение убыстряется до скорости курьерского поезда.

Что за ней, за победой? Тогда, после побега, Толстой не успел написать ничего. Слишком мало ему осталось дней, ведь он, в отличие от своего Пьера, который побывал на Бородине в свои неполные тридцать лет, собирался слишком долго и времени себе не оставил.

Но он писал прежде, лишь *придумывая* — так ему по традиции казалось. Скажем, за 43 года до побега он тоже жил и писал великую книгу. Шел пятый год его супружества по страстной любви, и он работал над последней частью «Войны и мира». Вот что оставила его рука:

«Радостное чувство свободы — той полной, неотъемлемой, присущей человеку свободы, сознание которой он в первый раз испытал на первом привале, при выходе из Москвы, наполняло душу Пьера во время его выздоровления. Он удивлялся тому, что эта внутренняя свобода, независимая от внешних обстоятельств, теперь как будто с избытком, с роскошью обставлялась и внешней свободой. Он был один в чужом городе, без знакомых, Никто от него ничего не требовал; куда его не посылали. Все, что ему хотелось, было у него; вечно мучившей его прежде мысли о жене больше не было, так как и ее уже не было.

— Ах, как хорошо! Как славно! — говорил он себе, когда ему подвигали чисто накрытый стол с душистым бульоном, или когда он на ночь ложился на мягкую чистую постель, или когда ему вспоминалось, что жены и французов нет больше. — Ах, как хорошо, как славно! — И по старой привычке он делал себе вопрос: ну, а потом что? что я буду делать? И тотчас же он отвечал себе: ничего. Буду жить. Ах, как славно!

То самое, чем он прежде мучился, чего он искал постоянно, цели жизни, теперь для него не существовало. Эта искомая цель жизни теперь не случайно не существовала для него только в настоящую минуту, но он чувствовал, что ее нет и не может быть. И это-то отсутствие цели давало ему то полное, радостное сознание свободы, которое в это время составляло его счастье.

Он не мог иметь цели, потому что он теперь имел веру, — не веру в какие-нибудь правила, или слова, или мысли, но веру в живого, всегда ощущаемого Бога. Прежде он искал Его в целях, которые он ставил себе. Это искание цели было только искание Бога; и вдруг он узнал в своем плену не словами, не рассуждениями, но непосредственным чувством то, что ему давно уж говорила нянюшка: что Бог вот он, тут, везде. Он в плену узнал, что Бог в Каратаеве более велик, бесконечен и непостижим, чем в признаваемом масонами Архитектоне вселенной. Он испытывал чувство человека, нашедшего искомое у себя под ногами, тогда как он напрягал зрение, глядя далеко от себя. Он всю жизнь свою смотрел туда куда-то, вверх голов окружающих людей, а надо было не напрягать глаз, а только смотреть перед собою.

Он не умел видеть прежде великого, непостижимого и бесконечно-го ни в чем. Он только чувствовал, что оно должно быть где-то, и искал его. Во всем близком, понятном он видел одно ограниченное, мелкое, житейское, бессмысленное. Он вооружался умственной зрительной трубой и смотрел в даль, туда, где это мелкое, житейское, скрываясь в тумане дали, казалось ему великим и бесконечным оттого только, что оно было неясно видимо. Таким ему представлялась европейская жизнь, политика, масонство, философия, филантропия. Но и тогда, в те минуты, которые он считал своей слабостью, ум его проникал и в эту даль, и там он видел то же мелкое, житейское, бессмысленное. Теперь же он выучился видеть великое, вечное и бесконечное во всем, и потому естественно, чтобы видеть его, чтобы наслаждаться его созерцанием, он бросил трубу, в которую смотрел до сих пор через головы людей, и радостно созерцал вокруг себя вечно изменяющуюся, вечно великую, непостижимую и бесконечную жизнь. И чем ближе он смотрел, тем больше он был спокоен и счастлив. Прежде разрушавший все его умственные постройки страшный вопрос: зачем? теперь для него не существовал. Теперь на этот вопрос — зачем? в душе его всегда готов был простой ответ: затем, что есть Бог, тот Бог, без воли которого не спадет волос с головы человека».

Часть третья

ИЗ ПРАКТИКИ ПСИХОКАТАРСИСА СЛУЧАЙ ПОЛОВИНКИ. ОНА.

Глава двадцать седьмая.

КОМПЛЕКС КАСТРАЦИИ У ЖЕНЩИН
или **КАК ПСИХОАНАЛИТИКИ ПЫТАЮТСЯ ОБЪЯСНИТЬ,**
ПОЧЕМУ ЛЮДИ СТОЛЬ СКВЕРНО ЖИВУТ
В СУПРУЖЕСТВЕ

— *Кастрации?? У женщин?!* Как это может быть? — порой изумляются, напряженно представляя особенности строения женского тела. — Как это может быть? Что там можно кастрировать? Ведь, пардон, *нету!*

Вот в том-то и дело, что *нету*. И именно потому, что *нету*, у женщин и возникает этот самый комплекс — кастрации.

Образуется он, как объясняют психоаналитики-неофрейдисты (то направление, к которому принадлежат Фромм, Карен Хорни и др.), следующим образом. Дети, как и взрослые, существа не бесполые и, следовательно, к противоположному полу их притягивает. Те, кто наблюдал, как двух-трехлетние дети мастурбируют, понимает, легче могут смириться с идеей о существовании детской сексуальности. Но внутренняя порочность не всем позволяет познавать, так что, наблюдая, не видят, а видя — не понимают. А между тем, исследователи выявили, что некоторые девочки начинают заниматься онанизмом еще в младенческом возрасте, в пеленках, нескольких месяцев от роду.

Первая рядом с ребенком женщина — это мать. Она кормит, ухаживает, ласкает и убаюкивает. И именно на нее первую направляют свое любовное (либидозное) устремление дети, как мальчики, так и девочки. Отсюда и возникает абсолютная, безоговорочная преданность матери, преданность, изменить которой даже для лысеющего от старости есть нечто совершенно, как полагают в школе психоанализа, несообразное.

Несколько позднее в жизни ребенка появляется отец. У девочек любовное чувство, естественно, перемещается на него, *мужчину*. Мужчину, который, кроме того, что он к девочке нежен как отец, совершенно очевидно, нежен еще и как мужчина.

Время идет, ребенок растет, и... разражается катастрофа. Дети более наблюдательны, чем взрослые, и уж непременно найдут возможность подсмотреть, как их родители занимаются тем, что иной раз приводит к появлению еще детей.

Подсмотрев процесс близости (или почувствовав его), девочка, разумеется (по мнению психоаналитиков), желает заняться с отцом тем же самым. Не только желает, но и пытается, как это несложно наблюдать в жизни. Но ей отказывают, конечно. И вот в этом-то и катастрофа. Девочка впервые убеждается, что ей в ее потребностях могут отказать, что она в этой жизни не главная, что в борьбе за мужчину другая женщина ее побеждает. Победа другой порождает у девочки ряд эмоций, которые укореняются у абсолютного большинства женщин на всю их последующую жизнь, влияя постоянно и бурно оживая в некоторые особенные моменты. Одно из чувств — чувство неполноценности, которое заключается в ощущении того, что *все остальные женщины лучше ее*. И действительно, в ситуации, в которой, борясь за отца, побеждает мать, она и есть «все остальные женщины». Чувство это остается на всю жизнь: комплекс неполноценности в большей или меньшей степени знаком каждому. Следующее чувство — чувство несдерживаемой ярости по отношению к победительнице, именно *несдерживаемой*, ведь у маленького ребенка еще не было возможности научиться сдерживаться. Это чувство также проявляется и в последующей жизни, когда человек в какой-либо ситуации чувствует, что его в безусловной любви обделили, он приходит на обидчика в ярость такой силы, которая совершенно неадекватна проступку объекта ярости. Реакция же неадекватна потому, что решивший, что его обидели, ситуацию не осмысливает, но *проваливается* в прошлое, в тот случай, когда он в эту ярость впал впервые, — и на нем зафиксировался.

Таким образом, ярость, скажем, 34-летней женщины на свою сотрудницу, получившую чуть большую от начальника премию, на самом деле направлена против своей матери, отбившей у нее отца. Естественный, казалось бы, выход ярости — это убийство матери, и именно такие по отношению к матери стремления в процессе психоанализа и выявляются. Но такого рода убийства происходят редко, потому что мешает чувство привязанности, зафиксировавшееся в предыдущем возрастном слое, тоже неадекватное. В девочке возникает внутренний конфликт, комплекс противоположно направленных желаний, который не только обессиливает, но и лишает возможности мыслить корректно, и т. д. Вы замечали, что женщины ненавидят *всех* прочих женщин? Это не случайно. Они дружат между собой, пока они *девочки*, но стоит им только стать женщинами...

Итак, девочка в ярости, доступа к отцу не получает, мать (все остальные женщины) победила, она, девочка, ясное дело, хуже, неполноценнее всех остальных женщин, убить же мать невозможно. С таким конфликтом в душе жить трудно. Его надо каким-то образом разрешить (развязать). Можно, например, прийти к выводу, что *ты не женщина*. И действительно, пока ты женщина, то худшая в этом роде, а ежели ты мужчина — то еще ничего. А если так, если не женщина, то, следовательно, тяги к отцу нет, нет и полового к нему влечения, потому что быть не может, нет и проигрыша в соревновании с остальными женщинами. Девочка на психическом уровне становится мальчиком, начинает мальчикам подражать, что проявляется не только в манерах,

стрижке и одежде, но и в отрицании своих половых органов. Их стараются не замечать, а если неприятную действительность не заметить не удастся, то отрицается их чувствительность. Это — фригидность. Фригидность, приобретенная по этому механизму, может сохраниться всю жизнь, что мы и наблюдаем у окружающих нас женщин.

Но на этом пути побега от проблемы влечения к отцу девочку, ставшую мальчиком, ожидает одна серьезная неприятность: при сравнении себя с другими мальчиками она вдруг обнаруживает, что у нее недостает одной на первый взгляд несущественной *штучки*. Из этого, естественно, делается — на уровне подсознания, конечно, — вывод, что или же она, девочка, ставшая мальчиком, по сравнению с обыкновенными мальчиками неполноценна, или же столь важный фрагмент утрачен *после* рождения, то есть ее злая мама *кастрировала*. Это открытие порождает еще ряд чувств, которые впоследствии значимы в течение всей жизни. В частности, к представителям мужского пола появляется злая зависть, являющая себя в стремлении к соперничеству, стремлении к доминированию вообще и в семье в том числе, — в особенности после выхода замуж. Возникший комплекс проявляется также и в пассивных фантазиях о кастрации, в активных же порождает мстительное отношение к мужчине, который, сволочь, находится в более привилегированном положении, чем она. Отсюда и поведенческий образ мегеры, жены, болезненно стремящейся к доминированию над мужем, но естество которой таково, что психоэнергетические травмы она наносить не может. Комплекс кастрации проявляется и буквально. Скажем, психоаналитиков не удивляет поведение женщин, которые во время психоаналитического сеанса стряхнув с себя маску благополучия, которую они, не снимая, стараются носить в обычной жизни, заявляют нечто подобное: «Если бы я могла просить подарок у Провидения, я бы попросила *хоть разочек* пописать по-мужски».

Комплекс кастрации также порождает чувство вины и разнообразные страхи. Что касается чувства вины, то это очень понятно: а как иначе должен ребенок реагировать на сильнейшее желание убить свою любимую мамочку? С чувством вины необходимо каким-то образом справляться, потому что иначе жить тяжело. Чувство вины можно подавить и вести себя естественно, то есть враждебно по отношению к матери. С чувством вины можно свыкнуться и вести себя с матерью «как все» на публике. Можно встать на путь сверхкомпенсации, то есть «отрабатывать» свой грех. Скажем, мама просит помыть одну тарелку, но делать этого не хочется, потому что мамка — гадина, следовательно, ребенок по «доброму желанию» сам моет *три* тарелки, пусть никому не нужные. Какой из этих путей лучше, здесь утверждать не беремся, поскольку каждый из них есть неадекватность. Наилучший же путь — это обретение нового сердца, следовательно, любви, обретение свободы от всех и всяческих комплексов, то есть тот путь, на который безуспешно приглашает людей Христос.

Комплекс кастрации своими многообразными проявлениями опутывает практически все стороны жизни, и, в частности, супружескую.

При описании семейных неурядиц вместо термина «комплекс кастрации» употребляют его синонимы. Чаще других употребляют термин «комплекс Эдипа». Название произошло от известной трагедии Софокла «Эдип». Напомним ее содержание: царь древнегреческого города Фивы получает оракул, в котором предсказывается, что он, царь, падет от руки собственного сына. Царь пытается обмануть судьбу и приказывает слуге отнести своего сына Эдипа в горы и там его умертвить. Слуга приказание господина выполняет, но лишь отчасти: сына в горы он относит, но не умерщвляет, а просто бросает в надежде, что тот погибнет сам. Но судьба позаботилась об Эдипе: его подобрала семья пастуха и на воспитание передала в другую царскую семью, в город Коринф. Эдип возмужал, и, узнав от прорицателей, что его отец падет от его руки, решает судьбу обмануть и царский дом в Коринфе покидает. На дороге с проезжавшей мимо колесницы его хлестнул кнутом возничий, добавил и пассажир, чего Эдип не стерпел, и ударом посоха убил сидящего в колеснице почтенного вида седовласого старца. Разумеется, Эдип не знал, что этот старец — истинный его отец, возвращавшийся от прорицателей, которые подтвердили, что он от руки собственного сына все-таки погибнет. Убив отца, Эдип идет дальше, освобождает родной город Фивы (он еще не знает, что это его родной город) от поработившей его Сфинкс и в награду за это получает Фивы и вдовствующую царицу, то есть свою мать, в жены. От этого кровосмесительного союза рождаются дети. И хотя рождение детей, казалось бы, свидетельствует о благоволении богов, на Фивы обрушиваются одно за другим несчастья, что вынуждает царя Эдипа вновь обратиться к прорицателям. И те открывают ему, что причина несчастий города в гневе богов на кровосмешение. Эдип в отчаянии выкалывает себе глаза и с дочерью уходит в изгнание.

«Эдип» — художественное произведение, гениальная трагедия, а потому в жизни каждого человека в основных чертах воспроизводится. Дочь выбирает отца, сын — мать, и, чтобы этого не замечать, выкалывают себе глаза. Попытка противиться судьбе ни к чему не приводит, сын все равно в помыслах отца умерщвляет. Отец Эдипа пытался судьбе грубо противостоять, но смерти не избежал, а лишь утратил в жизни счастье отцовства.

Итак, когда в общении профессиональный психоаналитик хочет подчеркнуть феномен стремления людьми воспроизвести семью своих родителей, скажем, когда девушка выбирает в мужья из многих претендентов копию отца, то употребляется термин «комплекс Эдипа». Когда же стремятся обратить внимание на попытки женщин доказать окружающим и себе, что она — мужчина, то употребляют термин «комплекс маскулинности». Когда же пытаются подготовить сознание слушающего к освоению очередной, прежде не замечаемой, парадоксальной закономерности окружающего мира, то употребляют термин «женский комплекс кастрации». Парадоксальное, а потому эффективное словосочетание.

Итак, как мы уже сказали, комплекс кастрации своими многообразными проявлениями опутывает практически все стороны жизни

женщины и супружескую в том числе. Девушкам не терпится поскорее «сдать себя в эксплуатацию», стать «как все», показать «остальным женщинам», что она не последняя, поэтому в работу принимается любой мужской материал. Однако, если найдется среди них разборчивая, то, при наличии на нее спроса, непременно ее выбор падет на молодого человека, который хоть чем-то напоминает ее отца. И это хорошо. В сущности, это единственная для мужчины возможность выжить при типично женском разрушительном волюнтаризме циклически сменяющихся одно другое чувств, или, что то же самое, реализаций неврозов. В этом случае на нее есть хоть какая-то узда в виде внутренней потребности мужу хоть как-то подчиниться (здесь рассматривается вариант «игры», когда муж обыкновенный «жухлый»). Это, вообще говоря, счастливейший для всех вариант «партнерского» супружества. Если же она выскочила замуж просто для того, чтобы выскочить (как Софья Андреевна — в пику сестрам и ради графского титула), досадить родителям или подзаработать, то на мужа будет обращено другое чувство, коренящееся в том же комплексе Эдипа — мечь *за то, что он мужчина*. В частности, она попытается лишить его символа власти — денег, попросту — разорить, покупая ненужные вещи. (Вечная, согласитесь, тема: мотовство женушек, которые теряют к купленной вещи интерес, как только исчезает возможность вернуть ее продавцу.) Уничтожить мужа — способов множество и помимо накопительства и мотовства. Даже «музыкант» может стать оружием.

Комплекс Эдипа не ограничивается инцестуозным выбором. Выйдя, наконец, замуж за человека, напоминающего ей отца, после периода блаженства от обретения того, о чем так долго мечтала и в чем ей так долго отказывали, начинается следующий неизбежный этап проявления комплекса Эдипа. Образ отца напоминает женщине не только мгновения блаженной близости, но и долгие-долгие часы, недели и годы горечи, порожденные необходимостью от него отказаться. Иными словами, в некоторой фазе развития супружества комплекс Эдипа неотвратимо диктует женщине отказаться от себя, как от женщины, и, соответственно, от своего мужа. То есть, жена-любовница при наличии сексуальных потребностей вдруг «утрачивает» интерес к генитальной близости с мужем.

Карен Хорни, психоаналитик, основательница современной женской психологии, сообщает, что за всю свою многолетнюю психотерапевтическую практику она встретила *лишь одну женщину*, которая спустя несколько лет после вступления в брак продолжала видеть в своем муже сексуальный объект, и эта женщина от прочих отличалась тем, что ее отец, когда она была десятилетней девочкой, *в прямом смысле* овладел ей как женщиной. Все же остальные девочки, которыми отцы не овладевали, в своей супружеской жизни ситуацию отказа воспроизводили — в браке отказывались от своей роли как любовницы. Тем самым превращая постель в некую удручающую «супружескую обязанность». Считается, что половые потребности от невротического отказа не исчезают, более того, с возрастом могут возрастать, поэтому

многие женщины ищут удовлетворения на стороне. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация: в сексуальном смысле женщина «любит» своего любовника, — хотя и не с таким удовольствием, как некогда в медовый месяц мужа, но все-таки, — а к мужу, который ей намного ближе и в сексуальном смысле и во всех прочих, относится в сексуальном отношении намного прохладней. Однако с мужем женщина разводиться ни за что не хочет и испытывает к нему нежную эмоциональную привязанность. Если же вследствие измены наступает развод (муж узнал; соседка посоветовала отдаться полностью чувству «большой» любви; супруга «сама» додумалась, то есть, возможно, еще с детства был в теле памяти приказ на развод в такой ситуации), то после развода, даже подобрав равноценный мужу заменитель (что, вообще говоря, маловероятно), женщина будет о разводе сожалеть, потому что при *прочих равных условиях* первый лучше последующих.

Ввиду этого неизбежного в силу закономерностей комплекса Эдипа «охлаждения» (что, как можно догадаться, чрезвычайно болезненно действует на мужа, а его кулаки — на жену), многие полагают, что браки «по старине», когда супруга или супругу выбирали родители, предпочтительней: пусть до венца никаких особенных чувств и нет, разве что кроме некоторого свадебного оживления, но зато нет и последующего охлаждения, а потому ее чувство отстраненности от мужа для него не так оскорбительно, когда естество требует эроса. Но, по мнению психоаналитиков, это не самый лучший выход, лучший же — это обратиться к психологу, разрушить комплекс Эдипа, а потом с удовольствием мужу отдаваться. Однако психоанализ может длиться годами и даже десятилетиями, требует массы времени и денег, что не всегда есть в достатке. Кроме того, в силу различного рода нездоровья каких-либо тел души не всякий метод может помочь.

Теща... Малоприятное для мужа слово. А тем более явление. Тещи бывают разные: толстые и тощие, хамовитые и не очень, порой даже достаточно вежливые. Некоторые тещи, узнав в зяте своего собственного мужа в молодости, и сексуально в силу неясного для них чувства сдержанности по отношению к мужу неудовлетворенные, страстно в зятьев влюбляются. Это не редкость, и в результате в некоторых семьях начинается групповой секс. В других же семьях, в которых культурные наслоения оказывают сдерживающее влияние, теща попросту начинает изводить свою горячо любимую дочку — и это тоже не редкость. Но представим себе, что нашлась *хорошая* теща. (Не возмущайтесь, это просто мысленный эксперимент!) Итак, молодые супруги живут отдельно и еще продолжают наслаждаться друг другом. Но вот их решает посетить *хорошая* теща, и решает это сделать с самыми добрыми намерениями. Поцелуи, улыбки, подарки. Мать и дочь накрывают на стол. Дочь говорит, что надо поставить на стол тарелочки с голубой каемочкой, то есть как раз те, которые больше нравятся мужу. Но *хорошая* теща этого не знает и с самыми добрыми намерениями предлагает поставить тарелочки с розовенькими цветочками, то есть те, которые ей кажутся покрасше. Перед дочкой выбор: или прислониться к

мужу, выбрав голубую каемочку, или же уступить дорогой мамочке. Но мама — гость, и как бы дочке ни были неприятны эти аляповатые безвкусные розовые цветки, она покорится и поставит их. Но эта уступка с долей раздражения (пусть подавленного) *не просто так* уступка, это «проваливание» в ситуацию проигрыша женщине, причем в борьбе за мужчину, «проваливание» в эмоции комплекса Эдипа, в эмоции покорности матери, ненависти к ней и сдержанного отношения к отцу (мужу). Разумеется, мужа дочери не может радовать сдержанность и холодность жены как во время визита тещи, так и после ее ухода. Как бы жена затем ни пыталась акробатическими приемами убажить в постели своего любимого супруга, он непременно эту холодность почувствует. Это для него оскорбительно. Это отказ в безусловной любви. У мужа тоже есть свой комплекс Эдипа и в отказе жены он сам «проваливается» в эмоцию детской, ничем не сдерживаемой ярости. И чем удачней подобрана пара, чем муж чувствительнее и темпераментнее, чем меньше он проработал у себя комплекс Эдипа, тем ярче вся эта цепочка реализуется. Ярость мужа вызывает, естественно, продолжение цепной реакции — теперь уже жена впадает в неконтролируемый гнев, она уже перестает понимать, что поводом послужило появление тещи, и гнев свой обрушивает не на мать, а на мужа. Его гнев, соответственно, тоже усиливается...

Существует множество мужских анекдотов, в которых тещу распиливают, топят в колодцах, выбрасывают из окна, вставляют в задницу веник и отправляют эту жар-птицу летать. «Во всякой шутке есть доля... шутки», — одно время любила повторять Возлюбленная, и она права. Всякий муж хотя бы чуть-чуть напоминает жене отца уже потому только, что носит брюки и иногда сморкается, поэтому посещение тещи для мужа ничего иного не предвещает, кроме в последующие дни и ночи разочарования, а для жены тоже, соответственно, означает пониженное настроение и то же чувство разочарования. Поэтому *некрофильная* теща в семье своей дочери старается появляться почаще. Кошмарная перспектива. Такова жизнь. Куда ни посмотри — кругом одни Софьи Андреевны. А вот Толстых что-то почти не видно. Что и говорить, скверно живут люди!

Что же делать? Психоаналитики советуют лечиться. Как не вспомнить евангельское: «врач! исцели самого себя...» (Лк 4:23). Выход, однако, есть. Проверенный. Итак, возвращаемся к теме тещи. Биофильной. Или, что то же самое, рожденной свыше.

Помните что это такое?

Фарисеи требовали от Христа еще и еще знамений, подтверждающих Его Сыновство, а Христос, с сожалением вглядываясь в их сердца (а когда Христос говорит «новое сердце» он имеет в виду отнюдь не чувства человека, а *всего человека полностью*: его образ мышления и его поступки), отвечал им, что самое-то главное знамение им, фарисеям, и не дается. Все чудеса, которые совершал Иисус: хождение по воде, утешение бури, исцеления, насыщение тысяч несколькими хлебами, — сатана может подделать, и, чтобы не обмануться, всякое чудо, вернее

событие, оцениваемое как чудо, надо рассматривать только в связи с важнейшим из чудес: с чудом обращения человеческого сердца от унаследованного и привычного греха к Богу-Отцу через Сына Духом Его Святым. Только это чудо и обращает по-настоящему сердца детей к родителям, родителей к детям, а муж и жена, наконец, «прилепляются» (Быт. 2:24) друг к другу, да так, что не разлепишь.

Биофильная, в высоком смысле слова, теща придет в дом к зятю только в том случае, если ее дочь родилась свыше, чтобы подсказать, что семейные проблемы решаются молитвой, и поддержит дочь тем, что расскажет ей, как *она сама* разрешала свой комплекс Эдипа верой и молитвой.

Рассмотрим механизм молитвенной защиты от синдрома «дорогая теща пришла в гости» в терминах высокого психокатарсиса.

«Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе» (Кол. 3:18).

«Жены повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены» (Еф. 5:22, 23).

«Чтобы старицы... вразумляли молодых любить мужей, любить детей, быть целомудренными, чистыми, попечительными о доме, добрыми, покорными своим мужьям...» (Тит. 2:3-5).

Итак, если молодая женщина обрела здоровое тело духа, то Слово Божье для нее — да и аминь, без всяких условий, добавлений и отменяющих заповедь интерпретаций. Иными словами, заповедь для нее как дважды два четыре, а не как суббота в пятницу. Таким образом, порожденное телом духа стремление совместиться с заповедями пронизывает и все остальные тела. Однако в теле мировоззрения могут обнаружиться некоторые прежде попавшие туда предметы, которые являются фиксациями не вполне здоровых взаимоотношений с матерью, чувств к ней, зависти к ее половому «успеху», отстраненности и подчеркнутой холодности к отцу, культом брата как образца для супружества (распространенный симптом комплекса Эдипа, который, как ни парадоксально, означает привязанность к отцу, брат же, на самом деле, является ширмой), фиксации ненависти к женщинам вообще, невротическим поиском любви и так далее — весь этот мешающий сор полноценной молитвой или преобразуется до приемлемых форм, не мешающих свободе в полном объеме заповедей Божьих, по вере, или же попросту выкидывается. Без молитвенного освобождения от сорных предметов невозможно абсолютную преданность мужу в Господе совместить с почитанием родителей. Да и вообще, кто это придумал, что молиться необходимо только на понятийном языке, как это подсказывается в руководствах признанных конфессий? Почему на понятийном, а не на образном в том числе? Понятно, что если кому и необходимо ограничить себя понятийной молитвой, так это признанным, чтобы, как говорится, не дай Бог покаяться, иначе исчезнут те свойства души, которые обеспечивают им в народе положение учителей. Настоящая же молитва объемна и всеобъемлюща и возносится, в том числе, и на таящем большие возможности языке образов.

Таким образом, Бог в Своем Слове позаботился подсказать нам о раздирающих грешного человека в супружестве противоречиях и тем

подвел нас к способу их решения. В таком случае, почему же, наблюдая *реальных* людей, величающих себя верующими, причем давно так себя величающих, мы распознаем у них все проявления комплекса Эдипа, и их супружеские взаимоотношения ничем не отличаются от взаимоотношений тех, которые не скрывают своего безверия? И тем более это заметно, чем назойливей они себя определяют как «истинно верующих». Но спросите такого, где в Писании записан Закон Божий? (Исход, 20 глава). Редко кто знает!

«Кто найдет добродетельную жену? цена ее выше жемчугов. Уста свои открывает с мудростью, и кроткое наставление на языке ее» (Пр. 31:10, 26). Вот уж точно! Но кроме всего прочего, муж, позволивший Богу настолько изменить себя, что его приняла как свою *половинку* биофильная (в высоком смысле этого слова) женщина, награждается таким феерическим сексом, не сдерживаемым никакими комплексами, о котором ни цари, ни прочие говнюки не могут даже и мечтать. Нет в ней, в добродетельной жене, в отличие от обитательниц гаремов, сорных предметов ни в теле памяти, ни в теле мировоззрения, ни, тем более, в теле духа.

Также и она получает воздаяние за свою верность Отцу уже на этой земле не только в виде мира в душе, но и в виде того же самого феерического (генитального) секса с очищенным от уродств мужем.

Комплекс Эдипа — результат *греховного* влечения к отцу (матери), незнание *половинки*, и потому преодоление его в молитве естественно. А что же психоанализ, может ли он быть принят за своеобразный вербализованный (выраженный в словах) вариант молитвы? На что же уходит годы и десятилетия? Почему не быстрее?

Основная идея психоанализа основывается на том, что пациенту на материале его собственного подсознания помогают понять, почему у него в супружестве случаются столь странные своей неадекватностью поступки, подводят к мысли, что эти странные поступки не *просто так*, что они закономерны, что они — попытка решения давнишних младенческих и детских проблем, о которых даже нет памяти в логическом мышлении (защищаясь от боли, человек их *вытеснил* из сознания еще в детстве, но из подсознания они продолжают человеком руководить). Почему же так долго идет психоанализ? А вы попробуйте женщине, которая заявляет, что устала от домашних сцен и грызни, объяснить, что ее «хочется» — это не просто так «хочется, да и все», а попытка решения проблем, но совсем не тех, которые назойливо маячат в штампах обыденной речи (дескать, муж мало помогает, мало зарабатывает, еще чего-то там мало), а прежних, вытесненных, забытых; что проблемы эти действительно надо решать, но только не так, как она привыкла — истерикой, а вернуться подсознанием в те времена, когда проблемы возникли, и действительно их разрешить. Попробуйте объяснить какой-нибудь жухлой некрофилке, что нежные ее чувства по отношению к своей матери просыпаются особенно сильно не *просто так*, а только когда ей захочется досадить мужу, в навоз его превратить, в ничтожество. Достигается же это проще всего инициацией

той сложившейся цепной последовательности поступков, закованный в которую, до отчаяния доведенный посещением тещи муж, пытаюсь защититься, напивается до остервенения. Это-то и есть то желанное положение, ради которого и приглашалась теща, потому что теперь она — попробуйте жухлой это объяснить! — милая доченька своей мамочки может вдосталь над своим благоверным покуражиться, ведь он, гадемыш, пропил, испортил, отравил и вообще насколько бы она была счастливой, если бы вышла за такого же, но другого, получше. Попробуйте ей объяснить ее поведение! Большинству жухлых дам, чтобы понять, жизни не хватит! Во всем виноват *он*, а *она* ни при чем!!! Он!! Он!! Он!!!

Те закономерности развития комплекса кастрации, которые мы рассматривали выше, *общезначимы*. Далее, из нескольких достаточно однотипных разветвлений в преддверии новой части о практике психокатарсиса на примере В., выберем тот, который более других применим и к ней, и, в каком-то смысле, к Льву Николаевичу.

Итак, для Возлюбленной, если толковать ее поведение в рамках неотрейдизма (например, по Карен Хорни), характерно повышенное ощущение тревожности (базальной, первичной, основополагающей). Это ощущение — явление общечеловеческое, но Возлюбленная относится к тому типу женщин, у которых оно повышено. Это чувство можно описать как чувство беспомощности во враждебном и всесильном мире. И хотя такие люди, как правило, эту тревогу не осознают, отмечая лишь некоторые ее аспекты, как то: страх перед грозой, страх перед улицами, боязнь выступлений, путешествий, тем не менее, эта тревога пронизывает все стороны существования, в том числе и любовную. Чаще всего подобная повышенная тревожность присуща людям, которых *в детстве запугивали*. У таких детей повышенная тревожность сопровождается еще и заниженной самооценкой.

На практике люди в жизни реализуют несколько способов защиты от базальной тревоги. В *нашей* культуре распространены следующие способы. Первый — *невротическая потребность любви*, которая, если упростить объяснение, в частности, заключается в том, что при встрече с объектом противоположного пола, который вызывает безотчетный страх, пытаются завоевать его любовь, то есть, действуют на основании постулата (ложного), что если опасный объект любит, то не обидит. (На более грубом диалекте это называется подлизаться.) Расположение достигается любыми методами от подношения подарков до объяснений в любви тем или иным способом. Второй — *подчинение*. Девиз: «Делай, что просят — никто тебя не обидит». Третий — *сверхкомпенсация*, то есть видимая противоположность страха — стремление к власти, успеху, обладанию. Четвертый — *уход* от мира в себя. Пятый — судорожное накопительство *денег*, имущества, стремление таким образом обеспечить свою якобы независимость от других. Очень часто выбирают не один путь, а несколько. Хотя у тревожного индивида поведенческая неадекватность проявляется по всем пяти направлениям, оче-

видно, что не все они равнозначны — один-два преобладают. Можно даже сказать, что комбинация хотя бы двух путей обязательна.

Возлюбленная не пошла по пути судорожного накопительства, и от мира в монашки тоже не постриглась, хотя такие мысли были. В покорности ее заподозрить и вовсе невозможно. Остаются активные формы, вполне подходящие ее сангвиническому темпераменту: сверхкомпенсация и невротическая потребность любви (завоевание расположения источника опасности). То есть, при всей поведенческой женственности (демонстрация слабости) Возлюбленной от тревожности она спасается стремлением к доминированию и своеобразным нападением — нападением «любовью». В том, что она овладеть этим искусством, используя свои экстрасенсорные способности и подстраиваясь под образы памяти объекта, смогла в совершенстве, П. мог убедиться на занятиях в Центре Хаббарда не только на себе, но и на одном яблочном купчике. По всей видимости, как единственный в той группе бизнесмен и бывший военный, энергетически он был опаснее остальных.

Сверхкомпенсация вообще характерна для Возлюбленной. Наблюдая за ее взаимоотношениями с матерью, П. отметил (во всяком случае, на первом этапе его с В. знакомства), что услужливость В. по отношению к ней чрезмерна для принятых в нашей культуре норм. Подстегивает к этому чувство вины, генетически связанное с тем, что мать запугивала ее в детстве. Иными словами, возникшая в результате комплекса Эдипа ненависть к матери породила чувство вины, которое всю свою жизнь Возлюбленная искупает сверхкомпенсаторным послушанием матери (*три* ненужных тарелки вместо *одной*). С точки зрения стороннего наблюдателя, не отягощенного размышлениями о жизни, это, возможно, и смотрится красиво: дочь трогательно помогает матери. На самом же деле нужна только *одна* тарелка. В конце концов, нам скажут: это ведь лучше, чем прямое хамство. Может быть, чрезмерная услужливость красивей и лучше, чем хамство; но нам кажутся более привлекательными естественные, не напряженные, свободные от сорных предметов в теле мировоззрения взаимоотношения. Расплата за «красивую» сверхкомпенсацию чувства вины заключается в том, что вместо *удовольствия* от домашней работы вместе с матерью Возлюбленная испытывает усталость большую, чем просто физическая. И это заметно.

Возлюбленная также часто говорит об ощущении вины перед дочерью. Каково бы ни было основание для этого чувства, оно также приводит к сверхкомпенсаторному поведению, то есть к ненужному героическому самопожертвованию ради несуществующих потребностей своей дочери. По антихристианскому закону талиона («баш на баш») будущая В. пыталась «откупиться» от чувства вины мученичеством, и тем обрести видимость равновесия.

Сверхкомпенсация проявляется и в речи: Возлюбленная не по-женски правильно говорит на родном языке, и здесь писателю проще всего впасть в соблазн воспринять это как проявление хорошего воспитания.

Но самое интересное — как проявлялись способы защиты от базальной тревоги в двух ее «любовных» эпизодах. Во-первых, что прежде

всего обращает на себя внимание в ее рассказах о первом муже и цели-теле-импотенте, так это *интонация ужаса*. Вспоминать можно по-разному и с разной эмоциональной окраской: ностальгии, сожаления, нежности, отвращения, интереса, омерзения, тошноты и так далее. Однако вспоминает Возлюбленная с интонацией *ужаса*. Трудно себе представить, что это чувство у столь чувствительного человека, как наша героиня, появилось как последствие взаимоотношений — оно существовало от начала. Итак, начало отношений в обоих случаях диктовалось невротической потребностью любви опасных людей. А не прерывалось из-за устоявшихся сверхкомпенсаторных реакций.

Рассказывая о своих взаимоотношениях с будущим первым мужем, Возлюбленная вспоминает, что в период ухаживания один из приятелей жениха *правил* (какой смысл она вкладывает в это слово?) ей больше, чем сам жених. Но она даже «не могла себе представить, как это можно: от одного отвернуться и... к другому». Верность такого рода красиво воспели поэты, и это на их совести. На самом же деле подобного рода верность (не тому) порождена чувством вины, которое опять-таки связано с запугиваниями матерью. На рельсах же сверхкомпенсации вместо того, чтобы искать в этой жизни суженого от Бога, будущая Возлюбленная занялась «искуплением» «вины неверности», а главное — «вины» неудовлетворенности женихом как личностью, что привело к сверхкомпенсаторному имитированию (он некрофил скорее жухлый, чем яркий, словом, на границе) любви вплоть до брака. В результате не она одна, но и жених, то есть двое, оказались повязаны браком с чуждым, по сути, человеком. Первой, очевидно, на опасного человека (а первый муж как алкоголик был все-таки энергетически опасен) нападает любовью сама Возлюбленная, и в результате еще вопрос, кто из них двоих в большей степени жертва. Третья пострадавшая — родившаяся дочь.

Характерная особенность взаимоотношений Возлюбленной и П. заключается в том, что она *категорически отказывается объясняться ему в любви*. Не надо быть проницательным психологом, чтобы понять, что В. любит своего П. от начала, но ему о ее любви она предлагает (так и говорит, если не требует) *догадаться* самому. На его вопрос, почему она отказывается *сказать*, она отвечает, что она *слишком много* в жизни говорила. Надо понимать: слишком много объяснялась в любви. Что ж, очень может быть. Почему объяснялась — понятно. Но вот почему оценивает как «слишком много»?

Ясно, что Возлюбленная в некоторых ситуациях сама замечала насилующее действие выбранных ею еще в детстве способов избавиться от повышенной тревожности. *Говорит — но не понимает, зачем говорит*. Говорит приятно, хотя пусть лишь отчасти, но понимает, что говорит неправду, врать не хочет, но *говорит*. Логика получается следующая. Человек опасен, *следовательно*, чтобы обезопасить себя, его надо завоевать «любовью»; его внутренний мир не нравится, *следовательно*, комплекс вины подсказывает, что «не нравится» — против него преступление, которое надо «искупать», на этот раз уже признанием в любви. Отказаться же от своих слов, как от пустой болтовни, обычно-

венной дамской «заморочки», означает признаться, что ты не мужчина, а всего лишь женщина, что невозможно — это комплекс кастрации. Далее, следуя тому же принципу сверхкомпенсаторной ответственности за слова, за нелюбимого человека необходимо выйти замуж. Естественно, что не умея оборвать цепь этих событий, после двух таких «любовных» историй человек, приобретший уникальную способность к самообучению как единственный способ защититься от третьей подобной истории, вовсе отказывается произнести слово «люблю»!

Можно было бы дать и более простое объяснение, что ее отношение к своему Психотерапевту столь переросло обычно вкладываемый в слово «люблю» смысл, что человек, уважительно относящийся к своему родному языку, произносить это слово отказывается. Конечно, такое объяснение проще, но нам кажется недостаточным.

Теперь в самых общих чертах можно реконструировать историю двух первых «любвей» Возлюбленной. С детства отяготившись от запугиваний матерью (невербальных, и еще от ее «чрева») повышенной тревожностью, Возлюбленная выучилась, защищаясь, добиваться любви любого («меня *все* любили еще с детства»). С годами эффективность приемов достигла совершенства, которое вне Бога, разумеется, превратилось в проклятие — став единственным тщательно вымощенным путем общения. Все остальные были отрезаны от того же запугивания сниженной самооценкой. Конституциональная и душевная предрасположенность к супружеству, вне Бога, тоже привела к полной противоположности, превратилась в проклятие: испытывая особенно большую привязанность к отцу, вынуждена была от него отказаться, что привело к чувственной фиксации на брате («Он для меня всегда был образцом мужчины»), фригидности и неспособности создать семью. (Помните Таню Берс? Она ведь тоже особо предрасположена к супружеству, к любви, тоже обладала повышенной тревожностью и тоже отличалась тем, что «влет» убивала мужчин /«обаятельна, обворожительна»/, — которые в нее, правда, страстно не влюблялись, — но в силу особенной привязанности к отцу /Льву Николаевичу/ на самостоятельное чувство /отказ от отца/ была неспособна — «чувство» просыпалось лишь тогда, когда боль индуцировалась оказавшимся рядом подавляющим индивидом.) Этой же неспособностью на самостоятельное чувство и объясняется, почему Возлюбленная до 19 лет ни разу не влюблялась (не размечтовыва(вавы?)валась).

Но 19 лет — это тот возраст, когда женщины (ненависть подруг с началом половой жизни уже проснувшись) внушают друг другу: «пора». Да, по их мнению, любить *пора*, а любовь, как мы знаем от жеманных девиц, — это есть *чувство*. Остается лишь дождаться *чувства* и объявить, что это есть любовь. Чувство же боли (наиболее значимое из чувств), как мы теперь знаем, лучше всего может индуцировать некрофил. Некрофил проявляет себя не только в силе некрополя, но и в роде занятий. Отсюда наибольший шанс пробудить в будущей В. «чувство» имели: императоры, чемпионы единоборств, трупорезчики, бродяги, алкоголики, священники и т. п. В. — чрезвычайно домашняя, крут

мужского общения ограничен, поэтому для первой любви (брака) обошлось без императора или трупорезчика, все кончилось тривиальным алкоголиком. Но и он в смысле жестокости был не совсем банален. Уровня некрополя, необходимого для нанесения психоэнергетических травм, он достиг только лет через десять после развода (судя по появлению психоэнергетических травм от него у его дочери), а за период женитьбы и брака единственную по-настоящему серьезную травму будущей Возлюбленной ему удалось нанести лишь в ситуации особой, когда он, взрослый крупный мужчина, прежде уже раз в браке побывавший, ногами избивал *лежащего* на земле паренька. Избивал в кровь. (Травма с В. снята.)

Страх, вызываемый присутствием опасного человека (опасного даже при внешне добропорядочном поведении: Возлюбленная в силу своей энергетической чувствительности не ошибалась) вынуждал для обеспечения безопасности завоевать его «любовь», а *особенная* его жестокость — даже к объяснениям в любви.

По мере нарастания разочарования в человеке как в личности, потребность объясняться в любви усиливалась. Отработка способов защиты от подавления и, как следствие, разочарование — трагично, потому что на уровне подсознания это единственное основание для взаимоотношений и «любви». Распад такой комбинации неизбежен и закономерен.

Вообще же этот первый эпизод в жизни будущей Возлюбленной очень уж напоминает комбинацию «игра». И не только из-за отсутствия мощных кодировок, но и из-за некой сверхтипичности деталей отношений: начиная с того, что партнер из соседнего дома, и кончая сроком распада семьи (по статистике, именно в течение первого года после рождения ребенка распадается наибольшее число браков). Да и все остальные параметры ее брака удивительным образом попадают в графы наибольших цифровых значений статистических отчетов. Эта ее любовная история — скорее расплата за посвящение себя принципу «быть как все». За энергетическую зависимость от так называемого «духа времени».

После развода в жизни будущей Возлюбленной следует 11-летний перерыв, который заполнен существованием дочери. Однако идиллические взаимоотношения с дочерью существуют разве что только на уровне фантазий будущей В. На самом же деле, горечь вполне естественна: дочь «не от того». Конечно, горечь эта вытесняется и проявляется только в виде чувства вины перед ней, о чем В., будучи не в силах объяснить происхождение этого чувства, часто говорит Психотерапевту. Вряд ли стоит полагать, что женщина может быть столь наивна и не замечать проявления генетической наследственности, да и психической тоже. Она будет замечать проявление в дочери знакомых до омерзения черт, в частности женской формы наркомании — всепобеждающего стремления «отключиться» под некрополем. Выражаясь более простым языком, дочь будет попадать под влияния, но прежде всего людей дурных. Наивно было бы надеяться, что удастся избежать множества конфликтов, которых не было бы, будь дочка «от того». Кроме

того, некоторые антагонизмы неразрешимы: что бы ни сделала *половинка* Возлюбленной, тех отношений, будь дочь рождена «от того», достичь не удастся.

В. способна к обучению, поэтому повторение пройденного возможно только, как и в жизни Тани Берс, на более высоком уровне, то есть если некрополе нового объекта будет многократно более сильным. Что и произошло. Подготовленная сотрудницей с работы (а женщина женщину всегда подтолкнет), что в целительском Центре работают святые люди, о чем, по ее мнению, неоспоримо свидетельствует то, что подвергшиеся там воздействию заявляют, что исцелены, Возлюбленная отправляется в Центр и, как только открывает дверь, получает психоэнергетический удар. То же ощущение боли, как и в первом «любовном» эпизоде, только сильнее, которое воспринимается как долгожданное чувство, то же бывшее ранее чувство ужаса, которое рефлекторно преобразуется в стремление добиться любви. Отличие от взаимоотношений с мужем заключается в том, что на этот раз слова о любви (и даже мысль) не просто остаются мусором в теле мировоззрения, но, ввиду травм от сильного некрополя целого сообщества целителей, провоцируются болью от каленого железа, засевшего в теле памяти. А такие приказы, с убедительностью ржавого гвоздя вколоченные в основание черепа тела памяти, для исполнения обязательны. Что и говорить, в сообществе некрофилов опасно даже думать — собственная случайная мысль может превратиться в кодировку. Нарастающее по мере знакомства с истинными делами Центра чувство неприязни, как и в первой истории, порождало чувство вины, которое так же следовало «искупать» признанием богоизбранности сотрудников Центра вообще и «властителя гарема», в частности. Последнее чувство необходимо должно было продержаться дольше.

Итак, история с целителем — в каком-то смысле воспроизведение истории с алкоголиком, что закономерно. Помните ли вы совет психологической науки, что нет смысла разводиться, потому что следующий брак есть обычно повторение предыдущего? Да, это результат, полученный в ходе обширных исследований в такой декларирующей себя богобоязненной стране, как некогда протестантские Соединенные Штаты. Уже из практики многочисленных браков видно, что богобоязненность, как и во всех прочих государствах, липовая, изменение к лучшему, как следствие покаяния, настолько исчезающе редко, что меняются только имена и профессии партнеров, а больше ничего.

Дополнительное подкрепление в освящении и воспевании своей деградации до уровня транса Возлюбленная черпала в искусственно созданном культе своего брата как образца мужчины. (Это, как вы помните, распространенный прием создания ширмы, за которой прячется подавляемое чувство влечения к отцу. То, что в действительности брат не мог быть глубинным центром притяжения Возлюбленной, видно, хотя бы, уже из того, что когда он родился, ей было уже 6 лет, то есть она преодолела тот возраст, когда формирование схем комплекса Эдипа завершено.) Оказалось, что зодиакальный знак брата и второго объ-

екта «любви» совпадает (следовательно, совпадают и многие черты характера), что, в силу женского комплекса кастрации для подтверждения состояния «не женщина» (отказ от отца), давало будущей Возлюбленной повод для достижения состояния «страстная любовь» окончательно лишиться критического мышления. Манипулирование с зодиакальным знаком могло также нести нагрузку рационализации исходящего из подсознания приказа терпеть боль и не сопротивляться.

Но впадать в искушение считать эту цепь «любвей» будущей В. (удар, завоевание любви, разочарование, комплекс вины, искупление его объяснениями в любви) чем-то экзотическим, здоровой женщине не свойственным, не стоит. Вот как раз-то здоровым женщинам это и свойственно. Так или примерно так попытались бы соединить воедино события жизни В. правоверные сторонники психоанализа.

А что психокатарсис? Что он нам откроет нового?

Глава двадцать восьмая.

СЕМЬЯ

...В: А я тебе и говорю: у меня ближе брата никого нет! Если что — я ни к отцу, ни к матери не иду, а только к нему. И тебя прежде к нему повела — показать, а уж только потом — в дом привела.

П.: Я помню. То чаепитие.

В.: И хорошо, что ты ему понравился. Когда моя мать тебя поносила, он тебя защищал.

П.: Он мог во мне и ошибиться. Я тогда, при первой встрече все время молчал и, естественно, он во мне угадал *себя*. Вот и говорил матери, что я *хороший*.

В.: А он, действительно, *хороший*. Мы с ним неразлучны.

П.: Ты мне уже это говорила. Я тогда еще удивился: какие у вас с ним идеальные взаимоотношения. Прямо-таки сверхчеловеческие.

В.: Еще бы! Он меня всегда выручал. Я ведь так странно устроена, что могу все бросить — и все. Когда мы с дочкой возвращались из пионерского лагеря, лететь-то всего было полтора часа, пока летела — ничего, но когда самолет сел, я чувствую: *все*. Бросила сумку, пошла, ничего уже не замечаю... Если бы брат не приехал встречать в аэропорт, так без сумки бы и осталась. А он сказал, что как чувствовал, что я так поступлю — и приехал встретить. Подхватил меня с дочкой, такси взял и домой отвез.

П.: Интересно. Значит, даже вещи бросила?

В.: Да, со мной такое случается. Я тебе не рассказывала, что я лунатик?

П.: По карнизам, что ли, ходишь?

В.: Нет, до карнизов дело не дошло. А вот ночью могла встать, начать что-нибудь делать — и все с закрытыми глазами. Утром проснусь — ничего не помню. Это уж потом мне кто-нибудь рассказывал.

П.: Да, я знаю, такое случается. Сомнамбулизм.

В.: Но это у меня только в детстве было. Лет в пятнадцать-шестнадцать. Это часто у девушек случается. А потом прошло... И опять — только в Центре. Когда были эти видения.

П.: Да, я помню.

В.: А знаешь, как брат меня ревновал! Это было ужасно. Девятнадцать лет мне тогда было. Я тогда только начала... встречаться. С будущим, я имею в виду, мужем. Так брат меня *так* ревновал, *так* ревновал, что даже за нами следил. Скрыться было невозможно! И вообще прохода не давал. Здорово, правда?

П.: Не знаю.

В.: Ты же ведь тоже свою сестру ревновал, когда она замуж выходила?

П.: Нет.

В.: Как нет? Совсем — нет?

П.: Видимо, совсем. Тем более, так, чтобы следить — нет. Равнодушно все это воспринял: ни радовался, ни огорчился. Да у меня с ней взаимоотношения не очень. Ее мать, бывало, била, и за меня тоже, но часто незаслуженно. А я ничего не мог сделать.

В.: Ну вот, я же тебе и говорю, что у меня брат — *хороший*. И очень меня любит.

П.: А у тебя все хорошие. Вся семья. Все — очень-очень. И всех ты любишь: и брата, и дочку, и маму. И только отца стыдишься.

В.: Ну зачем ты иронизируешь? Есть, конечно, у них всех недостатки. В особенности, у матери.

П.: Неужели? И ты способна их замечать?

В.: Не иронизируй. А как не замечать, когда она начинает истерики закатывать? Вернее, это у нее в лежачей форме происходит.

П.: Это как?

В.: А разозлится неизвестно на что, даже без причины, ляжет, отвернется к стене — и лежит. Всем понятно, что никакого к тому повода не было, а она все равно лежит. Неделями могла так лежать. Мне в такие ее периоды приходилось на всех готовить. И отца кормить.

П.: Ну подумаешь, пару раз суп сварила!..

В.: Не-ет, у меня мама так месяцами лежать может. И ведь противно смотреть — ведь без всякого со стороны отца повода! Ведь она всегда прежде всего на него обижалась.

П.: А на брата?

В.: На брата? Никогда! Ты что? У нас брата в семье все очень любят. Мать советовалась с ним, еще когда он в школе учился. На что-нибудь решиться не может, а он скажет — и она делает.

П.: Удивительно! Взрослая женщина — и у школьника!

В.: Да ничего удивительного. Я же тебе говорю, что у меня брат — *хороший*. Только с женщинами он сам не может. Не везет. У него первая жена — дрянь такая была! Я не говорю про все остальное, но родила она от его лучшего приятеля. Я и решила помочь, нашла ему девушку. Только ты не подумай, что это случайная какая-то для него женщина. *Я знала, что ему нужна такая же, как я*, и нашла ему тоже — Весы. Они так влюбились друг в друга!..

П.: Словом, тебе сватовство легко далось?

В.: Еще как трудно было! Они поссорились, а она возьми да тут же влюбись в другого. К нам в Москву из-под Петербурга бригада целителей приехала...

П.: Как это — бригада?

В.: А так. Простые рабочие парни, из какого-то даже не городка, а рабочего поселка. Простые-простые, прямо примитивные. Раньше даже в одной бригаде на каком-то производстве работали — торфоразработки? — а потом Союз распался, безработица. Вот они всей бригадой целителями стали, дар, так сказать, божий у себя обнаружили. Так вот, жена брата, Оля, в одного из них и влюбилась. Причем так сильно! Едем, например, в троллейбусе, нам уже выходить, а этим ребятам дальше надо. Я ей говорю: вставай, нам выходить надо. А она: нет-нет, давай еще посидим. Я ей сколько раз говорила: тоже мне, нашла «добро», в которое влюбиться! Ну что в нем есть? Ну хоть бы что-нибудь было. Умный там, или красивый. Барахло, словом. Целитель вот только...

П.: Ну а с братом твоим они как помирились?

В.: Да это я им помогла. В общем, она опять в него влюбилась... Вот если ты со мной захочешь расстаться, ты скажи — я тебе тоже хорошую девушку подберу.

П.: Представляю!

В.: Нет, я серьезно! У меня хорошо получается.

П.: Тебе не кажется, что твое предложение несколько странное?

В.: Нет, не кажется. У меня действительно хорошо сватовство получается... Так и с братом. Казалось бы, они поссорились, все кончено, в другого влюбилась... Ан нет. Опять в Сережу влюбилась. Я же говорю: брат у меня *хороший*.

П.: Но ведь влюбление — это признак того, что...

В.: Значит, есть исключения. У меня, знаешь, дочка как его любит? Он для нее — все! Как и для меня — образец мужчины.

П.: Дочка, у тебя, действительно, особенная.

В.: Да. Знаешь, как я ее люблю? Мы всегда вместе: куда я — туда и она. И знаешь, насколько с ней проще? Я была намного более сложным ребенком — какой угодно фортель могла выкинуть. А она нет — другая. Она — хорошая, послушная. Только вот есть, конечно, некоторые вещи, которые меня беспокоят...

П.: Какие?

В.: Ну, например, когда она приходит с улицы, я всегда могу точно сказать, с кем она гуляла. По имени назвать. Она же всякий раз другая! Все меняется: и интонации, и слова, и даже мысли! Минуту слушаю, что она говорит — и уже знаю, с кем гуляла. И так сразу ее из этого состояния не вывести. Или отшлепать надо, или накричать. И опять становится хороший ребенок. Послушный.

П.: А один раз ее так кто-нибудь другой возьмет под контроль — и не выйдет. Или домой не придет...

В.: Вот я и боюсь. А ведь так, в основном, такой хороший ребенок...

П.: Учится не очень хорошо.

В.: *Нормально*.

П.: Как нормально? Я же в дневник смотрел: больше половины оценок за четверть — тройки.

В.: А я говорю: *нормально*.

П.: Ничего нормального не вижу.

В.: Все, оставим это!! Не хуже других. Я в школе так же училась. А в техникуме были одни пятерки. Красный диплом.

П.: И все равно странно. То, что ты при такой матери училась плохо — это не удивительно. Но ведь ты же — биофилка, следовательно, у тебя ребенок должен учиться хорошо. А она даже книжки не читает.

В.: А вот это удивительно. Я читала много. Ерунду, конечно, разную, но читала. Да и дочка у меня читала. Вместе читали. А потом *друг* — не стала. Я до сих пор не понимаю причины.

П.: *Вдруг* ничего не случается. Была какая-то причина. Скорее всего, ты изменилась. Впрочем, я не знаю.

В.: Я не менялась.

П.: Человек редко сам себя в состоянии оценить. Ему всегда кажется, что он один и тот же. А это не всегда так.

В.: Что ты имеешь в виду?

П.: Меня в свое время поразило, когда ты сказала во время психокатарсиса, что того, что у нас с тобой было, *как будто не было*. Как *будто это была не ты*.

В.: Я такое разве говорила?

П.: Да. Дважды. В зеркальном варианте. Один раз ты сказала про Центр: что у тебя такое ощущение, что это все происходило не с тобой. А другой раз — во время ссоры, что всего того, что *у нас* с тобой было, *как будто не было*... А теперь говоришь, что в детстве проявления сомнамбулизма были.

В.: Прошли.

П.: Да. Но оставим. Я этого еще не понял. Слова человека никак не характеризуют, поступки тоже, остается осмысливать, как в его присутствии меняются люди. В какую сторону. Поэтому я, наверное, только тогда тебя полностью пойму, когда смогу объяснить особенности поведения твоей дочки. Ребенок — визитная карточка матери. Ее души.

В.: А ты знаешь, о чем я для нее мечтаю?

П.: О чем?

В.: Чтобы она, когда рожать будет, ребенка *так* завела, без мужа.

П.: Как это?

В.: А что? Брак нужен только мужчинам, чтобы власть над женщиной получить. А потом развод, хлопоты. Так пусть она обзаведется ребенком без всего этого. Зачем муж?

П.: Ну, знаешь ли!..

В.: Главное: отношения матери и ребенка. А с мужчиной... Меня на работе одна женщина пыталась переспорить. Все говорила, что важнее сначала с мужем наладить взаимоотношения, а с детьми — уже второе дело. Так я с ней столько спорила! Говорила, что главное — ребенок!

П.: И переспорила?

В.: Нет. Она ничего не поняла.

П.: А между тем, согласно социологическим исследованиям, ребенок, выросший в неполной семье, без отца, обречен на психические отклонения. Ему труднее потом не только с семьей, но и вообще в жизни... Поэтому, если уж заботиться о ребенке, если рожать не себе в порочную утеху, а чтобы заботиться о *ребенке*, то надо сначала позаботиться о том окружении, в котором ему предстоит расти. Окружение — это фундамент первых самостоятельных шагов. А это значит, что женщина должна начинать с создания дома здорового климата, или, что то же самое, с налаживания взаимоотношений с мужчиной.

В.: Получается, я испортила своего ребенка...

П.: Так ты что, согласна, что надо начинать с отношений с мужчиной?

В.: Согласна.

П.: Но ведь ты же так много спорила с той женщиной?!

В.: Спорила.

П.: А теперь согласна?

В.: А теперь согласна.

П.: Я ведь еще не успел толком ни одного аргумента привести.

В.: А не надо. Все понятно. Да и достаточно сказал. Я согласна.

П.: Почему?

В.: Не знаю. Вот такая я. Замысловатая. Даже могу иногда согласиться сразу. Да ты вообще обычно всегда бываешь прав. Я начинаю размышлять — и все так и есть. А если я сразу не соглашаюсь, то только потому, что ты неправильно все преподносишь... Я чувствую, что ты прав, но что-то — не знаю что — мешает сразу согласиться.

П.: А как надо правильно?

В.: Не знаю. Но *чего-то* не хватает...

П.: Ну, хорошо. Я все-таки закончу мысль. Я только тогда смогу считать, что тебя понял, когда смогу объяснить особенности характера твоей дочки. Во-первых, почему она так легко отказывается от себя и принимает облик другого человека...

В.: И почему ее так трудно привести обратно в чувство. В особенности в последнее время так стало.

П.: Да. Во-вторых, почему у нее совершенно определенная негативная реакция вообще на любое предложение. Какое бы оно ни было — приятное ей или нет. Хотя мы на том необитаемом острове, который она выбрала как фон для психокатарсиса, и разгребли разные внушения, негативизм уменьшился, но полностью не исчез. В-третьих, почему она учится так скверно...

В.: *Нормально*.

П.: И ничего не читает...

В.: *Нормально*.

П.: Ты, может быть, против моего расследования?

В.: Нет. У меня нет от тебя секретов. Наоборот, мне даже приятно, когда ты меня... рассматриваешь.

П.: А ведь это небезопасное занятие. Это общий случай, что при психоанализе клиент готов сотрудничать с психоаналитиком до тех

только пор, пока тот дальше вторичных напластований не погружается. А когда он подходит к сути — то клиент как с цепи срывается. Появляется страшная враждебность — ведь извлекается на свет то, что клиенту удалось вытеснить с уровня словесной памяти. Вытягивать приходится из подсознания... Но забывчивость — инструмент защиты спокойствия. И защищаются. Вплоть до покушений на убийство.

В.: Не преувеличивай.

П.: Выдержишь? Неожиданные открытия?

В.: Ну уж это как Бог даст.

П.: Самый правильный ответ! Как все-таки приятно с тобой!.. Да... И, в-четвертых, почему она так отчетливо старается забыться, отключиться, не быть...

В.: *А брат здесь ни при чем!*

П.: А при чем здесь брат?

В.: Так... К слову пришлось...

П.: А я ничего против него не имею. Раз ты говоришь, что он такой исключительно хороший, — значит так оно и есть. У меня нет оснований сомневаться. Может быть, действительно этим и объясняется столь нетипичное твое предпочтение брата. Ведь для девочек обычно кумир — отец. А у тебя — брат. А отец — некий аутсайдер... Странно...

В.: Ничего странного. Просто брат — *хо-ро-ший*... А когда ты появился, стало еще лучше. Ты знаешь, после того, как ты со мной в первый раз в каморке папы Карло позанимался, я вернулась, спать легла, а тут вдруг кот приходит и между мной и дочкой ложится! Вот это было событие! У нас вообще такой удивительный кот, что его заставить заурчать от удовольствия — просто невозможно! Он иногда приходил к нам на ночь, спать, но редко-редко, раньше, еще до Центра, но как я туда стала ходить — все, больше не появлялся. А появился ты — каждую ночь стал приходиться. Может, родное что-нибудь почувствовал?

П.: Ты хочешь сказать, что я кот?

В.: Нет. Просто, если рядом ему было раньше плохо, то появился ты — стало хорошо... А это бывает, когда рядом родные... Я вообще стала замечать, что как мы встретились, даже родители мои стали дружнее жить. Мать отца стала меньше грызть...

Глава двадцать девятая.

ЦЕНТР

П.: ...Да, это, действительно, страшно...

В.: Ведь я как в этот Центр попала? У нас на работе одна женщина так расхваливала, так расхваливала, все говорила, какие *потрясающие люди* в этом Центре, и какие удивительные дела творят! Исцеляют такие болезни, перед которыми официальная медицина бессильна! Я слушала, слушала ее — и пошла. Тем более что Центр этот от дома недалеко... А действительно, что я должна была подумать, когда дела-

ют у кого-нибудь на руке надрез — кровь, а наклонились, пошептали — и кровь не течет. Эффектно, зримо. Или приходит человек, женщина, у нее боли в печени, воспаление, врачи ничего не могут сделать, а тут один сеанс — и все прошло, болей не чувствует, она чуть не на крыльях летает. *Что я должна была подумать?* Ведь не просто так — а *исцеление!* Да и всеми воспринималось как чудо. Это уже потом я стала замечать, что проходит некоторое время, не больше года, и у всех тех, кто прошел через Центр, случалось какое-нибудь несчастье. Причем не мелочь, не просто так себе неприятности, которые со всеми нами случаются, а несчастье именно большое. Человек, скажем, под машину попал, искалечился весь. А брат Оли и вовсе погиб. Или, скажем, жили-жили супруги хорошо, и вдруг как будто черная кошка между ними пробежала. А то, что или старые болезни возвращались, или какие-то новые страшные появлялись, — так об этом даже можно не говорить. И так у всех, кто в этом Центре лечился и за судьбой которых я могла наблюдать. Или просто был с целителями в контакте. Я вот, например, не *лечилась*.

П.: Ты рассказывала: дядя...

В.: Да, дядя мой тоже... Он тогда из деревни приехал в институт какой-то лечиться, так я же его в Центр и отвела. Так ему, действительно, после сеансов поначалу стало лучше...

П.: Он оценил свое состояние, как улучшение, *субъективно*...

В.: ...ему, действительно, поначалу стало вроде бы как лучше, а когда вернулся в деревню — и боли опять вернулись. И даже хуже стало. Теперь он знать ничего не желает про этих народных целителей... И вообще в Москву ни ногой.

П.: А не вернись он в свою деревню, стал бы дойной коровой: чуть показало, что хуже стало, — опять деньги...

В.: Да. И это тоже меня поражало. Ведь тех, с кем я работала, даже не интересовало: выздоровеет человек или нет, а только — *сколько заплатят*. Но ведь они говорят всем, что исцелять — им *дано*, и не просто *дано*, но *Сам Бог им даровал такой талант — исцелять!* И не так просто говорят — верят! Но при этом только о деньгах думают. «Даром получили — даром давайте» — это, кажется, в Библии сказано?

П.: Да, это из Библии.

В.: Ты учился и много учился, твой метод, которым ты лечишь, — это наука, а ты когда-нибудь деньги за то, что лечил, брал?

П.: Никогда. Ни разу. До сих пор, во всяком случае.

В.: Ты даже больше, чем учился, у тебя еще и семинария была — а ведь это все взаимосвязано. *Ты* право брать имеешь — а не берешь, а они не имеют — но только о деньгах думают. Вот это меня и поражало.

П.: Ну, положим, в духовной семинарии я не учился, а только переводил богословские тексты...

В.: Тем более! Для тебя это было больше, чем учиться! Практик. Переводить литературу, да еще богословскую — ведь для этого сколько надо! И в том числе знать, не говоря уже о даровании. А они получили *даром* — на каждом углу об этом болтают, а даром не дают. Я им сколь-

ко раз говорила — не хотят они понимать. Только злобились на меня. Да и что они там, если разобраться, делают? То, что можешь ты, им и во сне не снилось!

П.: Ну, положим, лечу не я, а человек себя сам лечит, ты же это прекрасно знаешь...

В.: Знаю. Но ведь все равно, человека еще надо *научить*, показать ему, *как* он может исцелиться!.. А когда я была в Центре... Теперь понимаю, а тогда... А тогда по-другому думала: этот, *мой дорогой экстрасенс*, удивительный человек, ведь был парализован — сам себя поднял... Женщина еще за ним одна ухаживала — а выходила, скромно удалилась... Памятник ей за это надо поставить!

П.: Памятник? Памятник, говоришь... Так. Дальше. Исцеляли, говоришь?

В.: Да, становились под икону, вот так воздымали руку и говорили: «Дух болезни, именем Иисуса Христа, выйди вон!» Или «Дух нездоровья, именем Иисуса Христа, выйди вон!» А еще: «Именем Иисуса Христа, войди здоровье!»

П.: Ну, я слышал формулы посложнее.

В.: Были и посложнее. В зависимости от уровня клиента.

П.: А можно и без икон. Порфирий Иванов, тот, который... Ты знаешь, что он себя Богом объявил?

В.: Знаю. В целительской среде он тоже популярен. «Детка» его, да и вообще вся система. Знаю, конечно.

П.: Тоже исцелял. Типичный, судя по документальным о нем фильмам, подавляющий индивид. Во всех проявлениях. Взять хотя бы совершенно зомбированные глаза его жены. Классические — больше даже ничего не надо. Типично даже то, что Богом себя считал. А до него — атеисты исцеляли. Только сейчас вряд ли кто из них решится об этом вспомнить! Теперь по телевизору говорят, что Бог есть, а целителям, оказывается, *дано*... А бывшая-то моя, теперь тоже занялась моржеванием, в прорубь ныряет, не иначе как ивановка...

В.: А в Центре... Что я могла подумать, ведь человек *в монастыре* жил... Если что, то говорил, что это испытание от Бога. Парализовало — сам поднялся. Разве не чудо?

П.: Как ты там сказала? Разошлись они с женщиной, как сам поднялся? *Сам* поднялся? А не *сам* ли, часом, и парали... Ты продолжай.

В.: Трудно было мне разобраться. На словах одно: Бог да покаяться, а потом вижу: главный — «дорогой экстрасенс», я имею в виду — там из Центра гарем делает... Все там женщины — его, все подобоострастны, на все готовы... А ведь *импотент!*.. Да-да, импотент, не удивляйся. Там у них в Центре у каждого в семьях нелады, если вообще семьи есть... Причем не просто какие-то обыденные, а очень серьезные несчастья. Гораздо более серьезные, чем у нас всех обычно. Или у сына ноги парализованы, или беспрерывно родные вокруг в аварии попадают, или с мужем *что-то не то*... Скажем, Гина — у нее муж бизнесмен, колоссальные деньги зарабатывает, а она его ни во что не ставит, так, пустое место. Да хуже — презирает, и вообще относится к нему только с той

точки зрения, как его можно использовать. Словом, семьи нет. Разве так можно? Разве так к мужу надо относиться?.. Потому, может, и бегает все время в Центр. Жить без него не может... И с сыном у нее какие-то очень серьезные трудности: с дурной компанией связался, еще что-то... Да и сама больная вся... Да они там все больные, друг у друга «лечатся». Только что толку? *И эти люди берутся лечить других!* Причем, вторгаясь в их биополе! Я им говорила: какое же вы имеете право? А они мне: мы друг друга лечим! Да что они там могут друг другу вылечить? Из одного в другого что-нибудь перетолкнут?

П.: Но ведь ты же и дядю, и дочку водила?

В.: Да, я виновата: и перед дядей, и перед дочкой. Но сама я не лечилась. Какое может быть лечение, *если человек меня ненавидит?! Ох, и много же он мне зла сделал!* Но и я ему тоже. Ух, и злая же я тогда была!!

П.: Ты?! Странно. На тебя не похоже.

В.: А чем дольше была в этом Центре, тем злее становилась. Дошло до того, что стала ненавидеть даже клиентов, которые туда приходили... Да, даже их. Да... Так там — целый гарем устроили... Да и я тоже... Первый раз тогда открыла дверь в его кабинет, увидела его и как ударило: ну, думаю, *ка-ако-ой человек...* Потом про себя так и говорила: я замужем... Всем так говорила. Помню, с одной знакомой галстук ему в подарок покупала, так и сказала ей: мужу. А ведь сколько я всего в Центр этот перетаскала! Все несла! Чашки, самовар, ребенкин проигрыватель... И ведь детское!

П.: Отдали обратно?

В.: Нет. Часть забрала. Остальным до сих пор они там пользуются. Пусть пользуются, если им все время *мало...* А этого... *А он* опять импотентом станет. И, очень может быть, опять парализует.

П.: Почему ты так думаешь?

В.: Я это *знаю...*

П.: Вот как?.. Значит, не вернули...

В.: Ты думаешь там просто так? Нет. Тебе говорят, что надо выбирать между служением себе и служением Богу, а если выбрала служение Богу, то надо быть готовой, что люди будут не принимать и даже гнать. И надо поступаться своим, и вещи во всем этом — самое несостоящее... Они вовсе не простые — эти целители. Это сейчас, в последнее время, способность к целительству стали у себя открывать даже простые рабочие. А тогда, в начале, при социализме, когда все это было запрещено, гораздо больше было людей с дипломами и даже с положением. Артисты, ученые, врачи... И Христа — на словах — они не отрицают, наоборот, это верующие люди. И все они не просто так делают, а, как говорят, для Бога. *Каналы очищают.* Каналы тела. Чтобы обрести якобы гармонию со Вселенной. И не только для этого групповые медитации. Групповой секс тоже для *очистения каналов...*

П.: И это там тоже?

В.: Да. Так и говорят: в определенных случаях эта групповщина необходима, чтобы *очистить каналы.* И в это верят. Я знаю женщи-

ну, которая так в это верит, что даже туда своего ребенка брала. Девять лет девочке...

П.: *И ты знала...* Знала — и все равно оставалась в этом заведении?!

В.: Я не участвовала. А потом — когда я узнала? Только через полгода. Уже там работала, когда... Когда... Когда я уже не могла... Я вообще когда *его* увидела, подумала: как на брата похож — *хороший.* Это уж потом я стала понимать — не-е-т, ведь такие дела делают...

П.: То есть ты хочешь сказать, что о внутренней жизни Центра знает далеко не всякий в это дело вовлеченный?

В.: «Вовлеченный» — чересчур сильное слово. Вокруг этих целителей увивается великое множество людей. А тех профессионалов, которые по-настоящему внутри, как бы в центре, меньше. Внешним не все можно знать. И ко мне подошли с предложением участвовать в *этом* только спустя полгода. И это так не только в том Центре, где я работала. Где я работала, вообще этих мероприятий не устраивали — ездили в другой... Но они между собой еще и партнерами обмениваются... Тоже для прочищения. Ведь как теперь они в газетах стали писать: плохой целитель — это у которого каналы не прочищены, а хороший об этом заботится...

Глава тридцатая.

ТЫ МЕНЯ УПОТРЕБИШЬ — И БРОСИШЬ

(Техника психокатарсиса)

... П.: Часто. *Слишком* часто...

В.: Что?

П.: Слишком часто повторяешь, что нужна ты мне только как хорошая прачка и отличная кухарка. А еще для *этого.* Дескать, употреблю, насладюсь — и брошу.

В.: А что, разве не так?

П.: А ты знаешь, какие женщины говорят подобные вещи?

В.: Какие?

П.: А как раз те самые, которые, наоборот, *сами* бы хотели от мужчины урвать. Судят, естественно, по себе. Мужчин обвиняют, а поступают так сами. А других женщин, наоборот, напряжение в этой точке заставляет прямо-таки содрогаться от ужаса, что мужчина подумает, что она может быть заинтересована что-нибудь от него получить. И от всего отказываются. Но мужчины с такими женщинами, хотя и экономят на подарках, но ничего не выигрывают. Потому, что хоть она и не просит, но все время находится в депрессивном состоянии от несбывшихся ожиданий. Это подсознательное желание *урвать*, на словах отказавшись от всех подарков, естественно, проявляется и внешне. В частности в том, что она подозревает своего мужчину — даже если он с ней честен — в том, что он хочет ею только *попользоваться*, а как личность она ему безразлична.

В.: И это все я?

П.: Да. Но это свойство — не проявление Личности. А уж тем более не завоевание. Это — плотское. Это свойство тех женщин, которые в детстве разочаровывались в отце. Вернее: разочаровались.

В.: А я в своем отце не разочаровывалась. Это я тебе точно говорю.

П.: А я с тобой в бытовом твоём состоянии ума ничего обсуждать не собираюсь. Вот сядешь, закроешь глаза...

В.: Лучше лягу.

П.: Прекрасно, ложись... Так... Хорошо... Нет, лучше на спину... Прекрасно. Итак, твоё разочарование в отце, оно...

В.: Да, действительно, был один случай, после которого я в отце разочаровалась...*

П.: Когда это было?

В.: Мне тогда столько было, сколько дочке сейчас...

П.: Двенадцать?

В.: Скорее четырнадцать... Мы тогда из деревни возвращались... В конце лета...

П.: Дальше.

В.: На станции это было. Ждали поезда. А тут, откуда ни возьмись, котенок выкатился. Так отец *на глазах у всех* к нему как бросится! Стал играть с ним, сюсюкать... Мне перед людьми аж стало неудобно: взрослый человек, а все как маленький... Я тогда так на него разозлилась...

П.: Разозлилась? Ты? Не может быть! На тебя не похоже.

В.: Да. А что он у всех на глазах?.. Стыдно же!..

П.: Так... А теперь меня интересует: где это разочарование?

В.: Н-н-н... Не знаю.

П.: Посмотри внимательно. Тяжесть в теле есть?

В.: Есть.

П.: Выше пояса или ниже?

В.: Выше. В груди.

П.: С углами или без?

В.: Без.

П.: А какой формы?

В.: Это шар.

П.: Какого цвета?

В.: Светящийся.

П.: Цвета какого?

В.: Никакого. Просто: светящийся.

П.: Хорошо. А теперь ты мне ответишь не думая... *Кто тебе в грудь вложил этот шар?* Мужчина или женщина?

В.: Женщина.

П.: Ах, женщина... Отвечай не думая: какой цвет преобладает в ее одежде?

В.: Серый.

П.: Не думая: она моложе сорока или старше?

В.: Старше.

П.: Не думая: внутренняя сущность у нее какого цвета?

В.: Ну, я сейчас такого могу нафантазировать...

П.: Я сказал — *не думая!* Какой видишь цвет?

В.: Черный. *Черная пантера*...

П.: Внешне она интеллигентно выглядит?

В.: Да какая там интеллигентность!..

П.: Я не про внутреннее, я про внешний вид.

В.: Я понимаю. Откуда на провинциальном вокзале может оказаться интеллигентная женщина? Да и народу было на перроне немного. А тут отец — к котенку. Вместе с моим братом... Но брату простительно: ему тогда было лет восемь, ребенок, а отец — как маленький... Постояй-постояй... Что же это получается?.. А ведь я в последнее время стала задумываться: а кто я такая, чтобы его судить? Разные люди, разные привычки...

П.: Ты сказала, там был еще и твой младший брат?

В.: Да.

П.: И бросились *вместе*?

В.: Да.

П.: Не думая: эта женщина замужем?

В.: Нет.

П.: Такие всегда завистливы. Чему она позавидовала, когда увидела, что отец с сыном вместе бросились к котенку?

В.: А вот как раз тому, что *вместе*.

П.: Так вот оно в чем дело... Семейная идиллия, которую она по черноте своей души у себя дома не смогла создать... А тут отец с сыном. И единокорны. Это уже семья. И эта дама, вместо того, чтобы поучиться, — позавидовала и разозлилась. Ты же, по своей сверхчувствительности, эту ее злобу вобрала и восприняла как свою, и *ее* злоба закрепилась *в тебе* психоэнергетической травмой... Сама же ты объясняла происходящее внешними наиболее значимыми для тебя в тот момент объектами. Отцом и котенком. На эту же женщину, скорее всего, и вовсе не обратила внимания.

В.: Вот уж точно — ее то я и не видела!

П.: Вернее, видела, но не отметила на логическом уровне. Я правильно обрисовал картину?

В.: Я думаю, что...

П.: Я не спросил, что ты *думаешь!* Меня интересует твоё *ощущение*. Ощущение: я что-нибудь не досказал? Или сказал неправильно?

В.: Все верно.

П.: Тебе этот светящийся шар нужен?

В.: А его уж нет.

П.: Хорошо. Ощущение — после того, как ты освободилась от светящегося шара, изменится ли твоё мнение, что ты мне нужна только для определенных целей?

* Дорогой читатель, вы уж сами разбирайтесь, где рационализация, а где правда, где лишнее, где работа с образами, где воспоминания об обидах, а где просто ласка.

В.: Ох, ну ты и коварный! Какой же ты коварный!

П.: Меня интересует ощущение. Итак, ощущение?

В.: Да. Много изменится.

П.: Открывая глаза... Так... И сразу же целоваться! А ведь только что мне говорила, что употреблю — и брошу... Ты... А... М-м-м... А приятно возвращать родителям любовь их детей... В особенности, дочерей — отцам. О!.. Ух, ты...

Глава тридцать первая.

ССОРЫ—1

(Техника психокатарсиса)

П.: Милая, я тебе *этого* не говорил! Ты понимаешь? Я тебе ничего даже *похожего* не говорил!

В.: Нет! Ты все время только одно мне и твердишь: *что от меня исходит все темное, черное!*

П.: А я тебе еще раз повторяю, что ничего похожего я тебе не говорил! Ты меня уже в который раз в этом обвиняешь — и напрасно. Это, скорее всего, невроз. Понимаешь? Невроз! Видимо, зацепившись за какую-то деталь в моем поведении, или просто за слово, ты *проваливаешься* в ситуацию, в которой боль некой психоэнергетической травмы. Надо от травмы освобождаться, а не от меня!

В.: Хочешь сказать, что я дура?

П.: Нет. Я...

В.: Нет, ты все время хочешь сказать, что я — дура, ничего не соображаю! Что интеллект у меня — ноль. Так меня это больше не беспокоит! Беспокоило в самом начале, когда мы только-только познакомились. Когда ты ради, так сказать, знакомства сказал, что интеллект у меня нулевой — тогда меня это еще беспокоило. А теперь — нет.

П.: И прекрасно! Дай я тебя поцелую!.. *Это* говорил. Но ты же сама потом сказала, что именно эти слова тебя особенно заинтересовали.

В.: Пусти! Конечно, заинтересовали: от интересного мужчины — интересные слова! А сейчас, когда время прошло, вопрос моего интеллекта меня больше не интересует.

П.: Никак поумнела.

В.: Но ты же меня теперь совершенно в другом обвиняешь! Что от меня исходит всякое зло. Черная энергия. Всю прогулку испортил. Куда ключи задевались? Ах, вот они...

П.: Уф! Никогда так не радовался, что наконец-то дома. Я тебя прошу: сразу — в кресло и закрывай глаза. И не разговаривай, не разговаривай, не разговаривай! Не спорь со мной!.. Я тебя жду... Ты скоро?.. Так... Не разговаривать — ведь договорились же! Так... Села. Отлично. Глаза закрыла? Хорошо. *То, что заставляет тебя воспринимать ситуацию именно так, как ты воспринимаешь, этот предмет — где он у тебя?*

В.: ...Н-н... Ничего нет.

П.: Внимательно осмотри себя. Начни с ног. А потом медленно внутренним взором поднимайся вверх. Итак, *что это?*

В.: Нет ничего.

П.: Уж очень ты быстро мне ответила. Чересчур. Ты, наверное, и не смотрела?

В.: Смотрела. Но что я могу сказать, если внутри меня ничего нет?

П.: А снаружи?

В.: Ой! Ой-ой-ой...

П.: Ну вот, опять слезы. Почему ты в кресло вжалась?

В.: Цилиндр! На голове! Очень больно!

П.: В какой части головы?

В.: Вот здесь. Ой!

П.: Так... На левой от меня части головы... Интересно. Из чего он сделан?

В.: Черный. Металлический, поржавевший... И как бы нечистый.

П.: Ржавый металл... Опять... Ощущение: как давно он у тебя на голове?

В.: Больше года...

П.: Опять Центр?

В.: Да.

П.: Автор — мужчина или женщина?

В.: Мужчина. Ой, больно!..

П.: Что этот цилиндр от тебя хочет?

В.: Абсолютного послушания...

П.: Так... Это он является причиной наших ссор?

В.: Да.

П.: А почему? Что еще этот черный металлический ржавый цилиндр от тебя хочет?..

В.: ...

П.: Что ты не отвечаешь?.. Впрочем, это твое право... Нужен тебе этот цилиндр?

В.: Нет, не нужен.

П.: Прежде, чем мы от него начнем избавляться, и для того, чтобы было удобнее это сделать, давай его повнимательней рассмотрим. Он гладкий?

В.: Да. Только, как будто покрыт ржавчиной. И ощущение, что грязный.

П.: Он у тебя на черепе как стоит: доньшком или на боку?

В.: Доньшком. Но не просто стоит, а как будто вдавлен в череп. Вот на столько. (*Показывает.*)

П.: И от этого больно, что вдавливается?

В.: Отчасти.

П.: Притянута ли к этому цилиндру твоя энергия?

В.: Нет.

П.: Он целиком тебе чужд?

В.: Да.

П.: Каким образом будешь от него избавляться?
В.: А каким можно?
П.: Сколько он весит?
В.: Много. Очень много. Больше пяти килограммов...
П.: Ого! С таким грузом на голове по жизни ходить!.. А способов множество: можно подъемным краном с электромагнитным захватом воспользоваться, можно лопатой подцепить и выбросить, а можно просто руками спихнуть. Ты *сама знаешь* наилучший способ. Что будешь делать?
В.: ...Ничего не получается.
П.: Еще попробуй.
В.: ...Нет. Ничего не получается. Только как будто меньше стал вдавливаясь.
П.: Так... *Что надо сделать, чтобы от этого цилиндра освободиться?*
В.: Надо... Надо... обсудить, зачем он туда поставлен...
П.: Хорошо. Зачем он туда поставлен? К чему он тебя принуждает?
В.: Чтобы... чтобы я к людям относилась *особенным* образом... Ух, и злая же я была, когда работала в Центре! Сама себя не узнавала! Вот, оказывается, откуда это! И ведь еще: *нельзя было показывать своего отношения!* И это — от цилиндра!
П.: Так... Что еще? К чему еще тебя принуждает этот цилиндр?
В.: Чтобы им, сотрудникам Центра, угождала. И была, как они.
П.: Так... Что происходит от того, что ты проговариваешь желания цилиндра?
В.: Они, эти желания, теряют надо мной силу.
П.: Скажи, разве это я тебе говорю, что от тебя исходит черная энергия?
В.: Нет, это связано с цилиндром.
П.: Так. Прекрасно! А какое исходит от этого цилиндра самое главное принуждение, сформулировав которое, ты избавишься от его власти над тобой?
В.: Я должна... *я должна вообще все воспринимать наоборот: обратное ко мне добро воспринимать как зло, а зло — как добро...*
П.: Вот это да!.. Вот это цилиндр!.. А теперь посмотри на него. Он каким-либо образом изменился?
В.: Да. Съехал набок. Застрял на уровне уха.
П.: Теперь ты можешь от него избавиться?
В.: Могу.
П.: Что будешь делать?
В.: Скинуть на землю... Все... И закопать, чтобы никогда больше... никогда...
П.: Прекрасно. Мне нравится, *как* ты вздохнула. А теперь посмотри внимательно: может что еще, может какой еще предмет определяет наши с тобой ссоры?
В.: Ох!
П.: Что у тебя в боку? Что ты за него схватилась?
В.: Спица!
П.: Длинная?

В.: Длинная. Пронизывает меня насквозь. А воткнули вот отсюда.
П.: А как ты скажешь...
В.: Женщина!
П.: Я даже не успел задать вопрос! Но ты правильно поняла.
В.: И я даже могу назвать ситуацию, когда ее мне воткнули.
П.: Когда?
В.: Я тогда на курсах занималась... Этих самых курсах... Вышла я после занятий, а она ко мне подошла, и руку — сюда. Я тогда подумала: что это она ко мне прикасается? И отстранилась.
П.: Но спица уже там.
В.: Да. Не успела я... Но ведь эта же женщина выдает себя за *белого мага!*
П.: А ты что, все еще веришь в это разделение: на белых и черных?
В.: Нет, но...
П.: «Нет, *но...*» Посмотри, может быть, тебе поставили код на эту глупость: разделять *магов* на белых и черных. Есть?
В.: Есть!
П.: Так. Становится все интересней. Что это?
В.: Неважно. Я уже это выбросила.
П.: Итак, она — белый?
В.: Да. Но маг. Поэтому — спица.
П.: А к чему тебя эта спица принуждает? Кроме того, чтобы ссориться со мной? Да, кстати, маленькое отступление: ссориться *вообще* с любым мужчиной или спица *специально против меня?* Ведь тебе же, ты рассказывала, в Центре предсказали, что через год у тебя будет Водолей? Что на мне, собственно, и исполнилось. И срок, и знак.
В.: Вообще. *Но против тебя — в особенности!*
П.: Ого! А как ты думаешь, когда предсказывали...
В.: Предсказывала не эта женщина, а другая... Предсказала Гина.
П.: Неважно. От Гины такое же железо. Уже только по характеру травм можно догадаться, что они все там одно. Повязаны воедино. *Могли ли они знать, какой будет смысл нашей встречи?* Про любовные отношения, ясное дело, знали. Но вот могли ли знать, что тот Водолей будет тебя «чистить»? Высокий смысл нашей с тобой встречи они знали?
В.: Сомневаюсь. Разве, отчасти...
П.: Так... Говоришь, спица во многом против меня *лично*... Интересно. Вот уж точно — сатанинское гнездо! Так. А к чему тебя *еще* принуждает эта спица?
В.: Принимать всякое направленное ко мне добро... Да то же самое! *Добро за зло, а зло — за добро.* Знаешь, кто эта женщина?
П.: Кто?
В.: Она — сестра... Сестра этого...
П.: Который цилиндр тебе в череп вдавил?
В.: Да. Главный там. «Любовь» моя.
П.: Значит, сестра не только по металлу, но еще и по крови... Как Элен с Анатодем... Так ты говоришь, что программа тебе ставилась в точности та же самая? Или сумма программ?

В.: Сумма.

П.: А ведь мы пришли к интереснейшему результату! *Два лица, вернее два человека без лица, могут быть разделены пространственно, но при этом действовать совершенно единодушно.*

В.: Да. Расстояние здесь не играет роли.

П.: Ты это, я смотрю, знаешь давно, для меня же это первый... — как бы это выразиться? — я впервые сатанизм вижу так отчетливо. В библейское описание сатаны я, разумеется, верю: бывший осеняющий херувим, самовольно от Бога отпавший, по форме — Божье творение, по сути — противоположность, но впервые все это вижу... зрительно. Я даже еще в полной мере не осмыслил это приобретение. Новые возможности. *Очень* интересно!

В.: Кому как...

П.: Но самое печальное, что эти люди в состоянии внушить окружающим, что именно они — высшая форма приобщения к Богу. Что исцелять им дано, и дано **Богом!** Впрочем, действительно, дано... Только не Тем, на Которого указывают.

В.: Страшнее то, что им ничего не объяснишь. Я столько раз пыталась...

П.: ...и все бесполезно. Странно не то, что не получилось, странно, что ты надеялась добиться этого *словами*. При чем здесь слова? Ты для них неприемлема, потому что ты — это ты.

В.: Странно...

П.: Что?

В.: Странно то, насколько по-разному воспринимают меня люди. Некоторые говорят, что я — разве что не святая: чистая и ласковая. И говорят, что я напоминаю кого-нибудь из детства. Сестру или школьную подругу, но обязательно кого-нибудь хорошего-хорошего. Теплое что-то. Другие — наоборот. Видят во мне что-то страшное. Хищное. Стервятника или коршуна. Который, если нет живого мяса, готов питаться падалью. Или еще одна: лису во мне разглядела, хитрую лису, которая умело втирается в доверие, а потом неожиданно оказывается, что это хищница, хищница с чрезвычайно опасными ядовитыми зубами.

П.: А так и есть: с разными людьми ты разная. Свидетельствую! Я это заметил. У тебя дочь любит соперничество, ей в общении — главное победить, так ты с ней, иной раз, сама строгость, но опять-таки с оттенком соперничества. Однажды я видел, как ты с матерью своей разговаривала по телефону, так у тебя появилось выражение лица — ну в точности ее. Такого выражения лица я у тебя никогда не видел, особенным образом поджатые губы, причем, зло поджатые. «Зло» может быть чересчур сильное слово, скажем помягче: едко. А со мной ты сама нежность, даже иной раз думаешь: возможно ли такое, чтобы женщина могла быть такой нежной и тактичной... Ведь женщины обычно грубы.

В.: Согласна. Я всегда говорила, что женщины более жестоки, чем мужчины.

П.: Такое вот у тебя свойство: принимать облик того человека, рядом с которым ты оказалась. В особенности, если это подавляющий индивид. Хотя, разумеется, каждый конкретный случай нужно проверять. Ведь возможен и другой вариант: ты можешь быть сама собой, тем более, если рядом биофил. Но и рядом с биофилом может произойти и рестимуляция какой-нибудь невротогенной ситуации. А ты... Так... Скажи *сама*, подсознание пусть скажет, первое, что приходит в голову: лисица с ядовитыми зубами — это рестимуляция стресса или отражение человека?

В.: Отражение. *Я — зеркало.*

П.: Как ты сказала? *Зеркало?* Отражаешь, того, кто оказался рядом... Человек-зеркало... *Женщина-зеркало в логове сатаны.* Захватывающий сюжет для книги!.. А наипризнаннейшие экстрасенсы не в состоянии распознать столь очевидный случай зеркальности. И, не понимая, что происходит, описывают самих себя.

В.: Да, я — зеркало. И хорошо, что ты это заметил. И понял.

П.: Так. Значит, приняла облик *того* человека. Этот человек сам такой. Лиса с ядовитыми зубами. Кстати, а кто тебя так определил?

В.: А как раз та самая, которая мне спицу воткнула. Между прочим, втыкая, улыбалась. Очень приятная улыбка. А сама...

П.: Та самая? Сестра?

В.: Да. Она меня так определила, когда я хотела с ней хорошие взаимоотношения наладить. Пирог испекла, принесла к ней домой, с открытой душой пришла, а она мне сказала, что я жадная и лисица, которая втирается, а потом вонзает зубы.

П.: Так. Все один к одному... А этот хищник, стервятник или коршун — это от кого?

В.: Это...

П.: Надо понимать — от брата? От «дорогого»?

В.: Да.

П.: У тебя с этими словами связана психоэнергетическая травма.

В.: Да нет у меня больше ничего!

П.: Не открывай глаза! Я же вижу по характерному выражению лица, что есть травма. Я произнес слово «коршун» — выражение лица изменилось. Да к тому же, ты мне не в первый раз про этого «коршуна» говоришь. Где она? Внутри тебя или снаружи?

В.: И там, и там

П.: В какой части тела?

В.: В голове. Частью внутри ее, а частью — снаружи.

П.: Что это за предмет?

В.: Штопор.

П.: Штопор? В черепе?.. Да... Значит, металлический. Блестящий?

В.: Нет. С ржавчиной.

П.: Понятно. На удивление однотипный материал. Нужен он тебе?

В.: Нет. Все. Я его уже вынула.

П.: Есть что-нибудь еще? Вне или внутри?

В.: Вне. Я сейчас освобожусь. Так. Все.

П.: Есть еще что-нибудь?

В.: Нет, больше ничего нет. Да и хватит. Мне и так вся эта история с Центром комедию напоминает. Знаешь, какой образ перед глазами появляется?

П.: Какой?

В.: Маска, на которой намалевана ухмылка. Дурацкая, во всю маску ухмылка.

П.: Этот образ — это что? След от стресса?

В.: Нет. Просто образ. И вообще, у меня такое ощущение, что того, что происходило со мной в Центре, как будто не было. Или не со мной происходило...

П.: Так. Хорошо. Но это сейчас — ухмылка, после того как мы столько из тебя вычистили. И такую большую работу осознания провели. А ведь не встретиться мы, ты бы и дальше... умирала. А камень и поныне в почке... Будем надеяться, что обойдется без операции.

В.: Не обойдется.

П.: Да?.. Но ведь... ведь ты и раньше могла понять, что с этими приписываемыми тебе характеристиками не все в порядке: два признанных экстрасенса тебя видят по-разному. Причем брат с сестрой. Можно бы догадаться, что это они сами про себя?

В.: Теоретически можно, но как, если все это — штопором? И никуда от него не денешься — ввинчен. А потом они довольно много одинакового говорили. Например, что от меня черная энергия исходит. Что где бы я на курсах не села, пусть хоть в стороне, хоть на последнем ряду, говорили, что я притягиваю к себе всеобщее внимание. Говорили, хочу быть в центре внимания, да и вообще, что я ни сделаю — все зло... И только ты разглядел во мне детскую наивность и интереснейшего собеседника.

П.: Так ведь это же правда! Чем дольше мы с тобой общаемся, чем больше я с тебя снимаю психоэнергетических травм, тем более интересным собеседником ты становишься. Причем заметно меняешься, и я тебе об этом уже говорил.

В.: С кем поведешься, от того и набере...

П.: Понимаю, что ты хочешь сказать. И, тем не менее, это — *твое*.

В.: Мое?! Я надеюсь, что я не более чем твое влияние. Я — отражение тебя. Я же — *зеркало*.

П.: Это не так. Вернее, не совсем так. *Твое* в тебе все равно всегда сохранялось, даже когда оказывалась в гуще целителей. Ты же говорила мне: была с ними не согласна, говорила, что только Христос имеет право вмешиваться в биоэнергетическое поле человека. Еще до того говорила, когда эти слова превратились в пустую формулу и все вокруг стали ее повторять как заклинание. Твое в тебе твоим и осталось.

В.: Так — да. Мне часто хотелось сказать «нет», но я ничего не могла поделаться и говорила: «да... да... да... да...»

П.: Здесь нет противоречия: конкретное поведение — это некоторый баланс между тем, что *твое*, и тем, что тебе ввернули штопором или вдавили цилиндром. А третий компонент баланса — влияние *не-*

посредственное. Но вряд ли твои «да» — только их вмешательства. В этом есть опасность самооправдания, дескать, раз зеркало, то сама ни за какие поступки не отвечаю. Ведь, в конце концов, закономерен вопрос: *а как ты вообще в Центре оказалась?*

В.: Я же не знала. А потом там слова такие правильные произносятся. Иконы, свечи, крестики нательные... Молятся. Все кругом их хвалят. Восхищаются ими. Или их ругают. Гонимые получают. Говорят, как Христос и Его ученики... Как тут сразу разобраться? Спасибо тебе... За то, что ты для меня сделал.

П.: Опять! Ты сама! Бог! Но вот, что я думаю... Это твое свойство отражать внутренний облик других людей и в первую очередь подавляющих, хотя в некоторых ситуациях и опасное, одновременно твоя защита. Ведь *они* бессильны тебя использовать так, как бы этого хотели. Я имею в виду, использовать твои биофильные качества. Ведь ты же немедленно как бы преобразовываешься в их облик, и они начинают видеть в тебе конкурента, опасного для них, подавляющего, коршуна или лисицу, человека, который притягивает к себе внимание, потому что это — сжигающее *их* вождение, где бы они ни сели. Да они попросту *боятся!* Боятся человека, о котором подозревают, что он знает всю их подноготную!! Хотя вряд ли позволяют это себе логически осмысливать, а если осмысливают, то наверняка пытаются скрыть.

В.: Вот точное слово — сжигающее! *Сжигающее вождение*.

П.: Так мы же все-таки писатель, а не хухры-мухры.

В.: Ну вот, началось!

П.: Так. Не будем расслабляться. Как ты скажешь, мы уже достаточно обсудили проблему наших с тобой ссор? Достаточно, чтобы вытащить эту спицу?

В.: Достаточно.

П.: Будешь вытаскивать?

В.: Буду. Только...

П.: Что? Вперед или назад?

В.: А почему ты это спросил?

П.: Потому, что кто знает, может быть, там на спице есть какие-нибудь зазубрины? И назад не вытащить.

В.: Ты прямо как видишь. Зазубрины действительно есть. Как на рыболовном крючке. Но вытаскивать все равно надо назад. Тем же путем, каким и воткнули.

П.: Ну так вытаскивай.

В.: Ой! Ой!

П.: Больно? Может быть, помочь?

В.: Нет, не надо, я сама. Ой!.. Все...

П.: Прекрасно. Как твое самочувствие?

В.: Замечательно. Во всем теле чувство легкости, и голова — такая ясная! А лоб — прохладный.

П.: Хорошо. Ощущение: еще позанимаемся или на сегодня достаточно?

В.: Достаточно.

П.: Хорошо. Вспомни что-нибудь приятное. Случалось ли у тебя в последнее время что-нибудь приятное?

В.: Приятное? Случалось. И очень часто. А то, чем мы сейчас занимаемся, разве не приятное? Разве это не прекрасно, что я на тебя не буду больше понапрасну наскокивать? Разве это не чудесно? Разве от этого не должно хотеться улыбаться?..

И как написали бы в романах: *«Он почувствовал нежное прикосновение затрепетавших губ. Он закрыл глаза, и ему показалось, что все тепло взаимопонимания, которое только может вместить мир, ласково прильнуло к его телу. Он...»*

(Это безобразие! Такие вещи стали писать в философско-медицинских трактатах! И это — взрослые люди! Просто какой-то ужас! После «Он» вычеркнуть, вымарать и забрызгать сверху чернилами!!! — *Редатор.*)

Глава тридцать вторая.

МОДНЫЙ ДОКТОР

Если бы автор верил в переселение душ, то он был бы *вынужден признать*, что «модный доктор» («дорогой экстрасенс», как его называла В.) есть очередное воплощение той сущности, которая в прежнем воплощении была Гришкой Распутиным — столько у этих двоих людей общего!

Тут и:

- монастырское прошлое;
- групповухи (участие в групповом сексе);
- соучастие в самых гнусных преступлениях;
- массовое обожание со стороны женщин;
- пользование деньгами поклонниц;
- умение останавливать кровь;
- целительство психогенных заболеваний, которые по недоразумению и невежеству считают неизлечимыми;
- скабрёзные нашептывания пациенткам во время сеансов «целительства»;
- истовая преданность Православной вере;
- пьянство;
- частое молитвословие и «покаяния»;
- требование к поклонницам хранить подаренные им иконы;
- благословение на их (Гришки и «дорогого») деятельность от высших православных иерархов;
- будуарный способ влияния на государственные решения, и т. д.

Однако, поскольку души не переселяются, то удивляться остается только чистоте типа очередного «Божьего человека». Причем, подобно спонтанному, потому что «дорогому экстрасенсу» в условиях советской тотальной цензуры и тотального неиздания неавторитарной

литературы познакомиться с материалами о Распутине возможности, скорее всего, не было.

Современники Распутина пишут, что Гришка — явление типичское: дескать, разве что не в каждой русской деревне были такого типа мужики, слово которых для многих деревенских баб было последней инстанцией. Распутин интересен разве что тем, что оказался фаворитом в семье не сельского кулака, а императора и самодержца России.

Григорий Распутин, действительно, вошел в историю потому, что в падении царской России (иными словами: организации в стране кровавого шабаша ленинщины и сталинщины) ему приписывают роль более значительную, чем коммунистической и всем прочим деструктивным партиям вместе взятым. И приписывается не без основания: до появления Распутина народ бескрайней Российской империи по своему обыкновению власть боготворил, боготворил он ее и после воцарения Ленина, Сталина и последующих им подобных правителей, и колебать его веру не могли никакие при царизме революционеры-бомбисты, а при социализме диссиденты, но вот появление при дворе последней российской императрицы — «святой» Александры Федоровны — конокрада Гришки Распутина привело к уничтожению не только царственного дома Романовых, но и, в каком-то смысле, России.

Народ не сопротивляется, когда его дураят, потому что ценит даруемое ему при этом состояние восторга (любит покаяфовать), но благоволит народ только к таким формам одурачивания, наслаждаясь которыми, он огражден от поводов к пробуждению критического мышления. На всякое одурачивание должна быть соответствующая манера: если уж пришел хищник грабить родину, то пусть при этом изволит говорить красивые слова — про обретенную новую родину, про сердечную к ней любовь, про ее исключительность, про преданность народу, Богу и всему остальному. И повторять эти формулы надо *всегда* — во всяком случае, при свидетелях. Так все и поступали — Гитлер, Ленин, Сталин, Наполеон (завоевывая Египет, он на радость ограбляемого населения даже принял ислам) и прочие.

А вот Гришка Распутин этого правила игры не соблюдал. Он устраивал омерзительные по своему цинизму попойки, оплачивать которые он демонстративно заставлял с обожанием взиравших на него дам — смиренных набожных «послушниц» (что им особенно нравилось) старца (в православном смысле слова), — они оплачивали даже услуги проституток. Он во всеуслышанье глумился над императрицей, говоря, что она лопнула бы от злости, узнай, что он вытворает в вышитой ее царственными ручками специально для него рубахе. Но она не лопнула. Не лопнула даже тогда, когда те немногие из чиновников, которые за годы пресмыкания и подхалимничания в иерархиях сохранили остатки совести, докладывали о деяниях Гришки-конокрада — она впадала в злобные истерики, кричала, что на ее Друга, старца, святого, «дорогого Григория» (так она его часто называла) возводят понапраслину, — он свят, ниспослан ей самим Небом, а если что и замечено, то это был не он, а его двойник, и т. п. Утихнув, императрица отдавала

распоряжение (в культурной, разумеется, форме) своему супругу-императору и он, который называл свое отношение к супруге любовным, приказы, сходившие с ее тонких анально-изогнутых губ, выполнял.

В результате, на смену минимально честным чиновникам и министрам приходили те, кто, чтобы получить место в иерархии поближе к «помазанникам Божиим», не чурались угодничать перед «святым старцем» — в любой форме. Григорий же из многих желающих, чтобы не утратить власть над императрицей-немкой (как и сверхпатриотичный император Гитлер, сверхпатриотичная Александра Федоровна по крови — немка), в своих требованиях и наставлениях против шерстки ее не гладил, а только в приятном ей направлении — «немецком», *угадывая неосознанные ее желания*, потому хаял главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, добивался и добился его смещения и затем назначения на эту должность другого — бездарного; в министры тоже предлагал «верных» — прогермански (антирусски) настроенных индивидов. В условиях русско-германской войны (как части I Мировой) это не могло не привести к ухудшению положения на фронте, то есть смерти сотен тысяч русских солдат.

Разумеется, не будь Распутина, первая дама России, у которой случались сны об уничтожении в огне всего дома Романовых, приблизила бы какого-нибудь другого «конокрада», но если бы вдруг рядом с ней не случилось ни одного, то и в I Мировой войне Россия одержала бы победу над немцами, как это бывало и в прежние времена, и как это произошло во время II Мировой. И авторитаризм в России не носил бы названия ленинщины и сталинщины, а назывался как-нибудь иначе.

Здесь не случайно подчеркивается, что Григорий Распутин был конокрадом. Времена меняются в том только смысле, что с изменением способа производства меняются и воззрения на относительную тяжесть различных преступлений. Убить ребенка и украсть лошадь — в глазах Божьих преступления по тяжести равные, просто потому что они *преступления*. Но для обывателей в разные времена и эпохи более страшным кажется одно, а не другое. В наше время выхватить из чужой коляски ребенка и, наступив ему на хрупкую головку каблуком, раздавить ее, кажется более ужасным, чем увести лошадь. Но во времена Гришки Распутина на его родине в Тобольской губернии все было наоборот. Детей в семьях рождалось много, половина умирала (от недокорма, убивались сами, или их убивали) — и это было привычно, ничего особенного. А вот лошадь, лошадь — это было святое. Утрата лошади, кормилицы, тем более единственной, могла означать голодную смерть не одного ребенка, а нескольких, и даже всей семьи. Григорий Распутин, духовный авторитет высших иерархов государственной религии и сановников светской власти России начала XX века, начал сразу с конокрадства.

Для национальных духовно-нравственных авторитетов это типично. Скажем, Махамет, основатель ислама, во главе первых в него «уверовавших» начал с грабежей караванов; Сталин, один из столпов и видимая глава атеистической веры — с грабежей банков; Гитлер, идейный вдохновитель арийской религии, еще ребенком был замечен как

заводила ребяческих игр (хотя с точки зрения формальной юриспруденции это и не преступление, но для человека, задумывавшегося над закономерностями человеческого бытия, это несомненный признак будущих анально-деструктивных «успехов» ребенка); аналогично и Будда Шакья-Муни после своего «просветления» на удивление не утратил самого базового качества мирского правителя-изувера — способности вызывать массовый восторг у обывателей; и т. п. Теперь и Григорием Распутиным пытаются пополнить этот ряд признанных «героев веры». С благословения высших иерархов господствующей Православной церкви выпускаются монографии, в которых доказывается, что Григорий Распутин на самом деле был истинным верующим, христианином, старцем, Божиим человеком, посланцем Неба — что для авторов следует из его словес, безусловной верности государственной религии, паломнических подвигов и дружбы с ним высших пастьерей нации. Поступки же его, как духовно недостижимого подвижника, дескать, просто неверно истолкованы. Почему взялись подготавливать Гришку к канонизации — вполне понятно: ведь если Православной церковью был причислен к лику святых многолетний друг Гришки-конокрада Иоанн Кронштадтский (в современной терминологии — стадионный проповедник, к нему стекались толпы восторженных паломников), причислена и подельщица Гришки императрица Александра Федоровна, то в таком случае должен быть канонизирован и сам Распутин. Иначе... Иначе движение анализирующей мысли приведет к осознанию того, что «святые» Иоанн Кронштадтский и императрица Александра Федоровна не суть таковы, что они на самом деле вовсе не люди Божьи, а лишь символы иерархии. Развитие этой мысли неминуемо приведет к внимательному рассмотрению прочих канонизированных «святых». Те, кто хоть немного размышлял над житийной литературой, понимает, что культивируемый в них тип «святых» — своеобразные «свои ноги» государственной иерархии (теми, кто их «проглотил», можно манипулировать как угодно, а кто воспротивился — на кол). Всякое же аналитическое рассмотрение «своих ног» для иерархов опасно: оно может привести к обвальному развенчиванию прочих символов. А там уж недалеко и до осмысления истинного предназначения икон. А затем, глядишь, и заповеди Божьи попытаются прочесть в том виде, в каком они были начертаны Господом, без отменяющих их толкований. Поэтому иерархия государственной религии будет упираться не на то, что с людьми происходило в результате общения с Гришкой, а на его слова и перетолкованные поступки.

«Дорогой экстрасенс» коней, возможно, не крал. Но зато был как минимум соучастником вовлечения девятилетней девочки в групповой секс. Однако нам не кажется, что эта особенность биографии существенно отличает его от царичьиного «Друга». В том и другом случае гнуснее преступлений — с точки зрения современников — трудно придумать.

«Дорогой экстрасенс», как и Гитлер, импотент, и может показаться, что тем существенно отличается он от Гришки — ведь в вину Григорию якобы осуждающие его многочисленные авторы вменяют именно по-

хотливость, его хвастовство многочисленными победами, наем проституток и пользование энтузиастками, о хихиканье которых в спальне «Божьего человека» сохранились отчеты полицейских филеров. Однако кроме этого хихиканья никаких более веских доказательств нет: противозачаточных средств в его шкафчике не находили; не настаивал он и на уколах «Тестовирона». Но, в сущности, полагать, что в ряду сильных гипнотизеров-импотентов (среди них такие известные имена, как король магнетизеров Месмер, Фрейд и т. д.) он составляет исключение, — оснований нет.

Могут, конечно, возразить, что-де была в Tobольской губернии деревня, в которой жила венчанная супруга Гришки-конокрада, у которой были дети, называвшие Григория «папой» и бравшие у него деньги. Если не останавливаться на варианте типичной для пьяни ранней импотенции, то дети у жены Распутина вполне объяснимы: у «конокрадов», как и вообще в любой субкультуре, стабильные союзы образуются только с себе подобными. У женщин же, способных ужиться с конокрадом, в смысле деторождения возможны самые вычурные комбинации отцовства. Оглянитесь вокруг: импотенция официального мужа деторождению отнюдь не мешает, в чем вы можете убедиться на примере, скажем, ваших соседей. (По статистике разве что не каждый десятый — стерильный импотент, что не мешает ему иметь детей, жену и благоговеющих любовниц. С детьми выручают сердобольные соседи, а механизм того, как женщины получают удовольствие с импотентами даже без буквально на них дефектирования мы рассмотрим подробнее в главе «Шабаш».)

Подозревать Распутина в импотенции есть серьезные основания. Примечателен следующий факт: многие знали об особенной близости Распутина с лучшей подругой императрицы — А. А. Вырубовой. Она каждый день навещала его без свидетелей. После убийства Распутина революционные матросы хотели из Вырубовой сделать козла (козу?) отпущения павшего режима, поэтому когда она была в заключении в Петропавловской крепости, она настояла на врачебном освидетельствовании, в результате которого было констатировано, что Вырубова — девственница. Из этого все делают вывод, угодный Вырубовой, — что-де в интимной близости со «святым старцем» она быть не могла. Однако... Факт ее девственности действительно примечателен, и прежде всего потому, что Вырубова замужем была. Супруга себе она выбирала с помощью своей лучшей подруги — императрицы Александры Федоровны. Претендентов на обладающую столь колоссальным влиянием придворную даму было предостаточно, и подружки из многих выбрали, по их мнению, наиболее благородного, достойного и мужественного — лейтенанта Вырубова. Однако после интимной с ним близости выяснилось, что лейтенант — патологический садист, истерик и импотент. Естественно, что Вырубова осталась девственницей. После интимной с ним близости. В течение полугода.

Ни ревнивая императрица, ни ее лучшая подружка не обладали свойством меняться, так было во всем — очевидно, не менялись и их ассоциативные предпочтения мужчин. Так что, вполне естественно, что

девственница Вырубова ею же и осталась и после интимной близости с Распутиным. Точно так же, как оставались девственны и «любовницы» Гитлера. Вкусы императрицы и ее конфедантки Вырубовой невольно вызывает ассоциации с секретаршами Гитлера, которые за образец идеального мужчины кроме «эротичного» фюрера выбрали офицера без мужских в крови гормонов. Они же, как ревностные католички, набожно осеняя себя крестными знаменами, благоговейно произносили имя фюрера (словосочетание «святой старец» чистокровные арийки, возможно, попросту никогда не слышали). Ничего удивительного, что в письмах императрицы ее способный к деторождению супруг император Николай II (выпить любил, но не запойный; и вообще мужик, похоже, был свойский), был всего лишь «дружком» (с маленькой буквы), а «дорогой Григорий» — «Другом» (с большой), святым старцем, авторитетом во всем.

Есть и еще одно соображение психологического порядка, которое указывает на возможное выполнение Вырубовой специфических услуг для «дорогого Григория», схожих с теми, что оказывала Гитлеру Ева Браун. Дело в том, что Григорий, как и Гитлер, исповедовал тот принцип, что для того, чтобы возвыситься, надо предельно унизиться. Что делал Гитлер, известно, а вот как унижался Григорий? Что он делал такого, что у него появлялась такая над Россией власть? Исследователи ничего об этом не говорят, потому что на людях Григорий, как и Гитлер, все время пребывал в садистской роли. Но без противофазы садо-мазохистского маятника находиться в одном положении невозможно. Роль Вырубовой странна, странна ее конфиденциальные каждодневные посещения Распутина, и в особенности они наводят на размышление тем, что на допросах Вырубова о них явно врала. Это отмечают все исследователи, которые держали в руках протоколы ее допросов. Почему ей надо было врать, если она с Гришкой, как она заявляет, творила «Божье дело на благо России»? Что она скрывала, что даже не испугалась гнева революционных матросов, по обыкновению кровавого? (Матросы поверили Вырубовой, как Ленину, как крестьяне — Софье Андреевне, и т. п.)

Возвращаясь к «дорогому экстрасенсу» и развивая аналогию с реинкарнациями, заметим, что по индуистским верованиям каждое последующее воплощение отнюдь не точное повторение предыдущего. Некоторые отличия есть всегда.

Если предположить, что копрофилия Гришки Распутина все-таки не доказана, то «дорогой экстрасенс» отличается от любимца императорской семьи и православных иерархов тремя чертами: он *художник*, *копрофил* и *верит в переселение души*. Все эти три черты не случайны и существуют не сами по себе — они взаимосвязаны. В частности, все три эти черты мы встречаем у Гитлера, который тоже был художником, копрофилом и верил, что является реинкарнацией императора Тибетия. Все это не случайно.

Художничество — это не просто размазывание красок по различным поверхностям, это не просто символ превосходства над окружающими, это еще и характерные формы «половой» жизни.

Всем известно, что для того, чтобы молодому человеку утвердиться в артистической среде, ему приходится изменить свои представления о своей половой принадлежности. «Приходится» — слово неточное: оно извращает причинно-следственную связь. На самом деле в артисты стремятся люди определенного склада, которым доставляет удовольствие властвовать над сидящей рядами в партере толпой. Это — анально-накопительский тип характера, что, среди прочего, проявляется и в том, что у его обладателя главная эрогенная зона — анус. Это уже почти буквальная гомосексуальность. Часто это и импотенция, как в случае «дорогого экстрасенса» и Гитлера.

В среде художников вкусы и предпочтения те же, что и у артистов. Иногда, впадая в покаянный пафос, они начинают оправдываться тем, что для того, чтобы продаваться, художнику необходимо имя, а имя художнику делают галерейщики и критики — те же в оплату принимают только натуру. Но и без галерейщиков и критиков «голубизна» является в среде рисующей богемы обязательной формой существования. Другое дело, что художники, в отличие от актеров, свою голубизну не афишируют. Не из стыдливости, а по причине способа зарабатывания денег. В зависимости от территории проживания одни из них хорошо зарабатывают на росписях храмов и тиражировании икон. Другие существуют на средства восторгающихся меценатов, а тут принято иногда расплачиваться картинами с аллегорическим содержанием, с претензией на глубинное познание мира. Художники, несмотря на «голубое» хвастовство в компании своих, перед внешними изображают из себя реинкарнированных святых и делают это вполне профессионально, вводя в заблуждение, разумеется, только тех, кто хочет и любит *верить*. Поэтому о гомосексуальности художника Гитлера даже в наше время говорят с ноткой сомнения, несмотря на множество на то указаний.

Питье мочи в среде магов-целителей возведено в ранг высшей добродетели. Трудно, если не невозможно найти пособие по целительству без главы «Как приучить себя к урине». Но «дорогой экстрасенс» даже в среде целителей смог в этом смысле выделиться.

В самом начале знакомства В. восторженно рассказывала П. о некоей женщине, которая выхаживала «дорогого», когда он лежал парализованный, убирала из-под него, обмывала, и так до тех пор, пока он сам (!) чудесным образом не встал. После этого женщина скромно ушла в сторону без всякой награды — памятник, дескать, ей, атеистке, надо поставить за ее христианскую душу! П. в этом рассказе сразу показались подозрительными два момента. Во-первых, если любитель мочи сам встал, то, скорее всего, сам и улегся, попросту говоря, он — симулянт. Случаи симулирования парализаций достаточно распространены. Больными этого типа занимался сам Адлер, в честь кого их и называют «адлеровскими паралитиками». Адлер выявил, что имитацией паралича симулянт очень много выигрывает на психологическом уровне: он обретает над окружающими *абсолютную власть* — не он должен подстраиваться под интересы остальных, но остальные вынуждены подстраиваться под ритмы его дефекаций. В сущности, на психологиче-

ском уровне он в доме становится ханом — ему вынуждены подчиниться все. Адлеровские больные не примитивны: они владеют системой Станиславского лучше профессиональных актеров. В нужный момент они *действительно чувствуют боль* и от нее корчатся — иначе их игру распознают. А в другой нужный момент — скажем, очень хочется пить, а подать некому — могут встать, напиться и вновь распластаться в жалостливой позе. А еще они никогда не разыгрывают парализаций левой руки, если, скажем, в детстве был ушиб правой.

Во-вторых, не менее подозрительно и поведение женщины. Наблюдения показывают, что часто так называемые верующие, сметая со своего пути любые препятствия и нравственные ограничения, добиваются доступа в операционные для участия в ампутациях или в палаты с парализованными, в обоих случаях пренебрегая более важными своими обязанностями; для оправдания и доказательства своего права на такое поведение манипулируют христианской терминологией, хотя отнюдь не христиане. И побуждения у них отнюдь не христианские. Тем более, порочны мотивы атеистки, женщины отвергнувшей даже идею Бога! Мотивом ее подмываний «дорогого экстрасенса» также не был интерес к нему как к личности или как к мужчине. Будь так, после его «чудотворного исцеления» она вправе была потребовать награды и эту награду получить: от личности — дальнейшего общения, от мужчины — супружества или иных форм общения. Но не потребовала. «Ушла в сторону». Люди уходят в сторону только по одной причине — нет больше достаточно мощного стимула, притягивающего к месту событий. В случае с этой женщиной все прозрачно: индивид поднялся и стал ходить в горшок, а не к ней на руки. Иначе говоря, она потеряла интерес, вернее, ее этого «интереса» лишили. Естественно, что женщина, явно относящаяся к столь распространенному в нашей некрофилогенной культуре типу копрофилов, «ушла в сторону».

Власть — не единственный выигрыш адлеровских паралитиков: своим «неуправляемым» дефектированием им не только удается обосрать жизнь окружающих в прямом и переносном смысле, но они получают оправданную возможность полежать в собственных испражнениях. Как это прекрасно — когда в испражнениях не только полость рта, но и ты весь! Адлеровский паралитик может получить даже большее удовольствие, чем Гитлер: *он получает повод лежать в испражнениях на глазах не одного, а многих наблюдателей*. Это очень важно: это усиливает удовольствие.

Зная о тайнах адлеровских паралитиков, можно без затруднений реконструировать обстоятельство «чудотворного» исцеления «дорогого экстрасенса». Пока из-под него выгребали те люди, которых скрючивало от отвращения, паралитик лежал и благостно выражал соболезнования с применением религиозной терминологии. Но вот появилась женщина, которая не только не испытывала отвращения, но, наоборот, каждой новой дефекации ожидала как праздника, немедленной уборкой и обмыванием лишая «мученика» возможности полежать в самой совершенной из субстанций. В сущности, он потерял все: не только

буквальную возможность обсерать жизнь другим, но и власть — власть не в удовольствии, когда от ее проявлений подданные не мучаются. Естественно, он встал. «Чудесным», разумеется, образом — у анальных развито магическое мышление и только оно. А женщина, естественно, тут же ушла. К другому неподвижному импотенту.

Адлеровские ханы безусловно убеждены, что они являются солью земли («художники»), но для них сверхценные занятия — лишь сверхкомпенсация сильнейшего комплекса неполноценности, для сглаживания маятниковых колебаний которого им нравится считать, что в своих телесных уродствах они нисколько не повинны, и что вообще свойства тела никоим образом не являются продолжением свойств души. Это убеждение идеальным образом обслуживает антибиблейское учение о возможности существования души вне и помимо тела. Распространенных вариантов лишь два: учение о реинкарнации (верил Гитлер и «дорогой экстрасенс») и учение о вечной душе (верил «дорогой Григорий»). Таким образом, *художничество, копрофилия и вера в реинкарнации* не изолированные феномены в жизни Гитлера и «дорогого экстрасенса», но произрастающие один из другого симптомы определенного состояния души и духа, во всяком случае, определенной его формы.

Итак, «модный доктор» представляет собой слепок с Гришки Распутина, дополненный блоком взаимосвязанных черт, характерных для Гитлера. Что естественно, так как «дорогой экстрасенс» по крови — русский, но прибыл в столицу для соучастия в деле, которое почему-то называют управлением Россией, не из российской глубинки, как это было в случае с Гришкой, а из Прибалтики, где «дорогой экстрасенс» воспитывался в окружении народов, которые с удовольствием относят себя к немцам, германской группе.

Национальное несовпадение Гитлера и Гришки не носит антагонистического характера, что очевидно по множеству деталей. Гитлер любил Шекспира и Маркса, и хотя бы уж поэтому никак не мог симпатизировать Толстому. Григорий был малограмотен, но о его литературных предпочтениях вполне можно судить по вкусам его друзей: к примеру, его друг иеромонах Илиодор в бытность свою настоятелем монастыря распорядился повесить в переходе монастыря портрет Льва Николаевича и всякого проходящего заставлял в него плевать!

Григорий Распутин отличился тем, что «расслаблялся» и являл свою истинную сущность (мурло) откровенней прочих ему подобных. Обычно же, пока очередной «Гришка» не достиг желаемого в иерархии уровня, он позволяет себе «расслабляться» лишь в узком кругу лиц. Во все остальное время этого типа люди обречены не выходить за рамки навязываемого им публикой образа «Божьего человека» и довольствуются поклонением публики в формах, циркулирующих в национально-«религиозных» иерархиях.

Так и «дорогой экстрасенс» — вечный тип модного доктора.

Глава тридцать третья.

СКРЫТЫЕ КОДИРОВКИ

(Техника психокатарсиса)

... В: Но все равно — души переселяются. Я это знаю.

П.: Смешно, конечно, спорить с носительницей женской логики, но... Но что-то у тебя получается уж очень нелогично. Даже для женщины. Если сравнивать Кришну и Христа...

В.: Разве можно сравнивать? Христос — это Бог, а Кришна — человек.

П.: Как же человек, когда верующие в него говорят, что — бог? Ты же знакома с Востоком. Ступни ног у Кришны — голубые, а это, по ихнему, говорит о том, что он — бог... Уши у него особенные, мочки почти до плеч — тоже признак особой духовности...

В.: Ну и что? Все равно — человек. А Христос... Он — Бог.

П.: Так если для тебя Христос — Бог, следовательно, и то, чему Он учит, для тебя — Истина.

В.: Да.

П.: Тогда начнем от начала. В Бхагават-Гите Кришна на боевой колеснице в боевом порядке учит своего возничего Арджуну, что убивать противников, пусть даже родственников, против которых они сейчас обнажили оружие, вовсе не есть нечто дурное. Потому что умерщвляется только физическое тело, но не оно в человеке главное.

В.: Да.

П.: Не главное, потому что главное — душа, которая после смерти одного физического тела переселяется в другое. Причем, возможно, и не в человеческое. Но главное — не гибнет, а поэтому убивать в бою родственников не дурно. Не дурно, с точки зрения космических принципов, вообще любого, а родственника — в частности. Потому что...

В.: Да. Потому, что души переселяются.

П.: Но Христос учит другому. Причем, прямо противоположному. Личность — это, прежде всего, душа, она единственная в своем роде. Уникальна! Неповторима, а потому бесценна. И потому убивать нельзя *никогда!* Куда ты Библию, которую я тебе подарил, положила? Ага... Вот она. Есть прекрасное определение души. Вот смотри, Бытие 2:7: *«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою».* Это же арифметическая формула! Прах — это химические элементы, то есть материя в самой привычной для нас ее форме. Дыхание жизни в других местах Библии — просто дух. Некая — если упрощенно — сила от Бога, энергия. Химические элементы, плюс особая энергия — равняется Душа. Прах + Дух = Душа. Душа, следовательно, есть сумма Духа и праха, но не просто арифметическая сумма, а *качественно* новое образование, подобно тому, как из водорода и кислорода, двух газов, которыми даже в сумме не напьешься, при химическом соединении получается вода. Которой как раз-то напиться можно. То есть — Душа.

В.: А энергия?

П.: Прах. Материя в энергию переходит и обратно — это уже в любом учебнике по физике. Причем переход экспериментально воспроизводится. А если эксперимент воспроизводится, то это естественнонаучная истина. Но вернемся к душе, как о ней говорит Библия. Что происходит при смерти? Опять по формуле: прах разъединяется с Духом, при этом качественно новое образование — Душа — должна исчезать. Чему мы и находим подтверждение в Библии... Сейчас найду... Так... Сейчас... Лука был врачом, поэтому его эти вопросы очень интересовали... Вот! Глава 23, стих 46: «Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! в твои руки предаю **дух** (дух, а не душу!) Мой. И сие сказав, **испустил дух**». В точности по формуле: смерть есть отъединение от праха духа. А мертвые, как сказано про Воскресение, восстанут из праха. Праха! Искать соответствующую ссылку?

В.: Нет, не надо. Я знаю.

П.: А с душою при смерти что происходит?

В.: Что?

П.: Как написано? Это классика. 53-я глава Исаии... Сейчас найду... Кстати, обрати внимание: за семь сотен лет до воплощения Христа насколько все точно про Него предсказано... Так, нашел... С 9 стиха... «...Потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его. Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его. На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; через познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих, и грехи их на Себе понесет. Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу, за то, что предал **душу** Свою на **смерть**...» Вот так все предсказывалось, а ведь до воплощения оставалось еще лет семьсот... Обратила, верно, внимание, что душа, которая, как некоторые утверждают, бессмертна, у Христа умерла. В точном соответствии с формулой из «Бытия». А дух — испустил. А если бы не надлежало Ему на третий день воскреснуть, то тело бы рассыпалось в прах...

В.: Но ведь... ведь душа-то вечная?.. Все же говорят...

П.: Мало ли чего говорят! Тем более *все*! Если все начнут говорить, что в колодец надо прыгать, прыгнешь?

В.: Нет.

П.: И правильно сделаешь. А в Писании ты нигде не найдешь, что душа вечная. Потому что находить нечего. А Писание — это Слово, Слово же — Христос. Для тебя кто Бог: Кришна или Христос?

В.: Христос.

П.: Ну а если Он, то и Слово тебе должно быть органично. Слово принимать надо? Надо или желательно?

В.: Надо.

П.: Прекрасно. А если душа не вечна, следовательно, она, умерев, не существует. И так об этом в Библии повсюду и говорится, и у Екклесиаста в том числе. Сейчас найду...

В.: А это что такое?

П.: Екклесиаст? Это из Ветхого завета. Переводится как «учитель, проповедник». Считается, что Соломон написал, а поскольку в Библии говорится, что он мудрейший человек на земле, то кто же он, как не учитель, кто как не Екклесиаст?.. Вот, нашел. 9 глава, 5 стих: «**Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают** (слышишь, **ничего!**), и уже нет им воздаяния, потому что и память их предана забвению; и любовь их, и ненависть их, и ревность уже исчезли, и нет им **части во веки ни в чем, что делается под солнцем**». Вот так. *Нет*! В прахе покоятся. Если праведники, то покоятся до Второго Пришествия. А если не покаявшиеся, то до окончательного суда. Да к тому же, согласишься, к чему оно нужно такое воскресение мертвых, причем, как написано, в физическом теле, если души после смерти, как полагают в народе, и без физического тела не только мыслят, но и могут принимать участие в этой жизни! И чувства, дескать, у них есть, и вообще находятся в более высоком, более совершенном состоянии. Скажем, могут свободно в пространстве перемещаться и так далее... Зачем при Воскресении наши несчастные души вновь ограничивать физическим телом, к чему Богу готовить для нас худшее вместо лучшего? Бог есть Бог, Он есть Любовь — и этим все сказано: понапрасну ограничивать нас Он не станет... Но не потому ли необходимо Воскресение, что, **в точном соответствии с формулой из «Бытия», вне физического тела человек существовать не может. Не может!** И никуда не денешься — *истина*: прах + дух = душа. Диалектическая взаимосвязь, как и писал апостол Павел: дух, душа, тело... Согласна?

В.: Ну...

П.: Я могу еще цитаты найти. Сам Христос воскрес не в эфирном каком-то теле, а во плоти, в раны его персты можно было вложить, и вознесся, по «Деяниям», во плоти. Найти?..

В.: Не надо. Я тебе верю.

П.: *Мне* верить не надо. *Слову* согласна верить?

В.: Согласна.

П.: Так если Слово говорит, что души не переселяются, они переселяются?

В.: М-м-м... *Переселяются*...

П.: Уф!.. Еще раз повторяю: переселениям не Иисус учит, а Кришна с его голубыми ногами, длинными ушами — и ему уподобившиеся. Католический же папа и подобные ему, хоть и против переселения душ, но учат, что душа вечна у всех. А по Библии, во-первых, душа имеет *начало* при рождении, и вечна только у тех, которые возрастут до покаяния, кому Бог *подарит* вечную жизнь. Ведь «дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем» (Римл. 6:23). Да и то с перерывом в существовании. От разделения духа и праха в момент смерти до воссоединения в момент первого воскресения. Я имею в виду воскресение праведных. О переселении душ учит убийца Кришна. А Христос не убийца. Он о Воскресении учит.

В.: Да.

П.: Вообще знания о запредельном держатся только на авторитете учителей. Часто признанных. Но я не только сам не хочу, чтобы при-

знанное имело власть надо мной, но и тебе не советую. А признанные для самооправдания все что хочешь могут выдумать: что Бог един, что богов множество, или что богов или Бога нет вовсе. Так же, все, что угодно, можно придумать и по поводу души. Это убийце желательно, чтобы считалось, что, убивая физическое тело, он ничего, в сущности, страшного не делает. Дескать, убил, душа переселилась, — и все дела. О запредельном ничего не докажешь. Все определяется только личностью учителя. Тем, каков он и что *захотел* увидеть. В том Центре бессознательно выбрали Кришну. Хотя на языке — Христос. Но Иисус из Назарета...

В.: Верно. Это понятно. Хотя никогда специально *так* не размышляла. Разумеется, Бог — Христос.

П.: Ну а раз Христос, то Ему и довериться можно. Можно?

В.: Не можно, а нужно.

П.: Христос учит о Воскресении. Ты с этим согласна?

В.: Согласна.

П.: В таком случае, души не переселяются.

В.: М-м-м... Все-таки... *переселяются*... Я это *знаю*...

П.: Так... Понятно... Похоже, у тебя тут какой-то на эту тему поставлен код. Невроз.

В.: Невроз? Ну, знаешь!.. Опять все на меня?!..

П.: Да мы только проверим, есть он или нет. Если нет никакой на этот счет кодировки — и прекрасно. Тебя же никто ни к чему не принуждает. Да это в психокатарсисе и невозможно. Сама скажешь, есть что в теле памяти или нет... Закрываешь глаза?... Хорошо... Так... Ноги... Руки... Лицо: нет ли каких зажимов?... Так... А теперь внимательно внутренним взором осмотри свое тело, нет ли какого-нибудь постороннего предмета, который влияет на исповедание твоей веры... Так... Начни с ног и подымайся выше...

В.: Нет. Ничего нет.

П.: Все тело осмотрела?

В.: Все.

П.: А может быть, что-то есть *вне* тебя?

В.: Ой-ой-ой!.. Больно!..

П.: Отчего слезы?

В.: Черное! Вокруг головы — черное! Больно!.. Очень больно!..

П.: Давно это у тебя?

В.: Больше года. Ой!..

П.: А кто автор? Первое, что приходит в голову — мужчина или женщина? Кто?..

В.: Ой-ой!.. Мужчина...

П.: Этот... из Центра?

В.: Да...

П.: Так... Как ты считаешь, нужно тебе это *черное*, чтобы быть здоровой?

В.: Нет.

П.: Как будешь от этого освобождаться?

В.: Сбросить. Закопать.

П.: Ну и вперед! Наблюдай, как это происходит... Почему глаза открыла?

В.: Все... Сбросила. Какой ужас... И как я раньше не замечала?..

П.: Очень просто. Как все... И так, переселяются ли души...

В.: Ох, не надо. Все понятно. Какие там переселения?! Конечно, Воскресение.

П.: Меня еще кое-что интересует. Закрой, пожалуйста, глаза.

В.: На сегодня хватит. Я уже устала.

П.: Пожалуйста. Я тебя прошу.

В.: Хорошо. Только недолго.

П.: Какое стало ощущение в голове?

В.: Легче стало. Легкость в голове... Прохладный лоб... Приятно.

П.: Еще?

В.: Ноги. Как будто ногам теплее стало.

П.: Скажи, есть еще что-нибудь, кодирующее на идею о переселении душ? Посмотри внимательно.

В.: Нет. Ничего нет.

П.: А было? Может быть, мы от какого-то предмета освободились раньше? Не разбирая, к чему он тебя принуждал?

В.: Было. Свинец на ногах. Свинцовые сапоги. Сапоги мы сняли. Еще раньше.

П.: Интересное сочетание: голова и ноги... Носители идеологии. Ноги *носят*... Мы уже с этим когда-то встречались... Очень интересно... А кто это тебя?

В.: Та женщина-врач, которая, помнишь, с молодым человеком.

П.: У которой все в Центре «на крючке»?

В.: Да.

П.: Еще что-нибудь было?

В.: Нет.

П.: Еще поработаем?

В.: Нет, достаточно.

П.: Хорошо. Вспомни что-нибудь очень приятное. Было у тебя что-нибудь очень приятное, скажем, за последние месяца три?

В. (*улыбаясь*): Очень много. Да все, начиная с того момента, как мы с тобой встретились. На Хаббардовском семинаре...

П.: Прекрасно. Открывай глаза.

Стоит ли удивляться, что если таким образом подсовываются черные предметы убеждений, которые принято называть религиозными, то церковных направлений существует столько, сколько мы их видим на нашем «белом» свете? **Таков общий принцип существования человеческих мнений: важно не *что* сказано, а *кто* сказал.** Стоит ли удивляться инквизиции, переселениям душ и тому подобному?

П.: Хорошо. Раз уж мы затронули эту сторону бытия... Вновь к предыдущему возвращаться стоит?

В.: Не надо. Пошли дальше.
П.: Ты мне говорила, что Бог отвечает на твои молитвы... А еще говорила, что иконы к Нему не приближают.
В.: Говорила.
П.: Тогда почему у тебя все стены в иконах?
В.: Ну... Они *способствуют*.
П.: Я не совсем понимаю... Может быть, я чересчур от строгого инженерного мышления засушился — и потому не понимаю... Ты мне определенно скажи: приближают или не приближают?
В.: Не приближают.
П.: Но способствуют?
В.: Способствуют.
П.: То есть приближают... Как же так? Как это может быть одновременно: способствуют и не способствуют?
В.: ...
П.: Ты же мне буквально вчера говорила, что если существующие религиозные структуры есть подобия бюрократической лестницы, где нижестоящий должен упрашивать вышестоящего, лестницы, где Бог лишь на верхушке лестницы, и вообще если Бог слышит лишь с определенных мест, то *нет в такой системе силы*. Когда я от тебя это услышал, меня поразила определенность интонации. Прочувствованно сказала. Так в иерархической лестнице эти угодники с икон как раз и есть та угождающая ступень. Я даже не вспоминаю, что между тобой и Богом угодников быть не может, по той простой причине, что умершие, по Библии, покоятся во прахе... Я не гово...
В.: А они между мной и Богом не стоят.
П.: Так ты ко Христу обращаешься *непосредственно*?
В.: Да. Знаешь, в этом Центре учат, что надо обязательно выбрать себе какого-нибудь святого, чтобы он был покровителем. Учителем тоже. И не просто так, случайно, выбрать, а искать, от которого *тепло* становится... Я ходила, искала... А потом подхожу к иконе, где Христос нарисован, и думаю: «Ну Кто еще может быть для меня Учителем? Только Он...»
П.: А то, что между тобой и Им никого нет, ты это ощущаешь?
В.: Ну, ты мне и вопросы задаешь!
П.: Тогда икона зачем?
В.: Помогает сосредоточиться, говорят. Помогает создать внутренний образ. Кому как не тебе знать, какую великую силу имеет внутренний образ?
П.: Знаю. Так этот внутренний образ тебя к Богу приближает?
В.: Нет, не приближает.
П.: А кого-нибудь в состоянии приблизить?
В.: Вряд ли.
П.: Но способствует?
В.: М-м-м...
П.: Образ, тем более внутренний, не может быть совершенно нейтрален. Он непременно влияет на душевное состояние, а, следовательно, на события жизни; мы с тобой, как специалисты, действительно,

это хорошо знаем. А если влияет, но не приближает, следовательно, отделяет. Это и понятно: вместо духовного общения сознание ограничивается созерцанием внутреннего визуального образа, как правило, искаженного. Отсюда и заповедь: *«не делай изображения и не поклоняйся»*.
В.: А никто иконам и не поклоняется.
П.: Но ведь внутренний же образ от созерцания, то есть от рассмотрения с любованием, создается?
В.: Создается. Неизбежно создается.
П.: И не приближает?
В.: Не приближает.
П.: Уф!.. Скажи, Бог для тебя реальность?
В.: Реальность.
П.: Как я?
В.: Да.
П.: Так разве для того, чтобы со мной поговорить, когда я сижу напротив, неужели тебе нужно на полку оглядываться, где моя фотография стоит, чтобы лучше меня представлять?
В.: Что ты такое говоришь! Нет, конечно!
П.: Так. Если для тебя Бог реальность, если, как Он Сам обещал, Он всегда рядом и все знает, то разве икона не та же фотография? На полке и за спиной? Чтобы от Бога отвернуться?
В.: Н-н-н... Нет, конечно. *Говорят*, что она *помогает сосредоточиться*.
П.: Ты на ней сосредотачиваешься, когда обращаешься к Богу?
В.: Я?! Нет. Она к Богу не приближает.
П.: Уф! На каком мы уже витке?.. Третьем? Четвертом? Так, вижу, можно до бесконечности... Не приближает... В таком случае получается, что ты еретичка, если с Богом напрямую общаешься. Но зачем тогда иконы на стенах?
В.: Ведь не всегда же удобно обращаться к Нему *Самому* с какой-нибудь мелочью... Не хочется беспокоить. А вот к кому-нибудь поменьше...
П.: Но ведь ты же сама говорила, что Бог знает тобой просимое еще до того, как ты даже собралась произнести слова просьбы.
В.: Да, это так. Он такой. *Отец*.
П.: Предположим, ты потеряла что-нибудь... Какую-то мелочь... Что бы такое придумать?.. Чтобы поярче пример был — чем ничтожней просьба, тем ярче пример... Карандаш, к примеру! Ты потеряла карандаш, не можешь его найти, а карандаш необходим — так Бог знает, что тебе он нужен?
В.: Знает. Он все про меня знает.
П.: Он знает о всякой твоей нужде, очень желает принять участие в твоей жизни, а ты Его оскорбляешь тем, что отказываешься к Нему обратиться с тем, о чем Он и без твоей словесной просьбы знает?
В.: А... Э-э...
П.: Я уж не говорю о том, что те, кого люди признали как Божьих угодников — умерли, *нет их*, и обращаться к ним — все равно что в ямку выкопанную говорить.

В.: Задавил.

П.: Я?

В.: Ты.

П.: В каком смысле? Энергетически?

В.: Нет, энергетически ты чистый. Логикой задавил.

П.: А тебе, как женщине, это не нравится? Но пойдём дальше, получается, что вместо того, чтобы говорить к Богу, воспарить в духе, чтобы более не опускаться, человеку *внушают* отдать силы, энергию на создание образа того угодника, который мало того, что *признанный*, причем *людьми* признанный, но и которого попросту нет. Вот и получается: вместо уровня духовного — картинки психики. Разве могут они приблизить к Богу?

В.: Нет, конечно.

П.: Так нужны иконы?

В.: М-м-м... Да.

П.: Четвертый круг. Или пятый? Как с переселением душ. Сбой в элементарной логике. Может у тебя кодировка и на этот счет? Хочешь проверить?

В.: Хочу. (*Закрывает глаза и расслабляется в кресле, в котором сидит.*) В голове.

П.: В голове? А что это? Форма?

В.: Не знаю.

П.: Хорошо. Сосредоточься на этом. Какого цвета?

В.: Темного. Черного.

П.: А сколько процентов энергии это *черное* у тебя отнимает?

В.: Не всегда... отнимает не всегда.

П.: А когда *это* задействовано, то сколько процентов отнимает?

В.: Не так много. Процентом 20.

П.: Действительно, немного... Но согласишься, что и не мало... *Это* черное ставит тебя в зависимость к иконам?

В.: Да.

П.: А что *это*? Какой *это* формы?

В.: Не знаю... Не могу определить.

П.: Кто автор? Опять те из Центра?

В.: Нет, это более старое... И форма... Как будто из многих предметов состоит.

П.: А может быть, эти предметы не за один раз внедрялись, а за несколько?

В.: Да. Потому и форму не могу различить, что предметов много... А знаешь, что вспоминается?

П.: Что?

В.: В детстве, когда на лето в деревню приезжали... Сидим, помню, за столом... Икона в углу... А знаешь, бабушка мне часто говорила: «Не отрицай того, чего не знаешь...»

П.: С этого момента — страх?

В.: Нет... Страх нет.

П.: Тогда своего рода ностальгия? В воспоминаниях прошлое всегда лучше настоящего?

В.: Не знаю.

П.: Так... А нужно тебе это черное?

В.: Нет, не нужно.

П.: Мешает оно тебе здраво мыслить?

В.: Мешает. Немного давит... Разумеется, надо от этого избавиться.

Оставить только как память.

П.: А воспоминание о бабушке красивое?

В.: Да, красивое.

П.: А остальные предметы-случаи в этом темном следует разбирать?

Твое ощущение? Стоит?

В.: Нет. Можно *так* освободиться.

П.: Как ты это удаляешь?

В.: А уже все. Еще до того, как ты сказал. Собрала в совок — и выбросила.

П.: Так... А как изменились ощущения в голове? Как там?

В.: Ясная, свежая голова, Ничего не мешает.

П.: Настроение?

В.: Настроение?... Какое, в смысле, настроение?

П.: Приятно тебя видеть улыбающуюся. Все. Открывай глаза... И сразу целоваться! Маньячка! Эй, подожди! М-м-м...

Из стенограммы сеанса видно, что выяснять происхождения множества предметов, составляющих *нечто черное*, наши герои не стали. Жаль. Весьма интересное могло получиться исследование. И поучительное. Ведь бабушка с иконой в углу — явно причина не самого черного из всего конгломерата предмета. Поэтому мы попытаемся реконструировать если не фактические случаи из жизни Возлюбленной, то хотя бы наиболее вероятные, типичные в нашей с вами жизни. Нечто черное и металлическое могло появиться при внешне совершенно невинных обстоятельствах! К примеру, человек (неверующий) стоит в храме у самой почитаемой, то есть признанной широкой публикой иконы. Он настолько увлекся рассматриванием изображения, сюжета и техники письма, что подсознание перестало контролировать необходимый уровень настороженности, обеспечивающий защиту от психоэнергетических травм. В этот момент рядом оказывается подавляющий индивид. Профессионально это может быть кто угодно, поэтому рассмотрим вариант, наиболее парадоксальный (тех, кому он покажется недостаточно правдоподобным, отсылаем поразмышлять еще раз над опытами Бине и Фере в главе «Комбинации эроса»). Если происходило это, скажем, в эпоху, когда государственной верой был атеизм, то вполне вероятно, что в храме мог оказаться уполномоченный совета по делам религии. Психоэнергетическая травма от такого индивида обеспечена любому, а уж тем более человеку увлеченному, пусть даже рассматриванием старинной иконы, и позабывшему обо всем. Человек этот вдруг сжался, как от удара, но не обратил на это внимание, а просто вытер вдруг выступивший холодный пот, отошел от иконы и вышел из

храма. С тех пор этот некогда неверующий человек стал чаще и чаще возвращаться мыслями к той иконе. А будет он мыслями *проваливаться* к ней потому, что психоэнергетические травмы болят и требуют к себе терапевтического внимания. Будет возвращаться к *иконе* потому, что жреца некрофилии рядом с собой он не заметил, да и не мог заметить потому, что тот тихо подошел сзади, постоял за спиной ровно столько, чтобы убедиться, что все в порядке, — и отошел. Людям гордым — а во всех нас тлеет гордыня — свойственно боль полученных психоэнергетических травм воспевать, и, как мы уже выяснили на примере страстной любви к некрофилам, доводить это воспевание до уровня веры в свою исключительность. Поэтому через некоторое время тот случайно заглянувший в храм неверующий прохожий почувствует преодоленное желание вновь оказаться в храме, и сила эта будет, возможно, не намного меньшей, чем та, которая влечет преступника к месту преступления. Дальше больше. Процесс воспевания углубляется, — и вот уже случайный прохожий проповедует о своем «обращении» у иконы. Можно, конечно, отвернуться от действительности, отречься от закономерностей окружающей нас жизни, и возразить нечто вроде: Бог не попустит, Бог защитит. Все так! Бог не попускает и Бог защищает! Но часто ли вы слышали, что Бог не попустил, чтобы выпадающие из окна десятого этажа не разбивались? И это притом, что на шее крестик? А раз, как выясняется, чаще все-таки попускает, то в таком случае не удивляйтесь, уважаемый читатель, тому множеству психоэнергетических травм, которые люди получают именно в так называемых храмах Божьих — это закономерно. Сотрудники Центра, где уродовали Возлюбленную, как на работу ходили и ходят в храмы «очищаться»: исповедуются, свечки ставят и непременно выстаивают всю службу — а ведь рядом люди, сознание которых деструктурировано (хотя бы уже одним только равномерным раскачиванием кадила) и тем подготовлено к получению травмы. А потом невольно увлекшийся маятником кадила приходит домой и оказывается, что это посещение стало для него *незабываемым*. И по поводу храма и всего, что с ним связано, тело его памяти будет отзываться особенным напряжением до тех пор, пока не помогут ему психотерапией и, в частности, высшей ее формой — психокатарсисом. Как-то один несостоявшийся православный священник рассказал мне, как он «прозрел»: после окончания духовной семинарии в епархиальном совете ему предложили отправиться домой и там ожидать письменного вызова, когда для него будет подобран приход. Он ждет два месяца, три, а письма все нет. Наконец, он решил в этот епархиальный совет отправиться сам. А там его матом: такой-сякой, письмо было, почему сразу не прибыл? А он ничего не получал — то ли на почте затерялось, то ли вообще и не отправляли. Слушал наш будущий батюшка эту матерщину, слушал, а потом подумал, цитирую: «Да какие они, в задницу, святые отцы?» Повернулся и ушел. Потом закончил все и всяческие курсы по гипнозу, экстрасенсорике и стал целителем. Я к нему ходил. Познакомиться. Суфийский костюм, иконы на стенах, восточные амулеты. А ведь он мог и не «про-

зреть»: письмо могло прийти вовремя, мог он, как и предполагалось, получить приход, а свойства своей души наносить психоэнергетические травмы обратил бы не на целительство, а на дело обращения душ в лоно Православной Церкви. И если уж наш телесно крупный и давным-давно освободившийся от вредных привычек П. после беседы с этим несостоявшимся попом целый день пролежал больной, то можете себе представить, что было бы с человеком более восприимчивым, скажем, с Возлюбленной? Или с ребенком, которого внесли в храм для совершения над ним обряда, который в народе признают за крещение? Слово «признают» не случайно, потому что по учению Христа крещение есть знамение *совершившегося* обращения, *обещание* служить Богу доброй совестью, а это возможно, как говорит Писание, только при выполнении трех условий: человек должен научиться, уверовать и покаяться. Научиться — это свойство сформировавшегося сознания, поэтому несмышленый младенец до этого попросту не дорос. Любая другая трактовка крещения на поверку непременно окажется *признанной* и будет бытовать или в изуверских сектах или в государственных религиях. Характерно, что среди малообразованных слоев населения бытует мнение, что *признанный* обряд крещения младенца необходим ему для здоровья. Это мнение не случайно, и не случайно именно потому, что все в точности наоборот — на практике это здоровье ухудшает. Профессия священника, т. е. признанного властителя над умами, относится к разряду тех профессий, которые наиболее привлекательны для некрофилов, поэтому младенцу, отнесенному в храм государственной религии, травма гарантирована. Полученный младенцем невроз может проявиться много лет спустя, уже во взрослом состоянии (феномен латенции), и может привести к чему угодно: болезни, разводу, смерти. С содержанием разрушительных влечений, которыми дети начинают во время так называемого крещения, проще всего ознакомиться самостоятельно на конкретной практике лечебного психокатарсиса.

Удобно исследовать тело памяти детей, которых отвели на обряд уже в достаточно взрослом состоянии. Кстати сказать, свою дочку Возлюбленная отвела крестить, когда той было 3,5 года. Ребенок кричал и вырывался, но что он мог поделать? Травма, к счастью, была психокатарсически убрана.

Раз уж упомянули про дочку Возлюбленной, то пора читателя с ней познакомить. Это симпатичная девочка, 12 лет, которая ростом почти догнала мать. Не толстая и не худая, хотя припухлые щечки и выдают, что мама вкусно готовит, а бабушка балует шоколадками. Возлюбленная попросила нашего П. обследовать дочь, потому что с некоторых пор та стала как-то странно противостать матери.

Поиск травм, определяющих ссоры дочери с матерью, как видно из стенограммы сеанса, был достаточно целенаправленный — и это не случайно. Наш Психотерапевт, дважды обжегшись на молоке двух своих неудачных браков и психокатарсическими методами убедившись, что обе они относились к ярконекрофилическому типу, догадался обезопаситься и выяснить, обладает ли Возлюбленная свойством наносить пси-

хоэнергетические травмы или нет. В частности, не доверяя даже собственному подсознанию, наш П. решил обследовать подсознание двадцатилетней жены брата Возлюбленной, Оли, и выяснить, нет ли у той травм от Возлюбленной. Рекомендации подсознания Оли оказались самые благоприятные. Психоэнергетические травмы Возлюбленная не наносила.

Параллельно Психотерапевту удалось собрать массу интересной информации о работниках Центра. Двое из целителей Центра, брат и сестра, были введены в дом матерью Оли. Мать души в них не чаяла, не знала, как им угодить, однако, после странной гибели «очищенного» целителя брата Оли, молодого и восприимчивого парня, учителям-целителям от дома было отказано. Естественное следствие общения с проникшими в дом целителями — множественные психоэнергетические травмы подсознания Оли. Среди прочего, они привели к бесплодию, которое П. удалось вылечить за три сеанса. (Четвертый психокатарсический сеанс провела уже Возлюбленная.) Выяснилось, что целители в половую сферу ей «лепили» не только во время платных сеансов, но и *за так*, во время «бескорыстного дружеского общения». И брат, и сестра *независимо*, во всяком случае, пространственно, наносили травмы в одну и ту же сферу — половую. Также в одну (хотя и не в половую) — и Возлюбленной, что знаменательно. Кроме того, при работе с Олей П., расспрашивая о назначении вживленных в ее тело памяти сорных предметов (выяснял, к какому поведению принуждали ее эти психоэнергетические кодировки) выяснил, что *одно только присутствие этих целителей «заряжало» ее на вражду с собственными же родными*. Это не столь уж странно, как может показаться, поскольку разделяя — властвуют. Психотерапевт, зная, что и у дочери Возлюбленной были с той же парой контакты, естественно, ожидал, что и у нее однотипные травмы будут от обоих.

Ребенок: А я говорю: *не буду!* Сами лечитесь!

В.: Закрывай глаза! Ты меня доведешь! Кому говорю!

Р.: Ну, хорошо-хорошо! (*Закрывает глаза и вытирает слезы.*)

П.: Итак, где бы ты хотела оказаться?

Р.: *Не знаю...*

П.: Может быть, хочешь поплавать в море?

Р.: *Не знаю.*

П.: Может быть, хочешь на воздушном шаре полетать?

Р.: Ну *не знаю* же!

П.: На космическом корабле?

Р.: *Не знаю!!!*

П.: Хорошо. Тогда мы погуляем на том необитаемом острове, на котором были в прошлый раз. Как там сейчас: солнышко светит?

Р.: Да.

П.: Облака есть?

Р.: Нету.

П.: Что ты сейчас делаешь?

Р.: По берегу иду.

П.: Что у тебя под ногами?

Р.: Песок.

П.: Теплый?

Р.: *Не знаю*. Теплый.

П.: Опасность там есть какая? Или там тебе хорошо?

Р.: *Не знаю* я!.. Хорошо.

П.: А где там опасность? Может, ползает?

Р.: Нет.

П.: Летает?

Р.: Нет.

П.: А где? Опасность сама придет?

Р.: Сама... Плавает.

П.: А что это такое?

Р.: Акулка.

П.: А что с ней надо сделать, чтобы она не была опасной? Может с вертолета поймать? Или на помощь кого пригласить?

Р.: Нет. Копьем ее.

П.: Отлично. Ну и давай.

Р.: Все.

П.: Что с ней стало?

Р.: На дно пошла. Нет ее больше.

П.: Это ты из-за нее с мамой ссорилась?

Р.: Нет.

П.: Так. Идем дальше. Кстати, океан у тебя с какой стороны?

Р.: Справа.

П.: А что слева?

Р.: Лес.

П.: Опасность в лесу?

Р.: *Не знаю*. Ползает.

П.: А что это такое? Мохнатое?

Р.: Да.

П.: А опасность у *этого* где? В зубах? Или в лапах?

Р.: В хвосте.

П.: Да-а? А что это такое?

Р.: Не знаю.

П.: А сколько ног?

Р.: Восемь.

П.: Может быть, это скорпион? Тогда понятно, почему опасность в хвосте...

Р.: ...

П.: А ты знаешь, что такое скорпион?

Р.: Нет.

П.: Ну, это не важно. Что ты с этим мохматым сделаешь, чтобы он на тебя больше не оказывал влияния?

Р.: Дерево надо срубить.

П.: И тогда оно упадет? И придавит?.. Давай, действуй... Попала? Что с ним стало?

Р.: Все. Разлетелся на куски.
П.: Отлично. Это из-за него у вас с мамой?..
Р.: Нет.
П.: Хорошо. Тогда мы идем прямехонько туда, где живет то, из-за чего вы с мамой конфликтуете. В лес надо свернуть?
Р.: Да.
П.: Тогда сворачиваем. Что ты видишь?
Р.: Деревья.
П.: Какие?
Р.: Пальмы.
П.: А где то, что мы ищем?
Р.: Не знаю. Не вижу.
П.: Так. Надо идти дальше?.. Да?.. Что происходит?
Р.: Ничего. Иду.
П.: Ну и где эта неприятность?
Р.: *Не знаю.*
П.: Но она где-то есть?
Р.: Есть.
П.: Ну так и иди к ней напрямиком... Туда, *где причина ваших с мамой трений...* Ну?
Р.: *Не знаю...*
П.: Ничего нет?
Р.: *Не знаю.* Не вижу.
П.: А может быть, эта программа с защитой? Может быть, параллельно дана команда, запрещающая ее выявить? Может, *это* спряталось где-нибудь? Посмотри, где? *Мы ее, несмотря ни на что, обнаружим.*
Р.: Справа. Под деревом. В норе.
П.: Значит — под землей... И наружу не выберется?
Р.: Нет.
П.: Так... Это какое-то животное?
Р.: Да.
П.: А какого цвета?
Р.: М-м-м... Коричневого.
(Обратите внимание! Сквозь землю видит! Чрезвычайно интересная и важная деталь!)
П.: А кто это — мужчина или женщина? Я имею в виду: самец или самка?
Р.: Мужчина.
П.: А он для тебя опасен? Тебе было бы желательно от него избавиться?
Р.: Да.
П.: И что надо для этого сделать?
Р.: Поджечь.
П.: Кого?
Р.: Дерево над норой.
П.: И тогда коричневое сгорит?
Р.: Да.

П.: Есть чем поджечь? И где это у тебя?
Р.: Есть. Спички в кармане.
П.: Так и давай.
Р.: Уже. Горит.
П.: Хорошо. Что же происходит с животным?
Р.: Кричит. Визжит.
П.: Контролируй, что происходит. Когда все кончится, скажешь.
Р.: ...Все.
П.: Как узнала?
Р.: Не знаю. Не визжит больше.
П.: Так, с *ним* все... Скажи мне, пожалуйста, а нет ли там где рядом еще норы? Только на этот раз с самочкой?
Р.: ...Не знаю... Не вижу.
П.: А ты остановись и не дыши, чтобы было совершенно тихо. И прислушайся.
Р.: *Не зна-а...* Есть.
П.: Где? Под соседним деревом?
Р.: Да.
П.: Точно — самочка?
Р.: Ну, точно.
П.: Что теперь будешь делать?
Р.: Подожду... Горит... Визжит... Все.
П.: И как теперь стало там, на острове? Хорошо?
Р.: Хорошо.
П.: Спокойно?
Р.: Спокойно.
П. *(Обращаясь к Возлюбленной)*: Я — все. Устал почему-то, сил нет.
В.: Так. Хорошо. *(Обращаясь к дочке)*: А скажи-ка ты мне теперь, где находится эта «незнайка»?
Р.: В Солнечном городе.
В.: Где-где?
П.: Это книга такая есть: «Незнайка в Солнечном городе». Измени формулировку вопроса.
В.: Откуда у тебя это «не знаю»?
Р.: *Не зна-аю...*
В.: Хорошо. А какой цвет у тебя перед глазами?
Р.: Голубой.
В.: А что это такое?
Р.: Цветок.
В.: Голубой цветок? А сколько у него лепестков?
Р.: Не знаю. Семь или восемь.
В.: Присмотрись повнимательней.
Р.: Восемь.
В.: А как эти лепестки: раскрыты или в бутон собрались?
Р.: В бутоне.
В.: А что в бутоне?

(Читатель, не удивляйтесь направленности вопросов: все-таки Возлюбленная — сильный экстрасенс /в здоровом смысле этого слова/. К тому же она мать, а Ребенок — ее дочка. Но те или иные способности не изменяют сущности метода, хотя и могут ускорить некоторые этапы.)

Р.: Пчелка.

В.: А злая эта пчелка?

Р.: Злая.

В.: Это не она заставляет «не знаю» говорить?

Р.: Да.

П.: Спроси: кто?

В.: А кто там этот цветок посадил: мужчина или женщина?

Р.: Женщина.

В.: А давно? Сколько лет назад?

Р.: Восемь.

В.: Восемь?.. Восемь... Так... Сколько ты сказала на цветке лепестков?

Р.: Восемь.

В.: Хорошо. Что ты будешь делать с этой злой пчелкой?

Р.: Не знаю. Палкой...

В.: Вместе с цветком?

Р.: Да.

В.: А попадешь?

Р.: Да. Все. Нету.

В.: А что с ней стало?

Р.: На куски.

В.: Но ведь от цветка, наверное, корень остался?

Р.: Да.

В.: А из него не вырастет снова то же самое? Может быть, к нему привить что-нибудь?

Р.: Да.

В.: А что?

Р.: Клубничку.

В.: Привила?

Р.: Да.

В.: И полить надо? Чтобы выросла?

Р.: Уже выросла.

В.: Может и ягоды есть?

Р.: Есть...

В.: Все хорошо?.. Ну, ладно, открывай глаза.

Результаты данного сеанса психокатарсиса многоплановы. Здесь тоже раскрывается коллективное воздействие целителей. Здесь мы также впервые сталкиваемся с так называемыми «скрытыми» программами, когда при зомбировании жертвы целителями или им подобными, возможно, бессознательно внушается дополнительный приказ сорные предметы не замечать. Да, дочка Возлюбленной так и не увидела тех

«животных», которых она сожгла, но, тем не менее, от этих программ освободиться ей удалось. Аналогичные «скрытые» программы, были найдены и в теле памяти самой Возлюбленной. Был, например, такой образ: урод, типа Бармалея, прятался на сцене за занавесью. *Занавесь не открывалась*, и подсознание Возлюбленной отмечало только, что за занавеской кто-то есть. Психотерапевт посоветовал указать пальцем на занавеску и твердо сказать: «Все равно *вижу!*!» — и занавесь отдернулась. Со всеми вытекающими для Бармалея последствиями.

Здесь мы также впервые встречаемся с примером работы «в пейзаже», когда тело памяти трансформируется в образы ландшафта. Работа «в пейзаже» открывает некоторые новые возможности. Скажем, вначале с дочерью Возлюбленной не получалось работать непосредственно с *телом*, но только в «пейзаже». Пейзаж от начала был один и тот же — необитаемый остров. По острову можно было побродить, можно было вокруг него и поплавать, вылавливая со дна различные странной формы металлические предметы, ржавые и не очень, которые накидали в воду разные дяди и тети. Остров пустынен, но обитаем. На нем водятся не только восьминогие и лохматые, не только злые пчелки, но и разбойники. Бывает, заснут разбойники у костра, и так крепко заснут, что можно к ним подкрасться и стащить пистолеты — старинные! Причем, можно точно определить, *сколько* лет назад каждый из пистолетов сделан и *кто* сделал: мужчина или женщина — а потом побросать эти пистолеты в костер.

Через несколько сеансов, как следует в «пейзаже» разгрузившись, дочка Возлюбленной уже могла находить предметы непосредственно в теле памяти.

Параллельных миров, в которых можно работать владеющему психокатарсисом, — множество. Это и само тело памяти, и «пейзаж», и даже смешной человечек, который составлен из различных геометрических фигур: треугольников, кружочков, квадратиков. Однако создается впечатление, что не все системы равноценны. Если вы, начиная работу, в теле памяти увидели свинцовый шар, с которым не справились и потому «ушли на остров», то, наведя на этом острове полный порядок и вернувшись в «тело», вы все-таки некоторые остатки некогда свинцового шара — в виде дробинки, например, или шар станет, скажем, стеклянным — найдете. С дробинкой, в отличие от исходного шара, справиться легко.

...П.: Судя по твоему вздоху облегчения, вес был значительным?

В.: Да, действительно, стало очень хорошо. Просто замечательно.

П.: Отлично. А теперь еще одну вещь я хотел с тобой разобрать... Ты мне, кажется, что-то такое говорила про то, что вещи имеют свойство заряжаться?.. Скажем, отрицательной энергией?

В.: Еще как заряжаются! Хочешь, расскажу один случай?.. Я еще только начинала, это на курсах в Центре было. Взяли обыкновенные дамские духи. Потом взяли две одинаковые бумажки и обозначили

номерами. Одну смочили духами. А потом, прежде чем смочить вторую, подержали в руках флакон, чтобы снять с духов ту корысть, с которой эти духи дарили...

П.: *Утверждали.* Утверждали, что корысть. И утверждали, что сняли.

В.: Да. Так сказали.

П.: Факт же тот, что флакон с духами, держали в руках не равное время. А вы присутствовали.

В.: Да. Как ты, однако, строго... А потом давали определить, которая из бумажек лучше пахнет. Ты не представляешь, какая разница в запахе!

П.: Не надо открывать глаза. Так. Хорошо. Я не знаток. Ведь может так оказаться, что аудитории просто внушили...

В.: Нет!

П.: Я не буду спорить. Но в таком случае получается, что тот настоящий крестик и ладанка, которые тебе в Центре подарили — тоже заряжены?

В.: Ладанка? Что это такое?

П.: Это та иконка, которая у тебя на одной цепочке с крестиком.

В.: Никогда не слышала такого слова. По-моему, оно что-то другое обозначает.

П.: Я правильно говорю. Это многозначное слово. Можно проверить по словарю. У Даля об этом тоже написано. Ладанка — это и кадилница с ладаном, и небольшой на груди мешочек с ладаном, это и вообще любой амулет на груди, будь то языческий или какой иной, любая висюлька вообще. И в частности нательная иконка... Но не будем отвлекаться. Получается, что и крестик, и ладанка заряжены той черной энергией? Меня интересует твое внутреннее ощущение.

В.: Да, получается, что заряжены.

П.: Ощущение?

В.: Заряжены.

П.: А скажи — меня интересует твое внутреннее ощущение — эти предметы влияют на твою болезнь? Я имею в виду — на появление в почке камня? Внутреннее ощущение?

В.: Влияют.

П.: Как ты считаешь, тебе эти предметы нужны?

В.: Нет, раз они убивают.

П.: В таком случае, что ты с ними сделаешь? Выкинешь?

В.: Выкинуть?! Иконку? Как можно?!!

П.: Но ведь речь идет не о Боге. От Бога благословение, а от этих предметов — наоборот, проклятие. Они добивают твое и без того расшатанное здоровье. Но они вредят не тебе одной, но и всем тем, с кем ты связана. Дочке, например.

В.: Да. Все так. Но выкинуть?! А может быть — подарить кому-нибудь?

П.: Чтобы тот, кому подарить, заболел?

В.: Верно, нельзя. А может быть в храм отнести, чтобы освятили?

П.: И попадешь к такому же подавляющему. Если не к худшему.

В.: Да... А может быть к вашему пастору?

П.: Неужели ты думаешь, что ему нечем заняться? У него дел и так выше головы. Так?

В.: Так...

П.: Ну, не плачь. Из всякого положения всегда есть выход. Надо только его найти.

В.: А ведь он знал, когда дарил, что этот крестик и ладанка непременно у меня будут, не выкину. И дочке ведь тоже иконку на грудь... Хорошо, что тесемка порвалась — причем каким-то чудом *сразу* порвалась — так и не носила. А то бы тоже болела...

П.: Не плачь... Не надо.

В.: Да и вообще, когда я в этот Центр попала, у меня сразу же было такое ощущение, что они там все точно сговорились, заодно действуют, чтобы меня заманить, все оглаживали, хвалили... Видела, что что-то не то, хочу говорить «нет», но меня как будто несет, помимо моей воли, ничего не могу сделать и говорю: «Да, да, да, да...» Я не понимаю, зачем я им была так нужна?

П.: Скажи, а ты освободиться будешь разве от символа чего-то прекрасного? Или просто от предмета, который тебя убивает?..

В.: Да я понимаю, все понимаю... Но все равно... Что за люди! Ведь они знали, понимали, что для русского человека выкинуть серебряный крестик — это... это... это я не знаю даже как назвать... Пусть даже человек неверующий, но выкинуть *крестик*...

П.: Первое, что приходит в голову: много таким образом заряженных предметов люди носят?

В.: Ох, много...

П.: Ощущение, еще раз повторяю — ощущение: освящение в храме помогает очищению от злой энергии?

В.: Нет, конечно...

П.: Интересная вырисовывается картина... Помнишь, на днях заметка была, что художник-иконописец Патриархии забрался в чужую квартиру, изнасиловал старуху, а потом ее ограбил?

В.: Помню.

П.: Занятная получается технология. Не знаю почему, но почему-то те десятки художников, которых я встречал, как и этот иконописец, все были яркими некрофилами. Они пишут то, что принято считать иконами, «освящают» эти изделия те, которые ставят детям разрушительные психо-энергетические травмы, а покупают их, чтобы подарить, такие вот яркие некрофилы... Закономерная цепочка!.. А что касается твоей ладанки с крестиком... Скажи, что лучше: сжечь их или выкинуть? Или еще что?

В.: А разве серебро горит?

П.: Еще как горит! Окисляется в пыль. Золото в древности очищали от серебра плавкой. Расплавленный металл перемешивался, молекулы серебра попадали на поверхность и там окислялись. Пережигали, иными словами...

В.: И все равно, ты не представляешь, насколько сложно...

П.: Так. А теперь осмотри себя внимательно — не влияет ли на твое решение жадность. Ведь вещи серебряные, по нынешним голодным

временам можно дорого продать. Может, тебе просто серебра жалко?

В.: Нет, не жалко. То есть, жалко, конечно, но это не определяет...

П.: Хорошо, что не определяет. Но я тебе как бывший ювелир скажу, что ценность эта липовая, сиюминутная. Во-первых, экономический кризис и ничего нет, а во-вторых, ценность преувеличена из-за многолетней монополии государства на драгметаллы. Сейчас монополии не стало, и через год ценность этих предметов будет ничто. Проще выкинуть, чем другому дарить. Еще неизвестно, как эти вещи достались тем, кто тебе дарил. Через какие руки прошли. Судя по работе — дешевка, кто-то в церкви бизнес делает. Если товар непосредственно от кустаря, то вообще дарителю обошелся даром. Разве только обманутым женщинам дарить. Ну да ладно... Продолжим... Представь себе эту ладанку... Только не форму, а ее внутренний смысл? Представила? Что ты видишь?

В.: Ничего не вижу.

П.: А что мешает?

В.: Туман вокруг нее. Застилает.

П.: А что это за туман? Какой его смысл?

В.: А это моя энергия, которая из меня вытянута.

П.: А нужно, чтобы она была к ладанке оттянута?

В.: Нет.

П.: Будешь избавляться?

В.: Да. Надо, чтобы туман рассеялся...

П.: Наблюдай, как он рассеивается... Как прятавшееся в тумане становится рельефней, отчетливей... Все?

В.: Все.

П.: Что же ты видишь? Какой внутренний смысл, энергетический смысл этого предмета?

В.: Но ведь его освящали в церкви!

П.: Сама же сказала, что это неважно. Итак?

В.: *Человек без лица.*

П.: *Человек без лица?*

В.: Да, человек без лица...

П.: Поразительно! Нарисован на поверхности иконки?

В.: Да.

П.: Потрясающе! Опять тот же архетип подавляющего человека! Человек без лица!.. Что ты будешь делать с этими предметами?

В.: А то, что нужно. Соберу в пакет все то, что каким-либо образом связано с Центром, и утоплю в Язуе.

П.: Это наилучший выход?

В.: Да.

П.: Хорошо. А теперь, в таком случае, представь, как ты это делаешь. Картинки имеют свойство исполняться, поэтому тебе легче будет противостоять сопротивлению этих вещей. Итак, рассказывай, что ты видишь?

В.: Собираю пакет... Выхожу... Иду к реке... Бросаю. Все!

П.: Я вчера был на литературном вечере, где читали «по кругу». Это когда несколько авторов, к несчастью, преимущественно, поэтов, которые по кругу читают какую-нибудь свою небольшую по объему вещь. Так вот, там было сразу две поэтессы, которые замогильными голосами читали свои стихи про то, как их астральное тело покидает тело физическое и они сверху на него взирают: дескать, тело обвисло, как старое платье на спинке стула, как ветошь, в сущности — *труп*. И вот это-то их эмоциональное к себе отношение мне и было весьма интересно! По сути, они самих себя воспринимают не как жизнь, а как ходячий труп, в который вмуровано, закандалено их астральное тело, душа.

В.: Ты еще сказал — *замогильными голосами*?

П.: Да, и это тоже. А внешность у этих поэтесс — классика некрофильских гримасок... То есть, тем, что эти поэтессы выбрали из множества бытующих представлений о теле, душе и их взаимосвязи то, что они *ходячие трупы* и что и вокруг ходят такие же гальванизированные *душами трупы*, а окружающая жизнь — как бы *шевелиющаяся кладбище*, копошащийся клубок ненужных конечностей, они говорят о том, что *такое* представление о людях им *нравится*. Естественно, что такое мировоззрение — составная часть государственной религии. На Востоке, я имею в виду. А на Западе — то же самое, только без реинкарнаций. Ни одной из государственных религий — иерархиям, построенным на авторитарном мышлении силой внушений — чисто библейское учение о душе не нужно. Библейское — биофильно, там *тело — это жизнь*, ибо душа есть лишь качественно новое образование, более чем просто сумма тела и духа жизни; тело — вовсе не труп, а источник и приложение плодов Святого Духа — мира, радости, долготерпения, благодати...

Глава тридцать четвертая.

СУДЬБООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР

Как уже говорилось выше, природа страстной любви такова, что для ее возникновения жертве достаточно «раскрыться» в некрополе достаточной силы, исходящем от любого человеконенавистника — объясняться же впоследствии в любви могут любому объекту, в момент «зарождения чувства» случайно прикоснувшись или оказавшись перед глазами. Отсюда, объяснения в любви самому индуктору некрополя есть не более чем частный случай. Роль человеконенавистника может сыграть толпа (сумма малых некрополей), поэтому не случайно «влюбления» происходят на балах (Ромео и Джульетта, Наташа и князь Андрей), на комсомольских собраниях, на попойках или в переполненном вагоне метро. Очевидно, что для возникновения «ответного чувства» у контробъекта необходимы симметричные психоэнергетические обстоятельства. Таким образом, предпосылкой для возникнове-

ния страстной любви общераспространенного типа является объективная ненависть, проистекающая, скажем, из клановой вражды (например, Ромео и Джульетта). Возможны и другие варианты: классовая ненависть, национально-религиозная нетерпимость, пребывание по разные стороны от рождения свыше.

Поскольку непереносимое условие страстной («большой») любви — подсознательная ненависть между двумя влюбленными, то значимость партнера определяется исключительно мощью этого к нему чувства. Однако «любовь», построенная *только* на ненависти, вовсе не обязана быть продолжительной — она вполне может закончиться первым соитием: когда в постели партнеры подставляют друг другу незащищенную глотку, согласитесь, логично в нее вцепиться зубами сразу. Что подчас и происходит — загляните в криминальную хронику. Можно убить и символически — просто объект убрать из поля зрения, отвернуться или спровоцировать его к распаду взаимоотношений — и горько после этого рыдать. Подобные ситуации (на самом деле — оставшиеся травмы) часто воспеваются эстрадными певичками.

Для *продолжительной* же страстной любви необходимо также наличие факторов противоположных — связывающих. Только в таком случае возникает некоторое устойчивое равновесие противоположно направленных сильных чувств, равновесие, подобное тому, которое составляет комплекс кастрации: с одной стороны, привязанность дочери к матери как кормилице, с другой — ненависть к ней как к более удачливой сопернице.

В сущности, комплекс кастрации и является наираспространеннейшим материалом для поддержания страстной любви в тлеющем состоянии — для затяжного ее течения объекту достаточно ассоциироваться с кем-то из родителей. Скажем, один из пяти сыновей Софьи Андреевны получал травму от анальной женщины типа его матери, и собственные расквашивания садо-мазохистского маятника начинал подлаживать под ее то спадающие, то нарастающие волны ненависти и самоунижения. Он то становится перед ней на колени в позу «объяснение в любви», то начинает корчиться от приступов ревности.

Практика показывает, что если уменьшается чувство привязанности (нашелся объект, который еще больше похож на ключевой прообраз детства), то это еще не повод к расторжению отношений; хуже, если исчезает ненависть — вот тогда общего между *партнерами* не остается ничего.

Таким образом, для всестороннего описания каждого конкретного случая продолжительной (более одного дня) страстной любви необходимо выявить:

- (1) источник некрополя достаточной силы (один из партнеров, оба, или индуктор был сторонний);
- (2) причину той ненависти, которую испытывает к нему она;
- (3) причину его к ней ненависти;
- (4) причину ее к нему влечения;
- (5) причину его к ней влечения.

Случай Льва Николаевича и Софьи Андреевны прозрачен. Силы некрополя в доме Берсов хватало с избытком: отец был «модный доктор», его мнение испрашивал сам российский самодержец Александр II, причем не только по медицинским вопросам; обстоятельства и детали любовей «модного доктора» (по сути, несколько более жухлый вариант Гришки Распутина) поневоле подводят к мысли о наличии у него некрофилии в узком смысле — влечения к трупам. Мать Любовь Александровна относилась к тому типу женщин, которые были с детьми вечно холодны, никогда не ласкали и умели заставить детей выполнять любую свою прихоть, даже не повышая голоса. И это все, не считая присутствия самой фуфелы Софочки, в которую влюблялись все поголовно.

Отсюда, учитывая, что мать Льва Николаевича страдала от болезненнейшего комплекса неполноценности (признак некрофилии, оборотная сторона стремления к первенству), можно не сомневаться в ассоциативных причинах его чувства к Софье Андреевне. Чувство его было особенно устойчиво потому, что мать Льва Николаевича к моменту его брака была в неизменяемом состоянии — мертвом. Чувство Льва Николаевича было бы подвержено колебаниям, если бы мать его была еще жива: ее поступки и пространственные перемещения влияли бы на соотношение напряженностей ненависти и притяжения у сына.

А вот с Софьей Андреевной все иначе. С отцом Лев Николаевич не ассоциировался — да и не мог. Причин ее притяжения к писателю, к несчастью для Льва Николаевича, было предостаточно. Бабушка Софьи Андреевны была урожденная графиня Завадовская, мать же Софьи Андреевны болезненно страдала от неродовитости своего мужадворянина и болезненно хотела быть графиней. Это было ее основным чувством. Дочь-копейка и в этом подсознательно и сознательно подражала матери. От брака с графом она получала то, что невозможно было приобрести ни за какие деньги. С другой стороны, графов предостаточно, Лев же Николаевич из них был самый ненавистный.

Причина ненависти Соньки-копейки — в ней самой, в ее некрофиличности, а вот повод для особого всплеска — несовместимость ее мышления с редким среди населения неавторитарным мышлением ее мужа. Это не только его мысли и фразы, но и дух, и психоэнергетика. Поскольку в окружающих нас семьях ненависть имеет значение большее, чем притяжение, то даже еще только нарождающаяся способность Льва Николаевича мыслить самостоятельно от некрофилического начала нашего бытия, способность, которая столь выгодно отличает его тексты от текстов остальных писателей, стала для Толстого **судьбообразующим фактором**.

Наличие как притяжения, так и ненависти в сколь-нибудь устойчивых взаимоотношениях выявил и наш П., анализируя список бывших у него дам: Весы были несомненным признаком притягивающих тенденций, а вот у офицерских дочек, от своих отцов-военных унаследовавших наиболее отчетливо выраженное авторитарное мышление,

более чем у других категорий населения он своим свободомыслием вызывал чувство ненависти*.

Косвенное тому подтверждение — отлучение П. от церкви с авторитарными порядками, причем отлучение без каких бы то ни было объяснений и не только в нарушение всех и всяческих декларируемых церковью общих принципов, но и сформулированных внутрицерковных дисциплинарных установлений о поведении служителей...

При рассмотрении страстной любви В. и «дорогого экстрасенса» также удастся выявить все пять названных параметров.

Интерес к этой конкретно комбинации не праздный. Для нас и наших размышлений «дорогой экстрасенс» интересен, разумеется, не сам по себе. Он лишь инструмент познания В. Ее странные среди целителей эволюции есть не только серия неприятных ситуаций, после которых надо психокатарсически разгрести мусор внедрившихся травм, но это прежде всего инструмент выявления «площадок» для приема этого мусора, которые травматически образовались еще в раннем ее детстве. Детские травмы часто драматизируются вновь и вновь, и притом всю жизнь, порой составляя, к несчастью, единственное содержание жизни. «Дорогой экстрасенс» и странности поведения с ним В. — лишь начало нити, высмотрев и ухватившись за которую, можно распутать весь клубок деформаций души В., разделяющих ее, пусть не в главном, с П.

Итак, собственного некрополя «дорогого экстрасенса» явно хватало для того, чтобы за ним, как за Гитлером и Гришкой Распутиным, увидалось множество женщин. Однако «чувство» «пришло» к будущей В. в ситуации, еще более для нее неблагоприятной: когда она (1) *впервые* переступила порог целительского (2) *Центра*. Оба момента важны. Во-первых, страх неизвестности перед незнакомым местом (иконы, амулеты, странные одежды) разрушает защитное сознание в большей степени, чем опасность реальная. Во-вторых, *Центр* подразумевает скученность в этом месте целителей, что, как и в толпе, усиливает их индивидуальное воздействие на жертвы. Там у них было *гнездо*.

Притяжение будущей В. к аналогу Гришки отчасти определялись личностью брата В., но в основном потребностями комплекса кастрации, которые мы обсудим позднее в главе «А ведь это была победа!». Ненависть же будущей В. к «дорогому экстрасенсу» полностью определилась ассоциациями с ее братом. Роль в жизни В. этого человека П. не удавалось осмыслить почти два года. С толку сбивали ее от начала целиком отрицательная оценка персонажей Центра (кроме их чудотворения) и противоположная, восторженно-одобрительная оценка брата. А у брата, как выяснилось через два года знакомства В. и П., существовала вторая, скрываемая от сестры жизнь. Но об этом позже, в

* «Офицерские дочки» — понятие историческое, после падения атеистической веры они повально стали выявлять у себя качества провидиц и экстрасенсов. Случись эти с ними истории на 15 лет позднее, их пришлось бы называть монашками или целительницами. А в другую эпоху — художницами. Или — торгашками.

соответствующей главе. Остается только добавить, что брат жив, и его пространственные перемещения не могли не влиять на оттенки взаимоотношений В. с «дорогим экстрасенсом».

Что касается «чувств» «дорогого экстрасенса», то на основании ряда косвенных признаков можно уверенно говорить, что будущая В. у него с его матерью не ассоциировалась. Ввиду меньшей значимости чувств притяжения для создания продолжительных взаимоотношений, важнее рассмотреть причину его к ней ненависти. Действительно, те психологические особенности, которые отличали будущую В. в первый период ее пребывания в Центре, и которые, собственно, и привлекали целителя-импотента, выявить несложно, но они делали будущую В. похожей на каждую пятидесятую, если не тридцатую женщину. Все определило не притяжение. Главное — ненависть.

И Гитлер, и Распутин женщин меняли с легкостью. Иными словами, им не попало на пути женщина такой душевной организации, которую они страстно бы могли возненавидеть. Все были в достаточной степени «свои». А вот для «дорогого экстрасенса» таким объектом стала будущая В. Но почему?! Что ее так отличало от бесконечной череды женщин? Каков ее вызывающий ненависть судьбообразующий фактор?

Чем по-настоящему уникальна наша В., чем она серьезным образом отличается от *десятков тысяч* (именно ввиду редкости этого качества Гитлеру с Распутиным и не повезло), так это то благоприобретенное В. состояние психики, в котором совершенно естественно *суббота может и должна быть в субботу*.

Силу и значимость этого фактора для экстрасенса (человека, который «считывает» состояние психики *непосредственно*) каждый читатель может проверить экспериментально. Для этого на его территории проживания (любой) достаточно зайти в храм государственной религии (желательно, называющей себя «христианской») и, немного побеседовав со священником и освоившись с его благостным выражением лица, достать Библию и, открыв ее на странице, где приведен закон Божий, зачитать заповедь о субботе и сказать, что вы, как считающий себя ультрахристианином (вариант: первохристианином), субботу будете святить в... среду (четверг, пятницу, воскресенье). Улыбка на лице священника станет еще шире, и очень благостно вам скажут, что все христиане и просто верующие суть братья: *в главном едины, в мелочах терпимы* и т. п. Но если вы в другом (точно таком же) храме скажете, что собираетесь соблюдать заповедь в том виде, в каком она начертана Богом, т. е. *в субботу*, то стоящего перед вами священника как подменит. «Благость» с лица исчезнет, и весь он превратится в клубок звериной ненависти, изрыгающий вопли и проклятия, часто еще и с пеной на губах. Изящно выражаясь, вас оскорбят и выставят вон. И это вы о принципе «суббота в субботу» только *сказали*, а представляете что бы было, если бы вы по этому принципу *жили*?!

Результаты эксперимента воспроизводятся легко, но, разумеется, не во всех 100 % случаев. Иногда в храмах встречаются священники,

которые, тяжело вздохнув, кивают и, отводя глаза, начинают говорить, что да, перенесение *людьми* дня покоя с заповеданной *Богом* субботы на любой другой есть сатанизм, и сатанизм ничуть не меньший, чем вообще отмена этой или вообще любой из заповедей... Но что поделаешь: жена, дети... Если что, жена со свету живет, сами знаете как это бывает... Да и обмана, собственно, особенного никакого нет — народ сам валом идет, никто его как в старину палками не гонит. Сами. Все сами. И идут сами, и несут сами... Да и где еще можно так хорошо заработать?.. Этот вздох, эти отведенные глаза, как соглашаются очевидцы, производят гораздо большее впечатление, чем когда священник после зачитывания ему четвертой заповеди вдруг, подобно Софье Андреевне, валится в истерику на пол храма и начинает кататься, кататься... *А на губах — пена...*

Со всем этим, повторяем, полезней ознакомиться экспериментально.

Итак, повод к особой ненависти, необходимой для возникновения у «дорогого экстрасенса» страстной любви (а он, в сущности, жрец государственной религии и почти у самого верха этой иерархии) к будущей В. определялась особым отличием ее души — тогда еще не полностью оформившимся, но уже укрепляющимся принципом «суббота в *субботу*». Именно он выделял будущую В. из числа целительской и околоцелительской публики. Скажем, у целительницы Гины (к ней мы еще вернемся: это та, которая ни во что не ставит своего мужа-бизнесмена, презирает его, за глаза насмехается, и сын которой попал в дурную компанию) родная тетка — субботница (адвентистка). Столь близкое родство не могло не обратить внимание целительницы Гины на точное содержание четвертой заповеди закона Божьего. Но целительница Гина по размышлению предпочла «субботу в воскресенье» — и работает в Центре по сей день. Естественно, что «любовного» предпочтения целительнице Гине от «дорогого экстрасенса» добиться не удалось, несмотря на все ее усилия. Как и многим прочим ей подобным.

Вот такая жизнь, как выясняется, у В.! Особенная во всех смыслах — тут вам и соединение с *половинкой* (максимум по биофильной шкале), и страстная любовь с «реинкарнированным» Гришкой Распутиным (максимум по некрофильной шкале). Не *жухлое*, согласитесь, существование!

В жизни всегда так: одним *все*, другим... прибавки к окладу ввиду своевременного продвижения в иерархии — *карьера* называется... Мы, конечно, понимаем, что *жухлому* успокоительнее верить, что все, и встречи *двоих* тоже, понимаете ли, от судьбы-злодейки, от Фортуны с ее знаменитым задом — куда захочет, туда его и повернет, — от него, *жухлого*, разве что-нибудь зависит?.. Какие могут быть во встречах закономерности... *Просто* встретились... *Случайно*.

Принцип «суббота в *субботу*» шлифуется, очевидно, всю жизнь и, хотя В. к моменту встречи с П. сформулировала его даже словесно, при второй с ней встрече он ей сказал, что *интеллект у нее — ноль*: такой у нее тогда был сумбур на понятийно-цифровом уровне. Плюс засоренность ассоциативно-образного... Одним словом — женщина. Но милая.

Сложная стояла перед П. задача: помочь *половинке* (о которой он даже не знал, что она *половинка*) разобраться в самой себе. Сложная, потому что ко времени встречи он равным счетом ничего не знал ни про Гитлера и его женщин, ни про Гришку с императрицей, ни про оккультизм с целительством, ни про гипноз, и до архивов музея Толстого он еще не добрался, а слово *половинка* значило для него не больше, чем для любого обывателя.

Но в том-то и особая ценность психокатарсиса, что *если направление выбрано правильно (верный принцип)*, то начинать можно из любой точки, с любого уровня знаний — и успех обеспечен.

Впрочем, кое-что П. все-таки знал. Что такое невроз знал, в Библии ориентировался и почти уверенно себя чувствовал даже в горном кишлаке в обществе бандитских жен.

Глава тридцать пятая.

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА

или КАК УБИВАЛИ ЧЕМПИОНА ПО КАРАТЭ

Изложенное ниже основывается на материалах уголовного дела, возбужденного «по факту убийства» группой экстрасенсов-целителей известного артиста, чемпиона Узбекистана по каратэ Т. Нигматулина. Убийство произошло в ночь с 10 на 11 февраля 1985 года в центре города Вильнюса, в квартире *своего, художника* А. Ка-са. Пятеро целителей в течение нескольких часов с особой жестокостью избивали руками и ногами *не сопротивлявшегося чемпиона* по карате, избивали до тех пор, пока не наступила смерть от «несовместимых с жизнью повреждений внутренних органов». Ввиду растянутости процесса убийства, целители *делали перерыв на чаепитие*. В квартире присутствовали и наблюдали происходящее еще четыре человека, которые телесно (только телесно!) в убийстве не участвовали.

Все четверо, как следует из материалов уголовного дела, получили высшее образование и, как следует из протоколов допросов, их объединяло с основными участниками убийства стремление служить добру и людям путем создания лаборатории по изучению «скрытых способностей человека».

Интересно было бы рассмотреть всех участников этого преступления, не только целителей, но и жертву, и наблюдателей. Но это требует уж очень много времени, к тому же некоторые аналогии происшедшего в Вильнюсе угадываются в заключениях нашей В. в Центре «биотерапевтов». Поэтому мы ограничимся лишь троими: ведущим Учителем Мирзой, жертвой и одним из подручных. Начнем с последнего. В академической монографии Ю. М. Антоняна и В. В. Гульдана «Криминальная патопсихология» приводятся данные исследований одного из подручных, некоего П. И. На момент совершения им под руководством Учителя преступления ему был 41 год. Научный работник, кан-

дидат исторических наук, почитатель, последователь и знаток восточных философий, активист РК КПСС. Был исцелен Учителем Мирзой от экземы рук, от которой П. И. не могли избавить никакие врачи. До временного запрещения деятельности частных секций каратэ (1981 год) вел группу учеников, развивая их не только, как единоборцев, но и «духовно» — водил в музеи, преподавал им психологию, экстрасенсорнику, восточную философию и медицину. При знакомстве с Учителем Мирзой и его подручным Абаем на П. И., по его словам, очень повлияли рекомендательные письма, составленные на имя Учителей известными писателями и учеными. П. И., по его словам, общаясь с Мирзой и Абаем, чувствовал себя причастным к «делу, имеющему государственную важность»; ощущал причастность к «людям, имеющим ценность для страны».

По данным судебно-медицинской экспертизы у П. И. нарушений операционной стороны мышления не обнаружено. Были отмечены черты обстоятельности, склонности к детализации, стремление к гиперкомпенсации путем сверхценных интересов (карате, парапсихология, восточные философия и медицина) с дальнейшим их использованием для реализации потребности в лидерстве. Экспертная комиссия пришла к выводу, что психологическая зависимость П. И. от Абая не носила болезненного характера, поэтому суд признал П. И. подлежащим уголовной ответственности и приговорил к 13 годам лишения свободы. Как и водится среди преступников, желающих уменьшить себе срок, на суде П. И. выразил свое чистосердечное раскаяние. Однако из данных научных исследований следует, что П. И. так и не смог поверить, что Учитель убил человека из преступных побуждений. По мнению П. И. и остальных участников, в своей смерти Т. Нигматулин виноват сам, это была проверка, виноват, что не выдержал 119 травм внутренних органов — должен был выдержать. Суд признал раскаяние П. И. чистосердечным. К настоящему времени П. И. отсидел более половины срока и когда выйдет, видимо, вновь будет стремиться служить людям и добру, примкнув к какому-нибудь движению «исключительных людей, делающих дело важности не просто государственной, но даже вселенской».

Учитель Мирза. Что можно сказать про него? По аналогии сразу же вспоминается конокрад и царев советник Гришка Распутин. Он ведь тоже был целителем, и его тоже считали духовным учителем.

Прежде всего, вспоминаются те легенды, которые публике нравились (бессознательно) про него в разные времена распространять, что он-де сексуальный монстр, святой старец, человек, который, подчинив своей воле царицу, управлял страной, в результате чего Россия погрузилась в кровавый хаос революции, гражданской войны, затем сталинщины и вновь гражданской войны. Как гласит легенда, жизненная сила в Гришке была невероятной. Пятеро убийц долго не могли с ним справиться: в подвале юсуповского дворца он проглотил с пирожными чудовищную дозу цианистого калия, после этого в него стреляли пять раз, из которых три раза попали, потом били палкой по голове, после

чего утопили в проруби, но и в ледяной воде Распутину удалось выпростать руки из ковра, в который он был завязан, и захлебнуться в позе проклинающего.

О такой нечеловеческой живучести толковали все, и никто из публики в ней не сомневался. Разве только одна дочь Распутина. В своих воспоминаниях о странных обстоятельствах убийства она писала, что ее отец *никогда не ел пирожных*. Что же касается устойчивости к ранам, то и здесь в легенде, похоже, есть несуразности: когда в 1914 году одна из бывших религиозных последовательниц конокрада пырнула его ножом — а разве способна женская рука нанести тяжелую рану? — Григорий чуть не умер. Какое уж тут выпрастывание рук из ковра после трех огнестрельных ранений, одно из которых — в голову? Так что, из всего этого следует, что мемуары убийц, поклявшихся быть заодно, есть вранье — или просто ради вранья как такового, или же оно было целенаправленным, скажем, чтобы, создав облик воплощенного сатаны, которого и убить — благо, самим предстать в облике национальных героев.

Как выяснилось в ходе расследования Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК), у Григория Распутина в последний период его деятельности было на удивление незначительное число почитателей (прежде всего истеричные женщины и высшие иерархи Православной церкви), всего по подсчетам ЧСК — 68 человек, и это с учетом посетивших Григория на последнем этапе его карьеры один только раз! Одним словом, камерный целитель. Остался же он в истории только потому, что вину за коммунистическую бойню в России во многом принято возлагать на последнюю российскую царственную чету. Считается (по легендам), что «дорогой Григорий» (так его называли в семье Николая II) поработил волю набожной царицы, *убедив* ее, что он человек Божий, *и поэтому* она в угоду ему и к несчастью для России помыкала своим мужем императором Николаем II. В сущности, Гришка был ей мужем (авторитетом), а муж — неким приложением.

Да, действительно, в письмах царица называла Гришку «Друг» (с большой буквы), а мужа — «дружок» (с маленькой), и требовала от мужа исполнения ее с Гришкой пожеланий, ибо это требуется для дела «не просто государственной, но и вселенской важности». Как тут не вспомнить показания кандидата истории П. И. (который, с перерывом на чаепитие, с учениками забивал чемпиона по каратэ) насчет вселенской важности их поступков! П. И. и императрица во многом схожи: если Александра Федоровна, несмотря на льющуюся в России в результате ее правления кровь, осталась верна уже похороненному «дорогому Григорию» даже до момента расстрела ее с семьей, так и П. И. даже на судебном процессе не смог поверить, что Мирза мог убить человека просто потому, что он — убийца.

Одновременно поразительно сходство базовых свойств характера Александры Федоровны и другой женщины — Софьи Андреевны Толстой! И та, и другая вышли замуж за мужчин, которые в них страстно влюбились. Александра, по приезде в Россию столь поразила импера-

торский двор злобной линией поджатых губ, что о ее губах упомянули в своих мемуарах многие — да она и на всех фотографиях такая. Софья же Андреевна перед фотоаппаратом всегда старательно «делала ротик», что заметно. Брезгливо-некрофильская же линия ее рта змеится только на масляных портретах художников реалистической школы, что закономерно — «делает ротик» все время сеанса утомительно. Софья Андреевна говорила, что она мечтает идти в лазарет целовать гноящиеся раны, а Александра Федоровна с началом войны добилась права участвовать в ампутациях и чистила такие раны, от вида которых даже бывалые медсестры теряли сознание. Софье Андреевне снилось, что она расчленяет сына Льва Николаевича от крестьянки; Александре же Федоровне снилось, что *все семейство Романовых* сгорает в огне. Александра Федоровна требовала от дружка-мужа, чтобы он выполнял пожелания Друга-Распутина, Софья же Андреевна визжала на Льва Николаевича, что он, муж, — «плохой», а ее возлюбленный гомосексуалист Танеев — «хороший», и она всегда будет следовать добру. Александру Федоровну, как и Софью Андреевну, разве что не все авторы, основывающие свои выводы на «подлинных документах», преподносят как образец любви к мужу, — и действительно, словесная фактура их к мужьям «любовных» писем настораживающе похожа, как будто обе они читали одни и те же романы. И, наконец, обе эти женщины сделались объектами поклонения в авторитарных системах государственных вер: только Александру Федоровну причислили к лику святых в православной (пока только зарубежной) церкви, а Софью Андреевну — в коммунистической и отчасти православной.

Итак, что же общего у доктора философии Александры Федоровны, антитолстовской писательницы и художницы Софьи Андреевны Толстой и кандидата исторических наук П. И.? Если учесть, что П. И. принимал участие в убийстве духовного *сына* бездетного Мирзы (о сыновстве Т. Нигматулина чуть позже), а Александра Федоровна и Софья Андреевна, судя по снам, подсознательно желали смерти детям своих мужей, то совершенно очевидно, что всех троих объединяет одно влечение — к разрушению. Так что не удивительно, что для всех троих учение Льва Николаевича совершенно неприемлемо. Зато противоположные мысли вполне органичны.

Спровоцировать на противоречащий заповеди поступок можно только того, кто внутренне к этому готов. Это проверено экспериментально. На сеансах сильных гипнотизеров, в присутствии многих собравшихся, введенным в состояние гипнотического транса женщинам предлагали показывать разные фокусы, что они и проделывали. Затем им приказывали раздеваться догола. Из многих испытуемых ни одна верная жена, несмотря на состояние гипнотического транса, перед присутствующими не разделась. Единственная, на удивление присутствующих, ставшая раздеваться, прежде, как оказалось, в ночном ресторане зарабатывала стриптизом. В состоянии гипноза перед публикой можно раздеться и порядочную женщину, но для этого ее надо обмануть, внушить, к примеру, что сейчас она в ванной, одна и готовится принять душ.

Можно внушить стриптизерше раздеваться всякий раз, когда она видит фонарный столб, — и она в постгипнотическом состоянии (выйдя из гипнотического транса и вне непосредственного воздействия гипнотизера) будет то делать. Но порядочная женщина в постгипнотическом состоянии не только справится с желанием раздеться при виде фонарного столба, но вскоре и вообще никаким особым образом на столбы реагировать не станет. Таким образом, «гришки» появляются там, где нужно, чтобы у их последовательниц для исполнения их целей затухло критическое мышление — вместе с нравственным. Они нужны тем, кто *без приказа не в силах* воплотить *свои* вожделения. Отсюда понятно, почему у всех троих — Софьи Андреевны, Александры Федоровны и П. И. были «духовники» («духовные» отцы, учителя, наставники), словом, *люди*, коих не было ни у Льва Николаевича, ни у Христа, ни, в определенном смысле, у апостолов — истина воспринимается только *непосредственно*, только *помимо* духовников.

Из троих духовных отцов — конокрада Гришки, гомика Танеева и убийцы Мирзы — более других известно о Распутине. После того, как «Божьего человека» бывшая его почитательница пырнула ножом, его по высочайшему повелению окружили такой охраной, которой не было даже у наследника престола. Филеры различных ведомств писали подробные отчеты о происходящем с Распутиным, о людях, которые с ним встречались, и их словах (подслушивали даже телефонные разговоры!), из которых собственно и известно, что у Гришки было на удивление мало последователей — два-три десятка (куда ему до Гитлера, Ленина или Сталина!). Это были в основном женщины (где грязь, там и женщины!). Филерами очень подробно описано, как во время публичных попок Гришка насмехался над царской семьей и в особенности над императрицей: дескать, узнай она, что он делает в вышитой ее царскими ручками рубашке — лопнула бы от злости!

Александра Федоровна не лопнула. Но тех людей, которых честь подталкивала представить происходящее в истинном свете, она руками своего мужа увольняла, оставляя у руля власти только беспринципных лизоблюдов. Это, разумеется, вело к разрушению России и боли в сердце ее достаточно честного мужа.

Многие беседовали с безграмотным Григорием — преподаватели Петербургской духовной академии, чины Православной иерархии, сам святой Иоанн Кронштадтский, который и рекомендовал в свое время Гришку ко двору, придворные дамы — и не скрывали своего восторженного отношения к конокраду. Характерная особенность воздействия Распутина на людей заключалась в том, что никто из тех, кто с ним общался и высоко его ценил, никогда не пытался пересказывать слова «дорогого Григория». И это закономерно. Вне непосредственного воздействия целителя слова его превращались в банальности — трюизмы, которые знали все. Значим был только восторг от его присутствия. Вторая дочь Николая II записывала за старцем его поучения — стыдно их приводить, стыдно за Россию, у которой такие цари. Они, в сущности, писали одно: рядом с Распутиным им становилось *хорошо*.

Мирза, как и Распутин, религиозен: оба воспитаны в традициях своих территориальных государственных религий, лишь по названию разных. Малообразован, книг в доме нет, если не считать нескольких брошюр по парапсихологии и тому подобному. Но приезжавшие к нему в кишлак научные работники не могли сопротивляться чувству восхищения перед, как они рационализировали, глубинами его познаний. (Ключевое слово — «восхищение».) Последние удары Т. Нигматулину наносил Мирза лично, и мы утверждаем, что покойный тоже при этом пребывал в *восхищении*.

Эта мысль очень важная. Многие авторы, интересующиеся процессом умирания своих знакомых и близких, отмечают, что в момент смерти у людей на лицах часто появляется выражение восторга. Целительско-окультурного мышления индивиды объясняют этот восторг тем, что в момент смерти, пока человек еще как бы жив, душа его, якобы, покидая тело, как бы переселяется в мир иной, и красота загробного мира и вызывает у становящегося трупом восторг. На самом же деле выражение восторга на лице появляется у индивидов не только в предсмертном состоянии, но и при всяком частичном умерщвлении себя: при потреблении наркотиков, при приближении к индуктору некрополя, при сексуальных извращениях, убийствах и самоубийствах, богохульстве, лжесвидетельствовании, страстной любви и т. п. Скажем, Гитлер приходил в восторг не только при взирании на определенные части женского тела (вернее, в определенные), но и тогда, когда шею ему сдавливали удавкой. Это было его частым развлечением: он приказывал слуге туго затянуть на шее галстук и, сосчитав до десяти, отпустить. Кайф!

Итак, **восторг — это и есть предсмертное состояние**. Какое еще может быть в момент смерти выражение лица? И непосредственное наблюдение за человеческим родом подводит к выводу, что предсмертное состояние и есть его единственно доступное наслаждение. Цель этого вида млекопитающих — смерть, а моменты к ней наиболее близкого приближения — наслаждение.

То, что восторг есть предсмертное состояние, отчасти знали древние греки. Слово *mania*, как то следует из словаря, означает не только *восхищение* и *восторг*, но и *безумие*, что естественно: первым у человека отмирает разум. Рядом с Мирзой разум отмирал точно так же, как и рядом с Распутиным, Джамшедом, Гитлером и вообще — в большей или меньшей степени — примерно каждым пятым на нашей планете.

В реальной культуре человека ценят в той и только той мере, в какой он при общении может умерщвлять — приводить в восторг.

Некрофилы не едины — разные группировки между собой враждуют, но внутри одного течения удивительным образом друг на друга похожи. Времена меняются, меняются имена и фамилии, но внешние атрибуты клана целителей не меняются. Например, Мирза и Распутин жили в разное время, воспитаны в разных территориальных религиях, но, подобно большинству современных целителей, им нравилось выделяться необычностью покрова одежды. Таких способов «выделения» множество.

В материалах уголовного дела приводятся показания и о Мирзе, и о его просветленных учениках, и о тех, кто под его влияние не подпал. Односельчане с удивлением наблюдали, как к Мирзе — человеку, который даже дом не смог себе построить, потому что руки не работали и ничего в них не держалось — с некоторых пор валом стал валить народ из столичных городов, да не просто, а все больше ученые. Молодые женщины приезжали группами по 8-10 человек, приезжали с севера, где много рек и озер с прозрачной водой, но здесь в кишлаке они с удовольствием шли якобы купаться в мутных арыках, а позагорать выбирали такие загаженные места, где, по словам бывшего бригадира Мирзы, «порядочная корова никогда не ляжет». «Просветленные» дамы ходили по селению, взявшись за руки, пели и уезжали еще более «просветленными». И все они, и женщины, и кандидаты наук, и прочие, объясняли сельчанам необыкновенно возвышенные свойства души будущего убийцы. Не встречая понимания, вздыхали, выражали кишлачным соболезнование и выражали надежду, что те когда-нибудь прозреют и поймут.

Впрочем, официальной коммунистической науке, которая хоть и запятнала себя в лице академика Александровского заявлениями типа: «Только психически ненормальные люди могут желать смены советского строя», все-таки хватило здравомыслия, чтобы в заключении судебно-медицинской экспертизы квалифицировать методы лечения Мирзы как эмоционально-стрессовые. Эмоционально-стрессовые методы психотерапии, если описать их предельно образно, заключаются в следующем. Предположим, перед нами лежит человек, которого называют парализованным. Парализованным же он выглядит потому, что некогда какой-то подавляющий индивид сказал (или захотел): «Лежи и не двигайся!!» От этого приказа в теле памяти пострадавшего осталась психоэнергетическая травма, которую условно можно оценить, предположим, в 30 единиц нездоровья. Затем появляется просветленный целитель, который наносит еще одну психоэнергетическую травму в 50 единиц нездоровья и при этом говорит: «Встань и ходи!!» Несчастный встает и ходит, потому что из двух приказов, естественно, повинуется более убедительному. Поскольку теперь в его теле памяти 80 единиц нездоровья, а падшим людям свойственно громко воспевать то, что им во вред, то несчастный «исцеленный» начинает во всеуслышание восхвалять благодетеля. Впоследствии, естественно, заболевает чем-то, еще более худшим.

Именно из-за последующего ухудшения здоровья некоторая часть врачей выступает против эмоционально-стрессовых методов, несмотря на их внешнюю эффективность и одержимое обожание «исцеленными» своих «благодетелей». Таков был П. И., и Мирза действительно исцелил его от экземы.

Остается рассмотреть третьего главного участника преступления — покойного Т. Нигматулина. О каждом человеке всегда можно собрать столь значительное число свидетельств, что сделать по ним вывод затруднительно именно из-за их чрезмерного количества. Поэтому мы

ограничимся несколькими, пусть даже при этом утратятся некоторые второстепенные детали образа некогда жившего человека. Т. Нигматулин был чемпионом Узбекистана по каратэ и киноактером, причем чрезвычайно популярным. Свой успех в кино и спорте Т. Нигматулин объяснял влиянием Мирзы. Во время нанесения ему 119 «несовместимых с жизнью» травм, Т. Нигматулин, который мог бы всех этих целителей уделать без особых усилий, такой попытки не сделал, даже тогда, когда в избиении сделали перерыв на чаепитие. Причина «воспитания» — отказ Т. Нигматулина участвовать в избиении конкурентов, другой группы экстрасенсов-целителей.

Почему Т. Нигматулин не сопротивлялся? Был ли он под абсолютным контролем Мирзы? Если был настолько, что даже не защищал самой своей жизни, то почему он отказался в существенно менее значимом: отказался помочь Мирзе в избиении конкурирующей группы целителей? Зачем вообще тогда приехал в Вильнюс? Ежели Т. Нигматулин владел собой настолько, что мог сопротивляться Мирзе, то почему погиб? На убийство, во всяком случае, в том виде, в каком его представил прокурор, и за что понесли наказание нанесшие 119 приведших к смерти ран, что-то не очень похоже. Психологически не достоверно.

В таком случае, может быть, это было самоубийство? Чтобы стать чемпионом, да еще в таком виде спорта, как каратэ, необходимо быть некрофилом, или выражаясь спортивным языком, иметь «сильную волю к победе». Но для некрофилов притягательно не только убийство, но и самоубийство. Самоубийство ценно (для некрофила) само по себе, но при совершении его чужими руками достигается дополнительное наслаждение. Убийца в процессе убийства получает травму тела мировоззрения: так уж устроен человек. (Вспомните Раскольникова, который, зарубив старуху-процентщицу и ее беременную сестру, не смог носить в себе тяжесть этого преступления и предпочел на площади перед народом пасть на колени, покаяться, «облегчить душу», а за этот психологический выигрыш расплатиться многими годами каторги.) Когда убийца убивает некрофила, который в момент смерти, видимо, становится максимально активен, то дополнительно к травме тела мировоззрения он получает еще и травму тела памяти. Что эти травмы, как не убийство убийцы, совершаемое самоубийцей? Что это, как не удовольствие, получаемое самоубийцей еще и от убийства другого? И это, не считая того, что самоубийца может наслаждаться еще и от мысли о будущей уголовной ответственности убийц, расправе над ними неминуемой даже в стране беззакония, поскольку «жертва» — популярнейший киноактер и чемпион, национальная гордость, а за национальную гордость — и это признано — надо мстить.

Таким образом, роли в убийстве *своего* своими кардинально меняются. Что получается? Некий некрофил, который в этой жизни получил все, о чем способен был мечтать: победы над всеми противниками-бойцами, обожание толпы, любовь всех садо-мазохисток, которые в постели наносят психоэнергетические травмы, но не дают и не получают ничего генитального, в чем нуждается здоровый человек, — разочаро-

вался, устал. Единственное не испробованное некрофилическое наслаждение — самоубийство, которое, ввиду некоторых специфических его особенностей, можно испытать лишь один раз, поэтому избалованный ум гурмана решил насладиться им во всей возможной полноте — совершив одновременно коллективное убийство.

Познание о том, что людей можно принуждать психоэнергетически, он приобрел от Мирзы, что следует, в частности, из того, что Т. Нигматулин знакомым объяснял свой успех в победе над конкурентами просветляющим влиянием Учителя. Т. Нигматулин не только *знал*, но и *использовал* знания для достижения некрофилических целей, возможно, в этом умении превзойдя самого Учителя.

Спровоцировать на убийство можно, разумеется, только того, кто внутренне к этому готов. Готовность просветленных целителей убивать проявилась не только в том, что при государственническом мышлении («суббота в пятницу») они исцеляли, но и в том, что они вызвали Т. Нигматулина в Вильнюс *для расправы* над конкурирующей группировкой экстрасенсов-целителей. Т. Нигматулин поехал и, что *странно*, будучи чемпионом по карате, бить отказался. Решение следовать заповеди «не убий» — плод души очень большой, и за один день он не вызревает. Но истинное покаяние не означает отказа от заботы о своей жизни, следовательно, если бы Т. Нигматулин покаялся, так просто свою жизнь он бы не отдал. Таким образом, единственно возможной причиной смерти чемпиона остается самоубийство в особо зверской форме, — как и положено человеку, психика которого принудила его стать чемпионом, актером и признанным.

Что и говорить, убитый уходил, наслаждаясь, — все-таки 119 травм, да еще с перерывом на чаепитие, и это, не считая того, что каждый удар, который наносили целители, возвращался им болью не только в теле сознания, но и в теле памяти.

Суд признал виновными в преступлении, разумеется, не Т. Нигматулина, а только индивидов, его избивавших, что неудивительно, если вспомнить, что и «раскаяние» П. И. тот же суд признал чистосердечным.

Бог судья и им, и всем участникам этого незначительного эпизода в бесконечной, как ночной кошмар, цепи преступлений, которую по недоразумению называют жизнью.

Да и в самом деле, которого из двух скорпионов, в конечном счете, следует признавать виновным в смерти погибшего, если оба они с нетерпением лезли в банку, зная, что туда лезет и другой, и выбраться оттуда обоим не удастся?

— Ну и что? — скажет читатель. — Молотят они друг друга — и прекрасно. Было бы даже лучше, если бы банок стояло побольше — и на каждом углу!

Так-то оно так, да только в сферу подавления чемпионов попадают не только жухлые, но и только зарождающиеся биофилы. К жухлым у нас отношение двойственное, а вот биофилов жалко. Жалко Наташу Ростову, которая во всей чистоте своей непорочной юности ждала обогащающих душу открытий, но вместо этого повстречала Анатоля. На-

ташу жалко потому, что ее обманули, надвинули нахлобучку на ее и без того женский разум; жалко потому, что она сама страдала, видя страдающих из-за нее родителей; жалко оттого, что вместо наслаждения познанием Наташа обрела долгую и мучительную болезнь. Жалко Пьера, над которым, пока он был по молодости глуп, куражился Анатолий Курагин и его друг Долохов, энергетически принуждая Пьера совершать преступления: пить вино и вязать квартального к медведю. Да, жалко добряка Пьера, будущего, в хорошем смысле слова, сектанта, которого, после того как он получил большое наследство, энергетически изнасиловали и женили на — в любви бездарной, развратной, глупой, но всеми признанной за красавицу и умницу — будущей католичке Элен. Жалко тех многих лет жизни Пьера, пока не умерла Элен, в течение которых Пьер мог только краснеть, когда упоминали имя Наташи Ростовой. Но Наташа после болезни, пользуясь выражением Л. Толстого, встала «с обновленной нравственной физиономией», а Пьер стал видеть то, что никто вокруг него был не в силах видеть, и среди прочего то, что Элен была безобразна и невыносимо глупа. Жалко, потому что только они удовольствия от бремени вживленных в них звеньев цепи преступлений, опутывающей нашу планету, не получают.

(Здесь, пожалуй, уместно рассмотреть одну в судьбе Пьера деталь, важность которой могут в полной мере оценить только сведущие в истории культуры читатели «Войны и мира». Пьер в своем развитии прошел через масонство. На суть этого движения существуют различные точки зрения, нас же интересует личность обратившего Пьера в масонство Баздеева. Прототип этого персонажа О. А. Поздеев был не только масоном, но и розенкрейцером, а *розенкрейцеры занимались целительством!* Блистательный импотент и магнетизер Месмер, как следует из доступной литературы, также принадлежал к масонству, но стоило бы выяснить, к которому из многочисленных ответвлений. Может быть, он тоже был розенкрейцером? Именно под абсолютным очарованием даже уже умершего Баздеева Пьер, добыв пистолет, сидел в его библиотеке, за его столом и, выходя на улицу, не видел и не понимал ничего, не ответил на улыбку окликнувшей его Наташи, невнятно что-то бормотал и искал случая благодетельствовать человечество убийством Наполеона. Даже мертвым Баздеев стоял между Пьером и Наташей.

Пьер масонство /утонченная форма государственной религии/, хотя ему на это понадобился не один год, перерос.)

Закончилась ли история преступления в городе Вильнюсе смертью одного участника и тюремным заключением других? Но разве не остались на свободе те признанные писатели, крупные политики и известные ученые, чьи рекомендательные письма открывали двери этой банде целителей? Крупные ученые хотя под влияние Мирзы и попадали, но зависимость их была явно добровольной, что следует хотя бы из того, что зависимость П. И., кандидата истории, по заключению судебно-медицинской экспертизы, болезненной не была, а уж что говорить про *признанных* писателей и *признанных* ученых, круг общения которых — признанные из признанных! *Признанные* видели в Мирзе своего

и, помогая ему в общем их деле, прокладывали ему путь чем могли — рекомендательными письмами.

На свободе и те передовые женщины, которые приезжали к Мирзе по 8-10 человек и искали места понепотребней, вроде как бы позагорать. Они живут, вышли замуж и воспитывают из своих детей себе подобных.

Остались на свободе и ученики Мирзы, которые так и не смогли поверить, что в поступке Мирзы было что-то не то. И кто знает, не ожидают ли в каких-либо целительских Центрах выхода из тюрьмы «мучеников», которым исцелять «дано» самим Небом? А этого не так долго остается ждать. Ко времени событий, которые произошли с будущей Возлюбленной в Центре, Мирза с подручными отсидели чуть больше половины отмеренного им срока. Если их уже не выпустили по амнистии.

У нас нет данных, что в Центре, где убивали Возлюбленную, забивали кого-нибудь физически. У нас нет материалов о скрываемых сотрудниками Центра фактах их биографий. **Но у нас есть способ эффективного распознавания скрываемых желаний дурных, подавляющих людей и метод освобождения от кодировок и приказов, от тех груд грязного, ржавого железа, которое люди, не зная, носят в себе.** У нас есть материалы по психокатарсису тех, кто претерпел контакт с экстрасенсами-целителями: Возлюбленной, ее дочери, жены брата Возлюбленной — совпадение текстов кодирующих приказов поразительно. Есть наблюдения о дальнейшем состоянии здоровья иной раз до самой смерти восторженных «исцеленных».

Конечно, может показаться, что все изложенное есть нечто далекое, и что у тех, кто благообразно держится от целителей подальше, все обстоит благополучно. Это не так, хотя бы уже потому, что целители вокруг нас множество, просто они еще не все объединены и еще не все знают, что могут исцелять. То, что их много, вы можете проверить, обратившись к своему бессознательному, по тем психоэнергетическим травмам, которые вы в себе несете, по тем травмам, которые определяют жизнь ваших близких: детей, жены, знакомых, сотрудников. Но даже если бы все ваши близкие прошли психокатарсис тела памяти, то и тогда бесы целительства попытались бы ворваться в ваш дом.

В свое время, когда будущая Возлюбленная впервые только преступила порог Центра, на ее воображение, так же, как и на воображение П. И. сильно подействовало, что экстрасенсы-целители (биотерапевты) Центра вхожи в наиболее уважаемые дома столицы: в дома писателей, актеров, ученых, врачей, политиков...

Кстати, о политиках. Помните ли вы те страшные дни октября 1993 года, когда на подавление вооруженного восстания парламента, восстания, которое население не поддержало, Президент вывел на улицы столицы танки? Помните, как с Калининского моста танки прямой наводкой расстреливали окна Белого Дома? Видели ли вы, как гибли люди? По телевизору показывали детей, попадавших под шальные пули. Мы не беремся определить, кто из скорпионов был по-коммунистически более красным, а кто — по-фашистски более коричневым, но

предполагаем, что в будущем историки это попытаются сделать. Они будут скрупулезно систематизировать высказывания участников событий, определяя, в каком месте философских построений участниками были допущены логические ошибки, в результате которых и в этот год пролилось много крови.

Мы не сомневаемся, что для потомков будет написано множество диссертаций, но все они, к сожалению, не будут иметь ни малейшей ценности, если останется неоцененным тот факт, что один из двух руководителей восстания, и не только он, но и вся его семья, систематически находились под воздействием «сеансов» главного «биотерапевта» этого самого Центра. Историки, руководствуясь традиционными методиками, может быть, этого не заметят и не оценят, но мы-то знаем, какой приказ несет в себе вдавленный в череп черный металлический, тронутый ржавчиной, цилиндр: *«Добро — за зло, а зло — за добро»*.

А может быть, историки патриотического толка и *не захотят* заметить и оценить, ведь, согласитесь, обидно подумать, что люди, кричавшие «За Родину!», на самом деле руководствовались *другим приказом...*

Да, историкам разобраться будет непросто, потому что и Президент, который отдал приказ командирам танковых орудий прямой наводкой расстреливать парламент, был окружен сразу несколькими «просветленными» целителями, ясновидцами и прочими подобными, во главе которых, как о том пишут в газетах, начальник его охраны со своим заместителем. Это их — императоров, царей, президентов и премьеров — *потребность*. Они, взбираясь по ступеням иерархий, всегда перед кем-нибудь на четвереньках да стояли, а взобравшись, распрямиться уже были не в силах. Но перед кем стоять на четвереньках, если ты уже на высшей ступеньке?! Николай II был слабават для императрицы — и появился Гришка Распутин, которому нравился исходящий от себя резкий запах немытого тела. Сам Николай выполнял все пожелания императрицы и называл Гришку Другом, а потом, удалившись в Ставку главнокомандующего без жены и Друга, так устал всегда быть «сверху», так устал ни перед кем на четвереньках не стоять, что жаждал подчиниться любому — вообще любому! — и подписал Отречение от престола разве что не по первому требованию и без достаточных к тому оснований. Так было и тысячи лет назад, так будет до конца.

Да, танки ощутимо, десятками тонн железа, вторгаются в нашу жизнь, но идеология может вторгаться «железом» другого сорта не менее ощутимо. Не просто так на стенах Центров висят иконы, не просто так деятельность «на служение Богу и людям» начинается совместной «молитвой» людей, объединенных единым духом (В. не участвовала). Необходимое для целительства условие — это вполне определенное состояние души, и оно тем действенней, чем более на человеке греха, кощунство же — высшая его форма. Поэтому не случайно целители призывают в своих целительных заклинаниях имя Божье, Христово — это и есть кощунство, не случайно они молятся в своем духе — это прибавляет им силы, не случайно в приемных включают записи «духовных» песнопений — тем лихорадочней хвалебные восклицания «исцеленных».

Признанная национальная религия и Центр не могут существовать друг без друга, — и они соединились. Необходимым условием исцеления, кроме собственно гонорара, в Центре ставили непереносимое посещение православного храма и исповедание перед священником. Это подразумевает веру потерпевших в истинность национальной государственнической Церкви, во что они *железно* и верят (не веря, по большому счету, во Христа), как совсем недавно *железно* верила Возлюбленная в переселение душ. Сотни, тысячи людей прошли только через этот Центр, и все они «открыли дорогу к храму», и обращаться к ним с вестями со страниц Священного Писания пока бесполезно. Не только вера в храм (с маленькой буквы) была вбита в потерпевших, но и многое другое, что вам, читателю, проще выяснить, исследуя те психоневрологические травмы, которые люди получают от некрофилов.

Не следует заблуждаться, что в поле воздействия этого Центра или подобных ему Центров попадают люди, далекие от богословия, или что Иоанн Кронштадтский с преподавателями Петербургской духовной академии — некое исключение. Как раз во время написания этой книги по телевизору выступала известная и признанная *во многих странах* целительница Городницкая, которая рассказывала, что признание ее уже давно перешагнуло академические и университетские рамки, что все чаще и чаще ее приглашают монастыри (в первую очередь греческие) лечить монахов и священнослужителей, что по поводу ее сеансов они выражают восторг и приглашают приехать еще. Городницкая рассказывала, что к ней приезжал сам Патриарх Московский и Всея Руси и, внимательно ознакомившись с ее деятельностью, благословил ее на труды. Целительница Городницкая ничего не рассказывала про свои взаимоотношения с Папой Римским, но несложно разыскать фотографии, где, как он сам себя величает, *заместитель Бога на земле* (Vicarius Filii Dei /лат./ — Наместник Сына Божия. — *Ред.*) запечатлен глядящим руки другой признанной во всем мире целительницы — Джуны. Той самой Джуны, которая целила и главного коммуниста коммунистической империи со всей его семьей, того самого коммуниста, который пролил так много крови не только в своей стране, но и в Афганистане.

Целителей благословляют Папы и Патриархи, их приглашают обрабатывать монахов и священнослужителей, они результативные миссионеры национально-признанных религиозных форм и разных сект, и эти формы все более и более пропитываются духом сатанинским, о чем еще девятнадцать столетий назад Иисус Христос предупреждал через любимого Своего ученика — Иоанна Богослова. Это было всегда. И каждый человек для того и приходит в этот мир, чтобы сделать свой выбор и, если может, высказаться:

«Оправдывающий нечестивого и обвиняющий праведного — оба мерзость перед Господом.

К чему сокровища в руках глупца? Для приобретения мудрости у него нет разума».

(Притчи Соломона 17:15, 16).

ССОРЫ-2

(Техника психокатарсиса)

П.: Так... Закрыла глаза... Хорошо. И так, неадекватности... Неадекватности в наших с тобой взаимоотношениях, которые ведут к ссорам. То, что заставляет тебя со мной ссориться, у тебя — где? В голове?

В.: Да.

П.: А что это такое?

В.: Улитка.

П.: Улитка?!.. Та-ак... А давно она у тебя?

В.: Н-н... Не знаю.

П.: Сколько? День? Два?

В.: Нет... Больше.

П.: Прекрасно! Значит, появилась прежде, чем поссорились. Причина ссоры — она, но к теме ссоры непосредственного отношения не имеет. Сколько? Год? Полтора?

В.: Нет... Две недели.

П.: Две недели? Всего? Так... А посмотри внимательно: улитка какого цвета?

В.: Серо-коричневая.

П.: Однородная? Я имею в виду, она за один раз сделана? Посмотри внимательно, может быть домик у улитки не за один раз появился?

В.: Удивительно, как ты иной раз точно угадываешь*. Как будто сам видишь. Да. Построен не за один раз.

П.: А сколько лет этой второй составляющей?

В.: Двенадцать лет. Это главная часть улитки.

П. (Молчит, думает): Так. Двенадцать лет назад... В тот год родилась дочь, осложнение после родов, попала в больницу, развелась с мужем... Что-то послужило ассоциацией? Ассоциации... (Вслух) Так вот почему ты мне постоянно приписывала то, чего я не говорил! Да и говорить не мог! Двенадцать лет! Ну и баран же я, что не догадался раньше, что ты не со мной ссорилась, а еще с кем-то! Ладно... Так. Хорошо. Что надо сделать, чтобы улитка уползла и больше не влияла на наши отношения? Рассмотрим ее внимательно. Наблюдай, как она уползает.

В.: Нет, не уходит... А ты знаешь, мне иногда кажется, что ничего у нас с тобой не было, не случилось, и мы с тобой не встречались. Как будто *ничего не было*.

П.: Стоп!..

В.: Что?..

П.: Ты уже что-то похожее говорила.

* На самом деле, это общий способ существования невротиков. Очередная травма «садится» на предыдущую, а та — на «слабое» место.

В.: Я?

П.: Да. Только это была зеркальная ситуация. Ты сказала, что у тебя иногда такое ощущение, что в Центре это была не ты. Как будто *ничего не было*.

В.: И что это значит?

П.: Не знаю.

В.: Почему?

П.: Откуда я знаю, почему? Так углубленно психокатарсисом я впервые занимаюсь. Но я запомнил. Когда-нибудь ответ будет. И так, что же улитка? Посмотри внимательней.

В.: Нет. Она уползать не хочет.

П.: Может быть, к ней притянута твоя энергия?

В.: Нет.

П.: Посмотри, может быть, есть какая-нибудь удерживающая программа?

В.: Нет.

П.: И все-таки что-то есть. Посмотри внимательно: какого цвета то, что мешает тебе от этой улитки избавиться?

В.: Кроваво-красное...

П.: А какой формы этот предмет?

В.: Это не предмет... Это... Это мое сердце... Оно разрезано. *В кровь*.

(Примечание: *сердце — это обычно место фиксации разочарований. Обманули или обманулась, намечтала или нафантазировала, а потом разобралась, как на самом деле устроена жизнь, и сердце, как говорят в народе, «кровью облилось».*)

П.: Когда оно было разрезано?

В.: Двенадцать лет назад...

П.: Так... А кто это сделал? Мужчина или женщина? Да что я спрашиваю — мужчина, разумеется...

В.: На самом деле все вместе... Много факторов. И во многом я сама.

П.: А тебе будет лучше, если сердце твое заживет?

В.: Да, будет лучше.

П.: Так заживляй!

В.: ...

П.: Рассказывай, что происходит.

В.: Зашила. Нитками внахлест.

(Оценка внешнего состояния: *вздоха облегчения нет, иных внешних проявлений улучшения психического состояния тоже нет.*)

П.: А только *зашить* достаточно? Может быть, еще что-нибудь надо сделать? Чтобы рана совсем затянулась? Что еще надо сделать?

В.: Н-н... Не знаю.

П.: Знаешь. Может быть, смазать какой-нибудь целебной мазью? А то ведь у нас есть любая. Или просто на рану руку положить?.. Что происходит? Рассказывай.

В.: Ничего не происходит.

П.: Сосредоточься. Посмотри внимательно... *Что надо сделать, чтобы рана затянулась без следа?*

В.: Н-н... Не знаю...

П.: ...Странно... Ты всегда с такой легкостью разрешала все сформулированные задачи. Еще раз попробуй.

В.: ...Нет. Ничего не меняется...

П.: А ты уверена, что тебе будет лучше, если рану заживить?

В.: Да. Я даже так скажу: она у меня прежде несколько раз заживлялась...

П.: Несколько раз? А потом?

В.: Потом края опять расходились... И опять начинала сочиться кровь.

П.: Раз заживлялась, значит может зажить и окончательно. Хорошо. Посмотри внимательно: может быть, в самой ране что-то мешает процессу заживления? Может быть, рану надо почистить? Или промыть? Мешает?

В.: Нет. Ничего не мешает.

П.: Так. Может быть, есть нечто, некий предмет, с которым надо разобраться прежде заживления? Где он?

В.: Нет, ничего не вижу.

П.: Так. Не волнуйся. Все хорошо. Сейчас мы найдем решение. Вернее найдешь ты. *Итак, что надо сделать, чтобы рана затянулась без следа и больше не оказывала на твою жизнь отрицательного влияния?*

В.: Нет... Не получается... Все. Я больше не могу. Давай заканчивать. Очень устала.

На этом работа прервалась до следующего дня. На следующий же день сеанс лечебного психокатарсиса просто продолжением быть не мог: хотя бы уже потому, что женщина осознала — представляете, *женщина* осознала! — что ее плохое настроение в последние дни и возникшая ссора никоим образом не связаны собственно с П. Иными словами, поняла, что ссорился не он, как она была в том уверена. Но в то же время нельзя сказать, что ссорилась *она*. Ее просто отбрасывало в ситуацию тринадцатилетней давности. Ситуацию, как это обычно бывает, для психики более реальную, чем сама действительность. Часто на следующий день во время очередного занятия выясняется, что подсознание за время между сеансами над выявленной проблемой уже поработало и справилось самостоятельно. Выясняется, что какие-то предметы исчезли, какая-нибудь рана уже зажила, поле энергетическое выровнялось. Но не так, на удивление, обстояло дело с Возлюбленной на этот раз.

П.: Так... Закрывает глаза... Хорошо. Твое сейчас состояние — для работы наилучшее? Или требуется какая-нибудь предварительная подготовка? Что-нибудь изменить надо? Если надо, то что?

В.: Нет, все в порядке. Все нормально.

П.: В таком случае, посмотри на свое сердце. Что изменилось со вчерашнего дня?

В.: Ничего не изменилось. Все по-прежнему. Шов и нитки.

П.: Посмотри внимательно: может быть, изменилось хоть что-нибудь?

В.: Нет. Ничего. Во всяком случае, не заметно...

П.: Так. Рассматривай свое сердце... Подумай и скажи, *что надо сделать, чтобы рана...*

В.: Мне кажется, что ничего у нас не получится.

П.: Кажется или уверена?

В.: Уверена.

П.: *Так* не получится... А как ты думаешь, *Христос* смог бы залечить твое сердце?

В.: Христос? *Он* — смог бы.

П.: А ты Его присутствие ощущаешь?

В.: В каком смысле?

П.: Как сказано, помнишь? *«Где двое или трое соберутся во имя Мое, там и Я среди них...»*

В.: Ощущаю...

П.: А *как* ты его ощущаешь?

В.: М-м-м... Духом.

П.: А как это? Поясни поточнее.

В.: Это трудно объяснить.

П.: Хорошо. Значит, ощущаешь — и считаешь, что Он может залечить... А ты простила этих людей? Тех, которые кроме тебя самой участвовали в появлении на твоём сердце раны?

В.: Давно простила.

П. (*Невысказанная мысль: «Так... Простила, а рана не затягивается... Тэкс-тэкс-тэкс... Хотя, кто знает, может быть, действительно, простила? Ведь по поводу почки пошла на обряд елеопомазания, пресвитеров церкви созывали, молились вместе, к этому готовилась — дело серьезное. В том числе, по Библии, к елеопомазанию надо всех простить... А может, с испугу?.. Ведь с камнями в почке не шутят, врачи говорят: операция... Нет, готовилась, по Писанию, какой смысл хитрить... Да и разве это ее — хитрить?.. Тэкс-тэкс-тэкс... Что бы это могло быть — сердце? Сердце — это область фиксации разочарований... Не случайно в народе говорят: разбитое сердце...»*)

П.: *Разбитое сердце...*

В.: Разбитое? Мое — разрезано.

П.: В данном случае это не важно. Разрезанное, разбитое, словом, разочарованное сердце...

В.: А как это — разочарованное?

П.: Разочарованное? Раз-очаро-ванное. Было очарование. От слова «чары». А потом, когда построенное силой чар будущее не реализовалось — возникла обида, боль. Как будто отняли любимую игрушку и ногой раздавили. А вот откуда очарование могло взяться? Отовсюду. Вариантов множество. От родителей, из сказок, по телевизору какая-нибудь чушь понравилась. Где-то что-то недослушала, недопоняла, и — вот и хрустальный замок. А не выстроился — разочарование. Боль, при-

чем даже без психоэнергетических травм извне. Насколько я могу судить по твоему подсознанию, люди из слоя твоего брака яркими некрофилами не были... Во всяком случае, тогда. Твоя рана скорее от мечты, от неверных жизненных установок. Установка, философия, казалось бы, лишь *слова* — а сколько в результате, ты сама убедилась, твоей энергии рассеивается.

В.: Как философия? Нет у меня никакой философии!

П.: «Нет философии» — это тоже философия. Все равно система внушенных убеждений. Система, которая совпадает с убеждениями толпы. Толпа на внушения податлива, следовательно, если не поминать сатану, то кто-то ей внушает. Принявший же, естественно, за эту систему взглядов расплывается. Скажем, если человек воспринимает жизнь как череду возможностей приобретает вещи, — то попади он в тюрьму, в особенности несправедливо, как это бывало при некрофиле Сталине, да и при многих других, то это — *все*, жизненная катастрофа, ощущение разочарованности, неудачи, ощущение, что не повезло в жизни, с жизнью, при жизни, по жизни, и так далее... Дескать, другие, *счастливые*, сейчас по другую сторону решетки и потребляют, потребляют, потребляют, а тебе — одна каторжная работа. Может быть, у такого потребителя по этому поводу будет ощущение горя, но, скорее всего, — желание смерти. Впрочем, я не совсем прав, что тяга к смерти — *следствие* тюрьмы. Это желание в нем от начала: жизнь ради вещей — *это уже некрофилия*. Хотя и жухлая. Или другой, к примеру, человек. Он воспринимает жизнь как возможность избавиться от унаследованных и приобретенных заблуждений. Для таких ценность жизни, среди прочего, — это череда нестандартных ситуаций, в которых возможно познание ближних, а следовательно, и себя. Ведь только в нестандартной ситуации человек прекращает играть в привычные игры и начинает искать решение, и такое решение, которое согласовывалось бы с истиной. В таком случае тюрьма — это благословение, если, разумеется, была Богом не просто допущена, если она не просто справедливое наказание от людей за преступление, но в *особом смысле* воля Божья. Более нестандартной ситуации, чем тюрьма или каторга представить себе трудно, поэтому не случайно практически все апостолы через нее прошли. Да и пророки, и просто рядовые сектанты тоже. Так что, один по жизни — мается, а другому — удовольствие от возрастания души, постижения. Я сейчас даже не говорю об исключительно духовных благословениях, хотя они самое важное. Взять, хотя бы, возможность в тюрьме брата поддержать... Так что, если ты попадешь в тюрьму...

В.: А за что меня в тюрьму?!

П.: Не *за что*, а *для чего*. Чтобы не было иллюзий, которые часто ошибочно называют мечтами. Чтобы сердце не было разрезанным. Чтобы, наоборот, сердце зажило. Чтобы стать благословением для других. Кстати, очень часто, я читал, люди обращались к Богу, когда на их глазах христиан не просто гнали, но убивали. Между прочим, это — опыт апостола Павла, ведь сердце его дрогнуло явно прежде, чем Господь обратился к нему, гонителю христиан, со словом видения. Павел

(тогда его еще звали Савлом) был распорядителем на казни Стефана-первомученика, об этом в 7-й главе Деяний рассказывается. Стефана убивали, живого камнями забивали, а он при этом Бога видел, Христа видел и рассказывал о том озверевшим убийцам. И сердце Савла дрогнуло. А Слово — это потом. Так Павел же не единственный! История крестовых походов — богатейший к тому материал. Ведь озверевшие крестоносцы, одержимые духом, как они полагали, Христовым, бросились убивать в первую очередь не турок-мусульман, что еще можно было бы как-то понять (хотя и это грех), но своих, европейцев, тоже христиан. В частности, был поход на территории нынешней Франции против альбигойцев и вальденсов, такое имя еретикам тех мест сохранила история, а как они сами себя называли — кто знает? Сколько разных направлений объединили палачи под этим названием? Солдаты папы римского загнали еретиков на лед... Зима, холодно... *Очень* холодно, мороз, раз лед на озере стоял. Ветер, наверное... Загнали на лед, не помню сколько, то ли двадцать девять человек, то ли пятьдесят девять. Но скорее — двадцать девять... Замерзают. Им условие: если в вопросах веры подчинятся приказам римского папы — а про римского папу, если ты помнишь, внушают, что он наместник (т. е. заместитель) Бога на земле, — то их со льда выпустят и убивать не будут, а нет — замерзнут. Но все двадцать девять остались на льду. Плечо к плечу, чтобы не так быстро уходило тепло, а вместе с ним и жизнь! Но на призыв «покаяться» не откликнулись. А потом запели. Запели гимн и гимн этот был про Христа. Когда они начали петь, то их было двадцать девять, а когда закончили, то стало тридцать. Сердце, как и тогда, сотни лет назад на казни Стефана-первомученика, дрогнуло у распорядителя казни, на этот раз у командира отряда... Он шагнул на лед и стал тридцатым... Такая вот история... А приказать своим солдатам отойти от берега и не довершать своего черного католического дела он не мог: во всяком отряде был свой святой отец, не хуже коммунистического комиссара — прирезал бы. Да и не будь святого отца, командира все равно бы убили. Ведь дисциплина в подобных организациях католиков не хуже, чем в центрах Хаббарда. Они ж там сами себе не доверяют, не говоря уж о том, что не догадываются, кто рядом стоит. Только в центре Хаббарда, когда начальник начинает расспрашивать, о чем говорят друзья за соседним столом, по уставу надо брать в руки клеммы Е-метра, такой у них эвфемизм для детектора лжи, а католики в те времена и без Е-метра... Что ты открыла глаза? Разве пора?

В.: На лед?.. Я не готова...

П.: Не все сразу. Полнота возраста Христова — это все-таки результат процесса... А на это требуется время. Может глаза стоит закрыть? Ведь мы еще не заживили разрезанное сердце. Так. Ты поняла насчет тюрьмы? Зачем она?

В.: Да. Это обо мне. Я поняла. Да я и раньше понимала. Хотя, может быть, не так полно. И словами не могла выразить...

П.: Вернемся к разрезанному сердцу. Так ты хочешь принять сторону Христа? Или пока нет?

В.: Что ты спрашиваешь? Ты же все знаешь...

П.: А если так, то Христос учит, что испытания допускаются в жизни человека для того, чтобы он мог увидеть, что путь его — *не туда*, в тупик. Чтобы он мог остановиться и задуматься, и, обратившись, выбрать другой путь, к жизни. Чтобы мог облегченно вздохнуть и расправить грудь. Навсегда расправить. И вот тогда, чтобы ни случилось, разбитого сердца не будет. Или разрезанного. Потому что нет очарований и миражей, а только истина. И в этом и постижение, и возрастание...

В. (*Глубокий вздох*): М-м-м...

П.: Так. Очень хорошо. А теперь я чувствую, что... Что произошло?

В.: Все.

П.: Что все?

В.: Раны нету. Края сошлись.

П.: Очень хорошо. А теперь не пора ли вернуться к вчерашней улитке в голове?

В. (*Усмехнувшись*): Улитка на склоне!..

П.: Что это ты Стругацких вспомнила?

В.: Просто: раз на склоне, то соскользнула. Все! Соскользнула моя улитка.

П.: Куда соскользнула?

В.: А просто — соскользнула и все! Нету! Нету той улитки, из-за которой мы ссорились. Прости меня, ведь это я те ссоры начинала. Невольно.

П.: Какие стали ощущения в голове? Какое настроение?

В. (*Вновь глубоко вздыхает и улыбается*): Ты еще спрашиваешь?!

П.: Мы еще когда-нибудь *таким образом* поспоримся?

В.: Нет.

П.: Тогда все. Открывай глаза.

Как наблюдательный читатель сразу заметил, этот сеанс психотерапии отличается от предыдущих прежде всего тем, что для разрешения вопроса домашнего неустройства Психотерапевту пришлось привлечь богословие и историю христианства. Этот шаг был вынужденным, потому что резаная рана не поддавалась излечению в течение двух сеансов. Для Возлюбленной это редчайший случай.

Практика показывает, что в таких случаях (характер проблемы, уровень Личности очищающегося) обращение ко Христу позволяет заживить раны ложных убеждений. Еще раз обращаем ваше внимание, что рана была *не в теле памяти*, то есть, была не психоэнергетической травмой извне, но образовалась как бы «сама собой», была как бы надумана самим человеком. Подобные раны могут кровоточить неограниченно долго и могут, точно так же, как и травмы психоэнергетические, вытягивать у человека энергию: и 15, и 50, и более процентов, и точно так же приводят к неадекватности поведения. Да, так устроен человек — неверная философия может его обессиливать в прямом смысле.

В следующей главе мы подробнее рассмотрим взаимоотношение тела памяти не только с телом физическим, но и с *телом сознания* (мировоззрения) — так мы назвали «тело», в котором возникают обессиливающие несуразности неверного мировоззрения. В том и красота психокатарсиса, что он позволяет *видеть* враждебное приходящее не только *извне*, но и как бы *изнутри*.

Как мы далее увидим, многие, прежде темные проблемы тела сознания становятся видимы только при наличии света — то есть Слова или Духа. Наблюдать можно не только излечение, как видно из вышеприведенной стенограммы сеанса психокатарсиса, но и собственно проблему. Порой человек бывает обессилен и сам не знает почему. И вот в такой ситуации Спаситель становится Спасителем среди прочего еще и в психотерапевтическом смысле. К этому мы тоже еще вернемся в следующей главе, а сейчас нас больше интересует следующий вопрос:

А не может ли быть так, что многие уродства тела памяти и тела сознания *всегда* исправляются при участии Христа? Только исцеляющийся на рациональном уровне об этом не догадывается? Почему бы и нет? И скорее — да, что следует хотя бы из того, что некрофилы *для себя* в положительном направлении психокатарсис отрицают. Если что и снимают, так только не из тела мировоззрения. Словом, одна видимость.

Совершенно очевидно, что глубина психокатарсического очищения, может быть, и будет сходной у тех, у кого суббота в четверг или в пятницу, но будет совершенно иной для тех, у кого суббота в *субботу*. В этом легко удостовериться на практике.

Мы не будем окончательно отвечать на вопрос о степени участия Христа, предоставим его решение проницательным. Только обращаем внимание читателя на один факт: **познание о Боге у людей есть вне книжных знаний.**

Может, отчасти, потому и была допущена Им на территории России коммунистическая атеистическая империя, чтобы этот факт стал особенно зримым.

Пример хотя бы следующий: человек, атеист, вернее, в третьем или четвертом поколении безбожник, военный, участник войны в Афганистане, около сотни ночных боевых прыжков с парашютом, и, в связи с тем, что в условиях военных действий год идет за три — молодой пенсионер, алкоголик. Библию в руках не только не держал, но держать не имел даже и возможности. В пьяном состоянии формулируя причину отказа сходить на сельское протестантское богослужение (Украина), сказал, что не видит смысла идти в общество людей, двое из которых работают в магазине, где кроме прочих товаров торгуют и водкой. По мнению этого пьющего и ничего не читающего человека, истинные люди Божьи не только не пьют сами, но и не участвуют в распространении этого зелья, как и вообще любых наркотиков! Что и говорить, мысль, не доступная многим *признанным* богословам!

Если предположить, что познание о Боге бытует прежде всего в подсознании (*надсознание*, бессознательное — все это синонимы), то в таком случае целесообразно рассмотреть библейские откровения у жен-

щин сельских, то есть у тех, разум которых менее всего затемнен «рациональным мышлением».

В горах Средней Азии Ала, нашего Психотерапевта, кроме встречи с бандами потрясла и еще одна встреча — с женщиной из глухого горного кишлака, в котором не найти не то что Библии, но даже и муллы с Кораном. И вполне возможно, что все последние десять столетий и не было. Она рассказала, как шла ко крещению. По-русски она — хотя и специально этот язык изучала, чтобы читать Библию — говорит с ошибками, но понятно все. Она помнит, как ее мать говорила — разумеется, на своем родном языке — слово в слово повторяю: «*Дочка! Бог есть! Рука, нога — дырка делал. Имени не знаю — но всех нас спас*». Да, вот такая евангельская кампания... Дочка выросла, специально выучила русский, поскольку Махамат, сколько ему «рука, нога дырка» ни делай, все равно, кроме как резать несогласных, ни на что не способен. Дочка выросла и, разобравшись, чему учит Христос, приняла крещение. Естественно, что суббота для нее в *субботу*.

Итак, познание о Боге есть в каждом человеке и, решая вопрос о Его участии в освобождении от деформации тела, стоит об этом поразмышлять.

Глава тридцать седьмая.

ТЕЛО МИРОВОЗЗРЕНИЯ, СМЕРТЬ ИУДЫ или ПСИХОКАТАРСИС КАК МИССИОНЕРСКОЕ ДЕЙСТВО

Умозрительный эксперимент — инструмент чрезвычайно полезный для исследований не только в области теоретической и экспериментальной физики, но и в богословии.

Давайте попытаемся смоделировать судьбу Иуды Искарриота в том случае, если бы он тридцать полученных за предательство Христа сребреников в лицо первосвященникам не бросил, а оставил бы себе и попытался устроить свою жизнь.

«Когда же настало утро, все первосвященники и старейшины народа имели совещание об Иисусе, чтобы предать его смерти... Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предал Кровь невинную. И бросив сребреники в храме, он вышел, пошел и удавился» (Мф. 27:1-5).

Об Иуде-предателе (был среди учеников Христа еще один человек, носивший это в те времена популярное в Израиле имя — он Христу остался верен) Писание говорит лишь вскользь, но это немногое, собранное воедино, позволяет исследователям воссоздать объемную многомерную картину.

Вот что можно извлечь из лучших богословских исследований.

Иуда родом был не из Галилеи, как все остальные апостолы Христа, а из Кариота, небольшого селения на севере Иудеи. Как следует из

эпизода с женщиной из Вифании, умастившей ноги Иисуса перед погребением, в котором ученики Христа (Мф. 26:8, 9) немедленно подхватили мнение Иуды (Иоан. 12:4, 5), что умащение — растрата, он, Иуда, среди будущих апостолов пользовался авторитетом почти безусловным, был *признанным*. [Напомним, что для умащения женщина использовала драгоценное масло стоимостью в триста динариев. Один динарий — дневная плата поденного работника (мужчины) за двенадцать часов труда под палящим солнцем, поэтому сумма в триста динариев безусловно воспринималась как значительная. А для женщины, скажем, зарабатывающей древнейшей профессией (например, для «грешницы» из Лук. 7:37, которая также омыла ноги Иисуса) — тем более. Плата за одну «услугу» редко превышала два обола (обол — 1/6 динария. — *Ред.*). На эти деньги даже хлеба на день нельзя было купить. Разве что бобов. Естественно, что, поскольку не всегда удавалось найти за ночь нескольких клиентов, то на Востоке таким женщинам *под стенами улиц* приходилось часто не только оказывать свои услуги, но и жить. 300 динариев для них — состояние.]

Всяким ученикам приятно, когда их учителю оказывают знаки уважения, и будущим апостолам, очевидно, тоже; но, тем не менее, когда женщину, помазавшую Иисуса драгоценным маслом, за этот величайший из знаков признания Иуда осудил, сказав, что лучше бы эти 300 динариев раздали нищим (Иоан. 12:4-6), — будущие апостолы с готовностью признали слова предателя истинными, духовными, ценными и тоже стали осуждать женщину. Женщине повезло: Иисус ее защитил, признал ее поступок истинным и, более того, предсказал, что везде, где будет проповедано Евангелие, непременно будет упомянуто ее имя. Имя ей — Мария, сестра Лазаря. Многие учились у Христа и думали, что Его понимают, но даже апостолы три с половиной года вместо Его мученичества ожидали Его воцарения и прозрели только после Его вознесения. Мария же первая согласилась понять слова Учителя не «духовно» (на самом деле абстрактно), — то есть так, как приятно человеческому сердцу, — а поняла пророчество Христа о Своей смерти *буквально*, как суббота в *субботу*, и ободрила Спасителя, умастив Его ко смерти.

Мария не была признанной среди учеников — за это ее будущие апостолы и осудили. Не осуждали и слушались они другого — Иуду из Кариота.

Иуда был целитель — во всяком случае, об этом можно догадаться из того, что с точки зрения внешних наблюдателей, Иуда, как целитель, почти ничем не отличался от остальных учеников: исцеляли ученики, исцелял и Иуда. Если бы не «исцелял», это вызвало бы подозрение не только у учеников, но, *главное, у самого Иуды*. (Во времена Христа исцеляли не только Его ученики, не только Иуда, но и фарисеи. Христос сказал в ответ на обвинения государственныхников: «*И если Я силою веельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши, чьей силой изгоняют?»* /Мф. 12:27/).

Иуду в число учеников призвал не Христос — его привели ученики Иисуса, полагая, что человек, *по очищению*, столь значительный, как

Иуда, может принести большую пользу движению. Христос умел снисходить к слабости людей вообще и к слабости учеников в частности, поэтому, чтобы и без того не вполне гармоничные с ними отношения не переросли в конфликт, Христос был вынужден не просто признать Иуду Своим учеником, но и допустить его на почетные места, как, скажем, на последней вечере. Тогда в верхней горнице по одну сторону Христа возлежал Его любимый ученик Иоанн, самый юный из апостолов, а по другую — Иуда. Из того, что непосредственно рядом были только Иуда и Иоанн, понятно, почему более никто из учеников не слышал слов Иисуса о том, что предаст тот, которому Иисус сейчас обмакнет в кушанье хлеб. Никто, кроме самого Иоанна, к которому были обращены эти слова, и который сии Слова записал.

«Не о всех вас говорю: Я знаю, которых избрал. Но да сбудется Писание: „ядущий со Мною хлеб поднимет Меня пядю свою“.

Сказав это, Иисус возмутился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня.

Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит.

Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса;

Ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит.

Он, припадши к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! кто это?

Иисус отвечал: тот кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искарियोу» (Иоан. 13:18-26).

Иуда видел дела Иисуса и ему казалось, что *такой* Учитель, действительно, может воцариться не только над Израилем, но и над всем этим миром: Иисус пятью хлебами мог накормить целые легионы, и потому Ему не нужны были обременяющие войска обозы; в такой армии не было бы потерь в рядах сражающихся — ведь Иисус, как виделось Иуде, мог исцелить *каждого* и *любого* из павших поднять. Поэтому предательство Иисуса учеником, который, несомненно, мог рассчитывать в будущем могущественном государстве на место, по меньшей мере, премьер-министра, предательство только ради умерщвления Иуде было не с руки. Иуда хотел ускорить события (по сценарию, который ему, Иуде, грезился), ему прискучило быть бродячим *учеником*, пусть даже и с большой будущностью. Он хотел быть премьером. Лучше — императором. Но это за пределы подсознания не выходило. И так, не *предать*, но *подтолкнуть* Иисуса к тому, чтобы Тот явил все Свое могущество. Отсюда понятно, почему в Писании рядом оказались два совершенно несомнимых слова: «покаялся» и «удавился». Человек покаявшийся, то есть верою принявший Христову праведность, не совершает греха, тем более, столь очевидного, как самоубийство. Слово «покаяние» в Писании может нести два смысла: первый смысл (высокий) — это принципиальнейший поворот в образе мышления, это — рождение свыше, вечность, Истина. Второе же значение слова «покаяние» — бытовое: сожаление (как жухлая форма страха) о *последствиях* какого-либо поступка. Разумеется, когда потенциальный премьер-ми-

нистр и практикующий целитель Иуда из Кариота увидел, что предначенный пророками Царь царей позволил Себя схватить, приговорен к смерти и не делает попыток освободиться, премьер, целитель и говнюк, «раскаившись», удавился, чем достиг целостности судьбы яркого некрофила.

Много лет Иуда сопротивлялся подминавшему его стремлению достичь смерти, в частности желанию самому на себя наложить руки (по тем временам застрелиться было не из чего, а повеситься — пожалуйста!). Почему же только *после* того, как он предал Христа, он обессилил настолько, что сопротивляться этому сжигавшему его стремлению более не мог?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы введем два новых понятия: «**тело мировоззрения**» и «**психо-мировоззренческая травма**». С феноменами, для описания которых мы вводим этих два новых понятия, мы уже сталкивались. Это — разрезанное сердце Возлюбленной. Первый ее брак не был волей Божьей (в высоком смысле слова), хотя и был Им допущен, как не самое большее из возможных зол. Неверное мировоззрение, как проявление неполноты возраста Христова, при соответствующих внешних условиях привело к появлению кровоточащей раны, боль от которой не только приводила ко многим неадекватным поступкам вообще, но и к необоснованным ссорам ее с П. в частности. Незалеченное «сердце» не только обессиливало Возлюбленную собственно болью, но и ложными поступками, призванными эту боль приглушить. Таким образом, грехи, которые в зримой форме можно воспринимать как рану на сердце или как предметы в грудной клетке, плече и т. п., грехи, которые не были привнесены извне, а являются *самотворчеством*, мы будем называть **психо-мировоззренческими травмами**. Пространство же, в котором человек их обнаруживает, как в пределах своего физического тела, так и вне его, мы будем называть **телом мировоззрения**. Как синоним может употребляться словосочетание «тело сознания», которое подчеркивает тот факт, что существование объектов этого «тела» вполне или отчасти контролируется сознанием. Этот контроль, в частности, проявляется в том, что рана на сердце Возлюбленной, после того как она была выявлена на первом сеансе, могла бы затянута и без присутствия Психотерапевта, без повторного сеанса, скажем, если бы Возлюбленная в тот вечер взяла в руки Библию и с молитвой (т. е. совместно с Духом Божьим) вникла бы в мир ее истин. Это могла быть и иная книга, в результате чтения которой произошло бы переосмысление закономерностей жизни. Книгу могла бы заменить беседа с победившим тот же порок человеком или глубокая, *берущая за сердце* биофильная проповедь. Все это формы высокого психокатарсиса, лечебный же его подвид имеет то преимущество, что позволяет осуществлять *визуальный контроль*.

Иуду к самоубийству привело не одно только предательство. В Евангелии записано, что Иуда был вор (Иоан. 12:6), но носил денежный ящик, который ему доверили, как наиболее, по мнению учеников, надежному члену коллектива.

Серебро динариев в руках алчного Иуды могло стать для него как бы зеркалом, в котором отразились бы его, Иуды, поступки. Оно могло стать для Иуды испытанием, верно истолковав которое и покаившись, он мог обрести «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание» (Гал. 5:22, 23). Бог желает, чтобы все спаслись, поэтому каждый из нас нуждается в подобном ящике с тем или иным содержимым. Для Иуды в ящик были положены деньги.

Рядом с таким Учителем даже «премьер» не может оставаться примитивным, поэтому подозревать Иуду в прямолинейно-бесхитростном обкрадывании было бы уж совсем несправедливо. Иуда брал деньги как нечто принадлежащее ему по праву, принимал их как гонорар, положенный ему за особенные его дарования, за то, что он лучший (а об этом он знал наверняка, подмечая особенное к себе отношение остальных одиннадцати учеников) — и это, как ему казалось, было справедливо. Но Иуда, наверное, не знал, что, присваивая из ящика деньги, он обогащался не только динариями, но и психо-мировоззренческими травмами, которые его обессиливали. И чем больше света он получал, чем большее число раз он, присев на один из камней Галилеи и смотря на пламя костра, слушал Того Единственного, Кого и стоит слушать, и не следовал за Ним душой, тем более и более мусором отказов он засорял свое тело мировоззрения. Не будь для Иуды ученичества у Назарянина, не будь вообще в этом мире веяния Святого Духа, достигающего подсознания каждого, не будь многих вечеров у костра, обогревавшего и облекшееся в плоть Слово, не умножай Иуда сорных в себе предметов, для Предателя оставалась бы возможность жить даже после его оставшегося в веках поступка в Гефсиманском саду. Но Иуда обессилил себя таким множеством отказов принять свет, что более некрофильскому влечению к смерти сопротивляться не мог.

Иуда из Кариота мертв, но, как до, так и после него жили и живут другие иуды. Сталинские концентрационные лагеря — потрясающий для человечества урок. Сталинская машина репрессий не разбиралась, каких убеждений попадали в нее люди, просто нужны были рабочие руки, труд которых не надо было оплачивать. Поэтому в лагерях бок о бок работали люди совершенно различных убеждений. Условия же для жизни и смерти у них были одинаковые. Прежде других в этих условиях человеческий облик теряли обыватели без убеждений, затем коммунисты-атеисты, первыми же среди них — работники партаппарата; они рылись в помойках, готовы были продать все и вся, свое тело и способность писать доносы, предавать и оставаться верными. Коммунисты — признанные мудрецы той эпохи, жрецы очередной государственной религии, на этот раз — откровеннее других безбожной. Они, самоизуродовав атеизмом одну из областей тела мировоззрения, не только раньше верующих в Бога теряли человеческий облик и превращались в скотов, но и гибли. Не всякий признающий существование Божие родился свыше, но даже формальное благополучие тела мировоззрения укрепляет способность к выживанию. В этом один из важнейших уроков сталинских лагерей.

Очевидно, что для тех, кто принимает принцип «суббота в пятницу (воскресенье и т. п.)» или тех, которые принимают принцип «суббота в субботу» (а в этом, напоминаем, проявляется нелюбовность мышления, отношение к Богу и к данному Им Закону), доступна разная степень самоочищения тела мировоззрения. Разная степень самоочищения тела мировоззрения непременно должна каким-либо образом измеряться. Соломон, мудрейший из людей, как о нем сказал Сам Господь, естественное совмещение души с Истиной называл «страхом Господним»: «*Страх Господень — ненавидеть зло, гордость и высокомерие и злой путь и коварные уста*» (Прит. 8:13).

«*Страх Господень прибавляет дней, лета же нечестивых сократятся*» (Прит. 10:27).

Статистика, охватывающая миллионы людей, вполне подтверждает это положение Библии. Христиане-адвентисты, которые, как минимум на догматическом уровне провозглашают принцип «суббота в субботу», по сравнению с христианами других деноминаций (теми, у которых в пятницу, воскресенье, среду и т. п.) живут в среднем на семь лет дольше. Но эти сравнительные статистические данные получены в условиях Соединенных Штатов XX века, где инквизиция пока не имеет возможности действовать открыто. Для других столетий и территорий, скажем, для времен крестовых походов против вальденсов* соотношение цифр вполне может оказаться противоположным.

Истина бесконечна, а описания и теории, даже в случае своей истинности, — к Ней лишь приближение. Приближением, достаточным для рассмотрения проблем, поднимаемых в нашей книге, мы считаем разделение человеческого естества на **четыре** тела: на тело физическое, тело памяти, тело мировоззрения и тело духа. Читателя, интересующегося свойствами тела духа, мы отсылаем к образам Библии, здесь же мы ограничимся той мыслью, что биофильная составляющая в теле духа может *быть*, а может и *не быть*. Выражаясь евангельским языком, человек в этой жизни, в данный момент времени, свыше или родился или не родился. Этот факт чрезвычайно важен для практики психокатарсиса. Рождение свыше проявляется в стремлении к совершенству, не только на уровне логическом, но и на подсознательном, проявляется в стремлении к адекватному обстоятельствам мышлению

* Вальденсы: это о них П. рассказывал В., когда она «работала» с «разрезанным» сердцем, — помните как командир католического карательного отряда присоединился к замерзающим на льду озера еретикам? Достоверных сведений о вальденсах сохранилось немного — разве можно считать достоверным источником архивы инквизиционных трибуналов? Однако одно несомненно: вальденсы любили учиться и были отважны. Хотя от преследований господствующей церковью они скрывались в малодоступных районах Альп, их миссионеров, которые распространяли части запрещенной католиками Библии, инквизиторы хватили иной раз за тысячи километров от Альп. В те времена даже и без того верным папству монахам — монахам! — Библию читать не разрешалось, а только ее толкования. Толкования, разумеется, только католические.

и к здоровью, то есть к очищению тела памяти и мировоззрения. Человек, свыше не рожденный, или вообще отказывается от очищения — даже от травм, нанесенных извне, — или же ограничивается очищением тела памяти и лишь некоторой части тела мировоззрения. Он не чувствует потребности стать лучше, свободнее, сильнее. Это болезнь духа.

Восточные системы мировидения предполагают существование в человеке множества тел: эмоций, астрального и т. п. Мы уважаем эти восточные построения в том смысле, что они признаны великим множеством людей по всему миру, как на Востоке, так и на Западе. Но далее уважения мы не идем, поскольку практика освобождения от заболеваний показывает, что часто для того, чтобы выздороветь, прежде требуется освободиться от восточных медицинских построений. В частности, Возлюбленной, болезни которой (скажем, тот же камень в почке; ей еще предстоит из-за этого тяжелая операция) были следствием ее пребывания в среде целителей, ясновидцев и т. п. Знание восточных медицинских схем для них обязательно, преданность им возводится до уровня добродетели, и такое отношение было внушено и Возлюбленной. Однако по мере освобождения от сорных предметов, отягощавших нормальный обмен веществ, свободная от всякого рода враждебных внушений область подсознания подсказала, что для выздоровления «мудрость» Востока необходимо собрать в книгу, которую надо затем закрыть. Книга *назойливо* раскрывалась вновь и вновь до тех пор, пока Возлюбленная не убрала ее на полку, где, зажатая другими книгами, она уже не могла выскользнуть наружу. Совершенно независимо идентичную рекомендацию дало и подсознание Психотерапевта. Медицинские «знания» Востока предстали в виде бунчука, цветного, раскрашенного и шутовского, который был воткнут ему в чакру Сахасрара — ох, опять понесло на Восток, — просто в макушку головы. Чтобы решить проблему боли, которую он воспринимал как ревность (металлический панцирь, в который его заковали, когда ему было шестнадцать лет), прежде надо было избавиться от этого бунчука. Выдернув бундук, он не только освободился от железного панциря, но и перестал в тесной комнате упираться макушкой в обшитый металлическими плитами потолок и по длинному коридору вышел из массивного бетонного тела плотины гидроэлектростанции на солнце, и ступил на лестницу, идущую не вверх и не вниз, но *вперед*; впереди же на ней распростер Свои объятия улыбающийся Христос.

Справедливости ради стоит упомянуть, что подсознание в своем стремлении вылечить дающее ему приют физическое тело, таким образом относится не только к теоретизированиям целителей и медиков Востока, но и Запада. Когда Возлюбленную, готовившую для Психотерапевта вкуснейший обед, на кухне «прострелил» радикулит, то для того, чтобы ее вылечить, Психотерапевту пришлось увести ее и от учений Запада. Когда он стал искать в ее теле *предмет боли*, Возлюбленная стала *толковать* боли воспалением нерва, что совершенно очевидно для всякого, кто верит в так называемую научную медицину. Отчаявшись, Психотерапевт волевым усилием увел любимую в пейзаж, где

не было места для разговоров о нервах, и за несколько минут с помощью сети она выловила всех змей и ящериц, в разное время поселившихся в пустыне; затем одинокая путешественница изменила прическу, что-то сделала с обувью, которая совершенно не подходила для жаркого климата пустыни и передела странное, никогда прежде у нее не бывшее синее теплое шерстяное платье с длинным рукавом, неизвестно откуда взявшееся, которое, сами понимаете, в *жаркой пустыне* сковывает движения. Возлюбленная задремала, а проснувшись, про боли в пояснице и не вспомнила, пока Психотерапевт не поинтересовался, что это она такая веселая и подвижная, ведь буквально час назад не могла разогнуться.

Психокатарсис не совмещается ни с восточными ни с западными моделями человека, зато он вполне совмещается с представлениями библейскими. «Дух, душа, тело», — говорит апостол Павел, памятуя формулу из Бытия:

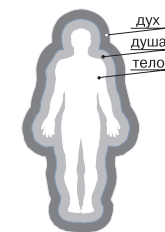
Прах + дух = душа.

Это рождение. Обратный же процесс аналогичен:

Душа — дух = прах.

Дух возвращается к Богу, *душа* умирает, мертвые спят во *прахе* в ожидании Воскресения и ничего не чувствуют и не знают. Но пока человек жив, все три качественно особенные части его естества значимы и, как следует из Библии, взаимовлияют друг на друга. В нашей книге тел — четыре, из чего следует, что тело памяти и тело мировоззрения мы объединяем в одно — душу. Душа по-гречески — «психо», слово «катарсис» тоже пришло к нам из греческого языка и означает «очищение», в нашем случае — очищение от мешающих предметов. Очищение означает движение, а оно возможно только в том из двух направлений, которое сердцевинной своей избрал каждый конкретный человек. Остается только повторить, что действие лечебного психокатарсиса не охватывает области, изменить которые в состоянии один лишь Бог.

Как бы чудодейственное исцеление физического тела — не более чем следствие ускорения *возможных* процессов в теле памяти и теле мировоззрения. Разделение двух последних условно, хотя бы потому, что «*всякое слово реченное есть ложь*», никакому человеческому слову не по силам описать полноту изменений форм бытия.

Как мы убедились, различные по формам психоэнергетические и психо-мировоззренческие травмы образуются как внутри физического

тела, так и за его пределами, что мы и попытались передать бóльшим (на рисунке) изображением тел памяти и сознания (мировоззрения). На рисунке они объединены в одно тело — душу. Размеры же тела духа подчеркивают тот факт, что дух жизни приходит от Господа в момент возникновения человека, а появление дополнительной, *биофильной*, составляющей в результате рождения свыше — и вовсе *наиболее значительное событие в жизни любого человека*.

Тела влияют друг на друга, и было бы странно, если бы это было не так. Библия рекомендует воздержание, но, разумеется, не в традициях некрофильского монашества (*умерщвление* плоти). Истина в том, что для физического тела человека благословенно питание — полноценное и разнообразное, а это все продукты, кроме вредных для здоровья. Истина в том, что в высоком смысле семья (истинное воздержание — есть полное самовыражение с *половинкой*) благотворна не только телу мировоззрения, но и телу физическому. Истина в том, что здоровые привычки, ограждая тело памяти, оздоравливают и тело физическое. И здоровое питание, и здоровая семья, и здоровые привычки благотворно влияют на духовную жизнь — так говорит Библия. В свою очередь, здоровое тело духа, или попросту рождение свыше, приводит к тому, что человек освобождается от заблуждений тела мировоззрения, обесиливающих его физическое тело, и от психоэнергетических травм тела памяти. То есть состояние тела духа определяет состояние души, душа — состояние плотского тела, а оно, в свою очередь, — состояние тела духа. За большими в этой области подробностями мы отсылаем любопытного читателя к Библии.

Итак, что произошло с Иудой? Предательством, воровством, «покаянием» и неприятием Христа он настолько отяготил свое тело мировоззрения, настолько его обесилил, что не мог более сопротивляться увлекающему его к смерти водовороту, — и удавился.

А что произошло бы с ним, если бы он не «покаялся»? Если бы он не стал сожалеть о последствиях предательства? Еще раз обращаем внимание на постановку вопроса. Вопрос не в том, что бы произошло с Иудой, покайся он в высоком смысле этого слова. Вопрос в том, что бы произошло с ним, не покайся он вовсе, *ни в каком смысле*?

Тело духа Иуды такое же тяжело больное, как и у абсолютного большинства людей прошлого и настоящего — свыше он рожден не был. Свое стремление к доминированию он вполне реализовывал среди учеников скандального в воображении населения Иудеи и Галилеи Учителя. Учитель изъяснял парадоксальные истины о том естестве, которое редко замечают — собственной душе. Он в совершенстве владел искусствами исцелять, изгонять бесов, поднимать мертвых, усмирять бури и кормить легионы людей всего несколькими хлебами. Но Он не умел согласиться стать в этом мире императором. Такой, с точки зрения Иуды, непрактичный человек мог претендовать на престол Иудеи, и, пожалуй, всего мира только под руководством человека здравомыслящего. Однако ему, Иуде, Учитель уступал не только в практичности. Он, Учитель, владел далеко не всеми методами убеждения. Гово-

рил все больше притчами, чтобы люди *догадывались*, но ведь далеко не все, как ясно видит он, Иуда, могут *догадываться* самостоятельно, и чтобы они приняли Истину, проще было бы просто *поднажать*, или, выражаясь сложнее, говорить более *веско и убедительно*. Несовершенной также была и манера Учителя исцелять. Да, Он, Учитель, видел людей насквозь, знал все их мысли и времени на китайские церемонии с ними не тратил, и к желающим получить исцеление всегда, в сущности, обращался с одним и тем же вопросом: **доверились ли они Богу?** Полностью ли Ему доверяют? Готовы ли отказаться от поклонения поселившимся в сердце идолам, признают ли они Его как Сына на том только основании, что *Он есть любовь* — и только тех, кто решался ответить на этот вопрос утвердительно, кто исповедовал свое доверие Богу с *особой интонацией* — только тех Он исцелял. В этом-то и было основное несовершенство Учителя — неисцеленными уходили многие, а в своем родном городе Капернауме, по причине безверия, Он и вовсе не смог совершить ни одного чуда. А кто может дерзать быть Императором, если его фанатично не поддерживают, в первую очередь в родном городе? Он, Иуда, в исцелениях был более искусен. Он тоже, разумеется, спрашивал о доверии Единому Богу Израилеву, Вседержителю и Господу воинств — но, в отличие от Учителя, исцелял при любой интонации ответа. Интонаций множество — и при всех он, Иуда, великий целитель, мог принести облегчение людям. Надо было лишь *веско и убедительно* сказать: «Дух болезни тебя оставляет!» или что-нибудь вроде того — и у людей проходили боли, останавливались кровотечения, и больше о том, что *болит*, они не заикались. Чудо с хлебами, правда, у Иуды пока не получалось, но это ничего, дело наживное — не зря же он-таки живет и учит рядом с Учителем. И не зря к нему, к Иуде, все с большим и большим уважением начинают относиться остальные одиннадцать учеников! Впрочем, достаточно! Три с половиной года одних слов, пора действовать, пора Ему исполнить, что предсказали о Нем пророки, — и вырвать, наконец, власть из рук ненавистных римлян, дать избранному народу, евреям, то, о чем они так давно мечтают — власть над людьми. Надо подтолкнуть, подтолкнуть, подтолкнуть — но как? Молитва, молитва и еще раз молитва; и вот первосвященники предлагают *сами*: предать Того, Которого нельзя предать. Но ведь *по молитве* предлагают? Ведь колена преклоняли? Преклоняли. Религиозные слова говорили? Говорили. Может, на предательство воля Божья? Да и силен Он освободиться из любых, самых цепких рук — не иначе как это благословение обстоятельствами — что ж, используем и их, и обстоятельства, и первосвященников.

Как?

Он не может освободиться?

Что я наделал?

Господи!

Все мои планы рухнули!

Бог Израилев!

Я не буду премьер-министром!

Я каюсь!
Я каюсь!
Вот я еще и по земле катаюсь!
Я *чувствую*, как я каюсь!
Как мне больно!
Душа болит!
Каюсь!

Повеситься? Где веревка? Ы-ы-хр-р-р... Аык-к-к!..

Покаяние — это прекрасно, но только в том случае, если это родовые муки обновленного тела духа! В противном же случае, на ложном основании можно построить только нечто ложное, отвратительное, и вместо ожидаемого свежего, только распустившегося цветка покаяния в теле мировоззрения затопорщится ломаная проржавевшая колючая проволока обессиливающей гордости. Она обессиливает во всех смыслах, и в сопротивлении смерти — тоже. И потому, не разыграй Иуда комедии «покаяния» — он мог бы жить. «Покаяние» было той последней каплей в чаше мерзостей, которую силен вынести человек.

А не умри он от «покаяния», какова была бы его жизнь? Какова была бы жизнь разделенного с Христом человека, весьма религиозного, в достаточной степени самопожертвенного и способного быть руководителем? Он был практичен — и сребреники употребил бы в дело. Очень может быть, что со временем он бы их раздал — не с его образованием и способностями всю жизнь цепляться за деньги. Сомнительно, чтобы Иуда искал утolenия своих страстей на путях светской власти — слишком мелко. Скорее всего, свое стремление быть первым он бы реализовал, организовав религиозную секту. Христианскую. В соответствии с полученным у ног Слова образованием. Его последователи были бы убеждены, что из двенадцати апостолов одиннадцать Учителя предали, так и не взвалив на себя бремя служения предательства, и лишь один Иуда остался верен до конца. Он выполнил свой долг Ученика, взвалив на свои плечи самое тяжелое, неприятное, но единственно необходимое дело — проложил путь Учителю на крест. Ведь Тот — Агнец, закланный от Сотворения мира. Значит, на то была воля Божья, и избран ее исполнить был он, Иуда. Свидетельство же небесности Иуды — его власть над болезнями, которая чем дальше, тем более возрастает. А ведь болезнь, как считали бы последователи Иуды, есть несомненное зло, освобождение страждущего от нее — несомненное благо, а исчезновение некоторых симптомов — несомненное свидетельство над болезнью победы. Это общепризнанно и усомниться в этом редко кто себе позволяет.

Всегда были и есть люди, которым нравится верить, что исчезновение симптомов и есть выздоровление. Также всегда были и есть люди, которые верят в особую избранность Иуды. Из живших спустя 19 столетий после Иуды достаточно вспомнить Леонида Андреева и его «Иуду из Кариота». Его Иуда — самый преданный ученик Иисуса, страдающий от фанатизма и тупости остальных учеников.

Открытые последователи Иуды — непопулярны. Гораздо более популярны скрытые последователи фарисеев — государственники. Это

не удивительно: различные формы некрофилии не обязательно должны быть равномерно распространены.

Иудаизм во все времена не был един, не был он един и во время Христа. История сохранила для нас лишь некоторые названия некогда существовавших в те времена церковных направлений: фарисеи, саддукеи, zelоты, иессеи, последователи Иисуса из Назарета. Представители всех этих направлений претендовали на владение истиной и по отношению друг ко другу особого восторга не испытывали. Фарисеи более других почитались народом за людей нравственных и пользовались в народе наибольшим влиянием. Иными словами, они были некрофилами-государственниками и были в состоянии без отвращения исповедовать то, что было приемлемо для большинства населения. Этим их проявления некрофилии отличалась от проявлений той же некрофилии у Иуды. Предпочтения Иуды явно были *негосударственные*, иначе говоря, **сектантские**. Иуда не позаботился стать признанным в признанных формах религиозности — иначе ко времени крещения Христа он уже был бы национал-авторитетом. Ведь подавляющим Иуда был уже к моменту встречи с Его учениками, что видно хотя бы из того, что его «полюбили». То, что некрофилия Иуды более носила сектантский, нежели государственный характер, следует также из распространенности его последователей — их было немного во все века. Итак, не-«покаявшийся» Иуда, останься он жив, стал бы во главе не самого популярного церковного направления. Но христианского.

У обессиленного Иуды, возможно, не было бы женщин. Задолго до Христа у язычников существовала такая традиция: уходить в пустыню. Но, возможно, и наоборот — у него было бы много жен, как у признанного во многих народах пророка-государственника — Магомета (Махамата). Когда у Махамата было четыре жены, его спросили, сколько у правоверного должно быть жен. Махамат после молитвы ответил — четыре. Так ему сказал его бог. А потом Махамату захотелось еще одну. Он опять помолился, и его бог ответил ему: «Тебе можно больше, ведь ты же Пророк!» Возможно, что у Иуды тоже было бы девять жен, и все красавицы. Это значит — *ни одной* генитальной. И признанный праведник Иуда Искариот, несмотря на самые утешительные половые фантазии, никогда бы не познал, что есть *половинка*, Единственная, Возлюбленная, и с Ней в Боге слияние и возрастание. А согласитесь, обидно, растравив себя с *девятью* анально-накопительского типа женами, так ничего и не познать.

Иуда был в присутствии Божьем, но так никогда и не познал, что есть с Ним общение — он и здесь остался обделенным. Обделенным бы Иуда оказался и в познании психокатарсиса (в высоком его смысле). Душевные процессы для него возможны лишь в противоположную от обновления сторону.

Но не все, к счастью, в этой жизни Иуды. И именно поэтому психокатарсис может принести неопределимую пользу в миссионерской работе. Миссионерская работа и есть продолжение психокатарсиса, и понимать это — благословение.

Христос умел говорить притчами. Он указывал слушателям на поля пшеницы и рассказывал о зерне, которое может упасть на благоприятную или бросовую почву. Он был в Храме и указывал на храм Своего тела, который разрушится и в три дня воздвигнется вновь. Христос вообще говорил не просто на языке, людям понятном, но образы, Им представляемые, для каждого данного слушателя были особенно значимыми. Он был Истина и знал, что только и именно такой метод действителен для тех, кому чужды внушения.

Болезненное искажение, о котором человек может сказать, *когда* оно в его теле появилось, в результате *какого* заблуждения оно в тело могло проникнуть, внутренний образ, который можно не только оценить качественно (что он обессиливает), но и можно определить, *сколько* он отнимает процентов сил — такой образ-притча бесценен в миссионерской работе. Скажите, какой другой образ может быть более близок для осознания проблемы греха? А если убедиться, что грех обессиливает, то что мешает вступить в жизнь лучшую?

Миссионер никогда не приходит на пустое место, но лишь туда, где прежде уже успели наследить очень и не очень признанные, после которых людей надо лечить. Как, например, Возлюбленную от переселения душ. И здесь психокатарсис облегчит усилия: души перестанут переселяться, они перестанут быть *безусловно* вечными — и утвердятся Воскресение!

«Ибо благодатию вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар; не от дел, чтобы никто не хвалился» (Еф. 2:8, 9).

*«Отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, а обновиться **духом ума** вашего и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины»* (Еф. 4:22-24).

Глава тридцать восьмая.

ЧУДОТВОРЕНИЕ

То, что будущие апостолы любили Иуду столь же страстно, как и набожные немцы — Гитлера, — мысль хотя и новая, но в дополнительных пояснениях не нуждается. А вот тему Иуды как чудотворца-целителя мы считаем необходимым развить.

В главе о комбинациях эроса мы описали свойство людей воспевать психоэнергетические травмы. Гордость подсказывает, что *я* есть, в сущности, лучшее на этом свете, а потому, если уж возникает *чувство* к лицу противоположного пола, то это чувство непременно высшее из всех возможных — любовь.

Раз люди воспевают психоэнергетические травмы, то всегда найдутся такие, кто доведет воспевание до уровня обожествления. По той же самой схеме: известно, что наивысшее состояния души — поклонение Богу, единение с Ним; а так как *я* с Богом (несомненно!), следова-

тельно, то, что я сейчас чувствую, и есть настоящее прекрасное чувство, потому что *я*.

И действительно, во все века страшное и загадочное в сознании людей становилось сакральным. Библейская истина *«Бога не видел никто и никогда»* не была новостью и для языческих мыслителей дохристовой эпохи, во всяком случае, известна лучшим из этих мыслителей. Можно предположить, что даже не приняв в сердце Спасителя, эти мыслители согласились бы со второй заповедью Божьей: *«Не делай себе кумира и никакого изображения... не поклоняйся им и не служи им...»* (Исх. 2:4, 5).

Однако люди делали и делают. И поклоняются.

Настойчиво.

Несмотря на преследования сильных и насмешки умных.

Несмотря на обличения пророков Божьих.

И это не случайно. Закон Божий можно нарушить тысячами различных способов, почему же люди настойчиво выбирают именно этот?

Потребность превратиться под мертвенно-неподвижным идиолом «добраго» божества в *абсолютное ничто* объясняется не духовными, в смысле соединения с Единым Богом, потребностями, а душевными. В терминологии этой книги — понуждениями или от тела мировоззрения, или от тела памяти. Идол с позолотой вокруг головы в душе П. (гл. «Великая блудница») существовал в теле памяти.

Теперь давайте проведем мысленный эксперимент, но в форме, не смотря на серьезность темы, шуточной.

Древний мир. Доисторический. Самолетов, магазинов и в них очереди нет. Но Психотерапевт уже есть. Вернее, Психотерапевт в том только смысле слова, что тело памяти у него отягощено, перед глазами у него — идол женского божества, а разум выработал способность освобождаться от травм *просто в процессе их созерцания* (без специальных с травмой манипуляций). Да и одет он несколько иначе — в модную мамонтовую шкуру. А под шкурой (женщины, обратите внимание!) *ничего* нет!

— Уй! — прокричал свое имя перед каменной богиней Психотерапевт. И стыдливо, как некогда Адам, прикрыл *ничего* краем шкуры.

— Уй говори — душа боли, Небесная! — дерзнул приблизиться еще на один шаг к Небесной из камня Психотерапевт Уй.

— Уй... — Уй поправил кусок шкуры, — Уй твоя носи жертвы! Уй знай: твоя долго делай туда-сюда — приятно будет! — И, как ему и посоветовали в соседней пещере, Уй, прищурив глаза, стал ритмично класть поклоны. Постепенно ритм им овладевает настолько, что он перестает видеть даже с открытыми глазами и постепенно впадает в такое состояние, которое спустя тысячи лет специалисты назовут измененным, рабочим, или попросту — трансом. И Уй при созерцании — меняется!

— А-а-а-а!!! — вдруг завизжал в восторге Уй, так что в недалеких престижных пещерах вздрогнули. — А-а-а-а!!!

— Опять Большой Уй мамонта хрюкнул, — вздохнули даже в пещере за дальним лесом.

— А-а-а!!! — скакал вокруг Небесной Уй, не замечая, что потерял важный кусок шкуры. — А-а-а-а!!! Как хороше!! Моя так легко вздохнула! Моя больше не болей!!! А-а-а!!!

И еще долго вокруг костров, удобно расположившись на черепаках мамонтов, доисторические старушки судачили об очередном чуде исцеления, которое сотворила *их* богиня.

Но для осмысления двух несовместимых механизмов исцеления нет особенной нужды отправляться во времена столь отдаленные. В 325 году по Р. Х. подданные Римской империи стали христианами. Сделано это было так же, как и во многих других странах впоследствии: император Константин издал указ о том, чтобы все покаялись и в качестве внешнего знака, в качестве своеобразной печати покорности («своих ног») наложили на себя исполнение субботы в День Солнца (впоследствии воскресенье). Благодарные потомки уверовавших по этому указу причислили императора к лику святых и даже более того — признали его *равноапостольным*. Сам император Константин настолько проникся новой, введенной им верой, что, спустя много лет после своего указа, даже принял крещение.

Много претерпел Рим со времен того указа: варвары приходили, грабили и уходили, потом приходили другие, но тоже грабили и разрушали — словом, Рим опустел. Но бывает, что и мертвые города оживают, и вот один за другим стали приходиться римские папы, потянулись в город поклоняющиеся, стали рассказывать о чудесных исцелениях. Исцелялись, преимущественно, у каких-нибудь предметов. Одним из таких предметов была вновь открытая гробница «равноапостольного» императора Константина. Паломников приходило множество — некоторые при усыпальнице исцелялись. И так продолжалось множество столетий. Продолжалось до тех пор, пока в XIX веке гробницей не заинтересовались археологи и с благословения «святого» папы не раскопали ее. Что же оказалось? Оказалось, что в чудотворной усыпальнице успокоился от трудов не «равноапостольный» Константин, а Констанция, которая поражала даже привыкших не удивляться римлян своей сексуальной распущенностью и кощунствами — тем она и вошла в историю. Попросту говоря, даже проститутки считали ее шлюхой. Нам не известно, входила ли Констанция в какую-либо современную ей ассоциацию народных целителей (биоэнергетиков, биотерапевтов, психоэнергосуггестологов, астротерапевтов, мануальных терапевтов), но факт остается фактом — на ее могиле исцелялись даже спустя тысячу с лишним лет.

Но что там времена доисторические или времена некрещеного императора Константина! В XX веке сельский житель Порфирий Иванов был настолько убедителен, что даже фашистские каратели признали его за бога. Стыдно сказать, за русского бога. И это при живом Гитлере! Интересно, что признали его каратели по достаточно малозначительному (для невовлеченного наблюдателя) поводу: Порфирий Иванов *зимой мог ходить голый*. (Повод — это для логического ума, причина — в убедительности.) Иванов исцелял, вернее, люди, приходившие

к нему, уже более не замечали симптомов, с которыми они к нему приходили.

Но исцелял Иванов не только при жизни. Он не преминал себя назвать *живым богом* и продолжает исцелять людей даже после собственной смерти. Достаточно снять обувь и босым обратиться к нему: «Учитель, Учитель!», — и верующий в Иванова более прежних своих симптомов не замечал. (Подключение к ближайшему целителю?) У нас нет статистических данных, чтобы сравнить исцеляющую силу проститутки Констанции и живого «бога» — Порфирия Иванова, но, исходя из простых соображений, нам кажется, что хотя некоторые русские сочтут более могущественным богом Иванова, то некоторые итальянцы все равно решат, что *их* проститутка лучше русской.

Эпоха атеизма тоже оставила свое наследие в области «чудотворных» исцелений, поэтому не стоит верить утверждениям, что атеисты были существенно более несчастны, чем последователи каких-либо иных государственно-признанных учений, течений и увлечений.

Многие писатели эпохи атеизма с энтузиазмом писали о чудодейственном воздействии водки. В сущности, схема психотерапевтического воздействия чрезвычайно проста и похожа на предыдущие, только вместо некрополя священнослужителя, целителя или истлевшей проститутки для отключения логического контроля человека берется 40%-ный раствор этилового спирта.

Вы заболели. Опасно. Находится приятель, который говорит:

— Ерунда! У меня тоже было нечто подобное! Я знаю *такое лекарство* — закачаешься!

После того, как вы тилиликнули как следует, приняли на грудь литр, нажрались как свинья, упились до положения риз, ваш приятель вам сообщает:

— Ну, вот! Теперь ты будешь здоров! Забудь про свою болезнь! Выкинь ее из головы! Завтра уже ничего не будет!

Ваше отключенное логическое мышление вполне может этих слов и не запомнить, но подсознание, в особенности тело памяти, не дремлет никогда. Поэтому, проспавшись, вы с удивлением обнаруживаете, что чувствуете себя вполне здоровым.

Этим способом исцелял набожный припадочный Достоевский, певец патологических состояний.

Интересно, что в то время, когда Иисус из Назарета был еще ребенком, умер бог. Божественным был признан упокоившийся император Римской империи Август. Божеством его признали Признанные Великого Города, патриции, то есть те, о которых никто не смел сомневаться, что они лучшие — высшие администраторы, некоторые писатели, философы, сенаторы, — словом, слуги своего народа. Император Август, которого потомки оценили как наиболее бездарного из всех императоров I века, тоже исцелял. Он отличался от проститутки Констанции только половыми признаками, в остальном было все то же: генитальным сексом заниматься не умел, что следует из того, что он с большим удовольствием убивал и грабил. Народ его очень любил и,

как видно из титула, боготворил. Титул — дело серьезное, в особенности, если он присваивается в Риме. Признанные это *признанные*, поэтому в признании императора Константина равноапостольным не в силах усомниться миллионы и миллиарды римских католиков.

— Подумаешь! — возможно, усмехнутся многочисленные последователи живого бога Иванова. — А вот попробовали бы эти императоры в мороз да по снегу, да в России, да в одних трусах!

Мы согласны. По снегу лучше, чем водкой. Но еще лучше, как Большой Уй, войти в транс перед каменной Небесной, любым другим изображением, или просто перед узорочьем камней усыпальницы Константиции. (Интересно, а не говорили ли ей при жизни ее посещавшие любовники, что она *божественна*?) Метод Большого Уя лучше, потому что в присутствии большого количества людей, как, скажем, на пятидесятнических целилищах или массовых экзальтациях при целовании мощей, дополнительная психоэнергетическая травма гарантирована, и «исцеление» может произойти по совсем иному механизму. Метод Большого Уя означает освобождение от психоэнергетической травмы, а вот что происходит на пятидесятнических целилищах или в толпе перед могилой шлюхи, можно безошибочно предсказать еще до психокатарсиса. (Подобные «исцеленные» видят причину болезни как стальной кол, а «лечение» — как стальной колпак сверху. При психокатарсисе удаляют сначала кол, а уж потом — колпак, создающий видимость отсутствия кола.)

Можно вспомнить практику знаменитого гипнотизера Месмера, короля целителей. Когда одна из его пациенток стала сходить с ума от того, что в ее голове завелись голуби, Месмер нанял фокусника с голубями, который доставил их у больной из-за уха, сворачивал им шею, клал перед нею и спрашивал, сколько еще голубей в голове осталось. И так до тех пор, пока у пациентки не осталось ни одного. Она выздоровела. Это почти психокатарсис, только с дополнительными аксессуарами, в сущности, не нужными. Вообще говоря, без дела сворачивать шеи живым голубям безнравственно. Ненужные аксессуары — и сам фокусник, и сам великий Месмер; присутствие подобных людей нежелательно для здоровья тела памяти.

Перед иконами тоже исцеляются. Часто в толпе, что, как мы уже говорили, не полезно. Исцеляться лучше с изображением (любым) наедине.

Иисус, как мы узнаем из Евангелий, был здоровым человеком. Он вел здоровый образ жизни, был воздержан, не пил, работал вместе с отцом в столлярной мастерской, и из-под Его рук выходили, несомненно, очень добротные вещи. Когда Бог призвал Его к Мессианскому служению, Он был настолько уравновешен, что мог спокойно спать в лодке во время бури. Он мог пешком идти по многу дней. И даже после изнурительной ночи в Гефсимании, где с чела Его тек кровавый пот, даже после тридцати девяти ударов бичом, в концы которого были вплетены кусочки свинца, когда каждым ударом сдирали кожу до мяса, даже после этого Иисус мог часть пути Свой крест на Голгофу не-

сти Сам. Это говорит о недюжинном здоровье Сына Человеческого, что возможно только при здоровой матери. Мать Его была избрана Богом для рождения Сына, и уже это говорит о ее здоровье не только духовном, но и физическом. Что, как мы еще в большей степени убедились прежде, и в чем утвердимся впоследствии, взаимосвязано. О ее здоровье говорит и то, что в доме ее было много детей, за которыми требовался уход работающей и выносливой хозяйки дома: прислуга в семьях бедных плотников случается редко.

Однако посмотрите, какой Марию изображают на иконах! Чтобы легче сделать вывод, поместите рядом с иконой, в особенности чудотворной, картину такого же, как и иконописец, профессионального художника, но только изображающую женщину явно здоровую, которая очевидно может быть прекрасной хозяйкой, замечательной для мужа любовницей и заботливой матерью. Так уж ли случайно, что на «чудотворных» иконах мы видим совершенно совершенно противоположный, болезненный образ? Разумеется, не случайно.

Разные иконные изображения обладают различной исцеляющей силой. Что, конечно, обделяет многих из тех, кто в иконы верует. Ибо не у всех есть возможность добраться до наиболее исцеляющей. И это не всегда компенсируют методы искусственного экстазирования, которые в обязательном порядке используются в православной литургии: курение ладаном, который ассоциируется с разлагающимся трупом, ритмические поклоны паствы, ритмические движения маятника (кадила), сложная, непонятная роспись стен, которая, как и расшитое одеяние священнослужителя, способствует деструктурированию сознания потребителя. Не помогают, потому что в храме часто присутствует множество подавляющих индивидов, защищаясь от которых, подсознание (но только здоровое!) не позволяет человеку расслабиться. Но если расслабление произошло, то скорее это приведет не к исцелению (от созерцания ассоциирующейся с некрофильским ликом прежней жизненной травмы), а к новой психоэнергетической травме, как в том вы можете убедиться, исследовав подсознание ваших соседей после посещения ими храма.

Бог желает вести каждого путем особенным, неповторимым и наикратчайшим, подобно этому и здоровое подсознание человека стремится освободиться от психоэнергетических травм наикратчайшим, а потому неповторимым путем. Поэтому для освобождения от травм и, как следствие, от соматических заболеваний, следует дать образному мышлению больший простор для «воображения». Напряженная обстановка храма для людей, умеющих «держаться» энергетический напор, расслаблению не способствует, и потому изображение на иконе может отобразиться человеком *как таковое*, но не становясь рестимулятором болезненной ситуации, и человек отойдет от иконы не исцеленным.

Более отчетливый результат получился бы при изучении человеком книги «Откровение». Размышление о великой блуднице, которую поддерживают цари земные и которая потому получила признание среди абсолютного большинства населения (на символическом языке — оседлала зверя), это размышление в образах будет более эффективным и,

возможно, приведет к освобождению от травмы, аналогично тому, как это описано в приведенной далее стенограмме общения В. и П. Здесь мы не пытаемся вложить в чтение «Откровения» некое сакральное содержание, тем более выдать за некий фетиш, положив который на ночь под подушку, можно тем обеспечить себе удачу. Конечно дар Библии людям — чудо; здоровье тела духа, которое проявляется в интересе к Слову Божьему вообще и к «Откровению» в частности — тоже; но от некоторых травм можно освободиться и *без непосредственного* участия Божия.

Некоторые исследователи полагают, что появление икон в христианстве — некая досадная случайность, которая при других обстоятельствах могла бы и не произойти. Но давайте внимательно рассмотрим, так ли уж случайно присутствие властных лиц в национально-признанных формах убеждений, выдаваемых за религиозные (и то не всегда: вспомнить, хотя бы, портреты Ленина во всех помещениях). О первом веке существования христианства достоверных документов не сохранилось, кроме тех, которые вошли в канон Нового завета. Уже из посланий апостола Павла (убит в 64 году) мы узнаем, что, несмотря на напряженную пасторскую работу апостолов и других пророков и учеников, крещенных Духом Святым, христианские общины были раздраемы ересями, то есть, возвращаясь к первоначальному, ныне извращенному смыслу слова *ересь*, учениями иными, нежели проповедовал Христос. Власть в еретических сообществах захватывали, разумеется, люди, свыше не родившиеся, то есть *признанные*, которых еще не успели признать или признали в ограниченных по числу вовлеченных сообществах. Но признанные бывают не признаны только временно, поэтому можно не сомневаться, что в быстрорастущих христианских общинах I века после смерти апостолов они, признанные, получили то, что они всегда и везде получают — признание. Но признанным всегда всего мало: если уж признание, то *всенародное*, если уж их учение, то непременно *общенациональное*, чтобы все — и император, и прочие подобные — следовали им. А как можно получить признание, вооружившись *лишь* Святым Духом и Словом Божьим, если в данное время в стране признанной формой является язычество, которое в глазах населения истинно еще и потому, что изображения Артемиды, Афродиты, Ашеры, Кибелы и др. обладают чудотворной исцеляющей силой? Да, это исторический факт, что изображения антихристианских богинь были чудотворными. Да-да, все происходило в точности так же, как и в последующие так называемые христианские века: полагающие себя религиозными люди из разных мест отправлялись в паломничества к изображениям богов, про которые было известно, что они чудотворные, шли издалека, не беря с собой вещей, молились по дороге, обсуждая, которое из изображений более чудотворное, какое от каких болезней лучше исцеляет, и какую молитву надо при этом произносить и в какой храм или обитель надо нести приношения, — а потом всей толпой бросались к чудотворному изображению (*иконос*, по-гречески) и некоторые получали исцеление.

Раз не все, а только некоторые, то, в сознании толпы, это были те, кого божество избрало по своему благоволению. Чудеса имели большое влияние на мировоззрение язычников. Настолько большое, что когда апостол Павел пытался передать мысль, что нет правил без исключений, что среди многочисленного подобного случается и нечто особенное и ценное, он выразился так: *«Ибо и Иудеи требуют чудес, и Эллины ищут мудрости»* (1 Кор. 1:22). Мировоззрение язычников, и эллинов в том числе, целиком и полностью определялось чудесами, и первые среди них — чудотворные исцеления. Евреи же — в противовес — на чудеса внимания обращали мало. Это правило. Но и некоторые из иудеев требовали чудес, а некоторые эллины — начинали искать высокой мудрости.

В системе эллинской (в представлении иудея эллины — любой другой народ кроме собственно евреев) религиозности существовал ряд специальных храмов, в которых *ежедневно* (!) зачитывались во всеуслышание чудеса, которые совершало данное божество. Эллины увлекались чудесами повально, это для них, не желающих принимать чистое христианство, было зримым признаком присутствия Божия. Апостолы же проповедовали *живую связь* с Богом, не веру в Иисуса, а веру *Иисуса*, проповедовали взаимоотношения с Богом, которые преобразуют самые глубины естества человека настолько, что он, в частности, побеждает свою способность быть подавляющим и тем для других открывает пути *Господу*. Это — важно, это — Христос распятый, это — то, что недоступно познать иначе, чем доверившись Богу во всей полноте своего естества, Богу — Отцу, Святому Духу и Христу-Слову (Десятисловью в том числе). Слово большинством населения принято быть не может, публика откажется Его принять, как о том и говорит Библия. Поэтому не случайны слова Павла:

«Ибо и Иудеи требуют чудес, и Эллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Эллинов безумие» (1 Кор. 1:22, 23).

А теперь представьте себе первохристианские общины, в которых было два типа людей: те, которых Павел одобрял и те, которых Павел порицал. Но те и другие были вместе, потому что, как совершенно справедливо учил Иисус, нельзя отделять плевелы от пшеницы, потому что при этом могут быть вырваны ростки пшеницы. Пожалуй, формулировку можно было бы и усилить: если в какой-либо иерархии, в которой власть и влияние неизбежно будут иметь подавляющие и признанные, эту чистку будет производить она, верхушка, пусть даже и с одобрения низов, то вместе с явными развратниками и ворами вырвана будет, прежде всего, пшеница. Случится то, что не может в иерархии не случиться: инквизиция во всем многообразии своих изуверских форм.

Итак, два типа. Одни возмужали умом настолько, что понимают, что прежде чем кто-либо сможет принять от них Евангелие, принять так, чтобы дважды два не выходило восемью или одиннадцатью, **впереди должен пройти Бог**, и потому никому своих убеждений *не навязывали*, но ждали того момента, **когда их призовет Бог** пойти и помочь тому, кто готов принять **от Бога** помощь, а от Его последователей — Евангелие. Но были в первохристианских общинах и другие, которые

по-своему понимали идею всемирного распространения вести о Пришествии Господа и хотели, чтобы все, *все*, были такие же, как они, то есть говорили не о языческих богах и богинях, а о Христе. А теперь, представьте, эти вторые идут и проповедают и говорят: веруйте, научитесь, покайтесь, а затем креститесь. А им набожные язычники говорят: а у меня есть знакомая, которая ходила в паломничество и у чудотворного изображения Артемиды исцелилась. Они, вторые, им про радость в Господе, как о том читали у Павла; а те им: у нас знакомая знакомых так болела, так болела, а потом пошла к человеку, который много лет как ушел от людей в пустыню служить прекрасной богине Кибеле, — и тот ее излечил, своими ногами ходит! Они, вторые, цитату из Павла: «Христос есть любовь», — а те: «А какое в храме красивое служение, одно кадило чего стоит, на одну работу священника залюбуешься, восторг священный охватывает». Вторые им про то, что Христос распятый был предсказан во всех подробностях Его жизни, даже в каком году родится и за сколько сребреников будет предан — и все это за сотни лет до воплощения, а те им: а у нас продают священные предметы, которые если повесить ребенку на шею, то тот болеть, как все кругом о том говорят, не будет. А вы, что, скажут им, *против нашей богини*? Она, богиня, ведь хорошая хозяйка, верная жена и добрая мать, она всегда рядом, за нас заступится, да и к тому же исцеляет.

Представляете ощущения этих вторых, необращенных, еретиков в первоначальном смысле слова, но могущих, а главное жаждущих стать популярными. Нет, без исцелений, подобных бытующим, не добиться, чтобы *все* стали христианами, нет, не добиться, чтобы уверовал *сам император*, не добиться, чтобы утерлись эти жрецы Ашер с их чудотворными иконасами, эти кастраты Кибелы со своими чудотворными иконасами и эти паломники к иконам Артемиды... Словом, в среде жаждущих быть первыми (*имперо* — первый) и национально признанными необходимо должны были перепоявиться иконы.

Интересно, а что про язычников говорили эти вторые еще *до того*, как появились иконы? Ведь иконы — приобретение достаточно позднее, и обязательное им поклонение было введено на одном из соборов, кажется, лишь в VIII или IX веке. Мы говорим об *обязательном* им поклонении, поскольку практика поклонения изображениям появилась в некоторых местах уже во II веке. Идеологи вторых не могли не читать Писаний. «*Их бог — чрево*», сказано в Писании (Флп. 3:19), но с какой стати обязательно надо полагать, что речь идет непременно об обжорстве? А почему не о тяге к чудотворным исцелениям у священных предметов в антихристианских культурах, культурах, последователи которых сжигали в садах Ватикана инакомыслящих христиан? Жрецы антихристианских религий постились часто, но это никоим образом не отменяет принципа: «*Их бог — чрево*». Что обжорство, что самовольная голодовка вне Жизнедателя — это одно и то же, это — центрирование на чреве.

Итак, мы упомянули о некоторых достаточно известных феноменах исцелений, которые поражали окружающих: исцеления рядом с божественным императором Августом, рядом с живым богом Ивано-

вым, рядом с истлевшим прахом шлюхи Констанции, рядом с фокусником, который вытаскивал из-за уха голубей и сворачивал им шею, рядом с чудотворными изображениями Кибелы, Ашеры, Артемиды, так называемых святых, угодников и т. п., рядом с опустошенными бутылками вина, рядом с признанным знатоком мерзостных уголков человеческих душ Достоевским, и, наконец, после чтения «Откровения». Наш П. назвал бы свое исцеление после обсуждения «Откровения» случаем психокатарсиса и пожалел бы напрасно убитых гипнотизером голубей. Что касается алкогольных возлияний, то, помнится, в языческом пантеоне был бог Вахх, которому в древние времена, несомненно, не забывали принести жертву после какого-нибудь исцеления. Наш П. этот последний метод тоже бы не одобрил, поскольку потребность в алкоголе в любых его количествах — не благословение, а признак некрофилии. Христос не пил вина алкогольного, — замутнение сознания было Ему противно, — но пил вино безалкогольное, то есть виноградный сок; написание этих греческих слов одинаково.

Что ж, мы согласны, что размышления о великой блуднице, *сидящей на многих водах* (концентрация на некрофильском женском образе из тел памяти), — гораздо более совершенный метод, поскольку, во-первых, он более индивидуален (представление сковывает меньше, чем рисованный образ) и с большей вероятностью приведет к «выбрасыванию из головы» и самой шлюхи, и убеждений, с ней связанных, будь то житейские или религиозные; во-вторых, размышлять можно в *одиночестве* или *наедине с Богом*, когда рядом не будет подавляющих, от которых при расслаблении можно получить психоэнергетическую травму; в-третьих, он попросту выгоден финансово: фокусники, жрецы и биоэнергосуггестологи в своих запросах не стесняются.

Если же изъясняться на языке более определенном, то все приемы исцеления (а не исцеляют, похоже, только ленивые), суть которых — надевание маскирующих нахлобучек на стальные занозы, — откровенный сатанизм. Благ только противоположный метод.

Единственный, в сущности, критерий истинного исцеления — обывательская самооценка претендующего на исцеленность, а психокатарсическая: произошло ли очищение соответствующих тел, или же изменение в состоянии человека произошло от появления дополнительной в теле памяти конструкции.

Рассмотрение только внешних обстоятельств исцеления, так сказать, декораций и аксессуаров (иконы, узорчье камня, из которого сложена гробница шлюхи, символы, разукрашивающие стены в кабинетах биоэнергосуггестологов) может не привести к верной оценке причины изменения состояния человека. Скажем, абстракция рисунка камня, из которого сложена гробница шлюхи Констанции, могла провоцировать сосредоточение на каком-нибудь странной формы предмете в теле памяти — с последующим от него освобождением. А могло быть все наоборот — мог появиться дополнительный уровень болезни, воспринятый от оказавшегося рядом с надгробием истового (неистового?) верующего-некрофила, бормочущего: «Чудо! Чудо!»

Помните невестку главаря с ее много лет плохо действующей левой рукой и безуспешные попытки Ала подсказать ей, что от прилипшей к локтевому суставу жидкости избавиться можно? А помните, что у нее «стекло» почти в тот же момент, как в комнату ворвался наркоман и бывший десантник Джамшед? Ворвался он, разумеется, не только физическим своим телом. Так что, это еще вопрос: по которому из двух психических механизмов рука невестки главаря вдруг обрела подвижность. Она могла перестать видеть вязкую жидкость в теле памяти не потому, что ее действительно в нем *не стало*, а просто потому, что *перестала ее видеть*. Результат, согласитесь, противоположный.

И еще: изошренный мерзавец-целитель может внедрять еще и такой сопутствующий приказ: появившуюся над занозой нахлобучку видеть не смей! Так было в случае с В. (занавесь, скрывающая Бармалея) и ее дочурки (звери, не вылезаящие из норок даже когда их сжигают).

Итак, благ лишь, как мы уже сказали, противоположный метод. О его действенности можно судить по состоянию тела памяти. Но не только. О духовной составляющей человека — апостол Петр в 1 Пет. 3:4 называл ее «сокровенным человеком» — исцеленного (очищенного) можно также судить по тому, как меняются люди, оказавшиеся рядом с ним, а также по тому значению, которое он придает некоторым появляющимся перед его глазами образам.

Иоанну Богослову, автору «Откровения» (вернее, *соавтору*, поскольку он только записал то, что в видениях показал ему Христос об историческом пути народа Божьего на земле от Первого до Второго пришествия и далее), было всего 17 лет, когда он впервые увидел Иисуса из рода Давидова и стал его учеником. Удивительно, но в первую их с Христом встречу не произошло ничего особенного, не было никаких исцелений, во всяком случае, таких, чтобы прокаженные очищались или парализованные вставали, не было чуда утихомирившей бури, не было насыщения тысяч несколькими хлебами — ничего этого не было, но тем не менее, Иоанн оставил прежнего своего учителя Иоанна Крестителя и не просто согласился пойти за Христом, но *напросился* к Нему в гости. Ничего на первый взгляд интересного не произошло в эту первую их встречу, но Иоанн в коротком своем Евангелии не преминул уже в первой главе о ней *подробно* рассказать. Мало кто замечает это место, не слышно, чтобы кто-либо выбирал это место для проповеди или написал наставление, но, тем не менее, в этом не замечаемом обычно отрывке описано самое величайшее из всех возможных чудес: чудо влечения человеческого сердца к Тому, имя Которого — Сын, а возникает это влечение единственно потому, что Он таков, каков Есть.

Иоанн прожил интереснейшую жизнь. Он учился у великого Учителя и мог холодными ночами, среди камней Иудеи сидеть у костра рядом с Ним, слушать и размышлять над услышанным. Он мог переспросить, если ему, Иоанну, казалось, что он что-то не расслышал или недопонял. Он мог подать Учителю воды и полить ему на руки, когда Тот совершал омовение.

Иоанн на удивление мало писал про исцеления физического тела, хотя были и они, — а если писал, то это был всего лишь изобразительный материал для размышления над вопросами большей важности. Христос знал конец от начала и первостепеннейшей его задачей было обучение первых учеников, апостолов, поэтому исцеление расслабленного именно в *субботу* было, прежде всего, уроком. Уроком ученикам об истинном смысле субботы. Христос знал, что исцеление расслабленного именно в субботу принесет множество неприятностей Ему Самому и Его ученикам — и, действительно, принесло — и самому исцеленному тоже, но, тем не менее, *Христос не поторопился исцелить человека на день раньше*. Как ни хотелось Ему помогать людям на этой несчастной земле и помогать как можно *раньше*, но прежде предстояло решить главную задачу: создать Церковь Свою, воспитать верную Жену и оставить на земле непорочную Невесту, которая, сколь бы ни была слаба и сколь много бы ни оступалась, в силах была бы подняться и остаться непорочной.

Христос исцелил в субботу хронического больного — это был скандал! — но тем жарче была дискуссия об истинном содержании субботы, дискуссия, после которой напряжение мысли подняло Его учеников еще на одну ступень над похотями этого мира. (Заповедь важна всякая, но в особенности та, которая в данное время находится в наибольшем пренебрежении, поэтому Христос исцелил, а Иоанн описал этот случай.)

Людям свойственно обвинять своих ближних в своих же собственных грехах. Это общепринятое положение требует уточнения. Все-таки, есть пронизательные люди, которые умеют высказать правильное суждение. Только во всех ли случаях? Жухлым, поглощенным серебром, идолами и прочими тяготами внушений от ярких некрофилов, разумеется, не до тонкого познания людей, поэтому в подобных себе жухлых они, напрягшись, распознают *себя, свои* грехи. Жухлые подчиняются внушениям ярких и видят, что прикажут: в военных — защитников, во врачах — спасителей, в целителях — святых. Ярких же биофилов жухлые попросту не понимают, и в качестве «своего» мнения пользуются тем, что внушили яркие некрофилы. Последние же, раз заметив в себе способность манипулировать людьми, в этой своей способности совершенствуются. Это подразумевает распознавание слабых мест у объектов манипуляции. Десятки и сотни раз (начиная с детства) убедившись в своей пронизательности по определению греховных влечений жухлых, яркий начинает верить в непогрешимость своих суждений вообще. Но и сам он непременно — объект манипуляции для другого некрофила (не обязательно более яркого, просто, к примеру, ассоциирующегося с отцом или с матерью), и, как от него и ожидается, начинает тем восхищаться, умиляться и т. п., словом, *как потребуют*. Текст внушения, воспринимаемый как «самостоятельно составленное мнение», безусловно, вводится на энергетическом уровне, поэтому, когда встречается человек с пониженным полем давления, т. е. биофил, то ярко-некрофилу «эксперту» ничего более не остается, как улавливать свое же собственное поле, и в этом поле он угадывает свои же собственные мерзости. Отсюда понятно, почему столь

проницательные люди, как члены Синедрiona (высший орган власти иудеев), разглядели в Христе опасного для нации человека, основное стремление которого — власть. (В Толстом высшие иерархи Православной церкви разглядели человека, недостойного даже называться христианином.) Таким образом, биофилы, оказываясь все время оболганными и обовранными, принужденные в какой-то момент жизнь и ее ценности переосмыслить, в конце концов перестают пользоваться системой внушенных им оценок, силою Христа достигают независимости суждений, и, наконец, в людях с некоторых пор заблуждаться перестают. Это вносит в их души некоторый мир и покой, хотя они по-прежнему остаются обовранными и оболганными теми же самыми яркими некрофилами, скажем, представителями какой-либо из форм государственных религий. Последние же — вообще безнадежный случай, поскольку они не только достигают в церквах признания, что их укрепляет, но и исходно верят в свою биофильность и избранность.

Итак, людям свойственно обвинять ближних в своих же собственных грехах, и происходит это по той простой причине, что *эти* грехи им известны лучше, чем другие. Если неприемлемый для них человек говорит притчами, то они *способны* видеть только то, что им хочется. Христос, выгоняя торгующих их Храма, взял в руки кнут, но только те, которые сами хотели бы насладиться болью других, и *кнутом* — по лицам, по стинам! — додумываются до того, что Христос тем кнутом стал стегать. На самом же деле кнут в руках пророка (а никто в Иудее и не сомневался, что Иисус — как минимум пророк) — символ гнева Божия, и торгующей толпе, прекрасно ориентирующейся в деталях служения древних пророков, достаточно было *увидеть* кнут, чтобы, побросав все, ринуться вон из Храма.

Недоброжелатели обвинили Христа, что Он «человек, который любит есть и пить вино» (Лук. 7:34), но только те, для кого стремление к дурману — глубинная сущность души, признали это свидетельство истинным: в многозначном слове «вино» захотели угадать вино непременно алкогольное. Дескать, и Христос, как мы, был не дурак выпить.

А что угадали в поступке Христа фарисеи, некрофилы-государственники, которых жухлый народ, сам не понимая почему, вынужден был признавать за образец святости? Они не смогли угадать в поступке Иисуса того, что смогли разглядеть Его ученики — образ более полного и единственно возможного способа соблюдения четвертой заповеди — заповеди о благодатной субботе. Фарисеи увидели в исцелении расслабленного *нарушение* святости субботы, потому, что именно так обличала их собственная совесть, потому что *они сами ее нарушали*, нарушали обезжизниванием субботы бесчисленными запрещениями, забыв основное ее содержание — любовь и познание Слова.

Всякого человека, который оказывался рядом со Христом, начинала обличать совесть за бездарную жизнь, растрачиваемую на ничто, вместо того, чтобы *жить*, чему зримым доказательством был Сам Христос. Фарисеи нарушали субботу, совесть их обличала, но обвинили они в ее нарушении Иисуса.

Религиозные фарисеи, в отличие от Иуды, были некрофилами-государственниками (неисчезающее на этой земле племя!), поэтому неудивительно, что их стремление нарушать субботу, чтобы она была не субботой, не любовью и не благословением, отобразилось в последующих веках в национальных принципах мышления: «суббота в пятницу», «суббота в воскресенье», «суббота в среду», «как бы суббота в субботу». Движения эти неизбежно должны были принять национально-признанные формы, о чем Господь Своих верных и предупредил в «Откровении», для Иоанна — книге будущего, а для нас уже настоящего.

А как показать в видении Церковь? Как в одном зримом образе показать всех рассеянных по земле людей, для которых заповеди Божьи — не система запретов, а естественное состояние души? Способ со времен пророков древности один: избранному на служение пророку бывает явлена непорочная невеста, или верная жена, — символ немногочисленной, но истинной Церкви Христовой. А как показать, что рядом есть другая, мощная организация, которая есть сообщество очень религиозных людей, но которая жена лишь по *самоназванию*? И Иоанн видит великую блудницу, проститутку, подавляющую, украшенную для деструктурирования сознания жертв золотом и жемчугами, дорогими тканями.

«Сколько славилась она и роскошествовала... говорила в сердце своем: *сижу царицею, я не вдова и не увижу горести!*» (Откр. 18:7). «Я видел, что жена упоена была кровию святых и кровию свидетелей Иисусовых, и, видя ее, дивился удивлением великим. И сказал мне Ангел: что ты дивишься?» (Откр. 17:6, 7). «И пришел один из семи Ангелов, имеющих семь чаш, и, говоря со мною, сказал мне: *подойди, я покажу тебе суд над великою блудницею, сидящею на водах многих; с нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле*» (Откр. 17:1, 2). «Ибо истинны и праведны суды Его! потому что Он осудил ту великую любодейцу, которая растлила землю любодейством своим, и взыскал кровь рабов Своих от руки ее» (Откр. 19:2).

Но — жив Господь! — есть и другая жена, судьба которой не лежала на путях национал-государственного признания или иных форм некрофилии. «А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для нее место от Бога... И расвицепел дракон на жену и пошел, чтобы вступить в брань с прочими от семени ее, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа» (Откр. 12:6, 17). «Возрадуемся и возвеселимся и воздадим Ему славу; ибо наступил брак Агнца, и жена Его приготовила себя. И дано было ей облечься в виссон чистый и светлый; виссон же есть праведность святых. И сказал мне Ангел: *напиши: блаженны званые на брачную вечерю Агнца. И сказал мне: сии суть истинные слова Божии*» (Откр. 19:7-9).

Иоанн, которого позднее прозвали Богословом, любимый ученик Иисуса Христа, прожил интереснейшую жизнь — и не случайно. Он принадлежал к той самой жене, которая облеклась в виссон чистый, принадлежащие же к ней, как сказано, блаженны, блаженны не только в будущем, но всегда. Среди прочих обогащающих неожиданностей у Иоанна была ссылка на скалистый остров Патмос. По этому поводу

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА ПСИХОКАТАРСИСА

Иоанн не грустил: скучать не приходилось, потому что работал он над книгой видений, которые Христос поручил ему записать. Он видел непорочную жену и понимал, кто она. Он видел великую блудницу, понимал, кто это, хотя и не знал конкретных форм ее в веках воплощения. И он не мог не размышлять о ней и причинах ее появления.

У Иоанна, в отличие от Иуды, тело духа было здоровое — и жизнь была ему в радость, несмотря на события, которые жухлая толпа обычно называет лишениями. У Иоанна, в отличие от Иуды, развилось здоровое тело мировоззрения — и он не совершал в жизни поступков, от которых ничего достойного доброго слова не остается. А если у Иоанна к моменту ссылки на остров Патмос и были еще осложнения с телом памяти, то после размышления над некогда виденным образом великой блудницы, называющей себя царицей, и после освобождения от этого образа, после ее *развенчания*, Иоанн наслаждался новыми разлившимися по его телу силами. Но даже если у Иоанна на Патмосе тело памяти уже не было отягощено никаким сором, то все равно, после того, как он, поразмыслив, отторгнул всякую возможность с великой блудницей сотрудничества, он вздохнул с облегчением.

Здоровое тело духа, здоровое тело мировоззрения, здоровое тело памяти — влияют на тело физическое. В отличие от Иуды, Иоанн жил долго. Иоанн жил с таким удовольствием и настолько долго, что среди последователей Иисуса распространилась легенда, что Иоанн бессмертен. И эту легенду связали со словами Христа в последние дни Его пребывания на земле. Иоанн был этим опечален: всякая, даже невинная на первый взгляд, легенда, всякое «улучшение» христианства — не более чем проторение пути к обману еще большему. И именно поэтому Иоанн, единственный из апостолов, которому суждено было умереть своей смертью в 95-летнем возрасте, написал в своем рассказе об Учителе, в великом Евангелии от Иоанна:

«Иисус говорит Симону Петру: Истинно, истинно, говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь.

Сказал же это, давая разуметь, какую смертью Петр прославит Бога. И, сказав сие, говорит ему: иди за Мною.

Петр же, обратившись, видит идущего за ним ученика (Иоанна), которого любил Иисус, и который на вечера, приклонившись к груди Его, сказал: Господи! кто предаст Тебя?

Его увидев, Петр говорит Иисусу: Господи! а он что?

Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того? ты иди за Мною.

И пронеслось это слово между братьями, что ученик тот не умрет. Но Иисус не сказал ему, что не умрет, но: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того?..

...Многое и другое сотворил Иисус: но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь».

(Иоан. 21:18-23, 25).

Хотя попытка вылечить наркомана А. от болезненной зависимости удачей не завершилась (пока?), но поучиться и в этом случае есть чему. Описываемый случай подводит нас к основной проблеме психокатарсиса.

А. — 24-х лет, из которых он «на игле» уже пять, единственный сын в семье бизнесмена, преуспевающего в сфере, которую благородной даже при всяческих натяжках признать невозможно — игорном бизнесе. Отец А. внешне — абсолютнейший супермен: высокий, сильный, красивый, с развитым логическим мышлением человек, и даже — дворянин. Умеет не скучиться на благотворительность: за его счет строится ограда вокруг зарастающего сельского кладбища. Охотник. Отважен. Коллекционер охотничьего и боевого оружия.

Единственная жена его, с которой он уже отпраздновал серебряную свадьбу, мужу своему не изменяла, во всяком случае, по оценке А. Она почти всеми воспринимается как самопожертвенная мать, на которой держится дом, благодаря которой процветает муж и чьими нервами и здоровьем еще не умер ее единственный сын.

В такой, казалось бы, благополучной семье — столь, казалось бы, странный сын, который в потреблении наркотиков доходит до такого состояния, что весь покрывается язвами, гниющими и перекрывающими одна другую. Когда он совсем уж начинает напоминать труп, его сдают на принудительное лечение. Ломок он прошел уже десятка полтора. Его лечили не только в лучших заведениях Москвы, но и возили к знаменитому биотерапевту в Азию, лечили в Испании — но безрезультатно. Выйдя из очередной больницы, парень немедленно начинал колотиться вновь. «На игле» он, к моменту встречи с Алом, уже пять лет. Год, как схоронил жену, умершую от наркотиков.

Нашего П. случай особенно заинтересовал тем, что от парня никакого давления не ощущал (однако уровня зеркальности он не достиг), но и многие параметры его подсознания напоминали П. Возлюбленную: цветовая самооценка, материал и характеристики травм, *экстра-сенсорные способности*, умение быстро избавиться от сорных предметов. А. пошел на контакт с П., потому что в нем увидел первого в своей жизни человека, которого мать А. не смогла заставить собой восхищаться. «Она все врет», — сказал А., и это было начало взаимопонимания.

Что же выяснилось в процессе психокатарсиса?

Оказалось, что многие заболевания А. были следствием ненависти различных индивидов. Среди прочего, удалось восстановить А. зрение — если до встречи с П. он и в очках с трудом мог разобрать книжный текст, то после психокатарсиса он мог свободно читать самый мелкий шрифт миниатюрного Евангелия. Слепил его тот же человек, что и посадил его на иглу. Перед глазами в сантиметре была частая, толстого металла решетка. Цель ее — чтобы А. не видел *многоцветия* этой

жизни. Она была только частью комплекса металлических внедрений, и фактура мусора была в точности та же, что и у В. от «дорогого экстрасенса»: металл на десятки килограмм, покрыт ржавчиной, основной текст кодирования: *добро воспринимать за зло, а зло — за добро*. Посадила тот человек А. на иглу, как сам же А. и расшифровал, исключительно ради *удовольствия убить*. В процессе приучения к наркотикам очередной «дорогой» много врал. Врал, что вчера кололся, что кайф был замечательный, врал и во многом другом. Эта сволочь, которая для А. долгое время была высшим авторитетом, — уже постоянный обитатель психиатрической больницы, но А. наркоман и поныне.

Не так давно А. пытался покончить жизнь самоубийством: это произошло в годовщину смерти от наркотиков его жены. Убить себя ему было приказано тещей, удачливой на базаре торговкой, которой, на удивление товаров, свою зелень удается распродать минут за 15, хотя цену она назначает не меньшую, чем у соседок, и товар ее не лучший. Желание тещи было в том, чтобы А. умер, потому что его смерть ее каким-то образом оправдывала. (Более подробно расшифровать не удалось.) Желание ее А. постарался послушно выполнить, как послушно выполняет вообще все желания всех оказавшихся с ним рядом ярких некрофилов.

Но на самом деле не сторонние люди определили возникновение заболевания А. *«Враги человеку — домашние его»* (Мф. 10:36) — эта истина с веками не стареет. Нашего П. поразила одна деталь. В середине занятия психокатарсисом А. обходил квартиру, и если оказывалось, что мать ушла за покупками, то он начинал причитать:

— Ма-ама... А где же ма-ама? Ушла... А как же мы без нее? Ма-ама... Ма-амочка... Где ты, ма-амочка?..

Алкоголики и наркоманы вообще все инфантильны, в особенности те, которые к наркотикам пристрастились рано. В настоящее время это принято объяснять тем, что с началом интоксикации организма развитие останавливается. А. стал алкоголиком (находился на принудительном лечении) с 15 лет, но «Ма-ама...» явно из возраста более раннего. Что-то вроде лет 4-х. Отец А. вспоминает, что именно в этом возрасте он А. окончательно «сломал», т. е. подавил всякое стремление быть самостоятельным. (Или, что то же самое, вогнал сына в авторитарные взаимоотношения со всем окружающим миром. Образно говоря, в систему «дворянин-лакей» и наоборот.) Однако отец А. заблуждается, думая, что именно он оказал решающее влияние на развитие сына. Это не так. Хотя да, действительно, он вбил своему сыну крюк в затылок (абсолютное послушание; на точно такой же крюк, только чуть пониже — за основание шеи, — он попытался подвесить и нашего Психотерапевта, и подвесил, да только до первого сеанса психокатарсиса), но все это мелочи по сравнению с теми грудями металла, под которыми сына погребла мать. Толстые слои металла были повсюду: на руках, ногах, торсе, плечах, голове; внутри А. тоже был им весь прошипован. Убрали металл с ног, — А. смог хоть как-то самостоятельно мыслить; с тела — наладилась работа кишечника, а ведь до этого, чтобы справить-

ся, А. приходилось делать себе укол, и так далее. Основной текст кодировки от матери: *без меня ты не можешь ничего!!* Поэтому, что бы ни делал А., все он делал только с желания и одобрения матери. Мать тоже заметила свое сильнейшее на сына гипнотическое воздействие, но только причинно-следственные связи вывернула наизнанку: *дескать, я так хорошо изучила своего сына, что он даже не успеет подумать, а я уже знаю, что он хочет сделать!*

Внешне это выглядит так: А., сделав себе укол, идет в ванну, запирается и ложится в воду. Мать становится под дверь и начинает «обличать»:

— Я знаю, что ты хочешь! Ты негодяй! Ты хочешь уколоться еще, *ты хочешь уколоться еще*, ты хочешь уколоться еще, *ты хочешь уколоться еще*, ты хочешь уколоться еще, *ты хочешь уколоться еще*, ты хочешь уколоться еще, *ты хочешь уколоться еще*, ты хочешь уколоться еще, *ты хочешь уколоться еще*, ты хочешь уколоться еще, *ты хочешь уколоться еще*, ты хочешь уколоться еще, *ты хочешь уколоться еще*... — и так продолжается до тех пор, пока парень, ругаясь, не вылезает из ванны, берет у матери еще денег и идет покупать себе еще дозу.

Большим потрясением для А. была расшифровка невысказанного на вербальном уровне требования матери, которое слитками на сотни килограммов давило на его плечи, а точнее, металл залил его плечи и часть рук: А. не имел права поднять руки вверх, *вверх к небу, солнцу, Богу!!*

— Это ж, ... *твою мать*, что такое!!! — аж даже закричал от неожиданности А. и, вскочив с кресла, заходил по комнате. (Как раз, между прочим, под прикрепленным матерью на стену депрессивным изображением якобы «Божьей матери».) Потрясение было столь сильным, что на этом занятии пришлось прекратить.

Когда же, по мере удаления всех этих многолетних напластований металла, у А. на уровне тела мировоззрения стала формироваться некоторая от матери защищенность (одновременно с этим он стал постепенно уменьшать вводимую дозу наркотиков), мать эту появившуюся от нее независимость заметила немедленно, и уже на третий-четвертый день после первого ступенчатого снижения дозы наркотика ворвалась к сыну, *накинула ему на шею шарф и стала его душиить!!* До такого она дошла впервые и, заметьте, только тогда, когда сын *самостоятельно (!)* стал снижать дозу! На этот раз А. отбился, но мать так просто смириться с утрачиваемым над ним контролем не собиралась. Приемы все время менялись, она поступала так, как никогда прежде. И вряд ли это делалось осознанно: то она выскакивала из квартиры и кричала в спину сыну в тот момент, когда он, закрывая входную дверь, расслаблялся, и его защита ослабевала; то она врвалась в комнату сына, пока он еще спал, и начинала «обличать»: «Ты опять хочешь пойти уколоться! И увеличить дозу! Увеличить дозу! Увеличить дозу! Увеличить дозу! Увеличить дозу! Увеличить дозу! Увеличить дозу! Увеличить дозу! Увеличить дозу! Увеличить дозу!..»

Это был трудный период для А. К этому моменту он снизил дозу в пять раз, стал пропускать дни, на лице заиграла улыбка, и он распрямылся. Красивый, надо сказать, оказался парень!

Таким образом, объективно все поступки матери были направлены на раскачивание маятника садо-мазохизма. Но если в XIX веке он стал бы проигрывающимся картежником (как «любимый» сын Софьи Андреевны — Андрей, более других братьев настаивавший, что его отец, Лев Николаевич — сумасшедший), то в конце XX именно среда наркоманов создает условия для легкого перехода от мазохистских унижений (милиция, страхи быть арестованным) к садистским импульсам (преступлениям якобы для добывания денег на наркотики) и вновь к состоянию полного «ничто».

Итак, в умертвлении молодого красивого парня из семьи, которой восхищаются или завидуют разве что не все, как выяснилось, оказались заинтересованы очень многие: развлекающийся шизофреник, мать жены (чтобы оправдать себя), мать самого А. (она галлюцинирует на трупу — *чудится*, что он вот-вот умрет, — на передозировку до язва по всему телу; и сын чувствует, что только в этом состоянии он маме больше *приятен*); заинтересован даже отец, который, как выяснилось, уединяясь на даче, напивается до совершенно бесчувственного состояния, до частичных парализаций, до обездвиженья одной руки и отвисания челюсти (так, что принести лекарство он просит жестами второй руки), и который, естественно, подсознательно желает, чтобы сын его был его копией. И сын послушно выполняет все пожелания матери, отца, тещи и вообще всех оказавшихся рядом некрофилов. К ним относятся и бабушка с дедушкой со стороны матери, а у деда точно так же навсегда на сторону скошена линия безгубого рта, как и у отца А., и так же, как и у всемирно знаменитого гипнотизера-паралитика, в молодости художника Эриксона. (Хотя бы из этого очевидно, что мужа себе мать А. *выбирала*, и именно она является дирижером всего происходящего в семье.)

Значимость влияний, определивших его наркоманию, А. расположил в порядке убывания участников следующим образом: мать (70 %), сторонние лица, сам А., отец (5 %).

«Сам А.» проявилось, в частности, следующим образом. Через полтора месяца после начала общения с нашим П., когда у А. восстановилось зрение, работа кишечника, прошел «радикулит», и он снизил потребление наркотиков почти в 10 раз, А. «сдали». Бывают такие договоренности между милицией и наркодельцами: торговца не трогают за то, что он время от времени кого-нибудь «сдает». Это выгодно всем: торгашам — спокойствие, у работников отдела по борьбе с наркобизнесом статотчетность формируется без усилий, политикам есть чем козырнуть. «Сдают» же обычно или конкурентов без «крыши», или ставших маловыгодными клиентов. А. таким «маловыгодным» и стал. В тот день А., ложно понимая сущность дружбы, отправился купить дозу для знакомого рэкетира (тот боялся «засветиться», что потребляет наркотики — за такое выгоняют из банды). Приобретя наркотик, А. не успел отойти и ста метров от «точки», как неожиданно на него навалились трое и в одно мгновение впахнули в раскрывшуюся дверь стоявшего у тротуара автомобиля. Не сказав ему ни слова, А. сковали руки

наручниками и стали избивать. Били все пятеро, психоэнергетические травмы он получил от четверых, от двоих — железные.

— Да не за наркотой я!! — закричал от боли и неожиданности терявший сознание А. (В каком-то смысле это было правдой: он брал не себе, в тот день колотья он не планировал.)

— Ах, нет?!! — с А. сняли кепку, вынули из-за подкладки пакетик с порошком метадона, показали и стали бить еще, теперь еще и рукояткой пистолета по голове.

Потом была камера, ужас надвигающейся ломки «насухо», начало ломки, боль несправедливости, адвокат, выдача на поруки... Словом, А., вернувшись домой, пошел к друзьям, которые «вдруг» проявили небывалую прежде «щедрость» и стали откачивать А. усиленными дозами. Потом ночь с «проституткой» (психоэнергетической), которой, очевидно, нравилось быть в постели с умирающим, новые с ее подачи уколы...

Остановить все нарастающий вал психокатарсически не удалось. Ожившую потребность в наркотике А. объяснял необходимостью снять боль от трех распиривших грудь дисков. (Травмы тела памяти от избивавших и тюремщиков были сняты — оставшиеся диски были в теле мировоззрения.) Из трех дисков главный был один — и это была обида на жизнь. Поясим: если человек воспринимает жизнь как пространство, где можно заработать — и поскорее — миллион долларов, то всякая на пути к достижению этой цели отсрочка (болезнь, отпуск, камера) будут восприниматься как неудача, невезение, *боль* от «обиды на жизнь», на то, что обошли, что *не получилось*. Если же человек воспринимает жизнь как место, в котором он под водительством Божьим *учится*, то всякое новое положение, в особенности неожиданное (погоня, камера, банда в горном кишлаке), будут восприниматься как некий дар, позволяющий на лестнице осмысления жизни **перешагнуть через ступеньку**. Диски в груди, пережигające человека обидой, не появляются, более того, возникает приподнятое настроение от ощущения удачи.

Диск в груди А. был качественно иным образованием, чем те, с которыми ему приходилось справляться прежде. Прежние преодолеваемые травмы были в теле памяти, они были *чужими*. Диски же были в теле мировоззрения, они были *свои*. И вот здесь-то поступательное движение в психокатарсисе А. сбилось. К этой ступени он оказался внутренне не готов. Изменять *себя* он не захотел. По сути, он занял ту же позицию, что Бог и, отдельно, сатана. И Тот, и другой заявляют, что они — само совершенство, только у Бога к тому основания есть, а у сатаны — нет. Для А. последствием такой позиции была непрекращающаяся боль от дисков, обессиливание, невозможность ввиду этого обессиливания сопротивляться разрушительным желаниям оказавшихся рядом некрофилов, стремление забыться и, как следствие, все увеличивающиеся дозы наркотиков.

До чего же страшно иной раз на нашей падшей планете! Юноша знает все: что, резвясь, его обманули и силой некроэнергетического поля «посадили на иглу»; что отец с характерно перекошенной линией

безгубого рта и мать, которой все время чудится, что от сна пахнет чем-то нехорошим, с детства ломали его волю и сломали, раскачав маятник садо-мазохизма; знает, что волю эту можно, оперевшись на руку Господа, психокатарсически восстановить; знает, что все «друзья» его заинтересованы в его смерти, а многочисленные женщины, пусть даже и дорогие (мужья много на них тратят денег), — дрянь и шлюхи и ни одной в эротическом смысле ценной из них не было; знает, что Христос улыбается, когда он, А., удаляет из себя мусор, знает, что заблуждение относительно смысла происходящего вокруг обессиливает его в определенные моменты аж до 80 %, что, справившись с диском, он оживет, распрямится и улыбнется — *и все равно от диска не освобождается, а идет заглушить боль уколом!*

Истина в том, что **у всякого человека здоровья столько, сколько он готов принять**. И здесь мы оказываемся перед главной проблемой лечебного психокатарсиса: **у большинства населения нет желания жить**.

А. принять здоровье (преобразовать диск) оказался не готов. Очевидно, что для этого ему еще нужно перестрадать в испытаниях, очиститься в огне выбора, умереть для греха и воскреснуть в духе. Но родители делают все, чтобы все это с А. ни в коем случае не произошло. Его выкупают из тюрьмы, тем возвращая под разрушительное влияние матери, а она дает ему еще денег на наркотики. Отец говорит, что ради того, чтобы сын перестал колотиться, он готов хоть сейчас пустить себе пулю в лоб, однако не то, что пить, но даже бросить курить считает для себя неприемлемым — иначе, говорит, перестанет быть собой.

Однажды сын сказал отцу:

— Ну хорошо, брошу я колотиться, а дальше что я буду делать?

Отец знал, какой ответ логически правилен:

— Будешь заниматься, — тяжелый обреченный вздох кандалника, — созидательным трудом!

Лучше б отец промолчал! И затаил дыхание!

А. может спасти только *целостное* мышление. Но как трудно ему обрести его! Все, начиная от родителей и кончая психиатрами и целителями, ему внушают, что несчастья его токмо от непослушности своим родителям! Особенно мамочке. Сделай, дескать, парень, усилие, стань послушным и перестанешь колотиться...

Вот уж поистине сатанинский прием! На уровне невротизма (подсознания) он — ребенок и матери абсолютно послушен. Одно только это состояние отключенного критического мышления создает у него ложное ощущение комфорта. Вне Духа Святого, действующего непосредственно на подсознание человека, уменьшить амплитуду качаний садо-мазохистского маятника (прекратить колотиться, начать общаться с девушками не столь ярко выраженного анального типа и т. п.) он может, лишь отринув подсознательные ценности своих родителей. Этого с меньшими усилиями можно достичь, лишь опираясь на целостное логическое мышление. А вот оно-то ложными объяснениями причинно-следственных связей развития и вкусов сыновей предусмотрительно мамочкой разрушено!

В том-то и несчастье А., что он абсолютно послушен (подсознательно!), **маменькин сынок — поэтому и наркоман**.

За А. остается только молиться. Ведь действительно, в психокатарсисе он зашел намного дальше, чем отец, который не в силах освободиться даже от травмы извне: самая меньшая из них, удалившись на несколько метров, неизменно возвращалась на прежнее место. Если есть у кого к молитве побуждение, то пусть это будет — **да и аминь**.

Глава сороковая.

МОЛИТВА КАК ПСИХОКАТАРСИС

«Бог танцует на языке», — так говорят о молитве поклоняющиеся Кришне, индуистскому богу, призывающему в нужный момент несогласных убивать. Молитва же преданных состоит в том, чтобы в течение дня беспрестанно нараспев повторять 16-членную комбинацию из трех слов: Кришна, Хари, Рама. Эти три имени их бога, сложенные в известную комбинацию и повторенные в течение дня до 30.000 раз, по словам вставших в кришнаитизм, доставляют им неизъяснимое блаженство. Но, как заявляют достигшие глубин кришнаитизма, блаженство высшего порядка — в этот момент бог не только на их языке танцует, но они с ним и сливаются.

Коммунисты-ленинцы тоже, по-видимому, сливались со своим лысым идиолом, который «живее всех живых», потому что на съездах они тоже подолгу нараспев хором ритмично повторяли комбинацию из трех слов:

— Ленин! Партия! Ком-со-мол! Ленин! Партия! Ком-со-мол! Ленин! Партия! Ком-со-мол!

Вновь и вновь, раскачиваясь, совсем как преданные кришнаитизму, комсомольцы скандировали священные для них слова, и выражение лиц их становилось все более и более блаженным. А вы сами попробуйте! Враскачку!

— Ленин! Партия! Ком-со-мол! Ленин! Партия! Ком-со-мол! Ленин! Партия! Ком! Со! Мол! Ленин! Кайф! Партия! Ком! Со! Мол! Ким! Ир! Сен! Ленин!! Партия!! Ком!! Со!! Мол!! Ленин!!! ПАРТИЯ!!! КОМ!!! СО!!!! МОЛ!!!!!! ЛЕНИН!!!!!!!

А что было прежде? До того, как появился комсомол, и до того, как кришнаитизм принял современные формы? Ведь как сказал мудрый Соломон:

«Бывает нечто, о чем говорят: смотри, вот это новое; но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Еккл. 1:10).

А прежде были другие государственные религии, и в утвержденных начальством наставлениях по молитве тоже давались комбинации из определенных слов («Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй мя!!»), беспрестанно повторяя которые (сотни и тысячи раз в день!!!), человек уже через несколько месяцев достигает такого состоя-

ния, которое популярные пособия по молитве называют святостью (католической или православной, см. пособия по молитве).

А до этих государственных, якобы христианских, были другие, и тоже государственные:

«В то время произошел не малый мятеж против пути Господня; ибо некто серебряник, именем Димитрий, делавший серебряные храмы Артемиды... сказал: ...этот Павел своими убеждениями совратил немало число людей, говоря, что делаемые руками человеческими не суть боги; ...храм великой богини Артемиды ничего не будет значить, и испровергнется величие той, которую почитает вся Азия и вселенная... Выслушавши это, они исполнились ярости и стали кричать, говоря: велика Артемиде Ефесская! ...схвативши... спутников Павловых, они единодушно (!) устремились на зрелище... закричали все в один голос (!) и около двух часов (!!!) кричали: велика Артемиде Ефесская!» (Деян. 19:23-34). Два часа можно только враскачку.

А между тем мужи веры со страниц Писаний, святость которых подтвердил во время своего земного служения Сам Христос, молились иначе. Читаем Бытие 18:22-33:

«Авраам же еще стоял пред лицом Господа (молился. — Прим. авт.). И подошел Авраам, и сказал: неужели Ты погубишь праведного с нечестивым? Может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников? Неужели Ты погубишь, и не пощадишь места сего (город Содом. — Прим. авт.) ради пятидесяти праведников в нем? Не может быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым, чтобы то же было с праведником, что с нечестивым; не может быть от Тебя! Судия всей земли поступит ли неправосудно? Господь сказал: если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то я ради них пощажу все место сие. Авраам сказал в ответ: вот я решился говорить Владыке, я, прах и пепел: может быть, до пятидесяти праведников не достанет пяти, неужели за недостатком пяти Ты истребишь весь город? Он сказал: не истреблю, если найду там сорок пять. Авраам продолжал говорить с Ним, и сказал: ...да не прогневается Владыка, что я буду говорить: может быть, найдется там тридцать? Он сказал: не сделаю, если найдется там тридцать. Авраам сказал: вот, я решился говорить Владыке: может быть, найдется там двадцать? Он сказал: не истреблю ради двадцати. Авраам сказал: да не прогневается Владыка, что я скажу еще однажды: может быть, найдется там десять? Он сказал: не истреблю ради десяти. И пошел Господь, перестав говорить с Авраамом, Авраам же возвратился в свое место».

Авраама называют отцом верующих еще и в том смысле, что всякий должен подобно ему обрести «веру Иисуса» (Откр. 14:12). Молитва Авраама, как, наверное, догадался не одержимый духом кришнаизма и т. п. читатель, не есть повторение заученных слов. Авраам усомнился в Господе и стал заступаться за город, в котором все жители погрязли в гомосексуализме и откровенном насилии — ярких формах некрофилии. Сомнение Авраама не было отражением истины, оно было результатом заблуждения и потому не могло быть благословением для

Авраама. Ввиду здоровья тела духа Авраама его сомнение — результат психоэнергетической травмы тела памяти или реликт тела мировоззрения. **Но в том-то и сущность истинной молитвы, что ищущий становится на молитву со своим мнением, а встает с нее — с истинным, Божьим.** Человек преклоняет колена несовершенным в знании, встает тоже несовершенным, но освободившимся еще от одного заблуждения. Это результат общения с Истиной. Поэтому высказанное Богу сомнение, при здоровом теле Духа, — это исповедание, ступень покаяния, освобождение от травмы.

Истина, выраженная в слове, есть Слово, которое было от начала. *«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»* (Иоан. 1:1). Поэтому, действительно, истинная словесная молитва — слияние со Христом, приближение к Его полноте. К воплощению Его как Слова. Это непременно — процесс, это непременно — беседа с Богом, и — если это логически-цифровой уровень — то непременно вопросы и ответы, в точности молитва Авраама, но никак не повторение заученного, пусть даже общепризнанного, текста, неважно — состоящего ли из сотни слов или всего из трех.

Итак, молитва Авраама — беседа, исповедание травмы тела мировоззрения и освобождение от нее. Это — психокатарсис.

На горе Преображения рядом со Христом ученики видели двух мужей, и один из них был воскресший Моисей. Как в Слове отражена молитва Моисея?

Читаем Исход 32:30-35:

«На другой день сказал Моисей народу: вы сделали великий грех; итак я взойду к Господу, не заглажу ли греха вашего. И возвратился Моисей к Господу, и сказал: о, народ сей сделал великий грех; сделал себе золотого бога. Прости им грех их. А если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал. Господь сказал Моисею: того, кто согрешил предо Мною, изглажу из книги Моей. Итак, иди, веди народ сей, куда Я сказал тебе. Вот, Ангел Мой пойдет пред тобою, и в день посещения Моего Я посетую их за грех их. И поразил Господь народ за сделанного тельца, которого сделал Аарон».

Молитва эта, среди прочего, интересна еще и тем, что произнесена она была на горе Синай, горе хоть и не высочайшей в мире, но достаточно высокой, чтобы лишний раз подумать, стоит ли без дела совершать утомительное восхождение. А раз уж человек столь многотрудное действие предпринял, то, очевидно, у него было достаточно времени самостоятельно обдумать те слова, с которыми он обратится к Богу. Времени у Моисея было вполне достаточно, чтобы осмыслить духовное состояние своего народа, достаточно, чтобы понять, что для их исправления требуются кардинальные средства. Но собственных сил смириться с неизбежными бедствиями у Моисея не хватало, так не хватало, что он, даже преодолев трудное восхождение, все равно столь страстно (эмоциональный оттенок слова — отрицательный) обратился к Богу с просьбой о прощении своего народа, что даже предложил себя вычеркнуть из книги жизни. Размышления Моисея как таковые не осво-

бодили его мировоззрение от заблуждений. И только разговор с Богом, только полноценная молитва помогла Моисею справиться со своим плотским «я» и со смирением не препятствовать Богу решать главную на этой планете задачу — задачу воспитания в верных Божьих здорового тела духа, здоровой души и неоскверненного тела, храма Святого Духа. *Один* Моисей не справился, хотя, возможно, и не понапрасну затратил много интеллектуальных сил при восхождении. (Кстати, помните, как у Возлюбленной долго не заживала рана на сердце, не заживала до тех пор, пока не пригласила она к совместному размышлению Христа — и рана затянулась? Не та же ли самая это была молитва?)

Итак, Моисей на гору Синай восходил напрасно. Напрасно с точки зрения намерений изменить пути Провидения, о которых Моисей, безусловно, догадывался. Но не напрасно с точки зрения *своего* тела мировоззрения (души, психо) — молитва была успешной: перед молитвой состояние ума Моисея было одно, а после — другое, Божье.

Обратите внимание, Моисей *чувствовал* сопричастность себя к греху народа, хотя в изготовлении золотого тельца лично и не участвовал. Это подавляющие сделали золотого божка, те самые, которые в состоянии начинить тело памяти ближнего стальным бременем греха. Неудивительно, что искренний духом Моисей чувствовал в себе нечто инородное, нечто от Бога отделяющее, нечто такое, что требовало исповедания. И очищения. Это — психокатарсис.

И еще: чтобы понимать записанные в Библии молитвы, необходимо научиться читать *недописанное*: после молитвы Моисея не сказано, что он смирился с волей Божьей. Описание результата молитвы из экономии места опускается, и открывается простор для размышления читающего. Так смирился человек Божий Моисей с волей своего Бога? Как вы думаете? Смущает ли вас, что это не записано?

Люди, подражая, занимаются упражнениями, которые они называют молитвой. Во времена Иисуса Христа молился не только Он, но и Его ученики: и Петр, который очень много мнил о себе и потому полагался на свое обещание: дескать, если кто и предаст, то он, *сам Петр*, не предаст никогда. Да, он полагался на слово свое, но не на Слово, и только особые обстоятельства, предательство, причем предательство у самого подножия голгофского креста, побудили Петра избавиться от одного из самых страшных заблуждений — переоценки себя и своих сил. Молился и набобный Иуда, скорее всего, подражая праведникам древности, и, возможно, подобно пророку Даниилу, колена на дно преклонял трижды. Возможно, «молитвенное» состояние услаждало его не меньше, чем тех, у кого «бог танцует на языке», только вот тело мировоззрения у Иуды в лучшую сторону не изменялось. Более того, чем более он отвергал Христа, тем менее у него оставалось сил сопротивляться сминавшей его сердце некрофилии. Молились, как *они* думали, и фарисеи, заботясь, как *они* верили, о нуждах народа. «Молился», наверняка, и папа римский, прежде чем благословлял на целительство особо признанных в этой области. «Молились», очевидно, и те монахи, которые этих целителей к себе приглашали. «Молился»,

прежде чем совершать то же, что и папа римский, и православный патриарх; да и в целительском Центре, прежде чем начать день, насыщенный поступками, ради которых они и сплотились, «молятся» перед иконами.

Ну да Бог им Судья. И может, потому молитвенное общение Бога с Моисеем в Библии не описано во всех подробностях и полноте, что одним, сколько ни объясняй, все равно не объяснить, а другие Духом постигают конец от начала, и для них проблему достаточно на страницах Писаний только обозначить. Дальше они разберутся сами, воля Божья им не чужда.

«И взяв с Собою Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать.»

Тогда говорит им Иисус: душа моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною.

И отошел немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты.

И приходит к ученикам, и находит их спящими, и говорит Петру: так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною?

Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна.

Еще, отошед в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя.»

(Мф. 26:37-42).

Христос знал от начала, *что* предстоит Ему в конце Его земного служения. Христос пришел не только послужить людям, не только показать, *что* есть истинная праведность, которую Он прежде сформулировал в Десятизловии, не только основать Церковь Свою, но и искупить тех, чье сердце особым образом дрогнет у подножия голгофского креста. Искупление — означает возложение на Себя грехов покаявшихся, и, следовательно, смерти, ибо, как говорит Писание, «*возмездие за грех — смерть*» (Рим. 6:23). Это была смерть разобщенного с Богом тяжестью человеческих грехов Сына Человеческого и именно из-за разобщенности с Отцом для Него была так тяжела ночь в Гефсиманском саду, тяжела настолько, что с чела его тек кровавый пот. Отец не отвечал! — и это было для человека Иисуса мучительней, чем собственно казнь. «*Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?*» (Мф. 27:46) — эти слова были произнесены с креста, но оставлен Он был с возложением на Него грехов всего мира раньше, еще когда Он только подходил к Гефсиманскому саду. Именно поэтому в Гефсимании Христос *впервые* обратился к Своим ученикам за помощью, чтобы те помолились за Него. Были ли слова Сына к Отцу *молитвой*, если Отец Ему не отвечал? Да, не всякие слова, похожие на молитву, — молитва, даже если их произносит Сам Иисус из Назарета.

Чтобы понять всю глубину библейской терминологии, надо помнить, что множество слов от неблагоговеинового обращения приобрели дополнительные значения, подчас ложные, в особенности такие слова,

как «вера», «покаяние», «молитва». Массовое сознание придает этим словам значение, которое нисколько не отражает первоначальный их смысл, но только тот уровень, которого это массовое сознание достигло. Или, лучше сказать, вкладываемый смысл показывает, насколько это массовое сознание безнадежно. Когда Иуда «покаялся», то в тексте Писаний, разумеется, имелся ввиду не высокий смысл этого слова, а массовый. Иуда просто пожалел, что поступил так, что надежда на исполнение его сокровенных желаний исчезла. Такого рода покаяние не освободило его от обессливающего влияния психо-мировоззренческой травмы от предательства и уж, тем более, не привело к изменению у него тела духа. Произойди это преобразование, Иуда получил бы возможность к беспримерному служению. На его примере люди видели бы превосходящую всякое воображение всепрощающую любовь Божью, настолько необъятную, что прощение может получить даже тот, кто предал даже Самого Сына на смерть и притом крестную. Но Иуда, удавившись, возможность на это служение утратил, что не случайно: он служения и не искал.

Ну, а что есть покаяние в высоком смысле, к сожалению, объяснить невозможно, можно только *обсудить* и то с теми, кто через опыт покаяния уже прошел. Остальным, слушая обсуждение, остается только кивать головами в знак того, что... А кто их знает, в знак чего они кивают, просто они все так обычно поступают.

«Вера» — слово не менее многозначное. В высоком смысле, это связь с Богом, общение с Ним и в Нем возрастание. В массовом, общепринятом смысле — это убежденность в чем-то, не «отягощенное» сомнениями критического ума. Но подобного рода убеждение — даже в существование Бога! — не более чем следствие гипнотического внушения. И, как всякое неизжитое внушение, противоположность благословения. Поэтому, как мы уже говорили, не случайно, что в русском переводе Библии, сделанном в рамках государственной формы религиозности, в «Откровении» «вера Иисуса» (Откр. 14:12 и др.), то есть вера, присущая по Духу соблюдающим заповеди Божьи, переведена как «вера в Иисуса». Такая ошибка закономерна, и только такая вера присуща массовому сознанию. Но и бесам тоже! *«Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют, и трепещут. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?»* (Иак. 2:19, 20).

Высокое слово «молитва», рожденное теми, кто *понимал*, тоже было обречено на иное в народе значение, и это второе значение не могло не стать более распространенным. И, в сущности, единственно известным. Отсюда, подобно тому, как в Писаниях слово «вера» употребляется с двумя значениями, подобно тому, как слово «покаяние» употребляется в двух смыслах, аналогично и слово «молитва» в Евангелии не могло не присоединить к себе второго значения, хотя бы уже по той причине, что воплощенное Слово пришло в уже сложившуюся языковую среду.

Отсюда, в определенном смысле, и просьба Иуды к Богу благословить на предательство — молитва, и стояние фарисеев на коленях перед Великой Субботой, Пасхой Распятия, — молитва, и повторение ты-

сячи раз одной и той же комбинации слов до достижения восторженного состояния полного кретинизма — тоже молитва, но и разговор Авраама с Богом — тоже. Поэтому, когда в Гефсимании Христос, в сущности, обращался к Собственной памяти (Бог Его, разумеется, слушал, но не *слышал*), когда человеческая плоть Его, греховная в силу рождения от земной женщины, рожденной от предков по имени Адам и Ева, эта плоть Его всячески противилась тому, что ей предстояло претерпеть на кресте Голгофском, просьба была о *чаше иной, чем предуготована была от начала*. И это — молитва.

Но опыт Авраама, и опыт Моисея, и опыт самого Иисуса в любую другую ночь, кроме предваряющей Великую Пасху, — опыт, который мог бы быть достоянием каждого. Ведь Бог не отвечает не потому, что не желает общения, а потому, что *Его* не хотят слышать и слушать.

В Молитве воспаряет дух и возрастает душа. Нас сейчас не интересует, можно ли представить душу как слияние тела мировоззрения и тела памяти, и не чрезмерное ли это упрощение; нам сейчас вполне достаточно учитывать, что оба этих условных тела в нее входят. И так, молитва, как разговор с Богом, очищает душу и, как ее составляющую, — тело мировоззрения. А вот очищает ли молитва тело памяти, очищает ли она от тех уродств, которые незаметным образом были принесены извне?

Необходимая для разрешения этого вопроса цитата достаточно обширна, чтобы приводить ее целиком, поэтому рекомендуем обратиться к первоисточнику — к 9-й главе книги пророка Даниила. Это Ветхий Завет.

Пророк Даниил был чрезвычайно интересным человеком прежде всего потому, что позволил Господу участвовать в своей судьбе, а Тот допустил в жизни пророка такие резкие и крутые повороты, которые одни только и могли столь быстро развить его душу. В книге, которую Даниил написал о тех видениях, которые даровал ему Господь, он кое-что написал и о себе. Написал мало, но то, что дошло до нас, — впечатляет.

«Тогда царь повелел, и привели Даниила и бросили в ров львиный; при этом царь сказал Даниилу: «Бог твой, Которому ты неизменно служишь, Он спасет тебя!» (Дан. 6:16).

«Поутру... царь чрезвычайно возрадовался о нем и повелел поднять Даниила из рва; и поднят был Даниил из рва, и никакого повреждения не оказалось на нем, потому что он веровал в Бога своего». «Тогда Даниил сказал царю: „царь! во веки живи! Бог мой послал Ангела Своего и заградил пасть львам, и они не повредили мне, потому что я оказался пред Ним чист, да и пред тобою, царь, я не сделал преступления”» (Дан. 6:21-23).

Во рву со львами Даниил не умер со страха. Люди часто не выдерживают и менее кошмарные переживания, чем ночь рядом с отвратительно пахнущими хищниками, чье нечистое дыхание означает голод и смерть. Не умер, видимо, потому, что страха у него не было. Как мы уже говорили, интересное объяснение феномена страха дается у пророка Иеремии. Человек Божий сообщает, что страх — следствие нарушения первой Его заповеди: *«Да не будет у тебя других богов пред*

лицем Моим». Иными словами, человек, стремящийся к любому другому, кроме Бога, центру — власти, богатству, популярности и т. п. — неизбежно расплачивается страхом. Он не только обессилен от решения нарушить Закон (психо-мировоззренческая травма), но он еще и боится. Эти два явления взаимосвязаны, потому что нарушение любой из десяти заповедей означает отказ от Закона как целого, и, следовательно, от первой заповеди тоже. Итак, от страха, порожденного самоизуродованием тела мировоззрения, пророк был, очевидно, свободен. Но психотерапевтическая практика показывает, что часто страх имеет еще и невротический характер. И именно подобного рода страх бывает чрезвычайно разрушителен. Несмотря на то, что от такого страха легко освободиться, методами лечебного психокатарсиса в том числе, тем не менее, большинство людей страхом отягощены. Но и от такого страха пророк Даниил, очевидно, был свободен. Как это ему удалось? Уж не обращался ли он к психотерапевту? И не владел ли он методами психокатарсиса? Может быть, он знал это слово? Или, может быть, не зная собственно слова как набора определенного числа звуков, он во время молитвы очищал не только тело мировоззрения, но и тело памяти? Если так, то это умение должно было проявляться не только в поведении во рву, в спокойном в нем пребывании, но и в словесном оформлении молитвы. Но какие бы то ни были эти слова, их бессмысленно заучивать другим, потому что только ему одному они могли принести облегчение, только ему и никому другому, потому что молитва — это молитва *личная*.

Ведь молитва — понимается, только в определенном, весьма узком смысле слова — сеанс психотерапии. Почему? В чем, в сущности, заключается медицинская психотерапия? «Закройте, больной, глаза и рассказывайте, что у вас болит...» А у истинно молящегося болит то, что разделяет его с Господом; и именно это он Господу, как истинному Психотерапевту (и не только *психо-*) и *рассказывает. И Господь лечит!*

«И обратил я лице мое к Господу Богу с молитвою и молением (моление — осознание своей нужды. Не путать моление с молитвой! — Прим. авт.) в посте и в ретище и пепле, и молился я Господу Богу моему, и исповедывался и сказал: „молю Тебя, Господи Боже великий и дивный, хранящий завет и милость любящим Тебя и соблюдающим повеления Твои! Согрешили мы, поступали беззаконно, действовали нечестиво, упростиговали и отступили от заповедей Твоих... и не слушали рабов Твоих, пророков, которые Твоим именем говорили царям нашим и вельможам нашим, и отцам нашим и всему народу страны. У Тебя, Господи, правда, а у нас на лицах стыд, как день сей, у каждого Иудея, у жителя Иерусалима...”» (Дан. 9:3–7).

Начало интересное. В особенности, если в достаточной степени оценить, что не кто иной, как *сам пророк* исповедуется в том, что ощущает в себе нечто, мешающее ему слушать *пророков Божьих*. Возникает вопрос, когда же пророк Даниил мог успеть *не слушать* пророков Божьих, если в Вавилон он вместе с другими попал, когда ему было семнадцать лет? Да, уже в семнадцать лет, как следует из 1-й главы, Даниил

с товарищами был вполне предан Богу и Его заветам. (В частности, в том, что предпочитал, имея возможность выбирать, царской пище — здоровую, вегетарианскую. Это все 1-я глава.)

Уже хотя бы по этой приверженности здоровому образу жизни, здоровому питанию, можно догадаться, что пророк Даниил, подобно Иоанну Крестителю и многим другим, избранным от чрева матери, Богом не пренебрегал, истину Духом Святым от заблуждения отличить был в состоянии, т. е. *вестями пророков не пренебрегал*. В таком случае, что означает это исповедание *чужих* грехов? Что означает отождествление себя с чужими грехами, пусть даже и своего народа?

В богословских трудах одной из национально-признанных форм религиозности дается приблизительно следующее этому толкование: разные люди обладают различной праведностью — одни меньшей, другие большей. Есть люди, которые обладают праведностью не только достаточной для собственного спасения, но и некоторой избыточной. Этой избыточной праведностью они могут поделиться. И, по мнению признанных богословов, если желающий спастись, но не обладающий достаточной праведностью присоединится к истинной церкви, в которой есть эти праведники с избыточной праведностью — святые и угольники, — то он может рассчитывать на получение недостающей ему праведности для того, чтобы войти в Царствие небесное (так называемое учение о сверхдолжных заслугах святых). На таком понимании спасения построено обоснование продажи индульгенций — бумаг, в которых написано, что у церкви за установленную плату приобретены отпущение грехов и дополнительная праведность. Особенно активно продажа индульгенций шла в начале XVI века: народ толпами стекался, чтобы прикупить себе место в Небесном царстве поближе к Богу. Народ *чувствовал*, что эта форма покаяния наиболее духовна и с воодушевлением нес деньги — за прелюбодеяние одну сумму, за убийство ребенка — другую. По желанию клиента можно было приобрести прощение грехов не только уже совершенных, но и будущих, еще не совершенных. Остается только удивляться, в какие глубины идиотизма в состоянии увлечь публику признанные формы религиозности!

Впрочем, справедливости ради, стоит сказать, что в очередях покупающих индульгенции попадались и оригиналы. Рассказывают про одного дворянина, который приехал купить трехдневную индульгенцию на совершение в эти предстоящие дни греха избиения. Как только кардинал, привезший на продажу эти индульгенции, поставил благословляющую свою подпись, дворянин в кровь разбил морду этому кардиналу.

Да, вот таково богословие в наиболее признанной (массовой) на планете форме религиозности — католицизме. Католиков сейчас более 1 миллиарда 200 миллионов человек, верно служащих своему *римскому* папе. В рамках такого мышления слова молитвы из 9-й главы книги пророка Даниила понимают как подвиг спасения своего народа: Даниил как праведник, обладающий избыточной праведностью, могущий этой избыточной праведностью поделиться, молясь за свой народ и исповедуя их грехи, тем самым увеличивал надежду на их спасение.

Мы осознаем, сколь многих должно очаровывать подобное мышление, очаровывать даже тех, кто, как им кажется, отвергает индульгенции и инквизицию, и осознаем, сколь мы рискуем властью к этим людям в немилость, подобное мышление отвергая. Но, что поделаешь, на страницах Библии мы находим вполне определенное опровержение формалистским взаимоотношениям с Богом:

«И сказал мне Господь: хотя бы предстали пред лице Мое Моисей и Самуил (выдающиеся в библейской истории праведники. — Прим. авт.), душа Моя не приклонится к народу сему» (Иер. 15:1). Бог не медлит идти только к тем, кто сам — сам! — обращается к Нему своим сердцем.

Есть еще одно толкование того, почему должно исповедовать чужие грехи. Формулируют это приблизительно так: пророк, будучи праведником, человеком с чуткой душой, чувствовал себя сопричастным своему народу, которого предызбрал Бог, потому пророк за него и молился, потому и исповедовал его грехи, что не разъединял себя с родным народом. Патриотическое толкование, оно же всеобщее-национальное, поэтому оспаривать его доводами разума затруднительно. Действительно, многие фразы, составленные из определенных слов, способны впечатлять, особенно когда их произносит тот, кто может оставить «впечатление». Когда, скажем, алкаши уже «приняли» по два стакана и ведущий предлагает «принять» третий, то он это так обосновывает: Бог троицу любит. Это звучит столь убедительно, что третью выпивают даже уже не желающие пить дальше. Потом возвещается следующая, не менее разумная фраза: а какая изба да не о четырех углах? И опять смысл фразы настолько убедителен, что даже решивший остановиться не может не принять четвертый стакан. Из уст же другого, не *ведущего*, те же фразы воспринимаются как глупость. Изучая историю, порой диву даешься, какое потрясающее влияние иной раз оказывают на эпоху, то есть на поведение масс людей, фразы, полностью лишенные смысла! Разумеется, сила влияния определяется степенью душевной неспособности внушающего к созиданию, а вовсе не содержательностью мысли, но даже особо признанные выражаться обыденным языком не рискуют. Характерная особенность подобных фраз в том, что в них включают слова и выражения, которые сами по себе принято считать благородными и возвышенными: «Бог», «Троица», «любит», «дом», «народ», «предки», «пророк», «праведник», «человек с чуткой душой», «сопричастный своему народу», «предызбранный Богом», «молитва», «исповедуя грехи народа», «не разобщая себя со своим народом», и т. п. Переубеждать людей, которые подобные фразы «понимают», достаточно безнадежно, поэтому и терять силы на объяснения и отнимать время у тех, с кем вообще есть смысл что-либо обсуждать, не стоит.

Итак, пророк Даниил исповедовал чужие грехи. Как может истолковать это исповедание человек, который познакомился с психокатарсисом? Что может распознать тот, кто на многих примерах убедился, что всякий человек, который стремится освободиться от запинаящих его заблуждений, подсознательно овладевает хотя бы элементами психокатарсиса?

«Грех есть беззаконие», — так пишет апостол Иоанн (1 Иоан. 3:4). Но Десятисловный Закон есть лишь чрезвычайно сжатое перечисление различных форм греха. Грех — это любое отворачивание человека от Бога, и потому неприятие пророка Божьего — тоже грех, хотя прямо об этом в Законе не сказано. Если человек по доброй воле, без всякого над своим мышлением извне насилия, весть пророка Божьего — то есть, весть Бога — не принимает, то это — грех, он расплачивается за это, среди прочего, и обессиливанием от самоизуродования тела мировоззрения. Вновь во всей полноте обрести силы он может лишь покайся, то есть, искренно отказавшись от самоизуродования. Однако человек может не принимать пророка Божьего, служа принуждению, которое зафиксировалось в теле памяти. Источник травмы тела памяти — вне самого человека. Это от ярких некрофилов, которые в состоянии принудить жертву к определенным поступкам. Действительно, для некрофилов пророк Божий неприемлем, ибо он говорит истину. Для них неприемлема истина вообще, и, как мы уже видели, миссионеры из Центра, помимо того, что внушают поклоняться иконам и исповедоваться под епитрахилью, внушали вообще все понимать наоборот: добро принимать за зло, а зло — за добро. И еще — перед ними холуйствовать. А как тяжело сопротивляться, если даже не догадываешься, что в твой череп вдавлен черный тяжелый цилиндр, металлический, покрытый ржавчиной и грязный, нечистый. Один из подобных предметов, доставшийся Возлюбленной, не хотел отрываться от ее головы до тех пор, пока не были исследованы его свойства, пока не были проговорены основные тексты исходящих от него приказов. Разумеется, это была только часть из всех заключенных в него приказов, поскольку, очевидно, черный цилиндр отражал внутреннюю сущность вдавленного его индивида. *Полностью* цилиндр исследован не был, но вполне можно предположить, что он, среди прочего, принуждал и к неприятию Божьих пророков. Вернее, что к этому он тоже принуждал, можно не сомневаться, раз вообще добро надо было принимать за зло. Да, такие индивиды живут сейчас, их таких, очень одинаковых, много, и они могут кого угодно «убедить» в чем угодно — они жили и прежде, во времена пророка Даниила. Они ходили в разных обличиях: целителей, воинов, врачей, представителей власти, священников; они нянчили детей или были бродячими проповедниками, которые не мылись, чтобы угодить своему богу, или, наоборот, были одержимы идеей обрядового очищения; они просто просили подаяния в грязи базарной площади; но коль скоро им удавалось достичь чьего-либо тела памяти — улыбаясь, хмурясь, или притворяясь спящими — они, эти индивиды, в нем оставались травмами.

Носителей ржавого металла было множество, возможно, почти все население — и мало кого инородные в них предметы беспокоили. Но вот Дух Святой коснулся сердца некоего человека — и *Человек* вздрогнул, остановился на пути своем, возмущившись разумом против *ему чуждого, принуждающего* его к чему-то. С удивлением увидел он странную в себе раздвоенность: как будто одна часть его души стремилась к

Богу, другая же от Него отвращалась — от Него и Его пророков. И преклонил *Человек* пред Богом колена:

«Господи, всем сердцем желал бы я служить Тебе, но чувствую, что что-то во мне чуждое отвращает от Тебя. А увлекают меня за собою те, которые и сами не принимают пророков Твоих, и не хотят, чтобы принимали другие. Кто они? Да, в сущности, весь народ... Не внимал он Твоим пророкам, потому Ты и допустил Вавилонское пленение... Они согрешили... Они? Согрешили *мы*, поступали незаконно, действовали нечестиво, упорствовали и отступили от заповедей Твоих, и не слушали рабов Твоих, пророков... Да не будет этого ни в сердце моем, ни на челе, ни на руке!..»

Итак, пророк молился за народ и исповедовал его грехи не потому, что «не разъединил себя с родным народом», а потому, что он *действительно* каялся в этих грехах, как в *своих*, на *самом деле* чувствуя, что это *его* грехи, ибо есть в нем к ним влечение, хотя ему и чуждое.

И если молитва Даниила была такова, если в молитве он исповедовал чужие грехи как свои, то стоит ли удивляться, что жизнь пророка была столь достойной, интересной, свободной от страха, свободной настолько, что он не дрогнул, когда оказался во рву со львами.

Многие из пророков жили интересно, забыв о некогда жившем в них страхе, и только в вечности можно будет удивиться тем опасностям, которые они, не дрогнув, пережили. Закономерно то, что Провидение сохранило нам описание одного из таких кошмаров именно из жизни пророка Даниила.

Пророк Даниил отличался от многих прочих пророков тем, что был кастратом (Дан. 1:6–9). Обидно, что пророк — и кастрат? Может быть, и обидно. Но так было, и было *допущено*. А зачем кастрировали животных и пленников? Да затем, чтобы исчезала у них мужественная напористость, а появлялась свойственная женщинам трусливость и послушание — зависящая от работы желез внутренней секреции чувствительность. Это динамическая характеристика, она определяет скорость восприятия внушений. Естественно, дурных — *внушает* только зло.

Но Даниил страха не знал. И если современные, якобы духовные учителя не таковы, если их неврозы проявляются даже в телодвижениях, то в том вина не Бога, и трудность отнюдь не в отсутствии текстов нужных молитв в молитвеннике — порочна сама идея повторения за кем-то набора слов, почитая то за молитву.

«И обратил я лице Мое к Господу Богу с молитвою и молением в посте и вретнице и пепле, и молился я Господу Богу моему, и исповедывался и сказал: „молю Тебя, Господи Боже великий и дивный, хранящий завет и милость **любящим Тебя и соблюдающим повеления Твои!** Созрешили *мы*, поступали незаконно, действовали нечестиво, упорствовали и отступили от заповедей Твоих... и не слушали рабов Твоих, пророков, которые Твоим именем говорили царям нашим... и отцам нашим и всему народу страны. У Тебя, Господи, правда, а у нас на лицах стыд, как день сей, у каждого Иудея, у жителей Иерусалима... И весь Израиль преступил закон Твой и отвратился, чтобы не слушать гласа Твоего...”

*И когда я еще говорил и молился и исповедывал грехи мои и грехи народа моего, Израиля, и повергал мольбу мою пред Господом Богом моим... когда я еще продолжал **молитву**, муж Гавриил, которого я видел прежде в видении, быстро прилетев, коснулся меня около времени вечерней жертвы, и вразумлял меня, **говорил со мною** и сказал: „Даниил! теперь я исшел, чтобы научить тебя разумению...”» (Дан. 9:3–7, 11, 20–22).*

«*Научить тебя разумению*», — разве не это истинная цель молитвы?

В Новом Завете отношение к молитве не изменилось. Цель — то же самое освобождение души от обессиливающего греха, который может проявляться, в том числе, и в болезнях физического тела:

«*И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему*» (Иак. 5:15).

Господь врачует. Не стоит обольщаться: там, где есть люди, есть и их влияние, и воздействие это отличается от Божьего, потому как нет человека, который бы не согрешил. Потому ни один из людей не может быть *истинным* психотерапевтом. Истинной чистоты психокатарсис только от Бога!

«*Если же у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упреков, — и дастся ему*» (Иак. 1:5).

«*Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи и очистит нас от всякой неправды*» (1 Иоан. 1:9).

«*Кто отклоняет ухо свое от слушания закона, того и молитва — мерзость... Скрывающий свои преступления не будет иметь успеха...*» (Прит. 28:9, 13).

«*И прости нам долги наши...*» (Мф. 6:12).

«*Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди*» (Иоан. 14:15).

«*Выслушаем сущность всего: бояся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека; ибо всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно, или худо*» (Еккл. 12:13, 14).

Аминь.

Глава сорок первая.

БРАСЛЕТЫ ОТ КОСТИКА

(Техника психокатарсиса)

(Место действия — маленький южный городок на берегу огромного озера, куда после операции ультразвукового дробления камня в почке — а всякое продолжительное состояние восторга непременно переходит в острое заболевание — П. привез В. с дочкой.)

Для познания В. больничный период интересен тем, что там она впервые «предала» П. — на пять дней (седьмой месяц после знакомства). Когда ее после наркоза (состояние наркотического опьянения — упрощающее гипноз состояние) привезли в палату, она попала в психологическую зависимость от Зины, соседки по больничной койке — и

та в В. отразилась. В. стала враждебно относиться к П. и заявила, что П. ее *не любит и совсем не обращает на нее внимание*.

Сама Зина все эти дни говорила В., что она с первого взгляда в П. влюбилась, дескать, много лет ее женское естество спало, но вот увидела П. — и все, *проснулась!* Вздохнула, что, к сожалению, на взаимность она не надеется — *не любит и совсем не обращает на нее внимание...* (Что В. и проговорила, став двойником /репликой, слепком, отпечатком/ «наездницы» Зины. «*Не обращает внимания*» — и все это при том, что он посещал ее разве что не каждый день, а в остальное время для нее составлял расчет ее «несуществования», после прочтения которого ее состояние в больнице резко улучшилось.) Сильное чувство Зины к П. объяснялось не к нему притяжением (если можно так выразиться, она не Веса), — иначе бы В. (реплика, слепок Зины) стала относиться к П. не враждебно, а напротив, еще более преданно, — но ненавистью («офицерская дочка»).

Интересно, что выходила В. из-под зависимости от Зины по молитве, которая начиналась словами: «В чем, Господи, я была неверна *Тебе*, что я позволила себе быть неверной своему суженому?..»

Ниже описывается второе «предательство» В. (9 месяцев после знакомства) с Костиком. Это второе «предательство» разве что не в точности воспроизводит первое, с тем разве несовпадением, что Зина вторглась в подсознание В. во время наркотического отключения у ней критического мышления, а Костик — буквально через несколько минут после того, как В., после полуторамесячного пребывания в южном городке три минуты говорила со своей матерью по телефону. Однотипность ситуаций следует также и из того, что и Зина, и Костик железом увешали и В., и П.; кроме того, рационализации происходящего и в том, и в другом случае брались из области эротики.

Рассмотрение «предательств» необходимо хотя бы уже потому, что позволяет выявить психическую структуру невротизма В. (ни один невротизм сам по себе не существует — он «завязан» на предыдущем), разрушить эту структуру и тем сблизить В. с *половинкой*. Если угодно, можно назвать это духовной работой Даниила. Или как-нибудь еще. Как бы то ни было, вторая *половинка* необходима для психокатарсиса: упрощается и ускоряется процесс выявления неадекватностей. Это происходит потому, что и она (вторая *половинка*) кровно заинтересована в неразобренности.

Забегая вперед, сообщаем, что через 2 года и 2 месяца после знакомства произошло и третье «предательство» (аж на пять месяцев!) — там центром был брат В.

... П.: Все! Не могу. Засыпаю. Просто какой-то кошмар. Пока были на молитвенном часе перед богослужением — все было в порядке. Только началась субботняя школа — да и не началась еще — тут же начал зевать, засыпать, и чем дальше, тем хуже. Спа-а-ать... Глаза прямо сами закрываются... Послушай, милая, позанимайся со мной! Что-то все это неестественно.

В.: Хорошо. Ложись. Так... Что ты видишь?

П.: Черного цвета полоса... Проходит по солнечному сплетению. Снаружи и касается обоих локтей.

В.: Металлическая?

П.: Скорее нет. Материал очень плотный — это не пластмасса. Но и неметаллом назвать нельзя... Есть такие элементы, которые в разных условиях проявляют различные свойства: в одних условиях — свойства металла, в других — неметалла. Мышьяк, скажем. Так вот из чего-то похожего эта полоса и сделана.

В.: Из-за этого ты сейчас и засыпаешь?

П.: Да.

В.: И на богослужении?

П.: Да.

В.: Полоса толстая?

П.: Толстая.

В.: А что она от тебя хочет?

П.: Она меня отрицает. Чтобы меня в церкви не было.

В.: А теперь первое, что приходит в голову: мужчина или женщина?

П.: Женщина.

В.: А почему она к тебе так?

П.: Потому что... потому что я ей нравлюсь... А еще она оскорблена...

В.: Ты можешь определить кто это?

П.: Это... Зоя. Ах, вот оно что! Надо же... Помнишь, я тебе рассказывал: у нее два мужа умерли, а третьего даже до ЗАГСа не довела — так женихом от разрыва сердца и умер. Ты еще тогда сказала: «Всего 23 года! Она еще даже жить не начала!» Помнишь?

В.: Помню. Значит, она? Но не обязательно... не обязательно она влюблена. Особого чувства может и не быть: просто одинокая молодая женщина, а когда ты здесь был два года назад одиноким, — столичный житель, квартира, — почему бы за тебя и не выйти? Хотя и как мужчина нравишься — ты ведь вон какой... А отрицает тебя потому, что если два года назад, когда ты был холостой, у нее ничего с тобой не получилось, то сейчас и вовсе надеяться не на что. Вот она тебя и отрицает как неприятное воспоминание. А она внешне ничего, интересная...

П.: Да, губы такие чувственные... Но какая силища! Она бы была великим целителем!

В.: А почему она над тобой такую власть имеет? Она тебе что — нравится?

П.: В смысле — прежде? «Нравится» — некорректное слово. Скорее — *приковывает* внимание. Силой... Впрочем, она ведь и как женщина достаточно интересна: губы — большие, пухлые, нежные, кожа нежная... Ты знаешь, здесь, в этом городке, не принято, чтобы женщина первая подходила, а тогда, два года назад (она третьему, не знаю, дала уже согласие или он ей только через пару недель предложение сделал) я стоял в перерыве у церкви, а она неожиданно, решительно так подходит и руку мне нежно-нежно пожимает... Меня тогда как током ударило: *какая нежная женщина...* Послушай, какое я слово сейчас интересное употребил: *ударил*...

В.: Тебе эта полоса нужна?
П.: Нет. Все. Нету ее больше. Ух ты! Сонливость как рукой сняло!
В.: Хорошо. Есть у тебя еще что-нибудь?
П.: Есть. Браслеты. Литые. На обеих руках. Знаешь, как языческие украшения в древности? На предплечьях, ближе к локтю.
В.: А что они от тебя хотят?
П.: Чтобы... Чтобы я не был такой крупный, поменьше ростом, не возвышался.
В.: Что?!..
П.: Не знаю. Самому странно. Такой текст. Чтобы я был поменьше ростом. Не знаю, так получается. И почему на руках — непонятно..
В.: Это мужчина сделал? Кто?
П.: М-м... Первое, что в голову приходит? Сначала я подумал — Костя, а потом — что тот инвалид... Я этого инвалида обогнал недавно, когда на велосипеде ехал, он тоже ехал на своем инвалидном трехколесном — может *это* — что обогнал — ему не понравилось?
В.: Сейчас проверим. Сколько дней назад появились эти браслеты?
П.: Два дня. Два?.. В таком случае, инвалид быть не может, я его раньше, дней пять назад, последний раз видел. А с кем бы я мог два дня назад встречаться?
В.: С Костей.
П.: Точно! Он же к нам приходил, ты его еще таким роскошным обедом накормила. Он и ест! Какие, однако, интересные подробности: солист церковного хора — и браслеты вешает!
В.: А *почему* он это делает?
П.: Потому что... ты ему нравишься.
В.: Да, я это сразу заметила. Когда мы еще только в первый раз с ним встретились. Тогда, в доме пастора.
П.: *Заметила?!!* А что мне не сказала?
В.: А почему я должна тебе говорить такие вещи? Ну, понравилась и понравилась, мало ли кому я нравлюсь.
П.: И тем не менее! Мы уже полтора месяца в этом городке, и я чувствую: между нами есть что-то лишнее. А что, не знаю. А потом, ты же его привечаешь: смеешься его шуткам. А ему это только и нужно.
В.: А что, отворачиваться от него? Это, в конце концов, неудобно.
П.: Неудобно? А мужу не говорить — удобно?
В.: А я тебе говорила, что мы тогда, когда ты с нами звонить маме не пошел, у колодца остановились с Костей поговорить. Да я и не одна была — с дочерью.
П.: *После* разговора с матерью?.. После *разговора*... Сказала, можно подумать! Ты мне так сказала, что я даже внимания не обратил. Значит, тогда же он к нам и напросился... А ты тогда к его приходу такой потрясающий обед приготовила! То ли из восьми блюд, то ли из десяти.
В.: А я тебе что, разве хуже готовлю?
П.: Не хуже, но тогда было нечто особенное.
В.: Ничего особенного не было.
П.: Было. Во всяком случае, достаточно особенное, чтобы я заметил.

Новая скатерть. Да и стол на середину комнаты выдвинула. Как по праздникам.
В.: Так давай я сейчас для тебя тоже стол на середину выдвину.
П.: Но ни разу не выдвигала. Давай этот спор прекратим. Все это уже рационализации. Рационализации того, почему ты мне не сказала, что ты ему нравишься и что в угоду *его* желанию пригласила на обед — да какой! Пусть не намного, но все равно роскошней. Давай к фактам: мне — не сказала, на его шутки — смеешься, обед — приготовила, в гости — пригласила...
В.: Но ведь, когда ты дома был.
П.: Это не важно.
В.: Ты мне веришь? Ты веришь, чего бы там ни было, что никакого *поступка* не было бы? А потом сравнил: ты и Костик! Смешно даже.
П.: Да, я прекрасно знаю, что никакого *поступка* не было бы. Я тебе просто показываю, насколько далеко эти подавляющие могут зайти в своем тобой пользовании — обед опять же... Любование им, смеешься — высшее для него удовольствие.
В.: Пусть посмотрит. Но поступка-то...
П.: Я знаю — не было бы... Ну хорошо-хорошо... А правда, интересно, что мы с тобой совершенно симметричные истории друг про друга выяснили? И одновременно! Полтора месяца длятся — и в один день выясняются!
В.: Ничего особенного! Что я виновата, что я такого типа людей как магнитом притягиваю?!
П.: И я тоже! Но интересен не сюжет, а что *одновременно*. Некая симметричность, в результате которой у меня даже нет права тебя упрекнуть. Не имею! Хотя очень хочется! То, понимаешь ли, преданность сопернице, которая ставит мне капканы, то Костику, который в браслеты заковывает... А потом кому?..
В.: Сама не знаю: и что я их притягиваю?
П.: Очень, кстати говоря, просто. Они хотят, чтобы на них взирали в абсолютном восхищении, но этого от другого подавляющего *в чистом виде* им не получить. Ведь тот в глубине души знает, что на самом-то деле высший — он сам. Это без учета взаимоотношения полов. А если с учетом... Есть у меня теория... Ну да ладно. Итак, договорились? Ты мне в следующий раз, если чувствуешь, что кому-нибудь понравилась, рассказываешь все?
В.: Ладно... Нужны тебе эти браслеты?
П.: Конечно — нет. Я уже с правой снял, а на левой разогнул, но что-то он застрял... И почему он их *на руки* надел?.. Все! Ух ты, как сразу много сил появилось! Так по телу и гуляют! Но как теперь в церковь по субботам ходить, если так давят?
В.: А вот так и ходить.
П.: А как же воздействие?
В.: Там посмотрим... Ну вот, ты уже и глаза открыл.
П.: Ложись теперь ты. Закрывай глаза. Так... Скажи: *твое* сонное на богослужении состояние каким из факторов определяется: местом, влиянием людей, духотой или ты перенимаешь *мое* состояние?

В.: Влиянием людей.

П.: Теперь первое, что в голову приходит: кто больше влияет, мужчина или женщина?

В.: Не могу сказать.

П.: Не можешь? Ни за что не поверю.

В.: Не могу сказать, потому что... потому что это смешанное влияние — и мужчин и женщин.

П.: А сколько их? Какая цифра на ум приходит?

В.: Трое.

П.: А кого больше: мужчин или женщин?

В.: Женщин.

П.: Все ясно — двое женщин и один мужчина. Трое на общину в шестьдесят человек — не так много. 5 % получается... Даже не 20. Так. Одна женщина — Зоя, мужчина — Костик, а кто же третий?

В.: Не знаю.

П.: Ладно. Это не важно. Оставили они тебе что-нибудь?

В.: Оставили.

П.: Сколько процентов энергии отнимает?

В.: Двадцать пять.

П.: Нужно еще обсуждать создающуюся ситуацию для жизни? Или можно сразу избавиться?

В.: Уже избавилась.

П.: Так. Костик оставил тебе что-нибудь? Посмотри половую сферу. Что улыбаешься?

В.: Нет там ничего.

П.: А где-нибудь оставил?

В.: Оставил. На руках.

П.: Ближе к локтю?

В.: Нет. Ближе к кисти.

П.: Интересно получается... Костя в состоянии лепить только на определенную часть тела... И с половой принадлежностью похоже не связано. Так. Что еще?

В.: Все. Пора заканчивать.

П.: Что-нибудь хорошее вспом... Что ты глаза раньше времени открыла? Впрочем, не важно, ты и без того улыбаешься... Нет, давай еще поработаем: надо сделать защиту. Так. Хорошо. *Что надо сделать и на каком от тебя расстоянии, чтобы ты была защищена?*

В.: Нужен экран на расстоянии один метр.

П.: Так?..

В.: Один? Вообще-то это странно: один метр — это многовато. Ведь человек может и ближе подойти. Но почему-то: один метр...

П.: Пусть тебя это не беспокоит. Метр в теле памяти или сознания может не совсем соответствовать физическому метру. Так что собой представляет эта защита?

В.: Металлическая сетка со всех сторон.

П.: И провод уходящий в землю, как у громоотвода?

В.: Да.

П.: Все? Больше ничего не нужно?

В.: Ничего.

П.: Только что с Костиком встретился. Поговорили. Давай посмотрим, что он мне навесил?

В.: Давай. Ложись. Что-нибудь есть?

П.: Есть.

В.: Что?

П.: Самое интересное, что на том же самом месте, у локтя! Только на этот раз это такая тоненькая полоска из жести. Знаешь, раньше ящички такими полосками обивали? Все, разгибаю... Ох ты, сколько опять силищи по телу загуляло!

В.: Вот видишь, как хорошо! Раньше — литые браслеты, теперь — только жесть. Чем ты это объясняешь?

П.: Перестая к нему относиться «снизу-вверх». Раньше, в предыдущие года, когда приезжал, рядом с Костей чувство всегда было — как мне казалось, жалости, согнуться хотелось. Что вот он и ростом меньше — комплексует рядом со мной еще и по этому поводу. Поэтому, чтобы не обидеть, надо согнуться. Необразован — а что, он виноват, что в провинции родился и вырос? А у меня от рождения условия лучше, чем у него. Одним словом, Костю жалко, а чувство, будто я недостойн, — *у меня*. Такое же, как у Льва Николаевича рядом со своей Соней. Или, что то же самое, у Левина рядом с Кити. А теперь, думаю, *с какой стати?* Это же он просто меня энергетически к этому чувству жалости принуждал, а все остальное, насчет образования — рационализация.

В.: А какую защиту надо сделать?

П.: Да никакую. Просто жизнь несколько упражнений подкинет, они проработаются до уровня *догадки*, в более глубокие слои сознания проникнут, и это подлезание под некрофилов, якобы жалость, станет невозможным. Никакой специальной защиты.

В.: А ложная жалость у тебя с каким образом ассоциируется?

П.: Дурацкая картинка. Хочешь, расскажу? Трамплин, с которого в воду прыгают. Высокий, а наверху доска — вибрирует, раскачивается. А на конце вибрирующем — крест стоит. Небольшой такой и раскачивается вместе с доской.

В.: А какой должна быть эта картинка?

П.: Ух ты! Знаешь, что стало? Крест оторвался от этой доски и поднялся высоко в небо, и стал такой громадный-громадный, и чувствуется, что добротный. А этот трамплин с доской — далеко внизу, маленький такой, сам по себе дергается. Интересно, правда?

В.: Да.

П.: Прямо-таки символический смысл. Что у чего было в подчинении. Жалость подавляла христианство: ложная да еще индуцированная жалость. Здорово! Интересно, ни в какое кино ходить не надо: все равно ничего интересней не увидишь. Как я тебя люблю, милая!

В.: Не отвлекайся... А ты заметил, что жена Костика, Юля, работает с утра до ночи, тихая, забитая ведь, наверное, невротами, а чувства жалости не вызывает. А вот Костя весь такой сильный, подтянутый, шутит все время, жена послушная, а жалеет мы его?

П.: Надо же! А я *так* не думал! Милая, как я счастлив, что я могу смотреть на мир еще и твоими глазами, я...

В.: И все время жалуется, что самые непослушные дети — у нее. Совершенно с другими не считаются.

П.: Это не непослушные, это по-другому называется. Аутичные.

В.: А что это такое?

П.: О! Это я хорошо знаю! Я в Центре психического здоровья Академии наук как раз-то с этими самыми аутичными детьми работал. Здоровому ребенку предложишь поиграть во «в какой руке?», так он сразу все бросит и пойдет к тебе. А аутичный нет. Он останется *в своем*.

В.: Понятно.

П.: Он откликается. Но только когда его требует подавляющий из родителей. Или вообще подавляющий. Так что, аутизм (от английского out — вне) — это жизнь без общения с биофилами. Вырастут — претупность и все такое... Костю-то дети его слушаются?

В.: Его — да. Это Юлю — нет.

П.: Все правильно. А у Зои, заметила, дочка тоже аутична.

В.: Точно...

П.: А жена Кости всю вину берет на себя... Или, скорее, он ей внушил, что *она* виновата. Свообразный Центр получается.

В.: А ты заметил, какие у него интересы? Массаж, фитотерапия, йога, диетология — это же все стандартный набор тех, кто в Центре и вокруг него. Только в Москве такие организованы в Общества, Центры и Ассоциации, а здесь — нет. Провинция.

П.: Но он здесь не один. Мне сказали, что командир расквартированной здесь дивизии тоже экстрасенс и целитель.

В.: Кто тебе это сказал?

П.: Да тут, когда я два года назад работал над книгой, пыталась за мной ухаживать дочь предыдущего командира части. Я ее на днях встретил. Подурнела. Перекосило всю на один бок (тоже, похоже, почка болит), но с таким восторгом рассказывает, что нашла экстрасенса, лечится... *Командир части*. А она, перекошенная, расхваливает... Как ты скажешь, какой метод пациенты будут больше расхваливать — психокатарсис или эмоционально-стрессовый?

В.: Эмоционально-стрессовый.

П.: Согласен. А почему?

В.: А потому, что эмоционально-стрессовые более зрелищные: раз! — и все! Нет симптомов!

П.: Мало. Это только *внешняя* сторона. Причины, мне кажется, глубже. Что психокатарсис? Болело — и не болит, выздоровел — и забыл. А люди умеют помнить только боль. Восторг! А после психокатарсиса боль исчезает — нет воспоминаний, нет и восторгов.

В.: Верно-верно. Как будто и не было ничего. Приходится делать особенное усилие, чтобы вспомнить. Да и то, если ты напомнишь, что я когда-то болела.

П.: А эмоционально-стрессовые? Было тридцать единиц болезни, сходил к народному целителю или к врачу — еще пятьдесят единиц от полученного внушения, что если попьет этой травки, то выздоровеет. В сумме уже восемьдесят единиц! Человек молчать не в силах! Ведь эти восемьдесят единиц болят, только в другом месте! *Эту боль проговаривать необходимо!* А как проговаривать? Жаловаться? Что лечили и обманули? Так это надо еще себе позволить понять! Что деньги забрали, да еще теперь на бок перекашивает? Это гордыне удар ниже пояса. Гордый, кроме как над всеми, быть не может! Выше и мудрее! Естественно, начинается расхваливание этих 50 единиц. Завидуйте: я получил, а вы — нет! Вот и получается, что изуродованные будут многократно активнее, чем те, кого действительно вылечили... Страшная это штука — наша жизнь! Кругом хроническое наоборот. Причем во всем: как высшую форму любви восхваляют страсть; на словах заботятся о здоровье своего ребенка, но несут младенца в храм, к признанным; ищут якобы выздоровления, но идут вслед тем, кто громче других свое «выздоровление» расхваливает...

В.: И это *наоборот* будет всегда.

П.: Во всяком случае, до Пришествия...

П.: Милая, быстро в постель!

В.: Я всегда — пожалуйста.

П.: Да нет, я не о том. Я про себя. Только что заходил к Костику. Хочу посмотреть, что он мне на этот раз привесил.

В.: И это — пожалуйста.

П.: Так... Ты смотри — привесил-таки!

В.: Что?

П.: Смешно сказать! Бумажные полоски! Да и то: мылом внахлест склеенные. Подожди-подожди... Да на правой полоска еще и размокла — расплзается... Все, нет ее. Левая... тоже. Ты смотри, как интересно! Оказывается, от таких упражнений появляется защищенность...

В.: Скорее оттого, что жизнь переосмысливаешь...

П.: Я уже начинаю различать, когда усталость ненатуральная. Лег подремать, сил нет, а расслабиться не могу, напряжен весь. А вот только мы с тобой этот гибрид погребального и лаврового венка стали рассматривать — сразу ноги как в валенки обулись — отдыхают.

В.: А кто тебе этот венок подбросил?

П.: Не знаю... Кто-то с усамии... Но ведь мы же одни по лесу гуляли! Никого же не было. Только мы да дочка.

В.: Была еще эта парочка в голубой машине. В кустах.

П.: А я что-то их даже не видел.

Ребенок: Я видела. Он был с усами.

П.: Точно?

Ребенок: Точно. Мама, а ты не видела?

В.: Нет, не видела. Но они, естественно, хотели, чтобы ягод мы там не собирали, а поскорее убрались.

П.: Но ведь это же ужасно: собирать ото всех разную гадость. Как *так* дальше жить?

В.: А не на этом ли месте ты на рассвете видел, как парочка занимается тем, чем предпочитают заниматься в уединении? И машина голубая?

П.: Машина-то голубая. Только парочка другая. Та дама была и постарше, и ноги потолще были. Да и ребенок говорит, что с усами, а тот был без. Да к тому же усталость я почувствовал, когда шелковицу собирали, а парочку разглядели *после*, когда домой собрались.

В.: Ну и что? Ты подсознательно. Машину же заметил раньше? Тебе же было интересно, *чем* там опять, на том же самом месте, могут заниматься. Тем более, машина опять голубая.

П.: Следовательно, я просто был настроен, сфокусирован, как антенна, на это самое место и уловил все то, что там на нас было направлено?

В.: Да.

П.: Да как же после этого жить, если всю дрянь собирать?

В.: Человек получает только то, к чему готов. К чему у него предрасположение.

П.: Тогда у меня получается предрасположенность. Интерес к *тому, чем на рассвете занимаются*. К чужому. А не было бы интереса — и усталости не было бы, не поймал бы импульс на отрицание нас с тобой. Так получается?

В.: Да. Это твоя Черная Луна. Я же рядом с тобой была — а мне ничего. Просто я об этом не думала.

П.: Защита в таком случае — элементарная. В святости. Не грехи — и силы будут.

В.: Да, так получается.

П.: Скажи, сама до этого додумалась или научил кто-нибудь?

В.: Вообще-то, сама.

Ребенок: Ври больше.

П.: Вот жизнь! Святым быть прямо-таки вынуждает. Так ведь получается, а?

П.: Что-то ты на себя не похожа. Опять на базаре что-нибудь случилось?

В.: Да нет, ничего.

П.: И все-таки что-то случилось.

В.: Я говорю: *ничего не случилось*.

П.: И все-таки... Я же не могу работать, когда ты в таком состоянии. Ляг, пожалуйста, мы сейчас проверим.

В.: Сейчас, я только сначала...

П.: Сначала — будет потом. Ты говорила, что будешь в спорных вопросах меня слушаться. Ляг.

В.: Ну, раз ты говоришь...

П.: Так. Закрывает глаза... Хорошо. Что у тебя сегодня новенького появилось? Осмотри внимательно тело.

В.: Нет, ничего.

П.: Вокруг тела?

В.: Есть. Кольцо вокруг... Вот здесь.

П.: Понятно. Половая сфера. Из чего сделано?

В.: Металлическое.

П.: Ясненько. Тебя на базар нельзя отпускать. Что-нибудь да принесешь. Как оно на тебе крепится?

В.: Оно не прикреплено. Вращается. Вокруг меня вращается.

П.: Сколько процентов энергии отнимает?

В.: Восемьдесят.

П.: Кто: мужчина или женщина?

В.: Женщина.

П.: Я смотрю, ты даже знаешь кто. Это так?

В.: Я сегодня Зою встретила.

П.: Это она тебя?

В.: Да.

П.: Я так понимаю, тебе это кольцо не нужно?

В.: Его уже нет.

П.: Еще что-нибудь осталось?

В.: Где-то еще что-то есть. Я только не вижу...

П.: Она тебе что-то сказала?

В.: Она сказала: «*Что-то ты сегодня плохо выглядишь*».

П.: А это так? Разве плохо? Как сама скажешь?

В.: Нет, все в порядке.

П.: И я так думаю. Во всяком случае, так было, когда из дома выходила. Почему же она тебе так сказала?

В.: Ты знаешь. Нечто вроде мести.

П.: Так... Где ее слова на тебе? В виде чего?

В.: На лице. Вроде вуали. Прилипло к коже.

П.: И?

В.: Уже убрала. Как хорошо стало!.. А ведь как прилепила! Еще сделала вид, что пожалела!

П.: Страшная женщина! Не зря ж рядом с ней мужчины помирают. Что-нибудь со времени предыдущего сеанса появилось?

В.: Что-то есть. На руках.

П.: Будем выяснять?

В.: Нет. Я уже убрала. А ты знаешь, все-таки эти рассматривания очень помогают. Потом так хорошо на кухне работается!

П.: Что ж, я рад. Как-никак, я заинтересованное лицо. И не только лицо. Но и желудок.

В. (*Смеется*): Будет ли когда-нибудь конец, или я так и буду всякую дрянь собирать?

П.: А ведь уже во много раз меньше собираешь. А Зоя... Зоя — это уникальное по силе явление. Если бы она не здесь, в захолустье, жила, она бы уж точно была бы что-то вроде величайшего целителя, основателя партии или секты. А здесь все ее знают — на ней клеймо неудачницы: смерть мужей и жениха. Чтобы выдвинуться, ей надо на «гастроли» ехать. Но *приказа* ей никто на это не дает... А без него она не может... Я уверен, что мы и от нее отработаем защиту. Со временем.

В.: Хотелось бы.

П.: Освободимся от влияний — и представляешь, как интересно будет жить? Можно будет улавливать в жизни даже тончайшее эхо сокрытых причин!

В.: Диск с очень острыми косыми зубьями. Как от электрической пилы.

П.: От кого это?

В.: Две цыганки мимо проходили. Сказали что-то. Я даже и не слышала что. Одна была совершенно пьяная.

П.: Так этот диск от циркулярной пилы от нее или от другой?

В.: Не знаю. Не могу различить.

П.: Вот как? А где он? Внутри тебя или снаружи?

В.: Снаружи.

П.: А как далеко?

В.: Метра четыре.

П.: Ого, как далеко!..

В.: Поэтому сил — не отнимает, но и различить от кого — не могу.

П.: А скажи, если бы эта встреча произошла не сейчас, а, скажем, года за полтора до нашей с тобой встречи, этот диск где был бы?

В.: Во мне. В солнечном сплетении.

П.: А теперь меня интересует только твое ощущение: почему сейчас ты оказалась защищена?

В.: Изменилось мировоззрение...

(Место действия — опять Москва. Спустя 2 года после знакомства.)

... П.: Подробнее: в чем?

В.: Изменились взаимоотношения с Богом. Другой уровень доверия.

П.: Конкретнее.

В.: Изменение мировоззрения — это же не просто изменение каких-то идей. Это, прежде всего, изменение взаимоотношений с Богом... Но и идеи тоже.

П.: А скажи, изменение твоего состояния — встреча с половинкой, некая в связи с этим уравновешенность, да и остальное...

В.: Не продолжай. Я поняла. *Это* тоже повлияло.

П.: А как бы ты распределила — только по ощущению! — удельный вес повлиявших на тебя факторов: изменение взаимоотношений с Богом, изменение твоего положения, идеи в области психологии, или четвертое — сумма неназванных иных факторов. Итак?

В.: Еще раз, пожалуйста.

П.: Изменение взаимоотношений с Богом, изменение твоего положения (есть с кем поговорить, поцеловаться, в конце концов), идеи в области психологии, или сумма неназванных иных факторов.

В.: Изменение взаимоотношений с Богом — пятьдесят, моего — сорок пять, идеи — четыре, а остальные — один процент. Даже, пожалуй меньше одного процента.

П. ...

В.: Что ты молчишь? Ты на что-то обиделся?

П.: Нет, но...

В.: Что?

П.: Получается, что я как бы напрасно работаю над книгой... Если идеи, которые суть слова... Ведь сколько уже работаю...

В.: А вот как раз-то книга твоя очень и помогла. Ведь там очень мало идей, которые сами по себе. Ведь даже когда ты пишешь про психологию, они все разворачивают к Богу. Есть, конечно, там достаточно абстрактные. Поэтому для меня твоя книга — это там, где изменение взаимоотношений с Богом.

П.: А ты могла бы опять в процентах дать соотношение объема текста, который обращает к Богу, и просто абстрактной психологии или еще чего?

В.: Могу. Девяносто и десять. Девяносто — это к Богу...

Глава сорок вторая.

ШЕСТЕРНЯ ОТ МАТЕРИ

(Техника психокатарсиса)

П.: Успокойся... Так. Расслабься. Все хорошо. В конце концов, из любой ситуации можно извлечь положительный урок.

В.: Что может быть положительного в скандале с матерью?

П.: В скандале, как таковом, может быть, и ничего. Но ее агрессия, пена у рта, может актуализировать те стрессы, до которых мы прежде не добрались. А если они теперь актуализировались — значит, можем избавиться. А если избавимся — то это и есть выигрыш в этой ситуации. Так что — успокойся. Расслабься... *Что ты видишь?*

В.: ...Ничего.

П.: Посмотри повнимательней: что в тебе актуализировалось в связи с нападением твоей матери? *Что и где?*

В.: Ничего не вижу.

П.: Смотри внимательно: далеко-далеко, почти у самого горизонта, есть точка. *Та самая.* Ты ее видишь?

В.: Вижу.

П.: Она приближается. Она все ближе и ближе. Ее все легче становится различить. *Что это?*

В.: Шестеренка.

П.: Какая шестеренка?

В.: Обыкновенная шестеренка. Как на нашем заводе в станках. Железная. С зубчиками.

П.: Много их? Зубчиков?

В.: Много. И все очень острые-острые.

П.: А в какой она у тебя части тела?

В.: В солнечном сплетении... А знаешь, что это — солнечное сплетение?

П.: Что?

В.: Это центр всего человека. Очень важное место.

П.: Так... Эта шестерня отнимает у тебя силы?

В.: Да.

П.: Сколько?

В.: Много. Почти все.

П.: А в процентах?

В.: Больше восьмидесяти.

П.: Не думая — от мужчины или от женщины?

В.: От женщины. Это от матери.

П.: Как давно в тебе эта шестерня?

В.: Давно. Очень давно.

П.: А как давно?

В.: Может быть, я еще и не родилась.

П.: Так. Девятый месяц беременности тобой — это минус один. Восьмой — минус два. И так далее. Первая цифра, которая тебе приходит в голову, — когда появилась шестерня?

В.: Минус один.

П.: На последнем месяце беременности... А что тебя эта шестерня *принуждает делать*? Что она от тебя хочет? Именно шестерня?

В.: Она хочет, чтобы... *чтобы меня не стало*.

П.: Получается, приказ на самоуничтожение? Приказ на самоуничтожение... А ведь, действительно, последний месяц беременности — непривычно тяжело и хочется, чтобы этой тяжести не было. А следовательно, и самого ребенка. Убить его буквально — страшно. Непривычно. Выход — чтобы ребенок уничтожился сам... *Самоуничтожился*...

В.: Она могла меня и раньше не хотеть. Она же ведь лимитчица... Приехала, как многие, в Москву по лимиту набора рабочей силы, жизнь свою устраивать. Жилье получить в те годы, сам знаешь, было практически невозможно...

П.: Да, конечно, знаю. Спали и видели, чтобы любой ценой замуж за москвича выйти. Прописка в Москве, снабжение, да и атмосфера другая. Любой ценой. У меня была возможность таких понаблюдать. Когда студентом был, в нашей группе их, таких девиц, было больше половины. «Общажные» — мы их называли. Они и не скрывали, что готовы были замуж за кого угодно выйти, лишь бы получить московскую прописку.

В.: Правильно, иначе — общежитие или приживалкой на раскладушке у родственников. Сколько можно такую жизнь вытерпеть? Ви-

дел, говоришь? Так моя — это предыдущее поколение. Но, наверняка, то же самое... Она, когда замуж за отца вышла, две недели к нему ночевать не приходила. В комнате вместе с ним тогда пятнадцать человек жило — одни кровати. А тут женился — жена, получается, еще одна жиличка. А потом еще и я должна появиться. Семнадцатая в комнату. Я еще на свет не появилась, когда во время ругани со свекровью, матерью отца, та сказала — проорала — что еще и детскую кроватку в комнате поставить она не позволит, пусть ребенка куда угодно, хоть на подстилку! А моя мать в ответ: это ее сын на подстилке будет валяться, а она с ребенком будет на кровати!.. Естественно, что я была, так скажем... не совсем желанна.

П.: Исчерпывающее описание судьбы твоего отца: какая мать, такая и жена... Всю жизнь на подстилке... И еще неизвестно, насколько он прощигован металлом. Так и живет... Соответственно, в случае твоего не обращения к Богу или *недообращения* и муж твой должен тоже на подсти... Хм... Так... Скажи, а брат твой был желанным?

В.: Тоже нет. Это уж потом она его очень полюбила.

П.: Как, собственно, и абсолютное большинство людей. Впоследствии матери, конечно, себя переубеждают, что ребенка хотели, но исследования показывают, что это все вранье. По результатам того же Хаббарда, чем только беременные американки себе в матку не тычат — спицами, палочками самыми разными, ножницами — только чтобы ребенка не было.

В.: Ужас какой! У нас так не делают.

П.: Это американки, и если бы плод не обладал столь невероятными способностями заживляться, американцы бы давно повывелись. Но у нас, думаешь, по-другому? Я имею в виду, на уровне желаний?

В.: Но ведь не тычат!

П.: Ты про внешние проявления, а меня интересует сущность... Да... На чем мы остановились?.. Общажные... Ты знаешь, студенческая группа, в которой я учился, была женской, парней было только четверо, остальные — девицы. Общажных, приезжих издалека, как я уже сказал, больше половины. Общежитие, в котором они жили, по тем временам считалось очень богатым, прямо-таки роскошным, в комнате было по двое-трое, не больше. На удивление, первые четыре курса ни одна из этих десяти-двенадцати общажных замуж не вышла. А потом курс пятый, вот-вот распределение. Незамужних могли заслать работать хоть за Полярный круг. А семейных, прописанных в Москве, в Москве и оставляли. И тут все наши девки разом, как по команде, стали замуж выходить. В неделю по две, если не по три свадьбы играли. Догадываешься, насколько искренние у них к мужьям были чувства?

В.: Что тут догадываться — все понятно.

П.: Распределение отгремело — они стали так же разом разводиться. Может, не все сразу, а так, постепенно. Причем, в половине случаев им удавалось не просто оттяпать часть мужниного жилья, но мужа попросту выгнать...

В.: А потом что?

П.: А потом был принят закон, по которому в случае, если развод происходил раньше, чем через пять лет, а одна из сторон была иногородней, то хозяин имел право ее выписать. Явление-то массовое, определявшее облик и характер города.

В.: Нет, я спрашиваю, какая была у этих женщин судьба? Что с ними было дальше?

П.: Та судьба, которую сами себе собой же и определили. Внутренним своим состоянием. Я, разумеется, о каждой из них только в общих чертах знаю... Но ни одна из них счастлива не стала. Нет довольства жизнью.

В.: Моя мать тоже вечно всем недовольна.

П.: Это уж точно — изгиб губ у нее весьма красноречивый. Все время обиженно поджаты. Я, когда ее впервые увидел, — сразу обратил внимание. Да и на фотографиях то же самое: всегда набычившись. А это жест ненавистничества. А отец твой рядом с ней все время поникший, подавленный... Как будто и не жил никогда... Может, у него тоже какая-нибудь шестерня? Ведь если кто чего ставит, то ставит всем... Как Костик на предплечья. Да... Так наши общажные, когда замуж выходили, детей большей частью не рожали, и за это им спасибо. Меньше нежеланных детей. А поскольку эти общажные были из явно подавляющих, то, появившись эти дети, приказ на самоуничтожение мог в их тела внедриться каленым железом. Еще до рождения.

В.: А что ты имеешь в виду: явно подавляющие?

П.: А то, что эти девицы были в *состоянии* заставить окружающих исполнять свои желания. Взять, хотя бы, конкурс в институт. Ведь, чтобы сдать вступительные экзамены, надо было добиться места в общежитии, что было большой проблемой и требовало определенной нахрапистости... Потом, после зачисления в институт, система экзаменов учила...

В.: Подавлению! Умению убедить, что достоин высшего балла!

П.: Правильно. Поэтому к пятому курсу столь простая операция, как замужество, удивительным образом произошла у них чуть ли не одновременно. Когда все вместе решили: *пора!* У их детей наверняка тоже есть коды на самоуничтожение.

В.: И во мне...

П.: Эти женщины, если не в первом браке, то уж во втором все равно рожали, потому что не рожать мало кто в состоянии.

В.: Страшно слышать.

П.: Скорее отвратительно, гадостно. Понимаю, слушать гадостно, но правду лучше знать, потому что, ее зная, проще, хотя бы на логическом уровне, решить, что нужен Тот, Кто единственно и может из всего этого выгащить... И моя мать — та же лимита. И того же поколения, что и твоя. Моя только на пять лет старше. И я был нежеланным, и моя сестра. И не важно, что мать была научным работником. Вернее, это закономерно, потому что в ее время это было самое престижное занятие. Отец Сергей, живи он во времена ее молодости, тоже бы стал научным работником. По их временам то же самое положение уважае-

мых и якобы знающих. А сейчас, скорее, стал бы художником или целителем... Да... Помнишь, сколько я металла после нее из себя выгащил? А от отца ведь ничего... Мы с тобой похожи даже матерями... Только моя мать замуж не за такую прописку, где в комнате пятнадцать человек, выходила, а за квартиру профессорскую, трехкомнатную, высшей категории — по тем временам вариант наироскошнейший. Так что, есть зависимость количества металла в детях от умения матери в жизни устраиваться. Странно, только, что мы только сейчас, спустя год, первую травму нашли... И брат твой... Да! Теперь понятно, почему у него первая жена такая... Все закономерно. Но ведь и в нем я от вашей матери ничего не нашел. Странно. Ведь если человек может поставить одну шестерню, то он *не может не поставить еще*... Так... Есть какая-то мысль — никак не могу ухватить... Отца мать моя ненавидела, он болел. Когда развелись, сразу у него многие болезни прошли. Твой отец тоже поздоровей бы выглядел, сложись у него в доме по-другому.

В.: А как же мой брат? Его-то она любит. Слушается. Ведь никого в семье так не слушается, как его. Он меня младше, а она на него — снизу вверх.

П.: А вот как раз-то и подозрительно, что у молодого парня такая странная роль. Но, тем не менее, объяснение возможно. Закономерное. Всякая женщина, родив сына, стремится воспитать из него наилучшего из мужчин. Женщина, рожденная свыше, будет воспитывать Христа, Человека — неограниченного, мудрого и самостоятельного. Остальные же 999 из 1000 будут воспитывать своего кумира — отца. Плотского отца. Старая, женщина с отмиранием логического мышления все больше и больше «проваливается» в слой первых неврозоз, — а это детство. Действительность все менее для нее реальна, хотя этого она, естественно, и не замечает. Твоя мать, как обиженная на весь свет и на саму себя, а, следовательно, с жизнью не справившаяся, в Сергее видит уже не сына, а только своего отца. Отсюда и этот взгляд снизу вверх. Но с собственным подавлением она все равно не в силах справиться, — и еще не известно, сколько шестерней на самоуничтожение мы найдем в его подсознании, согласишься он на катарсис... Кстати, как поживает *твоя* шестерня? Изменилась ли она от нашего с тобой обсуждения?

В.: Она стала тоньше.

П.: Во сколько раз?

В.: В несколько... Раз в пять.

П.: Стоит продолжить обсуждение? Или ее *так* выкинуть? То, что от нее осталось, может быть, лучше выкинуть без дальнейшего обсуждения?

В.: Лучше анализировать дальше.

П.: Хорошо. Итак, лимита как психоэнергетический феномен... Своеобразные эмигранты... Но беженцы не за убеждения, а экономические... Мне одна провинциалка объясняла, почему ей хочется в столицу, в Москву. Потому что в крупном городе *никто никого не замечает*. Можно делать все, что захочется. А в ее городке все на виду, все про всех знают, никуда не спрячешься. Иными словами, *ей, замужней женщине,*

хотелось бы заниматься чем-то таким, о чем бы желательно, чтобы никто не смог бы засвидетельствовать. Кстати, мне и мать в точности тем же объясняла ценность столицы. Так что, вся Москва — одни и те же люди. Только одни здесь в первом поколении, другие — во втором, а третьи — в третьем...

В.: Отсюда следует...

П.: Отсюда следует, что совершенно справедливо твое наблюдение, что женщины, вообще, более подавляющи, чем мужчины. Только твой вывод следует сформулировать несколько корректней. Ты ведь его сделала, наблюдая женщин лишь в одном месте — в Москве. А сюда, как мы выяснили, съезжаются устраивать свою судьбу женщины определенного психоэнергетического склада. Скажем, так: похожие на Софью Андреевну. Тем самым, их здесь концентрация, по сравнению со средним по стране, значительно выше. Но в то же время своим отъездом с родины они там явно психоэнергетическую обстановку улучшают. Таким образом, вывод твой о женщинах корректней будет выглядеть так: *в городах, особенно столичных, вообще Центрах, женщины более подавляющие, чем мужчины.* Как следствие, здесь браки выродились до того уровня, который мы и можем наблюдать. Отсюда следует, что, во-первых, здоровый мужчина должен из Центра рваться, как из братской могилы, а во-вторых, как *женщины*, с генитальной точки зрения, они ноль...

В.: Что ты замолчал?

П.: А все-таки странно: почему мы до сих пор ничего от твоей матери не могли выявить? Мать, если не самое основание, то, во всяком случае, слой следующий после основания. Ведь, в конечном счете, в основе многих неприятностей — мать. Если она, конечно, подавляющая. Может быть, мешала какая-нибудь внутренняя цензура, запрещающая *видеть*?

В.: Ничего не могу тебе сказать.

П.: А если так, то в тебе должно быть еще достаточное число программ... Глубоко законспирированных... Скажи, а эта программа на самоуничтожение повлияла на то, что ты *так* вышла первый раз замуж?

В.: Да. Повлияла довольно серьезно.

П.: Посмотри на шестерню — что с ней происходит?

В.: Не стало нескольких зубчиков.

П.: Отлично. Скажи, а эта программа повлияла на то, что ты Библию в руки до нашей с тобой встречи не брала?

В.: Да.

П.: А на наши с тобой взаимоотношения?

В.: Тоже.

П.: В каком смысле? *К чему* эта шестерня тебя принуждала? В том виде, в котором она в тебя была вложена? Именно шестерня?

В.: А чтобы ничего у нас с тобой не было. Чтобы наши отношения уничтожились. *Самоуничтожились.*

П.: А сейчас? Какое сейчас ее желание? И, соответственно, влияние? Матери, я имею в виду?

В.: Да, в общем-то, такое же.

П.: Ничего не изменилось?

В.: Не то, чтобы *ничего*... Но в общем...

П.: Значит, без шестерни наши взаимоотношения были бы лучше?..

В.: Да.

П.: Кстати, как она там поживает?

В.: Половина. Только половина зубчиков осталось... Она очень не хотела, чтобы у меня родилась дочка. А я так хотела ребенка, мечтала... Все время мне говорила: *намучаешься с ней, намучаешься*...

П.: Внушала?

В.: Не осознавая. Да! В сущности, она *хотела, чтобы я с дочкой намучилась.* Хотя на словах говорила, что желает мне счастья.

П.: Смотришь на шестерню?

В.: Смотрю. Моего ребенка только сладостями подкупают; а легла я в больницу, ребенок записан был к зубному — не отвели.

П.: Зубчик какой-то заговорил?

В.: Да. Вернее, не столько зубчик, сколько нечто, с ним связанное... Да их вообще всего три осталось. Правильно говорят, что детьми дерутся...

П.: Узнаю Толстого! «Крейцера соната»! Там этот человек, который, застав жену с любовником, убил ее, рассказывал, что они детьми дрались. Он, кажется, больше старшей девочкой, а она сыном, не помню каким.

В.: Да. Летом. Какое же было счастливое лето! Самое счастливое в жизни! И «Крейцера соната». Какая все-таки хорошая вещь... А мать... мать пытается ребенка перетянуть. Да если бы он им был по-настоящему нужен! А то так — глупость одна.

П.: *Глупость?* Не скажи. Ты обрати внимание, насколько она гениально объединила некоторые вещи! Ведь что она сейчас с пеной на губах требовала? *Чтобы ребенок не смел читать Библию, чтобы ей не давали читать Толстого, но чтобы она смотрела эти дебилские телесериалы и ходила ставить свечи.* Кстати, она матери моей звонила, что не допустит, чтобы я «всякие там книжки писал». Так что на подсознательном-то уровне — все четко объединено и противопоставлено. Ты не заблуждайся — это не *глупость*. Здесь все достаточно отчетливо! А мать, обычно, — основа семьи... К несчастью, еще и основа надорванности судеб ее детей...

Глава сорок третья.

БРАТ

В. приучена и привыкла воспринимать жизнь на основании постулата, что ее брат Сергей — *хороший*. В качестве тому подтверждения В. сообщает, что брат тратил на нее *много* денег, покупая ей одежду, а ее дочке — фрукты, вкус которых ребенок иначе якобы даже и не знал бы.

«Много» — это в сравнении с незначительной зарплатой самой В. Вывод имеет вид почти логичный, ведь в ту эпоху всеобщей социалистической уравниловки те, кто не воровал, зарабатывали более или менее одинаково, отсюда для В. следовало, что и брат зарабатывал как все, и, соответственно, тратил на нее значительную часть своего дохода. Но сестра, как выяснилось, многого о брате не знала. Не знала, например, и того, что брат ее был не только квалифицированным мастеровым-станочником (наследственное) и начальником цеха, но еще и *литачом* (от слова «липа» — подделка; в частности — документов). Мы не пытаемся никого подвести под юридическую ответственность, наша цель — определение психологического типа человека, который для В., как она многократно говорила, — образец мужчины; поэтому ограничимся сообщением, что из всех многообразных видов фальшивомонетничества (нарушенные заповеди: «не лжесвидетельствуй», «не кради», «да не будет у тебя других богов» и все остальные) он не побрезговал самым социально безнравственным... Об этом периоде своей жизни он вспоминает с восторгом, особенно о числе «друзей», которых он нанимал собой восхищаться (судя по эмоциям Сергея, это единственно ценное, что он смог приобрести в обмен на чемоданы денег). На сестру же он тратил ничтожно мало, гораздо меньше, чем на любого из многочисленных прихлебателей, однако, несмотря на ничтожность сумм, напоминать о них сестре (и всем прочим) он не устает. Вы таких людей встречали, наверное...

А ведь вспомнить он мог бы и другое: бессчетное число раз он брал у сестры в долг суммы мелкие и не очень, но какие бы они ни были, отдавать забывал. Можно было бы вспомнить, что некоторые вещи по настоянию сестры они покупали пополам, в общем пользование, но брат забирал их себе. А сколько она ему и его женам прислуживала? Нет, этого он, в отличие от своих «благодетелей», не вспоминает. Так что, кто кем на самом деле материально больше пользовался — еще вопрос. Но В. не сомневается, что брат — *благодетель*. Что подделаешь, на нашей земле и понятие «благодетель» тоже психоэнергетическое. Потому что основывается на восторженном преклонении. (Есть и еще один неоплаченный счет, самый большой, который мы выставим в конце главы.)

Другое яркое воспоминание Сергея связано с периодом, когда он был начальником цеха. Он с наслаждением вспоминает, что имел власть орать на подчиненных, сколько ему захочется. Еще он вспоминает, что в его власти было выписывать самому себе пропуск на вынос материальных ценностей через проходную предприятия. И выносил. Много. Причем, не столько для себя лично, сколько для «друзей». (Ну, как тут не вспомнить адвентистского целителя Л. Ф., любимца публики на стадионных «евангельских» кампаниях, который крал Библии, чтобы дарить!)

К перечисленным преступлениям можно прибавить незаконное хранение огнестрельного оружия и, видимо, еще какие-то преступления, о которых он не говорит даже в пьяном состоянии.

В ипостаси мастера по ремонту квартир (следующий этап его жизни) действия Сергея несут ту же печать патологической потребности в восхищении. В частности, на промежуточных операциях он добивался совершенно ненужного блеска, что было поводом для клиентов не сопротивляться наваливающемуся чувству восторга Сергеем как якобы мастером. Но как только клиент начинал осознавать никчемность блеска, за который приходилось расплачиваться перерасходом материалов (денег) и потерей времени для отдыха хозяев, восторги уменьшались, и «неадекватность» из поведения брата В. исчезала. В одной квартире интеллигентная хозяйка прозвала Сергея «*флюрером*». Она бы и сама, наверное, не смогла объяснить повода к подобной ассоциации, но ассоциативные прозрения — это единственное, в чем женщины любого типа ошибаются редко.

Наиболее объективное проявление внутреннего мира человека — его семья, вообще формы половой жизни. Первая жена Сергея была, изящно выражаясь, авторитарна. Состоя с ним в браке (жили вместе), родила, как выяснилось, от его друга. Сергею это не преминули сообщить, но ему *упорно нравилось считать ребенка своим*, настолько, что он даже забрал у жены ребенка и отдал его В. на воспитание. Развелась жена с Сергеем, по мнению В., видимо, потому, что ей надоело харкать ему в лицо (буквально) и наблюдать, как, утершись, он говорил, что ему *хорошо* и т. п.

Второй раз он женился на девушке, которая, как он утверждает, по характеру совсем другая, чем первая жена. Однако мнение даже его матери иное: она не переставала удивляться, что и во втором браке ее сыну удалось в точности воспроизвести атмосферу первой семьи (себя мать, разумеется, в этих женах не узнает). Сергею же Оля очень нравилась, и — как он, выпив, говорил — только она и может его понять и приголубить. В точности так же он высказался и за три дня до того, как его жена, в последний раз его избив (она на 30 килограммов его тяжелее), выбросила его на лестницу. Но этим она не ограничилась — она пошла по соседям с воплями, что он, мерзавец, сегодня посмел, защищаясь, заслоняться рукой, и *поэтому* она с ним разводится. Ее победа над мужем — результат не только больших жировых отложений, но и большей некрофиличности. Пока Сергей нянчил ее ребенка — тот, как и положено, научился ходить; но стоило Ольге после изгнания Сергея взяться за дочку — та ходить перестала.

Она отнюдь не бесчувственный кусок жира (как-никак, дипломированный экстрасенс-целитель), и если не осмыслить, то хотя бы почувствовать, что над ней издеваются, она в состоянии. Именно так она и расценила тот ремонт, который в течение полугода делал в ее квартире супруг. И совершенно справедливо расценила. Люди вообще, а женщины в особенности, с трудом переносят изменение сферы обитания — что естественно при преобладающем ассоциативном мышлении. Иной раз достаточно переехать в другой район, скажем, из трущоб в фешенебельный квартал (казалось бы, повышение, да какое, радоваться бы и благоденствовать!), чтобы началась тяжелая форма нервного

расстройства. Все не так, как она привыкла, люди другие, раздражают даже цвета стен. Подобные изменения тем труднее переносятся, чем более ослаблен организм, скажем, в возрасте не только преклонном, но и в зрелом, в последние месяцы беременности или в первый год-два после рождения ребенка. Но именно перед самым рождением ребенка Сергей взялся уничтожать привычный для жены интерьер ее квартиры — дверные проемы вместо прямоугольных делал арочными, и даже вообще переносил в другое место, менял мебель; обои выбирались цвета, уж совсем для русского глаза непривычного, и т. п., — и чем активной и болезненней жена против всего этого возражала, тем с большим напором Сергей продолжал менять все. Способ изводить жену, согласитесь, утонченный — ведь всегда можно пребывать в позе «отец родной» («благодетель» — знакомая поза: это и Гитлер, и «дорогой экстрасенс»), дескать, ремонт своими руками, а тем более столь капитальный, есть невероятная экономия денег, а чуть ли не круглосуточная работа до полного изнеможения — повод, вообще говоря, им восхищаться. (Кто не знает, сообщаем, что «героическое» перерабатывание, точно так же, как и «чрезмерная выпивка», является наираспространеннейшим способом зарабатывания повода отлынить от близости в постели. Переутомился человек, вот и *не может* — таково распространенное заблуждение, которым, как показывают исследования, пользуются «благодетели». Наоборот, *не может*, вот и делает вид, что работать надо так много, якобы ради покупки ненужных вещей.) Оля же уклонения мужа от половой близости объясняет тем, что он ненавидит женщин вообще. Наибольшее для него удовольствие, как она рассказывает, довести ее до истерики: когда она «взрывается», лицо Сергея становится счастливым, довольным, и он, улыбаясь, тут же уходит спать один. В подробности собственно «половых» сношений, о которых Ольга пыталась рассказать намеками, мы погружаться не будем.

Что касается утонченности способов, то в жизни Сергея это проявляется во всем. Скажем, в астрологических пособиях говорится, что энергетические вампиры-«Близнецы» (зодиакальный знак Сергея) ярче всего проявляют себя в общественном транспорте, добиваясь необходимого им всплеска эмоций провоцированием разного рода склок и скандалов. Действительно, поведение Сергея — более всего отклоняющееся именно в общественном транспорте, но *в инверсированной форме*. Он не пропускает ни одной старушки (объект с ослабленным критическим мышлением), чтобы не помочь ей выйти из автобуса и даже, несмотря на ее сопротивление, помогает ей перейти дорогу. Благодарности «благодетелю», как вы уже догадались, всегда бывают бурные и восторженные. («Восторг», напоминаем, — синоним слова «безумие» / греч. *ταπια* /, наблюдается не только в состоянии опьянения или рядом с ярким некрофилом, но и в предсмертном состоянии.)

Это частности, но прорастающие из общего корня. Общий же корень, некий жизненный принцип, установка, символ, за неимением данных о пренатальном и младенческом периодах, приходится извлекать из детских переживаний. Однажды дети, которые играли с Серге-

ем, связав его проволокой и прикрутив к шее камень, пытались утопить в реке (других почему-то не пытаются; жены тоже, помнится, одна в лицо харкала, а другая избивала!), но не удалось, потому что его освободил случившийся рядом прохожий. Сергей наиболее бурно вспоминает даже не то, что *топили*, и не то, что *спасли*, а то, что он *отомстил им всем, не сразу и не своими руками*.

Это — жизненный сценарий, и обычно у определенного типа людей целью жизни становится поиск поводов такие сцены воспроизводить. Еще одно ярчайшее воспоминание Сергея относится ко времени его сотрудничества с преступной группировкой. Когда Сергею *показалось*, что охранники какого-то магазина или офиса повели себя с ним недостаточно почтительно, он привел своих подельщиков, которые повыбивали там витрины и т. п. «Милиция носа боялась высунуть!» — разве что не подпрыгивая рассказывал он. Тогда, действительно, было трудное для страны постсоциалистическое время, и милиция охраняла саму себя.

«*По плодам их узнаете их*», — сказано в Библии (Мф. 7:20), и при рассмотрении жизни Сергея и того, как рядом с ним меняются люди, сходится все: и то, что его будущая вторая жена, один только раз увидев его, так влюбилась, что, забыв про свою, что называется, девичью честь (18-летнюю), на следующий день пришла под дверь его квартиры, для того только, чтобы *просто постоять у его двери*; и то, что, с ним поссорившись, она страстно, до раболепства была влюблена как минимум в одного целителя (именно целителя, в точности, кстати, как и сестра Сергея, будущая В.), а потом опять в Сергея; и то, что им, поперек всякой здоровой логики, холуйски восхищается его мать (да и отец тоже) и во всем спрашивает его совета; и то, что будущая В., как она рассказывает, всегда им восхищалась как образцом мужчины; и то, что у нее П. никогда с братом не ассоциировался; а вот «дорогой экстрасенс» с Сергеем ассоциировался; и то, что племянница, дочка В., от своего дяди попросту без ума, он для нее *все*; то, что он мог быть *начальником* цеха, вором и фальшивомонетчиком, что в нем угадывается «фюрер», — список огромен, сходится все.

Естественно, пока брат жил с женой, В. ездила к ним помогать по дому — убирать, мыть посуду, нянчить ребенка, и хотя это занимало всего несколько часов, ей этого *хватало* — всякий раз она возвращалась во взведенном, истеричном (анальном, см. в Словаре слово «истерика»; это если и бешенство, то только не матки, а ануса) до болезненности состоянии. Чтобы прийти в себя, ей требовалось несколько дней. Можете себе представить, до какой степени деструктивности она дошла, когда выкинутый на лестницу Сергей переселился опять домой, к маме, папе, В. и ее дочери?! Естественно, что у В. от ее возвращенного критического мышления мало что сохранилось — оно сменилось восторгом. И сопутствующей деструктивностью.

И последнее: так ли уж очевидно мнение В., что брат не подпал под гипнотическую зависимость от «дорогого экстрасенса» из-за наличия нравственных устоев? (А так уж ли точно защитило? И во всех ли

отношениях?) Общность зодиакального знака, явное совпадение многих черт характера (инверсированность, стремление забыться, особого рода связь с сестрой), предпочтение, как мы дальше увидим, одного и того же типа женщин (что означает, среди прочего, и однотипность матерей), и предпочтение *их самих*, как из дальнейшего можно будет догадаться, женщинами одного типа, совпадение определенного рода жизненных событий должно было привести или к их садо-мазохистской «дружбе» или, напротив, к психологической от целителя защищенности. Основание к столь, казалось бы, противоположным чувствам, как ни странно, одно: интуитивное «понимание» истинных, пусть и скрывааемых намерений «дорогого экстрасенса». Липач липача всегда отличит и поймет. Уже одно осознание того, что сейчас его, Сергея, попытаются подчинить, могло защитить его в эпизоде с рамками, при первом его посещения Центра. К тому же солидные, даренные патриархией иконы в Центре на Сергея расслабляющего впечатления могли и не произвести, потому что свою фальшивомонетническую карьеру он начинал с выполнения противозаконного, но хорошо оплаченного заказа от одного из достаточно высокопоставленных иерархов православной церкви. Скорее, наоборот, присутствие икон в Центре послужило предупреждением: *здесь жулье*. Не потому что в Центре, а потому что иконы.

И все это не считая того, что всякий жулик, чтобы не попасться, вынужден защищаться, в том числе и от энергетических способов о нем познания. Что касается «дружбы», то она в определенном смысле реализовалась. В каком — об этом в одной из последующих глав. А вот с П. Сергей сойтись не смог. Ни в каком смысле. Толстого, как читатель уже догадался, Сергей желания читать не испытывает. Библейские же предпочтения В. и П. ему и вовсе смешны. Но смешны только внешне, на самом же деле он все время требует, чтобы сестра от этих убеждений отказалась.

Можно ли осуждать П. в том, что на протяжении двух лет он соглашался с В. в том, что ее брат — *хороший*? Что, найдя в себе после Сергея некую конструкцию из черного алюминия, он попросту отказался поверить в ее существование? В оправдание П. можно заметить, что видел он брата В. только глазами застольного гостя, и, надо признаться, за столом Сергей на хлебосольного (а, следовательно, доброго?) хозяина умеет быть *убедительно похож*. Переосмысление брата В. началось с появлением у П. возможности наблюдать Сергея, когда они вместе два месяца занимались ремонтом квартир.

Вот таков человек, во многом определивший *формы* несчастий нашей В. Этот анализ вовсе не перетряхивание грязного белья, а необходимая операция для придания причинно-следственным связям «Катарсиса...» большей объемности. Если же называть вещи своими именами, то брат В. — *достаточно яркий некрофил, с инверсированным поведением, утонченный, который требует от окружающих удовлетворения не только своих садистских потребностей, но и мазохистских*.

Разумеется, по сравнению с Гитлером, Гришкой или «дорогим экстрасенсом» Сергей выглядит невзрачно (те — «ярчайшие»). А вообще

мы предоставляем читателю самому решать, к какой зоне относится брат В. Что до сестры, то в ее подсознание он внедрился, когда она была еще ребенком, — и беспрепятственно десятилетиями по нему расползлся.

Перемещение Сергея из одной семьи в другую привело не только к прекращению гнойных заболеваний у выгнавшей его жены, но и к многочисленным изменениям в семье его детства. Его после изгнания возвращение нам интересно только с той точки зрения, что по последовавшим за этим изменениям с В. и остальными членами семьи мы можем ответить на ряд поставленных в «Катарсисе...» вопросов, на которые до сих пор мы были не в состоянии ответить, в частности:

— почему В. *так долго* (без малого год) держалась в целительском Центре;

— почему ребенок В. несет на себе отчетливые следы воспитания некрофилом (негативизм, *mania anglicana*, плохая учеба, навязчивое желание обмануть, всепобеждающее стремление впасть в транс).

На понятийно-логическом уровне мышления В. ее брат присутствует как персонаж, глобально положительный. Дескать, *поэтому* она его «очень любит». Но она также утверждает, что не только она, но и Сергей *любит* ее дочь; общность чувства, вообще говоря, дает основание усомниться, любит ли дочку сама В. То есть, безусловно, любит, только в каком смысле: редчайшем божественном или распространеннейшем садо-мазохистском? Очевидно, что под словом «любовь» она имеет в виду один и тот же тип эмоциональных переживаний: она «любила» своего первого мужа, брата, «дорогого экстрасенса», дочку и мать. А вот П. она не «любит». К нему у нее совершенно иное отношение. Даже слово это она упорно не употребляет. Итак, если В. дочку свою в присутствии брата не любила (в биофильном смысле слова), то становятся понятны свойства ее характера (характер ребенка — проявление истинного отношения к нему матери). Не любила? Как такое может быть, если не только П., но и читатель ясно видит, что В. к злым женщинам явно не относится?!

Объяснить это противоречие П. удалось только после возвращения Сергея домой: рядом с ним В. стала совершенно иная, чем рядом с П.! Она стала деструктивна, сознание стало рваным, как интересная собеседница она перестала существовать, генитальная возбудимость исчезла, с П. она не просто поссорилась, но, в сущности, его выгнала. Зато появились многочисленные проявления типичного анально-накопительского характера (тема денег, понимание взаимоотношений как власти и подчинения /вдруг стала требовать, чтобы П. подчинялся без рассуждений/, деструктивное поведение, появление брезгливого /некрофилического/ выражения губ, чего у В. во все время ее знакомства с П. не наблюдалось, и т. п.). Даже грудь — и та существенно сократилась в размерах.

Тема раздвоения личности наиболее эффектно представлена в рассказах об обитателях психиатрических лечебниц, где «Александр Ма-

кедонскому» никак не могут втолковать, что он еще вчера был «Наполеоном», а десять лет назад каким-нибудь Ничепуренко Григорием Ивановичем. За пределами сумасшедших домов этот феномен можно наблюдать на примере адептов разнообразных сект или учеников какого-нибудь «исключительного» жреца государственной религии — словом, любого человека, позволяющего себе подпасть под влияние яркого некрофила: до знакомства с вожаком они одни, после же знакомства их как подменяют, причем меняется все — тембр голоса, образ мыслей, стиль одежды — они не слушают никого, кроме вожака, и только после его смерти или ареста, в среднем, спустя пять-девять лет становятся почти прежними.

Эти курьезные случаи помогают обратить внимание на более распространенный феномен: *всякий человек* даже в течение дня может быть как бы разными индивидами. Об этом прекрасно писал Эрик Берн. Он говорил, что есть три основных психических состояния человека: Взрослый, Ребенок, Родитель. Проблема конструктивных взаимоотношений, по Эрику Берну, заключается в том, что люди не замечают за собой ступенеобразных изменений, что мешает принимать верные решения, портит взаимоотношения даже близких людей, и так далее. Как утверждает Эрик Берн и многочисленные его последователи, участие в транзакционных группах, где обучают замечать переходы состояний личности у других, а тем самым впоследствии контролировать себя, приводит к улучшению приспособленности к жизни. Мы не будем вдаваться в тонкости транзакционного анализа, нам достаточно показать, что геометрические особенности тела и документы — это еще недостаточные основания идентифицировать личность. Характерная особенность перехода из одной «индивидуальности» в другую заключается в том, что человек во многом *не помнит*, что с ним происходило в предыдущем его состоянии. Так и В.: она, как вы помните, в хорошем своем состоянии говорила, что у нее ощущение, *что ничего из того, что с ней было в Центре, как бы не было*. Когда она входила в состояние ссоры с П., она зеркальным образом эту фразу повторяла: *того, что у нее было с П., как бы не было*. И то, и другое справедливо: В. с П. **была совсем другой, чем она была в Центре** и... после возвращения брата. Это были два совершенно разных человека! С П. она была одна, а с братом до его брака (пока она была в Центре) и после его возвращения — совершенно иная!

Перемена в В. потрясла не только друзей П., но, разумеется, больше всего его самого. Он смотрел на знакомое лицо, но даже в движениях узнавал Сергея, слышал стандартные его фразы, темы (деньги и т. п.). Но, вместе с тем, его не оставляло ощущение, что и это он уже где-то видел. Еще до встречи с семьей В.!

Конечно же! Все это он видел во время арестов и обысков! Типичная воровская «маруха» («телка», «бабца», «матрешка»)! Если «сексуальное» поведение человека — самая глубинная его характеристика, то его поведение во время ареста, наверное, непосредственно следующая. Что поражало П. при арестах, так это поведение воровских марух. Казалось бы, взяли ее сожителя с поличным, вещественных доказательств,

изъятых при обыске, достаточно на десять судебных процессов, но для марухи не существует ничего — виноваты кругом все, а более других те, которые пришли с обыском, она же — *хорошая*, ее *обидели*, в ней нет ничего такого, чем нельзя было бы не восхищаться (а разве это не прекрасно?), и стыдится ей нечего. И как воры, демонстрируя свою решимость к смертному бою, до крови режут бритвой *себе* предплечья, так же демонстрируют себя и их марухи — разнузданно требуют считать себя *хорошими*... Будущий П. далеко не сразу понял, что такое поведение воровских телок вовсе не притворство, не игра. Да на самом деле это как раз и есть то, что называется нравственной проблемой человека: они просто не могли позволить себе понять, что это *дурно* — *красть у других*. *Не могли понять!* Чего же им тогда стыдиться?

Воры бывают разные: домушники, щипачи, липачи, медвежатники, иваны, утюги, торгаши и другие. И у каждой из этих категорий свой, отличающийся от воров других типов, стиль жизни, быт — сексуальные ритуалы, формы в доме нечистоты и т. п. Опытный инспектор без труда различает эти типы не то что по оформлению их жилья, но даже по одежде и походке. Словом, они все как будто из одной стаи с неким вожаком, которому они, возможно, его и не зная, подсознательно подражают. Познания из жизни воров — знание, казалось бы, мало полезное для взявшегося за психоанализ. Ан, пригодилось.

Перед П. с его друзьями буйствовала «маруха», и не какая-нибудь, а именно «торгашка», то есть как раз из того слоя, из которого была первая жена Сергея, и которая и определила срок начала его преступной карьеры (если бы он стал «торгашом», а не «липачом», они бы, возможно, жили вместе и поныне), а также его вкусы, в частности при оформлении квартиры его второй жены. (Это, вообще говоря, типично для «фюреров»: все они обладают болезненнейшим комплексом неполноценности, всякий им кажется лучше себя, а потому они в кого-нибудь с готовностью внутренне перевоплощаются — все равно в кого, хоть в изменявшую жену. Истинную сущность такого «фюрера» распознает или ассоциативно-образное мышление, или ее можно вычислить, наблюдая поведение людей, позволяющих себе впадать в страстную от них зависимость.)

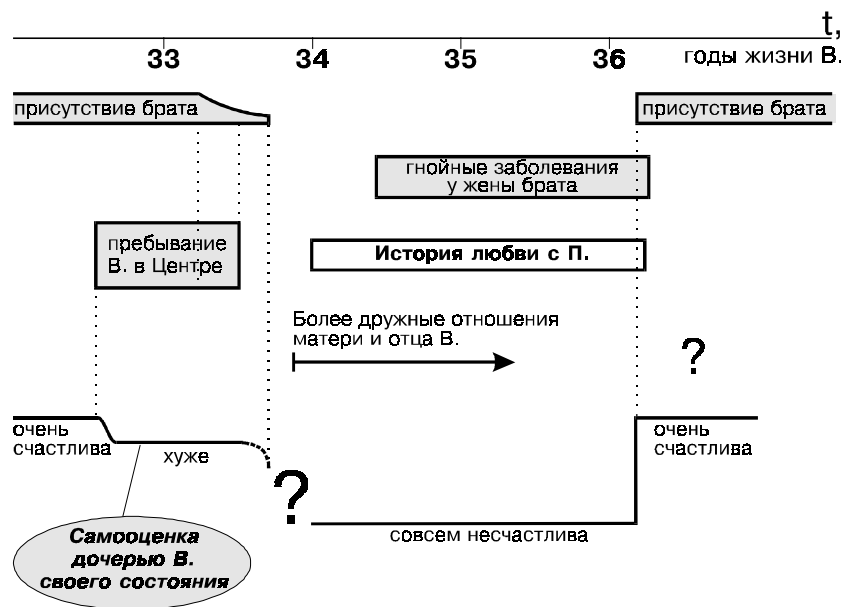
Итак, В. по возвращении Сергея домой стала «марухой» собственного брата!.. И именно «марухой»! Или, попросту отражая брата, она *была им*, подобно тому, как Наташа была *Элен*.

Но из этого следует, что и до его ухода В. была *им*! (Для простоты обозначим то ее состояние как «В».)

Таким образом, познание о том, что пространственная близость с братом неузнаваемо меняет В., и в этом состоянии она может пребывать неограниченно долго, позволяет сделать несколько очень важных выводов.

Во-первых, можно считать достоверными слова В. о том, что она не могла встретиться с П., пока работала в Центре: так была всем там происходящим *увлечена*. Но теперь мы можем продолжить и очистить ее мысль: ее встреча с П. была невозможна и до тех пор, пока «наездни-

ком» был младший братишка. Как только он женился и переселился к жене, встреча произошла (всего через три месяца!), но союз продолжался до тех пор, пока Сергей не вернулся. Таким образом, В. может быть сама собой только в его отсутствие. Если бы она встретила с П. раньше, то возникла бы комбинация «Ромео и Джульетта», клан ловцов преступников схлестнулся с преступным кланом — такое случается, и не только в кино. (Нечто весьма близкое реализовалось в жизни родителей П.: зарабатывать деньги его отец начинал в ЧК /с 16 лет, что не могло не положить отпечаток на его характер/, а мать была из семьи репрессированных и ограбленных — тем же ЧК! Результат — страстная любовь.)

Зависимость событий в жизни В. и ее близких от пространственного присутствия ее брата

Во-вторых, мы экспериментально убедились, что *половинки* — это явление отнюдь не только биоритмическое. Ведь с появлением брата *половинка* как бы умерла — ничего не осталось ни от интересной собеседницы, ни от любовницы генитального типа, ни от заботливой обучающей матери.

В-третьих, поскольку переключение брата на другую женщину произошло, когда «В.» работала в Центре, то рассматривать закономерности эволюции ее взаимоотношений с целителями можно лишь с учетом того, что появилась она там в одной индивидуальности («маруха») и

была принята, а взаимное *отторжение* произошло, когда влияние «наездника» (брата) существенным образом ослабло. (К анализу происшедшего с «В.» в Центре мы вернемся в главе «А ведь это была победа!!!».) Та В., какую мы видели на страницах «Катарсиса...» рядом с П., не приемлема не только для матери В., не только для брата и даже ее дочери, но и для целительского коллектива тоже.

В-четвертых, поскольку фундамент характера дочери В. закладывался, когда ее мать была «марухой» своего брата, то удивляться особенностям ее характера (*mania anglicana*, негативизм, плохая учеба, цель жизни — впасть в состояние кайфа) удивляться не приходится: воспитывала ее отнюдь не Возлюбленная, а «маруха». Вывод поразительный: *несмотря на лестные самооценки своих взаимоотношений с дочерью, «В.» ее до встречи с П. не любила!* Вернее, «любила», но в некрофильском смысле этого слова!

Именно такое обычное к себе отношение дочь В. и называет «любовью», а состояние транса — «счастьем», к которому и стремится. Пребывание «В.» в Центре коренным образом ее не изменило, но ненависть к дочери уменьшилась, поскольку некрофильские импульсы она частично рассеивала на товарках-целительницах и возлюбленном экстрасенсе, что дочь «В.» восприняла как незначительное уменьшение счастья (см. схему). А вот кардинальное изменение «В.» после ухода брата, молитвы о *половинке*, встречи с П. и превращение в В. лишило дочку, внучку и племянницу алкашей пьянящего некрополя. Что дочка «В.» и расценила как состояние особенного несчастья. Результат один, хотя механизмы разные: при брате, в Центре, мать давала меньше «счастья» из-за рассеивания некроимпульсов, а без брата, но с П. лишила «счастья» из-за своего внутреннего преобразования.

На схеме заметно, что внешние последствия появления или ухода Сергея проявлялись не сразу, и это настолько естественно, что иначе быть не может. Однако это изменение *поступков*, но не *состояния души*. Если В. с П. поссорилась, так сказать, «официально» только через две недели после возвращения брата домой, то разлад начался немедленно! Проявилось это, естественно, в постели. Все было, казалось бы, тем же самым: разговоры, улыбки, стиль одежды... Но клиториальная и вагинальная возбудимость у В. настолько редуцировалась, что ее оргазм превратился, по ощущениям П., в откровенную профанацию. Более того! После «оргазма» она стала расплываться как бы в изнеможении удовлетворения, в точности так же, как актрисы, изображающие удачный сеанс страсти. Но актрисы ничего иного попросту не умеют, потому что, будучи некрофилками, способны только на некрофильский сценарий и не только на сцене, но и в жизни. Но В.-то чего вдруг ухнула в такой сценарий?

(Характерно, что В., вернее это была уже «В.», даже не заметила, что произошло изменение ее поведения в постели!! Все, с ее точки зрения, было, как и прежде. Изменившееся в постели поведение было игрой, но не подражанием, а acting out неудовлетворенных потребностей ее нового состояния души. Не решив на уровне тела мировоззре-

ния (или духа) некие нравственные проблемы, она допустила порабощение себя некрополем брата, в результате чего главным ощущением души стали неуверенность и страх. Единственное решение проблемы страха для некрофилов — это забыться. Мужчины в таких случаях чаще напиваются, реже влюбляются. Женщины пьют реже, но только потому, что в силу большей чувствительности могут забываться во влюблениях. Вариант — вступают в секту (гарем) с любым вероучением. (Обратите внимание: чем секта более авторитарна, тем больше в ней отношение количества женщин к количеству мужчин.) Если забыться (умертвиться) невозможно (как рядом с П.), то некоторое «облегчение» можно получить за счет имитации. Это всем известный прием: если плохо, состояние угнетенное, то надо заставить себя искусственно улыбнуться и распрямиться, то есть принять позу довольного человека, и, действительно, лучше становится даже на уровне ощущений. Так же и в постели, в случае реализации некрофилического сценария. Если принять позу изнеможения, то наступит некое забытие, кайф, трупность. Как бы перенесение в общество некрофила. Однако имитация есть имитация, поэтому принадлежащая брату «В». не в состоянии получить от П. ни удовольствия биофилического (из-за себя), ни некрофилического (из-за него). При таком состоянии души и при нерезультативности постельных взаимоотношений не разорвать с П. отношений она не могла. Что и произошло при обстоятельствах, тоже весьма характерных: он, обеспокоенный невиданными прежде у нее симптомами, предложил заняться психокатарсисом, но она не только ничего в себе не увидела, и, соответственно, не избавилась, но буквально через несколько минут стала агрессивна и обвинила П. в том, что он хочет ее убить!!! Истерика. Впрочем, вполне обоснованная: для любого некрофила психокатарсис есть его отрицание, его как бы смерть. Это также смерть реплики, отпечатавшейся в естестве В. Ее слова показывают, что в данном случае она себя *полностью* отождествила со своей репликой.

Дальше — больше. Еще через две недели безуспешных попыток П. спокойно происходящее обсудить, он предложил ей самой объяснить, почему она стала так ужасно и истощенно по всеобщей оценке выглядеть, хотя в то время, пока она была с ним, все общие знакомые говорили, что приятно смотреть на ее улыбающееся, пышущее здоровьем лицо. «В». объяснила это следующим образом: все находится под гипнозом П., поэтому, когда она была с ним, то была несчастлива, их же друзьям лишь *казалось*, что ей хорошо; а вот теперь она, наконец, стала счастлива, а то, что она внешне кажется истощенной, то это всем только *кажется*, потому что все под его, П., гипнозом. Конечно, можно вздохнуть и сказать: ну вот, знакомая история — женщине долго-долго объясняли и женщина все поняла, обычное, в сущности, дело. Да, что и говорить, интеллект у «В». стал типичным для женщины из комбинации «некрофил — жухлая».

То, что она стала именно прежней, как до переключения брата на другой живой организм, следует, хотя бы, из того, что «счастье» для нее стало желанно в точности то же, что и для воспитанной ею доче-

ри — забыть, безмыслие, анальность. Смерть — счастье? Но ведь была же она когда-то Возлюбленной!! Великолепной собеседницей! А какой любовницей!)

Противилась ли В. до встречи с П. домашнему «наезднику»? Безусловно. Об этом говорит сам факт ее встречи с П. А до встречи — молитва. Но молитва была непосредственно перед встречей, а еще прежде?

И еще: как ввиду выявленной сущности характера — соответственно, влияния Сергея — можно по новому интерпретировать этапы ее с братом взаимоотношений?

Итак, период первого брака Сергея. Для подсознания В. отсутствие дома давящего брата с инверсированными поступками — облегчение, новое ощущение, которое нравится. Возвращение его домой, видимо, даже при его инверсированном поведении ознаменовалось появлением защитных грубовато-хриплых в ее голосе интонаций, мазохистских на лбу складок и истощенного выражения лица. Но В. хотелось начать дышать вновь. Для женщин кратчайший путь — тот, по которому она уже ходила — или ее провели. Женщина не воспользуется чужим понятийно-цифровым советом, чтобы пойти иной, более короткой дорогой, но пойдет известной, в соответствии с ассоциативной логикой, *единственной* дорогой. Итак, В. подсознательно «знала», что избавление от «наездника» возможно единственным путем — удалением его из дома, т. е. женитьбой. На языке рабоче-барачной культуры рационализация должна звучать приблизительно так: *мое счастье — в счастье брата*. И В. развивает бурную деятельность — сводит, расхваливает претендентку, оправдывает некоторые Олины эротические художества и т. п. Нет-нет, никакие зловредные козни не строились; в той системе мировосприятия, в которой ей позволяли пребывать мать с братом, семья Оли ей действительно *поправилась*. (Рационализация: *побывала у них дома, и вижу, что, хотя зарабатывают много, дома просто, мебель обшарпанная, даже как бы грязенькая. Вот я и решила, что не выставляются, хорошие, достойные уважения люди. Это уж когда брат у них появился, они вдруг все как взбесились: стали покупать, покупать, да подороже, да все импортное...*)

Итак, новый брак Сергея состоялся, но для В. (не для «В»!) облегчение наступило еще до свадьбы — с начала встреч жениха и невесты, когда он «переключился» на другую женщину. (См. схему: в процессе переключения брата на другой организм важны три точки — начало встреч, переселение и промежуточная точка, после которой В. могла уже противостоять его давлению. Именно с этого времени начался распад гармоничного сосуществования с целителями.) На языке же рационализаций В. решила, что *ее счастье единственно в том, чтобы «помогать» другим людям*, следовательно, она *хорошая*. Но рационализации — это не подсознательные причины поступков, и в реальной жизни никогда не совпадают у людей вообще и у «В», в частности.

Успех операции сватовства (второй раз в жизни В. стало легко!) для женского ассоциативного ума означал уже не просто проторенную дорогу, но глубокую колею, из которой выбраться трудно. Помните,

она предлагала П. подобрать ему невесту, если он захочет ее бросить? Странное предложение, правда? Да-да, это голос из той самой колеи.

В таком случае, как тут не вспомнить, что *исход от «наездников» из Центра тоже произошел в результате брака «дорогого экстрасенса»?! А может быть, этот брак тоже был спровоцирован самой В.? Вывод, надо сказать, вполне естественный. (Прием, с помощью которого В. удалось повернуть и это сватовство, мы подробно разберем в главе «А ведь это была победа!!!».)*

Да, чтобы уйти, она, от «дорогого экстрасенса» в достаточной степени зависимая, вынуждена была женить и его. Удача в этом мероприятии окончательно утвердила ее в том выводе, что для того, чтобы было *легко*, надо, чтобы оказавшийся рядом мужчина был способен на брак с любой другой женщиной, кроме нее самой. Только в таком случае у нее есть гарантия, что, когда станет совсем тяжело, у нее есть выход. Из подобного рода подсознательного вывода кроме всего прочего следует, что после своей успешной сватовской деятельности *она сама в браке счастлива быть уже не может*: в замужнем состоянии у нее не будет ощущения, что она в состоянии контролировать ситуацию. Рационализация: расставание затянется, давить, чтобы сохранилась семья, будут со всех сторон, все это мучительно, ощущения безопасности нет, а будет ощущение, что она «в плену». Такого рода неизбежный вывод и проявился в ее нежелании венчаться с П. Но с другой стороны, она не может быть счастлива и вне брака, все по той же причине: страстного желания безопасности, вернее, *ощущения* безопасности. Все закономерно — человек взял на себя роль Господа Бога, за что и поплатился иссушающим душу внутренним конфликтом. «*Все, что не по вере, то грех*», — так сказано в Библии (Рим. 14:23), и это серьезно. Воля Божья — соединение *половинок*, все же остальное — грех. Пока она не изживет последствия своей сватовской деятельности, ей бессмысленно вступать в брак — она будет несчастной. Впрочем, бессмысленно и не вступать — тоже будет несчастной. Но изживание греховных поступков прошлого невозможно без осознания, *почему* ей становилось легко, когда младший брат из ее жизни удалялся. Осознание — большой труд; ведь это противостояние кодировкам матери на то, что брат — *хороший*. Такова структура ее неврозов: мать — корень, брат — ствол, а экстрасенсы и прочие Зины и Костики — ветви и листья. Так что до тех пор, пока она позволяет «наезднику» из ее тела мировоззрения управлять ей как зашоренной лошади, — счастья ей не видать.

Неверные в жизни поступки бесследно не проходят: меняя психику, они усложняют будущие взаимоотношения, как это произошло в случае В. и П., и выявить их для покаяния подчас сложно. Тем приятнее, когда они выплывают наружу.

Итак, возвращение брата домой, среди прочего, проявило некрофиллическую жизненную установку «В». во **всех** ее межличностных отношениях, — вождение «победить» тех, кто ее дома притеснял.

Выражая мысль иначе: **подобная жизнь — есть постоянное противостояние**. Все окружающие люди существуют лишь постольку, по-

скольку они ассоциируются с тем или иным врагом детства. Не врагов попросту не замечают.

Четыре человека окружали В. в ее семье — мать, отец, брат и дочь. Трое определили ее характер от самого детства — отец, мать, брат. (Дочь — лишь продолжение взаимоотношений с ними.) Все трое сковывали ее свободу — и со всеми она боролась. Побеждать она решила начать, разумеется, с самого слабого, беззащитного звена цепи — отца. (Не стоит отца идеализировать. Когда сын принес домой чемодан денег, отец не сказал: «Сын, не делай того, что делаешь. Ты не только свою душу погубишь, но и души тех, кто окажется рядом. Одним только своим присутствием будешь портить воздух». Нет, этого он не сказал. Но он сказал другое: «Ух ты, как здорово! Давай пересчитаем, сколько здесь!») Первый муж «В». и был символом ее отца, психологическим — безвольный, водимый и пьющий. От отца биоритмического в нем не было ничего, только садо-мазохистская надстройка. Победа над мужем была полной — он был смят и уничтожен. Разумеется, в финале она не преминула встать в позу «обижена-опозорена» и все свалила на него. Разумеется, были и еще «отцы» (рационализация: «*мужчинам я нравилась*», а ведь кто не знает, что без авансов мужчине не расшевелить?), их она «кидала» (с неизменным видом «обижена-опозорена»), как того яблочного купчика, без труда и мало замечала. Делала это, кстати, достаточно жестоко. П. это почувствовал на себе: ведь после трансформации В. в «В». П. для нее стал не более чем *аналогом отца*, человеком, к которому в доме даже дочка «В». относится с хамским пренебрежением. Отсюда величайшее благословение биоэнергоритмического тождества с отцом В. при генитальной ее ипостаси при возвращении ее в анально-накопительское небытие превратилось в кардинальную противоположность — величайшее проклятие. П. стал для нее как бы первый муж, с тем, однако, отличием, что первый муж был более в ее психике значим: мог дать в морду.

Затем для «В». настала очередь символических матерей. Вы обратили внимание, что абсолютное большинство травм у В. от женщин? А то, что «В». разогнала всех «подруг»? То-то! У нас нет данных, что среди этих женщин был некий биоритмический аналог матери — может быть, и был. Обычно для этого рожают ребенка-девочку: она как бы несет в себе часть бабушки — и упражняются во властолюбии над ней, тем символически побеждая (убивая) мать. Это не освобождает от чувства подавленности, но утоляет на время чувство мести. И действительно, у дочки В. подозрительно много схожее с бабушкой — и за это девочку ругают, ругают, ругают. (Рационализация: *надо воспитывать, чтобы была хорошим человеком*.) А ведь схожие с бабушкой черты для того и воспитывают, чтобы был убедительный повод «воспитывать».

И вот когда «В». вполне натренировалась с «отцами» и с «матерями», она взялась за самого сложного противника — «брата». Психологические (липачи) и психосоматические аналоги — это целители вообще, и, как показала практика, с этой братией больших проблем не возникло, «кинуть» их, при безразличном к ним отношении, несложно.

«Дорогой экстрасенс», в отличие от других экстрасенсов, был более значим, поскольку вызывал более прямые ассоциации с братом (тот же общий знак Зодиака), или, что то же самое, — боль и желание его уничтожить. Он был «интересен», соответственно, интересен был и его способ зарабатывания денег — целительство и экстрасенсорика. Обоюдная ненависть, как мы знаем, есть «любовь», и в новую стаю на убой «В». повела и свою дочку, и своего дядю и прочих. Словом, противник оказался более сложный, и «кинуть» его так просто, как остальных экстрасенсов, не представлялось возможным. Но, в конце концов, она и этого «кинула». Пиррова, но победа.

Однако победа над символами не всегда освобождает от зависимости от прообраза. Да и вообще, борьба на ложном основании может только иссушить и отяготить. Вплоть до болезни.

Итак, из шести возможных вариантов: отец психологический (первый муж), отец биоритмический, брат психологический (экстрасенс-целители), брат биоритмический («дорогой экстрасенс»), мать психологическая («подруги») и мать биоритмическая (специально рожденная дочка) — В. символически поборола пять. Остался последний вариант — «отец биоритмический». Если двигаться по старой колее, то есть воспринимать жизнь только как борьбу за власть, и более никак, то и его надо бы «кинуть». Только вот в чем задача: такой вариант только один. Люди не с неба падают, и все непременно рождаются от земных родителей, а потому присущая им от рождения генетика, биоритмика и т. п. всегда остается при них. К замочку бывает только один ключик. Тем более, если замочек хитрый. Так что, трудное положение для заплутавшегося кидящего ума. Если «кинуть», а потом вдруг захотеть стать женщиной с генитальным типом характера, то возможности уже не представится.

Есть ли выход из этого положения? Есть. Вообще говоря, появление «добродетеля» (любого) и обнаружение признаков болезненной от него зависимости — вовсе не повод продолжать им восхищаться, но повод к молитве. Скажем, к такой: «Как это я, Господи, могла так заблудиться? Как это так у меня получилось, что целители *хорошие*, брат — *хороший*, вторая его жена — *хорошая*? Как я доказывала, что мы с ней похожи!.. И в комсомол я первая в классе вступала, а сменились времена — иконами все стены в квартире увешала, и целителям, у которых моча — нацелбнейший из напитков, я верила, а вот теперь *сама догадалась*, что П. — враг и грабитель! Как же это так все получается? Я что, совсем-совсем обыкновенная женщина? Тупая-тупая? Как те купчихи, в сущности, *марухи*, которые в скиту у отца Сергия, все разом *сами догадались*, что Сергей — *святой*? Ведь противные бабищи, Господи! А я, получается, такая же? И опять я снова и снова себя за опозоренную выдаю. Обиженную-оскорбленную! И верят мне, а не *ему*! Вот что самое страшное! Все верят! Мне! И жалеют... Ведь внушаю я! Получается внушать! Целительница я! А ведь все ложь!.. Господи, я что, ничему не могу научиться? Не могу быть Тебе благодарной за все, что Ты для меня сделал? За то, что вмешивался в мою жизнь?.. Заму-

жем я была, в целительницах ходила, Алешу своего с кем только я не предавала — счастливой-то я когда-нибудь себе быть позволю?! Я когда-нибудь перестану *сама догадываться*, а буду мыслить с Тобой? В чем я Тебе неверна, Господи?!»

А, согласитесь, приятно думать, что стоило В. остаться вне влияния брата, она тут же нашла П.! Сразу! Всего-то через три месяца! А если учесть, что первые полтора месяца из этих трех П. в городе не было, то всего за полтора!

Вот уж точно, как не вспомнить библейское: *«враги человеку — домашние его»* (Мф. 10:36).

Продолжим анализ. Отказ «В». от своего молитвенного обещания Богу никогда не расставаться с П., ни при каких, даже сложных обстоятельствах, приятен всем членам семьи ее детства. Дочери приятно, потому что все и вся «проваливаются» в детство, где был незамутненный кайф тупости и бессмыслия. Кроме того, отменяются занятия по английскому языку, истории, психологии и литературе, знания по этим предметам и хорошие в школе отметки. Лишение дочери защищающего сознания для «В». так же, как и для ее матери, приятно, потому что неподготовленность дочери к жизни (деформация нравственных оценок), которые ее обессиливают, для убивающей матери есть повод для приятных мечтаний. И плохая учеба становится — *нормально!* Помните главу «Семья»?

Матери «В». тоже подсознательно приятно видеть, что личная жизнь у дочери не «сложилась», а потому не удастся и у внучки. «Пророчества», что у внучки все в жизни будет плохо, сопровождали «В». с самого рождения дочери и означали не более чем желание матери и дочери, и внучке все испакостить. Отец — объект наименее изученный, поэтому относительно него ограничимся предположением, что он будет жене подпевать. Напьется еще — с горя. Или, наоборот, для большего кайфа от всего, в доме происходящего. (Словом, та еще семейка, социальная основа гитлерщины или иной авторитарной государственной религии! Это они — государственные верующие, уничтожающие инакомыслящих!) А у брата, как семейного кумира (вожака), чувство удовлетворения по поводу изгнания П. самое обильное.

И вот по каким причинам. Очередное позорное изгнание Сергея актуализировало у него вполне определенные психологические потребности. Он их, как и все в его положении, скрывает, но вычислить их несложно. Первая жена рождает от лучшего друга, второй жене после многократных неудач хотя и удается забеременеть, но, тем не менее, она не скрывает от окружающих, что о половых способностях своего мужа она, мягко выражаясь, невысокого мнения. Кто знает, может быть, и первая жена трепала его имя на всех углах, что он-де импотент (или что-то близкое)? Более того, если учитывать похожесть, если не тождественность, натур его первой и второй жен, а также то, что вторая жена еще до беременности не скрывала, от которого из начальников отделов банка, в котором она работала, у нее подводило низ живота (а как просто и часто *это* на службе делается, объяснять, наверное, надобности

нет, тем более, если учитывать шокирующую статистику прелюбодеяний именно в этой категории населения), то есть основание усомниться в отцовстве Сергея и относительно второго ребенка. (Будь первой жене важнее алименты, а не желание его изгнать из жизни, то Сергей считался бы отцом уже двоих детей — полная, так сказать, *конспирация*! Хотя немецкий фюрер пошел дальше: он имитировал отцовство пятерых детей.) Но в отношении второго ребенка Сергей может быть спокоен, возможности платить алименты его не лишат: начальник его жены хотя и холост, но замуж Оле идти за него не предлагал даже тогда, когда она была еще незамужней. Он предлагал ей только быть любовницей. Это предложение очень импонировало Олиной матери, и она уговаривала дочь согласиться, браку же дочери с Сергеем всеми силами противилась. Поэтому, учитывая то, что начальник вполне, похоже, научился обращаться с женщинами типа Оли и ее матери, а потому, разумеется, никаких детей оплачивать не будет (тем более, сомнительного происхождения и от сомнительной женщины), а также учитывая то, что Оля жадна, Сергей может не сомневаться, что право десятилетиями носить бывшей жене деньги у него не отнимут.

К сложностям с отцовством и обвинениям в мужской слабости можно относиться по-разному. Можно равнодушно, можно со вздохом облегчения, можно с иронией, можно идиотически хихикать, а можно и стыдиться — организовывать конспиративные мероприятия в виде гор противозачаточных средств в шкафчике на квартире у женщины без влагилица, или отыскать во *временное* пользование биофилку (см. график смены эротических предпочтений в главе «Эволюции эротических предпочтений»), еще не оградившую себя от некрофилов целостным осмыслением жизни.

То, что Сергей поперек очевидного всеми силами пытался ребенка от первой жены выдать за своего, говорит о болезненном стыде по поводу брачных неудач, из чего следует, что после очередного изгнания, для Сергея вопрос о реабилитации становится первоочередным. Отсюда, при возвращении в семью детства, *бессознательно* основные его усилия должны быть направлены на организацию с В. особого рода взаимоотношений. Как минимум, хотя бы прежних, — чтобы она почитала его как образец мужчины. (Хотя душе его такое к нему отношение явно не на пользу.)

Хотя бы только по этой причине П. для Сергея — враг номер один. Но для ненависти есть и еще несколько причин. (1) П. — единственный человек в семье, кто не впадает от Сергея в состояние восторга, что для всякого кумира оскорбительно. (2) П. уже одним только своим присутствием разрушает комфортную для Сергея семью детства. (3) П. у Сергея стоит на пути к В. (Это все не шутки: помните инцест Анатоля и Элен? А если учитывать необычайную ревнивость Сергея к сестре, то...) (4) П. за несколько месяцев до изгнания Сергея его второй женой это событие подробно предсказал, что у не соглашавшегося тогда Сергея не может не вызвать ощущения собственной неумности. И одной из этих причин достаточно, чтобы Сергей стал мстить — как всегда *не сразу и не своими руками*.

Как водится, Сергей убежден, что ненависть его праведна: а с какой стати П. лишил его того, что ему всегда принадлежало? Только ему! Им всегда в семье все восхищались. *Он*-то ведь ни в чем не изменился — с какой стати должны меняться другие? *Он*-то этого не желал! Следовательно, его обобрали! Унизили, убили! П. — грабитель! И враг! И так оно и есть, ведь и сестра теперь *«вдруг»* заговорила, что П. *ее* обобрали! И то, что враг, тоже теперь говорит. И что хочет убить — тоже.

Таким образом, брат, кроме решения проблем с потенцией, тоже рядом с уничтоженной В., как и все семейство, получает свою долю удовольствия: от власти, от мести, от возможностей к утонченному садизму, скажем, в виде провоцирования благодарностей за свой характер «благодетеля»...

Кстати, о деньгах. Ведь именно продолжением с ним, «благодетелем», взаимоотношений были злосключения «В». в Центре, оплата (деньги!) всех этих ненужных целительских курсов, жертвование на «дело Божье» средств (деньги!) и вещей — даже детских. А больница? Сестра разве что не до агонии благодарна брату за фрукты, которые он ей в больницу принес и за незначительную денежную мзду врачам, но разве это окупает ее там страдания? Счет не оплачен, и вспоминая фрукты для дочери, которые та, якобы, не видела без Сергея, сопоставляя требуемые на фрукты деньги с расходами, в которые ввел сестру «благодетель», невозможно не сделать определенных выводов. Так что даже в денежном исчислении **всякий семейный кумир вовсе не благодетель, а должник и вор**. Вор — это не просто человек, умыкающий деньги, завернул за угол — и уже любящий домашних господинчик. Вор — это состояние души, которое не скрыть ни за какими масками, потому что переносится психоэнергетически и становится проклятием для всякого зреющего на него с детской доверчивостью.

Теперь о «любящих» взаимоотношениях брата-вора и анальной сестры. Они таковы, что Ольгу, вторую жену Сергея, даже после развода по-прежнему вводят в состояние умиленно-слезного иступления.

Воры (урки) перед тем, как пойти «на дело», часто впадают в сентиментальное слезливое состояние: поют песни про маму, что старушечка любимая ждет... Эти песенки под гитару отнюдь не проявление благородства душ. Мать вору нужна. Вор начинается с матери, а таким завуалированным образом он эмоционально, как в детстве, цепляется за юбку убивающей матери, тем получая «благословение» на преступление. Вор не любит, но пользуется — и, прежде всего, воспеваемой матерью. Тема взаимоотношений урок с сестрами изучена меньше, но, очевидно, тоже облечена в сентиментальные формы.

Внешне все выглядит идиллично — для некрофилогенной культуры: выросший младший братишка, маменькин любимец и советчик встречает сестру после работы, якобы потому, что одной ей идти по улице вечером опасно, опасно, опасно, страшно, страшно... боясь... боясь... боясь... Держа за руку (закольцовывается энергия!), он вспоминает, как им было хорошо вместе, как они и раньше гуляли, держась за руки, и оба в унисон вздыхают, что не везет им с женами и мужьями, и

как это красиво, что ничто и никто не может разорвать их связи... А может быть, в том и есть великий смысл, что *он* оставил семью, и оказался рядом *прежде*, чем она оказалась одна, чтобы быть ей опорой — ей, любимой сестренке...

Но жив Господь!! И есть правда на свете!

Через пять месяцев В. разругалась с братом и со всеми домашними (из-за П.!) и через два дня нашла и место, и время примириться с П. Характерно, что за три недели до того она «вспомнила» про субботние богослужения.

Итак, в результате наблюдений и размышлений этой главы мы пришли к осмыслению одного из важнейших законов существования людей на нашей планете: **во взаимоотношениях двоих всегда надо учитывать присутствие третьего.** Пусть даже незримое. А оно ох как часто запрятано за «благородными» рационализациями! Учитывать, как мы видим, присутствие или отсутствие брата в душе (телах мировоззрения и памяти) В. просто необходимо. Ведь иначе можно запутаться в сходных по форме событиях. Например, «В». у целителей сначала принимали, а потом отторгли. Она ими тоже сначала восхищалась, а потом они стали более чем смешны — скучны. Так же произошло и в среде друзей П.: сначала ее принимали, а потом ее изменившееся поведение и, главное, внутренние движения души привели к обоюдному охлаждению взаимоотношений. В том и другом случае сама В. сначала чувствовала некую общность со своим окружением, а затем несовместимость. (Кстати, после возвращения брата *суббота* оказалась в пренебрежении.) Если сделать ложное предположение, что в обоих случаях В. была одной и той же (как о том можно сделать вывод, судя по паспорту и сравнивая вклеенное туда фото с оригиналом), то можно сделать вывод, что все сообщества одинаковые, или, попросту, что все люди одинаковые: сначала принимают, потом отторгают. Однако вывод меняется, если принять во внимание, что разлад с экстрасенсами начался после переключения брата на другой живой организм, а разлад с друзьями П. — после его, брата, *возвращения*. В одном случае, при брате она, как Софья Андреевна, анально-накопительского типа (помните, в главе «Ты меня употребишь — и бросишь» В. угадывала во всех желание ей попользоваться и обвиняла в этом и П. — на самом же деле это раскрывало ее отношение к людям), без «наездника»-брата она способна пододвинуться к генитальному характеру. Но дело не только в индивидуальности брата. Дело в *ее* нравственном выборе. Да, конечно, инверсированное давление на нее колоссально, и клин, отделяющий ее от жизни, вбит еще в младенчестве матерью, не способной любить отца, но ведь Бог силен освободить и не от такого клина! Будь В. верна заповеди о неразрывности взаимоотношений с супругом, этой анальной неприятности (ссора с П.) с ней бы не произошло.

Таким образом, для осмысления своих поступков, в особенности в делах брачных, человеку необходимо выяснить: *а кто же третий?* Этот

третий по ассоциации выведет на кумира детства, в борьбе за освобождение от которого высветятся основополагающие принципы нашего бытия. Надо не только выявить своего кумира из семьи детства, но и верно его в нравственном смысле оценить. Неверная его нравственная оценка приводит к узлам в теле мировоззрения, которые сплетают сеть для всей души. «Глупость» не наследственна, как может показаться на первый взгляд, это — феномен нравственности. И осознание этого вовсе не надо откладывать до глубокой старости, как сделал это Толстой, десятилетия растрчивая себя на признания своей Софочке в любви. Жить можно начинать не только на пути к смертному одру на станции Астапово. Оборачиваться же на сбитую в стаи толпу, которая о существовании такой станции даже не способна и подозревать, право, не стоит.

Глава сорок четвертая.

ГРУПОВОЙ «СЕКС»

Один из героев знаменитой книги Грэма Грина «Тихий американец» говорит, что наибольшее удовольствие он получил, когда в постели публичного дома оказался вместе с китайкой и негритянкой одновременно.

Можно с уверенностью предположить, что данный персонаж не раз оказывался в постели с проститутками, и даже сразу с двумя, и это ему нравилось, *но самое сильное переживание* у него было, когда он оказался с дамами двух *разных рас*.

Почему так? Почему некрофильское удовольствие, получаемое рядом с проститутками, усиливается, если они воспитывались непременно в разных не просто этнических, но даже расовых условиях?

Очень просто. Известно, что даже внутри одной расы представители одного этноса относятся с недоверием к представителям другого. «С недоверием» — это мягко сказано. Если же называть вещи своими именами, то отношение это иначе как кровавой ненавистью назвать нельзя, какие бы улыбки при встречах друг с другом ни расточались. Люди другого этноса непонятны, а потому они кажутся более опасными, лучшая же оборона — нападение, поэтому, защищаясь от чудящейся или действительной агрессии, начинают убивать, — на первом этапе психоэнергетически. В результате, естественно, больше шансов выжить у того народа, который предпочитает жить обособленно. Сражения и просто драки происходят чаще по линии соприкосновения этносов.

Люди вообще друг ко другу относятся неприязненно, по той простой причине, что, хотя они, в лучшем случае, и *жужжылы*, но все равно некрофилы. Напряженность некрополя между двумя индивидами, разумеется, растет по мере усиления яркости каждого из некрофилов и по мере пространственного их сближения. Наибольший эффект достигается *при переплетении тел*.

В проститутки идут разные женщины, но лучше зарабатывают, а потому в этом бизнесе остаются, некрофилки яркие — клиенты чаще

восхищаются их «красотой», одеждой, как им кажется, умениями, и пассивней защищаются требованию раскошелиться. Если к клиенту будет прижиматься не одна проститутка, а две, то индуцируемое дамами на клиента некрополе будет не просто суммой их индивидуальных некрополей, но оно усилится оттого, что у них обеих появится еще и враждебность друг к другу, во-первых, потому что дополнительный участник некрофил, во-вторых, потому что это — *женщина* (тему ненависти женщин друг к другу, пожалуй, развивать надобности нет), а, в-третьих, ненависть многократно усилится потому, что проститутка-напарница — конкурентка. Итак, если каждая из проституток одного этноса наедине с клиентом развивает силу некрополя равную, скажем, пяти единицам, то если он оплатил двух сразу, то погружается в некрополе силой не десять единиц, а двадцать. Если же дамы разных рас, то сила некрополя перевалит, скажем, за пятьдесят единиц. Это — кайф.

Таким образом, англосакс из книги Грэма Грина, воспитанный на том, что наивысшая любовь — это как у Ромео и Джульетты (единоборцы от смертельно ненавидящих друг друга семейств), и подсознательно совершенно согласный с предпочтительностью этого типа взаимоотношений между мужчиной и женщиной, опытным путем установил, что наибольшее в этом смысле удовольствие достигается в том случае, если в его постели оказывается не млеющая соседская жена, а проститутка, причем желательно, чтобы дам было, по меньшей мере, две, чтобы они были иной, чем англосаксонская, нации и вообще лучше не европеидки, и, желательно, чтобы и сами они относились к *разным* расам. Да, персонаж Грэма Грина знал толк в «сексе»! (Кавычки здесь появляются потому, что взаимоотношения явно не генитальные, хотя некоторые с гениталиями манипуляции и могут производиться. Но гениталии — не более чем материал для структурирования времени — для получения удовольствия можно обходиться и без них: взять хотя бы групповухи в целительском Центре, в которых большая часть участвующих были женщины, а мужчины — импотенты.)

При прочих равных условиях — главное из которых сила некрополя — и при наличии денег профессиональная проститутка предпочтительнее соседки. Дело, разумеется, не в профессионализме обращения с гениталиями или иными «эрогенными» зонами. Дело не только в том, что соседка не негрityанка, и не умеет ритмично, как кадиллом, покачивать на панели бедрами, — *о соседке потребитель знает слишком много*. Он знает, в какой квартире она живет (не станет совершать уголовное преступление из страха быть пойманной), с кем живет, замужем или нет, знает, сколько у нее детей, и так далее. Эти о ней знания снижают ее ценность как деструктурирующий сознание объект: она понятна и не может быть тем миражом, от которого перегружается сознание. От неизвестной же проститутки не знаешь, какого подвоха ждать, она в большей степени готова на, скажем, убийство, потому что неизвестно, где ее в случае совершения преступления разыскивать. Это страх; страх же порождает гипнабельность, а следовательно, и усиливает некрофилическое удовольствие от превращения в

совершенное «ничто». Страх — наиважнейшая эмоция страстной любви. Далее, «ночная бабочка» «интересна» еще и тем, что вероятность получить от нее венерическое заболевание значительно выше, чем от «добропорядочной» соседки. Опасность заразиться также порождает страх, что, как мы уже сказали, необходимо для эволюций страстной любви. И все это, не считая того, что проститутки обильней соседок пользуются косметикой, изукрашивая себя до состояния не то древней мумии, не то готового к погребению свежего трупа. Поэтому, естественно, у состоятельных и умеющих быть нежадными некрофилов на проституток спрос больший, чем на «порядочных», как бы эти «порядочные» ни демонстрировали всем приближающимся мужчинам свое желание наставить супругу рога. На замужних соседок клюют бедные и ничтожные.

Теперь мы попытаемся найти ответ на вопрос: почему групповухи устраиваются не внутри каждого целительского Центра, а избранных собирают со всей Москвы?

В стенограмме трудно передать интонацию, с которой В. рассказывала о предложении участвовать в групповухе. А между тем, ее интонация примечательна, и воспроизводилась она всякий раз, когда В. рассказывала об этом эпизоде. Происходило это следующим образом: вот, только-только она, казалось бы, осуждает то потаенное, что видела в среде избранных целителей; но стоит ей заговорить о *предложении*, как появляется улыбка гордости: вот, дескать, какую *честь оказывают, предложили то, что доступно только строго для избранных!* Этот резкий переход интонаций можно, наверное, истолковать как проявление истинного лица: мол, целителей ругает притворно, а на самом деле, *приятно вспомнить*. Подлог всегда проявляется в особо эмоционально-значимых моментах. Опровергать это предположение не беремся. Однако возможно и другое объяснение. Хотя бы на уровне логическом будущая В., видимо, считала, что целительство как феномен есть нечто хорошее и даже Божье, нужная людям помощь. Предложение о групповом, как она тогда могла думать, *сексе* — а ведь обыватели все так думают — было столь для нее неожиданным, столь несообразным ее представлениям, что интеллект перегрузился, деструктурировался, защитные его свойства исчезли, и в ее подсознании отпечатались мыслеформа предлагавшего. Естественно, что боль травмы заставляла В. вновь и вновь рассказывать П. о предложении участвовать в групповухе. (О том, что с травмами *не связано*, В. более одного раза обычно не говорит.) Отсюда, кривая при рассказе улыбка — не ее. Таким образом, на самом деле именно предлагавший — наиболее вероятно, что это был «дорогой экстрасенс» — расценивал возможность участвовать в групповухе с участием выдающихся и не очень выдающихся целителей Москвы, как честь, нечто лестное, доступное строго для избранных, повод для сугубой гордости!

Если раскрыть газеты посткоммунистической России того времени, то поражает не столько обилие объявлений целителей, использующих однотипный лозунг: «Кто с Богом в сердце и болью в душе, идите

к нам получить от Него исцеление!», сколько обширность географии, откуда в Москву все эти целители съехались. Они вышли из калмыцких степей, спустились с алтайских гор, трясут побрякушками сибирских шаманов, щурят корейские глазки. Но это не только калмыки, якуты или азиаты. Это и русские, но из разных республик: прибалтийских, азиатских, приморских, — ввиду иного в детстве бытового окружения на русских из центральных областей мало похоже. В качестве примера можно привести Востокова — этот белый лама, который старается стать знаменитым, по крови русский, но (если это не вранье) маленьким мальчиком, сиротой был подобран монахами, ламами, и этими азиатами в их горном монастыре воспитан, а потому навсегда по всем своим движениям тела, с которыми он произносит «я», похож на азиата, а не на русского из центральной России. Пример Востокова достаточно типичен.

Итак, почему групповухи устраивали не внутри целительских Центров? Чтобы легче было ответить, вопрос переформулируем: почему вспомогательные сотрудники Центров и их ближайшее окружение (энтузиасты) для групповух как бы второй сорт? Ведь если, как декларируют целители, групповухи организуются для «очищения каналов», чтобы, очистившись, полностью слиться со Вселенной и Богом, то для этого должны годиться все приближенные — регулярно исповедующиеся у священника и в храме причащающиеся? Эти люди, получающие у священников «Божье прощение за грехи», а после такого прощения причащающиеся не просто хлебом и вином — символами тела и крови Христа, т. е. символами Божьей любви и истины, — но, как учат священники, поядают уже плоть, тело, *мясо* Иисуса, естественно, веруя во все это, целостным защитным мышлением обладать не могут. Они — гипнабельны, и, следовательно, послушны любому или почти любому некрофилу. Поэтому, *таким образом* получающее прощение и причащение женское окружение «властителя гарема» было согласно на все — на групповухи и прочее, — тем более что все во «властителя гарема» были влюблены до иссушающей ревности. Почему же они для групповух второй сорт? У энтузиастов Центра был один существенный недостаток: *они все были русскими*. Дело, разумеется, не в исключительности русских, а в том, что *все*. А ведь в высокой групповухе рядом с проституткой-китайкой должна оказаться негритянка. Все негритянки, или все китайки, или все русские — это примитив, убожество, комсомольское собрание.

В Соединенных Штатах 80-х годов (как раз накануне описываемых в нашей книге событий) групповухи вошли в моду, причем настолько, что, по сведениям социологов, в них принимала участие каждая десятая семья протестантской Америки. Американские психологи пришли к выводу, что участие в групповухах для многих семей часто становилось стабилизирующим фактором: если раньше мужу с женой говорить было вообще не о чем, то теперь они обсуждали половые качества своих сменяющихся партнеров. Хотя очевидно, что цель подобного семейного обсуждения — изводить друг друга ревностью, для чего в груп-

повухах достаточно не столько участвовать, сколько присутствовать и демонстративно обниматься, все-таки вполне вероятно, что в американских групповухах мужские гениталии порой используются. Примитив! Типично американский подход: подражательство и провинциализм. Куда им понять, в чем грандиозный восторг «секса», когда участвуют много-много женщин и несколько разноплеменных импотентов, «прочищающих каналы»!

Для истинной законченной групповухи требуются представители разных рас, или, хотя бы, разных этносов; на худой конец если участники одной национальности, то воспитаны они должны быть в совершенно разных культурных средах. Поэтому групповуха из территориальных энтузиастов целительства не может дать того наслаждения, как составленная из приезжих профессионалов, именно потому, что свалка нужна разноплеменная.

Теперь рассмотрим, почему у участников групповух культивируют ощущение их исключительности, того, что их допустили к святой святы, к самому «подножию Неба», где происходит окончательная «прочистка каналов». (Кстати, наличие этой эмоции у «дорогого экстрасенса» среди прочего говорит о том, что он был не организатором, а привлеченным.) Итак, зачем?

Это не случайно, как не случайно и то, что прежде, чем гуся к Рождественскому столу забьют, его на несколько дней подвешивают за шею и заталкивают в горло орехи — чтобы был жирным. Так же и участники целительских групповух. Ощущение своей избранности, «слияния с космосом», а по существу и с «богом», психологически обращает их если не в богов, то, во всяком случае, в «императоров», некрофильских поводырей толпы, «духовных» вождей. А это — усиление некрополя, что не только улучшает их целительские способности (поскольку растет презрение к тем баранам, которые в их Центры идут им прислуживать), но, главное, увеличивает удовольствие *организатору* групповухи.

Раздевания на групповухах приводят, разумеется, не только к большему сближению тел участвующих, а это — к появлению большей агрессивности (понаблюдайте, как начинают злиться те, на чью территорию вы проникаете), что некрофилами ценится, — но и к созданию ощущения опасности, страха, что-де если застучают, накроют, то опозорят, лишат доходов от целительства, пошатнется влияние на правительство. Страх же увеличивает гипнабельность, и, следовательно, удовольствие. Для появления страха и нужна девятилетняя девочка, о которой рассказывала В. — вряд ли ребенок мог быть индуктором некрополя заметной силы; ценность девятилетней девочки в том, что за вовлечение детей в разврат полагается тюрьма. Уже только поэтому «прочищать каналы» в одетом виде — *не то**.

* Навивно полагать, что только Президент и один из его двух главных (в 1993 г.) оппонентов рвутся под контроль экстрасенсов. Кто знает, не все ли правительственные умы контролируются из *одной* групповухи? Распутинство родилось не с Гришкой-конокрадом, и не его подо льдом смерть могла изменить характер рву-

А ВЕДЬ ЭТО БЫЛА ПОБЕДА!!!

И последнее: почему предложили участвовать именно будущей В.? Почему ей, а не, скажем, Гине? Функцию Гины в Центре мы подробней рассмотрим в другой главе, а теперь, не имея возможности выявить истинную причину предпочтения В., ограничимся простым перечислением *возможных* причин. Истина может заключаться не в одной причине, а в комбинации нескольких.

1. Будущая В. в то время сама индуцировала достаточно мощное некрополе.

2. Хотя москвички на этих групповухах были, несомненно, представлены, тем не менее, будущая В. уже тогда своим судьбообразующим фактором существенно от обычных целительниц отличалась. Была как бы «приезжая».

3. *Предложение* отражало если не влюбление «дорогого экстрасенса» в будущую В. то, во всяком случае, его некоторую от нее зависимость. Возможно, предложение участвовать в элитной групповухе было «царственным» жестом, формой благодарности. Это по форме, но на самом деле это не могло не быть попыткой купить то, что от всегонавсего смертельно влюбленной женщины получить невозможно.

4. Отличие будущей В. от остальных энтузиастов целительства заключается в том, что она *отчетливо сомнамбулического типа*. Исследования гипнотизеров еще в «эпоху магнетизма» (XIX век), в частности Пюисегюра и Делеза, показали, что введение в глубокий транс (пространственная близость с сильным гипнотизером: в частности, он зажимает между своими коленями колени «пациентки») приводит к возникновению у «пациента» не только детской от гипнотизера зависимости, но и к — как магнетизеры это тогда называли — «конфликтам раннего детства» — а попросту у пациентки начиналась рвота, понос и все остальное. Это происходит легче всего у женщин именно сомнамбулического типа, в силу чего можно с уверенностью сказать, что, согласись будущая В. на участие в свалке, такое непременно с ней бы и случилось! Она бы стала донором определенного рода «смазки» всей групповухи! (Заодно бы «прочистила» себе все каналы.)

В сущности, ей предназначалась роль Евы Браун, с той только разницей, что Гитлер не смог пойти дальше, так сказать, парного «секса» с *одной* женщиной, а в целительской групповухе организатор привлекал их много!

щихся к власти и способных ее обрести. Императоры неизменны по сути, какие бы обличия ни принимали, как бы ни менялись названия партий, во главе которых они стоят. На мысль о существовании центральной групповухи наводит высказанное В. наблюдение: все целители, хотя и напирают на свою индивидуальную исключительность, на самом деле похожи как штамповка, — будь то кандидат географических наук или дехканин из горного кишлака. Эта похожесть — своеобразное «встанем на наши ноги», только стая другая.

Итак, что же на самом деле происходило с В. в Центре биоэнергетического целительства? Так ли уж женский ум в состоянии передать, что с ней на самом деле происходило? Может быть, прав тот французский писатель, который сказал, что из слов женщины можно узнать только одно — кто по профессии были ее любовники? Итак, что? И как прорваться сквозь паутину ложных самооценок?

Порой, чтобы разобраться в ситуации, приходится привлекать самый неожиданный жизненный материал. И чем более неожиданный, тем лучше.

Итак, *почему В., несмотря на, в сущности, безбрачие вплоть до встречи с П. в 34 года, никогда, как выяснилось, не занималась онанизмом?*

Почему, ведь нельзя сказать, что это типичное для женщин ее возраста поведение?

Да, конечно, хотелось бы угадывать в таком воздержании будущей В. плод Святого Духа, но причина все-таки не духовная, а душевная, или, что синонимично, — психологическая.

На несколько вопросов обычно бывает ответить проще, чем на один, поэтому: *почему В. до 19 лет ни в кого не влюблялась?* Если помнить, что страстные влюбления основаны на психоэнергетических травмах — а В. получала их разве что не от всех подряд, — то отсюда следует, что или же В. была поработана «любовной» травмой от кого-то из домашних, или же то место, на которое «салятся» травмы страстной любви были перекрыты ею самой. Поскольку эти два механизма могут совмещаться, то ввиду ясности первого (присутствие брата), теперь рассмотрим только второй.

Итак, не влюблялась, потому что *не хотела*. (Тоже, согласитесь, не самое типичное поведение!) Да, ответ на наши вопросы прост: *В. отказалась от себя как от женщины*. (В данном контексте термин «женщина» указывает лишь на наличие у объекта первичных половых признаков — половых органов.)

И притом отказалась очень давно — еще в детстве. Как это обычно происходит? В каких семьях? У дочек каких матерей?

Вот какое толкование следует из работ психоаналитиков. Жена мужа не любит — не то что в высокодуховном смысле, но и в некрофильском, т. е. перед ним не раболепствует и в состоянии восторженного кайфа рядом с ним не впадает. У нее рождается дочь, которая, как и отец, подавлять людей не может (не хочет) подсознательно. Далее рождается брат, которому подавлять худо-бедно удастся, он и становится для матери сосредоточением всех чувств — ее кумиром. (Аналогии: Гитлер и его мать, Наполеон и его мать, Андрей и его мать Софья Андреевна. Фромм считает мазохистское поведение матери с обниманием коленей сына если не главной причиной развития у него некрофильского характера, то, во всяком случае, главной из ему, Фромму, из-

вестных.) Несамостоятельный отец сползает в те же чувства, что и мать, поскольку на то ему отдан *приказ*. Дочь кодируют на те же чувства. Но ее положение противоречиво: с рождением брата она теряет даже те крохи внимания, которые получала прежде. Страдание в таких случаях столь сильно, что ребенок, защищаясь, чтобы оградить себя от новых волн боли, происшедшее как-то осмысливает (что естественно: логическое мышление — защитное). Но выводы его, естественно, по-детски неумелы. В точности то самое и произошло в семье В. и с ней самой.

Итак, логическое объяснение причин приложения «любви» прежде всего к брату, естественно, могло быть выражено только в тех понятийных единицах, которые в семье (рабоче-барачной культуры) употреблялись. Такие слова, как «гипноз», «подавление», «психологическое холуйство», «определенно-направленное мышление» и «Закон Божий» там не употреблялись, более того — активнейшим образом отторгались. Были слова: «хороший мальчик», «крошка», «маленький». Следовательно, как утверждают психоаналитики, для детского сознания брат стал *хорошим*, «потому что» он был маленький и *слабенький*, и, главное, потому, что он — *мальчик*. Отсюда вывод: *девочкой быть плохо*, более того — постыдно. Стыд, естественно, подсознательный, что следует хотя бы из того, что он не оставлял В. даже во сне: спит она далеко не в самой удобной позе — на животе: преимущество этого неудобного положения в том, что так скрыты те части ее тела, которые отличают ее от мальчика.

Если к собственным выводам прибавить свойственное детям подражание родителям, то восхищение семейным некрофилческим кумиром неизбежно должно было превратиться в привычку и тем над головой сомкнуться как стылая черная вода омута (помните слова В.: «Он *всегда* (! и ?) был для меня образцом мужчины!»). Итак, В. от себя как сексуального объекта отказалась. *Сама*.

Путь приспособления В. выбрала, если можно так выразиться, адлеровский: чтобы достигать своих целей, она, как *не мальчик*, и как *не девочка*, всегда играла роль *слабенькой*, но это была не более чем маска, в которой она достигала выполнения своих желаний. Среди них были разные; не было только *истинно эротических*. Так безмужней, фригидной и бездетной она, возможно, и прожила бы вплоть до встречи с П., если бы не влияние факторов, которые, к несчастью, присутствуют в жизни всех — быть *как все* (то есть сочетаться браком с достаточно случайным мужчиной, желательно ненавистным) ее подталкивал не только гипноз общественного мнения, но и заставляла мать. Властлюбивой матерью владели противоречивые чувства: с одной стороны — она, чтобы эту власть не утратить, дочь всячески запугивала и ограждала от контактов с хорошими людьми, чтобы у той не сформировалось целостное защитное мышление и, как следствие, она бы не нашла себе подходящую пару; с другой — обсуждение (намеки, вздохи, взгляды) безбрачия дочери было орудием ее унижения. Унижения от матери (как и многие дети, В. была ребенком, от начала нежеланным) и порабощение братом (всякое порабощение, вне зависимости от манер, —

садистское) неизбежно в безбожном мире приводят к поиску психологической компенсации (противофазы мятника садо-мазохизма). Это — обретение над кем-то власти. Молодые девушки поступают самым гнусным из всех возможных способов: *рожают ребенка*, который зависим от них с пеленок, а чтобы власть над ним со временем не утратить, воспитывают его беспомощным. (Отец ребенка в таком случае есть нечто лишнее, после оплодотворения он нужен только как источник содержания. Наиболее откровенный вариант — развод в первый же год после рождения ребенка. В жизни будущего П. так было дважды, так поступила с первым мужем «В», так поступила и Ольга, вторая жена Сергея.)

Как в таких случаях — замуж гонят, ей, как «не девочке», быть с мужчиной постыдно, но *очень хочется ребенка* — обычно поступали подопечные Адлера? Оказавшаяся в такой ситуации девушка находит (бессознательно!) жениха, в хозяина заведомо не годящегося (импотент — наиболее желанный объект, когда ребенок не нужен; когда нужен — больше подходит алкоголик), после короткого супружества с ним разводится, а потом всю жизнь разыгрывает или страх перед мужчинами или к ним отвращение. Как показывает психотерапевтическая практика, женщины с подбором кандидатур необходимого типа (скрытый алкоголик, импотент) успешно справляются. Даже те, которые не имеют сексуального опыта. Каким образом им это удастся? А вас что, удивляет, когда котенок начинает ловить мышей, даже если никогда не видел, как это делается? Не удивляет? И правильно.

Дамы умеют быть разборчивыми, тем более те, которые настроены на победу, а на достижение своих целей, как бы ни были они несуразны, настроены все. Будущая В., которой *очень хотелось ребенка*, начать сразу с импотента позволить себе не могла. По вполне понятным «техническим» причинам. Таким образом, чтобы не тратить особенно много сил на передвижения, достаточно было выбрать подходящий объект если не из своего дома (рабочего барака), то хотя бы из соседнего. Каким еще требованиям объект должен был удовлетворять? Он должен был быть блондином. Здесь все крайне просто: поскольку будущая В. рождена в семье, построенной не на любви, то она водима страстями комплекса неполноценности, следуя которому, люди обычно объясняют свои несчастья не устранимыми свойствами своего характера, а формой носа, цветом волос и особенностями фигуры. Вот и темноволосая В. была подсознательно убеждена, что светловолосые непременно счастливее, чем темноволосые, потому что *светловолосые*. Поэтому для того, чтобы будущим ребенком восхищались окружающие, необходимо, чтобы он был светленьким. Мечты проявляются, прежде всего, в снах — и дочь приснилась именно светловолосой, причем еще *до* ее собственно рождения. Это не вещий сон, как подсказали «В», а самый обычный, всего лишь «драматизация» комплекса неполноценности. Обычно, чтобы этот комплекс улажить, не стесняются воспользоваться никакими приемами. Итак, нужен блондин. Блондинов в близлежащих домах явно несколько. Который из них?

Объект должен был соответствовать еще следующим требованиям: он должен был явно (в глазах окружающих!!) не годиться в мужья (пить), быть способным на более-менее здоровое потомство (не пить, быть сильным). Эти требования сводили выбор (в масштабах соседних многоэтажных барачков), видимо, к одному человеку, который, естественно, не подходил ни по зодиакальному знаку, ни... в общем, *не подходил*. С «пьет — не пьет» все предельно просто: обезволенного еще матерью мужчину водили за руку полгода до зачатия от него ребенка, и он не пил. А потом — все, как выполнивший свое предназначение, он был предоставлен самому себе, а на самом деле первым попавшимся некрофилам, и, естественно, послушно развлекая их, запил. (Возможны и другие виды пороков — гомосексуализм, клептомания, эксгибиционизм, — но поскольку «В». параллельно удовлетворяла потребность в символической победе над своим отцом, то отец ее ребенка должен был быть пьющим.)

Развод. Светловолосая дочь. Понуждения окружающих вступить в новый брак (даже дочка, находящаяся под сильным влиянием бабушки, говорила: мама, выйди замуж!) «В». отражала, якобы, необходимостью всю себя посвятить выращиванию ребенка. Это, разумеется, игра, а у играющих в этот вид игр дети, по исследованиям психологов, вырастают с вполне определенными особенностями характера. Измученные мелочной, явно неадекватной действительности опекой, дети у матерей, отказавшихся от себя как *половинки*, вырастают с обструкционистской позицией, то есть на *всякое* предложение с порога говорят «нет!» Именно такой характер у дочери В. Что естественно. Когда мать, компенсируя унижения от домашних, властвует над ребенком, то дочь закономерно вырастает обезволенной (*mania anglicana*) и, попадая под влияние любого оказавшегося рядом некрофила, маниакально (восторженно, безмысленно) начинает исполнять полученные от них внушения. Сюда же следует прибавить нежелание учиться и читать, что есть следствие унаследованной от матери путаницы в нравственных оценках членов семьи. *Понять* такой ребенок не может, потому что понимание — движение к целостному мировосприятию, он может только *запомнить*. (Поучительно было бы сопоставить появление у ребенка ненависти к чтению со временем возвращения Сергея из армии или из первого брака. Ребенок не «вдруг» бросил читать, любимое когда-то занятие; была на то причина!)

Но вот дочери исполняется десять лет, то есть она достигает того возраста, когда имитация необходимости ежеминутного ей посвящения логически уже неубедительна. Чтобы оградить себя от понуждений к разврату (выйти замуж за случайного партнера, как это делают все), и в брак все-таки не вступать, остается сфабриковать алиби своему одиночеству: разыграть безнадежное и смертельное влюбление (см. работы Адлера и др.), причем в такого человека, достойней которого в понимании окружающих и быть не может. Нужен эдакий супермен, духовно-нравственный символ эпохи. Ув-важаемый в некрофилогенной культуре человек. Иными словами, хотя мы и не в Германии 30-х

годов XX века, но поскольку вкусы дам из публики не меняются ни в пространстве, ни во времени, был нужен хорошо сформировавшийся импотент (развитый анус). Путь ее, разумеется, лежал в их общество — к магам или, как их теперь называют, *экстрасенсам-целителям (биотерапевтам)*.

Можно было бы повторить комедию, разыгранную с первым мужем (физиологически способным иметь детей), но второй ребенок будущей В. был, очевидно, не нужен, как мы надеемся, не только из-за жилищной неустроенности, но и потому, что она уже достаточно созрела как личность, чтобы найти в себе силы признаться, что ребенок и власть над ним ей счастья не принесли. Она бы могла решить свои проблемы, выйдя навстречу своей *половинке*, но зародившаяся в ней личность (В.) была побеждена братом-«наездником», и вновь «В». вместо любви разыграла комедию выхода замуж. (Например, будущая В., покупая «дорогому экстрасенсу» в подарок галстук /интеллигент!/, безо всякого на то основания называла его «мужем».)

Импотентов и «Близнецов» предостаточно и среди других родов *признанных* — почему именно экстрасенсы? Но для заводского окружения В. (ведь алиби В. добывала не для себя, а для своего окружения), скажем, академики и профессора — нечто далекое, чуждое, как бы несуществующее, ценность для заводчан явно неабсолютная. Другое дело — политики. Но кремлевские импотенты — алиби не лучшее: во-первых, публика ими восхищается только пока они у власти, а сместили — поступает новый приказ: над их памятью издеваться, и вот уже издеваются все. К тому же трудно предположить, что В. при *таком* подсознании не чувствовала, что к целителям с вопросами «как быть да как жить» ходят и кремлевские вожди, и так называемые великие ученые, и банкиры, и всей этой братии жёны. Экстрасенсы-целители по меркам рабоче-барачной культуры — *выше*. Да и кто не знает, что те же самые сенаторы и правители — все-таки не более чем «солдаты», а «крестные отцы» всегда предпочитают оставаться в тени, так они страшнее кажутся... А В., в определенном смысле, — максималистка, никакие *полу-* ее явно не устраивали, и она нисколько не сомневалась в своей способности победить. (Вы, верно, обратили внимание, что и в случае с П. ее нисколько не смутило социальное и культурное различие: она из самой простой рабочей семьи, из перенаселенной комнаты коммунальной квартиры, а П. как-никак профессорский сын, учеба, научная работа, многочисленные и многообразные самообразования, писатель, между прочим...)

Итак, из разнообразных мест сбора импотентов она выбрала одно. И вот «В». перешагивает порог Центра биотерапевтов. Далее, по сценарию, она должна была «смертельно влюбиться» без взаимности и всю оставшуюся жизнь «страдать», потому что никто-никто не может заменить *такого великого человека*.

Однако план «В». стать жертвой страстной любви (а ведь могла она до 19 лет не влюбляться!) натолкнулся на другие планы, или иначе — на гипнотизирующие некрополя их носителей.

Во-первых, как только будущая В. перешагнула порог Центра, то немедленно пропустила первый сильный психоэнергетический удар, который в ее теле памяти и закорился. (Она его получила, с одной стороны, потому, что искала возможности влюбиться, с другой — потому что вообще была настроена некрофилически, но, главное, потому, что *очень боялась войти в Центр* — а как не быть страху у домашней женщины, к тому же нарушающей первую заповедь?) Затем она еще и еще пропускала удары, преимущественно, как выяснилось, от женщин. Это не могло ее не ослабить. И подчинить.

Во-вторых, «дорогой экстрасенс» вызывал у нее сильнейшие ассоциации с братом, и она соблазнилась на возможность символического брата «кинуть» — подчинить экстрасенса и унижить.

В-третьих, в Центре она чувствовала себя вполне комфортно, ведь она была совсем другая, чем после переключения брата на другую женщину — она была «маруха», то есть мыслила в точности так же, как и те, которым исцелять «дано Богом». Во время сеанса психокатарсиса В. дала следующую характеристику целительницы Гины — «женщина, презирующая и унижающая своего мужа-бизнесмена и сын которой попал в очень дурную компанию». Это же в точности характеристика матери В.!! И не узнать в страстной влюбленности Гины в «дорогого экстрасенса» отношений матери и ее сына Сергея будущая В. не могла. Она могла не знать, что брат ворует, но ассоциативное восприятие ее не подвело — здесь *хорошие*. Словом, *дом родной!* Для достижения полного сходства с семьей детства оставалось только начать водить сюда дочь и перенести детские вещи. (Ввиду того, что дочь была рождена как точка приложения накапливаемого садистского потенциала, уравновешивающего вынужденный мазохизм отношений с матерью и братом, усилий для преодоления сомнений при лишении дочери вещей и фруктов не потребовалось. Рационализация: *служение вселенскому добру*.)

И, в-четвертых, самое главное, травмами «В». *подстегнули гордость*. Начали с «третьего глаза», потом говорили, и то у нее есть, и это, дескать, проявляется, вот, пожалуйста, по экстрасенсорным способностям явно превосходишь других даже известных экстрасенсов... А еще ей удалось сделать то, что не удавалось добиться ни многочисленным наираспризнаннейшим целителям, лекарям, шептунам-молитвенникам, белым магам, белым ламам и прочим белым братьям — *вылечить секс-символ от импотенции*. Вы представляете?! Сделать то, что не удавалось сделать тем, у кого космическое сознание, кто, как известно всем, добился просветления, убеления и проникновения, чей третий глаз раскрылся даже шире четвертого уха, и перед которыми на карачках падают не только многочисленные дамы, но и признанные ученые, писатели и государственные деятели! Как тут женщине, которую все время в семье унижали (и скрыто, и явно), не «прогнуться» и не заняться поиском своего космического имени, предыдущих воплощений души и всех прочих тому подобных доказательств своей исключительности?

Итак, сжимаясь от страха, желая от него забыться привычным способом (у источника некрополя) «В». перешагивает порог Центра, где,

получив желанный удар (даже большей, чем дома, силы), узнает, что оказалась не просто «дома», рядом с «мамой» и «братом», но в еще лучшем месте: здесь хвалят и начинаются лестные видения, в которых приходят «ангелы» и «Божья мать». Здесь было лучше, чем дома, не только потому, что кайф был круче, но и потому, что она здесь могла мстить и матери, и брату. Цель оказаться брошенной после страстной любви к великому человеку была не то что забыта, но отложена. И начались кайфовые встречи с «властителем гарема». Как их В. в камерке папы Карло при первой там встрече с П. назвала, следуя гитлеровской терминологии, *любовные*.

(Уф, дальше наш персонаж обозначать даже как «В». нет никаких сил. Возлюбленная она лишь тогда, когда не позволяет «наездникам» определять свой образ мышления и поступки. А тогда, в Центре, она была не то что противоположностью В., но такого рода личностью, которая могла себе позволить оставаться в обществе целителей-копрофилов почти год, — была самой себя огрызком, словом, — Б.)

Чтобы охватить весь объем возникших с копрофилом «любовных» взаимоотношений, надо не забывать, что объект обладал исключительной проницательностью, причем не менее профессиональной, чем у разного рода жуликов. Ведь тем, что он с порога ошеломлял клиента рассказом о его, клиента, тайнах, он его заполучал для уже целой серии дорогих, с точки зрения платы, экстрасенсорных услуг. Из того, что В. рассказала, что про ее брата «дорогой» ничего не вызнал (а может и вызнал, да только «купил» Сергея его, якобы, исключительностью; известный, кстати говоря, прием: есть категория людей, которым нет ничего приятней, как услышать, что они гипнозу не поддаются), а про себя ничего подобного не сообщила, следует, что и ей «дорогой экстрасенс» сообщил некую ее тайну. (Какую — она П. не рассказала.) Но из этого следует, что «дорогой» «читал» и остальные ее тайны! И то, что она фригидна, и то, что она изначально пришла страстно влюбиться (или это разыграть, что для ее целей то же самое), и то, что ей нужен импотент, и то, что «большую любовь» она непременно будет демонстрировать окружающим — ради того и шла.

Последнее, безусловно, импотента не привлечь не могло. Но, может быть, было еще что-то? Женщины обычно убеждены, что индивидов в мужских брюках и галстуках привлекают их ум, приятная внешность и умение устроить дом. Оспаривать не беремся, все равно бесполезно, лучше продолжим наше исследование.

Можно, конечно, предположить, что целитель, зная намерения жертвы и пользуясь ее зависимостью, решил утонченно поиздеваться, поставив Б. под зависимость еще и чудом с исцелением импотенции — что может быть изощренней прищипывания в человеке гордости?! (Жениться он мог, кстати, и импотентом, чем он хуже Гитлера и целой толпы подобных? С какой стати В. связала его брак с началом эрекции?) И хотя такие мотивы в поведении «дорогого экстрасенса» не могли не присутствовать, но для того, чтобы Б. стала любимой женой гарема, этого мало. Свои садистские импульсы он вполне «отгры-

вал»: зарабатывал он как учитель нравственности государственной религии, к нему валом шел народ советоваться, как устраивать семью, как управлять государством, какие молитвы читать, чтобы заслужить любовь угодников Божьих, т. е. исполняя заказы на внушения, он пребывал в ипостаси садиста существенную часть своего времени, а это требовало психологической компенсации — унижений. Только женщина-садистка могла стать любимой женой!

Унижать с достаточной степенью искренности может только та женщина, которую уже где-то унижают, причем беспардонно и изощренно — таким образом, Б., приходя из дома, где она была «любимой» сестрой и дочерью, на эту роль вполне подходила. Игра с «дорогим» проходила следующим образом: Б. становилась в позу униженной и оскорбленной, а властитель гарема, замаливая свою «вину», извинялся, извинялся, извинялся — и за то, что было, и за те обиды, которые сейчас наносит, и даже за те, которые нанесет в будущем... Подробности этой игры известны не только из рассказов В. о странностях жизни целителей, но и из непосредственного за ней наблюдения. Когда ее брат вернулся домой, В., превратившись в «В.», стала требовать от П., чтобы он перед ней начал каяться, каяться, каяться, а в чем — не говорила ни ему, ни общим знакомым. Таким образом, выявляется существенная деталь ее предыдущего жизненного опыта: слова извинения по идее должны инцидент исчерпывать, но это ни для садистики, ни для «мучающегося» партнера неприемлемо. Если же не говорить, за что требуешь извинений, то появляется возможность не только играть без всякого к тому повода, но, главное, бесконечно. Это была обоюдopриятная игра. Б. отработывала полученные дома импульсы садизма, а, кроме того, это была возможность перевоплотиться в мать — мечта всех девочек, — всю жизнь издевавшуюся над отцом, и в этом облике она получала право «воспитывать» «брата». Она становилась выше кумира! Значительнее! Главнее!! Разве это не величайший кайф? «Дорогой экстрасенс» тоже кайфовал, компенсируя садизм, которым он зарабатывал деньги. Кстати, именно в силу этой потребности «дорогого» влюбленная целительница Гина не могла рассчитывать на ответное «чувство»: свой садистский потенциал она расходовала, издеваясь над мужем-бизнесменом, в Центре же она появилась после того, как у нее исчезла возможность расстилаться перед сыном (попал в дурную компанию), — ей самой хотелось помучиться! Свое она получила в форме безумной ревности ко всему множеству женщин, окружавших «дорогого экстрасенса». (Ее рационализация воцерковления и появления в Центре: *покаяние и замаливание грехов любимого сына.*) Впрочем, возможно, при уменьшении потока пациентов «дорогой» ее вспоминал и каким-нибудь образом дополнительно делал больно.

Сеансы вымаливания прощения — не единственный психологический выигрыш «властителя гарема». Поскольку выдающемуся экстрасенсу были явно известны намерения Б. быть «брошенной», то ему, как активному копрофилу, не могло не быть лестно, что женщина хочет справиться на нем *нужду*. Кроме того, как мы уже упомянули, ему нужна была парт-

нерша для игры в эротического героя, чтобы в групповщинах, оправдывая свою пассивную роль, ссылаться на переутомление со своей более других «продвинутой» ученицей. В таком случае, фригидность Б. — ведь он, такой опытный, не мог не знать, что она фригидна во всех смыслах (некрофильном и биофильном) — становилась ее выигрышной картой.

Однако фригидность и желание на мужчине справиться нужду — качества, типичные для всякой женщины анально-накопительского характера, а таких дам — разве что не все. Таким образом, анально-накопительский характер выбираемой дамы и ее садистская неудовлетворенность — условия необходимые, но не достаточные. Почему «дорогой» предпочел Б., а не какую-нибудь другую даму с таким же набором качеств? Тему ненависти мы уже рассмотрели, теперь обратимся к тем качествам В., которые определили *стабильность* взаимоотношений.

Как следует из слов жены Сергея (об этом в главе «Что рассказала жена брата»), «дорогой экстрасенс» предпочитал носительниц «*mania anglicana*» — но и таких женщин в гареме предостаточно, потому что именно этого типа женщины и льнут к ярко авторитарным сообществам. Да, но они разные! В том смысле, что чаще они являются носительницами образа матери, реже — отца, и *еще реже* — брата. Так вот, может быть, именно в этом разгадка! Трудно себе представить, что такой изобретательный копрофил мог не предоставить себя утехам гомосексуалистов, тем более что он — художник и прошел через мужской монастырь. Таким образом, Б. имела то преимущество перед другими женщинами, что женщиною как бы не была, а была как бы мужчиной, но не престарелым, как бы то было, если бы главным некрофилом в семье был отец, а молодым — ведь Сергею в то время было 25 лет. Помните, В. рассказывала, что ее, когда она начала встречаться со своим будущим первым мужем, брат *страшно ревновал*: следил, преследовал. Ревность — верный признак гомосексуальности, хотя, возможно, и не реализованной. Да, как бы лестно себя Б. ни оценивала, она была психологическим слепком своего брата. Точность слепка потрясающая: темы разговоров, торгашество, авторитаризм, тупость, фразы — облик, совершенно с Возлюбленной в генитальной фазе не совпадающий. «Брат» лучше «отца»: он моложе, и его еще можно растлить.

Итак, Б. была в психологическом смысле вовсе не женщиной, а 25-летним ревнивцем. Раз так, то даже поцелуй — или объяснение в любви — с такого рода «женщиной» для «дорогого экстрасенса» наполнялся совершенно иным содержанием!! Ведь экстрасенсы-целители хвастаются, что они видят в человеке не его земную оболочку, а *душу*. А такое содержание целителю (как импотенту, вынужденно «пассивному») не могло не понравиться! В таком случае, становится понятно, почему, как только брат Б. Сергей «переключился» на другую женщину, Б., перестав быть «молодым человеком определенного типа», «дорогого экстрасенса» интересовать перестала. (Рационализация: *любовь прошла.*) И фригидность не помогла.

Возможно, был период после переключения брата, когда Б. превратилась в слепок с «дорогого экстрасенса», как самого яркого некрофи-

ла из ее окружения. Но зачем старому *пассивному* педерасту второй старый *пассивный* педераст? Как с ним структурировать время? Более того! Это конкурент, а конкурентов надо гнать. И Б. стали из Центра гнать. (Рационализация целителя: *черная энергия исходит; оставила истинные христианские ценности.*) Да, такова судьба потомков падших прародителей: **до тех пор, пока люди позволяют себе авторитарное подсознание, в своих страстных «любовях» они значимы в той и только той степени, в какой партнеру (тоже оседланному) интересен вожак-«наездник».** Наташа была значима для Анатоля потому, что ее оседлала Элен, его сестра. Анатолий был значим для Наташи потому, что ее кумир отец был вором. Для будущей В. «дорогой экстрасенс» был значим только потому, что ее кумир тоже был липачом. И для «дорогого» она была значима до тех пор, пока была собственным братом.

Ранее мы высказали предположение, что «дорогого экстрасенса» могла привлечь туманная надежда вылечиться ее зарождающейся биофильностью — возможно. Скорее всего, его побуждение было комбинацией нескольких вожелений, но у нас сейчас нет данных сказать, которое из влечений было определяющим...

Со слов В. следует, что она с «дорогим» часто гуляла по близлежащему парку. Это был *ее* парк, поэтому *она* показывала те дорожки, по которым гуляла. Однажды, после очередной ссоры, «дорогой экстрасенс», чтобы провести сеанс извинений, обегал все им хорошо известные дорожки и ее нашел. Это у Б. вызвало бурю восторга его необыкновенными свойствами ясновидца (дескать, сам Бог благословил его ее найти, дав власть прозреть пространство!), и примирение немедленно состоялось. (Для сравнения скажем, что когда В. в очередной раз с П. «рассталась навсегда», и он — не только не зная, что она вообще пошла гулять, не только не зная, в каком из двух близлежащих парков она может быть, но и ни разу ни в одном из этих парков прежде не бывавший — частью по тропкам, а то и вовсе напролом через кусты, по прямой к ней с дочерью вышел, то у В., хотя она мимолетно и удивилась, встреча не вызвала никаких других эмоций. Она только ядовито сказала: «Ну и что, я это уже видела...» — и продолжала выкрутасничать еще два дня, обвиняя П. в том, что *он во всем виноват*, прежде чем позволила себе рассмотреть те травмы, которые определяли ее деструктивное поведение. Выявленные предметы, определявшие ее поведение и исходившие от них принуждения, описаны в главе «Ссоры».)

Видимо, и остальные прогулки с «дорогим экстрасенсом» проходили в том же духе восторга по любым поводам — ведь учитель преподавал внимающей ученице «космическую мудрость»: не только как его способом найти человека в парке, но и как нужно правильно каяться, перед какой иконой и в каком храме нужно поставить свечку, чтобы получить от Бога нужный результат, и в какое время дня нужно попить, чтобы моча была наиболее целебна.

А что же учитель ожидал слышать от своей ученицы? А это уж по *его* нужде! Она проговаривала *его* желания. Если не тексты, то хотя бы темы можно восстановить — по содержанию приказов вколоченного

железа. К примеру, ей был дан приказ верить в переселение душ. В существование души независимо от физического тела (что, как вы помните, противоречит Библии). Следовательно, Б. страстным женственным голосом говорила, что мужчину и женщину соединяет вовсе не плоть, что плотское вообще чуждо возвышенным любовным взаимоотношениям. Она говорила, что никогда не была так счастлива, и никакие изъяны его «дорогого» тела никоим образом не могут быть следствием скверны души, а, наоборот, есть печать Божья особого избрания ко служению людям. Да и зачем им, и без того счастливым, еще что-то, ведь она чувствует, что ей так *хорошо*... Она говорила, что не иначе как сам Господь их свел в этом городе чуждых друг другу людей, а та женщина, которая так расхваливала этот Центр, не иначе как *ангел Божий*...

Словом, большая романтическая любовь между копрофилом-импотентом и фригидной женщиной анально-накопительского типа. Как тут было не завидовать и не ревновать остальным сотрудницам Центра биоэнергетического целительства!.. Они и ревновали. Страдали. Мучились. В особенности Гина. Завидовали. Об этом, в осуждение своих бывших товарок, В. рассказывала П.

Все было хорошо и развивалось по нарастающей с удивительными событиями: вдруг, по мере общения, *у целителя в штанах что-то зашевелилось!* Это было, действительно, событие! Ведь что только он ни делал, чтобы испытать томительную сладость эрекции: и молитвы с покаяниями, и Европа с Азией, и для «прочищения каналов» святые паломничества с групповщиной, и учителя с Востока, сушеная трава с Тибета, а сколько в монастыре поклонов положено, сколько свечек поставлено, икон в храмах перецеловано и сколько мочи выпито — а все без толку!!

Также вдруг, неожиданно (как и появление радости в штанах) чувства кончились, причем обоюдно: для расседланной Б. (уже почти В.) «дорогой» стал скучен и очевидно банален — не потому, что экстрасенс стал другим, а потому что бороться с символическим братом было не нужно: она *настоящего* «сбросила» на другую женщину. Теперь оставалось только оказаться брошенной. Цель-то ведь была вовсе не столько в том, чтобы быть «безумно влюбленной», а в том, чтобы быть «брошенной»! Но, к несчастью, она оказалась в Центре нужна, несмотря на черную энергию (ее туда приглашали вернуться даже после встречи ее с П.), — из-за своей уникальной (маниакальной) чувствительности.

Задача В. усложнилась. Как стряхнуть хвост, у которого «чувство» остыло, но желание властвовать и пользоваться осталось? Ведь такого рода взаимоотношения могут длиться хоть всю жизнь. Как не только уйти, но стать брошенной, ведь место в гареме для нее хоть пожизненное? Какой выход? Вынужденно только один — объект женить.

То, что В. умеет разбираться в людях (угадывать не только их семейное положение, но и невысказанные желания), мы уже убедились. (Один из примеров — «черная пантера» на станции.) Итак, какая дама могла подойти для «дорогого экстрасенса»? Вернее, вопрос стоит сформулировать корректней: какого рода дама более подходила Б. для того,

чтобы символ женился, более ее не беспокоил, а главное, она имела полное «право» публично мучиться?

Во-первых, будущая жена властителя гарема должна была хотя бы верить во всю эту «космическую» галиматью с независимым существованием душ — то есть, быть хотя бы одной из клиенток. Во-вторых, она должна была быть не замужем, чтобы брак мог быть официально зарегистрирован в ЗАГСе. В-третьих, ей, как и ему, должно нравиться хождение под венцами вокруг аналая. В-четвертых, она должна быть яркой некрофилкой, чтобы держать своего супруга в собачьем повиновении. Даже после того, как он, естественно, с ней вновь вернется в состояние импотенции и приступит к чисто анально-накопительским взаимоотношениям. В-пятых, ее должно достаточно долго не тошнить от его покаяний.

Таких дам множество, и преимущественно этот тип вокруг целительских центров и ошивается. Сомнительно, чтобы Б. могла *осознать* логически, что у «секс-символа» загорались глаза на женщин с особого типа братьями, но вне зависимости от логических осознаний Б. *знала*, какую нужно женщину. А впрочем, догадаться не сложно: *ему нужна была точная психологическая копия Б. (с «наездником»), но без проблесков биофилии!* И иначе быть не могло — если «властитель гарема» Б. действительно предпочитал.

Есть и другое соображение: Б. схватку выиграть было необходимо, и поэтому приманка должна была быть ценной. *Женщина* единственной в этом мире ценностью полагает *себя*. Следовательно, оставалось ждать «себя».

Таким образом, дама придет сама, а В. ее «прочеств» сможет и со спины. Оставалось ждать. Скоро ли, долго ли, но *она* появилась.

Знаете, как В. описала момент, когда она *ее* в первый раз увидела? В. открыла дверь кабинета, когда та впервые (!) пришла на прием, и *ее как ударило!* Напрашивается предположение, что удар был на несколько килограммов. Но такой травмы П. у В. не обнаружил. Из этого, конечно, не следует, что травмы не было — она могла быть «вычищена» анонимно. А может быть, она еще не «вскрыта», потому что тесно связана с комплексом травм от брата. Но может быть, удара и не было. А что же тогда было? Почему В. стало больно?

Боль — переживание субъективное. Причиной его может быть не только непосредственное внешнее воздействие, но и ассоциации с давними неприятностями, *а также обличения совести*, т. е. осознание того, что жизнь проходит: складывается вовсе не так, как могла бы. Скажите, кому из поступающих дурно не больно увидеть себя как бы в зеркале? Когда отражение говорит: зачем ты *так* живешь? Да и живешь ли? Ведь что, в сущности, увидела В., когда в сидевшей напротив своего «мужа — и брата» увидела «себя»? Перед ней был *символ всей ее жизни*: в позе участливого благодетеля сидел «брат», а перед ним «она» в надежде, что, наконец, он поможет в ее всё нарастающих жизненных неурядицах. Здесь было все: и несостоявшаяся семейная жизнь, и существование, подчиненное выполнению приказов, и фальшивое мате-

ринство, и неизбежно несчастная жизнь ее дочери, и уклонение помочь дочери в главном, и путаница нравственных оценок, которые лишают наслаждения мыслить... Если все было так, то это был взгляд не Б., а уже В. И эта боль была нравственной.

А иначе с чего это Б. так взволновалась? Ведь даром ясновидения она, слава Богу, совершенно отчетливо не обладает. Ведь еще только первичный прием, как говорят целители, «страждущей», еще ничего, собственно, не произошло, человек деньги зарабатывает. Нет, В. увидела, что вот оно — пришло! И как бы ни было больно, дело надо было делать — гада необходимо женить!

Теперь оставалось заинтересовать символ в клиентке. А как? Традиционно. Расшевелить его. Это сделать просто: хотя «чувство» прошло, ненависть осталась. Она даже усилилась с появлением второго старого пассивного педераста. А еще: он не мог не жаждать мести за то, что она без приказа стала меньше его унижать. Без приказа! Оскорбительно было также и то, что он, например, никогда не мог быть ей «отцом». Он никогда не мог от нее получить ни дочерней преданности, ни дружбы, ни биофильной любви (речь здесь не об интимных взаимоотношениях). А еще — разве не она его лечила, как и прочих? — он не мог ее обидеть, вызвав глубинное чувство ревности. Какие бы фортели он ни изобретал в групповухе или с другими дамами, В. приходилось бороться не с чувством ревности, а с желанием расхохотаться. А ему *так хотелось сделать ей больно*, — думаете, он не чувствовал, что его внушения, хоть и заковали В. со всех сторон, но внутрь тела не попадают? Ведь это очень важный результат психокатарсиса тела памяти В.: травмы от «дорогого экстрасенса» были только *вне* физического тела В. «Властитель», все-таки, *всегда* был вне, и боль от него, несмотря на ее весомость, была всегда *вне*. А когда властитель-садист чего-то добиться не может, то это становится для него сосредоточением всех чувств — горя, радости, надежд на счастье... Естественно, что «властитель гарема» был готов наизнанку вывернуться, только бы В. его признала достаточно полноценным мужчиной — и принимала его, наконец, всерьез. Он был мастер заставить женщин поревновать — не даром весь Центр мучился от ревности друг ко другу. А тут месяц за месяцем его настигала неудача — не выиграть для «дорогого» было все равно, что признать себя импотентом (в широком смысле слова), даже не магом. Чем больше проходило времени, тем острее становилось желание утопить В. в ее же собственной ревности.

На этом В. и сыграла — бессознательно.

Она была готова к игре, потому начала немедленно. Она, собственно, только чуть переиначила имеющийся материал. «Как ударило», доработанное до адлеровского совершенства, отразилось на ее лице — в *ревности!* Правда было некоторое запоздание, на доли секунды, но ее от «прочтения» защищало некрополе будущей жены «Божьего человека» — оно отключало «дорогому» критическое мышление. Садист в белом халате такого случая упустить не мог, он проснулся, по-новому посмотрел на сидящую перед ним клиентку, принялся, ему понра-

вилось, и он еще активнее стал приводить ее в состояние страстной к себе любви — чему она, естественно, не сопротивлялась.

Но до венца еще было далеко. Еще предстояла борьба — и какая! Ведь хвосты так легко не отцепляются! Но В. прекрасно знала слабости противника (а как не знать собственного «брата», разве не она могла прочесть, кто стоял за его спиной, пока он мазал холст). Да и слабости будущей его супруги В. *знала* как свои. Словом, религиозно-нравственный символ оказался между двумя дамами, которые дружно подталкивали его в одном направлении.

О, это была борьба! И какая! Минимум двое — если не все трое — адлеровские, с перевоплощениями, оба экстрасенсы, с той лишь разницей, что он был признанный, опытный, возможно, будущий святой национальной религии, он — *хозяйин* Центра, а она — ничто, уборщица. Для обоих победы означало самоутверждение: он подтверждал свою способность быть магом и импотентом, В. защищала свое право остаться фригидной навсегда. Да это был бой, битва двух подсознаний, сражение, для описания которого необходим эпический талант, по меньшей мере, великого слепца Гомера!

Все кончилось хорошо, так, как ей и было нужно, — *те* поженились. А она оказалась «вроде как» брошенная. «Вроде как» — это ее собственные слова!

Что же касается новобрачных, то в их «любви» было все, чего они достойны, — был весь набор садистских приемов адлеровского паралика: и признание в любви, и «ласки и сказки» про то, что не просто так они на этой земле встретились, что само Небо их свело, ведь как много тому подтверждений (знамений небес) они обнаружили, что как только в первый раз они друг друга увидели, *все сразу поняли*; были венцы, и было благословение от священника, что-де властью организации, которую он представляет, брак этот, несомненно, по воле Божьей, был и аналой с кадилом, и руку тому священнику, понюхав, целовали, а после того, как священник напоил их разогретым винцом, они, вернувшись, наверное, добавили еще и шампанского. А может быть, по старой целительской привычке, для усиления чувств, перед тем как лечь в постель (на ковер?), хлопнули по стаканчику мочи? Нет, скорее, это были хрустальные бокалы. Как у всех.

Что было дальше? «Посланец неба» не мог не помучить себя, не мог он и не насладиться муками ревности своей жены. Конечно, это было названо исповеданием грехов своей жизни. Конечно, он оправдывался, что все это многочисленное вокруг него бабье — не его, а все больше бесов-дьяволов, но ведь и сама она должна понимать, что его грандиозная сексуальная (целительская) энергия требовала выхода! Куда сейчас подевалась? Так ведь на служение Богу приходится отдавать много сил, враги опять же отнимают, вампиры энергетические, но, прежде всего, — того требует служение людям тем даром, который даровало ему Небо... Да и сама виновата: недостаточно суетится в постели, так что давай перебираться на ковер, и т. д., и т. п... Конечно, он просил прощения за «случайно» произнесенные слова, замаливая вину,

извинялся, извинялся, извинялся — и за то, что было, и за те обиды, которые сейчас наносит, и за те, которые нанесет в будущем... Но жена, разумеется, «обиженная и оскорбленная», простить его не могла, потому что он не извинялся о том проступке, о котором она-то знала, но говорить ему не собиралась, потому что он обо всем должен был догадаться сам... Откаившись сколько нужно, он затем, осенив себя якобы крестным знаменем (жестом, придуманным отнюдь не Христом и не учениками Его, бывшими при Голгофе, но, напротив, начальниками над массами католиков и православных), шел исцелять.

Ну а В.? Она побрела домой, *якобы брошенная*, якобы несчастная, якобы с навсегда разбитым сердцем, и все это было столь натурально, что никто, разумеется, не мог в ее положении даже усомниться...

А ведь, действительно, была любовь, только некрофилическая, если угодно, анально-накопительская, страстная... Да, она победила, но далась ей это дорогой ценой — одного металла тысячи килограммов, да и столько времени, сил и денег все это стоило. А еще не работающая на 42 % почка, и внутренние кровотечения, и последующая за этим больница, и операция — закономерные побочные явления...

А ведь «любовь» эта кончилась самым благоприятным образом, именно так, как Б. подсознательно и хотела: она оказалась вроде как брошенная. Словом, справила на нем нужду. Он тоже справил нужду: ему было приятно часто видеть Б. в восторженном (предсмертном) состоянии, она бывала обижена настолько, насколько ему было нужно, и позволяла ему вдосталь каяться, и вообще в первый период была *интересная*... Словом, каждый получил, то, что хотел.

Отрицательные последствия были у обоих: у нее в виде болезней, истощения, галлюцинаций, анальной тупости и т. п., а у него в виде потенции или ее видимости. Да-да, это неприятность, ведь она означает уменьшение популярности у женщин и ослабление «небесного» дара исцелять...

Напрасно В. всю вину возлагает на целителей, дескать, обманули, красивыми лозунгами прикрылись. Если обманули, то лишь на логическом уровне. (Да и разве они в чем-то противоречили государственному «христианству»?) Пока женщина остается только маминой дочкой — тем более, дочкой матери, боготворящей своего сына, матери, помыкающей мужем, — такая женщина всегда будет оказываться среди тех, кто справляет друг на друге нужду. Всегда, потому что ассоциативное мышление не ошибается.

Впрочем, нельзя считать, что В. обманывала П., когда говорила, что ее обидели. Тогда, в Центре, если можно так выразиться, *ее было двое*: была нарождающаяся В. (ей все это было больно и чуждо), но все-таки определяла поведение и поступки — Б. Так что, какие к целителям претензии? **Это и есть нравственный выбор: которая из ипостасей определяет поведение.**

Итак, тогда, в Центре, это была победа! Над сразу многими.

Это была победа над символом брата, но, как и всякая такого рода победа, она не принесла от настоящего брата освобождения. Стоило

ему вернуться, как она дала согласие, чтобы ей опять овладел анально-накопительский характер.

Это была победа над собой как над *половинкой*, обретение права на дальнейшую фригидность — этой победой Б. заработала право и повод всем жаловаться: несчастная любовь, несчастная судьба, несчастная я. Это победа, потому что именно вооружившись такой позой «обижена-опозорена», женщины обычно добиваются власти над ближними.

От этой победы остался трофей (не только камень в почке) — и какой! Кого она заставила выполнить свое желание? Индивида, который решительным образом определяет мировоззрение государственных деятелей — тех правителей, которые выбирают для народа формы государственной религии. Индивида, советы которого слушают ученые мужи Академии наук, того, перед визитом к которому люди прежде идут исповедаться в храм к батюшке. А что удалось ему с В.? В групповуху вовлечь не получилось. «Чувство» потерял. Оказался женат. Словом, марионетка. Разве таким трофеем — вождь, да еще из тех, кто помыкает государственными деятелями! — можно не гордиться? Кто может чем-то подобным похвастать?

Болезнь получила, к смерти приблизилась — в той же системе отсчета ценностей это дополнительная победа. Словом, всем этим Б. была так увлечена (колокольчики, рамки и цыганские фокусы с заживлением порезов), что, как В. позднее призналась П., встретиться они раньше, ему бы не удалось ее из Центра вытащить. Это так: нужды ануса временно победили и по возвращении брата.

Знание о том, что под видом поиска любви человек, прежде всего, искал возможности оказаться брошенным — важное знание для понимания событий жизни определенного типа женщин, пусть внешне и кокетливых. И Б. в том числе. Странностей и несчастий, как может это на первый взгляд показаться.

Странности в судьбе В. всплывали не только в ее рассказах о себе, а, прежде всего, при рассмотрении обессиливающих травм тела памяти и тела мировоззрения. Помните, как П., впервые оказавшись с В. в *каморке папы Карло*, выслушав слезницу про несчастную ее любовь, предложил ей закрыть глаза и спросил, в чем ее основная проблема? Помните, что она у себя нашла? Совсем не несчастную любовь, а камень в груди от некой дамы, да и то десятилетней давности. Помните реакцию П.? Как быстро он собрался и чуть ли не бегом бросился из каморки к метро?

Его можно понять. Ведь тогда он подумал, что В. его попросту обманывает, *сеанс делает*.

И справедливо подумал. Сидевшая рядом с ним в каморке женщины была его Возлюбленной лишь в некотором смысле, **лишь как возможность**, многое в ней еще оставалось от Б., что и вызывало у него ужас еще в течение двух месяцев, прежде чем он, наконец, смог ей сказать, что глаза у нее стали чистыми. Этот рассказ о «великой любви» лишь для В. был покаянием, а для Б. — способом обрести над П. власть! Чего он хотя и до конца не понял, но догадавшись, что его обманывают, нашел в себе силы поступить правильно — быстро одел-

ся, заставил и даму быстро одеться — и до ближайшей станции метро.

Да, любовь была, типичная ржаво-грязная, но в большей степени была не более чем имитацией. Что это так, следует из того, что сеньор этот с дареным галстуком был всегда на расстоянии (психическом, духовно-нравственном, любовном — как это ни назови), а потому и металл его оказывался за границами тела. Раз только и удалось ему проникнуть глубже: вдавить в череп цилиндр (самая важная, как оказалось, для лиц анально-накопительского типа мысль — та, что тело, якобы, лишь грязная темница их чистой души), а так все больше в полуметре от тела, а то и дальше...

Но подсознание себя проявляет, и нередко в словах тоже. Разве она не говорила П., что «дорогой экстрасенс» женился, *спасаясь от нее (от В.? от Б.?)*, несколько раз она П. это повторяла, но он понял далеко не сразу. Он долго был поглощен металлом и всеми теми мелкими и не очень мелкими искажениями мировоззрения В. (да и своего тоже), которые были «площадкой» для приема этого мусора. А что до основного... Так, ведь не все сразу — но это не ограниченность психокатарсиса или Господа, а людей.

Ее было двое: Б. и В., поэтому верно то, что П. *делали сеанс*, но так же истинна и та особенная интонация в голосе В., с которой она говорила про свою «любовь»: «*А что, разве было что-нибудь?*» Истинно и то, что «дорогому» и первому мужу она в любви признавалась, а П. — нет.

За победу в некрофилогенной культуре принято пить. За победы Б. одни бы выпили винца, другие — мочи. По результатам воздействия это одно и то же.

Но и мы выпьем за В.! Только виноградного вина — неперебродившего, чистого сока. Исключительный напиток! Ведь именно его преподносил в чаше Своим ученикам Иисус из Назарета.

А чаша, между прочим, символ судьбы!

И только от самого человека зависит, что в ней окажется налито.

Глава сорок шестая.

СИЛЬНОЕ «БИОПОЛЕ»

(Была такая философская школа — перипатетики. Так они назывались потому, что обучение учеников происходило во время пеших прогулок по саду школы. А эти двое еще и за руки взялись — друг друга поддерживают.)

Место действия — тот же южный городок, в котором мы уже встречали наших героев и в котором В., наконец, оказалась вне привычной ей обстановки.)

П.: Помнишь, я тебе пересказывал материалы уголовного дела против экстрасенсов-целителей? Которые голыми руками забили насмерть чемпиона по каратэ?

В.: Помню.

П.: Не все мне в нем понятно. Целитель из азиатского колхоза — понятно, типично. Последователи его и почитатели, их профессиональная принадлежность — врачи, учителя, ведущие научные работники, артисты, художники и прочие тому подобные — тоже типично и понятно. То, что поклонники целителя, приезжая к нему в колхоз, любили, обнажившись, полежать в дерьме и при этом искренне верили, что это для того, чтобы позагорать, на благо, так сказать, тела — это тоже понятно...

В.: Рассуждая при этом про смирение...

П.: Возможно. Молодые женщины приезжали в кишлак группами по восемь-десять человек, и...

В.: Так помногу?

П.: Да. Ходили по улицам, как вспоминают местные жители, всегда взявшись за руки, и пели. Одна, другая, десятая партия, из разных мест — но все одно и то же: *взявшись за руки* и пели. Пели — понятно...

В.: Привлекали к себе внимание.

П.: Да, я об этом сразу догадался. Раз некрофилы, то сколь бы их ни замечали — все равно мало. То же самое, что и монахи, когда, якобы, уходят в пустыню, только со знаком «минус». Инверсия. Все эти формы эксгибиционизма — понятны. Но вот с этими женщинами, которые по десять человек приезжали, есть один момент, мне не понятный.

В.: Какой?

П.: Почему они ходили, *взявшись за руки*? Ведь для них это был какой-то очень серьезный психологический выигрыш, раз для этого они пренебрегали удобством перемещения. Ведь десятером в цепочку по улице кишлака — это пространственно неудобно. Отчасти привлекают внимание необычностью построения. Но такое ощущение, что в этом есть и еще что-то. Надо будет поразмышлять. *В этом есть что-то еще...* А что бы ты сказала?

В.: Смотри, с каких позиций рассматривать.

П.: С той, что тебе на ум первой приходит.

В.: Энергия закольцовывается. Образуется общее энергетическое поле. Для них родное. Растворение друг в друге.

П.: Ясно. Превращение в ничто. Обезличивание. Люди без лица. А если кто еще не вовлечен, то легче вовлекается, когда с двух сторон за руки вцепились. За *руки*... А знаешь, сколько я себя помню, ни с кем не мог за руку ходить. Если вспомнить детство, то только с отцом. А потом — ни с кем. Многие меня пытались брать за руку, но я ее выдергивал. Всегда. Или терпел — а потом все равно стремился освободиться. И с женами в том числе. Вот идиотизм этой жизни! Жениться — пожалуйста, а за руку — нет! Но стоило мне только раз подержать твою руку в своей — и с тех пор не выпускаю. Чем ты это объяснишь?

В.: Чуждые для тебя энергии. Ты *очень* чувствительный — чему тут удивляться?

П.: А правда, здорово, что мы с тобой встретились?

В.: Просто прекрасно... Остановись, мы же на улице! Люди смотрят!

П.: Хорошо, тогда возвращаемся к работе. Ты в прошлый раз упоминала о колокольчиках. Нечто для меня новенькое...

В.: Наоборот: старенькое и давно известное.

П.: Не сомневаюсь, что известное. Для меня — новенькое.

В.: Клиента обзванивают колокольчиком. При этом считается, что звуковые волны пронизывают все каналы тела. И происходит очищение.

П.: То есть *сам* клиент... Он лежит?

В.: Лежит. Расслабляется.

П.: То есть, клиент лежит, расслабившись, *сам* вслушивается в свое тело, все ли у него в порядке...

В.: Как это сам? А рядом кто стоит? Целитель. Ему слава.

П.: И все-таки, смысл наверняка иной, чем который декларируется. Клиент, расслабившись, становится полностью перед целителем беззащитен, потому что в этот момент вслушивается в *затухающий* звук колокольчика... *Затухающий!* Я себе представил, как можно вслушиваться. Ничего не улавливаешь, но еще веришь, что что-то должно быть, следовательно, что-то недоуловил в последнем затухающем звуке... И *все* силы — в тишину. И получается, что та энергия, которая шла на защиту от внешней психоэнергетической агрессии, теперь уходит на улавливание звука, *которого уже нет*. Да еще в расслабленном состоянии! Хитро!

В.: Что такого хитрого? Таких приемов — множество. Взять те же рамки... То же самое.

П.: Да, я всегда подозревал, что если профессионал может *видеть*, то он все увидит и без рамок.

В.: Разумеется. Говорят так: рамки нужны, *чтобы клиенту было наглядней*.

П.: Брехня. Клиент и так примет все, что ему подавляющий на уши навесит. Дело не в наглядности, просто другой способ деструктурирования сознания. Человек концентрируется на рамках, от которых он не знает чего ждать, смотрит, как они в руках у целителя начинают вращаться, начинает представлять невесть что, сознание перегружается, деструктурируется, и слова целителя легче внедряются психоэнергетической травмой.

В.: Может быть.

П.: Я еще со времен работы в сыске некоторые приемы жулья знаю. Это же артисты! Вот, помню, раз одного пытались задержать... Так он притворился... Ладно, не буду... Внешне, действительно, может показаться, что рамки, как и внушают, для наглядности. А что там наглядного, если рамка начинает крутиться? Крутится — не крутится, но что за этим вращением стоит, все равно толкования. Это очевидно. В конечном счете, опять деструктурирование сознания. А можно эффект усилить. Скажем, клиент стоит, уставившись на рамки, как баран на новые ворота, млеет, а ему с интонацией восхищения говорят: «Вы не поддаетесь диагностике. Вы уникальны. В вас *что-то* есть». Это же ломовой прием! От этого *что-то есть* у всех голова кругом идет от гордости. Это же еще надо представить: *что-то!* Расслабляются — и

бери тепленьким. В это *что-то* можно вложить смысл совершенно любовью, но вполне достаточный, чтобы ошалеть от гордости. В сектах есть похожий приемчик. Тоже ломовой. Клиенту говорят: «Вас Бог ведет». И достаточно! *Меня!! Бог!!* И Он *меня* оценил! *Понял!* Не помню, чтобы кто самодовольную улыбку мог сдержать.

В.: Не знаю насчет сект, а вот в нашей русской церкви так делают.

П.: А я не вижу большой разницы между сектой и госцерковью. Кстати, это известный анекдот из жизни Толстого. Один православный архиерей стал Льву Николаевичу доказывать, что католическая Церковь есть самая опасная секта, как раз потому, что самая большая. Лев Николаевич понял и с тех пор православную Церковь тоже стал называть сектой.

В.: А архиерей? Понял?

П.: Сомневаюсь. Ведь он же *архиерей*. Что ложная малая церковь, что госцерковь — одно и то же. Но в Центре изощренней: *что-то* — это действует сильнее. Можно позволить себе представить вообще *все что угодно*.

В.: Ох! И почему люди так устроены? Почему они с большей готовностью готовы поверить в любую чушь, лишь бы она им гордость подхлестывала, а в правильное — ну, никак!

П.: Да, такие мы, люди. А ты прямо древний пророк — слово в слово. Их то же самое возмуцало... А ведь тебя, судя по рассказам твоей дочки, тоже купили: *третий глаз*, сказали открыт, не как у всех, да и все такое прочее...

В.: А я и не скрываю.

П.: Человека ловят на том, что у него слабее всего... Да и очень комплексно действуют. Взять ту же одежду... И одежда тоже для того же. Я помню, когда я первого целителя увидел, бывшего священника, так прямо ошалел — такая странная на нем одежда была. Совершенно необычный покрой, да и цвет...

В.: Наверное, суфистская. Они сейчас все в суфистские одежды облачаются.

П.: Суфические? Ты читала суфиев?

В.: Ничего не читала.

П.: А я читал. Как же мне поначалу понравилось! В особенности первые несколько десятков страниц. Я тогда в церкви, наверное, года полтора уже был. Потом стал повнимательнее вчитываться... Разочаровался. Очень ограниченный круг идей. Словом, есть некий уровень банальностей, который воспринимается читающей публикой как религиозность. Тем более, если подается поэтически... Печальная песня свирели — душа, оторванная от своего Бога... Свирели делали из стеблей тростника, то есть, части, отрезанной от корня. Корень — Бог, без Него душа тоскует. Красиво. Общий образ, наверное, для всех суфиев.

В.: Но ведь правильные же слова говорятся! Это-то и сбивает с толку. Поди попробуй разобраться сразу!

П.: В каком смысле правильные? Правильные только несколько лозунгов. Первоначальных. А потом начинается не имеющая смысла аб-

ракадабра, пытаюсь понять которую, только открываешь им двери для внушений.

В.: А как разобраться, если ни сам человек Библии не читал, да и кругом тоже, в сущности, никто? А слова такими правильными кажутся, так цитаты подтасованы!.. Сейчас повернем или на следующей улице?

П.: На следующей лучше. Но как же суфии? Как же суфические одежды? Ведь Центр, насколько я понял, начинает свою деятельность с молитвы у икон. Да и во время «сеансов» призывается имя Христа... Суфизм отвергает Христа как первооснову даже по форме.

В.: Да. Но и суфизм тоже входит. Молитва, как там говорят, может произноситься на любом языке. Бог один, потому Он и исцеляет по молитве на любом языке.

П.: Или вообще не на языке, как у пятидесятников. А просто на тарбарщине, как у неспокойно спящего человека. С дремлющим критическим мышлением. Главное, чтобы «молящийся» был императором, а «исцеление» не замедлит навалиться. Только пятидесятники для деструктурирования сознания используют более простые приемы: ритмику, речь с нарушенной логикой, стоняют в толпы. Ты же знаешь, как в толпе эффективно отключается критическое мышление. Деструктурируется. В толпе некрополе очень напряженное из-за перекрытия множества незначительных полей.

В.: Знаю. Поэтому в Центре так хорошо к пятидесятникам и относятся — своими считают.

П.: Правда?

В.: Правда. Однажды мы искали еще одно помещение для сеансов, заходим в один подвал, а там как раз пятидесятники. Так мой, так сказать, *дорогой экстрасенс* принял и говорит: «*Ого! Родным запахло!*»

П.: *Запахло?*

В.: Да. Родным.

П.: *Родным запахло... Родное*, действительно, пахнет. А пятидесятники в темном своем экстазе превращаются в абсолютное *родное*... Что и говорить — характерная деталь! И исчерпывающая характеристика. Обеих сторон. А ведь и моя целительница, вторая жена, то есть, тоже чуть пятидесятницей не стала. Раз дома не ночевал, уж не помню почему, а она как раз с ними встретилась, в метро рядом подсели, привела домой, потом до трех часов ночи выпроводить не могла — все вокруг нее молились. Так потом она сама не своя была. Из транса все выйти не могла, не замечала даже, что к ней обращаются... И ушла бы к ним, если бы ее две дьякониссы не запугали.

В.: Запугали?

П.: Ага. Нехристианский метод воздействия. Логически с ней было невозможно. Рвалась *туда*... А у меня от этих пятидесятников только голова болит.

В.: А *им* нравится. У *них* даже вкусы схожи. Так я после того подвала и стала бояться всяческих сект. Поэтому так испугалась, когда читала предисловие к твоей книге. Когда узнала, что принадлежишь ты к... непопулярной церкви.

П.: Ну, что было — то прошло. Значит неважно, говорят, на каком языке? Правильно. И даже вообще не на языке — все может молча происходить. Мне в этом городке рассказывали, как Свидетели Иеговы обходили дома с призывом присоединиться к их организации, так их пригласили в комнату, где лежала парализованная женщина. Они входят, чтобы о той «помолиться», только вошли, слова даже не успели сказать, а она уже вскакивает с истошным: «Иегова-а-а!!!» Так для местных Свидетелей Иеговы этот случай, явно, самое сильное подтверждение, что их учение правильное. Скажем, что Христос во второй раз на землю уже пришел, и было это в 1914 году.

В.: Каждому свое.

П.: Насколько я их знаю, разговаривать с ними бесполезно. Скажи им, что командир местной воинской части тоже исцеляет, так они его сатаной окрестят, но своих — нет. Тем более, этот истошный вопль: «Иегова-а-а!!!»

В.: Но я еще раз: все они говорят очень правильные слова! И в Центре тебе тоже скажут, что они сами по себе — ничто. Что все от Бога, исцеляет Бог, а они, грешные, только послушные Его орудия. Поди разберись.

П.: Но ведь ты же разобралась?

В.: Ну, я!. Ты же знаешь мои обстоятельства. А потом, я ведь молилась! Чтобы Бог послал мне такого человека, который помог бы мне во всем этом разобраться.

П.: Еще неизвестно, кто кому помог. Кое о чем, до того как встретились, я догадывался, но не до такой степени. Потом это точное совпадение обстоятельств, да и судьба разве что не в точности та же самая. Скорее, я сам больше получил. Хотя, казалось бы, помогал тебе.

В.: Да, я это замечала. Как будто сам освобождался.

П.: Да я был в той же яме. Только формы отличались — сатана меня тоже подловил, но по-другому, не как в Центре. Все было тоньше. Сомневаюсь, чтобы я на магические кристаллы да на колокольчики клоннул — уж больно все это государственную веру напоминает: те же на одежде священника блески, кадило вместо маятника, те же деформирующие сознание свечи...

В.: Да-да, свечи — это у них обязательно.

П.: ...и манера речи. В православии: «*истинный* верующий», а тут — «*сильное* биополе». По мне, так это одно и то же — синонимы. Представляю, как в Центре учат! Дескать, есть люди, избранные Богом, разумеется, *истинные*, которые обладают *сильным* биополем. Это — дар свыше. Но это, говорят, дар очень опасный, потому что, если он, избранный, подумает *хорошо* — то ближний будет исцелен, а если оступится — а кто не грешен! — и подумает *плохо*, то ближний заболит или даже умрет. Потому *величайшая* перед Богом ответственность. Так говорят?

В.: Так.

П.: Заметь, я этого никогда и ни от кого не слышал. И целительской литературы не читал. Но я знаком с технологией продажи дешевых аудиокассет. На них крупными буквами написано: *высокая* разре-

шимость, *сильное* (*чистое*) звучание и т. п. А на хороших кассетах, для профессионального пользователя, между прочим, такую похабень не пишут. Технические характеристики, частоты — да, но не оценки: *высокий, сильный, чистый, истинный*. Это на барахле пишут: *истинный*.

В.: Ты — умный.

П.: Спасибо. Только большого ума не требуется, чтобы сравнить методы торговли плохими кассетами с методами подачи любой из религий. Там чуть что: я — *истинный* (мусульманин, христианин, комсомолец или кришнаит), наша религия — *истинная*, он — *истинный* верующий (адвентисты тоже очень любят об этом говорить). Штука заключается в том, что подобного рода эпитеты работают только с голоса подавляющих индивидов. Которые могут эту самооценку вдавить ржавым цилиндром в череп — и с ним, цилиндром, не поспоришь, критически мыслить автоматически запрещено. А если человек энергетически не подавляющий, то такие в его устах эпитеты звучат более чем неубедительно. Нет им *веры*. Нет той убедительности, какую привыкли чувствовать рядом со жрецами любой из признанных форм, неубедительность же вызывает гиперкритицизм, а потому усмешку, и поэтому неподавляющие из своей речи такие слова, как «*истинный*», «*сильное*», «*белый*», «*просветленный*» и т. п. вынуждены исключать. Речь Христа отличалась от речи первосвященников, прежде всего, энергетически. Поэтому вполне естественно, что Он попросту вынужден был изъясняться притчами, чтобы *догадывались*. Догадка разве что не единственный способ проникнуть далее поверхностных слоев сознания. «*И без притчи ничего не говорил им*».

В.: Так написано?

П.: Да.

В.: Мне тоже всегда не нравилось, когда ярлыки вешают. Кто, кроме Бога, может знать, кто более *истинный*?

П.: Согласен. И чем более я учусь в зависимости не попадать, тем смешнее такое слушать. И тем ужасней смотреть на тех, кто в эти зависимости попадает. Так что, только гипнотизеры могут себе позволить эту словесную подмену: сильное *некрополе* объявить *сильным* биополем. А эта подмена им необходима. Уже само по себе слово становится как бы теоретической базой для формирования мышления клиентов. «Биополе», тем более *сильное*, — слово в абстрактно-смысловом значении целиком положительное, вызывает интеллектуальную ассоциацию с жизнью, светом, утром. Формально вроде бы все правильно: *био* — это живое, а живому организму должно быть присуще живое, все — и его поле в том числе. И это было бы так, если бы не грехопадение Адама и Евы, из-за чего до конца, до Дня Господня на земле воцарился грех. Поэтому говорить, что *человеку* присуще *только* биополе — это обман. Такая же производится подмена, как и со словом «экстрасенс». Ведь целители «сокращают» свой титул с «экстрасенса-целителя» не до «целителя», а до «экстрасенса» — невинно, казалось бы, но и это не случайно! Сознание будущей жертвы невольно сразу концентрируется на анализе естественного феномена чувствительности. Но не на этом

должна концентрироваться критическая сила ума! «Экстрасенсы», в исходном смысле слова, вообще другая категория людей. А эти, из Центра, — целители. И поле у них не «био», а «некро». Две подмены в ключевых словах — это закономерность. Осмысленный подлог.

В.: Подлог — это, наверно, от слова *подлость*.

П.: Наверно. Бог исцеляет по другому механизму, чем в Центре. И апостолы — тоже.

В.: А как?

П.: Пытаться претендовать на знание *как* — это, наверно, было бы нескромно. Как угодно, но только не перекодированием! А Христос от современных целителей вообще всем отличался, начиная с того, что одежду носил скромную, добротную и практичную, и кончая тем, что чудеса, которые совершал, даже чудесами не называл.

В.: А как?

П.: *Делами*. А вообще я занятное в Писании открытие сделал. Слово «чудо» в Писании, так же, как и слова «вера», «покаяние», «вино», имеет минимум два значения. Первое — это чудо в понимании народа, второе — в понимании апостолов. Содержание этих понятий явно не совпадает. Например, есть кажущееся противоречие в первых главах Евангелия от Иоанна. Претворение воды в роскошнейший виноградный сок Иоанн так и назвал — *первым* чудом. Это начало 2-й главы. *Второе* же чудо — Иоанн так и написал: «второе чудо» — Иисус сотворил в Капернауме, исцелив сына царедворца. Это — конец 4-й. Но поразительно то, что в промежутке между *первым* и *вторым* чудом Христос совершил их множество!! Во всяком случае, так полагал народ в Иерусалиме. Это во 2-й главе написано. Так думал и Никодим, который, придя ко Христу ночью, так и заявил: «*ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить...*» И это *до* второго чуда! Соединить это возможно, только предположив, что и народ употреблял слово «чудо», но в значении ином, чем обученные Христом апостолы, а ведь Евангелия свои апостолы писали уже умудренными... Я сначала подумал, что там какие-то разные слова употребляются — в греческом синонимов множество — ан нет, посмотрел древнегреческий подлинник — одно и то же! Вообще-то, синонимов «чуда» на греческом шесть, Христовы «дела» — седьмое. Но в начале Евангелия от Иоанна там одно только и употребляется...

В.: Так какие же чудеса творил Христос, которые чудесами не были?..

П.: ...но были чудесами в представлении народа. Чудес, которые творил Христос, было всего четыре типа. Первое — природные: утишал бурю, пятью хлебами кормил тысячи. Второе — исцелял. Третье — оживлял мертвых. Четвертое — даровал рождение свыше. Рождение свыше, очевидно, жителей Иерусалима заинтересовать не могло. Если бы Христос остановил на глазах у всех солнце, то вряд ли бы Его решились распять. Воскреси Он мертвого — апостолы бы не забыли записать.

В.: Остается последнее — исцеления.

П.: Да, как ни крути — только исцеления. Между вторым и первым чудом. Рядом со Христом люди исцелялись! Но эти потрясшие вооб-

ражение народа исцеления совершал не Христос-Бог, а Иисус-человек!! Не греховный, разумеется, человек, а Божий. Просто биоисцеление происходило без *непосредственного* вмешательства Отца. Просто оттого, что рядом со здоровым человеком люди заряжались здоровьем. И было бы странно, если было иначе. Если бы не так, то второе чудо исцеления в Капернауме было бы сотым. Или пятисотым. Отсюда следует поразительный вывод, достойный статуса принципа: не всякое чудо, даже из совершенных Иисусом, были Отцовыми!

В.: То есть, ты хочешь сказать, что Христос вылечил множество заболеваний не как Бог, а как просто человек, *хороший* человек, возможно, просто добрым советом...

П.: Да. Своим влиянием. Присутствием. Возможностью с Ним расслабиться. Исповеданием мусора тела памяти. Здесь исцеление не обязательно связано с рождением свыше. Я же сколько жухлым и зрение вернул, и всякие там хронические гаймориты с тонзиллитами... Многие люди это за чудо воспринимали. Говорили: Ал — Божий человек. Но это — просто техника. Психотерапия. Ею, похоже, и Иисус занимался. Непреднамеренно. И без разговоров. И правильно делал.

В.: Ты это, верно, сам открыл?

П.: Сам. Во всяком случае, без участия людей. Что удивительно, богословы, похоже, до сих пор не замечали, что второе чудо, исцеление, в глазах народа было уже не вторым.

В.: А может быть, им невыгодно замечать.

П.: Может быть. Скажем, охраняя авторитет якобы заступников и угодников. Но то, что *сатане* выгодно, чтобы люди этого принципа не понимали — это факт. Публика мается, никак не может понять, что не всякое исцеление, кажущееся чудотворным, от Бога, а тут принцип еще более высокий: не всякое исцеление Христа — чудо Божье. Первый принцип понять легче, потом и второй освоить не сложно — а это сатане явно не по сердцу. Ну а признанные богословы, как очевидно было еще ветхозаветным пророкам, — верные орудия, но явно не Божьи...

В.: Ну, я думаю, таких открытий в твоей книге не одно. Хорошо.

П.: Но это все, если можно так выразиться, лечебный психокатарсис, Божий метод гораздо выше. Это для неподавляющих. Апостолы именно такими и были. Поэтому они уступали место Богу.

В.: И в Центре тебе скажут, что они, народные целители, ничто, все — Бог. А они сами от себя ничего не делают, только проводники Божественной воли и энергии. Орудия в руках Божьих. И их не переубедишь. Я уже пыталась.

П.: Не сомневаюсь. «Скажут», «говорят»... И им — *верят*... Но ведь можно...

В.: И на это они тут же придумают ответ. Жонглировать цитатами, в том числе и из Библии, они умеют в совершенстве.

П.: И все равно что-то надо сделать. Написать книгу.

В.: Для *них* — бесполезно.

П.: Я и говорю: остается психокатарсис. Для жертв. Заглянул в себя, и — все видно...

В.: И заповеди. Я, в сущности, сама виновата в том, что со мной произошло. Нужна четкая опора. А когда мировоззрение не приведено в систему, то одно и то же можно и *так* увидеть, и *эдак*. Ты меня понимаешь?

П.: Да.

В.: Еще на меня сильно подействовало, когда я увидела, *как* они живут. Как живут и о чем думают. И это при тех словах, которые они говорят!

П.: Насколько все-таки в этой жизни ничего не меняется! А если меняются, то только внешние формы. Подавляющие как были всегда признанными, так ими и остаются. Меняют только вывески. Была католическая инквизиция, ее обличили, объяснили, что от Христа в католичестве ничего нет, все вроде бы поняли, церковь разогнали, так публика на смену призвала Наполеона. Наполеона убрали на остров Святой Елены — пришли другие, такие же. Но под другими названиями. У нас в стране — то же самое! Народ после социалистической революции с энтузиазмом рушил православные храмы, гадить в них ходили разве что не толпами, а ведь незадолго до того те же самые люди там поклонялись, ночи напролет на коленях выстаивали! «Прозрели!» Не помню, кто вывел такой закон: *чем кардинальнее меняются символы, тем в большей степени ничего не меняется*. Был крест, стала звезда, потом опять крест — а что изменилось? Изгадили храмы — явился Сталин с той же самой инквизицией, только теперь атеистической. А не приди Сталин, пришли бы Свидетели Иеговы, если бы в те годы их было бы достаточное количество, или пятидесятники. Или целители. Эти, похоже, на подходе.

В.: А они и так уже у власти.

П.: А что, ты считаешь, что слияние православия с системой Центров уже произошло?

В.: Не явно... Но произошло. Скажем,ходишь в Центр — висят дорогие иконы из Загорска.

П.: Ну и что? Иконы! Подумаешь! Пошел да купил.

В.: Не-е-ет, эти иконы не купленные. Эти — *дареные*. С благословения высших. Приходят люди — вот, пожалуйста, иконы, исцеляют. Задно и живая реклама: если понравилось, платите деньги и заказывайте себе такие же. Да и во многих других смыслах соединились. Кто в православие людей поставляет?

П.: Ах да, конечно, они...

В.: Заметь, что прежде чем человека «исцелить» от какой-то дорогостоящей болезни, его посылают в храм причаститься, исповедаться и службу отстоять.

П.: Естественно. Там человек стоит часами, и для того, чтобы сломя голову не выскочить оттуда, должен «смириться», что все это Богу угодно: и кадила, и блестяшки, и некрофилические «лики»... Да и после рожки священника физиономия целителя не вызывает отторжения — похожие выражения, похожая сетка морщин...

В.: А еще песнопения. Ведь в Центре в приемной тоже подготавливающая атмосфера создается: пластинки крутят с иеромонахом Рома-

ном. На проигрывателе, между прочим, моего ребенка. В сущности, краденом, хотя я сама его и принесла. Иконы, опять-таки, там же висят. Дареные. Что это, как не слияние государственной веры с Центрами?

П.: Ну так это только лишний раз доказывает, что бесполезное это занятие — обличать вновь вылупившиеся или древние формы. Картинки того, что и как творят в Центре, могут быть использованы только как материал для формулирования *принципа*. Но и это не поможет. И в первую очередь тем, из Центра. Ведь их подпирают тысячелетние традиции государственной религии, вся эта система «святых», в которых эти целители узнают себя, возведение в ранг чуда того, что эти святые творили. Как ни странно, но именно государственные религии, и в частности православие, лишили этих людей всякой надежды... И не только их. Я, например, могу предсказать, что эмоционально-стрессовые формы лечения никогда не будут забыты. Никогда — в смысле до самого Второго пришествия Христа.

В.: Естественно!

П.: Это следует, хотя бы, из феномена «горячих» миссионеров. Ведь для стороннего наблюдателя наиболее «горячими» миссионерами кажутся последователи наиболее изуверских сект или монашеских орденов. А более порядочные, по сравнению с ними, направления воспринимаются как спящие. А ведь эти «горячие» собой еще и любят: в своей горячности видят несомненное подтверждение измененного состояния своего сердца. Действительно, оно измененное, только не в том смысле, который они вкладывают. А поскольку реклама, как известно, определяет все: отношение потенциальных апологетов, и, следовательно, кассу, то...

В.: То эмоционально-стрессовые методы будут более распространены. Но ведь и психотерапевтические методы не защищены от того, что могут оказаться в руках подавляющих. Взять тот же самый центр Хаббарда. Вся целительская публика валом туда пошла.

П.: Третья волна.

В.: Что?

П.: Третья на моих глазах волна в целительстве. Первая — после того, как социализм со своей официозной наукой рухнул, целители-атеисты оказались не в фаворе, то нахлынула волна целительства чисто восточного. Все разом окунулись в восточную философию, уверовали в переселение душ, стали находить «научные» подтверждения, что их души уже много раз переселялись. Потом все это приелось, как-то себя изжило, и все те же самые люди стали целителями уже «христианскими». Души, естественно, переселяться перестали, а стали проходить «мытарства», «чистилища», чтобы потом получить воздаяние. Стали и этому находить научные подтверждения. Теперь, судя по публике, — хаббардизм. Или хаббардщина? Жаль, изуродуют даже то небольшое дельное, что в этой системе есть. Если рассматривать только первичную психотерапию, то неплохая, в сущности, система. Если бы ее да в хорошие руки...

В.: Правильно, *все определяет личность человека* — есть ли она? Но люди почему-то тянутся к дурному. Пока я в Центре была, народ на заводе шел ко мне валом: посоветоваться и прочее... По всем вопросам советовались. А потом, когда из Центра ушла, я им стала говорить: *куда* вы идете? Откуда вы знаете человека, которому доверяетесь?

П.: Естественно, к тебе после этого перестали ходить?

В.: Естественно. Только один старичок-вахтер был рад, что я с Центром распрощалась. Он мне и раньше говорил: «Милая, уходи ты отсюда, не место тебе там».

П.: Старичок? Какой-нибудь особенный?

В.: Да нет. Обыкновенный такой старичок, неприметный. Вахтером у нас работает. На проходной. Пенсионер. Почему-то меня очень любит...

П.: А мне работать в этом Хаббард-центре очень не понравилось.

В.: Но после того семинара, где мы познакомились, ты был в абсолютном восторге.

П.: Я? Да, было дело. Но это было предрешено. Собственно, это повторение твоего сюжета. Как рекламное шоу, хаббардовская «Дианетика» великолепна. Теория выстроена прямо-таки с пирамидальной правильностью: четко, симметрично, плоско, и эта-то симметричность впечатление и производит... Я даже испробовал этот метод на одной... э-э-э... даме легкого поведения — работает! Потом стал искать этот Хаббард-центр, всех обзвонил — что за наваждение? — не могу разыскать! Три месяца не мог найти!

В.: Отсрочка. Чтобы мы с тобой могли встретиться. Там. Найди ты его сразу, ничего бы не было.

П.: Да, три месяца... За три месяца я его бросил бы, разумеется. Но вот, представляешь, три месяца мечтаний — и семинар! Исполнение мечты! Эйфория уже от одного этого! Да еще как все там поставлено! Подряд 8 часов сплошной рекламы!

В.: Да, реклама там — верх серьезности. Мне самой очень понравилось. Тут же один курс оплатила. «Общение для аудитора». А ты подсмотрел.

П.: Я?

В.: А ты не помнишь?

П.: Нет.

В.: Нам тогда, после аудитинга, свободное время дали, и я сразу пошла и купила. На весь цикл курсов денег, естественно, не хватило. И хорошо, что не хватило. Но один купила. Выхожу из той комнаты, а ты подходишь ко мне и говоришь: «„Общение для аудитора“ купили?» Я тогда подумала: «Во дает, уже все знает, и как ему только удалось?»

П.: Это все ерунда. Профессиональные навыки. Иной раз смешно становится, когда ведешь какого-нибудь обормота, а он мечтает, что за ним никого. Подходит, скажем, к телефонному автомату, оглядывается, как бы кто не подсмотрел, какой номер телефона набирает, заслоняется, а ведь все равно я этот телефон записываю.

В.: А как это?

П.: Много будешь знать — скоро состаришься.

В.: Нет, скажи!

П.: Очень просто: подходишь и запоминаешь номер, который подзреваемый набирает.

В.: А он тебя не видит?

П.: А он меня не видит. Но мы отвлеклись. Я, как истинный жмот, курсов оплачивать не стал, а сразу отправился в этот Хаббардовский центр устраиваться работать. Мне кто-то из супервайзеров сказал, что для сотрудников эти курсы бесплатно. Но мне тогда сразу же, в первый же день, не понравилось, какой там солдафонский дух стоит. К примеру, познакомился с одной женщиной. Год уже почти там работает. А поскольку все там работают ради того, чтобы пройти курс психотерапии, то, естественно, ее там по Хаббардовскому методу лечат. Мучается от болей в спине, а все без толку. А явное, что всех делов секунд на тридцать. Я ей предлагаю...

В.: *Молодой женщине...*

П.: Она замужем.

В.: Разве это имеет значение?

П.: Я ей предлагаю: «Давайте в момент сниму боли, что вы мучаетесь?» Метод объяснил. А она мне: «А нам запрещено-о-о...» Что тут сделаешь?! И это притом, что у нее муж не просто медик, но и научный работник. Тема его диссертации — бесполезность хирургического вмешательства при воспалениях внутренностей. Вырежешь язву — она тут же вновь образуется. Потому как психического происхождения. К этому выводу он после множества хирургических операций пришел. Следовательно, уж кому как не этой даме понимать, что абсолютного ничего в мире познания — нет. Но она как зомби! Им, действительно, под страхом прекращения аудитинга, причем прекращения *навсегда*, запрещено прибегать к другим системам психотерапии. Вот они всего и боятся. Вне хаббардщины нет спасения.

В.: Как у католиков: вне их церкви нет спасения. История повторяется. И — своеобразное отлучение. А мне не понравилось, как они там ходят. Ведь как на плацу маршируют. Все идут, чеканя шаг. Ведь все до одного! Как штампованные! Как из фильма ужасов о построении новой цивилизации!

П.: Да, ты это мне уже говорила. Но повторяется не только православие с католицизмом, но и сталинщина. Хаббард, как и Сталин с Гитлером, прекрасно понимал, что *побеждать* может только иерархия, в которой нет людей, а есть штампованные, которые не остановятся ради организации ни перед чем, даже с клеммами Е-метра (детектора лжи) в руках будут пересказывать слова своего приятеля за соседним столом. К этому обещание светлого будущего: после их аудитинга превратиться в оперирующего тэтана.

В.: А это что такое?

П.: А это астральное тело. После того, как над тобой поработают высшие специалисты организации, астральное тело начинает независимо от тела физического перемещаться в пространстве. Это и есть наивысшее счастье. У них там это все измеряется. Счастье обыкновен-

ного человека — 4 единицы, обыкновенное его состояние — 2,5, а запла-
тившего за полный курс одитинга и прошедшего его — а это не один
год обработки — 40.000 единиц счастья!! Сотрудникам организации —
скидка. Вот они там все и трудятся за одитинг... А насчет новой
цивилизации — да, заявляют, именно цивилизацию новых людей они
и строят. Ни больше, ни меньше. Я как стал переводить ихние письма
для служебного пользования — так у меня глаза на лоб полезли! Ну,
думаю, попал! А у меня это всегда так. Если что где происходит — так
я непременно в самом центре оказываюсь. Стал изучать, что это такое —
хаббардизм, так сразу же в центре этого Центра и оказался. Как бес-
ценному кадру, писателю и переводчику, немедленно дали переводить
письма для служебного пользования. Только условие — сидеть и пере-
водить там, в их Центре. Я поначалу был недоволен, все-таки дома
удобнее, а теперь понимаю: так даже лучше. Лучше потому, что мог
наблюдать. Взять хотя бы их утреннюю гимнастику. Ведь что делают?
Соберутся в толпу, тесно стоят, плечом к плечу, и начинают скандиро-
вать... *названия отделов!* Китайская гимнастика это у них называется.
Что после этого удивляться, что ходят, чеканя шаг. Но главное — это
то, что *я там совершенно не мог работать!* Засыпал, как после здешней
Зои. Сидя засыпал — и все тут! Выработки, соответственно, нет.

В.: Помню, ты рассказывал, что уходил под крышу спать. На чердак.

П.: Да, а уборщицы меня гоняли. Словом, похоже на твой Центр.
Все те же самые благородные слова. И как в твоём Центре ругают *чер-
ных* магов — за сатанизм, — так и здесь обязательный курс об антисо-
циальных индивидах и о формальных 12 признаках их распознавания.
Только подавляющие все равно там. Может какие-то виды некрофи-
лов они и отсеивают, но, похоже, лишь не способных вписаться в тако-
го рода иерархию. Главные, похоже, остаются. А их тестирование...

В.: Я, кстати, по их тесту им не подхожу. Не прошла.

П.: Так ты и за тестирование платила?

В.: Да. И не прошла.

П.: А я сэкономил. Прошел его как потенциальный сотрудник. И
тоже не прошел.

В.: По-моему, все очень закономерно.

П.: Похоже... Так что публика там подбирается особая. Кто знает,
может, из бывшего твоего целительского Центра в этот Хаббард-центр
перебираются.

В.: Это уже происходит.

П.: Жаль. А ведь метод сам по себе неплохой. Не такой, конечно,
эффективный, как психокатарсис, но уж, во всяком случае, получше
многих. Но если одитинг станет проводить некрофил...

В.: То вместо вычищенной у клиента старой травмы — другую!

П.: Точно! А поскольку человек расслаблен, глаза при одитинге за-
крыты, то вычистят ему, положим, 30 единиц нездоровья, но за это
время *вчистят* не 50 единиц, новых, как у целителей, а 80, то какая
разница? То на то получается. Как в одном случае в итоге — 80 единиц
нездоровья, так и в другом — те же 80.

В.: А потом время пройдет, *они* еще что-нибудь придумают. Так и
будут переливаться из одной формы в другую. И все с тем же самым
результатом. Даже если возьмутся и за лечебный психокатарсис.

П.: Что, вполне вероятно, и произойдет. И будут *убедительно* дока-
зывать, что психокатарсис замечателен и превосходит все прежде из-
вестные методы. Публика валом пойдет под травмы. Правильно ты
сказала: все, в конечном счете, определяет то, *какой* рядом оказался
человек.

В.: Точно.

П.: Но это уже не будет психокатарсис, потому что не будет проис-
ходить очищения души. Будет изменяться месторасположение и ин-
тенсивность деформаций, но поле-то все равно останется деформиро-
ванным. Это не психокатарсис!

В.: А поди это кому докажи. Что *видимость* техники вопросов и
изменяющихся образов — еще не очищение. *Тебя* слушать не станут.

П.: Так вот именно поэтому я и утверждаю, что эмоционально-стрес-
совые методы не отомрут никогда! Ярким некрофилам с психокатар-
сисом не по дороге, потому что путь их не к жизни. А раз к смерти, то
под видом лечения они всего лишь *находятся* в тех местах, где есть
боль, болезни, страдания. Много времени в поликлиниках, аптеках и
больницах они тратят вовсе не потому, что хотят стать здоровыми в
смысле приближения к жизни. «Болея», они как бы уже находятся на
полпути к состоянию смерти, они тогда от себя самих умиляются до
слез. Размышляя о смерти, предпочитая поле себе подобных в очере-
дях поликлиник, стремясь попасть все к более и более *признанному*
медицинскому светилу, — они тем выбирают смерть! Модные докто-
ра — это вовсе не глупость, как говорил Толстой. Все это не просто так!
Человек не так уж безнадежно глуп, во всяком случае, на уровне бес-
сознательного. И если кто с жизненными ситуациями часто не справ-
ляется, то истинная причина в том, что подсознание его с этими ситуа-
циями справиться и не стремится, потому что удача уводила бы от
смерти. И еще. Так ли уж случайно люди так мало читают умных книг?
Нет. Боятся потревожить агонизирующее тело мировоззрения. Лучше
к медицинскому признанному светилу — авось очередная психоэнер-
гетическая травма добьет тело памяти. А вместе с этими телами — и
тело физическое. Духовное и не рождалось.

В.: Поэтому...

П.: Поэтому эмоционально-стрессовые методы останутся как бес-
ценная возможность под видом лечения получить *еще*. А *видимость*
лечения необходима: Слово все равно в них живет, совесть, следова-
тельно, обличает, поэтому Его обойти требуется. Сатана хитер, верные
ему кодируют не только мусором с откровенным звучанием, но и по
формальному звучанию мусором как бы нравственным.

В.: Вот уж точно!

П.: Поэтому психокатарсис — это, прежде всего, **самолечение**.
Поэтому — вне воздействия некрофилов. Истинное самолечение все-
гда Боголечение. *Самокатарсис тоже* можно извратить.

В.: Все можно. Если очень захотеть.

П.: Живой бог на земле Порфирий Иванов умер, но исцелять своих последователей не прекратил. Верующий в Иванова выходит, скажем, в лес, разувается, тем, якобы, соединяясь с природой, и говорит: «Учитель, исцели меня!» — и получает исцеление. Причем те, которые исцелялись от еще живого «Живого бога на земле» Иванова, и после его смерти исцелялись уже от мертвого «Живого бога», причем никакого ухудшения в качестве исцелений не ощущали. Это предпоследний шаг перед некро-«самолечением». Перед подключением к первоисточнику смерти. Перед *видимостью* самолечения. Самолечение — это, в большинстве, все-таки только *видимость*. Но для того, чтобы в некро-«лечении» не было сбоев, сатана очень хотел бы, чтобы обращались к мертвым. Якобы, в некоем смысле, живым. Тем же Ивановым, коим в истории человечества несть числа. В каждой «религии» — свой. В Центре наверняка тоже должен быть какой-нибудь. Из территориально-культурных соображений, он явно из святцев.

В.: Точно. Есть. Святой Пантелеймон. В Центрах обязательно его икона висит.

П.: Ну вот, пожалуйста! Что я говорил!

В.: Но ведь *не только* Пантелеймон. Помнишь: «Именем *Иисуса Христа*, злой дух болезни, выйди вон! Дух здоровья — войди!»

П.: Я слышал формулы и посложнее.

В.: Я тоже. Их множество. Но *имя*...

П.: Имя Божье не набор букв и звуков. Да даже и по библейской лексике «имя» — это многозначное слово. Одно значение — привычная метка человека, набор *звуков*, а другое — это *характер*. Самое главное в человеке. Об этом особенно в Ветхом Завете много говорится.

В.: Покажешь мне?

П.: Обязательно.

В.: Ты не подумай, что я тебе не верю. Наоборот, чувствую, что именно так и должно быть. Просто очень учиться хочется. Я вообще, сколько себя помню, все время где-нибудь училась. На работе вечно меня на какие-нибудь курсы посылали... Тогда учиться хотелось, а сейчас и подавно. Всему-всему!

П.: Прекрасно! И я с удовольствием тебе составлю компанию. Будем учиться вместе! Я тоже, во всяком случае, после института, все время чему-нибудь учился. Самым неожиданным дисциплинам. Столько еще неизвестного — и так все это интересно! А еще мне очень хочется все, что я прежде читал, еще раз перечитать. Хорошее, я имею в виду. Совершенно, чувствую, новыми глазами все увижу. И вообще, мне кажется, что до встречи с тобой я не жил. То есть, не совсем корректно я выразился... Бог-то меня повернул в нужную сторону уже не первый год, но я весь был так *увешан*... Ненужным. Бог постепенно развязывал, я разгибаться начал. Но когда ты в моей жизни появилась, я и вовсе распрямился. Спасибо тебе!

В.: За что?

П.: За то, что ты *существуешь*. За то, что ты *такая*...

В.: Ты на чем-то остановился?

П.: Нет, я серьезно. Я до тебя очень верил словам. Пытался понять, что у человека в душе, размышляя над его словами. А с тобой не только бросил слова слушать, но и поступки, понял, ничего не значат.

В.: Ты на чем-то остановился?

П.: Тебе мои рассуждения интересны?

В.: Очень! Имя...

П.: Имя... Да... Конечно. Когда призывается *якобы* имя Господне, но на самом деле это не более чем определенная комбинация букв, то происходит нечто противоположное Божьему и получают исцеления, по качеству не уступающее исцелениям от Живого бога Иванова или от мертвой проститутки Констанции. Или еще от кого-нибудь вроде того. И хотя *звук* имени Христова сатане не опасен, все-таки надежней увести еще дальше. К Иванову, к Пантелеймону, еще к кому. По той же сатанинской логике, по которой дьяволу мало того, что под его водительством фарисеи опошили *субботу*, он сверх того потрудился перенести и без того видимость покоя на любой другой день... Будто ритм Вселенной не более чем формальность.

В.: Да, так...

П.: Поэтому глубины психокатарсиса возможны только в *имени* Христа, и даже более того — в Его Личности. В идеале психотерапевт не более чем тренер, узнав у которого о технике зрительных образов, человек, вернувшись домой и став на молитву, освободился бы от травм души. В особенности, от травм, нанесенных теми индивидами, которые умеют внушить, что обладают *сильным биополем*. Ты знаешь... ты знаешь, а ведь мне сейчас идея пришла!

В.: Какая?

П.: Мы с тобой в чем расходимся? Ты считаешь, что психоэнергетическая травма наносится, когда один человек о другом зло *подумает*. Так?

В.: Так. Он может подумать подсознательно, не осознавая... Но в Центре учат, что если подумает хорошо, то добро несет, а плохо — то зло. Поэтому целитель особую ответственность несет перед Небом.

П.: Хорошо. А я все время с тобой не соглашался, говорил, что психоэнергетическую травму получить рядом с некрофилом можно в любое время. Просто потому, что человек *такой*. Вне зависимости от того, что в данный момент происходит на понятийном уровне его мышления. Так?

В.: Во всяком случае, ты так всегда мне говорил.

П.: Так вот мне сейчас пришла идея, как эти точки зрения соединить! От некрофила идет некий фон. Одну, если ты помнишь, психоэнергетическую травму в половую сферу, дюралевую пластину, как мы выяснили, я получил, просто ожидая автобуса на остановке. Один был, после работы.

В.: Ты, верно, тогда думал о сексе.

П.: Завсегда об этом самом думаем! Кхы-кхы! Но травмы-то получал не всегда! А мужчину того, который мне эту травму залепил, я даже и не видел, за спиной стоял. Вряд ли он обо мне *специально* думал...

В.: А может, думал? Ты — высокий, интересный. Позавидовал.

П.: Преувеличиваешь. Высокий — да, но стоял к нему спиной... Не будем спорить! Мяч все равно круглый, даже когда он и не катится. Поэтому не удивлюсь, если эксперименты покажут, что некрофилы травму нанести могут даже пока спят. Но спят они не всегда и иногда еще некрофильно думают. А мысль весьма материальна...

В.: Это уж точно.

П.: А если еще и *подумают*, в том же, естественно, духе, в котором и живут, то в таком случае их «исцеляющая» сила резко возрастает. А когда не думают — падает. Но не до нуля! До уровня того самого все убивающего фона. При таком раскладе наши с тобой позиции совмещаются.

В.: Я подумаю. Я так сразу тебе ничего сейчас не скажу...

П.: Да я, собственно, и не настаиваю. В сущности, какая разница — до нуля или не до нуля? Главное... Да я сам не знаю, что, в сущности, главное...

В.: Знаешь.

П.: Я не в этом смысле. Ты и так интуичишь, хоть я энергетически и не признанный, не «сильный»...

В.: По поводу чего я чрезвычайно счастлива!

П.: Еще мне кажется, что эта теория о «сильном биополе» придумана для того только, чтобы был *повод* использовать это привлекательное для толпы слово — *сильный*. Экстра! Ведь в слове *экстрасенс* главное не *сенс*, а *экстра*. А для нашей гипотезы...

В.: Твоей.

П.: Нашей. Эта «сила» — полное бессилие. Ни друзей, ни здоровья. И *половинки* нет, потому как для «сильных» их в принципе не существует. Ведь только Бог силен вести на этой земле с той единственной, которая действительно *единственная*...

В.: И с единственным. Я слушаю тебя...

П.: ...и вытащить из самых бесподобно опасных мест, пусть даже кругом трупы. Вспомнить хотя бы то танковое безумие в Столице... Безумие, выплеснувшееся за пределы Центра... Или банду в азиатских горах. Но как в сказке — все нипочем.

В.: Что поделаться, такие мы с тобой.

П.: Иванушки-дурачки. Помнишь, ты мне об Иванушке-дурачке в первую неделю знакомства говорила? Об Иванушке-дурачке из народных сказок, что это я. И объяснила: наивный. Все его обманывают. Но потом все равно в жизни получает самое лучшее. Не знаю, сколько времени прошло прежде, чем я до конца понял, *что* ты мне тогда сказала.

В.: Что ты точно он, я поняла сразу, как только на тебя взглянула. Что ты, несмотря на свою образованность, наивен, пусть даже в лучшем смысле этого слова, и тебя обмануть — нет ничего проще.

П.: А ведь Пьер — тоже Иванушка-дурачок. Я только удивлюсь, почему никто из филологов-исследователей не обращал на это внимание. Пьер — Пьеро! Ведь Толстой не просто так давал имена. Даже то, что у его Вронского лошадь была Фру-Фру, не случайно. Это было

имя героини пьесы, которая в то время была у всех на слуху. Она страстно полюбила, бросила маленького сына, но потом погибла. Так вот Вронский, который переломил задом спину Фру-Фру, а потом над ней умирающей стоял с трясущейся челюстью — это аллегория, прообраз трясущейся челюсти Вронского над телом Анны, после того, как она ему впервые отдалась. В романе даже имя лошади не случайно! А тем более, имя любимого героя. Тем более, что подобно тому, как у всех читающих современников Льва Николаевича на слуху было имя Фру-Фру, также на слуху было и имя Пьеро. Ведь российская читающая публика той эпохи в обязательном порядке владела французским языком и попросту не могла не знать, что французское имя популярного театрального персонажа — это уменьшительное от имени Пьер. И публика, и сам Лев Николаевич, встречая это имя, вызывающее столь отчетливые ассоциации, не могли не догадаться о характере и судьбе героя — отправной точке, основных перипетий и его победы. Тогда, в XIX веке, когда Толстой работал над «Войной и миром», Пьеро был отнюдь не тем Пьеро из века XX-го, которого декаденты превратили в гротескного печального любовника. Нет, в XIX веке Пьеро оставался тем же, кем он был при своем появлении на сцене в веке XVII — парнем, прибывшим в чуждый ему город из сельской глубинки, одетым просто, разве что не в мешковину, а порой действительно в мешок, простоватым, но своей сметкой преодолевавшим все нагромождаемые вокруг него обманы. Или, выражаясь на несколько ином диалекте, — освобождаясь от последствий разнообразных случаев гипнотического воздействия. Это — Пьеро. Но и толстовский Пьер именно таков!

В.: Да. Конечно.

П.: Кстати, Пьеро и до декадентов нес в себе некоторый потенциал облика *печального* любовника, во всяком случае, в том смысле, что любовником был, но в анальном смысле неудачливым: его подруги стандартно покидали его ради проходимца Арлекина — злого и беспринципного жулика, появлявшегося на сцене в новеньком костюме, сплошь сшитом из цветных треугольников и квадратов...

В.: Запоминающийся костюм. Привлекающий внимание.

П.: Да. В веках менялся не только образ Пьеро, но и образ Арлекина. Поначалу, в XVI веке, Арлекин был как бы прообразом Пьеро, который появился позднее, в следующем веке. Они были похожи не только характером, но и одеждой: цветные треугольники тогда несли совсем другой смысл — это были заплатки, подчеркивавшие бедность хозяина. Так вот, у Арлекина-Пьеро в те времена был еще один аналог! Буратино! Да-да! То самое имя! Это уже много позднее у Шарля Перро он стал мальчиком, да еще деревянным, да еще с длинным носом — символом его порядочности, из-за которой он поначалу часто оказывался обманутым: ему «натягивали нос». Того самого Буратино, которого в своей каморке оживил папа Карло. Да-да, *в каморке папы Карло!* Вот и получается, что если я, как многие говорят, похож на толстовского Пьера (Буратино?), а окончательно ему уподобился судьбой, только встретившись с тобой в твоей булгаковской полуподвальной комнатке с печ-

ЧТО РАССКАЗАЛА ЖЕНА БРАТА

кой, комнатке, которую ты при нашем знакомстве сама же, не осознавая причин, назвала *каморкой папы Карло*, то выходит, что добрый папа Карло это — ты!

В.: Ну, спасибо! Занятный вывод. А может это ты?

П.: В таком случае, кто из нас Пьеро? В каком-то смысле, конечно, — оба. Но согласись... Ведь из десятков, если не сотен, возможных имен этой комнаты ты выбрала только одно.

В.: Разумеется, если рассуждать только логически, то раз комната моя, и я сама ее *так* назвала, то... То, получатся, что я он и есть. Только не называй меня так, пожалуйста.

П.: Хорошо. Не буду. Так что если говорить об Иванушках-дурачках, всякий Пьеро, в какие бы переделки его обманом ни завлекали, все равно в конце концов получает самое лучшее. Пьер, Пьеро, Буратино, Иванушка-дурачок... Посмешище в некрофилогенной культуре. Пьер, который так не нравился Софье Андреевне. Освобождающийся от нее и получающий в жизни все самое лучшее. Как бы его ни обманывали.

В.: Но ты, я надеюсь, убедился, что обмануть я тебя никогда даже и не пыталась.

П.: Ты удивительная. И хочется идти с тобой, все время взявшись за руки и никогда твою руку не отпуская. Вот будет здорово вспомнить, когда будем старенькие? Правда?

В.: Ты уже сейчас об этом думаешь?

П.: Да нет, это я так, к слову. Но ты не думай, что раз мы с тобой так легко всякую заразу собираем — что это так уж абсолютно плохо. Это, между прочим, можно назвать проявлением дружелюбия.

В.: Чего?

П.: Дружелюбия. Ты понаблюдай, как себя люди ведут, когда разговаривают. Стоят в *симметричных* позах. Скажем, если стоят у перил, а один облокотился, то другой, если дружелюбно к собеседнику расположен, тоже на перила или на стенку облокачивается. Один снимет пиджак — другой тоже, если один закурит, то и другой, если курящий, — тоже. В уподоблении попытка больше понять собеседника, потому что разговор — это не только произнесенные *слова*. И этим дружелюбным уподоблением злоупотребляют: именно в этом положении легче нанести травму. Поэтому и говорят, что самые главные враги человеку — его друзья. Потому *они* все и внушают, что *они* наши друзья. И так повторяется, пока не появляется иммунитет.

В.: Но ведь не просто перешагнуть этот порог освобождения от «лучших подруг» и «лучших друзей»!

П.: Да, конечно, это большей плод души. Для многих неподъемный. Но есть плод еще больший — когда происходит освобождение от детства заякоренного в душе семейного кумира. Если не Наполеона, то все равно окруженного восхищенными взорами Анатоля. Освобождение и обретение в своей жизни Пьеро...

В.: Главный из которых, как выясняется — Христос.

(Возможно, здесь, как ни в какой другой главе этой книги важен не столько текст, сколько *подтекст*, то, что можно угадать между строк. Кроме того, считаю полезным сообщить читателю факт, нашему П. ко времени нижеприведенного разговора не известный: жена брата В., Ольга /отец — крупный в строительном деле начальник, мать — учительница/, несмотря на свои 22 года, — дипломированный экстрасенс-целитель. Это от П. почему-то все дружно скрывали: сама В., ее брат, сама Ольга. Но заработки ее с целительством не связаны — она получает ошеломляюще большую зарплату за простенькую, в сущности, работу пишбарышни в банке. И еще, чтобы не запутаться: в тексте упоминаются три сестры и три брата — В. /Галя/ и ее брат Сергей; Ольга, вторая жена Сергея, и ее странно погибший брат; «дорогой экстрасенс» и его сестра, тоже практикующий целитель и провидица, с ней мы впервые познакомились, когда В. вытаскивала из себя после нее спицу.)

... Ольга: *Не могу больше. Надоело — хоть разводись!*

П.: Подожди. Ты мне лучше скажи: ты знаешь, что там, в Центре, групповухи организовывали?

Ольга: А что это такое?

П.: Что?

Ольга: Групповуха.

П.: А ты не знаешь?

Ольга: Нет.

П.: Это когда не двое, так сказать, *занимаются*, а, скажем, одновременно десять.

Ольга: !..

П.: Разве, не знала?

Ольга: Я? *Откуда?*

П.: Значит, тебя не привлекали...

Ольга: А кто их знает, может, и занимались. От этого деятеля можно вообще чего угодно ожидать. И ведь убедит, что все так и надо. Это просто удивительно, насколько легко ему удается всех убеждать! Скажет: так — и все!

П.: А это и называется: *гипноз*.

Ольга: Разве?

П.: Да. Или, что то же самое, сильные подавляющие способности. Итак...

Ольга: Групповой массаж они, видела, устраивали.

П.: В обнаженном виде?

Ольга: Когда среди своих оставались, может и в обнаженном. От него все что угодно можно ожидать. Я же говорю: он на *этом* помешан! Я однажды туда двух девиц привела лечиться...

П.: И ты... Ничего-ничего, продолжай.

Ольга: Так они выходят и говорят: ну и что такого? Обыкновенный бабник, только и думает, что под юбку заглянуть. Целитель фигов. Смешно даже.

П.: Но тогда ты же во все это верила?!

Ольга: Верила. А я не виновата: меня мать настроила. Она, перед тем, как меня туда отвести, так все расписала, что я уже ничего не могла сделать. А что сейчас смеюсь — просто настроение хорошее. После того, как ты со мной позанимался. Спасибо. Теперь бы еще от этих гнойников избавиться...

П.: Помнится, *он* и тебя тоже домогался.

Ольга: Да. У меня тогда женские дела болели. Лежу я там на кушетке, сеанс значит, в голове все плывет, ничего не соображаю — и в этот момент он меня начинает целовать! И все такое. А я — все, ничего от меня не осталось, только ноги осталось раздвинуть — и пожалуйста. Не знаю, как с силами собралась, оттолкнула его и говорю: все, еще немного, и мы отсюда не выйдем. Поднялась — и ушла.

П.: А лечение?

Ольга: А мне его сеансы все равно не помогли. А теперь, как выяснилось, даже наоборот.

П.: Да, железа повинытакивали много.

Ольга: Да. А потом, ты что думаешь? После того, как выяснилось, что я его могу на фиг отправить, он тут же ко мне всякий интерес потерял. О каком тут лечении говорить? К тому же меня почти сразу и вылечили.

П.: Кто?

Ольга: А там в этот Центр женщина одна ходила полы мыть — она и вылечила.

П.: Уборщица? Она тоже из этой команды?

Ольга: Нет. Там в соседней комнате или вообще в этом помещении депутат, что ли, принимал — так вот там. Знали, конечно, что она тоже практикует, но к себе не звали. Да и она, вроде, тоже не стремилась. У них своя практика, у нее — своя. А полы — подрабатывала... Кстати, он же меня к ней и послал. Говорит, я не помог, может быть, она поможет.

П.: Значит, вылечила...

Ольга: Во всяком случае, боли прекратились. За два сеанса. Надо мной молитвы отчитала — и все. Это у нее особый дар. Из поколения в поколение передается. Еще какая-то там у нее прабабушка этим, говорит, занималась.

П.: А как же так получилось, что ты перед ним устояла?

Ольга: А на фиг он мне такой нужен? Хорошо еще, если бы по возрасту мне подходил, а то разница-то какая! Я же соображаю. Да, хорошо бы... Вот бы... О чем это я? Ах, да! А вот Гале он еще туда-сюда. Сколько ему? 45? Или больше?

П.: Если столько было тогда, то сейчас больше. Минимум 12 лет с Галей разницы.

Ольга: Да и потом, бабника, что ли, не видно? Зачем он нужен? Я и Гале говорила, что он и ко мне приставал... А она: а я зна-а-аю, он мне

расска-а-азывал, это у него ме-е-етод такой... А что он ей рассказывал? Что лечил? Или что? Мы ей: вот он с той-то и с той-то. А она: а я знаю, в этом-то и е-есть благо-родство — зна-а-ать и не обра-а-ащать внима-а-ание.

П.: А мне Галя говорила, что он — импотент.

Ольга: Разве??!

П.: Да. Не удивляйся: распространенное, между прочим, среди гипнотизеров явление. Взять того же Месмера. Или еще кого-нибудь из известных... Этого пытались лечить многие, но вылечила — Галя. Поэтому-то он, как она объясняет, наконец, и женился.

Ольга: Импотент? Да у него семья вроде есть. В Прибалтике.

П.: Так он еще и *приезжий*?

Ольга: Да. Сюда на заработки приезжает.

П.: *Так он — приезжий*...

Ольга: Да.

П.: *Приезжий*...

Ольга: А почему это так для тебя важно?

П.: Нет-нет, все в порядке. (*Ох, как больно... Больно-то как... Приезжий... Это очень важно...*) Нет-нет, неважно. Значит, говоришь, семья... Что, и дети есть?

Ольга: Наверное. А хотя кто его знает — все это, может быть, вранье, и никаких детей нет. Или не от него. От него все что хочешь можно ожидать... Импотент, значит?.. Он же там с какой-то лестницы упал, позвоночник, говорил, повредил — может, у него после этого? А может, дело не в лестнице, а просто внутри весь насквозь гнилой. Он же весь гнилой! Почему бы и не *это* тоже? А Гале: помоги мне, несчастенькому... Какая гадость, какая гадость!

П.: Галя мне говорила, что она не его одного в Центре от импотенции вылечила.

Ольга: Она? Исцеляла кого-то? Что-то я сомневаюсь! Нет, не может быть!.. Хотя... Знаю, у одной на работе горло вылечила. Точно. Но импотентов? Нет, не знаю. Ничего не могу сказать.

П.: А как же он мог жениться, если, говоришь, у него семья?

Ольга: А ну и что? С него и это станется. А может, никакой семьи и не было никогда...

П.: А как долго это у них продолжалось?

Ольга: Сколько встречались? С год, наверное. Или полгода. Я точно не знаю.

П.: А как ты думаешь, кто из них был инициатором отношений?

Ольга: Он, конечно. Я же говорю: ни одной юбки не пропускал. И в любви объяснялся. И Гале тоже. Хотя, в сущности, она ему ни на минуту не была нужна.

П.: (*Больно, очень больно... Опять приезжий... Почему именно приезжий? Что-то здесь не то... Сталин — с Кавказа, Гитлер — из Австрии, Наполеон — с Корсики...*) Так... А закончилось по чьей инициативе?

Ольга: По его же. Очень некрасиво, причем, все это сделал.

П.: Как?

Ольга: Так. Некрасиво — и все. Даже не хочется рассказывать. Ему же нужно было жениться. В Москве обосноваться.

П.: Галя, знаю, в дом свой его не ввела.

Ольга: Да.

П.: А почему?

Ольга: А ты спроси: *ему* нужно было это? Нужды ему не было — вот она и не ввела. А если бы была, то, наверное, сделала бы, как ему нужно...

[П. не случайно обратил внимание на ту деталь, что «дорогой экстрасенс» был приезжим. В который уже раз в его жизни воспроизводилось одно и то же положение. Любая его более или менее продолжительная связь заканчивалась однотипно: после того, как очередная дама предавала, у нее вскоре (!) случалась страстная, до лихорадки, любовь. Начиналась она грязно, заканчивалась и вовсе омерзительно. Так что же тут важного? То, что женщины предают — это не новость, то, что страстная любовь случается — тоже, то, что вскоре и после — занятно, но поразительно то, что объектом страсти всякий раз оказывался приезжий. Или история приключалась на выезде. Причем объект вовсе не был интеллектуалом из какой-нибудь другой столицы, вовсе нет, они были, на удивление, даже не из провинции, а из самой что ни на есть тупорылой глубинки. Приносивающиеся — да, но выраженных говнюков сотни тысяч и в городах, тем более в столицах, почему же непременно — глубинка? Наш П. и раньше обратил внимание на эту закономерность, еще до того, как стал писать, и даже прежде, чем стал углубленно изучать психологию. Но заметить закономерность — одно, осмыслить ее — нечто иное. Обратил внимание — и правильно сделал: в этой закономерности отражался способ существования и его самого, и тех женщин, которые оказывались рядом с ним... И вот — снова пример страстной любви, грязное начало, омерзительный конец, и опять, опять приезжий!! Правда, есть и отличие: у Гали не после, а до. Расширение пространства для размышления... В чем же разгадка? Приезжий, неважно откуда, отличается от местных немногим: манерой говорить, манерой кивать, манерой не соглашаться, и т. д. Таким образом, те, кто привык, скажем, визуально (по мимике, жестам и т. п. — это во многих случаях надежный способ) определять скрываемые за потоком слов истинные намерения собеседников, не давая себя провести своим, с приезжими могут обмануться.

Людей можно разделить на три типа: визуальных, аудиальных и кинестатических. Женщина визуального типа скажет про свою неудавшуюся прическу: мне кажется (видится), что не получилась. Аудиального типа скажет: я слышу, все говорят — не получилась. А кинестатического: чувствую — не получилось. Люди разного типа по мировосприятию существенно друг от друга отличаются. Очевидно, что женщине кинестатического типа безразлично — приезжий перед ней или нет. Злобу она все равно чувствует как злобу. А вот женщине визуального типа — не безразлично. Она оценивает намерения оказавшегося рядом зрительно. Оценивая именно внешние проявления, она определяет необходимый уровень защиты от поползновений ее поработить. Но у приезжего мимика и жесты иные; пытаясь по движениям неизвестного оценить внутренние его побуждения, ее логический, и без того женский, ум перегружается, отключается, и она впадает в гипнотический транс. В этом ее состоянии, если любой, даже среднеприносивающийся индивид скажет «я тебя люблю» — для нее это приказ. В бессознательном смысл фразы теряет исход-

ный смысл и превращается в приказ к определенному поведению — изображать по отношению к нему любовь. «Я» — для нее это она, «люблю» — как это делается, она видела, «тебя» — это его. Да, таковы свойства языковых безыменных перевертышей в устах подавляющих: они, минуя критическое мышление, фиксируются непосредственно в подсознании. И потом ритмически лязгают изнутри ржавым металлом: «Я тебя люблю... Я тебя люблю... Я тебя люблю... Я тебя люблю — я его люблю!..» Таким образом, приезжий, только потому, что он приезжий, обходит местных как гипнотизер, целитель, император, жулик, проповедник... Вспомним, хотя бы, Сталина. Вождь русских — нерусский, с Кавказа. Вождь немцев — Гитлер, хоть и немец, но из Австрии, другая культура, быт... Наполеон не из Франции, а с Корсики. Русские цари по крови — немцы, англичане...

То, что предававшие П. женщины влюблялись страстно, причем именно в приезжих, выявляет, что все они, эти женщины, относились к визуальному типу. Естественно, что и наш Психотерапевт сам относится к тому же типу — на разных языках долго не поразговариваешь. Двое должны или видеть, или чувствовать, или слышать. Так уж устроена жизнь, что «тайна двоих» — тайна только для несведущих, все рассчитывается, и лучше это понимать, чем недопонимать — и смириться. К визуальному типу, безусловно, должна относиться и Возлюбленная — она и относится. Отсюда и потенциальная опасность подпасть под феномен «страсти к приезжим» — что и произошло. То, что Возлюбленная — экстрасенс среди экстрасенсов, не должно вводить в заблуждение: она здоровая женщина, целителей превосходит и в чувствительности, визуальные же способности еще выше.

В закономерностях «страстной любви» есть и другие аспекты. То, что предававшие П. женщины вскоре расплачивались за свое предательство страстной любовью, и именно вскоре, тоже закономерно. Наш Психотерапевт в поисках себя от заблуждений и зависимостей пытался защититься логическими построениями. Скажем, его пилят за разбитый сервиз — он как дважды два доказывает, что он в этом виноват быть не мог, хотя бы потому, что дома его в это время не было, да и съехался сервиз не из его рук, а из ее. Люди вообще, а женщины в особенности, свою неправоту осознать не в состоянии. Женщине согласиться с собственным несовершенством — это все равно, что от самой себя отказаться, поэтому, следуя гордости, отказываться им приходится от логики как таковой. От защищающей, заметьте, логики. А это — подверженность внушениям. Следствие — психоэнергетическая травма, она же, если исходит от мужчины подходящего возраста — страстная любовь. Вообще говоря, любое предательство порождает ложное самооправдание, а это — разрушение целостности логической защиты бессознательного, за что следует расплата в виде «любви». Предательство — это отказ от верности, нарушение первой заповеди: «Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим...» Но расплата — страх и страсть — следует вообще за нарушение любой заповеди. Или, если вам угодно, за отсутствие живой связи с Господом. Но это уже математика высшая... Так что, очень правильноотреагировало цепкое восприятие П. — приезжий... Очень важно...]

... Ольга: А я ей говорила — нашла, из-за кого расстраиваться. Тоже мне, сокровище... Фигня... Но ведь она, если что в голову себе вобьет — хоть кто ей что объясняй, бесполезно... А все равно, я не хочу верить, что это из-за него брат мой погиб.

П.: Но ведь ты же сама пришла к этому выводу? Что авария произошла уж слишком неестественно?

Ольга: Да, сама. Но теперь верить... не хочу.

П.: Мне Галина дочка говорила, что они клали твоего брата и над ним колдовали. А потом сказали, что жить будет долго.

Ольга: Да. А потом он почти сразу погиб.

П.: Галя участвовала?

Ольга: Нет. Но... не может быть, чтобы из-за них...

П.: И, тем не менее, это возможно. Делается, к примеру, внушение не видеть красных машин. Человек пропускает машины всех цветов, вообще осторожен, но странным образом оказывается под колесами именно красной. Отрицательная галлюцинация называется. А у Гали были положительные.

Ольга: Что?!!

П.: Не знаешь? Она же в этом Центре галлюцинировала. Наяву. Часто прямо в помещении. К примеру, к ней приходила Божья Матерь и говорила, что на все, что в Центре происходит — высшая воля. Надо помогать всеми силами. Она что, разве не рассказывала?

Ольга: Нет. Странно, мне казалось, что она мне рассказывает *все*.

П.: Понятно. Она вообще насчет женщин не заблуждается... Так... Видения были разные. Ангелы приходили... В высший град приглашали... Разные видения. Но, в сущности, на одну тему. Это мы сейчас, совсем недавно выяснили, что ее на них кодировали, ржавые рельсы и так далее, а раньше она всего этого знать не могла. Представляешь, как ей трудно было выпутаться?

Ольга: Наверное... Да... Подсвечник! Подсвечник!! Мне кажется, что тот ржавый подсвечник, который мы никак не можем у меня из сердца вытащить, это мне *они* поставили.

П.: В каком смысле?

Ольга: В таком. Не можем. *Не могу*. Это *их* работа.

П.: Как это случилось?

Ольга: Он и с Галей в храм ходил, свечку за нас с Сергеем ставили — так подсвечник тогда и появился.

П.: Они ходили в храм? *Вместе*?

Ольга: Да.

П.: Когда это?

Ольга: Да была одна вечеринка...

П.: Рассказывай, рассказывай!

Ольга: Мы с Галиным братом поссорились, разбежались в разные стороны, времени много прошло — я про него и думать забыла. Другим человеком занялась. Словом, все. А тут Галя мне звонит и говорит: приходи, посидим. Она будет, этот ее, «дорогой», а еще ее Сергей — то ли будет, то ли нет. В общем, свести захотели... Я прихожу в эту ее комнату — а там тогда чья-то мебель хранилась, что-то вроде склада было, это уж потом оттуда все вывезли, — а Сергей к стеночке прижимается — несчастный-несчастный такой. Согнулся весь. Таким влюбленным я его никогда не видела. Посидели... Они меня напоили...

П.: *Напоили*? Разве... Галя?.. Она же не... Ей же одной рюмки — на весь вечер!..

Ольга: Н-н... Не помню. Ничего не помню. Я же говорю: меня — напоили. Сергея тоже. А напоив, собрались и пошли в храм — свечку за нас поставить. А нас с Сергеем оставили.

П.: В храм?..

Ольга: А как же? Для него свечку, к священнику каяться — первое дело. И вообще, чувствуется, что это — *его*. Мы с Сергеем, соответственно, остались ночевать. А потом, никуда не денешься... — нужно жениться. А этот целитель фигов еще говорил, что только я к нему впервые на прием пришла, он за мной сразу же образ увидел. Симпатичного такого молодого человека — ну в точности Сережа. Что мы друг для друга созданы... Воля, дескать, Божья. Муть все это! Но как не верить, если он себя ведет *ну чисто отец родной!*

П.: Мать!

Ольга: Как?

П.: Его роль — мать.

Ольга: Как же мать, если он мужчина?

П.: Он достаточной силы гипнотизер, чтобы регрессировать сознание объекта до слоя детских взаимоотношений с матерью. Ассоциации с отцом такого глубокого транса не дают, отец позднее в жизни ребенка появляется. А мать — это конец всему. Соответственно, его начинают воспринимать как мать. В особенности, если мать подавляющая. И слушаться. И его такого рода взаимоотношения — восприятие его как женщины — устраивают. Такого рода они были и с Галей. *Мать*.

Ольга: Ну, это все твои штуки. Я их не понимаю. А они...

П.: Кто они?..

Ольга: Да этот экстрасенс с сестрой. Муть это — все ихнее!

П.: Почему ты так решила?

Ольга: А они даже между собой договориться не могут.

П.: В чем?

Ольга: Он говорит: друг для друга созданы, а его же сестра так отговаривала, так отговаривала, что ты, говорит, делаешь? Она хотела, чтобы я за другого вышла.

П.: За этого деятеля из банка? С мертвенной нижней половиной лица?

Ольга: Да. Мать моя тоже хотела, чтоб я с ним жила. Да они разное говорят. Правильно мама после смерти брата их выгнала. Она теперь себе другого экстрасенса нашла!.. Я говорю, муть все это!

П.: Но тогда же ты верила?

Ольга: А кто не верил? Галя верила, мать моя верила, я... И кругом тоже. А потом он сам во все это так верит, *так верит*... что невольно передается. Муть. Но тогда верила.

П.: Но ты же рассказывала, что тебе и до встречи с Сергеем его образ снился?

Ольга: Да, снился. Темненький и фигура очень похожа... А теперь что ж поделаешь, дочка родилась... А потом храм. Ведь сколько стали

с его подачи в храм ходить! И какие истовые православные стали! А куда денешься — Божье дело... Или ты не согласен? Божье... Никуда не денешься... А еще у меня такое ощущение, что этот с того дня ржавый подсвечник все и определил. То, что свадьба произошла, я имею в виду... И почему только я его не могу вытащить?.. И ведь чего только прежде из себя не вытаскивала, а это — нет...

П.: Ты знаешь, я против всех и всяческих внушений. Железных в особенности. Давай попробуем еще.

Ольга: Нет-нет!! Не надо!!! Нет!!! Я... Я... *Я не могу сделать этого...* Может, потому, что устала?..

П.: Так... *Не можешь...* Вот значит, как все происходило... А как ты скажешь, кто был над кем: этот деятель над сестрой или она над ним?

Ольга: Он, конечно. Они вообще вместе работать не могли. Она рядом с ним сникала. Как трава вяла. Да и он рядом с ней был не тот. Я теперь понимаю: они все друг о друге знали, всю правду — и не могли распрямляться... Или давили один другого. А когда она одна была, то такую вокруг себя ауру создавала — прорицательница, да и все тут! А почему ты об этом спрашиваешь?

П.: Сравниваю силу травм. Чем определялась их интенсивность. Их вес. От него более сильные из-за Галиного к нему особого отношения, или просто все зависит от степени некрофиличности. Сестра, оказывается, рядом сникала... Получается, скорее, от степени...

Ольга: Да. Много у нее рядом с братом переставало получаться.

П.: А рядом с Галей, соответственно, наоборот... Скажи, а она со мной изменилась?

Ольга: Да совершенно! Другой человек! Совершенно!

П.: В лучшую сторону? Или худшую?

Ольга: Конечно, в лучшую!

П.: А конкретно? В чем конкретно изменилась?

Ольга: Распрямилась. Самостоятельная женщина стала. Уверенная в себе — все сама. Мать вообще пустила побоку. Да что тут говорить — самостоятельная, уверенная в себе... Наглая.

П.: Наглая? В каком смысле?

Ольга: Приезжает в гости — учит. Как то, как это. Утомила уже. Мало мне того, что Сергей мне все время тычет, что я на Галю не похожа, не такая работающая. А тут еще она, когда приезжает помогать, учит. Убиралась бы себе спокойно и молчала.

П.: Значит, изменилась...

Ольга: Да. Раньше ведь она как жила? К примеру, звонок в дверь. Открываем. Стоит в проеме с дочерью. Шаг в квартиру — вдруг валится вперед, на пол. Вот как есть, в пальто — так и валится. Истерика.

П.: Почему?

Ольга: *Этот* не любит. Так среди грязной обуви и катается. Дочь смотрит: мама, ты чего?

П.: *(Больно... Как же больно... А куда денешься?.. Женщина только через своего мужчину жизнь постигает... Не разберусь... еще будет кататься... если не разберусь. И только из-за того, что кто-то чаще к*

р о д н о м у принохивается, да когда «я» говорит, сопровождает телодвижениями иными, чем те, которые она видит привыкла... Как же больно...) Так, значит, дочери вся эта история известна?

Ольга: Конечно. Мне вообще это никогда не нравилось, что она дочь во все подробности посвящает. Ей говоришь: подымайся, а она...

П.: Чем объясняла? Свои падения?

Ольга: *Он* не любит. Так она только из-за этого фигова...

П.: Значит, дочь в курсе всех подробностей... Не из-за любви Галя каталась. У нее депрессия была — она вообще умереть хотела. С ней было бы то же самое, если бы в Центре даже одного мужчины не было. Все равно бы падала, как ты говоришь, как есть. Только иначе бы объясняла.

Ольга: Не знаю, что ты там такое говоришь. Она была влюблена, и такое, как с Галей, бывает сплошь и рядом.

П.: Это не любовь. Это результат своеобразного кодирования.

Ольга: Так он же ее не раскодировал. Так оставил. Вот она...

П.: А он и не мог. Такого типа людям раскодирование не по силам.

Ольга: И все равно, она говорила... Опять же — каталась...

П.: Это следствие, но не любви, а того, что она позволила себе оказаться в обществе некрофилов. С ней было бы то же самое, если бы она просто в Центр ходила, а не, как ты выразилась, «встречалась». Женщины Гитлера тоже все кончали самоубийством. Долго объяснять. Галя очень чувствительна, к тому же конституционально — сомнамбула, истероид, а истерики...

Ольга: А у меня тоже истерики стали случаться. Все ничего-ничего, а потом как грохнусь на пол! Раньше я такая не была. А вот вышла замуж... и началось. Да у меня и мама так же. И бабушка. Но мама еще не так, а вот бабушка такого жару давала, что только держись! И по полу, и как угодно!

П.: Постой-постой... Ты говоришь, Галя звонила в дверь, вы открывали, она перешагивала порог и падала?

Ольга: Да.

П.: А в других местах она падала?

Ольга: Не знаю. Нет, наверное.

П.: А почему, как ты думаешь?

Ольга: А все ясно. Здесь самые близкие ей люди. Я — лучшая ее подруга, а Сергей — ее брат. Это ее тусовка. Может быть сама собой. Расслабляется — и падает... А Сергей... он очень от нее зависит. Очень. О...

П.: У меня какая-то странная ассоциация...

Ольга: Какая?

П.: Она же дома всю жизнь просидела, только раз уехала на месяц в Крым пионервожатой. Возвращалась на самолете, подлетают к Москве, ей плохо стало, причем так плохо, что когда самолет сел, вещи бросила и пошла... Хорошо, говорит, Сергей встретил. Без вещей, как сомнамбула...

Ольга: Да, она такая.

П.: А ведь это странно! Ведь когда она ехала из Москвы, ничего с ней такого не происходило... Все было в порядке, контроль над собой

не утрачивала, вещей не бросала... Свое состояние она объясняет тем, что дорога утомила. Но... Что же получается? Приближается к Москве — и сомнамбулизм! И тут — тоже: перешагивает порог — и падает. Здесь, объясняет, падает потому, что экстрасенс не любит. Но ведь когда она возвращалась из Крыма, с экстрасенсом она еще не встрети-лась! Да и тебя в ее жизни еще не было...

Ольга: Не бери в голову. Все бывает.

П.: Бывает, действительно, все... Но все равно странно... Какая-то закономерность?.. Так ты остановилась на том, что истерики у тебя начались, как только ты вышла за Сергея замуж?..

Ольга: Да-да. У нас это семейное.

П.: Кстати, у жены Толстого тоже нечто подобное происходило. Я сейчас в архиве музея Льва Николаевича работаю. Разные разности узнаю. Его жена Софочка его в три недели окрутила. А ей всего 18 лет было. Первую сцену она ему в первую же неделю закатила. Выкрутас-ничала, противостояла ему разве что не во всем, а потом стала ударять за Танеевым. Слышала такую фамилию?

Ольга: Да. Я же музыкальную школу окончила. Рассказывай. Ин-тересно.

П.: Идеальный стал для нее мужчина. Но соблазнить ей его не уда-лось по той простой причине, что он, как оказалось, был гомиком. А вот имя своего мужа, здорового мужчины, отца ее 13 детей, трепала повсюду, обвиняя в гомосексуализме. Представляешь? Здоровый муж-чина с естественными желаниями для нее нечто грязное и неприемле-мое, гомосексуалистом обзывает, а действительный гомик — идеал муж-чины!

Ольга: Ну и что? Такое у женщин сплошь и рядом.

П.: Только не всех объявляют идеальными женами. А Софье Анд-реевне даже выставку посвятили. Мы с Галей ходили недели три на-зад. А откроешь книгу отзывов, там: «Вот я, наконец, теперь знаю, ка-кой должна быть идеальная женщина, верная жена, хорошая мать...»

Ольга: Ну и что? Меня это не удивляет. Нормально.

П.: Софье Андреевне удалось-таки добить своего мужа, но только на своем 67-ом году жизни. А в последний год она превзошла саму себя: могла ворваться в кабинет, изорвать в клочья любимый портрет Льва Николаевича, стреляла, когда он работал, под дверью, имитиро-вала самоубийства, топилась... А уж то, что 66-летняя графиня ката-лась по полу — так это как что-то вроде нормы воспринималось...

Ольга: Ну и что? Обыкновенная женщина.

П.: Нет, ты послушай! Самое дикое, что исследователи не додума-лись ни до чего лучшего, как решить, что Софья Андреевна потому билась в истериках, и каталась по полу, что рядом был Лев Николае-вич, а вовсе не потому, что гомик-профессор. Или какой иной. Ведь достаточно краткого контакта... А потом это может на всю жизнь...

Ольга: А? Нет!! Что?! А?! О чем ты говоришь?! О чем?! У меня в раковине вечная гора грязной посуды, давно там лежит, подойду, руки опускаются, делать ничего не хочется — а ты?! Сколько операций — а

все равно гной опять собирается. *Не могу больше. Надоело — хоть раз-водись!* А ты мне о Толстом!! Это же надо! *О Толстом!! Тьфу! Тьфу! Тьфу!*

П.: Понимаешь...

Ольга: Ты видишь кучи вдоль стены? Сергей ждет, что я разберу. А с какой стати? Это он ремонт затеял — пусть сам и разбирает!.. Достал с этим ремонтом! Я понимаю, что Галя давно бы уже все разобрала! Ну и хорошо! Пусть вот и разбирает! А я вот — другая. И если я никому не нравлюсь, то...

П.: Разве никому? Гале нравилась — иначе разве бы она стала тебя с братом сводить? (*Странная реакция на Танеева... Может, она мужу изменить стала, как это часто бывает, через неделю после свадьбы?*)

Ольга: Вот именно, что нравилась. Раньше.

П.: И Сергей говорит, что ты нравишься. Влюблен в тебя. Хороший парень, смотри, какой грандиозный ремонт делает. Да и Галя говорит, что он хороший.

Ольга: Вот именно, что говорит. Она мне такое напела. Когда хоте-ла его женить: хороший-хороший, лучше нету. А стали жить вместе... Ладно, не буду... Да и он сам все время недоволен. Злитесь, что я не чувствую? Хотя... Может быть, и влюблен.

П.: Этому экстрасенсу тоже.

Ольга: Этому — да. Что да — то да. Не хочется подробности расска-зывать... Ему, да еще Галиной дочке...

П.: Вот уж точно. Если кто тебе беззаветно предан, так это она. Мать забудет, но тебя — нет.

Ольга: Это точно. Она меня очень любит. Хорошая девочка. Хотя иногда поступает... Мать тогда предала, когда с бабушкой скандал был. Разве так можно поступать? Гнусно поступила девка, как ни посмот-ри — гнусно. Словом, не девка, а дрянь.

П.: Скажи мне...

Ольга: А зачем тебе все это знать? Непонятно. Зачем?

П.: (*Сказать ей правду или нет? Зачем?*) Я пишу книгу, несу ответ-ственность за содержание — вот и проверяю.

Ольга: А что ты о других пишешь? Пиши о своем. Ты же там много путешествовал, столько видел...

П.: А я и пишу о своем. Просто это несколько соприкасается. А вот подсвечник...

Ольга: Оставь ты его в покое!! Свеча в нем была — мы ее дожгли. А остальное... Да и вообще, мне кажется, что душа у меня черная-черная, и тот луч света — ему тьму не разогнать!

П.: Но ведь освещает?

Ольга: И что? Светит с одной стороны. Так это ж не мое. А душа, какая была, такая и остается. Хватит обо мне! Ты лучше скажи: почему ты с ней не регистрируешься?

П.: Да она сама не хочет.

Ольга: При ее чувствительности это значит, что не хочешь ты. По-чему?

П.: Да я не против... я к ней, собственно, как к жене и отношусь. И регистрироваться — всегда пожалуйста. Так что... Ты знаешь, что у нас с ней в последнее время происходит?

Ольга: Что?

П.: Она все меньше отзывается на логический контакт. Летом она впервые, после звонка к матери, по большому счету, отказалась, а теперь помаленьку отказывается еще. По чуть-чуть. Скажем, заявит, что я словами играю — и все. Отказ от конструктивного общения. Так я, естественно, начинаю бояться, что в один прекрасный момент она откажется раз и навсегда — и что? Всю жизнь потом ей в дурдом передачи носить? *(Больно... Курортная любовь — как ни крути. На курорте все — приезжие. Так что, все туда только за одним и ездят. Там все друг для друга приезжие — верх любовного совершенства. Холуйская любовь для друга приезжие — верх любовного совершенства. Холуйская любовь для той и другой стороны... Сколько женщин весь год деньги складывают, копят, отказывают себе во всем, чтобы только съездить на курорт, да подальше... Только разница с Галей в том, что те хотят того, за чем едут. И настрой соответственный: 24 дня — и кончилась путевка... Наплакались, навизжались, нанативались, пострадались — и до следующего раза. Они-то знают — и в своем праве. А Галя... Сколько раз она мне говорила, что боится приезжих? Сто раз? Двести? Курорты ей отратительны, ни разу и не ездила — защищалась... Чье ж подсознание не знает своих проблем?.. И все равно обманули. Чуть не в дом вломились — начиная с той женщины на работе...)* Но даже если и не дурдом. Ты знаешь, она мне же просто бывает элементарно неверна. Два эпизода были очень яркие. Первый — в больнице лежала, там попала под влияние одной женщины. Пять соседок — выбрала из них единственную приезжую, из другого города. Так абсолютная верность ей, а мне — не подходит. А потом поехали летом на юг — там Костик.

Ольга: Какой?

П.: Неважно. То есть, тут получается, что ей даже не важна половая принадлежность — с кем. Вернее, кому принадлежать: мужчине ли, женщине ли или немужчине. Главное — приезжий. И это все из-за каких-то ее отступлений от истины, прорывающих структуру логической защиты. А какие, по-твоему, я должен испытывать чувства, видя, как она отказывается от себя как от личности?

Ольга: Что-то ты непонятное говоришь.

П.: Говорю, что по статистике французы страстно влюбляются три раза за жизнь, а французенки — четыре...

Ольга: Да, такая жизнь. Все через это проходят.

П.: Так передо мной вопрос элементарной верности — у нее только полторы, так скажем, страсти было, отказывается от логики — будет следующая! Я еще от той грязи, которая поднялась, в себя прийти не могу, а если еще одна какая-нибудь история... Я, конечно, понимаю, что через десять лет она станет несколько менее привлекательной и опасность страсти к мужчине уменьшится... Но остаются женщины... *(Все-таки страстная «любовь» — это расплата. Как ни крути. Те, предыдущие, — после того, как предавали меня, а Галя — после того, как*

мужа «проводила». Все-таки это расплата... Но за что расплачивался я? Такие ли уж страстные были мои влюбленные? Собственно, только «первая любовь»... Ах, ты! а ведь правда — предал! Я тогда так хотел от той первой своей любовницы избавиться, поменять ее... Восемнадцать лет расплаты!!.)

Ольга: И как тебе только не стыдно!

П.: За что?

Ольга: Жить с женщиной и говорить, что через два года она будет для него непривлекательна.

П.: Я этого не говорил.

Ольга: Говорил! Я же слышала!

П.: Я сказал не «два года», а лет через десять, да и не для меня...

Ольга: И все-таки ты сказал два года! Не надо, не оправдывайся. Будем считать, что я тебе поверила. И все равно — как только тебе не стыдно... Так полторы страсти — это ты ее брак за половину считаешь?..

П.: Да. *(Какие же мы с ней все-таки одинаковые... И у меня из четырех болезненных зависимостей последнего времени оба мужчины — приезжие, а из женщин, правда, из двоих только одна... И один — психотерапевт...)*

Ольга: Да, действительно, в браке она практически не жила... Но ты думаешь, она что — все, больше ничего? Ни с кем?

П.: Она мне так говорила... Я ей верю. Потом специальные психологические методы...

Ольга: Она тебе расскажет! А ты поверил! Одинокая женщина. Причем долго одинокая. Понимаешь?

П.: Нет. *(Странная все-таки жизнь... Такое впечатление, что она повторяла мои ошибки... Последовательно и в том же порядке... Некрофилы, опять-таки, не священники или трупорезчики, а целители... Это что — простое совпадение? Или это закон существования половинок? Где отступает ведищий, падает и второй... Нет, она быстрее подымалась, чем я... Так именно потому, что впереди был я, и успевал подняться... А может, это я повторял ее ошибки?.. Тожже нет. Я прежде... Раньше ее, она — потом... Хотя время... Что такое время? Если судить по происходящему, оно все время закольцовывается... Нет, это я виноват, что она отступалась. Я, идущий впереди, должен был остановиться первым и протянуть ей руку... Так это я, получается, подставлял ей подножки?..)*

Ольга: А что ж тут непонятного? Чем еще заниматься? Ребенка можно отдать бабушке. А самой можно... Как может быть иначе? Разве можно себе представить другое для женщины поведение?

П.: Ты хочешь сказать, что было обилие мужиков?

Ольга: Зачем обязательно обилие? Два-три. Да она мне вроде что-то такое, кажется, рассказывала. Как раз необходимое число «четыре» отработала. Так что, женись, не думай!

П.: Да, я знаю, женщина женщине всегда поможет.

Ольга: О, да! Это не то что вы — мужики! Я, все-таки, ее лучшая подруга. Хотя, что я, собственно, знаю? Я только по ее рассказам... Она

мне, правда, рассказывает все. Только у нее с тобой началось, она мне позвонила и говорит: «С каким я человеком познакомилась!..» Я думаю: все — опять влюбилась! Разве я могла предположить, что она за тебя так схватится — руками и ногами?!

П.: А что ты *видела*?

Ольга: Да ничего. В Центре разве... Мы там, собственно, все, и Сергей тоже, всю дорогу тусовались. А Галя с этим... Но там — ничего, вида не показывали, чтобы никто ничего-ничего. Да там и возможности не было. Эта Гина мешала, ревновала. Да она вообще ко всем ревновала. Причем, жутко. А перед этим дерьмом расстилалась.

П.: Я так понимаю, что эта Гина была в Центре самой заметной женщиной?

Ольга: Да. Только непонятно: почему?..

Глава сорок восьмая.

ИТАК...

Итак, подведем некоторые предварительные итоги. Чем же, в смысле познания, можно было обогатиться, ознакомившись с первыми частями «Катарсиса...»?

Мы с вами несколько проницательней, чем это обычно водится, заглянули в некоторые места, которые принято считать особо интересными. Мы побывали у дельцов наркобизнеса, в самом начале этой цепочки, побывали и в конце, познакомившись на примере несчастного А. с подсознанием их жертв. Мы взглянули на убийц известного чемпиона по каратэ и киноактера Т. Нигматулина, а в целительском Центре и вовсе проникли в их тщательно скрываемое «святое святых», доступ куда даже сыщику может открыть лишь Провидение. Мы рассмотрели брачную судьбу гениального Льва Толстого, которая, в отличие от его творчества, к сожалению, оказалась типичной; о самом сокровенном в его семейной жизни мы уже сказали, и к этой «волнующей» теме еще вернемся. Мы изучали детали судеб любимейших его героев, и, кажется, начали догадываться о нетривиальности их появления и даже о как бы независимом их ото Льва Николаевича существовании. И разумеется, стенограммы общения П. и В. Не только его, но и *Его Возлюбленной*...

Можно вернуться к самому началу — а в книгах это самая ценная из возможностей — и с высоты обретенных познаний вновь заглянуть в горное азиатское селение, в тот дом на краю кишлака. Теперь мы уже не удивимся, почему Ал не смог верно оценить ситуацию и доверился случайному человеку — Ал *попался* психоэнергетически. Мы более не удивимся, что Джемшед, прежде чем стать бандитом и даже прежде чем стать профессиональным убийцей в рядах государственных войск, пытался выучиться на *учителя* истории, а любовь к раскапыванию могил сохранил даже до времени встречи с Алом. Мы не удивимся более,

что мулла предсказал *Джемшеду*, что он, Джемшед, мог бы, читая суры из Корана, «исцелять», то есть делать то, что в Азии тоже принято называть исцелениями от Бога, и не удивимся тому, что это предсказал именно *мулла*. Мы более не удивимся презрительному отношению жены Джемшеда к своему мужу и его сексуальным возможностям, и тому, что он живущий в душе страх объясняет чьими-то яйцами на потолке.

Стоит, стоит перечитать первую главу. Хотя бы уже потому, что **этот притон наркоманов — как бы символ происходящего на нашей восставшей против Бога планете.** Всё — и мужчины, и их женщины, и неспособность тех и других, и их яйца на потолке.

Мы не удивимся более неожиданным приключениям Ала, человека-зеркала, и тому, что В. оказалась с ним, став именно *Возлюбленной*, и тому, что для них обоих суббота — в *субботу*. Это закономерно. Взаимосвязано. Познание — это и есть выявление закономерностей, взаимосвязи, подчас для большинства сокрытой, между двумя событиями.

Познали мы многое. Мы узнали, как груди возлюбленной можно за несколько дней довести до форм совершенных. Точно так же можно восстанавливать зрение, лечить от головных болей, парализаций, диабета, радикулита, хронического тонзиллита и многого другого. И насчет секса тоже. Мы теперь вообще *можем* очень многое. Во всяком случае, знаем несравнимо больше, чем Ал, когда он оказался в азиатских горах: о технике и практике психокатарсиса он знал в несколько раз меньше, чем дочитавшие до этой страницы, а о *половинках* не знал ничего.

Так что, в горы, в Азию, к бандитам, — хорошая, надо сказать, школа! Когда хочется выжить, голова начинает так ясно работать! А к горам стоит и привыкнуть, хотя бы уже потому, что многие верные Божии, по пророчествам, непосредственно перед Вторым пришествием будут искать спасения от гонений за Истину именно в горах.

А в горах — красиво. И не только весной...

Бог — это очень многое, и, прежде всего, для души. Это — и возможность прикоснуться к *половинке*. А это — свобода.

Свобода — это еще и освобождение от тех, кому подражают только оттого, что они готовы нас давить вплоть до нашей с вами смерти. Да, так мы живем...

Но *жить* — это, прежде всего, *видеть*, но не так, как видит большинство людей.

Не так — значит глубже.

Глубже — это значит понимать, что закономерно то, что оказавшиеся рядом с Софьей Андреевной были убеждены, что оплот семьи — она, она — труженица, пожертвовавшая собой ради счастья детей, она — как и следует из ее поз перед фотокамерами — есть та самая идеальная жена писателя, взирающая на мужа, всю себя посвятившая мужу, его таланту и его служению людям.

Глубже — это не удивляться, почему в толстенной книге отзывов на выставке, посвященной 150-летию со дня рождения Софьи Андреевны, записей много, но все они одинаковы и приблизительно такие:

«Наконец я поняла, какой должна быть идеальная жена, заботливая мать, верная подруга. Я хочу быть как Софья Андреевна!»

Глубже — это значит понимать, почему Софья Андреевна была заинтересована в том, чтобы все ее дети и внуки выросли бездельниками, и почему все 38 оказавшихся под ее влиянием таковыми и выросли.

Глубже — это значит понимать закономерность того, что во времена владычества государственной религии под названием *православие* человека, пытавшегося освободиться от всех видов некрополя, от церкви отлучили, а во времена следующей, тоже государственной религии под названием коммунизм в систему государственных музеев Толстого не допустили ни одного толстовца (или ни один из них не счел для себя возможным работать в этих иерархиях). Но вот вслед за царизмом пал и коммунизм, но ничего не изменилось. Жаль Льва Николаевича. Обоврали его личную жизнь, обоврали и его религиозные убеждения. Льву Николаевичу не нравилось, что на его родине толпы называвших себя христианами впадали в транс от монахов, кадил, исцеляющих кусочков трупов и старцев, но несколько не интересовались, чему, собственно, Христос *учит*. Не видя иного пути с этим бороться, Лев Николаевич переиначил текст Евангелия таким образом, что для чудес в нем не оставалось места, но был только Он, Христос, Сын Человеческий, Истина, Бог. И Льва Николаевича объявили безбожником. Человека, который каждый день молился и повсюду говорил, что из всех книг выше — Библия, а Иисус — Господь. Жалко оболганного человека, которого никто не защищает.

Никто — еще не повод оставаться в стороне. Даже если для выявления истины придется написать правду о тех, кто оказывался с ним рядом.

Глубже — это значит понимать, почему все дети Толстого, порицая мать на словах — в старческих своих мемуарах, — при ее жизни были верными ее орудиями и называли отца старым дураком. Глубже — это понимать, что тех, кто осознавал мощь самообладания Софьи и заявлял, что разнузданные истерики «идеальной жены» и ее угрозы самоубийства — не более чем притворство, средство достижения своих целей, средство принуждения начинающего обретать относительную душевную независимость Льва Николаевича, — их, умеющих видеть, — меньшинство. Глубже — это не удивляться тому, что о Софье Андреевне бытует лишь два мнения, а вот о Льве Николаевиче их было множество.

Разнузданная в разрушительных и контролируемых истериках «идеальная жена» как в зеркале *видела* в нем человека, который, несмотря на мудрые слова, на деле разваливает семью, уничтожает ее, прекрасную Сонечку, давит всех и каждого, и что цель его жизни — довести всех до самоубийства. Изнемогающим от безделья губернским дамочкам совершенно отчетливо казалось, что они видят, что Лев Николаевич с приезжавшими в Ясную Поляну дамами *особенно учтив*. Пролетарский писатель Максим Горький, певец казарменного коммунистического строя, общаясь с Толстым, разглядел матерщинника и человека, который хочет всех принуждать, уложить в ранжир. Лучшие же люди православной Церкви — лучшие в том смысле, что они, как гла-

вари иерархии, были избраны в высший церковный совет (Синод) судить других людей — всматриваясь в Толстого, перед тем, как отлучить Льва Николаевича от Церкви «православия», увидели в нем человека, не достойного даже и называться христианином.

Да, есть над чем подумать. Подумать — и *увидеть*...

И что же, среди прочего, становится видно? В столичном городе, на глазах у всех, совершается организованное преступление, и даже более того: преступление высокоорганизованное, в которое вовлечены известные люди: государственные деятели, влиятельные ученые, почитаемые артисты, религиозные поводыри ослепленного населения, а главных же — почитают разве что не за святых. Жертв одного только *непосредственного* воздействия множество — тысячи, десятки тысяч. Это не только изуродованные тела мировоззрения и надругательства над телами памяти. Это — убийство адекватного мышления, это — физическая смерть без участия чужих рук и рук вообще. Особенность этого конвейера преступлений в том, что свидетелей даже не надо «убирать» — они и так не опасны. Более того, они помогают, создавая необходимое поле одобрения, вернее — восхищения. Борьба с этим видом преступности только имитируется — жрецы чувство восхищения пытаются «исправить» на чувство ужаса. Но при том и другом чувстве организаторы конвейера оказываются энергетически сверху, и это их вполне устраивает. И в том, и в другом случае яркие некрофилы остаются в телах населения, которое есть, по сути, лишь их реплики, ходячие мертвецы, у которых нет сил задуматься о *половинке*... Это еще более страшный результат преступления, чем буквальное умерщвление.

Но кто бы ни были эти «организаторы» — это не важно. Да и вообще обо всех этих людях мы вспоминаем лишь вынужденно. Они недостойны даже быть поминаемы. Они достойны быть забыты. И так это и произойдет — в вечности. И книга эта не о них, это, прежде всего, — история любви, история очищения, катарсис.

История любви (только настоящей!) — вовсе не о том, как, кто и кого увидел, впервые поцеловал и что с ними происходило потом, — хотя интересно и это. Настоящая История Любви — это сама возможность существования характера — так, чтобы это, действительно, был характер, — возможность его возрастания, и не одного, а двух, и слияние их из двух половинок в Один. Это самое прекрасное, что только может произойти на этой земле.

История любви — это поданная Рука, и это несмотря на то, что некогда, в Эдеме, она была отвергнута.

В Истории Любви уровней много.

Это — еще и прощение.

Это — еще и осознание.

Мало кто знает, что когда Толстой писал «Анну Каренину», в Европе, в особенности во Франции, и в России тоже дебатировался вопрос: убивать или не убивать изменившую жену? Толстой вниматель-

но следил за аргументами сторон и высказался уже одним только к «Анне Карениной» эпитафией: «Мне отмщение, и Аз воздам». Это из Библии. Совершенное отмщение в руках Божьих; худшее из всего возможного человек несет в самом себе. И вот это-то, действительно, неотвратимо. Для всех тех, кто начинал Возлюбленную железом.

Многим, наверное, не понравилось, что Возлюбленная, разве что не накануне своего в Нее превращения, *так долго* была среди целителей. То, что последняя русская императрица более десяти лет до самой смерти пресмыкалась перед «дорогим Григорием», несмотря на то, что от нее не скрывали результатов наблюдений филеров за Гришкой, — это воспринимается почти безразлично. Когда подумаешь, что в эпоху падения социализма и смены одной государственной религии на другую все ринулись пресмыкаться перед экстрасенсами-целителями — это тоже воспринимается почти безразлично. Но когда то же самое делала будущая *Возлюбленная*... то появляется боль некоторой обиды. И ее не рассеивают рассуждения об ошеломляющем гипнозе, что подготовлена она к тому была долгими годами жизни «как все», а как раз в то время эти все и увлеклись экстрасенсорикой...

Обидно. Да. И остается вопрос: *почему так долго?* Подсознание, подсознание — голова-то ее где была?

Но ведь обманывали будущую Возлюбленную еще и на логическом уровне! Взять хотя бы текст своеобразной клятвы, который предъявляется целителями в качестве доказательства благородных намерений:

«Я, вступающий в члены Ассоциации народных целителей России, готов отдать весь ниспосланный мне дар, все силы своего таланта благородному делу служения ближнему: нести свет добра, облегчать страдания, успокаивать боль.

Никогда и ни при каких обстоятельствах я не обращаю свой дар во зло, не воспользуюсь им для удовлетворения своего тщеславия, корысти, злобы.

Я обязуюсь всегда и во всех случаях жизни всемерно поддерживать честь и достоинство Ассоциации народных целителей России, укреплять ее авторитет.

Как истинный народный целитель, я исповедую заветы:

- не навреди больному;
- воспринимай больного как духовного брата своего, нуждающегося в помощи;
- будь безукоризненно честен, чист душой и телом;
- будь терпеливым, готовым прийти на помощь страждущему;
- сохраняй преданность своему делу».

«Целитель России», № 1, 1992.
Девиз: «Надеяться, любить и верить!»

И еще. Сила некрополя в Центре была такова, что будущая Возлюбленная *галлюцинировала*. Да-да! Прямо там, в Центре, иной раз с тряпкой в руке! К примеру, приходили в сиянии два Ангела и приглашали не мешкать и войти в сей чудный град. Являлась Дева Мария и

наставляла, что на все, что происходит в Центре, ее и Божья воля. И *надо* во всем участвовать. А как, скажите, логическим умом могла защититься женщина, если Библии она в руки не брала (не по своей вине), родилась в нерелигиозной семье, а государственная (православная) церковь учит, что если в видении явился Христос, то это может быть обманом, но если Дева Мария — то никогда?!

Такое предпочтение в государственной религии, целиком построенной на внушениях, закономерно. Женское божество всегда будет в центре вообще любой государственной религии (вспомните Ашер, Астарт, Кибел и т. п.), потому что при реальных подавляющих матерях базовый слой внушений связан именно с ними, ниже нет ничего. И вот Мать приходит и говорит: иди, все это с Моего благословения. Как могла будущая Возлюбленная быстро выпутаться, если за спиной Центра тысячелетние традиции православия, внушенное доверие не только являющимся «Девам Мариям», но и монахам, старцам, святым. Как она могла быстро выпутаться, если, открыв житийную литературу, она не могла не узнать тех же самых целителей, все особенные детали их жизни, особенности их восприятия, «покаяния» их и рядом с ними, систему веры и все остальное. Как она могла быстро выпутаться, если деятельность Центра благословил сам Московский и Всея Руси патриархат?.. А тут еще — видения «небожителей». Происхождение некоторых видений она выяснила позднее, — со своим Психотерапевтом. Скажем, источник одного из важнейших: тяжеленный ржавый рельс с нее ростом, в полутора метрах сбоку от нее. Но к моменту формализованного психокатарсиса (с участием П.) это уже был не рельс, а *как бы* рельс, контуры, остатки от него, хотя и мерцающие... С рельсом ее подсознанию удалось справиться еще *до* первого поцелуя... А если бы она узнала, что Лев Николаевич рядом со своей Софьей Андреевной наяву видел фарфоровую куклу, да, возможно, и более откровенные образы, и что «ангелами» так же галлюцинируют рядом с церковными агентами КГБ (их мы упоминали), то рельс исчез бы еще быстрее...

Итак, мы узнали многое, и новое настолько, что для осмысления требуются многие и многие часы и даже месяцы. Удалось застенографировать много страниц свидетельских показаний. Они тоже помогают обрести истинное *видение*, новую отчетливую логику психокатарсиса, так увидим же больше сего!

А помните, Кто произнес похожие слова?

Да, за Ним их записывал верный ученик, впоследствии апостол Иоанн. Он записал их в той главе, где описывается знакомство будущих апостолов с Иисусом, молодым равви (учителем), пришедшим из известного своей безнравственностью города Назарета.

Первыми были сам семнадцатилетний Иоанн и Андрей, прозванный в веках Первозванным. Андрей привел Симона, которому Иисус предрек прозвище: Петр. Четвертым был Филипп.

«На другой день Иисус восхотел идти в Галилею, и находит Филиппа и говорит ему: иди за Мною.

Филипп же был из Вифсаиды, из одного города с Андреем и Петром.

Филипп находит Нафанаила и говорит ему: мы нашли Того, о Котором писал Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета.

Но Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойдя и посмотри.

Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нем: вот, подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства.

Нафанаил говорит Ему: почему Ты знаешь меня? Иисус сказал ему в ответ: прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя.

(Нафанаил под смоковницей молился, беседовал с Богом, в душе его не было лукавства, и он знал, что Бог его видит и слышит. Никто больше под смоковницей Нафанаила не видел. А разве мудрено узнать Того, с Кем ты общался в молитве?)

Нафанаил отвечал Ему: Равви! Ты — Сын Божий! Ты — Царь Израилев.

Иисус сказал ему в ответ: ты веришь, потому что Я тебе сказал: „Я видел тебя под смоковницею”; увидишь больше сего».

(Иоан. 1:43-50).

Часть четвертая

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

ЧУДО ПСИХОКАТАРСИЧЕСКОГО ЗНАКОМСТВА.

Лев Николаевич попался на том же, на чем попадались и до него, попадались после и попадают сейчас: на том, что его к Софье Андреевне чувство, как он записал в период своего скоротечного жениховства, было «похоже». Следовательно, чувство к *половинке* должно быть прежде всего *непохоже*. Трудно и даже невозможно сделать обобщения на материале только одной истории любви. Но то, что процесс узнавания *половинки* для любого, возвращенного в некрофилогенной культуре, труден, — это очевидно. Также очевидно, что при встрече двух *половинок* одни их слова будут лишь языковыми штампами их поколения, другие — драматизацией полученных прежде неврозов, и только лишь небольшая часть может принадлежать сокровищнице Вселенской Истории Любви. Где — что в истории взаимоотношения Возлюбленной и ее Психотерапевта правильно различить смогут, видимо, только те, кто находится уже в преддверии того состояния души, когда время встречи со *своей* суженой, *половинкой*, уже близко.

Итак, *было так...*

I

Ал вошел в вестибюль заводского Дворца культуры в том же, что и вчера, состоянии предчувствия исполнения мечты. Он шел по коридору и всматривался в каждое лицо — после возвращения из Азии он почти сразу прочел «Дианетику» Хаббарда и вот уже почти четыре месяца безуспешно пытался найти его последователей, среди которых по общности психологических интересов надеялся найти не то чтобы друга, но собеседника, а лучше собеседников. Эти четыре месяца он опрашивал всех знакомых ему психологов о Хаббардовском центре (Церкви саентологии), но на удивление никто ничего о его местонахождении не знал. Это было странно, но изменить происходящие события ему не удавалось. Но вот три дня назад он увидел на столбе объявление — и сердце как оборвалось: вот оно! День и место семинара по дианетической психотерапии.

Ал поднялся на второй этаж и, не обращая внимание на лотки с книгами, вокруг которых как и вчера толпились люди, сразу прошел дальше — искать себе место. В первом зале стулья были расставлены попарно в шахматном порядке: в паре люди сидели лицом друг к другу. Ал обошел комнату, для чего-то попробовав несколько стульев на прочность, и пошел попытать счастья в следующей по коридору комнате. Что ему там не понравилось и почему он вернулся в первую, он объяснить бы тогда не смог. *Просто в первой было лучше* — вот и все.

Свободных мест было достаточно, и Ал выбрал стул у стены: развалиться можно на две стороны. Места постепенно занимали, и к Алу подсел человек, который, как Ал тут же выяснил, был офицером налоговой полиции. Налоговая полиция была одним из последних нововведений правительства, и Ал тут же сообщил, что и он лет десять назад работал в организации, из которой эта налоговая полиция и была образована. Столь серьезная общность их немедленно сблизила, прибавила чувство уверенности в незнакомом месте, и доверительные отношения появились еще до того, как семинар начался.

Технология преподаваемого здесь метода заключалась в том, что надо было, закрыв глаза, вернуться в ситуацию, в которой ощущалась боль, и описать эту ситуацию *одитору* (аудитору, ревизору психики), затем повторить описание вновь, но стараясь припомнить еще больше деталей: звуки, услышанные восклицания, температуру воздуха, цвета

одежды оказавшихся рядом людей, запахи. Описание ситуации надо было повторять вновь и вновь и третий, и четвертый, и пятый раз — и так до тех пор, пока рассказывающий не начинал смеяться — над ситуацией, над собой, *просто* смеяться — и это считалось освобождением от данного стресса. Руководитель семинара предложил для тренировки начать с ситуации не самой болезненной.

Первым начал рассказывать Ал. Это случилось с ним лет в девятнадцать во время тренировки по самбо. Его противник — здоровеннейший «лось» с Сахалина — попытался бросить Ала через голову, но то ли он как-то неудачно упер ногу в живот Алу, то ли Ал чересчур энергично стал делать контрприем, резко осев вниз и назад, но, как бы то ни было, в результате получилось так, что Ал не просто всем телом рухнул подбородком на колено перекатывавшегося на спине противника, но этот всей тяжестью тела удар в челюсть был еще и усилен рывком обеих рук накачанного сахалинца. Нокауты, которые случаются на боксерских рингах, — ничто по сравнению с тем состоянием, в которое впал Ал. Осознавать себя он начал неизвестно через сколько минут: но за это время он уже успел выползти — буквально! — с ковра и вот уже пытался взобраться на самое низкое сиденье штангового тренажера. По лицу текли слезы — это было самое стыдное! — рядом суетился сахалинец, да и все вокруг смотрели на Ала. С тех пор у Ала было такое ощущение, что верхняя часть черепа сдвинулась назад, что в действительности быть не могло: направление удара было иное.

Ал сидел с закрытыми глазами, вновь и вновь описывая случившуюся тогда с ним неприятность офицеру налоговой полиции, и ему казалось, что ощущению боли, в которое он провалился, конца-края не будет. Вновь и вновь Ала швыряло вперед, и он складывался пополам, ложась грудью на колени; и он вновь и вновь начинал описывать, какого цвета пояс был на нем, а какого — на противнике.

Потом вдруг стало смешно, «просто» смешно, и Ал с боли переключился на это чувство и, в соответствии с тем, чему был научен на семинаре, понял, что это и есть облегчение, обрадовался и открыл глаза.

Напротив и чуть левее, метрах в двух лицом к нему сидела молодая женщина, смотрела на Ала и улыбалась.

— Ох, — сказал Ал. — Девушка, а как Вас зовут?

— Ну вот, — по-прежнему улыбаясь, сказала она, — сразу и познакомиться захотелось.

Она попыталась отвернуться, и было заметно, что она пыталась, но у нее не получилось.

— А правда, — сказал Ал. — Как? Это очень важно. Скажите, а?

— Ну ладно, — сказала она. — Галя.

— Очень приятно, — сказал Ал. — А меня — Ал.

— Теперь моя очередь, — вмешался сотрудник налоговой полиции.

— Да, конечно, — вздохнув, повернулся к нему Ал. — Какой случай из вашей жизни вам вспоминается?..

После того как бдитинг — вернее участие в рекламной демонстрации его возможностей — закончился, начались уговоры заплатить за

курсы, за книги, за одитинг сотрудниками Хаббард-центра. Ал понимал, что для того, чтобы разобраться в реальных возможностях метода, посещения только платных курсов будет недостаточно, и еще накануне решил в этот Центр устроиться работать если не одитором, то хотя бы переводчиком. Поэтому на агитацию отдать деньги не поддался, на остальное тоже, а стал наблюдать за Галей, которая сразу же отправилась к столу, где торговали курсами. И даже по старой профессиональной привычке подсмотрел на бланке ее фамилию. Ведь предстояло сделать на этот день самое главное — получить номер Галиного телефона.

Объявили заключительное мероприятие, на котором американская миссионерша должна была сказать напутственное слово и раздать именные памятные дипломы. Ал оказался в последнем у стены ряду, разумеется, в двух шагах от Гали.

Началось обыкновенное американское, типичное, причем типичное во всех сектах, вне всякой зависимости от их наименования. Слушать было тошно. Приятно было только то, что в ряду одинаково замороженных лиц Галино лицо выделялось: ей тоже слушать было неинтересно.

— Вы только не удивляйтесь, пожалуйста, — вполголоса обратился к ней Ал, — я психотерапевт, и мне очень интересно... Вы не позволите мне получше рассмотреть линию вашего лба?..

Галя, похоже, не совсем поняла смысл его слов, но... кивнула. Ал положил руку ей на волосы и большим пальцем сдвинул прядь волос в сторону. Линия разделения лба и волос была «хорошая»: по его мнению, женщины с другой формой лба — вообще не женщины. Осмотреть лоб Алу понадобилась десятая доля секунды, но руки он не отнял: упустить такую возможность заглянуть человеку в глаза он не мог.

А вот с глазами было неладно. Их выражение было болезненное: такие глаза всегда бывают у адептов харизматических сект или «посвященных» православных. Дурнее знака придумать было трудно. Однако было и отличие: у обладателей таких глаз на лицах всегда бывает написано предельное самодовольство, а у Гали — нет. Напротив, лицо было виноватое, а еще честное, прямодушное, лучше сказать — детское.

— Да вам лечиться надо, — неожиданно для себя сказал Ал.

— Неужели? — улыбнулась Галя чуть иронично. Но вовсе не обиженно улыбнулась.

— Да. И я могу вам помочь. И займет это гораздо меньше времени, чем по Хаббардовскому методу... Теперь мне нужен Ваш телефон.

Галя замялась: видимо не ожидала столь головокружительного развития событий.

Ал убрал руку с ее волос.

— Давайте, давайте, — сказал он. — Так надо. Говорите.

— Хорошо, — вздохнула Галя. — Два-восемь-три...

Она снизу вверх смотрела на него, и у него было такое ощущение, что если он ей не поможет, то совершить большее в жизни преступление ему вряд ли представится возможность.

Обычно, когда он знакомился с девушками, он тут же предлагал свой номер телефона — и всегда брали.

— Запишите и Вы мой номер телефона. На всякий случай.

— Не надо, — сказала Галя. — Я его не запомню.

Ал посмотрел на ручку и блокнот в ее руке.

— Ну, как знаете, — сказал он. — Я вам позвоню на неделе. — И добавил, чтобы не нарушить целостность игры: — Постараюсь не забыть.

И отошел...

...Галя уходила из Дворца культуры вместе со своей напарницей по одитингу. Она открыла входную дверь и остановилась на полушаге: прежде серая осенняя Москва за эти несколько часов покрылась толстым слоем пушистого снега. Все вокруг было бело и чисто. Даже воздух казался необыкновенно свежим.

— Первый в этом году снег, — обрадовалась напарница.

— Да, — кивнула Галя. — Прямо-таки совсем другая жизнь, чем когда сюда входили.

И вздохнула. А вздохнула по причине той не сформировавшейся еще мысли, которая к концу недели примет отчетливую форму сожаления, что не взяла у этого рыжебородого громилы его номер телефона. Но и в конце недели, если бы ее спросили, зачем ей его телефон, она совершенно искренне ответила бы что-нибудь вроде того: «Чего только в жизни иной раз не пригождается?..»

И она пошла. По совершенно новой, замечательно похорошевшей Москве.

II

Позвонить Ал не забыл. В канцелярии Хаббард-центра он разузнал, — разумеется, совершенно случайно, — что Галя начнет проходить купленный ею курс «Общение для аудитора» начиная с понедельника — через неделю. Теперь предстояло решить чрезвычайно сложную задачу: *в какой день ей позвонить*. Если позвонить за *несколько* дней до понедельника, то продолжительный до встречи срок мог притупить остроту чувства удивления и непроизвольного ожидания, а если позвонить накануне, то, во-первых, можно было попросту не застать дома, а во-вторых, ей могло не хватить времени на что-нибудь, скажем, на мечты о свидании. Всю неделю Ал напряженно решал эту проблему, даже на работе — а его на следующий после семинара день приняли в Центр Хаббарда переводчиком инструктивных писем Основателя, написанных им только для служебного пользования — и в конце концов позвонил поздно вечером в субботу, чтобы разыграть удивление, что они *в один день* начнут *один и тот же* курс. А еще для того, чтобы узнать, на которую из четырех учебных пар она собирается придти. И попросить занять ему место...

Галя ждала его звонка, и в субботу точно знала, что он позвонит вечером. На телефонные звонки она посылала отвечать дочку: пусть сразу знает, что у нее есть ребенок.

III

В понедельник Ал столкнулся с Галей, действительно, совершенно случайно: она пришла раньше. Это произошло в узеньком полутемном коридорчике. Ал шел напролом, а Галя кого-то пропускала вперед.

Ал опешил, и с минуту они стояли, смотря друг другу в глаза, и молчали.

— *Здравствуй*, — наконец, сказал Ал.

— *Здравствуй*, — пришла наконец в себя Галя и, так и не успев улыбнуться, как в таких случаях положено, прошла дальше, туда, где должны были начаться занятия.

Смысл курса «Общение для аудитора» заключался в том, чтобы показать занимающемуся, что он в состоянии усилием воли приучить себя ни на что не реагировать. Ступеней в упражнениях было несколько: на первой стадии были простые «гляделки», надо было смотреть в глаза партнеру не изменяя выражения лица и час, и больше — по желанию супервайзера. Завершалось это все упражнением, в котором разрешалось делать и говорить *все что угодно*, чтобы заставить партнера рассмеяться, и если тому удавалось никоим образом не измениться в лице достаточно продолжительное время, то курс для него считался освоенным. Одни справлялись с курсом за неделю, другим не хватало и трех месяцев. Занятия шли парами — по два часа. Объявили перерыв перед следующей. Ал немедленно оказался рядом с собравшейся уходить Галей.

— Вот здесь я теперь работаю, — показал Ал на ряд столов, когда они проходили третий этаж.

— Ну и как? — спросила Галя.

— Э-э!.. — скривился Ал.

— Правильно, — согласилась Галя. — Я тоже обратила внимание: все сотрудники здесь ходят чеканя шаг. Как роботы штампованные.

— Здесь еще и не то бывает... Утро, знаете, как начинается? Собираются тесной кучей и начинают скандировать названия отделов!

— Чего-чего?

— Скандировать названия отделов. Китайская гимнастика называется. Для создания, как объясняют, корпоративного духа.

— Идиотизм, — сказала Галя.

— Хуже. Тут еще не то делают. В Хаббардовских центрах так положено: начальник вызывает, сотрудник приходит, берет в каждую руку по клемме Е-метра — здесь так называют детектор лжи — и начинает начальнику отчитываться. Обо всем. В том числе и о том, о чем говорит сосед по столу.

— Ужас. И Вы так?

— Нет. Сюда Е-метры подвезут в следующем месяце. Как привезут, я сбегу.

Они спустились на первый этаж.

— А хочешь, я тебе расскажу, как я тебя представляю? — вдруг обернулась к Алу Галя.

— Хочу, — тут же сказал Ал и, проследив Галин взгляд, предложил сесть на диванчик, стоявший в тупичке.

— Вот, — сказала Галя, вытащив из сумки сложенный вчетверо лист бумаги.

Ал развернул. Это был рисунок. Школьными цветными карандашами. В правой части была нарисована березка с зелеными листочками. Над березкой — яркое солнце. Остальное — много неба и зеленый лужок. В левой его части была нарисована кочка, из-под которой вылетала маленькая серая птица. В правом нижнем углу была начерчена рамочка, в которой было написано: «жаворонок».

— Что это? — не понял Ал.

— Это мне сон приснился. Не то чтобы сон, но что-то вроде того. Словом это ты. Вот эта кочка — это в твоей жизни неприятность. По-настоящему неприятность у тебя в жизни была только одна. Вот здесь взлетает жаворонок — не темный — серенький, а чем ближе он подлетает к солнцу и березке, тем больше становится белым-белым голубем.

— Не вижу никакого голубя, — опять не понял Ал.

— Это *живая* картинка, — пояснила Галя.

Ал сразу не понял, но не потому, что голова в присутствии Гали плохо соображала. Напротив, ясно в голове было как никогда и ни с кем. Но приходилось прикладывать много сил, чтобы хотя бы на время отводить от Гали глаза и смотреть в сторону, изображая из себя всего лишь познающего и умудренного психолога, но никак не заинтересованного *мужчину*. Причем очень заинтересованного. И в церкви и вне ее дамы всегда порицали его за то, что он относится к женщинам не как к прекрасному полу, некой необходимой мужчинам дополняющей их части, а только как к объектам экспериментов. Но он этого своего отношения не только не скрывал, но и не видел ничего в таком отношении зазорного. Как бы ни было это неправильно, *иначе он не мог*. И сейчас, на этом диване, со странным листом бумаги он очень хотел остаться в прежнем своем обличии. Но не мог. И старался отвести от Гали глаза.

...Галя смотрела на бегающие округлившиеся глаза сидевшего напротив нее человека. Ей было смешно видеть его напряженное состояние: об истинной причине этого напряжения она несколько не заблуждалась, и чем больше она на него смотрела, тем веселее и радостнее ей становилось. Хотелось шутить, выкинуть эдакую штуку... Вообще любимым ее развлечением было поставить мужчину на уши, потом сделать так, чтобы он оказался в совершенно необычной ситуации, посмотреть, как он себя в ней будет вести (это был прекрасный материал для осмысления того, как в действительности устроена жизнь), а потом ускользнуть. А если мужчина не понимал, что уже *все*, то можно было его и «опустить». Тоже каким-нибудь совершенно неожиданным способом.

— И вообще, — сказала она, — все, кто хоть чего-нибудь достиг в оккультизме, все прочат мне в нем большое будущее.

Ал не сразу обратил внимание на смысл слов: он пытался понять ту смесь боли, веселья и радостного удовольствия, которая окрашивала слова этой столь странно продолжавшей знакомство женщины. Столь

необычной смеси чувств он еще не встречал. А когда смысл слов осознал, то и вовсе опешил. *Оккультизм... Оккультизм?..* И отодвинулся.

— Ну, так это про каждого можно сказать, что у него только одна кочка была — и что она и есть самая главная.

— Да, но не у каждого дерева есть зеленые листочки!..

Ал не знал, как говорится, ни что сказать, ни что подумать...

— Ну ладно, мне пора, — поднялась Галя.

— Подожди меня здесь, — тут же поднялся и Ал и, не дожидаясь ответа, бросился вверх по лестнице, в раздевалку для сотрудников.

Когда Ал спустился, Галя была уже одета, и они в ногу отправились к выходу. Когда они прошли первый ряд дверей, но ко второму еще не подошли, и оказались, в сущности, вне чьих бы то ни было глаз и ушей, Ал спросил:

— А можно я Вас провожу?

— Ты это уже делаешь, — ответила Галя. И улыбнулась.

— Тогда давай понесу сумку, — протянул руку Ал.

IV

...Галя бывала не прочь пококетничать, подразнить какого-нибудь мужчину, но ни в коем случае не хотела чувствовать себя ни ему, ни кому иному что-либо должной. Один из приемов защиты заключался в том, чтобы мужчина не оказался рядом с ее домом. Близость кого-либо к ее дому — это уже некое перед мужчиной обязательство — так, во всяком случае, она воспринимала жизнь. Поэтому провожающих она «отправляла» назад к метро обычно отсюда — не переходя перекрестка...

Ал с Галей дошли до перекрестка, не торопясь дождались, когда пройдут все машины, и, так же не торопясь, пошли дальше. И вдруг Ал почувствовал, что идущая с ним в ногу женщина такая родная-родная, как никто. И — на удивление — с ней можно было разговаривать!

— *Интеллект у тебя — ноль*, — вздохнув, сказал он.

V

К телефону подошла Галя.

— Я вчера не был на занятиях, — сказал Ал оправдывающимся тоном, — потому что немного приболел. Даже на работу не ходил. И сегодня не пошел.

— Нам нужно встретиться, — нарушил ритуал обсуждения здоровья Галин голос.

— Когда? — удивился Ал.

— Прямо сейчас. *По делу*.

— Ох, — судорожно вздохнул Ал. — Но я сегодня собирался на лекцию. По четвергам вечером в Пушкинском западно-европейская живопись. Сегодня — Энгр. Жан Огюст. Ему Наполеон позировал.

— Я ночь не спала... Все плакала-плакала...

— Почему?

— *Из-за тебя*. Все думала, думала... Нужно встретиться. *По делу*.

«По делу? Какое может быть *дело*? — подумал Ал. — Ах, ты!.. Назвался психотерапевтом, полезай в кузов... Только ни в коем случае ее не надо домой пускать и к ней не заходить... Кто их знает, этих оккультисток».

— Что бы там ни было, нам нужно встретиться сегодня, — настойчиво повторила Галя. Но не без интонации просьбы.

— В метро Вас устроит?

— Да.

— На полпути?

— Да.

— Ветка у нас одна. Называй станцию.

— «Проспект Мира».

«Ого, — подумал Ал. — Ничего себе полпути! Ей — три остановки, а мне вон сколько!»

— Хорошо, — сказал он. — Во сколько?

— Лучше всего прямо сейчас.

...Если сказать, что остаться с ним наедине она боялась, то это будет неверно; скорее, опасалась. Кто его знает, ведь незнакомый, в сущности, мужчина. Но иначе поступить не могла и успокаивала себя мыслью, что собирается устроить ему какую-то проверку...

— Ну вот, — сказал Ал, когда они встретились, — а я и забыл, что на этой станции нет скамеек. Может, проедем на следующую?

— Лучше подыдемся наверх, — сказала Галя. И никаких улыбок.

Ал было замаялся, но Галя уже направилась к выходу...

Они поднялись наверх, пересекли одну улицу, потом другую. И тут Ал по уверенному ее шагу стал понимать, что она не просто так прогуливается, не решаясь заговорить о том, что у нее болит, а куда-то целенаправленно идет. Он только собрался спросить куда, как Галя, как будто прочитав его мысли, спросила:

— А Вы бывали когда-нибудь в каморке папы Карло?

— Что-о-о?!!

— Так я Вам сейчас ее покажу.

«Что за папа Карло? — в замешательстве подумал Ал. — Главарь какой-нибудь банды? Тот, который длинные носы поленам вырезает?»

— Только Вы не пугайтесь, — продолжила Галя, — в этой каморке *ничего нет*.

Ал еще раз сбился с шага.

— В каком смысле? — спросил он. — В каком смысле: *ничего нет*?

— Мебели нет. Даже сидеть не на чем. — Совсем недавно, когда Гале, наконец, удалось добиться, чтобы вывезли складированную в комнате мебель, и она — после того, как они с братом заново побелили потолок и поклеили хоть и простенькие, но чистые новые обои, — она, отмыв дочиста пол, даже глубоко-глубоко вздохнула: «Ну вот, теперь начинается новая жизнь!» И с чего она была так в этом уверена?

«Нет мебели, — подумал Ал. — Значит, видимо, нет и банды. А что тогда есть?» Ему представилась металлическая старинной работы винтовая лестница, уходящая вниз, вниз...

— Интересно, — сказал Ал, — если это каморка, то нет ли там часом холста, на котором нарисован очаг, в нем огонь, а над огнем — вертел, на котором меня и изжарят?

Галя рассмеялась.

— А за холстом — заросшей паутиной дверки, за которой начинается подzemелье с сокровищами?

— Там действительно есть подпол. Большой. Под всем полом, а может еще больше. Только я в него никогда не спускалась. Вот было бы смешно, если там и правда есть сокровища?..

Но Ал не рассмеялся. Опять ее слова были для него полной неожиданностью. И он замолчал, так же, как и в азиатских горах, просто приготовился действовать в зависимости от складывающихся обстоятельств. Дом, к которому его подвела Галя, оказался старинный, трехэтажный и, если бы не занавески в некоторых окнах, он бы, верно, принял его за брошенный. Такой старый и притом давным-давно не отремонтированный дом, наверное, один на всю Москву. Галя достала из сумки ключ и открыла дверь на первом этаже. За ней оказался коридор. Никого. Тем временем Галя подошла к еще одной давно не крашенной двери, снизу почему-то заложеной двумя рядами кирпичей, и стала их разбирать. Ал за последние десять-пятнадцать минут успел наудивляться вдосталь, чувство это притупилось, и он просто ждал, когда Галя эту дверь отопрет.

Для старой ободранной и заложеной кирпичами двери комната оказалась на удивление опрятной: ровный чистый и высокий потолок, свежие обои, а на полу — ни пылинки. Все это Ал разглядел, когда Галя, достав из сумки три тонюсенькие церковные восковые свечи, — чтобы не связываться с соседкой по квартире с расчетами за электричество, ей проще было купить свечку, — стала по одной их зажигать и приклеивать воском: две на перевернутые стеклянные пол-литровые баночки, а поскольку их больше не было, то третью — на перевернутое блюдечко.

— Можно на пол сесть, — сказала Галя, — или я могу взять с кухни соседкины табуретки — на счастье, ее дома нет.

— Лучше табуреты, — ответил Ал.

Сели.

— Можно мне Вам исповедаться? — помолчав, спросила Галя.

Ал тяжело вздохнул и согласился. А вздохнул он, и притом тяжело вздохнул потому, что один раз ему уже доводилось принимать исповеди. Это случилось в самый тяжкий год посткоммунистической России, когда продовольственные магазины были пусты и многие одинокие старые люди были попросту в преддверии голодной смерти. Два благотворительных общества совместно — адвентистское (продукты и услуга) и православное (помещение) — организовали столовую для одиноких стариков, которые самостоятельно обслуживать себя не могли.

На открытие бесплатной столовой должны были приехать с телевидения, кому-то надо было сказать короткую проповедь, все отказывались, и в итоге отправился Ал. Столь бурной реакции на свое десятиминутное размышление на евангельскую тему Ал не ожидал: многие прослезились и гурьбой бросились к нему с требованием принять исповедь. Ал пытался объяснить, что он вовсе не батюшка, — бесполезно. Все равно, несмотря на его простой, хотя и строгий костюм, его признавали за батюшку, только какого-то необыкновенного — очень доброго. Пришлось под видом исповеди этих людей выслушивать. Более других запомнилась любовница председателя того самого православного благотворительного общества, с которым Ал открывал столовую: она рассказывала, какие через их общество проходят громадные деньги и как они их разворовывают. Она очень расстроилась, когда Ал, выслушав ее, сказал, что ни он, ни кто другой из людей не силен прощать грехи, а только один Бог, и происходит это только при условии покаяния и оставления греха. Женщина ушла разочарованная: ни о том, ни о другом речи быть не могло, — и любовница председателя нисколько на этот счет не заблуждалась.

...Перед тем, как сказать «мне нужно Вам исповедаться», Галя, действительно, не спала ночь — думала о своей жизни. Собственно, с некоторых пор, как она стала ходить в храм на исповедь, она всякий раз начинала готовиться за сутки. В сущности, это напряженное время и было для нее в исповедании главным: когда ее в храме покрывали епитрахилью, она всегда чувствовала, что священник — обыкновенный человек, и ничего больше. И потому с ним как с простым человеком всякий раз ограничивалась общими словами. Но сейчас с этим рыжебородым со странными непонятными глазами человеком все было совершенно иначе. Надо было *исповедаться*, сказать *все*. Надо! И даже спустя несколько лет, вспоминая этот вечер и это исповедание, которое, как она впоследствии повторяла, «вышло ей боком», она говорила, что, повторись все снова — и каморка, и свечи, и все остальное — и знай она о всех за тем последовавших неприятных переживаниях, она бы все равно поступила в точности так же...

— Я готов. Слушаю, — сказал Ал.

— Я полюбила... — начала Галя и замолчала...

«Ничего себе! — не то чтобы удивился, а скорее ужаснулся Ал. — Уже в любви мне признается... Один раз-то ведь только и проводил до дому...» Он помнил то необыкновенное ощущение, что они родные-родные, тогда, после перекрестка, и знал, что это ощущение возникло не из-за того, что ему так *показалось*, а большей частью потому, что *ей было так*.

— Да, я полюбила, — тяжело вздохнув, продолжила Галя, — полюбила и люблю... одного человека... Это совершенно необыкновенный человек! Когда он пожелал креститься, то захотел сделать это в озере, как апостолы. Наняли священника и поехали. А ливень шел — стеной. Приехали на озеро — дождь враз прекратился — солнце светит, — все с большим воодушевлением восторга говорила Галя, — а совершили крещение, вернулись к машине, — опять ливень. И опять стеной...

Галя говорила и говорила, не останавливаясь. Когда свечечки наполовину сгорели, она две из них притушила, оставив одну, а когда та догорела дотла, зажгла один из двух оставшихся огарков.

Ал сначала вслушивался в смысл слов, потом на слова перестал обращать внимание, а вслушивался только в интонации. Потом и их перестал слушать, а погрузился в какое-то странное и непонятное состояние. В одном академическом издании он читал о девяти кастах жрецов, которые существовали на территории Руси еще до того, как мечем начали насаждать якобы христианство. Триста лет при каждом значительном неурожае, если в фаворе были христианские священники, то за неурожаем резали или изгоняли их и начинали преклоняться перед языческими жрецами, а при следующем неурожае начинали гнать уже этих жрецов и преклонялись перед священниками. Так на Руси продолжалось триста лет почти везде. И одной из девяти известных каст были облакопрогонители. Ал об этом знал, насчет государственного христианства нисколько не заблуждался и поэтому рассказ Гали его нисколько не поразил (если вообще этот просвет в ливне не был простой случайностью или нанятый священник был облакопрогонителем!), и ее восторженная интонация восприятия ему не передалась. Более того, чем больше он слушал, тем меньше ему нравилось все то, что он слышал. Было во всем этом что-то нехорошее, нечистое. Да и не было ничего из того, о чем эта женщина ему рассказывала. Не в том смысле не было, что те события, о которых она рассказывала, не происходили, а в том, что внутренний смысл их был совершенно иной. Все было вроде бы *похоже*, но... Ал бы и сам не смог объяснить, на каком основании он решил, что за всем тем, о чем ему рассказывала эта женщина, было нечто темное, злое, обман какой-то, может быть, именно то самое неизвестное оккультное, дух того сообщества, которому одно время Галя помогала.

— Так, — прервал Ал Галию на полуслове. — Достаточно. А теперь мне нужно, чтобы ты села так, чтобы голова у тебя не висела. Подвинь табурет к стене и к ней прислонись.

— Это зачем? — опешила Галя.

— Психотерапия. Вернее, пока только обследование.

Она покорно без каких бы то ни было столь свойственных женщинам ужимок, придвинув к стене табуретку, выполнила просьбу Ала. Чтобы оценить это ее движение, надо знать, что из тех многих психологов и биотерапевтов, обитавших при и вокруг Центра, многие из которых предлагали ей продемонстрировать на ней свое образование и навыки, она ни одного до себя не допустила.

— А *это* не больно? — с некоторой полуиронией все-таки сказала она.

— Нет, конечно, — вздохнул Ал. — А сама-то как чувствуешь — могу я тебя обидеть?

— Ты — нет.

— Откуда такая уверенность?

— Так...

— Ну и прекрасно. Тогда прислоняйся к стене и закрывай глаза.

— Закрыла.
— Сейчас мы обратимся к твоим внутренним ощущениям. Как ты скажешь: тебе удобней с открытыми глазами или с закрытыми?
— С закрытыми.
— Обрати внимание на свои ноги. Что надо сделать, чтобы им было удобно?
Галя чуть раздвинула ноги.
— Все — хорошо, удобно.
— Где — на уровне тела — твоя *основная* проблема?
— ...В груди.
— А она в виде чего?
— Она?.. Это... Это — камень.
— А сколько он весит, этот камень? Меня интересует внутреннее ощущение.
— Тяжелый.
— А все-таки, сколько?
— Килограммов десять.
— А какой он? Опиши. Какие у него края?
— Неровный. И края острые.
— Однородный? Он по составу однородный или есть какие вкрапления? Слоистость? Или еще что-нибудь?
— Однородный.
— А он притягивает к себе твою энергию?
— Нет.
— Он тебе нужен, этот камень? Он — *твой*, или тебе чужд?
— Чужд.
— Мешает?
— Да.
— Скажи, а давно у тебя этот камень?
— Давно.
— Сколько лет?
— Десять.
«Та-ак...» — подумал Ал. — Это явно не ее Центр с облакопрогонителем... Но, может, она ошиблась в сроке?..»
— Тебе его кто-то подложил?
— Да.
— Мужчина или женщина? Ощущение? — Ал затаил дыхание: так важен был для него ее ответ.
— Женщина.
«Та-ак... — облегченно вздохнул Ал. — Главная ее проблема отнюдь не эта якобы любовь... Но зачем в таком случае она мне о ней рассказывала?..» Самое простое объяснение, что эта исповедь была действительно *исповедь*, ему в голову не пришло.
— То есть, это полностью чуждый тебе камень, и ты хочешь от него избавиться, я правильно понял?
— Да.
— Как от него избавиться?

— Выбросить.
— Прекрасно. А через какое место ты его выбросишь?
— Отсюда. — И Галя показала на ямочку у основания шеи.
— Прекрасно. Будешь делать?
— ...Не получается, — сказала она через некоторое время.
— А почему? Что-нибудь мешает? Где-то держит? Посмотри внимательно.
— Держит. Сбоку веревочкой привязан.
— А как от нее освободиться?
— Перерезать.
— Так. Будешь перерезать?
— Уже. — Галя глубоко вздохнула от облегчения, как будто не с души ее, а с груди свалился камень не меньше десяти килограммов.
— Камень?
— Вышел.
— И где он? Ты его видишь?
— Нет. Выбросила в форточку.
— Хорошо. А теперь посмотри: где у тебя другая наиболее для тебя значимая проблема?
Далее выяснилось, что и следующая ее проблема была с Центром не связана. Возраст ее оказался — пять лет, т. е. появилась она задолго до ее «любви». Предмет оказался в голове, и от него тоже Галя избавилась через ямочку у основания шеи. Вид и значимость выявленных предметов говорил о том, что на самом деле сердце сидевшей перед Алом женщины вопреки ее словам было свободно — что Алу было чрезвычайно приятно. Но раз свободно, раз проговаривание «большой любви» не было работой с травмой, то в таком случае получалось, что этот рассказ был орудием для достижения каких-то целей. Или это был некий заученный урок (заученный в том смысле, что она с другими этим рассказом что-то достигала), или... или она хотела чего-то добиться от него, Ала. Что она выгадывала?
— Какое ощущение в голове? — ровным голосом продолжал он.
— Очень хорошо. Приятно. Вроде как голова посвежела.
— А в груди?
— Хорошо. Тепло. Спокойно.
— Будем заканчивать?
— Да.
— Можешь открывать глаза.
С минуту они сидели молча, смотря на пламя последней догорающей свечи. Ал решил, что делать. И вдруг вспомнил, что у него есть прекраснейшее оправдание сбежать: он же ведь ее предупредил, что сегодня лекция!
Ал размашистым движением руки поднес часы к глазам.
— Ох ты! — воскликнул он. — Еще чуть-чуть — и я опоздаю! Собираемся! Быстро!
Галя подхватила табуретки, отнесла их на кухню и стала споро одеваться. Ал, уже одетый в свою заслуженную — чтобы не сказать ста-

рую — синюю куртку, шагнул к Гале и ласково, но твердо обхватив ладонями ее лицо, заглянул ей в глаза. Нет, если какими они и были, то только не опасными. Сложные, непонятные, и для него — честные. И вновь, как вчера на перекрестке, он почувствовал, что она необыкновенно родная-родная. И он, торопясь избавиться от этого небезопасного, наверное, чувства, наклонился и поцеловал ее в лоб.

Они вышли и молча, очень быстрым шагом — так, что она едва за ним попевала, — бросились к метро.

...Каким бы ни казался этот поцелуй в лоб малопримечательным и с происходящим не связанным, но именно он стал для нее наиболее сильным переживанием первого периода — почти двухмесячного. Именно с него она позволила себе начать осмысление происходящего...

VI

На Хаббардовских курсах они встретились через день — уже после окончания их пары.

— Ну как? — первым делом спросил Ал. — Как самочувствие после психотерапии?

— Отлично! — ответила Галя. — То есть, настолько хорошо, что я даже не ожидала, что возможно столь сильное изменение самочувствия. Спасибо.

— Что ж, очень рад. В таком случае — с тебя поцелуй, — как бы шутя сказал Ал.

— И не один! — тоже как бы отшутилась Галя.

— Тогда вперед, — и Ал кивнул в сторону свободного диванчика спрятавшегося за белой квадратной колонной (дело происходило на втором этаже заводского Дворца культуры, в части помещения которого и располагались контора и курсы Церкви саентологии).

Они сели. Публики вокруг почти не было, только выше на галерее холла курили и хихикали одиторы и супервайзеры. Им было не до Ала с Галей.

— Ну?! — как бы строго сказал Ал и, нахмутив брови, чуть наклонился вперед.

Галя сняла сапожки и с ногами забралась на диванчик. С полминуты, стоя перед Алом на коленях, поцеловать не решалась. Этого времени Алу вполне хватило, чтобы, заглянув ей в глаза, вновь запаниковать от подымавшегося в душе уже в третий раз чувства. Галя наклонилась и ткнулась губами в его правую щеку. Губы оказались холодными, влажными и очень испуганными.

— Ты сказала: *и не один...* — совершенно серьезно без всякой игры сказал Ал.

Галя оперлась рукой на его плечо и снова прикоснулась губами к его щеке. Потом, чтобы прервать это занятие, у которого было вполне достаточное логическое обоснование стать бесконечным, чуть отодвинулась и сказала:

— А знаешь, я сегодня занималась в паре с молоденьким студентом, — хороший такой мальчишечка — сидим, значит, играем в эти «гляделки», я вижу, что у него тоже есть экстрасенсорные способности и спрашиваю: «*Что видишь?*» А он мне: «Вижу, что у тебя пятно голубое светится у основания шеи». Тут я сразу и поняла, что ты мне тогда Вишудху открыл. — Галя тогда еще была вынуждена верить во все эти чакры с каналами.

— Чего? — не понял Ал.

— Чакру открыл. Вишудха называется. Вот здесь у основания шеи.

— Это не я открыл. Это ты *сама* открыла.

— Да, но с твоей помощью.

— Без всякой помощи. Если уж на то пошло, то только по подсказке.

— Ну вот я и говорю, что ты открыл.

Ал вздохнул.

— А потом, — продолжила Галя, — я его спрашиваю: «А что ты еще видишь?» А он мне говорит: «Верхняя половина лица, вижу, твоя, а нижняя — рыжая борода. Я засмеялась: «Точно, — говорю, — о ком думаю, того и борода».

— А потом? — спросил Ал.

— А потом подскочила супервайзер Тамара — а она, похоже, очень хорошо чувствует, когда устанавливается циркуляция хорошей энергии — и велела немедленно прекратить разговоры.

— О! — вдруг вспомнил Ал, полез в карман куртки и, достав из него два яблока, протянул их Гале. — Вот, — сказал он, — угощаю!

Галя смотрела на Ала, человека, который явно любил поесть, причем настолько любил, что в течение всего рабочего дня не съест эти два яблока явно было для него большим подвигом, и чем больше смотрела, тем легче и веселее ей становилось.

— Спасибо, — сказала она. И вдруг засмеялась. Она все смеялась и смеялась, смеялась и смеялась и никак не могла остановиться...

VII

Больше в Пушкинский Ал не ходил. Лекции начинались в семь, продолжались иной раз чуть ли не до десяти — слишком поздно, чтобы можно было не торопясь проводить Галю до дома. Да и далеко. А вот Третьяковка была не только ближе, но и лекции начинались в шесть и больше двух часов никогда не длились. Цикл тем выбирал Ал. Выбрал русский авангард начала XX века.

В тот день были символисты — объединение «Мир искусства».

— Как мне нравится! — шепнула Алу Галя, не отрываясь от экрана, где в этот момент показывали картину Сомова «Подсмотренный поцелуй». — Гораздо больше, чем предыдущие темы. А тебе?

— И мне тоже. Только почему лекторша называет его поверхностным? По-моему, наоборот... — Ал, вообще-то, не считал себя знатоком, живопись начал изучать не больше, чем за год до встречи с Галей. А Галя уж тем более не была скована суждениями искусствоведов.

— И предыдущая картина... — сказала Галя. — Эти Арлекины с Колумбинами, эти подсматривающие фигуры в карнавальных костюмах и под масками, — все они хотя и на первом плане, хоть и заслоняют обзор, но они не главное. А главное — там, дальше, на втором плане, там, смотри, чистое небо...

Но Ал не очень вслушивался в ее слова, может потому, что ее чувствовал, а слова ничего не прибавляли. Гораздо важнее было то, что они соприкасались плечами, и от этого возникало странное, не испытанное им прежде ощущение тепла и близости...

— Только признайся честно, ладно? Обещаешь? — услышал он.

— Обещаю, — попытался сосредоточиться Ал.

— О чем ты сейчас думаешь? Только честно.

— О том, — сказал Ал, — что я никогда в жизни не забуду, как мы сидели с тобой на лекции в почти пустом зале, как нам показывали слайды, и, главное, никогда не забуду прикосновение твоего плеча...

И Галя улыбнулась. Точно так же, как она сегодня уже улыбалась, перед лекцией, когда до начала оставалось целых полчаса. Тогда им в коридорах музея удалось найти укромную скамейку, и Ал тоже очень честно и серьезно сказал, что им никогда не удастся ужиться. А потому не удастся, что по рождению они принадлежат к разным социальным слоям, а это, как доказали ученые, и статистически и как угодно, препятствие непреодолимое.

Ал почему-то думал, что Галя расстроится, но она, напротив, улыбнулась — и совсем не расстроилась. Ал не понял. А между тем все было очень просто — раз он заговорил на эту тему, значит хотел с ней жить, причем всю жизнь. И она это поняла.

— А я и не напрашиваюсь, — сказала она.

VIII

(Из неотправленного письма)

«...Я, кажется, попался! Представь себе картину: совершенно пустая комната старинного московского дома с разными там уютными избыточными углами, на полу клеенка, на ней — сложенные вдвое занавески (это все для мягкости), перед тобой стоит женщина на коленях и срывающимся голосом полуговорит-полушепчет:

— Ну, ты и сади-и-ист! Ну, ты и сади-и-ист... Отказываешь — и кому?.. *Мне!* Мне, которой, ради одной только надежды поцеловать руку, мужчины готовы любую очередь выстоять! А этому человеку я предлагаю *все*, а он отказывается! Отказывается!.. Ну, ты и сади-и-ист...

Насчет «поцеловать руку» — это точно. У нее потрясающий приемчик есть: она, когда хочет, свободно мысли (и желания!) читает, извлекает из памяти мужчины его лучшую, из предыдущих, любовную историю, а из нее — лучший момент, затем перевоплощается в *ту* — понимаешь, *полностью*: движения, интонации, сдавленный стон — тем самым возвращает его в наимприятнейший момент, *и продолжает эпизод как буд-*

то он не прерывался!.. Представляешь себе приемчик?! Эффективность — как ломом по голове! Потом постепенно обратно в себя перевоплощается — а сама, между прочим, потрясающая личность! Да, это уж точно: действует убедительно — как кувалдой по темечку. Когда она *со мной* эту штуку прокрутила, я сразу понял — и чуть с дивана на пол не сполз.

Естественно, это у нее происходит бессознательно.

Мы с ней на курсах Хаббарда познакомились. Хаббардисты себя за церковь выдают — Церковь саентологии (греческий: знание о том, как надо *знать*), но хорошего там, на самом деле, один только ихний метод первичной психотерапии. Не сравнить, конечно, с психокатарсисом, но тем не менее. Интересно и поучительно.

Так вот, по поводу ее бессознательного: на занятиях она на моих глазах подошла к одному купчику — что-то ей от него нужно было — и, похоже, этот приемчик с ним проделала. Так тот прямо там же на уши встал. Прямо чуть не свихнулся. Все ее потом с мешком яблок преследовал. Зачем она это делает — непонятно. На уши, я имею в виду, ставит. Возможно, это просто изошренный способ одинокой женщины: показать, что она что-то да значит.

Могла, между прочим, на мне и не демонстрировать — у меня от нее и без того крыша поехала, еще до того приемчика. Но что удивительно — полностью себя контролирую — ей не отдался, понял, верно, с первых-то строк? Оскорбил, понимаешь, женщину. Ведь это же наипервейшее среди дураков правило: если женщина *просит*, то разве можно оскорбить ее отказом?!

А она, представляешь, втюрилась с первого взгляда! Я аж испугался. И было чему. Оно, конечно, каждая женщина особенная, а потому должна быть интересной (нет, это не моя челюсть хрустнула в зевке, но ведь действительно, если что и может по настоящему надоесть — так это *особенные* женщины!), но в данном случае — она, правда, особенная. В моем, имею в виду, восприятии. Угадывается, что она — некая крайняя черта, дальше которой ничего быть не может. Мысли считывает: *только захотел, а она уже несет!* (Это не моя мысль, это я нашу пасторшу цитирую.) А когда черта крайняя — это страшно. После *любой*, считающей себя особенной, всегда можно найти точно такую же особенную. А с этой — нет! Ведь в каком-то смысле она, действительно, абсолютный идеал для мужчины: ты только чаю, к примеру, захотел, а она уже заваривает. И это в соединении с совершенно самостоятельным, самобытным мышлением! Словом, небывальщина.

Знаешь, какая у нее коронная фраза? «Я знаю, как тебе ответить, чтобы тебе было приятно. Хочешь *такой* ответ?»

Ты знаешь, как у нас в Церкви к экстрасенсам относятся, дескать, сатана и все такое прочее. Включая анафемы с кафедр. Поэтому все наши церковные экстрасенсы (от пастора до простой старушки) сидят как мышки-норушки — и носа не кажут. Но я в экстрасенсорике не разбираюсь, хотя, похоже, что разобраться придется.

Признаться, эмоционально ее опасуюсь, даже боюсь. Ни одной женщины не боялся, а эту — боюсь. Бояться боюсь, но отойти уже не в

силах и иной раз думаю: «Ну и пусть будет, что будет!» Но потом спохватываюсь. Вот и получается дурацкая ситуация: она передо мной на коленях, садистом называет, а я, как *добрый христианин*, все никак ей не отдамся. Так что ситуация: толстовский отец Сергей с его будущей игуменьей (в скит, помнишь, приехала его соблазнять), для которой, чтобы не отдаться, он рубанул себе палец.

Кстати, та, о которой пишу, тоже в монашки собиралась — да я не монах. Отец Сергей неполноценно питался, на воде и хлебе сидел, плюс малоподвижный образ жизни вел, болезненный, а я спорт не бросаю, совсем, во всяком случае. Не пью, не курю — здоровья много. Так что, не сравнить с отцом Сергием — одного пальца маловато будет! Но что удивительно, отец Сергей пал чуть ли не с первого предъявления, во всяком случае, с той, больной слабоумием девушкой, а я уже скоро два месяца держусь, не отдаюсь. Как у меня при том, что мы почти каждый день встречаемся, еще крыша на месте — не понимаю...

11 декабря ... года

До встречи. Да благословит тебя Бог.

P. S. А про себя я уже и не знаю, христианин я еще, или уже нет.

Вроде бы — да».

«Опять здравствуй. Так я тебе письмо и не отправил. Дней, наверное, двенадцать лежит. Тут у меня за это время одно интересное событие произошло.

Все у меня хорошо. Я не написал, что взялся из своей экстрасенсорши сделать клира (от английского слова *clear* — чистый, терминология Хаббарда), то есть, человека, полностью свободного от всех полученных за жизнь неврозов. Другими, кроме психокатарсиса, методами это бесконечно долго и безумно дорого. Если вообще возможно. Психокатарсис позволяет проделать это в сроки обозримые. Месяца в четыре надеюсь уложиться. Часа по два в неделю — это не много. Так вот, в процессе ее «чистки» выяснилось, что ее сверхчувствительность, кроме преимуществ, как и все в этом мире, имеет свою оборотную сторону. Выражается это, во-первых, в том, что любая, достаточно сформировавшаяся сволочь может поставить ее под контроль, закодировать. Сложно назвать это недостатком, потому что мы все попадаем в это положение раба. Хотя бы раз в жизни. Я попадал не менее десятка раз. А во-вторых, сверхчувствительность означает, что окажись рядом какая сволочь (подавляющий индивид, некрофил, Наполеон какой-нибудь недорезанный — все это синонимы), она немедленно получает обессиливающую психоэнергетическую травму. Из этого есть следствия мировоззренческого характера. Одно заключается в том, что самые лучшие женщины — то есть самые чуткие и чувствительные — уже к первой молодости получают такое количество психоэнергетических травм, что вскоре ни на что, даже хорошее, адекватно реагировать не могут. Интеллект становится — ноль. Обидно за женщин.

Но ты же их знаешь: попробуй какой объяснить, что она не предел

совершенства и кое-что неплохо было бы в ней изменить — визгу будет!! Медведи за полярным кругом услышат. А моя, между прочим, с готовностью идет на психотерапию — добрый знак. А еще важнее, что работать с ней чрезвычайно просто и даже приятно. Это значит, подавляющее поле не индуцирует. Этот знак еще более добрый. Словом, удивительное дело: чем больше ее узнаю, тем не только, как обычно, не разочаровываюсь, а наоборот, все больше и больше начинаю изумляться. Да и вообще, когда я с ней рядом — ощущение, что как будто с меня сняли железную маску. Знаешь про железную маску? Это одному наследному принцу надели, от выросшей под ней бороды он и задохнулся.

Однако что-то я уж очень сильно уклонился. Событие же произошло следующее. Я так, между прочим, и не пал; и таким «непавшим» вчера, спустя два месяца после с моей милой знакомства, отправился с ней в гости к моему пастору. Ты его знаешь, это Д. — самый толковый, или один из самых толковых, по моему мнению, пасторов в Москве. Да к тому же у него жена — экстрасенс, людей насквозь, вдоль и поперек видит. Тоже, разумеется, таится. Только свои и знают.

Так вот, когда я мою милую к пастору вел, предупредил ее, что жена его людей видит насквозь, и всякие тому подобные ауры и все их тайны, и секреты для нее — открытая книга. Моя перепугалась настолько, что боялась идти. Это была военная хитрость. Обжегшись на молоке, дуешь на воду — после двух неудачных браков, от которых меня отговаривали разве что не все подряд, теперь сам ищу советчиков, проверяю да перепроверяю. Решил таким образом мою милую расслабить. Чего и добился. Пасторша тоже, я понял, была в полной боевой готовности. Как старая полковая лошадь, которая по опытности не боится орудийной пальбы, так и пасторша привыкла ко всему: ведь сексуальные проблемы целой церкви выплескиваются исключительно на нее. Но тут случай особый: моя-то еще работала в экстрасенсорном целительском Центре, а по понятиям правоверного члена Церкви, если чудотворное исцеление происходит по молитве человека вне списочного состава, то все это непременно от сатаны. Или что-то вроде того. А у пастора с пасторшей тоже опыт чудотворных исцелений. Словом, конкурирующие организации. Итак, милейшие сии две женщины приготовились так, будто белые рубахи перед последним смертным боем одели, и — встретились. Вот это был ци-и-ирк!..»

IX

Вот уже почти два месяца Ал встречался с Галей, а все никак не мог решиться на самое трудное. Самое трудное состояло в том, чтобы сказать ей, что он верующий. И что не просто верующий, а сектант. И не просто сектант, а из той редкой породы сектантов, которые помимо прочих заповедей и четвертую соблюдают дословно.

Как ни странно это может показаться для формально мыслящего человека, заповеди Десятисловия отнюдь не равноценны. То есть, они

равноценны в глазах Божьих, ибо любое Его Слово весомо, но у людей есть построения, которыми они гордятся и с особой интонацией называют логическими, из которых следует, что заповеди Десятилетия не равноценны. Так вот, к целесообразности заповедей «не убий», «не кради», «не лжесвидетельствуй» (пусть ограниченно понятых) можно прийти «логически», опираясь даже на ложное основание. Например, если какой-нибудь император типа Гитлера или Наполеона, которому удалось овладеть умами только одной нации, хочет расширить свое господство если не на весь мир, то хотя бы на свой континент, он заинтересован в том, чтобы его подданные друг друга не истребляли («не убий»), отчего народонаселение растёт — растёт и численность готовых к агрессии армий. Одна из причин поножовщин между селениями и отдельными бойцами — муки ревности, тем более сильные, если к тому есть хоть малейшее основание. Отсюда, для поддержания чувства локтя в боевых частях целесообразно исполнение заповеди «не прелюбодействуй». Соблюдение населением заповеди «не лжесвидетельствуй» позволяет уменьшить судебный-следственный аппарат, соответственно, освободившихся чиновников можно объединить в штурмовые отряды. Полезно даже отделить один из семи дней недели, как якобы богослужебный, — для психологических накачек подданных и внедрения в их подсознания единых символов, активизированием которых в соответствующие моменты можно добиться монолитности полков. Для этих целей подходит любой день недели — но не суббота, потому что непонятное несоответствие внушаемых верований прославляемым Священным Писаниям перегружает массам сознание и усиливает в них чувство зависимости от поводырей.

Итак, единственно к чему невозможно прийти «логически», исходя из ложных посылок, — так это к тому, *который из семи дней божоданный*. Отсюда получается, что принцип мышления «суббота в субботу» — основание не просто жизненных правил, но проявление принципов и духа, эротической совместимости в частности.

Трудность для Ала состояла в том, что объяснить все это другому человеку логически-цифровым способом невозможно. Фазовое совмещение с ключевым днем недельного ритма происходит подсознательно, логические вокруг построения — не более чем следствия. Следствия же имеют свойство отрываться от породившего их основания, тем превращаясь в формальность и разобщая людей.

Ал встречался с Галей три дня из четырех (она работала, как принято говорить, «сутки через трое»). Они ходили на вечерние лекции в Третьяковку, на элитарные фильмы в Музей кино, в Хаббард-центр, и первое, чем интересовался Ал, вступая на эскалатор метро, длинный он или нет: от этого зависела продолжительность поцелуя. Чем больше он занимался психокатарсисом с Галей, тем строже и мощнее становилось у нее понятийное мышление и тем иной раз больше требовалось Алу времени, чтобы постигнуть некоторые ее мысли. Она заговаривала и о взаимоотношении с Богом, причем иногда в форме обсуждения религиозных воззрений, но Ал ужасался при мысли, что, начни он гово-

рить о своем восприятии мира на доктринальном языке, то все дружеские отношения тут же сразу и кончатся, поэтому всякий раз усилием ума находил изоциренные лазейки, чтобы от погружения в религиозные вопросы ускользнуть. Прошло почти два месяца, а в этом отношении почти ничего не менялось. Однако вечно так продолжаться не могло.

И, наконец, он решил дать ей набор своей первой книжки — повесть и цикл рассказов о Понтии Пилате — для корректорской правки. Она давно предлагала ему в этом помочь (да что там — просила!), собственно, с той самой минуты, как узнала, что Ал еще и пишет и даже готовит к публикации книгу. Ал отнекивался, объясняя свой отказ самыми несуразными причинами. Истинная же причина заключалась в том, что он попросту боялся потерять Гаю — первую в его жизни женщину, с которой поговорить действительно было интересно: по текстам произведений можно выявить его доктринальные воззрения (кроме субботы), а в предисловии и вовсе было написано, что Ал — верующий и одно время работал при духовной академии переводчиком богословских текстов...

— Вот, — сказал Ал, когда они подошли к Галиному дому, и достал из сумки распечатку своего сборника.

— Наконец-то, — обрадовалась Галя. — А я уж было перестала надеяться, что ты окажешь мне такую честь, — шутливо сказала она.

— Так получилось, — замылся Ал. — Я тебе позвоню завтра на работу, ладно? — и, уходя, поцеловал Гаю так, как будто расставался с ней навсегда.

Из конструкторского бюро, в вычислительном центре которого работала Галя, основная часть сотрудников уходила в пять, а она еще с двумя женщинами оставалась там до утра — следить за работой больших счетно-вычислительных машин. Часов с шести посторонних в вычислительном центре точно не оставалось, и потому это и было самое удобное для звонка время: подслушивать некому, соответственно, и стесняться тоже некого. Но Ал позвонил полшестого.

Галя подняла трубку сразу.

— Что случилось? — встревожился Ал, услышав, что она плачет навзрыд.

— Чи... Чи... К-книгу твою читаю, — наконец справилась она.

«Это конец, — понял Ал и сердце его оборвалось. — Все...»

— Что именно?

— Про... про монахов.

— Тебе жалко Альменде?

— Ме... Ме...

Это было не «да» и не «нет», слова же, продолжающего эти две буквы, Ал представить не мог, и оттого с каждым повторением они становились все страшнее и страшнее.

«Ну, что ж, — успел подумать Ал, — иначе и быть не могло...»

— Ме... Мелко п-плаваешь. На... конец-то я встретила человека, который мыслит так же, как и я...

Про монахов был только второй от начала сборника рассказ, еще оставались четыре про Понтия Пилата, которые людей шаблонного

мышления приводили в состояние прямо-таки звериной ярости, поэтому у Ала еще оставалась возможность все потерять. Кроме того, первое впечатление от его текстов могло пройти и смениться чувством, которое власти усиленно и небезуспешно прививали населению: ненавистью ко *всякому* сектанту. Впрочем, не случилось ни того, ни другого — Гале последние рассказы понравились даже больше первых. Но прежде чем Ал об этом узнал, ему еще предстояла беспокойная ночь. И, между прочим, небезосновательно: как и положено, *ко всем* сектантам Галя относилась с ужасом.

— Спасибо тебе, Ал, — сказала Галя, когда на следующий день вечером они встретились на «Проспекте Мира». И дотронулась до его руки. До каморки они дошли молча.

Повезло им и на этот раз: вновь соседки дома не оказалось. Но на этот раз табуреток с кухни они брать не стали, а из клеенки и двух сложенных вчетверо штор сделали подобие ковра — для мягкости.

— А теперь ты меня послушай, — сказал Ал тоном, видимо, весьма похожим на тот, которым почти два месяца назад Галя здесь же, в этой каморке старинного московского дома, сказала Алу: «Можно мне Вам исповедаться?» — И постарайся, если сможешь, не перебивать.

Ал сел на «ковре», по-восточному скрестив ноги, и, смотря поверх Гали в верхнюю, не закрытую бумагой часть окна, за которым угадывалось небо, стал рассказывать:

— К своим 29 годам (восемь лет назад!) я поразительно хорошо сохранился. Сохранился в том смысле, что, хотя читал много, про Христа не знал практически ничего. В буквальном смысле ничего. И это несмотря на то, что читал и Достоевского, и Толстого, и многих прочих не мыслящих себя вне религии писателей. Конечно, режим в стране был такой, что люди боялись в доме Евангелие не то что читать, но даже просто хранить. Не говоря уж о том, что купить его было просто невозможно. И все-таки, мне кажется, из обрывочных упоминаний о Христе даже в разрешенной художественной литературе некое познание обрести все-таки можно было — мне же удалось не знать ничего... Сохранился, и это при том, что когда мне было лет пятнадцать или шестнадцать, Евангелие я в руках все-таки держал. Друг у меня был в школе — Лёня, он мне и дал. Смешно сказать, но я там тогда тоже ничего не понял. То есть настолько ничего, что даже не понял сюжет — за что и почему Его распяли. А раз не понял, то, соответственно, ничего и не запомнил... Одну притчу, правда, запомнил. Которую, как и прочие, тоже не понял. А запомнилась она мне потому, что показалась особенно бессмысленной. Там речь шла о том, как нанимали работников для уборки винограда. Нанимали в несколько приемов: первых утром, а когда стало ясно, что до вечера все убрать не успевают, то пошли и наняли еще других, а третьих, по той же причине, вообще за час до конца работы. Когда же стали расплачиваться, то всем заплатили одинаково. Я тогда и подумал: как глупо! Ведь тем, кто работал всего час, можно было заплатить в десять раз меньше! Или хотя бы в пять. А всем поровну заплатить мог только идиот. Деньги — *деньги!* —

зря потрачены. Вот бы их лучше мне!.. Потому, видно, и запомнил... Вот, собственно, и все мои познания о Евангелии. Вот я и говорю: хорошо сохранился!

— А какой смысл этой притчи? — тихо спросила Галя.

— А ты не знаешь?

— Нет.

— Символический язык. Нанимаемые работники — символ принимающих в сердце Христа. Динарий — символ дара прощения. И не важно, когда это происходит: в молодости, в зрелом возрасте или в старости — награда все равно одна: вечность со Христом. Или лучше сказать: общение с Христом в вечности. Неважно с точки зрения вечности, но, естественно, важно с точки зрения жизни: есть все-таки разница — счастье с молодости или только в старости. Но тогда, в 15, я эту притчу не понял... Да... И в таком состоянии и пребывал до 29 лет. А в 29 одна книга меня все-таки зацепила. Причем, самая неожиданная — еретика XVI века. Эразма из Роттердама. Жил такой писатель, сам себя называл католиком, католические иерархи тоже его на словах своим признавали, но только он умер — от церкви тут же отлучили. Я, наверное, теперь не смогу вспомнить, что же меня тогда на логическом уровне поразило — ведь скорее на нелогическом! — но Библию, дочитав Эразма, я разыскивать стал. Библию через границу стали свободно ввозить только года через три, а тогда еще провозили под одеждой, редкость была, но на удивление быстро нашелся человек, который мне ее одолжил. Прочел ее — до сих пор смешно — за неделю. А что можно за неделю понять? Тем более, если не знаешь ни языка символов, ни смысла слов, ни исторического контекста, в котором каждое слово может принять совершенно другой оттенок, чем теперь?.. Потом вытребовал к себе одного очень грамотного прихожанина. Я тебя хочу с ним познакомиться. Он теперь уже пастор. Пришли они с женой, так я их ответы записывал, до сих пор тетрадка с записями сохранилась. Прямо при них и записывал. А спрашивал такие вещи: когда праздник Пасхи установили, да чем сатана от дьявола отличается. Знаешь чем?

— Нет. Чем?

— Сатана на языке подлинника — это *противник*, отражает ту его сторону, что во всем принципиальном он Богу противостоит, дьявол же — это *клеветник*, это его имя указывает на то, что сатана всячески стремится опорочить, очернить тех, кто стремится к горнему, дескать *его* они были и остаются. А еще он — *дракон*, то есть может принять облик государственной системы. *Древний змий* — указывает на грехопадение, когда *он* с помощью змия обманул Еву. Да, вот такие простые задавал вопросы... Потом церковь, сразу адвентистская, проповеди, семинары, книги, подпольно размноженные на пишущих машинках. Первые четыре-пять месяцев на семинарах сидел насупившись, молчал, только слушал. Впрочем, я тебе совсем не о том хочу рассказать...

Это произошло со мной числа 8-го или 9-го февраля. Дня за два-три до дня рождения. Потому число и запомнил. К тому времени я успел побывать только на пяти богослужениях, да и то потому, что с

первого посещения не упускал ни одной возможности. И хотя богослужение проходило в виде проповеди — что за это время можно успеть понять? Ничего! Во всяком случае, как-то так получилось, что не было повода задуматься, зачем, собственно, *Христос приходил на Землю?*.. Так вот, был февраль, был снег, был ветер, но я все равно — пешком. Центральная контора моя — а мне туда только раз в месяц нужно было наведываться — была в километрах полутора от метро. Дорога — через пустырь. Кто знает, зачем там асфальт проложили — там вообще редко кто ходит, тем более, в погоду ветреную. Снег, ветер, холодно — утром, знаешь, всегда холодно — вокруг никого. Я уже полпути прошел, достаю сигарету, только закурил и тут вдруг... вдруг слышу — а вокруг ведь никого! — вдруг слышу **Голос:** «*Что ты делаешь?! Мне же больно!!*»

Ты представляешь? Я же точно знал, что рядом *никого из людей нет!* Даже не оглянулся — зачем? Я *знал*, знал, что мне *сказано*, сказано *мне*, для меня и по поводу того, что я сейчас *закурил сигарету*. Странные это были мгновения — ни о чем не думал, во всяком случае, на логическом уровне, а только пытался оттолкнуть от себя сигарету, наркотик которой *во мне* делал Кому-то больно. *И я знал Кому.*

Именно пытался, потому что время на мгновение остановилось, и, как будто в нарушение законов земного тяготения, сигарета никак не хотела падать вниз... Но уже было так: хотя она еще не упала, курить я *бросил*...

Вот с того-то все и началось... *Жизнь* началась. Открывал ее — сразу по нескольким уровням! Прежде всего, мне удалось перевести на уровень сознания, *чем же я делаю больно Ему*, когда вдыхаю *в себя* никотин. Сейчас-то все по другому, религиозные книги продаются, и то, что тело есть храм Святого Духа, осквернять который — грех, теперь знает, наверно, каждый элементарно интересующийся человек. И то, что это истина из Писаний — тоже. А тогда было иначе. Тогда надо было все эти мысли восстанавливать из кусочков. Что курением я оскверняю не только храм, но и, в некотором смысле, и Самого Духа. Но больно-то я делаю прежде всего Самому Христу! А потому Ему больно делаю, что раз Он меня искупил — а мне как-то сразу, минуя логические рассуждения, стало очевидно, что раз Он ко мне обратился, а я услышал, то рано или поздно быть мне искуплену, вернее, Он меня *уже* искупил, от века, от начала, — то всякий мой новый грех, пусть, казалось бы, самый незначительный, такой как курение, — это новое для Него восхождение на Голгофу, новое распятие, казнь, мука... Сигарета — вновь распятие, еще сигарета — опять казнь, еще одна — еще, вновь я — *я!* — укладываю Его навзничь на крест и, как гвоздем, тлеющей сигаретой Ему в ладонь, чтобы молотком сквозь руку — и в дерево перекладыны! А сигарета — гвоздь столь же реальный, как те, которыми *тогда* прибавляли Его ладони!

И вот это-то моими руками мучительство, то, что я Его *понапрасну* — а ведь Он же спасать меня приходил — мучаю, подставляю на новое, уже ненужное распятие, уже сверх меры, напрасное, но все равно для Него смерть. И вот это знание, что я наперед знаю, что Он меня *все равно* спасет — это-то меня больше всего и закручивало! Ты пред-

ставляешь? *Понапрасну!* Сверх меры! А Он терпит — и идет! Опять идет за меня на Голгофу!..

Курить, сама видишь, бросил. Бросил, потому что... А что, дальше надо было — убивать? Бросил. Через полтора месяца семь лет будет. За эти семь лет я, разумеется, изменился, оброс всяческими богословскими знаниями, опытами и чудесами — да мало ли еще чем! — и теперь с этой высоты рассуждая, даже абстрактно рассуждая, курить бросить стоило хотя бы даже из-за красоты книжного о Нем познания. Ведь знаешь, та ниточка слова, которая соединяет меня (нас!) со Христом, — она... она... как бы это сказать?... Красивая, что ли? Слаб все-таки наш язык... Истины о заместительной жертве, о Святых, о Его Пришествиях... Ты меня понимаешь? Но тогда я не книжных ради познаний...

И опять, это не все. В те два-три дня после Его ко мне Обращения я много чего понял еще. Были еще уровни, не менее для меня важные. Понял, что *первым* выходит на контакт вовсе не человек. Он Сам — Первый, первым выходит и первым обращается...

А еще очень важное, что я в те дни смог перевести на уровень логический, так это то, что Он желает беседовать с каждым, а если прежде я Его не слышал, то только по той причине, что не *слушал*. А незадолго до пустыря, видимо, впервые согласился.

И вот это-то мое согласие с тем, что Он — *Первый*, и определило всю последующую мою жизнь. И вообще восприятие многого. Среди прочего — того, что молитва не есть просьба, а *слушанье*, слушанье того, что *Он* скажет. И размышление над сказанным. И вообще — размышление... А еще: *требование* от Него ответа, раз Он — Первый. Ты понимаешь, в каком смысле? Требую от Него ответа, пока не уходит мешающее мне Его слышать. Вот так...

А Библия... Библия перестала быть — да, собственно, за месяц и не успела стать — тем, чем она нынче является для многих людей: для одних — просто книгой, без знакомства с которой никто не может считаться образованным человеком, для других — сборником упражнений для законнической тренировки воли в перебарывании самого себя, — а стала пространством мысли, способом расширения разума, чтобы, подготовившись, не удивляться тому, что Он Духом мне скажет. Ты понимаешь, о чем я говорю? Да разве не Он первым вышел мне навстречу, возгласив: «*Что ты делаешь?! Мне же больно!!*» Понимаешь? — и Ал разве что не в первый раз за все время рассказа решил посмотреть Гале в глаза. Но на него она не смотрела — глаза ее были закрыты. И она молчала. — Понимаешь?

— Страшно сказать определенно: да или нет... — наконец, сказала она. — *Но что-то такое я от тебя и ожидала*... Наверное, да.

Ал облегченно вздохнул и продолжил:

— И еще... Очень важным был для меня тот урок, что обратился Он ко мне не с признанно значительным поводом к покаянию, а так, вроде как бы по мелочи. А как не мелочь, если повсюду внушают: какая, дескать, ерунда — сигарета. Но в этой кажущейся мелочи и было для меня потрясение и приглашение! Приглашение пересмотреть вообще

все: не увлекаем ли я в своих мнениях толпой, так ли уж правильно я понимаю, что на самом деле в этой жизни есть *главное*?!..

В комнате была та странная тишина покоя, в которой, похоже, стены растворялись, и оставалась только бескрайняя и бесконечная красота мира. И действительно, что может быть значительней и бесконечней встречи не просто двоих, но *половинок*, пусть они еще и не догадываются о необыкновенности происходящего. Они молчали. Галя лежала на сложенных вчетверо занавесках и не замечала, что за окнами каморки папы Карло наступают вечер.

И опять она сказала то, что Ал не ожидал услышать:

— Спасибо тебе... Алеша...

И тут он решился:

— А ты знаешь, — сказал он, — что по Библии суббота — день Господень? Так было от начала и будет до самого конца?..

— Знаю, — просто и не размышляя ответила Галя.

— Что-что? — не понял Ал.

— Знаю, — повторила Галя.

Ал не верил своим ушам!

— Но мне казалось, что Библию ты не читала?..

— Не читала, — кивнула Галя.

— А... как же?

— А в катехизисе написано, — сказала Галя.

— В каком-таком катехизисе? — удивлению Ала, казалось, предела не было. — Нет таких катехизисов!

— В православном.

— Но ведь там после заповеди написано, что раз православный, то святить надо воскресенье!

— А что там мудрить-то? Зачем?

Ал слушал, но поверить в то, что слышал, никак не мог. Это было слишком прекрасно, чтобы могло быть правдой. И, тем не менее, все происходило именно так, как и происходило. И он только улыбнулся, когда Галя добавила:

— Только я не знала, что на свете есть еще люди, которые считают так же, как и я. Потому я и плакала над твоей рукописью...

Он наклонился и, обняв, поцеловал Галю.

— Давай не расставаться никогда, — прошептал он ей на ухо.

— Давай, — просто, но в то же время совершенно необыкновенно сказала она.

А потом, в тот же вечер, чуть позже, они вместе молились. Впервые. Они лежали навзничь, взявшись за руки и не обращая внимания на затекавшие в уши слезы. И они, согласившись быть мужем и женой, обещали Богу никогда, ни в беде, ни в болезни, ни при каких иных обстоятельствах не оставлять друг друга.

Очень может быть, что молитва эта может быть полезна для изучения психокатарсиса и феномена *половинок*, но автор, к своему сожалению, не чувствует в себе для ее описания таланта достаточной силы. Разве только один штрих: в этот вечер она даже не пыталась Ала соблазнить.

X

Недели через две они лежали почти так же: навзничь и взявшись за руки — в постели. Есть такое сложное упражнение в фигурном катании — подкрутка, кажется, или какое-то другое, более красивое название. Так вот, из этого неожиданного положения несколько минут назад Галя рухнула на постель в первом в своей жизни оргазме.

Они улыбались, хотя и несколько по-разному. Ал, надо признать, размышлял вполне инженерно: думал о том, что все предыдущие так называемые эротические навыки никакой ценности не имеют по той единственной и вполне достаточной причине, что с Галей они ему негодились. То, как *это* происходило с лежащей рядом странно родной женщиной, ровно ничего не напоминало — одна сплошная непохожесть и небывальщина. От процесса не то дифференцирования, не то интегрирования нового полученного в этом смысле опыта Ала отвлек Галин смех.

— Ты что смеешься? — спросил он.

— Над тобой.

— Что так?

— Вспомнила, — Галя опять засмеялась, как колокольчиком зазвенела, — как же ты тогда испуга-а-ался!

— Когда?

— Когда у дома — после молитвы — я сказала, что фригидная и холодная! — И опять ее смех зазвенел — как из чистой воды хрустала колокольчик...

XI

— Алеша! — услышал он, как ему показалось, из ванной — там Галя принимала душ.

— Звала? — открыл к ней дверь Ал.

— Нет, — мягко обернулась к нему Галя.

И вдруг у Ала перехватило дыхание — от ощущения, что здесь и сейчас он уже был прежде, лет двадцать назад. Та же линия обнаженного тела, тот же ракурс, та же струящаяся вода, то же небывалое сочетание по-детски открытого взгляда с формами сложившейся женщины. Он все это видел прежде — во сне! Запомнился же этот сон отчасти потому, что увиденная женщина-ребенок совсем не совпадала с тем идеалом, который прививался рекламой фотомоделей, и которые, естественно и к сожалению, нравились и ему. Да и снилась обычно какая-нибудь из виденных накануне. А тут приснилась прежде невиденная и совсем другого типа. А еще потому запомнил, что об этом сне рассказал своему школьному приятелю Леониду, тому самому, мать которого из Канады под одеждой провезла через границу коммунистической империи Евангелие. Рассказывал — и вслух удивлялся, как ему тогда казалось, несовместимому — детскому взгляду при женственных формах.

Но сейчас, здесь, в ванной комнате квартиры Галиных родителей было одно отличие: та девочка из его юношеского сна не все время просто стояла под ласкающими струйками воды и, чуть улыбаясь, смотрела на него, но перед тем, как вернуться туда, откуда появилась, она *сделала необычный жест*. Воспоминание это разом озарило Ала, но одновременно с этим забила отчетливая мысль: «Не на-до, что-бы мы-сль мо-ю про-чла — ка-кой же-с-т». У Ала уже были возможности убедиться, что Галя может читать его мысли и приспособился от такого ее контроля защищаться: для этого достаточно было повторять по слогам ее имя — *Га-ля, Га-ля, Га-ля...* — и тогда считывать его мысли ей не удавалось.

— Я тебя видел во сне. Вот именно такой! — сказал Ал.

— Да? — вопросительно улыбнулась Галя.

— Подробности все — и ванна, и душ, и тот же ракурс, и та же линия фигуры... Давно это было. Лет двадцать назад. Мне тогда было лет семнадцать. Или шестнадцать. Только...

— Только — что? — спросила Галя, переводя струю воды с одного плеча на другое.

— Только ты тогда очень... очень *необычный жест* сделала.

«*Га-ля, Га-ля, Га-ля, Га-ля...*»

Она ничуть не удивилась, спокойно освободила левую руку, чуть наклонилась и — *этот жест у нее получился!*

— Ух-ты! — аж даже ахнул Ал.

— Не знаю почему, — сказала Галя, — но мне хотелось так сделать давно — уже несколько дней. Сама не знаю почему...

«Давно? — удивился Ал. — Но ведь вспомнил я только сейчас... Ведь много лет не вспомнил и не думал?..»

Ал, видимо, не смог бы вспомнить то время, когда расстался с заблуждением, что какое-то в жизни человека событие может быть *случайным*. Если и бывают в жизни человека случайности, то и они не без особой на то причины — будь то та или иная встреча или совпадение. Тем более закономерно провиденье за два десятилетия своей *половинки*. Математический расчет «несуществования» Гали Ал сделал позднее, месяца через четыре, а сделав его и поразившись полученным результатом, стал пытаться осмыслить не только сам необычный жест и заблаговременную к нему подготовку самой Гали (несколько дней) и его тоже (двадцать лет), но и причину того сна. Базовым в рассуждениях было то предположение, что если он ее видел во сне за двадцать лет до их встречи, в шестнадцать своих лет, то он мог видеть ее и раньше, скажем, лет в пять. Всякий увидевший свою *половинку* в этом возрасте, распознавший единственную на планете биоритмически согласующуюся с ним женщину как будущую супругу, умом и помышлениями соединившийся с ней, жертвой инцестуальных влечений стать не может. Это очень важное открытие! Заблаговременное совмещение со своей половинкой, по сути, — переворот в психических процессах человека! При соединении с *половинкой* всем естеством разума сексуальное влечение на родителя противоположного пола направлено быть

не может, но только на *половинку*. В результате — совершенно иные не только чувства, но и судьба, которая для поработанного комплексом кастрации (Эдипа) превращается в бесконечную цепь драматизаций травм и комплексов, полученных в детстве! Это что — жизнь? Разве жизнь должна быть *цепью* событий? Ведь очевидно: разве Человек, о котором известно, что создан он по образу и подобию Божию, — Божию!! — Человек, столь значительное в природе явление, разве для того он явлен во Вселенной, чтобы быть игрушкой лабиринта тупиков комплекса кастрации?!..

Конечно, если человек, как некоторым приятно думать, произошел от обезьяны, животного, а потому и сам — не более чем член стада, то какие могут быть *половинки*? Только *партнеры*! Какая, в сущности, разница — та или иная самка, лишь бы была в соответствующие десять минут ласковой! Только *партнеры*! «Для удовлетворения друг другу физиологических и психологических потребностей», как тому учили в университетах равно в гитлеровской, коммунистических и всех прочих империях.

Всякое настоящее вообще неотделимо от будущего, оно им прорастает. Праведники древности были спасаемы принятием голгофской смерти Христа задолго до того, как пришли в мир те, кто отковал для Его креста гвозди. Оттого, что большинство населения всех веков не прислушивалось к словам пророков (за сотни лет до Его воплощения предсказавших ход Его земного служения, во всех подробностях, вплоть до года рождения и суммы, за которую Он будет предан), от неведения водимой некрофилами толпы ничего не менялось: благодать Его заместительной жертвы ощутимо и осязаемо меняла жизнь принявших ее. Подобно благодати осязаемо и ощутимо будущее человека, оно не менее реально, чем его настоящее и прошлое, все три эти реальности присутствуют в бытии человека и не могут не сосуществовать одновременно. Это сосуществование на уровне предзнания справедливо и для взаимоотношений *половинок*. Другое дело, что *половинка* не для всех возможна, хотя для кого-то существует изначально... Невозможна по одной только причине — по их собственной вине: неприятию ими Истины.

Итак, если Ал мог увидеть свою Возлюбленную в шестнадцать лет, то, следовательно, мог увидеть и в пять, но почему не увидел? Почему не увидел, скажем, в двадцать? Чем его шестнадцать лет, тот период, когда он был особенно дружен с Леной, отличался от всех остальных периодов? Ответ напрашивается сам собой: это был в его жизни единственный (до 29 лет) период, *когда он пытался вникнуть в смысл Евангелия*. Да, тогда он ровно ничего в Евангелии не понял — но, может быть, только на логическом уровне? Может быть, общение с текстом Писаний настраивало его на такую волну восприятия действительности, а если изъясняться на языке более корректном, то он переходил в тот тип измененного состояния, в котором он *уже был со своей половинкой* — неважно, что телесно это случилось только в будущем?! В таком случае, уже тем, что он позволил себе не только не распознать сокровенный смысл этого сна (сна ли?), позволил себе забыть его, он

совершил прелюбодеяние. Грех — именно невиденье, а жены и «легкие увлечения» — лишь закономерные следствия, не более чем формы, к его вине ничего более не прибавляющие. Это нарушение не одной только седьмой заповеди, но всего закона. И заповеди «не убий» тоже: он обидел зависимую от него женщину...

— *Прости меня, пожалуйста*, — сказал Ал Гале. — Я виноват перед тобой. И перед Богом.

— Не за что тебе передо мной просить прощения, — попыталась спокойно сказать она. Но все равно судорожно вздохнула.

— И все же: *прости меня*. Пожалуйста.

— Я тебя уже давно простила. А ты — меня. За то, что...

— Не продолжай. Ты просила прощения еще тогда, в каморке папы Карло. Своим исповеданием...

Она прислонилась лбом к его плечу, и он обнял ее.

— А странно все сложилось, — заговорил он, — я до встречи с тобой профессионально переводил богословские тексты, пересечений с Богом было — множество, много молился, предоставляя Ему решить мою проблему одиночества, и даже два раза молился вместе с пастором и несколькими прихожанами... Казалось бы, это я должен был тебя найти — но нашла меня ты...

Действительно, Галя оказалась в Хаббард-центре после особенной молитвы. Однажды она взяла три листочка бумаги, на одном она написала «Хаббард-центр», на другом — название других психологических курсов, а третий листочек оставила чистым, скатала листочки в трубочки, опустила в шапку и преклонила колена. «Господи! — обратилась она. — Глупая я и неразумная. И не мне решать мои проблемы. Решить их можешь только Ты. А я — с Тобой. В чем Твоя воля? Куда мне идти? Мне нужен один-единственный, один-единственный — и больше ничего не надо... А если никуда не идти, Господи, если ждать еще, то пусть листочек будет чистым... Да будет воля Твоя...» И вытащила — «Хаббард-центр».

— Да, нашла ты, хотя, казалось бы, найти должен был я, — не согласился Ал с протестующим движением Гали. — Ты же — конституционально чувствительная от рождения, в каком-то смысле, — экстрасенс среди экстрасенсов; кому, казалось бы, как не тебе, было меня почувствовать за годы вперед, — но увидел я... Все наоборот...

— Тебя еще что-то удивляет в этой жизни? — спросила Галя в плечо Алу.

— Меня? Нет. — На мгновение замявшись, ответил он.

— Меня тоже, — сказала она, еще теснее прижимаясь к нему.

Часть пятая

ИЗ ПРАКТИКИ ПСИХОКАТАРСИСА СЛУЧАЙ ПОЛОВИНКИ. ОН.

Глава сорок девятая.

ВЕЛИКАЯ БЛУДНИЦА

С структуру всех неврозов человека можно представить образно. Один из вариантов — дерево. В этом случае корень (первооснова) — убивающая мать (если слабонервные не выдерживают этого запрещенного в иерархиях словосочетания, то выразимся изящнее: корень неврозов — присутствующая в матери некрофильная часть ее естества, ею, матерью, лелеемая); ствол (наиболее массивная часть дерева) — семейный кумир (разумеется, это всегда самый яркий в семье некрофил, частный случай — сама мать); ветви и сучья — знакомые, друзья и коллеги, взаимоотношения с ними и привившиеся к соответствующим на стволе площадкам от них травмы. Сучья — это отмершие ветви; живые же, как известно, ветвятся, давая ростки порой весьма причудливых форм, корень никоим образом не напоминающие. Да и самому корню порой невыгодно признавать сучья своим порождением. Корень, разумеется, тоже не свободен в суждениях и поступках: он питается от органичной ему почвы — некрофилогенной культуры и, как ее части, предков — от дедов и пращуров до Адама и Евы.

Всякое дерево — структура не самая простая: случаются, хотя и редко, сросшиеся стволы, укоренившиеся ветви, болезни древесины, скрытые и явные, — как, например, странной формы наросты. В садоводстве есть такое понятие — пасынок. Это побег от основания плодоносящей ветви, который сам плодоносить никогда не будет, но который садоводы непременно удаляют, потому что иначе этот обычно очень быстро растущий побег будет подавлять плодоносящую ветвь и тем снижать урожайность. В запущенных садах потому так и мало плодов, что пасынки не удалены, угнетая развивающиеся ветви. Доходит до того, что некоторые даже никогда не вступают в брак, растрачиваясь на воспевание одного из таких пасынков — скажем, первую свою «любовь».

День, когда Ал добрался до своей «первой „любви“», по стечению обстоятельств запал в память и ему самому, и его Возлюбленной. Ей этот день больше всего запомнился тем, что когда они пошли гулять, она, чтобы выглядеть привлекательней, надела новые, но легкие сапожки — промокаемые, на улице же была оттепель, и Ал не желая, чтобы она промочила ноги, на руках переносил ее через лужи.

Алу же этот день запомнился больше по другим причинам. После возвращения с прогулки он предложил почитать Библию с любого места, и Галя для первого в своей жизни чтения Библии выбрала завершающую ее книгу — «Откровение». Эта пророческая книга настолько изобилует символами, что перед ней пасуют богословы многих деноминаций, объявляя «Откровение» «закрытой» книгой, то есть книгой, смысл которой понять быть не может до особого вмешательства Божия. Но так думают не все. На самом деле, «Откровение» — книга отнюдь не закрытая; непонятна она может быть только для тех, кто непониманием ограждает желанные в теле мировоззрения предметы; символы «Откровения» расшифровываются в других книгах Библии. Например, символ «зверь» встречается и изъясняется в другой пророческой книге Библии — пророка Даниила, и означает этот символ соединение государственной власти (насилия) с идеологией. Цель «зверя» — насильственное прививание населению убеждений, выгодных властвующим некрофилам. Символ «воды» расшифровывается внутри самого «Откровения» — они «*суть люди и народы, и племена и языки*» (Откр. 17:15). Отсюда, зверь выходящий из вод — тоталитарное государство, образовавшееся на населенной территории, а зверь, выходящий из земли (противоположность вод), — государство, образовавшееся на безлюдных пространствах, подобно Соединенным Штатам, которые возникли на территории, прежде населенной чрезвычайно редкими племенами индейцев. Все, как видите, просто — если не искать своего.

Что потрясло Ала в тот вечер — так это то, что В., никогда прежде Библию в руки не бравшая и с толкованиями не знакомая, с легкостью справлялась с символами «Откровения», — а какие у нее при этом были глаза!

Все сказанное выше имеет непосредственную связь с психокатарсисом. Дело в том, что, как вы помните, первый его этап — самодиагностика, то есть сосредоточение на одном из объектов души. Этому может способствовать не только потрясение, но и, скажем, книжный символ, в особенности, оставляющий пространство для воображения. В тот вечер этим символом был символ библейский — «женщина». В разных книгах Ветхого и Нового Заветов символ непорочной невесты, приготовившейся жены, верной спутницы означает совокупность водимых Святым Духом людей (не отождествлять с иерархией!), и такие символы выбраны потому, что символ Христа — «жених». Как и «жениха», Его «невесту» ненавидят многие. Скажем, «невеста» из «Откровения» преследуема не только непосредственно дьяволом-драконом (Откр. 12:13), но и некой «великой блудницей», о которой сообщается, что она оседлала «зверя», с которой блудодействовали императоры и богатые (Откр. 18:3). Тут не надо быть В., чтобы сообразить, что блудница — противоположность непорочной биофильной невесты, и не удивительно, что власть над умами принадлежит ей. Для достижения определенных целей ей выгодно выдавать себя за церковь Божию, но она не такова, хотя в это верят послушные своим императорам толпы.

Для анализа стенограммы психокатарсической встречи В. и П. полезно знать, что «Вавилон» — символ смешения библейской истины (а всякая *истина* — библейская) с ложью, угодной всякому императору и его «великой блуднице». «Египет» — символ атеистического безверия. «Порфира и багряница» — символ самоправедности, той, что не по *вере Христа*. «Рог» — сила. «Десять» — много.

Итак, прежде чем В. и П. занялись психокатарсисом в, так сказать, канонической форме, они читали и обсуждали Евангелие, завершающую его книгу «Откровение», в частности, следующие строки:

«Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него — как у медведя, а пасть у него — как пасть льва...»

«...с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадим, а на головах его имена богохульные...»

«Второй Ангел вылил чашу свою в море: и сделалась кровь, как бы мертвеца, и все одушевленное умерло в море. Третий Ангел вылил чашу свою в реки и источники вод: и сделалась кровь...»

«...гноимые раны на людях...»

«...и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодействия ее; и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным» (Откровение 13:1, 2; 16:3, 4, 2; 17:3-5).

В.: Закрыв глаза?.. Хорошо. Давай попутешествуем?.. Выбери какое-нибудь приятное для себя место и...

П.: Не надо. Это не пейзаж. *Это* у меня в голове. В левой верхней части головы.

В.: А что это?

П.: Мячик. Ядовито-зеленого цвета.

В.: А из чего он сделан?

П.: Из этого... как его?.. Забыл, как называется. Рамы оконные иногда им утепляют. Легкий такой!

В.: Поролон?

П.: Да! Поролоновый.

В.: Он тебе нужен?

П.: Нет.

В.: Что ты с ним собираешься сделать?

П.: А не надо с ним ничего особенного делать. Достаточно порассматривать... Я про себя заметил четко: часто ничего делать не надо, просто порассматривал — и освободился... Вот он перемещается... возвращается... блески какие-то вокруг разноцветные... Все. Исчез.

В.: Твой вздох облегчения мне понравился.

П.: Так... Теперь пейзаж пошел... Я на звоннице... Ночь. Темно. Месяц светит. Над головой какой-то колокол странный. На балке висит,

над головой. Небольшой, прямо так скажем, маленький, и весьма ядовитого цвета. Ядовито-зеленого цвета... Ядовито-желтого стал... Ядовито-голубой... Все! Исчез!

В.: Хорошо.

П.: Разбираться с ним, *что это*, не было смысла... А теперь спускаюсь в саму звонницу... Скажи, а есть такое слово — звонница? Ведь обычно — колокольня?

В.: Есть.

П.: Хорошо, что есть. Я его кажется никогда прежде не употреблял. Странно: откуда выплыло?.. Спускаюсь... Темно...

В.: Фонарь?

П.: Да, факел. Спускаюсь ниже. Стены неровные. Сквозь старую побелку видны кирпичи... Вижу нишу... А в ней что-то черное... Бесформенное... Шевелится! Мразь. Надо с ней что-то сделать. Что это, разбираться не стоит — просто *сделать*. Ага! Надо заклеить нишу свитками. Старинными свитками... Так... Заклеиваю... Почему-то медленно идет... Наверное, это свитки Священного Писания...

В.: Я это уже поняла.

П.: Так... Осталось приклеить последнюю полоску у самого низа. Все! Теперь поднимаюсь по лестнице вверх... Опять колокол. Не заметил я его, что ли? Нет, другой — коричневый... Интересно получается, чтобы увидеть другой колокол, надо было спуститься невесть куда, а потом подняться... Так... А колокол, чувствуется, фальшивый. И форма у него какая-то *не такая*... Попробую форму исправить...

В.: Попробуй.

П.: Нет, не получилось... О! Ай да колокол! Обшивка на нем — ключьями пошла! Я же чувствовал, что фальшивый! Внутри у него деревянные ребра, а на них что-то вроде ткани натянута было. А теперь — ключья, одни ребра остались... И те исчезли... Все!.. Желтеет... Перед глазами стало желтеть... Это пустыня... Египет... Египет, знаешь, что такое?

В.: Страна в Африке.

П.: Я не о том. Не это главное. Главное — это библейский символ мирского. Я имею в виду — безбожия. Библейский символ... Так! Стоит! Женщина какая-то... В маске... В *золотой* маске... Сейчас я эту маску с нее сдеру... Ух, ты! Лица-то нет!

В.: Они все без лица.

П.: Да. Знаешь, я какой афоризм придумал? *Порок столь многолик, что исчезают лица!* И в буквальном, и в переносном смысле. Удивительно, у скольких совершенно друг с другом не связанных людей подсознательное восприятие подавляющих одно — *маска* или *без лица*... Хотя это одно и то же. Между прочим, я это не только у тебя и себя встречал, но и у твоей Оли, и у многих художников, и у Мопассана. Он так и писал, что ему мерещится женский торс *без головы*. Точно такой же торс *без головы и ног* и я видел. Давно, еще до встречи с тобой... Только ты не подумай, это не свидетельство развращенности... Хотя очень может быть, что психоэнергетический удар и сифилис Мопассан

подцепил у проституток, у которых любил бывать... Прости меня, милая, а? За все прости ты меня, а?

В. (*Звук поцелуя*): Это в знак того, что я тебя простила. Я тебя *давно* за все простила. Продолжай.

П.: Так... Ну! Ну и ну!

В.: Что такое?

П.: Я в храме. Я имею в виду, в *египетском* храме. Величественная архитектура... Купол где-то очень высоко вверху — даже не видно. А сверху опускаются три колонны. Но до пола не достают. Квадратные, деревянные. Очень хорошо обработанная сосна, напоминают пол во дворце японского императора... Здорово! Сверху, из невидимой высоты величественно опускаются три колонны и на разных уровнях останавливаются... На нижних концах — три золотые маски. Женские. Нечто вроде идольских. Но не объемные, плашмя на дереве.

В.: Опять антисоциальные?

П.: Да.

В.: А что видишь вокруг?

П.: Не видно... Темно... Мрак там. Не только купол, но и стены во мраке теряются... А внизу... Внизу под масками — слитки золота!! Целые штабеля золота! В форме кирпичей!.. А функция масок... Назначение масок — отвлекать! Не дают смотреть на золото! Золото... А ты знаешь, золото — символ чего?

В.: Чего?

П.: Символ веры. Это из сегодняшнего «Откровения». *«Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться»*. Третья глава, весть Лаодикийской церкви.

В.: Какой?

П.: Лаодикийской. Последняя церковь в этой главе. А вообще — седьмая, последняя. В том же стихе: белая одежда — символ праведности, глазная мазь — символ Святого Духа, открывающего глаза, а золото — символ веры... Только не просто веры *во* Христа, а веры *Христа*. Мы же с тобой говорили, что в синодальном переводе неправильно переведено. Не «соблюдающие заповеди и имеющие веру *в* Иисуса», а имеющие *«веру Иисуса»*. Есть разница, правда? А эти три маски меня отвлекают. Чтобы я не смотрел на золото.

В.: Продолжай. Что ты будешь с этими масками делать? Ты их знаешь?

П.: Двоих... Двоих знаю. Это те, которые меня в железо заковывали. Два этих дурацких брака... Да их даже по оттенку масок можно различить: какая — кто... Что с ними делать?.. Краской замазываю. Темно-синей, почти черной... Все. Больше не видно. А вот третья что-то никак. А золото снизу исчезло... Ну и ладно. Не все то золото, что блестит... А может, оно нужно было мне для того, чтобы понять... А я уже понял... Смешно, но Пьер у Толстого сказал, что главное, что его разделяет с Богом, — это женщины... Только вряд ли Пьер на уровне логики осознавал тогда всю многомерность проблемы... Силу какой-нибудь *третьей*... Третья... Третья! Что это за третья? Самая ведь устойчивая!

В.: А давно она в тебе? С какого возраста?

П.: Первое что в голову приходит? С восемнадцати. Только... Ты знаешь, такое ощущение, что я *ее даже и не увидел*. Так, постояла рядом, а может быть, даже просто прошла мимо, походя изуродовала, а я и не заметил... Может, когда-то за спиной стояла. Нет, не за спиной — слева и чуть позади. На полшага... А влево: метр — метр двадцать.

В.: Так. Хорошо. Что же надо сделать, чтобы избавиться от ее влияния?

П.: Ух, ты! Страх какой!

В.: Что?

П.: Столб исчез — престол появился, а маска в царицу превратилась. Сидит передо мной во всей своей мощи! Не обойти! Страшная! Восточное что-то... Восточная величественность. И золотой вокруг нее венец — не венец... Ореол? Слово, что-то вокруг головы золотое. Золотые лучи. Напоминает нимб, ореол, который вокруг головы святых рисуют. Только не однородной, а весь в радиальных линиях. А лица нет — маска. А ведь самая главная — эта! Только не знаю, для меня лично, или вообще.

В.: Для тебя. Продолжай работать.

П.: Сдираю позолоту... Сдираю... Медленно идет... Так... Однако!

В.: Содрал?

П.: Нет, еще не совсем. Как она, однако, меняется! И тем хочет ускользнуть! А вообще чувствуется, что за всей этой позолотой, ореолом, да вообще всем ее образом кроется какая-то грандиозная психологическая правда. Какая-то ассоциация с блудницей на звере... Надо будет потом поразмышлять... Все! Нет, не все — лучи остались... Сдираю весь этот ореол, свечение... Свечение ей нужно, чтобы ей поклонялись... Теперь все! Потеряла силу! А теперь даже исчезла! Уф, как хорошо!

В.: Что ты хочешь этим сказать?

П.: Очень хорошее ощущение в теле. Такое облегчение! Легко! Хорошо, как никогда. Чего только я из себя не вытаскивал, но чтобы после *так хорошо* становилось — такого не было. В первый раз... Послушай, а может быть, я в своем творчестве с *этой главной* боролся? В конце концов, творчество это еще и способ освобождения. Почему меня привлекала столь странная тема: языческое женское божество Кибела и ей поклоняющийся Руф? В общем-то, хороший парень? Этот Руф, а?

В.: Да.

П.: И смотри, как интересно получилось: читали сегодня про великую блудницу, которая была разряжена в золото и жемчуга и одета в дорогие ткани — синие и красные! Надо бы это осмыслить: почему? И почему до *главного* я во все предыдущие сеансы не мог добраться, а после чтения «Откровения» — пожалуйста! Как тогда, твое разрезанное сердце. Это очень-очень важно! Может быть, какая-нибудь программа была с защитой?

В.: Вот ты и разберешься. Все может быть. И еще раз: как твое самочувствие?

П.: Чрезвычайное! Все, открываю глаза.

В.: Спасибо за сеанс. С тобой очень приятно работать. Ты ведь сам все и делаешь. Не страшно ошибиться.

П.: Как мне приятно, когда ты мне говоришь «спасибо». По любому поводу! И...

(Конец стенограммы. Сами понимаете, что сеанс психокатарсиса из медицинской формы перешел в другую, с поцелуями.)

Сеанс в дальнейшем был продолжен (см. следующую главу). Почему-то в этот раз наш Психотерапевт не смог полностью проявить ту конкретную ситуацию с появлением великой богини-блудницы, которая с ним случилась в его 18 лет. Странно, зашел ведь достаточно далеко, определил, что *источник* чрезвычайно важной для его жизни психоэнергетической травмы *был ему незнаком* (как впоследствии оказалось, знаком, но весьма поверхностно) и находился слева в метре и чуть сзади, на полшага. Интересно это словосочетание — «полшага». Можно уже было бы и догадаться, что *происходило дело на ходу*. Но не догадался. В этот раз.

Глава пятидесятая.

ПЕРВАЯ «ЛЮБОВЬ»

(Техника психокатарсиса)

П.: Давно хотел проработать один вопрос... Позанимайся со мной, пожалуйста... Великая, между прочим, до сих пор тайна была от всех.

В.: А почему не сам?

П.: Не знаю... Может, потому, что мне приятно, когда ты рядом? А может, потому, что ты задаешь такие вопросы, которые я себе никогда бы не задал. Позанимаешься?

В.: Ты бы задал себе еще лучшие.

П.: Ты думаешь?.. И все-таки, позанимайся, пожалуйста, со мной.

В.: Как скажешь. Садись. Или ляжешь?

П.: Лучше сяду.

В.: Так с чем бы ты хотел поработать?

П.: Помнишь, я тебе рассказывал, что этим летом, до того как мы с тобой встретились, я разыскал, ту, которую я называл «первая любовь»?

В.: Помню.

П.: Да, разыскал и, поговорив с ней по телефону, в очередной раз понял, что она совершенное «не то». Как и тогда, 18 лет назад, говорить с ней не о чем. Общего — ничего. И хотя она заметно аутична — все-таки дочка офицера и алкоголика, тем не менее, нет такого ощущения, что она наносит какие-то особенные психоэнергетические травмы.

В.: А с чего ты взял, что она аутична?

П.: По многим признакам. К примеру, она единственная из нашей институтской группы, которая после выпуска не поддерживает ни с кем отношений... А главное голос... Такой особенный голос, как будто перестала она говорить, но все эхо слышится... То есть, не эхо в буквальном смысле, а такое ощущение, *как бы*... Впрочем, я не умею этого объяснить... А поработать я бы хотел с одним случаем, который никак из головы не выходит... Сколько лет прошло, а воспоминание яркое, как будто было все... ну, скажем, час назад... Идем мы по коридору — институтскому. Вчетвером. Первый этаж, как сейчас помню, левое крыло, рядом — она, Ленка. А я все говорю, говорю, вернее, несу какую-то околесицу, за которую мне же самому и стыдно. Как пьяный. Мучительно. Как будто себя со стороны вижу — и мучаюсь. И не могу остановиться. Как будто задыхаюсь...

В.: Задыхаешься? Закрывай глаза. Так. От кого из тех троих, которые с тобой шли, идет эта волна?

П.: От... от второй, дальше Ленки... Ирой Куценко ее зовут...

В.: Ты и фамилию помнишь?

П.: Помню. А что тут такого?

В.: А ты всех в своей институтской группе по именам и фамилиям помнишь?

П.: Ленкину помню... Еще вспоминается фамилия одной у нас редкостной шлюхи... Проститутки даже. За артиста вышла, что удивительно. А может, наоборот, закономерно... Остальные как-то сразу не вспоминаются.

В.: А вот это-то и интересно. Я, например, тоже одну-две фамилии вспомню — и все. И то не сразу, а ты — сразу. Ты разве с Куценко дружил?

П.: Нет. Не дружил. Даже не общался. И хотя пять лет в одной группе, только два факта из ее жизни мне и известно. Первый, что ей каким-то чудом без влиятельных родственников удалось остаться после распределения на кафедре. Это была всеобщая мечта, потому что через три года автоматически — ученая степень. И как бы ни посмеивались над тем, что диссертации, защищенные в учебных институтах — детский лепет по сравнению с теми, какие защищают в академических институтах, все равно корочки они и есть корочки, карьеру обеспечивают. Насколько я знаю наш учебный институт, из них почти никто в науке и не остается — большими потом начальниками становятся — в министерствах, на производстве, да вообще во всяких мыслимых и немыслимых конторах. Постой-постой... Так в этом и разгадка... Так вот, этой Куценко каким-то чудом, не будучи отличницей, не имея «лапы», удалось заставить их признать, что она должна получить лучшее место. Мы тогда все удивлялись. А второй факт — была в группе начальником: то ли комсорг, то ли профорг...

В.: Словом, облик вырисовывается достаточно отчетливо...

П.: Да. Что же получается?! Иду по коридору, смотрю на одну девушку, а в это время задыхаюсь от психоэнергетического удара от дру-

гой?! А потом боль травмы, объединенной со случайной картинкой, с Ленкой, которая шла со мной бок о бок, объявляю любовью. И при этом удивляюсь, как это я мог влюбиться в девушку, которая абсолютная «не то»! Это же какой-то кошмар получается! Восемнадцать лет думать, что был влюблен, потому только, что рядом, в метре, — сволочь была редкостная! И почему решил, что именно — *влюблен*? Почему не решил, что это другое какое-нибудь чувство? А?!!

В.: Ты, наверное, об *этом* думал.

П.: Может я и думал, потому как юноша в период гиперсексуальности, в 18 лет, всегда об *этом* думает... Но ведь ко времени этой «первой любви» у меня уже два года была любовница. Которая, хотя и оскорбляла меня тем, что не была достаточно красивой, но...

В.: Как это глупо: красивая — не красивая!..

П.: Глупо — не глупо, а так было. Я рассказываю, как было на самом деле.

В.: А ты никогда не думал, что ты ей, этой Куценко, мог нравиться?

П.: Нравиться? Да что ты! Она толстая, лицо широкое, эпилептоидный тип — солдатский. А ведь действительно: она же эпилептоидка! То есть, конституционально как раз и относится к тому психотипу, который наиболее успешно реализует себя именно в иерархиях. Осталась на кафедре... Уж если захотят подавлять — то сделают это законченней других психотипов. Смотри-ка, все сходится!

В.: Это *для тебя* невозможно, потому что толстая. А ей — все равно нравился. Хотя она могла ничего и не предпринимать, понимая, что — невозможно.

П.: Ирка?.. Она?.. Хотя чего только в жизни не бывает! Ведь, в сущности, Куценко — классическая дочка офицера! Мой контингент. Ну и дела!.. Я же недаром чувствовал, что надо поработать... С тобой. Но ты представь, какая несправедливость! Лежишь, допустим, с очередной женой в постели, делать надо то, что она от тебя ожидает, а сам в это время о другой думаешь! И думаешь, что *та* — это любовь! Та самая, воспетая поэтами, *неудавшаяся первая любовь*! А соединиться с ней не можешь, потому что говорить с ней не о чем, да и вообще общего нет ничего! И мучиться чуть ли не всю жизнь! Восемнадцать лет! А ведь сколько так же живут! Во всяком случае, разговорись с кем по душам, так оказывается — чуть ли не каждый второй!

В.: Ужасно.

П.: Хорошо еще, что этой «первой любовью» ты не первая занималась. Однажды лечил я одну психологиню, в сумасшедшем доме работает, и как-то в разговоре, то ли она мне подсказала, то ли я сам догадался, что выбор объекта этой «первой любви» был произведен помимо моей не только воли, а вообще помимо меня! Правда, мы шли путем логическим, но тем более — логическое осознание от боли не освобождает... Так я после этого с той психологиней вообще не мог общаться. Ты представь себе: без малого восемнадцать лет мучиться с разными женами, думать при этом о другой, не в силах чего-либо в своих чувствах изменить — что тут может гордость подсказать? Вот, дескать,

какое загадочное и прекрасное это чувство — *любовь*, что так сильно переживаю. А раз так сильно переживаю и мучаюсь, то каков я, и насколько прекрасно мое сердце! Глубоко-окая натура! А тут какая-то психологиня отнимает такую игрушку самовосхищения! Выбор, видишь ли, не моей волей и помимо меня! Поневоле возненавидишь! Мы с той психологиней еще встречались, в одну компанию пару раз были приглашены, но я ей так и сказал: «Конечно, путь к самоосознанию, следовательно, к свободе — это прекрасно, но не могу! Прости меня!»

В.: Так и не помирился?

П.: Нет. Так я и говорю: хорошо, что это упражнение для гордости я пережевывал до тебя. А не то бы поссорились *с тобой*. Хотя... Что вообще люди о себе могут знать?..

В.: Что-нибудь еще хочешь сказать?

П.: А что тут можно сказать?.. Разве что... А может эта вторая слева — и есть та самая главная из подавляющих?! Та царица, восточное божество, которое мелькнуло, когда мне было восемнадцать лет? Помнишь? Мы тогда вокруг ее головы позолоту обдирали.

В.: Помню. Как ты скажешь, надо выяснять: она это или не она?

П.: Нет, не надо. Все ясно. *Она*.

В.: В таком случае, это воздействие, которое она оказала на тебя — в каком оно виде? Что это?

П.: А его уже нет. То ли оно исчезло от рассмотрения ситуации, то ли когда раньше — не знаю.

В.: Продолжим сегодня работу? Хочешь?

П.: Хочу... Только...

В.: Что — только?

П.: Только я думаю... Та «первая любовь»... Ведь я однажды в Ленинском альбоме свои фотографии нашел. А она засмеялась смущенно, как будто поймали за руку, и говорит: «Только не гордись, пожалуйста!» Опять-таки, домой приглашала... А может... А может, *она тоже* в том коридоре получила самую сильную в своей жизни травму?!

Глава пятьдесят первая.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

... В: Разве надо — глаза открывать? Нет? Тогда закрой... А все потому, что ты мне сопротивляешься! Я так устаю от этого... *Твое* сопротивление обессиливает *меня*.

П.: Ох, уж эти женщины! Сопротивляться им — ни-ни! А что, я тебе *во всех* ситуациях сопротивляюсь?

В.: Не во всех.

П.: Да я и сам чувствую, что сопротивляюсь. И даже догадываюсь когда. Когда невроз нейтральный, от наших с тобой взаимоотношений абстрагированный предельно — я не сопротивляюсь. А когда реализация невроза хотя бы отчасти с тобой связана, начинаю сопротивляться.

Больно. Но теперь начинаю понимать, что мое при этом напряжение вовсе не из-за тебя, не из-за твоих свойств как личности. Это какая-то неадекватность... Во мне. Сам в себе поначалу ревностью называл. Но с каждым выброшенным куском металла прихожу к выводу, что это не ревность. Да и вообще, похоже, в понятие «ревность» вкладывают множество смыслов.

В.: Хорошо. С чем у тебя ассоциируется твое мне *ложное* сопротивление? Какой это предмет?

П.: Э... Весы! Вижу весы.

В.: Какие?

П.: Обыкновенные. Весы, как на старинных гравюрах. Две чашечки на коромысле.

В.: Вот как? И что же там на чашечке? Нет, прежде скажи мне, какая из них перевешивает?

П.: Левая. Та, что от меня слева.

В.: Так. А что на ней?

П.: Гирия.

В.: Какая?

П.: Обыкновенная такая гирия. Стандартная магазинная. Железная. Цилиндрическая.

В.: Понятно... Железная, говоришь?.. Так... А что на другой чашечке?

П.: Стекланный сосуд. Напоминает по форме старинную чернильницу. Сосуд из закопченного стекла. Стекло тонкое и могло бы быть очень прозрачным.

В.: А что там внутри?

П.: На дне — чернила. Высохшие.

В.: Высохшие?.. Так... А скажи, которая из чашечек должна перевешивать?

П.: Конечно, со стекланным сосудом! Кстати, у него и размер с чернильницу. Но вот если бы эту «чернильницу» сделать побольше... И воды налить... Нет. Надо прежде что-то сделать с гирей.

В.: Хорошо. А какой *внутренний смысл* этой гири?

П.: А в ней... в ней — удивительно! — *золотая рыбка!*

В.: Золотая рыбка? Действительно, удивительно.

П.: И ты знаешь, очень такая хорошая, красивая и здоровая золотая рыбка.

В.: Здоровая?

П.: Да. Ведь обычно заглянешь в какой-нибудь аквариум с золотой рыбкой — непременно она там с каким-нибудь изъяном. А эта совершенно здоровая... Красивая такая! Прямо удовольствие смотреть.

В.: А *что* это такое: *золотая рыбка*? Что первое в голову приходит?

П.: Это? Это... — любовь!

В.: Что?!

П.: Да! Я, между прочим, как только за железом рыбку разглядел, так сразу и подумал, что — любовь. Еще до того, как ты спросила. Вернее, не то чтобы *подумал*, а так... *как бы* подумал...

В.: А при чем здесь гирия?

П.: А это — железо. Забитость стрессами. Закована она, рыбка, в железо... Это мне... Это мне *мать* сделала!

В.: Железо... Внутри *спрятано*... Чтобы не видно... и не выплывала...

П.: Закована! Заклепана!

В.: Ты знаешь, а ведь во всем этом есть определенная логика... Весь этот многочисленный металл от нее... Неудачный выбор женщин для брака... Жить с ними невозможно — в этом *для нее* выигрыш! Ты от них неизменно домой возвращался. Всегда, получается, при ней был. И остаешься.

П.: Да. Так получается. И, кстати, не такой уж и редкий случай. Об этом много в специальной литературе есть. Мать, в особенности если она не в состоянии полюбить мужа, компенсируется на сыне. Каким-либо образом, скорее всего, бессознательно, внушает ему, что женщины — мерзость. Или он сам — ничтожество. И он обречен всегда, следовательно, быть при ней. Без жены. Жертва, естественно, воспеваема мать как, разумеется, самое прекрасное и бескорыстное любящее создание. Только я мать не воспевал. В особенности после того, как оказалось, что она отцу изменила.

В.: Я знаю.

П.: Интересно узнать, что и я из тех же... Закованных матерью. Спасибо. Да плюс к тому теперь и механизм знаем: заковать во внушения... Железной убедительности. Впрочем, неудачными браки были еще и потому, что я, как и положено, выбирал мать. Подавляющих. А с ними не договоришься.

В.: Хорошо. Продолжим. А что надо сделать, чтобы рыбка, наконец, обрела свободу? Она ее хочет?

П.: Станный вопрос! Конечно же, хочет! Только надо сначала посуду подготовить. Очистить.

В.: Как?

П.: Прежде всего, очистить от копоти. Протереть.

В.: Ну так и...

П.: Уже. А затем — водой. Чтобы очистить от высохших чернил.

В.: И...

П.: Все. Чисто. Только надо бы еще и форму сосуда изменить.

В.: На какую?

П.: Да я, собственно, уже изменил. Красивая такая форма... Только я названия ее никак вспомнить не могу... Древнегреческий стандарт. Пифос?.. Нет, не помню. Красивая такая — но не амфора.

В.: А что такое — амфора?

П.: А это с двумя ручками. Могла быть сделана из чего угодно — из стекла, бронзы... Попроще — те из глины. В них хранили вино и масло. У некоторых амфор бывало плоское доньшко, и они могли стоять вертикально. А у прочих дно было коническое, поэтому вертикально стоять они могли только в специальных гнездах. Рядами. В подвалах хранились, или на кораблях перевозили в них зерно, вино, масло. Кстати, достают их именно с древних затонувших кораблей. А я вот, понимаешь, — из собственного подсознания... Ясно, что такое амфора?

В.: Ясно.

П.: Так я на весах не амфору сделал. А емкость гораздо более красивой формы. Очень красивой. А теперь надо распилить гирию... Так. Все. Пополам. И рыбка теперь плавает. Хорошо ей. И чашечка с этой красотой перевесила!

В.: Какой у тебя глубокий вздох облегчения! Красиво! А с половинками гири что делать?

П.: А ничего. Пусть там и лежат. В назидание потомкам.

В.: Может быть, их куда-нибудь выбросить?

П.: А зачем? Они не мешают... Послушай, милая ты моя, родная, прости ты меня, пожалуйста... За все! Что уставала со мной! Это я из-за железа тебе сопротивлялся! В сущности, подавляющая мать — проклятие на всю жизнь! И то, что ты не похожа, будет вызывать некое тебе неприятие... Но только *некое*! Прости меня, пожалуйста!

В.: Что ты! Я уже давно все простила. Да и разве это была усталость?

П.: Ну все равно, после ссор, помнишь, из головы у тебя стружку выметали?

В.: Зато сейчас ничего не остается.

П.: Спасибо тебе! Я никогда этого не забуду! Я так тебя... так тебя люблю!.. А ты знаешь, после того, как я у тебя прощения попросил, рыбка-то лучше себя стала чувствовать. А то хорошо-то ей было, но при поверхности все время была, не могла оторваться, вроде как воздух заглатывала. А теперь — ух, и хорошо же ей там!

П.: Милая, а *сегодня* я тебе сопротивлялся?

В.: Нет, мой хороший.

Глава пятьдесят вторая.

СИНДРОМ УЧИТЕЛЬНИЦЫ И СВЯЩЕННИКА

П.: Я тебе рассказывал про учительницу и священника?

В.: Нет.

П.: Давно уж это было. Звонит мне по телефону женщина, представляется учительницей и говорит, что они в школе сейчас проходят творчество Достоевского, и, поскольку ей меня представили как хорошего писателя, то она просит меня перед ее классом выступить. «Вот совпадение, — говорю, — я как раз последний месяц занимаюсь Достоевским». «Значит, судьба, — говорит с особенно значительной интонацией она. — *Значит, так надо*». Урок тот должен был быть через неделю, и мы договорились, что она мне накануне еще раз позвонит. Но я ее номер телефона на всякий случай взял. Срок подошел — она не звонит. Делать нечего — звоню я. А она мне говорит: «Я разговаривала со священником, он мне все о вашей Церкви рассказал».

В.: Наверное, все-таки было слово «секта».

П.: Не помню, может быть. Но вряд ли, дама все-таки достаточно культурная. Хотя можно посмотреть и иначе: значима ведь только интонация. В таком случае, ты права. Но не это важно. А потом эта учительница начинает оправдываться, почему она, как обещала, не позволила. «И вообще, – говорит, – все, что вы сказали, неубедительно!» Я удивился. Как, говорю, такое может быть, если *я еще ничего не сказал*? А она: «А это не важно. Все равно неубедительно. А вот священнику я сразу поверила». Я: «А что же он такого сказал?» «А ничего такого особенного и не сказал, но это было *убедительно*».

В.: Глупость какая-то.

П.: Глупость, но только с одной стороны. С точки зрения анализа логического смысла слов. На самом же деле эта учительница мне очень помогла. Она, как учительница, живет только внушениями. И ей свой способ существования удалось выразить!

В.: Но что-то не чувствуется, что она жертва.

П.: Да. Не жертва. В каком-то смысле. Инициативная, сама незнакому человеку позвонила, *учительница*. Так вот, пожалуй, с этого-то случая я и задумался. Собственно, она сделала большую часть работы: она мне преподнесла *даже терминологию*!

В.: Верно говорят: мудрый учится даже у глупцов.

П.: Да. Древняя мудрость: *Учитель может быть везде* – в дереве, утренней заре и даже в глупце. Только не говори мне, что от скромности я не умру.

В.: Не умрешь.

П.: Но я не отрицаю и что я глуп. Ведь, по пословице, на *своих* ошибках учатся именно дураки. Но хуже того: учусь лишь спустя много лет после того, как научился.

В.: Опять парадокс?

П.: Не совсем. Жизнь. Мне тогда еще восемнадцати не исполнилось. Студентом был. Первая сессия. Первый экзамен. Это был мой в то время любимый предмет – история. Я к экзамену подготовился, как, наверное, никто в группе. И нисколько не сомневался, что знаю его на «отлично». Ответил все: от и до. А мне только – «хор». Было не просто обидно, было больно. Хорошо, обиду проглотил, подходит следующий экзамен. Я опять к нему подготовился прямо-таки блестяще. И опять – «хор». Ладно. Третий экзамен. Последний. Хорошо помню: в ту первую сессию было только три экзамена. И надо же было так случиться, что подготовиться у меня возможности не было. Да к тому же накануне экзамена напился что называется до поросычьего визга. Да и вообще домой вернулся только под утро, часа в четыре. Естественно, проспаться к экзамену толком не успел, так, хмельной, с гудящей, ничего не соображающей головой и пошел. Не готовый. И – «отлично»!! Студенты вообще суеверны, и я, чтобы не спугнуть удачу, в следующую сессию перед экзаменом принципиально не готовился, опять накануне напился и, не проспавшись, пошел на экзамен. И опять – «отлично»! Опять – *опять* «отлично»! Так я с тех пор примете этой верен и остался. Научился, словом, сдавать экзамены. Нет, раз нарушил. Предмет,

как сейчас помню, был «Вычислительная математика». Я то ли в сессию болел, то ли на соревнованиях травму получил, словом, сессию мне продлили. Но я не просто к предмету подготовился, сверх того я еще одну девицу подготовил. Все билеты ей объяснил. Теперь, после того, как я после нее столько железа повиытаскивал, я понимаю, что она яркая некрофилка, а тогда... Тогда – нет. Словом, понимаешь, что если еще кому-то все билеты объяснишь, то сам невольно начинаешь в этой галиматье разбираться. А та девица – ноль. Идем сдавать вместе, даже направление в деканате, кажется, на одном бланке выписали. Трезвый пошел. Сдали: ей – «отлично», мне – «хорошо». Тут я возмутился. Да что же это такое, говорю! Словом, прижал того старого хрена, выдавил из него пятерку. И с тех пор судьбу, что называется, не искушал. Хотя пить не хотелось. Как лекарство заглывал. А теперь, учась дальше, спустя много лет после того, как научился сдавать экзамены, понял что же за всем этим стояло. Никакой, естественно, метафизики, просто от алкоголя человек становится энергетически опасен. Не только от алкоголя, но, видимо, вообще от всего неестественного, что попадает внутрь. Я помню ту жирную бабищу, которая мне в институте первую пятерку поставила. Может быть, я тогда и подумал, что я заинтересовал ее как мужчина: уж больно она тогда была готова на все хихикать. Рядом со мной. Старая калоша, верно, думал, а туда же. Словом, растилалась. Но потом были другие экзамены, и дело явно было не в моих мужских качествах. Просто, выпивши, я становился *убедителен*, и учительнице со мной было *хорошо*. Выпив водки, я как бы для нее становился священником. Отсюда получается, что в нашей реальной жизни практическим «священником» является водка – вообще, любой наркотик. А вокруг собираются учительницы... Своих детей.

В.: Представляю, если бы ты на комсомольском собрании стал объяснять, что в институтах учат преимущественно водку пить.

П.: А что, разве не так? Кто часто отличники? Разные мерзавцы. Редко – зубрилки. А у студентов, шутят, есть свойство тут же забывать предмет, как только они его «скинули». Естественно. Студент заинтересован *сдать*, а не *знать*. А в результате получают – «командиры производства». А вот Толстой от всех прочих отличался: когда вышел из Университета, объяснил это тем, что бросил его не потому, что учиться не хотел, но, напротив, потому, что хотел. Парадоксальная, но мудрейшая мысль! Иерархия, действительно, учит, но может научить только приемам подавления. Да *они* вообще все пьют: актеры, преступники, военные, врачи, преподаватели, священники. Подсознательно они подмечают, что по иерархической лестнице поднимаются быстрее те, которые больше блоют. Почему ужирающихся священников не гонят взащей? Потому что без выпивки не у каждого хватает силы некрополя, чтобы прихожане почувствовали, что он *настоящий*. Поэтому каждый священник оказывается перед выбором: нажираться или не нажираться? И в итоге упиваются до наглости утверждать, что даже в Кане Галилейской первое чудо заключалось в том, что воду в водоносах Иисус превратил не в виноградный сок, а в винище.

В.: Да, я помню, ты говорил: два смысла слова.

П.: Но это только в Новом завете. В Ветхом для плодов виноградной лозы употребляются несколько слов. А в Новом – одно. *Охинос*. Это и чистый виноградный сок и испортившийся, перебродивший – винище. Какой из них создал Христос, Создатель всего?

В.: Какой – очевидно.

П.: Тебе. Но не тем, которые могут, приняхиваясь, стать признанными. Но более того, поскольку создавать все могут только то, что *могут*, следовательно, Христос создал виноградный сок от такого винограда, который был в Эдеме. О, это был совсем другой виноград! Еще за 1600 лет до воплощения Христа, когда вышедшие из Египта в пустыню евреи послали в землю обетованную разведчиков, те вернулись с гроздьёю винограда, которую несли на палке двое. Двое! Иначе не могли поднять!

В.: Ого! Представляю, что это была за гроздь! И вкус, наверное, другой!

П.: Но и это уже был виноград выродившийся: во-первых, за долгие столетия греха, а во-вторых, из-за изменения климата и почв после Потопа. То есть, созданный Христом в Кане Галилейской виноградный сок был настолько прекрасен, вкус его настолько замечателен, что на свадьбе потряс даже пьяниц, людей с вкусом уже извращенным! И они, потрясенные, засвидетельствовали, что есть наслаждение. И что оно может прояснить, пусть на мгновение, разум любого! Создать винище не чудо, чудо – создать то, что *не может создать никто!*

В.: Я всегда чувствовала, что только так и должно быть.

П.: Правильно. Именно поэтому ты – это ты. А что касается Причастия, то тут из него государственники устроили кощунство. По заповеди, на пасхальном столе, за которым Иисус преподавал последнюю вечерю, ничего прокисшего, кислого, броженного не должно было быть, по той простой причине, что *все* предметы Пасхального стола символически, и хлеб, и вино, и горькие травы, и сам агнец. А дрожжи, закваска – символ греха. Отсюда и необычные лепешки без дрожжей – опресноки, и виноградный сок. Отсюда, естественно, что Христос, утверждая на века символы Причастия, брал в Свои руки чашу с чистым, святым виноградным соком. А все эти красные вина государственных религий, на вкус которых в храмах кодируют – кощунство! И вместо причастия винище будут защищать, не потому, что без него в иерархии никак невозможно, но потому, что с ним надежней.

В.: Но тебе могут сказать, что символ он и есть символ и, в общем-то, все равно: то вино, которое в руках Христос освящал или это...

П.: О, нет! Это уже не госсера, это популярный протестантизм. Государственники выразились бы проще: *так верили наши отцы*.

В.: Естественно. Ведь ты же сам нас на экскурсию к баптистам водил. Те хоть как-то пытаются обосновывать свои символы.

П.: Символ – это действительно широкие врата... Даже *чересшур* широкие. Но и здесь интересно анализом выявить две главнейшие пересекающиеся закономерности. Если во время Причастия необходим сим-

вол Истины, который был бы жидкостью, то в Новом Завете их несколько. Например, вода. Вода в Новом Завете тоже символ приобщения к Богу, ко Христу. Помнишь, что Христос сказал самарянке, у которой попросил напиться? «*Если бы ты знала дар Божий, и Кто говорит тебе: „дай мне пить“, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую*». Символ? Символ! Или: «*Как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение*». Еще один символ!

В.: И как ты все помнишь!

П.: А почему бы и нет? Ведь красиво!

В.: Красиво.

П.: Вот и получается, что если, как говорят, важна не буква, но сокровенный смысл, символ, то, пожалуйста, вот вам символы: и молоко, и вода, и сок! И все библейское. А при чем тогда винище?

В.: От алкоголя умопомрачение.

П.: Правильно. И по-настоящему, то есть бессознательно, только оно, умопомрачение, и ценится. Поэтому, естественно, и те же баптисты, и те же православные с католиками, зазывая на свои собрания, которые они называют богослужениями, говорят: приходите, там так *хорошо*. А *хорошо* – это ощущение взаимного подавления! Поэтому обязательно: у одних на стадионах под видом евангельских собраний – толпы, у других – поклонения высохшим кусочкам расчлененных тел, но у всех причастие всему этому – алкоголем. И что баптизм, что католицизм, что актеры с воспеванием страстной любви – все суть разные воплощения одной страсти к умопомрачению. *Кайф правит миром*.

В.: Как ты... жестко выражаешься.

П.: А как надо?

В.: А что ты хочешь выразить?

П.: Что многие в этом мире явления не случайны и отнюдь друг от друга не независимые. Переплетено, вернее, *заплетено* воедино все: выпивка, страстная любовь, признание учительницей священника, восторг умопомрачения, воспевание некрофильской Матери, причастие алкоголем, жизнь некрофилов, а еще судьбы биофилов, если им случилось быть зацепленными сетью этих переплетений...

В.: И что тебе приходит на ум?

П.: *Кайф правит миром*. Общий принцип существования.

В.: Может быть, как-нибудь иначе?

П.: Можно иначе. *Синдром учительницы и священника*.

В.: Уже лучше. Так значит все взаимосвязано?

П.: Конечно. Еще в древности говорили: *без Вакха нет Киприды*. Знаешь, кто такая Киприда?

В.: Кто?

П.: Богиня любви Афродита. Она, по преданию, родилась на острове Кипр, отсюда и имя – Киприда. Просто другое имя. У нее вообще имен множество. Афродита, Венера, Астарта, Ашера... Но характер один. Во всех языческих народах поклонялись божеству любви и говорили так: Венера всегда побеждает. Мудрые древние! И если не в решении

проблемы – достижения высот в эросе, – то хотя бы в определении приоритетов в этой жизни. Но *без Вакха нет Киприды* – древние воспевали ту любовь, которая *забористей*, в которой партнер накачан наркотиками. Им обоим приятно некрофильность другого. Венера приютивалась, у Афродиты было выражение мечтательной брезгливости, Киприда хотела Вакха. Отсюда столь объемный материал для учебников по сексопатологии. Язычество не исчезло – оно перекрасилось... Другие термины. Постой... Ты понимаешь, что сейчас у нас *чисто научный разговор*?

В.: А ты разве считаешь, что женщина способна на *чисто научный разговор*?

П.: Ну, видишь ли...

В.: А ты разве *хочешь* обсуждать?

П.: Видишь ли...

В.: А раз «видишь ли», то и я *чувствую*, что не стоит... Да и обедать пора...

П.: Согласен. Не будем.

Глава пятьдесят третья.

ЭВОЛЮЦИИ ЭРОТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

Л. Толстой в «Войне и мире» рассмотрел практически все возможные комбинации эроса.

Есть в романе, кроме Наташи и Пьера, супружеская чета, к которой Толстой относится благосклонней, чем к остальным. Это Николай Ростов и княжна Марья.

Княжна Марья, сирота, выросла при подавляющем отце, подавляющем явно и ярко, и вследствие этого была девушкой забитой, несмотря на то, что ее много заставляли заниматься естественными науками, что могло способствовать формированию определенно-направленного мышления. Когда она встретилась с будущим супругом, она была, что называется, стареющей девушкой, которая на логическом уровне не надеялась ни на что. Раз ее пытались выдать за Анатоля Курагина (она – выгодная партия), но Анатолий, согласившись на брак, ее даже не заметил. Зато заметил ее блудливую компаньонку-француженку, с которой княжна Марья его и застала. Княжна Марья не биофильна, яркой некрофилькой ее тоже трудно назвать. Она – *никакая*.

Николай Ростов, брат Наташи Ростовой, был, во-первых, Ростов, а во-вторых, гусар. Как Ростов он унаследовал семейный генотип и привычки: барство, графство, бедность, мать, желающую его выгодно женить, сознание того, что он должен верно служить Государю императору. Как гусар он обязан был служить в обществе офицеров, подчиняться и подчинять, рассуждать об оружии и лошадях, пить и иметь женщин с бульвара. Женщины у Ростова, как и положено гусару, были. Молодым человеком он обещался жениться на Соне, но Наташа, неиз-

вестно каким чувством, предсказала за много лет вперед, что помолвка эта расстроится, что Соня и Николай не поженятся. Так и случилось. Он – *никакой*, но, по понятиям человеческим, в общем-то человек неплохой и даже хороший.

Никаких много и им несложно соединиться в партнерскую пару, однако под венец идут не с первым попавшимся. Они разочаровываются в прежних связях, разводятся, им может начать казаться, что на предыдущих неудачах они научились, и вот теперь, вступая в новую связь, верят, что наконец-то делают правильный выбор. Но несмотря на это, психологическая наука подобным парам разводиться не советует. Какие бы ни были трудности во взаимоотношениях, разводиться на практике бессмысленно, потому что, разведясь и вступив в новый брак, абсолютное большинство людей, к своему удивлению, оказываются в *точности в той же ситуации*, от которой, решаясь на развод, пытались спастись. Это не удивительно. Для *никаких* это закономерно. Для *никаких* та или иная *никакая* – в сущности, без разницы. Потому что брак для них – игра, как бы настырно они свои взаимоотношения ни называли любовью. Николаю Ростову и княжне Марье удалось найти вариант весьма удачной, с точки зрения толпы *никаких*, игры. Каким образом это произошло?

Отечественная война 1812 года. Объединенные силы Европы втягиваются вглубь России. Русские войска отступают. Угроза оккупации нависает над имением, унаследованным княжной Марьей после смерти отца, теперь, соответственно, еще более богатой невестой. Но главную опасность для княжны представляют не столько до полного кретинизма влюбленные в своего императора французы, сколько совсем еще недавно столь же до кретинизма влюбленные в своего императора русские крестьяне. Оказавшись в сфере влияния императора французского, они решают отдаться под его управление и, чтобы тот не заподозрил их в низости, решают не выпустить из имения пытающуюся оттуда уехать княжну Марью. От недавней своей благодетельницы, которая ничем их не обидела, отвернулись все. Это – бунт. Русский, бессмысленный, кровавый.

В этот момент в имении появляется гусар, граф Ростов, с денщиком и, обнаружив бунт, без поддержки солдат, которые остались далеко от имения, один идет против толпы и бьет кому-то в морду. На этом бунт и прекращается: русский мужик понял, за кем сила.

Благодарная за спасение княжна смотрит благодарным женским взором на своего спасителя графа. Граф чувствует себя по-настоящему мужчиной и с того момента при упоминании имени княжны краснеет. В аналогичной ситуации краснеет и княжна. Через некоторое время они женятся. Семья получилась удачной: он чувствует себя мужчиной, а она себя женщиной – редкое, в сущности, сочетание.

Психологическая наука утверждает, что мнение о человеке складывается в первые 90 секунд общения. После этого изменить его способны лишь очень немногие. В те же 90 секунд и происходит распределение ролей. Ситуация со спасением посредством мордобоя русского кре-

стьянства интересна тем, что в первые 90 секунд и граф Ростов, и княжна Марья оказались в особом положении. Испуганная женщина не пыталась, как это обычно бывает, доказать, что она мужчина, и во всем доверилась своему спасителю. Все свои познания, полученные от плохих учителей, были ею в тот момент забыты. Им — тоже. Получилась — семья, в которой, если кто и доминирует, так это муж. Во всяком случае, на первых порах.

Таким образом, можно сказать, что графа Ростова и княжну Марью свел *случай*. Не будь его, Ростов продолжал бы встречаться с теми, с кем и положено гусару, и продолжал бы обманывать свою бесприданную невесту Соню. Обычно при *случае* те, которые несколько не сомневаются в том, что надо с *партнером* побывать под венцом в храме государственной религии и постоять там с улыбкой, очень похожей на счастливую, перед посещением подобного храма обычно возвещают, что *их свел Сам Господь Бог* и на их брак *была воля Божья*. Допустить, что за Божью волю они приняли просто *случай* или допущенные (как наименьшее зло) обстоятельства, они не в силах, поскольку иначе усомниться придется уж в очень многом. Николай и Марья ко всеобщему (даже Сони) удовлетворению были повенчаны. И из текста не видно, чтобы они позволяли себе *усомниться*.

Случай был и в судьбе Наташи. Но не сразу. В первом с ней эпизоде (первый том) ей тринадцать лет, она, подсмотрев, как целуются Николай Ростов с Соней, зазывает в оранжерейную Бориса, сначала предлагает ему поцеловать куклу, а затем себя. После этого, почти тут же в оранжерейной, они с Борисом решают пожениться и дают в том самую страшную клятву. То, что это игра, так сказать, обыкновенная, читатель, по-видимому, может догадаться сразу, даже без подсказки в виде целования куклы.

Обычно играют с чередой любого количества партнеров, до *случая*. *Случай* спасения с Наташей происходит через несколько лет, когда она впервые, как *большая* отправляется на *взрослый* бал. Можно себе представить то упоение счастьем, которое испытывает подвижная темноглазая и темноволосая девушка, почти девочка, лучшая ученица школы танцев, когда она *впервые* оказывается на *взрослом* балу, когда весь внешний блеск залы еще не надоел, а действует именно так, ради чего он и создавался: чтобы деструктурировать сознание и вызывать восторженное возбуждение. В таком состоянии человек готов любить кого угодно, не в смысле любого, а в смысле всех. Не остаться без партнера Наташе обещал помочь Пьер, тот самый Пьер, в которого она была некогда влюблена (тогда Пьер был для того, видимо, достаточно подавляющий, но потом рядом с Наташей оказались еще более подавляющие, следовательно, более подходящие для страстного влюбления; некрополе же Пьера, по мере его становления как личности, стало сходить на нет), но к которому ее всегда продолжало притягивать, хотя она этого и не могла осмыслить. Не могла ни когда Пьер был холост, ни, тем более, потом, когда на его связь с Элен наложила благословение госцерковь.

Бал. Никто Наташу, так необыкновенно, не по-домашнему одетую, не приглашает. Несчастной девочке начинает казаться, что никто, *никто*, ни один мужчина ее на этом балу не пригласит танцевать, никому она нравиться не может, и она окончательно понимает, что жизнь ее кончена. Но тут появляется ее спаситель Пьер, который приводит своего лучшего друга князя Андрея, чтобы тот пригласил Наташу на танец. Но Наташа, оказавшись в объятиях князя Андрея, со свойственным женщинам умением делать выводы решила, что спаситель ее не Пьер, а князь Андрей, и первые 90 секунд после своего спасения в блестящей атмосфере бала восхищенным взором созерцает его. Князь Андрей, для которого, как он и сам осознавал, высшей ценностью были не живые люди, но слава, то есть взирание на него с восхищением, не устоял. *Ситуация, согласитесь, аналогична той, которая случилась в имени княжны Марьи во время бунта*: князь Андрей в полной мере чувствует себя мужчиной, а Наташа — женщиной. Скоро князь делает предложение, которое с восторгом воспоминания бала, *случая*, было принято.

Однако отец князя Андрея противился этому браку, и свадьбу приходится отложить на год. Год этот для физиологически сформировавшейся девушки был мучителен, а мучения, как известно, при соответствующем основании (здоровом теле духа) ведут к внутреннему развитию. В результате Наташа достигает того уровня, когда в нее неизбежно должен «влюбиться» яркий некрофил. Всегда, когда появляется возможность что-либо испортить, яркие некрофилы не заставляют себя ждать. Любовник своей сестры Анатолий с первого взгляда «влюбляется», влюбляется с *первого взгляда Анатолия* и Наташа. Как и следует ожидать от человека-зеркала, она в результате отражения внутренней сущности некрофила становится гадкой, утрачивает всякую способность мыслить, в благих помыслах своих родных «загадочным образом» угадывает скрываемые, то есть дурные, помыслы своего несравненного жениха, уже, правда, женатого, и решается тайно от родителей с ним бежать. Попытка предотвращена, но любовь-обязанность, любовь-игра, любовь *как у всех*, с князем Андреем рушится из-за словесного отказа Наташи. Наташа не в состоянии поверить, что Анатолий вовсе не удивительной души человек, но подонок. И действительно, как он может быть подонком, если она, *она*, такая хорошая все время о нем думает? Но тут ее вновь спасает Пьер и раскрывает ей тайну брака Анатолия. Далее как расплата, как естественное следствие — болезнь, страдания, которые, как известно, способствуют обновлению «нравственной физиономии».

В «Войне и мире» из 500 с лишним героев романа биофил-мужчина лишь один (если не считать астеничного Платона Каратаева с типичной для астеников философией), Пьер, к тому же, к моменту выздоровления Наташи в достаточной мере как биофил еще не сформировавшийся. Да и жена его еще не успела начать процесса о разводе и окончательно умереть. И, возможно, отчасти из-за того, что *половинка* ее еще не вызрела, Наташа, когда вновь оказывается рядом со смер-

тельно раненным в Бородинском сражении князем Андреем, начинает не только его самоотверженно выхаживать, но и любить, то есть лучшие свои чувства по отношению к умирающему, которого она в своем обещании доброкачественной любви-игры, любви-обмана обманула, она искренне принимает за любовь и готова, как ей кажется, отдать бывшему жениху всю свою душу. Но Наташа уже миновала уровень «никакой» («жухлой»), поэтому смерть князя Андрея освободила его от чего-то в его и ее жизни неуместного.

Итак, теперь жизнь подготовила Наташу к уровню «биофил — биофилка», на котором Наташа уже способна узнать, оценить и впервые вложить руку в сильную ладонь Пьера.

А что наш Пьер? Он тоже развивается, и тоже в русле, похоже, достаточно типичной для биофила судьбы. Во всяком случае, судьба его достаточно симметрична Наташиной, в мужском, разумеется, варианте.

В романе довольно невнятно намекается на связь Пьера с женщинами до его брака с Элен. Но они были, потому что не могли не быть. Мы даже можем угадать из французских имен гостеприимных за определенную плату женщин, что это были *актрисы*. Взрослея, Пьер явно утратил способность сопротивляться женщинам. Это произошло не потому, что Пьер стал развратней, а потому, что им начинают интересоваться женщины, о которых говорят, что они умеют в этой жизни устроиться. Это женщины, интимная близость с которыми — непереносимая психоэнергетическая травма. Его женят на Элен, хотя предложение делает, не понимая себя, разумеется, он. Ему и в голову не приходит, уличив ее в неверности, с ней развестись, и он, хотя и не живет с ней, продолжает давать ей средства на тот образ жизни, который известный тип некрофилок себе выбирает. Оформить развод решает сама Элен, которая от неудовлетворенности обилием любовников, которые у нее были, решает стать порядочной замужней женщиной и планирует выйти замуж сразу за двоих. Высокопоставленных.

После французского плена, после всех лишений следования вместе с бегущей французской армией, голодного, оборванного и бесправного существования, в душе Пьера происходят столь значительные изменения, что восприимчивые люди начинают с ним чувствовать себя совершенно по-иному. Если раньше к нему возникало некоторое чувство жалости (часто признак присутствия некрофилической компоненты), и, как кажется Толстому, именно из-за этого чувства люди удалялись от Пьера, то *после* плена хорошие люди приходят рядом с Пьером погреться. Брак его с тоже преобразившейся Наташей становится неизбежен. Хотя они еще и не *встретились*.

Что касается *случая*, то на уровне «биофил — биофилка» в них нет непосредственной необходимости, но у Пьера с Наташей их было достаточно: не кто иной, как он спас Наташу от Анатоля, он же спас Наташу от «позора» на ее первом балу и т. п.

Итак, комбинация «биофил — биофилка». Казалось бы, именно подобного рода взаимоотношения — находка для мыслителя, поэта или

художника, взявшего на себя труд научить людей, как надо жить. Вот уж где описания должны быть обстоятельны и полезны. Но странное дело! Ничего похожего мы в романе не находим. Мы сразу оказываемся в эпилоге, уже прошло 7 лет, и как и что происходило между Наташей и Пьером — не сообщается. Очень странно, в особенности, если учесть, что Лев Николаевич еще 10 лет после завершения романа как заведенный повторял, что он в семейной жизни счастлив. Но отсутствие в романе самого важного отнюдь не странно для того читателя, который понял, что Толстой никогда не участвовал в сватовстве, венчании и начале брака с яркой биофилкой, потому что хваленой его женой была Софья Андреевна, Соня, Софочка, Софи, фуфела.

В эпилоге Наташа очень часто не Наташа, и даже не Таня Берс, а явно Софья Андреевна. Это не только закономерно, но и единственно возможно: Лев Николаевич очень рано потерял мать (ему было 2 года), а в 5 лет и вовсе стал круглым сиротой, следовательно, семейной жизни, живя в родовой своей усадьбе, видеть не мог. Таня же Берс вышла замуж уже *после* завершения романа «Война и мир». Братья сожительствовали один с певичкой цыганского хора, другой с выкупленной из публичного дома проституткой. Сестра Марья Николаевна была шлюхой международного масштаба и здоровыми семейными взаимоотношениями себя не обременяла. Итак, чью же семейную жизнь мог видеть Лев Николаевич? Да только свою собственную! Отсюда вполне естественно, что «Наташа» из эпилога первым делом несет мужу показать испачканную зелеными испражнениями пеленку. Она тычет этим зеленым Пьеру под нос так, как будто большая близость испражнений к носу непременно означает удовольствие. Она же не сомневается, что это наслаждение. Это не от Наташи. Это из семейной жизни Льва Николаевича. Это и многое другое из эпилога.

Обидно, что в эпилоге Лев Николаевич изменил своему художественному гению и вместо того, чтобы гениально и точно «придумать», просто «приляпал» к милой Наташе кусочек Сони. Но даже, несмотря на досадные промахи, кое-что от Наташи уцелело и в эпилоге. Поскольку мы сейчас изучаем феномен *случая* в развитии судеб, причем княжна Марья пошла у этого *случая* на поводу (почти только им и определилась ее «жизнь»), а Наташа — не пошла, то было бы полезно познакомиться с пересказом эпилога человеком, имеющим опыт в психокатарсисе.

В одной усадьбе оказываются две семьи: графа Николая Ростова с супругой Марьей и графа Пьера Безухова с супругой Натальей. Живущие с ними старая графиня Ростова и Соня, как выразители всеобщего мнения, считают брак Николая и Марьи безупречным и счастливым. Наташа же и Пьер, по их мнению, опустили, то есть живут *не как все*, в частности, не хотят угождать «свету» и поэтому в их, старой графини и пустоцвета Сони, сознание, в котором, разумеется, бытуют такие слова, как «счастье», «любовь» и т. п., их жизнь никак уложиться не может. Брак Николая и Марьи *похож*, а следовательно, счастлив. Именно под таким углом зрения и описываются взаимоотношения в этих двух па-

рах. Деталей, которые позволяют раскрыть принципиальное отличие этих двух союзов, множество.

Наташа с мужем часто ссорится, а Марья со своим — нет. Однако «ссоры» Наташи с мужем имеют одно удивительное свойство: в результате них Пьер и Наташа меняются, развиваются, растут. Иными словами, их ссоры конструктивны, а видимость ссоры — избыток энергии, которое направлено, однако, не на разрушение, а на решение проблемы. Николай же с Марьей не растут, не развиваются и поэтому ссориться им нужды нет. Они просто тихо незаметно грызутся. Наташа смотрит только на мужа и всячески предугадывает любые его желания, которые и выполняет (эх, если б Софья Андреевна так, с Львом Николаевичем-то!), Марья же стоит на своем и с мужем не считается. Она может начать задавать вопросы в самое неудачное время, а когда ей Соня советует вести себя потише, чтобы не разбудить «счастливого» супруга, то Марья, в пику Соне, решает вести себя так, что только-только задремавший, усталый после работы на усадьбе муж просыпается. Николай тоже не отстает от жены: он в состоянии счастливо смеяться, когда его будит любимица-дочка, трехлетняя Наташа, но когда то же самое делает жена, ему требуется величайшее усилие, чтобы не проявить себя. Можно не сомневаться, что Наташа ни под каким видом, тем более, кому-нибудь в пику, Мужа своего не разбудит, а если все-таки так случится, что он проснется, то он ее обнимет и поцелует.

Марья — это, вообще-то, во многом та же Софья. Только несколько улучшенный вариант. Хотя Лев Николаевич еще лет 10 не мог себе позволить это понять.

Ортодоксальные литературоведы могут возразить, что, дескать, прототип княжны Марьи вовсе не Софья Андреевна, а мать Льва Николаевича Мария Волконская. Ну так тем более, княжна Марья — Софья Андреевна. Во всяком случае, по характеру. (Элен — это *сущность* Софьи, а Марья — плоть, инверсированное поведение, подобно тому, как Пьер — это сущность, мечта Толстого, а князь Андрей — некая отягощающая плотская реальность.) Ведь, как показывает практика, даже сироты выбирают в жены мать. А если столь отличающаяся от Наташи Марья — Софья, то как может и Наташа быть ею же?

Правда, Марья Болконская получилась явно поухловатей Марии Волконской (Софьи Андреевны). Может быть, Марья Болконская — очень-очень молодая Сонечка.

Теперь, освоив новое понятие «случай», мы можем несколько полнее описать последовательность смены типов эротических комбинаций для разных типов людей: жухлых, ярких некрофилов и ярких биофилов. Жухлый хотя и изменяется (сползает в некрофилию), но делает это достаточно медленно: психологический «выигрыш» — нет лишнего повода задуматься. Да он иначе и не может. Жухлые не интересны ни ярким биофилам, ни ярким некрофилам. Если же последние каким-нибудь жухлым интересуются, то по причинам сторонним: скажем, из-за денег, или социального положения родителей. По-настоящему яркого — так уж, чтобы действительно был *яркий*, — сторон-

ние соображения заинтересовать не могут. Поэтому жухлые «играют» достаточно однообразно до тех пор, пока не выпадает *случай* с другим жухлым. Не было бы случая — не было бы ничего. Это комбинация княжны Марьи и графа Ростова. Именно им психологическая наука не советует разводиться с надоевшим до тошноты супругом: в следующем браке все в точности воспроизведется.

Яркие биофилы, начиная развиваться со стадии жухлых, сначала играют; может на их жизнь повлиять и *случай*, однако со временем «любовь-обязанность» надоедает, тем более что на горизонте возникает фигура еще более яркого некрофила, который бурно «влюбляется» и умеет заставить объект в это поверить. Мощь внутреннего развития влечет их на поиски людей необыкновенных, и, попавшись на обман, они страстно влюбляются. В случае дальнейшего внутреннего развития жертвы, которая вначале тоже убеждена, что наконец-то в жизни повстречалась *большая любовь*, в подобного рода союзе возникают значительные напряжения.

Во-первых, жертва пропитывается духом некрофила и становится хамовитой, во внешних проявлениях даже в существенно большей степени, чем сам индуктор. (Может «хозяину»/«наезднику» набить физиономию.) Кроме того, жертва может постепенно начать более адекватно оценивать реальность и в величии некрофила разочароваться. Лишенный возможности «вести», некрофил тоже «разочаровывается». Если же биофил посмеет перейти с уровня «биофилия в широком смысле слова» на уровень «биофилия в высоком смысле слова», то брак (если это уже брак) непременно распадается. После того, как раввин Савл по дороге в Дамаск обратился и стал апостолом Павлом, жена его, выходящая замуж за поводыря стада иудеев, из дома, по преданию, изгнала. Подобные ситуации не редкость и в наши дни. Некрофил не в состоянии переносить обличений совести, обостряющихся уже от одного только присутствия биофила. Обвинив биофила во всех мыслимых и немыслимых *нравственных* (!) прегрешениях, некрофил от биофила «освобождается». Биофилу, как правило, чуждо быть инициатором развода, потому что ему даже не приходит в голову, как это возможно: предать. Впрочем, не исключено, что здесь возможны варианты.

По мере дальнейшего эволюционирования биофил объединяется с биофилом противоположного пола в Господе. Это Наташа и Пьер, В. и наш П. Таня Берс развивалась быстро, и уже в 19 могла заинтересовать столь яркого некрофила, как Сергей Николаевич. Создается впечатление, что если бы она и дальше развивалась такими темпами, то годам к 23-25 она бы уже была в силах распознавать, какого типа счастье ей органично. Поторопилась девушка, выйдя замуж в 20 лет за первого, в сущности, встречного, за своего родственника — Кузминского.

А что же яркий некрофил? Он тоже развивается, и его эротические предпочтения меняются. По молодости он может оказаться рядом с жухлой, которая достаточно быстро ему надоедает, и он отправляется на поиски некрофилки более яркой. Однако, в силу неразвитости некрополя искателя приключений, некрофилка вожденной степени яр-

кости может им не заинтересоваться (слабовато энергетическое опьянение) или, скорее, если связь *случилась* (как проба власти), ее оборвать. Повторение подобных «неудач» некрофила, зомбированного на пожизненный брак, а потому измучившегося от комплекса неполноценности, может привести к «сверхценному» времяпрепровождению (каратэ, оккультизм, художничество, накопительство) и поискам психической реабилитации рядом с растущей яркой биофилкой. Подлосты, совершенные по отношению к ней, начинают его тело мировоззрения элементами, которые, наконец, настолько усиливают его некрополе, что он в состоянии «заинтересовать» некрофила вожделенной степени яркости, ранее недоступного. В данной книге это Софья Андреевна (пик развития — гомик-профессор), Элен (сразу *два* высокопоставленных мужа) и «дорогой экстрасенс». Именно достаточное число подлостей, а не подлеченная импотенция позволили ему, «наконец, жениться».

Это — схема, которая достаточно отчетливо реализуется в жизни ярких биофилов. В случае же ярких некрофилов она может быть несколько смазана ввиду эротической неразборчивости (онанизм с асси-стентом) и наслаждения только от собственно убийства, для чего вполне подходят и подвернувшиеся жухлые. У жухлых тоже смазано: они могут «подвернуться под горячую „руку“».

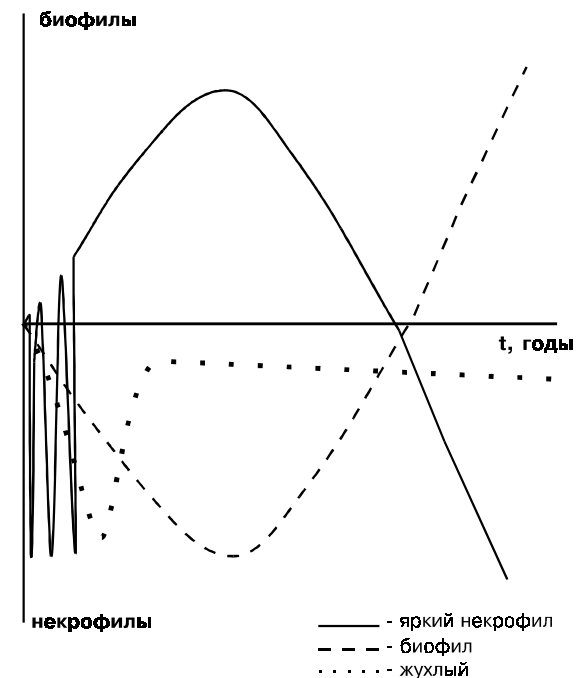
Теперь все то, к чему мы подбирались на протяжении всей книги, мы попытаемся представить графически. Для наглядности мы рассмотрим триаду гипотетическую: когда жухлый некрофил, яркий некрофил и яркий биофил начинают свою эротическую карьеру с уровня некрополя одинаковой силы. Мы не хотим погружаться в море оговорок, поэтому повторяем, что случай гипотетический — важно то, что начинали они все с одного уровня, но закончили на разных.

У жухлого есть возможность выбирать, в какую сторону тянуться: к партнеру ли яркой биофилической направленности или, наоборот, яркой некрофилической. Но биофилия для жухлого явно не идеал, он хоть и жухлый, но некрофил. Яркие же некрофилы жухлым не интересуются: они сами склонны тянуться к партнерам, некрофилически ярким. Жухлый от яркого отличается тем, что он в борьбе за энергетически яркого партнера не просто проигрывает, но сдается, и вынужден обходиться такими же, как и он сам, — жухлыми. Уровень их реальных партнеров со временем несколько понижается в силу естественных причин: с годами *все* жухлые, в том числе и свободные партнеры, неизбежно в некрофилию сползают. Свои же нереализованные мечты жухлые компенсирует у экранов телевизора (боевики, эротика и т. п.).

Яркий некрофил (быстро в этом направлении развивающийся) в начале своей эротической карьеры также тянется к ярчайшим образцам. Так же, как и жухлый, он вначале не получает ничего, кроме щелчков отказов (неинтересен: слабовато некрополе, нет рядом с ним должного умопомрачения), но, в отличие от жухлых, не сдается. Родовая память подсказывает способ завоевания вожделенного некрофилического партнера: надо самому стать в душе подонком. Надо засорить

свое тело мировоззрения, желательно, надругавшись над наивным биофилом. А еще надо собрать в себе образ «сильного», «могущественного», «мага», «потента» (противоположность импотента). Самый радикальный способ — Учительство, приобщение ко Вселенной, к всеильному, всемогущему, всеведущему богу — *Магу*. Но в действительности этого образа необходимо убедиться по реакции окружающих. Окружающие (супруг или квазисупруг) должны смотреть снизу вверх, как на посланника Неба, на *великого* человека. Жухлый так смотреть не способен: он достаточно порочен, чтобы догадаться (подсознательно) об истинных побуждениях мага, основах его религиозности. Холуйствовать жухлый согласен и способен, богослужение превратить в комедию литургии — тоже, но взирать, созерцая, открыться — не способен. Здесь необходим только обманутый биофил. Который, пока еще себя не осознал, наивен потому, что не может себе и представить, что побуждения в практическом «*христианстве*» могут быть злы. Удостоверившись рядом с биофилом в своей «потенции» и богоизбранности, замусорив свою душу до состояния помойки, яркий некрофил уже способен заинтересовать другого некрофила вожделенной степени силы (импотенции).

Зависимость эротических предпочтений от степени внутреннего развития (возраста) для биофилов и некрофилов (ярких и жухлых)

Мы живем в реальном мире, и он не просто влияет, но увлекает, влечет, тащит, неосознавших себя биофилов в том числе. Но только *неосознавших*, кои в молодости все. И яркий биофил в молодости оказывается в трагической ситуации: он не интересен никому, кроме ярких некрофилов. Для жухлых их подсознательные стремления чужды, биофилы настолько еще идеалисты, что обман для них убедительнее истины. Биофил вынужденно оказывается рядом с ярким некрофилом, разочаровавшись в котором, он поднимается на следующую ступень развития. Его возросшая биофильность и наивность становится вожделенна не только для большего числа некрофилов, но и для индивидов большей яркости (подонка видно, и обмануться в ярчайшем может только уж совсем наивный). В борьбе обычно побеждает сильнейший (тот, который затаптывает конкурентов), чем и объясняется, что рядом с биофилом с возрастом оказываются все более и более яркие некрофилы (как в случае Наташи). Повышение силы некрополя партнера в очередной комбинации достигает того рубежа, за которым возможна только смерть, не перешагнуть который позволяет только самоосознание. Следующий вслед за этим этап: соединение с себе подобным, биофилом, — счастье.

Таким образом, график позволяет с меньшими усилиями осознать некоторые особенности существования и развития этого мира. По молодости все кажутся одинаковыми, во всяком случае, все, как штампованные, тянутся к одним и тем же «ценностям». При этом получают щелчки, и большинство, сдавшись, начинает «играть». Следующая большая группа — нюхачи — не сдаются, и, прорвавшись сквозь щелчки и собственные подлости, получают вожделенное — болезни и смерть. Наименьшая группа ведет себя более дружно странно: разочаровавшись в неинтересном партнере, вдруг обнаруживают себя влюбленными уже в совершеннейшее ничтожество, а после того и вовсе в подонка (скрытого) — и все это в поисках себе подобного, способного на созидание, человека.

Таким образом, если жухлые, не получив в этой жизни вожделенного, развиваются достаточно «прямолинейно», то у ярких жизнь не только не прямолинейна, но и симметрична. И те, и другие получают, наконец, желанное (некрофил — некрофила, биофил — биофила), или вообще уже ничего не получают, но прежде оказываются в противоположном лагере, что и тем, и другим приносит мучение. Обогащается же лишь один некрофил — и то мусором.

Есть ли возможность биофилу избежать в своей жизни неприятностей? Есть. Это — осознать себя, и, как следствие, довериться Господу не только бессознательно, но еще и сознательно. Осознающие себя биофилы, разумеется, объединяются, и это немногочисленное объединение подавляющему большинству нравится называть сектой. Это объединение тоже не идеальное сообщество — со временем оно вырождается по известной схеме: у рожденных свыше родителей дети не обязательно таковы, а их дети — тем более. Но все они в церкви остаются и даже способны порождать «горячих» новообращенных, и уже от этих «проповедников» выродившаяся церковь начинает обвалью разрас-

таться. И если она не становится государственной, то только потому, что заповеди Божьи на логическом уровне менее искажены, чем в конкурирующей секте, основанной на некрофилическом начале. Но вот как раз-то потому, что в этом объединении заповеди искажены менее, чем в прочих, то концентрация биофилов здесь несколько выше, себя они в большей или меньшей степени осознают, и в этом — надежда юного биофила, вставшего на путь самоосознания.

По книге, это путь и П., и В.

Итак, мы сейчас освежили в памяти четыре вида взаимоотношений, которые называют, не различая, «любовью»: любовь-игру, любовь по *случаю*, любовь-порабощение (взаимоубийство, страстная любовь) и собственно любовь. Более других поэты воспевают любовь-порабощение, по-видимому, во-первых, потому, что это их самое волнующее переживание в жизни, во-вторых, потому, что полученная психонергетическая травма требует к себе многословного внимания, а в-третьих, потому, что признанные поэты не смогли подняться выше собственного уровня развития, который и позволяет им быть популярными. Подвиг Толстого среди прочего заключается в том, что он, пусть не в жизни (его автобиографичный Левин рядом с Кити ощущает себя недостойным — вернейший признак предпочтения некрофилических дам), а только в творчестве, смог перешагнуть рамки общепринятого воспевания союзов типа Наташа-Анатоль и Пьер-Элен, а открыл перед своими читателями одним своим духом поиска удивительнейшую возможность догадаться о существовании чего-то большего, чем он сам оказался в силах описать. И нет ничего удивительного в том, что те писатели, которые в силу развития своей души не могли иначе писать о любви как о различных сочетаниях форм садо-мазохизма (скажем, Достоевский), признанной формой религиозности признаны, а Лев Николаевич Толстой за поиски любви высокой признанными от признанной государственной церкви отлучен.

Что же касается порочной любви, той самой, которая воспета поэтами как страстная, прекрасная и цветастая и таковую воспринимается прыщавыми и не очень прыщавыми девицами, которые никаких поэтов и не читали, то в развитии подобного рода любовей Л. Толстой выявил некоторые характерные закономерности. Это удивительно, потому что из личного жизненного опыта Л. Толстой про собственно любовь мог знать мало. Это и понятно: связи его до брака были порочны, а жене он хранил верность все 48 лет.

Своим творчеством Лев Толстой выявил среди прочего и следующую закономерность: если любовь-игра даже в высшем своем проявлении, началом которой и основанием служит *Случай*, может зародиться как с участием, так и без какого бы то ни было участия людей, то истории же *особо* порочной любви (страстной) для женщины, и в особенности для девушки, непременно начинаются с участием другой женщины. Путь к пороку для женщины прокладывает не столько мужчина, сколько другая женщина. На уровне проповеди у Толстого иначе, но у художника — так. Причем во всех его романах. Для Наташи Рос-

товой подобной женщиной была признанная Элен, для Анны Карениной, матери 8-летнего сына, — мать Вронского, явно подавляющий индивид, а для 18-летней Кити женщин было даже две: только что вышедшая замуж *как все* графиня Нордстон и Китина мать. В своем чувстве ревности и неприязни к другой женщине, к той, которой сравнительно хорошо, пусть даже всего лишь по человеческим меркам, женщины не останавливаются ни перед чем, чтобы навредить. Их не останавливает даже материнское чувство. (Более того, можно говорить о том, что некрофильная «сваха» есть заместитель такой же матери, пусть по жизни и жухлой.) Желание навредить, как замечено, — характерное свойство всякой некрофильной женщины, яркой или жухлой, присутствующее практически всем, потому что число биофилок исчезающе мало. Ровно столько, сколько есть к ним их *половинок*.

В.: Да, было *так* хорошо идти по берегу Яузы и слушать про Анну Каренину, Кити, княжну Марью, Наташу...

П.: Разве слушать? Обсуждать! Я после таких обсуждений не успеваю записывать твои идеи.

В.: Да какое обсуждение? Моей роли — никакой. Я — это лишь отражение тебя.

П.: Не надо. Это я не успеваю за тобой идеи записывать. Вернее, дорабатывать до уровня словесного оформления. И еще неизвестно, для кого полезней и приятней подобные обсуждения: для тебя или для меня! Да и вообще я тебе так благодарен...

В.: За что?

П.: За все. За то, что ты существуешь. За то, что мы с тобой встретились. Ведь все-таки это случилось после *твоей* молитвы. Хотя молился и я... Благодарен тебе за то, что стал *так* понимать Толстого. Так, как до встречи с тобой не мог и надеяться... Ведь если бы не рассмотрение тебя, если бы не было столь отчетливо *сказано* взять в руки Толстого, я бы ни за что не понял бы ни его, ни, главное, тебя... Да и самого себя тоже! Спасибо тебе...

В.: И тебе... Только мне неудобно...

П.: Что?

В.: Что ты *так* за мной. В больнице. Ведь получилось, что самое трудное досталось тебе. Не родителям, не матери, не отцу, не брату — а тебе. Тебе было очень неприятно?

П.: Нет... Я только в первый момент испугался, когда прихожу — а у тебя температура сорок, лежишь под капельницей и вдруг — теряешь сознание. Я тогда растерялся — бросился за медсестрой... Возвращаемся — а ты уже в себя пришла. Та только ушла — ты опять провалилась.

В.: Представляю... Потом эта ночная рубашка в крови! Повязка... Потом рвать начало...

П.: Все ерунда. Хорошо я догадался руки тебе на виски положить. Сам до сих пор не знаю, почему я так сделал. Но положил и даже ни о чем не думал, ничего не представлял. А только температура у тебя тут

же стала падать. Получаса не прошло — а уже стало 37,4 и выше уже больше никогда не подымалась.

В.: Мне теперь с тобой за всю жизнь не расплатиться.

П.: А ты разве будешь... э-э-э... стараться?

В.: Буду.

П.: Представляю... Рас-пла-тить-ся! Э-э-э... Ох, не тревожь ты моего воображения! А то я уже начинаю *предвкушать!*..

В.: А ты не предвкушай.

П.: Легко сказать! Когда самая-самая из женщин рядом, то...

В.: А еще знаешь, когда в больнице мне было особенно хорошо?

П.: Когда?

В.: Когда ты мне принес расчет моего «несуществования».

П.: Он тебе понравился?

В.: Понравился. Прямо как будто теплом пахнуло. Домом. Родным-родным! Так хорошо стало. Силы прибавились. Как будто дома, рядом с тобой...

П.: Правильно! А когда я, действительно, рядом был, в натуральном, так сказать, виде — ты ссорилась!

В.: Прости меня, пожалуйста.

П.: Давно простил. И даже не обижался. Сам даже не понимаю, что я тогда, когда перед выпиской приходил, взбрыкнул?.. А помнишь?

В.: Что?

П.: А когда вдоль Яузы гуляли, ты мне стала жаловаться, что в больнице стали кошмары сниться, и ты все время просыпалась в холодном поту?

В.: Все какие-то переходы, комнаты... Я все убегаю, пытаюсь спастись... Помню. Вот уж точно — кошмары...

П.: Да. Из больницы вернулась — а все равно те же кошмары.

В.: Да. А ты наклонился, поцеловал меня и обещал, что когда домой с прогулки вернемся, ты мне их уберешь. И убрал!..

П.: Так. Закрывает глаза. Хорошо. Мне кажется, что твои кошмары связаны с каким-то мужчиной.

В.: Почему ты так решил?

П.: Есть некоторые приметы в деталях сна. Есть нечто в них эротическое. А если эротическое, то есть некий объект центрирования. Объект враждебен.

В.: (После *долгого молчания*, во время которого все более становится понятно, что В. не решается высказать нечто, до того скрываемое): Да. Точно. Я теперь тоже начинаю это понимать. Только я *его* почему-то называю *твоим именем*. Но это, я теперь понимаю — не ты.

П.: Он — это из кошмаров?

В.: Да.

П.: *Моим именем??!*

В.: Да.

П.: Вот это расклад!.. Интересно. Так это точно — не я?

В.: Точно.
П.: А *что* ты видишь?
В.: Глаза.
П.: А какое чувство у тебя вызывают эти глаза?
В.: Страх.
П.: Какое-нибудь еще?
В.: Н-не знаю...
П.: Что они от тебя хотят?
В.: Такое ощущение... Такое ощущение, что они хотят... вцепиться в лоб и разорвать! *В кровь!*
П.: Так... В женском урологическом отделении больницы мужчины только в бригаде врачей... Кто-то из них?.. Это уже даже не подавление. Это больше. Так это ты *меня* подозревала в таких к тебе чувствах?!
В.: Это не ты. Да и мнение не мое. Оно мне навязано. Травма.
П.: А давно эти глаза мешают смотреть?
В.: Разве я не сказала? С больницы.
П.: Это понятно. Точнее.
В.: Не могу сказать.
П.: А можешь сказать, *кому* принадлежат эти глаза?
В.: Н-нет.
П.: Хорошо. Первое что приходит в голову — они принадлежат мужчине или женщине?
В.: Мужчине.
П.: Он что, тебя *захотел*?
В.: Н-не знаю. Я его не знаю. *Я его не видела.*
П.: Когда он был рядом, ты была под наркозом? Без сознания?
В.: Н-не знаю.
П.: А какого он роста? Ощущение — выше среднего роста или ниже?
В.: Выше.
П.: А по национальности этот человек — русский? Ощущение?
В.: Не знаю.
П.: Что-то ты после наркозов очень часто стала употреблять эти слова.
В.: Сама не знаю, почему так получается. Туман в голове.
П.: Ты его видишь, этот туман?
В.: Да.
П.: Сейчас можно его убрать?
В.: Нет. Нужно, чтобы прошло время.
П.: Хорошо. Пошли дальше. Молодой?
В.: Не знаю.
П.: Та-ак... А волосы с проседью? Или без?
В.: Без. Я только и помню, что глаза и волосы...
П.: Хорошо. Как ты чувствуешь: будет ли для тебя полезно дальше прояснять этот объект?
В.: Нет.
П.: А эти глаза влияли на наши взаимоотношения с тех пор, как они появились?
В.: Да. Влияли.

П.: Так. Что надо теперь сделать, чтобы освободиться от влияния этих глаз? Оно нужно тебе — это влияние?
В.: Нет.
П.: Так. Что надо сделать, чтобы они не оказывали больше на тебя никакого воздействия?
В.: Н-н-не...
П.: Знаешь. Подумай. Есть очень хорошее решение.
В.: Может, очки темные надеть?
П.: Очки настолько темные, что эти глаза не смогут тебя видеть?
В.: Да, такие.
П.: Надевай... Надела?
В.: Надела.
П.: Так. Хорошо. А теперь, что надо сделать, чтобы никогда не была забыта та польза, которую ты обрела, попав в эту ситуацию?
В.: Польза? Разве польза? Я не поняла.
П.: Из каждой ситуации, пусть даже на первый взгляд печальной, можно извлечь урок.
В.: Теперь понятно.
П.: Ну так и как? Может быть, надпись какую-нибудь на очках сделать?
В.: Нет, не годится.
П.: А что надо сделать?
В.: (*Особенно улыбаясь, как показалось Психотерапевту, приятно для него*): А можно не говорить?
П.: Можно... Готово?
В.: Да.
П.: Интересно, что ты сделала? Веник в задницу ему вставила?
В.: Ну что ты! Это только ты у нас такие вещи делаешь. Вернее, на такое способен.
П.: А ведь действительно, был случай. Был образ, вставил ей в задницу веник и сказал этому аисту лететь подальше... А какой смысл этого знака, этой метки, ты мне тоже не хочешь сказать?
В.: Нет.
П.: Хорошо. Такой вопрос: ко всей этой истории Зина имела отношение? Скажем, могла ли она каким-либо образом подготовить почву для того, чтобы возник этот стресс, с глазами? Стресс, от которого мы только что освободились?
В.: Н-н-не знаю. Впрочем... Во всяком случае, у меня нет такого ощущения, что ее участие в этом исключено...
П.: Ну разумеется, женщина женщине всегда «поможет»...
В.: С женщинами мне давно все понятно. Да я их давно стороной и обхожу. Вот только разве Оля...
П.: Теперь — эти глаза были связаны с ночными твоими кошмарами?
В.: Да.
П.: Будут тебе сниться теперь кошмары?
В.: Нет, не будут.
П.: Ощущение: сегодня еще поработаем?

В.: Нет, хватит.

П.: Ощущение — через сколько дней оптимальней всего продолжить чистку от больничных травм?

В.: Через четыре дня. Сил мало.

П.: Хорошо. Что-нибудь на сегодня мы не доделали?

В.: Нет, все в порядке.

П.: Последний вопрос. Ты в состоянии будешь доехать?

В.: Куда на лето собрались? Да.

П.: Тогда вспомни что-нибудь приятное. Скажем, за последнюю неделю.

В.: Приятное?.. Как мы с тобой вдоль реки сегодня гуляли. (*Улыбается.*) Было *очень* приятно.

П.: Все. Открывай глаза.

П.: Однако же Зина и гадина оказалась: сколько тебе насажала! Но теперь, кажется, все. Еще раз проверь.

В.: Во мне больше ничего. Может, у тебя что есть?

П.: У меня?! Впрочем... Почему бы и нет? Давай проверим. Я готов.

В.: Что ты видишь? Какой образ связан с больницей?

П.: М-м-м... Ого! *Капкан!*

В.: Капкан? В какой части тела?

П.: Ни в какой. Просто вижу. Железный. С зубьями. Но — странное дело! — закрытый. Правда, есть некоторое противоречие: капкан, но закрытый? Если капкан, то он должен быть открыт.

В.: А кто его поставил?

П.: Кто? Зина!.. Зина? И мне тоже?

В. (*с интонацией чуть-чуть язвительной*): Как ты, однако, чувствуешь... И что она?

П.: Она явно чувствует себя женщиной.

В.: Еще бы!

П.: Я это по ее взгляду понял. На следующий после того дня, как я тебя откачивал, можно было, наконец, вокруг посмотреть. Я тогда внимательно всех осмотрел: не пропустил ли еще какого некрофила? И — она! Под контроль поставить может и, возможно, тебя уже и поставила. И еще — женщиной себя чувствует.

В.: Так. Продолжим. Что будешь делать с этим капканом?

П.: Сейчас порассматриваю... Все! Ой-ой!! Ой!

В.: Что такое?

П.: Сердце! Ой!

В.: Что там в сердце?

П.: Тоже капкан. Второй. Сейчас разожму... Сердце рвет!.. Ой! Все! Нет. Ой!

В.: Что?

П.: Там что-то еще есть. И тоже от Зины. Ох, как больно!

В.: Так. Спокойно. Все будет хорошо. Что это?

П.: Арбалет. Со стрелой! И стрелой — прямо в сердце!

В. (*с интонацией язвительной*): Какой ты, однако, чувствительный.

П.: Ты второй раз уже эту фразу говоришь. И интонация какая-то... особенная.

В.: Так... Продолжай работать.

П.: С сердцем все... Все?.. Ага!.. Все, не болит больше. Хорошо. Открываю глаза... Уф! Вот тебе и Зина! Один раз-то на нее всего и посмотрел — а столько нахватался. Впрочем, может, если бы и не смотрел, то все равно все те же самые штуки от нее и были бы. И не заметил бы, от кого.

В.: Зато *она* тебя заметила.

П.: В каком смысле?

В.: В таком. Пробудил ты ее. Говорит, что вся не своя становится — так ей хочется тебя потрогать. Хоть руки в наручники заковывай.

П.: Что-о-о-о?!?!!

В.: То самое. Много лет, говорит, никто не мог смутить ее женского спокойствия — а тут *на* тебе, в больнице! Так влюбиться!

П.: Что-что?!! Это *она* такое *тебе* говорила?

В.: Да. Она.

П.: *Тебе?* Почему *тебе?*

В.: А кому? Дежурному врачу, что ли?

П.: Тоже верно... И что же ты?

В.: Ничего. А что я должна была сделать?

П.: Не знаю. Но, согласись, ситуация странная. Она же тебя воспринимала моей женой... И тебе же душу изливала. Оно конечно: лежали рядом, ты ее подкармливала, в сущности, от тебя одной тепло к ней шло, но... Однако, интересные у тебя должны были быть переживания! Одна-единственная в палате нестарая женщина — и та влюбляется в твоего мужа. Как же я сразу не заметил? Ну и дела...

В.: Ой-ой! Разулыбался! Вы только посмотрите на него! Кот ты! Кот!

П.: Да, улыбаюсь! А что, плакать, что ли? А что касается кота, то я... Да что ты такое говоришь!

В.: То самое! А то, пожалуйста, возвращайся, она там тебя ждет. Женщина состоятельная. Приятно-то как ему, надо же!

П.: Послушай, я, конечно, после твоего возвращения никак не успокоюсь, восторженный, соображаю слабо, но не настолько, чтобы не заметить некоторую несообразность: ты была предана твоей сопернице. Это неестественно. А меня ты уничтожала.

В.: Потому и уничтожала.

П.: Ах, иуда. Это была как бы не ты. Но ты *допустила*. Это значит, что какой-то корешок зла в тебе остался.

В.: Оставим. Про кота беру обратно.

П.: Ты не подумай, я не спорю: мой недостаток — самолюбование, прихвастнуть опять же... Ну так у кого нет выкрутасов? А что лучше: самолюбование или подпадать под зависимость от разных Зин?..

В.: Все, проехали.

П.: Ладно... А что *ты* чувствовала, когда она тебе признавалась в том, что в меня влюбилась?

В.: Ну-у...

П.: *Первое* чувство?

В.: Первое? Приятно.

П.: Знай, дескать, наших! Да?

В.: Кот ты!

П.: Милая, да разве кто может мне быть нужен кроме тебя?.. Да и вообще, чудеса какие-то: повадились в меня влюбляться эти самые со своим металлом... Проходу нет от этих экстрасенсорш-целительниц! Просто замучили! Стоит где появиться, так сразу...

В.: Бедная я, несчастная! И как только мне жить дальше!? Я уж чувствую, *что* мне с тобой придется претерпеть! Больница — ладно! В Хаббард-центр придешь — так от посетительниц до сотрудниц! Но ведь и в церкви тоже! Казалось бы: такое место — церковь. И день святой, а не успела руку твою отпустить, не успела отвернуться — тут как тут! В лучшем случае, делает вид, что вопросы задает, а то и вовсе по-простому... Я этой Зине так и сказала: бабы попросту липнут!

П.: Все. Пора завязывать.

В.: С чем?

П.: С психоанализами и психокатарсисами. А то совсем в биоиганта перекуюсь! А ведь раньше так не было! То есть бывало — набрасывались, но ведь не в такой же степени! И чего им только не хватает?.. А когда она тебе в первый раз призналась?

В.: Да сразу же. После твоего первого ко мне посещения.

П.: Сразу... Ну, бабы! Ну, бабы!.. И ты все знала! И мне ни единым звуком! В кресле разложила и пытает: что там у меня внутри от Зины осталось! Абсолютный контроль своего мужчины! Ну ты и... Ну ты и... женщина!

В.: Преувеличиваешь.

П.: Ты еще смеешь шутить?!

В.: Абсолютный контроль! Кто бы говорил! Это я, наивная, все тебе сны мои рассказывала, не знала, что ты их умеешь прочитывать. А кто невестку мою, Олю, проверял, как ее подсознание на меня реагирует? А кто других насчет меня проверял? Этим, между прочим, ты очень меня обидел.

П.: Обидел? Так ты же гордиться можешь: так не проверяют даже в секретных службах. Ты не обижайся. Войди в мое положение: я уже сам себе не доверяю. А как мне было убедиться: подавляющая ты или нет? Тоже ведь влюбилась? А до сих пор это мне кроме неприятностей ничего не доставляло. Но и ты можешь меня на чужих подсознаниях проверять, я не против. Пожалуйста! Я не думаю, чтобы тебе был нужен такой человек — близкий, — который от тебя хоть что-нибудь скрывал. Я имею в виду нечто существенное для взаимоотношений.

В.: И все-таки...

П.: То-то я смотрю, что ты после того, как из больницы выписалась, вроде как уважительней стала ко мне относиться.

В.: Это не из-за Зины. Я... Ты... Это из-за другого. А из-за чего — не скажу. А вообще-то ты выдумщик! *Писатель!*

П.: Может, я и выдумщик, но рассказываю всегда так, как и было на самом деле. Но как бы то ни было, стрелой в сердце — это не шутка. Да еще когда сверху капканом застегивают, чтобы незаметно было! И что они так на меня повадились? А?

Глава пятьдесят четвертая.

ХАРАКТЕРНАЯ ДЕТАЛЬ

Рукопись своего рассказа «Дьявол» Толстой прятал в обивке кресла — от своей непомерно ревнивой партнерши. Прятал до времени посмертных изданий. Но он был уже стар, и ждать их оставалось недолго. А что делать автору этой книги с тем, что еще в большей мере достойно обивки кресла, если автор всего лишь в том возрасте, в котором Лев Николаевич работал над «Войной и миром»? Ждать посмертных изданий в таком возрасте не стал бы даже Толстой. Так что, не взъщите... Единственное незавершенное дело великого Льва Толстого надо довести до конца.

П.: ...Сколько себя помню — иначе как в крепкой дружной семье верным мужем я себя не мыслил. Совсем не в такой семье, как у моих родителей. Естественно, что всякий союз был *навсегда*. Но на удивление из раза в раз оказывался в положении, которое называют любовным треугольником. Причем всегда одного и того же качества.

Нет, я не наставлял рога никому и никогда (разве что по незнанию), хотя такие предложения мне делали жены, пожалуй, всех моих знакомых. Из десятков семей! Подчеркиваю — *знакомых*, не друзей. Но, несмотря на такую, казалось бы, успех, в треугольниках всегда уходили не *ко* мне, а *от* меня. И только с жизненным опытом понял, что, как бы женщины ни отличались друг от друга внешне или своим образованием, с любой из них у меня всегда воспроизводился, в сущности, один и тот же тип взаимоотношений: подбирал какую-нибудь растрепанную (или, наоборот, очень аккуратненькую), она рядом расцвела, а потом — бац, треугольник, она уходила, быстренько вновь становилась ободранной или лихорадочно оживленной. *Так* ей было лучше... Да, всякий раз одно и то же: вначале лихой кавалерийский наскок очередной офицерской дочки, утрата ею фригидности, а потом... потом как-то разом я из их памяти исчезал. Забывали еще до разрыва. Не так, как обычно показывают в кино: трагические расставания, слезы и истеричные сопли, а... Просто забывали. Обидно всякий раз было... Упорно напрашивался вывод, что я хуже других... Но если так, если хуже, то чем? Естественно, для того, чтобы это понять, я присматривался к тем мужчинам, к которым от меня уходили. И выяснялось, что всякий раз предпочитали мужчин, которые, с точки зрения словесно возвещаемых в нашей культуре ценностей, мне многократно уступали. Во всех смыслах. В мускульном. Интеллектуальном. Физиологическом, — я имею в виду не только потенцию, но и внешность тоже.

К примеру, женщины как заведенные повторяют, что им нравятся мужчины высокого роста. Пожалуйста — в строю стоял одним из первых. Широкие плечи, говорят, нравятся? И это — пожалуйста. Следующий после максимального размер пиджака. Сила? В прошлом борец. Второй полутяжелый вес. Образование — высшее, язык неплохо подвешен, начитан, приключений жизненных — море, есть, о чем рассказать. Не изменяю. Не пью. Курил — бросил. Деньги зарабатывать умею. Руки — ювелира. Опять же, выражаясь языком В., — оранжевый. Это я про половую чакру. Но уходят! Чего-то, значит, не хватает. Но чего?

Женщины, разумеется, сами себя за тысячелетия объяснять не научились, не в силах осознать, *чего* же им хочется. Слова — пустое, произносятся те, какие первыми на язык подвернутся. Скажем, одна дама все время повторяла нашим общим знакомым, что ушла от меня из-за того, что у меня нет постоянного заработка, денег мало, *потому* она чувствует себя *неуверенно, тревожно*. Да, у меня тогда работа тоже была гонорарная (не писательская — ювелиром был), в один месяц могло выйти меньше, чем в другой. Но в среднем за год получалось существенно больше, чем у многих. Чем у большинства. Но она в поисках «уверенности» уходит к другому, а потом мне знакомые передают, что достоинство новой связи она объясняет именно большими доходами. Приходила к нашим общим знакомым и часами рассказывала, на что и как она тратит твердый оклад своего мужа-станочника: столько-то на питание, столько-то ему на сигареты и выпивку, столько-то на то, столько-то на это, и вот столько остается. И говорила, что ей *хорошо*. Все бы так, все было бы очень *похоже* (жадна она просто патологически, за деньги с родных кожу живьем готова была содрать, они ее даже боялись), и все, повторяю, было бы похоже на правду, если бы... если бы я в то время не зарабатывал в три раза больше, чем та, третья сторона треугольника. И даже больше, чем в три, потому что тот выпивал, а следовательно, часть пропивал, а я — нет.

Тот еще и курил. Причем дешевые. Самые дешевые и вонючие кубинские сигареты. Но и крепкие, конечно. Лучшие в смысле раскачивания садо-мазохистского маятника... Да, вот так она себя объясняла — при деньгах стала, *потому* и счастлива. И это не дура какая-нибудь говорила, с тремя начальными классами образования, а, наоборот, образование высшее, родители интеллигентные, причем не в первом поколении, все начитанные, да и она сама тоже... А я тоже хорош: верил, что человеческие объяснения мотивов своих поступков соответствуют действительности... И от попыток понять и совместить воедино услышанные рационализации только начинало ломить в висках.

Можно и другие примеры привести. Но надобности нет — все они, в сущности, одинаковые. Всякий раз возникновение треугольника объясняли одним, но истинное во мне «не то» было что-то иное, чего выразить не то чтобы не хотели, а просто не могли. Первое, что я понял, так это то, что если и предпочитают высоких, то не всяких. Потом понял, что вранье и то, что любят умных. И то, что верных. И то, что нежных... А что любят?... Думаете, эротические утехы? Двенадцать бо-

родавок? Только на словах. А любят на самом деле — кайф! Предсмертное состояние любят! Умопомрачение! Безмозглость. Ох, не сразу я понял, что стержень этого мира тот, что **кайф правит миром!** А остальное — марионетки! А кайф — та же смерть.

Итак, высшая бессознательная цель — забыться! Для всех. С той лишь между мужчинами и женщинами разницей, что мужчины по нечувствительности предпочитают метод химический, а женщины — энергетический. Но цель одна — восторг!..

Предавали меня все. Была, правда, одна девушка, которая была предана мне более других. Ей доставляло удовольствие надо мной издеваться и раз удалось довести меня просто до бешенства, наматал я на кулак ее волосы, сунул ее головой в унитаз — и спустил воду... Так она мне потом такие письма с объяснениями в любви писала — куда там Софье Андреевне или последней российской императрице!..

Да... И во всех этих историях была одна характерная деталь. На третьем, так сказать, этапе. На первом кавалерийские наскоки с объяснением в любви и утратой фригидности. На втором — измена. Уход к другому. Но всегда почему-то очень быстро возвращались. Впрочем, на время, чтобы потом уже уйти навсегда. Таким образом, после измены всегда был период, когда они пытались ко мне приспособиться! А почему бы и не попытаться, раз современная культура внушает, что развод или краткосрочные связи не столь практичны, как брак: скажем, есть опасность заразиться каким-нибудь вирусом... Словом, дань логическому мышлению. Но не подсознанию. Со мной, как я теперь, наконец, понимаю, не было *кайфа*. Не восхитительный я, как этот клавишный дятел Танеев! Значит, надо приспособливаться. А приспособиться они могли одним только способом: символическим! Выискать во мне что-то некрофилческое!

И в поисках этого, если не поля, то хотя бы его невротизирующего суррогата, делали весьма примечательное открытие: для того, чтобы возбудиться, чтобы им стало особенно *хорошо*, им необходимо было сакральное отверстие — да что мне все время прятаться за эвфемизмами?! — чтобы в постели некрофилкам стало *хорошо*, им нужно было мне *сраку вылизать*!! И если бы так поступала одна только дама, то можно было бы подумать, что случайность, какое-то психическое отклонение. Но когда *одна, другая, третья!*..

Причем, эта характерная деталь поведения появлялась строго при одних и тех же условиях. *После измены*. Не до измены, не в какой-нибудь момент, когда, казалось бы, ей могло хотеться меня улажить — нет, *это* было *после*, это было *для нее*... Это теперь я понимаю, что измена — лишь один из поступков, приводящий к повышению анальности. Таким поступком может быть и переезд из Яснополянской усадьбы в столицу, кража в магазине, немотивированный испуг, наконец. Да и мотивированный тоже. Испугалась, предположим, дама сверх комфортного для нее уровня, и, чтобы забыться, ей нужен уровень некрополя больший, чем она в своем доме создала, выбрав соответствующего мужа. А как это сделать? Она должна у *партнера* повысить уровень

опьяняющего некрополя. Что она сделает? Бутылку спиртного *партнеру* преподнесет, блок сигарет, якобы необычных. А он будет пыхтеть ими усиленно, превращаясь в заплеванную пепельницу... Но есть и чисто психологические способы: разозлит своей анальной тупостью или заставит ревновать, вплоть до покушения на убийство, — тоже приятно.

А со мной что? Не пью, не курю, с ревностью тоже сложно. Вот на анальную тупость, каюсь, реагировал. Порой бурно. А можно проще, без всяких психологий: ноги мне закинула — и языком в ... *Ка-а-айф!*

Но это сейчас я в состоянии объяснить, потому что знаю про групповухи, про участие в них импотентов, про любовь народа к копрофилам, про анальный тип характера и про редкий генитальный...

А тогда я ведь ровным счетом ничего не знал ни о Гитлере — коммунисты сведения о третьем рейхе скрывали, — ни о вкусах «любящей матери» Софьи Андреевны...

Да, и самое главное: не знал, что с *половинкой* у меня все совсем по-другому! Да еще помог психокатарсис с его возможностями прочтения приказов от вколоченного железа!

Так что же для некрофилок, жухлых и ярких, в мужчине важнее всего?! Некрополе! Дарующее чистейший, незамутненный кайф. А испражнения — символ, ключ к проваливанию в невроз, где этого некрополя было с избытком. Но эта имитация кажется невротической только для внешнего наблюдателя. А для них — счастье. *По-о-о-о-льное* погружение... В говно.

Сейчас-то я, конечно, понимаю, что с предпочтением пьющим и курящим партнером они, возможно, занимаются сексом вполне нормативно, то есть, манипулируя (или делая вид, что манипулируют) зонами, о которых традиционно внушают, что они эрогенные. И это естественно: дешевые вонючие сигареты не только расквашивают маятник садо-мазо, но и создают ощущение вылизывания в загаженном общественном туалете плевательницы, что и без проникновения языком в анус создает у жухлой ощущение того, что она теперь уже полностью погружается в то место, в которое со мной могла дотянуться только кончиком языка. Да-да, в надежде хоть кончиком языка выискать случайно не смытые кусочки экскрементов, пусть раскисшие, а не твердые, или, наоборот, лучше — *раскисшие!* А новый-то партнер теперь такой *весь!*..

Да, такие вот дополнительные и необходимые сведения о некрофилии вообще, а об идеальных женах и любящих матерях, в частности... Образцовых, в понятии толпы, христианках.

Гадостно рассказывать, но что поделаешь?!.. И хотя противно и неприятно, говорить обо всем этом надо. Именно потому Толстой и намеревался обо всем этом написать, что истинные закономерности происходящего на нашей планете только и постигаются что через научное рассмотрение крайних, предельных случаев. И вот только при таком рассмотрении и выясняется, что для средней и не очень средней женщины в мужчине самое важное не то, что он при деньгах, не то, что он удачлив, не то, что он ярко-оранжевый или **умеет понимать** Веласкеса

или Рафаэля, а то, что он — говно. Что такова его глубинная сущность. Все же остальное — общие интересы, марка машины, симфонические концерты — только арабески на *основном материале*... Глазурь на торте.

Ведь до каких пределов ехидства простирается грех! Узнает какая, что подруга до судорог наслаждения тянется языком (буквально или символически) — разыграет тошноту, причем так по-адлеровски, что ей же самой тошнота покажется естественной. Это, видите ли, — отвратительно! А встать в кружок и начать хвастаться мужьями, где и чего тот урвал, или как быстро добился очередного повышения в иерархии — от этого не тошнит! А ведь это — то же вытягивание языка! Одним словом, язычество, дескать, смотрите, что удалось слизнуть! Хвастовство — это гордость, жадность, желание опередить, а это — некрофилия. А некрофилия — это *основной материал* на кончике языка! Это же сверх-архисимвол нашей падшей планеты — хвастающиеся, становящиеся в кружок, и с до судорог вытянутым языком, дескать, вот, вот, вот!!.. И все — в ж... ! Добровольно!!!

А то, что для обычной и яркой женщины главное в мужчине, чтобы он был говно, — так *это весьма библейская мысль*. Библейская, если довериться оценкам пророков, что мир этот избрал грех. И поэтому биофил — если он действительно развивающийся биофил, — оказавшись под ярмом с некрофилкой даже всего лишь жухлой, в конечном счете обречен со временем оказаться в положении пренебреженной стороны треугольника. Это неизбежно. Неизбежно, как неизбежно было то, что от апостола Павла ушла жена (а интересно, длинный ли у нее был язык?), потому что выходила она не за христианина, а за будущего или уже состоявшегося раввина национал-признанной религии. Неизбежно, как неизбежно то, что любая фуфела не могла не изводить Льва Николаевича. И не лезть ему языком в определенное место. Все повторяется, и нет ничего нового под солнцем... Ненависть ко всякому, чья речь хоть отчасти разумна.

А что поделаешь? За удовольствия вечной жизни надо платить.

Глава пятьдесят пятая.

ШАБАШ

Те, кому случилось подсмотреть шабаш, впоследствии рассказывали, что это такое мероприятие, на которое собираются женщины (как принято полагать, ведьмы) и совершают сношения с мужчинами (как принято полагать, колдунами) и невидимыми духами (как принято полагать, бесами). Но это — лишь толкование. Попытка объяснить следующие феномены:

1) Участниц-женщин больше, чем участников-мужчин, что всегда наблюдается на мероприятиях, которые традиционно принято называть религиозными (в смысле общения с существами более могущественными, чем люди);

2) Женщины на шабаше изгибались так, как они обычно изгибаются при действии, которое традиционно называют совокуплением, т. е. каждая из участниц лежит, катается по земле или конвульсирует (иногда ритмически) с раздвинутыми ногами, руки ее как будто кого-то обнимают. При этом между ее ногами партнер может быть, а может и не быть.

Толкование шабашей как разнузданного *эротического* поведения встречает ряд трудностей. Если избыток женщин пытаются объяснить присутствием на шабаше совокупающихся бесов, то обретенное знание об участии в групповухах импотентов, похоже, полностью лишает теорию о массовом на шабаше *совокуплении* всякого основания.

Ну а позы соития, которые на шабашах принимают женщины, что они означают? Разве эти позы не достоверное свидетельство о происходящем половом сношении? Что это, если не *это*?

Ответ прост. Всякому состоянию психики соответствует свое положение тела, поза. Если человек доволен, он улыбается. Если человек хочет выглядеть довольным, он тоже улыбается, хотя и несколько натянуто. Если человек собирается кому-то сделать внушение, его тело группируется в некое подобие готового к удару кулака. Когда человек хочет впасть в состояние восторга — обезуметь под действием некрополя — он раскидывает руки, запрокидывает голову и раздвигает ноги.

Ошибочное толкование подсмотренного на шабаше основано на анальности мышления. Причина и следствие перевернуты местами. **Не шабаш есть некое подобие супружества партнеров, а супружество партнеров есть небольшой шабаш!**

А вы спросите *партнера* страстно влюбленной женщины, у которой клитор полностью нечувствителен, а влагалище более напоминает могилу, что она ему, своему партнеру, во время соответствующего времяпрепровождения говорит? «Мне *и так* хорошо!» А что говорит мужу ваша соседка справа? А слева? Не то же ли самое? Не *и так* хорошо, а **только так и хорошо!**

Глава пятьдесят шестая.

«НЕТ НИЧЕГО НОВОГО ПОД СОЛНЦЕМ...»

Теперь рассмотрим подробнее особенности психологии той патологически жадной (накопительского типа) дамы, которая предпочла мужчину, зарабатывающего в три раза *меньше*, чем пренебреженный П. На первый взгляд может показаться, что это предпочтение говорит о том, что она от жадности освободилась, но на самом деле как раз наоборот: ее поступок — закономерное развитие ее накопительского (точнее, анального) характера. И совершенно естественно, что, встречаясь с общими знакомыми, она искренне объясняла свое счастливое состояние тем, что наконец-то в ее доме появился *денежный* мужчина. Парадоксально не только учение Христа, но и поведение тех, кто следует противопо-

ложному принципу. Итак, какие характерные детали жизни этой дамы полнее всего характеризуют этот тип характера? Какие подробности наиболее существенны для осмысления закономерностей ее судьбы?

Ее взаимоотношения с П. были длительными, с частыми расставаниями (по *ее* инициативе), порой на несколько лет, и именно вследствие этих расставаний она как объект изучения особенно интересна: точки перехода из одной «фазы» в другую всегда насыщены информацией — это всегда конфликт.

Она соблазнила П., будучи девственницей, и через год к клиторальной возбудимости прибавилось и вагинальное оргазмирование. Но вот дама страстно влюбилась и сошлась с другим. Но *там* все кончилось быстро, буквально два-три коитуса — и ее отослали прочь. Она вернулась обратно к будущему П. вся в стенаниях о своей «случайной» ошибке. Будущий П. по молодости еще не успел сделать того вывода, что, если женщина хотя бы раз предала, то непременно будет предавать и впредь, — а может, просто себя не контролировал, — и простил. Фаза страстного влюбления у этой дамы, разумеется, повторилась, вернее, повторялась периодически, пока после одного особенно гнусного предательства (несексуального характера) они расстались надолго.

Вновь они сошлись уже года через три. В культурном отношении она осталась прежней (впадала в восторг от тех же, что и прежде, книг, кинофильмов, живописи, музыки), но «сексуальные» предпочтения у нее совершенно изменились! Собственные ее гениталии утратили для нее интерес. Клиториальная возбудимость сохранилась, но манипуляции с клитором для нее были ничто по сравнению с тем удовольствием, которое она теперь получала, делая минет. «Оргазмировать» ей нравилось только так, а «генитальный вариант» ей стал попросту скучен. Именно с ней молодой П. впервые наблюдал, что в процессе минета дама вытаскивает изо рта эрегированный объект, нюхает, — *жадно нюхает*, — затем продолжает прерванное занятие, и вновь — вытаскивает понюхать. (Так поступают многие девушки и женщины, но не все — некоторым удается нюхать, не прерывая *процесса*.)

Потом опять расставание, после которого дама активно знакомилась с мужчинами, причем довольно-таки простым способом. Рядом с ее многоэтажкой был парк, где собирались любители поиграть в волейбол. Она присоединялась к играющим, делала несколько передач, потом минут через пять выходила из круга, и всегда оказывалось так, что еще кто-нибудь тоже выходил — и она вела его к себе домой.

Такое времяпрепровождение развивает не столько навыки, сколько душу, — и это неизбежно. В следующее с будущим П. примирение она добралась, как вы уже догадались, и до его ануса...

В это время ей минуло тридцать лет — возраст, в котором подводят первые итоги жизни и решают, как распорядится следующим десятилетием. Если через несколько лет именно в этом возрасте и даже раньше (в 29: дама была его старше) П. присоединился к Церкви, то она, напротив, особенно рьяно занялась накопительством, причем, подобно Софье Андреевне, за счет родственников и не гнушаясь никакими прие-

мами. В это время и образовался очередной «любовный» треугольник, для П. уже привычный, в котором, естественно, вновь предпочли не его. Особенность ситуации заключалась в том, что на этот раз он решил с соперником бороться.

Причина? В таких случаях, перефразируя известную поговорку, можно сказать: *ищите третьего*. Казалось бы, *третьим* должен был быть очередной претендент на «любовь» той накопительской дамы. Однако это не так. Именно в эти дни у будущего П. умер отец. Узнав о его смерти, будущий П., придя в совершенно немыслимое состояние, пришел к той даме сообщить, что вчера умер отец, что ужасно *плохо*, а в ответ... услышал, что оформился очередной треугольник, более того, она выходит замуж и потому все «эротические» отношения прекращаются. Но П. решается за это дрянцо бороться и с претендентом на положение супруга встречается. Вел себя будущий П. гнусно. В частности, глядя на испещренное морщинами (П. тогда назвать их характерными еще не мог — по незнанию) лицо «счастливого» соперника, он зачем-то рассказал ему о многочисленных «увлечениях» его будущей жены. Но обилие предшественников на счастливицу впечатления не произвело, он сказал только, что *все утрясется, ничего, идет процесс притирки, все утрясется, ничего, все будет хорошо...* Словом, все как в кино о «настоящей любви». Только было непонятно, что должно было утрястись, и к чему эти слова, как-то все это не к месту, когда речь идет о вкусах матери возможных его детей. Доведенной до автоматизма гипнотической формулой П. эти слова тогда назвать не мог — по незнанию.

Про анус, однако, П. рассказывать не стал.

Но лицо брачующегося П. запомнил: такие на нем борозды, столь отчетливо выдающие порочность натуры, он видел только у отца (!) самой дамы, одного священника, одного очень результативного «евангелиста» и у десятка преступников.

Замуж дама вышла. Свадьбу молодые отметили своеобразным образом: выбрав время, срубили в общественном парке елку и приволокли домой. Сперли, если попросту. Скоммуниздили.

Потом она стала рожать. Родила она не меньше четырех детей, — по нынешним временам это непривычно много, следовательно, по идиотическому мышлению обывателя, это есть вернейший признак любви к детям. Да, славную бы историю на этом материале могли состряпать женские журналы! Или иерархохристианские. Дескать, была плохая, встретила настоящую любовь, полюбила (покаялась) и посвятила свою душу детям. Верная жена, любящая мать, хранительница дома... Он же, видимо, идеальный любовник (двенадцать бородавок? высоконравственная натура?), раз смог «возродить» к семейной жизни минетчицу, копрофилку и шлюху...

То, что она не притворяется, а действительно «счастлива», следует хотя бы из числа ее детей. Женщина более подавляющая, чем муж, непременно воспроизводит *свою* семью детства, но не семью мужа. Дама была старшей сестрой из *двух* детей. У матери ее матери детей было

трое, но снижение числа детей в поколении той голодной эпохи — явление всеобщее. Это снижение связано не с психологическими процессами и наблюдается во время всех голодовок. Просто нечем кормить. Итак, если бы «вела» дама, то детей бы у нее было непременно двое, может быть трое (маловероятно), но уж никак не четверо (если сейчас уже не больше). Да и само толкование ею причины состояния «счастья» (денег в доме больше появились, чем при П.) говорит о том, что она, как говорится, «от счастья одурела». Словом, состояние ума дамы ничем не отличается от интеллекта любой женщины из комбинации «яркий некрофил — жухлая» (жухлая — в том лишь смысле, что она менее некрофилична, чем партнер).

Что бы нынешний П. посоветовал себе, семнадцатилетнему? Тому пареньку, который оказался с женщиной более старшей (хотя и девственницей). Как можно распознать типично авторитарных дам, скрывающих свою анальность, как отличить их от потенциально генитальной женщины, которая, став *половинкой*, чудесным образом превратится в интереснейшую собеседницу, великолепную любовницу, хотя и *непохожую*? Признаков анальности множество — сотни и тысячи. Курение и удовольствие от выпивки — это признаки анальности, конечно, откровенные, поэтому в интеллигентных слоях населения девушки стараются хотя бы не курить. (Дама, о которой мы рассказываем, не курила, хотя выпить при убедительном поводе не отказывалась.)

А каковы более тонкие признаки авторитарности?

Несочетаемость этой дамы с П. просматривалась еще до того, как она «сложила на жертвенник любви» свою девственность. Эпоха та была, разумеется, еще коммунистическая, хотя за анекдоты уже не расстреливали и даже сажали редко. Люди начали петь не только то, что нравилось партийным бонзам. В частности, в шестидесятые годы зародилось, как они сами себя мыслят, духовное коммунистическому режиму сопротивление. Одной из достаточно популярных интеллигентских форм были так называемые Клубы самодеятельной песни — КСП. В каэспэшных песнях встречались намеки на тупость государственных чиновников, бредовость коммунистических идей и призыв, как и в прежние времена, склониться перед иконами. Песни пелись под гитару, желательнее, в походах, у костра, — и не только среди близких знакомых. Несколько раз в год устраивались так называемые «слеты каэспэшников». «Слетались» в лесу, местонахождение было окутано демонстративно строгой тайной, якобы для того, чтобы на слеты не проникали случайные, сторонние, «бездуховные» люди — приглашались только свои. Итак, конспирация, психологически возводящая участвующих в ранг если не *императоров*, то хотя бы *признанных*, палатки, маятники бликов от костра, истомляющее всеобщее бодрствование, — а то и на две ночи закатывались, — выпивка. Последнее не возбранялось, и хотя культ водки не было — приносили с собой все. Нравы «дружеские» — тот, кто на гитаре играть не умел, мог переходить из одного кружка в другой. Все это называлось романтикой, и на эти слеты страстно стремилась та нюхоминетчица, монетчица и копрофилка.

Прошло несколько лет после падения коммунистического режима, и вдруг выяснилось, что *все самые популярные казпэшные исполнители были внуками (!) крупных (!) большевистских (!) иерархов!* Это наблюдение требует осмысления, потому что открывает истинную сущность происходившего под вывеской «самодеятельной песни». Надо иметь в виду, что эти внуки оказались идеологами уничтожения коммунистической России, победителями — в точности той же психологической роли, что и их деды, которые, поступали как будто бы наоборот — уничтожали царскую Россию.

Сын на отца часто бывает не похож, но на деда со стороны матери (особенно некрофильской) он похож непременно: анальная мать в сыне хочет видеть самого дорогого для себя мужчину — папашу-вора (коммуниста), таким сын и становится. (Скажем, Сергей, брат нашей В., коммунистов поносит, грозит в случае их нового возвращения к власти эмигрировать в Канаду, а сам, как внук сталинских комсомольцев, — вор.) Итак, под гитары в лесах пели, в сущности, все те же большевички, хотя в тексте песен могла быть скрытая хула на большевизм (слова — пустое, главное — желание и способность быть вожжами). А послушать (на самом деле повосторгаться, покайфовать) рвались минетчицы и копрофилки, будущие «хранительницы дома, любящие матери и идеальные жены». (Из чего, вообще говоря, можно сделать достаточно строгий вывод, что большевистский переворот 1917 года поддерживали и вдохновляли все те же, не способные на гениальные взаимоотношения, женщины.)

На смену вожакам-идеологам с большевистскими словесами пришли их внуки — песенники и православные (преимущественно) целители, и даже только по этому их кровному и культурному родству можно догадаться о психологическом тождестве целительских групповух и «слетов КСП». Раздевание — атрибут групповухи вовсе не обязательный, половые органы, как выяснилось, не более чем ненужное бремя.

Какие еще есть признаки групповухи? Например, страх. Был ли страх? Да, был, только для его достижения не раздевали девятилетнюю девочку, а в песенках намекали на несогласие с тоталитарным режимом, что даже по постсталинским временам вполне достаточное основание для бесплатной путевки в заснеженную Сибирь. Или утраты возможности пользоваться дачей деда.

То, что ночное бдение («всенощные») сближают до состояния сплоченной стаи, известно, как мы убедились, не только руководителям сект или государственных религий, но и их внукам. Впрочем, если вдуматься, КСП — и то, и другое одновременно. Сначала была секта, и вот уже — государственная религия. С той лишь разницей, что на первом этапе для деструктурирования сознания вместо свечей второго этапа использовали колеблющееся пламя костерков. Сущность некрофильского удовольствия при переутомлении от бессонной ночи — в отключении критического мышления, соответственно, повышении гипнабельности. Вместо кадила и рук, его раскачивающего, — ритмичные движения кисти гитариста у струн: не случайно в казпэшных песнях

использовались лишь три-четыре аккорда — не в музыке дело. Блики света от костра на корпусе гитары — дополнительный деструктурирующий фактор.

Публика тоже, помнится, допускалась избранная. Как и у целителей, «прочищающих каналы».

А что контакт обнаженных участков тел? Как же без этого? Вспомните строки из песни Булата Окуджавы, внука крупного партийного функционера и абсолютного лидера-идеолога окологитарной интеллигенции:

Возьмемся за руки, друзья,
Возьмемся за руки, друзья,
Чтоб не пропасть поодиночке!

Это — гимн «слетов КСП»! Пели его, *взявшись за руки*. Хором. Раскачиваясь. И предварительно выпив. После бессонной ночи. Мечтательно-за мороженом следя за сменяющимся ритмом язычков пламени костра. В страхе, что застучают. Копрофилы. Сформировавшиеся и еще формирующиеся. В окружении себе подобных. Взавшие через пару десятилетий власть в стране. И опять из страны исчезли многие и многие ценности. Как в 17-м году. И опять народу дали новую государственную религию. Которую он и принял.

Разумеется, будущий П. не смог бы в свои 20 лет объяснить причину неприятия «слетов»: о «групповухах» он и слышать не слыхивал, а о психокатарсисе тем более. Но после того, как он с той копрофилкой раз побывал в главном зале своего учебного института на концерте гитаристов-бардов, на групповуху у костра идти отказался наотрез. Пришлось вынести много злобных истерик с имитациями самоубийств, но право оставаться хоть в чем-то личностью он отстоял. [Как тут не вспомнить Софью Андреевну с ее самоубийствами и «музыкантом» Танеевым? А *ее* групповуха? Знаете ли вы, что дирижировать сводным оркестром на открытии главного храма государственной религии (так называемого Храма Христа Спасителя) из многих претендентов был выбран с точки зрения иерархии лучший, *хороший* — всемирно известный гомосексуалист Петр Ильич Чайковский? (Тот самый, о котором в некоторых кругах есть восторженное мнение, что он «великий композитор».) А помните ли то, что отлученный от групповухи Софья Андреевна Лев Николаевич, сам некогда музыкант, к концу жизни от музыки «тащиться» перестал? Помните? Все целостно, не правда ли? Вообще говоря, у нюхоминьетчиц музыка имеет в жизни большое значение. И вовсе не обязательно бульварная, а нередко и так называемая классическая. Восторг, достигаемый посредством музыки, — признак состояния гениталий не менее точный, чем влечение к выпивке, табаку и испражнениям... А в сущности, как по-дурацки складывается жизнь: будущий П. в рот давал, к анусу подпускал, предоставляя его в пользование для языческих удовольствий, а на слет — ни за что! Даже под страхом пусть ее, но все-таки смерти!.. И взявшись за руки с ней тоже никогда не ходил.]

Вот вам тонкие признаки будущей сочно сформировавшейся ко-профилии. А заодно образец альтернативного поведения.

Разногласие между П. и тогда еще только будущей минетчицей (анальщицей?) проявлялось в, казалось бы, мелочи: всего-навсего в том, что П., хотя и не был против песен, но не видел смысла ради того, чтобы их послушать, тащиться на ночь в лес. Если так уж необходимо эти песни слушать, то лучше делать это дома по магнитофону — только так, вне толпы, можно поразмышлять над смыслом текстов некоторых песен, а пустой набор слов остальных опусов пропустить. Но будущая минетчица (а...?) рвалась в *непосредственное присутствие* к тем милейшим молодым людям с гитарами. (А разве есть основание не называть их милейшими? Разве они организовывали лагеря смерти, разве это было делом рук не их дедов, проклятых, кстати говоря, внуками?) Вот и различие. Мелочь, казалось бы, кружок у костра да гитара, но это проявление принципа поиска гипнотического транса.

Итак, мы вновь пришли к тому, что «просто так» ничего не бывает, все взаимосвязано в единую систему: жожаки, пустота произносимых ими слов, их убедительность, неспособность к генитальной эротике даже при наличии гениталий, культ страстной любви и всех сопутствующих ей последствий, страсть к свечкам и периодическим качаниям различных предметов, начиная от кадила с гениталиями, кончая маршированием в строю...

А раз все целостно, то, выявив мелочи бытовых предпочтений, можно предсказать пути развития девушки. Мелочи, которые после того, как ей удастся избавиться от опеки ненавистной ей матери, перерастут в более законченные формы. Скажем, любит она «отключиться» под музыку, значит культ страстной любви ей органичен. Свечки любит ставить, значит, главное требование к мужу, чтобы он был дерьмом. А если так случилось, что ее мужчина не склонен к предательствам и не рвется впасть в умопомрачение, значит она ему за это — языком в анус. А потом, естественно, предаст. Можно, как говорят математики, решить и обратную задачу: выявив «авторитарность» постельных взаимоотношений, можно предугадать, до каких пределов сможет пройти психокатарсис, будет ли затронуто катарсисом тело мировоззрения, и будет ли у данного человека стремление к психокатарсису вообще.

Так получилось, что на страницах этой книги больше говорилось о «половых» предпочтениях женщин. Это понятно, потому что автор — мужчина, и у него была возможность непосредственно наблюдать и сравнивать только женщин. Но и о мужчинах (обыкновенных: жухлых и ярких) можно сказать несколько слов. Что же их больше всего привлекает в женщине? Если их спросить, то они скажут: нравится, чтобы была хорошей хозяйкой и доброй. А что на самом деле? Всякий минимально начитанный человек знает, что смертная казнь через повешенье есть высочайшее половое удовольствие. А как иначе объяснить, что повешенный в конвульсиях эрегирует и оргазмирует?! Каждый

палач прекрасно знает, что трупы повешенных всегда забрызганы собственной спермой. Не приемлющие Библию (и не умеющие ее понять) врачи объясняют это тем, что оргазмирование есть побочный результат: просто пережимаются сонные артерии, начинаются галлюцинации, видимо, эротические, обнаженных женщин, вот и... Словом, все дело в сонных артериях. Хорошо, но как эти самые артерии пережимаются, когда расстреливают, скажем, из пулеметов? Ведь у расстреливаемых те же симптомы удовольствия! Фотографии эксгумированных трупов расстрелянных коммунистами во время революции тех же, скажем, монахов, — производят сильное впечатление: размерами эрегированных половых членов. В особенности мощно они смотрятся на истощенных телах — не потому, что *он* большой, а потому что тело от постов сохлось. Артерии явно не пережимались, но с точки зрения кайфа все прозрачно: когда в тебя целятся или для тебя намыливают веревку, страх увеличивает гипнабельность, а палач рядом уж явно не биофил... Словом, все как в публичном доме, где веревку намыливают на психоэнергетическом уровне. Так что, давайте называть вещи своими именами: для большинства мужчин наибольшее «эротическое» удовольствие — смерть. И неважно, будет ли то повешенье, расстрел или постанывание минетчицы.

Знание о целостности сердца человека (комплекс его поступков, мыслей и скрываемых намерений) не есть нечто новое. Во всяком случае, три с половиной тысячи лет назад Моисей об этом прекрасно знал. Помните тот странный на первый взгляд библейский рассказ об уничтожении Содомы и Гоморры огнем горящей серы? В чем был грех населения этих городов?

И пришли те два Ангела в Содом вечером, когда Лот сидел у ворот Содомы. Лот увидел, и встал, чтобы встретить их, и поклонился лицом до земли...

И пришли в дом его...

Еще не легли они спать, как городские жители, Содомляне, от молодого до старого, весь народ со всех концов города, окружили дом.

И вызвали Лота, и говорили ему: где люди, пришедшие к тебе на ночь? выведи их к нам; мы познаем их.

Лот вышел к ним ко входу, и запер за собою дверь,

И сказал: братья мои, не делайте зла.

Вот, у меня две дочери, которые не познали мужа; лучше я выведу их к вам, делайте с ними, что вам угодно; только людям сим не делайте ничего, так как они пришли под кров дома моего.

Но они...

(Быт. 19:1-9).

В повествовании множество характерных деталей. Во-первых, Лот, защищая гостей, тем показал, что считает анальный «секс» мерзостью — и был спасен. Во-вторых, мужчины города детей от жен имели, следовательно, семя тратили не только на гомосексуальные утехи. Женщины в этом городе были под стать мужчинам, поскольку

именно мать воспитывает из сына оккультиста (гомосексуалиста) — подобные постельно-ковровые занятия не более чем предметное продолжение авторитарного мышления. Дочери таких матерей в подавляющем большинстве случаев на своих матерей похожи, следовательно, на генитальные отношения, даже при умении делать детей, были неспособны.

Иными словами, уничтоженные в древности города мало чем отличались от современных: в них были женщины, которых любили сыновья, эти сыновья страстно влюблялись и были не менее страстно любимы — словом, все они были анальные кретины (некрофилы), которые в жизни ровным счетом ничего не понимали, а если в чем и разбирались, то только в дерьме и способах построения идеальных иерархий (город *весь* собрался — причем в одночасье, прямо-таки армейская согласованность!). Единственное благо, которое они могли совершить — это поскорее умереть. Но, мало того, что они были кретинами — они были деструктивны, а потому любили копить деньги и покупать вещи. Любили зрелища. Поэты писали стихи про любовь с первого взгляда, а кифаристы (от этого слова произошло слово гитара), без которых в те времена не обходилась ни одна попойка, подбирали к ним мелодии. И у них была государственно-городская религия. Они любили ритмично скачущих лошадей и пахнущих собак, поддающихся дрессировке. У них была тюрьма — как и во всяком государстве, они в нее сажали неугодных. Но когда к Лоту в Содом пришли ангелы, в тюрьме не было ни одного отлученного от государственной религии человека. (Иначе и его бы ангелы вывели.) Не было по той простой причине, что инакомыслящих (в смысле, обладающих некастрированным умом) в городе не было. Кроме, разумеется, Лота, которому как недавнему иноплеменнику, а следовательно, недочеловеку позволяли молиться чему угодно. И даже, — представляете! — обходиться без идола в красном углу!

А иконысы чего они предпочитали вешать в своем доме на самом видном месте? Конечно, раз *Содом*, то напрашивается образ Гитлера, когда он фотографировал своих многочисленных женщин в самом «интересном» ракурсе — когда они сверху приседали над ним на корточки. В самом деле, при раскопках часто находят культовые изображения женщин с непомерно развитым задом — правда, эту их особенность телосложения не разбирающиеся в человеческой психологии археологи почему-то трактуют, как преклонение перед *детородными (материнскими)* функциями женщин. Вообще археологам трудно приходится также и при объяснении того факта, что при раскопках на тысячу женских иконосов приходится только одно изображение бога мужского пола.

Так изображение чего было в главном храме Содома? Конечно, не мужское изображение. Женское. Возможно, подобно многим найденным идолам, оно было без лица (а из опыта психокатарсиса мы теперь знаем смысл этого подсознательного символа). Или *она* была «красавицей», а в руке было боевое копьё, как у Артемиды, или она была со

скорбющим ликом (как Кибела над телом мертвого Аттиса), а изображенная вокруг «массовка» учеников вся сплошь была с депрессивными лицами. Словом, все было в точности, как и в наши дни. В присутствии этих изображений на стенах содомические семьи становятся крепче: дети по-солдатски повиновались родителям, мать рожала еще детей, а в доме был только один хозяин. (В Содоме были крепкие семьи, и женщины были «счастливы», как Софья Андреевна рядом с «музыкантом») Одним словом — *порядок*.

Вообще говоря, большинство содомитов (жителей Содома) себя в толпе («от молодого до старого, *весь* народ со *всех* концов города»), требующей у дверей дома Лота «познать» двоих его гостей, обнаружили с удивлением. *Многие даже и не подозревали, что их интересует гомосексуализм!*

Странное заявление? Удивительное? Нисколько. Вспомните ту толпу, которая перед Пилатом восторженно кричала «возьми, возьми, распни Его!», и которая утихала лишь для того, чтобы более явственно были слышны слова первосвященников, прежде считавших себя национал-патриотами: «Нет у нас Царя, кроме кесаря!» (Иоан. 19:15-16). Нет ровно ничего удивительного в том, что патриотически настроенные первосвященники *вдруг* увидели себя преклоняющимися перед римским императором — по их разумению, воплощением сатаны. Точно так же толпа евреев, прежде на логическом уровне убежденная, что она следует за Богом и стремится к справедливости и порядку, вдруг явила себя беснующейся у Лифостротона, где на судилище воссел римский наместник Иудеи Понтий Пилат. Ничего удивительного, ибо таково свойство людей, предназначенных к вечной погибели: при соприкосновении с небесным от них разом отпадает словесная шелуха лестных самоопределений и является их истинное мурло. Рядом с Сыном Божиим некрофилы свою сущность проявили во всей полноте — превратились в убийц. Точно так же, можете не сомневаться, поступили бы и жители Содома. Явись перед этой толпой писатель уровня Льва Толстого, — содомиты бы его не убили (ведь он все-таки — далеко не полнота Слова!), они бы ограничились отлучением его от своей государственной церкви. Тем проявив свою сущность убийц в более жухлой форме — гонителей и злобствующего хулиганья. Ангелы Божьи, пришедшие в Содом вывести оттуда почти генитального Лота, по силе святости занимали положение между Сыном Божиим и Львом Николаевичем явно промежуточное, поэтому толпа с Ангелами промежуточно себя и проявила — не убийцами и не гонителями, а педерастами, *всем городом* желающими «познать» непонятных для их понятийно-цифровых полушарий мозга путников.

Да, грех Содома был действительно в предпочтении анальной «сексуальности», но не только в форме гомосексуализма. Прежде всего, в форме страстной любви. Сodomиты были виновны в том, что способны были только на некрофилические взаимоотношения. «*Жители же Содомские были злы и весьма грешны перед Господом*» (Быт. 13:13). «*Грех их, тяжел он весьма*» (Быт. 18:20). И были сожжены огнем собствен-

ной мерзости, хотя излита была сера. И кто знает, может быть, уже видя изливаемый на них с неба огонь, они и в последние минуты пели:

*Возьмемся за руки, друзья,
Возьмемся за руки, друзья,
Чтоб не пропасть поодиночке!..*

Таким образом, поскольку, как о том пророчествуют Писания, участь всякого анального города и всякой анальной семьи — огонь и небытие, то, по сути, в самой генитальной из всех существующих книг — Библии недвусмысленно возвещается: **фригидные царства Божия не наследуют!**

Глава пятьдесят седьмая, заключительная.

ПИСЬМО

Милая моя Аленька! (Даже имя твое приятно — ласковое, как твой поцелуй!)

Завтра, наконец, заканчиваю первую редакцию рукописи, следовательно, в Москву к тебе — послезавтра, и в честь этого — тебе письмо. То, что мы опять живем врозь — не дело. И что тебе за радость в этом грязном, задымленном, а главное — давящем городе? То ли дело здесь — как хорошо! По календарю зима уже третий день, но солнце яркое, облаков — ни одного, снега нет, ветра тоже. Когда я утром, прежде чем сесть работать, гулял вдоль озера, так даже ступать было наслаждением: за ночь подмерзло, трава покрылась инеем и стала упругая — совсем как снежнозеленый ворсистый ковер. Озеро здесь, как выяснилось, зимой действительно замерзает — пара ночей были холодными, и оно покрылось льдом. Озеро стало гладкое и красивое, и из-за тумана кажется еще шире. Просто-о-ор!

А воздух! Воздух здесь самый, оказывается, лучший — зимой. Конечно, не как в наших местах в сосновом бору после крепкого мороза, но все-таки.

Весь этот месяц редактировал, редактировал, редактировал, и опять редактировал (может быть, поэтому и хочется что-нибудь написать, пусть даже письмо!), но до завершения еще далеко. Иной раз кажется, что самой жизни не хватает. Для чтения, во всяком случае, жизни не хватает. Но кое-что за это время здесь все-таки прочел. Правда, не без потерь. С одним несостоявшимся приятелем пришлось распрощаться, кажется, навсегда — с Сенеккой. «Приятель» — это должно быть очень громко сказано, но, помнится, во времена книжного голода в незабвенные коммунистические времена за его томик в «Букинисте» я отдал свою недельную зарплату младшего научного сотрудника. Что меня тогда больше всего поразило — не знаю, но, скорее всего, то, что он с презрением относился к толпе. Это у него в одном из писем к Луцилию, почти цитирую: ты, Луцилий, пишешь, что тебя одобряют многие, но то, что *многие* — это-то как раз и тревожно. Если подвизающегося в мудрости принимают *многие*, если принимают, а не бьют — плохо дело того философа! Как далек он от истины! Мысль эта меня тогда

поразила. Сенека, между прочим, почти ровесник Христа, родился год в год. А вот умер позже, при императоре Нероне, в 66 или 68 году. При том самом Нероне, при котором казнили апостола Павла. В тот год вообще после пожара Рима из христиан в садах Ватикана устраивали горящие светильники. Только Сенеке голову, как Павлу, не рубили, его, своего наставника и некогда премьер-министра, Нерон приговорил к *самоубийству*. Добровольному. Что тот и исполнил. Его любовница тоже, кстати, как и любовница Гитлера, одновременно с ним покончила с собой. Так вот, философию этого самого Сенеки, стоика, последующие века признали за предтечу христианской философии. Когда я говорю «последующие века», то я, разумеется, могу иметь в виду только государственные формы — католичество и православие, их идеологи Сенеку и признали. Христианин, дескать, ни больше, ни меньше, да и все тут, только имени Христа не поминает. Перечитывал я этого «предтечу» и вдруг обратил внимание на одну важную деталь: рассуждая о друзьях, Сенека учит Луцилия, что друзья становятся такими, какими ты их себе *представишь*! Вот тебе и вдохновитель государственных богословов! Самый тривиальный гипнотизер! В XVIII, кажется, веке, когда еще не было в ходу слово «внушение», так и говорили — «представление». Описывается один и тот же процесс, только слово «представление» связано с состоянием самого гипнотизера, а «внушение» приложимо уже ко всем участникам: гипнотизеру, субъекту, среде между ними. Да и вообще «внушение» несет некий надличностный смысл. Вот так! Достаточно себе *представить*, каким должен быть друг, — и, пожалуйста, таким он и становится. Не удивительно, что Сенека пять лет практически единолично управлял Римской империей, пока император Нерон, согласно о нем *представлению* премьер-министра и воспитателя, актерствовал на сцене, волочился за подставленными (!) ему женщинами и ввязывался в ночные потасовки. Нерон, верно, так до самого «своего» самоубийства и был уверен, что страсти к этим занятиям были *его личными*. И этот тоже: казалось бы, император, а марионетка в чужих руках. И это индивид, который вошел в историю, как независимый в своих злодеяниях! Словом, Распутин — явление надвременное.

Я даже не стал на этот раз дочитывать Сенеку до конца — ну его, с его внушениями. Интересно, пожалуй, только то, что на логическом уровне он смог создать такую философскую систему, которая столь многими воспринимается как нравственная, чуть не христианская. Впрочем, это закономерно: Сенека был государственный (кстати, как оказалось, любимейший автор Софьи Андреевны!), считал, что идею государственную можно соединить с религиозной, а потому без зазрения совести, принимая участие в политических убийствах, писал нравственные наставления. Убивал, в частности, чтобы возвести своего воспитанника Нерона на престол.

А вот Лев Николаевич считал, что учение Христа с государственным казарменным мышлением несовместимо принципиально: получается лишь обман и подлог — за что ему власти келейку в Суздаль-

ском монастыре для изоляции и исправления и приготовили. В том самом, в котором монахи заточили когда-то первую жену Петра I, безвинно им осужденную. А Лев Николаевич не смущался и все равно писал, что ему открывалось.

Толстого в этот раз я тоже читал и с удивлением обнаружил, что он еще и драматург. Ему, оказывается, писать пьесы даже нравилось: дескать, разговор действующих лиц льется как бы сам собой — и «получается хорошо». Не все его пьесы, на мой взгляд, равно хороши, некоторые он даже похоронил в ящиках своего рабочего стола до времен посмертных полных собраний сочинений, но есть такие, которые попросту потрясают! Скажем, он описал Эдипов комплекс с противоположной стороны — с материнской. Оказывается, во времена Толстого матери убивали своих детей следующим образом: клали на новорожденную доску и сверху садились. Кости и череп с хрустом сминались — потом закапывали, часто в своем же погребке. Но самое отвратительное заключалось в том, что прежде чем усесться, матери младенцев «крестили» — надевали нательный крещальный крестик и окропляли. Ведь убить *некрещеного* считалось — грех. Естественно, такую «неизящную» словесность запрещали: в те времена правды боялись точно так же, как и сейчас. Культ некрофилческой матери охраняет любая иерархия.

Прочитать успел только два тома. Мало. А вообще-то Толстого можно по-настоящему читать только там, где он и писал — на просторе. Здесь самое место.

Читать хочется очень. Чем с большим числом подобных Сенеке авторов прощаешься, тем больше хочется в который раз перечитать тех, которые остаются — Библию, Елену Уайт, Толстого. А еще хочется, наконец, разобраться с Платоном. А то мы с ним до конца отношения еще не выяснили. Во-первых, читал не все, во-вторых, довольно давно. Кстати, Платон — это в переводе с греческого «большой», «амбал». Да-да, то самое прозвище, которое было у меня, когда в сибирской тайге работал! Он еще, как и я в молодости, был борцом — отсюда и прозвище. Есть вариант перевода — лоб широкий. Тоже подходит.

Тут тебе многие привет передают, в особенности тетя Зина. Просила тебе передать, чтобы сюда меня одного больше не отпускала: замучилась мне готовить.

Я ее пару раз лечил. Раз полдня лежала без сил, поработали — поднялась как ясное солнышко.

Последние дни после того, как от редактирования голова отключалась, отдыхая, обучал Витю психокатарсису. Сидим, развалившись в креслах, — ну чем не античные философы! А позавчера он решился и провел первый сеанс с сыном. Дениска, казалось бы, заболел тривиальной ангиной — но чего только не оказалось на горле у него навечно! И тряпки, и проволока, и какой-то металл, который они долго резали автогенном. Хотя вирус он и есть вирус, состояние Дениски резко улучшилось. Так что этот городок не без благословения от нашего с тобой здесь пребывания.

Когда я тебе в последний раз звонил и сказал, что выезжаю в среду, я думал, что оставляю себе резервный день. Думал, редактировать за-

кончу в понедельник, а во вторник — приятное перелистывание этой грандиозной по толщине рукописи. Ведь такое перелистывание с вылавливанием ошибок, опечаток, неровностей и просто помарок самое — верно говорю — приятное в писательстве. Но не получается. Сегодня не закончить. И в этот приезд остаюсь в писании без сладкого. А вот если бы ты была здесь, то я мог бы остаться еще на день и насладиться.

Но ты не здесь. Пятый месяц уже пошел после того телефонного сеанса с матерью, от которого наше блаженное до тех пор здесь существование прекратилось. С того-то ее внушения все рухнуло и покатилося. «Все» — это я несколько преувеличил (по-женски), но ведь, согласись, мы же не вместе. С какой стороны ни посмотреть — ты вместо меня выбрала подавление. В первую очередь — матери, но еще города и, может, еще кого-нибудь. Все рационализации необходимости нашего отъезда в Москву — все не сбылись. Говорила: работа, зарплата — зарплату настолько резко урезали, что создается впечатление, что или хотят голодом уморить, или таким образом попросту выживают. Говорила: удобный график работы, сутки на работе отдыхаешь, трое — дома, не обременительно, — кончилось. Говорила: компьютерами можно пользоваться, чтобы делать набор книги, — как нарочно, все их разломали, придется покупать свой. Говорила: нельзя ребенка в другую школу переводить, дескать, привыкла — теперь, спасаясь от непрекращающихся выкрутасов мамыши, сама предлагаешь всем переселиться в каморку папы Карло, ребенка, соответственно, — в другую школу. Говорила: маму, маму (!) нельзя оставлять — а мать с тобой даже не разговаривает.

И чему же мы из всего этого научились? Ты что, признала, что поступила неверно? Прошло больше четырех месяцев, а ты только только призналась, что *не совсем правильно себя вела*. Причем, это прозвучало так, будто ты не раскаиваешься, а сожалешь, что для достижения «своих», как тебе почему-то показалось, желаний просто выбрала неверный стиль. Это ли не болезненная зависимость от матери? Естественно, что на таком основании у нас ничего не получается — и не получится.

А ты обратила внимание, насколько интересно наши с тобой взаимоотношения оказались завязанными на субботу? Пока суббота была в *субботу* — все было в порядке. Я имею в виду, по большому счету. Начиная с того, что мы с тобой вообще встретились, что, как выяснилось, невозможно. А как только ты после материнского внушения от субботы отказалась — все рухнуло. «Все» — опять чересчур, но многое. В Москве сама на богослужения ходишь — ребенка не берешь. Дескать, она еще должна родиться свыше, а пока еще ребенок. А как по заповеди? «Не делай в субботу никакого дела, ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни скот твой». Мне трудно себе представить, как происходит рождение свыше у скота. У меня вообще такие мысли, что у скота с осмысленным покаянием трудности. Поэтому решать запрягать или не запрягать должны не те, у которых копыта раздвоены. У детей рождение свыше происходит, как ты сказала, только с возрастом

(если вообще происходит), но не пускать ребенка ко Христу — преступление против самого ребенка, против Него, против семьи вообще, и даже против ее, дочери, суженого. Я очень серьезно говорю.

Что получается? Пока тебе было плохо, пока ты была задавлена всеми этими цилиндрами в черепе, всяческими нашлепками, грудями металла, которые тебе наложили на плечи, пока ты была проткнута спицей, сдавлена у висков присосками от толстенной ржавой трубы, преграждающей пути вперед, присосками, которые мне своими же руками и пришлось разгибать, пока закована была в наручники на запястьях, в кольцо на пальце, кандалы на ногах, обута в свинцовые сапоги, вколочена в металлическую юбку, пока ты под всем этим изнывала — тогда ты могла воспринимать Библию как она есть. Но как только все устроилось — муж непьющий-некурящий, спокойствие, эротика наивысочайшего класса, и т. д. — так конец, по субботам дочь в школу. Ну, просто классический синдром мужика, который не перекрестится, пока гром не грянет. Но опять-таки пострадала больше всех девчонка. Ведь заметь, пока была здесь, у нее свои суждения были, а как в Москве — только бабулькины. Не обольщайся — твоих нет. Ты что, хочешь, чтобы она в будущем к кому-нибудь с пеной у рта врывается в комнату и визжала, что Библию читать нельзя, но надо сериалы смотреть и свечки ставить? И была несчастна?

Но какую же ты *мне* во всем этом усматриваешь роль? Я что, тоже должен так поступать? Ждешь, что я буду пришиплен к бабской юбке, забуду все то, что Он для меня сделал, и буду прислуживать твоему комплексу кастрации? Или одурманиваться духом болезненного города? Толстой в эту игру играл не один десяток лет, а под конец роскошно так выразился: ради любви я пожертвовал любовью, а в результате не получил ничего! И куда ж там — с ноткой обиды еще написал: *ничего*.

Ты что, хочешь, чтобы я то же самое себе придумал? После всей той красоты, которую я с твоей же помощью перевел на логический уровень?

Может быть, в «черной луне» я, действительно, сексуальный маньяк и извращенец — но не до такой же степени! Менять все на *ничего*, бескрайность на теплую бабскую постель?! Нет! Я 48 лет собираться, чтобы затем тайком сбежать и умереть на неизвестной промежуточной станции, не буду.

Не ты ли сама такому отношению к жизни одним только своим существованием меня научила? И после этого я должен постоянно жить там, где в изобилии водятся только проститутки, коммунисты и целители?!

В конце концов, не ты ли сама дала мне почувствовать, что такое настоящее эротическое наслаждение? Только способность даровать это удовольствие тоже не во власти человека. Как оказалось. Сама, между прочим, раньше еще говорила, что на энергетику влияет все: и мысли, и решения, и взаимоотношения с Богом. Уникальное соответствие *врожденных* биоэнергетических свойств — это, конечно, прекрасно. Особенно в эротическом смысле. Это прекрасно бесконечно, но только ес-

ли смотреть снизу, с уровня обиденщины, но не сверху, где было слияние еще и духовное. Поэтому, естественно, можешь представить и мое эротическое разочарование, после всех твоих последних решений. И еще эта твоя новая фраза: «А кто может знать волю Божью?»

Уж кому как не тебе знать, что волю Божью человек знать может, более того — знает, только делает вид, что нет.

А уж коль скоро ты стала разыгрывать в этом смысле неведение, коль скоро капризы твоей матери для тебя оказались важнее верности мужу, и тем пренебрегла заповедью — уж извини, по эту сторону черты я комедий видел уже несколько, но все по одному сценарию. Дальше — только агония взаимоотношений. А я не любитель агоний.

Да, дело даже не столько во мне, хотя я и убежден, что жить с удовольствием приятнее, чем понапрасну мучиться. Гораздо больше теряешь ты. Соглашаясь быть чьей-либо марионеткой, ты утрачиваешь способность не делать того, что делают все: добиваться в семье превосходства, пытаться все определять, как им кажется, самим. Но я-то прекрасно знаю, что по исследованиям, в реальных семьях, где женщина берется руководить, все более несчастны, чем в тех, где женщина находит в себе силы хоть отчасти быть женщиной. А разве я могу оскорбить тебя тем, что позволю тебе быть несчастной? Да не будет!

Да и с какой стати? Ведь если женщина берется в семье перечить, нагружает на себя противуестественную роль, то она заблуждается, что руководит она, — руководит тот, кто ее зомбировал.

Но не все так просто: *внушили*, да и все. Естественно, что подкрепляется это все ожившими муками комплекса Эдипа, ведь я все-таки, как-никак, точнейший био-энерго-ритмический аналог твоего отца. Соблазн проторенных дорожек «естественен», а он — в отождествлении себя с матерью, в попытке построить семью, в которой муж не просто послушен — смеет. Но соблазн он и есть соблазн, расплата в утрате наслаждений от себя, как от Личности, а, следовательно, и от наслаждения самой жизнью. Остается только боль от беспрестанного воспроизведения положений, в которых женщина не знает, куда самой от себя деться. И ты хочешь, чтобы я тебя на такое обрек?

Осознаю, что я тоже не идеал, характеру есть простор для совершенствования. Насчет своих недостатков я, конечно, заблуждаться хочу — но я молюсь, и верю, что и эти мои проблемы Бог решит так же, как решил многие предыдущие.

Кому как не тебе знать, почему я занимаюсь писательством, ты знаешь, какое участие в выборе некогда совершенно мне чуждого занятия, принимал Господь, ты знаешь, что жизнь я, как и Толстой, воспринимаю лишь с пером в руках — понимать что-либо начинаю, читая то, что сам написал, так уж странно я устроен, поэтому отказ от писательства означает для меня убийство. Убийство себя, поскольку жизнь утратит для меня глубину реальности, но и не только. Главное — во мне Бога. Писать для меня больше, чем жизнь, это — служение. А в Москве, как, очевидно, и вообще в любом скоплении подавляющих индивидов, продуктивно работать не получается. И вообще — грязный воздух, шум,

пыль. Да элементарно — линии электропередач. Знаешь ли ты, что в те северные реки, через которые проложены линии электропередач, рыба на нерест не входит? В реках вода чистая, провода на десятки метров выше уровня воды — а не идет. *Жить хочет*. А в городе этих линий — уйма! Естественно, что в Москве работа у меня идет медленнее в пять раз, не считая того, что кроме как на природе я не могу добиться нужной интонации текста. В Москве, в этом своеобразном многомиллионном «Центре», получается нечто гаденькое, как ежедневная газета.

Но я надеюсь, что тебя влечет в эту грязь не по тем же причинам, что Софью Андреевну. Она мужу и на этот счет жизнь отравляла. Просто ты, видно, на это закодирована, как в свое время была закодирована на переселение душ. Надо бы проверить. Признаки, надо сказать, налицо все. Наверное, что-то такое глубинное, сходное с шестерней от матери, которую ты не позволяла себе видеть целый год.

Решить проблему с жильем можно. Бог не для того нас соединил, чтобы мы месяцами жили врозь. Решение есть. Только надо быть готовым принять *любой* ответ. А ты мне сама говорила, что на *любой* ты не готова. Только с теми и теми ограничениями. Вот и результат. Мне одному ответа не будет — только *двоим*. А в свое время, когда ты ко мне спиной вперед шла, ты с Ним согласилась — *Твоя воля*. Помнится, ты предрекала какой-то мой отъезд — и с ужасом предрекала. Я уже второй раз уезжаю — и опять все в порядке, никаких для нас неприятностей. Почему тогда *ужас*? Тем более что спокойно оба раза отпускала. Может быть, не отъезд, а размолвка? Очень может быть, потому что твои слова подчас темны и неясны, как дельфийские оракулы. Но размолвка — пусть и временная — возможна только при саморазобщении кого-нибудь из нас с Тем, Кто нас свел. А это, к несчастью, может начаться с мелочи. И не только с моей стороны.

Я положу это письмо в самый низ рукописи. Как бы последняя глава. Хорошо, что так получилось, что компьютерный ее набор приходится делать тебе. Многие вопросы при написании мы обсуждали вместе, но многое мне пришлось проработать за машинкой одному. Естественно, чтобы в логических идеях тебе со мной сравняться, тебе, как и мне, надо весь текст проработать пальчиками на клавиатуре. Похоже, действительно *надо*, и я даже не буду искать других машинок: чувствую, наверняка сотрудничество сорвется, как уже сорвалось с Катериной... не помню отчества. И вот, когда ты, набив все главы, дойдешь до этого письма, многое в тебе изменится, и незначительная в наших отношениях заминка, как и всегда, станет лишь новой для нас возможностью подняться на ступеньку выше.

А помнишь, в начале, когда ты не знала, что я понимаю язык твоих снов, ты мне их все пересказывала? Помнишь, ты во сне перелистывала книгу своей жизни*, и твое подсознание поразительно лаконично и

* Всего-то три страницы: первая — авангардистская мазня (слой мужа), вторая — человек без головы (Центр), третья — теплая стена. — *Прим. авт.*

точно характеризовало и то, что с тобой происходило прежде, и то, что у тебя со мной? Помнишь, каким символом отобразило твое подсознание меня? Стеной, высокой прочной стеной, теплой, к которой приятно прислониться спиной, а прислонившись, можно уверенно смотреть вперед, стеной, у которой в каждой песчинке хотя и неровной ее поверхности отражалось яркое солнце? Тот сон, помню, я тебе сразу объяснять не стал, потому что ты бы тогда и не поняла моих по его поводу объяснений. Я тогда сказал только, что ты к этой отражающей солнцем стене не то что спиной вперед, но даже и ход бы подземный сделала.

Ты не поняла, а я не пояснил, чтобы мое умение узнавать сокровенное раньше времени не проявлять. А между тем, все очень просто. Ты тогда настолько со всех сторон была обложена металлом — и сверху, и с боков, и спереди — что свободной оставалась только спина. Ноги тоже были закованы в кандалы и вбиты в свинцовые сапоги, но если бы и спина была закована, а свободны только ступни, то не сомневаюсь, тебя бы не смутили трудности при рытье подземного хода. Милая, как же я тебя люблю!!

А что до знания воли Божьей, то, помнится, после того первого хаббардовского семинара ты ей была премного довольна — во всяком случае, ни разу не жаловалась. Даже наоборот — говорила, что очень-очень нравится. Как в солнечную погоду у моря. Помнишь?

Так что, ненаглядная моя Аленька, давай закинем хоть за горизонт все то, что нас с тобой разделяет. Давай возьмем за руки Того, Кто пока, до Своего Пришествия, разве только на песке не оставляет Своих следов, и пойдем прямо, не сворачивая, пока нас не проведут на берег моря, к старому заброшенному причалу, уже не один год очищенному и обласканному всеми ветрами. Причалу, таинственному своей вдумчивой тишиной, редкими прибрежными цветами и спокойной жизнью подводных зверушек. Они здесь все добрые и только радуются, когда кто-то новый появляется здесь, на этом странном причале.

Но нет, я ошибся: сюда приводят по одному...

Тебе на плечо вспорхнет синичка, и ты спросишь:

— Синичка, синичка, а есть во мне что ненужное?

Синичка ласково потрется клювом о твои тронутые красивой седьмой волосы и склонит чуть на бочок голову, ожидая.

Ты скажешь:

— Помоги мне, синичка. Отнеси *это* куда-нибудь далеко-далеко, чтобы никогда-никогда...

И вместо улетевшей вспорхнет другая, и еще одна, и их будет столько, сколько нужно, чтобы помочь, как помогали всякому оказывающемуся здесь.

А потом ты пойдешь на самый-самый дальний край этого чудесного как весеннее тепло причала и сядешь на бархатные от времени и волн теплые камни, и опустишь в воду, тоже теплую и ласковую, натруженные в пути ноги. И подняв голову и улыбнувшись, мысленно, как и раньше, попросишь Того, Кого Одного только и стоит просить, а обратившись, согласишься, чтобы скорее за тобой приплыл корабль,

трехмачтовый, с белоснежным корпусом галиот с алыми, как наши с тобой имена, парусами. С корабля будет литься музыка, еще более солнечная, как самая дерзновенная человеческая мечта. Корабль подойдет к причалу, но, не дожидаясь, пока опустят трап, прыгнет тот, которому душа твоя улыбалась давно, еще до первой с ним встречи. Он возьмет тебя на руки и поднимет на борт белоснежного галиота, и под алыми парусами мы поплывем с тобою в страну, новую землю, чудесную, как сказка, но которая лучше всех всамделишных сказок и которая никогда для нас не окончится. Так что же, Возлюбленная?! Соглашайся!!

Аленька! Аленька!

А тебе огень-огень!!!

Огень-огень!

Твоя Аленька.

СЛОВАРЬ

(ГЛАВА, КРАЙНЕ НЕОБХОДИМАЯ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ ВВЕДЕННЫХ В КНИГЕ ПОНЯТИЙ И СОДЕРЖАЩАЯ ТАКЖЕ НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ)

АДЕКВАТНОСТЬ — полное соответствие. Адекватное поведение — конструктивное поведение, полностью соответствующее всему множеству сложившихся обстоятельств. Адекватным поведением в опасной для жизни ситуации, в которой единственно верный путь ко спасению — бегство, будет бегство, а не, как это часто бывает, состояние оцепенения. Причина неадекватного поведения — или некрофилические влечения, или неврозы.

АУТИЧНОСТЬ (от английского слова *out* — вне) — устойчивое нарушение связи с действительностью. Если нормальному ребенку вы предложите поиграть в игру «в какой руке», то предыдущие свои занятия он оставит, и станет играть с вами. Аутичный же по-прежнему останется погруженным в себя. Такие дети часто рождаются у подавляющих родителей, реагируют только на подавляющих и с возрастом сами становятся подавляющими — начальниками или обитателями психиатрических лечебниц.

БИОФИЛЫ (*био* — жизнь, *фило* — любить) — те, кто любит жизнь во всех неразрушительных ее формах. Редкий на нашей планете род людей.

ВОСТОРГ (ВОСХИЩЕНИЕ) — предсмертное состояние. Наблюдается не только при интоксикациях разного рода (наркомания, токсикомания, яды и т. п.) и на смертном одре, но и в присутствии любого яркого некрофила (актеров, политиков, жуликов, военачальников, императоров, жрецов и т. д.). Именно потому, что состояние восторга есть основное эмоциональное состояние, к которому на практике стремится обыватель, мы можем считать существующие земные культуры некрофилогенными.

ГЕНИТАЛЬНЫЙ ТИП ХАРАКТЕРА — по Фрейдю, наивысший из возможных типов характера. Достигается он, по мнению Фрейда, лишь немногими, да и то после завершения психоанализа. Это весомое

ограничение — ведь психоанализ своей души не удалось завершить никому. В нашем понимании, генитальный тип характера не определяется состоянием гениталий и даже их наличием — пророк Даниил был евнухом, но деструктивным (анальным) не был. Характерная черта истинно генитального характера — приближение к *половинке* (по двум маршрутам: во-первых, в смысле личного превращения в *половинку*, и, во-вторых, разыскание единственного на планете био-энерго-ритмического своего дополнения).

ГОСУДАРСТВЕННИКИ. — Императоры (правители) с давних времен подметили, что управлять толпой проще, если она является носителем одной, общей для всех идеологии. Желание императоров, даже не высказанное, подхватывается людьми, мнящими себя независимо мыслящими — энтузиастами. В любом народе эти энтузиасты объединяются в иерархии, и среди прочего утверждают, что именно их национальности Бог открыл истину особенно глубоко. На инакомыслящих они воздвигают гонения во имя блага нации (Христос был распят во имя благоденствия, как утверждали священники, народа). Любят пустить слезу по поводу того, что их антихристы гонят — дескать, на них, *на целый народ*, десятки миллионов индивидов, воздвигают ужасающие гонения и плетут немислимые заговоры *два десятка* так называемых сектантов.

ДЕСТРУКТИВИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ — отключение рациональных функций сознания, утрата объектом способности *критически* оценивать происходящее, вследствие чего объект становится более гипнабельным (подвержен внушениям). Способы деструктивизации многообразны, и ими владеют вожаки всяческих иерархий: «религиозных», преступных, военных и т. п. К этим методам относятся: собиранье в толпу (скажем, под видом хорового пения), различного рода ритмические движения (маятник, кадило, поклоны, однообразная жестикация, «эротические» движения), употребление в закрытых помещениях курений, многочасовые монотонные проповеди, и т. п.

ДЕСЯТИСЛОВИЕ — краткое изложение учения Христа в форме десяти заповедей, начертанных на вечные времена Лично Господом Богом Своим Перстом на каменных пластинах (скрижалях) на горе Синай (Исх. 20) примерно за 1600 лет до Своего воплощения в стойле для скота в Вифлееме Иудейском. Ввиду особой важности этого понятия, приведем все 10 заповедей в кратком изложении:

1. Я Господь, Бог твой... да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.
2. Не делай себе кумира и никакого изображения... не поклоняйся им и не служи им.
3. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно.
4. Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя... ни скот твой... ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все,

что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его.

5. Почитай отца твоего и мать твою.
6. Не убивай.
7. Не прелюбодействуй.
8. Не кради.
9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.
10. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего... ничего, что у ближнего твоего.

(Исход, 20-я глава, стихи со 2-го по 17-й)

ЗЕРКАЛО (ЧЕЛОВЕК-ЗЕРКАЛО). — Людям свойственно угадывать свои пороки в других. Есть профессионалы, выучившиеся угадывать (на психоэнергетическом уровне) истинные пороки человека, но и они, профессионалы, ошибаются, вглядываясь в людей со сниженным психоэнергетическим подавлением: всматриваясь в него, они как в зеркале видят себя. Интересный для изучения тип людей.

ЖУХЛЫЙ — слово, намеренно несущее в себе уничтожающий оттенок для обозначения большинства населения, мечтающего быть выше других, но которых опережают те, кто в отвержении благочестия в высоком смысле этого слова выработали в себе подавляющие способности, сильное некрополе.

ИЕРАРХИЯ (гр. *hierarhia* <hieros священный + arche власть) — 1) расположение частей или элементов целого в порядке от высшего к низшему; 2) расположение служебных званий, чинов в порядке их подчинения (иерархическая лестница). Если же высказаться проще, то иерархия — это способ существования некрофилов по принципу: «ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак». Подсознательное одобрение таких взаимоотношений приводит к углублению, усилению уже существующего стремления к смерти, а в сексе — к садо-мазохизму, бесполом, в сущности, взаимоотношениям.

ИЗМЕНЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОЗНАНИЯ — состояние ума, отличное от обыденного. Состояния эти могут быть различными. Гипнотическое (в просторечии — *транс*) весьма близко к обыденному. Творческое — редкость, но позволяет познавать действительность как она есть.

ИНВЕРСИИ ПРИНЦИП — принцип, согласно которому фиксация на определенной проблеме у *однотипных* людей приводит к диаметрально противоположным манерам поведения. Скажем, девушка, подруга которой намного опередила ее с браком, может повсюду, не скрывая, говорить, что страстно хочет замуж, жаль только никто не берет, или *напротив*, томно будет говорить, что замуж не хо-о-очет, да и вообще, мужчины все проти-и-ивные. Некрофилка может превратить свою квартиру в помойку или, напротив, оберегая «стерильную» чистоту помещений, отравит существование мужу. Человек, который допустил травмы половой сферы, будет страдать импотенцией или гиперсексуальностью негенитального типа. Не стоит удивляться и тому, что популярный актер «вдруг» займется «духовной» практикой, требую-

щей ухода от людей, чем в очередной раз потрясет своих поклонников.

ИНДИВИД — не *личность* (см.).

ИНДУЦИРОВАННЫЙ БРЕД (от лат. *inductio* — возбуждение, наведение). — Если в семье у матери развивается безосновательный бред, что у нее, скажем, сифилис, то весьма вероятно, что вскоре такой же бред появится и у дочери.

ИСТЕРИКА — по традиции, уходящей во времена античности, считается, что это — «бешенство матки». Однако истерики бывают и у мужчин, и тоже анально-накопительского типа. Поэтому, по нашему мнению, если бешенство связывать с каким-либо органом, то это — **«бешенство ануса»**.

КОД — приказ, часто словесный, внедренный жертве на уровень подсознания, никоим образом жертвой непосредственно не осмысливаемый и на который чисто рациональным мышлением жертва воздействовать не может (функции разных полушарий мозга). Люди, причем все без исключения, являются носителями большего или меньшего числа кодов. У человека, свыше не рожденного, коды — единственное содержание сознания. Людей кодируют в бессознательном состоянии (отключена критическая функция интеллекта) — в беспамятстве, под наркозом, увлеченных *захватывающим* телевизионным сюжетом, при сдавливании в чреве матери. Если, предположим, во время беременности папа ударил маму сапогом в живот (случай, описанный в книге американца Хаббарда, — как он утверждает, нередкий), или она просто переела и при этом сказала: «Ой, я не могу в это поверить!» — то ребенок, повзрослев, всегда будет сомневаться и притом во всем: в возможности жизни на Марсе, в существовании положительного знания, обоснованности цены купленной вещи, в том, что произойдет с ним завтра. Коды вычищаются методом психокатарсиса.

КОПРОФИЛИЯ — любовь к испражнениям.

ЛАТЕНЦИЯ, ЛАТЕНТНЫЙ ПЕРИОД — период, в который полученный невроз себя не проявляет. Он может простираться на десятилетия до события, которое его «разбудит», рестимулирует некогда (и теперь) болезненную ситуацию, и человек «проваливается» в ситуацию далекого прошлого и начинает себя вести неадекватно, невротически.

ЛИБІДО — энергия любовного влечения. Термин введен в научный оборот Зигмундом Фрейдом.

ЛИЧНОСТЬ — человек, который встал на путь освобождения от манипулирования им яркими некрофилами. Это возможно только в содружестве с Богом, в живой с Ним связи.

ЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ — определение дать затрудняемся. Нечто, что отсутствует почти всегда у женщин, в особенности во время истерик. Часто отсутствует и у мужчин. Скорее всего, это та область сознания, которая оперирует не образами, а понятиями (словами, терминами).

МАГ (первоначальное значение на финикийском — сильный, крепкий человек). — Современные «белые» и «черные» маги в соответствии с библейскими пророчествами о последнем времени перерядились

в «христианские» одежды. В качестве аргумента о совместимости их состояния души с Христом они приводят 2 главу Евангелия от Матфея, в которой одними из первых поклониться Христу пришли маги (в русском переводе — волхвы) с Востока. Из этого, как они пытаются убедить, следует, что магизм вполне совместим со Спасителем. И им удается убедить в этом тех, кому неинтересно читать и перечитывать Слово Божье. Между тем, разобраться в особенностях языка Писаний легко. Например, в них рассказывается, что Христос и ученики отправились в дом к Симону прокаженному. Но этого, если Симон был, действительно, прокаженным, быть не могло. Во-первых, потому, что во всей Иудее не нашлось бы глупца, который отправился бы к *прокаженному*, возможно, заразаному; а во-вторых, потому, что *дома* у него ни в одном из селений быть не могло: прокаженных по закону Моисея из населенных пунктов изгоняли. Таким образом, становятся очевидными особенности языка, на котором написаны Евангелия: прокаженным мог называться человек, который *некогда* болел проказой, но который затем исцелился. Симона, видимо, исцелил Сам Христос, потому Он и был приглашен, и потому Он и восхотел уделить Симону внимание. Так же и маги. Поклониться Христу пришли люди с Востока, магизмом уже переболевшие. В определенном смысле, действительно, — маги.

МАНИПУЛИРОВАНИЕ — принуждение окружающих к поступкам или эмоциям, выгодным для принуждающего. Манипулирование может осуществляться разнообразно: путем создания «имиджа», на основании которого неопытный человек принужден сделать выгодный для манипулирующего вывод (переодевание), путем словесной игры (вражье), и наиболее эффективно — энергетическим воздействием некрополя.

НАРЦИССИЗМ — самолюбование, черта непременно присущая некрофилам любой степени яркости или жухлости. Скрывать эту черту характера в некрофилогенной культуре считается хорошим тоном. Термин произошел от имени Нарцисс. Юношу с таким именем прокляла богиня любви Венера за его равнодушие к влюбившейся в него нимфе. Проклятие включало предсказание того, что Нарцисс сам познает, что есть неразделенная любовь. И действительно, Нарцисс, наклонившись над зеркальной поверхностью воды, увидел свое отражение и в него влюбился, и от безответной любви исчах. На месте его смерти у берега ручья вырос цветок — нарцисс. Нарцисс был отнюдь не глуп — он прекрасно понимал, что влюбился в *свое* изображение.

НЕВРОЗ — повреждение человеческого естества, первоначально на психическом уровне. Невротические состояния свойственны всем без исключения людям и проявляются в обессиливании и неадекватности поведения. Неврозы бывают: ситуации, характера, народа и человеческой расы как целого. Кодирование матерью приводит к неврозу характера, а кодирование случайным индивидом — к неврозу ситуации. Освобождение от неврозов в общем случае — в молитве, в некоторых легких случаях — с помощью лечебного психокатарсиса.

НЕКРОЗ — отрицание.

НЕКРОПОЛЕ — энергетическое поле, несущее смерть. Победа сатаны в этом мире проявляется еще и в том, что ему через все возможные каналы «культуры» удалось внушить, что некрополе есть высшее проявление жизненной силы. Термины тоже придумывают привлекательные: скажем, холуйство с использованием гениталий называют родовым влечением, *сильным* чувством. Практически всегда некрополе выдается за *биополе*, на том двусмысленном основании, что носителем его являются «живые» люди. Некрополе — это то поле, поддавшись которому, человек становится объектом *манипуляций*.

НЕКРОФИЛ — человек, излучающий некрополе. Некрофиличность человека можно идентифицировать, рассматривая любую сферу его существования — манеру приема пищи, половые взаимоотношения, предпочтения в одежде, стиле жилья, взаимоотношения с сотрудниками и т. д. Иногда поступки бывают следствием инверсированных желаний, поэтому более надежный способ — анализ изменений в поведении тех, кто оказался рядом с изучаемым субъектом. Противоположность некрофилов — *биофилы*.

НЕКРОФИЛИЯ — любовь к мертвому, к смерти.

ОДИТОР — принятая в российских подразделениях Церкви саентологии (Хаббард-центры) транслитерация слова auditor — аудитор, ревизор (психики).

ПАРТНЕРЫ (в сексе, супружестве) — некрофилическая профанация изначального (от сотворения первых людей) феномена *половинок*. Видимость взаимодополняемости и сочетаемости достигается путем подавления воли менее некрофилического партнера — он становится всего лишь *дубликатом* «наездника». Расплата за профанацию — хотя бы уже в ограниченности восприятия мира партнерами: постижение мира идет не двумя сознаниями, а, по сути, только одним — только женским или только мужским. Партнерство — потуги изготовления «половинки» своими силами. *Половинки* же появляются *только* по сотворению — силой Божьей.

ПОЛОВИНКА. — «И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку... Потому оставит человек отца своего мать свою, и прилепится к жене своей; **и будут оба одна плоть**» (Быт. 2:22, 24). Во всех смыслах: энергетическом, ритмическом, психическом, духовном и так далее.

ПРИЗНАННЫЕ. — Жухлые не имеют собственного мнения и не в состоянии сообразить даже этого. За авторитеты они признают тех, кто в состоянии *внушать*, т. е. индукторов некрополя. Синоним признанных — *некрофилы*.

ПРОВИДЕНЬЯ «дар». — Обывателями признано, что радикулит («прострел») есть *следствие* надвигающегося изменения погоды, а больной — жертва. Однако психотерапевтическая практика Адлера показала, что часто реализуется совершенно иной механизм возникновения боли: человек, не желающий *созидательно* трудиться и ищущий логически убедительного оправдания своему безделью, выучивается заблаговременно угадывать изменения погоды и тем обретает повод имитировать освобождающие от работы боли в спине. Разумеется, что угады-

ванием погоды «мастер» не удовлетворится, но ему будут также милы, скажем, и так называемые «приметы» и т. д. Естественно, что именно целители, как яркие некрофилы, еще в детстве обнаружат у себя «дар» провиденья.

ПСИХОКАТАРСИС (*психо* — душа, *катарсис* — очищение). — Попытке разобраться, что это такое, и посвящена эта книга. Основа истинного психокатарсиса — принцип «суббота в *субботу*» (нелукавость, честность мышления). Мы не сомневаемся, что были, есть и будут приняты множество попыток доказать, что манипуляции с психикой, основанные на противоположном принципе, приводят, якобы, к тем же результатам, что и психокатарсис. Вполне возможно, что и само это слово уже имеет хождение в каких-то системах психотерапии.

ПСИХО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ТРАВМА. — Травма физического тела лишает человека здоровья, сил, возможностей. Аналогично и травма психо-мировоззренческая. Всякое заблуждение не нейтрально — оно обессиливает, причем методами психокатарсиса можно оценить, в какой степени (или в процентах). Заблуждение — это несчастье, именно поэтому оно — травма.

ПСИХОГЕННЫЕ СОМАТИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ (греч. *genos* — род, происхождение). — В прежние времена болезни, рассматриваемые как болезни исключительно тела, как впоследствии выяснилось, часто коренятся в травмах души.

ПСИХОЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ТРАВМА — устойчивое искажение энергетического поля человека. Такие травмы не только приводят к обессиливанию и болезням, но и к неадекватности поступков. Методами психокатарсиса могут быть вылечены быстро и эффективно.

РАНГ — численное значение, обратное значению математической вероятности. К примеру, если вероятность выпадения «орла» — 1/2, то ранг этого события — 2. Желательные события маловероятны, тем отчетливее это осознается через рассматривание их рангов.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ (лат. *rationalis* — разумный) — в психологии логическое оправдание и обоснование правильности неадекватного поведения. Скажем, если на сцене человеку, не имеющему ни малейшего отношения к технике, в состоянии гипноза внушить, что у него украли чертежи с ценнейшим изобретением, а затем его из состояния гипноза вывести, то человек впоследствии «вспоминает», что это были за чертежи, сколько было листов и какого формата. Он даже «вспоминает», при каких обстоятельствах эти чертежи у него похитили и тем объясняет обоснованность своего враждебного отношения к «похитителю». Люди в жизни сплошь и рядом «вспоминают». После свершения очередного диктаторского режима комсомольцы хором «вспомнили», что они всегда уважительно относились к «идее Бога».

РЕСТИМУЛЯЦИЯ — возврат в болезненную ситуацию, некогда способствовавшую искажению энергетического поля человека. Поводом к возврату может послужить любой на первый взгляд даже нейтральный предмет, скажем, особой формы стул, потому только, что подобный стул был в поле зрения в момент получения психоэнергети-

ческой травмы. Рестимуляторами могут быть запахи (скажем, ладана), звуки, и даже температура в комнате.

СЕКТА — сформировавшаяся иерархия, независимо от ее численности. Любая организация, совместимая с некрофилогенной культурой, стремится стать сектой и неизбежно в нее превращается.

СЕМЬЯ. — Как утверждают исследователи, в реальных семьях (не *половинки*. — *Прим. авт.*) или муж, или жена доминирует над вторым супругом. В главе «Комбинации эроса» показано, что если более некрофиличен муж, то жена считает себя «счастливой», ее тупость поражает соседей (чего она не замечает), к детям «справедливое» отношение. Если в семье более некрофилична жена, то муж или спивается, или становится на работе начальником, она же вечно чем-нибудь недовольна, сын метит в Наполеоны, но чаще в итоге просто спивается, а дочь — гипнабельна, болезненна и/или точная копия мамы. Любой из этих вариантов семей можно рассматривать как секту, выродившуюся (или еще не разросшуюся) до сверхмалого числа членов.

СТРАХ — состояние души, в котором человек становится более гипнабельным. Человек в состоянии страха не только непременно беззащитен перед подавляющей волей «вожака» и непременно оказывается в его стае (стаде, иерархии), но, главное, сам жаждет в этой чужой воле забыться. Те мыслители, которые видят общество как совокупность враждующих стай (иерархий), считают, что боящийся в толпе (стае, иерархии) пытается найти защиту. Такая формулировка подводит к ложному выводу, что человек авторитарного мышления вопрос «быть или не быть в стаде?» может решить самостоятельно. Но на самом деле человек, соглашающийся бояться, в выборе не волен. Страх, как о том пишет пророк Иеремиа, есть результат забвения первой заповеди Десятилетия: «не имей других богов». Поэтому не случайно со страниц Библии десятки, если не сотни раз раздается призыв: «Не бойся!» Отсутствие страха порождает не трюкачей (имитаторов отважности), но способных к генитальной любви людей.

СТРЕСС (от англ. *stress* — напряженное состояние) — совокупность защитных физиологических реакций, наступающих в организме животного или человека в ответ на воздействие неблагоприятных факторов (стрессоров) — холода, голода, психических и физических травм, облучения, кровопотери, инфекции и т. п.

СУПЕРВАЙЗЕР — инструктор в группе обучения (по сюжету книги, в Хаббард-центре).

СУФИЗМ — религиозно-мистическое течение в исламе.

СЧАСТЬЕ. — Термин несет в себе два совершенно противоположных смысла: общеизвестный (счастье в некрофильском понимании) и биофильный.

ТАЛИОНА ЗАКОН (от лат. *talio* — возмездие, равное по силе преступлению) — принцип равного воздаяния «око за око, зуб за зуб» (Исх. 21:24).

ТАНАТОС (от греч. *thánatos* — смерть) — термин, введенный Зигмундом Фрейдом для обозначения властвующего практически над всеми людьми влечения к смерти.

ТЕЛО ПАМЯТИ — условное обозначение пространства, в котором можно наблюдать психоэнергетические травмы, нанесенные извне. Это пространство, видимо, существенно превышает буквальное тело человека, но, поскольку наиболее значимые для человека травмы все-таки обнаруживаются внутри него, то термин «тело» нам кажется достаточно уместным. Слово «памяти» указывает на вторжение в настоящее прошлого, которое часто для настоящего является обузой. Понятие введено автором.

ТЕЛО МИРОВОЗЗРЕНИЯ (ТЕЛО СОЗНАНИЯ) — несет в себе уродства, которые человек *нанес себе сам*, делая противные Истине умозаключения. Образы тела мировоззрения конкретны, и подсознание человека в состоянии непосредственно оценить долю пережигаемой этими уродствами энергии. Понятие введено автором.

ТЕЛО ФИЗИЧЕСКОЕ — определение дать затрудняемся, но, видимо, оно должно быть сходно с тем, как определил человека Сократ: «Человек — это на двух ногах и без перьев».

ФИКСАЦИЯ — прекращающаяся ориентация в переживаниях, мыслях и действиях на некую установку, код, травму.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА — некий общий для значительной группы людей (народ, вся популяция) *символ подсознания*, обозначающий индивидов, деградировавших до опасного для окружающих уровня некрополя. Символ раскрывает сущность, подчас скрываемую. На первый взгляд может показаться неожиданным, что через этот символ подсознание многих людей раскрывает тех, о которых так много пишут, и кем принято восхищаться: властителей, артистов, врачей, чемпионов, целителей, трупорезчиков, преступников, национальных героев. Но подсознание небезосновательно часто оценивает этих индивидов как лишенных признаков *личности*. Наиболее близкие символы — человек в маске или вообще без головы.

ЭВФЕМИЗМ (греч. *euphemismos* — хорошо говорю) — более мягкое слово или выражение вместо грубого или непристойного, напр. «не сочиняйте» вместо «не врите». Привычка изъясняться эвфемизмами была уже у древнегреческих риториков и философов. Это было созвучно всем прочим их антихристианским убеждениям, таким как превозношение «хороших» домоправителей, которые умеют держать в узде большие массы рабов и при случае подавлять их восстания. Для объявляющих подавление добродетелью всякое корректное, точное слово, как и вообще всякая истина, чуждо, им больше нравится матерщина, «канцелярит» и язык дамских журналов (инверсированная матерщина). Именно борьбой за чистоту нравов объясняли средневековые католики запрет читать Библию: их оскорблял точный язык пророков. Однако эвфемизмы не более чем форма сквернословия. Представьте себе, что очередной Гитлер начинает сколачивать штурмовые отряды, чтобы захватить власть — проливает кровь миллионов людей и при этом увлекает еще большее число миллионов лживыми посулами, а некто, все понимающий, толпе, в последний раз еще готовый внять голосу разума, вместо того чтобы говорить прямо и честно, начинает тянуть: «Э-э-э... Приукрашивает... Э-э-э...» Это сквернословие. Гитлер врал.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-СТРЕССОВЫЕ (ЭМОЦИОНАЛЬНО-АФФЕКТИВНЫЕ) СПОСОБЫ ЛЕЧЕНИЯ. — «Лежи и не вставай!» — было внушено некогда человеку, который в настоящий момент парализован, — он и не встает. Приходит другой гипнотизер, который делает другое внушение: «Не обращай внимания на предыдущий приказ! Встань и ходи!» — и несчастный встает и ходит. Несчастный же он потому, что теперь два приказа искажают целостность его энергетического поля. Ходить-то он ходит, но обмен веществ у него нарушен вдвойне, что неминуемо приводит к болезни внутренних органов: почек, печени и т. д. Эти способы используются или в явной форме (целители) или в скрытой (фитотерапия, уринотерапия, мануальная терапия, психоанализ, лечение с помощью плацебо и т. п.).

ЯРКИЙ НЕКРОФИЛ — некрофил, способный подчинить себе и заставить восхищаться собой других некрофилов, во всяком случае, большее количество, чем может подчинить индивид среднестатистический.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вводная глава. И в горах тоже! 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОСТРАНСТВО ПСИХОКАТАРСИСА 23

А помнишь? (25). Половинка (31). Невроз (32). Тело памяти (37). Камень с души (38). Двигаемся дальше (42). Стадия четвертая – и последняя (44). Некрофилия (47). Страстная любовь, которую так не любил Лев Толстой (72). Гитлер и его женщины (83). Отец народов (100). Дети мои! Женщины пахнут! (112). Комбинации эроса *или* Чем любовь отличается от любви (123). Опять постель (153). Когда героиня становится героиней *или* Где обитают сказочные принцессы? (156). Весы и офицерские дочки (167). Жив Господь! (196).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МЕТОД ТОЛСТОГО 207

Я – честная женщина (209). Анатолий (217). Так кого же любил Лев Толстой? (229). Неизвестное преступление Толстого (240). Ваничка был пятым (252). Фарфоровая кукла (255). Отец Сергий (259). Единственное незавершенное дело Льва Николаевича (269). Генеральное сражение Пьера (276).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ИЗ ПРАКТИКИ ПСИХОКАТАРСИСА. СЛУЧАЙ ПОЛОВИНКИ. ОНА. 285

Комплекс кастрации у женщин *или* Как психоаналитики пытаются объяснить, почему люди столь скверно живут в супружестве (287). Семья (302). Центр (307). Ты меня употребишь – и бросишь (*Техника психокатарсиса*) (311). Ссоры-1 (*Техника психокатарсиса*) (314). Модный доктор (322). Скрытые кодировки (*Техника психокатарсиса*) (331). Судьбообразующий фактор (351). Что есть истина *или* Как убивали чемпиона по каратэ (357). Ссоры-2 (*Техника психокатарсиса*) (370). Тело

мировоззрения, смерть Иуды *или* Психокатарсис как миссионерское действо (378). Чудотворение (390). Основная проблема психокатарсиса (405). Молитва как психокатарсис (411). Браслеты от Костика (*Техника психокатарсиса*) (423). Шестерня от матери (*Техника психокатарсиса*) (435). Брат (441). Групповой «секс» (461). А ведь это была победа! (467). Сильное «биополе» (483). Что рассказала жена брата (503). Итак... (516).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ.

ЧУДО ПСИХОКАТАРСИЧЕСКОГО ЗНАКОМСТВА 523

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ИЗ ПРАКТИКИ ПСИХОКАТАРСИСА.

СЛУЧАЙ ПОЛОВИНКИ. ОН. 555

Великая блудница (557). Первая «любовь» (563). Золотая рыбка (566). Синдром учительницы и священника (569). Эволюции эротических предпочтений (574). Характерная деталь (593). Шабаш (597). «Нет ничего нового под солнцем!...» (598).

Заключительная глава. Письмо 609

СЛОВАРЬ (Глава, крайне необходимая для повторения введенных в книгу понятий и содержащая также некоторые новые сведения) 618

Алексей Меньяйлов

КАТАРСИС
Подготовная любви

Психоаналитическая эпопея

Компьютерный набор — *Автор* и его *Возлюбленная*

Литературное и техническое редактирование,
корректурa и прочие измывательства над *Автором*,
а также изготовление оригинал-макета —
Л. М. Бельский

Подписано в печать 27.01.97. Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Петербург. Усл. печ. л. 40. Уч.-изд. л. 41,1.

ISBN 5-232-00518-9